Pamjatniki

4° Russ.
59 r/1

<36615077250012

<36615077250012

Bayer. Staatsbibliothek

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ

СЪ

ДЕРЖАВАМИ ИНОСТРАННЫМИ.

722.
И. V. 6141

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ

СЪ

ДЕРЖАВАМИ ИНОСТРАННЫМИ.

НАРОДНОГО
СОВЕТА
БИБЛИОТЕК
СЕВЕРНОГО РАЙОНА

ПО

ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ИЗДАННЫЕ

II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

9. т. 5176

ОФМБ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft

Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ

съ

Державами иностранными.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

СНОШЕНІЯ СЪ ГОСУДАРСТВАМИ ЕВРОПЕЙСКИМИ.

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

съ

ИМПЕРІЕЮ РИМСКОЮ.

ТОМЪ I.

(съ 1488 по 1594 годъ).

J.n.5176

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

НАПРАВЛЕНО
В ОБМЕННЫЙ ФОНД

203
31

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

БИБЛИОТЕКА НАРОДНОГО ... СОВЕТА СЕВЕРНОГО РАЙОНА

Въ Московскомъ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранились до настоящаго времени памятники сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Сіи памятники, извѣстные какъ въ прежнее, такъ и въ настоящее время, подъ названіями *посольскихъ дѣлъ*, *статейныхъ списковъ и посольскихъ книгъ*, заключаютъ въ себѣ подлинныя и подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ иностранныхъ пословъ при Русскомъ Дворѣ и Русскихъ пословъ при дворахъ иностранныхъ, распоряженія о пріемахъ и отпускахъ пословъ, переговоры съ ними, наказы Русскимъ посламъ, ихъ отчеты о дѣйствіяхъ при дворахъ иностранныхъ, и наконецъ самыя грамоты, составляющія переписку Русскаго Двора съ иностранными державами.

Начинаясь съ первыхъ годовъ государствованія Великаго Князя Іоанна III-го Васильевича, сіи рукописи о посольскихъ дѣлахъ простираются почти непрерывно до послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго, когда уничтоженъ Посольскій Приказъ и всѣ дѣла подлежавшія его вѣдѣнію переданы Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Не смотря на пожары, коимъ столь нерѣдко подвергались Московскіе Приказы, каковы были

напримѣръ въ 1626 году, и на опустошенія, какъ въ 1612 году, когда Поляки, разграбивъ Архивъ Посольскаго Приказа, увезли съ собой большую часть дѣлъ касающихся Польши, сіи дѣла сохранились еще въ огромномъ количествѣ до нашего времени, какъ въ книгахъ, такъ и въ столбцахъ и могутъ быть признаны обильнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній для исторіи дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными.

До нынѣ весьма не многія изъ сихъ рукописей были изданы, большею частію по спискамъ неоффиціальнымъ, и въ отрывкахъ (*). Изъ нашихъ историковъ кн. Щербатовъ и Н. М. Карамзинъ пользовались самими рукописями, но также не всѣми, а лишь нѣкоторыми. По онымъ Д. С. С. Бантышъ-Каменскій составилъ свое «Сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между Россійскими Монархами и Европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ»— и сочиненіе о сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ. Но извлеченія имъ сдѣланныя довольно кратки и сіи сочиненія его доселѣ еще не изданы. Вообще сіи памятники представляющіе одну, такъ сказать, изъ сторонъ государственной жизни древней Россіи, то есть, всѣ ея отношенія къ другимъ государствамъ, оставались неизвѣстными бо̀льшей части читающей публики, даже и тѣмъ кои въ особенности занимаются изученіемъ Исторіи. Нынѣ когда сія Исторія сдѣлалась у насъ предметомъ, можетъ быть, наиболѣе привлекающимъ общее вниманіе, изданіе столь любопытныхъ и столь важныхъ для нее памятниковъ,

(*) Древняя Вивліоѳика т. IV и XII.—Прибавленія къ древней Вивліоѳикѣ т. VII — XI.—Временникъ Имп. Москов. Общества Исторіи и древностей. N 8. 1850 г.—Записки Одесскаго общества Исторіи и древн. т. II.

не только желательно а почти необходимо, но по многочисленности ихъ не могло быть предпринято частными людьми. Для сего нужно было и дозволеніе и содѣйствіе Правительства;— Государь Императоръ въ Своей постоянной попечительности о всемъ, что способствуетъ распространенію полезныхъ знаній, повелѣлъ приступить къ напечатанію актовъ о дипломатическихъ сношеніяхъ древней Россіи съ державами иностранными. Сія работа поручена II-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (*).

Въ сихъ актахъ заключаются:

1) Описаніе пріемовъ, дѣйствій и отпусковъ иностранныхъ пословъ въ Россіи и

2) Описанія отправленій и отчетовъ о дѣйствіяхъ нашихъ пословъ въ иностранныхъ государствахъ.

Наши посольства были по большой части поводомъ къ отправленію пословъ иностранныхъ державъ въ Россію, такъ что послы наши нерѣдко возвращались вмѣстѣ съ послами иностранными, которымъ поручалось отъ ихъ Правительствъ продолженіе начатыхъ нашими переговоровъ. Равнымъ образомъ и иностранныя къ намъ посольства вызывали, такъ сказать, въ отвѣтъ посольства съ нашей стороны. По сему

(*) Составленіе копій съ подлинныхъ рукописей, производится подъ надзоромъ Кн. Оболенскаго, чиновниками Московскаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ; а приготовленіе рукописей къ изданію и самое изданіе чиновникомъ II-го отдѣленія Поповымъ и Чиновникомъ Консультаціи, при М. Юст. учрежденной, Тюринымъ.

описанія дѣйствій иностранныхъ посольствъ у насъ и нашихъ при дворахъ иностранныхъ всегда почти соединяются въ одно цѣлое и безъ нарушенія особеннаго характера сихъ древнихъ рукописей, они не могли быть раздѣлены при настоящемъ изданіи ихъ въ свѣтъ.

Раздѣленіе посольскихъ сношеній по государствамъ, какъ раздѣляются они въ самыхъ рукописяхъ, сохранено и въ семъ изданіи. Представлявшуюся сначала мысль о раздѣленіи ихъ по эпохамъ или царствованіямъ, для лучшаго означенія духа и характера каждой эпохи, каждаго изъ царствованій, должно было въ послѣдствіи оставить, по встрѣтившимся затрудненіямъ и самой невозможности разрывать начатую иногда при одномъ Государѣ и продолжавшуюся при наслѣдникѣ его негоціацію. Но при семъ слѣдовало отличать три особые сихъ рукописей разряда:

1) О посольскихъ сношеніяхъ съ государствами Европейскими, къ коимъ относятся переговоры съ Римскою или Нѣмецкою Имперіею (съ 1488 по 1700 годъ), съ Дворомъ Папскимъ (1580—1582), съ Англіею (1589—1689), съ Голландіею (1630—1695), съ Голстиніею (1634—1642), съ Даніею (1559—1698), съ Франціею (1615—1688) и Испаніею (1667—1688), съ Мальтою (1697—1699), съ Польшею (1487—1701), съ Бранденбургомъ (1516—1689), съ Венеціею (1656—1688), съ Государями Тосканскими (1659—1663) и съ Швеціею (1555—1699).

2) О посольскихъ сношеніяхъ съ государствами Азіатскими, къ которымъ относятся сношенія съ Грузіею (1586—1693), Бухарою (1619—1678), Хивою (1670—1691), Персіею (1588—1692), Китаемъ (1654—1692), и сверхъ того, хотя не по географическому положенію сихъ странъ, но по характеру ихъ Правительствъ и народовъ, съ Крымомъ (1474—1695), съ Турціею

(1512—1700) и подвластными ей княжествами Молдавіею и Валахіею (1643—1691), съ Нагайцами (1489—1661) и Калмыками (1630—1677).

3) Наконецъ о сношеніяхъ Россіи съ властями Церкви Православной на востокѣ, патріархами и монастырями (1509—1695).

Всѣ сіи Рукописи принадлежали къ общему составу Архива Приказа Посольскаго.

До учрежденія сего Приказа, сношеніями съ державами иностранными завѣдывали назначаемые для того ближніе бояре и Государевы дьяки подъ руководствомъ самихъ Великихъ Князей Московскихъ. Всѣ распоряженія по дѣламъ посольскимъ производились «у Государя въ верху» т. е. во Дворцѣ. При Іоаннѣ IV-мъ была для того отведена во Дворцѣ особая палата, названная *посольскою;* а при сынѣ его Өеодорѣ Іоанновичѣ дѣла изъ сей палаты перенесены въ сооруженное тогда зданіе *Приказа Посольскаго.* Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ для сего Приказа построено новое зданіе въ Кремлѣ: оно названо въ 1667 году *Государственнымъ Приказомъ посольскія печати;* потомъ (въ 1700 году) переименовано въ Посольскую Канцелярію, а въ 1720 въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ.

Объ устройствѣ и управленіи сего Приказа сохранилось мало извѣстій. По находимымъ въ самыхъ дѣлахъ онаго не многимъ сохранившимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ указаніямъ и по расказамъ Коташихина, видно что сей Приказъ до 1667 года былъ подъ управленіемъ не бояръ, а дьяковъ, также какъ и Разрядъ, и въ семъ отношеніи онъ отличался отъ другихъ Приказовъ. Его начальникомъ считался самъ,

Царь и потому Посольскій Приказъ стоялъ, такъ сказать, выше другихъ и даже многіе изъ нихъ, въ разныя времена, подчинялись его управленію. Дьяки, управлявшіе симъ Приказомъ назывались вообще дьяками посольскими, но иногда имъ давались и другіе наименованія. Въ 1561 году Иванъ Михайловичь Висковатый назывался дьякомъ и печатникомъ, Андрей Яковлевичь Щелкаловъ въ 1583 году казначеемъ и думнымъ дьякомъ, а съ 1587 ближнимъ большимъ дьякомъ также какъ и братъ его Василій; въ 1595 году сей Василій наименованъ печатникомъ и посольскимъ дьякомъ; въ 1641 году дьякъ Өедоръ Лихачевъ носилъ званіе печатника и дьяка думнаго. Одинъ изъ сихъ дьяковъ былъ почитаемъ главнымъ и засѣдалъ въ боярской Думѣ, другіе—его товарищами; въ 1665 году посольскому дьяку велѣно по указу царскому писать «думному дьяку Ивану Александрову съ товарищи». По свидѣтельству Коташихина, начальный или главный дьякъ назывался думнымъ, а другіе просто дьяками посольскими, для отличія отъ дьяковъ засѣдавшихъ въ другихъ Приказахъ. Наконецъ въ 1667 году Царь Алексѣй Михаиловичь указомъ 17 Іюня (*) начальникомъ Посольскаго Приказа, коему въ то время дано наименованіе Государственнаго Приказа посольскія печати, назначилъ Аөонасья Лаврентьевича Ордына-Нащокина, который писался *ближнимъ бояриномъ*

(*) «175 года Іюня въ 17 день Великій Государь Царь и Великій Князь « Алексѣй Михайловичь всеа Великія и малыя и бѣлыя Россіи Само«держецъ указалъ Малороссійскаго Приказу городы и всякія дѣла и «Владимирскую и Галицкую чети, вѣдать въ посольскомъ Приказѣ бо«ярину Афанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, да думнымъ дья«комъ Герасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму «Юрьеву, а дьяку Ивану Михайлову въ томъ приказѣ не быть». Подлинникъ сего указа хранится въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ.

намѣстникомъ Шацкимъ и царственныя большія печати и государстенныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ. Послѣ Ордына-Нащокина управляли Посольскимъ Приказомъ Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, Василій Семеновичь Волынскій и князья Василій и Алексѣй Васильевичи Голицыны. Послѣ отрѣшенія Голицыныхъ въ 1689 году дѣлами Приказа управляли дьяки до 1700 года, когда бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичь Головинъ назначенъ былъ начальникомъ Посольскаго Приказа. При немъ сей Приказъ уже былъ переименованъ въ Посольскую Канцелярію. Дьяки, коими производились дѣла въ Посольскомъ Приказѣ, и кои участвовали болѣе или менѣе въ переговорахъ съ иностранными послами иногда сами были отправляемы посланниками къ державамъ иностраннымъ или же товарищами пословъ.

Подъ начальствомъ сихъ дьяковъ находились подъячіе, изъ которыхъ назначались бóльшею частію въ дьяки, какъ сіе видно по спискамъ именъ сохранившихся въ дѣлахъ Приказа Посольскаго. Они вѣдали всю письменную часть Приказа, довольно обширную, и кромѣ текущихъ дѣлъ имъ поручалось составленіе грамотъ къ правительствамъ иностраннымъ, веденіе посольскихъ книгъ по сношеніямъ съ разными державами, выписки изъ лѣтописцевъ о которыхъ упоминается въ переписныхъ книгахъ дѣлъ Посольскаго Приказа. Сіи выписки были руководствомъ при переговорахъ съ державами иностранными, ибо при оныхъ Дворъ Московскій наблюдалъ, какъ постоянное правило сохранять, весь прежній порядокъ и поддерживать прежнія отношенія или домогаться установленія другихъ болѣе выгодныхъ для Россіи.

Подьячіе принадлежали къ разнымъ столамъ и повытьямъ, на которыя раздѣлялся Приказъ Посольскій. Въ дѣлахъ онаго упо-

минаются столы: судный, денежный, Смоленской, и всякихъ дѣлъ; повытья: Крымское, Малороссійское, Цесарское. Подъячимъ Приказа также давались иногда и другія порученія: они были отправляемы гонцами въ разныя государства или же назначаемы къ посламъ и посланникамъ для письмоводства; ихъ отправляли и въ разные Русскіе города и волости для приведенія къ присягѣ на вѣрность, и т. д.

При Посольскомъ Приказѣ состояли сверхъ того переводчики и толмачи. Во время Царя Алексѣя Михайловича, по свидѣтельству Коташихина, при семъ Приказѣ считалось до 50 переводчиковъ и 70 толмачей. Занятія ихъ онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ ра-«бота по вся дни, когда прилучатся изъ окрестныхъ государствъ «всякіе дѣла. Также старыя письма и книги велятъ переводити для «испытанія, кто каковъ къ переводу добръ и потому имъ жало-«ванье дается; а переводятъ сидячи въ Приказѣ, а на дворы имъ «самимъ великихъ дѣлъ переводити не даютъ, потому что опа-«саются всякіе порухи отъ пожарнаго времени и иные причины. «Да они жъ толмачи днюютъ и ночуютъ въ Приказѣ, человѣкъ по «10 въ сутки и за дѣлами ходятъ и въ посылки посылаются во «всякіе; да они жъ, какъ на Москвѣ бываютъ окрестныхъ госу-«дарствъ послы, бываютъ приставлены для толмачества и кор-«моваго и питейнаго сбору».

Въ Посольскомъ Приказѣ *вѣдомы*, какъ говоритъ тотъ же Коташихинъ: «дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ, и пословъ чю-«жеземныхъ принимаютъ и отпускъ имъ бываетъ, также и Рус-«скихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ посылаютъ, въ кото-«рое государство прилучится, отпускъ имъ бываетъ изъ того

«же Приказу». Въ немъ хранились большая Государственная печать, которая была прикладываема къ грамотамъ посылаемымъ къ иностраннымъ державамъ и другая малая, для грамотъ жалованныхъ на вотчины и грамотъ посылаемыхъ къ Хану Крымскому и Калмыкамъ; о чемъ также свидѣтельствуетъ Кота-шихинъ. Кромѣ дѣлъ по сношеніямъ съ державами иностранными по пріемамъ и отпускамъ пословъ, Приказъ Посольскій имѣлъ важное значеніе и во внутреннемъ управленіи Государства. Въ зависимости отъ него были иногда, какъ замѣчено выше, нѣкоторые другіе Приказы, коихъ число измѣнялось по временамъ. Въ указѣ Царя Алексѣя Михаиловича 1667 года, упомянуты Владимірская и Галицкая Четверти и Приказъ Малороссійскій; въ указѣ 1685 года 10 Марта говорится о Приказахъ Малороссійскомъ, Смоленскомъ и Новгородскомъ; изъ дѣлъ Приказа видно, что въ его вѣдомствѣ состояли Четверть Новгородская, Устюжская, Галицкая, Владимірская, и Приказы Великороссійскій, Малороссійскій и Великаго Княжества Литовскаго.

Отношенія сихъ Приказовъ и Четвертей къ Посольскому и степень ихъ зависимости отъ онаго довольно трудно опредѣлить, по недостатку указаній въ источникахъ. Дьяки посольскіе управляли иногда сими Приказами и Четвертями, но оные не безпрерывно находились въ зависимости Посольскаго Приказа, и сверхъ того города иногда переходили изъ вѣдомства одной Четверти въ другую. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ явно замѣтна сія подчиненность; но однакожъ нерѣдко бывало, что сіи Приказы и Четверти дѣйствовали независимо отъ него, особенно въ отношеніи къ денежнымъ доходамъ, въ которыхъ они не давали никакихъ отчетовъ Приказу Посольскому. Исключеніемъ изъ сего представляются такъ называемыя *полоняничныя* деньги, которыя поступали для расхода въ Приказъ Посольскій, по словамъ Коташихина

«со всего Московскаго Государства, съ царскихъ дворцовыхъ и съ черныхъ волостей, и съ помѣщиковыхъ и съ вотчинниковыхъ крестьянъ, и съ бобылей, на окупъ плѣнныхъ тѣхъ, которые бываютъ въ Крыму и въ Турецкой землѣ, погодно по указу».

Въ непосредственномъ вѣдѣніи Посольскаго Приказа находились:

1) Служащіе въ Посольскомъ и въ подвѣдомственныхъ ему Приказахъ, переводчики, толмачи и подъячіе, которые въ семъ Приказѣ были вѣдомы по суду и расправѣ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ татебныхъ и разбойныхъ.

2) Торговые иноземцы въ дѣлахъ между собою и съ Русскими, Татарскіе Цари и Царевичи и Мурзы *большіе*, вступившіе въ подданство Россіи и жившіе *на корму*, или *испомѣщенные* въ разныхъ городахъ, а равно и Татары вступившіе въ Русскую службу; Донскіе козаки, доктора, аптекари и аптеки, лекари и комедіянты, (иностранцы въ Русской службѣ Полковники и Ротмистры были также вѣдомы въ посольскомъ Приказѣ, до учрежденія для нихъ особаго Приказа подъ названіемъ иноземнаго).

3) Иностранная почта и отправленіе писемъ за границу.

4) Рускіе молодые люди, отправлявшіеся въ чужіе краи для воспитанія.

5) Плѣнные и денежный сборъ для ихъ выкупа простиравшійся иногда (какъ въ 1556 году) до 14,500 руб. и болѣе.

6) Именитые люди Строгоновы со всѣми ихъ вотчинами и соляными варницами.

7) Денежные сборы съ Романова посада, таможенные сборы города Вязмы, прибыль съ кружечныхъ дворовъ въ Касимовѣ,

Елатмѣ и селѣ Ерахтурахъ (*), потому что сіи сборы были употребляемы на расходы Посольскаго Приказа.

Впрочемъ главнѣйшій предметъ вѣдомства и дѣйствій Посольскаго Приказа, составляли дѣла по сношеніямъ съ иностранными державами. Всѣ они продолжаясь почти непрерывно, въ теченіе времени которое мы наименовали Московскимъ періодомъ нашей исторіи, представляютъ подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ какъ съ Европейскими, такъ и съ Азіатскими государствами. Въ нихъ заключаются и свѣденія о формахъ и церемоніяхъ, коими сопровождались пріемы, отпуски пословъ и переговоры съ ними.

Сіи формы или обряды измѣнялись въ нѣкоторыхъ подробностяхъ; они бывали болѣе или менѣе сложны и пышны, смотря по времени и по значенію иностранныхъ державъ и самихъ пословъ ихъ; въ сущности однакожъ имѣли постоянно тотъ же характеръ во все продолженіе времени отъ Іоанна III до Петра Великаго.

Объ нихъ говорятъ и многіе иностранные о Россіи писатели. Нѣкоторые, каковы суть: Герберштейнъ Олеарій, Францискъ де Колло и др. были сами послами; иные, какъ Теннеръ, принадлежали къ посольствамъ. Свѣдѣнія о семъ, еще гораздо болѣе подробныя, мы находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Коташихина о Россіи временъ Алексѣя Михаиловича. Какъ тѣ такъ и другія почти совершенно, за исключеніемъ немногихъ и неважныхъ подробностей, сходны съ показаніями посольскихъ книгъ. Отправляемые нашими Царями къ иностраннымъ Правительствамъ дипломатическіе Агенты были трехъ не равныхъ степеней: *Послы*, которые назывались иногда великими,

(*) Ерахтуры или Ярахтуръ дворцовое село, нынѣ въ Рязанской Губерніи въ уѣздѣ Касимовскомъ: часть его была пожалована Князю П. И. Голицыну.

большими и полномочными, *Посланники* и *гонцы* или, какъ иногда пишутъ, *легкіе гончики.*

По важности значенія пословъ съ ними отправлялась и свита болѣе или менѣе многочисленная и болѣе или менѣе драгоцѣнные подарки соболями и иными предметами для иностранныхъ Государей, смотря по положенію иностранной державы и свойству сношеній ея съ Россіею. Посламъ назначались кормъ и жалованье на два года впредь и сверхъ того годовое жалованье на подъемъ. Тѣмъ, какъ говоритъ Коташихинъ: «которые «люди новы къ посольскому дѣлу, нарядами, платьемъ и конскою сбруею незаводны, даются царскіе лошади со всею служ- «бою, а къ платью и на шапки запоны и иные наряды и служи- «лая рухлядь берутъ они на съѣздъ и займуютъ у своей братіи, «кто кому друженъ. А какъ они пріѣдутъ съ службы и то что у «Царя возмутъ отдаютъ назадъ, или развѣ чѣмъ кого за службу «Царь пожалуетъ во вѣки».

Посламъ при отправленіи давались наказы и грамоты къ иноземнымъ Государямъ изъ Посольскаго Призака. Въ сихъ наказахъ означалось во первыхъ, какъ кто долженъ дѣйствовать въ чужой землѣ; во вторыхъ, что они должны говорить на совѣщаніяхъ.

Къ Владѣтелямъ тѣхъ Государствъ, чрезъ которые они должны были только проѣхать въ продолженіе пути, посылались съ ними грамоты на проѣздъ; послы, по прибытіи на границу Государства, съ которымъ они долженствовали быть въ сношеніи, отправляли дворянина къ воеводѣ ближайшаго города извѣстить о своемъ пріѣздѣ и просить подводъ и корма. Та-

кимъ же порядкомъ они извѣщали и о прибытіи въ мѣсто пребыванія Правительства, къ коему были посланы, и чрезъ нѣсколько дней потомъ просили аудіенціи у Государя. Порядокъ представленія также означался въ наказахъ и долженъ былъ строго соблюдаться послами, которымъ воспрещалось дѣйствовать и даже говорить вопреки прямымъ, даннымъ въ ихъ руководство предписаніямъ.

При представленіяхъ впереди пословъ должно было нести подарки, потомъ грамоты, и послы никого кромѣ дворянъ посольскихъ не должны были брать съ собою во Дворецъ. Подходя къ Государю послы должны были говорить рѣчь, по статьямъ, одинъ въ слѣдъ за другимъ по очереди слѣдующимъ порядкомъ.

Послѣ титула говорилъ первый: «къ Вашему Величеству при«слалъ насъ Государь Царь и Великій Князь своихъ царского «величества великихъ и полномочныхъ пословъ съ своею грамо«тою и велѣлъ поклонитися и своего Царскаго Величества здо«ровье сказати и Вашего Величества здоровье видѣти». Послѣ отвѣта на поклонъ, товарищь посла на вопросъ о здоровьѣ Царя говорилъ: «какъ мы поѣхали отъ Великаго Государя и его Цар«ское Величество на своихъ великихъ Государствахъ Россійскаго «Царствія Богъ далъ здорово». Въ слѣдъ за тѣмъ второй товарищь посла подавая грамоту говорилъ послѣ титула: «Великій «Государь къ Вашему Величеству прислалъ свою любительную «грамоту». За тѣмъ если былъ еще товарищь при послѣ, то, отдавая подарки, онъ долженъ былъ говорить тѣмъ же порядкомъ: «Его Царское Величество Вашему Величеству посылаетъ «свои любительные поминки». Если же такого товарища не было, то представлялъ подарки самъ посолъ. Рѣчи касавшіеся пред-

мета посольства также были заранѣе составлены и вписаны въ наказы. Послы говорили ихъ самимъ Госурарямъ или ближнимъ *думцамъ*.—*Разговорныя* же рѣчи имъ предписывалось говорить *остерегаяся, съ вымышленіемъ* т. е. обдуманностію, и вообще вести себя *разумно и вѣжливо*, чтобъ было Царскому Величеству *къ чести и повышенію*.

При представленіяхъ и обѣдахъ предписывалось посламъ какъ непремѣнное правило требовать, чтобы при семъ случаѣ не присутствовали посланники другихъ державъ. За столомъ они должны были прежде пить за здоровье Царя, а потомъ уже того Государя, въ чьей державѣ они находились. Сіе правило однакожъ не всегда могло быть вполнѣ соблюдаемо (*).

При отправленіи пословъ на *посольскіе съѣзды* для заключенія мира, наблюдались нѣкоторые особые обряды. По свидѣтельству Коташихина «съ ними посылаются образы древняго письма, обложены золотомъ и серебромъ, съ жемчугомъ и съ каменьемъ: и тѣ образы съ иными многими образами и со свѣщами Царь и Патріархъ и Митрополиты и весь о священный чинъ и бояре и всякого чину люди изъ Москвы провожаютъ пѣши до тѣхъ мѣстъ, гдѣ чужеземныхъ пословъ принимаютъ». Послѣ молебствія прикладываются къ образамъ, послы прощаются съ Государемъ и отправляются въ путь, ходъ съ образами возвращается въ Москву. Такимъ же порядкомъ производилась и встрѣча пословъ, возвращавшихся по заключеніи мира.

(*) Гонцы обыкновенно не имѣли права вести словесно переговоры, не могли и требовать личнаго представленія Государямъ; они должны были только отвести грамоты и вручить ихъ Государю, если онъ заблагоразсудитъ принять ихъ, или же ближнимъ его людямъ.

Во время переговоровъ на съѣздахъ, по свидѣтельству того же писателя, посламъ прежде всего повелѣвалось «ссылаться листами въ которыхъ мѣстѣхъ съѣхатися ближе»— потомъ, съѣхавшись въ одномъ мѣстѣ, имъ повелѣвалось «шатры ставити поровну, полами вмѣстѣ или избы сдѣлавъ, а межъ ними сѣни обчіе; и въ тѣхъ обчихъ полахъ или сѣнѣхъ посломъ съ послами сходитися и сшедчися напередъ бы рѣчи говорили они Русскіе послы, а потомъ размѣнились вѣрюшими грамотами, а сверхъ того и о дѣлахъ бы говорили, о чемъ имъ наказано». Переговоры производились на основаніи наказовъ, и если чего въ наказахъ опредѣлено не было, послы обязаны были давать о томъ знать въ Москву и дожидаться царскаго рѣшенья. По окончаніи переговоровъ писались «записи мирнаго постановленіи» и послы обѣихъ Державъ «цѣловали крестъ» объ исполненіи постановленнаго.

Въ наказахъ посламъ отправляемыхъ въ иностранныя Государства, постановлялись бо̀льшею частію одинакія правила дѣйствія; и хотя порядокъ пріемовъ и отпусковъ пословъ въ разныхъ государствахъ былъ различный, но въ отношеніи къ пріѣзжавшимъ въ Россію чужеземныхъ посламъ сей порядокъ былъ всегда тотъ же.

Когда они пріѣзжали къ границамъ Россіи и увѣдомляли о своимъ прибытіи воеводъ ближайшихъ городовъ, воеводы долженствовали узнать какого рода были сіи пріѣзжіе: послы, посланники или простые гонцы, и немедленно отправить свѣдѣніе о томъ въ Москву. По распораженію самаго Государя назначался приставъ для встрѣчи пословъ и путешествія съ ними до Москвы. Ему также давались наказъ и грамоты къ воево-

дамъ, которые должны были доставлять подводы и кормъ послу по росписямъ, посылаемымъ также изъ Москвы. Пріѣхавъ въ пограничной городъ, гдѣ послы ожидали его, приставъ долженъ былъ явиться къ нимъ и сказать: «Божіею милостію Великаго Государя Его Царскаго Величества бояре или околничіе велѣли мнѣ тебя встрѣтить, и съ тобою къ Москвѣ ѣхати, и кормъ и подводы дорогою давати». Въ дорогѣ имъ предписывалось «береженье къ посламъ держати, чтобъ имъ нигдѣ и ни чемъ безчестья никотораго не было»—но съ тѣмъ вмѣстѣ и наблюдать, чтобы *они ни съ кѣмъ не разговаривали.*

Иногда при встрѣчѣ пословъ по особымъ обстоятельствамъ отступали отъ общихъ правилъ. Такъ въ 1576 году пріемъ Имперскихъ пословъ Кобенцеля фонъ Проссегъ и Принца фонъ Бухау отличается отъ другихъ. Причиною сего было, что не задолго предъ тѣмъ нѣсколько торговыхъ людей, пріѣхавъ для своихъ дѣлъ въ Россію съ данными имъ на проѣздъ отъ Императоровъ грамотами, объявляли себя посланниками. Имъ дѣлались пріемы по чину посольскому, а въ послѣдствіи оказывался обманъ. Сіе побудило Русскій Дворъ къ нѣкоторымъ предосторожностямъ; и когда изъ Литвы къ Русскимъ границамъ пріѣхали Кобенцель и Бухау объявляя себя *большими* послами, Іоаннъ IV велѣлъ принять ихъ по обычаю посольскому, но не отправляя въ Москву остановиться въ Дорогобужѣ и ожидать указа царскаго. Въ Дорогобужъ отправлены были бояре, «ближнея дума», дабы удостовѣриться дѣйствительно ли то были послы Имперскіе и съ какимъ порученіемъ. Съ сею цѣлію, имъ указано прибывъ въ Дорогобужъ, не ѣздить самимъ къ посламъ, чтобъ не унизить чести Двора Русскаго и не призывать ихъ къ себѣ, ибо тѣмъ они могли оскор-

биться, а назначить общую съѣзжую избу для взаимныхъ переговоровъ бояръ и пословъ. По удостовѣреніи, что они были дѣйствительно послы Имперскіе, имъ дозволено было ѣхать далѣе для представленія Царю.

За нѣсколько верстъ до Москвы, послы останавливались, въ ожиданіи встрѣчи, на *подъѣзжемъ стану* (*). Для встрѣчи посылались обыкновенно чиновники придворные или Посольскаго Приказа разныхъ чиновъ съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ военнымъ конвоемъ, смотря по значенію пословъ и державъ отъ коихъ они были присланы. Имъ давались или верховыя лошади съ царской конюшни для проѣзда на подворья, или же повозки, колымаги и т. п.

Когда пріѣзжалъ къ посламъ *встрѣчникъ* онъ долженъ былъ требовать, чтобъ для выслушанія царскаго привѣтствія послы сходили съ коней и выходили изъ повозокъ. Въ сихъ случаяхъ нерѣдко возникали споры: послы отговаривались, какъ свидѣтельствуютъ Герберштейнъ, Бухау и др., бывали пререканія и о томъ, кому прежде сойти съ лошади, *встрѣчнику* или послу, и кому послѣ привѣтствія прежде сѣсть на лошадь или въ колымагу и по какую сторону, правую или лѣвую, встрѣчнику ѣхать возлѣ пословъ. Привѣтствіе дѣлалось слѣдующимъ образомъ: встрѣчникъ долженъ былъ во первыхъ спросить о здоровьѣ Государя, отъ котораго пріѣхали послы, такими словами: «Великій Государь, Божіею милостію Царь и Государь всеа Рус-

(*) Сіи встрѣчи дѣлались посламъ всѣхъ державъ, за исключеніемъ лишь пословъ Крымскихъ, Нагайскихъ и Калмыцкихъ, которыхъ приставы провожали прямо въ Москву на подворья имъ назначенныя. Котошихинъ, о Россіи, стр. 54 гл. V. п. 17.

сіи и Великій Князь велѣлъ тебя спросити: Цесарь или Король здорово ль».

Послѣ отвѣта на первый вопросъ, встрѣчникъ тѣмъ-же порядкомъ спрашивалъ отъ лица Государя о здоровьѣ самихъ пословъ: «по здорову ли они дорогою ѣхали». За тѣмъ встрѣчникъ, объявлялъ что ему поручено проводить пословъ на подворье и представлялъ имъ царскимъ лошадей или повозки.

Въѣзды иностранныхъ пословъ сопровождались бо̀льшею или мѐньшею пышностію, смотря по важности посольства. На улицахъ, чрезъ которыя они должны были проѣзжать, разставлялись рядами войски до самаго подворья. Въ наказахъ приставамъ значалось всегда, какими улицами они должны были ѣхать съ послами, а «пріѣхавъ на дворъ и проводя посла въ хоромы, ѣхати къ Государю» дать отчетъ о встрѣчѣ. Для услуӷъ посламъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для наблюденія за ними, опредѣлялись приставы, которые попеременно дневали и ночевали на ихъ подворьѣ. Они должны были смотрѣть за порядкомъ въ подворьѣ, чтобы «кормъ выдавали посламъ добрый по росписи», а если бы чего послы спросили сверхъ росписи, о томъ докладывать напередъ боярамъ и поступать по ихъ приказанію. Почти всегда поручалось также наблюдать, чтобы къ посламъ никто изъ постороннихъ людей не приходилъ и не ӷоворилъ съ ними ни о чемъ. Что приставы строго соблюдали сіи правила, можно видѣть изъ сочиненій тѣхъ иностранцевъ о Россіи, которые бывали послами. Бо̀льшею частію они были довольны содержаніемъ, которое получали въ Москвѣ; но жалуются, между прочимъ Принцъ Фонъ Бухау, что ничего не могли развѣдать частнымъ образомъ, ибо къ нимъ никого не

допускали для разговоровъ. Съ своей стороны Правительство поручало приставамъ въ ихъ наказахъ, стараться въ частныхъ разговорахъ съ послами развѣдывать о разныхъ предметахъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда пословъ, Государь назначалъ имъ «быть у себя на дворѣ». На подворье посылали чиновника извѣстить пословъ, что Государь дозволяетъ имъ «видѣть свои Царскія очи» и посылаетъ коней или повозки. На улицахъ которыми они должны были ѣхать до дворца, такъ же какъ при въѣздахъ ихъ въ Москву, разставлялись войски. Не доѣзжая дворца послы сходили съ лошадей и «шли пѣши къ крыльцу». При входѣ во дворецъ были имъ встрѣчи, одна, двѣ, даже три, смотря по ихъ достоинству. Пословъ встрѣчали чиновники придворные и Посольскаго Приказа, стольники, окольничіе и дьяки. Первая встрѣча дѣлалась передъ крыльцомъ близъ паперти Благовѣщенскаго собора, вторая «вверху крыльца» третья подлѣ дверей золотой подписной палаты, въ которой большою частію принимали пословъ Цари Московскіе. Описанія пріема ихъ въ расказахъ иностранцевъ совершенно сходны съ нашими сохранившимися въ посольскихъ книгахъ и разрядахъ извѣстіями. Государь принималъ сидя на престолѣ, надъ которымъ висѣла икона, въ царскомъ одѣяніи и въ діадимѣ съ скипетромъ въ рукѣ; близъ него по лѣвую сторону былъ стоянецъ *съ яблокомъ* (державою). При представленіяхъ пословъ иногда присутствовалъ совершеннолѣтній наслѣдникъ престола. Такъ при Іоаннѣ IV по правую сторону возлѣ трона его сидѣлъ сначала Царевичь Іоаннъ, потомъ Θеодоръ. При Михаилѣ Θеодоровичѣ иногда въ сихъ торжественныхъ случаяхъ присутствовалъ Патріархъ Филаретъ. Большою частію однакожъ Патріарху Филарету послы представлялись особо, послѣ представленія Царю.

При Θеодорѣ Іоанновичѣ, съ его разрѣшенія, послы также представлялись особо боярину Борису Годунову; они нерѣдко привозили отъ Государей своихъ особыя на его имя грамоты. Впрочемъ и вовремя представленія Царю Θеодору, Годуновъ обыкновенно стоялъ возлѣ трона. Вокругъ престола были рынды, по четыре или по шести человѣкъ; по сторонамъ палаты сидѣли бояре, окольничіе и другіе чины. При входѣ въ палату одинъ изъ придворныхъ особо для того назначенный объявлялъ пословъ Царю, говоря: «Великій Государь Царь и Великій Князь всеа великія и бѣлыя и малыя Россіи Самодержецъ и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и Государь и обладатель,-такой-то посолъ Вамъ-Великому Государю челомъ бьетъ».

Послы говорили привѣтственныя рѣчи Царю; отъ имени Государей своихъ *правили поклонъ* и спрашивали о здоровьѣ его. Въ отвѣтѣ на сію рѣчь Царь спрашивалъ также о здоровьи ихъ Государей: «братъ нашъ дражайшій или любезнѣйшій здорово-ль?» иногда вставая при семъ съ мѣста и снимая шапку, смотря по важности того Государства отъ котораго прибыли послы и по близости и свойству взаимныхъ между державами сношеній. Послѣ сихъ привѣтствій Царь звалъ пословъ къ рукѣ, послы говорили другую рѣчь, представляли свои грамоты и подарки; потомъ Царь сажалъ ихъ противъ себя на скамьѣ, и иногда изъ своихъ рукъ подчивалъ медами. Посольскій дьякъ отъ лица Царя отвѣчалъ на рѣчь пословъ также рѣчью, въ коей объяснялъ, что Царь велитъ своимъ боярамъ выслушать пословъ и что они на сіи рѣчи ихъ и грамоты *учинятъ имъ отвѣтъ:* потомъ, объявлялъ также посламъ *государево жалованье,* приглашая ихъ къ царскому столу или назначая *кормъ*

въ стола мѣсто, который отправлялся къ нимъ на подворье съ столниками и стряпчими. При сихъ представленіяхъ находились толмачи, переводившіе для пословъ рѣчи Царя а для Царя посольскія. Въ слѣдъ за представленіемъ дьякъ именемъ Царя звалъ пословъ въ отвѣтную полату, иногда въ тотъ же день, иногда чрезъ нѣсколько дней для переговоровъ съ боярами.

Для переговоровъ Царь назначалъ бояръ и дьяковъ. Боярамъ въ сихъ случаяхъ и вообще при сношеніяхъ съ державами иностранными присвоевалось званіе *намѣстниковъ* разныхъ городовъ. Сей обычай, какъ кажется, существовалъ издавна въ Государствѣ Московскомъ. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось нѣсколько рукописей «о намѣстничествахъ, коихъ наименованіе давалось боярамъ и разныхъ чиновъ людямъ при посылкѣ въ чужія государства, а равно и воеводамъ порубежныхъ городовъ при сихъ сношеніяхъ съ начальниками пограничныхъ городовъ сосѣднихъ иностранныхъ Государствъ» (*). Города раздѣлялись на различныя степени; намѣстниками болѣе важныхъ городовъ именовались бояре, а другихъ менѣе важныхъ окольничіе и т. д. по чинамъ, какъ сказано выше. Сіи наименованія давались только для сношеній съ другими державами, и недавали никакой власти, никакого участія въ управленіи тѣхъ областей или городовъ. Сей обычай происходилъ вѣроятно отъ того, что первоначальныя сношенія съ чужими государствами обыкновенно были поручаемы пограничнымъ начальникамъ, и въ теченіе нѣкотораго даже продолжительнаго времени, Новгородъ и Псковъ постоянно и независимо отъ Великихъ Князей сносились съ Швеціею и Ли-

(*) Полн. Собр. Зак. II. №№. 715, 838.

воніею. Дворъ Московскій объявляя всегда, что желаетъ и во внѣшней своей политикѣ, также какъ во внутреннемъ управленіи государства дѣйствовать «по старинѣ и пошлинѣ», слѣдовалъ и въ семъ случаѣ древнему обыкновенію, и въ отношеніи къ Швеціи долго настаивалъ, чтобы всѣ переговоры производились съ Новгородскими намѣстниками, не смотря на то что Новгородъ давно уже составлялъ лишь одну изъ областей Царства. Θеодоръ Іоанновичь, когда Государи иностранные присылали свои грамоты и пословъ къ боярину и конюшему Борису Годунову именовавшемуся въ сихъ сношеніяхъ намѣстникомъ Казанскимъ, говорилъ «то намъ за честь, что великіе государи посылаютъ посольства къ нашимъ слугамъ».

Войдя съ послами въ такъ называемую *отвѣтную* палату дьякъ объявлялъ пословъ боярамъ, а бояръ посламъ, по именамъ ихъ и званіямъ. За тѣмъ они садились на скамьяхъ одни противъ другихъ и начинали переговоры по статьямъ. Каждый бояринъ говорилъ по одной отдѣльной статьѣ, и на каждую статью и рѣчь отвѣчали послы. Если бояре не могли по наказамъ своимъ отвѣчать на нѣкоторые изъ вопросовъ и предложеній пословъ, то говорили, что *выслушавъ* рѣчи пословъ, *донесутъ* о нихъ Великому Государю и, *каковъ его государевъ указъ будетъ, объявятъ посламъ.* Въ слѣдъ за тѣмъ отправлялись къ Государю, прося пословъ подождать въ отвѣтной палатѣ и иногда возвращались съ отвѣтомъ, иногда же назначали посламъ другой для совѣщанія день. Сіи совѣщанія, смотря по надобности, повторялись нѣсколько разъ и оканчивались *отпускомъ* т. е. прощальнымъ представленіемъ Царю.

Когда Государь приглашалъ пословъ къ своему столу или жаловалъ ихъ кормомъ вмѣсто стола, то при семъ въ обоихъ случаяхъ наблюдались особые обряды. Послы или прямо изъ отвѣтной палаты шли къ столу, или же къ нимъ посылались съ приглашеніемъ особые на подворье чиновники. Предъ входомъ въ столовую палату, посламъ дѣлалась встрѣча, и за тѣмъ объявляли пословъ Царю. Назначался особый стольникъ для ихъ угощенія и подчиванья, а иногда самъ Царь посылалъ имъ отъ себя кушанья, подчивалъ напитками и предлагалъ заздравную чашу въ честь ихъ Государей.

При посылкѣ корма на подворья посламъ, отправлялся стольникъ, которому поручалось, «вышедъ у лѣстницы идти въ хоромы, и велѣть за собою нести скатерти и судки и яства и питье». Входя къ посламъ онъ долженъ былъ говорить имъ рѣчь: «Божіею милостію Великій Государь Царь и Великій Князь, жалуя васъ прислалъ отъ своего стола яству и питье». Въ слѣдъ за тѣмъ распорядившись, чтобы накрыть столъ и уставить блюда и питья по росписи, онъ бралъ ковшъ питья и говорилъ: «чаша Великаго Государя, дай господи Великій Государь и Царь нашъ здоровъ былъ». Въ слѣдъ за царскою чашею предлагалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ чаша за здоровье Царевичей. Иногда назначался при питьяхъ особый придворный чиновникъ съ обязанностію послѣ стола *поить* пословъ и предлагать царскую чашу.

Послѣднее представленіе пословъ Царю (отпускъ), было во всемъ сходно съ пріемомъ ихъ. Отпуская пословъ и вручая имъ грамоты, Цари Московскіе обыкновенно посылали поклонъ Государямъ, отъ которыхъ были послы, говоря: «какъ будешь у

брата нашего дражайшаго и любезнѣйшаго, и ты ему поклонися». Когда посольства окончивалось заключенiемъ договора, *мирнымъ постановленiемъ*, тогда при отпускѣ Царь давалъ присягу, *крестное цѣлованiе*. Возлѣ трона поставлялся налой, на который духовникъ Царя приносилъ крестъ. Царь вставъ съ своего мѣста и снявъ шапку, цѣловалъ крестъ при послахъ, обѣщаясь наблюдать условiя заключеннаго съ ними договора. Въ сихъ случаяхъ обыкновенно съ послами иностранными отправлялись послы Царскiе, коимъ поручалось привести къ крестному цѣлованiю Государя съ коимъ былъ заключенъ договоръ.

Наряжался прежнiй или новый приставъ для провожанья пословъ до границы, а воеводамъ городовъ, чрезъ которые они должны были ѣхать, повелѣвалось смотрѣть за исправнымъ доставленiемъ корма, угощать пословъ у себя и вообще наблюдать за ихъ безопасностiю и спокойствiемъ.

Извѣстiя о всѣхъ сихъ обрядахъ означалось всегда въ общихъ разрядахъ и въ разрядахъ дворцовыхъ и въ дѣлахъ посольскихъ, ибо во всѣхъ дѣйствiяхъ при отпускахъ и прiемахъ пословъ участвовали Приказы, какъ Розрядный, такъ и Дворцовый и Посольскiй. Изъ Розряда назначались по росписямъ войски, которыя устроивались разрядными дьяками, при въѣздахъ и выѣздахъ пословъ и содержалась стража при ихъ подворьяхъ. Приказъ Дворцовый завѣдывалъ встрѣчами пословъ во дворцѣ, отправленiемъ имъ корма и услугами при столѣ царскомъ; а отъ распоряженiй Приказа Посольскаго зависѣли всѣ прочiя съ послами сношенiя. Сiи сношенiя и вообще всѣ дѣйствiя приставовъ, встрѣчниковъ, воеводъ въ городахъ пограничныхъ и бояръ производившихъ переговоры, опредѣлялись зара-

нѣе наказами. Рѣчи произносимыя на переговорахъ были также составлены, даже написаны заранѣе, и отъ пословъ иностранныхъ требовалось, чтобъ они послѣ переговоровъ представляли списки своихъ рѣчей. Такимъ образомъ каждое посольство иностранное въ Россіи и Русское въ другихъ земляхъ представляетъ рядъ документовъ оффиціальныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и изъ сихъ документовъ составляется настоящее собраніе *памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Державами иностранными* во все продолженіе Московскаго періода нашей Исторіи, отъ временъ Іоанна III до преобразованія сей части вмѣстѣ съ другими Петромъ Великимъ.

I.

СНОШЕНІЯ

Великихъ Князей

ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА

и

ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА

съ

ИМПЕРАТОРАМИ ГЕРМАНСКИМИ

Фридрихомъ III и Максимиліаномъ I.

1488—1517.

6996—1488.

. .
. * Николая слугу нашего милого, къ тебѣ посланого, принялъ бы пришлого посполъ и съ слугами и со всѣмъ добромъ его съ добрымъ здоровьемъ, что сь отпустилъ нашему цесарскому величству къ доброй ласкѣ и къ пріемной здорово пустилъ. А дана въ городѣ нашемъ въ стольнемъ Улмѣ, день 26 мѣсяца Декабря, въ лѣто нарожснія Господа тысечное и четыреста 88-ое, королевства нашего Рымляне 48 лѣтъ, государьства 36, Угорского въ истинну 29.

На приказаніе государя Цесаря.

А на подписи написано:

. .
. .

Да сказалъ, что рѣчи съ нимъ наказаны отъ Цесаря къ Великому Князю, а велѣно ему говорити наодинѣ безъ бояръ. И Князь Великій у него рѣчей наодинѣ безъ бояръ не слушалъ. И онъ былъ у Великого Князя послѣ того, а говорилъ рѣчь Великому Князю передъ бояры. А бояре были у Великого Князя: князь Иванъ Юрьевичь, князь Данило Васильевичь, Яковъ Захарьичь.

А се его рѣчи: коли язъ ѣхалъ отъ Великого Государя отъ Великого Князя предъ двѣма годы и пріѣхалъ до Царя Римского въ Норбергъ, и пыталъ мене Царь Римскій и иные княжата много о твоей милости, и напослѣдъ мене пытали, если твоя милость былъ послушенъ Кралю Польскому и съ твоею землею, что они первѣе вѣрили, и я также. . . . былъ у твоей Кралю Польскому, ани твоя земля; и явнѣ предъ всѣми повѣдалъ я, како твоя милость есть Великій Князь и Великій Государь, а болѣ землю имаешь нежъ Краль Польскій, и твоя милость богатѣйшій нежъ Краль Польскій отъ земль и отъ скарбовъ, и како есть твоя милость велеможный и борзомудрый Государь, что язъ зналъ, коли язъ былъ у твоей милости; ижъ Царь Римскій великій и иные княжата Нѣмецкая дивилися о таковой вельможности и мудрости твоей и о величствѣ земли твоей, что држишь, что они првѣе того не вѣдѣли, ани слышели отъ жадного человѣка такъ много, яко отъ мене разумѣли. Ижъ бы коли твоя милость наивѣрнѣйшего

* Начала въ рукописи недостаетъ.

своего слугу тамъ посылалъ, не моглъ бы твоеї милости честь ставити выше, ани болѣ добрѣ говорити, яко я предъ Царемъ Римскимъ и другими княжаты удѣлалъ, вправду мнѣ твоя. вѣри, про то мене не боіся я твоей м добрѣ удѣлалъ, нежъ лихово и Царь Великій Римскій, коли язъ сперва къ нему пріѣхалъ въ Норбергъ и стоялъ предъ столомъ на обѣду, на каждый день пыталъ мене о твоей милости, про то ему болѣ повѣдалъ о твоей милости, нежъ другимъ княжатомъ о твоеї велеможности и мудрости и добрѣ хочетъ, ижъ Царь Римскій твою милость милуетъ и съ правого сердца пріетъ, про то мене къ твоей милости посылалъ, а не чрезъ грамотъ хотѣлъ твоей милости явити, яко я его милости радилъ, але быхъ я твоей милости съ устъ самъ говорилъ и явилъ его добру волю и милость, что къ твоей милости имаетъ; я, для твоеї милости чести и добра, самъ собѣ много лиха удѣлалъ и велико тръпѣніе на ся взялъ. Коли бы я молчалъ, а не говорилъ такъ много добро и правду о твоей милости, мене Царь Римскій не бы послалъ въ посольствѣ къ твоеї милости, я не моглъ семъ противъ прироженіа моего удѣлати, ижъ имамъ правду о Государи, который мнѣ добру волю и честь у могу лихово о немъ говорити, коли бы я твою милость, того посольства я не быхъ пріима . Царя про то моглъ въ Норъ. и пятнадцать недѣль былъ я немоченъ и посылалъ мою грамоту до Царя Римского, ижъ быхъ не моглъ сѣмо ѣхати для моеї немочи, ижъ бы Царь другово послалъ, а Царь Римскій за ся мнѣ грамоту послалъ, ижъ бы я за пѣнязи нетбалъ и все, что мнѣ было надобѣ къ немочи моеї, ажь бы я отъ его пѣнязеї взялъ и добрѣ смотрилъ здравія моего и потомъ посольство доконалъ. Про то, для твоей милости чести и добра, ижъ я былъ право здоровъ, выѣхалъ есми изъ Норбергу. Вѣрьште жъ твоя милость грамотѣ, что язъ твоей милости далъ отъ Царя Римского; не дивуй твоя милость, ижъ того пытаемъ, коли не възвѣришь, ижъ я отъ Царя Римского былъ посольствомъ къ твоей милости посланъ, тогды тежъ не вѣри посольству, что я буду твоей милости явити и говорити отъ Царя Римского. Коли не вѣришь, посылаї твоего слугу до Царя Римского, а довѣдаїся я правый посолъ, а правую грамоту къ тебѣ лъ, а не фалшь *, я свѣдомы грамоты от кого болѣ твоей милости принеслъ, нежъ пръвѣе, ижъ твоей милости бояре могутъ вѣрити, ижъ я Царя Римского слуга есмь, а не про то имаютъ слабу вѣру имѣти, яко пръвѣе имѣли, ижъ я два слуги предъ двѣма годы имѣлъ, а больши не имѣлъ; ужь я былъ нынѣ много слугъ взялъ, больши нежъ нынѣ имамъ, але Царь Римскій не далъ того для, ижъ бы люди не розумѣли и моего бы посольства больши пытали и певна то имѣли; а предъ двѣма годы, коли язъ былъ у твоей милости, много слуги твои говорили со мною, ижъ я добрѣ розумѣлъ, ижъ твоей мило-

* Надъ этимъ словомъ въ рукописи надписано: ложь.

сти слуги не вѣрили, чтобы я былъ великого Царя Римского слуга, ани грамотамъ вѣрили, которые язъ твоей милости принеслъ отъ Римского Царя, и пришли до мене, жадали и просили грамоты, чтобы язъ имъ своею рукою писалъ князей Нѣмецкихъ; того для удѣлали: хотѣли смотрити если мое письмо ровно царевѣ грамотѣ; черезъ таково жаданіе, что они удѣлали, я добрѣ розумѣлъ, ижъ они вѣрили, что язъ тѣ грамоты самъ писалъ безъ воли мского и мнѣ ли, ижъ мене Король Польскій былъ сѣмо посыл. ихово твоей милости удѣлати, я все черезъ ихъ зумѣлъ, ижъ они мало мнѣ вѣрили. Двожды мене твоя милость позвалъ къ двору въ той часъ и твои мене пытали отъ твоей милости, есть ли особно посольство отъ Царя Римского со мною къ твоей милости? И я говорилъ: нѣтъ, и правда была; я отъ моего дѣла въ той часъ пріѣхалъ къ твоей милости, а Царя Римского грамоту твоей милости принеслъ того для, ижъ я первѣе знамости не имѣлъ съ твоею милостью, ани жаднаго человѣка въ Руской землѣ зналъ; про то Царь Римскій къ твоей милости грамоты послалъ, абы твоей милости слуги мене не почитали за лихово человѣка. Я отъ жадны ины рѣчи въ той часъ не пріѣхалъ; едно ижъ я хотѣлъ познати твою милость, яко Государя Великого, и твою землю дозрѣти, яко жъ я и ины Короли позналъ и ихъ земель смотрилъ черезъ всѣ христьянскіе земли.

Коли твоя милость вѣришь грамотамъ царьскимъ, и мнѣ Царь великій Римскій велѣлъ мнѣ твою милость просити, что язъ буду твоей милости явити и говорити отъ Царя Римского, абы того жадному человѣку не явилъ твоя милость, ани повѣдалъ; если мнѣ твоя милость не можешь отповѣдати безъ твоей рады, тогды одному, небь двѣма то говори, а не болѣ, которіи наивѣрнѣйшіи твоей милости, и вели имъ ни жадному человѣку того повѣдати и явити. Царь Римскій не радъ хочетъ, абы кто о томъ вѣдѣлъ, нежъ тарѣчь будетъ доконана, что услышишь отъ мене твоя милость. Яко Царь великій Римскій розумѣлъ отъ мене о твоей милости мудрости и велеможности и о твоемъ добрѣ хочетъ и добру волю, что твоя милость къ его милости имаешь, послалъ мене къ твоей милости, и хочетъ ся съ твоею милостію въ большеіі милости и пріятельствѣ познати, нежъ первѣе межи васъ было и велѣлъ мнѣ такъ говорити: Хочетъ ли твоя милость твою дѣвку дати за князя Маркрабіа, который его сестры сынъ есть. Если твоей милости то любо, Царь Римскій хочетъ ся къ тому причинити, ижъ князь Маркрабіи имаетъ твою дѣвку попяти. Если тебѣ не любо, не яви жадному человѣку того, Царь Римскій вельми проситъ за то. Того для, Царь Римскій хочетъ того тако имѣти для твоего до жъ послове тамъ и сѣмо лутши могутъ пріѣхати и безпечнѣ, коли будетъ та рѣчь доконана; и для того Царь Римскіи казалъ твою милость просити, абы не многимъ съ твоей рады то явилъ, и коли твоя милость можешь мнѣ отповѣдати самъ, ни жадны бы человѣкъ о томъ звѣделъ, то Царю Римскому вельми бы любо было: много государей не будутъ ради, коли ся довѣдаютъ, ижъ твоя милость въ знамости и пріятельствѣ съ Царемъ Римскимъ будете.

Казалъ твоя милость, быхъ я предъ твоею радою посольство правилъ, и я

не радъ, ижъ бы которой человѣкъ то вѣдалъ, что язъ посольствомъ пріѣхалъ до твоей милости, и мои слуги того не вѣдаютъ; я передъ своими слугами говорилъ, что язъ хочю ѣхати чрезъ поле Татарское до Божія гробу. Пріѣхавши але до Новагорода мусилъ есми явити, что язъ ѣду посольствомъ; коли я былъ говорилъ, ижъ отъ моего дѣла ѣду до твоей милости, опять твои говорили, ижъ я быхъ посланъ отъ Короля Польского, что лихо твоей милости удѣлати. . . . ъвѣе говорили быхъ я того ся не боялъ, я жадному не говорилъ, ижъ я ѣду посольствомъ отъ Царя Римского до твоей милости. Про тожъ твоя милость мене ся не бой, я твоей милости больши честь и все добро удѣлалъ, нежъ лихо. Коли Царь Римскій хочетъ твоей милости лихо удѣлати, мене не будетъ къ твоей милости посылати; вѣсть Царь добрѣ, ижъ я честь милуемъ, про то лихо не удѣлаемъ. Царь мене милуетъ и надъ ины свои слуги мнѣ вѣритъ, про то не дивуй, ижъ мене въ тайнѣ посольствѣ до твоей милости посылалъ; коли онъ хотѣлъ та посольства явнѣ предъ твоею радою сказати, меншего, нежъ мене, къ твоей милости былъ боярина посылалъ. Не то первѣе, ижъ его милость мене посылаетъ въ тайномъ посольствѣ до Королевъ и до великихъ Государей; знаетъ мене мой Государь, ижъ противъ приказаніа его не удѣлаемъ; коли твоя милость мене такожъ знала, болѣ твоя милость мнѣ вѣрилъ и миловалъ. Нѣкоторіи твои люди говорятъ, ижъ я брата въ Прусской землѣ мамъ подъ Польскимъ Кралемъ, але то неправда: язъ одного брата имамъ, и той живетъ подъ Угорскимъ Кралемъ Вратиславія имаетъ села своя, я жадного брата, ни пріятеля имамъ подъ Польскимъ Кралемъ. Король Польскій, ани жадный государь такъ богатъ, ижъ я для его даровъ зраднѣ а любо лихо удѣлалъ и честь мою стратилъ: я милуемъ честь, то мой Государь знаетъ, про то мене до твоей милости посылалъ; коли хочетъ тебѣ мой Государь лихо удѣлати, мене не будетъ посылати до твоей милости, але другово будетъ, который радъ лихо удѣлати; про то твоя милость мене ся не бой, я твоей милости все добро удѣлалъ и еще хочемъ удѣлати, что твоей милости будетъ любо.

А се отвѣтъ Великого Князя цесареву послу Николаю; а выходилъ къ нему съ отвѣтомъ Великого Князя діакъ Θеодоръ Курицынъ Генваря, 31: Государь нашъ, Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Руси велѣлъ тебѣ говорити: что еси къ намъ привезъ отъ своего Государя отъ Цесаря грамоту и которые еси рѣчи намъ отъ него говорилъ, и мы тѣ рѣчи выслушали и хотѣли есмя къ Цесарю слати своего человѣка съ тобою вмѣстѣ отъ Колывани на море да къ Любку; и ты къ намъ отказалъ съ нашимъ діакомъ съ Θеодоромъ, что итти вамъ вмѣстѣ черезъ Нѣмецкую землю съ нашимъ человѣкомъ не безпечне, а на море итти не хочешь, а хочешь итти черезъ Свѣйскую землю, а сказываешь, что имаешь дѣло до Дацкого Короля, а у него тебѣ туто и побыти.

Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: и коли нашему человѣку съ тобою вмѣстѣ итти нелзѣ, и мы тебе нынѣ къ твоему Государю къ Цесарю отпущаемъ, а опослѣ тебе, ожъ дастъ Богъ, посылаемъ къ твоему Государю къ Цесарю своего человѣка, а любви и дружбы съ нимъ хотимъ, а накажемъ къ нему о всемъ съ своимъ человѣкомъ.

А какъ пришелъ къ Великому Князю челомъ ударити, и Князь Великій ему самъ отвѣчалъ: Николай, что еси къ намъ привезъ отъ своего Государя отъ Цесаря грамоту и которые еси намъ рѣчи отъ него говорилъ, и мы тѣ рѣчи выслушали и отказали есмя тебѣ своимъ діакомъ Ѳеодоромъ, то есть наши рѣчи, а, ожъ дастъ Богъ, къ твоему Государю къ Цесарю посылаемъ своего человѣка, а любви и дружбы съ твоимъ Государемъ съ Цесаремъ хотимъ, и люди бы наши межъ насъ ѣздили и наше здоровіе видѣли, а накажемъ къ нему о всемъ съ своимъ человѣкомъ.

И послѣ того, туто жъ Великому Князю говорилъ цесаревъ человѣкъ Николаі: велѣлъ ми Государь мой Цесарь говорити тебѣ послѣ твоего отвѣта: первое: если твоей милости любо дати свою дѣвку за того князя, о которомъ есми тебѣ говорилъ, и ты вели намъ свою дѣвку показати; другое: коли жъ не будетъ то любо твоеі милости дати свою дѣвка за того князя, и твоя бы милость не имѣла того за лихо отъ нашего Государя отъ Цесаря; нашъ Государь Цесарь съ тобою вельми хочетъ пріятельства и любви, а что твоеі милости любо, то хочетъ учинити.

Да тутъ же говорилъ Великому Князю отъ Магистра Нѣмецкого Вифлянскіе земли: Государю! Былъ есми нынѣ, идучи отъ своего Государя къ твоей милости, у Магистра у Вифлянского, и онъ велѣлъ мнѣ тебѣ говорити, что Псковская земля, твоя отчина, держатъ за собою ихъ земли и воды Вифлянскіе земли, и твоя бы милость послалъ листъ къ своей отчинѣ къ Пскову, чтобы не наступали на ихъ земли и на ихъ воды; а то съ нами приказалъ Магистръ къ твоей милости для того, что добрѣ увѣдалъ, ожъ мы идемъ отъ своего Государя отъ Цесаря къ твоей милости, а мы также говоримъ твоеі милости для того, что тѣ Нѣмцы Вифлянскіе земли поддани суть царству Государя нашего.

И Князь Великій къ нему выслалъ противу того съ отвѣтомъ діака же своего Ѳеодора.

Государь нашъ, Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Руси велѣлъ тебѣ говорити: что еси намъ говорилъ отъ своего Государя отъ Цесаря, чтобы намъ тебѣ показати своя дочь, и мы тебѣ отвѣчали, что къ твоему Государю къ Цесарю о всемъ шлемъ своего человѣка, а того у насъ обычая въ землѣ нѣтъ, чтобы намъ пережъ дѣла являти свои дочери. А что еси намъ говорилъ отъ Магистра отъ Вифлянского, что будто наша отчина Псковъ держатъ за собою земли и воды Вифлянскіе, ино наша отчина Псковъ держатъ земли и воды по старинѣ, по тому какъ напередъ сего жили съ Нѣмцы Вифлянскіе земли.

Да сказалъ Николай Ѳеодору, что есть ему рѣчь своя къ Великому Князю наединѣ о Великого жъ Князя дѣлѣ. И Князь Великій ему велѣлъ у себе быти и поговорилъ съ нимъ въ набережной горницѣ, поотступивъ отъ бояръ; да велѣлъ Ѳеодору у него его рѣчи выписати того дѣла, что онъ толмачемъ не хотѣлъ говорити.

А се его рѣчи, что у него Ѳедоръ выписалъ: просимъ твою милость, абы того жадный не вѣдалъ; коли ся того непріятели твои на мене довѣдаютъ, Ляхове и Чяхове и другіи, тогда мнѣ много лихо се състанетъ и мнѣ о горло приправятъ; то есь рѣчь: слышели есмо, ижъ Великій Князь предъ тыми годы посылалъ до Папежа Рим-

ского своихъ пословъ, жадаючи а просячи отъ него, абы его Папежъ удѣлалъ Кралемъ на его землѣ, а то есми слышелъ, ижъ того Краль Польскій вельми не хотѣлъ, и посылалъ въ тыи часы до Папежа съ великими дары, абы того Папежъ не удѣлалъ. Опять въсказуемъ твоей милости, въ томъ Папежъ ницъ мочи не имѣетъ: Папежъ мочь иматеъ въ духовенствѣ, а въ свѣтскомъ Крали и княжата и рыцери удѣлати мочь имаетъ Государь нашъ Царь Римскій; про то, если твоей милости то любо, ижъ бы Кралемъ быти на твоей землѣ и твоимъ дѣтемъ, я буду вѣрнымъ служебникомъ твоей милости у Царя Римского, ижъ бы твоя воля състалася, и то тайнѣ все къ твоей чести хотимъ удѣлати, ижъ бы съ того Твоему Величеству жадные срамоты не было; про тожъ про Богъ просимъ Твое Величество, абы твоя милость добрѣ молчалъ, ни жадному человѣку того не явилъ, абы твоя милость самъ себѣ не велику шкоту удѣлалъ и мнѣ о горло приправилъ. Коли Краль Польскій то срозумѣетъ, во дни и въ нощи будетъ до Цесаря посилати съ великими дары, абы того Цесарь твоей милости не удѣлалъ: Ляховe того боятся вельми, коли твоя милость Кралемъ будешь, ижъ тегды вся Руская земля, что подъ Кралемъ Польскимъ, отступитъ отъ него и твоей милости будутъ послушни, и то подобно есть, ижъ коли предъ двѣма годы былъ есми у Краля Польского, тегды то есмы добрѣ срозумѣлъ, а предъ тѣмъ николи есми о томъ не вѣдалъ.

И Князь Великій ему велѣлъ отвѣчати Ѳеодору жъ Курицыну; и Ѳедоръ ему говорилъ: что еси мнѣ которые рѣчи говорилъ, а велѣлъ ми еси тѣ рѣчи донести до Государя, Вѣликого Князя, и язъ тѣ твои рѣчи Государю Великому Князю сказалъ. И Государь нашъ, Князь Великій, велѣлъ тебѣ говорити: сказываешь, что еси намъ служилъ, а и нынѣ служишь и впередъ хочешь намъ служити, и мы тебя здѣсь жалуемъ, да и тамо въ твоей землѣ тебя жаловати хотимъ. А что еси намъ говорилъ о королевствѣ, если намъ любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ, и мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ.

А се, опослѣ того, туто же говорилъ Ѳеодору Николаі еще: имаетъ Великій Князь двѣ дѣвки, если не любо Великому Князю за того князя дати, о которомъ я говорилъ, будетъ ли ему къ любости дати за Сасского князя, а есть Конверстемъ теперь, что Цесаря выбираютъ, имя ему Иванъ, а лѣтъ ему двадцать и два, а братъ его Фредригъ; только два ихъ, а меньшій живетъ у него, а земль имаетъ много, а отецъ его былъ Царю также сестры его сынъ. А другую дѣвку буде ли ему любо за Маркрабія Бранборского за Жидиманта, а его братъ старѣйшій зять Королю Польскому, а ихъ три браты.

А се грамота Местерова Нѣмецкого во Псковъ князю къ Костянтину, къ Ярославову сыну, о цесаревѣ послѣ о Николаѣ: «Пріятельство и милость нашу чистымъ сердцемъ тебѣ указуемъ, честныій пріятелю и достойный боярине, Костянтине, сусѣде ипріяте-

лю нашъ милый! Твое пріятельство есть явно намъ, иже уроженый бояринъ нонѣшній рицеръ панъ Николай Поплева посланъ есть отъ ясного Цесаря Римского отъ Государя отъ Фредорика, къ намъ вельми ласкового; милы пріятелю, слышали есмя и розумѣемъ, иже тотъ уроженый рицеръ панъ Николаі посланъ есть того дѣля отъ ясного Цесаря нашего, ижъ бы повѣдалъ тѣ рѣчи, которые суть приказаны, къ свѣтлому Князю Московскому, которые дѣла начяемся на борзе днѣхъ много добра намъ быти; того дѣля и мы честне его есмя держали и еще хотимъ держати, и проводили есмя его до Новагорода до Великого, какъ есмя лутче могли. И также мы чаемъ, что вашъ Князь, Великій Государь его лутчы обычяемъ, какъ взможетъ, честнѣ станетъ держати, а державши опять отпуститъ съ великою хвалою и съ честію съ отвѣтомъ съ добрымъ и съ пріемнымъ о приказанныхъ рѣчѣхъ, которые были ему наказаны отъ ясного Цесаря къ свѣтлому Князю Московскому, а мы то ради слышимъ и жадаемъ того у навышшего Государя, у Великого Князя у Московского хотимъ заслужити. Иванъ братъ Ѳридахъ монастыря святые Пречистые и Местеръ Ливонскій. Пріятелю и сусѣду нашему Костантину другу милому листъ посланъ».

А се написано памяти для: «Выбираютъ на цесарство на Римское Цесаря три свѣтскихъ, а три духовныхъ; свѣтскіе: Фалскравь князь Филипускій, княженіе его на Ренѣ на рѣкѣ; да Саксонскій князь; да Маркрабій Паморьскій, живетъ блиско Любка. А духовные: бискупь Менць на Ренѣ; да бискупъ Трирьскій, да бискупъ Колонскій. А прѣвое учинятъ его Королемъ Римскимъ, да потомъ Цесаремъ. А выбираютъ на цесарство изъ Нѣмецкихъ Государей кого хотятъ; а будетъ споръ межи тѣми, которые выбираютъ, и они позовутся на Ческого Короля; кого захочетъ Ческой Король, той будетъ Цесарь.

А о которомъ Маркрабіѣ говорилъ Николаіі, ино его земля блиско Рены рѣки, городъ Падиъ; а Паморского Маркрабія, что Цесаря выбираютъ, ниже мѣстомъ, а королева зятя Маркрабія выше; а тотъ королевъ зять Маркрабій живетъ блиско Норьберга; а другая королева дочи за Баворскимъ княземъ за большимъ; а за меньшимъ за Баворскимъ княземъ за Олбрехтомъ за Мниховскимъ цесарева дочи Фредрикова».

6997—1489.

Лѣта 97, Марта 22, послалъ Князь Великій къ Римскому Цесарю къ Фердерику и къ сыну его къ Максиміану къ Бергонскому князю посла своего Юрія Грека, а съ нимъ послалъ Ивана Халяпу, да Костю Оксентьева, а въ Ругодивъ и въ Колывань съ нимъ же посланъ съ грамотами о его проѣздѣ Кулпа Оксентіевъ. А выѣхали съ Москвы въ недѣлю третью поста, Марта 22. А се правити посольство отъ Великого Князя Юрію Трахоніоту Греку Римскому Цесарю Фердерику. Первое, поклонъ: Іоаннъ Великій Государь всеа Руси Твоему Величеству велѣлъ поклонитись. А опослѣ поклона о здоровіѣ вспросити: Государь всеа Руси Твоее Свѣтлости велѣлъ здоровіе видѣти. А опослѣ того, за поминки поклонитися: Государь всеа Руси за поминки Твоей Высотѣ велѣлъ поклонитися. Да послѣ того поминки подати: Государь всеа Руси Твоей

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Свѣтлости поминается сорокъ соболей, да шуба горностайна, да шуба бѣлинна. А опослѣ поминковъ подати грамота. А се съ тое грамоты списокъ: «Іоаннъ, Божіею милостію Великіі Государь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ. Пишемъ Твоему Величеству пріятельски и ласкаве, чтожъ пріѣхалъ до насъ посолъ твоі Николаі Поплевъ, рицеръ двора вашего и листъ намъ вѣрющіі отъ Твоей Высоты подалъ съ дары Вашіе Свѣтлости, и говорилъ намъ, абы межи насъ было пріятельство и любовь въ нашей съ тобою знамости, и мы для пріятельства дары ваши съ любовію приняли, а тые рѣчи отъ посла вашего выслушали и добрѣ тому сразумѣли, и съ доброю волею и хотѣніемъ для предняго пріятельства и любви послали есмя до Вашей Свѣтлости посла нашего Георгіа Трахоніота Грека, вѣрного нашего, съ нашими рѣчьми; и что будетъ тебѣ отъ насъ говорити, и Твоя бы Свѣтлость ему правѣ увѣрилъ, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, отъ созданіа міру въ лѣто 6997, Марта 22». А на подписи: Свѣтлѣйшему и наяснѣйшему Фердерику Римскому Цесарю и Кралю Ракусскому и иныхъ, пріятелю нашему возлюбленому.

А опослѣ того рѣчь говорити: Іоаннъ, Великій Государь всеа Русіи Твоеі Высотѣ велѣлъ говорити: пріѣхалъ до насъ посолъ Вашіе Свѣтлости Николай Поплевъ, рицеръ двора вашего и говорилъ намъ отъ тебя, абы межи насъ было пріятельство и любовь въ нашей съ тобою знамости. Государь всеа Русіи Твоей Высотѣ велѣлъ говорити: и мы съ Божіею волею хотимъ быти съ Твоею Свѣтлостію въ любви и въ пріятельствѣ, и люди бы наши для пріятельства нашего и любви межъ насъ ѣздили и здоровье наше видѣли.

А се говорити Юрію отъ Великого Князя сыну цесареву Максиміану, а не будетъ его у отца, и Юрію его тамо наѣждати, гдѣ онъ будетъ: Іоаннъ Великій Государь всеа Руси Твоей Свѣтлости велѣлъ поклонится. А опослѣ поклона о здоровіѣ вспросити: Государь всеа Руси Твоей Свѣтлости велѣлъ здоровіе видѣти. А опослѣ того поминки подати: Государь всеа Руси Твоеі Свѣтлости поминается сорокъ соболей, да шуба горнастайна, да шуба бѣлинна. А опослѣ поминковъ грамота подати. А се съ тое грамоты списокъ: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ. Пишемъ Твоей Свѣтлости, якожъ то пріятелеви нашему повѣдаючи, аже отецъ твой Фердерикусъ, Римскій Цесарь, присылалъ до насъ посла своего Николая Поплева, хотя съ нами любви и пріятельства, и мы для пріятельства и любви послали до васъ посла нашего Георгіа Трахоніота Грека, вѣрного нашего, съ нашими рѣчьми, и что будетъ тебѣ отъ насъ говорити, и Твоя бы Свѣтлость ему правѣ увѣрилъ, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, отъ созданіа міру въ лѣто 6997, Марта 22». А на подписи: Благородному и наяснѣйшему Максиміану Римскому Кралю и Князю Бергонскому. А опослѣ того рѣчь говорити: Государь всеа Руси Твоей Свѣтлости велѣлъ говорити: присылалъ до насъ отецъ твой Фердерикусъ, Римскій Цесарь, посла своего Николая Поплева, хотя съ нами любви и пріятельства; и мы съ Божіею волею, какъ

[library stamp]

съ отцемъ твоимъ, такъ и съ Твоею Свѣтлостію хотимъ быти въ любви и въ пріятельствѣ, и люди бы наши для пріятельства нашего и любви межъ насъ ѣздили и здоровье наше видѣли.

Память Юрію. Вспросятъ его: Государь нашъ Цесарь приказывалъ къ вашему Государю съ посломъ своимъ съ Николаемъ, есь ли его воля дати свою дочи за государя нашего сестричичя за Маркрабія Падноского за Олбрехта, и съ тобою о томъ есь ли каковъ наказъ? И Юрію молвити: за того Маркрабія Государю нашему дати не пригоже; занже Государь нашъ многимъ землямъ Государь есь Великій, и гдѣ будетъ по пригожу, и Государь нашъ съ Божіею волею хочетъ то дѣло дѣлати. А учнутъ ему говорити: чего дѣля не пригоже Государю вашему дати за Маркрабія, да учнутъ его ставити велика; и Юрію того Маркрабія отговаривати, да и то ему говорити: въ всѣхъ земляхъ то вѣдомо, а надѣемся, что и вамъ вѣдомо, что Государь нашъ, Великій Государь уроженый изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначяльству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его, Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римского Царя; ино такому Великому Государю какъ давати своя дочи за того Маркрабія? А учнутъ съ Юріемъ говорити о цесаревѣ сынѣ о Максиміанѣ, чтобы Великому Князю дати за него своя дочи, и Юрію того не отговаривати, а молвити такъ: похочетъ Цесарь то дѣло дѣлати съ нашимъ Государемъ, и онъ бы послалъ къ нашему Государю своего человѣка. А учнутъ Юрію о томъ дѣлѣ говорити накрѣпко: Государь нашъ Цесарь о томъ дѣлѣ къ вашему Государю пошлетъ, и ты его человѣка съ собою на то возмешь ли, что Государю вашему дати за цесарева сына за Максиміана свою дочерь? И Юрію молвити такъ: со мною о томъ дѣлѣ приказа нѣтъ, того дѣля, что посолъ цесаревъ Николай сказывалъ, что цесаревъ сынъ Максиміанъ женатъ; а Государь нашъ того ищетъ, чтобы ему дати своя дочи по пригожу за кого, и Цесарь и сынъ его Максиміанъ Государеве Великіе, а нашъ Государь Великій жъ Государь; и коли пошлетъ Цесарь къ нашему Государю о томъ дѣлѣ своего человѣка, и язъ надѣюся, что Государь нашъ съ Цесаремъ то дѣло хочетъ дѣлати.

Да память Юрію: нѣчто състанется Божія воля надъ Юріемъ болѣсть или его не станетъ, перешедъ море въ Любку или далѣ, и Юрію отпустити къ Цесарю и къ сыну его Максиміану Ивана Халяпу да съ нимъ Костю Оксентіева; а подавати ему грамоты, и записи и поминки, и Ивану ѣхати къ Цесарю и къ сыну его къ Максиміану, а говорити ему Цесарю и сыну его Максиміану: Іоаннъ Великій Государь всеа Руси послалъ былъ къ Твоей Свѣтлости посла своего Георгіа Трахоніота, а мене послалъ съ нимъ, и надъ тѣмъ посломъ Государя нашего Божія воля състалася, и онъ, по Великого Государя всеа Русіи наказу, съ листомъ Государя нашего и съ тыми рѣчьми, что было съ нимъ наказано, велѣлъ къ Твоему Величеству мнѣ ѣхати. Да и поклонъ Ивану Халепѣ Цесарю правити, и о здоровіѣ вспросити, и поминки подати,

и грамота и рѣчь говорити по записи; а сыну его, Максиміану, Ивану говорити рѣчь по записи жъ, а не будетъ Максиміана у отца, и Ивану его тамо наѣждати, гдѣ онъ будетъ.

Да память Юрію: нѣчто въ ту жъ пору коли онъ будетъ у Цесаря прилучится быти Угорского Короля человѣку у Цесаря, а наідетъ его, а почнетъ съ нимъ говорити: какъ Государь вашъ нынѣ съ Польскимъ Королемъ, послы межъ нихъ ѣздятъ ли? И Юрью молвити: послы межи ихъ ѣздятъ о порубежныхъ дѣлѣхъ, а на чемъ Государь нашъ вашему Государю Матіашу Королю Угорскому молвилъ, на томъ и стоитъ.

Да память Юрію да Ивану Халепѣ: добывати имъ Великому Князю мастеровъ: рудника, которой руду знаетъ золотую и серебряную, да другово мастера, которой умѣетъ отъ земли роздѣлити золото и серебро; и добудетъ Юрій такихъ мастеровъ и ему ихъ выпросити; которые будутъ и иные съ ними мастеры надобѣ на то дѣло, ино и тѣхъ мастеровъ съ ними взяти; а радити тѣхъ мастеровъ Юрію, чтобы поѣхали къ Великому Князю на наемъ, по колку имъ наіму на мѣсяцъ давати за все про все. А дано на тѣ мастеры Юрію, чѣмъ ихъ до Великого Князя допровадити, два сорока соболей, да три тысячи бѣлки; а что у того останется, и Юрію добывати мастера хитрого, которыіі бы умѣлъ къ городомъ приступати, а другово мастера, которой бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывати хитрого, которої бы умѣлъ полаты ставити, да серебряного мастера хитрого, которыи бы умѣлъ большіе суды дѣлати, да и кубки, да и чеканити бы умѣлъ и писати на судѣхъ; а радити ихъ, чтобы поѣхали къ Великому Князю на наемъ же. А не поѣдутъ тѣ всѣ мастеры на наемъ, а похотятъ поѣхати на Великого Князя жалованье, и Юрію ихъ съ собою взяти и на Великого Князя жалованіе; а не поідутъ тѣ соболи и бѣлка на мастеры, ино ее продати на золотые на Венедитскіе или на Угорскіе, да золотые привести къ Великому Князю.

Да память Юрію: посланъ съ нимъ Кулпа Оксентіевъ въ Ругодивъ и въ Колывань съ грамотами о его проѣздѣ, а послано съ Кулпою поминка отъ Великого Князя въ Колывань бергоместру и ратманомъ поминка корабельникъ. Да съ Юріемъ послано поминка отъ Великого Князя въ Любокъ бергоместеру и ратманомъ корабельникъ, да грамота о его жъ проѣздѣ. А послати Юрію въ Любку къ бергоместеру и къ ратманомъ Костю Оксентьева, а велѣти ему отъ Великого Князя поклонъ сказати, а молвити такъ: Іоаннъ Государь Великій Царь всеа Русіи, велѣлъ вамъ поклонитися. Да поминокъ подати, а молвити такъ: Іоаннъ Государь Великій Царь всеа Русіи, вамъ поминается корабельникъ; да грамота подати. А се съ тое грамоты списокъ: «Іоаннъ, Божіею милостью Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій и Пермскій и иныхъ, въ Любокъ бергоместеру и ратманомъ. Присылалъ къ намъ Римскій Цесарь Фердерикусъ посла своего Николая, и мы нынѣ послали къ Цесарю и къ его сыну Максиміану посла своего Георгіа Трахоніота Грека, да съ нимъ своихъ людей Ивана Халепу, да Костянтина; и вы бы, насъ для того нашего посла Юріа и съ его товарищи и съ ихъ людьми, велѣли проводити по своей земли, да

и въ передніе бы есте городы приказали, гдѣ будетъ вамъ пригоже, кудѣ нашему послу и его товарищомъ путь будетъ, чтобъ имъ давали проводники по своей землѣ, также и оттолѣ къ намъ поѣдетъ тотъ нашъ посолъ Юрій, и кто къ намъ съ нимъ вмѣстѣ оттолѣ поѣдутъ или опрочѣ его которые люди оттолѣ къ намъ поѣдутъ на наше имя, и вы бы ихъ велѣли на корабль посадити и море перепровадити до Колывани; а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили. А писанъ на Москвѣ, отъ созданія міру въ лѣто 6997, Марта 22 день».

А се Юрію жъ дана грамота вѣрющая о мастерѣхъ: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Угорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ. Послали есмя къ Римскому Цесарю своего ближнего человѣка Георгіа Трахоніота Грека, а приказали есмя ему звати на наше имя мудрыхъ людей и мастеровъ всякихъ, которые пригожи къ нашимъ потребамъ; и которымъ мастеромъ тотъ нашъ посолъ Юрій учнетъ отъ насъ говорити нашимъ словомъ, и вы бы къ намъ поѣхали, а ему бы есте вѣрили, то есть наши рѣчи. А писана на Москвѣ, отъ созданія міру въ лѣто 6997, Марта 22 день». А на подписи: Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь всеа Руси.

Да посланъ съ Юріемъ Кулпа Оксеньтьевъ до Колывани, съ грамотами въ Ругодивъ и въ Колывань о его проѣздѣ. А се говорити Кулпѣ въ Ругодивѣ бергоместру и ратманомъ: Іоаннъ Государь Великій Царь всеа Русіи велѣлъ вамъ поклонитися, да грамота подати. «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ, въ Ругодивъ бергоместеру и ратманомъ. Присылалъ къ намъ Римскій Цесарь Ферderикусъ посла своего Николая, и мы нынѣ послали къ Цесарю и къ его сыну къ Максиміану посла своего Юрія Трахоніота Грека, и вы бы ему дали проводника, а велѣли бы есте его проводити до Колывани, а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили. А писанъ на Москвѣ, отъ созданія міру въ лѣто 6997, Марта 22 день».

А въ Колывани Кулпѣ бергоместру и ратманомъ отъ Великого Князя поклонитися: Іоаннъ Государь Великій Царь всеа Русіи велѣлъ вамъ поклонитися. Да подати поминокъ, а молвити такъ: Іоаннъ Государь Великій Царь всеа Русіи вамъ поминается корабельникъ. А опослѣ того грамота подати: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ, въ Колывань бергоместеру и ратманомъ. Присылалъ къ намъ Римскій Цесарь Фердерикусъ посла своего Николая, и мы нынѣ послали къ Цесарю и къ его сыну къ Максиміану посла своего Юрія Трахоніота Грека. И какъ дастъ Богъ на веснѣ корабли пойдутъ, и вы бы того нашего посла Юрія и съ его товарищи и съ ихъ людьми, велѣли на корабль посадити насъ для, да и море перепровадити къ Любку или къ Филандре, куды похочетъ пойти нашъ посолъ Юрій; также и оттолѣ къ намъ поѣдетъ тотъ нашъ посолъ Юрій, и кто къ намъ съ нимъ вмѣстѣ оттолѣ пойдетъ, или опрочѣ его которые люди

оттолѣ къ намъ поѣдутъ па наше имя, и выбы ихъ велѣли проводити до нашіе земли, а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили. Да послали есмя къ вамъ съ сею своею грамотою своего человѣка Семена, а велѣли есмя ему у васъ на Колывани дождати того, какъ нашъ посолъ Юрій на корабль поійдетъ, и тотъ нашъ человѣкъ Семенъ какъ поѣдетъ къ намъ отъ васъ изъ Колывани, и вы бы его велѣли проводити до нашіе земли. А писанъ на Москвѣ, отъ созданіа міру въ лѣто 6997, Марта 22 день».

Да дождати Кулпѣ въ Колывани того, какъ Юрья на корабль поійдетъ, и ему поѣхати къ Великому Князю. А се Юрію дана грамота подорожная: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московскоі землѣ и по Тферской землѣ до Торжку, да и въ Торжокъ старостамъ, а отъ Торжку по Новогородской землѣ до Великого Новагорода по ямомъ ямщикомъ, чтобы есте давали Юрію Греку по десяти подводъ, а Ивану Халепѣ по три подводы, а Костѣ Оксентьеву по три подводы, отъ яму до яму, по сеі моеі грамотѣ. Лѣта 97-го, Марта».

А се Кулпѣ дана грамота подорожная: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московскоі землѣ и по Тферскоі землѣ, до Торжку по ямомъ ямщикомъ, да и въ Торжокъ старостамъ, а отъ Торжку по Новогородскоі землѣ до Великого Новагорода по ямомъ ямщикомъ, также и назадъ отъ Новагорода до Москвы. Послалъ есмы съ Юріемъ съ Грекомъ въ Нѣмцы Кулпу Оксентьева, и вы бы ему давали по двѣ подводы до подводъ, отъ яму до яму, по сеі моеі грамотѣ. Лѣта девятьдесять седьмаго».

А сякова грамота Юрію дана къ Новогородскимъ намѣстникомъ къ Якову да къ Юрію: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси въ нашу отчину, въ Великіі Новгородъ, бояромъ и намѣстникомъ нашимъ Якову да Юрію Захарьичемъ. Послалъ есми къ Цесарю Юріа Грека, да съ нимъ Ивана Халепу, да Костю Оксентьева, а съ нимъ есми послалъ въ Нѣмци на Ругодивъ и въ Колывань съ грамотами Кулпу Оксентьева, чтобы Юріа пропустили; и вы бы имъ велѣли давати отъ Новагорода по дорозѣ до Нѣмецкого рубежа до Ругодива подводы, отъ стану до стану, Юрію десять подводъ, а Халепѣ три подводы, а Костѣ три же подводы, а Кулпѣ двѣ подводы. А за рубежъ бы есте въ Нѣмецкую землю подводъ имъ не велѣли давати; далъ есми Юрію на тѣ подводы деньги, а велѣлъ есми имъ изъ Ругодива подводы наняти до Колывани. А какъ поѣдетъ Кулпа изъ Нѣмецъ, и вы бы ему велѣли дати отъ Нѣмецкого рубежа по Новогородской землѣ до Новагорода по двѣ подводы».

—

6998—1490.

Лѣта 98, Іюля 16, пріѣхалъ къ Великому Князю на Москву отъ цесарева сына отъ Максиміана Короля Римского посолъ его Юрьи Делаторъ съ Великого Князя посломъ съ Юрьемъ съ Грекомъ вмѣстѣ. А ѣхалъ отъ Колывани на Псковъ, да на Новгородъ Великій, а изъ Новагорода велѣлъ Князь Великій намѣстникомъ боярину своему Якову Захарьичю, да Петру Михай-

ловичю послать въстрѣчю пристава, а велѣлъ ему кормъ давати съ медомъ по дорозѣ до Новагорода, а въ Новѣгородѣ велѣлъ ему кормъ давати съ медомъ и съ виномъ, а отъ Новагорода по дорозѣ до Тфери и ото Тфери по дорозѣ до Москвы велѣлъ ему давати на станѣхъ кормъ съ медомъ и съ виномъ; а людей съ посломъ шесть человѣкъ его, а самъ семой. А приставъ съ нимъ ѣхалъ отъ Новагорода до Москвы Гридя Борисовъ сынъ Трофимова, а ѣхалъ отъ Новагорода въ суднѣ Мстою, да въ Тферцу, да Волгою до Шоши; а Юрья Грекъ ѣхалъ съ нимъ же въ суднѣ до Новогоряду, а отъ Новогоряду велѣлъ ему Князь Великій ѣхати къ себѣ напередъ на подводахъ. А какъ Юрья Грекъ пріѣхалъ къ Великому Князю на Москву, и онъ сказалъ, что ему отъ Цесаря и отъ его сына отъ Максиміана Короля честь была велика. А коли къ нимъ Юрья ни прихаживалъ, и они сами встрѣчали его, съступивъ съ своего мѣста ступени три, четыре, да руку подавали стоя. А коли Юрья Грекъ впервые былъ у Максиміана, и онъ посадилъ его противъ себя на скамейкѣ близко, а опослѣ того сажалъ его всегды подлѣ себя. А какъ поѣхалъ отъ Максиміана къ Цесарю, и онъ сказываетъ, Цесарь послалъ противъ его встрѣчю боярь своихъ въ суднѣ моремъ верстъ и за пять и за шесть отъ того города, гдѣ его наѣхалъ; а встрѣчалъ его Цесарь и садилъ у себя и честь ему чинилъ по тому жъ, какъ и сынъ его Максиміанъ Король. И Князь Великій послалъ противъ Максиміанова посла Юрья Хозюка Повадина съ коньми на усть Шоши къ Волзѣ. И Хозюкъ его встрѣтилъ въ Клинѣ, да явилъ ему отъ Великого Князя жеребецъ иноходъ, да лошакъ, на чемъ ему самому ѣхати; а люди его ѣхали до Москвы на подводахъ; и онъ Хозюку далъ шесть золотыхъ Угорскихъ. А на Москвѣ приставомъ велѣлъ Князь Великій быти у Максиміанова королева посла Ивану Берсеню Никитину сыну Беклешова. И встрѣтилъ его за десять верстъ отъ Москвы у Кузьмы Демьяны на Хинскѣ, на Тферской дорозѣ. А пріѣхалъ на Москву въ пятницу.

А велѣлъ ему Князь Великій у себя быти послѣ того на третеій день въ недѣлю, Іюля 18. А посылалъ по него на подворье окольничего своего князя Ивану Звенца, да Юріа Грека, и пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ на дворъ. А Князь Великій велѣлъ его встрѣтити на своемъ дворѣ конецъ лѣсницы каменые своему околничему Ивану Чеботу, да діаку Өеодору Курицину. А передъ своими дверми, передъ полатою передъ малою, велѣлъ его встрѣтити боярину своему Андрею Михайловичю Плещѣеву да Одинцу діаку. А какъ пришолъ къ Великому Князю, и онъ отъ Короля отъ Максиміана къ Великому Князю поклонъ правилъ. И Князь Великій вставъ, да вспросилъ его о королевѣ здоровіѣ, да и руку ему подалъ стоя, да велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ противу себя близко; да посидѣвъ мало, посолъ королевъ Юрій вставъ подалъ грамоту вѣрющую. А се съ тое грамоты вѣрющіе списокъ: «Максиміанъ, Божіею милостію Король Римскій, всегда августъ, и Князь Австрьскій, Князь Бергоньскій, Лургинскій, Стырскій, и Карантеньскій и иныхъ. Премощнѣйшему, и начальнѣйшему, дражайшему другу: мы есмя нашему съвѣтнику и въ царствѣ драгому и вѣрному Юрію Делатору нѣкія вещи съ твоимъ навышьствомъ отъ нашеа страны приказали говорити, якожъ

онъ отъ насъ наединѣ и по части есь изображенъ; просимъ отъ твоего навышества, любообразно моляся оному, угодно буди предреченному нашему совѣтнику нынѣ съвръшенно, аще бы какъ тѣлу нашему взаяти достойную вѣру, и въ семъ явитъ твое дражайшество любезнѣйшее издовленье. Данъ въ градѣ нашемъ Бебрѣ, въ 17 день мѣсяца Февруарія, отъ въплощенья Христова въ 1490, въ 5-е лѣто государства нашего». А на подписи: Свѣтлѣйшему, и Всемочнѣйшему и Начальнѣйшему Іоанну Вседръжавному Государю Русьскому, нашему дражайшему другу.

А опослѣ грамоты подалъ отъ Короля Великому Князю поминокъ: бархатъ Венедитцкой, темносинь, гладокъ. А того дни рѣчей Великому Князю отъ Короля не говорилъ. А тогды были при немъ у Великого Князя дѣти его Князь Василей, да Князь Юрій; а поклона имъ отъ Максиміана Короля не правилъ, а руки ему подавали и о здоровьѣ его вспросили. А бояры всѣ тогды при немъ были у Великого Князя. И ѣлъ того дни у Великого Князя королевъ посолъ Юрій. А опослѣ стола посылалъ къ нему Князь Великій на подворье чтити его съ виномъ и съ медомъ окольничего Ивана Чебота.

И опослѣ того велѣлъ Князь Великій ему быти у собя, а посылалъ по него на подворіѣ Юрья Грека. А встрѣчалъ его конецъ лѣсницы на площади Иванъ Чеботъ. А какъ пришолъ къ Великому Князю въ малую полатку, и Князь Великій съступивъ съ своего мѣста, да подалъ ему руку; да велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ противъ себя; и онъ сѣдши и посольство правилъ. И Князь Великій велѣлъ ему своего посольства рѣчи написати на списокъ, да принести къ себѣ. И онъ опослѣ того своихъ рѣчей списокъ принесъ къ Великому Князю.

А се списокъ его посольства: Изряднѣйшій и премощный начальникъ, послѣ братскихъ и благообразныхъ поклоновъ, что отъ непобѣдимаго Максиміана Короля Римского приносимыхъ твоему навыштву оставляемъ празныхъ; мысль его навышества есть, да дружба, что промежъ Величества Царя Фердерика четвертого и твоимъ навысшествомъ не должно обоихъ странъ приносима посулно, и изященна и посулна къ величству Краля Римского отъ величества Царя отца его; и еще отъ господина Юріа Траханіота Грека, посла Величества Твоего не останется безъ съвръшенія, но укрѣпится, и утвердится и соблюдется правымъ и прямымъ связаніемъ на Короля Польского и иныхъ, хотящу ему помѣшати величству Короля Римского въ достатьи королевства Угерского, истинного и праведного его отчьства и наслѣдіа, которое королевство, всякую вещь оставя оправданій ради своихъ, поможеніемъ вседръжителя Бога, своею силою и промысломъ и помочью Величества Твоего, переложилъ или смирнообразно миромъ, или крѣпкою рукою войскомъ, пріати его. А учиненье связанью и времяни откровенію мысли твоего навысшества къ Величеству Краля Римского кладетъ непобѣдимый Король Римскій въ воли твоего навысшества рассуженья. А какъ язъ имамъ услышати и уразумѣти волю Величества Твоего, во всемъ имамъ изъяснити рѣчь.

И Князь Великій выслалъ къ нему Андрея Ѳеодоровича, да съ нимъ Бориса Кутузова. И Андрей ему говорилъ отъ Великого Князя: Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: что еси намъ говорилъ отъ своего Государя

отъ Максиміана Короля о любви и о единачьствѣ, что хочетъ доставати отчьства своего Угорского королевства, ино есть ли воля Государя нашего помогати ему на Польского Короля, а хочешь пространнѣе того изъяснити рѣчь. И Государь нашъ съ твоимъ Государемъ съ Максиміаномъ съ Королемъ любви и одиначства хочетъ. А съ тобою которые рѣчи наказаны отъ твоего Государя къ Государю нашему, и ты бы тѣ рѣчи Государю нашему всѣ выговорилъ.

И онъ отвѣчалъ Андрею такъ: Государь нашъ Максиміанъ Король радъ тому съ вашимъ Государемъ быти въ любви и въ одиначствѣ. А которые рѣчи отъ Государя моего со мною наказаны къ Государю къ вашему, и язъ написавъ да принесу къ Государю тѣхъ рѣчеіі списокъ. Да списокъ рѣчей своихъ принесъ къ Великому Князю. А се списокъ: Изряднѣйшій начальникъ, язъ уразумѣвъ братскій и добрѣ сложенный отвѣтъ Твоего Величества къ непобѣдимому Кралю Максиміану Римскому, и какъ есмь и выше молвилъ изяшную рѣчь Величеству Твоему, ижъ есть аще въ преложеніи доставаніа величства Краля Римского королевства Угерского, Король Чешьскій помочью отца своего или собою помѣшаетъ Величеству Краля Римского, и Твое бы Величество хотѣлъ подняти доспѣхъ на Польского Короля. Еще, аще который отъ прочихъ сыновъ Короля Польского открыто помочью отца своего или собою, говоря, что званъ есмь отъ Угръ или пакъ съ людьми у счастію подоимется, хотя мѣшати такому доставанію, и Твое бы Величство хотѣлъ же въздвигнути брань на Короля Польского, доколѣ упразнятся отъ таковаго помѣшанья и до твоего доброго разсуда и до довлѣнія Короля Римского. Еще хочетъ уразумѣти Величство Краля Римского, аще славы ради его вопрошеніемъ его Твое Величство пошлетъ нѣкое число людей къ Нѣмцомъ и на колко время? Еще аще въ Филандрію или въ иныхъ его земель запада будетъ надобѣ отъ твоихъ людей на измѣнниковъ его Величства или на ихъ пособниковъ, аще будетъ Король Франъчьскій или иные, Твое Величство имать послати нѣкое число людей и на колко время?

А опослѣ того говорилъ Великому Князю наодинѣ о сватовствѣ: Государь нашъ велѣлъ съ тобою говорити: есть ли твоя воля дати своя дочка за нашего Государя за Максиміана за Короля, а то бы межи васъ тайно было не вѣдомо никому. Не будетъ твоей воли на то, ино бы то дѣло, о которомъ есми твоей милости напередъ отъ своего Государя отъ Максиміана Короля говорилъ, межи васъ дѣлалося.

Да опослѣ того былъ у Великіе Княгини у Софьи въ повалушѣ въ середнеіі. А правилъ Великой Княгинѣ отъ Максиміана Короля поклонъ. Да и поминки подалъ Великой Княгинѣ птицу папагалъ, да сукно сѣро.

Да опослѣ того Юрію Греку говорилъ, чтобы ему видѣти дочерь Великого Князя, да и о приданомъ говорилъ.

И Князь Великій высылалъ къ нему говорити о сватовствѣ Андрея Ѳеодоровича, да съ нимъ Бориса Кутузова, а Юрій Грекъ съ ними же ходилъ. И Андрей ему говорилъ: Что еси говорилъ Государю нашему отъ своего Государя отъ Максиміана отъ Короля о сватовствѣ, чтобы Государю нашему за него дати своя дочи, и Государь нашъ то дѣло съ Божіею волею хочетъ дѣлати, дочерь свою за твоего Государя хочетъ дати.

А то Борисъ говорилъ: Государь твоій Максиміанъ Король вѣдаетъ самъ, что Государь нашъ Греческого закона, а онъ Римского закона, и взвелитъ Богъ быти Государя нашего дочери за твоимъ Государемъ, а Государь твоій дастъ ли свою грамоту утверженую за своею печатью на то, чтобы Государя нашего дочи была въ Греческомъ законѣ, и церковь бы у нее была Греческая и священники и весь законъ Греческіі неподвижно и до живота? И онъ отвѣчалъ такъ: Со мною о томъ отъ Государя нашего наказа нѣтъ, а скажемъ то мы своему Государю; а Государь вашъ къ нашему Государю накажетъ о томъ съ своими послы. А о томъ, что видѣти дочерь, да и о приданомъ, велѣлъ ему молвити Юрію; и Юрьи ему молвилъ: У Государя нашего того обычая нѣтъ, не пригоже тебѣ напередъ дѣла его дочерь видѣти. А о приданомъ говорилъ ему Юріи: Государь нашъ, Государь Великіі; а того есмя не слыхали, чтобы межи Великими Государи ряда была о приданомъ. Коли взвелитъ Богъ быти Государя нашего дочери за твоимъ Государемъ за Максиміаномъ за Королемъ, и Государю нашему своего для имени и своей дѣля дочери давати казна съ своею дочерью, какъ есть пригоже Великимъ Государемъ.

А се отвѣтъ Великого Князя королеву послу Максиміанову Юрью Делатору; а высылалъ къ нему Князь Великіі съ отвѣтомъ боярина своего Андрея Ѳеодоровича, да Бориса Васильевича Кутузова: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: пріѣхалъ еси къ нашему Государю отъ своего Государя отъ Максиміана Короля съ грамотою съ вѣрющею, и рѣчи еси Государю нашему отъ своего Государя отъ Максиміана Короля говорилъ, чтобы Государю нашему съ твоимъ Государемъ съ Королемъ быти въ любви и въ братствѣ и въ единачствѣ; а быти бы нашему Государю съ Максиміаномъ съ Королемъ заодинъ на своихъ недруговъ. И Государь нашъ съ твоимъ Государемъ съ Максиміаномъ съ Королемъ любви и братства и единачства хочетъ и грамоту свою утверженую на то записалъ, какъ Государю нашему съ твоимъ Государемъ съ Королемъ быти заодинъ на своихъ недруговъ, и печать свою Государь нашъ къ той грамотѣ приложилъ, и велѣлъ ту грамоту тобѣ явити; а шлетъ Государь нашъ на то дѣло къ Максиміану къ Королю своихъ пословъ Юрья да Василья, а ту свою грамоту утверженую съ ними шлетъ къ твоему Государю. И Максиміанъ бы Король свою грамоту утверженую записалъ такову жъ, какову грамоту Государь нашъ къ нему послалъ, какъ Государю твоему съ нашимъ Государемъ быти заодинъ на своихъ недруговъ, и печать бы свою Максиміанъ Король приложилъ къ той грамотѣ, и крестъ бы цѣловалъ къ нашему Государю на тѣхъ грамотахъ передъ Государя нашего послы, да по тому бы Государь твой нашему Государю и правилъ; а далъ бы Максиміанъ Король свою грамоту Государя нашего посломъ. И Государя нашего послы, видѣвъ твоего Государя грамоту и его правду, по Государя нашего наказу, къ Максиміану Королю цѣлуютъ крестъ на тѣхъ грамотахъ до нашего Государя, а какъ у нашего Государя будутъ его послы и грамоту королеву Максиміанову къ нашему Государю привезутъ, и посолъ королевъ у нашего Государя будетъ, и Государь нашъ

на тоіі грамотѣ къ твоему Государю къ Максиміану Королю цѣлуетъ крестъ передъ его посломъ, да по тому, ажъ дастъ Богъ, Государь нашъ твоему Государю и хочетъ правити.

А се Борисъ говорилъ: А что еси говорилъ Государю нашему отъ своего Государя отъ Максиміана Короля о сватовствѣ, чтобы Государю нашему дати за твоего Государя за Максиміана Короля своя дочерь, и Государь нашъ съ Божіею волею то дѣло хочетъ дѣлати, дочерь свою хочетъ дати, ожъ Богъ того захочетъ. А что есмя отъ своего Государя говорили съ тобою о Греческомъ законѣ о его дочери, и Государь нашъ о всемъ о томъ къ твоему Государю къ Максиміану Королю наказалъ съ своими послы.

А се самъ Князь Великій отвѣчалъ Максиміанову королеву послу Юрью Делатору: что еси къ намъ отъ своего Государя отъ Максиміана Краля привезъ грамоту вѣрющую и рѣчи еси намъ говорилъ, и мы тѣ рѣчи выслушали и вразумѣли и отказали есмя тобѣ своимъ бояриномъ Андреемъ да Борисомъ; что отъ насъ тобѣ говорили, то есть наши рѣчи; а съ твоимъ Государемъ съ Королемъ Максиміаномъ любви и братства и единачства хотимъ, а на своихъ недруговъ хотимъ съ нимъ быти заодинъ. А что еси намъ говорилъ отъ своего Государя отъ Максиміана отъ Короля о сватовствѣ, чтобы намъ дати за него своя дочка, и мы съ Божіею волею то дѣло хотимъ дѣлати, а шлемъ къ твоему Государю къ Максиміану къ Королю на тѣ дѣла на всѣ своихъ пословъ Юрья и Василья; и что отъ насъ учнутъ говорити Максиміану Королю тѣ наши послы, то есть наши рѣчи.

Да къ Королю къ Максиміану Князь Великій приказалъ съ нимъ поклонъ, да за поминки велѣлъ поклонитися. Да туто жъ на отпускѣ пожаловалъ Князь Великій Максиміанова королева посла Юрья Делатора, учинилъ его золотоносцемъ, далъ ему чепь золоту со крестомъ, да шубу отласъ съ золотомъ на горностаѣхъ, да остроги серебряны золочены.

А какъ вышелъ отъ Великого Князя, и онъ шелъ въ набережныіі сѣнникъ, и тамо отъ Великіе Княгини отъ Софьи къ Королю Максиміану приказалъ поклонъ Дмитрей Грекъ Старой. Да и за поминки отъ Великіе Княгини Королю велѣлъ поклонитися; а Великая Княгиня тогды была больна.

—

Лѣта 98 послалъ Князь Великій къ Королю къ Максиміану къ Римскому пословъ своихъ: Юрія Грека да Василія Кулешина, а съ ними послалъ Халепу, да Юшка подьячего, а приставъ посланъ съ посломъ, кому кормъ давати до Новагорода, Олешка Голохвастовъ, а о проѣздѣ о Юрьевѣ и о Васильевѣ послалъ Князь Великій въ Нѣмци на Ругодивъ и на Колывань Ѳеодора Чирку Семенова сына Сурмина. А выѣхали съ Москвы вмѣстѣ съ королевымъ посломъ съ Юрьемъ съ Делаторомъ, Августа 19, въ четвергъ. Да съ ними жъ съ кречатомъ послалъ Князь Великій до Колывани Костю сокольника.

Правити посольство отъ Великого Князя Юрью Траханіоту Греку да Василію Кулешину Максиміану Кралю Римскому. Первое Юрью молвити: Іоаннъ, Великій Государь всея Руси, Твоеіі Свѣтлости велѣлъ поклонитися. А опослѣ того о здоровьѣ вспросити: Государь всея Руси велѣлъ видѣти здравіе Твоей Свѣтлости. Да за поминки поклонитися: Госу-

дарь всеа Русіи за поминки Твоей Свѣтлости велѣлъ поклонитися.

А опослѣ того Василію молвити: Великая Государыня наша Софія Твоему Навыштству велѣла поклонитися. А опослѣ того Василію о здоровіѣ вспросити: Великая Государыня наша Софья велѣла видѣти здравіе Твоего Величества. Да за поминки поклонитися: Великая Государыня наша Софья за поминки Твоей Свѣтлости велѣла поклонитися.

А послѣ того отъ Великого Князя Юрью поминки явити, и молвити: Государь всеа Русіи Твоей Милости поминается, кречетъ да сорокъ соболеіі.

А опослѣ того Великіе Княгини Василью поминки явити, а молвити: Великая Государыня наша Соѳья твоеіі Свѣтлости поминается, сорокъ соболей да камка.

А опослѣ поминковъ грамота подати вѣрющаа. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостью Государь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскіі, и Псковскіі, и Тферскій, и Югорскіі, и Вятскій, и Пермскіі, и Болгарскіі и иныхъ наяснѣіішему и велпчайшему пріятелеви нашему възлюбленному. Послали есмя до Вашіе Свѣтлости нашихъ пословъ Юрія Траханіота да Василья, вѣрныхъ нашихъ съ нашими рѣчьми, и что будутъ отъ насъ Вашеіі Милости говорити, и Ваша бы Милость имъ вѣрилъ, то есть наши истинные рѣчи. А писанъ на Москвѣ, отъ созданіа міру въ лѣто 7998, мѣсяца Августа 16.» А на подписи: наяснѣіішему и величаіішему, вседержавному Максиміану Кралю Римскому, пріятелеви нашему возлюбленному.

А рѣчь, какъ велитъ себѣ Король говорити, ино рѣчь говорити наединѣ.

А се говорити Юрію: Государь всеа Русіи велѣлъ Твоей Свѣтлости говорити: присылалъ еси къ намъ своего посла Юрья Делатора, а съ нимъ еси прислалъ свою грамоту вѣрющую, а въ грамотѣ писано, что намъ отъ тебе учнетъ говорити твой посолъ Юрьи, и намъ бы ему вѣрити, какъ и самому тебѣ.

А се Василью говорити: Государь всеа Руси велѣлъ тобѣ говорити: говорилъ намъ отъ тобя твой посолъ Юрьи, чтобы намъ быти съ тобою въ любви и въ братствѣ и въ единачствѣ, а быти бы намъ съ тобою заодинъ на своихъ недруговъ.

Юрью говорити: Государь всеа Руси велѣлъ тобѣ говорити: и мы съ тобою любви, и братства и единачства хотимъ, и грамоту есмя свою утверженую на то записали, какъ намъ съ тобою быти заодинъ на своихъ недруговъ, и печать есмя свою къ тоіі грамотѣ приложили, и твоему послу Юрью ту есмя грамоту явили и послали есмя къ тебѣ ту грамоту съ нашими послы.

Василію говорити: Государь всеа Руси велѣлъ тобѣ говорити: и ты бы свою грамоту утверженую записалъ такову жъ, какову грамоту мы къ тобѣ послали, какъ намъ съ тобою быти заодинъ на нашихъ недруговъ, и печать бы еси свою приложилъ къ тоіі грамотѣ, и крестъ бы еси къ намъ цѣловалъ на тѣхъ грамотахъ предъ нашими послы, да по тому бы еси намъ и правилъ, а далъ бы еси свою грамоту нашимъ посломъ; и наши послы, видѣвъ твою грамоту и твою правду, по нашему наказу, къ тебѣ цѣлуютъ крестъ на тѣхъ грамотахъ до насъ, а какъ у насъ будутъ наши послы, и грамоту твою къ намъ привезутъ, и твой посолъ у насъ будетъ, и мы на тоіі грамотѣ къ тебѣ цѣлуемъ крестъ передъ твоимъ

посломъ, да по тому, ажъ дастъ Богъ, и хотимъ тебѣ правити.

А се такову грамоту докончальную послалъ Князь Великій съ Юрьемъ съ Грекомъ, да съ Васильемъ съ Кулешинымъ къ Максиміану Королю за золотою печатью, а писана на харатьѣ; «По Божіеі волѣ и по нашей любви, Мы Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій и иныхъ, взяли есмя любовь и вѣчное докончаніе съ своимъ братомъ съ Максиміаномъ, Кралемъ Римскимъ, и Княземъ Авъстрьскимъ, и Княземъ Бергоньскимъ, и Лургинскимъ, и Стырскимъ, и Карантенскимъ и иныхъ, быти намъ съ нимъ во братствѣ и въ любви и во единачствѣ по сей грамотѣ, гдѣ будетъ тобѣ, нашему брату Максиміану Кралю, надобѣ наша помочь на твоихъ недруговъ, и намъ тебѣ помагати, гдѣ будетъ намъ мочно; а гдѣ будетъ намъ надобѣ твоя помочь на нашихъ недруговъ, и тебѣ намъ помагати, гдѣ будетъ тебѣ мочно. А почнешь, брате, ты доставати своего отчьства Угорского королевства себѣ, а Казимеръ Король Польскій, или сынъ его Чешскій Король, или его меньшіе дѣти учнутъ Угорского королевства себѣ доставати, и тебѣ намъ вѣсть послати; и намъ тебѣ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости. Также и мы, ожъ дастъ Богъ, какъ учнемъ доставати своего отчьства, Великого Княжества Кіевского, что за собою дръжитъ Казимиръ, Король Польскій и его дѣти, нашего Государства Рускихъ земль, и намъ тебѣ вѣсть послати, и тебѣ намъ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости; а будетъ намъ валка съ Казимеромъ съ Королемъ и съ его дѣтми, а не успѣемъ тебѣ вѣсти послати, а тебѣ про то вѣдомо будетъ, и тебѣ намъ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости; а тебѣ будетъ валка съ Казимеромъ съ Королемъ и съ его дѣтми, а не успѣешь къ намъ вѣсти послати, а намъ про то вѣдомо будетъ, и намъ тебѣ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости; а быти намъ съ тобою на Казимера на Короля и на его дѣти заодинъ и до живота; а тебѣ съ нами быти на Казимера на Короля заодинъ и до живота. А твоимъ посломъ и гостемъ по нашимъ землямъ путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ, а нашимъ посломъ и гостемъ по твоимъ землямъ путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ. А на томъ на всемъ Мы Іоаннъ, Божьею милостью Государь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій и иныхъ, цѣловали есмя крестъ къ тебѣ къ своему брату къ Максиміану Кралю Римскому, и Князю Авъстрьскому, и Князю Бергонскому, и Лургинскому, и Стырскому, и Карантенскому и иныхъ по любви вправду, а по сей намъ грамотѣ правити; а къ сей нашей утверженой грамотѣ и печать нашу привѣсили есмя. А писанъ на Москвѣ, отъ созданія міру въ лѣто шесть тысячь девятсотъ девятдесять осьмое, мѣсяца Августа 16».

А таковъ списокъ посланъ съ Юрьемъ и съ Васильемъ, по чему имъ просити у Максиміана Короля его грамоты утверженые: «По Божіей волѣ и по нашей любви Мы Максиміанъ, Божьею милостью Кралъ Рим-

скій и Князь Авъстрьскій, и Князь Бергонскій, и Лургинскій, и Стырскій, и Карантенскій и иныхъ, взяли есмя любовь и вѣчное докончаніе съ своимъ братомъ Іоанномъ, Государемъ всеа Русіи, Володимерскимъ, и Московскимъ, и Новогородскимъ, и Псковскимъ, и Тферскимъ, и Югорскимъ, и Вятскимъ, и Пермскимъ, и Болгарскимъ и иныхъ: быти намъ съ нимъ въ братствѣ и въ любви и въ единачствѣ по сей грамотѣ; гдѣ будетъ тебѣ нашему брату Іоанну, Государю всеа Руси, надобѣ наша помочь на твоихъ недруговъ, и намъ тебѣ помагати, гдѣ будетъ намъ мочно; а гдѣ будеть намъ надобѣ твою помочь на нашихъ недруговъ, и тебѣ намъ помагати, гдѣ будетъ тебѣ мочно. А почнешь, брате, ты доставати своего отчьства Великого Княжства Кіевского, что за собою дръжитъ Казимиръ Король Польскій и его дѣти, вашего Государьства Рускихъ земль, и тебѣ намъ вѣсть послати, и намъ тебѣ на Казимера на Короля и на его дѣти помогати вправду безъ хитрости. Также и мы, ожъ дастъ Богъ, какъ учнемъ доставати своего отечьства Угорского королевства себѣ, а Казимеръ Король Польскій, или сынъ его Чешскій Король, или его меншіе дѣти учнутъ Угорского королевства себѣ доставати, и намъ тебѣ вѣсть послати, и тебѣ намъ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости; а будетъ намъ валка съ Казимеромъ съ Королемъ и съ его дѣтми, а не успѣемъ тебѣ вѣсти послати, а тебѣ про то вѣдомо будетъ, и тебѣ намъ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости; а тебѣ будетъ валка съ Казимеромъ съ Королемъ и съ его дѣтми, а не успѣешь къ намъ вѣсти послати, а намъ про то вѣдомо будетъ, и намъ тебѣ на Казимера на Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости, а быти намъ съ тобою на Казимера на Короля и на его дѣти заодинъ и до живота; а тобѣ со мною быти на Казимера на Короля и на его дѣти заодинъ и до живота. А твоимъ посломъ и гостемъ по нашимъ землямъ путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ, а нашимъ посломъ и гостемъ по твоимъ землямъ путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ. А на томъ на всемъ Мы Максиміанъ, Божьею милостью Король Римскій, и Князь Авъстрьскій, и Князь Бергонскій, и Лургинскій, и Стырскій, и Карантеньскій и иныхъ, цѣловали есмя крестъ къ тебѣ, къ своему брату Іоанну, Государю всеа Руси, Володимерскому, и Московскому, и Новогородскому, и Псковскому, и Тферскому, и Югорскому, и Вятскому, и Пермскому, и Болгарскому и иныхъ, по любви въ правду, а по сеіі намъ грамотѣ правити, а къ сеіі нашей утверженоіі грамотѣ и печать нашу привѣсили есмя. А писавъ.
. . . . ».

Память Юрью и Василью: какъ, ожъ дастъ Богъ, наѣдутъ Короля Максиміана въ которомъ городѣ, и имъ напередъ приказати къ Королю, съ приставомъ ли или съ кѣмъ будетъ пригожъ: приказано намъ отъ Государя рѣчь говорити Королю наодинѣ. И Король какъ велитъ себѣ говорити на первомъ ли приходѣ или опослѣ, и възвелитъ Король рѣчь говорити себѣ, тогды какъ они впервые придутъ къ Королю, и Юрью и Василью, отъ Великого Князя и отъ Великіе Княгини поклоны правивъ и о здоровьѣ вспросивъ и поминки подавъ, да грамота вѣрющая подати и рѣчь говорити; а възвелитъ имъ рѣчь

говорити себѣ Король послѣ первого прихода, и имъ тогды рѣчь говорити наодинѣ по записи.

Да память Юрью и Василью: просити имъ грамоты докончалные у Максиміана у Короля по Великого Князя списку слово въ слово. И пойдетъ къ дѣлу, а велитъ Король писати свою грамоту докончалную по Великого Князя списку, и Юрью и Василью говорити Королю, чтобы велѣлъ писати грамоту свою докончалную Рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словѣнинъ; а писати слово въ слово съ Великого Князя списка; а не будетъ у Короля такова писца, кому по Руски писати, ино по Латынски писати или по Нѣмецки, съ Великого жъ Князя списка. А какъ напишутъ грамоту Латинскимъ писмомъ или Нѣмецкимъ, ино та грамота перевести на Руское писмо того дѣля, чтобы пришла та грамота по Великого Князя списку слово въ слово, да и печать бы свою Король приложилъ къ той грамотѣ къ докончалной и крестъ бы цѣловалъ къ Великому Князю на той грамотѣ передъ Юрьемъ и передъ Васильемъ. И какъ цѣлуетъ крестъ Король на той грамотѣ, и Юрью и Василью къ нему крестъ цѣловати за Великого Князя, доколѣ Князь Великій самъ цѣлуетъ крестъ къ Королю передъ его посломъ. А не захочетъ Король креста цѣловати, а похочетъ присягу дати по своему обычаю, и Король бы далъ присягу на докончалной грамотѣ по своему закону. А захочетъ Король у Юрья и у Василья цѣлованья напередъ, а самъ опослѣ захочетъ цѣловати крестъ, и Юрью и Василью цѣловати крестъ напередъ Короля на тѣхъ грамотахъ, а будетъ грамота королева писана по Латынски или по Нѣмецки, ино выговорити Юрью и Василью у цѣлованья такъ: будетъ королева грамота докончалная писана по Государя нашего списку слово въ слово, а передъ тѣмъ въ ней ни прибудетъ ни убудетъ, и мы на томъ цѣлуемъ крестъ, что Государь нашъ на той грамотѣ къ Королю цѣлуетъ крестъ, занежъ мы Латынскіе грамоты и Нѣмецкіе не знаемъ; а будетъ та грамота королева не по тому писана, а прибудетъ что въ той грамотѣ лишнее или убудетъ, ино то не на нашемъ Государѣ, ни на насъ. Да просити Юрью и Василью у Короля, чтобы ту свою грамоту докончалную имъ далъ въ руки, съ ними бы ту грамоту послалъ къ Великому Князю, а не захочетъ Король Юрью и Василью дати грамоты, а захочетъ ее послати къ Великому Князю съ своимъ посломъ, и Юрью и Василью за то не ставитися.

А взмолвитъ Максиміанъ Король: язъ приказывалъ къ вашему Государю съ своимъ посломъ, чтобы мнѣ помагалъ не на одного Казимера Короля и на его дѣтей, помагалъ бы намъ и на иныхъ нашихъ недруговъ, которые здѣсе въ Нѣмецкой землѣ, и Юрью и Василью говорити такъ: въ грамотахъ, Господине, въ вашихъ утверженыхъ написано: гдѣ будетъ Государю нашему мочно, и Государь нашъ тебѣ помогаетъ и на иныхъ твоихъ недруговъ. А, дастъ Богъ, дѣло сдѣлается, Король грамоту свою докончалную дастъ и крестъ цѣлуетъ къ Великому Князю.

А какими дѣлы пойдетъ на Великого Князя Казимеръ Король Польскій или его дѣти или Князь Великій пойдетъ на Казимера на Короля или на его дѣти, а Юрью и Василью про то вѣдомо будетъ, и Юрью и Василью говорити Королю, чтобы по своему докончанью Великому Князю помо-

галъ на Казимера па Короля на Польского и на его дѣти.

А учнетъ говорити Король такъ: язъ къ Великому Князю крестъ цѣловалъ, что намъ быти заодинъ на своего недруга, а вы ко мнѣ крестъ цѣловали за Великого Князя, ино язъ нынѣча жъ хочю поіти доставати Угорского королевства, и Князь бы Великій мнѣ помагалъ на Короля на Польского и на его дѣти. И Юрью и Василью говорити такъ: то, господине, вельми добро, что хочешь свое дѣло дѣлати, а съ нами, господине, ко Государю нашему о томъ дѣлѣ накажешь и своего посла пошлешь, и Государь нашъ, Господине, тебѣ на твоихъ недруговъ помогаетъ по тому, какъ съ тобою записалъ; а захочетъ Король роки чинити, и Юрью и Василью молвити: съ нами, Господине, о томъ накажешь къ нашему Государю, да и съ своимъ посломъ, и мы то своему Государю скажемъ и Государь нашъ по тому и дѣлаетъ.

Память Юрью и Василью: какъ правятъ посольство Королю о любви и о единачствѣ, и вспроситъ ихъ Максиміанъ Король, есть ли за вами иные рѣчи отъ вашего Государя? И Юрью и Василью молвити: есть, Господине, за нами и иные рѣчи, да какъ отдѣлаешь то дѣло о любви и о единачствѣ, и мы тогды тебѣ тѣ рѣчи изъявимъ. Да какъ дастъ Богъ то дѣло отдѣлается о любви и о единачствѣ, Максиміанъ Король крестъ цѣлуетъ передъ Юрьемъ и передъ Васильемъ и грамоту свою утверженую съ своею печатью дастъ, ино опослѣ того дѣла Юрью и Василью говорити рѣчь отъ Великого Князя Максиміану Королю о сватовствѣ наединѣ.

А взвелитъ Король себѣ говорити рѣчь и о сватовствѣ, а грамоты докончалные не писавъ, ни креста не цѣловавъ, и Юрью и Василью говорити, чтобы напередъ то дѣло сдѣлалъ о любви и о единачствѣ; а не отмолвится того, ино о сватовствѣ рѣчь говорити.

А се рѣчь Юрью говорити: Государь всеа Руси велѣлъ тобѣ говорити: говорилъ намъ отъ тобя твой посолъ Юрьи и о сватовствѣ, чтобы намъ дати за тобя своя дочка, и мы съ Божіею волею то дѣло хотимъ дѣлати, свою дочку хотимъ за тобя дати, оже Богъ того захочетъ.

Василью говорити: Государь всеа Руси велѣлъ тобѣ говорити: Хрестьяне есмя обои, но вѣдаешь самъ: мы Греческого закона, а ты Римского закона, и ты бы намъ далъ утверженіе на то, взвелитъ Богъ нашей дочкѣ быти за тобою, ино бы наша дочка была въ Греческомъ законѣ неподвижно и до живота.

Память Юрью да Василью: вспроситъ Максиміанъ Король, каково у насъ утверженья хочетъ Государь вашъ своей дочери? И Юрью и Василью говорити: взвелитъ, Господине, Богъ Государя нашего дочери быти за тобою, ино бы у Государя нашего дочери была церковь, и священники и весь законъ Греческій неподвижно и до живота, а на то бы еси свою грамоту утверженую велѣлъ записати и печать свою приложилъ къ той грамотѣ.

А взмолвитъ Король: язъ приказалъ своему послу просити у вашего Государя, чтобы онъ велѣлъ видѣти свою дочерь моему послу, и Государь вашъ моему послу за чѣмъ не велѣлъ видѣти своей дочери?

И Юрью и Василью говорити: Государь нашъ велѣлъ спросити твоего посла Юрья, сстьли съ нимъ наказъ, каково будетъ твое утверженье Госу-

даря нашего дочери о Греческомъ законѣ, и твой посолъ Юрьи отвѣчалъ, что съ нимъ про то наказа нѣтъ, а скажу то своему Государю Королю, а вашъ Государь о томъ дѣлѣ къ нашему Государю накажетъ съ своими послы, а напередъ дѣла какъ было Государю нашему своя дочерь твоему послу велѣти видѣти?

А взмолвитъ Король: язъ нынѣ свое утверженье на то учиню, что у Государя вашего дочери церкви и священникомъ быти по Греческому закону и грамоту свою утверженую съ своею печатью къ Государю къ вашему пошлю, а шлю къ вашему Государю своего посла, и Государь нашъ нынѣ велитъ ли свою дочерь видѣти своему послу? И Юрью и Василью говорити: пошлешь, Господине, къ нашему Государю свое утверженье съ своимъ посломъ, и Государь нашъ твое утверженье увидитъ, и онъ велитъ свою дочерь видѣти твоему послу.

А взмолвитъ Король: язъ нынѣ своего посла шлю на то видѣти Государя вашего дочерь, и полюбитъ мой посолъ, и язъ велю обручати и взяти, и Государь вашъ дастъ ли свою дочерь? И Юрью и Василью молвити: будетъ, Господине, Государю нашему твое утверженье любо, и Государь нашъ велитъ свою дочерь видѣти твоему послу и дѣло дѣлаетъ, какъ Богъ взвелитъ.

А явитъ Король Юрью да Василью грамоту свою утверженую о Греческомъ законѣ, а взмолвитъ: такой ли грамотѣ пригоже быти? И Юрью и Василью молвити: намъ ся, Господине, видитъ грамота добра, какъ будетъ Государю нашему любо. А учнетъ Король давати ту грамоту Юрью и Василью, и имъ тое грамоты не имати, а молвити: шли Господине ту грамоту ко Государю къ нашему съ своимъ посломъ.

А вспроситъ о приданомъ Король, и Юрью и Василью говорити: дастъ Богъ межи вами Великими Государи то дѣло състанется, и Государю нашему своего для имени и своее дѣля дочери давати казна съ своею дочерью, какъ есть Великимъ Государемъ пригоже, а того не слыхали есмя нигдѣ, чтобы межи Государи Великими о приданомъ ряда была.

Да опослѣ всѣхъ дѣлъ говорити Юрью и Василью Королю о дорозѣ, чтобы дорогу оправлялъ своимъ посломъ, да и Великого Князя посломъ нынѣ да и впередъ на Дацкую землю и на Свѣйскую землю; а Князь Великій отъ собя оправляетъ дорогу на Свѣйскую землю своимъ посломъ, да и королевымъ посломъ.

Память Юрью да Василью: какъ ожъ дастъ Богъ съ Максиміаномъ Королемъ дѣло сдѣлается о любви, о братствѣ и о единачствѣ, и грамоту свою напишетъ, и крестъ цѣлуетъ, и все дѣло отдѣлается по записемъ, и имъ молвити отъ Великого Князя Королю, чтобы Король послалъ къ Великому Князю лѣкаря доброго, которой бы вѣдомъ былъ на нутреные болѣзни и на раны.

Да память Юрью и Василью: послано съ ними въ Любокъ къ бергоместеру и ратманомъ поминка корабельникъ, да грамота о его жъ проѣздѣ; а послати Юрью и Василью въ Любку къ бергоместеру и къ ратманомъ Юшка подьячего, а велѣти ему отъ Великого Князя имъ поклонъ сказати, а молвити такъ: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Руси, велѣлъ вамъ поклонитися. Да поминокъ податца, молвити такъ: Іоаннъ, Государь Великій, Царь всеа Русіи, вамъ поминается корабельникъ. Да грамота подати. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостью, Великій Государь, Царь всеа Русіи Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій,

и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и Болгарскій и иныхъ, въ Любокъ бергоместеру и ратманомъ. Присылалъ къ намъ Римскій Краль Максиміанъ посла своего Юрья Делатора, и мы нынѣ послали къ Максиміану къ Королю пословъ своихъ Юрья Траханіота да Василья, да съ ними своихъ людей Ивана Халепу да Юшка, и вы бы насъ для тѣхъ нашихъ пословъ Юрья и Василья и съ ихъ товарыщи и съ ихъ людьми велѣли проводити по своей землѣ, да и въ передни бы есте городы приказали, гдѣ будетъ вамъ пригожъ, кудѣ нашимъ посломъ и ихъ товарыщомъ путь будетъ, чтобы имъ давали проводники по своей землѣ. Также и оттолѣ поѣдутъ тѣ наши послы Юрій и Василей, и кто къ намъ съ ними вмѣстѣ оттолѣ поѣдутъ, или опрочѣ ихъ которые люди оттолѣ къ намъ поѣдутъ на наше имя, и вы бы ихъ велѣли на корабль посадити и море перепровадити до Колывани, а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили».

Память Юшку подьячему: какъ будутъ въ Любку, и ему отъ Великого Князя Ивану головѣ Любчанину подати поминка золотой, а молвити: Іоаннъ Великій Государь, Царь всеа Руси, поминается золотой. Да рѣчь молвити: Государь всеа Русіи велѣлъ тобѣ говорити: сказывалъ намъ нашъ посолъ Юрьи, что намъ служишь, нашимъ посломъ норовишь и дѣла нашего бережешь, и мы за твою службу тебя жалуемъ, а ты бы и впередъ намъ служилъ, посломъ бы еси нашимъ и людемъ нашимъ норовилъ и дѣла нашего берeглъ; а что тебѣ будетъ надобѣ наше жалованье, и мы тебя жаловати хотимъ.

А се такова подорожная грамота дана Юрью и Василью до Новагорода: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тферской землѣ, по ямомъ ямщикомъ до Торжку, и въ Торжекъ старостамъ, а отъ Торжку по дорозѣ по Новогородской землѣ по ямомъ ямщикомъ до Великого Новагорода: чтобы есте давали Юрію Греку по тринадцати подводъ и съ Халепою и съ Костею съ сокольникомъ; а Василью Кулешину и съ Ющкомъ по тринадцати жъ подводъ отъ яму до яму; а корму бы есте давали Юрью и съ Халепою и съ Костею и и съ ихъ людьми на яму, гдѣ ся имъ лучитъ стати, тушу боранью, а овчина назадъ, да трое куровъ, да хлѣбы; а Василью бы есте и съ Юшкомъ и съ ихъ людьми давали корму тушу жъ боранью, а овчина назадъ, да трое куровъ, да и хлѣбы по сей моеі грамотѣ. Лѣта девятьдесять осьмого, Августа».

«Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, бояриnу и намѣстнику нашему Якову Захарьичю, да намѣстнику нашему Петру Михайловичю. Послалъ есми къ Максиміану Королю посольствомъ Юрья Грека да Василья Кулешина, а съ ними есми послалъ Халепу да Ютка подьячего; и вы бы имъ велѣли давати отъ Новагорода до Нѣмецкого рубежа, отъ стану до стану, Юрію Греку и съ Халепою и съ Костею съ сокольникомъ по тринадцати подводъ, а Василью Кулешину и съ Юшкомъ по тринадцати жъ подводъ; а кормъ бы есте имъ велѣли давати на стану, гдѣ ся имъ лучитъ стати, Юрію и съ Халепою и съ Костею тушу баранью, а овчина назадъ, да трое куровъ, да

хлѣбы, а Василью и съ Юшкомъ и съ ихъ людьми, тушу же боранью, а овчина назадъ, да трое куровъ да хлѣбы».

А се съ пути изъ Бепредѣева Юрьи и Василей прислали къ Великому Князю такову грамоту съ Юшкомъ съ подьячимъ: «Господину Государю Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Руси, холопъ твой, Господине, Юрій да Васюкъ Кулешинъ челомъ бьютъ. Здѣсе, Господине, на дорозѣ явилася рѣчь отъ королева посла отъ Юрія Делатора: язъ посланъ къ Великому Князю отъ Короля Максиміана о любви, и о единачствѣ, и о братствѣ и о сватовствѣ, хочетъ ли Князь Великій съ Королемъ дѣлать, а на конецъ язъ не посланъ, а то есми и Государю Великому Князю сказалъ, и нынѣча Князь Великій шлетъ грамоту къ Королю съ печатью, а говоритъ онъ: по нашему такъ не пригожъ, чтобы послалъ Князь Великій грамоту безъ печати, и будетъ Королю любо, и онъ ту грамоту запечатавъ, да и цѣлуетъ передъ вами передъ послы, а къ Великому Князю его грамоту пошлетъ съ своимъ посломъ, и Князь Великій его грамоту запечатавъ да цѣлуетъ передъ королевымъ посломъ. А другую рѣчь говоритъ: дастъ Богъ състанется межъ Государей любовь и братство и единачство, а которого Богъ отъиметъ, и оставшей бы помогалъ дѣтемъ по тому жъ, на чемъ молвятъ. А третью рѣчь говоритъ, что Князю Великому съ Королемъ Польскимъ безъ обсылки Максиміановы Королевы не помиритися, ни Королю безъ обсылки Великого Князя не помиритися съ Королемъ Польскимъ. И ты намъ, Государь, какъ укажешь, а мы, холопы твои, челомъ бьемъ».

И Князь Великій Юшка отпустилъ, а не велѣлъ имъ за тѣмъ на пути мѣшкати, а велѣлъ имъ ѣхати къ Новугороду, а ялся за ними послати Юшка Малого, какъ поспѣетъ печать золотая къ грамотѣ; и послалъ за ними Юшка Августа 26, въ четвергъ, а съ нимъ послалъ Ѳедька Ѳеодорова Терпигорева, а велѣлъ Юшку оттолѣ и воротитися, гдѣ ихъ наѣдетъ, а Ѳедьку велѣлъ ѣхати въ Новгородъ, да какъ послы выѣдутъ въ которой день изъ Новагорода, и Ѳедьку съ тѣмъ ѣхати къ Великому Князю. А се съ Юшкомъ такова грамота послана къ Юрью и къ Василью: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Юрью Греку да діаку моему Василью Кулешину. Послалъ есми къ вамъ съ Юшкою съ Малымъ свою грамоту съ золотою печатью ту, что вамъ дати Максиміану Королю, да послалъ есми къ вамъ же память тѣмъ рѣчемъ, что вамъ говорилъ на пути королевъ посолъ, и одинова взочнутся тѣ рѣчи у Короля, ино бы вамъ было по чему отвѣчати».

А се съ Юшкомъ же послана такова запись къ Юрью и къ Василью: Память Юрію Греку да Василью Кулешину. Что имъ говорилъ на пути королевъ посолъ Максиміановъ Юрій Делаторъ, не пригожъ то, что Государь вашъ послалъ къ Королю свою грамоту съ печатью, и одинова та рѣчь взочнется у Короля у Максиміана, и Юрію и Василью говорити такъ: говорилъ, Господине, отъ тебя Государю нашему твоі посолъ Юрій о любви, и о братствѣ и о единачствѣ, а на Казимера бы на Короля Польского и на его дѣтей Государь нашъ тебѣ помогалъ и на иныхъ твоихъ недруговъ. И Государь нашъ, по твоему приказу, хотя съ тобою любви, и братства и единачства, и на

Казимера на Короля и на его дѣтей, хотя съ тобою быти заодинъ, и на иныхъ твоихъ недруговъ, да и грамоту свою утверженую на то велѣлъ записати, и передъ посломъ твоимъ ту грамоту велѣлъ чести, и посолъ твой и похвалилъ ту грамоту, а говорилъ такъ, чтобы Государь нашъ послалъ ту грамоту къ тебѣ съ своими послы. И Государь нашъ, Господине, и послалъ къ тебѣ ту грамоту съ своею печатью съ нами того дѣля, чтобы ваше дѣло не длинно было.

А учнетъ говорити Король о дѣтѣхъ, а захочетъ и въ грамоту писати о дѣтѣхъ, которого Богъ возметъ и оставшей бы помагалъ дѣтемъ. И Юрью и Василью говорити: посолъ твой, Господине, Георгій говорилъ отъ тебя Государю нашему о любви, и о братствѣ и о единачствѣ а о дѣтѣхъ, Господине, отъ твоего посла Государю нашему рѣчей не было никоторыхъ, а коли, Господине, будете съ нашимъ Государемъ въ любви, и въ братствѣ и въ единачествѣ, ино тогды и дѣти ваши съ вами жъ; а захочешь, Господине, о дѣтѣхъ писати, и ты вели опришнюю свою грамоту написати, да и печать свою къ ней вели приложити, да пошлешь, Господине, ту грамоту къ нашему Государю, и Государь нашъ, Господине, свою грамоту велитъ записати о дѣтѣхъ такову жъ, какову грамоту ты къ нему пошлешь, и печать свою къ ней приложитъ.

А взмолвитъ Королв: о чемъ въ докончалной грамотѣ не писано того, чтобы Государю вашему съ Казимеромъ Королемъ и съ его дѣтми безъ меня не миритися, а мнѣ бы безъ Государя вашего съ Казимеромъ съ Королемъ и съ его дѣтми не миритися? И Юрью и Василью говорити: написано, Господине, въ докончалной грамотѣ, быти вамъ на Казимера на Короля и на его дѣтей заодинъ и до живота, и коли, Господине, написано и до живота, ино какъ одному безъ догово миритися?

А дѣлати Юрію и Василью дѣло все по Великого Князя наказу, какъ ихъ Богъ вразумитъ.

И Юшко наѣхалъ Юрья, и Василья и посла на Волочкѣ, и туто жъ въ ту пору на Волочекъ пріѣхалъ Николаевъ человѣкъ Поплевинъ и сказалъ имъ, что Цесарь Фердерикъ живъ, а онъ ѣдетъ къ Великому Князю отъ Николая съ грамотою и съ поминки. И Юрьи Делаторъ говорилъ Юрію и Василью: не пригожъ то, что Государь вашъ съ вами не приказалъ къ Цесарю поклона, ни слова никакова. И Юрьи и Василей съ Юшкомъ съ Малымъ къ Великому Князю о томъ наказали. И Юшко пріѣхалъ къ Великому Князю напередъ Николаева человѣка, а Николаевъ человѣкъ пріѣхалъ послѣ Юшка, Сентября 1, въ среду, а привезъ отъ Николая къ Великому Князю грамоту да и поминки, а былъ у Великого Князя въ четвергъ, Сентября 2, и грамоту подалъ. А се грамота: «Насвѣтлѣйшій начальникъ! Коли есмь былъ у Высокости Твоей въ Московской землѣ, никоторыми дѣлы твои бояре и діаки вѣры мнѣ не яли, ижъ быхъ я правый посолъ отъ Цесарского Величства, але мене чаяли за лихово и за прелестника къ Высокости Твоей приходящего о неправдивыхъ дѣлѣхъ, а потомъ блюдучися стереглися мене отъ всякихъ дѣлъ, да и Высокости Твоей сказывали, ижъ быхъ я неправый посолъ былъ, и многіе посмѣхи отъ нихъ, съ великою болѣстію сердца моего трьпѣлъ есмь; да коли есмь узналъ свою великую печаль въ моей вели-

кой службѣ, дѣлаючи для милости Высокости Твоей, и отъ твоихъ думниковъ просмѣянъ есмь и никоторымъ обычаемъ мнѣ вѣры не яняли; а нынѣча Высокости Твоей послы явнѣ суть видѣли, яко святы Фома невѣрный положилъ пръстъ свой въ рану святую, а тѣ нынѣча правду скажутъ о мнѣ, если есмь Высокости Твоей неправѣ служилъ, или лгалъ, или неправые рѣчи тебѣ отъ своего Государя сказалъ или есмь былъ неправый посолъ отъ Цесарского Величества; а нынѣча есмь послалъ свою грамоту тѣхъ дѣля людей, которые тебѣ меня неправымъ посломъ сказывали, да и имѣли; а коли дастъ Богъ послы Цесарского Величства и Римского Краля дойдутъ къ Твоей Высокости, и они бы не такъ были соромочены, какъ язъ невинный, а язъ о томъ не дивлю на Высокость Твою, да и предъ Цесарскимъ Величествомъ того есмь не сказывалъ, ижъ тѣ твои люди, которые тебѣ про мене сказывали и что язъ неправый посолъ, нынѣча явѣ суть винни предъ тобою, занже неразумство есть грѣхъ у Бога, а отъ людей судъ пріиметъ. Также тѣ люди, которые у тебя на Москвѣ про мене неправые рѣчи говорили, язъ на нихъ о томъ не дивлю, занже къ нашему Государю къ Цесарскому Величьству, отколѣ люди ни приходятъ отъ иныхъ царствъ, и Государь нашъ радъ имъ съ всѣмъ сердцемъ, да и честь имъ велику даетъ, для своего высокотства дѣлаетъ свою честь предъ ними, а въ томъ ми во истинну Государю ими вѣры. Святому Царьскому Величеству за честь ему стали поминки Высокости Твоей, которые принесъ отъ тебе Юрій Траханіотъ, а язъ коли есмь былъ у Высокости Твоей слышелъ есми, иже маниста и ожерелье златые, которые принесъ мой слуга на продажу отъ купца изъ Ноберька, и Высокости Твоей полюбилося, и язъ нынѣча тое манисто и ожерелье купивши, послалъ къ Твоей Чьсти и Любви; которое манисто и ожерелье послалъ есмь къ тебѣ съ своимъ слугою съ Иваномъ Саедромъ, да и пятнатцатъ локотъ Московскихъ бархату па золотѣ; а сыну твоему перворододному Князю Великому платно черленой бархатъ на золотѣ, съ подкладкою синего чямлата. И язъ прошю, чтобы тые ты поминки отъ мене принялъ любезне для памяти моей, яко отъ вѣрного слуги своего, какъ есмь напередъ сего былъ слуга твой, да и нынѣ, да и потомъ, доколѣ есмь живъ, а въ томъ ми Высокость Твоя вѣруй ми. Святое Величство Цесарское про то ся на мене злобитъ, ижъ есмь не привезлъ изъ твоей земли живыхъ звѣрей, ижъ словутъ по Руски лоси, а по Нѣмецки елеутъ. занже роги тѣхъ звѣрей изъ Свѣйскаго Кралевства привезъ есмь, а того для прошю Высокость Твою, для ласки Цесарского Величства, ижъ бы еси послалъ мнѣ съ нынѣшнимъ моимъ съ слугою три или четыре лоси; если одинъ умретъ на дорогѣ, ино ся иной останетъ, а того жадаю отъ Высокости Твоей, занже бы исполнилъ хотѣніе Цесарского Величства, занже его Величство въ томъ ся вельми любуетъ, если два лося или болѣ будутъ ему пріятны изъ княженія Высокости Твоей, занже есмь сказалъ, что тѣхъ звѣрей много въ земляхъ Высокости Твоей; да пожаловалъ бы еси прислалъ одного гулятина, которые ѣдятъ сырое мясо, съ тѣми жъ предреченными звѣряты, и Цесарскому Величству будетъ велми за честь. А если Высокости

Твоей нельзя будетъ послати одного гулятина, и ты бы еси послалъ мнѣ предреченные звѣрята лоси, которые словутъ по Нѣмецки елеутъ, для ласки и любви Цесарского Величства; а какъ тѣ предреченные звѣрята будутъ молоды, тѣмъ и лутчи, ижъ бы были смирны; а если будутъ старые, ино имъ роги сняти, ижъ бы были смирны, а того для прошу Высокости Твоей, ижъ бы еси предреченные звѣрята съ слугою съ моимъ послалъ. И пожалуешь Государь, пошлешь тѣ звѣрята съ моимъ слугою, и ты бы, Государь, пожаловалъ послалъ съ ними своего человѣка, кому ихъ вести и кормити на дорозѣ до Колывани или до Любка, того дѣля чтобы, на пути не умерли, да чтобы Высокость Твоя вѣрила моему слузѣ Ивану о предреченныхъ звѣрѣхъ, грамотѣ да и инымъ его рѣчемъ, занже есть мой слуга вѣрный; да чтобы еси Государь пожаловалъ моего слугу, не издержавъ, наборзе отпустилъ, ижъ бы моглъ поспѣти на корабль за двѣ или за три недѣли до Покрова пріѣхати въ Любокъ, занже мнѣ было провожати посла Высокости Твоей до Норберка, да слугу своего того жъ часу съ посломъ Короля Римского къ Высокости Твоей послати, але того же часу впалъ есмь въ великую болѣзнь, ижъ есмь не выходилъ съ ложа до трею мѣсяцъ, а послѣ болѣсти просился есмь у Цесарского Величства, чтобы мене до Норберка послалъ лечитись, а туто живучи въ Норберку вмалѣ есмь оздравѣлъ, а лежалъ есмь все великое говѣніе, а то есмь думалъ, ижъ бы государьское хотѣніе исполнити, да того дѣля послалъ есмь къ Высокости Твоей своего слугу Ивана для Цесарского Величства, которому Цесарское Величство далъ грамоты подорожные къ всѣмъ Кралемъ и Княжатомъ того дѣля, ижъ бы Величство Твое болши ему вѣрилъ, коли пріѣдетъ къ Высокости Твоей, да и которою службою или честью Высокости Твоей могу служити, радъ есмъ, да и готовъ есмь на всякъ часъ, и даюся тебѣ, Государю Великому Князю, въ твою ласку, буди здравъ и счастливъ на многи лѣта. Дана изъ Норберка, въ среду послѣ тѣла Христова. Николай съ Поплева». А на подписи: насвѣтлѣйшему Князю и Господину Государю Ивану Васильевичю, Великому Князю Московскому, Государю моему ласковому.

А опослѣ грамоты поминки Великому Князю отъ Николая явилъ тѣ, которые въ грамотѣ писаны, а отъ себя явилъ Великому Князю обьяри два портища. И Князь Великій Николаевыхъ поминковъ не взялъ и назавтре въ пятницю велѣлъ ему отвѣчати Өеодору Курицыну да и поминки отдати. И Өеодоръ ему отвѣчалъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: привезъ еси къ Государю къ нашему отъ своего государя отъ Николая грамоту да и поминки, и государь твой Николай писалъ къ Государю къ нашему свою грамоту не по пригожу, какъ есть пишутъ Великимъ Государемъ. Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и коли къ намъ Николай писалъ свою грамоту не по пригожу, ино намъ и поминки его не надобѣ. Да тутъ ему и поминки отдали. А его поминокъ велѣлъ Князь Великій у него взяти, и противъ его поминка да и своимъ жалованіемъ его пожаловалъ, далъ ему три сороки соболей.

Да того жъ дни въ пятницю отпустилъ Князь Великій Юшка Малого за Юріемъ да за Васильемъ съ грамотою и съ памятью. А се грамота:

«Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Юрію Греку да діаку моему Василью Кулешину. Что говорилъ вамъ на пути посолъ королевъ Юріі Делаторъ: не пригожъ то, что отъ Государя отъ вашего къ Цесарю къ Фердерику нѣтъ съ вами поклона, ни слова никакова; и мнѣ сказалъ Юшко, что есте ему противъ того отвѣчали, ино то пригожъ, какъ есте ему отвѣчали, а нѣчто взочнется та жъ рѣчь отъ Короля отъ Максиміана или отъ иного отъ кого, и язъ послалъ къ вамъ съ Юшкомъ запись, какъ вамъ о томъ отвѣчати, а иное есми къ вамъ съ Юшкомъ словомъ наказалъ; а что говорилъ вамъ Юрій Делаторъ, а сказывалъ, что будто мнѣ отъ Цесаря поклонъ правилъ, ино мнѣ онъ отъ Цесаря поклона, ни иные никоторые рѣчи не говаривалъ. А ты, Юрій, тогды коли былъ онъ у мене завсе тутъ былъ и самъ еси слышелъ, что мнѣ отъ Цесаря не говаривалъ ничего. Да что прислалъ къ мнѣ Николаі своего человѣка съ грамотою и съ поминки отъ себя, и язъ грамоту его выслушавъ, да поминковъ есми его не взялъ, того дѣля, что онъ писалъ къ мнѣ грамоту не попригожу, а ту есми грамоту, которую онъ ко мнѣ прислалъ Латинскимъ писмомъ съ Юшкомъ же, къ вамъ послалъ, а къ тебѣ къ Василью послалъ есмь съ тое грамоты списокъ Рускимъ писмомъ, чтобы ти внятно было; да и словомъ есми къ вамъ съ Юшкомъ о томъ наказалъ, одинова тамо учнетъ Николай или кто иной говорити о томъ, за что Государь вашъ не взялъ Николаевыхъ поминковъ, и вамъ бы вѣдомо было, что противу того говорити; а что мнѣ Николаевъ человѣкъ отъ себя отдалъ поминокъ, и язъ его противъ того пожаловалъ, а сверхъ того далъ есми ему на тритцать золотыхъ, и вамъ бы то было вѣдомо; да чтобы есте поѣхали не мотчая. А Юрьи Делаторъ захочетъ ожидати того Николаева человѣка, и вы бы и Юрью говорили, чтобы Николаева человѣка не ждалъ; онъ пріѣхалъ отъ Николая своимъ дѣломъ и онъ о себѣ и ѣдетъ, а здѣсе еще на Москвѣ онъ хочетъ мотчяти своими дѣлы, и вы бы его не ждали».

Память Юрію да Василью Кулешину: «Что имъ говорилъ на пути королевъ посолъ Юріі Делаторъ: не пригожъ то, что отъ вашего Государя къ Цесарю къ Ѳердерику съ вами нѣтъ поклона, ни слова никакова. И нѣчто та жъ рѣчь взочнется отъ Короля отъ Максимьяна или отъ иного отъ кого, и Юрью и Василью отвѣчати: присылалъ Цесарь къ нашему Государю своего посла Николая Поплева о любви и о дружбѣ, да и съ поминки, и Государь нашъ, хотя съ нимъ любви, посылалъ къ нему о любви да и съ поминки посла своего, мене Юрья; и Цесарь къ нашему Государю своего посла не послалъ, ни рѣчеі къ нему ненаказалъ ни которыхъ, и Государю было нашему о чемъ посылати посла своего къ Цесарю, коли его нѣтъ посла, ни рѣчей къ нашему Государю, а впередъ учнетъ Цесарь посылати къ нашему Государю своихъ пословъ, и Государь нашъ къ нему шлетъ своихъ пословъ. А сынъ его Максиміанъ Король послалъ посла къ нашему Государю о любви и о единачствѣ, и Государь нашъ, хотя съ Максиміаномъ Королемъ любви и единачства, послалъ къ нему насъ своихъ пословъ.

А Николаевъ человѣкъ Иванъ поѣхалъ съ Москвы Сентября 9 въ четвергъ, а съ нимъ послалъ

Князь Великій проводити его до Новагорода Васюка Олексѣева сына Вокшерина, да Васюка Михайлова сына Пикина, да дву Кадыевыхъ; а велѣлъ ему до Новагорода кормъ давати, а отъ Новагорода велѣлъ ему намѣстникомъ Новогородскимъ Якову да Петру проводника дати да и кормъ до Нѣмецкого рубежа.

Да послалъ Князь Великій съ посломъ съ королевымъ, да и съ своими послы о ихъ проѣздѣ въ Нѣмци въ Ругодивъ и въ Колывань Θеодора Сурмина Чирку. А се говорити отъ Великого Князя Θеодору Чиркѣ Сурмину въ Ругодивѣ бергоместеру и ратманомъ: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Русіи велѣлъ вамъ поклонитися, да грамота подати вѣрющая. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій и иныхъ, въ Ругодивъ бергоместеру и ратманомъ. Что отъ насъ учнетъ вамъ говорити нашъ сынъ боярской Θеодоръ, и вы бы ему вѣрили, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, мѣсяца Августа 16».

А опослѣ грамоты рѣчь говорити, сидя: Государь нашь, Царь всеа Русіи, велѣлъ вамъ говорити: былъ у насъ отъ Максиміана Короля Римского посолъ его Юрій Делаторъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю; а къ Королю къ Максиміану послали есмя своихъ пословъ: Юрія Траханіота да Василья: и вы бы имъ дали проводника, а велѣли бы есте ихъ проводити до Колывани, а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили.

А въ Колывани Θеодору бергоместеру и ратманомъ отъ Великого Князя поклонитися: Іоаннъ Великій Государь, Царь всеа Русіи, велѣлъ вамъ поклонитися. Да поминокъ подати, а молвити: Іоаннъ Великій Государь, Царь всеа Русіи, вамъ поминается корабелникъ. Да грамота подати вѣрющая, А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій и иныхъ въ Колывань, бергоместеру и ратманомъ. Что отъ насъ учнетъ вамъ говорити нашъ сынъ боярской Θеодоръ, и вы бы ему вѣрили, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, мѣсяца Августа 16».

А опослѣ грамоты рѣчь говорити сидя: Государь нашъ, Царь всеа Русіи велѣлъ вамъ говорити: былъ у насъ отъ Максиміана Короля Римского посолъ его Юрій Делаторъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю, а къ Королю къ Максиміану послали есмя своихъ пословъ Юрія Траханіота да Василья, и вы бы тѣхъ нашихъ пословъ Юрія и Василья, и съ ихъ товарищи и съ ихъ людьми, велѣли на корабль посадити насъ для, и море перепровадити къ Любку или къ Филандрѣ, кудѣ похотятъ пойти наши послы Юрій и Василей. Также и оттолѣ къ намъ поѣдутъ тѣ наши послы Юрій и Василей, и кто къ намъ съ ними вмѣстѣ оттолѣ пойдетъ или опрочѣ ихъ которые люди оттолѣ къ вамъ поѣдутъ на наше имя, и вы бы ихъ велѣли проводити до нашіе земли, а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили. Да послалъ Государь нашъ къ вамъ на Колывань мене своего слугу, а велѣлъ мнѣ дождати того, какъ послы его Юрій и Василей на корабль пой-

дутъ, и Государь мой велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣхати, и вы бы Государя для нашего велѣли насъ проводити до Государя нашего земли.

Да говоривъ Чиркѣ рѣчь бергоместеру и ратманомъ Колыванскимъ, да того жъ ли дни или назавтрее итти ему къ бергоместеру къ Колыванскому къ Ивану къ Жуперу, да отъ Великого Князя ему поклонитися: Іоаннъ Великій Государь, Царь всеа Русіи велѣлъ тебѣ поклонитися. Да поминокъ ему отъ Великого Князя подати, золотоії; да рѣчь говорити, сидя: Государь нашъ, Царь всеа Руси, велѣлъ тебѣ говорити: былъ у насъ отъ Максиміана Короля Римского посолъ его Юрьи Делаторъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю, а къ Королю къ Максиміану послали есмя своихъ пословъ Юрья Трахапіота, да Василья, и язъ приказалъ къ вамъ на Колывань къ бергоместеру и къ ратманомъ, чтобы тѣхъ нашихъ пословъ, и съ ихъ товарищи и съ ихъ людьми велѣли на корабль посадити, да и море перепровадити къ Любку или къ Филандрѣ. И ты бы намъ тѣмъ послужилъ, чтобы еси бергоместеру и ратманомъ говорилъ, да тѣхъ бы есте нашихъ пословъ Юрія и Василья, и съ ихъ товарищи и съ ихъ людьми велѣли на корабль посадити и море перепровадити къ Любку или къ Филандрѣ, кудѣ похотятъ итти тѣ наши послы, да какъ дастъ Богъ перейдутъ здорово море, и тѣ наши послы пошлютъ къ намъ свою грамоту, и ты бы ту грамоту допровадилъ въ Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ.

Да память Чиркѣ: дождати ему на Колывани того, какъ Юрьи и Василей на корабль пойдутъ, и въ которой день на корабль пойдутъ и на чей корабль, и къ которому мѣсту пойдутъ, а Максиміановъ королевъ посолъ Юрій съ ним жъ ли вмѣстѣ на одномъ кораблѣ пойдетъ, или инымъ путемъ кудѣ пойдетъ, и Чиркѣ то себѣ все записати да поѣхати къ Великому Князю.

А се такова грамота дана Чиркѣ къ намѣстникомъ Новогородскимъ къ Якову да къ Петру о толмачѣ и о проводникѣ: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, боярину и намѣстнику нашему Якову Захарьичю да намѣстнику нашему Петру Михайловичю. Послалъ есми съ Максиміановымъ съ королевымъ посломъ да и съ своими послы съ Юріемъ и съ Василемъ на Колывань Ѳеодора Чирку Сурмина, и вы бы послали на Яму да велѣли бы есте дати Чиркѣ Ямляномъ рубль на проводника да и толмача до Колывани, по тому жъ какъ давали напередъ сего инымъ моимъ посломъ».

Ся грамота пришла изъ Новагорода отъ намѣстниковъ отъ Якова Захарьича и отъ Петра отъ Плещѣева, а прислалъ ее Юрьи и Василей къ Великому Князю изъ Любка: «Господину Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, холопи, Государь, твои Юрьи Грекъ да Васюкъ Кулешинъ челомъ бьютъ. Пришли есмя Государь въ Любокъ изъ Колывани Октября вторынадесять день, на память святыхъ мученикъ Прова, Тараха и Андроника, и ждали есмя, Государь, посла королева Юрья до Филипова заговѣнья, и посолъ, Государь, королевъ не бывалъ, и мы, Государь, хотѣли ѣхати къ Королю и безъ его посла, и намъ, Государь, сказали бергоместеры и ратманы Любскіе, что про насъ учинилася вѣсть Королю Датскому, да Княземъ здѣшные земли, а сказываютъ, Государь, что на насъ застава, многіе

люди, а хотятъ насъ поймати. И мы, Государь, блюлися ѣхати, а дожидали есмя посла королева Юрья; и посолъ, Государь, королевъ пріѣхалъ въ Любокъ на Ѳедоровѣ недѣлѣ, во вторникъ; а коли есмя, Государь, ждали королева посла, и въ ту пору былъ Польского Короля посолъ Грекъ Антоней Ласкарь у Датского Короля да у зятя Польского Короля у нынѣшнего, что женился ново въ сей мясоѣдъ Князь Стетинской, да и въ Любку, Государь, тотъ посолъ Короля Польского былъ на Николинъ день на осенней, да и съ нами ся видѣлъ; да насъ, Государь, и о дорозѣ насъ спрашивалъ, коли намъ ѣхати и которою дорогою, и мы ему не сказали. Да какъ, Государь, пріѣхалъ въ Любокъ королевъ посолъ Юрьи, да намъ, Государь, сказалъ вѣсти про своего Государя про Короля, а сказываетъ, что къ нему тѣ вѣсти пришли уже въ Любокъ, какъ Король Матьяшъ преставился и земля Угорская порознилася на трое: треть ялася за Короля за Максимьяна, а треть за королева сына Угорского за Матьяшова, а треть ялася за Честьского Короля; и которая треть Угорскіе земли досталася за Максимьяна, и Максимьянъ нарядяся съ всѣми людьми, да и тѣ люди съ нимъ, да пошолъ доставати всее Угорскіе земли, а Честьской Король съ другіе стороны пошолъ доставать Угорскіе же земли всее. И, скажутъ, Государь, какъ послышелъ Угорского Короля сынъ Матьяшовъ, что идутъ на него два великіе Государя и ему не мочно противу ихъ стояти, и онъ, подумавъ своими ближними, да билъ челомъ Королю Максимьяну, и, скажутъ, Государь, что Король Максимьянъ принялъ его съ любовью и жалуетъ его; и бой, Государь, сказываютъ Королю Максимьяну съ Честьскимъ Королемъ былъ и людей скажутъ легло на обѣ стороны много, а верхъ королевъ Максимьяновъ; и городъ Будино Король взялъ и сѣлъ въ немъ, а Честьской Король пошолъ прочь, а про ту треть Угорскіе земли еще вѣсти нѣтъ, кому ся достала, которая треть изымалася была за Честьского Короля; а и напередъ того, Государь, въ Любку при насъ вѣстей было много про тожъ, что Король Максимьянъ Угорскую землю взялъ. А поѣхали есмя, Государь, изъ Любка съ Королевымъ съ Максимъяновымъ посломъ съ Юрьемъ вмѣстѣ, въ четвергъ по зборѣ, а мы тебѣ, своему Государю, холопи твои, челомъ бьемъ».

А сю грамоту привезъ Елка подьячей Кулешина: «Господину Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю, Царю всеа Русіи, холопи твои, Господине, Юрьи Грекъ, да Васюкъ Кулешинъ челомъ бьютъ. Милостью Божьею да и твоимъ государевымъ здоровьемъ доѣхали есмя Короля поздорову въ Норбергу, Марта двадесятъ второго, и грамоту твою, Господине, къ Королю привезли; и Король, Господине, твою грамоту полюбилъ, и свою грамоту написалъ такову же по твоей грамотѣ, и крестъ, Господине, цѣловалъ къ тебѣ на тѣхъ грамотахъ передъ нами, и грамоту, Господине, намъ далъ. А что еси, Господине, съ нами приказывалъ о сватовствѣ, и Король, Господине, обручалъ до нашего пріѣзда у Бретанское Кненни дочерь, и о томъ, Господине, дѣлѣ и рѣчей не было; а Угорскіе, Господине, земли Король Максимьянъ доставаетъ. До насъ, Господине, пріѣхалъ изъ Угорскіе земли за четыре дни въ Норбергъ съ Князьми ся видѣти и помочи у нихъ попросити; и Князи, Господине,

всѣ у него были въ Норбергу, и ялися ему помагати и послали, Господине, людей збирати; а иные, Господине, Князи идутъ съ нимъ сами, и сказываютъ, Господине, Бѣлгородъ взялъ, въ которомъ, Господине, Королей ставятъ, за восмъ милъ до Будина; а иныхъ, Господине, городковъ, сказываютъ, многые взялъ; а воеводы его, Господине, съ всѣмъ войскомъ и нынѣ въ Угорской землѣ воюютъ, а и при насъ, Господине, сказываютъ взяли городковъ и пятъ и шестъ; а Ческого, Господине, Короля сказываютъ въ Угорской же земли въ Будинѣ, а изъ города, Господине, выйти не смѣетъ, силы у него мало. А послалъ, Господине, съ нами къ тобѣ Король посла Юрья же Делатора, и ѣхалъ, Господине, съ нами до Любка, а какъ, Господине, пріѣхалъ въ Любокъ, и намъ, Господине, сказалъ: такъ мнѣ велѣлъ Король и здѣсе ждати отъ себя вѣсти, мнѣ ли велитъ ѣхати или иного кого пошлетъ; и поминки, Господине, намъ сказывалъ твои съ собою: поставъ скорлату да поставъ камка червьчята на золотѣ и Великой Кнеинѣ фермапотъ; а мы поѣхали, а онъ остался, Господине, въ Любку; а наѣхали есмя Короля въ Норбергу Марта двадесятъ второго, а поѣхали есмя отъ Короля Іюня двадесятъ третіего, канунъ Иванову дни. А мы тебѣ, своему Государю, холопи твои, челомъ бьемъ».

—

6999—1491.

Лѣта 99-го, Августа 30 день, пріѣхали послы Великого Князя Юрьи Грекъ, да Василей Кулешинъ діакъ отъ цесарева сына отъ Максиміана отъ Короля отъ Римского, а привезли отъ него грамоту докончалную съ золотою печатью и сказали Великому Князю, что Максиміанъ Король братство и любовъ съ Великимъ Княземъ взялъ, и крестъ на грамотахъ цѣловалъ, и Великого Князя грамоту у нихъ взялъ, а ту свою грамоту утверженую къ Великому Князю съ ними послалъ. И та грамота дана Дмитрею Володимерову въ казну. А се списокъ съ тое грамоты: «Мы Максиміанъ, милостію Божіею Краль Римскій и всегда августъ, Краль Угорскій, и Далматцкій, и Карбавъскій и иныхъ, Архидука Аустрьскій, Дука Бергонскій, и Берътанскій, и Лутринскій, и Барбанскій, и Стирскій, и Коратанскій, и Кранскій, и Лимбурскій, и Луценбурскій, и Гелдерскій, и Князь Филандрійскій, и Опъшпурскій, и Тирольскій, и Фетрскій, и Кабуръцкій, и Артойскій, и Бергонскій, Кондъ и Конде Паладино Енигавскій, и Оландринскій, и Зеланцкій, и Намурскій, и Зутвенскій, Маркези Цесарство Римской и Бургавскій, и Ладкравъ Елзескій, Государь Фризескій, и Условински марки, и Пордоноскій, и Салинскій, и Мехелскій и иныхъ. Являемъ вѣдати сію нашу грамоту, что по Божіей волѣ Вседеръжителя и по нашоій сердечной любви, что мы къ свѣтлѣйшему Ивану, по Божіей волѣ Началнику и Государю всеа Русіи, Князю Великому Володимерскому, и Московскому, и Новогородцкому, и Псковскому, и Тферскому, и Югорскому, и Вятскому, и Пермьскому, и Болгарскому и иныхъ, какъ къ нашему любовному брату, имѣемъ, и мы межъ себя дадимъ знати дружбѣ, и любви, и братству и единачству по сей грамотѣ быти намъ съ нимъ тѣмъ дѣломъ, гдѣ тебѣ Ивану, Началнику и Государю всеа Русіи, нашему любовному брату, противъ

твоихъ недруговъ наша помочь будетъ надобѣ, и мы тебѣ хотимъ помагати сколько можемъ со всею нашою силою; и ты также, гдѣ намъ будетъ твоя помочь на нашихъ недруговъ надобѣ, и тебѣ намъ помагати, гдѣ тебѣ будетъ мощно со всею силою. А почнешь ты, нашъ братъ любовной, съ Божіею помочью доставати своего отечества Великого Княжства Кіевского, что тянетъ къ твоему Государьству Русскихъ земль, что за собою дръжитъ Казимеръ Король и его дѣти, и тебѣ намъ вѣсть послати, и намъ тебѣ на прежъреченного Казимера Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости. Также и мы, какъ учнемъ доставати своего отечества Угорского Кралевства себѣ, такъ какъ мы нонѣ и почали, а Казимеръ Король Польской, или его сынъ Чешской Король или его меншіе дѣти учнутъ намъ мѣшати, а собѣ доставати Угорского королевства, какъ и мѣшаютъ, и намъ тебѣ вѣсть послати, и тебѣ намъ на прежъреченного Короля и на его дѣти помагати вправду безъ хитрости. А будетъ Твоеі Любви валка съ прежъпаметнымъ съ Казимеромъ Королемъ и съ его дѣтми, а не успѣетъ къ намъ Твоя Любовь вѣсти послати, а намъ о томъ вѣдомо будетъ, и намъ Твоей Любви противу Казимера Короля и его дѣтей помагати вправду безъ хитрости. А будетъ намъ валка съ прежъреченнымъ съ Казимеромъ съ Королемъ и съ его дѣтми, а не успѣемъ Твоей Любви вѣсти послати, а тобѣ про то вѣдомо будетъ, и тебѣ намъ ничего не менши на многажди на прежъреченного Казимера Короля и на его дѣтей помагати вправду безъ хитрости. А быти намъ съ тобою и до живота на прежъреченвого Казимера Короля и на его дѣти заединъ во утверженьи. А такъ и тебѣ съ нами быти на Казимера на Короля Польского и на его дѣтеі и до живота заединъ во утверженье. А твоимъ посломъ и гостемъ по нашему цесарству и землямъ путь чистъ безъ всякіе зацѣпки. И нашимъ посломъ и гостемъ по твоимъ землямъ путь чистъ безъ всякіе зацѣпки. А на тѣхъ на всѣхъ на прежъреченныхъ рѣчѣхъ крѣпости Мы Максиміанъ, Божіею милостію Краль Римскій всегда августъ, Краль Угорскій, и Далматскій, и Карбавскій и иныхъ, Архидука Аустрьскіі, и Дука Бергонскій, и Бертанскій, и Лутринскій, и Барбанскіі, и Стырскій, и Коратанскіі, и Кранскій, и Линбурскіі, и Луценбурскіі, и Гелдерскіі, и Князь Филандріискіі, и Опъшпурьскіі, и Тиролскіі, и Ферьскіі, и Кибурцкій, и Артіискіі, и Бергондскій, Кондъ и Конде Паладино Енигавскіі, и Оландріискій, и Зеланцкіі, и Намурскіі, и Зутвенскій, Маркези Цесарство Римской и Бургавскіі, и Ладкравъ Елзескіі, Государь Фризескіі, и Условенски марки, и Порденоскій и Мехелскіі и иныхъ, къ тебѣ вышеименованному Ивану, Божіею милостію Государю всеа Русіи, и Князю Великому Володимерскому, и Московскому, и Новогородцкому, и Псковскому, и Тферскому, и Югорскому, и Вятскому, и Пермскому, и Болгарскому и иныхъ, изъ истинны и сердечныя любви хочю свою правду свершити и, всѣ прежписанные рѣчи докончати по сей грамотѣ, на которої есмя крестъ цѣловали, и къ той привѣсили есмя свою печать, которая писана и дана въ нашемъ цесарскомъ мѣстѣ въ Норбергу, Апрѣля двадесятъ второй, по Рожствѣ нашего драгаго Господа Ісуса Христа лѣто 1491, шестого лѣта Римской Государь, и

первого лѣта Угорского кралевства Государь. Повелѣнье самого Короля. Штерци дохторъ, діакъ болшой цесарской правдѣ».

—

7000—1492.

Лѣта 7000 Ноября 20 день, въ пятницу, пріѣхалъ отъ Максиміана Короля отъ Римского посолъ его Юрьи Делаторгъ; а былъ у Великого Князя въ четверъ, Ноября 26, а приставъ у него былъ Иванъ же Берсенъ. И стрѣчалъ его по тому жъ, какъ напередъ того. И посылалъ по него Князь Великій на подворье князя Ѳедора Алабыша, да Юрья Грека, да Василья Кулешина; и вставалъ противъ его Князь Великій и чтилъ его по тому жъ, какъ напередъ того. А какъ пришолъ къ нему Юрьи, и Князь Великій ему, вставъ, руку подалъ. А се рѣчи говорилъ Юрьи отъ Короля: Наяснѣйшіи и непобѣдимый Краль Римскій, братъ Величствіа Твоего, вжелаяй услышати о здравіи и благоденствіа Твоего Величства послалъ меня уразумѣти тоя. Непобѣдимыіі Краль Римскій, братъ твой, велѣлъ благодарити Величствіе Твое о поминкѣхъ любезныхъ, бывшихъ къ Его Величеству (съ) велебными послы Величствіа Твоего. Наяснѣйшій и насвѣтлѣйшій Началникъ и Государь, предреченныіі непобѣдимый братъ твой, а Государь Краль Римскій, на воспоминанье любви драгой и братству доброхотѣнья, послалъ сесь поминокъ Величеству Твоему: единъ поставецъ скорлату и единъ поставецъ адамашки и любезно вѣщщаетъ, да Величество Твое пріиметъ зане велико любви ради. А опослѣ того подалъ грамоту вѣрющую. А се съ тое грамоты списокъ: «Максиміанъ, Божіею ласкою Король Римскій, всегды розможителъ святого Римского царства, Угорскій, Далматскій, Хорватскій, тыихъ земль Король, и навышшій Князь Авъстрьскій, и Князь Бургундійскій, и Бертанскій, и Лотринскій, и Брабанскій, и Стырскій, и Корентинскій, и Хорватскій, и Лимборскій, и Луцемборскій, Елдріильскій, и Князь Филандрьскій, и Аушьпурскій, и Тиріолскій, и Сиритіолскій, и Кибурскій, и Артойскій, и Бергонскій Князь, и Гангавскій, и Олянскій, и Зелянскій, и Намурійскій, и Сутванскій, и Мархіо святого Римского царства, и Маркрабій Бруговскій и Слезскій, Государь Фрезійскій, Мархіо Виндійскій, и Портнавскій, и Зелянскій, и Мехилянскій и иныхъ. Насвѣтлѣйшій и велможный Княже! Приказали есмя нашему вѣрному и милому Георгью Турьяну, нашему думцѣ, нѣкоторые рѣчи съ Твоею Ласкою говорити да и дѣлати, какъ онъ съ Ласкою Твоею пережъ того дѣлалъ да и сказывалъ, да и еще жадаемъ отъ Милости Твоей съ великою любовію, да и просимъ Вашіе Милости, чтобы еси ему часа нынѣшнего достовѣрно вѣрилъ, какъ мы ему вѣруемъ. А что станетъ говорити и сказывати тебѣ, то какъ бы мы межи собою братне говорили, занже мы къ Твоей Ласцѣ добрую волю дръжимъ, а то намъ придетъ отъ Вашіе Милости за великіе дѣкованіа; а мы Твоей Милости ласки, и пріателства и узнанье доброты николи не забудемъ. Дана въ Норбергу, въ другой день Іюна мѣсяца, въ лѣто нароженья Христова 91, нашего королевства Римского лѣтъ 6-го, а Угорскаго лѣтъ 1-го». А на подписи: Насвѣтлѣйшому и велможному Князю Государю Ивану, единому Государю Рускому, Князю Воло-

димерскому, Московскому, Новогородскому, и Псковскому, и Тферскому, и Югорскому, и Вятскому, и Пермьскому, и Блъгарскому и иныхъ, нашему милому брату и Князю.

А опослѣ грамоты рѣчь говорилъ: Наяснѣйшій и насвѣтлѣйшій Начальникъ и единъ Государь всеа Русіи! Непобѣдимый Краль Римскій, братъ твоі и Государь мой, въ прошедшее лѣто послалъ меня къ Величствію Твоему о дву началныхъ дѣлѣхъ: о сватовствѣ и о единачствѣ. Изволшу же всемочному Богу, дѣлу сватовства остатися того ради: пославшу мя наяснѣйшііі твой братъ къ Твоему Величествію съ твоимъ посломъ съ Юрьемъ, и пошли есмя изъ Любка дватцать и четыре корабли вмѣстѣ, и изъ тѣхъ кораблеіі пятнатцать кораблей утопло, а нащъ корабль носило шесть недѣль безвѣстно на всякъ часъ при смръти, и отъ тѣхъ изгибшихъ кораблей пришла вѣсть въ Любокъ, что въ тѣхъ кораблѣхъ потопъ и тотъ корабль, на которомъ были послы Великого Князя Руского и Краля Римского. И изъ Любка послали тѣ вѣсти къ моему Государю Кралю Римскому, и мой Государь, иже Богъ ему положилъ на сердце сіе дѣло о сватовствѣ съ тобою дѣлати, и послѣ того слышелъ тѣ вѣсти, что мы изгибли на морѣ, и былъ въ размышленьи и положилъ сіе дѣло въ думу и обрѣлъ въ своей думѣ, что рѣчь о сватовствѣ отъ Твоего Величествія къ нему не бывала, а отъ его Величества о сватовствѣ къ тебѣ рѣчь не дошла жъ; а послати въ другіе или въ третьи, ино путь далекъ и приточенъ, а хотя и доійдетъ, ино о томъ не вѣдомо, похочетъ ли съ тобою Князь Великій то дѣло дѣлати или не похочетъ, а время идетъ мимо. И послѣ того рѣчь, пришла рѣчь къ моему Государю отъ Княгини Бертанскіе о сватовствѣ, и слышевши ту рѣчь Величство Цесаря Римского, отца Краля Максиміянова Государя моего, послалъ къ свѣтлѣйшому Государю моему, и болшая страна началныхъ Князей Нѣметскихъ пришли къ нему, и помысливъ придумали ему такъ: дѣло Руское минулося, а у тобя сынъ одинъ, ино той сынъ и есть и нѣть, а се дѣло Бертанскіе Княгини передъ тобою, а она къ тебѣ посылаетъ съ великою любовью о сватовствѣ, и то дѣло тебѣ пригожъ дѣлати, и на томъ дѣло и състалося. И послѣ того дѣла пришла вѣсть отъ меня къ моему Государю, что ми живи и всѣ поздорову, и Государь мой о томъ добрѣ поскорбѣлъ, что, по его рѣчемъ, его дѣло съ тобою не състалося, и молитъ велми Величествія Твоего, чтобы еси себѣ о томъ на сердцѣ не дръжалъ, что то дѣло не инако, занже то есть истинная рѣчь. Егда жъ единачству, Богу всемочному изволшу, совръшитися промежъ Вашего Величства, послы Величствеа Твоего пришли къ Величествію Государя моего съ грамотою совръшенья, южъ Величествіе Государя моего пріялъ усердно и любовно вмѣстѣ съ цѣлованьемъ предреченныхъ пословъ твоихъ на утвърженье совръшенью, и также мой Государь, по прошенью пословъ Величствія Твоего, противу съ такою жъ любовью написалъ грамоту свою утверженую, такову жъ какъ и твою, и крестъ къ тебѣ цѣловалъ на той грамотѣ передъ твоими послы, и грамоту отдалъ твоимъ посломъ, и язъ нынѣча у Величствія Твоего прошу, повелѣньемъ Величствеа Государя моего, Краля Римского, брата твоего, чтобы Величствіе Твое восхотѣлъ по тому же крестъ цѣловати къ брату своему

Кралю Римскому на тоѝ грамотѣ передо мною. И опослѣ сѣхъ рѣчеѝ Князь Великіѝ крестъ цѣловалъ передъ королевымъ посломъ, передъ Юрьемъ.

А опослѣ цѣлованья велебныѝ посолъ Юрьи говорилъ рѣчь Великому Князю: Наяснѣйшіѝ и насвѣтлѣйшіѝ Началникъ, Царю всеа Руси! Понежъ восхотѣ всемочный Богъ и пречъстаа его Дѣва Мати Маріа сему святому единачству промежу Величествіа Твоего и непобѣдимого Краля Римского, брата твоего, Государя моего, въ сесь день совръшитися, предреченныѝ и насвѣтлѣйшіѝ Государь моѝ велѣлъ тобѣ въ звѣстити: Величество Государя моего Краля Римского почалъ доставати отчьства своего Угорского королевства, въ немъ же Божіею милостію благоденствуетъ, и дѣло его идетъ впередъ, аще съ стороны мѣшаютъ ему Король Ческіѝ и братъ его Альбрехъ, дѣти Казимера Короля Польского. Наяснѣйшство Государя моего молится Величествію Твоему, да въ схочетъ ему Величство Твое помагати на Казимера Короля Польского и на его дѣти со всею своею силою, какъ дръжитъ крѣпость въ грамотахъ вашихъ. А коли въсхочетъ Величствіе Твое доставати отечества своего Великого Княжьства Кіевского нынѣча или впередъ, и мы, не жалуючи никотораго своего убытка, хотимъ тебѣ помагати со всею своею силою.

Наяснѣйшіѝ и насвѣтлѣйшіѝ Государь, единъ Царь всеа Русіи! Насвѣтлѣйшіѝ и непобѣдимыѝ Краль Римскіѝ, братъ твоѝ и Государь моѝ, понежъ Богу изволшу състатися промежъ Вашего Навышества единачству и братству, хочетъ, да всѣ его дѣла, аще и тайная будутъ, възъяещена предъ Твоимъ Величествомъ, и вѣщаетъ Величствію Твоему, что въ прешедшіе лѣта Король Польскіи изневолилъ чинъ святыя Богородици Данескъ и Доринъ, иные мнози грады за отлученье ихъ Местера Прусского къ нему, которые городы весь приходъ свой избытки, что давали дотолѣва Местеру Прусскому, (н)инѣ при Королѣ берутъ собѣ, и Король Польскіи, понежъ нынѣча многодѣтенъ, проситъ и хочетъ взяти тотъ приходъ весь собѣ, а говоритъ имъ: тѣ приходы всѣ идутъ мнѣ, занже язъ васъ взялъ у Местера у Прусского, а тѣ приходы всѣ шли Местеру Прусскому, и язъ васъ хочю дръжати по тому жъ, какъ есте были за Местеромъ за Прусскимъ. И они видѣвши то, помыслили себѣ обратитися къ Местеру къ Прусскому, ино имъ нелзѣ за отступленье за свое а за Королемъ жыти, ино имъ тѣ приходы всѣ потеряти, и они послали къ Величству Короля Максиміана, чтобы ихъ принялъ подъ цесарство и дръжалъ, какъ и прочіе городы Нѣметскіе, а имъ бы присягати къ нему урокомъ нѣкимъ, повѣдая ему добрѣ, какъ налегаемь къ одну сторону Королемъ Польскимъ, а съ другую сторону Местеромъ Прусскимъ, а съ третью сторону Княземъ Стетинскимъ, затемъ Короля Польского. Насвѣтлѣйшіѝ Король Римскіи, хотя ихъ отняти отъ тѣхъ боязней, велѣлъ мнѣ отъ Величства своего велѣти бискупу Колывайскому, чтобы поѣхалъ отъ Его Величства къ Местеру къ Прускому говорити ему, увиряя его таину, чтобы себѣ во зло не учинилъ, толко ся то състанетъ, занежъ лутче есть вамъ, чтобы тѣ городы были подъ нашимъ цесарствомъ, откуду къ вамъ и пришли, а оттуды вамъ и болшая надежа будетъ, нежели быти подъ

Королемъ Польскимъ, которой васъ изневолилъ, а не токмо увѣщаетъ его о градѣхъ тѣхъ, чтобы ся отступилъ ихъ Цесарю, но и вооружити его на Короля на Польского, а что цѣловалъ Королю Польскому, и онъ бы себѣ то цѣлованье въ крѣпость не учинилъ, занже цѣловалъ по нуже, да и безъ нашего вѣдома цесарского; и язъ нынѣча о всемъ о томъ жду отвѣта отъ бискупа отъ Колыванского на сѣхъ днѣхъ. И велѣно ми приказати Местера Прусского и Ливонского Твоему Величествію и молитися Государствію Твоему, чтобы ихъ взялъ въ свое соблюденье, и еще молитися Твоему Величествію, чтобы нынѣ взялъ и тѣ городы въ свое соблюденье, и о томъ дати ми къ нимъ свою грамоту.

Наясиѣйшій и насвѣтлѣйшій Государю, непобѣдимый Краль Римскій, братъ Величествія Твоего, повѣдаетъ Величествію Твоему, что далечства ради, иже промежъ Величствія Вашего и отъ многа зло приточныхъ путей, наказаньемъ Короля Польского и Короля Датского со всею силою, да не пропустятъ никакова посла, ни твоего ни его, что по своеи странѣ Величествія его до Любка учинилъ путь чистъ, что твоимъ посломъ мочно будетъ проѣхати отъ Любка до моего Государя, какъ съ посломъ Государя моего, такъ безъ посла, тѣмъ дѣломъ; что всегда коли Величествіе Твое пошлетъ посла своего къ моему Государю, и тебѣ писати грамоту свою ко Князю Маню и Князю Балдасару братъ и Княземъ Мекхилбурскимъ, иже имѣютъ приказъ отъ Величества моего Государя имати твоихъ пословъ изнутри Любка и ставити ихъ у Ивана у Маркеса Брадебурского, а оттолѣ имъ будетъ до моего Государя путь чистъ, гдѣ ни

будетъ Государь мой. А что по морю большая помѣшка, Величество моего Государя троихъ ради винъ, перво, да учинитъ отомщеніе за безчестіе, что учинилъ Король Датской посломъ Государствіа вашего, а другое очистити и устроити путь морски промежъ Величствіа вашего въ колько будетъ мочно, таже да укрепитъ Данескъ и прочіа ихъ грады, что при мори, въ предреченныя ихъ Величствіе Государя моего принялъ основанное разумѣніе въ Королевствѣ Свѣйскомъ съ управителемъ ихъ съ Стенстуромъ и съ вотчичи земскими, и чаетъ Величствіе его неподвижно, что Свіею дѣйствовати имать. Се предреченные три надоби и на отпускѣ моемъ, отъ Величства Государя моего къ твоему Величству, Величство Государя моего да учинитъ предреченные три вещи съ дѣломъ, приказалъ ми писати къ предреченному управителю Королевства Свѣйского и къ вотчичемъ того Королевства; одинова еще будетъ нѣкоторая вражда промежъ Величствіа твоего и того Королевства, и мнѣ бы, имянемъ моего Государя Величствіа, управити а елико ми мочно будетъ при твоемъ Величствѣ, занже напередъ того, коли язъ былъ въ Свѣи, и онѣ ми сказывали, велики обиды собѣ отъ рубежныхъ земль твоего Государства. И язъ нынѣча повелѣніемъ своего Государя писалъ къ нимъ изъ Любка, и они ко мнѣ отписали въ Колыванъ, что посолъ ихъ у твоего Величствіа былъ о управахъ о порубежныхъ бити челомъ, и твое Величствіе имъ срокъ учинилъ отъ сего Рожества Христова два году, управа дати порубежнымъ землямъ; и нынѣча язъ молюся Величствію Твоему, имянемъ Государя моего по ихъ прошенью, чтобы Величствіе твое имъ тотъ срокъ продол-

жилъ отъ Рожества Іоанна Предтечи на тѣжъ два году для Величствіа Государя моего, и сему бывшу, Величствіе бы Государствіа Твоего, пожаловалъ мнѣ къ нимъ грамоту далъ о томъ сроцѣ.

Насвѣтлѣйшій и наяснѣйшій Началникъ и единъ Царь всеа Русіи, коли язъ мало прежъ сего былъ предъ Величествомъ Твоимъ по приказу непобѣдимаго твоего брата, Короля Римскаго, Государя моего, взъяснилъ есми Твоему Величеству всяку вещь поспѣшства предреченнаго моего Государя, нжъ имѣлъ во многіа страны противъ общаго недруга Величства Вашего, Короля Польскаго, и приказы, ихъ же дахъ бискупу Колыванскому о тѣхъ же вещехъ; и какъ есми отъ нихъ и отвѣстіе ждалъ, и нынѣ ми пришолъ отвѣтъ нѣкіимъ посланникомъ, вкупѣ и грамоты Местера Пруского и Местера Ливонского, поддржавниковъ Царствіа предреченаго моего Государя, всѣ съединеньи въ одинъ гласъ отвѣщая ми и увѣряя мя, что они готовы послушати и учинити пришедшее повелѣньс наяснѣйшаго Краля Римскаго, Государя ихъ, всегда, коли Величствіе Твое будетъ вооруженъ въ войнѣ, токмо да они и ихъ чинъ святыя Богородица будутъ истинствуеми, что имъ быти въ засѣнъ и соблюденіи Твоего Величества нынѣ и впередъ, да искоренятъ всяку вещь и брань, которая бы впередъ могла двигнути и продлити сердце Государское недвижимо Твоего Величствіа. Но и въ нывѣшнихъ бранѣхъ порубежныхъ Царства Величества твоего и Ливонскіе земли подсудные Царства Римскаго и моего Государя, которая бы пременіемъ знахорей могла прибавити или продлити, молятся ми, да бы хотѣлъ стояти, милитися и бити челомъ Величству Твоему о нихъ, и какъ ми велѣно, чтобы Величество Твое похотѣлъ послати отселева съ Москвы людей справедливыхъ и искусныхъ на знатіе и на обысканіе такихъ браней, которые бы смотрили въ правду, а не себя ублагодарити, управити тѣхъ, вѣдая что Величство Твое отъ Вседржителя Бога есь испромышленъ, великою землею и мочнымъ Государствомъ; но и впередъ испромышлену быти, кромѣ того мѣста пречистыя Госпоже нашей, и молятся Величствію твоему, совршившуся сему ихъ прошенью, дати ми нынѣ увѣданье, въ кое время хочешъ послати своихъ на тѣхъ рубежахъ. А просятъ прилѣжно того послѣдствованія ради повелѣнью Государя моего и ихъ Короля Римскаго, брата твоего Величества, хотятъ собратися и снитися въ единъ день на Конснерхъ въ Прускіа земли на семъ паскѣ, Мая, Духа Святаго. И сему бывшу молюся Величеству Твоему отъ наяснѣйшаго моего Государя, да Величество Твое пріиметъ ихъ на соблюденье въ сѣнь свою и да вхохочетъ снити къ такому ихъ прошенью, и о семъ дати ми къ нимъ грамоту подлинну.

А се отвѣтъ Великаго Князя Королеву Максиміанову послу Юрью Делатору, а отвѣчалъ ему Дмитрей Володьмеровичь: Князь Великіі велѣлъ тобѣ говорити: промежи насъ съ твоимъ Государемъ съ Максиміаномъ Королемъ Римскимъ нынѣча по Божіей волѣ сталося братство и любовь и одиночество, и грамоты есмя межи себя записали, и крестъ цѣловали, что намъ съ своимъ братомъ съ Максиміаномъ Королемъ быти заодинъ на своихъ недруговъ, а на Казимира на Короля на Польскаго и на его дѣтей, на своихъ недруговъ, именно

есмя въ своихъ грамотахъ записали, что намъ съ нимъ быти на нихъ заодинъ и до живота. И ты намъ говорилъ нынѣ отъ своего Государя отъ Максиміана Короля Римскаго, что же онъ нынѣ почалъ доставати отечества своего Угорскаго королевства, въ немъ же Божіею милостію благоденьствуетъ и дѣло его идетъ впередъ, а съ стороны мѣшаютъ ему Чешскій Король и братъ его Ольбрехтъ, дѣти Казимира Короля Польскаго, и намъ бы нынѣ своему брату Максиміану Королю помагати на Казимира Короля Полскаго и на его дѣтей съ всею своею силою.

Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити: и мы по своей правдѣ, какъ межи насъ въ грамотахъ записано, хотѣли своему брату Максиміану Королю помагати на его и на своихъ недруговъ, па Казимера Короля Полскаго и на его дѣтей, совсѣми своими силами да и сами есмя хотѣли на конь всѣсти и дѣло дѣлати, сколько бы намъ Богъ пособилъ; ино намъ нынѣ не одны вѣсти пришли, чтожъ на Угорскомъ королевствѣ Владиславъ Чешскій Король, сынъ Казимира Короля, а твой Государь Максиміанъ Король, сказываютъ, съ Влаславомъ помирился и вернулся отъ Угорскіе земли на иные на свои дѣла, и мы нынѣ за тѣмъ то дѣло поотставили. А на чѣмъ есмя своему брату Максиміану Королю молвили и правду дали, и какъ межи насъ въ грамотахъ записано, на томъ и стоимъ, а на его и на своихъ недруговъ на Казимира, Короля Польскаго, и на его дѣтей хотимъ ему помагати со всѣми своими силами, сколько намъ Богъ пособитъ; а нынѣ, ожъ дастъ Богъ, о томъ дѣлѣ шлемъ къ своему брату къ Максиміану Королю съ тобою вмѣстѣ своихъ пословъ.

Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити: и коли похочетъ Максиміанъ Король то дѣло дѣлати, доставати своего отечества Угорскаго королевства, и онъ бы иные свои дѣла поотставилъ, а присталъ бы къ тому къ своему дѣлу накрѣпко, а къ намъ бы приказалъ, какъ имаеть стати. И мы, ажъ дастъ Богъ, на чемъ ему молвили, на томъ и стоимъ, на его недруговъ, и на Казимира Короля и на его дѣтей хотимъ ему помогати, чтобы какъ далъ Богъ намъ надъ своими недруги поискати.

Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити: сказывали намъ наши послы Юрьи и Василей, что еси имъ говорилъ тамо въ Норбергу, отъ своего Государя отъ Максиміана отъ Короля, чтобы они послали къ Стефану къ воеводѣ свои грамоты, чтобы Стефанъ воевода помогалъ Максиміану Королю; а нынѣ намъ нашъ посолъ Юрья сказывалъ, что еси ему и здѣсе говорилъ, чтобы мнѣ нынѣ приказати къ воеводѣ съ его посломъ съ Мушатомъ, чтобы Стефанъ воевода помогалъ Максиміану Королю; и мы нынѣ приказали къ Стефану воеводѣ съ его посломъ съ Мушатомъ, какъ, ожъ дастъ Богъ, Максиміанъ Король учнетъ свое дѣло дѣлати, и онъ бы ему помогалъ.

А се отвѣчалъ Королеву Максиміанову послу Юрью Ѳеодоръ Курицынъ: Государь нашъ Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити: что еси намъ говорилъ отъ своего Государя отъ Максиміана Короля о Прускомъ Магистрѣ и о Ливонскомъ Магистрѣ, чтобы намъ ихъ приняти въ свое соблюденье и грамота бы намъ имъ на то своя дати; и коли къ намъ пришлютъ Пруcкій Магистръ и Ливонскій Магистръ своихъ людей о томъ бити челомъ, и мы, посмотря по ихъ челобитью, сво-

его для брата Максиміана Короля, хотимъ ихъ жаловати, приняти ихъ въ свое соблюденье, и хотимъ за нихъ стояти и грамоту свою на то имъ дадимъ, какъ будетъ пригоже.

Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: что еси намъ говорилъ о Магистрѣ о Ливонскомъ, чтобы мнѣ отселѣ съ Москвы на съѣздъ на Нѣмецкой людей посылати, а въ Новгородъ бы Магистру о перемирьѣ къ нашимъ намѣстникомъ не посылати, а въ перемирную бы грамоту челобитья не писати, а написати бы моленіе, а на перемирной бы грамотѣ цѣловати самимъ нашимъ намѣстникомъ Новугородскимъ, а за море бы Магистру не иматися, будто ему на морѣ воли нѣтъ, а что церкви и полаты на Юрьевѣ и на Колывани, Магистръ будто въ тѣхъ городѣхъ не воленъ, да и о иныхъ еси рѣчехъ говорилъ, чтобы ихъ въ перемирную грамоту не писати.

Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: ино коли мы држали свою отчину Великій Новгородъ въ ихъ волѣ, и передніе Магистры присылали бити челомъ о перемирьѣ къ нашей отчинѣ къ Великому Новугороду, да и перемирные грамоты съ ними писали отъ давныхъ лѣтъ; а какъ мы почали држати свою отчину Великій Новгородъ въ своей волѣ, и Магистръ, и арцибискупъ и бискупы присылали въ Новгородъ бити челомъ о перемирьѣ къ нашимъ намѣстникомъ и къ нашей отчинѣ; а нынѣча држатъ отъ насъ нашу отчину Великій Новгородъ великіе люди, а на съѣздъ посылаютъ честныхъ же людей, ино инако тому быти не пригожъ. Похочетъ Магистръ, и арцибискупъ и бискупы съ нашими намѣстники съ нашею отчиною перемирья, и они бы посылали бити челомъ въ нашу отчину въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ и къ нашей отчинѣ, о перемирьѣ о Новгородскомъ и о Псковскомъ, по томужъ какъ напередъ того присылали къ нашимъ намѣстникомъ и къ нашей отчинѣ.

А се самъ Князь Великій отвѣчалъ Королеву Максиміану послу Юрью, какъ къ нему пришолъ челомъ ударити: Юрьи, что еси намъ говорилъ отъ своего Государя отъ Максиміана Короля которые рѣчи, и мы тѣ рѣчи выслушали и отказали есмя тебѣ (съ) своимъ казначеемъ Дмитреемъ, что отъ насъ тебѣ говорилъ, то есть наши рѣчи; а шлемъ, ожъ дастъ Богъ, къ твоему Государю къ Максиміану Кралю своихъ пословъ Юрья и Михаила. Да приказалъ Князь Великій съ нимъ къ Максиміану Кралю поклонъ, да и за поминки велѣлъ поклонитися.

Да отъ Великого Князя идучи былъ у Великіе Княгини у Соѳьи, и Великая Кнегиня приказала съ нимъ къ Королю поклонъ же, да и за поминки велѣла поклонитися.

И выѣхалъ съ Москвы во вторникъ на врбной недѣля, Апрѣля 12. А посланъ съ нимъ до Новгорода до Великого въ приставѣхъ Беглецъ Оладьинъ сынъ Шишмарева; а велѣно ему давати кормъ и подводы. А о корму, поколку ему корму давать на стану, далъ ему списокъ часовникъ.

Лѣта 7000, Мая 6. Послалъ Князь Великій къ Максиміану Кралю Римскому пословъ своихъ Юрья Траханіота Грека да Михаила Кляпика; а поклона Князь Великій и Великая Княгиня и Князь Василей не приказалъ къ Королю того дѣля, что королевъ посолъ Юрьи Великому Князю и Великой Княгинѣ отъ Короля поклона не правилъ, толко

о здоровьѣ вспрашивалъ, а говорилъ такъ: наяснѣишііі и непобѣдимыіі Краль Римскііі, братъ Величствіа Твоего, вжелаяй услышати о здравіи и благоденьствіа Твоего Величства, послалъ мене уразумѣти тоя. Непобѣдимыій Краль Римскііі, братъ твоіі, велѣлъ благодарити Величствіе Твое о поминкехъ любезныхъ, бывшихъ къ его Величству (съ) велебными послы Величствія Твоего.

Правити посольство отъ Великого Князя Юрью Траханіоту Греку, да Михаилу Кляпику Степанову сыну Яропкину, Максиміану Кралю Римскому. Првое Юрью говорити: Іоаннъ, Великііі Государь всеа Руси, братъ твоего Величества, радъ слышети о здравіи твоего Величства и послалъ насъ видѣти здравіе твоего Величства. Государь всеа Руси, братъ твоіі, твое Величество велѣлъ благодарити о поминкѣхъ, бывшихъ къ его Величеству, (съ) посломъ Величствіа твоего Георгіемъ. А опослѣ того Михаилу молвити: Великая Государыня наша Соѳья твоего Навышества здравіе велѣла видѣти. Великая Государыни наша Соѳья велѣла твою Свѣтлость благодарити о поминкѣхъ, бывшихъ къ еѣ Величству (съ) посломъ Величствіа твоего. Величства Государя нашего сынъ Василеі радъ слышети благоденьствіе твоего Величества и велѣлъ видѣти здравіе твоеіі Свѣтлости.

А се говорити Юрью: Государь всеа Руси, любве ради и братства, вспоминаяся Величеству твоему, послалъ поминокъ твоеіі свѣтлости, шубу соболью да шубу горностаіну съ камкою.

А Михаилу молвити: Государь всеа Руси поминается Величству твоему, послалъ тебѣ поминокъ кречатъ красной.

Да Михаилу жъ отъ Великіе Княгини поминки явити да и отъ Князя отъ Василья, а молвити ему: Великая Государыни наша Софья твоему навышеству поминается, сорокъ соболей да двѣ камки. Сынъ Величества Государя нашего Василеі твоеі свѣтлости поминается, сорокъ соболей да камка.

А опослѣ поминковъ грамота подати вѣрющая Юрью. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Русіи, Володимерскііі, и Московскііі, и Новогородскііі, и Псковскііі, и Тверскііі, и Югорскііі, и Вятскііі, и Прьмскііі, и Блъгарскііі и иныхъ, наяснѣйшему и величайшему другу и брату нашему взлюбленному. Послали есмя до вашіе Свѣтлости нашихъ пословъ Юрья Траханіота, да Михаила, вѣрныхъ нашихъ, съ нашими рѣчьми, и что будетъ отъ насъ вашей милости говорити, и ваша бы милость имъ вѣрилъ, то есть наши истинные рѣчи. А писанъ на Москвѣ отъ созданья миру въ лѣто 7000, мѣсяца Маія 6. «А на подписи: наяснѣйшему и величайшему, вседржавному Максиміану, Кралю Римскому, другу и брату нашему возлюбленному.

А рѣчь, коли велитъ собѣ Король говорити, ино тогды говорити. А се говорити Юрью: Государь всеа Русіи велѣлъ тобѣ говорити: Божіею волею промежи насъ съ тобою състалася любовь и братство и одиначство, и грамоты есмя межи собя записали, и крестъ цѣловали, что намъ съ тобою, съ своимъ братомъ, быти заодинъ на своихъ недруговъ, а на Казимира на Короля на Польскаго и на его дѣтей, на своихъ недруговъ, именно есмя въ тѣхъ въ своихъ грамотахъ записали, что намъ съ тобою быти на нихъ заодинъ и до живота.

А се говорити Михаилу: Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: гово-

рилъ намъ отъ тебя твой посолъ Юрьи, что ты нынѣча почалъ доставати своего отечества Угорскаго королевства, въ немъ же Божіею милостію благоденствуешъ, и дѣло твое идетъ впередъ, а съ стороны мѣшаютъ тебѣ Чешскій Король Владиславъ и братъ его Олбрхтъ, дѣти Казимера, Короля Польского, и намъ бы тобѣ на Казимера на Короля на Польскаго и на его дѣтей помогати со всею своею силою. Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: и мы по своей правдѣ, какъ межи насъ съ тобою въ грамотахъ записано, сами хотѣли на конь всѣсти и на своихъ недруговъ на Казимира на Короля и на его дѣтей наступити со всѣми своими силами, и дѣло дѣлати, сколько бы намъ Богъ пособилъ: ино въ ту пору намъ не одны вѣсти пришли, что ты съ Владиславомъ Королемъ помирился, а изъ Угорскіе земли еси выступилъ, а на Угорскомъ Королевствѣ Владиславъ Чешскій Король. И мы, слышевъ тѣ вѣсти, за тѣмъ то дѣло нынѣ поотставили, на твоихъ и на своихъ недруговъ есмя не наступали.

Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: а на чемъ есмя тебѣ своему брату молвили и правду дали, и какъ межи насъ въ грамотахъ записано, на томъ и стоимъ, а съ Казимиромъ съ Королемъ съ Польскимъ и съ его дѣтьми миру нѣтъ; а съ тобою есми съ своимъ братомъ на нихъ заодинъ и до живота, а ты намъ на чемъ молвилъ и правду далъ, и какъ въ грамотахъ межи насъ записано, на томъ бы еси и стоялъ; а съ Казимиромъ бы еси съ Королемъ съ Польскимъ и съ его дѣтьми миру неималъ, а былъ бы еси съ нами на нихъ заодинъ и до живота.

А се говорити Юрью: Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: и какъ учнешь свое дѣло дѣлати, доставати своего отечества Угорского королевства, и ты бы иные свои дѣла поставя, да присталъ бы еси къ тому къ своему дѣлу накрѣпко, а къ намъ бы еси приказалъ, какъ почнешъ то дѣло дѣлати и какъ имаешъ стати. И мы, ажъ дастъ Богъ, по своей правдѣ хотимъ тебѣ памагати на твоихъ и на своихъ недруговъ на Казимира на Короля на Польскаго и на его дѣтей со всѣми своими силами, сколько намъ Богъ пособитъ, чтобы какъ далъ Богъ намъ надъ своими недруги своего дѣла поискати.

А се таковы памяти даны Юрʼью и Михаилу. Память Юрью и Михаилу: отписати имъ изъ Колывани къ Великому Князю съ Чиркою, каковы будутъ вѣсти про Максиміана про Короля и кудѣ посолъ его Юрьи пошолъ изъ Колывани, на которое мѣсто и о которые дни, и о всемъ о тамошнемъ дѣлѣ имъ отписати, и въ которой день пойдутъ изъ Колывани на корабль и на чей корабль пойдутъ. А какъ, дастъ Богъ, Юрьи и Михаіло море перейдутъ къ Любку, и имъ изъ Любка къ Великому Князю отписати, въ которой день море перейдутъ и каковы будутъ вѣсти про Максиміана про Короля, и о всемъ о тамошнемъ дѣлѣ имъ къ Великому Князю отписати. А какъ, дастъ Богъ, Юрьи и Михаіло дойдутъ до Короля, а будетъ имъ лзѣ, и имъ къ Великому Князю оттолѣ послати человѣка своего, а съ нимъ отписати про Максиміана про Короля, каково его дѣло, да и о всемъ о тамошнемъ дѣлѣ имъ къ Великому Князю отписати.

Да память Юрью и Михаилу: послано съ ними въ Любокъ къ бергоместеру и ратманомъ поминка корабелникъ, да грамота о ихъ проѣздѣ.

И Юрью и Михаилу послати въ Любки къ бергоместеру и къ ратманомъ Волка, а велѣти ему отъ Великого Князя имъ поклонъ сказати, а молвити такъ: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Руси, велѣлъ вамъ поклонитися. Да поминокъ подати, а молвити такъ: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Руси, вамъ поминается корабелникъ. Да грамота подати, а се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскііі, и Новогородскііі, и Псковскій и Тферскій, и Югорскій, Вятскій, и Прмскій, и Болгрскій и иныхъ, въ Любокъ бергоместеру и ратманомъ. Присылалъ къ намъ Римскій Краль Максиміанъ посла своего Юрья Делатора, и мы нынѣ послали къ Максиміану къ Королю пословъ своихъ Юрья Траханіота да Михаила, да съ ними своихъ людей Ивана Волка да Дмитрея; и вы бы насъ дѣля тѣхъ нашихъ пословъ Юрья и Михаила, и съ ихъ товарыщи, и съ ихъ людьми велѣли проводити по своей землѣ, да и въ передніе бы есте городы приказали, гдѣ будетъ вамъ пригожъ, кудѣ нашимъ посломъ и ихъ товарищомъ путь будетъ, чтобы имъ давали проводники по своей землѣ. Также и оттолѣ поѣдутъ тѣ наши послы Юрьи и Михайло, и кто къ намъ съ ними вмѣстѣ оттолѣ поѣдутъ или опрочѣ ихъ которые люди оттолѣ къ намъ поѣдутъ на наше имя, и вы бы ихъ велѣли на корабль посадити и море перепроводити до Колывани, а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили».

Память Ивану Волку: какъ будутъ въ Любку, и ему отъ Великого Князя Ивану головѣ Любчанину, подати поминка соболь, а молвити: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Русіи, жалуетъ тебя, послалъ тебѣ соболь; да рѣчь молвити: Государь всеа Русіи велѣлъ тебѣ говорити: сказывали намъ наши послы Юрьи и Василей, что намъ служишъ, нашимъ посломъ норовишь и дѣла нашего бережешь. И мы за твою службу тебя жалуемъ, а ты бы и впередъ намъ служилъ, посломъ бы еси нашимъ и людемъ нашимъ норовилъ и дѣла нашего берeглъ, а что тебѣ будетъ надобѣ наше жалованье, и мы тебя жаловати хотимъ.

Да Ивану жъ Волку дати Бартоломѣю Любчанину, печатнику книжному, отъ Великого Князя камка, а молвити такъ: Государь всеа Русіи тебя жалуетъ камка. А дати ему какъ придетъ на подворье къ посломъ къ Юрью и къ Михаилу, а къ нему Волку на подворьѣ не ходити.

Да память Юрью и Михаилу: что послана съ ними грамота къ Мехкеборскому Князю о ихъ проѣздѣ и, какъ дастъ Богъ, придутъ въ Любокъ, и имъ посмотря по дѣлу будетъ пригожъ къ тому Князю послати, и имъ та грамота къ тому Князю послати съ своимъ человѣкомъ, а приказати съ нимъ къ тому Князю отъ Великого Князя поклонъ, а велѣти молвити такъ: Іоаннъ, Великій Государь всеа Русіи, твоеі Свѣтлости велѣлъ поклонитися. Да поминокъ отъ Великого Князя подати соболь, а молвити: Іоаннъ, Великій Государь всеа Руси, твоей Свѣтлости поминается, послалъ тебѣ поминокъ соболь.

А опослѣ поминка грамота подати; а се грамота: « Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси, Володимерскііі, и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Прмскій и иныхъ, наяснѣйшему Мехкеборскому Князю Магнусу. Сказывали намъ наши

послы Юрьи и Василей, которыхъ есмя напередъ сего посылали до Величества брата своего, Краля Римскаго, Максиміана, что прилучился имъ путь черезъ твою землю, и ты ихъ велѣлъ нашего для имени сблюсти и проводити по своей землѣ, и мы тебѣ за то дякуемъ. Да сказывалъ намъ Максиміановъ кралевъ посолъ Юрьи Делаторъ, что наказано тебѣ отъ Максиміана отъ Короля, коли пошлемъ до его Величества своихъ пословъ, и тебѣ тѣхъ нашихъ пословъ велѣти взяти изнутри Любка, да съблюсти и проводити. И мы нынѣ послали къ Величеству брата своего Максиміана Краля Римскаго своихъ пословъ Юрья и Михаила, и ты бы насъ для тѣхъ нашихъ пословъ Юрья и Михаила и съ ихъ товарищи и съ ихъ людьми велѣлъ изъ Любка взяти, да съблюсти и проводити безо всякіе пакости, а что будетъ тебѣ надобѣ у насъ въ нашихъ земляхъ, и мы тебѣ за то не стоимъ.»

Да память Юрью и Михаилу: будетъ Максиміанъ Король помирился съ Владиславомъ съ Королемъ съ Казимировымъ сыномъ или перемирье взялъ, а взмолвитъ: язъ нынѣ съ Владиславомъ съ Королемъ помирился того дѣла, да скажетъ котораго для дѣла, а брату своему Великому Князю, вашему Государю, какъ есми молвилъ и правду учинилъ, и какъ есми съ нимъ въ грамотахъ записалъ, на томъ и стою, на Казимира Короля Польскаго и на его дѣтей съ нимъ есми одинъ человѣкъ и дѣло свое, ожъ дастъ Богъ, хочю дѣлати, доставати своего отечества Угорскаго Королевства, а братъ бы мой Князь Великій мнѣ на моихъ недруговъ помагалъ, а язъ ему по своей правдѣ помагаю.

И Юрью и Михаилу говорить такъ: Государь нашъ, господине, слышевъ то, что ты съ Владиславомъ Королемъ помирился, того дѣла нынѣ и не наступилъ на твоихъ и на своихъ недруговъ. А на чемъ тебѣ, господине, Государь нашъ молвилъ, на томъ и стоитъ, а съ Казимиромъ ему съ королемъ Польскимъ и съ его дѣтьми миру нѣтъ; а ты, господине, на чемъ Государю нашему молвилъ, на томъ бы еси и стоялъ, а съ Казимиромъ бы еси Королемъ съ Польскимъ и съ его дѣтьми миру не имaлъ, а какъ, господине, почнешъ свое дѣло дѣлати, и Государь нашъ по своей правдѣ на твоихъ и на своихъ недруговъ тебѣ помагаетъ съ всѣми своими силами, какъ ему Богъ поможетъ.

А будетъ то изолгалося, Максиміанъ Король съ Владиславомъ не помирился, а учнетъ съ нимъ валчити, доставати Угорскаго Королевства, а взмолвитъ: язъ съ Владиславомъ Королемъ миру не имывалъ, а какъ есми почалъ доставати своего отечества, такъ и нынѣ доставаю, а къ брату своему къ Великому Князю есми приказалъ, чтобы мнѣ помагалъ и онъ мнѣ зачѣмъ не помагаетъ?

И Юрью и Михаилу говорити такъ: Государь нашъ, господине, хотѣлъ самъ на конь всѣсти, со всѣми своими силами тебѣ помагати; ино ему не одны вѣсти пришли про то, что ты помирился. Пріѣхали, господине, люди изъ Слезскіе земли изъ Рославля, да то сказывали, а изъ Нѣмецъ, изъ Любка и изъ Колывани пріѣхали люди, и они тожъ сказывали, что ты помирился, а опослѣ того пріѣхалъ отъ Стефана воеводы Воложскаго посолъ его, Мушатомъ зовутъ, и онъ тожъ сказывалъ, что ты помирился, а изъ Угорскіе земли еси выступилъ, а сказывалъ, что онъ самъ

былъ отъ своего Государя въ Угорскоі землѣ, на Будинѣ у Владислава у Короля; а тѣ люди пріѣзжали при твоемъ послѣ при Юрьѣ, и твоему послу Юрью то вѣдомо. И Государь нашъ, господине, за тѣмъ то дѣло поотставилъ. А Король Козимеръ хотѣлъ съ нашимъ Государемъ смолвы о миру и посла своего присылалъ къ нашему Государю о миру. И Государь нашъ твоего дѣля дѣла и смолвы съ нимъ и миру нечинитъ; а на чемъ тебѣ Государь нашъ молвилъ, на томъ и стоитъ, на Казимира Короля и на его дѣтеі съ тобою хочетъ быти заодинъ и до живота. А ты бы, господине, съ Казимиромъ съ Королемъ и съ его дѣтми миру неималъ, а былъ бы еси съ нашимъ Государемъ съ Великимъ Княземъ на нихъ заодинъ и до живота.

А взмолвитъ Король: язъ доставаю отечества своего Угорскаго Королевства, а братъ моі Князь Великій самъ ли на конь сядетъ мнѣ помагати?

И Юрью и Михаилу говорити такъ: коли, господине, ты, поставя иные свои дѣла, да пристанешъ къ тому къ своему дѣлу, накрѣпко учнешъ свое дѣло дѣлати, и Государь нашъ, господине, самъ на конь всядетъ со всѣми своими силами, да тебѣ помагаетъ на твоихъ и на своихъ недруговъ, сколько ему Богъ пособитъ. Да пытати Юрью и Михаилу того, какъ будетъ пригожъ, чего дѣля Максиміанъ помирился, Бртанского ли дѣля дѣла или иного для дѣла, и прочно ли будетъ помирился или перемирье взялъ, и хочетъ ли свое дѣло дѣлати доставати Угорскаго Королевства и каково его дѣло съ Фрянцозскимъ Королемъ о Бртанскомъ дѣлѣ; и каковы будутъ ему съ кѣмъ иные дѣла, о всемъ о томъ имъ отвѣдывати.

А вотчина его Австрское княженье, тѣ городы, что за Угорскимъ были, всѣ ли нынѣ за нимъ или не всѣ; и мочно ли ему достати Угорского королевства, хотятъ ли его панове Угорскіе на Угорское королевство; панове Угорскіе есть ли у него и съ вотчинами ли своими у него панове или безъ вотчинъ, и которые панове на имя, а городы на Угорской землѣ есть ли за нимъ, и которые городы на имя, чаяти ли его на Угорскомъ королевствѣ, каково его дѣло, о всемъ о томъ пытати. А которые панове Угорскіе будутъ у Короля съ вотчинами, и которые безъ вотчинъ, и которые городы на Угорскоі землѣ за Королемъ, ино имяна панскіе да и городовъ выписати на списокъ.

А вспросятъ Юрья и Михаила о томъ: приказалъ ли Государь вашъ къ Стефану, воеводѣ Волошскому, чтобы Государю нашему Максиміану Королю помагалъ. И Юрью и Михаилу говорити то: приказалъ Государь нашъ къ Стефану воеводѣ, какъ учнетъ Максиміанъ Король свое дѣло дѣлати, и онъ бы ему помагалъ. Да память Юрью и Михаилу: быти имъ у Саксонского Князя у Ѳердерика, да отъ Великого Князя ему поклонитися; Юрью молвить: Іоаннъ, Великій Государь всеа Русіи, твоеі Свѣтлости велѣлъ поклонитися. Да поминокъ явити. Юрью жъ, а молвити: Іоаннъ, Великій Государь всеа Русіи, твоеі Свѣтлости поминается, послалъ къ тебѣ поминокъ сорокъ соболей. А опослѣ поминка грамота подати вѣрющая. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Русіи, Володимерскіі, и Московскій, и Новгородскіі, и Псковскій, и Тферскіі, и Югорскіі, и Вятскіі, и Прмъскіі, и Болгарскій и иныхъ. Свѣтлѣйшому Началнику Саксонскіе земли Князю Ѳердерику, что отъ насъ уч-

нутъ твоей Свѣтлости говорити наши послы Юрьи и Михаіло, и ты бы имъ вѣрилъ, то есть наши истинные рѣчи. А писанъ на Москвѣ отъ созданья миру въ лѣто 6990 и 10 мѣсяца Мая 6». А на подписи: наяснѣйшему и свѣтлѣйшему началнику Саксонскіе земли Князю Өердерику.

А опослѣ того рѣчь говорити Юрью: Іоаннъ, Великій Государь всеа Руси, велѣлъ твоей Свѣтлости говорити: сказывали намъ наши послы и наши люди, которые ходятъ черезъ твою землю, что ихъ ты чтишь и бережешь нашего для имяни, и мы тебѣ за то дякуемъ.

А се Михаилу говорити: Государь всеа Русіи велѣлъ тобѣ говорити: и ты бы и впередъ, коли прилучится нашимъ посломъ и нашимъ людемъ путь черезъ твою землю, или которые люди изъ Италійскихъ странъ пойдутъ черезъ твою землю на наше имя, и ты бы ихъ велѣлъ оберегати и пропущати по своей землѣ доброволно. Также которые люди мастеры какіе изъ твоеіі земли похотятъ къ намъ ити на наше имя, и ты бы ихъ велѣлъ отпускати насъ для; а что будетъ тебѣ у насъ надобѣ въ нашихъ земляхъ, и мы тебѣ за то не стоимъ.

Да память Юрью и Михаилу: что сказывалъ воеводинъ Стефановъ посолъ Мушатъ, Ласловъ Король Угорскій држитъ за собою мѣста и городы въ цесарской землѣ, что былъ ихъ поималъ еще Матіашъ Король; а се имена ихъ: Лѣнаторгъ около Мурованъ, Корнимъборкъ торгъ около Мурованъ, Енъдрьбуторгъ около Мурованъ, Супдава городъ, Балоръферышъ городъ. А Король Максимiанъ држитъ за собою въ Угорской землѣ городы и мѣста. А се имена ихъ: Кышмартой городъ и торгъ; Заигышъ городъ и торгъ; Сабаріа градъ и торгъ; Веспіимъ градъ и торгъ; Здемчинъ городъ и торгъ; Землешійгиролъ городъ; Морваіі городъ; Шимежъ городъ; Тохай городъ. И Ласловъ де и Максиміанъ хотѣли тѣми городы розменится; и имъ того пытати, какъ будетъ то межи ихъ дѣлалося и нынѣча ли тѣ городы Максиміанъ држитъ за собою.

Да Мушатъ же сказывалъ, которые бискупы и панове Угорскіе у Максиміана у Короля, а се имяна ихъ: бископъ Печи, бископъ отъ Васприме, кнежи Ласловъ отъ Канисъ, Щефанъ отъ Канисъ, кнежи Іоаншъ отъ Канисъ, Сѣчини Клоушъ, Едербо Іоаншъ, Якобъ Панфи, Цакалъ Якобъ, Никлоушъ Армашъ, Ишпанъ Михали Десперемн, Янушъ Борномиса, Фрѣнци Верисъ, Домбаіі Давидъ, Телѣгди Амбрушъ, Поки пѣтирь, Покаіі пѣтирь, Токаіі пѣтирь, Немпали пѣтирь, Вилхими Ишпанъ, Горнеми Ишпанъ, Еллеи Ваііда, Знулъ Іоаншъ, Знулъ Ищвалъ, Двап Іоаншъ, Саркай Ласловъ, Имъбрифіа Амбрушъ.

А Хорватскіе земли панове, а се имена ихъ: Ишпанъ Іоаншъ, Ишпанъ Каролусъ, Ишпанъ Никола.

А про Матіашова сына про Королева про Херчега про Януша сказывалъ Мушатъ же, что онъ у Ласлова у Короля, и држитъ за собою городы, что држалъ дядя его Янушъ воевода, что былъ у дѣлъ отца его Матіашовъ прядалика на Угорской землѣ. И имъ про Матіашова сына пытати, и нынѣча ли у Ласлова у Короля въ Угорской землѣ, на той на своей отчинѣ, или индѣ гдѣ.

А ся память Юрью дана и Михаилу Любчанъ для и Колыванцовъ. Память Юрью и Михаилу. Что Князь Великій въ Новѣгородѣ велѣлъ вѣсъ уставити, вѣсити соль и медъ того дѣля: били ему челомъ Новго-

родскіе купци, а сказываютъ, что приходитъ въ Новгородъ соль и медъ отъ Нѣмецъ не полно того дѣля, что въ Новѣгородѣ вѣсу нѣтъ, въ ласту приходитъ девяносто пудовъ Московскихъ, а въ въ иномъ менши; а напередъ того въ ласту приходило по сту пудовъ и по дватцати; а медъ приходитъ не полонъ же, бочка по девяти пудовъ и по полудевята, а напередъ того приходила бочка по десяти пудовъ Московскихъ. Ино вѣсъ учиненъ въ Новѣгородѣ того дѣля, чтобы лжи не было; а пошлинники Новогородскіе нынѣ вѣсчего на Нѣмцѣхъ не емлютъ, емлютъ на купцѣхъ, хто у нихъ купитъ; а въ Великого же Князя вотчинѣ въ Псковѣ Псковичи у Нѣмецъ соль и медъ вѣсятъ и вѣсчое на Нѣмцѣхъ емлютъ, ино и лжи нѣтъ отъ Нѣмецъ, соль къ нимъ идетъ и медъ полно. А Нѣмци, Колыванци и Ругодивци сами у заморскихъ купцовъ изъ кораблеіі соль и медъ вѣсятъ, а Новгородскимъ купцомъ у себя продаютъ соль и медъ вѣсятъ же, и вѣсчее на нихъ емлютъ, и они въ одномъ Новѣгородѣ хотятъ безъ вѣсу продавати.

Да память Юрью и Михаилу: будетъ Максиміану Королю Бртапское дѣло не състалося, и Юрью и Михаилу говорити про то дѣло съ кѣмъ будетъ пригожъ, по Великого Князя наказу, какъ пригожъ. А учнутъ говорити Юрью и Михаилу о томъ дѣлѣ, чтобы какъ нынѣча то дѣло дѣлати, и Юрью и Михаилу говорити то: Напередъ сего Цесарь самъ да и Максиміанъ учали были то дѣло дѣлати, да ими жъ то дѣло не състалося, и нынѣча тому дѣлу какъ быти? Да говорити о тѣмъ дѣлѣ, какъ пригоже и съ крѣпка.

А учнутъ съ Юрьемъ и съ Михаиломъ о томъ дѣлѣ говорити накрѣпко, и Юрью и Михаилу говорити то: коли похочетъ Максиміанъ то свое дѣло дѣлати, и онъ бы послалъ на то дѣло къ нашему Государю своего человѣка доброго вѣрного, да и грамоту бы свою послалъ съ нимъ къ нашему Государю такову, чтобы инако то дѣло не было, и мы надѣемся на Бога, что то дѣло межъ Государей сстанется. И всхотятъ то дѣло дѣлати накрѣпко и человѣка своего доброго вѣрного учнетъ на то дѣло посылати и грамоту свою, и Юрью и Михаилу тогды молвити, о Греческомъ законѣ, и о церкви, и о священникѣхъ.

А будетъ то дѣло Бертанское Максиміану Королю сссталося, нелзѣ будетъ Юрью и Михаилу о томъ дѣлѣ говорити, а учнутъ говорити о Максиміановѣ сынѣ о Королевѣ о Филипѣ, и Юрью и Михаилу о томъ дѣлѣ говорити, какъ будетъ пригоже. Да и о Саксонскомъ Князѣ, о болшомъ о Фердерику, тогды о томъ дѣлѣ говорити, какъ будетъ пригоже. Да у которыхъ Государей у великихъ, у Королей и у Князей пригожъ будетъ, говорити о дѣлѣ Великаго Князя сынѣ, о Княже о Васильевѣ, и Юрью и Михаилу о томъ дѣлѣ заговаривати какъ будетъ пригожъ.

Да послалъ Князь Великій съ Юрьемъ и съ Михаиломъ въ Ругодивъ и на Колывань Өедора Чирку Сурмина о ихъ проѣздѣ.

А се говорити отъ Великаго Князя Өеодору Чиркѣ Сурмину въ Ругодивѣ бергоместеру и ратманомъ: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Русіи, велѣлъ вамъ поклонитися. Да грамота подати вѣрющая. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію, Великій Государь, Царь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тферскій, и

Югорскій, и Вятскій, и Пръмскій, и Болгарскій и иныхъ, въ Рутодивъ бергоместеру и ратманомъ. Что отъ насъ учнетъ вамъ говорити нашъ сынъ боярской Θеодоръ, и вы бы ему вѣрили, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, мѣсяца Маія 6».

А опослѣ грамоты рѣчь говорити сидя: Государь нашъ, Царь всеа Русіи, велѣлъ вамъ говорити: былъ у насъ отъ Максиміана Краля Римского посолъ его Юрьи Делаторъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю, а къ Королю къ Максиміану послали есмя своихъ пословъ Юріа Траханіота да Михаила Степанова сына Яропкина; и вы бы имъ дали проводника, а велѣли бы есте ихъ проводити до Колывани; а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили.

А въ Колывани Θеодору бергоместеру и ратманомъ отъ Великого Князя поклонитися: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Русіи велѣлъ вамъ поклонитися. Да поминокъ подати, а молвити: Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Русіи, вамъ поминается корабельникъ. Да грамоту подати вѣрющая. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Великій Государь, Царь всеа Русіи, Володимерскій, и Московскій, и Ноугородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пръмскій, и Болгарскій и иныхъ, въ Колывань бергоместеру и ратманомъ. Что отъ насъ учнетъ вамъ говорити нашъ сынъ боярской Θеодоръ, и вы бы ему вѣрили, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, мѣсяца Маія 6».

А опослѣ грамоты рѣчь говорити сидя: Государь нашъ, Царь всеа Русіи, велѣлъ вамъ говорити: былъ у насъ отъ Максиміана Краля Римского посолъ его Юрьи Делаторъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю, а къ Королю къ Максиміану послали есмя своихъ пословъ Юрья Траханіота да Михаила Степанова сына Яропкина; и вы бы тѣхъ нашихъ пословъ Юрья и Михаила, и съ ихъ товарищи и съ ихъ людьми, велѣли на корабль посадити насъ для, и море перепровадити къ Любку. Также и оттолѣ къ намъ поѣдутъ тѣ наши послы Юрьи и Михайло, и кто къ намъ съ ними вмѣстѣ оттолѣ поѣдетъ, или опрочѣ ихъ которые люди оттолѣ къ намъ поѣдутъ на наше имя, и вы бы ихъ велѣли проводити до нашіе земли; а то бы есте учинили насъ для, тѣмъ бы есте намъ послужили. Да послалъ Государь нашъ къ вамъ на Колывань мене, своего слугу, а велѣлъ мнѣ дождати того, какъ послы Юрьи и Михайло на корабль поійдутъ, и Государь мой велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣхати, и вы бы Государя для нашего велѣли насъ проводити до Государя нашего земли.

Да говоривъ Чиркѣ рѣчь бергоместеру и ратманомъ Колыванскимъ, да того жъ ли дни или назавтрее итти ему къ бергоместеру къ Колыванскому къ Ивану къ Жуперу, да отъ Великого Князя ему поклонитися. Іоаннъ, Великій Государь, Царь всеа Русіи, велѣлъ тобѣ поклонитися. Да поминокъ ему отъ Великого Князя подати соболь; да рѣчь говорити сидя: Государь нашъ, Царь всеа Русіи, велѣлъ тобѣ говорити: былъ у насъ отъ Максиміана Краля Римского посолъ его Юрій Делаторъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю; а къ Королю къ Максиміану послали есмя своихъ пословъ Юріа Траханіота, да Михаила Степанова сына Яропкина; и язъ приказалъ къ вамъ, на Колывань, къ бергоместеру и къ ратманомъ, чтобы тѣхъ нашихъ

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

пословъ, и съ ихъ товарищи и съ ихъ людьми, велѣли на корабль посадити и море перепровадити къ Любку. И ты бы намъ тѣмъ послужилъ, чтобы еси бергоместеру и ратманомъ говорилъ, да тѣхъ бы есте нашихъ пословъ Юрья и Михаила, и съ ихъ товарыщи и съ ихъ людьми, велѣли на корабль посадити и море перепровадити къ Любку; а какъ дастъ Богъ перейдутъ здорово море, и тѣ наши послы пошлютъ къ намъ свою грамоту и ты бы ту грамоту допровадилъ въ Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ.

Да память Чиркѣ: дождати ему на Колывани того, какъ Юрьи и Михаійло на корабль пойдутъ, и въ которой день на корабль пойдутъ и на чей корабль; да пытати Чиркѣ про Юрья про Максиміанова посла королева, коли пошолъ изъ Колывани, въ которой день и на которые мѣста пошолъ, и Чиркѣ то себѣ все записати, да поѣхати къ Великому Князю.

А се такова грамота дана Чиркѣ къ намѣстникомъ къ Новогородскимъ, къ Якову да къ Петру о толмачѣ и о проводникѣ: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, въ нашу отчину въ Великіі Новгородъ, боярину и намѣстнику нашему Якову Захарьичю и намѣстнику нашему Петру Михайловичю. Послалъ есми съ своими послы съ Юрьемъ и съ Михаіломъ на Колывань Ѳеодора Чирку Сурмина; и вы бы послали на Яму, да велѣли бы есте дати Чиркѣ Ямляномъ рубль на проводника да и толмача до Колывани по тому жъ, какъ давали наперёдъ сего инымъ моимъ посломъ».

А се такову грамоту привезъ Чирка отъ Юрья изъ Колывани. А се грамота: «Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи холопи твои, Государь, Юрьи да Кляпикъ челомъ бьютъ. Пріѣхали есмя, Государь, на Колывань, Іюня въ 13 день, въ среду, а кораблеіі, Государь, въ Колывани было мало, толко три корабли, два Любецкіе идутъ къ Любку, а третей Колыванской идетъ въ Филандрію съ рожью; а сказываютъ, Государь, что въ Филандріѣ рожь дорога, купятъ по сту золотыхъ ластъ; а корабль есмя, Государь, Любецкой наняли и пошли есмя на Любецкомъораблѣ. А при насъ, Государь, пришло изъ заморіа кораблеіі съ десять изъ Любка и изъ Даньска и изъ Филандріи, напорождѣ, по рожь; а идутъ тѣ корабли всѣ къ Филандреи съ рожью. А про Максимьяна Короля сказываютъ, Государь, что дополна съ Чешскымъ съ Королемъ съ Владиславомъ помирился, и земли ся Угорскіе ему Максимьянъ отступилъ. А сказываютъ, Государь, что нынѣ валчится Максимьянъ съ Фрянцовскимъ Королемъ, что, сказываютъ, Фрянцовской Король обрученицу Максимьянову взялъ за себя, да и землю Бертанскую всю дръжитъ Фрянцовскіі Король за собою; а дочерь Максимьянову, сказываютъ, отслалъ назадъ въ Филандрію; а сказываютъ, Государь, что помагаютъ Королю Максимьяну всѣ Короли и Князи на Фрянцовского Короля по папину благословенью. А Юрьи, Государь, Делаторъ пріѣхалъ при насъ на Колывань отъ Магистра отъ Ливонского; а сказываетъ, Государь, Юріі Делаторъ, что у него были отъ Пруского Князя люди добрые; а про дѣло, Государь, про Ливонское и про Пруское попытали есмя его, и онъ намъ не сказалъ ничего, а сказываетъ, Государь, что ему ужъ въ Прусѣхъ не быти; а хочетъ, Государь, изъ Колывани ѣхати къ Свѣѣ, а про Государя своего сказываетъ про Максимьяна

Короля, что къ нему пришла вѣсть у Магистра у Лявонского, что Король Максимьянъ съ Чешскимъ Королемъ съ Владиславомъ перемиріе взялъ не въ прокъ, а того, Государь, не сказалъ на колко лѣтъ перемиріе взялъ, а и земли ся сказываетъ Угорскіе ему отступилъ Максимьянъ; а которые городы были за Максимьяномъ, а тѣ городы и нынѣ за Максимьяномъ, и намѣстники, сказываетъ, по городомъ Максимьяновы сѣдятъ. А сказываетъ, Государь, Юрьи жъ, что перемиріе Максимьянъ взялъ съ Королемъ съ Чешскимъ того для, что Максимьянъ сталъ накрѣпко валчить съ Французовскимъ Королемъ за то, что у него его обрученицу отнялъ, а за себя, сказываетъ, ее не взялъ, а дръжитъ ее, сказываетъ, туто же въ Бертаніѣ. А землю Бертанскую, сказываетъ, Король Французовской всю взялъ за себя, а дочери Максимьяновы, сказываетъ, отъ себя не отслалъ; а помагаютъ, сказываетъ, Королю Максимьяну на Французовского Короля Король Аглинской, да Король Спаньской, да Король Португальской, да Король Скотцкой, и всѣ Князи Нѣметцкіе помагаютъ Максимьяну. А кораблей, Государь, приходитъ изъ заморіа полно, а вѣсти сказываютъ не одни про Максимьяна Короля; а про городъ, Государь, про твой про Новыйі и про вѣсы ни въ Ругодивѣ ни въ Колывани намъ не говаривали ничего. А что, Государь, Юрьи Делаторъ хотѣлъ съ нами послати дву человѣкъ, и онъ нонѣча послалъ съ нами одного человѣка до Любка Юрка Хорватина, а изъ Любка ему ѣхати напередъ къ Королю къ Максимьяну. А мы тебѣ, своему Государю, холопи твои, челомъ бьемъ. А писана мѣсяца Іюня 29 день».

А сѣ грамоты пришли отъ Юрья да отъ Кляпика изъ Любка съ Мануиловымъ Ларева человѣкомъ съ Ѳедькомъ. А се грамоты: «Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Руси, холопи твои, Государь, Юрьи да Кляпикъ челомъ біемъ. Милостью Божіею, Государь, и твоимъ государскимъ здоровіемъ, далъ Богъ море есмя перешли здорово, Іюля въ 20 день; а на морѣ есмя были три недѣли. А здѣсе, Государь, въ Любку лежалъ посолъ королевъ Максимьяновъ съ полгоду, а зовутъ его Индрикомъ Норберчанинъ, а прислан къ Любку и къ инымъ городомъ помочи просити. Да отъ Короля отъ Максимьяна передъ нашимъ пріѣздомъ пригонилъ гонецъ къ Любку, зовутъ его Иваномъ изъ Свабіи, а сказываетъ, Государь, тотъ гонецъ четыре недѣли Ильинъ день, какъ оставилъ Короля Максимьяна въ городѣ въ Олмѣ, въ Свабьской землѣ, отъ Норберга 40 миль. А вѣсти сказываетъ, Государь, про Короля про Максимьяна тотъ посолъ и гонецъ, что Король Максимьянъ съ Чешскимъ Королемъ съ Владиславомъ вѣчной миръ взялъ. Максимьянъ Король, которые былъ городы Угорскіе поималъ за собя, и онъ тѣхъ городовъ всѣхъ отступился Владиславу Королю Чешскому, да и Хорватскіе земли отступился. А Владиславу Королю Чешскому съ Угорскіе земли давати Максимьяну Королю съ году на годъ по дватцати тысячь золотыхъ Угорскихъ; а опослѣ живота Владислава Короля Чешскаго держати Угорское королевство Максимьяну Королю; а не станетъ Максимьяна Короля, ино Максимьянову сыну держати Угорское королевство; а не будетъ у Максимьяна сына, ино, кто ни будетъ Максимьянова роду, тому держати Угорское королевство. А Владиславъ Король Максимьяну Королю отступил-

ся всего Авъстрьжского княженья, что держалъ Матiашъ Король за собою; а у Максимьяна Короля Угорскихъ пановъ и Хорватскихъ не сказываютъ никого: всѣ поѣхали назадъ ко Владиславу Королю; а сынъ королевъ Матiашевъ, Герчекъ, сказываютъ, у Чешского же Короля у Владислава. А Максимьянъ Король, сказываютъ, сталъ накрѣпко валчити съ Фрянцовскимъ Королемъ съ Иваномъ, а соднatчилися были съ Фрянцовскимъ Королемъ на Максимьяна Короля три Нѣмецкiе Князи: Баворскiй Князь, зять Короля Польского, да князь Алибертъ, зять цесаревъ, да князь Кандополятино. И Максимьянъ Королъ пошелъ былъ напередъ на нихъ воiскомъ, и тѣ князи его встрѣтили, да добили ему челомъ, да и содиначалися съ Максимьяномъ Королемъ на Фрянцовского Короля и срокъ учинилъ Максимьянъ Король со всѣми Короли и съ князьми стати на Фрянцовскомъ рубежѣ на Рожество Пречистые. А сказываютъ, что помагаютъ Королю Максимьяну на Фрянцовского Короля Король Аглянской, да Король Спанской, да Король Партогальской, да Король Скотцкой и всѣ Князи Нѣмецкiе; а Владиславъ Король Чешскiй, сказываютъ, хотѣлъ помагати Королю Максимьяну, да и Хорватцкiе князи, а нынѣ, скажутъ, за тѣмъ не помагаютъ ему, что Турской Царь пришелъ въ Сербскую землю, въ свой городъ въ Смедерово, на Угорскую границу, и они стерегутъ своей земли. А Фрянцовской Король, сказываютъ, Бертанскую княжну, обрученицу Максимьянову, какъ вѣнчался съ нею тому ужъ съ полгоду, а съ дочерью съ Максимьяновою, сказываютъ, вѣнчалъ же ся, а не спалъ съ нею; а держитъ ее въ своей землѣ во иномъ городѣ, а прислалъ, сказываютъ, Фрянцовской Королъ къ Максимьяну Королю посла своего, гдѣ велитъ дочерь свою отслати, къ себѣ ли или въ Филандрiю, и Максимьянъ, сказываютъ, отвѣчалъ: гдѣ хочешь, тутъ пришли мою дочерь. А тотъ, Государь, Максимьяновъ посолъ и гонецъ поѣхали къ Максимьяну изъ Любка Iюля 21 день, и Юрка Хорватинъ съ ними же вмѣстѣ поѣхалъ. И грамоту есмя, Государь, отъ себя къ Королю къ Максимьяну съ нимъ же послали о себѣ, занже, Государь, намъ нелзе проѣхати безъ королева человѣка; проѣзды, Государь, наши до Короля тѣсны; а Юрьи, Государь, Делаторъ изъ Свѣи не бывалъ, не вѣдаемъ его, какъ будетъ. А Дацкой Король съ Любкомъ не въ миру, а держитъ на морѣ и на сушѣ розбой, и Лючбане, Государь, послали на море нарядивъ 4 корабли, стеречи розбоiниковъ Дацкого Короля. А сказываютъ, Государь, здѣ, что Польского Короля Казимира не стало, а на Польскомъ королевствѣ, сказываютъ, сѣлъ сынъ его Олебрехтъ. А мы тебѣ, Государю своему, холопи твои, челомъ бьемъ. А писана Iюля 25 день».

«Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Руси, холопи твои, Государь, Юрьи да Кляпикъ челомъ бьемъ. Что, Государь, Дмитрей Ларевъ посылалъ своего человѣка въ Любикъ Ѳедька къ бергоместеромъ съ своеi грамотою Вартоломею печатнику Любьскому на очищенiе о дѣтинѣ, и бергоместеры Дмитрееву человѣку отвѣчяли: намъ до Вартоломея дѣла нѣтъ никакова; а сказываетъ Вартоломей, что на него тотъ паробокъ въ Свѣѣ говорилъ, что его продавали, а сказываетъ Вартоломей, что на него въ томъ паробкѣ въ Свѣѣ, домъ его

да и животъ его порубили, доколѣ ся Вартоломеіі въ томъ паробкѣ очиститъ, и вы бы ѣхавъ въ Свію, да тамъ его очистили, чтобы онъ тамъ чистъ былъ, да животъ бы его въ томъ не изгиблъ; а сдѣсе, Государь, Вартоломей билъ челомъ намъ, чтобы мы къ тебѣ ко Государю послали о томъ свою грамоту, чтобы ты Государь, обыскавъ Дмитрея, да далъ Вартоломею свою грамоту отворчятую, за своею за болшею печатью, въ Любикъ и въ Свію, чтобы Вартоломей въ томъ паробкѣ чистъ былъ, да животъ бы его у него въ томъ не изгиблъ; и онъ сказываетъ, Государь, что тою твоею грамотою можетъ чистъ быти вездѣ: и въ Любику и въ Свеѣ, и животъ его у него будетъ; а сказываетъ, Государь, Вартоломей, что у него въ Свѣѣ взяли его живота въ томъ паробкѣ на полшеста ста гривенъ, на Любскую. А Вартоломеіі, Государь, здѣсе сколко можетъ, столко тебѣ Государю служитъ. А мы тебѣ, своему Государю, холопи твои, челомъ бьемъ».

А сю грамоту привезъ отъ Юрья и Кляпика Юрьевъ человѣкъ Тимоха: «Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю, Царю всеа Руси, холопи твои, Государь, Юрьи да Кляпикъ челомъ бьемъ. Что есмя, Государь, слышели вѣстей, и мы, Государь, тѣ вѣсти всѣ писали къ тебѣ, ко Государю, съ Ѳедькомъ съ Ларевымъ; а нынѣ, Государь, пріѣхалъ отъ Короля отъ Максимьяна да отъ Князя отъ Сигизмунда, отъ дяди отъ Максимьянова, Сигизмундовъ человѣкъ, зовутъ его Михайломъ, а ѣдетъ, сказываетъ, къ тебѣ, ко Государю, отъ Короля отъ Максимьяна, да отъ Князя отъ Сигизмунда съ грамотами; а къ Юрью, Государь, къ Делатору да ко мнѣ отъ Короля отъ Максимьяна привезлъ вѣ грамоты: одна грамота писана по Фрязски, и мы, Государь, ту грамоту чли, а другая грамота по Нѣмецки, высокимъ языкомъ писана, и намъ, Государь, ту грамоту переводилъ Любской печятникъ Вартоломей. А привели есмя, Государь, Вартоломея къ цѣлованью на томъ, что ему, Государь, служити тебѣ Государю вѣрно и твоимъ посломъ, а тое ему грамоты не проносити никому; а цѣловалъ, Государь, крестъ у насъ изъ рукъ, да и право свое намъ на томъ крѣпкое далъ, каково дѣло твое государево ни придетъ къ нему, а ему служити тебѣ Государю головою своею да и твоимъ людемъ, а не пронести ему твоего дѣла никому. А Юрью Делатору, Государь, сказываетъ Валртломей цѣловалъ же преже сего, что ему служити Королю Максимьяну вѣрно да и его посломъ; а которые, Государь, отъ Короля отъ Максимьяна люди пріѣжжаютъ въ Любикъ о каковѣ дѣлѣ всѣ къ Вартломею, да и грамоты, Государь, отъ Короля къ нему привозятъ; а мы, Государь, то и сами видѣли. А тотъ, Государь, королевъ человѣкъ Михайло поѣхалъ къ тѣбѣ ко Государю; а мы, Государь, съ нимъ послали своего человѣка, да съ тѣхъ грамотъ послали есмя къ тебѣ ко Государю списки слово въ слово по Гречески, а себѣ есмя, Государь, съ тѣхъ грамотъ, сколько уразумѣли, столько по Руски перевели; а грамотъ есмя, Государь, тѣхъ не послали за тѣмъ къ тебѣ ко Государю, что ещо Юрья сдѣсе нѣтъ, изъ Свеи не бывалъ, а писаны, Государь, грамоты къ Юрью да ко мнѣ; а опроче тѣхъ грамотъ дву нашихъ, отъ Максимьяна Короля къ Юрью къ Делаторю привезъ двѣ же грамоты, а тѣхъ, Государь, мы грамотъ не вѣдаемъ, что въ нихъ пишетъ. А Турской Государь, скажутъ,

подъ Бѣлымъ-городомъ стоитъ въ Угорской землѣ, а войска Турского кажутъ 200 тысячь, да 60 тысячь; а Владиславъ Король, кажутъ, противъ его стоитъ, а войска Угорского скажутъ 60 тысячь; а слухъ, Государь, сдѣсе, что Владиславъ Король Чешскій, управяся съ Турскимъ, да хочетъ доставати и Ляцкіе коруны, а брату своему Ольбрехту не хочетъ ступитися, а миру ему съ братомъ нѣтъ. А что есмя, Государь, къ тебѣ писали съ Ѳедькомъ съ Ларевымъ о Угорскомъ миру Королю Максимьяну съ Владиславомъ Королемъ, и нынѣ намъ, Государь, правые вѣсти пришли, что помирился Максимьянъ съ Владиславомъ на томъ, что нынѣ Владиславу Королю держати Угорская коруна, а отколѣ на Владислава Короля нужа не придетъ, и Цесарю съ своимъ сыномъ съ Максимьяномъ Королемъ ему помогати заодинъ, а имати Максимьяну Королю у Владислава Короля съ году на годъ по сту тысячь золотыхъ Угорскихъ съ Угорскіе земли, а Авьстрское княженье за Максимьяномъ, что Матіашъ держалъ за собою. А цѣловалъ Король Владиславъ Максимьяну Королю, да и всѣ панове Угорскіе и Хорватцкіе, и вся земля Угорская и Хорватцкая, и грамоты промежъ себя поимали на томъ, что послѣ Владислава Короля держати Угорская коруна Максимьяну Королю или Максимьянову сыну, а не будетъ у Максимьяна сына, ино кто ни будетъ Максимьянова роду, тому держати Угорская коруна. А Королева Матіашева, скажутъ, живетъ въ своихъ городѣхъ, что ей Матіашъ далъ, у а бергоместеровъ и у ратмановъ есмя были, и они, Государь, намъ не велятъ ѣхати безъ Юрья, а велятъ Юрья ждати или отъ Короля вѣсти ждати, а кажутъ, Государь, что дорога не чиста. А мы тебѣ, Государю своему, холопи твои, челомъ бьемъ. А писана мѣсяца Августа въ 25 день».

А сѣ грамоты привезъ отъ Максимьяна Короля, да отъ Сизмонта человѣкъ Сизмонтовъ Михайло Снупсъ, а съ нимъ пріѣхалъ изъ Ямы изъ городка отъ князя Ивана отъ Гундора Ондрейко Жолтухинъ. А сѣ грамоты: «Максимьянъ, соблюденіемъ Божіей милости Краль Римской, всегды августъ, также и Угорскій, и Далматскій, и Харватскій Краль, и навышшій Князь Авъстръскій, и Князь Бургундійскій, и Британскій, и Брамбанскій и иныхъ, и Государь Лиролскій и иныхъ. Мочный и свѣтлый Княжъ! Свѣтлыйі Зизмонтъ, навышшій Князь Авъстръскій, пріатель нашь милый, послалъ нынѣчя нашего милово и вѣрнова слугу своего Михаила Снупсъ отъ святого цесарства Римского тѣмъ обычаемъ, иже бы твое и иныхъ Князей земли и государства узналъ, и достовѣрно бы обычаи увѣдалъ и розныхъ людей языковъ, а большое въ твоей землѣ того языка учится желаетъ для своей охоты, ижъ бы онъ, научився тѣхъ языковъ, къ намъ пріѣхалъ, пререченному нашему Князю и пріятелю тѣхъ бы земль обычаи умѣлъ сказати, и ему бы то стало велми за честь. И мы для просбы навышшего Князя Авъстръского, пріятеля нашего милого, того предреченного Михаила къ тебѣ послали, ижъ бы тые дѣла ему приказаныи моглъ тебѣ сказати. Жеданьемъ просимъ Милости Твоей великими просбами, ижъ бы того Михаила Снупса, какъ къ тебѣ прилетъ, ласково еси принялъ, да и къ своимъ бы еси ему дверемъ велѣлъ приходити, и

ласку свою и жалованье свое къ нему бы еси держалъ для нашіе просьбы, а намъ бы еси свою ласку въ томъ учинилъ, и мы также, какъ межи насъ братство есть, противъ ради чинити. Данъ въ градѣ въ Вулмѣ, дни 7-го мѣсяца Іюля, подъ лѣты нарожонья Господня лѣта 92-го, королевства нашего Римского 7-го, а Угорского 2-го, на приказъ Государя Русского.» А на подписи у грамоты: Велемочному и свѣтлому Государю Ивану, единому Князю и Государю Рускому, Князю Володимерскому, Московскому, Новогородскому, Псковскому, Тферскому, Югорьскому, Вятскому, Пермьскому, Болгарскому и иныхъ, брату и Князю нашему милому.

«Насвѣтлѣйшіи и навышшій Княже, пріателю нашъ милы! Приказали есмя вѣрному нашему слузѣ Михаилу Снупсу, которого есмя послали къ Высокости Вашеі и къ инымъ княземъ государства и земли видѣти и чюдныхъ рѣчеі смотрити, которые тамо многіе есть и могутъ быти, о которыхъ намъ часто вскaзываютъ, и розного уроженья языковъ учити для нашей чести, ижъ бы предреченный нашъ слуга о тѣхъ то рѣчѣхъ намъ нѣчто моглъ сказати, да и прикладъ дати, да и къ нашеіі обличности назадъ притти, насъ бы своимъ сказаньемъ велми потѣшилъ. Того ради, тые листы къ Высокости Вашей послали есмя, со всѣмъ жаданьемъ просячи, иже бы того слугу нашего, отъ нашего дому Австрійского, вѣрного нашего для жалованья и ласковего поляцанья рачилъ бы еси ласкове приняти, а что Высокость Твоа учинишь свою ласку ему, то какъ бы еси самимъ намъ учинилъ, а того николи жъ не можемъ забыти. Дана въ градѣ Рушпорку, 2 дни мѣсяца Іюля, лѣтъ нароженьа Христова 92-го. Зизмонътъ, Божіею милостію навышшій Князь Авъстрьскій». А на подписи у грамоты: Насвѣтлѣйшому и навышшему Князю, Господину и Государю Ивану, единому Князю и Государю Рускому, Князю Володимерскому, Московскому, Новогородскому, Псковскому, Тферскому, Югорскому, Вятскому, Пермьскому, Болгарскому и иныхъ, Государю и пріятелю нашему милому.

А се такова грамота послана съ Михайломъ Снупсомъ къ Максимьяну къ Королю, а поѣхалъ съ Москвы лѣта 7001-го, Генваря 10 день, а посланъ съ нимъ до Новагорода Сенка Зезевитовъ. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятцкій, и Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, наяснѣйшому и величайшему другу и брату нашему возлюбленному здравіе, радость и честнѣйшее животованіе! Величество Ти присла до насъ Сизмонтова человѣка Михаила Снупса, а съ нимъ въ листу въ своемъ къ намъ писалъ еси, что жъ Князь Сизмонтъ послалъ того своего слугу Михаила Снупса тѣмъ обычаемъ, что жъ бы онъ нашего Государства земли узналъ и языку научился. И мы, для дружбы и братства, того Михаила ласкове приняли и дръжали есмя его въ своемъ жалованьи. И просилъ насъ про то, что жъ бы мы отпустили его до далнихъ земль нашего государьства, иже есть подъ встокомъ на великой рѣцѣ Оби, и мы его тамо не отпустили за великое разстояніе далечего пути, занже и наши люди, которые ходятъ тамо по нашу дань, и они проходятъ до тѣхъ на-

шихъ земль съ великимъ трудомъ за неудобность пути. И онъ просилъ насъ, чтобы мы его къ Вашей Свѣтлости отпустили на Турского землю или на Польского Короля, и мы его на тѣ земли не отпустили того дѣля, чтобы надъ нимъ которая притчя не състалася, а отпустили есмя его къ вамъ на Нѣмецкую землю тѣмъ же путемъ, которымъ къ намъ пришелъ. Богъ всесилный да умножитъ здравія и честнѣйшого живота Величеству Твоему на многа лѣта! А писанъ на Москвѣ, лѣта 7001-го, Генваря 5-го». А на подписи у грамоты: «Наяснѣйшому и величайшому вседержавному Максимиліяну, Кралю Римскому и навышшему Князю Авъстрьскому и иныхъ, другу и брату нашему возлюбленному».

А такова грамота послана съ Михаиломъ же къ Сизмонту ко Князю. А се грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси, Володимерскій, и Московскій, и Новогородцкій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермьскій, и Болгарьскій и иныхъ, наяснѣйшому и свѣтлѣйшому Сизмонту, Архидуксу Авьстрьскому, и Стырьскому и иныхъ. Прислалъ еси до насъ слугу своего Михаила Снупса съ своимъ листомъ, а въ листу въ своемъ къ намъ писалъ еси, чтожъ бы ему нашего государства земли узнати и языку научитися; и мы, для пріятельства, того твоего человѣка Михаила ласкове приняли, и держали есмя его въ своемъ жалованьи. И просилъ насъ про то, чтожъ бы мы отпустили его до дальнихъ земль нашего государства, иже есть подъ востокомъ на великої рѣцѣ Оби, и мы его тамо не отпустили за великое разстояніе далечяго пути, занже и наши люди, которые ходятъ тамо по нашу дань, и они проходятъ до тѣхъ нашихъ земль съ великимъ трудомъ за неудобность пути. И тотъ твой человѣкъ Михайло просилъ насъ, чтожъ бы мы его къ Вашей Свѣтлости отпустили на Турского землю или на Польского Короля, и мы его на тѣ земли не отпустили того дѣля, чтобы надъ нимъ которая притчя не състалася; а отпустили есмя его къ вамъ на Нѣмецкую землю тѣмъ же путемъ, которымъ къ намъ пришелъ. Богъ всесилный да умножитъ здравія Твоей Милости на многа лѣта! Писанъ на Москвѣ, лѣта 7001-го, Генваря 5-го». А на подписи у грамоты: Наяснѣйшому и свѣтлѣйшому Сизмонту, Архидуксу Авъстрьскому, и Стырьскому и иныхъ.

А ся грамота къ Якову съ Сенькою: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, боярину и намѣстнику нашему Якову Захарьичю. Что былъ у мене отъ Максимиліяна Сизмонтовъ человѣкъ Михайло Снупсъ, и язъ его отпустилъ, а съ нимъ есмя послалъ до Новагорода Сенку Зезевитова. И какъ пріѣдетъ тотъ человѣкъ въ Новгородъ, и ты бы ему велѣлъ дати подворье, да доколѣ побудетъ въ Новѣгородѣ, и ты бы ему велѣлъ давати кормъ съ моего двора на день по куряти, да по двѣ части говядины, да по двѣ части свинины, да по два колачя полуденежныхъ, да соли, и заспы, и сметаны, и масла, да меду и вина съ моего погреба, сколко будетъ пригоже. А какъ поѣдетъ изъ Новагорода, и ты бы съ нимъ послалъ въ приставѣхъ человѣка, которого пригожъ, а велѣлъ бы еси его проводити до рубежа до Нѣмецкого, а корму бы еси велѣлъ ему давати по ямомъ, что пригоже, да и меду бы еси и

вина велѣлъ дати ему на путь до рубежа».

А ся грамота къ Ивану къ Волынскому съ Сенкою: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси дворецкому нашему Ивану Михайловичю. Отпустилъ есми Максимиліянова человѣка Михаила Снупса; и какъ пріѣдетъ въ Новгородъ, и язъ велѣлъ Якову дати ему подворье да и кормъ; и что велитъ ему Яковъ дати корму, да вина и меду, доколѣ побудетъ въ Новѣгородѣ, и ты бы ему велѣлъ давати съ моего двора, да и на путь, что велитъ ему дати вина и меду, и ты бы то велѣлъ дати».

А такова грамота подорожная дана Сенкѣ Зезевидову: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тферской землѣ, по ямомъ ямщыкомъ до Торжку, а въ Торжекъ старостѣ, а отъ Торжку по дорозѣ по Новогородцкой землѣ по ямомъ ямщыкомъ до Новагорода до Великого. Послалъ есми Сенку Зезевидова съ Нѣмчиномъ съ Михайломъ Снупсомъ, и вы бы давали Сенкѣ по двѣ подводы по ямомъ къ Новугороду, да и назадъ отъ Новагорода до Москвы, а Михаійлу бы есте Нѣмчину давали по двѣ же подводы отъ яму до яму до Новагорода, а корму бы есте давали на Нѣмчина на яму, гдѣ ему лучитца стати: куря, да двѣ части говядины, да двѣ части свинины, да соли, и заспы, и сметаны, и масла, да два колачя полуденежные по сей моей грамотѣ. Лѣта семь тысячь первого, Генваря».

А се такова грамота послана опослѣ съ Өѳонею съ Кучецкимъ къ Сенкѣ къ Зезевитову, да другая послана грамота Магистра Ливонского, а дати велѣно Сенкѣ Михаилу Снупсу та грамота. «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси Сенкѣ Зезевитову. Говорилъ Михайло Снупсъ Юшку малому Греку, чтобы язъ о немъ послалъ грамоту къ Магистру къ Ливонскому; и язъ ту грамоту магистрову послалъ къ тебѣ съ Өѳонею съ Кучецкимъ, и ты бы ту грамоту у него взялъ да далъ Михайлу, да то бы еси ему сказалъ, что язъ ту грамоту о немъ послалъ къ Магистру». А се грамота къ Магистру: «Іоаннъ, Божіею милостію Царь всеа Руси, и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, Ивану Вридаху, Магистру Ливоніа. Пріѣзжалъ къ намъ отъ брата нашего отъ Максимиліяна Краля Римского и отъ дяди его, отъ Сизмонта Князя Авъстрьского, человѣкъ ихъ Михайло Снупсъ, и мы его нынѣ отпустили къ его Государю на твою землю, и ты бы его велѣлъ по своей землѣ пропустити насъ для, сухомъ ли (похочетъ) * итти, на море ли пойдетъ; да чтобы ему въ твоей землѣ ни отъ кого лиха никоторого не было». А на подписи у грамоты: «Іоану Вридаху, Магистру Ливоніа».

А сѣ грамоты прислалъ Яковъ изъ Новагорода съ своимъ человѣкомъ, Іюня:

«Господину Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Руси холопъ твой, Господине, Яковъ Захарьинъ челомъ бьетъ. Прислали, Господине, ко мнѣ съ Колывани грамоту, а сказываютъ, Господине, послали ту грамоту къ тобѣ ко Государю Юрьи Грекъ да Михайло Кляпикъ: пріѣхали де и, Господине, отъ

* Въ подлинникѣ: почетъ.

нихъ на Колывань три человѣки ихъ. И язъ, Господине, ту грамоту послалъ къ тебѣ ко Государю, а язъ тобѣ, Государю своему, челомъ бью.

«Государю Великому Князю Ивану Васильевичю, Царю всеа Руси, холопи твои, Государь, Юрьи Грекъ и Кляпикъ Яропкинъ челомъ бьемъ. Милостіею Божіею и твоимъ, Государя нашего, здоровьемъ далъ Богъ, Государь, Короля есмя дошли здорово, мѣсяца Генваря въ 15 день, на рубежѣ высокіе Бергоніи, въ Елзеской землѣ, въ градѣ въ Колбергу. А отъ Короля есмя, Государь, поѣхали мѣсяца Марта въ 23 день; а въ Любикъ, Государь, есмя, далъ Богъ, твоимъ, Государя нашего, здоровьемъ, пріѣхали здорово, мѣсяца Апрѣля въ 30 день. А корабль, Государь, есмя собѣ наняли Любьской, а ждемъ того, какъ готовъ будетъ карабль; а дастъ Богъ, Государь, погодье, и мы поидемъ часа того. А на бусу есмя, Государь, на Колыванскую поити не смѣли; а послали есмя, Государь, на бусѣ на Колыванской людей своихъ въ Колывань проѣсти для; а велѣли есмя себя ждати въ Колывани. А королева, Государь, человѣка съ нами нѣтъ; а ялся послати послѣ насъ часа того. А мы тебѣ, своему Государю, холопи твои, челомъ бьемъ. А писана мѣсяца Маія въ 22 день».

—

7012—1504.

Лѣта 7012, Іюля въ 2 день, пріѣхалъ къ Великому Князю отъ Максимьана отъ Короля Римского человѣкъ его Юдокъ Кантирьгорь съ грамотами, а правилъ Великому Князю поклонъ отъ Короля; а опослѣ поклона подалъ двѣ грамоты.

А се первая грамота: «Максимиліянъ, Божіей пособствующи милости Краль Римскіи, всегда августъ, и Угорскіи, Далматцкіи, Кроатцкіи и прочихъ, Краль Архикнязь Аустріе, Князь Бурътунскіи и прочихъ, Комитъ Полатинусъ и прочая, наияснѣйшему и мощнѣйшему Господину Ивану, силному Началнику и Господину Рускому, Князю Владимерскому и прочихъ, и брату нашему любезнѣйшему поздравленіе, съ прибавленіемъ всего добра. Наияснѣишіи и мощный началникъ и брате любезнѣйшіи! Въспоминаемся мы съ и наияснѣйшимъ Господствомъ Вашимъ въ вышніе время завѣщаніе и единство сотворше, коего крѣпостію совокупною помощію противу коихждо насъ претыкающихъ или вражды съ нами навыкающихъ, понести держимъ и сице, егда уразумѣхомъ наияснѣйшее Господство Ваше о нѣкоторыхъ ближшихъ и окрестъ лежащихъ своихъ непокоитись и тружати, непщуемъ, аще тако есть сіе не менши намъ, аки завѣщателному въ вашемъ дѣлѣ быти. И сего ради умыслихомъ къ наияснѣйшему Господству Вашему въ писаніи донести, да аще то Господьство Ваше или того господьствія или подвластные отъ нѣкоего лежаніе имѣютъ или Кримчиномъ шкотятся, въ чемъ Господьство Ваше нашіе помощи, совѣта или нѣкоего пособствіа въ настоящихъ или послѣ требуетъ, то намъ скорѣйше извѣстити, да восхощетъ противу наияснѣйшого Господьства Вашего или тѣхъ господьствій или подвластныхъ недруговъ и супостатъ съ помощію нашею не останемъ. Желаемъ убо для дружбы и совокупного благоизволеніа велми уразумѣти, како или отъ коихъ наияснѣйше Господьство Ваше належаніе имать и коя по-

спѣшеніа доселѣ противу прежименныхъ своихъ врагъ имѣлъ еси, о коихъ всѣхъ паки отъ наияснѣйшого Господьства Вашего ждемъ вѣдати. Дана во градѣ нашемъ цесарьскомъ Аугустѣ, день 6 Августа, въ лѣто Господне 1502, кралевствъ нашихъ Римского въ 17, а Угорьского 13. По повелѣнію Господина Краля сущого».

А се другая такова грамота Максимьянова: «Максимиліанъ, Божоей пособствующи милости Римскій Краль, да августъ, и Угорьскій, и Кроацкіі и иныхъ Краль, Архидуксъ Аустріе, Князь Боргундоскій, и Брабандоскій и иныхъ, Комесъ Палатинусъ и иныхъ, наиясиѣйшому и велеможнему Началнику Господину Іоанну, единому Началнику и Господину въ Русіи, Князю Володимерьскому, Московскому и иныхъ, брату и началнику нашему любезнѣйшему, поздравленіе и братскіа любве всегда прибываніе. Наияснѣйшій и велеможны началниче и брате любезнѣйшій! Занеже нынѣ не имѣемъ бѣлыхъ кречетовъ, желаемъ же велми нѣколико такихъ кречетовъ имѣти, послали есмя до наяснѣйшого Господьства Вашего Юдока Картинги, кречетника нашего, просяще, дабы намъ нѣколико бѣлыхъ кречетовъ изъ тѣхъ господьствъ и странъ вашихъ привезти освободилъ, то намъ будетъ благоугоднѣйшее; поучаемъ же ся противу наяснѣйшему Господьству Вашему тако жъ воздати. Данъ въ градѣ нашомъ цесарьскомъ Аугустѣ, день 12 Августа, лѣта Господня 1502, кралевства нашего седмое надесять. По повелѣнію Господина Краля сущему».

А се такова подпись на обѣихъ на Максимьяновыхъ грамотахъ: Наяснѣйшему и велеможному Господину Іоанну, единому Началнику и Господину въ Русіи, Князю Володимерскому, Московскому, Новоградцкому, Псковскому, Тферскому, Югорьскому, Вятцкому, Пермьскому, Болгарьскому, началнику и брату нашему дражайшему.»

А се такъ Юдокъ послѣ грамотъ отъ Максимьяна рѣчью говорилъ: Наяснѣйшій и непобѣдимый Максимиліанъ Король Римскій, всегда августъ, Архикнязь Аустрьскій, Далмацкій, Коринтскій, Стирскій, Князь Бургунскій, Бробандрьскій, Голандроскій и прочихъ, есть здравъ милостію Божьею, тако жъ желаетъ здравья вѣдати о(тъ) свѣтлѣйшого, велемоцного Господа, Господа Ивана Началника и единого Государя всеа Русіи, яко брата своего любезнѣйшого. И приказалъ ему возвѣстити, аще требуетъ помощи и совѣта противу своихъ недруговъ, чтобы то скорѣе оказати восхотѣлъ, и въ коихъ возможетъ Государь мой пособляти противу непріателей, и онъ хочетъ соединити и совокупитися. Тако жъ приказалъ мнѣ Государь мой скоро къ Вашей Милости ѣхати, а скорѣе того къ себѣ велѣлъ возвратитись на празникъ святого Якова, занже Государь мой будетъ имѣти въ той день съѣздъ великій со князи Нѣмецкими въ Колоніида.

Ѣлъ того дни у Великого Князя, а послѣ стола его посылалъ Князь Великіи поити пристава Степана Болтина да толмача Истому Малово. А изъ Новагорода съ нимъ ѣхалъ до Москвы въ приставѣхъ Борисъ Еремѣевъ, а на Москвѣ былъ у него приставъ Степанко Болтинъ.

И лѣта 7012, Маія 16, велѣлъ Князь Великій Максимьянову королеву человѣку Юдоку быти на дворѣ, и велѣлъ ему быти у собя, и говорилъ

ему самъ Князь Великій: Юдокъ! привезлъ еси намъ отъ нашего брата отъ Максимьяна Короля Римского грамоты, да и словомъ еси намъ отъ него говорилъ, и мы тѣ грамоты и твои рѣчи выслушали, и гораздо тому уразумѣли. И послали есмя до нашего брата до Максимьяна Короля Римскаго свои грамоты съ тобою, и ты тѣ наши грамоты до своего Государя довези; а хотѣли есмя съ тобою вмѣстѣ и своего посланика послати видѣти здравье брата нашего, ино нашему посланику нелзе пройти; а всегда того хотимъ, чтобы наши люди межи насъ ѣздили, здоровья нашего видѣти. Да звалъ его Князь Великій того дни къ столу. А грамоты поемли у дьяка у нашего у Болдыря.

И грамоты велѣлъ ему отдати. А сѣ грамоты: «Іоаннъ, Божьею милостью Государь всеа Руси и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферьскій, и Югорьскій, и Вятцкій, и Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, наияснѣйшему и величайшому Господину Максиміліану, Божьею милостью Кралю Римскому и иныхъ, другу и брату нашому возлюбленному поздравленіе и братскіа любви съ пребываніемъ. По сихъ пишемъ къ твоей любви брата нашего, что прислалъ еси до насъ съ своимъ посланикомъ съ Юдокомъ съ Кантингеремъ свою грамоту, а въ грамотѣ въ своей къ намъ писалъ еси, вспоминая то, какъ межи насъ съ тобою братство и любовь сталась, и какъ въ грамотахъ нашихъ докончалныхъ межу насъ записано, что намъ быти на всякого нашего недруга заодинъ. И нынѣ уразумѣвше брата нашего господьство, что намъ отъ нѣкоторыхъ ближнихъ и окрестъ лежащихъ своихъ брань и валка зсталась, но того не вѣдаешь, правда ли то есть, и того ради свою грамоту до насъ писалъ еси увѣдати то, истина ли то есть, съ нами ли брань кто имѣетъ или съ нашими подвластными, или коимъ обычаемъ ратуемъ и коеѣ помощи, совѣта или коего пособствіа въ настоящихъ отъ вашіа братскіе любви на томъ требуемъ, то бы намъ Твоему Няснѣйшеству скорѣе извѣстити; а ты хочешь, по своему братству и какъ межи насъ въ докончалной грамотѣ написано, на нашихъ недруговъ съ нами быти заодинъ; да и словомъ намъ отъ васъ вашъ посланикъ Юдокъ Картингерь то жъ говорилъ. И мы Вашіа Свѣтлости грамоту и посланика вашего рѣчи выслушали, и гораздо тому уразумѣли; и о томъ благодаримъ Вашу Свѣтлость, брата нашего, и всегда хощемъ быти съ вами въ соузѣ братскомъ, и вамъ также творити. И по вашей любви писанью, брата нашего, возвѣщаемъ Вашей Свѣтлости про то, съ кѣмъ намъ и нашимъ подвластнымъ брань и валка състалась; ино намъ и нашимъ подвластнымъ тѣмъ обычаемъ брань и валка такова състалась. Вѣдомо Твоей Свѣтлости брата нашего, что Казимиръ Король Польскій и Великій Князь Литовскій и его дѣти намъ были недрузи, и послѣ его сынъ его Александръ сѣлъ на Великое Княжство Литовское, и съ нами былъ учинился въ любви и въ крестномъ цѣлованьѣ; да будучи съ нами въ крестномъ цѣлованьи, и онъ намъ недругомъ учинился, противу насъ брань воздвиглъ и поганьство былъ привелъ на христіянство; а Магистръ Ливонской, и арцибискупъ, и бискупы, и вся земля Ливонская съ нашими отчинами, съ Великимъ Новымъ городомъ и со Псковомъ, были въ перемиріѣ и въ крестномъ

цѣлованьѣ. И какъ намъ Литовской учинился ратенъ, и они, не дождавъ по перемирнымъ грамотамъ урочныхъ лѣтъ, да въ ту жъ пору пристали къ тому жъ нашему недругу къ Литовскому, да не сложа крестного цѣлованья, нашимъ отчинамъ, Новогородцкой землѣ и Псковской, учали лихо чинити. И мы, уповая на Бога, какъ съ Литовскимъ, такъ и съ тѣми Нѣмци, свое дѣло дѣлали, какъ намъ Богъ помоглъ. И Литовской присылалъ къ намъ и перемирье съ нами взялъ на урочные лѣта. А наши князи и намѣстники Великого Новагорода и Пскова къ намъ приказывали, что де и Магистръ, и арцибискупъ и вся земля Ливонская къ нимъ присылали бити челомъ, да съ ними перемирье жъ взяли на урочные жъ лѣта. И нѣчто опять учинится межи насъ валка съ Королемъ съ Польскимъ съ Александромъ, а къ твоей любви не успѣемъ вѣсть послати, а твоя любовь услышитъ то, что мы съ Королемъ съ Польскимъ валчимъ, и Твоя бы Свѣтлость, брата нашего, по твоему съ нами завѣщанью и по утверженной грамотѣ, какъ межи насъ записано, на нашего недруга Польского Короля Александра намъ помогалъ; а почнетъ Твоя Свѣтлость, брата нашего, валчити, доставати своего отечества Угорьского королевства, а не поспѣетъ твоя любовь до насъ тогды вѣсти послати, а услышимъ то мы, что Ваша Свѣтлость доставаешь своего отечьства Угорьского королевства, ино мы, по нашему съ тобою завѣщанію и любви, хотимъ тебѣ помагати, сколко намъ Богъ поможетъ; и хотимъ съ тобою въ соузѣ братскомъ быти на всякого недруга заодинъ и до живота. А Твоя бы Свѣтлость, брата нашего, также по вашему съ нами завѣщанью, на всякого недруга съ нами былъ заодинъ и до живота. А нынѣ хотѣли есмя вмѣстѣ съ вашимъ посланикомъ до Вашіе Свѣтлости и своего посланика послати видѣти здоровье вашіе любви, брата нашего; ино чрезъ Литовскую землю и черезъ Ливонскую землю нашему посланику до васъ нелзе пройти, и мы нынѣ того ради къ вамъ своего посланика не послали. А всегда хотимъ того, чтобы межъ насъ наши люди ѣздили, здоровья нашего видѣти».

А се другая такова грамота къ Максимьяну: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорьскій, и Вятцкій, и Пермьскій и Блъгарскій и иныхъ, наяснѣйшому и величаішому Господину Максимиліану, Божьею милостію Кралю Римскому и иныхъ, другу и брату нашему возлюбленному поздравленіе и братскіа любви съ пребываньемъ. По сихъ пишемъ къ твоей любви брата нашего, что прислалъ еси до насъ съ своимъ посланикомъ съ Юдокомъ съ Кантингеремъ свою грамоту, а въ грамотѣ въ своей къ намъ писалъ еси, а желаешь насъ о томъ, чтобы мы ослободили твоему кречатнику Юдоку Кантингерю кречатовъ бѣлыхъ изъ нашихъ земль къ вамъ привести. И мы, для братскіе любви, послали къ Вашей Свѣтлости съ вашимъ кречатникомъ съ Юдокомъ кречетъ бѣлоіі, да четыре кречеты красныхъ; а и впередъ что будетъ въ нашихъ земляхъ къ потребѣ Вашего Наияснѣйшства, брата нашего, и мы за то вамъ не стоимъ, и хотимъ для братского соуза вашіа любви желаніе во всемъ исполняти. Писанъ на Москвѣ, Маіа 15 день».

И какъ вышелъ отъ Великого Князя, и Князь Великій выслалъ къ нему сокольничего своего Михайла Кляпика съ кречаты, а велѣлъ ему говорити: Іоаннъ, Божіею милостью Государь всеа Руси и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: привезлъ еси къ намъ грамоту отъ нашего брата отъ Максимиліана Короля Римского, а писалъ къ намъ, чтобы мы ослободили тебѣ купити на него кречатовъ. И мы для братскіа любви посылаемъ съ тобою къ брату своему къ Максимильяну Королю Римскому кречатъ бѣлой, да четыре кречаты красные, а во се тѣ кречаты.

И Юдокъ говорилъ: язъ одинъ и мнѣ пяти кречатовъ довести не мощно, три кречаты могу довести. И Князь Великій послалъ съ нимъ къ Максиміліану три кречаты. И ѣлъ того дни Юдокъ у Великого Князя, и отпустилъ его Князь Великій послѣ стола; а приказалъ съ нимъ къ Максимиліану Королю поклонъ. А опослѣ стола его Князь Великій посылалъ поити Микулу Англова. А послалъ съ нимъ Князь Великій до Иванягорода въ приставѣхъ Селю толмача подводы и кормъ давати; а съ кречаты послалъ Князь Великій трехъ сокольниковъ на подводахъ же до Иванягорода: Сенкю Александрова сына Максимова, да Ивашка Васюкова сына Максимова, да Гридю Ѳедкова сына Енина.

А се такова грамота послана къ намѣстникомъ къ Новогородцкимъ съ Селею: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, боярину нашему и намѣстнику князю Данилу Васильевичю и намѣстнику нашему князю Василью Васильевичю. Отпустилъ есмь Максимиліанова королова человѣка Юдока Кантингеря, да съ нимъ же отпустилъ есми вмѣстѣ жида лѣкаря, Іосифомъ зовутъ, а послалъ есми съ ними въ приставѣхъ до Иванягорода Селю толмача. И какъ пріѣдетъ Селя съ ними въ Новгородъ, и вы бы имъ велѣли дати подворейцо, да и кормъ бы есте имъ велѣли дати дворецкому нашему Михайлу Констянтинову съ моего двора и съ медомъ, да и на путь бы есте имъ велѣли дати дворецкому нашему Михайлу Констянтинову корму ветчины, и солонины и меду до Иванягорода; да молвили бы есте Селѣ, чтобы поѣхалъ съ ними изъ Новагорода, часа того не мотчая».

А се такова грамота дана Селѣ подорожная: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси отъ Москвы по дорозѣ до Волочка по ямомъ ямощикомъ. Чтобы есте давали Селѣ толмачю, на Максиміанова на королова человѣка на Юдока на Кантингеря двѣ подводы простыхъ да третью подводу съ телѣгою и съ проводникомъ, да на Осифа бы есте на Жидовина давали подводу простую да подводу съ телѣгою и съ проводникомъ, да трема бы есте сокольникомъ: Сенкѣ, да Ивашку, да Гридѣ давали три же подводы простыхъ, а Селѣ бы есте толмачю давали двѣ подводы простыхъ да третью подводу подъ кормъ съ телѣгою и съ проводникомъ. А отъ Волочка Мстою рѣкою и до Новагорода по ямомъ ямщикомъ и всѣмъ людемъ безъ омѣны, чей кто ни буди, чтобы есте давали Селѣ толмачю суды и гребцовъ подъ нихъ и кормника, и подъ кречаты, и подъ ихъ рухлядь и подъ кормъ. А изъ Новагорода и до Иванягорода по ямомъ ямощикомъ, чтобы есте давали Селѣ толмачю на Юдока, и на жида, и сокольникомъ и самому Селѣ подводы простые и съ телѣгами и съ провод-

ники подъ рухлядь и подъ кормъ по тому жъ. А какъ поѣдетъ Селя и сокольники съ Иванягорода къ Москвѣ назадъ, и вы бы ямщики Селѣ и сокольникомъ и до Москвы давали пять подводъ отъ яму до яму, не издержавъ ни часу, по сей моей грамотѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7012, Маіа 18 день».

Того дни съ Москвы и поѣхали.

—

7013—1505.

Лѣта 7013, Іуніа 16, сѣ грамоты прислали изъ Новагорода намѣстники князь Данило Васильевичь и Василей Шуйской съ Степанкомъ съ Шьряевымъ сыномъ Левонтіева. А се грамота намѣстнича: «Государю, Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Руси холопи твои, Государь, Данило да Васюкъ Шуйской челомъ бьютъ. Прислалъ, Государь, къ намъ съ Иванягорода князь Костянтинъ Өеодоровичь свою грамоту, да грамоту Цесарского Королл, да Испанского Короля. И тое, Государь, грамоты у насъ перевести нѣкому, и мы, Государь, тѣ грамоты послали къ тебѣ ко Государю. А мы тебѣ, Государю своему, холопи твои, челомъ біемъ».

А се грамота княжъ Костянтинова Ушатово, что прислалъ къ намѣстникомъ Новугородскимъ: «Господину князю Данилу Васильевичю и господину князю Василью Васильевичю Костянтинъ, господине, Ушатой челомъ біетъ. Здѣсе, господине, прислалъ ко мнѣ Юштъ, Римского Короля Цесаря да Испанского посолъ, чтобы язъ выслалъ къ нему сына боярского, да съ нимъ Дмитріа Щербатово на рѣку; а Дмитрій языку нашему умѣетъ и меня знаетъ; а язъ туто жъ буду на рѣкѣ, да и грамоту дамъ ко Государемъ Рускимъ Царемъ своего Государя, и вашъ бы князь Иванегородской намѣстникъ ту грамоту послалъ къ Государемъ Рускимъ Царемъ; а самому ми у вашего Князя не велѣно быть, а велѣно ми ему та грамота дать изъ Ругодива, а мнѣ ждать тое грамоты отвѣта въ Ругодивѣ. И язъ, господине, посылалъ къ нему на рѣку Михайла Олсимова да Дмитреа Щербатого, и тотъ, господине, Юштъ грамоту къ нимъ привезъ, и язъ, господине, ту грамоту послалъ къ вамъ. А Дмитрей, господине, сказываетъ, что и напередъ того тотъ Юштъ былъ посольствомъ у Государей Великихъ Князей Царей Рускихъ. Да прислали есте, господине, ко мнѣ списокъ, а велѣли ми есте отвѣчать Ругодивскимъ посломъ Антану съ товарищы, и язъ, господине, по нихъ посылалъ, ино, господине, приходилъ Онтанъ Антановъ, да Иванъ Ивановъ, да Ивашко Давидовъ толмачъ; и язъ, господине, посылалъ къ нимъ Жука Левшина да Некраса Редрова, а велѣлъ есми имъ отвѣчать. И Жукъ, господине, и Некрасъ отвѣтъ имъ учинили. И они, господине, отвѣтъ выслушавъ, да молвили такъ: отвѣтъ есмя, господине, слышели, да чтобы князь Костянтинъ велѣлъ намъ у себя быть, еще самому ему хотимъ бити челомъ. И язъ, господине, велѣлъ имъ у себя быть, и они, господине, пришли ко мнѣ, да молвили такъ: твои, господине, дѣти боярскіе Жукъ да Некрасъ отвѣтъ намъ учинили, и мы, господине, отвѣтъ выслушали, и ты бы, господине, пожаловалъ съ того отвѣта далъ намъ списокъ, занже, господине, дѣло велико, а рѣчей много,

нелзя намъ ихъ вспомятовать. И язъ, господине, по вашей грамотѣ велѣлъ имъ и списокъ далъ тотъ, что естя ко мнѣ прислали списавъ».

А се въ сей грамотѣ запись: Да велѣлъ есми ихъ, господине, спросить Жуку Левшину да Некрасу Редрова отъ себя, а не отъ меня, о послѣхъ, коли посломъ быть? И они, господине, Некрасу и Жуку молвили такъ: какъ ся, господине, успѣютъ нарядить наши послы, такъ, господине, пошлемъ къ вашему Князю о приставѣ бити челомъ. И Жукъ, господине, да Некрасъ ихъ спросилъ: да колко пакъ къ вамъ пословъ пришло? И они, господине, отвѣчали: еще, господине, того и сами не вѣдаемъ, колко пословъ Государь нашъ пошлетъ отъ себя и отъ всее земли.

А се списокъ съ Максиміановы королевы грамоты: «Максимиліанъ, Божьею хранимъ милостью Римскій Король, всегда августъ. Свѣтлѣйшій Началниче, братъ дражайшій! Уразумѣли есмя любовь вашу держащу плѣнниковъ нѣкоихъ честныхъ подвластниковъ и служебниковъ, или пристоящихъ честному духовному нашему любимому великому Магистру Ливонскому, которыи ижъ подъ защищеніемъ и кровомъ нашимъ и священного цесарства пребываютъ; и мы ихъ свободныхъ быти желаемъ. Совѣту ему приводимъ любовь вашу, дабы на насъ възозрѣніемъ для общого доброхотѣнія ихъ свободныхъ безъ всякіе нужи отпустити изволилъ, въ немъ же вещъ учинитъ намъ любезнѣйшу, особнымъ доброхотѣніемъ межъ собою въздаянія достойну. Данъ въ градѣ нашемъ цесарьскомъ Коньстансіи, день 6 Марта, лѣта Господня пять сотъ пятаго, кралевства нашего Римского двадеся того лѣта. По повелѣнію Господина Короля самого». А на подписи писано: Свѣтлѣйшему и мощному Началнику, Господину Ивану Великому Началнику Рускому, Князю Московскому и иныхъ, брату нашему дражайшему.

А се Филипова грамота сына Максиміянова королева: «Понужаеми есме, наияснѣйшііі Началниче, о вещи необычной и наипача намъ невидѣнной къ Высокости Вашей грамоту дати; и нынѣ есме первое увѣрилися, коимъ чиномъ въ брани нѣкоей и валкѣ недавно противу болшого Нѣмецкого чина Ливонского Магистра, и вѣрныхъ и православныхъ тое жъ Ливонскіе отчины, и иныхъ ихъ тоземцовъ и порубежей отъ Ясности Вашеа крѣпко побѣжая плѣнени быша мнози и поимани отъ вашихъ, ведени и велми тѣсно въ темницу заключени, въ коихъ тридесять или наиболѣ четыредесять избранніи и иныхъ далече нарочитѣйшіи мужи имѣются, коихъ не хотѣла доселѣ Ваша Высость отдати ни про злато или сребро, или коею любо вещью принесеною отпустити хощетъ, ни разрѣшити; но, увы, тѣхъ творитъ жестоцѣ удержати и наипаче нечеловѣческіи и жестоко имѣти. Мы же о тѣхъ, милосердіемъ нѣкоимъ и съ серьдечнымъ страданіемъ водими, ясность и пространство ваше умилно, прилежно, и прилежнѣе, и прилежнѣйше умолено быти хощемъ, да изволитъ насъ для и благородства възрѣніемъ такихъ мужей, тако яко предречеся поиманыхъ и въ темницу заключеныхъ, благосердо и милосердо разрѣшити и отдати или отпустити и въ первую свободу возвратити. И аще Ваша Ясность тѣхъ не изволитъ разрѣшити, ни жъ свободнѣ безъ искупленіа, или въ иномъ нѣкоемъ долгу отити попустити, того намъ полнѣ не скажетъ

нихто, да изметъ ихъ нынѣ нашимъ призрѣніемъ и помощіею, коею благодарнѣйше и любовнѣйше быти можетъ, и того ради о нихъ такъ учинитъ, да тѣ уразумѣютъ сіе прошенье и приказанье наше просто не быти, но къ чину угодному и спасеному, въ коемъ намъ честь и вещь благодарнѣйшу покажетъ Ясность Ваша, ейжъ про своихъ въ таковомъ же прилучаѣ или иною нѣкоею вещію, въ нашей мощи положеноіі, назнаменуя насъ взыщетъ, серцемъ убо предрастнымъ и много паче помогающимъ угодимъ. Есть превышній и превеликій Богъ, иже ту Вашу Высость всегда сохранитъ. Отъ града нашаго Брукселтина, въ день 13 Октября, лѣта седмь тысящъ пять сотъ четвертого (sic). Филипъ Архидуксъ Аустріи, Испанійскій Началникъ, Дуксъ Бургундіи, Брабанскій, Лотарингіи, Лубургіи, Лусемборскій». А на подписи писано: Наяснѣйшимъ и велемощнѣйшимъ Началникомъ, Государи Ивану Васильевичю и Василью Ивановичю всеа Русіи, Царемъ Володимеря, Москвы, Новагорода, Пскова, Тфери, Югры, Вятки, Перми, Болгаріи и иныхъ Началникомъ.

А се Едокъ далъ списокъ рѣчей своихъ: Свѣтлѣйшій, велемощнѣйшій Началникъ, Царь всеа Русіи! Непобѣдимѣйшій, Наяснѣйшій Король Римскій, братъ твой завѣщателный, глаголетъ тебѣ тысящу поздравленій и радуется всегда о твоемъ здравьи и поспѣшествѣ и о чадѣхъ твоихъ; и тако жъ Король Филипъ, сынъ Короля Римского. Свѣтлѣйшій Царь всеа Русіи! Государь мой наяснѣйшій велѣлъ мнѣ дати грамоты сѣ на границахъ сее земли, и молитъ братство твое о отвѣтѣ о Магистрѣ Ливонскомъ про тѣхъ плѣнниковъ, какъ пригожъ Величеству Твоему. Свѣтлѣйшій Царь! Аще Твое Величество помышляетъ послати пословъ своихъ со мною къ моему Государю, наяснѣйшему Королю Римскому, могу нынѣ имѣти безбоязненъ путь, и хощу ихъ проводити опасно и ждати ихъ здѣсе на границѣ; и аще не имать Твое Величество дѣла къ Королю Римскому, брату твоему, или со иными Князьми Венецейскими, или въ Римъ, а восхощетъ Ваше Величество писати къ Государю моему, и азъ вѣрнѣ исправлю. А велѣлъ бы Ваше Величество писати по Латыински, занже не могутъ разумѣти гораздо писма Руского, а были нѣкоторые разумѣющіе языкъ Руской, тѣхъ не стало, также и Юрья Делатора не стало. Государь мой, наяснѣйшій Король, имѣлъ сего году великіе валки съ Палатиномъ Роненскимъ и съ Князем Георгіемъ Баварьскимъ; но Король наяснѣйшій взялъ всю отчину и пограбилъ ихъ совсѣмъ, разорилъ многіе городки и поималъ все, что имѣли, за непослушанье. Чехи хотѣли имъ помощь учинити; въ день святого Лаврентія наяснѣйшій Король имѣлъ счастіе и убилъ съ полътретьятьцать сотъ въ полѣ въ единъ день, а изымалъ восмь сотъ. А Король Филипъ въ прошедшей годъ взялъ все кралевство Неапольнское, Бугію и Калабрію. Наяснѣйшій Король Римскій имѣетъ нынѣ велику раду въ Констансіи: туто Король Францовской самъ, туто жъ Король Филипъ Спонгійскій, Кастилскій, Сисилскій Король, кардиналъ Ротомагенскій, кардиналъ Курсенскій, епископъ Колоненскій, Тривиренскій, Аргентиненскій, послы Венецейскіе, послы Англѣйскіе и многіе иные князи, которые пристоятъ къ цесарству. Король Угорскій еще живъ, но велми немощенъ. Наяснѣйшій Ко-

роль Римскій учинилъ тамо по всѣмъ границамъ стеречи границъ. Свѣтлѣйшій Царь всеа Руси! Наяснѣйшій Король Римскій, братъ твой завѣщателный, тако жъ Король Филипъ молятъ твое братство толко о единомъ бѣломъ кречетѣ, и язъ имѣю съ собою единого слугу, которой умѣетъ чредити. Свѣтлѣйшій Царь всеа Русіи! Наяснѣйшему Кралю Римскому было велми въ досаду, что былъ есми задержанъ единъ годъ при тебѣ, раби твои дали мнѣ едину шубу, ничему пригожу; вѣдаю истинно, что Ваше Величство не такъ повелѣлъ. Молю Твое Величство, аки Господа моего благодарнѣйшого, чтобы ми наборзѣ имѣти отвѣтъ. Возмогай благочестнѣ нынѣ и въ вѣки съ чады своими и со всѣми совѣтники своими и прочая. Кралевского Величества Римского посланникъ Едокъ Гертиnге.

И, Іюня 19, послалъ Князь Великій въ Новгородъ и на Иваньгородъ съ грамотами Власа толмача, да и Максимиліяновы грамоты съ нимъ же послалъ на Иваньгородъ Максимиліанову человѣку и сына его Филиппову. А послана со Власомъ въ Новгородъ къ намѣстникомъ грамота, а писано въ ней то жъ, что и въ Иванегородского намѣстника грамотѣ. А се Иванегородская грамота: «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на Иваньгородъ, намѣстнику нашему князю Костянтину Ѳеодоровичю Ушатому. Прислали къ намъ изъ Новагорода наши намѣстники Новогородскіе твою грамоту, да Максимиліянову королеву и сына его Филиппову грамоту. И въ твоей грамотѣ пишешь, что тотъ человѣкъ, которой отъ Максимиліяна Короля и отъ сына отъ его отъ Филиппа тѣ грамоты привезъ, говорилъ такъ, чтобы ты тѣ грамоты до насъ допровадилъ, а ему самому къ намъ не ѣхати, а ждати ему отъ насъ противъ тѣхъ грамотъ отвѣта въ Ругодивѣ. И мы тѣ грамоты Максимиліянову и Филипову выслушали, и они къ намъ писали о полонянникѣхъ, которые взяты въ Лівонской землѣ, чтобы мы ихъ отпустили; и мы къ Максимиліяну и къ сыну его къ Филиппу писали свои грамоты, и тѣ есмя грамоты послали къ тебѣ со Власомъ съ толмачемъ. И какъ къ тебѣ Власъ пріѣдетъ, и ты бы въ Ругодивъ къ Максимиліянову человѣку послалъ, а приказалъ бы еси къ нему, чтобы пришелъ отвѣта для. И какъ отвѣта для гдѣ придетъ на рѣку ли, на Ивань ли городъ, и ты къ нему пошли съ отвѣтомъ сына боярского доброго, которого будетъ пригожъ, да съ ними и Власа толмача, да и Дмитріа Щербача. А какъ тебѣ велѣти ему отъ себя отвѣчати, и язъ тому послалъ списокъ, и ты бы велѣлъ ему отъ себя отвѣчати по тому списку, да и грамоты ему мои и Васильеву с(ы)невню дати; да что тотъ человѣкъ отвѣта ни взмолвитъ или каковы у тебя вѣсти изъ Нѣмецъ ни будутъ, и ты бы къ намъ о всемъ о томъ отписалъ со Власомъ съ толмачемъ; а впередъ каковы у тебя вѣсти изъ Нѣмецъ ни будутъ, и ты бы о всемъ о томъ отписывалъ въ Новгородъ къ намѣстникомъ, и они о томъ къ тебѣ отписываютъ, какъ тебѣ что дѣлати».

А се такова запись послана въ грамотѣ ко князю Костянтину, какъ ему велѣти отвѣчати Максиміанову человѣку: Царей Рускихъ намѣстникъ Иванегородской, князь Костянтинъ Ѳеодоровичь велѣлъ тебѣ говорити: прислалъ еси къ намъ грамоту Государя своего Максимиліяновы Короля Римского и сына его Филиповы, а

приказалъ еси къ намъ, чтобы мы тѣ грамоты до Государей нашихъ, Царей Рускихъ, допровадили, и чтобы Государеве нашы скорѣе противъ того тебѣ отвѣтъ учинили, а ты ждешь Государей нашихъ отвѣта въ Руголивѣ. И Государеве наши, Іоаннъ, Божіею милостію Царь и Государь всеа Руси, и сынъ его, Государь нашъ Василей, Царь Государь всеа Руси, тѣ грамоты выслушали и противъ тѣхъ грамотъ * послали Максимиліяну Королю и къ сыну его Филиппу свои грамоты, а велѣли дати ихъ тебѣ; а во се тебѣ тѣ грамоты. И ты бы тѣ грамоты до своего Государя до Максимиліяна Короля и до сына его Филиппа довезъ.

А се таковы грамоты посланы со Власомъ ко князю Костянтину, а велѣно ихъ дати Максимиліянову человѣку и сына его Филипову. Максимиліяну грамота: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермьскій, и Блъгарскій и иныхъ, наияснѣйшему и величайшему Господину Максимиліяну, Божіею милостію Кралю Римскому и иныхъ, другу и брату нашему возлюбленному. Писалъ еси до насъ въ своей грамотѣ, что уразумѣ ваша братская любовь у насъ держащихъ нѣкоихъ плѣнниковъ, честныхъ подвластниковъ и служебниковъ, пристоящихъ вашему духовному и любовному Магистру Ливонскому, которои жъ подъ защищеніемъ и кровомъ вашего и священного цесарства пребываютъ, и мы бы, для вашіе братскіе любви, ихъ свободныхъ безо всякіе нужа отпустити изволили. Ино вѣдомо твоей Любви брата нашего, напередъ того писали есмя къ вамъ въ своей грамотѣ съ Вашіе Любви посланникомъ съ тѣмъ же Юдокомъ, какимъ обычаемъ тѣ люди Магистра Ливонского впали въ руки нашимъ людемъ. Ино то, за то такъ състалось: Александръ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, съ нами былъ учинился въ любви въ крестномъ цѣлованьѣ, да будучи съ нами въ крестномъ цѣлованіѣ, и онъ намъ недругомъ учинился, да и брань противу насъ воздвиглъ, и поганство былъ привелъ на хрестьянство. А тотъ Магистръ Ливонскій, арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонская съ нашими вотчинами съ Великимъ Новымгородомъ и съ Псковомъ были въ перемирьѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ, и какъ Литовскій противъ насъ брань воздвиглъ, и они, забывъ крестное цѣлованіе и не дождавъ по перемирнымъ грамотамъ урочныхъ лѣтъ, да въ ту же пору пристали къ нашему недругу къ Литовскому, да не сложа крестного цѣлованіа, да учали нашимъ отчинамъ, Новогородцкой землѣ и Псковской, много лиха чинити. И мы, уповая на Бога, какъ съ Литовскимъ такъ съ тѣми Нѣмци, свое дѣло дѣлали, какъ намъ Богъ помоглъ. И тѣ люди Магистра Ливонского въ ту розмирицу впали въ руки нашимъ людемъ. А Литовской послѣ того присылалъ къ намъ и перемирье съ нами взялъ на урочные лѣта; а наши князи и намѣстники Великого Новагорода и Пскова къ намъ приказывали, что де и Магистръ, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа къ нимъ присылали бити челомъ, да и перемиріе съ ними взяли на урочные на тѣ жъ

* Въ рукописи: грамъ.

лѣта, какъ съ нами взялъ Литовской. И коли о тѣхъ плѣнникахъ ваша братская любовь до насъ пишете, чтобы мы ихъ васъ для свободныхъ изволили отпустити, ино только и нынѣ Магистръ, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа отъ нашего недруга отъ Литовского отстанутъ, пришлютъ бити челомъ въ нашу отчину въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ Новогородскимъ и къ нашимъ отчинамъ, Великому Новугороду и ко Пскову, и исправятся нашимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову во всемъ, и мы, для вашіе братскіе любви, тогды, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, хотимъ тѣхъ плѣнниковъ свободныхъ учинити. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7013, Іуніа 19 день».

А се такову грамоту послалъ Князь Великій къ Максимиліянову сыну къ Филиппу: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородцкій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятцкій, и Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, свѣтлѣйшему Начальнику Филиппу Архидуксу Авьстрейскому, и Испанскому наслѣднику, и Дуксу Бургундійскому, и Брабансійскому, и Латаргинискому, и Лунбургійскому, и Лусемборскому и иныхъ. Писалъ еси до насъ въ своей грамотѣ, что нынѣ первіе увѣрилися есте, коимъ чиномъ въ брани нѣкоей и валкѣ недавно противу Нѣмецкого чину Ливонского Магистра и вѣрныхъ тое же Ливонскіе отчины и иныхъ ихъ тоземцовъ отъ нашихъ людей плѣнены быша мнози избранніи и нарочитіи мужи; и Ваша Свѣтлость о тѣхъ плѣнникѣхъ, нѣкоимъ милосердіемъ и сердечнымъ страданіемъ водими, и прилежнѣйшѣе насъ просите, чтобы мы для васъ тѣхъ плѣненыхъ мужей благосердо разрѣшили и въ первую свободу возвратили. Ино о тѣхъ плѣнникѣхъ писалъ до насъ отецъ Вашіе Свѣтлости, наяснѣйшій Максимиліанъ, Божіею милостію Король Римскій и иныхъ, и мы и писали ко отцу Вашые Свѣтлости о томъ и напередъ того да и нынѣ, коимъ обычаемъ тѣ Магистра Ливонского люди или Ливонскіе отчины тоземцы впали въ руки нашимъ людемъ. Ино за то такъ то сталося: Александръ, Король Полскьій и Великій Князь Литовскій, съ нами былъ учинился въ любви и въ крестномъ цѣлованьѣ; да, будучи съ нами въ крестномъ цѣлованіѣ, и онъ намъ недругомъ учинился, да и брань противу насъ воздвиглъ, и поганство былъ привелъ на хрестьянство. А тотъ Магистръ Ливонской, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа съ нашими вотчинами, съ Великимъ Новымгородомъ и съ Псковомъ, были въ перемирьѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ; и какъ Литовской противъ насъ брань воздвиглъ, и они, забывъ крестное цѣлованіе и не дождавъ по перемирнымъ грамотамъ урочныхъ лѣтъ, да въ ту жъ пору пристали къ нашему недругу къ Литовскому, да не сложа крестного цѣлованьа, да учали нашимъ отчинамъ, Новогородцкой землѣ и Псковской, много лиха чинити. И мы, уповая на Бога, какъ съ Литовскимъ такъ съ тѣми Нѣмцы, свое дѣло дѣлали, какъ, намъ Богъ помоглъ. И тѣ люди Магистра Ливонского въ ту розмирицу впали въ руки нашимъ людемъ. А Литовской послѣ того присылалъ къ намъ, и перемирье съ нами взялъ на урочные лѣта. И наши князи и намѣстники Великого Новагорода и Пскова къ намъ приказывали, что де и Магистръ, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа къ нимъ

присылали бити челомъ, да и перемирье съ ними взяли на урочные на тѣ жъ лѣта, какъ съ нами взялъ Литовской. И коли о тѣхъ плѣнникѣхъ до насъ Ваша Свѣтлость пишете, чтобы мы для васъ тѣхъ плѣнниковъ разрѣшили и въ первую свободу возвратили, и коли Магистръ, и арцыбискупы, и бискупы и вся земля Ливонскаа отъ нашего недруга отъ Литовского отстанутъ, а пришлютъ бити челомъ въ нашу отчину въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ къ Новогородцкимъ и къ нашымъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову, и исправятся нашимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову во всемъ, и мы, для наяснѣйшьства брата нашего Максимиліана, Краля Римского, и Вашіе для Свѣтлости, тогды, посмотря по ихъ челобитью и исправленью, хотимъ тѣхъ плѣнниковъ свободныхъ учинити. Писана на Москвѣ, лѣта 7013, Іуня 19 день».

А се такову грамоту послалъ Князь Великій Василей къ Максимиліянову сыну къ Филиппу свою грамоту: «Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермьскій, и Блъгарскій и иныхъ, свѣтлѣйшему Началнику Филиппу, Архидуксу Австрьскому, и Испанскому наслѣднику, и Дуксу Бургундійскому, и Брабансійскому, и Латаргинскому, и Лунбургійскому, и Лусемборскому и иныхъ. Писалъ еси, до отца нашего Іоанна, Божіею милостію Государя всеа Русіи, и до насъ, въ своей грамотѣ, что понужаеми есте отъ вещы необыцнѣй и наипаче вамъ невидѣнь, и нынѣ есте первое увѣрилися, коимъ чиномъ въ брани нѣкоей и валкѣ не давно бывшей противу болшого Нѣмецкого чина Магистра Ливонского и вѣрныхъ тое же Ливонскіе отчины и иныхъ ихъ тоземцовъ и порубежанъ, отъ отца нашего и отъ нашихъ людей крѣпко побѣждени и плѣнени быша мнози избранніи и нарочитіи мужы, коихъ отца нашего ясность не хотѣ отдати ни про злато ни про сребро. Вы же о тѣхъ, милосердіемъ нѣкоимъ и сердечнымъ страданіемъ водими, и прилежнѣйше и умилнѣ молите ясность отца нашего Іоанна, Божіею милостію Государя всеа Руси, и насъ, чтобы намъ васъ для тѣхъ плѣнниковъ разрѣшыти и въ первую свободу возвратити. Ино о тѣхъ плѣнникѣхъ до отца нашего Іоанна, Божіею милостью Государя всеа Руси, писалъ и отецъ Вашіе Свѣтлости, наияснѣйшій Максимиліанъ Краль Римскій; и отецъ нашъ Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси, и напередъ того, да и нынѣ о томъ писалъ къ отцу Вашіе Свѣтлости, коимъ обычаемъ тѣ Магистра Ливонского люди и Ливонскіе отчины тоземцы впали въ руки нашимъ людемъ. А за что та розмирица състалася, и то отецъ нашъ Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси, писалъ до Вашые Свѣтлости въ своей грамотѣ. И коли Ваша Свѣтлость о тѣхъ плѣнникѣхъ до насъ пишете, чтобы отецъ нашъ Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси, да и мы для васъ тѣхъ плѣнниковъ въ первую свободу возвратили, ино коли Магистръ, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа отъ нашего недруга отъ Литовского отстанутъ, а пришлютъ бити челомъ въ нашу отчину въ Великій Новгородъ ко отца нашего и нашимъ намѣстникомъ Новогородскимъ, и ко отца нашего и къ нашимъ отчинамъ къ Великому Нову

городу и Пскову, и исправятся отца нашего и нашимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову во всемъ, и отецъ нашъ Іоаннъ, Божіею милостью Государь всеа Руси, да и мы для наяснѣйшства твоего отца Максимиліяна, Краля Римского, и Вашіе для Свѣтлости тогды, посмотря по ихъ челобитію и исправленію, хотимъ тѣхъ плѣнниковъ свободныхъ учинити. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7013, Іуніа 19 день».

А сетакова память дана Власу толмачу. «Память Власу толмачу: пріѣхавъ ему на Иванъгородъ, пытати Дмитріа Щербача: которои человѣкъ привезъ грамоты отъ Максимиліяна Короля, ино какъ его зовутъ именемъ и коли бывалъ у Великого Князя. Да пытати ему Дмитріа жъ и иныхъ, кого будетъ пригожъ, отъ себя на Иванѣгородѣ, каковы будетъ кто вѣсти про пословъ слыхалъ, сколь борзо будутъ послы Нѣметскіе въ Великомъ Новѣгородѣ. А лучится будетъ ему видѣти и съ Ругодивцемъ, и ему пытати отъ себя вѣжливо, какъ будетъ пригожъ, о Нѣметскихъ послѣхъ, сколко борзо будутъ ихъ послы въ Великомъ Новѣгородѣ. Да ѣдучи Власу назадъ, да видѣтися ему въ Новѣгородѣ съ Нѣмчиномъ съ Каширомъ, что прибылъ изъ Ругодива, да спросити его отъ себя: то ему вѣдомо ли, при немъ ли еще посылали Магистръ и вся земля Ливонскаа къ Максимиліану и къ сыну къ его Филиппу о томъ, чтобы послали отъ себя къ Великимъ Княземъ о плѣнникѣхъ о Ливонскихъ?»

—

7015—1506.

Лѣта 7015, Октября 4, пріѣхалъ къ Великому Князю отъ Максимиліана, Короля Римского, человѣкъ его Юдокъ Кантенгеръ. И Князь Великій велѣлъ у него быти въ приставѣхъ Алексѣю малому подьячему Григорьеву сыну Щекина. А былъ Юдокъ у Великого Князя въ недѣлю, Октября 11. А пришедъ Юдокъ говорилъ Великому Князю: Государь моіі, наяснѣйшіи и непобѣдимыи Максимиліанъ, Краль Римскій, всегда августъ, приказалъ со мною къ Твоему Наяснѣйшству множественое поздравленіе и всегда желаетъ слышати о здравіи Твоего Наяснѣйшества. Да опослѣ того подалъ грамоту отъ Короля. А се грамота вѣрющаа: «Максимиліанъ, Божіею пособствуемъ милостію Римскій Краль, всегда августъ, и Угорскій, Далматскіи, Хорватскій, и иныхъ Краль, Архидуксъ Аустріе, Князь Бургунскіи, Брабанскій, и иныхъ, Комитъ Палатинъ, наияснѣйшему Началнику Господину Ивану, Великому Князю и Господину всеа Русіи, и другу нашему любимѣйшему поздравленіе со возращеніемъ всякого добра. Наияснѣйшій Началниче, друже дражайшіі! Воспріяхомъ писаніа ваша, въ нихъ же уразумѣхомъ, коль Благояснось Ваша доволна бѣ за единственое свое къ намъ доброе изволевіе отпустити плѣнныхъ страны Ливонскіе, коихъ плѣнилъ на бранѣхъ, кое намъ за особный даръ и доброде́яніе отъ Ясности Вашые пріятно бѣ, благодарѣніа воздаемъ веліа, подающе себѣ вкупѣ, въ чемъ возможемъ, за честь и угодье, аки друга и завѣщателя нашего дражайшаго; и тые ради вещи посылаемъ паки къ Ясности Вашей вѣрнаго, намъ любимаго, Едока Гартингеръ, слугу нашего, о всякомъ свобожевіи реченныхъ плѣнникъ, тое жъ воспоминающе, да яко уже изволилъ, да восхощетъ повелѣти тѣмъ, кои держатъ

реченныхъ плѣнникъ безъ всякого истецаніа и продолженіа, по взысканью реченнаго слуги нашего, свободнѣ да отпустятся, что мы благодарственнѣ будемъ имѣти и такъ же противу васъ, аки друга и завѣщателя нашего, со всякимъ благодареніемъ задолжыти понудимся. Дана въ градѣ нашемъ Віеннѣ, въ 25 день Маіа, въ лѣто Господне 1506, кралевъствъ нашыхъ, Римскаго 21-е, а Угорского 16. По повелѣнію Господина Краля сущему». А на подписи у грамоты: Наяснѣйшему Началнику Господину Василью, Началнику и Господину всеа Русіи, другу нашему дражайшему.

А опослѣ грамоты Елокъ рѣчь говорилъ: Свѣтлѣйшій и наяснѣйшій, велемочнѣйшій Началниче, Великій Князь, Царь всеа Руси! Въ годъ прошедшій Ваша Княжская Милость уразумѣлъ и внялъ писанье и прошенье велеможнѣйшаго Господина, Господина Максимиліана Короля Римскаго, Угорскаго, Архидукса Аустріе, Вашіе Княжескіе Милости завѣщателнаго брата, о плѣнникѣхъ; также писанье отъ велеможнѣйшаго Господина, Господина Филиппа коронованнаго Краля Кастильскаго, Спанскаго, Арагонскаго, также Вашія Княжескія Милости завѣщателнаго брата, также о плѣнникѣхъ. Есть еще велеможнѣйшаго Господина Краля Максимиліяна, твоего брата, дружебное прошенье къ Вашей Княжеской Милости, аки къ единому новоцарствующему началнику, первое прошенье, аки своему завѣщателному брату, о тѣхъ плѣнникѣхъ и execъ упованье на Вашу Княжскую Милость, что Ваша Милость перваго прошенья не ослушается. А мої Государь и его сынъ также хотятъ противу Вашей Княжской Милости, хотятъ истиннымъ государемъ знати и задолжитись со всѣми ихъ землями и со всѣмъ, что въ ихъ земляхъ возмогутъ имать Вашеіі Милости неотмолвлено быти и всѣмъ твоимъ землямъ во всякое время, аки ихъ брата и завѣщательнаго господина, отъ Вашіе Княжескіе Милости въ нынѣшнее время никое болши пріятельство и братство можетъ показатися, токмо свободныхъ отпустити тѣхъ плѣнникъ; о томъ дѣлѣ Краль велми прошенъ отъ всѣхъ Князей былъ васъ для. И еще при моемъ Государѣ Ливонцы и такжъ Магистра Прускаго канселарь и всѣ князи молили моего Государя, Краля Максимиліана, чтобы онъ Вашей Милости писалъ и просилъ о тѣхъ плѣнникѣхъ, заньжъ всѣ христьянскіе князи вѣдаютъ, что Вашіе Княжскіе Милости отецъ былъ въ завѣщаньи съ тѣми двѣмя велеможнѣйшими Крали, и уповаю жъ Вашу Княжскую Милость быти въ томъ жъ завѣщаньи и ни единъ и иной княжъ можетъ въ завѣщаньѣ прийти, токмо еще единъ Краль есть въ завѣщаньи, и о томъ многіе князи дивятся.

Приказъ моего Государя: паки имать Ваша Царьска Милость посольство къ моему Государю, ино вашп будутъ опасенъ, свободенъ путь имѣти въ нынѣшнее время по земли или по морю; и язъ молю Вашу Царьскую Милость, изволи не забыти вашего брата Краля Максимиліяна, такъ жъ твоего брата Краля Филиппа ихъ перваго прошенья. Такъ жъ язъ первыіі ихъ посланникъ къ Вашей Княжской Милости, отъ обѣихъ велеможныхъ Кралей, и прошу Вашу Милость велми, чтобы язъ моглъ вборзѣ путь имѣти, какъ имѣю при иныхъ Князѣхъ и Кралѣхъ.

Да послѣ рѣчей подалъ Юдокъ списокъ. А се съ того списка списокъ:

Наяснѣйшему началнику Господину Максиміяну, Божіею пособствуему милостію Римскому Кралю, всегда августу, и Угорскому, Далматскому, Хорватскому и иныхъ Кралю, Архидуксу Аустріе, Князю Бургунскому, Брабанскому и иныхъ, Комиту Палатину, Іоаннъ Божіею милостію Государь всеа Русіи поздравленіе. Писалъ къ намъ о дѣлѣ Магистра Ливонского Ясность Ваша для прародныхъ нѣкихъ плѣнникъ, кои на брани отъ нашихъ плѣнены суть, да освободити ихъ повелимъ, о коей вещы насъ прежначенше христіянскаа завѣщаніа, да межъ собою сооружымся со Александромъ, Кралемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, но онъ вся на раздоры и вражды обратилъ и всякое защищенье и бреженіе къ намъ запретилъ, но и поганыхъ на христіянъ воздвиже. И также Магистръ Ливонскій, и арцыбискупъ, и епископъ и вся земля Ливонскаа прежъ противу вотчины града нашего Новагорода въсташа, и дружбу и крестное цѣлованье порушили, но и всякое защищенье къ намъ отняли и забыли крестнаго своего завѣщанья, ни пакъ грамотъ розмѣтныхъ послаша, коли на отчину нашу наступили и недругу нашему Литовскому пристали. Отъ коихъ дѣлъ его помоглъ намъ Богъ тако, да люди Магистра Ливонского въ руки нашыхъ впали, заиже они прежъ отъ дружбы отпали и предъ очима нашима противу нашыхъ людей, и друговъ и града нашего Великого Новагорода зѣлно валчили; но егда насъ для реченныхъ плѣнникъ молите, да свободныхъ учинить, тѣхъ кои Магистру Ливонскому, арцибискупу, и епископомъ и всей землѣ Ливонской пристоятъ, кромѣ недруга нашего Литовского, послахомъ къ Новогородцомъ нашымъ, и съ тѣми о томъ дѣлѣ согласихомся и даемъ Ясности Вашей Свободну власть тѣхъ плѣнникъ освободити.

И Князь Великій звалъ Юдока ѣсти, и ѣлъ того дни Юдокъ у Великого Князя, а опослѣ стола посылалъ его Князь Великій поити Селивана толмача Нѣмецкого.

И Октября 15 велѣлъ Князь Великій Юдоку быти на дворѣ, и высылалъ къ нему діака своего Болдыря. И Болдырь ему говорилъ: Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: привезъ еси къ намъ грамоту отъ Максимьяна Краля Римскаго, да и рѣчи еси намъ отъ него говорилъ, и мы ту грамоту да и рѣчи выслушали. Да подалъ еси намъ списокъ съ грамоты, что отецъ нашъ Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси и Великій Князь, писалъ грамоту съ тобою жъ съ Юдокомъ къ Максимьяну, Королю Римскому, а рѣчей еси о той грамотѣ никоторыхъ не говорилъ. И Государь нашъ велѣлъ тебя вспросити, котораго для еси дѣла тотъ списокъ съ тое грамоты намъ подалъ?

И Юдокъ говорилъ: у Государя нашего тое грамоты перевести было нѣкому, и Государь нашъ ту грамоту посылалъ въ Веницею къ одному бискупу переводити. Да Государь нашъ тому бискупу не повѣрилъ: сущее ли то право такова грамота переведена, да того дѣля съ тое грамоты посланъ списокъ, сущею ли то такову грамоту послалъ Государь вашъ Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси и Великій Князь, ко Государю нашему къ Максиміану

Королю. Да того дни Юдокъ ѣхалъ на подворіе.

И Октября 16, велѣлъ Князь Великій Юдоку быти на дворѣ и высылалъ къ нему Болдыря жъ, и Болдырь ему говорилъ: Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: привезъ еси къ намъ грамоту отъ Максимьяна, Короля Римского, а писалъ въ ней о Ливонскихъ плѣнникѣхъ, которые въ розмирицу попали въ руки нашимъ людемъ, и у тое Максимьяновы грамоты на подписи написано наше имя, а въ грамотѣ писано имя отца нашего: Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Руси и Великій Князь. Да не по тому жъ и ко отцу къ нашему писалъ, какъ напередъ того Максимьянъ Король писалъ въ своихъ грамотахъ къ отцу къ нашему, по своимъ докончальнымъ грамотамъ. Съ его Государствъ, на которыхъ Государствѣхъ Божіею милостію былъ отецъ нашъ, и онъ нынѣ въ тоій грамотѣ тѣхъ Государствъ отца нашего не писалъ, да и печати у грамоты не знать; а нынѣ Божіею волею мы, навсѣхъ на тѣхъ Государствѣхъ. И Государь нашъ велѣлъ тебя вспросити: которого то для дѣла Максимьянъ Король такъ писалъ нынѣ въ своей грамотѣ?

И Юдокъ говорилъ: будетъ имя написано въ грамотѣ отца Государя нашего, ино то дьякъ описался; а Государю нашему то дополна вѣдомо, что Государя вашего отца въ животѣ не стало; а сказывалъ ему посолъ Воложской, да и меня Государь мой вспрашивалъ о имени Государя вашего, Великого Князя Василья, да и приказалъ имя писати Государя вашего, Великого Князя Василья. А печать такою притчею порушилася: была у меня та грамота въ сумкѣ съ денгами, и она была въ тѣснотѣ, и язъ ее вынялъ, ажь печать порушилася; и язъ прегрѣвалъ ее къ огню, да, бумажку приложа, пригнеталъ рукою; ино такою притчею печать порушилася. А у тое грамоты въ дву мѣстѣхъ есть приложена королева рука, а прикладываетъ того для, что у него въ дву мѣстѣхъ печать поддѣлали. Да и указалъ въ той грамотѣ Юдокъ королевскую руку. И толмачи и смотрили, и они сказываютъ: написано самого королева. Да того дни Юдокъ былъ у Великого Князя, челомъ ударилъ, да поѣхалъ на подворье.

И Октября 18, велѣлъ Князь Великій Юдоку быти на дворѣ, и высылалъ къ нему съ отвѣтомъ діака своего Болдыря Паюсова. А се отвѣтъ:

Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ гогорити: что привезъ еси къ намъ грамоту отъ Максимьяна Короля Римского и иныхъ; а писалъ Король въ своей грамотѣ о Ливонскихъ плѣнникѣхъ, которые на бранѣхъ попали въ руки нашимъ людемъ, и что бы мы ихъ для тѣхъ плѣнниковъ безо всякія нужа свободнѣ отпустити изволили, да и словомъ еси намъ отъ Максимьяна Короля и отъ сына его отъ Филипа то жъ говорилъ, и мы то слышели и уразумѣли тому гораздо.

Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: ино и напередъ того, и неодинова, Максимьянъ Король да и сынъ его Филипъ писали къ отцу къ нашему, да и къ намъ о тѣхъ плѣнникѣхъ; и отецъ нашъ да и мы къ Максимьяну Королю и къ сыну его къ Филипу о томъ и отписывали, за что то такъ състалося, и какимъ обычаемъ тѣ плѣнники попали

въ руки нашимъ людемъ и которого для дѣла мы ихъ не велимъ отпустити, и то вѣдь все вѣдомо Максимьяну Королю и сыну его Филипу.

Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: да съ отцомъ съ нашимъ со Іоанномъ, Божіею милостію Государемъ всеа Русіи и Великимъ Княземъ, Максиміанъ Король Римскій и иныхъ, былъ въ соузѣ братской любви, и въ дружбѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ; ино Божья воля сталася, отца нашего Іоанна, Божіею милостію Государя всеа Русіи и Великого Князя, въ животѣ не стало, а на коихъ Государствѣхъ былъ отецъ нашъ Государемъ, и Божьею волею и отца нашего благословеньемъ и жалованьемъ нынѣ на тѣхъ Государствѣхъ мы Государемъ; и похочетъ Максимьянъ Король Римскій съ нами быть въ соузѣ братскіе любви и въ дружбѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ по тому жъ, какъ былъ съ отцомъ съ нашимъ, и мы съ нимъ любви, и братства и дружбы хотимъ, потому жъ, какъ былъ съ отцомъ съ нашимъ.

Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и коли Максимьянъ Король Римскій будетъ съ нами въ соузѣ братскіа любви, и въ дружбѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ, по тому жъ какъ былъ съ отцомъ съ нашимъ со Іоанномъ, Божіею милостію Государемъ всеа Русіи и Великимъ Княземъ, а Магистръ Ливонской, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонская отъ нашего недруга отъ Литовского отстанутъ, а пришлютъ бити челомъ въ нашу отчину въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ къ Новгородцкимъ и къ нашей отчинѣ, къ Великому Новгороду и ко Пскову, и исправятся нашимъ отчинамъ, Великому Новугороду и Пскову, во всемъ, и мы, посмотря по ихъ челобитью и исправленью, да для Максимьяна, Короля Римского и иныхъ, тогды прикажемъ своимъ намѣстникомъ Новгородскимъ, чтобы съ Ливонцы нашимъ отчинамъ, Великому Новугороду и Пскову, велѣли миръ взяти, какъ будетъ пригожъ, и тѣхъ плѣнниковъ хотимъ тогды свободныхъ учинити.

А се грамота, какова послана съ Юдокомъ къ Максимиліяну Королю: «Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь Володимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, Наияснѣйшему и Свѣтлѣйшему Господину Максимиліяну, Божіею милостію Кралю Римскому и иныхъ. Прислалъ еси до насъ посланника своего Юдока Кантенгеря съ своею грамотою, а въ грамотѣ въ своей писалъ еси о Ливонскихъ плѣнникѣхъ, которые на бранѣхъ попали въ руки нашимъ людемъ, и намъ бы для Вашіе Ясности тѣхъ плѣнниковъ безо всякаго истезанья и задолженья изволити отпустити. Да и словомъ намъ отъ Вашіа Ясности и отъ сына отъ твоего Филипа Свѣтлости вашъ посланникъ Юдокъ говорилъ. Ино напередъ того Ваша Ясность да и сынъ твоіі Филипъ писали къ отцу къ нашему Іоанну, Божіею милостію Государю всеа Русіи и Великому Князю, да и къ намъ о тѣхъ плѣнникѣхъ, и отецъ нашъ да и мы къ вамъ о томъ и отписывали, за что то такъ состалося, и какимъ обычаемъ тѣ плѣнники попали въ руки нашимъ людемъ, и которого для дѣла мы ихъ не велимъ отпустити, и то все вѣдомо Вашей Ясности. Да съ отцомъ съ нашимъ съ Іоаномъ, Божіею милостію

Государемъ всеа Русіи и Великимъ Княземъ, Ваше Наясвѣйшство былъ въ соузѣ братскія любви, и въ дружбѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ; ино Божья воля състалася, отца нашего Іоанна, Божіею милостію Государя всеа Русіи и Великого Князя, въ животѣ не стало; а на коихъ государьствѣхъ былъ отецъ нашъ Государемъ, и Божіею волею и отца нашего благословеньемъ и жалованьемъ, нынѣ на тѣхъ государствѣхъ мы Государемъ. И похочетъ Ваше Наяснѣйшство съ нами быти въ соузѣ братцкіа любви, и въ дружбѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ по тому жъ, какъ есте были съ отцомъ съ нашимъ, и мы съ вами въ соузѣ братскія любви и дружбѣ быти хотимъ по тому же, какъ есте были съ отцемъ съ нашимъ. И коли Ваше Наяснѣшество будетъ съ нами въ соузѣ братцкіа любви, и въ дружбѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ по тому жъ, какъ былъ съ отцомъ съ нашимъ со Іоанномъ, Божіею милостію Государемъ и Великимъ Княземъ, а Магистръ Ливонскіи, и арцыбискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа, отъ нашего недруга отъ Литовского отстанутъ, а пришлютъ бити челомъ въ нашу отчину въ Великіи Новгородъ къ нашимъ намѣстникомъ къ Новгородцкимъ и къ нашей отчинѣ Великому Новугороду и къ Пскову, и исправятся нашимъ отчинамъ, Великому Новугороду и Пскову, во всемъ; и мы, посмотря по ихъ челобитью и исправленью, да для Вашего Наияснѣйшства, тогды прикажемъ своимъ намѣстникомъ Новогородцкимъ, чтобы нашимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову велѣли съ Ливонцы миръ взяти, какъ будетъ пригожъ, и тѣхъ плѣнников Ливонскихъ тогды хотимъ свободныхъ учинити. Писанъ на Москвѣ, Октября 18 день». А на подписи у грамоты: Наяснѣйшему и свѣтлѣйшему Господину Максимиліяну, Божіею милостію Кралю Римскому, всегда августу, и иныхъ».

А какъ пришелъ Юдокъ къ Великому Князю на отпускѣ челомъ ударити, и Князь Великіи ему самъ говорилъ: Юдокъ! Что еси намъ говорилъ отъ Максимьяна Короля, и мы тѣ рѣчи выслушали и уразумѣли имъ гораздо, и противъ тѣхъ рѣчей отказали есмя тебѣ дьакомъ своимъ Болдыремъ, и что отъ насъ тебѣ говорилъ, и то есть наши рѣчи; а что привезъ еси къ намъ грамоту отъ Максимьяна Короля, и мы къ Максимьяну Королю шлемъ съ тобою свою грамоту, а грамоту дастъ тебѣ дьякъ нашъ Болдырь. И Болдырь ему грамоту ту далъ. А грамота писана Латынскимъ писмомъ, а печать у нее болшая. А отвѣтной списокъ данъ ему Латынскимъ же писмомъ.

Да того дни его Князь Великіи и отпустилъ. А послалъ съ нимъ въ приставѣхъ до Иванягорода, подводы и кормъ ему давати, Ивашка Выповского, которой съ нимъ пріѣхалъ изъ Новагорода. А кормъ по дорозѣ велѣлъ ему давати по грамотѣ княжъ Васильевѣ Шуйского, по тому жъ какъ ему давалъ ѣдучи изъ Новагорода до Москвы. А поѣхалъ Юдокъ съ Москвы Октября 19 день. А въ Новгородъ къ намѣстнику ко князю къ Василью къ Шуйскому писалъ Князь Великіи свою грамоту; а писалъ къ нему, чтобы Юдоку велѣлъ дати въ Новѣгородѣ подворіе и кормъ своего двора, да отпустити его велѣлъ не мотчаа, а кормъ ему велѣлъ давати до Иванягорода, чего будетъ не мочно на ямѣхъ добыти ѣдучи.

—

7016—1508.

Лѣта 7016, Августа, коли былъ у Великого Князя князь Михайло Глинской, и онъ Великому Князю сказалъ, что Максимиліанъ Король ужъ на цесарствѣ о Покровѣ святѣй Богородицы; а мыслитъ доставати своего отечьства, Угорского королевства, потому что Владиславъ Король болѣнъ, а сынъ у него малъ. И Владиславъ хочетъ, чтобы сына его взяли на Угры, а панове Угорскіе хотятъ взяти на Угры своего же Угрина, а Максимиліанъ на Угрѣхъ хочетъ посадити изъ своей руки, ино ему надобѣ помочь на Польского Короля, чтобы ему того дѣла не мѣшалъ. И будетъ тебѣ, Государю, пригожъ своей для чти послати своа грамота къ Максимиліяну Цесарю о томъ, чтобы съ тобою былъ въ братствѣ и въ любви и на Польского заодинъ, а не лзѣ будетъ твоей грамоты до него донести твоему человѣку и възвелишь намъ, ино язъ ее допроважу своимъ человѣкомъ до Максимиліяна Цесаря, занже, Государь, по тѣмъ землямъ тотъ обычай есть, что Государеве Великіе межъ собою о томъ съсылаются грамотами, да и дѣло межъ ихъ съставается. И будетъ, Государь, вамъ такъ пригожъ дѣлати или не пригожъ, ты вѣдаешь.

И Князь Великій приговорилъ съ бояры, что пригожъ ему къ Максимиліяну Цесарю о томъ грамоту послати, потому что Максимиліянъ Король былъ съ отцемъ со его въ братствѣ, и въ любви и въ докончаньѣ, а на Казимира Короля и на его дѣти именно написано быти имъ заодинъ. И послалъ свою грамоту къ Максимиліану Цесарю, а далъ ее Мишку Семенову, пріятелю княжъ Михайлову; а велѣлъ ее дати князю Михаилу Глинскому. А ко князю къ Михаилу приказалъ съ нимъ Князь Великій, чтобы ту грамоту до Максимиліяна допровадилъ. А какову похочетъ князь Михайло отъ себя грамоту послати къ Максимиліяну, и онъ бы намъ списокъ прислалъ.

А се такову грамоту послалъ Князь Великій къ Максимиліяну Цесарю «Василей, Божьею милостью Государь всеа Русіи и Великій Князь Володимерскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Тферскій, Югорскій, Вятскій, Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, наияснѣйшему и свѣтлѣйшему началнику, Господину Максимиліану, Божіею милостью Цесарю Римскому, всегда августу, и Кралю Угорскому, и Далмацкому, и Хорватцкому и иныхъ, Архидуксу Авъстріе и Князю Бергонскому, и Брабанскому и иныхъ, и Комиту Палатини, другу нашему дражайшему радоватися съ поспѣшеніемъ всякого блага. По сихъ пишемъ до Вашіе Свѣтлости, что присылалъ еси до насъ посланника своего Едока Кантенгеря, и мы съ вашимъ посланникомъ съ Едокомъ до Вашіе Свѣтлости хотѣли послати своего посланника съ своею грамотою, ино нашему посланнику черезъ Литовскую землю и черезъ Нѣмецкую землю нелзѣ до васъ дойти. И мы съ вашимъ посланникомъ съ Едокомъ писали къ Вашей Свѣтлости въ своей грамотѣ, что на которыхъ государствѣхъ былъ Государемъ отецъ нашъ Іоаннъ, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь, и Божьею волею и отца нашего благословеньемъ и жалованьемъ, нынѣ на тѣхъ государствѣхъ мы Государемъ. И какъ Ваша Свѣтлость былъ съ отцемъ съ нашимъ Іоанномъ, Божьею милостью Государемъ всеа Русіи и Великомъ Княземъ, въ любви, и въ

братствѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ на всякаго недруга заодинъ, такъ бы есте и съ нами были по тому жъ въ любви, и въ братствѣ, и въ докончаньѣ, и въ крестномъ цѣлованьѣ и на всякаго недруга заодинъ. А нынѣ възвѣщаемъ Вашеи Свѣтлости, что съ Божьею помочью, съ Королемъ съ Польскимъ съ Жидимонтомъ съ Казимировымъ королевымъ сыномъ почали есмя свое дѣло дѣлати, своего отечьства доставати Рускія земли. Да возърили есмя въ вашу докончалную грамоту, котораа была у отца нашего о любви и о братствѣ, и на которыхъ есте грамотахъ межъ собою крестъ цѣловали, и въ той грамотѣ написано такъ: учнетъ отецъ нашъ Іоаннъ, Божьею милостью Государь всеа Русіи и Великій Князь, съ Божьею помочью доставати своего отечьства, Великого Княжства Кіевского, что за собою держитъ Казимиръ, Король Польскій, и его дѣти нашихъ государствъ Рускихъ земль, и отцу нашему къ вамъ вѣсть послати , а вамъ отцу нашему на Казимира Короля и на его дѣти помогати вправду безъ хитрости; а учнете вы съ Божьею помочью доставати своего отечества Угорского королевства себѣ, а Казимиръ, Король Польской, или его сынъ Чешской Король, или его дѣти меньшіе учнутъ тебѣ мѣшати, а себѣ доставати Угорского королевства, какъ и мѣшаютъ, и вамъ къ отцу къ нашему вѣсть послати, и отцу нашему вамъ помогати на Казимира Короля и на его дѣти вправду безъ хитрости. И нынѣ отъ нашего недруга отъ Казимирова королева сына, отъ Жилимонта Короля Польского, отсталъ князь Михайло ЛьвовичьГлинской съ своею братьею, и съ пріятели, и съ посполитыми людьми сомногими, и съ городы и съ волостьми, да намъ билъ челомъ, и мы слышимъ такъ, что Ваша Свѣтлость съ Божьею мочіе хочете доставати своего отечества Угорского королевства. И Ваша бы Свѣтлость нынѣ съ нами былъ въ любви, и въ братствѣ, и въ докончаньѣ и въ крестномъ цѣлованьѣ, по тому жъ какъ есте были съ отцемъ съ нашимъ съ Іоанномъ, Божьею милостью Государемъ всеа Русіи и ВеликимъКняземъ. А мы съ Вашею Свѣтлостью хотимъ быти по тому жъ въ любви, и въ братствѣ, и въ докончаньѣ, и въ крестномъ цѣлованьѣ. А сію нашу грамоту до Вашые Свѣтлости велѣли есмя допровадити князю Михаилу Глинскому; и что будетъ на то воля Вашые Свѣтлости, и Ваша бы Свѣтлость про то намъ вѣдомо учинилъ безъ всякого задержанья. А мы всегда хощемъ того, чтобы межъ насъ наши люди ѣздили здоровья нашего видѣти. И Богъ да ти умножитъ здравіа и честнѣйшаго живота на многа лѣта. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7016, Августа 28 день».

—

7017—1509.

Лѣта 7017, Іюня 17, сю грамоту Максимиліанову королеву прислали изъ Великого Новагорода намѣстники князь Данило Васильевичь да Григорей Ѳедоровичь; а къ нимъ ту грамоту прислалъ съ Иванягорода князь Иванъ Темка; а къ Темкѣ ту грамоту принесли изъ Ругодива Нѣмци Гридя да Еремѣйко Заморяне: «Максимиліанъ, Божественой спрособствующи милости Римскій Цесарь и Нѣмецкій, Угорскій, Далмацкій, Кроацкій и прочихъ Король, Архидуксъ Аустріе, Дуксъ Бургундіе,

Брабансіе и прочихъ, Комитъ Палатинусъ, напяснѣйшему Началнику Господину Василью, Великому Началнику и Господину Рускому и иныхъ, другу нашему възлюбленнѣйшему поздравленіе съ возращеніемъ всякаго блага. Извѣстиша намъ недавно честные наши и священнаго цесарства вѣрные, любимые боргомистры и ратманы града нашего цесарского Любка, како своимъ, тако иныхъ союзныхъ седмидесять и дву градовъ де Анза Нѣмецки нарицаемыхъ имены, что жилци или купци предреченныхъ градовъ отъ древняго нѣкоего обычаа и съгласія въ старину межъ претковъ вашихъ и тѣхъ обществъ учиненаго и знаменіемъ крестнымъ утвръженнаго, свободнѣ имѣли товары и благаа своя въ градъ или въ подвластіе ваше Новогородское возити, и туто и индѣ по государству вашему торговли межъ собою творити. Но напяснѣйшій родитель вашъ, Началникъ Государь Іоаннъ блаженные памяти, наущеніемъ нѣкоторыхъ смущеныхъ человѣкъ, у тѣхъ купцовъ и подвластныхъ предреченныхъ градовъ въ время мира товары и благаа, въ предреченныіі градъ и государства привезеные, противу всякоа правды отняти повелѣлъ, въ великоіі убытокъ и шкоту предреченнымъ купцемъ и къ престанку торговль обоимъ. Насъ же смиреннѣ молиша, да для сердечные особные дружбы, юже предреченный отецъ твоі къ намъ всегда имѣлъ, и вашу любовь къ намъ быти не предстаему не сумнятся, изволимся приказаніемъ нашимъ при вашей любви имъ помощи. Мы убо тѣхъ, кои подъ властію и повиновеніемъ нашимъ и священнаго цесарства пребываютъ, прошеніемъ въ семъ волю учинити хотяще, Ясность Вашу всякимъ прилежаніемъ совѣтуемъ, да по разсмотрѣнію и зрѣнію нашему товары и благаа предреченнаа, у коихъ взятаа, да учинитъ отдати, а товаромъ и торгомъ теченіе межъ вашихъ и предреченныхъ градовъ подвластныхъ, яко жъ изъ старины хранимо на обѣ стороны, и господьствомъ къ прибавленію освободити; а намъ на се благій подати отвѣтъ да изволитъ, въ коемъ Ясность Ваша не ткъмо намъ много ублагодарствуется, но и вещь сътворитъ праву и словесну съ возращеніемъ и угодіемъ своимъ и своихъ сущихъ. Дана въ градѣ нашемъ Брукселькомъ, въ день 19 Февраля, лѣта Господня 1509, кралевствъ нашихъ Римскаго двадесять третье, а Угорского 19». А подпись на грамотѣ: Напяснѣйшему Началнику, Господину Василью, Великому Началнику и Господину Рускому и иныхъ, другу нашему дражаійшему.

Лѣта 7017, Августа 9, противъ тое грамоты отписано къ Максимиліану, а послана та грамота на Иваньгородъ къ Темкѣ. А велѣно ему по тѣхъ Заморянъ, по Гридю да по Еремѣйка, въ Ругодивъ послати, да та грамота имъ отдати. А се такова грамота послана къ Максимиліану: «Василій, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь Владимерскій, и Московскій, и Новогородцкій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятцкій, и Пермьскій, и Блъгарскій и иныхъ, напяснѣйшему и свѣтлѣйшему Господину Максимиліану, Божіею милостію Цесарю Римскому, и Кралю Угорскому, и Долматцкому, и Хорватцкому и иныхъ, Архидуксу Аустріе, Дуксу Бергудскому, Брабанскому и иныхъ, Кондо Палатину, другу нашему дражайшему. Принесли изъ Ругодива Нѣмци твою грамоту, Гридя

да Еремѣйко Заморяне, въ нашу отчину въ Новогородскую землю, къ нашему намѣстнику Ивангородскому; и нашъ намѣстникъ ту грамоту къ намъ прислалъ, а твой посланникъ съ тою съ твоею грамотою у насъ не бывалъ. А писалъ еси къ намъ въ той въ своей грамотѣ, что тебѣ били челомъ Любчане, и за всѣ семдесять и два города съюзныхъ съ ними, о томъ, чтобы намъ для Вашіе Ясности и сердечные особные дружбы съ тобою велѣти своимъ намѣстникомъ нашихъ отчинъ Великого Новагорда и Пскова освободити купцомъ Любчаномъ и всѣхъ семидесять и дву городовъ съ нашими отчинами, съ Великимъ Новымгородомъ и со Псковомъ, торговати по старинѣ. И тебѣ, Максимиліану Королю, то вѣдомо, за что съ Магистромъ, и съ Ливонскою землею, и съ Любчаны и съ семьюдесять и съ двѣма городы наши вотчины съ ними въ тѣ лѣта торгу не держали. И нынѣ Магистръ, и арцибискупъ, и бискупы и вся земля Ливонскаа присылали къ намъ за свою вину бити челомъ. Да и о томъ намъ били челомъ, чтобы мы велѣли своимъ намѣстникомъ нашихъ отчинъ Великого Новагорода и Пскова и нашимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову взяти съ ними перемирье, да и торговати бы мы велѣли имъ своимъ намѣстникомъ ослободити съ нашими отчинами съ Великимъ Новымгородомъ и со Псковомъ по старинѣ, а плѣнниковъ бы намъ ихъ Ливонскіе земли къ нимъ отпустити. И добили намъ челомъ Магистръ и вся земля Ливонскаа за свою вину, и мы Магистра, и арцибискупа, и бискуповъ и всю землю Ливонскую, по ихъ челобитью, пожаловали и велѣли есмя своимъ намѣстникомъ Великого Новагорода и Пскова и своимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову взяти съ ними перемирье, какъ пригоже. Да и торговати есми съ нашими отчинами съ Великимъ Новымгородомъ и со Псковомъ велѣли имъ ослободити своимъ намѣстникомъ; а плѣнниковъ есмя ихъ земли Ливонскіе, которые у насъ были въ поиманьѣ, пожаловали, къ нимъ отпустили. А Любчане и вся семдесять и два города, которые въ соузѣ съ ними, пришлютъ къ нашимъ намѣстникомъ Великого Новагорода и Пскова и къ нашимъ вотчинамъ, къ Великому Новугороду и Пскову, о томъ бити челомъ по пригожу, и мы, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, для Вашего Наяснѣйшства тогды ихъ пожалуемъ, велимъ своимъ намѣстникомъ Великого Новагорода и Пскова и своимъ отчинамъ Великому Новугороду и Пскову взяти съ ними перемирье, какъ будетъ пригоже, да и торговати велимъ имъ ослободити съ нашими отчинами, съ Великимъ Новымгородомъ и со Псковомъ. А что еси къ намъ писалъ въ той жъ въ своей грамотѣ, чтобы намъ тѣмъ купцомъ Любчаномъ и семидесять и дву городовъ товары ихъ велѣти отдати, которые у нихъ взяты въ нашей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ, и то ся дѣяло при отцѣ нашемъ Іоаннѣ, Божіею милостію Государѣ всеа Русіи и Великомъ Князѣ, и писалъ еси о томъ товарѣ напередъ того къ отцу нашему, и отецъ нашъ о томъ товарѣ отписывалъ къ тебѣ и неодинова, которого для дѣла тѣ у нихъ товары взяты и за которое ихъ неисправленіе, и Вашей Ясности то дѣло вѣдомо гораздо и напередъ сего. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7017, Августа 9 день».

—

6996—1488.

Лѣта 96-го посолство Угорского Короля посла его Ивана діака, что пришолъ съ Федцомъ съ Кузминскимъ, а шли на Нѣмци, а пришолъ на Москву Сентября. А се посолство:

То есть посолство Государя моего, пресвѣтлаго Краля, пресвѣтлому Государю Великому Князю.

Ѳедецъ, коли пріѣхалъ къ Кралеву Величству отъ Государя Великого Князя, говорилъ одноконно и покрѣпилъ, ижъ посолъ Великого Князя Ѳедоръ Курицинъ еще не пріѣхалъ. А ижъ Государь Великій Князь дивился велми о таковемъ долгомъ житью его, тако ижъ ничего вѣрного отъ него ему прибыло, гдѣ есть и камо ся дѣлъ. Тако жъ Кралево Величство говоритъ на то, ижъ какъ наипервѣ услышалъ о несчастью Ѳедора Курицина, которое жъ ему въ Бѣлградѣ отъ Турского Царя състалося, тогды жъ послалъ до Турскаго Царя о немъ, дабы отпустилъ его доброволно. А Царь отписалъ Королеву Величству, какъ наипервѣ позналъ того человѣка въ такомъ дѣлѣ, такъ его борзо слободна далъ въ руки Менгилирею, Царю Крымскому.

Тако жъ два кратъ были су посолства съ стороны Короля и Царя, але Федецъ завсе умыслъ свой твердилъ, ижъ ни одна правда то не была о Ѳедорѣ, ани о листѣхъ кралевыхъ, а про то Величство Кралево дивился есть тому велми, и для того послалъ меня, ижъ бы тѣмъ рѣчемъ правду звѣдалъ. Тако жъ наипервѣе да быхъ звѣдалъ отъ пресвѣтлаго Государя Великого Князя, есть ли дошелъ до него его посолъ Ѳедоръ и листы цѣлы, сполнѣ донеслъ, али не?

Тако жъ друге, дабы звѣдалъ отъ Государя Великого Князя, если его посолъ Ѳедоръ Курицинъ пріѣхалъ, да и принеслъ листы Его Величства, есть ли Государь Великій Князь вздяченъ о тѣхъ листѣхъ, а естли въ крѣпкомъ умыслу подлугъ тѣхъ нашихъ листовъ, какъ въ нихъ написано?

Тако жъ наипервѣе говоритъ Королево Величество, если еще Ѳедоръ Курицинъ не пришолъ, а если бы еще былъ у Турского Царя, а онъ хочетъ всю Турскую землю обыскати и опытати, какъ бы моглъ доброволно и здорово отпустити его къ тебѣ, къ своему брату къ Великому Князю, и листы таковы жъ слово въ слово съ своимъ человѣкомъ вѣрнымъ пошлю, какъ наипервѣ възмогу.

Тако жъ на друге говоритъ Величество Королево, да Егова Свѣтлость тверда есть подлугъ того, какъ межи нами потвержено есть и кончено, а велми жадаетъ, аби Великій Князь, мой братъ, въ томъ же крѣпко стоялъ.

Тако жъ послѣ проситъ Величство Королево брата своего Великого Князя: ожъ бы ему не подивилъ о задръжаньи его человѣка Федца, ижъ Кралево Величство напередъ Федца отпускалъ подлугъ наказанья Стефана воеводы, ежь Стефанъ воевода далъ ему рокъ вратитися назадъ, але Федецъ може быти для лѣпшіе причины отговаривался, а захотѣлъ ожидати человѣка кралевскаго, а Величство Кралево борзо для вѣрныхъ дѣлъ не моглъ послати къ своему брату Великому Князю, и нынѣ и до тѣхъ мѣстъ не бы послалъ, естль бы не было прошенье Федцово, ижь еще о нѣкоторыхъ великихъ дѣлѣхъ Кралевѣ Высотѣ не было сполна вѣдом, которые дѣла отъ страны спротивнѣ дѣлани су, ижь той странѣ спротивной былъ великый съѣздъ со всѣми

своими паны, что есть въ его землѣ, а Краль чаялъ, ижь бы нынѣ, что былъ противъ намъ или противъ брату нашому Великому Князю. Иванъ діакъ, посолъ пресвѣтлого Краля Угорского, и Чешьскаго и иныхъ.

Отвѣтъ Великого Князя Угорскому послу Ивану діаку, а отвѣчивали ему діаки Великого Князя: Андрей Одинецъ да Ѳедоръ Курицинъ: Государь нашъ Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити: братъ нашъ Матіашь Король присылалъ къ намъ, хотячи съ нами любви, и братства и единачства; и мы къ нему на то посылали своего посла Ѳедора Курицына, межъ пакъ насъ съ Матіашомъ съ Королемъ любовь, и братство и единачство учинилося, и которые грамоты есмя межи собя записали и утвердили и на дѣты, и Король къ намъ на тѣхъ грамотахъ и крестъ цѣловалъ, а нашу грамоту утверженую къ собѣ взялъ, а свою грамоту утверженую къ намъ послалъ. Нашъ пакъ посолъ Ѳедоръ, какъ до насъ дошолъ и грамоту королеву утверженую до насъ донеслъ, и мы, видѣвъ грамоту утверженую брата своего королеву, тогды жъ съ Божьею волею почали есмя дѣло дѣлати и наступили есмя на своего на вопчего недруга на Казимира на Короля на Полского и не съ одну сторону. А напередъ того нашъ братъ Матіашь Король присылалъ къ намъ своего человѣка Климента, потвержая насъ, чтобы намъ съ Казимиромъ съ Королемъ съ Полскимъ не миритися, а говорилъ намъ королевъ человѣкъ Климентъ такъ, что нашъ братъ Матіашь Король съ Казимиромъ съ Королемъ роскинулъ, а на него готовъ; а панове Ляцкіе, которые ему норовятъ, а тѣ ужъ почали, а намъ бы къ нему на то дѣло послати своего человѣка. И мы, по его приказу, на то и посылали своего человѣка Ѳелца, а приказали есмя къ нему съ своимъ человѣкомъ съ Ѳелцомъ, что намъ съ Королемъ съ Полскимъ миру нѣтъ, а онъ бы, нашъ братъ, съ нимъ миру не имѣлъ, а прислалъ бы къ намъ на то дѣло своего человѣка, какъ намъ, ажъ дась Богъ, то дѣло дѣлати; а о своемъ послѣ о Ѳедорѣ обѣстили есмя Королю тѣмъ же своимъ человѣкомъ Ѳелцомъ, что нашъ посолъ Ѳедоръ еще не дошолъ до насъ, а къ намъ приказалъ, что межи насъ съ Матіашомъ съ Королемъ любовь, и братство и единачство учинилося. Братъ пакъ нашъ Матіашь Король прислалъ къ намъ тебя, своего человѣка, и ты насъ отъ Короля пыталъ о нашемъ послѣ о Ѳедорѣ, дошолъ ли до насъ, да говорилъ еси, чтобы намъ на томъ твердо стояти, какъ межи насъ съ нашимъ братомъ съ Матіашомъ съ Королемъ записано; и мы, милостью Божьею, на томъ твердо стоимъ; то говорилъ Ѳедоръ. А братъ нашъ Матіашъ Король, какъ напередъ сего къ намъ приказывалъ о своемъ и о моемъ недрузѣ о Казимирѣ о Королѣ, и какъ хотѣлъ съ нами то дѣло дѣлати, и ты намъ отъ Короля о томъ дѣлѣ никоторыхъ рѣчей не говорилъ, а почина и наступа королева не слышимъ никоторого на вопчего нашего недруга, на Короля на Полского, а нашъ починъ и наступъ на него надѣемся и брату нашему Матіашу Королю вѣдомъ; а какъ есмя почали то дѣло дѣлати, такъ и нынѣ, съ Божьею волею, хотимъ то дѣло дѣлати, какъ намъ Богъ поможетъ. А на чемъ есмя своему брату Матіашу Королю молвили, и какъ межи насъ съ нимъ записано, на томъ стоимъ твердо, а миру намъ съ Казимиромъ съ Королемъ съ Полскимъ нѣтъ; а братъ

нашъ Матiашь Король на чемъ намъ молвилъ и какъ съ нами записалъ, на томъ бы стоялъ твердо, а съ Казимiромъ бы съ Королемъ съ Полскимъ миру не имал̕, а на него бы наступилъ такъ, какъ бы намъ далъ Богъ своему вопчему недругу то отомстити, что онъ намъ хотѣлъ, а нашъ бы недругъ то зналъ, что есмя съ своимъ братомъ съ Матiашемъ съ Королемъ на него одинъ человѣкъ; а, ожъ дась Богъ, къ своему брату къ Матiашу къ Королю шлемъ своего человѣка.

Iюля 29 день, во вторникъ, отпустилъ Князь Великiй Угорского Короля посла Ивана дiака; тогды ему и челомъ ударилъ. А тогды у Великого Князя не ѣлъ, былъ у него послѣ полдень.

И Князь Великiй ему отвѣчалъ самъ: что еси намъ отъ нашего брата отъ Матiяша Короля которые рѣчи правилъ, и мы тѣ рѣчи выслушали и отказали есмя тебѣ свои рѣчи своими дiаки, то есть наши рѣчи; а отъ насъ молви нашему брату Матiашу Королю, какъ есмя своему брату Матiашу Королю молвили и какъ межи насъ съ нимъ записано и утвержено и на дѣти, на томъ твердо стоимъ. А съ Казимiромъ мы съ Королемъ съ Полскимъ, съ моимъ недругомъ и съ его недругомъ миру нѣтъ, а на него есми съ нимъ одинъ человѣкъ, какъ намъ Богъ поможетъ. А братъ нашъ Матiашь Король на чемъ намъ молвилъ и какъ съ нами записалъ и утвердилъ и на дѣти, на томъ бы твердо стоялъ. А съ Казимiромъ бы съ Королемъ съ Польскимъ, съ своимъ и съ моимъ недругомъ миру не ималъ; а съ нами бы на него былъ, заодинъ. Да ту рѣчь изговоря, Князь Великiй велѣлъ ему сѣсти да подалъ ему въ кубкѣ вина.

Да тогды жъ Иванъ подалъ списокъ о Матфѣйкѣ о Ляхѣ, что пришолъ съ Климомъ, да о Фрянцоскѣ о Фрязинѣ, чтобы Князь Великiй ихъ отпустилъ съ нимъ. А опослѣ того Князь Великiй вставъ, да приказалъ къ Королю съ Иваномъ поклонъ: Иванъ! Брату нашему Матiашу Королю отъ насъ поклонися. Да его и отпустилъ, а велѣлъ ему посидѣти передъ полатою въ крилцѣ. Да, выслушавъ его списокъ, выслалъ къ нему съ отвѣтомъ Өедора Курицына да и Дмитрея Давидова сына Загрязского, велѣлъ ему обьявити, что посылаетъ его съ нимъ до Колывани его проводити, да и о мастерѣхъ велѣлъ ему говорити, и Өеодоръ ему говорилъ такъ: Князь Великiй велѣлъ тобѣ говорити, что еси намъ подалъ списокъ, а просишь насъ, чтобы намъ съ тобою отпустити Матфѣйка Ляха, ино тотъ Матфѣйко пришолъ къ намъ съ брата же нашего съ Матiашовымъ человѣкомъ съ Климентомъ, и Климентъ намъ о томъ билъ челомъ, чтобы намъ того Матфѣйка отселѣ не отпустити того дѣля, что шелъ съ нимъ черезъ Литовскую землю, а родомъ Полскiе земли нашего недруга Казимiровы, и намъ того человѣка съ тобою отпустити не пригоже того дѣля, чтобы нашимъ людемъ межи насъ съ нашимъ братомъ съ Матiашомъ съ Королемъ путь не затворялся. А что еси просилъ насъ, чтобы намъ съ тобою отпустити Фрянцоска Фрязина, и намъ съ тобою и того отпустити не пригоже: живетъ здѣсе у брата у своего у Фрязина въ нашемъ дѣлѣ. А опослѣ того объявилъ ему Өедоръ Дмитрея Загрязского: Князь Великiй, Государь нашъ, посылаетъ съ тобою того своего сына боярского Дмитрея, а велѣлъ ему теба прово-

лити до Колывани. А опослѣ того говорилъ ему Θеодоръ о мастерѣхъ отъ Великого Князя: Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити, чтобы еси отъ насъ молвилъ нашему брату Матіашу Королю, чтобы намъ дружбу свою учинилъ, прислалъ бы къ намъ мастеровъ пушечниковъ, которыи бы умѣли пушки лити, да которои бы умѣли стрѣляти изъ пушекъ и къ городомъ приступати. Да прислалъ бы къ намъ мастеровъ, которой руду знаетъ, золотую и серебреную, да которой бы руду умѣлъ и роздѣлити съ землею, занже въ моей землѣ руда золотая и серебреная есть, да не умѣютъ ее роздѣлити съ землею. Да прислалъ бы къ намъ серебреныхъ мастеровъ, которые умѣютъ суды серебряные хорошіе дѣлати великіе и малые, да каменьщиковъ, которые умѣютъ церкви и полаты ставити и городы дѣлати. А что будетъ нашему брату Матіашу Королю у насъ надобѣ въ нашихъ земляхъ, и мы того своему брату не боронимъ.

Сякова грамота послана къ Королю къ Угорскому съ Штиборомъ, а Штиборъ поѣхалъ съ Васильемъ съ Карамышовымъ лѣта 96-го, Іюля: «Божіею милостію Государь всеа Русіи, Великій Князь Иванъ Васильевичь, Володимерскій, и Московскій, Новогородцкій, и Псковскій, и Тферскій и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и иныхъ, възможному и честнѣйшему Матіашу, Божіею милостію Угорскому, и Чешскому и иныхъ земль Кралю, и Князю Авшріе, намъ брату почтеному и другу милому здравіе. Прислалъ еси къ намъ съ нашимъ человѣкомъ съ Θедцомъ своего человѣка Ивана діака, а подалъ намъ отъ тебя твой человѣкъ Иванъ грамоту твою, а въ грамотѣ пишешь, что намъ отъ тебя учнетъ говорити твоі человѣкъ Иванъ діакъ, и намъ бы ему вѣрити; и твой человѣкъ пыталъ насъ о нашемъ послѣ о Θедорѣ о Курицинѣ: дошолъ ли до насъ и грамоту твою утверженую до насъ донеслъ ли? Да говорилъ намъ, чтобы намъ на томъ твердо стояти, какъ межи насъ съ тобою записано. И мы, съ Божьею волею, на чемъ тебѣ молвили, на томъ твердо стоимъ; а какъ до насъ дошолъ нашъ посолъ Θедоръ и грамоту твою утверженую до насъ донеслъ, и то намъ сказалъ, что межъ насъ съ тобою любовь, и братство, и единачство учинилося и крестъ еси къ намъ цѣловалъ на тѣхъ грамотахъ, которые есмя грамоты межъ собя записали и утвердили и на дѣти, а нашу еси грамоту утверженую къ собѣ взялъ, а свою еси грамоту утверженую къ намъ послалъ. И мы, видѣвъ твою, брата своего, грамоту утверженую, тогды жъ, съ Божьею волею, почали есмя дѣло дѣлати и наступили есмя на твоего и на своего недруга на Казимира, на Короля на Полского, и не съ одну сторону. А напередъ того еси къ намъ присылалъ своего человѣка Климента, потвержая насъ, чтобы намъ съ Казимиромъ съ Королемъ съ Польскимъ не миритися, а говорилъ намъ твой человѣкъ Климентъ такъ, что ты съ Казимиромъ съ Королемъ роскинулъ, а на него еси готовъ, а панове Лятцкіе, которые тебѣ норовятъ, а тѣ ужъ почали, а намъ бы къ тобѣ на то дѣло послати своего человѣка, и мы къ тебѣ, по твоему приказу, на то и послали своего человѣка Θедца, а приказали есмя къ тебѣ съ своимъ человѣкомъ съ Θедцомъ, что намъ съ Королемъ съ Полскимъ миру

нѣтъ, а ты бы, нашъ братъ, съ нимъ миру не имало, а прислалъ бы еси къ намъ на то дѣло своего человѣка, какъ намъ, ажъ дастъ Богъ, то дѣло дѣлати. А о своемъ послѣ о Ѳеодорѣ обѣстили есмя тебѣ тѣмъ же своимъ человѣкомъ Ѳедцомъ, что нашъ посолъ Ѳедоръ еще не дошолъ до насъ, а къ намъ приказалъ, что межъ насъ съ тобою любовь, братство и единачство учинилося. Ты пакъ братъ нашъ прислалъ къ намъ своего человѣка Ивана діака, и намъ отъ тебя твой человѣкъ о томъ дѣлѣ никоторыхъ рѣчей не говорилъ, какъ еси напередъ сего къ намъ приказывалъ о своемъ и о моемъ недрузѣ, о Казимирѣ о Королѣ; и какъ еси хотѣлъ съ нами то дѣло дѣлати, а почина и наступа твоего не слышимъ никоторого на вопчего нашего недруга, на Казимира на Короля на Польского, а нашъ починъ и наступъ на Казимира на Короля, надѣюся, и тобѣ брату нашему вѣдомъ; а какъ есмя почали то дѣло дѣлати, такъ и нынѣ съ Божьею волею хотимъ то дѣло дѣлати, какъ намъ Богъ поможетъ. А на чемъ есмя тебѣ, своему брату, молвили и какъ межъ насъ съ тобою записано, на томъ стоимъ твердо; а миру намъ съ Казимиромъ съ Королемъ съ Полскимъ нѣтъ; а ты, братъ нашъ, на чемъ намъ молвилъ и какъ еси съ нами записалъ, на томъ бы еси стоялъ твердо, а съ Казимиромъ бы еси съ Королемъ съ Полскимъ миру не имало, а на него бы еси наступилъ такъ, какъ бы намъ далъ Богъ своему вопчему недругу то отомстити, что онъ намъ хотѣлъ, а нашъ бы недругъ то зналъ, что есмя съ тобою, съ своимъ братомъ, на него одинъ человѣкъ. А противъ сее нашіе грамоты къ намъ бы еси отписалъ свою грамоту съ тѣмъ же съ нашимъ человѣкомъ, которой до тебя сю нашу грамоту донесетъ; а того бы еси нашего человѣка у себе не издержалъ, отпустилъ бы еси его не мотчая, какъ бы ему заѣхати нашего человѣка въ Волосѣхъ, занежъ его нашему человѣку въ Волосѣхъ ждати. А твой человѣкъ Иванъ діакъ отпросился у насъ черезъ Нѣмецкіе земли, и мы его къ тебѣ и отпустили, а послали есмя съ нимъ своего человѣка, проводити его черезъ Лифлянскую землю до моря, а приказали есмя съ своимъ человѣкомъ къ тѣмъ Нѣмцомъ Лифляпскіе земли, чтобы твоего человѣка Ивана на корабль посадили и море велѣли перепровадити къ Любку или къ инымъ мѣстомъ, куды будетъ твоему человѣку Ивану надобѣ. А къ тебѣ есмя своего человѣка не послали съ твоимъ человѣкомъ вмѣстѣ тою дорогою, за тѣмъ, сказываютъ, тамъ за моремъ, зашли по той дорозѣ цесаревы земли, да вопчего нашего недруга Казимировы Короля Полского зяти земли, и нашему человѣку съ твоимъ человѣкомъ вмѣстѣ не лзѣ было тою дорогою къ тебѣ итти. А и твоіі человѣкъ Иванъ намъ говорилъ, что нашему человѣку съ нимъ вмѣстѣ не лзѣ пройти на тѣ земли, а полемъ прямо къ Менгилирею Царю Крымскому, да къ Волошскому воеводѣ хотѣли есмя къ тобѣ твоего человѣка отпустити и своего человѣка съ нимъ вмѣстѣ послати, ино въ ту пору дорога была нечиста; а твой человѣкъ того не захотѣлъ ждати, какъ бы намъ, оправивъ дорога, къ тебѣ своего человѣка съ нимъ вмѣстѣ послати. А Богъ, да умножи лѣта и здравіе Твоеіі Свѣтлости, брату нашему возлюбленному. А писанъ на Москвѣ, въ лѣто 6996, мѣсяца

Іуліа 29». А подпись у грамоты: Взможному и честнѣйшему Матіашу, Божіею милостію Угорскому, и Чешскому и иныхъ земль Кралю и Князю Авщріе, намъ брату почтеному.

Сякова память дана Штибору: Память Штибору. Какъ дась Богъ будетъ у Короля у Угорьского, ино отъ Великого Князя Королю Угорскому первое поклонитися, а молвити такъ: Государь всеа Русіи, Великій Князь Иванъ Васильевичь велѣлъ тобѣ, своему брату, поклонитися. А послѣ того молвити: Государь всея Русіи Великій Князь велѣлъ твое здоровье видѣти. Да подати поминокъ соболь, а молвити такъ: Государь нашъ, Князь Великій къ тебѣ приказалъ, чтобы еси нынѣча о маломъ поминкѣ не помолвилъ. А за тѣмъ подати грамота Великого Князя; а послѣ того, помотчавъ мало, подати грамота Иванова діакова королева человѣка Угорского.

А вспроситъ Королъ Угорскій о томъ: братъ нашъ Князь Великій писалъ въ грамотѣ въ своей, что почалъ и наступилъ на Казимира на Короля на Полского и не съ однусторону, ино что его починъ и наступъ? Ино говорити такъ: Князь Великій Михайло Тферскій съ Казимиромъ съ Королемъ былъ въ братствѣ, и въ любви, и въ докончаніѣ, а съ нимъ былъ заодинъ, а ему и въ свойствѣ близко, и Государь нашъ Князь Великій, Божьею милостью, землю его Тферскую всю подъ нимъ взялъ. А самъ Князь Великій Тферскій у него утеклъ къ его недругу къ Казимиру къ Королю къ Полскому и нынѣча у Короля, а матерь Великого Князя Тферского и братью его всю Государь нашъ Князь Великій взялъ и нынѣча у него въ нятствѣ. Да и опрочь того, Государь нашъ у своего недруга у Казимира, у Короля у Полского, городы и волости поималъ и держитъ своими намѣстники. А Менлигирей, Царь Крымскоіі, съ нашимъ Государемъ съ Великимъ Княземъ въ братствѣ и въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ. А по Государя нашего по Великого Князя слову, не одинова ходилъ на Казимирову на королеву землю Полского, и городы у него ималъ и землю воевалъ.

А вспросятъ о томъ, которые городы и волости Князь Великій поималъ у Казимира у Короля у Полского, ино сказати: Лутцкой городъ, да Ржевской городъ и иные мѣста.

А вспросятъ Штибора о томъ, есть ли за тобою рѣчи, опрочѣ грамоты Великого Князя, и Штибору молвити такъ: рѣчей, Господине, за мною нѣтъ, опрочь грамоты.

А вспроситъ Король Угорскій о томъ: язъ хочю наступити на Казимира на Короля на Полского, а Князь Великій какъ хочетъ то дѣло дѣлати? И Штибору молвити такъ: Государь нашь, Князь Великій послалъ къ тобѣ свою грамоту со мною, и язъ грамоту его до тебя донеслъ, а ты, Господине, отпишешь къ нашему Государю свою грамоту или что къ нему накажешь со мною, и язъ то до своего Государя донесу.

А вспросятъ о томъ: послы ѣздятъ межи Великого Князя и Короля Полского, и Князь Великій не помиритъ ли ся съ Королемъ? Ино говорити такъ: слышели есмя, Господине, что послы ѣздятъ межи Государя нашего Великого Князя и Короля Полского, о обидныхъ дѣлѣхъ о порубежныхъ, а слышимъ такъ, что Государю нашему Великому Князю съ Королемъ Полскимъ миру нѣтъ. Да розпытывати Штибору о томъ, какъ Король Угорскій съ Турецкимъ, и каково его

дѣло съ Цесаремъ съ Нѣмецкимъ, и какъ съ Чешскимъ Королемъ, и каково его дѣло съ Полскимъ Королемъ съ Казимиромъ?

А поминокъ послалъ Князь Великій къ Матіашу къ Королю къ Угорскому съ Штиборомъ соболь чернъ, ноготки у него золотомъ окованы съ жемчюги, дватцать жемчюговъ Новогородцкихъ на всѣхъ ногахъ, а жемчюги не малы, и хороши и чисты. А то отъ Великого Князя Угорскому Королю первой поминокъ.

Отвѣтъ Матіашовъ королевъ Угорского Штибору: Что еси къ намъ грамоту привезлъ отъ нашего брата, отъ Великого Князя Ивана, и мы тѣ рѣчи вразумѣли, а шлемъ къ своему брату, къ Великому Князю, съ тобою противу тѣхъ рѣчей свою грамоту. А, дасть Богъ, на тыхъ часѣхъ шлемъ къ своему брату, къ Великому Князю, своего человѣка выборного.

Списокъ съ грамоты съ королевы Угорского съ Матіяшовы, что пришла съ Штиборомъ, лѣта 97, Апрѣля 9. А сама та грамота положена къ докончалной грамотѣ Короля Угорского.

«Матіашь, милостью Божьсю, Король Угорскіи и Чешскіи и Херчегъ Авъщрьскій и инѣхъ, пресвѣтлому и превысокому Государю въ всей Русіи Ивану Васильевичю, Володимерскому, Московскому, Новогородскому, Псковскому, и Тферскому, Югорскому, Вятскому, Пермьскому и инѣхъ Князю, брату и другу предрагому здравіе, радость и честнѣйшее животованіе. Величество Ти прислалъ къ намъ своего человѣка, коего ради видѣли есмя грамоту отъ тебе намъ принесе, кою же предъ нами честь повелѣли есмо, писаніе еже разумѣли есмя о здравью твоему и честнѣйшемъ животѣ, о любви жъ, вѣрѣ и дружеству твоему радуемся; добробитье, миръ и единачство кралевства и земль твоихъ ради слышимо и о всѣхъ реченныхъ обрадовася сердце наше. Паки человѣкъ нашъ, иже въскорѣ при господству Ти былъ есть, мало прежде пришествіа твоего посла къ намъ, здраво приде, намъ о животѣ Твоего Величства каза. По тѣмъ рѣчемъ нашего человѣка и писаньемъ и рѣчми твой человѣкъ потверди, даръ и посланье Твоей Свѣтлости лѣпо и вѣрно намъ предаде, Величству Ти толико на дарѣ, колико на любви и доброй воли твоей много благодаримо. О братству и единачству межь насъ грамотою и вѣрою утвержедену тако говоримо и тако господству Ти приказуемо, како ми съ Казимиромъ, Королемъ Полскимъ, общимъ нашимъ недругомъ, мира не имамо, настоимо твердо на обѣщанью, иже ти по нашихъ грамотахъ обѣщахмо, и како же Вашу Великоту слышимо, да творитъ и съ нами твердо стоитъ. По всемъ да речени господинъ Краль Полски по пресвѣтлому господину Кралю Чешскому и по инѣхъ различныхъ людѣхъ, иже межъ насъ поставишасе много и дльго одъ насъ мира поиска, але мы ни единемъ дѣломъ то не мыслимъ учинити Твоему Величеству прежде не приказавше; еже писаніе и рѣчи межъ насъ, мною и тобою, утвержене, право и достовѣрно схранить хощемо итакоже имамо надежду, да хочетъ Твоа Великота дѣлати; кою же просимъ мо, егда будеши готовъ на общего нашего недруга со всѣмъ одлученіемъ и мыслью и мощью наступити и съ нимъ дѣло дѣлати рано и въскорѣ намъ прикажи, да и мы на время, отпустивши наша иная дѣла, готовимосе, како да спола на унутрьне стране кралевства нашего общаго недруга, со всею нашею

мощью внидемо, толико долго на немъ да стоимо и кралевство его да раскидамо, колико его намъ буде за доста видѣти. За то дѣло и за многа иная, вскорѣ по отпущенію твоего посла, хощемо нашего посла къ Твоей Великотѣ прислати, иже полну власть о всемъ томъ дѣлѣ одъ насъ буде имати и все потребное съ Твоимъ Величествомъ утвердити. Здѣ просимо Твою Великоту, како до сего дневи въ вѣрѣ, и клятвѣ, и въ правдѣ твердо еси сталъ, буди и напредь въ любви и нашемъ единачествѣ твердо стати. И Богъ да ти умножитъ здравіа и честнѣйшаго живота по многа лѣта. — Писанъ у Бечи, 16 даань Декембріа, 1488 Рожества Христова».

Тетрать, какъ чтятъ Максимьяновыхъ пословъ намѣстники по городомъ.

7023—1515.

Лѣта 7023, какъ поѣхали съ Москвы Максимьяновы послы Яковъ докторъ Ослеръ и Мавренбурхъ Стелеръ, и Князь Великій приказалъ въ Новгородъ, велѣлъ ихъ ѣсти звати намѣстнику Ивану Поплевину, и запись ему послана.

А се такова запись послана къ Ивану: «Память околничему и намѣстнику Великого Новагорода Ивану Григорьевичю Морозову. Отпустилъ Князь Великій съ Москвы цесаревыхъ Максимьяновыхъ пословъ, Якова дохтора да Маврика. И какъ пріѣдутъ послы въ Новгородъ и захотятъ съ тобою видѣтися, или ты ихъ хочешь почтити къ себѣ позвати, и ты бъ послалъ по него на подворье ѣсти звати за день сына боярского доброго, да съ нимъ дѣтей боярскихъ молодыхъ и своихъ людей человѣкъ двадцать. А которого дни у тебя имъ быти, и у тебя бы въ тѣ поры были діаки наши: Суморокъ Путятинъ да Василей Тетеринъ, да и дворцовые дьяки, да и дѣти боярскіе, которымъ будетъ пригоже у тебя въ избѣ быти, а иные бы люди были въ сѣнѣхъ и на крыльцѣ, а иные бы на дворѣ были многіе люди. А какъ послы пріѣдутъ къ тебѣ на дворъ, и ты бъ велѣлъ имъ ѣхати до лѣсницы, и вышли бы изъ саней у лѣсницы. А учинилъ бы еси имъ двѣ стрѣчи: первое бы еси его велѣлъ встрѣтити двѣма сыномъ боярскимъ на землѣ у лѣсницы, а тремъ бы еси дѣтемъ боярскимъ добрымъ велѣлъ ихъ встрѣтити на нижнемъ крыльцѣ. А самъ бы еси ихъ встрѣтилъ въ сѣнѣхъ у дверей у крылца, да съ ними бы еси и въ избу шелъ, а пустилъ бы еси ихъ въ избу напередъ себя, а въ избѣ бы еси ихъ посадилъ въ лавкѣ въ болшомъ мѣстѣ, а самъ бы еси сѣлъ на другой лавкѣ, да отъ тебя дѣти боярскіе. А какъ пріѣдутъ къ столу, и ты бъ имъ встрѣчи чинилъ по тому жъ, и въ избу бы шли напередъ тебя, и за столомъ бы еси ихъ посадилъ въ болшомъ мѣстѣ, а самъ бы еси сѣлъ конецъ стола; а отъ нихъ бы еси посадилъ въ лавкѣ людей его всѣхъ; а противъ ихъ на скамьѣ посадилъ бы еси сына боярского доброго, а отъ него діака Сумарока Путятина, а отъ Сумарока иные дѣти боярскіе; а по инымъ бы еси столомъ посадилъ также выборомъ дѣтей боярскихъ и гостей. А берегъ бы еси того, чтобъ у тебя за столомъ было чинно; а ѣсти бы ставили и питье подавали послу дѣти боярскіе человѣкъ

десять, которымъ будетъ пригоже, да и твои люди. А какъ тебѣ ему подати пити, и ты бъ имъ подавалъ вставши, и потчивалъ бы еси ихъ за столомъ по пригожу; а опослѣ стола похотятъ у тебя пити, и ты бъ ихъ унялъ и съ ними сѣлъ пити; а какъ будетъ чаша подати, и ты бъ чашу подалъ вмѣстѣ и мою и Максимьянову, а помянулъ бы еси первое мое здоровье, а опослѣ его. А поспѣшатъ они чашу подати своего Государя, и ты бъ ихъ не уймалъ, а ты бъ опослѣ его мою чашу не подавалъ. А какъ пивши отъ тебя поѣдутъ, и ты бъ, да съ тобою дѣти боярскіе добрые, да и діаки наши проводили ихъ, вышедши изъ избы до тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ встрѣтили. А дѣти боярскіе, которые стрѣчали ихъ, проводили ихъ до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ которой встрѣчалъ; а за ними бы еси послалъ на подворье съ медомъ сына боярского доброго, а поити бъ ихъ еси ихъ тамъ не велѣлъ: явивъ бы ему медъ, да прочь пошелъ. А поѣдутъ на подворье вечере, и ты бъ послалъ людей передъ ними до подворья съ свѣчями».

А се такова запись послана ко князю къ Ивану къ Шуйскому во Псковъ. А се запись, какъ намѣстникомъ чтити Максимьянова посла Пантелеймона.

Какъ пріѣдетъ во Псковъ, и имъ послати къ нему встрѣчю сына боярского быти у него въ приставѣхъ, да велѣть ему дати подворья, гдѣ пригоже, чтобы были дворы добры; да какъ его уставятъ на подворьѣ, и имъ ему велѣти послати кормъ отъ Великого Князя дьяку Мисюрю Мунехину по пригожу, выпросивъ Алексѣя, какой то у Максимьяна человѣкъ, а намѣстникомъ отъ себя послати къ Максимьянову послу кормъ по пригожу, послѣ Великого Князя корму. Да выпросити имъ Алексѣя Заболотцкого, какой то человѣкъ у Максимьяна, и въ каковѣ жалованьѣ и каковъ съ Юрьемъ Сницпамеромъ, который былъ напередъ у Великого Князя, и съ которымъ пошли съ Москвы Дмитрей Ласкиревъ и Елка Суковъ. И скажетъ Алексѣй, что онъ въ ту версту, какъ Юрьи Сницпамеръ и въ жалованьѣ у Максимьяна въ великомъ, и намѣстникомъ послати его на подворье звати сына боярского, и встрѣчи ему учинити, и за столомъ посадити и чтити его по тому, какъ Князь Великій приказывалъ чтити Максимьянова посла Юрья Сницпамера намѣстникомъ Псковскимъ князю Петру Великому и князю Семену Курбскому; а какъ Князь Великій приказалъ чтити Максимьянова посла, и о томъ намѣстникомъ вспросити діака Мисюря Мунехина. А скажетъ Алексѣй, что тотъ Максимьяновъ посолъ въ ту версту, какъ были у Великого Князя Максимьяновы послы Яковъ дохторъ и Маврецъ, и намѣстникомъ послати по него звати на подворье, и стрѣчи ему чинити, и за столомъ посадити и чтити по тому, какъ Князь Великій приказалъ намѣстникомъ князю Ивану къ Шуйскому и къ Ондрею къ Сабурову чтити Якова и Мавреца, да и запись имъ послалъ. А скажетъ Алексѣй, что тотъ посолъ отецкой сынъ; а у Максимьяна въ великомъ жалованьѣ, и намѣстникомъ чтити его по тому, какъ чтили Юрьева сына Сницпамерова Николая; а болшое впросити Алексѣя, какой тамъ человѣкъ, и какова его Алексѣй скажетъ, ино чтити по человѣку посмотря, какъ пригоже.

7025—1517.

Лѣтъ 7025, Апрѣля, послалъ Максимьяновъ посолъ Жыгимонтъ въ Вилну къ Жигимонту Королю сетречича своего Яна; и Князь Великій послалъ напередъ его въ Смоленскъ Юшка Гундорова, а приказалъ съ нимъ какъ велѣти встрѣчи чинити Яну, и чтити и проводити, и какова о немъ грамота послати въ Оршу, чтобы его встрѣтили. А се грамота въ Оршу отъ князя отъ Бориса о Янѣ: «Отъ Великого Государя Василья, Божьею милостью Государя всеа Русіи и Великого Князя Володимерского, Московского, Новогоротцкого, Псковского, Смоленского, Тферского, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, отъ боярина и намѣстника Смоленского отъ князя Бориса Ивановичя Горбатого, въ Оршу, намѣстнику Ршанскому и гетману жолнерскому. Прислалъ къ нашему Государю Василью, Божіею милостью Государю всеа Русіи и Великому Князю, братъ его Максиміянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, посла своего и совѣтника Жигимонта, а съ Жигимонтомъ вмѣстѣ пріѣхалъ къ нашему Великому Государю Василью, Божьею милостью Государю всеа Русіи и Великому Князю, сестричичь его Янъ. И билъ челомъ Великому Государю Василью, Божіею милостью Государю всеа Русіи и Великому Князю, брата его Максиміана, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля посолъ Жыгимонтъ, чтобъ Великій Государь ослободилъ ему послати того своего сестричичя къ Жыгимонту Королю въ Вилну; и Великій Государь нашъ Василей, Божьею милостью Государь всеа Русіи и Великій Князь, брата своего Максимьянову, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, послу Жигимонту ослободилъ послати въ Вилну къ Жыгимонту Королю сестричичя его Яна, и прислалъ его къ намъ, во Государя нашего отчину, въ Смоленескъ. И мы того Яна отпущаемъ къ вамъ часа того, а съ нимъ посылаемъ провожати его Великого Государя людей; и вы бъ противъ Яна прислали люди и кони, кому его у Государя нашего людей взяти и до васъ допровадити безо всякіе зацѣпки. А въ которой намъ день Яна изъ Смоленска отпустити, и мы къ вамъ съ тѣмъ пришлемъ часа того; а которыхъ людей по Яна пошлете, и тѣ бъ люди ѣхали противъ Яна ко Государя нашего людемъ безо всякіе боязни и безъ опасу, а силы имъ и зацѣпки отъ Государя нашего людей никоторые не будетъ. А сія моя грамота тѣмъ людемъ, которыхъ пошлешь по Яна, и опасная. А нынѣ бы есте къ намъ отписали, гдѣ того Яна вашимъ людемъ встрѣтити, чтобъ намъ про то вѣдомо было. Писанъ въ Смоленску, лѣта 7 тысячь двадцать пятаго, Апрѣля.

А въ Добровну приказчику Дубровинскому и гетману желнерскому послати князю Борису грамота отъ себя такова жъ, а дѣло писати то жъ, какъ и въ Оршу.

А се списокъ наказа ко князю къ Борису къ Горбатому съ Юшкомъ съ Гундоровымъ: Говорити отъ Великого Князя, въ Смоленску, боярину и намѣстнику князю Борису Ивановичю Юшку Гундорову, а воеводы бы всѣ и Костянтинъ Замытцкой туто жъ были. Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: пришолъ къ намъ отъ брата нашего, отъ избранного Цесаря Римского и навышшего Короля Максимьяна,

посолъ и совѣтникъ его Жигимонтъ, да съ нимъ же вмѣстѣ пришелъ Максимьяновъ же человѣкъ, а Жигимонту послу сестричичь, Янъ, и билъ намъ челомъ брата нашего, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, Максимiяновъ посолъ Жигимонтъ, чтобы намъ ему ослободити, послати въ Вилну къ Жигимонту Королю съ грамотою того сестричичя Яна; и мы по его челобитью ослободили ему послати того своего сестричичя Яна къ Жигимонту Королю въ Вилну. А послали есмя проводити его Русина Бортенева, а приказали есмя Русину, какъ прiѣдетъ въ Дорогобужъ, и язъ ему напередъ велѣлъ къ тебѣ послати, что онъ въ Дорогобужъ прiѣхалъ. Да отпущая есми тебя, князя Бориса, самъ тебѣ наказывалъ и съ дѣтми съ боярскими къ тебѣ приказывалъ, чтобъ дѣти боярскiе нашего для дѣла всѣ были у васъ въ городѣ; ино бы и нынѣ дѣти боярскiе одноличво всѣ были у васъ въ городѣ. А язъ велѣлъ Русину ѣхати съ тѣмъ Максимьяновымъ человѣкомъ изъ Дорогобужа до Смоленска судномъ, да, не доѣхавъ Смоленска, велѣлъ есми Русину стати противъ Колодны на Днѣпрѣ, да къ тебѣ съ тѣмъ послати, что онъ тутъ прiѣхалъ. И какъ къ тебѣ Русинъ съ тѣмъ пришлетъ, что онъ сталъ противъ Колодны, и ты бъ къ нему послалъ встрѣчю Василья Нагая княжъ Семенова сына Ромодановского, да съ нимъ бы еси выбравъ послалъ дѣтей боярскихъ, середнихъ и молодыхъ, человѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ. Да къ нему жъ бы еси послалъ въ приставѣхъ съ Нагаемъ вмѣстѣ Ѳедорца Грилина сына Ооонасьева; а велѣлъ бы еси ему быти у него вмѣстѣ съ Русиномъ, да и лошади бъ еси подъ него послалъ съ Ѳедорцомъ, подводы съ яму. А приказалъ бы еси Ѳедорцу, молвити Яну отъ себя рѣчь: Великого Государя Василья, Божьею милостью Царя и Государя всеа Русiи и Великого Князя, бояринъ и намѣстникъ Смоленской князь Борисъ Ивановичь велѣлъ тебя о здоровьѣ спросити, по здорову ли еси дорогою ѣхалъ? Да велѣлъ бы еси Ѳедорцу отъ себя сказати, что ты ему велѣлъ у него въ приставѣхъ быти, и къ себѣ еси ему съ нимъ велѣлъ ѣхати, да и въ городъ бы еси Ѳедорцу съ нимъ велѣлъ ѣхати передъ обѣднею, какъ бы люди всѣ были въ городѣ. А подворейце бы еси ему въ городѣ велѣлъ дати близко своего двора, гдѣ ему прiѣхавъ постояти.

И какъ тотъ Максимьяновъ человѣкъ въ городъ въѣдетъ, а ты бъ сѣлъ въ своей избѣ на своемъ мѣстѣ, а у тебя бы были нашы воеводы всѣ, да и дѣти боярскiе добрые, и князи и бояре Смоленскiе, которымъ пригоже, а иные бъ дѣти боярскiе были у тебя въ сѣнѣхъ, а иные во дворѣ, да и на площади бы дѣти боярскiе были и въ городѣ по улицамъ, чтобъ людей много видѣти было. Да какъ онъ поййдетъ къ тебѣ, и ты бъ его велѣлъ встрѣтити передъ сѣнными дверми Михалю Непейцину, а въ сѣнѣхъ бы еси его велѣлъ встрѣтити Степану да Григорiю Васильевымъ дѣтемъ Данилова. А какъ войдетъ къ тебѣ въ избу, и ты бъ съ своего мѣста всталъ, да шелъ середи избы къ руцѣ его позвалъ, да о здоровьѣ бы еси его вспросилъ, по здорову ли онъ дорогою ѣхалъ, да посадилъ бы еси его на другой лавкѣ близко себя. Да звалъ бы еси его къ себѣ ѣсти, да велѣлъ бы еси ранѣе ѣсти варити и столы ставити, да сѣлъ бы еси ѣсти ранѣе, да самъ бы еси сѣлъ въ болшемъ

мѣстѣ, а отъ тебя бы сѣли наши воеводы всѣ и дѣти боярскіе добрые въ болшей столъ, а въ углѣ бъ еси посадилъ отъ себя нѣкоторого нашего воеводу, а конецъ бы еси стола посадилъ того Максимьянова человѣка Яна, а человѣка бъ еси его посадилъ въ кривомъ столѣ въ одаль отъ себя въ полстола, а посадилъ бы еси встрѣчю его дѣтей боярскихъ молодыхъ, а у него въ лавкѣ посадилъ бы еси добрѣ молодыхъ дѣтей боярскихъ. Да самъ бы еси ѣлъ съ блюда, а съ тобою бъ ѣлъ съ блюда тотъ воевода, которой сядетъ въ углѣ и которой отъ тебя; а передъ Яна бъ еси вѣлелъ ставити опришнее блюдо. А послѣ бъ еси стола Яну подавъ пити, съ нимъ бы еси не пилъ, да его бы еси и прочь отпустилъ на дорогу. Да такъ же бы еси проводилъ его, гдѣ еси его встрѣтилъ; а дѣти бъ боярскіе проводили его дотолѣ, гдѣ его встрѣтили. Да чтобъ онъ въ городѣ неночевалъ, а почевалъ бы за городомъ, гдѣ пригоже, недалече отъ города. А далъ бы еси ему три лошади изъ тѣхъ лошадей, которые у тебя живутъ на яму въ Смоленскѣ. добры, на которыхъ бы ему лзѣ ѣхати. А учнетъ припрашивати подводъ, и ты бъ ему далъ колко онъ учнетъ просити. А какъ его учну(тъ) дѣти боярскіе давати Литовскимъ людемъ и отдастъ онъ самъ тѣ кони, и они бы у него взяли, а не отдастъ, онѣ бъ у него не просили, отпустили бъ его на тѣхъ конѣхъ. Да и корму бъ еси ему велѣлъ дати до Орши на дорогу и съ медомъ, чтобы ему стало до Орши и за Оршу. А какъ тебѣ тому Максимьянову человѣку проводъ учинити и какъ тебѣ о немъ въ Дубровну и въ Оршу обослатися грамотою, и язъ тебѣ послалъ тому запись съ Юшкомъ съ Гундоровымъ. И ты бъ по той записи въ Оршу и въ Дубровну о нихъ обослался своею грамотою, а послалъ бы еси съ грамотою мужика Смолнянина. А съ чѣмъ тебѣ передъ нимъ въ Оршу и въ Дубровну послати, и язъ тебѣ пошлю тому запись съ Русиномъ съ Бортеневымъ. А велѣлъ есми къ тебѣ ту запись Русину послати изъ Дорогобужа; и ты бъ нынѣ въ Дубровну и въ Оршу послалъ отъ себя грамоты по тому списку, каковъ язъ послалъ къ тебѣ съ Юшкомъ съ Гундоровымъ. Да и проводъ бы еси ему потому жъ учинилъ, какъ въ памяти у Юшка написано.

А се память съ Юшкомъ съ Гундоровымъ ко князю Борису о проводѣ Максимьянова человѣка Яна: Память Юшку Гундорову. Молвити ему князю Борису, чтобъ послалъ проводити Максимьянова человѣка въ головахъ, толко будетъ пріѣхалъ въ Смоленескъ Иванъ Салтыковъ, ино послати Ивана Салтыкова; а будетъ Иванъ не пріѣхалъ, ино послати Лугвицу Прозоровского, да Григорья Яхонтова да Повода Кологривова, да съ ними бы князь Борисъ послалъ дѣтей боярскихъ дворовыхъ и городовыхъ 200. Дворовыхъ бы выбралъ человѣкъ тритцать середнихъ, въ ту версту и моложе, какъ Гридя Лихоревъ; а городовыхъ бы выбралъ добрыхъ, чтобы всѣхъ было и съ дворовыми и съ городовыми двѣсте человѣкъ, люди бы были добры. А велѣлъ бы его проводити къ Дубровнѣ или къ Оршѣ, какъ ко князю Борису напишутъ изъ Дубровны и изъ Оршы, гдѣ его язнутца стрѣтити и у нашихъ дѣтей боярскихъ взяти. Съ нашими бы дѣтми боярскими и съ бояры Смоленьскими князь Борисъ говорилъ, до которыхъ мѣстъ его пригожъ проводити и гдѣ бъ имъ пригожъ его

отдати, чтобъ близко тѣхъ городковъ Дубровны и Ршы. А приказати князю Борису тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, которыхъ пошлетъ, чтобъ того Максимьянова человѣка чтили ѣдучи. А Литовскимъ бы людемъ отъ нихъ и отъ ихъ людей грабежу одноличнo не было; не крянули бъ одноличнo никого ни чернымъ волосомъ, а ѣхали бъ бережно.

Да память Юшку: какъ тотъ человѣкъ Максимьяновъ поѣдетъ отъ князя отъ Бориса ѣтчи, ино бы съ нимъ ѣхали Русинъ да Θедорецъ Гридинъ до подворья, да и Нагай бы его проводилъ до подворья съ тѣми людьми, съ которыми его встрѣчалъ. А тѣ бъ люди Салтыковъ или Лугвица, которого пошлютъ, и Яхонтовъ, и Кологривовъ Поводъ, со всѣми людьми, которыхъ съ ними пошлютъ, выѣхавъ за городъ, стояли на вспольѣ, гдѣ пригоже. Да какъ поѣдетъ Максимьяновъ человѣкъ съ подворья, и Нагай бы съ тѣми людми, съ которыми его стрѣчалъ, проводилъ его за городъ до тѣхъ людей, до Салтыкова съ товарищи. Да, проводивъ до тѣхъ, да отдавъ его тѣмъ людемъ, самъ воротился въ городъ; а Θедорецъ бы Гридинъ и Русинъ ѣхали съ нимъ до Дубровны и до Ршы доколѣ, какъ его отдадутъ Литовскимъ людемъ. Да какъ его отдадутъ Литовскимъ людемъ Иванъ Салтыковъ съ товарищи, да, дастъ Богъ, приѣдутъ въ Смоленескъ здорово, и князь бы Борисъ Русина тогды отпустилъ къ Великому Князю на подводахъ часа того. А Юшку ѣхати къ Великому Князю, отпустивъ ихъ изъ Смоленска, какъ они поѣдутъ провожати Максимьянова человѣка, и ему то, приѣхавъ, сказати Великому Князю.

—

7026—1517.

Лѣта 7026, Ноября 20, какъ Князь Великій отпустилъ съ Москвы Литовскихъ пословъ и Максимьянова посла Жигимонта, и онъ послалъ въ Смоленескъ Гришю Левашова съ своимъ наказомъ, какъ князю Борису чтити Жигимонта Максимьянова посла.

А се запись съ Гришею въ Смоленескъ ко князю Борису: Говорити отъ Великого Князя въ Смоленску бояриву и намѣстнику князю Борису Ивановичю Гришѣ Левашову: Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити, что присылалъ къ намъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ Щыта и Богуша, и мы къ Жигимонту Королю его пословъ отпустили, а поѣхали съ Москвы въ пятницу, Ноября 20; а съ ними есмя отпустили Максимьянова посла Жигимонтова сестричича; а въ приставѣхъ послали есмя съ нимъ Рахманина Тилилина да Микиту Моклокова. А Максимьянова посла есмя Жигимонта отпустили жъ; а поѣдетъ съ Москвы въ недѣлю, Ноября 22; а ѣхати ему на Смоленескъ же, да на Литовскую землю; а въ приставѣхъ послали есмя съ нимъ Бориса Голохвастова. И какъ къ вамъ съ останочного стану пришлетъ Рахманинъ и Микита, что они приѣхали на останочной станъ отъ Смоленска, и вы бъ Рахманину велѣли ѣхати съ послы мимо города около посаду, а въ посадѣ бы послы не стояли, а стали бъ проѣхавъ городъ, гдѣ пригожъ; и кормъ бы есте имъ велѣли дати по записи, какова запись дана Рахманину. А къ сестричичу бы есте къ Жигимонтову къ Яну послали встрѣчю сына боярского, которого пригожъ, а съ нимъ бы есте послали дѣтей боярскихъ человѣкъ съ десять, а велѣли бы есте его встрѣ-

тити отъ города верстъ пять или шесть, какъ его напередъ того встрѣчали; да отъ тебя бы ему поклонъ правилъ и о здоровьѣ спросилъ, по тому жъ, какъ напередъ того его спрашивали. А похочетъ Янъ ѣхати къ тебѣ въ городъ съ тобою видѣтися, и ты бъ ему въ городъ велѣлъ ѣхати, и на подворьѣ бы еси его велѣлъ поставити, и къ себѣ итти, и чтилъ его и встрѣчи ему чинилъ, и ѣсти его звалъ и потчивалъ по тому жъ, какъ еси его напередъ то чтилъ, коли онъ ѣхалъ въ Литву и изъ Литвы; да отпустили бъ есте Яна къ Литовскимъ посломъ; а послали бъ есте проводити Литовскихъ пословъ и Яна, Ивана Салтыкова, а съ нимъ дѣтей боярскихъ полтораста головъ, которыхъ пригожъ. А велѣли бъ есте Литовскихъ пословъ проводити отъ Смоленска, не доѣзждая Пречистые Заруба, да, проводивъ бы ихъ, Иванъ воротился назадъ. А не похочетъ Янъ ѣхати къ тебѣ въ городъ, и ты бъ ему велѣлъ дати кормъ отъ меня по записи жъ. А ѣхалъ бы съ Литовскими послы вмѣстѣ. А какъ пришлетъ къ вамъ съ останочного наслега Борисъ Голохвастовъ, что Жигимонтъ пріѣхалъ на останочной наслегъ отъ Смоленска, и ты бъ послалъ на станъ звати его къ себѣ ѣсти Степана Васильева сына Данилова, а на завтрее, на станъ же, послалъ бы еси къ нему встрѣтити его Лугвицу Прозоровского, а съ нимъ бы еси послалъ дѣтей боярскихъ человѣкъ съ пятьдесятъ или съ шестьдесятъ; а велѣлъ бы еси ему ѣхати на станъ да итти къ нему въ избу, да и Степана бъ еси, на завтрее къ нему звати его къ себѣ ѣсти, на станъ же послалъ; да отъ тебя бы ему Лугвица поздравленіе сказалъ, да и о здоровьѣ его спросилъ, по здорову ли дорогою ѣхалъ, а молвилъ бы: Великого Государя Василья, Божіею милостью Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, бояринъ и намѣстникъ Смоленской князь Борисъ Ивановичь велѣлъ тебѣ поздравленіе сказати. А о здоровьѣ по тому жъ молвити государьское имя, а велѣлъ тебя о здоровьѣ вспросити, какъ тебя Богъ милуетъ и по здорову ли еси дорогою ѣхалъ? А въ приставы бъ еси къ нему послалъ изъ города Васюка Олферьева сына Филипова; а Бориса бъ еси Голохвастова отъ Жигимонта не отставливалъ, ѣхалъ бы съ нимъ. А ты бъ ему въ городѣ велѣлъ подворье испрятати, гдѣ пригожъ, чтобы было межъ нашыхъ дѣтей боярскихъ, а Смолнянъ бы было отдалѣ. Да какъ на завтрее пріѣдетъ въ городъ и поставятъ его на подворье, и ты бъ послалъ къ нему на подворье Лугвицу жъ, да съ нимъ Степана Васильева сына Данилова да приставовъ, а молвилъ бы ему отъ тебя Лугвица: поѣдь со мною видѣтися, а Степанъ бы ему молвилъ, чтобъ къ столу поѣхалъ. И какъ пріѣдетъ къ тебѣ, и онъ бы ѣхалъ къ тебѣ на дворъ къ лѣсницѣ въ санѣхъ, и тутъ бы его у лѣсницы встрѣтили Григорей Васильевъ сынъ Данилова да Ушакъ Заецовъ, а съ ними дѣтей боярскихъ человѣкъ пять, шесть или десять. А какъ пойдетъ на лѣсницу, ино бы его въ полулѣсницѣ встрѣтили Юшко Замятнинъ, да Костянтинъ Замытцкой, а на крилцѣ бы его встрѣтили Иванъ Семеновъ сынъ Брюховъ, да Иванъ Бутурлинъ; да тѣ бъ съ ними шли въ сѣни. А ты бъ его самъ встрѣтилъ въ сѣнѣхъ у дверей, а съ тобою бы воеводы и дѣти боярскіе, да съ нимъ бы еси и въ избу шелъ; а пустилъ бы еси его въ избу напередъ себя, а въ избѣ бы еси его по-

садилъ въ лавкѣ въ болшомъ мѣстѣ; а самъ бы еси сѣлъ на другой лавкѣ, да отъ тебя дѣти боярскіе; а какъ будетъ пора ѣсти, и ты бъ съ нимъ самъ шелъ въ другую избу, а въ тѣ поры столы ставятъ. А за столомъ бы еси его посадилъ въ болшомъ мѣстѣ, а въ углѣ отъ него Ивана Поплевина, а самъ бы еси сѣлъ конецъ стола, а отъ него бы еси посадилъ въ лавкѣ сестричича его, да и людей его всѣхъ; а противъ его въ скамьѣ посадилъ бы еси князя Ивана Ушатого, а не взможетъ, и ты Ивана Семенова или Ивана Бутурлина, да у него дѣтей боярскихъ, которыхъ пригожъ, добрыхъ же; а въ кривомъ бы еси столѣ посадилъ, также выборомъ, дѣтей боярскихъ добрыхъ. А берегъ бы еси того, чтобы у тебя за столомъ было чинно, а ѣсти бы ставили и питье подавали послу дѣти боярскіе человѣкъ десять, которымъ будетъ пригожъ, да и твои люди. А какъ тебѣ ему подати пити, и ты бъ ему подавалъ вставши и потчивалъ бы еси его за столомъ по пригожу. А опослѣ стола похочетъ у тебя пити, и ты бъ его уялъ и съ нимъ сѣлъ пити; а какъ будетъ чаша подати, и ты бъ чашу подалъ вмѣстѣ и мою и Максимьянову, а помянулъ бы еси первое мое здоровье, а опослѣ Максимьяново; а поспѣшатъ они подати чашу своего Государя, и ты бъ его не уймалъ, а ты бъ и послѣ ихъ подалъ мою чашу, а помянулъ бы еси меня и Максимьяна. А какъ пивше отъ тебя поѣдутъ, и ты бъ да съ тобою дѣти боярскіе добрые проводили ихъ, вышедши изъ избы, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его встрѣтили. А дѣти боярскіе, которые встрѣчали его, проводили его до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ который встрѣчалъ. А за нимъ бы еси послалъ на подворье съ медомъ сына боярского доброго, а пити бы еси его тамъ не велѣлъ; явилъ бы ему медъ, да прочь пошелъ. А поѣдетъ на подворье вечере, и ты бъ послалъ своихъ людей передъ нимъ до подворья съ свѣчами проводити его. Да изъ Смоленска бы есте его отпустили, а проводити бы его ѣхалъ Иванъ Бутурлинъ, а съ нимъ бы ты, князь Борисъ, послалъ дѣтей боярскихъ человѣкъ двѣсте головъ, которыхъ пригоже, а велѣли бъ его проводити до Заруба и далѣ, гдѣ его встрѣтятъ Литовскіе люди. И Иванъ бы его отдалъ Литовскимъ людемъ, а самъ бы воротился назадъ. А нѣчто его не встрѣтятъ Литовскіе люди у Пречистые на Зарубѣ въ тѣ поры, какъ Иванъ съ нимъ тутъ пріѣдетъ, и Иванъ бы оттолѣ обослался въ Дубровну, что онъ съ Жигимонтомъ пріѣхалъ къ Пречистой на Зарубъ, и они бъ пріѣхавъ у него Жигимонта взяли. Да какъ у него Литовскіе люди возмутъ Жигимонта, и Иванъ бы тогды поѣхалъ въ Смоленескъ. А нѣчто Жигимонтъ до Смоленска съѣдется съ Литовскими людми, да къ Смоленску съ ними пріѣдетъ вмѣстѣ, и вы бъ Жигимонту встрѣчю и честь по моему наказу чинили. А Рахманину бъ есте съ Литовскими послы велѣли ѣхати мимо города, около посада, да, проѣхавъ городъ, стати гдѣ пригожъ, да Жигимонта ждати. А вы Жигимонта чтивъ, да и отпустили. А поѣдетъ Жигимонтъ вмѣстѣ съ Литовскими послы, и вы бы съ нимъ послали тогды провожати Ивана Бутурлина да Ивана Салтыкова; да въ кою пору учнетъ у васъ быти Жигимонтъ, и Иванъ бы Салтыковъ въ тѣ поры былъ у Литовскихъ пословъ, да какъ Жигимонтъ поѣдетъ, и Иванъ бы съ нимъ ѣхалъ. А велѣли бъ есте ихъ проводити, не

доѣзждая Пречистые Заруба; да проводивъ ихъ дотолѣ, да воротили бы ся назадъ. Да какъ Литовскіе послы, Литовскіе и Максимьяновъ посолъ, и Иванъ Бутурлинъ и Иванъ Салтыковъ, проводивъ ихъ, пріѣдетъ въ Смоленескъ, и ты бъ тогды Юшку Замятнину, да Костѣ За *

* Окончанія въ рукописи недостаетъ.

Сей статейный списокъ писанъ на бумагѣ, современною скорописью, на 208 листахъ, въ малую осьмушку. Начала и конца въ рукописи недостаетъ. Первые листы весьма ветхи и по мѣстамъ изорваны; послѣдніе листы также очень пострадали отъ сырости. Весь списокъ переплетенъ книгою въ юфть, съ надписью назади: Цесарск. Двора, 1488—1517, № 1.

II.

СНОШЕНІЯ

Великаго Князя

ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА

съ

ИМПЕРАТОРОМЪ

Максимиліаномъ I.

1517—1519.

7025—1517.

Лѣта 7025, Марта 8, прислалъ къ Великому Князю съ Опочки Василей Салтыковъ грамоту, а писалъ въ грамотѣ, что къ нему прислалъ съ рубежа Гридя Загрязской, а писалъ къ нему въ грамотѣ, что пришелъ на Опотской рубежъ, а съ нимъ вмѣстѣ идетъ къ Великому Князю отъ Максимьяна посолъ его Жигимонтъ Гермонстеръ рыцарь, а съ нимъ сестричичь его Янъ Фантурно, а ѣхалъ на Вилну, да на Полтескъ, да взялъ съ собою изъ Вилны три человѣки Вилневцовъ. И Князь Великій послалъ встрѣчю къ послу Нѣмца, да Захара Долматовыхъ; а велѣлъ Гридѣ ѣхати напередъ къ себѣ на подводахъ, а Жигимонту велѣлъ молвити про тѣ робята отъ намѣстниковъ Новогородкихъ отъ князя Александра Володимеровичя, чтобъ тѣхъ робятъ берегъ, какъ бы отъ него не изгибли, а жили бы у него, прочь бы ихъ не отсылалъ; да Захару велѣлъ съ нимъ ѣхати до Москвы, а Нѣмцу велѣлъ напередъ къ себѣ ѣхати. И Нѣмецъ Долматовъ, пріѣхавъ, сказалъ Великому Князю, что изъ Новагорода послалъ съ нимъ князь Александръ въ приставѣхъ Михаила Шафрова съ товарищи. А Гридя Загрязской пріѣхалъ къ Великому Князю Апрѣля 7 дня, а сказалъ то жъ Великому Князю, что къ нему послалъ Максимьянъ посла своего Жигимонта, а наказъ весь съ Жигимонтомъ, а Григорью отвѣту Максимьянъ никоторого не учинилъ, а говорилъ, сказываетъ, на отпускѣ Григорью: о всѣхъ делѣхъ посылаю къ брату своему къ Великому Князю своего совѣтника Жигимонта. И Князь Великій приговорилъ быти у Жигимонта на Москвѣ въ приставѣхъ Тимоѳѣю Костянтинову сыну Хлуденеву, да съ нимъ Елизару Сергѣеву, да съ нимъ выбралъ ѣздити къ послу пятнадцать сыновъ боярскихъ Москвичь, да тридцать конюховъ.

И Апрѣля 17 дня, прислали отъ посла съ останочного яму приставове вѣсть, что онъ пріѣхалъ на останочной ямъ. И Князь Великій велѣлъ Тимоѳѣю Хлуденеву встрѣтити Жигимонта на дорозѣ у Николы въ Хивску, Апрѣля 18 дня; а встрѣтивъ, велѣлъ его отъ себя о здоровьѣ вспросити, а молвити: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь

и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ, тебя о здоровьѣ вспросити, по здорову ли еси дорогою ѣхалъ? Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ мнѣ, тебѣ подворіе указати. Да послалъ съ нимъ Князь Великій Жигимонту иноходецъ, да съ нимъ же пріѣхалъ сестричичъ его Янъ Фантурно, и Князь Великій послалъ къ нему иноходецъ же. А велѣлъ Тимоѳѣю молвити Жыгимонту: Великій Государь нашъ, Василій, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь жалуетъ тебя, послалъ тебѣ иноходецъ свой въ седлѣ, съ своей конюшни. А Янъ Фантурну, ему иноходецъ жъ дати, а молвити то жъ. Да ѣхати Тимоѳѣю съ нимъ до Москвы, да и на подворье его поставити на княжъ Петровѣ дворѣ Ряполовского; а кормъ ему велѣлъ давати подъячему Останѣ.

И Апрѣль 19, велѣлъ Князь Великій Тимошкѣ Хлуденеву ѣхати къ Жигимонту на подворье у него побывати, да и то ему сказати, что ему быти у Великого Князя во вторникъ Апрѣль 21; а въ понедѣльникъ, Апрѣль 20, велѣлъ Князь Великій Тимошкѣ, послати отъ себя къ Жигимонту Елку Сергѣева, да Власа толмача, а велѣлъ ему молвити Елкѣ отъ Тимошки: сынъ боярской Государя нашего Тимоѳѣй велѣлъ тебѣ молвити: мнѣ у тебя недосугъ сегодни быти, дѣло ми при Государѣ; а говорилъ есми тебѣ вчера самъ, что быти тебѣ у Великого Государя во вторникъ Апрѣль 21, и тебѣ завтра быти у Великого Государя, и ты бъ былъ готовъ.

И Апрѣль 21, Князь Великій Василей Ивановичь всеа Русіи приговорилъ, что ему пригоже по Максимъянова посла послати на подворье сына боярскаго добраго да діака, а встрѣчи ему на дворѣ учинити * двѣ; да которому сыну боярскому ѣхати по него на подворье, тому бы сидѣти за столомъ противъ его, да и его и поити послѣ стола; да приговорилъ Князь Великій, что по него послати на подворье Григорья Ѳомина сына Иванова, да дьяка Мисюря Мунехина, да и Тимошкѣ съ ними жъ велѣлъ ѣхати, а сидѣти въ столѣ противъ его Григорью Ѳомину, да Тимошкѣ Хлуденеву, да Мисюрю Мунѣхину, да Васисилью Тетерину, да и поити его послѣ стола Григорью же Ѳомину и Мисюрю Мунѣхину, да и Василью Тетерину. Да и послалъ Князь Великій по Жигимонта на подворье, въ первые на посолства Григорья Ѳомина, да Мисюря Мунѣхина, да и Тимошкѣ Хлуденеву велѣлъ же по него ѣхати, а напередъ Тимошки велѣлъ Князь Великій ѣхати къ Жигимонту, Власу толмачу, а велѣлъ ему сказати, что Великій Государь послалъ по тебя къ себѣ на посольство своего великого человѣка, который у него въ избѣ живетъ, Григорья Ѳомина сына Ивановича, да діака своего Мисюря, и онъ бы Григорья почтилъ его бы, встрѣтилъ; да велѣлъ князь Великій Григорью ѣхати съ Жигимонтомъ къ себѣ на дворъ. И какъ пріѣхалъ на дворъ, и Князь Великій послалъ его встрѣтити, сшедъ съ лѣстницы у Благовѣщенья въ паперти Шигону Поджогина да Суморока Путятина; а какъ взошелъ на переходы промежъ болшые полаты и середніе, ино его встрѣтили на переходѣхъ у середней полаты, у угла, Михайло Юрьевъ сынъ Захарьича, да дьяки Елизаръ Циплетевъ, да Меншой Путятинъ; да

* Въ подлинникѣ: учити.

шли съ нимъ въ избу къ Великому Князю; и какъ вшелъ въ избу, и явилъ его Великому Князю, челомъ ударити, Михайло Юрьевъ. И Жигимонтъ вшедъ къ Великому Князю, отъ Максимъяна правилъ Великому Князю поздравленіе, да рѣчью говорилъ: Наияснейшій и велеможнейшій Государь! мой свѣтлѣйшій и велеможнейщи Государь послалъ былъ къ тебѣ своего великаго человѣка, своего совѣтника Петра Мурачика, да меня; и Божья воля състалася, на дорозѣ его въ животѣ не стало. И для вашихъ Великихъ Государей дѣлъ язъ пошелъ къ тебѣ ко Государю, а съ своимъ есми Государемъ о томъ не обослался, того дѣля, чтобы дѣло не мотчалось. Да подалъ грамоту вѣрющую.

И Князь Великій велѣлъ Меншому Путянину, молвити Власу толмачу, вспросити Жигимонта, будетъ за нимъ рѣчи не тайные, и онъ бы ихъ говорилъ. И Жигимонтъ говорилъ: о которыхъ язъ дѣлѣхъ посланъ къ Великому Государю, и язъ тѣ рѣчи Великому Государю говорю *

. .

. .

. .

царствъ нашихъ Римскаго 31, а Угорскаго 21. По повелѣнію Цесарского Величества сущему». А на подписи: Наияснѣйшему Начальнику Господину Василію Великому всеа Русіи Государю и иныхъ, брату нашему дражайшему.

А се списокъ посольства I.

Всей вселенней явно есть, како уже многими лѣты христіанскіе Начальники межиусобными бранми и раздоры себя озлобляли и много христіанскіе крови межи себя проливали, и ничто отъ того христіанству пользы учинитись возмогло, занеже невѣрные и врази христіанского имени, сирѣчь Турки и Татарове, того ради смѣлѣе и угоднѣе дѣла свои дѣлати могли и наиболшее число отъ людей бѣднѣ и немилостиве отвели и многіе царства, мѣста и государства у нашихъ поимали, своей власти покорили, якоже и царскій градъ Константинополь и всю Греческую землю, царство Босну и наибольшую страну Сербскую, Далматцкую, Хорватскую и Славонскую, вмѣстѣ съ Модономъ и Короуномъ, и иная многая мѣста, коя вся при нашемъ возрастѣ у нашихъ взято; сія вся отъ единого несогласія Начальникъ произыде. Начальники христіанскіе, коимъ правительства на земли отъ Вседержителя Бога дана суть, чтобы прибавляли вѣру и честь его, и обороняли и защищали общихъ людей, овецъ Христовыхъ, должни суть сія на сердце полагати и мыслію внимати. Того ради Римскій Цесарь Максиміанъ, аки глава отъ особные нѣкоторые Божіей милости отъ начала своего правителства, сія въ сердце обращая и по вся дни помышляя, которымъ бы обычаемъ христіане себя не токмо оборонили, но также и враговъ вѣры прогнали бы; сія не инымъ обычаемъ, токмо преже общій миръ христіанскій учинивъ, быти возможно и чтобъ силы соединеные на враги обратились. И помыслилъ также, коимъ обычаемъ тотъ миръ общій во хрестьянтствѣ учинитись можетъ, не иное посредство обрелъ, токмо давсприіметъ оружіе и главы гордыхъ и величавыхъ, кои такіе раздоры всегда сѣяли, смиритъ и къ повиновенью понудитъ; и того ради коль многіе брани и валки восприіялъ и свершилъ, не хотѣніемъ власти надъ иными роды, или чтобъ то зло-

* За симъ, въ подлинникѣ недостаетъ нѣсколькихъ листковъ.

хотною мыслью чинилъ и радовался о пролитьи крови человѣческоіі, но самъ тѣла и имѣнья не пощадилъ, и самъ своею персоною многажды и всегда на боѣхъ былъ не въ послѣднихъ, но въ первыхъ, и всегда на совокупленныя недруги наѣждая и всегда меншимъ числомъ былъ противу недруговъ; но однако побѣдилъ и прогналъ ихъ. Отъ сихъ всихъ явствено, что Вседржитель * руку свою милостивѣ надъ нимъ дръжалъ, и къ той своей славѣ прибавляемоіі и вѣрѣ устроилъ дѣло, нынѣ даже до сего времени довелъ, что наивышшей Рымскоіі архіерей, со всею Италейскою землею, въ его дружбѣ и завѣщанье соединилисъ. И Испанскіе королевства Кастилское и Арагонское, Гранатцкое и Легіонское, Наополское и Киликейское, вмѣстѣ со иными, коихъ числомъ дватцать и шесть, кои вѣ православный Король, Кароль, внукъ его Величества, сынъ Королевъ Филиповъ, нынѣ покойнѣ наслѣдствуетъ и правитъ. Король Португальскій, сродникъ его занже Цесарского Величества мати, благочестные памяти, была отъ Королей Португалскихъ. А Король Англѣйскій и Гиберньскій, уже многими лѣты въ дружбѣ и завѣщаньѣ былъ съ Цесарскимъ Величествомъ; а нынѣ, во осмый день мѣсяца Декабря прошедшаго лѣта, новое завѣщаніе учинили и вѣчныіі союзъ заклали, что своима видялъ есми очима. Король Датцкій, Свѣйскій и Норвѣйскій и иныхъ, Его Величества братъ и сынъ, занежъ Его Цесарского Величества онъ внуку про жену имѣстъ. Также Король Угорскій, Ческій, Далматскій и Харватцкій и иныхъ, Его Величества внуку про жену имѣетъ, и тотъ тѣломъ и кралевствы нынѣ въ Цесарского Величества въ рукахъ и во власти. Король Полскій положился о всѣхъ несогласіяхъ на Его Цесарское Величество. О Твоей Наяснocти, мало изрѣку, зане Твоа Наяснocть самъ въ настоящихъ есть и вѣдаетъ тое братскую любовь единого къ другому. А осталися нынѣ Король Фрянцовскііі, да Венецѣянской, всегда, и по вся дни противлялися, и дѣло свое особное предполагающе дѣлу общему, христьанскому, и по многіе и лѣта бранясь съ Цесарскимъ Величествомъ, коихъ убо во время отъѣзда моего навелъ, что и тѣ миру похотѣли и дѣлали тогды о томъ; и потомъ уразумѣлъ есми, тотъ миръ заключенъ, а ихъ во всемъ благоугодьи Цесарскому Величеству быти готовыхъ. Нынѣ обозритъ человѣкъ вселенную отъ востока на западъ, отъ полудни на сѣверъ: никого отъ началникъ нѣкоего имени и власти въ христіанѣхъ, кой бы не былъ Цесарскому Величеству сродствомъ, братствомъ или завѣщаньемъ не соединенъ, найдетъ. И никоторое несогласіе межъ всѣхъ тѣхъ нынѣ бываетъ, кромѣ Твоее Наяснocти и Короля Жигимонта Полскаго, кое какъ будетъ укрочено, и его Цесарское Величество свое умышленіе къ желаемому концу приведе; и есть несумнѣнные надежи, что добро христіанское можетъ прибавитися, и не будетъ каятись о трудѣхъ, потѣхъ, и бѣдахъ, и протравахъ.

И тоя ради вины, мощнѣйшіі меня къ Вашей Наяснocти послалъ, да Вашу Наяснocть егоименемъ братцкимъ прошеніемъ воспомяну, чтобы Ты нынѣ внялъ рѣчи изъявленные, и въ первыхъ, ко чести Вседржителя Бога и Его непорочные Матери

* Въ подлинникѣ: Вседръжпль.

Дѣвы Марьи и ко угодью всего христіанства, и послѣ, воспомнная, колико возмогутъ земли и люди Твои корысти и добра отъ миру спискати, также отъ брани колико зла. Тако же воспомянути, коль сумнѣнны бранные случаи и ко отложенью пролитья христіанскіе крови, и Его Цесарскому Величеству тое честь попустити, да нѣкоторыйі миръ честенъ межъ Твоее Наиясности и Короля Полскаго заключити возможетъ. Кое Его Цесарское Величество отнюдь уповаетъ, того не оторчися, и не помѣшна быти на добро христіанское и егда Твоа Наиясность того похочетъ, и Его Цесарское Величество есть тое надежи, съ Твоею Наиясностью и иными Началники христіанскими братцкою любовію въ вѣки жити и многая дѣла дѣлати. И какъ буду имѣти отвѣтъ на се, и мнѣ приказано пространнѣе о томъ мирѣ съ Твоею Наиясностью дѣлати. Какъ нынѣ въ Вилнѣ у наияснѣйшаго Короля Полского былъ есми, видѣлъ есми посла Турскаго, когда словомъ говорилъ и писаньемъ изъявилъ, что Царь его побѣдилъ великаго Солтана, Дамаскъ и Ерусалимъ, и всѣ его государства силою взялъ; и толко бы язъ того отъ нѣкоторого честволодного, кой изъ тѣхъ мѣстъ пріѣхалъ, не разумѣлъ, и язъ бы тому не вѣрилъ; сеа Твоей Наиясносности восхотѣлъ изъявити и къ рѣчемъ Цесарскаго Величества приложити, и коли Туркове, безъ тѣхъ достатыхъ силъ толико чинили, что нынѣ, соединивъ тѣ силы, помыслятъ чинити?

И Апрѣль 22, Князь Велики Василей Ивановичь всеа Русіи, выслушавъ рѣчи посолства Жигимонтова, приговорилъ съ бояры, что противъ его рѣчей отвѣтъ ему велѣти учинити, что ся у него къ тому * избраннаго Цесаря Римскою и навышшего Короля Максимліяна, что напередъ сего времени нѣкоторые христьянскіе Государи промежъ себя не въ согласіѣ были, такъ и съ Его Величествомъ брата нашего избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ Максимиліяномъ въ завѣщаньѣ не были и тѣмъ несогласіемъ Началники бесерменскіе много хрестіанскіе крови пролили, и многіе тамъ государства хрестьяньскіе за себя превратили.

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостью Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и братъ нашъ, избранныйі Цесарь Римскій и навышшій Король Максимиліанъ о томъ помыслилъ и на то подвизался, чтобы хрестьянскіе Государеве промежъ себя въ согласьѣ были, чтобы отъ бесерменства кровь хрестьянская не лилася и государства бы хрестьянскіе за хрестьянскими Государи были.

Шыгона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и нынѣ ты намъ говорилъ отъ брата нашего отъ избраннаго Цесаря Римского ** и навышшего Короля Максимиліяна, что Божьимъ велѣніемъ съ братомъ нашымъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ Максимиліяномъ, его умышленьемъ и труды многіе Государеве хрестьянскіе, вначалѣ Римскій папа, со всею Италѣйскою землею, и двадесятъ и шесть Королей съ нимъ въ согласіе и въ миру въ вѣчномъ учинились, а осталися Король Френцовскій и Венецѣяне, которые въ согласіѣ не были и особно

* Здѣсь, въ подлинникѣ недостаетъ одного листка.

** Въ подлинникѣ: Римскому.

противъ его, брата нашего избраннного Цесаря Римского и навышшего Короля Максимиліяна брань творили, но и тѣхъ нынѣ Божьимъ велѣніемъ братъ нашъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король на миръ обратилъ.

Григорей жъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостью Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и мы то нынѣ слышевъ, что Божьимъ велѣніемъ брата нашего, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля Максимиліяна умышленіемъ и труды, вначалѣ папа Римскій и двадесятъ и шесть Королей съ нимъ въ согласіѣ и въ вечномъ миру учинились, а Френцовского и Венецѣянъ на миръ обратилъ, тому есмя сердечно порадовались; а впередъ завсе того просимъ у Господа Бога, Вседржителя, чтобъ Божіимъ велѣньемъ брата нашего, и нашы, и всего хрестьяньства враги нами покорены были.

Меншей говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: да говорилъ еси намъ отъ брата нашего отъ избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, отъ Максимиліяна, что и Король Полскій о всѣхъ несогласіехъ положился на братѣ нашемъ на Максимиліянѣ, избранномъ Цесарѣ Римскомъ и навышшемъ Королѣ.

Меншей жъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и ты намъ говорилъ отъ брата нашего, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, отъ Максимиліяна, что которые дѣла межь насъ съ нашымъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ сстались и крови христіанскіе много пролилося, и намъ бы для брата нашего прошенья, ту брань поставя, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись, чтобъ какъ впередъ кровь хрестьянская не лилась.

Меншей жъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино брату нашему избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю Максимиліяну, гораздо вѣдомо, что та брань межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ и кровопролитье хрестьянское състалось не съ нашіе стороны, състалась та брань и кровопролитье хрестьянское съ Жигимонтовы королевы стороны; а мы, какъ напередъ того не хотѣли того видети, чтобъ кровь хрестьянская лилась, такъ и ныне того не хотимъ видети, а просимъ того завсе у Господа Бога Вседржителя, чтобъ какъ далъ Богъ нами, хрестьянскими Началники, хрестьянство завсе въ тишинѣ и въ сохраненіи нашемъ было.

Юрій говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино и напередъ того братъ нашъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король Максимиліянъ, приказывалъ къ намъ съ своими послы и съ посланники и съ гонцы, и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писалъ, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись; и мы къ брату своему, къ избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю къ Максимиліяну, съ своими посланники и съ гонцы въ грамотахъ въ своихъ писали и словомъ приказывали: похочетъ съ нами нашъ недругъ Жигимонтъ Король миру, и онъ бы прислалъ къ намъ своихъ пословъ по тому жъ, какъ напередъ того

присылалъ къ намъ своихъ пословъ; и пришлетъ къ намъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ, и мы для брата нашего Максимліана, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшаго Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже.

Григорей * говорилъ: Великій Государь Василій, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино мы и ныне для брата нашего, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля Максимиліяна прошенія, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ.

Шыгона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: да говорилъ еси намъ отъ брата нашего, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля отъ Максимиліана, что братъ нашъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король Максимиліянъ, какъ учинился съ нами въ завещаньѣ и въ вѣчномъ миру, и онъ съ нами въ томъ завѣщаньѣ и въ вѣчномъ миру и до вѣка хочетъ быти, и дѣла всѣ хочетъ съ намъ дѣлати заодинъ.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостью Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино то братъ нашъ, избранный Цесарь Римскій, навышшій Король Максимиліанъ дѣлаетъ гораздо, что какъ учинился съ нами въ завѣщаніѣ и въ вѣчномъ миру, и онъ по тому хочетъ съ нами быти и до вѣка, и дѣла всѣ хочетъ съ нами дѣлати заодинъ; а мы съ своимъ братомъ, съ избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ съ Максимиліяномъ, также какъ учинилися съ нимъ въ завѣщаньѣ и въ вѣчномъ миру, и мы съ нимъ хотимъ быти и до вѣка, и дѣла всѣ съ нимъ хотимъ дѣлати заодинъ.

И Жигимонтъ, выслушавъ отвѣтъ, говорилъ боаромъ: которые есте рѣчи мнѣ отъ Великого Государя говорили и язъ тѣ рѣчи выслушалъ и вразумѣлъ гораздо, и которые рѣчи язъ говорилъ отъ своего Государя Великому Государю, и Великій Государь на то мнѣ на все отвѣтъ свой учинилъ. И Государь мой Максимиліянъ напередъ того къ брату своему къ Великому Государю писалъ, и съ его посланникомъ съ Васильемъ съ Тетеринымъ приказывалъ, чтобъ Великій Государь изволилъ пословъ своихъ послати къ Датцкому Королю или къ иному христіанскому Государю, а Жигимонтъ Король пошлетъ своихъ пословъ, а Государь мой Максимиліянъ также пошлетъ своихъ честныхъ людей, чтобъ межъ Великимъ Государемъ и Жигимонтомъ Королемъ передъ его послы миръ сстался; и Великому Государю то не требе отъ моего Государя. И язъ имѣлъ въ наказѣ отъ моего Государя о миру Великому Государю съ Жигимонтомъ Королемъ, чтобъ Великій Государь послалъ своихъ великихъ пословъ на границу на Литовскую въ свой городъ, которой его городъ съ рубежа съ Литовскаго, а Жигимонтъ Король пришлетъ своихъ пословъ въ свой городъ, которой его городъ съ рубежа. А меня, былъ, Государь мой, да моего товарища Петра Марескаго, послалъ на то, что было намъ межъ ихъ ѣздити о согласіи межъ Великаго Государя и Короля Полского; и язъ ѣдучи и самъ видѣлъ да и слышелъ, что тѣ украинные городы всѣ вызжены и вывоеваны, ино туто

* Въ подлинникѣ: Григой.

посломъ нѣгде быти, и намъ ѣздити межъ пословъ попусту не требе; а толко бы Государь такъ изволилъ, ино было быти Великого Государя посломъ въ Смоленску, а королевымъ посломъ въ Дубровнѣ или въ Оршѣ; или Великого Государя посломъ быти на Лукахъ или на Опочкѣ, а королевымъ посломъ въ Полотцку; и тѣ мѣста, слышимъ, всѣ пусты, ино Великому Государю тамъ пословъ своихъ слати непригожъ. А другое моего Государя прошенье то: толко не похочетъ Великій Государь послати своихъ пословъ на границу Литовскую, и Великій бы Государь послалъ въ Ригу пословъ своихъ, а Король также пошлетъ пословъ своихъ; и Великій бы Государь нынѣ, для прошенья брата своего Максиміана, послалъ пословъ своихъ въ Ригу, а Король пошлетъ въ Ригу жъ пословъ своихъ, а мы, по Государя своего приказу, о миру и о согласьѣ промежники будемъ.

И бояре Жигимонту о томъ отъ себя то говорили: и напередъ сего Максимліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король писалъ и приказывалъ къ Великому Государю, чтобъ послати Великому Государю пословъ къ Датцкому Королю, или къ иному Государю христіанскому, а Жигимонтъ также пошлетъ пословъ своихъ; и Государь нашъ къ брату своему къ Максимиліану о томъ писалъ и приказывалъ и неодинова, что ему пословъ своихъ къ Датцкому Королю ни индѣ, нигдѣ слати не пригожъ; а похочетъ Жигимонтъ Король съ Великимъ Государемъ миру, и онъ бы прислалъ своихъ пословъ къ Великому Государю, и Государь нашъ, Великій Государь, для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже.

И Жигимонтъ говорилъ бояромъ: пожалуйте, тѣ мои рѣчи донести до Государя, чтобъ Государь въ Ригу послалъ своихъ пословъ; и бояре шедъ, сказали то Великому Князю. И Князь Великій выслалъ къ нему боаръ же, а велѣлъ ему о томъ отвѣчати.

И бояре ему говорили: которые рѣчи ты намъ говорилъ, и мы тѣ твои рѣчи донесли до Государя, и Великій Государь Василей, Божьею милостью Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: ино мы какъ учинились съ братомъ своимъ съ Максимиліаномъ въ любви и въ завѣщаньѣ, по тому хотимъ брату своему и правити, и о дѣлѣхъ его о всѣхъ, какъ есмя напередъ того подвигъ свой держали, такъ и нынѣ и впередъ о дѣлѣхъ брата своего подвигъ свой хотимъ держати. А о томъ и напередъ сего къ брату своему приказывали есмя и писали въ своихъ грамотахъ съ своими послы и посланники, также и съ его послы и посланники писали и приказывали и неодинова, что намъ своихъ пословъ къ Датцкому Королю ни индѣ, нигдѣ не посылывати; а похочетъ нашъ недругъ съ нами миру, и онъ бы послалъ къ намъ своихъ пословъ; и пришлетъ къ намъ нашъ недругъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ, и мы для брата своего Максимиліана, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ; а пословъ намъ своихъ одноличио никуды не посылывати. Да говорили о томъ бояре съ Жигимонтомъ въ разговорѣ много, что Великому Государю пословъ своихъ слати не пригожъ; а о томъ Жигимонтъ положи ты на своемъ

разумѣ: пригоже ли Король такъ чинитъ, посылаетъ къ Максиміліану о томъ, чтобы Государь нашъ послалъ гдѣ на границу своихъ пословъ, а пословъ своихъ слати ко Государю нашему не хочетъ, вставливаетъ новины, а старины не памятуетъ, какъ напередъ того было? Хотѣлъ бы Король правды, и онъ бы посылалъ къ Максиміліану о томъ, чтобъ ему пословъ своихъ слати къ Великому Государю по старинѣ, по тому, какъ напередъ сего присылалъ Король своихъ пословъ къ Великому Государю; и напередъ сего которые дѣла были брату его Александру Королю съ отцемъ Государя нашего съ Великимъ Государемъ Иваномъ, Божьею милостію Царемъ и Государемъ всеа Русіи и Великимъ Княземъ, и Александръ Король присылалъ своихъ пословъ къ Великому Государю, и дѣла всѣ дѣлалися у нашего Государя. А какъ Божья воля ссталась, Великаго Государя Ивана въ животѣ не стало, а Александра Короля въ животѣ жъ не стало, и Государю нашему, Великому Государю Василью, Божіею милостію Царю и Годударю всеа Русіи, и Великому Князю съ Жигимонтомъ Королемъ дѣло ссталось; и Жигимонтъ Король ко Государю же нашему присылалъ своихъ пословъ, и дѣла всѣ дѣлалися у нашего Государя. А и отъ иныхъ отъ многихъ Государей приходятъ послы къ нашему Государю, и дѣла всѣ дѣлаются у нашего Государя; а похочешь, и мы тебѣ и грамоты покажемъ, которые ся грамоты заключили у нашего Государя.

И Жигимонтъ говорилъ: язъ и вамъ, своимъ господамъ вѣрю, а грамотъ мнѣ чего для смотрити? Да говорилъ то жъ, чтобъ Великій Государь пословъ своихъ послалъ на границы, и толко Великій Государь похочетъ слати своихъ пословъ на границы, и язъ бы послалъ напередъ своего человѣка въ Литву съ грамотою, и Король часа того пришлетъ своихъ пословъ на границы.

И бояре у него много отговаривали; и онъ говорилъ, чтобъ есте учинили любовъ, ту бы есте рѣчь донесли до Государя, чтобъ Государь послалъ на границу Литовскую своихъ пословъ. И бояре отговаривали то у него много, да шедъ, сказали то Великому Князю.

И Князь Великій выслалъ къ нему бояръ же своихъ, а велѣлъ ему отвѣчати то жъ, что Великому Государю, своихъ пословъ никуды не посылывати, а похочетъ Жигимонтъ Король миру, и онъ бы прислалъ къ Великому Князю своихъ пословъ, и Великій Государь для брата своего Максиміліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, миру съ нимъ хочетъ, какъ будетъ пригоже.

И Жигимонтъ говорилъ: коли то Великому Государю не требе, что ему на границу пословъ своихъ слати, ино язъ иного наказу отъ своего Государя не имѣю, опричь того; а будетъ требе Великому Государю, ино язъ отселѣ пошлю въ Вилну къ Королю своего племянника, или раба съ грамотою, а напишу къ нему въ грамотѣ, подвизаючи его на то, чтобы онъ послалъ къ Великому Государю своихъ пословъ; и похочетъ того Король, чтобъ ему послати къ Великому Государю пословъ и онъ пришлетъ къ Великому Государю о опасной грамотѣ на свои послы; а иного наказу отъ своего Государя не имѣю.

И бояре сказали Великому Князю, и Князь Великій высылалъ къ нему бояръ же, а велѣлъ ему молвити: ко-

тоторые еси рѣчи намъ говорилъ, и мы тѣ рѣчи слышали и вразумѣли, и Государь нашъ велѣлъ тебѣ ѣхати на подворье. Да велѣлъ Князь Великій ѣхати съ нимъ на подворье Григорью Ѳомину, да Мисюрю Мунехину, проводити его до подворья. Да говорилъ Князь Великій съ братьею и съ бояры, дати ли ему послати въ Литву племянника, или не дати, и толко не дати послати, ино то дѣло порвати; да приговорилъ, что пригожъ дати ему, послати ему къ Королю въ Вилню племянника его, съ грамотою.

И Апрѣль же 26 д., велѣлъ Князь Великій Максимиліянову послу Жигимонту быти на дворъ; посылалъ по него на подворье Григорья же Ѳомина да Мисюря Мунехина. Икакъ Жигимонтъ пріѣхалъ на дворъ, и встрѣчи ему были по тому же, какъ ему были встрѣчи напередъ того. И какъ пришелъ Жигимонтъ къ Великому Князю, и Князь Великій звалъ его къ руцѣ, да велѣлъ ему сѣсти, и какъ посидѣлъ мало, и Князь Великій велѣлъ ему итти въ набережную полату, да высылалъ къ нему бояръ же Григорья Ѳедоровича, да Юрья Малого, да Шигону, да Меншого Путятина. И бояре ему говорили: онomедни говорили есмя тебѣ отъ своего Государя, что ты говорилъ нашему Великому Государю отъ брата его, отъ Максимиліана, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, чтобъ Великій Государь, для брата своего Максимиліяна, съ Жигимонтомъ Королемъ помирился, а послалъ бы своихъ пословъ въ Ригу, или на ницу Литовскую; и мы тебѣ отъ . . . Государя говорили, что Государь нашъ, Великій Государь съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, а пословъ ему своихъ никуды не посылывати. И ты намъ говорилъ: коли то Великому Государю не требе и пословъ своихъ въ Ригу и на границу не хочеть слати, и тебѣ бы послати къ Жигимонту Королю въ Вильну сестричича своего Яна съ грамотою на то его подвигнути, чтобъ Король послалъ своихъ пословъ къ Великому Государю. И Великій Государь велѣлъ тебѣ молвити: и коли ты насъ о томъ просишь, чтобы намъ тебѣ ослободити, послати въ Вилну къ Жигимонту Королю сестричича своего , и ты посылай; а мы ему подво . . . по своимъ землямъ велимъ давати и кормъ, да и проводити его велимъ, и отдати его велимъ Литовскимъ людемъ цѣла, здрава; а ѣхати твоему сестричичю на Государя нашего городы: на Можаескъ, да на Вязму, да на Дорогобужъ, да на Смоленскъ, а изъ Смоленска его пошлетъ бояринъ Государя нашего, проводити и отдати Литовскимъ людемъ.

И Жигимонтъ говорилъ: чтобъ Великій Государь мою грамоту послалъ съ своимъ посланникомъ на границу Литовскую, того дѣля, чтобъ Великому Государю сумнѣнія не было, занже язъ не городовъ смотрити пріѣхалъ, пріѣхалъ язъ отъ своего Государя къ Великому Государю о ихъ великихъ дѣлѣхъ.

И боя . . . вспросили: которого для дѣла говоришь? И Жигимонтъ говорилъ: ѣхалъ есми къ Великому Государю мимо его въ отчину великій Новгородъ, и ко мнѣ присылалъ бояринъ и намѣстникъ Великого Государя князь Александръ Володимеровичь, а говорили мнѣ отъ него: ѣдутъ съ тобою три Литвины, и ты бъ ихъ велѣлъ беречи, чтобъ, ѣдучи, никуды на сторону не сворачивали, или бы язъ

ихъ назадъ воротилъ; и язъ того дѣля вамъ говорю, что язъ не лазучити пріѣхалъ.

И бояре у него то поотговорили, а говорили ему: нѣчто тебѣ бояринъ Государя нашего велѣлъ говорити о тѣхъ людехъ того для, что Жигимонтъ Король Великому Государю нашему недругъ, а люди Жигимонта Короля съ тобою, а дѣла того не вѣдалъ, о какомъ ты дѣлѣ идешь къ Великому Государю, и отъ того дѣля, того поберегъ, что Государь нашъ съ Жигимонтомъ Королемъ не въ дружбѣ; и ты бъ себѣ о томъ сумнѣнья никотораго не держалъ.

И Жыгимонтъ говорилъ: язъ то вамъ сказалъ того дѣля, чтобы себѣ Великій Государь не помнилъ ничего, коли Великому Государю о томъ сумнѣнья не будетъ, что мнѣ племянника своего послати, и язъ своего племянника съ грамотою пошлю къ Жигимонту Королю. А во се грамота, какову шлю съ своимъ сестричичемъ, и вы еѣ вычтите!

И бояре ему говорили: просилъ ты Великаго Государя, чтобы тебѣ къ Жыгимонту Королю послати своего сестричича съ грамотою. И Великій Государь нашъ тебѣ ослободилъ, послати къ Жигимонту Королю; и ты въ той грамотѣ пиши, что будетъ тебѣ требе писати, а намъ та грамота чего дѣля чести? И Жигимонтъ на то бояръ понулилъ, чтобъ они грамоты послушали, и бояре грамоту велѣли чести.

Да посидѣвъ мало, бояре ему говорили: говорили есмя тебѣ, что Жигимонтъ Король вставливаетъ новины, и ты бъ посмотрилъ въ грамоты, какъ дѣла дѣлалися межъ Великихъ Государей еще при отцѣ Государя нашего, при Великомъ Государѣ Иванѣ, Божьею милостію Царѣ и Государѣ всеа Русіи и Великомъ Князѣ. Присылалъ о докончаніѣ Александръ Король своихъ пословъ, и то дѣло дѣлалося у нашихъ Государей. А послѣ того опять дѣло ссталося Государю нашему съ Александромъ Королемъ, и Александръ Король присылалъ о докончаніѣ ко Государю нашему своихъ пословъ, и то дѣло здѣсь же сдѣлалося. Опять, какъ Божья воля сталась, Великаго Государя нашего Ивана, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великаго Князя въ животѣ не стало, ино присылалъ о докончаніѣ Жигимонтъ Король своихъ пословъ ко Государю же нашему къ Великому Государю Василью, Божьею милостію Царю и Государю всеа Русіи и въ Великому Князю, и дѣло межъ ихъ здѣсь же сдѣлалось. И ты послушай тѣхъ грамотъ, и приписи у тѣхъ грамотъ, какъ ко Государю къ нашему Александрьвы королевы послы на грамотахъ крестъ цѣловали и печати свои приклали.

И Жыгимонтъ говорилъ: и напередъ сего есмя вамъ, своимъ господамъ, говорилъ, что и вамъ, своимъ господамъ, въ томъ вѣрю. А коли мнѣ о томъ говорите, что бы мнѣ тѣхъ грамотъ посмотрити, и вы намъ прочтите ихъ. И бояре передъ Жигимонтомъ посломъ велѣли чести припись у грамоты, что здѣсь сдѣлали послы Петръ Яновичь, да Янъ Яновичь, а другую припись на перемирной грамотѣ, что здѣсь дѣлалъ Петръ Мишковской съ товарищы, а третью припись велѣли чести докончалной грамоты Жигимонта Короля съ Великимъ Княземъ съ Васильемъ, что дѣлалъ Станиславъ Глѣбовъ съ товарищы.

И Жигимонтъ говорилъ: слышелъ есми и вразумѣлъ гораздо, и напередъ сего есми вамъ, своимъ госпо-

дамъ и совѣтникомъ Государскимъ говорилъ, что и вамъ вѣрю; а нынѣ видѣнье паче слуха увѣряетъ. Да говорилъ, чтобъ Государь моего племянника велѣлъ проводити, а ѣхати ему съ однымъ паробкомъ.

И бояре шедъ сказали то Великому Князю, и Князь Великій выслалъ къ нему бояръ же Григорья, и Юрья, и Шигону и Меншего, а велѣлъ его въспросити: какова съ собою человѣка емлетъ, Нѣмчина ли, или Литвина? И Жигимонтъ сказалъ, что емлетъ съ собою своего человѣка Нѣмчина.

И Князь Великій велѣлъ ему къ себѣ итти. Да какъ къ нему шелъ, и Князь Великій подавалъ ему медъ въ кубкѣхъ, да отпустилъ его на подворье; а сестричича его Яна того дни Князь Великій и отпустилъ. А напередъ его, послалъ Князь Великій въ Смоленскъ Юшка Гундорова, а велѣлъ ему проводы изъ Смоленска учинити. А съ Яномъ послалъ Князь Великій въ приставѣхъ до Смоленска и за Смоленскъ Русина, да Лобана Бортеневыхъ. А поѣхали съ Москвы на третьей недѣлѣ по велицѣ дни во вторникъ, Апрѣль 27 д.

Іюня. писали къ Великому Князю изо Пскова намѣстники князь Иванъ Шуйской и Андрей Сабуровъ, что ѣдуть къ Великому Князю отъ Максимьяна его люди Ѳрянцъ, да Володя, да Яковъ съ грамотою; и какъ пріѣхали на Москву, и Князь Великій велѣлъ у нихъ въ приставехъ быти Елкѣ Сергѣеву, а велѣлъ ихъ встрѣтить Елкѣ на всполье за посадомъ; а велѣлъ ему молвити: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ мнѣ, вамъ подворье указати и кормъ давати, да велѣлъ, съ ними ѣхати на подворье.

И Іюля 11, приказалъ Жигимонтъ съ Тимоѳѣемъ съ Хлуденевымъ къ боаромъ, чтобъ ему велѣлъ Князь Великій на дворѣ быть: пріѣхали отъ моего Государя къ Великому Государю его пославники съ грамотами, и рѣчи имъ наказаны отъ моего Государя къ Великому Государю.

И Іюля 12, велѣлъ Князь Великій Жигимонту быти на дворѣ, да и Ѳрянцу, и Володѣ, и Якову. А велѣлъ его встрѣтити, сшедъ съ переходовъ у Благовѣщенья, Шыгонѣ Поджегину да Сумароку Путятину; а напереходехъ у палаты, у угла, велѣлъ его встрѣтити околничему своему Василью Яковличю, да дьякомъ Ивану Телешову, да Меншому Путятину. А какъ вшелъ въ избу, и Князь Великій ему руку далъ, да велѣлъ ему сѣсти. И посидѣвъ мало Жигимонтъ говорилъ: пріѣхали отъ моего Государя отъ Максиміяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, его люди, а приказалъ мой Государь Тебѣ, брату своему Великому Государю Василью Божьего милостію Царю и Государю всеа Русіи, поздравленіе.

И Князь Великій, вставъ, въспросилъ о Максиміяновѣ здоровіѣ. И Князь Великій велѣлъ ему итти въ набережную полату, а рѣчей тутъ не говорилъ потому, что приказывалъ къ Великому Князю съ Тимошкою съ Хлуденевымъ, чтобъ къ нему высылалъ своихъ совѣтниковъ. И Князь Великій высылалъ къ нему казначея своего Юрьа Малого, да Шыгону Поджегина, да Меншого Путятина, да дьяка своего Труфана.

И Жигимонтъ говорилъ: прислалъ къ Великому Государю Государь мой Максиміанъ своихъ людей, а съ ними послалъ къ Великому Государю

свою грамоту. А во се грамота! А чаю, что та грамота писана о томъ же дѣлѣ, что Государь мой писалъ и ко мнѣ въ грамотѣ, что послалъ ко мнѣ въ товарищы своего совѣтника Витастерна; да подалъ свою грамоту. И въ грамоте писано: послалъ есми тебѣ въ товарищи своего совѣтника Витастерна въ Петрово мѣсто. А рѣчью говорилъ: принесли ми Государя моего люди, что Өрянцовской Король и Венецѣяне прислали къ Государю моему своихъ пословъ, великихъ людей. И Государь нашъ о сякову пору, чаю, съ ними вѣчной миръ учинилъ. И для доброго согласія Государь мой города имъ ихъ Вроны поступился, которой былъ взялъ у Венецѣянъ. И нынѣ Государь мой дѣла не имѣетъ никоторого, только ѣздитъ на потѣху.

И Князь Великій велѣлъ ему итти къ себѣ; да звалъ его къ себѣ ѣсти, да и Володю съ товарищы. И ѣли того дни у Великого Князя; а съ медомъ Князь Великій за Өрянцомъ и за Володею и за Яковомъ не посылалъ.

А се грамота со Өрянцомъ и съ его товарищы: «Максимиліанъ, Божьею милостію Римскій Цесарь, всегда августъ, и Германскій, Угорскій, Далматскій, Кроатскій и иныхъ Король, Арцыдука Аустрьскій, Дука Бургуньскій, Бробанскій и иныхъ, Комитъ Полатинскій и иныхъ. Наияснѣйшій Началниче, братъ и сродникъ дражайшій, поздравленіе и братскіе любви непрестанное прибавленіе! Послали есмя напередъ сего къ Ясности Вашей честныхъ, вѣрныхъ намъ любимыхъ Жигимонта Герберстена да Петра Маретского, совѣтниковъ и пословъ своихъ, но тотъ Петръ отъ немощи на пути изшолъ, и въ его мѣсто благороднаго, вѣрного намъ любимаго Витастрепа, совѣтника нашего, которой рѣченнаго Жидимонта елико скорѣе возможетъ, послѣдовати поспешитъ, послали есмя кто Жидимонту; того ради изъявити изволихомъ, якожъ и съ настоящими данные грамоты наши изъявляемъ, кои Ясность Ваша ему отдати; и будетъ еще тамо не пріѣхалъ, отворити, и отворены дажъ до его пріѣзда сохранити, да изволитъ, вещь въ томъ намъ любезну да учинишь, достойная противу вамъ воздадимъ. Данъ въ градѣ нашемъ Рудвербѣ, въ 11 день мѣсяца Марта, лѣта Господня 1517, кралевства нашего 32, а Угорскою 27. «По повелѣнью Цесарскаго Величества сущему.

И тогожъ дни Іюля 12, пришла къ Великому Князю вѣсть изъ Смоленска, что ѣдетъ изъ Литвы Жигимонтовъ сестричичь Янъ. И Князь Великій велѣлъ съ нимъ ѣхати въ приставѣхъ Русину Бортеневу до Москвы, и на подворье его велѣлъ отправадити къ Жыгимонту.

И Іюля въ 14, приказалъ Жигимонтъ съ Тимошкою къ бояромъ: пріѣхалъ ко мнѣ изъ Вилны сестричичъ мой Янъ, и бояре мнѣ гдѣ съ собою велятъ видетись? имѣю на то отвѣтъ, чего ради есми его посылалъ. И Князь Великій послалъ къ Жигимонту на подворье Шигону Поджегина, да діаковъ своихъ Меншого Путятина, да Труфона Ильина. И пріѣхавъ къ Жигимонту на подворье Шигона, ему говорилъ: приказалъ еси хъ бояромъ Государя нашего, чтобы бояре донесли до Государя, что къ тебѣ пріѣхалъ изъ Вилны сестричичъ твой Янъ, и тебѣ бы ся съ бояры видети; и Государь нашъ прислалъ къ тебѣ насъ: Шигона дьяковъ сказалъ, а діаки Шигону сказали, и которые рѣчи имѣешъ, и ты

ихъ намъ скажи, и мы то до Государя донесемъ. И Жигимонтъ далъ запись, а словомъ говорилъ то жъ, что въ записи писано. А се запись, что далъ Жигимонтъ, какъ сестричичь его пріѣхалъ изъ Вилны:

Именемъ священнѣйшаго Римского Цесаря Максимиліана и иныхъ отъ наиясвѣйшаго Господина, Господина Жигимонта, Полского Короля, просилъ есми своими грамотами, что бы изволилъ, любви для Цесарского Величества, своихъ посланниковъ или пословъ о миру четномъ и пригожемъ сюда послати здѣлати и заключити, и приложилъ есми обычае, которой мыслите до сѣхъ мѣстъ имѣвъ. Первое, приказываетъ о продолженіи отвѣта, того дѣля, что совѣтники его Литовскіе при немъ не были, а наиболшее немощь племянника моего, коего къ его Наиясности посылалъ есми. Отвѣтъ даетъ, все, что для братцкіе любви Цесарского Величества и для общаго хрестіянскоугодья учинить можетъ, всегда хочетъ быти готовъ и миръ взяти и дръжати съ хрестьянскими Началники, да въ едино совокупивъ силу противу Турского, врага хрестьянского имени, кои на розвь противитись не могутъ, а его сила всегда прибываетъ и отъ того тяжкая пагуба намъ належитъ, дабы нѣчто про честь Вседержителя Бога учинитись возмогло. И то дѣло отъ Цесарского Величества обѣимъ Государямъ сказано, видится его Кралевскому достоинству честно и никому тяжко. А о обычаѣ отвѣтъ даетъ сугубно посланномъ, то не вводитъ обычая, ниже хочетъ, ни нынѣ, ни впередъ такому быти обычаю. А что не давно говорилъ есми, что Цесарское Величество того умышленіа и мысли ни на которую сторону нынѣ пристати, но акп посредникъ подвигнутися и мыслити обѣ стороны въ согласіе привести, и толко вина въ Королѣ Полскомъ будетъ и доброго соединеніа не восхочетъ приняти, Цесарское Величество обѣщался пристати Наиясвѣйшему Царю Вашему и ему помощь противу того Полского Короля дати, и язъ его именемъ Цесарскаго Величества, елико милость Божья подастъ, хочю впередъ о начатомъ дѣлати. Аще любезною мыслію приняти восхотите, и еще не во всемъ прилеплюся мнѣнію вашему, а то возмогу оправдати въ настоящихъ и прежъ всего не злою мыслью, ни тѣмъ обычаемъ тому быти, дабы убавляти правду вашу, или умаляти, или паче Полскому Королю помагати, какъ вашему Государю, якожъ виделъ есми и слышалъ, и многажды въ томъ былъ есми, коли кто вѣрнѣ о несогласьяхъ зговорныхъ дѣлаетъ, тотъ никогда не приставаетъ на одну сторону, ни паки того, при которомъ тогды дѣлаетъ, чинъ и умышленія хвалитъ и управляетъ, да нѣкако обѣ стороны въ жестити пребудутъ, но всегды тѣ обычаи отмѣтати и рушити, да и къ лутшему и тихому пути приведется, и отъ того миръ и согласье послѣдуетъ, съ коимъ всегды Богъ есть, по словеси писанкому: «и той губитель діаволъ да отгонится, кой всегда несогласіа питаетъ и прибавляетъ.» Да не будетъ никому сумнѣнія, толко бы былъ есми при Королѣ Полскомъ, и язъ бы говорилъ также, что также ему не любо было. Нѣсть убо заповѣдь отъ нѣкоихъ идокопоклонникъ, естество и сила, якожъ ученые и мудрые послѣдуютъ, дана и отъ церкви соборные принята и утвержена, да брани тако начинаются, да нѣчто иное токмо миръ

взыскаемый да бываетъ; словесіе убо человѣческое то учитъ, кое дано отъ Бога, коимъ человѣкъ съ человѣкомъ смиряется и въ добромъ сожитьи бываетъ, кое въ правдѣ и иныхъ добродѣтелехъ состоится; а животина безсловесная, коя не имѣютъ разума и правды, и того ради не имѣютъ доброго сожитья, всегда межи собою бьются и бранятся; и заключаютъ послѣ философы, ратовати чюже отъ человѣкъ, есть безсловеснымъ сущее. Понежъ всѣ мудрые и мудрости любители пишутъ и изъявляютъ, благодья и милости ждати подобаетъ, коего великому и свѣтлому мужу ничто похвалнѣе и ничто достойнѣе быти можетъ; того ради Ѳилипъ Македонскій хвалу вѣчную пріобрѣлъ, коеѣ ничто любезнѣе, кої побѣдивъ Аѳинѣянъ, сына своего о миру къ нимъ послалъ; сего ради пишутъ учители его болши сына своего быти, глаголюще: сеі всегда великъ, а сынъ многажды мерзокъ. Неменшую похвалу имѣетъ Максиміліанъ, Римскій Цесарь, о отданьѣ Вероны, славнаго града; елико убо наиблъши есмя, толико смиреннѣ себя да имѣетъ, такъ же и Спасъ въ Евангельѣ рече: да будетъ Магистръ яко слуга, и никогда тя жъ врагомъ разгнѣватись, кое также Спасъ въ своей показуетъ, якожъ и мы оставляемъ далжникомъ нашимъ; и никогда мудрый себя счастію повинуетъ, и случая его ждетъ, имѣемъ убо, что случися Ксерксу Перскому Царю, коего войско рѣки изсушали, пишется, и отъ него море отъ тяжестей корабленыхъ воздыхало и отъ множествъ едва восрінмати можашо; Темистокъ Аѳинѣйскій Князь малыми людми его побѣдилъ и въ срамный бѣгъ прогналъ.

(*) Въ Подлинникѣ: ково.

И или тотъ сильнѣйшій Пиръ, Епиротаньскій Царь, уже повинувъ себѣ Италію и Киликѣю, въ коихъ сыновъ своихъ, единого Царя Италѣйскимъ, а другаго Киликѣйскимъ уставилъ, а кой * во единый часъ всего лишенъ и прогнанъ. И есть тому многіе подобники. Того ради, Наияснѣйшаго Русского Царя воспомяновенна имѣти хощу, именемъ Римскаго Цесаря, аки брата его дражаійшаго и вѣрнѣйшаго, да нѣкако его совѣтъ дружебный и братцкій презритъ, и восприялъ бы сей обычай сирѣчь, чтобы послалъ пословъ свихъ на границы Государства съ повелѣніемъ полнымъ, о заключеніи мира; занежъ его совѣтники при тѣхъ мѣстѣхъ есть, и тотъ обычай во всѣхъ мѣстѣхъ христіанскихъ хранится, или до нѣкое мѣста, кое ни къ которой сторонѣ не пристоитъ, и не въ томъ бы мнѣніи о вышереченномъ обычаи и себѣ бы посовѣтовавъ покой приняти, счастію не подклоняти и на лѣстные жъ того случая не уповати. Но сильнѣйшій и мудрѣйшій и велелушные Начальники обычствуютъ дарованнымъ, сирѣчь благоизволствомъ и благосердьемъ и свое царство толь пространно, толь велико, себѣ отъ Бога на послуженіе данное, добрымъ миромъ утвержати и укрѣпляти, отъ коего множае болши честь и полза прибываетъ, нежъ отъ брани. Цесарь Римскій, братъ его дражайшій, не престанетъ, но воздасть ему братцкою любовію, и дастъ Богъ многая будетъ учинити, отъ коихъ обоимъ великая слава и полза послѣдуеть. Но занже уразумѣлъ есми Короля Полского, что нынѣ приготовилъ свое войско и чтобы некоторое зло не сталося, кое Богъ дабы

отвратилъ своею милостію, хочю въ настоящихъ и предъ вами откровенно засвидѣтельствовати, что язъ именемъ Царскаго Величества вѣрнѣйше чиномъ честнымъ дѣлалъ есми, и нѣчто которой сторонѣ спротивно учинится; ино бы послѣ такъ не говорили, что Цесарь не равно и не братцкій межъ обоихъ Государей дѣлалъ не какъ Цесарское Величество, Государь мой милостивѣйшій, мнѣніе о мнѣ имѣлъ бы, что язъ былъ неподвиженъ въ томъ и нерадивъ; того ради прошу себѣ свидѣтельства о тѣхъ дѣлѣхъ есми и въ писаньѣ имѣти.

И Князь Великій, выслушавъ запись, приговорилъ зъ братьею своею и съ бояры, что ему велѣти Жигимонту противъ его рѣчей отвѣтъ учинити.

И Іюля 15, велѣлъ Князь Великій Жигимонту быти на дворѣ. И какъ пріѣхалъ Жигимонтъ на дворъ, и Князь велѣлъ его встрѣтити, сшедъ съ переходовъ у Благовѣщенія, Шигонѣ да Сумороку Путятину; а на переходѣхъ у палаты, у угла, велѣлъ его встрѣтить Олексѣю Заблотцкому, да дьякомъ Ивану Телешову, да Меньшему Путятину. И какъ вшелъ въ избу къ Великому Князю челомъ ударити, и Князь Великій велѣлъ ему сѣсти, да посидѣвъ мало, велѣлъ ему итти въ набережную полату; да выслалъ къ нему Юрья Малаго, да Шигону Поджегина, да Меньшого Путятина; а велѣлъ ему отвѣтъ учинити.

А се списокъ, что Жигимонту отвѣчали.

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: говорилъ еси намъ отъ брата нашего отъ Максимліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, чтобъ намъ для его, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись, и мы тебѣ на то и отвѣтъ учинили своими бояры; похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы по прежнему обычаю послалъ къ намъ своихъ пословъ, и мы, для брата своего Максимиліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ; а на границы намъ, ни инуды никуды, своихъ пословъ не посылати.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и ты просилъ насъ, чтобы намъ ослободити тебѣ, послати къ Жигимонту Королю сестричича своего Яна, и мы по твоему прошенью ослободили тебѣ, послати твоего сестричича Яна. И ты къ Жигимонту Королю посылалъ сестричича своего Яна, подвигнути его на то, чтобъ онъ послалъ къ намъ своихъ пословъ; и сестричичь твой Янъ пріѣхалъ и говорилъ еси совѣтникомъ нашымъ, что Жигимонтъ Король по старому обычаю нынѣ пословъ своихъ къ намъ слати не хочетъ, да и впередъ пословъ своихъ къ намъ слати не хочетъ. А для общаго хрестіаньского угодіа всегда хощетъ быти готовъ и миръ взяти, и держати со христіанскими Государи, да во единачствѣ хощетъ быти противъ Турского, врага хрестіанского; и намъ бы и нынѣ послати на граничное мѣсто, или на иное мѣсто своихъ пословъ.

Меншой говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино мы къ брату своему къ Максимиліану

избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, писали въ своихъ грамотахъ и неодинова, и съ послы есмя и съ посланники своими и съ его къ нему приказывали, что намъ своихъ пословъ на границы, ни инуды никуды посылати не пригожъ; а похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы послалъ къ намъ своихъ пословъ, и мы, для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, миру съ нимъ хотимъ, какъ будетъ пригожъ.

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: а мы какъ напередъ того, съ Божіею волею, противъ бесерменства за христіанство стояли, такъ и нынѣ стоимъ за христіанство, и впередъ противъ бесерменства за христіанство хотимъ стояти, сколко намъ Богъ поможетъ; а прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не рушити, какъ было отъ прародителей нашыхъ и при отцѣ при нашемъ при Великомъ Государѣ Иванѣ, Божьею милостію Царѣ и Государѣ всеа Русіи и Великомъ Князѣ, и при насъ, что намъ Богъ далъ, и мы того не хотимъ умаляти, а съ Божьею волею хотимъ того повышати, сколко намъ милосердый Богъ поможетъ. И намъ и нынѣ своихъ пословъ на границы, ни инуды никуды, послати не пригоже; а для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы старины не рушилъ, а новыхъ бы неправыхъ обычаевъ не вставливалъ, послалъ бы къ намъ своихъ пословъ; и пришлетъ къ намъ своихъ пословъ, и мы съ нимъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже.

Меншой говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: да говорилъ еси совѣтникомъ нашимъ: уразумѣлъ еси Короля Полского, что онъ нынѣ собрался съ своимъ войскомъ и стоитъ готовъ. Ино брату нашему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навысшему Королю, гораздо вѣдомо, да и вамъ, его совѣтникомъ, вѣдомо, какъ намъ Жигимонтъ Король по докапчанію и по крестному цѣлованію не исправилъ, и многіе неправды намъ своимъ умысломъ учалъ чинити. И мы, вземъ Господа Бога на помощь, съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ за то неисправленіе почали съ нимъ свое дѣло дѣлати, да и дѣлали, такъ и до сѣхъ мѣстъ дѣлаемъ, сколко намъ Богъ помогъ. А и нынѣ съ Божьею волею противъ своего недруга Жигимонта Короля стоимъ готовы, и дѣло свое съ нимъ хотимъ дѣлати, сколко намъ Богъ поможетъ.

А какъ ему рѣчи изговорили бояре отъ Великого Князя, и Жигимонтъ говорилъ: слышелъ есми ваши рѣчи, что есте мнѣ отъ Великого Государя говорили: и Государь мой того всегда желаетъ и молитъ, чтобъ чести Государя вашего прибавленіе было, а убавки бы его чести никоторые не было. Да говорили межъ себя на обѣ стороны рѣчей въ розговорѣ много; а приговаривалъ Жигимонтъ все къ тому, чтобъ Великій Государь послалъ на съѣздъ своихъ пословъ, и бояре у него то отговаривали. И Жигимонтъ говорилъ, чтобы Великій Государь велѣлъ мнѣ писаніемъ отвѣтъ дати; и какъ уразумѣю гораздо

отвѣтъ, язъ имѣю еще пространнѣе рѣчи о томъ изъявити.

И бояре шедъ, то сказали Великому Князю; и Князь Великій велѣлъ ему ѣхати на подворье, а списокъ отвѣтной велѣлъ къ нему послати діаку своему Меншому на подворье съ Истомою съ Малымъ.

И Іюля 17, говорилъ Жигимонтъ Тимошкѣ Хлуденеву, чтобы Государь велѣлъ мнѣ быть у себя на дворѣ, или бы совѣтники Государьскіе велѣли съ собою видетись; имѣю еще рѣчи. И Князь Великій послалъ къ нему на подворіе Шигону Поджегина. Да діаковъ своихъ Меншого Путятина, да Трифона. А велѣлъ, ему молвити, Шигонѣ отъ себя: приказалъ еси къ совѣтникамъ государьскимъ съ Тимоѳеемъ съ Хлуденевымъ, чтобъ донесли до Государя, чтобъ Великій Государь велѣлъ тебѣ быти у себя на дворѣ, или бы совѣтникомъ своимъ велѣлъ съ тобою видетись; и Государь нашъ послалъ насъ къ тебѣ, своихъ совѣтниковъ; да Шигона сказалъ дьяковъ, а діаки сказали Шигону. Да говорилъ ему Шигона: которые будетъ рѣчи, и ты ихъ намъ скажи, и мы твои рѣчи донесемъ до Государя.

И Жигимонтъ говорилъ: язъ говорилъ Тимоѳѣю, чтобъ Великій Государь велѣлъ мнѣ быти у себя на дворѣ, или съ вами съ совѣтники государьскими велѣлъ мнѣ видетись того дѣля, что прислалъ ко мнѣ дьякъ государьской списокъ отвѣтной; и язъ въ томъ отвѣтѣ государьскомъ уразумѣлъ, что Король Полской нынѣ своихъ пословъ слати къ Великому Государю не хочетъ, да и впередъ своихъ пословъ слати не хочетъ. Ино то супротивно написано моимъ рѣчемъ, занже язъ тотъ отвѣтъ Королевъ, которой ко мнѣ привезъ племянникъ мой Янъ, челъ. И въ томъ отвѣтѣ написано, что Король нынѣ не отмѣщется слати своихъ пословъ, къ Великому Государю, да и впередъ, но про обычей того имѣти не хощетъ; второе то, коли есми былъ у Государя на дворѣ, и съ отвѣтомъ ходили ко мнѣ казначей государской Юрьи Дмитреевичъ, да и вы, и язъ вамъ говорилъ, чтобы вы молили Государя, чтобъ Великій Государь послалъ своихъ пословъ па съѣздъ, и вы мнѣ о томъ отвѣта не учинили, да и на подворье мнѣ Государь велѣлъ ѣхати.

И Шигона ему говорилъ: которые еси рѣчи намъ на подворіѣ говорилъ, и на тѣ на твои рѣчи Государь нашъ отвѣтъ тебѣ учинилъ казначеемъ своимъ Юріемъ, да и нами; и о которыхъ дѣлѣхъ нынѣ намъ говоришь, и то тебѣ Юрьи въ отвѣтѣ говорилъ и ты намъ говорилъ, что Государь велѣлъ тебѣ дати дьякомъ своимъ списокъ отвѣтной, и какъ уразумѣешъ тотъ отвѣтъ гораздо, и у тебя есть пространнѣе рѣчи, да тогды ихъ изъявишь, и которые рѣчи еще имѣешь къ нашему Государю, и ты ихъ намъ изъяви, и мы ихъ до Государя донесемъ.

И Жигимонтъ говорилъ о Юрьѣ о Сницпамерѣ, да подалъ запись; да говорилъ о Литовскомъ же дѣлѣ, что онъ уразумѣлъ въ королѣвѣ отвѣтѣ, что Король не отмещется пословъ своихъ слати къ Великому Государю, по въ обычеѣ того имѣти не хочетъ. И язъ нынѣ домышляюсь, чтобы мнѣ еще послати въ Вилну къ Королю племянника своего Яна; а хочю написати въ грамотѣ отъ себя, чтобъ Король послалъ ко мнѣ своихъ пословъ. А въ грамоту хочю написати красную ложь, что ко мнѣ прислалъ Максимиліянъ трехъ отроковъ, а

писалъ ко мнѣ, что велѣлъ мнѣ то дѣло на конецъ привести. Да подалъ тѣмъ рѣчемъ всѣмъ записи.

А се записи: Цесарское Величество мнѣ приказалъ, Наияснѣйшему брату своему, Рускому Царю то говорити, что напередъ сего посылалъ совѣтника своего господина Юрья Спитипомера сюда къ Наияснѣйшему Царю вашему о разумѣніи завещанья межъ ихъ Ясностей, быти его Величеству и Царю вашему противу всѣхъ общихъ недруговъ ихъ, и наипаче противу Короля Полскаго; той господинъ Юрьи повеленіе Его Величества преступилъ и велми черезъ мѣру прошелъ и завѣтъ конечнѣ заключилъ, и Наияснѣйшаго Царя вашего въ томъ правду дати учинилъ. И хотя Его Цесарское Величество пригодну вину имѣлъ въ томъ завѣтѣ присяги не дати, занеже то господину Георгію не приказано было заключити, о томъ дѣлати также было противу установленія христіанскихъ начальниковъ, занежъ прежъ какъ похочетъ, которой на другаго бранью наступити, подобаетъ его поискати, похочетъ ли съ нимъ согласится о неисправленіяхъ и шкотахъ, ему учиненыхъ; но единако для братцкіе любви и благоизволенія, коими брата своего, Наияснейшаго Царя вашего, всегда послѣдовалъ, и коли то великое посолство къ его Цесарскому Величеству посылалъ, а прежъ на то завещаніе правду далъ, и Его Цесарское величество про честь своего брата, Царя вашего Наияснѣйшаго, также на то завѣщаніе правду учинилъ, но прежъ засвидѣтельствовалъ, что не хотелъ преступити уставленія христіанскаго, но то крѣпко дръжати и зане онъ есть глава, и наипаче обороняти подобаетъ ему, неже рушити христіанскіе уставы. И того дѣля, всякимъ разсмотрѣніемъ поискусити хощетъ, аще раздоры, кои межъ его Цесарскаго Величества, и Наияснѣйшаго Царя вашего съ единые стороны, а Короля Полскаго съ другіе, волнуются, прежъ даже на его Кралевство оружіемъ наступитъ, дружелюбными обычаи согласили бы ся, о коихъ съ предреченнымъ Королемъ Полскимъ дѣлати учинилъ, и того Короля Полскаго на всѣ благочинные и пригожіе обычаи готовѣйша обрѣлъ. И подвижеся до Віены пріити, да вся не лестнѣ и основательнѣ уложатся, и тамо Король Полскій по воли Цесарскаго Величества испытати вся учинилъ; и тако Римскому Цесарю, аки законному христіанскому повѣлителю, сущее его быти изволилъ, и по тому установленію христіанскому и по засвидѣтельству, на то учиненному, и по обѣту Короля Полского, паче оставити изволилъ оружіе, нежъ на него пойти. Занежъ пристоитъ Цесарю христіанскому раздоры и несогласія, кои межи христовѣрныхъ бываютъ, загладити и погасити, и всячески возбранити пролитіе христіанскіе крови, и зане брани всегда для мира зачинаются. Инако толко бы Король Полскій не такъ бы ся положилъ, и его Цесарское Величество нынѣ былъ бы готовъ съ своими завѣщатели Ясности Царя вашего по завѣщанію помогати; также и еще толко не воспріиметъ Король Полскій благочинныхъ обычаевъ, Его Величество есть готовъ наступити на него, силнѣе пръваго. Того ради Цесарское Величество приказалъ мнѣ Наияснѣйшему Царю вашему та изъявити, какъ и прежъ Его Величества послы и посланными, вмѣстѣ и съ вашими, некако изъявилъ, дабы Наияснѣйшій Царь вашъ не дръжалъ себѣ мнѣ-

нія, что иные для вины Цесарь не почалъ валки съ Королемъ Полскимъ, и не имѣлъ бы и впередъ въ его персонѣ мнѣнія, зане хочетъ ему быти братъ дражайшій, и Богу пособствующу многая съ нимъ будетъ дѣлати, также нѣчто и внучата Его Цесарского Величества. Занежъ вижу во отвѣтѣ вину того несогласіа, что Король Полскій нѣкако преступилъ въ дѣлѣхъ, которые межи ихъ Ясностей състались; и видѣлъ есми двѣ грамоты того дѣла, и аще будетъ пригожъ, и нѣчто бы возмогло токово учинитись, дабы язъ отъ Короля узналъ или хочеть по хотѣнію Наияснѣйшаго Царя вашего себя подати, нѣчто пошлетъ, занежъ елико азъ по его отвѣту, которой мнѣ съ племянникомъ моимъ далъ, разумѣю не говѣритъ того что послати не хочеть, но говоритъ не хочеть, чтобы такіе посылки вводили обычаи. И иные люди издалека племяннику моему говорили: толко Государь нашъ Король пошлетъ на Москву, началникъ Рускій, понудитъ ихъ къ мирному согласью, какъ ему будетъ надобетъ; и зане также молодыми людми нѣкогда потому жъ издалека бываютъ въ прошеніа, и непрямо даются отвѣты или изъявляется мысль и разумъ государской, нѣчто будетъ и здѣсе также. И того дѣля, аще видится добро быти, егда буду имѣти нѣкако вѣдати, како бы быти отъ того возмогло то зговоримое согласіе, язъ тѣмъ обычаемъ, коимъ вамъ угодится изъявлю, да не прямо нѣкако навелъ бы не знаетъ, хотячи еще просити, что бы послалъ, а никоторого воспомяновенъ уже не учинити о обычаѣ, а приложити и то: Цесарское Величество ко мнѣ посланниковъ своихъ прислалъ, а приказалъ, чтобы язъ не престалъ, доколѣ дѣло согласится. И аще будетъ пригожъ, или добро, да язъ попрошу, дабы хотя чти для Цесарскаго Величества, сюда ко мнѣ прислалъ своихъ пословъ, то все моимъ расужденіемъ единако есть.—И будеть угодно Царю вашему Наияснѣйшему, и язъ учиню Королю Полскому срокъ; и толко къ тому сроку не пріѣдуть его послы, и язъ хочю проѣхати, занеже тогды уразумѣю не у быти мирному времени. И нѣчто какъ Цесарское Величество уразумѣетъ ваши обычеи, пространнѣе о томъ умыслитъ; а мнѣ тако и докучно здѣ толь долго ждати. И того ради Наияснѣйшій Царь вашъ далъ бы опасъ, нѣчто похочетъ послати Король, чтобы имъ пріѣхати и отъѣхати добровольно, и не имѣли бы вины продолженію, оправдаяся, что не имѣють опасу. Имѣю также нѣкоторыя грамоты вѣрющіе къ нѣкоимъ паномъ Литовскимъ, которые при Царскомъ Величествѣ нѣкогда бывали, да имъ именемъ Цесарского Величества поздравленье скажу, коихъ язъ не наѣхалъ, нынѣ къ нимъ пошлю прося, чтобы помагали, дабы Цесарское Величество моглъ имѣти тоѣ честь, сирѣчь, что въ миръ ввелъ такихъ Царей.

И Іюля 19, Князь Великій приговорилъ съ братьею своею и съ бояры, что ему пригоже велѣти Жигимонту быти на дворѣ да тѣмъ дѣломъ, что говорилъ на подворьѣ Шигонѣ съ товарыщи, отвѣтъ учинити; да и о томъ на немъ познати, къ нему ли бы Король пословъ послалъ, или бы къ Великому Князю послалъ пословъ. Да велѣлъ Князь Великій Жигимонту быти на дворѣ; а посылалъ по него на подворье князя Михаила Кубенского, да Василья Тетерина. А какъ пріѣхалъ на дворъ, встрѣтили его сшедъ

съ переходовъ у Благовѣщенья, Шигона, да Сумарокъ; а на переходѣхъ у полаты, у угла, встрѣтилъ его Олексѣй Заболотцкой, да діаки Иванъ Телешевъ, да Трифанъ. А какъ, пришедъ къ Великому Князю, челомъ ударитъ, и Князь Великій велѣлъ ему сѣсти; да сидѣвъ мало, велѣлъ ему итти въ набережную полату. Да высылалъ къ нему съ отвѣтомъ казначея своего Юрья Малого да Шыгону, да дьяковъ Меншого Путятина, да Трифана.

А се списокъ, что Жигимонту говорилъ Юрьи съ товарищи отъ Великого Князя:

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: говорилъ еси совѣтникомъ нашимъ, что приказалъ тебѣ братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій, намъ говорити, что напередъ сего присылалъ къ намъ совѣтника своего Юрья Спицпамера о дружбѣ и о братствѣ и о добромъ завѣщаніѣ и на всѣхъ недруговъ быти съ нами заодинъ, наипаче противу Короля Полского быти бы ему съ нами заодинъ.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и господинъ Юрьи Спицпамеръ будто Его Величества повелѣніе преступилъ, и завѣтъ конечной заключилъ и грамоту завѣщалную написалъ; и какъ послы наши съ тою грамотою, къ брату нашему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю пришли, и онъ намъ на завѣщалной грамотѣ также правду учинилъ, да потому намъ и правилъ и нынѣ правитъ и впередъ намъ хочетъ правити, и на всѣхъ на тѣхъ нашихъ недруговъ хочетъ быти съ нами заодинъ.

Меншой говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: а говорилъ еси совѣтникомъ нашимъ, что братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій, навышшій Король, съ нашими послы и съ посланники, и съ своими послы и съ посланники къ намъ приказывалъ, что было ему съ тѣмъ нашимъ недругомъ, съ Королемъ съ Полскимъ наше и свое дѣло почати дѣлати съ нами заодинъ, да не началъ дѣлати затѣмъ, что во всѣхъ великихъ Государехъ хрестьянскихъ обычей есть, коли промежъ ихъ каково дѣло будетъ, и которой не исправитъ, ино его искати миромъ, чтобъ въ томъ исправилъ; и непридутъ миромъ въ согласье, ино тогды бранная воздвигнути. И братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, того ради подвигся до своего града до Віены, и нашъ недругъ Жигимонтъ Король пріѣзжалъ къ брату нашему къ Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, въ его городъ въ Віену съ своимъ братомъ, съ Угорскимъ Королемъ со Владиславомъ, и положился о всѣхъ несогласіехъ на волѣ братѣ нашемъ, на Максимиліянѣ, избранномъ Цесарѣ Римскомъ и навышшемъ Королѣ, и просили брата нашего Максимиліана, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, чтобъ его съ нами помирилъ. И того ради, братъ нашъ съ нами на нашего недруга на Короля Полскаго оружіемъ тогды не подвигнулся; и намъ бы себѣ про то сумнѣнія никотораго не держати, что онъ на того на нашего недруга тогды

оружіемъ не подвигнулся, а поискалъ его на доброе согласіе миромъ. А и нынѣ Король Полской толко не восприметъ благочинныхъ обычаевъ, и что положился о несогласіѣ на братѣ нашемъ, и онъ въ тѣхъ несогласіяхъ намъ не исправитъ, и братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшей Король, хощетъ съ нами на того на нашего недруга на Короля Полскаго быти заодинъ, и сильнѣе того хощетъ воздвигнутися; а и впередъ братъ нашъ и свыше хочетъ намъ дружбу свою держати, и дѣла всѣ хочетъ дѣлати съ нами заодинъ.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино коли пріѣзжалъ къ намъ отъ брата нашего отъ Максимиліана посолъ его Юрьи Сницпамеръ, и мы приказали своимъ бояромъ съ нимъ то дѣло дѣлати такъ, какъ есть межъ Государей послы дѣло дѣлаютъ, по приказу Государей своихъ; и брата нашего посолъ Юрьи съ нашими бояры уговорилъ и здѣлалъ то дѣло такъ, какъ пригожъ межъ насъ тому дѣлу съ братомъ нашимъ быти. И какъ промежи насъ съ братомъ нашимъ съ Максимиліаномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ, учинилася дружба, и братство, и любовь и завѣщаніе състалося и мы и до сѣхъ мѣстъ правили, и нынѣ правимъ и впередъ хотимъ съ братомъ своимъ Максимиліаномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ, свое и его дѣло дѣлати съ нимъ заодинъ, и противъ его и своихъ недруговъ хотимъ стояти и быти съ нимъ заодинъ, сколько намъ Богъ поможетъ.

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: а что до сѣхъ мѣстъ братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, на того на нашего недруга на Жигимонта Короля оружьемъ не подвигнулся, а подвинулъ его миромъ на доброе согласье, ино у насъ про то сумнѣніа никотораго нѣтъ; а нынѣ и впередъ хочетъ братъ нашъ съ нами на нашихъ недруговъ быти заодинъ, и дѣла наши и свои хочетъ дѣлати съ нами заодинъ, ино то братъ нашъ дѣлаетъ гораздо, что свою правду и завѣщанье памятуетъ. А мы, для его брата своего прошенья, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожь; и помиритца съ нами Жигимонтъ Король, и братъ бы нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшый Король, былъ съ нами на всѣхъ нашихъ недруговъ заодинъ. А не помиритца съ нами Жигимонтъ Король, и мы какъ почали съ тѣмъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, да и дѣлали, такъ и нынѣ и впередъ хотимъ съ нимъ свое дѣло дѣлати, сколько намъ Богъ поможетъ. А братъ бы нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, также по нашему съ нимъ завѣщанью и по завѣщаннымъ грамотамъ, былъ на того на нашего недруга на Жигимонта Короля съ нами заодинъ, и дѣло бы наше дѣлалъ съ тѣмъ съ нашымъ недругомъ съ нами заодинъ.

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василій, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: да говорилъ еси совѣтникомъ нашимъ, что уразумѣлъ еси въ отвѣтѣ Короля Полского,

которой тебѣ привезъ отвѣтъ сестричичь твой Янъ, что онъ не говорилъ того, что пословъ своихъ къ намъ послати не хочетъ, но говоритъ, чтобъ такіе посылки не вводили въ обычей; да племянникъ же твой Янъ тебѣ сказывалъ, что слышелъ отъ нѣкоторыхъ отъ королевыхъ людей, толко послати Королю къ намъ своихъ пословъ, ино нѣчто мы понудимъ ихъ къ мирному согласью, какъ будетъ намъ надобѣ.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: ино въ обычаѣ межъ великихъ Государей, послы ѣздять и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними никоторые не живетъ. А отъ прародителей нашихъ, и при отцѣ нашемъ и при насъ, отъ Королей Полскихъ къ отцу нашему къ Великому Государю Ивану, Божьею милостію Царю и Государю всеа Русіи и Великому Князю, и къ намъ послы ихъ ѣздили и дѣла великіе дѣлывались на обѣ стороны, уговоря. Да какъ придетъ на доброй конецъ, и они дѣла сдѣлавъ, безъ зацѣпки, прочь пойдутъ; а которые дѣла не придутъ на доброе согласіе, и они и нездѣлавъ дѣла, прочь пойдутъ, безо всякіе же зацѣпки.

Юрьи говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: и мы и нынѣ, для брата нашего Максимиліана, избранного Цесаря Римското и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ пригожъ. И пришлетъ къ намъ Жигимонтъ король своихъ пословъ, и его посломъ пріѣхати къ намъ и отъѣхати доброволно безо всякіе зацѣпки, и сила надъ ними никоторая не будетъ во всякихъ дѣлехъ и рѣчехъ и задржанье имъ никакого не будетъ.

И послѣ отвѣта Жигимонтъ говорилъ: уразумѣлъ есми ваши рѣчи, что есте мнѣ отъ Государя говорили; и что есми говорилъ совѣтникомъ государьскимъ, и Государь мнѣ на то на все отвѣтъ учинилъ вами. И язъ о томъ благодареніе воздаю Великому Государю, что Государь съ моимъ Государемъ хочетъ быти впередъ въ дружбѣ и въ братствѣ. Да говорили есте мнѣ въ отвѣтъ, что язъ говорилъ совѣтникомъ государьскимъ, что нѣотпоторыхъ отъ королевыхъ людей слышелъ племянникъ мой, толко Королю послати къ Великому Государю своихъ пословъ, и Великій Государь нѣчто ихъ понудитъ, а учнетъ дѣлати такъ, какъ ему надобѣ; ино язъ того не говорилъ, да и нынѣ того не говорю, что отъ Великого Государя надъ послы сила будетъ. Но то есми совѣтникомъ сказалъ, что мнѣ племянникъ мой сказывалъ Янъ, что слышелъ нѣкоторыхъ отъ королевыхъ людей.— Да поговорили межъ себя простые рѣчи, и посидѣвъ Жигимонтъ говорилъ: говоривъ рѣчей простыхъ много, да надобѣ говорити то, чтобъ межъ Государей доброе согласье было; язъ нынѣ домышляюся послати еще къ Королю сестричича своего Яна; но годно будетъ Государю, велѣти мнѣ, его послати къ Королю, и Государь бы нынѣ далъ мнѣ на королевы послы свою опасную грамоту, чтобъ имъ пріѣхати и отъѣхати волно безъ запродолженія. А язъ напишу въ своей грамоте срокъ, чтобы на тотъ день, и на тотъ день ко мнѣ вѣсть была, будутъ ли послы, или не будутъ. И толко не похочетъ Король послати къ Великому Государю своихъ

словъ, и язъ хочю тогды отпрашиватися, чтобъ Великій Государь меня отпустилъ къ моему Государю. Да дастъ Государь грамоту свою опасную, и Государь бы велѣлъ написати грамоту свою крѣпкую, чтобы какъ безстрашно было Полякомъ и безо всякого бы опасу посломъ ѣхати.

И бояре шедъ, то сказали Великому Князю; и Князь Великій приговорилъ съ братьею своею и съ бояры, что ему пригожъ грамота своя опасная дати Жигимонту па королевы послы; да выслалъ къ нему бояръ же, и бояре ему говорили: которые еси рѣчи намъ говорилъ, и мы тѣ твои рѣчи донесли до Государя. И Великій Государь велѣлъ тебѣ молвити: коли ты насъ о томъ просишь, чтобъ намъ освободити тебѣ, послати еще въ Вилну сестричича твоего къ Королю, и грамоту бы намъ опасную на королевы послы велѣти тебѣ дати; и коли ты насъ о томъ просишъ, что хочишъ слати еще къ Королю сестричича своего Яна, и ты посылай, а мы грамоту свою опасную Королю на его послы даемъ; а велимъ ту грамоту написати дьякомъ, да тебѣ прочесть, каковѣ грамотѣ пригожъ быти.

И Жигимонтъ говорилъ: о томъ язъ Великому Государю велико благодареніе воздаю, что Государь моего для прошенья такъ учинилъ.

И Князь Великій велѣлъ ему итти къ себѣ, да подавалъ ему медъ вишневой и малиновой въ ковшѣхъ въ серебряныхъ, да велѣлъ ему ѣхати на подворіе; а грамоту велѣлъ написати, и какъ грамота поспѣла, и Князь Великій послалъ къ нему на подворье Шигону Поджегина, да дьяковъ Меньшого Путятина, да Трифана, а велѣлъ ему молвити:

Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: говорилъ еси совѣтникомъ нашимъ, что хочешь слати къ Королю еще племянника своего Яна, и Государю бы нашему велѣти тебѣ на послы дати грамота своя опасная. И Великій Государь послалъ къ тебѣ свою опасную грамоту на послы, каковы межъ Государей ходятъ обычные опасные грамоты, какова коли межъ Государей брань будетъ; а другую грамоту послалъ къ тебѣ Государь нашъ крѣпчае, тое по твоему прошенью. И ты тѣхъ грамотъ послушай, которая будетъ тебѣ требе, и Государь велитъ тебѣ такову свою грамоту дати и печать свою къ ней велитъ привѣсить.

И Жигимонтъ, выслушавъ грамоты, говорилъ: вы панове обычаи вѣдаете, каковы грамоты опасные межъ Государей жывутъ; а по мнѣ и та грамота, которая написана по моему прошенью, и та крѣпка и требе мнѣ.

И Шигона ему говорилъ: Жигимонтъ! преже сего Короли Полскіе писали ко Государю нашему въ своихъ грамотахъ: посылаемъ къ тебѣ своихъ великихъ пословъ рады своея Полскіе и Литовскіе. И нынѣ Государю нашему, какъ велѣти написати та строка въ грамоту?

И Жигимонтъ говорилъ: язъ того еще не вѣдаю, пошлетъ ли Король къ Великому Государю своихъ пословъ, или не пошлетъ; а коли пошлетъ, и онъ кого хочетъ, того пошлетъ, Полскіе ли земли людей, или Угровъ, или Литовскіе земли людей, или раба пошлетъ; а та грамота въ заключеніѣ всѣхъ держитъ и мала и велика.

И Шигона ему говорилъ: говорилъ еси совѣтникомъ государскимъ, какъ положить срокъ сестричичу твоему, и Государь нашъ положилъ на

тебѣ, какъ похочешъ ты срокъ положити, и ты такъ положи.

И Жигомонтъ говорилъ: язъ хочю написати срокъ, чтобы мнѣ вѣсть была изъ Литвы про пословъ, быти ли посломъ, или не быти, въ исходъ Августа мѣсяца; и не будетъ на тотъ срокъ ко мнѣ вѣсти про пословъ, и язъ хочю у Великого Государя проситись, чтобы меня отпустилъ къ моему Государю, и Государь мой то дѣло вразумѣетъ и пространѣе о томъ умыслитъ.

И Шигона и діаки сказали то Великому Князю, и Князь Великій велѣлъ грамоту написати начисто отвореную, и печать къ ней приложити болшую съ кустодьею.

Іюля въ 24, послалъ къ нему Князь Великій на подворье грамоту опасную съ діакомъ съ своимъ съ Меншимъ съ Путятинымъ; а велѣлъ ему молвили рѣчь, и Меншой ему говорилъ. Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: просилъ еси насъ, чтобы мы дали грамоту опасную Жигимонту Королю на его послы, и мы ту грамоту дали по твоему прошенью, и ты бы нынѣ написалъ отъ себя въ грамотѣ къ Королю, или къ паномъ, что мы послали къ нему свою грамоту опасную на его послы, и такову крѣпку твоего для прошенья, не мнили бы того, что мы безъ твоего прошенья къ нему грамоту послали.

И Жигимонтъ говорилъ: писалъ есми о томъ въ своей грамотѣ къ бискупу, что Государь такову свою грамоту опасную съ моимъ сестричичемъ послалъ къ Королю моего для прошенья, да и столь крѣпку, да и въ памяти то язъ своему сестричичу написалъ, которую есми ему писалъ память о иныхъ дѣлѣхъ.

И отпустилъ Жигимонтъ сестричича своего Яна въ четвергъ Іюль 24. А послалъ Князь Великій съ Яномъ въ приставехъ Русина Бортенева, да Ондрѣя Басаргина, да Иванца Зачесломского, и до Смоленска и доколѣ его отдадуть Литовскимъ людемъ. А проводы Князь Великій Яну велѣлъ учинити изъ Смоленска до Взруба до Пречистые по тому жъ, какъ напередъ того Янъ ѣхалъ къ Королю, и отдать его Литовскимъ людемъ. А се такову грамоту далъ Князь Великій опасную Максимьянову посму Жигимонту на Литовскіе послы, и Жигимонтъ послалъ еѣ съ сестричичемъ съ своимъ сь Яномъ:

«Великій Государь Василей, Божьею милостью Государь всеа Русіи и Великій Князь Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тѳерскій, Югорскій, Пермьскій, Болгарскій и иныхъ, Жигимонту Королю Полскому и великому Князю Литовскому, Рускому, Княжати Прусскому, Жомонтцкому, Късглокговскому, Опавскому, Лужитцкому и иныхъ. Присылалъ къ намъ братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, своихъ пословъ, чтобъ намъ съ тобою помиритись. А нынѣ насъ просилъ брата нашего Максимиліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля посолъ Жигимонтъ, чтобъ намъ на твои послы послати къ тебѣ своя опасная грамота, что твоимъ посломъ къ намъ пріѣхати и отъ насъ отъѣхати доброволно, безо всякіе зацѣпки, не здѣлаетъ ли ся межъ насъ миръ, здѣлаетъ ли ся; и кого къ намъ пошлешь своихъ пословъ, и тѣмъ твоимъ посломъ и ихъ людемъ и со всѣмъ, что съ ними ни будетъ, ѣхати въ наши государства по нашимъ землямъ къ намъ пріѣхати и отъ насъ отъѣ-

хати добровольно, безъ всякіе зацѣпки, не здѣластъ ли ся межъ насъ дѣло, здѣластъ ли ся. И сила надъ твоими послы никоторая не будетъ во всякихъ дѣлѣхъ и рѣчѣхъ, и задржаніе имъ никакого не будеть, пріѣхати имъ къ намъ и отъѣхати добровольно, безо всякаго опасу, по сей нашей грамотѣ. А сія наша грамота твоимъ посломъ и опасная. Писана на Москвѣ, лѣтъ 7025, Іюль».

И Августа 8, Русинъ Бортеневъ и Васюкъ Зачесломской на Москву пріѣхали; Васюкъ былъ у Яна въ Смоленску приставъ. А сказали, что у нихъ взяли Яна въ Дубровну Августа 1 день. И Августа 31, пріѣхалъ отъ Яна человѣкъ его Михалъ къ Жигимонту, и Жигимонтъ приказалъ къ бояромъ, чтобъ ему велѣлъ Князь Великій у себя быти.

—

7026—1518.

И лѣта 7026, Сентября 1, велѣлъ Князь Великій Жигимонту быти на дворѣ; а посылалъ по него на подворіе князя Михаила Кубенского, да діака Трифана Ильина. А какъ на дворъ пріѣхалъ, и встрѣчи ему были потому жъ, какъ напереди писаны. И вшедъ, челомъ ударилъ Великому Князю, и Князь Великій звалъ его къ руцѣ, да велѣлъ ему сѣсти. И Жигимонтъ посидѣвъ, да рѣчь говорилъ Великому Князю. А се запись, что говорилъ Жигимонтъ Великому Князю:

Наияснѣйшіі Началниче! уразумѣлъ Твоя Высость мысль священнѣйшаго Максиміліана, Римского Цесаря и иныхъ, быти такову, да не иное паче, токмо христіанского добра желаетъ: и Его Величество всѣми силами тружаеся, дабы возмоглъ христіанскихъ Начальниковъ на общее согласіе и разумъ привести, коимъ силы врага вѣры нашіе могутъ сокрушитись, кои уже издавна велми возрасли; на кое сдѣлати къ Твоей Ясности посланъ есми, долго дѣлая, якожъ вѣдомо есть. Нынѣ, Наияснѣйшіі Началниче! зане толижды наияснѣйшаго Короля Полского писаніемъ моимъ тружахъ, воспоминая, чтобы для любви Цесарского Величества посланниковъ или пословъ своихъ сюда послалъ на уложеніе мира межи обоихъ Наияснностей Вашихъ. Цесарское Величество желательнѣйше его на уложеніе, о чемъ рѣчено есть, и отъ братцкіе любви, кою ко обѣимъ Началникомъ имѣетъ, егда услышалъ, что дѣло наипаче къ несогласью воздвизаемому, неже къ согласью улагаемому уготовляется, не оставилъ, но также своими грамотами Короля Полского подвизалъ и воспоминалъ, чтобы его для любви и для христіанского добра себя на миръ приготовлялъ. Того ради наияснѣйшіі Король Полскій подвигся толикою братцкою любовью и воспоминаньемъ, грамотами своими мнѣ изъявилъ, что хощетъ * пословъ своихъ сюды послати, и того для, племянника моего оставилъ, чтобы ему вмѣстѣ съ ними пріѣхати. И что Твоя Наияснность отъ рѣчей слышалъ, сирѣчь мысль Цесарского Величества, а нынѣ уразумѣетъ дѣломъ, зане Твоя Наияснность имѣетъ, чего для пословъ есми и пріѣхалъ, и имѣетъ, что язъ дѣлалъ, и имѣетъ послѣ волю свою исполнену. Наияснѣйшіі Начальниче! на отпускѣ своемъ имѣлъ отъ Цесарскаго Величества въ приказѣхъ, какъ На-

* Въ подлинникѣ: хошешъ.

иясность Вашу, такъ Короля Полскаго воспоминати, чтобы обѣ Наясности человѣколюбнѣ и благоизволнѣ показалися, да отъ того скорѣе и угоднѣе дѣло конецъ пріиметъ, дабы потомъ отъ того наиболшая надежа и крѣпчайшая дружба межи обоихъ Ясностей быти можетъ. Того ради, нынѣ Твою Наиясность тако воспомяновенну имѣти хощу именемъ Цесарскаго Величества, и толко учинитъ твоя Наиясность вещь благолюбезну Цесарскому Величеству покажетъ, и Его Величество всегда паче любезнѣе съ Твоею Наиясностью будетъ дѣлати; а тако же нѣчто для любви вашіе уже учинилъ, и того Цесарскаго Величества рѣчи и силу предъ своею Ясностію имѣти узришь. Такожъ, съ Королемъ Полскимъ какъ обѣщевается, во всѣхъ себя такова показати, да Цесарское Величество благоизволеніе и бреженіе къ себѣ свидѣтельствованно имѣеть.

Наияснѣйшій Начальниче! зане наияснѣйшій Король Полскій по такому настоянію и воспоминанію Цесарскаго Величества и моему, именемъ Его Величества своихъ пословъ послати хочетъ; прошу, чтобы тѣ посланные имѣли всякое опаство пріѣхати и отъѣхати по Государьству твоеѣ Наиясности; занеже аще инако будетъ отъ твоихъ людей, не токмо тебѣ во всей вселеннѣй не честь будетъ, но также Цесарскому Величеству, по коего воспомяновенью и по моей вѣрѣ обещательной тѣхъ посылаетъ, того ради, чтобы приказалъ и прозрѣлъ Ваша Ясность о нихъ, якожъ добрѣ вѣсть, аки разумнѣйша. Съ сими добрыми вѣстьми хочю желати Твоей Ясности поспѣшна и весела лѣта, его жъ начало днесь у Твоеѣ Ясности дѣйствуется, да сіе дѣйство буди въ своимъ концѣ весело и поспѣшно Твоей Наиясности, такожe и всему Христіанству.

И Князь Великій молвилъ Жигимонту: что еси намъ здоровалъ на новое лѣто, ино мы того завсе просимъ у Бога, чтобъ далъ Богъ все православное Христіанство въ здравіи и въ тишинѣ пребывало. А нынѣ бы, далъ Богъ, братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь и навышшій Король здоровъ былъ, да и мы бы здоровы были, и всѣ христіянскіе Государи, наша братья, наши друзи, да и вы бы, наши слуги, съ нами же здоровы были. А меду ему Князь Великій не подавалъ, а отговорился ему, что еще обѣдни не слушалъ: былъ у него Жигимонтъ до обѣдни. А послѣ того, Жигимонтъ говорилъ Великому Князю: язъ чаю королевыхъ пословъ нынѣ уже на дорозѣ, и ты бъ, Государь, приказалъ въ свою отчину въ Смоленскъ, чтобы имъ нечти не было, а учинили бы имъ проводъ по твоимъ государствомъ.

И Князь Великій его отпустилъ на подворіе; а въ Смоленескъ послалъ о послѣхъ Григоріа Загрязскаго о стрѣчѣ посломъ и о проводѣхъ. И то писано въ Литовскихъ книгахъ.

И какъ послы учали ближети къ Москвѣ, и Жигимонтъ приказалъ къ Великому Князю, чтобы Великій Государь велѣлъ мнѣ быти у себя на дворѣ, или бы совѣтникомъ своимъ велѣлъ со мною видѣтись. И Князь Великій послалъ къ Жигимонту на подворіе Шигону, да Меншего, да Трифана. И Жигимонтъ говорилъ о трехъ посланникѣхъ, которые пріѣхали отъ Максимьяна, о Володѣ съ товарищи, чтобъ Великій Государь велѣлъ мнѣ вѣдомо учини-

ти, какъ ихъ Государь отпуститъ къ моему Государю, занже мнѣ тѣ посланники завсе докучаютъ, какъ бы язъ ихъ въ забвеніе учинилъ, Государю о нихъ не говорю; да о которомъ дѣлѣ Государь мой послалъ меня къ Великому Государю, и то дѣло, далъ Богъ, приходитъ на добрую мѣру: Жигимонтъ Король послалъ къ Великому Государю своихъ пословъ, и послы ужъ близко; а язъ здѣшнего обычая не вѣдаю, и Государь бы мнѣ науку далъ, какъ мнѣ велитъ быти, поранити, и язъ не смѣю, а поопоздати, ино какъ забвено учинити; и язъ хочю учинити посреднее, и Государь бы мнѣ науку далъ, какъ мнѣ Государь велитъ съ послы видетись или не велитъ видѣтись, что бы мнѣ о томъ о всемъ Государь науку далъ; и не велитъ Государь видетись съ послы, и язъ себя отъ того удержу. И Шигона, пріѣхавъ, то сказалъ Великому Князю.

И Октебря 3, послалъ Князь Великій къ Жигимонту Шигону же, да Меншего, да Трифана; а велѣлъ ему молвити о посланникѣхъ: нынѣ еще не время отпустить ихъ, а какъ будетъ тому время, и язъ ихъ отпущу. Да говорилъ еси, что Жигимонтовы королевы послы идутъ, и Государь бы тебѣ науку далъ; ино которые будетъ дѣла наказалъ тебѣ братъ нашъ Максимьянъ, и ты тѣ дѣла по тому и дѣлай, а намъ тебѣ наука которая давати? А съ послы съ королевыми какъ похочешъ, такъ видайся.

И Жигимонтъ говорилъ: язъ Великому Государю о томъ велико благодареніе воздаю, что мнѣ такову волю даетъ,—да взялъ былъ Жигимонтовъ племянникъ Янъ въ Литвѣ два человѣка, одного себѣ назвалъ племянникомъ, а другой ему билъ челомъ въ службу, и Князь Великій тѣхъ людей у Яна велѣлъ взяти. И Жигимонтъ о томъ поговорилъ, что Яну одинъ племянникъ, да былъ въ Литвѣ и онъ его взялъ съ собою; а другой человѣкъ билъ челомъ Яну въ службу, и Государь бы тѣхъ людей у Яна имати не велѣлъ.

И Шигона ему съ товарищи говорилъ: Жигимонтъ! тому быти не пригожъ, что тѣмъ робятомъ быти у Яна того дѣля, что недругъ Государя нешего Жигимонтъ Король послалъ къ нашему Государю своихъ пословъ, а на Государя пашего Украинные мѣста и къ городу къ Опочкѣ послалъ своихъ людей. Ино во всѣхъ земляхъ того берегутъ; и нынѣ тѣмъ робятомъ у тебя быти не пригоже. А велѣлъ Государь, тѣхъ робятъ отдати посломъ, да ихъ велѣлъ беречи дотолѣ, доколѣ Государя пашего воеводы съ Литовскими людми перевѣдаются, какъ которого дѣла Богъ похочетъ.

Да того дни, Жигимонтъ къ Литовскимъ посломъ ѣздилъ; а на завтрее приказалъ къ Великому Князю, чтобъ ему Государь велѣлъ у себя быти, или съ совѣтники свими видетися. И князь Великій посылалъ къ нему Шигона, да Меншего, да Трифана.

И какъ къ нему пріѣхали, и Жигимонтъ говорилъ: былъ есми у пословъ у Жигимонтовыхъ у королевыхъ и послы меня молили, чтобы мнѣ быти съ ними во всѣхъ дѣлѣхъ при Государѣ, да и о томъ у меня вѣдома хотятъ, какъ имъ при Государѣ быти? И язъ прошу Великого Государя о томъ, чтобы Великій Государь велѣлъ посломъ ранѣе быти у себя, и посолство бы у нихъ выслушалъ, и мѣсто бы Государь посломъ

велѣлъ учинити, гдѣ имъ дѣло дѣлати. И Шигона ему говорилъ: слышали есмя, скажемъ твои рѣчи Государю. А отъ себя ему поговорили: пригоже ли дѣло дѣлати, недруга Государя нашего Жигимонтовы королевы люди пришли на Государя нашего Украйну, ино тому дѣлу лзѣ ли быти дотолѣ, доколѣ государскіе воеводы съ Литовскими людми которое дѣло учинятъ, которого дѣла Богъ похочетъ?

И Жигимонтъ говорилъ: язъ говорю того дѣля, чтобъ ранѣе дѣло дѣлалося, да говорили въ розговорѣ рѣчей много, да на томъ и розъѣхалися.

И Октября 7, послалъ Князь Великій къ Жигомонту Шигону Поджегина, да діаковъ Меншаго Путятина, да Трифана Ильина, а велѣлъ ему молвити.

Шигона ему говорилъ: говорилъ еси нашимъ совѣтникомъ, чтобы намъ Жигимонтовымъ королевымъ посломъ велѣти быти у себя. Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: ино напередъ того братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, приказывалъ къ намъ съ своими послы и съ посланики, и съ нашими послы и съ посланики къ намъ приказывалъ, и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писалъ, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись. А пріѣзжали къ брату къ нашему къ Максимьяну въ его городъ въ Віену Владиславъ Король Угорскій, и Жигимонтъ Король Полскій; и положился Жигимонтъ Король о всемъ на братѣ нашемъ Максимьянѣ.

И мы къ брату своему приказывали съ его послы и съ своими послы, что для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже; а Жигимонтъ Король прислалъ къ намъ своихъ пословъ. А нынѣ пріѣхалъ къ намъ ты отъ брата нашего, и говорилъ еси намъ отъ брата нашего и неодинова, чтобы намъ для брата своего Максимьяна съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись; и мы тебѣ тожъ говорили, что съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже. И ты намъ говорилъ, чтобы намъ на королевы послы дати своя опасная грамота; и мы на королевы послы грамоту свою опасную тебѣ дали. И Жигимонтъ Король къ намъ пословъ своихъ послалъ. А какъ напередъ того умышлялъ неправые дѣла, такъ и нынѣ умыслилъ неправые дѣла; къ намъ послалъ своихъ пословъ, а воеводу своего болшего Костянтина Острожского, со всѣми съ своими людми, да и придобылъ къ тому людей, послалъ на наши украйны къ нашіе отчины ко Псковскому украинному пригородку къ Опочкѣ. И наши воеводы, вземъ Бога на помочь противъ недруга нашего людей, пошли и хотятъ съ ними дѣло дѣлати, сколко имъ Богъ поможетъ, и доколѣ перевѣдаются наши воеводы съ недруга нашего людми, и дотолѣ Жигмонтовымъ королевымъ посломъ у насъ быти непригожъ. А какъ есмя дали свою опасную грамоту на королывы послы, такъ потому велимъ посломъ и честь чинити и кормъ имъ давати, а нечти имъ никоторые не будетъ.

И Жигимонтъ говорилъ, что Государь посломъ честь велитъ чинить и кормъ имъ давати, да и впередъ ихъ велитъ чтити и кормъ давати, и зацѣпки имъ никоторые не велитъ учинити, ино ему въ томъ Государю честь ото всѣхъ Государей; а

о томъ говорилъ много спорныхъ рѣчей, чтобы посломъ быти на дворѣ.

И Шигона съ товарищи у Жигимонта отговаривали тѣмъ же, что во Государя нашего землю Литовскіе люди пришли, ино какъ тому дѣлу быти? И Жигимонтъ говорилъ: язъ ся вижу съ послы, и будетъ посломъ по времени лзѣ ждати, и они ждутъ; а не будутъ ждати времени, и язъ буду проситися у Государя къ своему Государю. И Государь нашъ пошлетъ къ Великому Государю меня помудрѣйши. Да далъ Жигимонтъ списокъ рѣчей своихъ.

А се списокъ далъ Октября 12. Слышелъ есми отвѣтъ Государя вашего, господа моего милостивѣйшаго, что посломъ наияснѣйшаго Короля Полского непригожъ у него быти того дѣля, что Король послалъ своего болшего воеводу со многимъ войскомъ въ его землю. И язъ, какъ есми обѣщалъ говорити посломъ королевымъ, и говорилъ есми съ ними; и они мнѣ отвѣчали таковъ отвѣтъ со многими рѣчми, что Король ихъ, первое, похотѣлъ смиритись предъ Богомъ, чтобы христіянскому невзгодію ему пособити, также похотѣлъ и Цесарьскому Величеству по моимъ рѣчемъ въ томъ угодити, а не иного для дѣла послалъ сюда своихъ пословъ; занже язъ въ своихъ грамотахъ писалъ просячи, чтобы онъ послалъ своихъ пословъ о сговорѣ мира, да и въ опасной грамотѣ, которую язъ къ нему послалъ, такъ писано, что имъ пріѣхати и отъѣхати добровольно, безо всякіе зацѣпки, а ни въ рѣчѣхъ ни въ дѣлѣхъ зацѣпки не будетъ. Также говорили мнѣ, чтобы язъ посмотрилъ въ свои грамоты и попамятовалъ опасъ даной, да и списокъ мнѣ дали того опасу. А молвили: такъ ли пригожъ тому быти, только бы Король то вѣдалъ, что надъ нами тому быти, и онъ бы твоимъ рѣчемъ не повѣрилъ, а насъ бы сюды не послалъ на такую нечесть. А на то отвѣчали, что будтось Король ихъ войско свое въ вашего Государя землю послалъ черезъ то, что онъ о всемъ несогласіѣ положился на Цесарское Величество намъ то невѣдомо, послалъ ли будетъ, или не послалъ, развѣе то здѣсе слышимъ. Ино вѣдомо вездѣ, что какъ начали валку, ино на обѣ стороны дѣлаютъ, сколко могутъ дотолѣ, доколѣ перемирье будетъ, или срокъ межи собою возмутъ, или пакъ миръ свершеной учинятъ, и то не толко межъ хрестіянъ нынѣ чинитца, но и межи невѣрныхъ. А и напередъ сего такъ бывало, доколѣ перемирье не станется, или сроку межъ себя не возмутъ, и они на обѣ стороны дѣлаютъ. А о томъ Король ихъ Цесарскому Величеству какъ обѣщалъ, такъ не держитъ, ино то, того для, занже Наияснѣйшій Начальникъ вашъ, по прошенію Цесарскаго Величества, обѣщалъ, что хочетъ миру съ ихъ Королемъ, да то обѣщалъ, а въ кое время язъ здѣсь, а онъ въ то время посылалъ своихъ людей на его землю, и землю его воевали. А Король въ ту пору людей своихъ не посылалъ, ино послѣ того Королю въ досаду учинилось, и онъ послалъ себя обороняти; ино кто на него о томъ взмолвитъ, что онъ послалъ себя обороняти, а какъ вразумѣлъ есми въ грамотѣ племянника своего, что Король послѣ опасные грамоты принялъ великіе обиды отъ вашихъ людей, и онъ долго помышлялъ, послать ли своихъ пословъ, или не послать. Ино, какъ христіанской Король похотѣлъ Христіанству помочи и угодити Цесарскому Величеству, да пословъ своихъ

посылалъ. А послы того не вѣдаютъ, послалъ ли будетъ Король свое войско, а хотя будетъ и послалъ, и онъ не безлѣпъ послалъ, хотя себя оборонити, что ему великіи обиды. А говорятъ мнѣ такъ, чтобы ся дѣло дѣлало такъ, какъ язъ къ нимъ писалъ: самъ вѣдаешь дѣло и какъ тебѣ хранити честь Государя своего и своя; а намъ такъ жити долго не мочно. И язъ съ ними говорилъ, чтобы срокъ на мѣсяцъ, учинити то дѣло дѣлати; и они отвѣчали, что имъ не мочно того учинити; хоти и пошлютъ къ воеводѣ, и воеводѣ ихъ писаніа не послушати такое перемирье взяти, доколѣ своему дѣлу конецъ учинитъ, на что онъ посланъ. А и они столь долго не хотятъ ждати, и не могъ есми съ ними говорити. А Началникъ вашъ Наияснѣйшій не хочетъ ихъ слушати, а они не чаютъ, или и не хотятъ такова перемирья. И язъ имъ молвилъ: хочю дѣло оставити и прочь ѣхати. И они мнѣ противъ съ бранью молвили: о чемъ ты напередъ того къ Королю не писалъ? толко бы ты тогды писалъ такъ, и Король бы любо послалъ, или инако учинилъ совѣтъ. И на другой день послѣ того пріѣхали ко мнѣ, во всемъ хотѣли отъ меня имѣти наказъ, что имъ нынѣ дѣлати; занже въ повелѣнье имѣютъ безъ моего вѣдома нечего дѣлати для первыхъ дѣлъ. И просили у меня, что бы Государь ихъ не бесчестенъ былъ и безлѣпъ бы здѣсь не лежали, занже какъ звѣрей въ пустыняхъ, такъ ихъ стерегутъ и не возмогутъ того учинити, что Государь имъ велитъ у себя быти и они хотятъ прочь итти. И язъ ихъ просилъ, чтобы еще потерпѣли; и что удѣлаю, и язъ имъ вѣдомо учиню. И толко Государь ихъ къ себѣ не пуститъ, а отпуститъ ихъ такъ, рѣчей у нихъ не выслушавъ; ино Государю моему Максимьяну безчестіе будетъ. А Король Полскій со Государя моего съ грамоты и съ моихъ и съ опасной грамоты пошлетъ списки къ папѣ къ Римскому и къ инымъ Княземъ. И что о томъ будутъ люди говорити, Римскій Цесарь учинился съ Великимъ Княземъ въ братствѣ противу меня, и како отъ нихъ поруганъ есми; и Великій бы Государь поберегъ чти Государя моего для бы своего имени, и чти Государя моего; похотѣлъ бы ихъ слушати не для Короля, но для чти Государя моего. Хоти Король и неправду учинилъ, и онъ бы то оставилъ, а учинилъ бы для чти Государя моего. И Великому Государю въ томъ во всѣхъ земляхъ честь будетъ, а язъ то своему Государю изъявлю, что онъ учинилъ не для иного дѣла, но для Цесарского Величества.

И Октября 14, приказалъ Жигимонтъ, чтобы его тѣмъ рѣчемъ отвѣтъ былъ, что онъ говорилъ. И Князь Великій послалъ къ нему Шигону же, да Меншего, да Трифона на подворіе. И пріѣхавъ, ему говорили: писалъ еси въ своемъ списку, чтобы Великій Государь Литовскимъ посломъ велѣлъ у себя быти, и рѣчи бы у нихъ велѣлъ выслушати; а толко не велитъ имъ Государь у себя быти, и ты празденъ здѣсе быти не хочешь. И мы тебѣ отъ своего Государя о томъ отвѣтъ учинили: доколѣ перевѣдаются Государя нашего воеводы съ Литовскими людми, и дотолѣ Литовскимъ посломъ у Государя нашего непригоже быти; а и нынѣ Государь нашъ велѣлъ тебѣ тожъ говорити, что доколѣ перевѣдаются его воеводы съ Литовскими людми, и дотолѣ Литовскимъ посломъ быти у него непригожъ.

Да говорилъ Жигимонтъ о томъ

много, чтобъ посломъ быти у Великаго Князя. И Шигона и діаки ему то отговаривали, да на томъ и разъѣхались.

И Октебря 18, прислалъ Жигимонтъ къ Шигонѣ и къ діакомъ списокъ.

А се списокъ: Совѣтникомъ Наияснѣишаго Началника достоінишимъ поздравленіе! Вѣдомо вамъ, что язъ именемъ Цесарскаго Величества приѣхалъ на сговоръ о несогласіи межъ Наияспости Началника вашаго и Короля Полскаго; но коли съ вами, или со Государемъ съ вашимъ похотѣлъ есми дѣлати, ино со мною не хотятъ ни дѣлати, ни слышети. И мнѣ, такъ живучи порозному, не дѣлаючи ничего, не безъ чести того, чьимъ именемъ посланъ есмь, не могу быти; ни пакъ сосланъ есмъ ждати конца валкамъ, кои въ сомнѣніи имѣются; да и немощь тѣла моего меня нѣкако на то понужаетъ, не долго бы здѣсь быти. Того для, воспоминаю вашему господьству, чтобы ести изволили дѣлати съ Наияснѣйшимъ Государемъ вашимъ, съ моимъ милостивѣйшимъ Государемъ, будетъ мощно, чтобы намъ дѣлати изговаривати о томъ дѣлѣ, котораго для посланъ есми на семъ мѣсяцѣ Октябрѣ. И будетъ не дѣлати, ино, буди вамъ вѣдомо, что послѣ сего мѣсяца съ Божіею помощію къ Цесарскому Величеству хочю возвратитись и ему сказати, что̀ и какъ дѣлалося; а язъ Государю челомъ бію. Данъ въ 18 день Октебря мѣсяца, лѣта Господня 1517. Жигимонтъ Гербенстейнъ Рыцарь, Цесарскій посолъ.

И Октября 19, Князь Великій послалъ къ Жигимонту Шигона, да Меншего, да Трифана на подворіе. А велѣлъ ему говорити: прислалъ еси къ намъ запись, а писалъ еси къ намъ, чтобы Государь нашъ вѣлѣлъ у себя быти Литовскимъ посломъ на семъ мѣсяцѣ; а не велитъ Государь у себя быти посломъ, и ты послѣ сего мѣсяца хочешь проситься у нашего Государя къ своему Государю. Ино, напередъ того, тебѣ о томъ отвѣтъ былъ, и нынѣ Государъ нашъ велѣлъ тебѣ говорити: доколѣ перевѣдаются Государя нашего ваеводы съ Литовскими людми, и дотолѣ Литовскимъ посломъ у Государя нашего быти непригожъ; а какъ то дѣло придетъ па конецъ, а Государь нашь толды Литовскимъ посломъ велитъ у себя быти, и рѣчи у нихъ толды велитъ выслушати, и для брата своего Максимьяна съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ какъ пригоже. И похотятъ послы дѣлати, и Государь нашъ дѣлати съ ними хочетъ; а не похотятъ послы дѣлати, и Государь нашъ толды тебя и Литовскихъ пословъ прочь отпуститъ.

И Жигимонтъ тожъ говорилъ много, чтобъ посломъ быти у Великого Князя не мотчая; и Шигона и діаки, съ нимъ о томъ поговоря, да прочь поѣхали.

И Октября 25, прислалъ къ Великому Князю бояринъ его и воевода князь Александръ Володимеровичь и иные воеводы: что Великаго Князя дѣти боярскіе, князь Өедоръ княжъ Васильевъ сынъ Оболенского - Телепневъ, да Иванъ Лятцковъ и иные дѣти боярскіе во многихъ мѣстѣхъ Литовскихъ людей многихъ побили, а иныхъ многимъ перенмали; а подъ Опочкою такъ же много людей побили, а иныхъ перенмали, и воеводу у нихъ Латцкого болшего Сокола убили; а Костянтинъ Острожской отъ Опочки побѣжалъ прочь.

И Князь Великій, приговоря съ братіею съ своею и съ бояры, что ему

пригоже посломъ Литовскимъ велѣти быти на дворѣ; а напередъ сказати то Жигимонту того для, что Жигимонтъ неодинова говорилъ, чтобы Князь Великій посломъ велѣлъ быти на дворѣ. Да послалъ къ Жигимонту на подворіе Шигону Поджогина, да діаковъ Меншаго да Трифана, а велѣлъ ему говорити:

Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: что прислалъ къ намъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ, и мы имъ не велѣли быти у себя того дѣля, что какъ напередъ того Жигимонтъ Король помышлялъ неправыя дѣла, также и нынѣ умыслилъ неправые лестные дѣла, къ намъ послалъ своихъ пословъ, а на наши украины ко Псковскому пригородку къ Опочкѣ послалъ болшего своего Гетмана Костянтина Острожского и иныхъ своихъ воеводъ многихъ и многихъ людей, да и прибылыхъ людей съ ними послалъ. И наши воеводы, вземъ Бога на помощь, противъ Литовскихъ людей пошли и хотятъ съ Литовскими людми дѣло дѣлати, и доколѣ наши воеводы перевѣдаются съ Литовскими людми, и дотолѣ королевымъ посломъ у насъ быти не пригожъ; а какъ перевѣдаются наши воеводы съ Литовскими людми, и мы тогды посломъ королевымъ у себя велимъ быти. И нынѣ наши воеводы съ Литовскими людми перевѣдалися такъ, какъ сего милосердый Богъ похотѣлъ, праведный Владыко и нелицемѣрный Судія судилъ правду, и мы нынѣ Литовскимъ посломъ велимъ у себя быти, а быти имъ у насъ въ четвергъ, Октября 29. А ты похочешь у насъ быти, а Литовскіе послы съ тобою, ино то на твоей волѣ.

Да опослѣ того отъ себя ему Шигона сказалъ какъ Великаго Князя дѣло дѣлалося; дѣлалося Государя нашего дѣло съ Литовскими людми тѣми дѣлы: пришла вѣсть ко Государя нашего воеводамъ на Луки на Великіе къ боярину и къ воеводѣ ко князю къ Александру Володимеровичу къ Ростовскому и къ инымъ воеводамъ Государя нашего, что королевы воеводы Костянтинъ Острожской и иные воеводы многіе, со многими людми съ Лятцкими и съ Литовскими, да изъ иныхъ земль прибылые люди съ ними, идутъ на Государя нашего Украйну ко Псковскому пригородку къ Опочкѣ. И Государя нашего воеводы, послышевъ то, да вземъ Господа Бога на помощь, пошли противъ Литовскихъ людей, и хотѣли съ Литовскими людми дѣло дѣлати; а напередъ себя послали подъ Литовскіе люди Государя нашего дѣтей боярскихъ. И Государя нашего дѣти боярскіе встрѣтили Литовскихъ людей, недопустя ихъ Псковского пригородка Опочки, да съ ними бились; и, милостію Божіею, Государя нашего дѣти боярскіе Литовскихъ людей многихъ побили, а иныхъ переимали, и воеводу у нихъ Лятцкого болшего Сокола убили, да и знамя его взяли; а поимали у нихъ на томъ бою человѣкъ съ четыреста. И Острожской, послышевъ то, что Государя нашего дѣти боярскіе Литовскихъ людей многихъ побили, а иныхъ многихъ переимали, а Государя нашего воеводы идутъ прямо на него, и онъ побежалъ въ свою землю, пометавъ многіе свои скарбы; а наши воеводы за ними пошли. Такъ съ Литовскими людми Государя нашего дѣло дѣлалося!

А се какъ Максиміановъ посолъ Жигимонтъ съѣхался въ одно мѣсто съ Жигимонтовыми королевыми по-

слы, съ Щитомъ и съ Богушомъ, и были у Великого Князя вмѣстѣ.

И Октября 29, въ четвергъ послалъ Князь Великій къ Литовскимъ посломъ на подворье Григорья Загрязкого, а велѣлъ посломъ ѣхати къ Жигимонту на подворье. И какъ пріѣхали къ Жигимонту на подворіе, и Князь Великій на Жигимонта на подворіе послалъ князя Михаила княжъ Иванова сына Кубенского, да дьяка своего Трифана Ильина, да пристава его Тимошку Хлуденева. А по Литовскихъ пословъ послалъ пристава Григоріа Загрязского. А самъ Князь Великій сидѣлъ въ полатѣ въ середней, въ золотой.

И пріѣхали послы вмѣстѣ на дворъ, Максимьяновъ и Литовскіе послы.

И Князь Великій послалъ встрѣтить Жигимонта въ паперти у Благовѣщенья Ивана Шигону Юрьева сына Поджогина, да діака своего Сумарока Путятина. И Шигона и Суморокъ Жигимонта встрѣтили и пошли къ Великому Князю; и какъ они съ того мѣста сступили съ дважды, и Литовскихъ пословъ Щита и Богуша встрѣтили Микита Ивановъ сынъ Карпова, да діакъ Меншикъ Путятинъ. И какъ взошли отъ Благовѣщеніа на верхнее крыльцо, и поитти имъ направо по переходомъ къ середней полатѣ, и тутъ встрѣтилъ Максиміянова посла Жигимонта дворецкой Тферской Михайло Юрьевъ сынъ Захарьича, да Θедоръ Ивановъ сынъ Карпова, да діакъ Елизаръ Цыплятевъ; и на тѣхъ же переходѣхъ, не доходя дверей сѣнныхъ, встрѣтилъ Литовскихъ пословъ Щита и Богуша околничей Василей Яковль сынъ Захарьича, да дьякъ Иванъ Телешевъ; да и шли съ ними всѣ вмѣстѣ къ Великому Князю. И вшедъ къ Великому Князю, явилъ Максимьянова посла Жигимонта, челомъ ударити, дворецкой Тферской Михайло Юрьевъ сынъ Захарьича; а Литовскихъ пословъ Щита и Богуша явилъ Великому Князю челомъ ударити околничей Василей Яковль сынъ Захарьича. И Князь Великій Жигимонта звалъ къ руцѣ; а опослѣ того звалъ къ себѣ къ руцѣ Щита и Богуша. И помотчавъ мало, Щитъ говорилъ: Государь нашъ Жигимонтъ Король тебѣ Василью, Божьею милостію Государю всеа Русіи и Великому Князю, велѣлъ поклонитися. Да подалъ Щитъ грамоту вѣрющую, и грамоту у Щита велѣлъ Князь Великій взяти діаку своему Меншему Путятину. И Князь Великій съ своего мѣста вставъ, спросилъ: Жигимонтъ Король добръ здоровъ? Да велѣлъ Максимьянову послу Жигимонту сѣсти, да и Литовскимъ посломъ сѣсти. А скамья имъ была поставлена одна, того подалѣ, какъ Максимьяновъ посолъ сажывался у Великаго Князя, коли приходилъ одинъ, а близко у рундака, а того поближъ къ Великому Князю, какъ Литовскіе послы саживались напередъ того. И какъ послы сѣли, и Князь Великій велѣлъ діаку своему Меншику спросити Щита и Богуша, которые будутъ за ними рѣчи, и они бы говорили. И Янъ Щитъ и Богушь говорили рѣчь. А се грамота вѣрющая и списокъ рѣчей ихъ, что Щитъ и Богушъ говорили. И та грамота вѣрющая и списокъ рѣчей ихъ писано въ Литовскихъ книгахъ.

И посидѣвъ мало, велѣлъ Князь Великій Меншику же вспросити Щита и Богуша, есть ли за ними иные рѣчи, и они бы рѣчи говорили. И Щитъ и Богушъ отвѣчали: по се время толко за нами рѣчей. И посидѣвъ мало

вставъ, учалъ рѣчь говорити Максимьяновъ посолъ Жигимонтъ:

Наияснѣйшій и Великій Государь, мой милостивѣйшій Наияснѣйшій Государь Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, послалъ меня въ тебѣ о томъ, чтобъ ты съ Жигомонтомъ Королемъ былъ въ миру и во упокоѣ; и Жигимонтъ Король нынѣ послалъ къ тебѣ своихъ пословъ, господъ нашихъ Яна, Щита и Богуша: молимъ и просимъ чтобы еси ихъ милостивне принялъ, и похотѣлъ бы еси вборзѣ дѣло дѣлати. А язъ хочю у того дѣла прилѣжне быти, по наказу своего Государя.

И какъ посидѣли послы мало, и Князь Великій звалъ Жигимонта и Литовскихъ пословъ къ себѣ ѣсти; да велѣлъ имъ ѣхати, подождати стола на старомъ своемъ дворѣ въ столовой горницѣ у Николы. А провожали пословъ дѣти боарскіе и діаки до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ ихъ кто встрѣчалъ.

И ѣли того дни Максимьяновъ посолъ и королевы послы у Великого Князя. А опослѣ стола посылалъ Князь Великій поити Максимьянова посла Жигимонта, князя Михайла княжъ Иванова сына Кубенского да діака Трифана Ильина, а съ ними дѣтей боарскихъ 5 человѣкъ; а Литовскихъ пословъ посылалъ поити, оружейничего своего Микиту Иванова сына Карпова, да діака Ивана Телешева, а съ ними дѣтей боарскихъ 6 человѣкъ.

И Ноября 1, велѣлъ Князь Великій посломъ быти на дворѣ. А посылка по Максимьянова посла и по Литовскихъ пословъ и встрѣча имъ была о всемъ по тому, какъ напредъ того посылка по нихъ и встрѣча имъ была. И какъ пришли къ Великому Князю и Князь Великій Жигимонту подавалъ руку, а Литовскимъ посломъ руки не подавалъ; да велѣлъ посломъ сѣсти. Да какъ посидѣли мало, и Князь Великій велѣлъ имъ итти въ набережную полату, да высылалъ съ отвѣтомъ къ Максимьянову послу къ Жигимонту Григорья Ѳедоровича, Юрья Малаго, Меншика Путятина; а къ Литовскимъ посломъ Михаила Юрьева сына Захарьича, Шигону Поджогина, Ивана Телешева. А сидѣли въ одномъ мѣстѣ. Првое говорилъ рѣчь Жигимонту Григорей Ѳедоровичь, да Юрьи, да Меншей; а опослѣ того говорили рѣчь Литовскимъ посломъ Михайло Юрьевъ и Шигона и Телешевъ.

А се отвѣтъ Максимьянову послу Жигимонту, какъ былъ отвѣтъ Литовскимъ посломъ, и списокъ ему данъ.

Григорей Ѳедоровичь говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: напередъ того приказывалъ къ намъ братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, съ своими послы и съ посланники, и съ нашими послы и съ посланники, и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писали неодинова просячи насъ, да и ты намъ отъ брата нашего отъ Максимьянова, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, просячи насъ говорилъ, чтобы намъ, для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря и навышшего Короля съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися, чтобы рука бесерьменская не высилась и Государи бы бесерьменскіе впредъ не ширилися, а христіанскихъ бы Государей надъ бесерменствомъ рука высилась и Государства бы христіанскіе ширилися.

Юрьи Малоії говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: ино мы какъ напередъ того не хотѣли того видѣти, такъ и нынѣ того не хотимъ видети, чтобы кровь христіанская отъ бесерменства лилася, и бесерменская бы рука надъ христіянствомъ вынилася. А завсе того просимъ у Бога и хотимъ то видети, чтобы, какъ далъ Богъ, хрестіанская рука надъ бесерменствомъ высилась, и Государьства бы хрестіанскіе ширилися; а съ Божіею волею, какъ есмя напередъ того берегли и за хрестіанство стояли, такъ и нынѣ того бережемъ и впередъ съ Божьею волею за христіанство хотимъ стояти и боронити хрестіанство, какъ намъ Господь Богъ поможетъ.

Меншеі Путятинъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: а что еси намъ говорилъ, чтобы намъ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися.

Григорей Феодоровичъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: и мы нынѣ для брата своего Максиміана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, и чтобъ кровь хрестіанская впередъ не лилася, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ есть пригоже намъ и нашему Государству.

А се отвѣтъ Литовскимъ посломъ Щиту и Богушу; и то писано въ Литовскихъ книгахъ. А отвѣчано имъ тожъ, что и Максимьянову послу.

А какъ изговорили рѣчи, и Жигимонтъ говорилъ: такъ и есть, что вы мнѣ отъ своего Государя говорили, язъ то говорилъ отъ своего Государя Великому Государю. А Жигимонту есми Королю то говорилъ же, и Жигимонтъ Король и прислалъ къ Великому Государю своихъ пословъ. А се послы и вы съ ними дѣлаете. А Литовскіе послы помолчали, да сидячи говорили:

Государь нашъ Жигимонтъ Король съ нами приказалъ, что миру хочетъ, какъ будетъ ему пригоже; а вы намъ говорили, что Государь вашъ миру хочетъ, какъ будетъ ему пригоже, ино что пригожство? Да посидѣвъ мало, говорилъ Михайло Юрьевъ Литовскимъ посломъ: дали есте въ писаньѣ, послѣ рѣчей вашихъ написано розмолвити съ бояры Великого Князя, и Государь нашъ послалъ господина нашего Григорья Феодоровича и казначея своего Юріа Дмитреевича и дѣтей боярскихъ своихъ и насъ, и что будетъ и вы говорите. И они молвили: мы хотимъ слышети отъ васъ, отъ бояръ Государьскихъ, какъ Великій Государь съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ миру? да о томъ поспирались. Да учали Великого Князя бояря говорити.

Григорей Феодоровичь съ товарищы: Государь нашь съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ на томъ, чтобъ ему Жигимонтъ Король по докончанью и по крестному цѣлованью направилъ во всемъ, въ чемъ ему по докончанью и по крестному цѣлованію не исправилъ; и которую нечесть сестрѣ Государя нашего Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ учинилась отъ его пановъ, и онъ бы то направилъ, пановъ бы своихъ про то казнилъ. А которые городы Государя нашего, отчина отъ прародителей его, Кіевъ, Полтескъ, Витебскъ, и иные

городы, Государя нашего отчину Жигимонтъ Король держитъ за собою неправдою, и онъ бы тѣхъ городовъ Государю нашему поступился. А которые городы и волости зять Государя нашего Александръ Король подавалъ сестрѣ Государя нашего, а своей Королевѣ, Великой Княгинѣ Оленѣ, и онъ бы и тѣхъ городовъ и волостей Государю нашему поступился, и казну бы Королевы Государю нашему отдалъ.

И послы говорили: Государь нашъ, Жигимонтъ Король, изъ докончанія, изъ крестнаго цѣлованія Великому Князю ни въ чемъ не выступилъ. А Князь Великій, какъ взявъ съ нашимъ Государемъ миръ и крестное цѣлованіе, и написавъ, что ему и подъ дѣтми Государя нашего Государствъ не подыскивати, и онъ преступилъ крестное цѣлованіе, да валку почалъ, и вотчину Государя нашего городъ Смоленскъ взялъ. Да много говорили о томъ послы, что Князь Великій изъ докончанья выступилъ, а все тѣмъ, что валку почалъ и Смоленескъ взялъ.

И бояре посломъ говорили: Государь нашъ изъ докончанія и изъ крестного цѣлованья Жигимонту Королю ни въ чемъ не выступилъ. А Жигимонтъ Король изъ докончаніа и изъ крестного цѣлованіа много выступилъ, многижда наводилъ бесерменство на христіанство, да и навелъ, и сестрѣ Государя нашего много нечти учинилъ. Да о томъ въ споръ долго говорили.

И Литовскіе послы говорили: нынѣ Государь нашъ съ Великимъ Княземъ миру хочетъ на томъ, чтобы ему Князь Великій поступился ихъ отчинъ, что изъ старины ихъ отчина, половины Новагорода Великаго, да Пскова, да Тфери, Вязмы, Дорогобужа, Путивля, и всеѣ Сѣверы; и Государь нашъ на томъ миру хочетъ.

И бояре шедъ сказали то Великому Князю, и Князь Великій послалъ къ нимъ боаръ же, а, велѣлъ имъ говорити: которые есте рѣчи намъ говорили, и мы тѣ рѣчи да своего Государя донесли, и Государь нашъ велѣлъ вамъ говорити: что есте говорили намъ о неисправленьехъ, что будто Государь нашъ Королю неисправилъ, и боаре наши вамъ о томъ вкратцѣ молвили; а похотите того слушати, и мы вамъ Жигимонта короля къ себѣ неизправленьа, велимъ сказати, что его къ намъ неисправленье. А о вотчинѣ, что есте намъ говорили о Новѣгородѣ, и о иныхъ городѣхъ, и мы тому дивимся, что къ намъ Жигмонтъ Король такіе неправые рѣчи приказываетъ. А мы съ Божіею волею и того хотимъ, которую нашу отчину Жигимонтъ Король держитъ за собою неправдою, ино бы и тѣ городы наша отчина за нами была. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы намъ нашу отчину Руские городы поотдавалъ, и по докончанью бы намъ направилъ; и отдастъ намъ Жигимонтъ Король нашу отчину Рускіе городы, и мы съ нимъ миру хотимъ. А тебѣ, Жигимонтъ, Государь нашь велѣлъ молвити: какъ есмя напередъ того тебѣ говорили, что съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, такъ и нынѣ съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ для брата своего Максимьяна.

И Жигимонтъ спросилъ пословъ Литовскихъ: рѣчи Великаго Князя слышите, ино есть ли за вами иные рѣчи къ Великому Князю о миру? Богушъ говорилъ: Государь нашъ Жигимонтъ Король съ Великимъ Княземъ миру хочетъ, какъ ему будетъ пригожъ. Да поговоривъ тутъ о томъ

розговорныхъ рѣчей много, да молвилъ Богушъ: Государь нашъ какъ есть и справедливый Государь и не хочетъ кровопролитья христіанскаго, и онъ миру хочетъ съ Великимъ Княземъ. И похочетъ Князь Великій ему съ нимъ миру, и онъ бы поступился тѣхъ городовъ всѣхъ, которые у нашего Государя поималъ. Да тутъ также поговорили разговору много на обѣ стороны.

И Жигимонтъ говорилъ: толко межъ Государей не състанется доброе согласіе, и Государь бы вашъ отпустилъ меня къ моему Государю. И бояре шедъ сказали Великому Князю; и Князь Великій, поговоря, послалъ къ нимъ бааръ же, а велѣлъ имъ молвити: которые есте рѣчи намъ говорили, и мы тѣ рѣчи сказали своему Государю Великому Князю; и Государь нашъ велѣлъ вамъ молвити: толко за вами не будетъ опричь тѣхъ и ныхъ рѣчей, что есте ныне намъ говорили, и вы нынѣ поѣдте къ себѣ на подворье. А ты, Жигимонтъ, намъ говорилъ, чтобы Государь нашъ тебя отпустилъ къ твоему Государю, и Государь нашъ хочетъ тебя отпустити къ твоему Государю. И послы отвѣчали: за нами толко рѣчей, что есмя говорили, да и поѣхали на подворіе. Да поговорили о отпускѣ, чтобы ихъ Князь Великій отпустилъ безо всякіе задержки. И бояре ему отвѣчали: безо всякаго сумнѣніа Государь нашь васъ отпуститъ; да поѣхали тогды послы на подворье. И опослѣ того Князь Великій поговорилъ съ братьею своею и съ боары, чтобы ему велѣти быти на дворѣ одному Максимьянову человѣку, да съ нимъ о томъ поговорити, того для, хоти и дѣло не здѣлается, и ему бы что, пріѣхавъ, Максимьяну было сказати.

И Ноября 3, велѣлъ Князь Великій Жигимонту быти на дворѣ, а по него послалъ князя жъ Михаила Кубенского. А стрѣчали его у Благовѣщенья Шигона, да Сумарокъ; да какъ взошелъ на переходъ ино его встрѣтилъ Михайло Юрьевъ, да Ѳедоръ Карповъ, Елизаръ Цыплятевъ. Да какъ пришелъ къ Великому Князю, и Князь Великій его позвалъ къ руцѣ да велѣлъ ему сѣсти; да посидѣвъ мало, и Князь Великій велѣлъ ему итти въ набережную полату, да послалъ къ нему съ рѣчью Григорья Ѳеодоровича, Михаила Юрьева, Юріа Малаго, Шигону Поджогина, Ивана Телишева, Меншаго Путятина, Трифана Ильина. И рѣчи ему говорилъ отъ Великого Князя Григорей Ѳедоровъ всѣ; а сказывалъ по списку Григорью Меншей Путятинъ.

А се списокъ 2. Отвѣтъ Жигимонту при Литовскихъ послѣхъ:

А се говорити отъ Великаго Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, Максимиліянову, избраннаго Цесаря Римского и навышего Короля, послу Жигимонту. Какъ Литовскіе послы пріѣхали и были у Великаго Князя и отвѣтъ имъ былъ; и опослѣ того велѣлъ Князь Великій Жигимонту быти на дворѣ одному. И говорили ему бояре:

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Велкій Князь, велѣлъ тебѣ го(ворити) что къ намъ братъ нашъ приказывалъ и неодинова, да и въ грамотахъ въ своихъ писалъ, да и ты намъ отъ него говорилъ, что бы намъ для брата нашего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись; и мы тебѣ и неперэдъ того

говорили, что для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ. И мы и нынѣ для брата своего Максимиліана, избранаго Цесаря Римскаго и навышшаго Короля съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже.

Григорей говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а ономедни былъ еси у насъ, да и Жигимонта Короля послы туто жѐ были, и которые рѣчи бояре наши съ ними говорили, и ты тѣ рѣчи слышелъ; и Жигимонта Короля послы говорили, что будто мы Жигимонту Королю по докончанью не исправили; ино то тѣ Жигимонта Короля послы говорили то неправые рѣчи, что будто мы Жигимонту Королю по докончанью не исправили; а мы Жигимонту Королю по докончанію все правили, а ни изъ чего есмя ему изъ докончанія не выступили, и дотолѣ, доколѣ онъ намъ не учалъ правити. А какъ не учалъ Жигимонтъ Король по докончанью намъ правити, и мы съ нимъ за то и почали свое дѣло дѣлати; а что Жигимонта Короля къ намъ неисправленье, и то ономедни бояре наши его посломъ вкратцѣ молвили. А къ брату есмя къ своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, то Жигимонта Короля къ намъ неисправленіе писаніемъ изъявили, ино то брату нашему Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышему Королю Жигимонта Короля къ намъ неисправленіе гораздо вѣдомо, да и тебѣ, чаемъ, что вѣдомо же.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великіи Князь велѣлъ тебѣ говорити: и что Жигимонта Короля къ намъ неисправленіе, и мы нынѣ то велимъ Жигимонтовымъ королевымъ посломъ передъ тобою то выговорити и отпускъ имъ учинити, чтобы тебѣ гораздо внятно было, было бы что тебѣ, пріѣхавъ къ брату нашему Максимьяну, сказати.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: А что Жигимонтовы королевы послы говорили, что будто Жигимонтъ Король нашіе отчины за собою не держитъ, а будто еще мы за собою держимъ его городы, и коли братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, присылалъ къ намъ своего посла Юрья Сницпамера, чтобы намъ съ нимъ быти въ любви и въ завѣщаньи и на Жигимонта бы намъ Короля быти съ нимъ заодинъ и доставати намъ своей отчины Рускихъ городовъ Кіева, Полтеска, Витебска и иныхъ городовъ Рускіе земли, а брату нашему доставати Пруских городовъ; да и въ докончалныхъ грамотахъ межъ насъ съ братомъ съ нашимъ написано, что намъ быти съ нимъ въ любви и въ завещаньи и на своего недруга на Жигимонта Короля быти намъ съ нимъ заодинъ и доставати тѣхъ городовъ и своеіі отчины заодинъ; и братъ нашъ и отъ насъ не слышавъ, вѣдая то гораздо, что Жигимонтъ Король нашу отчину держитъ за собою неправдою, и онъ о томъ къ намъ приказалъ. И ты, Жигимонтъ, положи на своемъ разумѣ, гораздо ли то Жигимонтовы королевы послы говорятъ, что будто мы за собою его городы держимъ, а онъ будто за собою нашіе отчины не держитъ? И мы нынѣ то велѣли тебѣ говорити того для, что тебя отпуща-

емъ къ брату своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю; и тебѣ бы то было горазло въ память, чтобы тебѣ было что, пріѣхавъ брату нашему, сказати о нашего недруга о Жигимонтовѣ королевѣ къ намъ неисправленьѣ.

И выслушавъ Жигимонтъ рѣчи, да говорилъ: говорили есте мнѣ отъ Великаго Государя, что нашего Государя посолъ Юрьи Снипамеръ былъ у Великаго Государя, да и миръ заключилъ и грамоты доконъчалные пописалъ. Ино тотъ миръ Юрьи Снипамеръ заключилъ съ Великимъ Государемъ не по Государя нашего велѣнью, о томъ съ нимъ къ Великому Государю приказъ не бывалъ. А былъ съ нимъ приказъ таковъ, что было ему о томъ говорити, а не заключити. Да нынѣ Государь нашь тотъ миръ заключилъ и крестъ цѣловалъ, да потому Великому Государю хочетъ и правити. Да говорилъ Жигимонтъ съ бояры на обѣ стороны розговорныхъ рѣчеї много. Да учалъ говорити: дѣлалъ бы, да не умѣю; посреднего пути не знаю; вы говорите высоко, а Жигимонтовы королевы послы также высоко говорятъ, а середнего пути незнаю. Да Жигимонтовы королевы послы хотятъ пріити на правду.

И бояре посидѣвъ, спросили его: Жигимонтовы королевы послы на какую правду хотятъ пріити, и что посреднее дѣло? и Жигимонтъ тому не отвѣчалъ ничего. Да посидѣвъ, учалъ говорити: позналъ бы, что межъ Государей дѣлу быти, и язъ бы здѣсь еще пожилъ; а не будетъ межъ Государеї доброго дѣла, и Государь бы меня отпустилъ прочь къ моему Государю.

И бояре шедъ сказали Великому Князю. И Князь Великій послалъ къ нему бояръ же, а велѣлъ ему молвити. Государь нашь велѣлъ тебѣ говорити: и напередъ того есми тебѣ велѣлъ тожъ говорити, что для брата своего съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ пригоже, и мы и нынѣ съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ пригоже, а къ твоему Государю тебя отпустимъ, не мотчая. — Да того дни Князь Великій велѣлъ ему ѣхати на подворіе.

И Ноября 6, Максимьяновъ посолъ Жигимонтъ Истомѣ Малому далъ запись, чтобы ему Князь Великій велѣлъ быти на дворѣ, да и Литовскимъ посломъ. А се запись:

Говорилъ цесаревъ посолъ Жигимонтъ Истомѣ, что бы еси отъ меня сказалъ бояромъ Государя своего, что былъ у меня вчера Короля Полскаго человѣкъ Николай Нибстичь и говорилъ мнѣ, что послы королевы бояромъ которые рѣчи говорили, а имъ тѣ рѣчи показались не угодны. А говорили, сказываютъ, тѣ рѣчи бояромъ противу ихъ рѣчеї, и противу ихъ прошеніа. И нѣчто престанутъ отъ тѣхъ, и королевы послы хотятъ мнѣ изъявити, да и бояромъ Государя вашего волю Государя своего королеву и свою, на чемъ они присланы, и какъ имъ дѣло дѣлати о миру. Говорилъ есми бояромъ Государя вашего, чтобы бояромъ Государя вашего и посломъ по раздѣлнымъ домомъ быти, того дѣля, толко они вмѣстѣ будутъ, и стану язъ говорити на Государя вашего сторону, ино бояря Государя вашего возвысятся рѣчью и дѣломъ; и стану говорити на королеву сторону, ино послы королевы возвысятся рѣчью и дѣломъ. А чаялъ есми того, что было мнѣ вчера быти на дворѣ, или нынѣ, а говорилъ есми боя-

ромъ Государя вашего, что болѣ того здѣсе не хочю мотчати: и ты бы то бояромъ Государя своего сказалъ.

И Ноября 8, велѣлъ Князь Великій Максимьянову послу Жигимонту, да и Литовскимъ посломъ быти на дворѣ. Посылка по Максимьянова посла и по Литовскихъ и встрѣча на дворѣ была по тому же, какъ было напередъ того; и пошли къ Великому Князю челомъ ударити, и Князь Великій Максимьянова посла Жигимонта звалъ къ руцѣ, да велѣлъ имъ всѣмъ сѣсти; да посидѣли мало, и онъ имъ велѣлъ итти въ набережную полату. Высылалъ бояръ своихъ къ Максимьянову послу Григорья Өедоровича, Юріа Малово, да діаковъ Меншаго Путятина, да Трифана Ильина; а къ Литовскимъ посломъ высылалъ Михаила Юрьева, Шигону Поджогина, да дьяка Ивана Телешова съ рѣчью.

А се списокъ, что говорилъ Григорей Жигимонту въ спросъ, что Истомѣ говорили:

А се говорити Григорью Өеодоровичю съ товарищы, Жигимонту цесареву послу: приказывалъ еси къ намъ съ Государя нашего толмачемъ съ Истомою, чтобы тебѣ Великій Государь нашъ Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ быти у себя на дворѣ, да и Литовскимъ посломъ. А каковъ наказъ Жигимонтовы королевы послы имѣютъ отъ своего Государя и какъ имъ дѣлати о миру, и послы Жигимонтовы королевы хотятъ изъявити тебѣ, да и Государя нашего бояромъ; и Государь нашъ послалъ къ вамъ нашу братью бояръ, да и насъ своихъ бояръ. и послы бы Жигимонтовы королевы тотъ Государя своего наказъ и какъ о миру дѣлати, то бы все изъявили тебѣ да и намъ, государьскимъ бояромъ.

А Литовскимъ посломъ Щиту и Богушу говорилъ Михайло Юрьевъ съ товарищи туто же; и то писано въ Литовскихъ книгахъ.

И опослѣ того, выслушавъ рѣчи, Жигимонтъ говорилъ: приказывалъ язъ съ Истомою, чтобъ Государь мнѣ велѣлъ у себя быти; ко мнѣ приказывали Жигимонтовы королевы послы, что ономедни, какъ были на дворѣ, и вы отъ Государя своего говорили имъ рѣчь высоку, а они также отъ своего Государя говорили вамъ рѣчь высоку; и они ко мнѣ приказывали: велишь намъ ты, Жигимонтъ, изъявити то себѣ и Государя Великаго Князя бояромъ, какъ Государь нашъ съ Великимъ Княземъ миру хочетъ, и мы изъявимъ. Ино ономедни напередъ вы говорили, а нынѣ пригоже напередъ вамъ же говорити, какъ вашъ Государь съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ миру. А Литовскіе послы то жъ говорили: Государь нашъ Жигимонтъ Король положился на цесаревѣ волѣ; и, изволитъ посолъ цесаревъ намъ изъявити то, какъ Государь нашъ съ Великимъ Княземъ миру хочетъ, и мы изъявимъ. И Жигимонтъ говорилъ: ономедни съ обѣ стороны высокія рѣчи говорили, а посредствія не вижу; и нынѣ что есть ли рѣчь отъ Великого Государя, чтобъ что спустилъ? И бояре ему говорили: Государю нашему что спущати? И Жигимонтъ говорилъ: Кіевъ Полтескъ, Витебскъ. И боаре шедъ то сказали Великому Князю, и Князь Великій поговорилъ съ братьею и съ бояры, пригоже ли о томъ поговорити съ Максимьяновымъ съ однимъ посломъ, какъ съ Королемъ дѣло дѣлати, а поговорити бы съ нимъ въ думу; да приговорилъ, что Максимьянова посла одного отозвати

въ иную полату, да съ нимъ съ однимъ о томъ поговорити, какъ бы съ нимъ въ думу говорити, какъ бы пригоже съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти, того дѣля, съ Жигимонтомъ о томъ говорити, своя къ себѣ Максимьяна, какъ бы своему съ своимъ говорити. Да послалъ Князь Великіи бояръ всѣхъ къ посломъ въ полату; да посидѣвъ мало, велѣлъ бояромъ молвити Максимьянову послу Жигимонту: дѣло намъ до тебя, Жигимонте, Великого Государя, выступи съ нами въ другую полату. И Жигимонтъ вышелъ съ бояры въ большую полату, и говорили ему бояре отъ Великого Князя: Жигимонтъ! какъ есмя учинились съ братомъ съ своимъ съ Максимьяномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ, въ дружбѣ и въ братствѣ, такъ съ нимъ потому и хотимъ быти въ дружбѣ и въ братствѣ. И толко бы какъ не розстоянье было великими пути, ино бы самъ съ самимъ съѣхався о своихъ дѣлѣхъ поговорили, ино тому быти нелзѣ, того дѣля, что далеко; и нынѣ съ тобою говоримъ, какъ съ нимъ же съ самимъ съ своимъ братомъ, занже всякъ посланникъ Государя своего образъ носитъ, и ты намъ думаи, какъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ о миру дѣлати, и что Литовскіе послы говорятъ, на что ихъ Король Жигимонтъ прислалъ къ нашему Государю? И Жигимонтъ о томъ много говорилъ отъ писанья, а приговаривалъ къ тому, чтобъ Князь Великіи поступился Королю городовъ, а говорилъ безъ имени. Да поговоривъ много рѣчей и непристойные иные къ тому дѣлу, и бояря ему противъ отговаривали многими же рѣчми. Да Жигимонтъ молвилъ боаромъ: язъ шедъ вспрошу Жигимонтовыхъ пословъ, что съ ними Государь ихъ приказалъ, на которой мѣрѣ тому дѣлу ссматися, да пошелъ къ посламъ; а бояре пошли къ Великому Князю. И помотчавъ мало, къ бояромъ прислалъ Жигимонтъ, чтобы съ нимъ виделися въ другой полатѣ, и боаре къ нему пришли въ болшую полату. И Жигимонтъ бояромъ говорилъ: много есми съ великимъ запрещеньемъ говорилъ Жигимонтовымъ посломъ, чтобы мнѣ изъявили, что имъ наказъ отъ ихъ Государя о томъ, какъ имъ на мѣрѣ стати о миру съ Великимъ Государемъ; и они много о томъ говорили, чтобы имъ мнѣ того не сказати; а язъ ихъ запретилъ Цесарскимъ Величествомъ, чтобъ они мнѣ для Цесарского Величества то сказали, что ихъ мѣра? И онѣ для Цесарского Величества намъ изъявили, что Государь ихъ, Жигимонтъ Король съ Великимъ Государемъ хочетъ миру такъ, какъ былъ отецъ Великого Государя Василья, Божіею милостію Иванъ, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великіи Князь съ Александромъ Королемъ въ дружбѣ и въ братствѣ и въ вѣчномъ докончаньѣ; а опричь того инако съ нимъ миру не хочетъ. И бояре ему говорили: которые были докончаніа межъ Великого Государя и Александра Короля, и опослѣ того перемирье было, и опослѣ перемирья докончаніе было съ Жигимонтомъ Королемъ нашему Государю. И тѣ всѣ перемирья и докончаніа порушали Литовскіе Государи своимъ неисправленіемъ къ нашему Государю. И которые неисправленіа състалися отъ нихъ къ нашему Государю, ино во се тѣ неисправленіа, и ты ихъ послушаи. Да говорили ему неисправленіа всѣ Михаило Юрьевъ, Шигона, Иванъ Телешовъ отъ Казиміра Короля да и до Жигимонта Короля, да и Жигимонтово

неисправленье. И то Жигимонтово неисправленье все писано въ Литовскихъ книгахъ.

И Жигимонтъ, выслушавъ неисправленіе, да молылъ: язъ иду къ паномъ. А бояря пошли къ Великому Князю.

И Князь Великій выслалъ къ посломъ бояръ же; и бояре, пришедъ, Жигимонту говорили: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: говорилъ еси нашимъ бояромъ, что тебѣ Жигимонтовы королевы послы сказали, какъ Жигимонтъ Король съ нами хочетъ миру; и послы говорили, что Государь ихъ хочетъ съ нами миру такъ, какъ былъ отецъ нашъ, Великій Государь Иванъ, съ зятемъ съ своимъ съ Александромъ Королемъ въ вѣчномъ миру докончаніѣ; ино, мы тому велми дивимся, что Жигимонтъ Король такъ къ намъ приказываетъ, что съ нами миру хочетъ по тому, какъ былъ съ отцемъ нашимъ Александръ Король. А переступивъ то, какъ былъ съ отцемъ нашимъ Александръ Король въ перемирьѣ и опослѣ того съ нами былъ Жигимонтъ Король въ докончаніѣ; и онъ такъ къ намъ приказываетъ, какъ не пригоже межъ насъ миру състатись. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы нашіе отчины Рускихъ городовъ, Кіева, и Полтеска, и Витебска намъ поступился, и сестры бы нашіе городовъ, которые ей далъ мужъ еѣ Александръ Король, намъ поступился, и казну бы еѣ намъ отдалъ. А которую нечесть учинили сестрѣ нашей, его панове, и онъ бы тѣхъ велѣлъ казнити, чтобъ та нечесть тѣмъ позагладилась. Да посидѣвъ мало, бояре же говорили: а для брата своего Максимьяна и для того, чтобы кровь христіанская впередъ не лилася, и мы поступаемся Жигимонту Королю своей отчины Полтеска и Витебска.

И Богушъ учалъ говорити: и ты, Жигимонте, того и посмотри, Князь Великій поступается нашему Государю Жигимонту Королю его же вотчины, да учалъ говорити много безлѣпичныхъ рѣчей, да и то говорилъ, что Князь Великій выступилъ изъ докончаніа, а говорилъ, тѣмъ, что Князь Великій Смоленескъ взялъ.

И бояре имъ говорили: что неисправленіе Королей Полскихъ, и то слышелъ Жигимонтъ, бояря ему то говорили.

И Богушь говорилъ: говорили есте Жигимонту неисправленіа нашихъ Государей за угломъ, а мы того не слыхали; а слышели бы мы, и мы бы тому отпоръ чинили.

И бояре имъ молвили: мы Жигимонту говорили, чтобы къ вамъ пошелъ, и онъ похотѣлъ одинъ слушати; и мы вамъ съ Жигимонтомъ вмѣсте скажемъ, что Королей Полскихъ неисправленіе къ нашимъ Государемъ. Да учали имъ, бояре, говорити неисправленіа, Михайло Юрьевъ, Шигона, Иванъ Телешовъ; да и то говорили, что състалось отъ его пановъ Королевѣ. Да говорили много рѣчей. А о дѣлѣ ни одного слова не говорили. Да того дни, Князь Великій ихъ и на подворіе отпустилъ, а велѣлъ имъ молвити, отпускаючи на подворье: дастъ Богъ велю вамъ быти у себя па дворѣ, да и отпущу васъ.

И Ноября 10, прислалъ Жигимонтъ списокъ съ Истомою съ Малымъ, а писалъ въ немъ именно, что бы Князь Великій отдалъ Жигимонту Королю городъ Смоленескъ. А се списокъ, что Жигимонтъ прислалъ съ Истомою: Наіяснѣшій Началниче! занежъ отъ Священнѣйшаго Римского Цесаря, Божіею

милостію Максіміліана Государя моего милостивѣйшаго, сюды посланъ есми, да межи Наиясности твоеѣ и Короля Полскаго миръ Его Величества именемъ учиню. И зане уже на обѣ стороны много спиралося, а болши во осмой день сего мѣсяца, которого дни конець таковъ былъ, что никоторые надежи о миру нѣтъ зговоренья. Видѣлося по моему дѣлу, какъ посредника мнѣ промежу быти, и нѣчто непригожестомъ своимъ твою Наиясность поврежу, восхотелъ есми, чтобы вѣдалъ Твоя Наиясность мнѣ неинакову быти, толко на добро, и тою мыслью учинилъ есми, то, которою кто желаетъ добра и мира Христіанству. Говорено нѣкоторое, что Жигимонтъ Король Полскій, Королевѣ Оленѣ брата своего, Короля Александра женѣ, а твоеіі сестрѣ учинилъ будто неправду, и того для просишь, чтобы тебѣ Король отдалъ городы и волости, которые Король Александръ твоеіі сестрѣ за приданое заложилъ, вмѣстѣ съ нѣкоторою казною. Таково обычая у насъ нѣтъ и николи слыхано, что такіе заклады пристояли бы въ вотчину женамъ. А занже естьство насъ уродило тако, да единомыслены въ соединеніи и въ дружбѣ намъ бы быти, того дѣля, видится мнѣ, быти пригоже, чтобы отъ иныхъ многихъ похвалились есмя. И коли Началники Христіанскіе то послышати, что твоя Наиясность въ томъ пребываетъ, никако жъ не похвалятъ, а возмолвятъ безълѣпа то прошеніе, нѣчто будетъ опришнеіі зговоръ тоѣ женитвы, о томъ язъ не говорю; занежъ отъ вѣдомыхъ, а не отъ тайныхъ пригоже судити; но безъ сумнѣніа о такомъ зговорѣ были бы грамоты учинены на память человѣкомъ. А о томъ, что Король Жигимонтъ будтось наводилъ Татаръ на твои земли, не видялъ есми, ни слышалъ доводовъ крѣпкихъ на то ни пакъ отъ того виненъ быти можетъ, что онъ тѣмъ Татаромъ городовые пенязи обѣщалъ, или далъ; занеже отъ того навоженія никоторое ему угодье бываетъ; но больши вѣрити, что онъ миръ себѣ тѣми пенезми чинитъ не сумнѣваюся; занежъ Татарове радуются о несогласіи христіанскомъ. И они говорятъ такъ: занже иного никоторого спасеніа не имѣю, и по ихъ рѣчемъ, какъ и беглецомъ, или пленниковымъ никакъ непригоже вѣрити. А о вотчинахъ, видится мнѣ, что ни твоа Наиясность, ни Король по правдѣ просите того, которому прошенію въ послѣднихъ рѣчехъ, при вашихъ Наиясностехъ, оставили есте. Ино занже во всякой брани пригожъ быти правымъ и довольнымъ дѣломъ, чтобы единъ толко миръ искался, въ томъ болши чести, а не угодья искати пригоже. Гораздо бо болшіе наши намъ совѣтъ даютъ, чтобы намъ лихоимственаго имени уклонятись, которымъ въ ненависть человѣчьскую впадаемъ; того дѣля про честъ также и про угодья Твоеа Наиясности, видится мнѣ, чтобы всякъ человѣкъ видѣлъ, что ты не отъ лихоимства и отъ похотѣніа имѣнеіі Государьствъ ту брань воздвиглъ, но для мира и отмьстити свою неправду. И Твоа бы Наиясность городъ Смоленскъ, котороіі опослѣ конечного зговору, межъ Вашихъ Наиясностеіі взялъ, Королю бы отдалъ, отъ того тебѣ не менши честь будетъ, какъ Пиру Царю Индейскому, котороіі двѣстѣ поиманыхъ Римляномъ даромъ отослалъ, и какъ Цесарю Максиміліану, котороіі Венецеаномъ Верону отдалъ. И всѣ твои слуги

всегды охотнѣе будутъ даватись на бѣды про честь и угодье твое, коли увидятъ, про освобожевіе ихъ ты толико учинилъ. И щедрость и честь родителя своего, которой Татаромъ невѣрнымъ царство Казанское отдалъ, болѣ превзыдешь; та бо щедрость не дается невѣрнымъ, но христіаномъ, не Королю, недругу твоему, но всему христіанству; того для, тебя всякой человѣкъ прибавителя христіанскому дѣлу будетъ проповѣдати, и та щедрость покажетъ послѣ любовь, толко которую имѣешь къ Цесарскому Величеству. Тогды Цесарь, хотя и есть тебѣ дружебнѣйшій, и онъ ещо того болѣ будетъ дружебнѣе. И нѣчто хотя въ томъ и правду имѣешь, ино говорятъ мудрые, что мира для, отъ своеѣ не правды поступитися не толко что щедро, но и плодоносно есть. Какова полза о миру твоимъ Государствомъ придетъ, самъ болыши вѣдаешь моихъ рѣчей, и колко добра хрестіанству отъ того случится, также вѣдаешь. Коли Вашу Наияснось на то поступитися увижу, а послы Королевы не похотятъ, или не возмогутъ по своему приказу то учинити, и язъ чаю, что возмогу добрымъ промежствомъ къ концу навести. Но безъ отданія того города никако же не надѣюся миру. И будетъ нѣчто Твоей Наияснести въ семъ угодно, мнѣ бы изволилъ вѣстно учинити, и язъ буду вѣрно дѣлати; а толко нѣтъ, ино язъ похотѣлъ прежъ отъѣзда своего учинити, что мнѣ пристоитъ. Жигимонтъ Ербенстенъ рыцарь и прочая, Цесарского Величества совѣтникъ и посолъ.

И Князь Великій, поговоря съ братьею и съ бояры, да послалъ къ Жигимонту съ отвѣтомъ на подворіе Шигону Поджогина, діаковъ Меншего да Трифана; и списокъ ему данъ.

А се списокъ отвѣтной: отвѣтъ Великого Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, Максимиліяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля послу Жигимонту, противъ его списка первого, что прислалъ съ Истомою съ Малымъ, какъ посламъ Литовскимъ отпускъ учиненъ. А ѣздили къ нему на подворіе Шигона Поджегинъ, да діаки Меншей Путятинъ, да Трифанъ Ильинъ.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: прислалъ еси къ нашимъ бояромъ запись съ толмачемъ съ нашимъ съ Истомою, а въ записи писалъ еси, что тебя послалъ къ намъ братъ нашь Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, о томъ, что бы промежи насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ и любовь ссталась. И Жигимонтъ Король прислалъ къ намъ своихъ пословъ, и наши бояре говорили съ его послы; ино никоторые надежи о миру на доброе согласье въ тѣхъ рѣчехъ было.

Меншей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи, и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: говорили наши бояре о томъ, что которые неправды сътались отъ Жигимонта Короля и отъ его пановъ сестрѣ нашей, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и которые городы и волости подавалъ сестрѣ нашей, а своей женѣ, Королеве и Великой Княгинѣ Оленѣ мужъ еѣ Александръ Король, и Жигимонтъ бы Король тѣхъ городовъ и волостей намъ поступитися и казну бы еѣ, которую у неѣ поималъ, Жигимонтъ Король намъ

подавалъ; а которые панове сестрѣ нашей нечесть и лихое дѣло учинили, и онъ бы тѣхъ пановъ велѣлъ казнити. И въ вашемъ обычаѣ то не пристоитъ, чтобы городы пристояли въ заклады женамъ; а могло бы то быти, ино бы на то и грамоты были.

Меншей жъ говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: да въ той же записи писалъ еси, что говорили наши бояре, что Жигимонтъ Король наводилъ бесерменство на наши земли; и тебѣ не видѣлося и не слышело на то доводовъ крѣпкихъ, ни пакъ отъ того виненъ можетъ быти Король, что онъ тому бесерменству годовые золотые обѣщалъ и даетъ, занже отъ того навоженіа никоторое ему угодье бываетъ, но болши, что онъ мирныхъ себѣ тѣми пенязми чинитъ. Да говорилъ еси о вотчинѣ, что наши бояре говорили королевымъ посломъ, что Король неправдою которые городы нашу отчину за собою державъ, и онъ бы тое нашіе отчины намъ поступился. А королевы послы говорили, что будто мы Королевы городы за собою держимъ, и намъ бы для миру и доброго согласья свою отчину городъ Смоленескъ, которой есмя взяли у Жигимонта Короля, ему отдати, и отъ того намъ не меншаа честь будетъ какъ и Цесарю Максимьяну, что онъ Венецеяномъ Верону городъ отдалъ, такъ же какъ и отецъ нашъ Великій Государь Иванъ, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, будто землю Казанскую невѣрнымъ отдалъ; но тако мы учинимъ, ино то не одному Королю, но и всему христіанству ко угодью.

Шигона говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: ино напередъ того отъ насъ и не одинова тебѣ наши боаре говорили, что братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, къ намъ и неодинова приказывалъ съ своими послы и съ посланники и съ нашими послы и съ посланники и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писалъ и неоднова, и тебя къ намъ прислалъ, и ты намъ отъ него тожъ говорилъ, чтобы намъ для его, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися; и мы къ брату къ своему о томъ приказывали и тебѣ есмя о томъ и неодинова велѣлъ говорити, что для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже намъ и всему Христіанству. И мы и нынѣ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже.

Трифанъ говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси писалъ о томъ, что мы у Жигимонта Короля хотимъ тѣхъ городовъ, которые городы и волости были сестры нашіе, Королевы и Великіе Княгини Олены, и вы того въ обычаѣ не имѣете; ино намъ гораздо вѣдомо, да чаемъ, что и брату нашему Максимиліяну, избранному Цесарю Римскому и навышьшему Королю, и инымъ Государемъ вѣдомо, что во многихъ Государствѣхъ тотъ обычай не токмо въ великихъ Государѣхъ, но и въ меншихъ Государѣхъ и въ молодыхъ людехъ и въ правилѣхъ святыхъ отецъ писано то идетъ по наслѣдствію, будетъ у которого отъ родъ, ино тотъ возметъ вотчину и казну, а не будетъ у которого отъроду, ино взяти ближнему въ роду. И что городы и волости сестры нашіе, Короле-

вы и Великіе Княгини Олены и казна еѣ, и у неѣ наслѣдствіа не осталось; ино намъ у Жигимонта Короля сестры своей городовъ и волостей и казны чего для не просити, ближе насъ сестрѣ нашей кто есть?

Шигона говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: и мы тебѣ толь пространно велѣли говорити для того, что еще тебѣ тѣ дѣла не гораздо въ разумъ пришли; и тѣ бы, тебѣ дѣла нынѣ гораздо въ разумъ пришли.

Меншей говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а о панѣхъ говорили есмя, что которые нечесть чинили сестрѣ нашей, и онъ бы ихъ велѣлъ казнити; и мы то говоримъ того дѣля, слышелъ еси самъ, какая нечесть и какое лихое дѣло отъ его пановъ сестрѣ нашей състалось, какіе дѣла во Христіанствѣ не дѣлаются; и зато мы съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло и почали дѣлати и дѣлали сколко намъ Богъ помоглъ. И онъ бы тѣхъ пановъ казнилъ, того дѣля, чтобъ впередъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ и покой былъ и кровь бы христіанская болѣ того не лилась.

Трифанъ говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси писалъ о томъ, что предніе Короли, и Жигимонтъ Король наводилъ бесерменство на Хрестіанство на наши земли, и ты писалъ, что еси не слышелъ и не видѣлъ на то доводовъ крѣпкихъ, ни пакъ отъ того виненъ Король можетъ быти.

Меншей говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: и мы тому велми дивимся, слышелъ еси самъ, говорили тебѣ наши бояре да и Королевымъ посломъ, что Короли Полскіе и великіе Князи Литовскіе предкомъ нашимъ и отцу нашему, Великому Государю и намъ, въ которыхъ дѣлѣхъ не правили и бесерменттво на Хрестьянство наводили, и то имъ говорили съ великими свидѣтельствы, какъ Короли наводили бесерменство на Христіанство; и Королевы послы также говорили, что будто мы Королемъ и великимъ Княземъ Литовскимъ неправые дѣла дѣлали, и бояре имъ наши противъ того отпоръ чинили. А они которые неисправленіа ни говорили, и они въ нихъ никакова свидѣтелства не говорили; и мы чаяли, что то тебѣ гораздо въ разумъ пришло. И будетъ то тебѣ не гораздо въ разумъ пришло, и похочешь, и мы тебѣ то изнова велѣли изъявити, какіе свидѣтельства великіе на Королевы неисправленіа есть; а будетъ тебѣ нынѣ тѣ королевы неисправленіа гораздо въ разумъ вошли, и мы тому велми дивимся, что неправдою правду попрати хощетъ. Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси писалъ о отчинѣ, что будто наши бояре говорили о нашей отчинѣ не по правдѣ, и о которой нашей отчинѣ наши бояре говорили, и тѣ городы отъ прародителей нашихъ и отъ предковъ нашихъ наша отчина. А и напередъ того тебѣ наши бояре говорили, что коли еще братъ нашъ Максимьянъ присылалъ къ намъ посла своего Юріа Сницпамера, и онъ тогды жъ приказалъ и у насъ не слышевъ, что Король Жигимонтъ нашу отчину держитъ за собою неправдою. Ино то брату нашему гораздо вѣдомо, и инымъ Государемъ гораздо вѣдомо, что тѣ городы наша отчина. И съ Божіею волею отецъ нашъ Великій Государь Иванъ, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, и мы, тѣхъ городовъ своей отчины иныхъ подостали; а и впередъ съ Божіею волею просимъ того завсе у Бога,

чтобы наша отчина, которая отъ прародителей нашихъ наша, за нами была, и имя бы наше высилось а не низилося, и Государьства наши ширилися, а не умалялися; а и у брата нашего у Максимьяна избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, надѣемся, безо всяко сумнѣнья, что и братъ нашь того хочетъ, что бы имя наше и наши Государьства множились а не умалялись.

Шигона говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси говорилъ, чтобы намъ своей отчины города Смоленска, которую нашу отчину намъ Богъ далъ, Жигимонту Королю поступитися; ино, Жигимонте, мы тому велми дивимся, что которую нашу отчину намъ Богъ далъ и намъ бы тое своей отчины Жигимонту Королю поступитись, ино намъ тое своей отчины Жигимонту Королю никакъ не поступитись.

Шигона жъ говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси говорилъ, что братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, Верону городъ Венецеяномъ отдалъ; ино то братъ нашъ вѣдаетъ, которымъ обычаемъ Венцеяномъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и не имѣти хотимъ, чтобы намъ своа отчина отдавати.

Меншей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси писалъ о Казани, что будто отецъ нашъ Великій Государь Иванъ, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, отдалъ невѣрнымъ землю Казанскую; ино, Жигимонте, то говоришь негораздо, вѣдая, что отецъ нашъ Великій Государь землю Казанскую отдалъ невѣрнымъ, ино то дѣлается такъ: еще было отъ прародителей нашихъ, и при предкѣхъ нашихъ, и при отцѣ нашемъ и нынѣ при насъ въ нашихъ Государствѣхъ по тѣмъ мѣстомъ живутъ Цари и Царевичи нашимъ жалованіемъ, да и инымъ многимъ Царемъ и Царевичемъ, которые намъ служатъ, даемъ въ своихъ Государствѣхъ мѣста, свое жалованіе. Напередъ того былъ въ Казани Царь Ибреимъ, и Ибреима Царя не стало, и отецъ нашъ посадилъ на Казань Царемъ изъ своихъ рукъ Алегама Царя; и Алегамъ Царь учалъ отцу нашему, Великому Государю неправду чинити, и отецъ нашъ послалъ, да Алегама Царя съ Казани велѣлъ къ себѣ свести. А которые у него князи были и съ нимъ то лихо чинили, и онъ тѣхъ велѣлъ къ себѣ свести да ихъ велѣлъ казнити. А Казань далъ брату его Магмедъ-Аминю Царю, и Магмедъ-Аминъ Царь, будучи въ Казани, послушавши лихихъ людей да своею молодостію, учалъ былъ неправые же дѣла чинити; и отецъ нашъ послалъ къ нему, а велѣлъ ему у себя быти. А въ Казань послалъ брата его Абдылетифа Царя, и Абдылетифъ Царь, будучи въ Казани послушавши лихихъ людей, да почалъ лихіе дѣла чинить; и отецъ нашь пославъ велѣлъ его къ себѣ привести да и въ крѣпости его у себя держалъ. А Магмедъ Аминя Царя отецъ нашь понаказавъ и тѣхъ людей показнивъ, которые ему лихо думали, да пожаловалъ опять, ему Казань далъ; ино и нынѣ въ Казани Магмедъ-Аминь Царь, которого посадилъ отецъ нашъ да и мы. А Абдылетифа Царя есмя, понаказавъ, изъ крѣпости выпустили, и пожаловали есмя его, дали ему въ своемъ Государствѣ мѣсто городъ Коширу; и

Абдылетифъ Царь и нынѣ будучи, на наше жалованіе, у насъ намъ служитъ, а мы его жалуемъ. А Мещерская земля въ нашемъ Государствѣ, и тѣмъ мѣстомъ жалуемъ мы Царей и Царевичевъ; и они на тѣхъ мѣстѣхъ на нашемъ жалованьѣ живутъ, а намъ служатъ. И нынѣ есмя пожаловали тѣмъ мѣстомъ Шихавлиара Царевича, и онъ и нынѣ на нашемъ жалованіѣ живетъ, а у него многіе люди, а намъ служатъ. Да и иные многіе Царя и Царевичи пріѣзжаютъ намъ служити; и мы ихъ жалуемъ и мѣста имъ въ своихъ Государствахъ даемъ, и они у насъ на тѣхъ мѣстѣхъ живутъ и намъ служатъ. И ты, Жигимонте, тому не дивися, отъ прародителей нашихъ и при отцѣ при нашемъ и при насъ въ нашихъ Государствѣхъ такіе обычаи водятся.

Шигона говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси писалъ, толко мы не отдадимъ своей отчины города Смоленска Жигимонту Королю, и межъ насъ миру не статися, и намъ своей отчины города Смоленска и всеѣ земли Смоленскіе Жигимонту Королю никакъ не отдати; а не помирится съ нами Жигимонтъ Король, и мы какъ почали съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, такъ и дѣлали и нынѣ дѣлаемъ, и впередъ хотимъ съ нимъ свое дѣло дѣлати, сколко намъ Богъ поможетъ. А и нынѣ похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и мы для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, и для того, чтобы межъ насъ миръ и покой былъ и кровь бы христіанская болѣ того не лилася, и мы съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвки хотимъ, какъ будетъ пригожъ.

Меншой же говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: а что еси говорилъ о нашихъ плѣнныхъ, чтобы намъ имъ свобода учинити, и гдѣ впередъ на наше дѣло, и они безъ всякаго сумнѣніа наше дѣло ради дѣлати. Ино, Жигимонтъ, сколко нашихъ людей у Жигимонта Короля, а здѣсе у насъ королевыхъ людей столко же есть и болши того, чаемъ; и коли, ожъ дастъ Богъ, межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ болшіе дѣла подѣлаются и миръ и покой будетъ, и толды плѣннымъ свобода, какъ есть обычай, на обѣ стороны будетъ.

И Ноября 12, велѣлъ Князь Великій посломъ Жигимонту и Литовскимъ посломъ быти на дворѣ. И посылка по нихъ и встрѣча имъ была по тому же, какъ напередъ того; и какъ вошли къ Великому Князю, и Князь Великій Максимьянова посла Жигимонта звалъ къ руцѣ, а Литовскихъ пословъ къ руцѣ не звалъ; да велѣлъ имъ сѣсти. Да, посидѣвъ мало, велѣлъ итти имъ въ набережную полату, да высылалъ къ нимъ бояръ, къ Максимьянову послу высылалъ Григоріа Өеодоровича, Юріа Малого, да діаковъ Меншого Путятина, да Трифана, а къ Литовскимъ посломъ выслалъ Михаила Юрьева, Шигону Поджогина, да діака Ивана Телешова, съ рѣчьми.

А се рѣчи на отпускѣ Литовскихъ пословъ Жигимонту, какъ отпущали Литовскихъ пословъ.

А се отвѣтъ Великого Государя Максимьянову послу Жигимонту какъ отвѣчали на отпускѣ Жигимонтовымъ Королевымъ посломъ Щиту и Богушу: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: что напередъ

того братъ нашъ Мяксимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, приказывалъ къ намъ съ своими послы и съ посланники, и съ нашими послы и съ посланники, и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писалъ неодинова, и тебя къ намъ прислалъ, и ты намъ отъ брата отъ нашего тожъ говорилъ, чтобы намъ для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися; а Жигимонтъ Король прислалъ къ намъ своихъ пословъ Щита и Богуша, и говорили намъ отъ него тоже, чтобы намъ съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись: и мы у Жигимонтовыхъ королевыхъ пословъ рѣчи выслушали и уразумѣли есмя имъ гораздо, и противъ есмя тѣхъ рѣчей отказали имъ своими бояры, и многіе рѣчи межъ нашихъ бояръ и Жигимонтовыхъ королевыхъ пословъ были, а ты то слышелъ, да и о миру еси отъ нашихъ бояръ рѣчи слышелъ. А какъ Жигимонтовы королевы послы отъ Жигимонта Короля говорили о миру, ино такъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти не пригоже. А и нынѣ похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и мы для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римскаи навышшего Короля, и межь бы насъ впередъ съ Жигимонтомъ Королемъ былъ миръ и покой и кровь бы хрестіанская болѣ того не лилась, и мы съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригоже.

И какъ рѣчи изговорили, и Жигимонтъ говорилъ: язъ тружался, да и дѣлалъ, да не нашелъ есми посредствіа, и нынѣ бы было посредствіе, язъ бы еще тружался, да не обрѣтаю. Великого Государя бояре говорили, да и королевы послы говорили, но обоимъ не требе.

А Литовскіе послы говорили, Богушъ говорилъ: Пане Михайло! говорилъ еси намъ отъ Государя Великаго Князя, что онъ отказываетъ намъ вами своими бояры, толко похочетъ Государь нашъ съ нимъ миру, и онъ съ Королемъ миру хочетъ; а не похочетъ Король съ нимъ миру, и онъ готовъ на брань. Ино Государь нашъ Король какъ не хотѣлъ тое брани и кровопролитія христіанскаго, такъ и нынѣ не хочетъ, а миру съ Великимъ Княземъ хочетъ. А кто почниаетъ брань, и на того Богъ. А что было съ нами отъ нашего Государя наказано, и мы то до Великаго Государя донесли; а что намъ вы отъ Великаго Государя говорили, и мы то, ожъ дастъ Богъ, до своего Государя донесемъ. Да учалъ былъ Богушъ говорити о Королевѣ неисправленьѣ, что ему бояре напередъ того говорили, какъ Король Королевѣ неправды чинилъ.

И Юрьи ему говорилъ: пане Богушъ! и напередъ сего межъ насъ рѣчей было много, а дѣла въ нихъ нѣтъ. Ино и напередъ того бывали отъ Королей отъ Полскихъ и отъ великихъ Князей Литовскихъ послы и велчкіе люди, и середніе,именшіе, и они, говоривъ много рѣчей, да и дѣло дѣлывали. А мы, пане, говорили промежъ себя многіе жъ рѣчи, а дѣла межъ насъ никоторого нѣтъ; говоримъ все одны рѣчи. И будетъ у васъ, пане, есть опричь тѣхъ, иные рѣчи, и вы говорите, и мы ихъ скажемъ своему Государю; а не будетъ за вами рѣчей, и вы подте ко Государю, и Государь нашъ вамъ отпускъ учинитъ.

И Литовскіе послы говорили, которые рѣчи отъ нашего Государя

были наказаны къ Великому Государю, и мы тѣ рѣчи Великому Государю отъ своего Государя говорили, да и въ разговорѣ есмя рѣчи говорили, что намъ Государь нашъ наказалъ, а опричь того иныхъ рѣчей за нами нѣтъ никакихъ.

И Князь Великій велѣлъ спросити Жигимонта: тебя отпущаемъ къ брату своему къ Максимьяну, а съ тобою шлемъ къ брату своему своего человѣка; ино куды тебѣ ѣхати, сюды ли, на нашу отчину на Смоленескъ да на Литовскую землю, или на нашу отчину на Новгородъ да на Псковъ, и мы къ тебѣ приказали съ своимъ сыномъ боярскимъ съ Шигонею, куды будетъ тебѣ ѣхати. И ты бы поговорилъ съ Литовскими послы, чтобы нашему человѣку ѣхати къ брату нашему къ Максимьяну по Литовской землѣ безъ зацѣпки. И ты говорилъ ли съ королевыми послы о нашемъ человѣцѣ?

И Жигимонтъ говорилъ передъ Литовскими послы: кого Государь пошлетъ своего человѣка къ нашему Государю со мною вмѣстѣ, и язъ его возму на свои руки; волно ему по Литовской землѣ ѣхати къ нашему Государю и назадъ отъ нашего Государя къ Великому Государю.

И Князь Великій велѣлъ итти посломъ къ себѣ, да какъ къ нему вошли, и онъ имъ велѣлъ сѣсти. Да говорилъ Литовскимъ посломъ самъ Князь Великій: Щитъ и Богушъ! которые есте намъ рѣчи говорили отъ Жигимонта Короля, и мы тѣ рѣчи у васъ выслушали и вразумѣли есмя имъ гораздо и отказали есмя вамъ своими бояры; и что вамъ отъ насъ говорили наши бояре, и то есть наши рѣчи. Да ставъ, Князь Великій имъ молвилъ: Щитъ, Богушъ! Жигимонту Королю отъ насъ поклонитеся. Да звалъ ихъ Князь Великій къ руцѣ, да того дни и отпустилъ. А Максимьянову послу Жигимонту Князь Великій молвилъ: Жигимонте! а тебѣ еще у насъ здѣсь побыти недолго, доколѣ нарядимъ съ тобою послати къ брату своему къ Максимьяну своего человѣка.

И Ноября 15, Максимьяновъ посолъ Жигимонтъ прислалъ съ Истомою съ Малымъ къ Великому Князю запись.

А се запись: Наияснѣйшій Началниче! на отвѣтъ, въ первый надесять день мнѣ даной, похотѣлъ есми Твоей Ясности вѣдомо учинити. Коли Цесарское Величество дѣлалъ по прошенью внука своего, православного Короля Ишпанского о отданьѣ Вероны, а язъ, аки недостойный межъ цесарскихъ совѣтниковъ, былъ, и они переговаривали о настоящей бѣдѣ Христіанству, чтобы ему на помощь моглъ общій миръ учинитись, которого мира начало самъ Цесарь учинилъ бы, чтобы и иные, на то смотря, послѣдовали также, чаючи имя щедрости многовысочае быти и достойнѣе всѣхъ богатствъ, и да не будетъ видѣтись, что для сребролюбіа брани чинить, которого срама въ человѣкѣ, наипаче въ великомъ, ничто безчестнѣе быти можетъ. Того совѣта язъ не соромлюся, занже толико князей, комитовъ, бояръ, рыцарей, докторовъ и честнородныхъ, мудрѣйшихъ и искуснѣйшихъ мужей, которые туда были, тѣ всѣ единомысленно на то совѣтовали. А о закладѣхъ, что писаньемъ доводите, что дѣти, или ихъ не будетъ, ино ближніе въ роду, по правдѣ наслѣдствуютъ вотчину умершихъ, и таковъ обычай вѣдомъ Твоей Наияснести, также и Цесарю и всѣмъ: истинна есть, писанье глаголетъ, и

обычай имѣетъ и то о вотчинахъ и дѣлѣхъ своихъ; но иное есть о закладѣхъ за приданое въ нашихъ сторонахъ, коли дѣвица пойдетъ замужъ, принесетъ счетныя пенязи, которыя дастъ мужу, а мужъ противу иные пенязи приложитъ, и будетъ вдвое, и за разтлѣніе тѣ даются, кои вмѣстѣ въ вѣдомомъ числѣ, и за то все вѣдомое число даются заклады, которые жена, только будетъ жива, можетъ держати, доколѣ ей будетъ заплачено то число пенязей, и того для закладъ не вотчина, ни пакъ свое, и о тѣхъ пенезѣхъ надобѣ, чтобы вдова крѣпость чинила наслѣдникомъ мужнимъ, коли у нихъ дѣтей не будетъ; да послѣ смерти своей тѣ наслѣдники могутъ имѣти третюю часть, а другіе двѣ части тое жены. Но толко вдова владѣетъ тѣми заклады до своего живота, ино то все останется съ закладомъ: то въ нашихъ нѣ-въкоторыхъ въ наибольшихъ странахъ есть. А иные Государства, въ которыхъ таковъ обычай: колко жена мужу принесетъ, послѣ смерти мужни толко и назадъ возметъ. Ино всякое Государство имѣетъ свой обычай; того для, всегды таковъ зговоръ о женитвѣ грамотами утверждается, чтобы не было споны. Каковы здѣсе обычаи, не вѣдаю. А что черезъ приданое жена имѣетъ, ино то всегды дается наслѣдникомъ женнимъ. А о казни пановъ, которые насилство, или обиду нѣкоторую будтось учинили сестрѣ Твоей, ино о томъ можетъ быти зговоръ, толко бы иныи дѣла были въ добромъ концѣ. А что мнѣ много отъ твоихъ бояръ говорено о неисправленіи Королей Польскихъ, и что язъ твою правду неправдою хочю попрати; Наияснѣйшій Государь! по правдѣ и по обычаю нашему коли дѣлаешь судячи или какъ бы судячи, ино нѣтъ тогды ни лицазрѣнія, столко вѣрится и помогается богатому, сколко и убогому, сколко жалобнику, столко виноватому. А язъ, хотя и не судья есьми, ни паки судячи дѣло дѣлается, но ближней обычай правоты должни есмя всегды и во всемъ держати, сколко по мнѣ могу вѣрити, но сколко къ согласію, чтобы състалось, не моглъ есми довести. Говорили бояре, что Король навелъ Татаръ па твою землю, чтобы былъ доводъ, что Король, послѣ конечнаго зговору и прежъ начала тое валки, то учинилъ, было бы нѣчто; но какъ первое говорилъ есми, ни Татаромъ ни плѣнникомъ, ни бѣглецомъ нельзя вѣрити въ томъ. И хотя бы нѣкоторой человѣкъ изъ Государства королева съ тѣми Татары былъ, которые вошли въ твою землю, или нѣкоторые хотя бы давали имъ кормы и нарядъ, которымъ обычаемъ можетъ быти па то доводъ, что то велѣніемъ, или вѣдомомъ и хотѣніемъ королевымъ то учинено? у насъ никто не можетъ быти послухъ въ своемъ сущемъ дѣлѣ, ни слуга Государю. Имѣю отъ старѣйшихъ моихъ, что средину не пригожъ ни на одну сторону уклонясь, ни пакъ которого бы дѣло хвалити, хотя бы было и справедливо, но болши надобѣ спротивно говорити, и язъ такъ и дѣлалъ, чтобы обѣ стороны на себя не уповали въ своей мысли, чтобы согласье могло сътатись; ласкословца и искателя дару есть обычай, которого жъ дѣло похваляти: хотѣлъ есми исполнити повелѣніе, сирѣчь учинити бы миръ, а не тотъ есми, которой помогаетъ по неправдѣ и противится правдѣ, ни пакъ ласкословіемъ себя любезно хочю чинити.

А что Цесарское Величство господиномъ Юрьемъ Спицпамеромъ

самъ о неисправленьяхъ Королевыхъ воспомяновенье учинилъ, Цесарь тогды, аки недругъ Королю то учинилъ, а нынѣ дѣлаетъ, аки посредникъ.

А что Твоя Напясность частъ, что Цесарь хочетъ твоему имяни и Государьству возвышатися и разширятись, а не умалятись, о томъ да не сумнится Твоя Напясность, что такъ и есть; но на то толко себя покажешь толь щедра, отдашь Смоленскъ, во истинну моимъ разсуженіемъ твое имя не будетъ умалено, но болѣ возвышено, какъ и тѣхъ, которыхъ имена таковажъ для дѣла въ вѣки похваляются. И на угодіе и пригожство разспространеніе Государства пригожъ искати, а не въ широту, занежъ миръ богатитъ Государства; предложилъ есми вамъ то, что и Цесарскому Величеству, коему присягою обезанъ есми, совѣтовалъ. А о плѣнникѣхъ, видится мнѣ, не числа, по чину, и каковы люди разсматривати пригоже. И была конечная рѣчь, что никакъ не хочешъ отдати Смоленска со всею его землею, не иноко язъ говорилъ, но толко о Смоленскѣ, какъ послѣ конечныхъ рѣчей отъ меня восприняли есте; и что первое говорилъ есми, и еще видится, то и прилагаю, толко бы было дѣло Государя моего, оставя то все, доброю совестію совѣтовалъ бы ему тожъ; и явно есть то, что послѣ долговременнаго наслѣдствіа не бываетъ воспомяновенье; хотя и о правой вотчинѣ, хотя бы и не была иная правда Королю, опрочѣ трехъ докончаней, и онъ имѣлъ бы правду; занже то велико у насъ есть имѣти докончаніе, въ коихъ никоторое учинено воспомяновеніе о вотчинѣ, коеѣ правда соблюдена бы была. И хотя бы Король еще и многіе неисправленьа учинилъ бы, того дѣля правда вотчинная, потому не ищется коему первое отступленося; занже пишется, что однова испущено летаетъ невозвратно слово; но нечто спротивно Твоей Напясности и обычаю есть, но говорю язъ по своему, прошу, чтобы еси милости внѣ то мнѣ отдалъ, хотѣлъ есми, какъ говорилъ, дѣло свое дѣлати, видится также; занже Цесарское Величество Тебѣ ту честь учинилъ и своего посла послалъ, также учинилъ, что такого Короля послы посланы миру просечи, чтобы видѣли люди Твою щедрость и любовь, кою имѣешь къ Цесарю, было бы того болши, какъ пригоже Тебѣ дѣлати; занже благодареніе наиболшая сила есть, кое изъявило бы ся въ такихъ дѣлехъ и могло бы отъ Цесаря противу воздатись.

И Князь Великіі, выслушавъ записи, послалъ къ нему на подворіе Шигону Поджегина, да Меншего Путятина, да Трифана; а велѣлъ имъ противъ той записи отвѣчати. А се отвѣтной списокъ, что ему говорилъ Шигона и діаки Ноября 16, а списокъ ему не данъ.

Отвѣтъ Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, послу Жигимонту противъ его другого списка, что онъ прислалъ къ бояромъ списокъ съ Истомою съ Малымъ, какъ ему отвѣтъ учинили противъ его первого списка.

Шигона говорилъ: Великіі Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь, велѣлъ тебѣ говорити: напередъ сего прислалъ еси списокъ къ нашимъ бояромъ, а приказалъ еси, чтобы тотъ списокъ бояре наши до насъ донесли, и наши бояре тотъ списокъ до насъ донесли. И мы тѣ твои рѣчи выслушали, и отказали

есмя тебѣ своими бояры пространно о всѣхъ о тѣхъ дѣлѣхъ, какъ было тебѣ лзѣ себѣ въ разумъ вняти.

Шигона жъ говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и ты нынѣ прислалъ къ нашимъ бояромъ иной списокъ, а приказалъ еси, чтобъ тотъ списокъ бояре наши до насъ донесли. И бояре наши и тотъ списокъ до насъ донесли, и ты въ томъ списку писалъ пространное о Веронѣ, что братъ нашь Максиміанъ Верону городъ Венецеяномъ отдалъ, и не сумнѣвается о томъ того дѣля, что туто было много честнородныхъ и мудрѣйшихъ людей въ томъ единомышлеѣ и совѣтѣ.

Шигона жъ говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и мы тебѣ напередъ сего о томъ велѣли говорити своимъ бояромъ, то вѣдаетъ братъ нашъ, которымъ обычаемъ Венецеяномъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ, ни имѣти хотимъ, чтобы намъ своа вотчина отдавати. Ино, и нынѣ то вѣдаетъ братъ нашъ, которымъ обы(чаемъ) Венецеяномъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и не и(мѣти) хотимъ, чтобъ намъ своа отчина отдавати.

Меншей говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: а что еси писалъ о городѣхъ сестры нашей, Королевы и Великой Княгини Олены, и о казнѣ, и о Королей Полскихъ къ намъ неисправленіѣ, и какъ наводили бесерменство на христіанство, и ты писалъ, что съ королева ли то будетъ вѣдома такъ учинено, или безъ королева вѣдома?

Меншей же говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и мы тебѣ напередъ сего о томъ отвѣтъ пространно учинили своими бояры, что Королей Полскихъ къ намъ неисправленіе, и многими великими свидѣтелствы и явными доводы на то, какъ они наводили бесерменство на хрестіанство, и ты нынѣ тожъ писалъ, и тѣ великіе свидѣтелства и явные доводы не въ правду ставишь. А которые еси иные рѣчи къ тому дѣлу писалъ, и тѣ рѣчи не подобны, и тѣ дѣла такъ пишешь или отъ неискуства, или на правду стояти дерзаешь.

Трифонъ говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: да писалъ еси къ намъ, что наши бояре говорили съ Жигимонтовыми королевы послы о нашей отчинѣ о Руской землѣ; и ты нынѣ писалъ, что послѣ долгого времени и опослѣ докончаней тому воспомяновеніе не бываетъ, занже то у васъ велико есть докончаніе. Ино, Жигоменте, то правда есть, что межъ насъ и нашіе братьи Великихъ Государей правда и докончаніе велико есть; но вѣдаешь, Жигимонте, и самъ, что правды надобе крѣпко держатися, и доколѣ онъ правды держался, и мы тому и воспомяновенія не чинили; а какъ онъ правды не учалъ держати, и намъ о томъ которого для дѣла воспомяновеніа не чинити?

Меншей говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: а что еси намъ писалъ, чтобы намъ своей отчины города Смоленска Жигимонту Королю поступитись, ино, Жигимонте, мы тому велми дивимся, что еси отъ нашихъ бояръ о томъ слышелъ нашъ крѣпкой отвѣтъ, да нынѣ намъ о томъ паки потворяешь, и намъ и нынѣ своей отчины города Смоленска и всеѣ земли Смоленскіе никакъ не отдати.

Трифанъ говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: А что еси къ намъ писалъ о нашихъ людѣхъ, чтобъ смотрити не числа, но чину, и каковы

люди розсматряти пригоже; ино тебѣ, Жигимонте, наши люди не вѣдомы, и намъ наши люди и королевскіе гораздо вѣдомы. И которые наши люди попали въ руки королевымъ людемъ нашего котораго чину, и у насъ королевскіе люди есть такова жъ чину и болѣ того, да и числомъ и болѣ того; и коли, ожъ дастъ Богъ, съ Жигимонтомъ Королемъ межъ насъ подѣлаются болшіе дѣла и миръ и покой будетъ, и тогды, какъ есть обычаи, плѣннымъ свобода будетъ.

И Жигимонтъ, выслушавъ рѣчи, говорилъ: что ми есте говорили, что есми писалъ отъ неискуства, ино толко голова моа обилла, и язъ такъ и писалъ. А что есте молвили, что на правду дерзаешь, и язъ на правду не могу дерзати; сколко есми могъ, столко есми тружался, да не могъ есми того учинити, чтобы на доброе согласіе Государи пришли; а писалъ есми ко Государю съ своего обычая, а здѣшнего обычая не вѣдая. Да посидѣвъ мало, говорилъ: язъ королевыхъ пословъ спрашивалъ, есть ли ли за ними иной наказъ о миру, какъ имъ дѣлати, и они говорили, что за ними иного наказу нѣтъ никоторого. И язъ имъ говорилъ, что бы перемирье взяти на колко лѣтъ. Да о томъ есми пыталъ ихъ накрѣпко, и они мнѣ отвѣчали: вѣдь де и на насъ другіе головы нѣтъ, что намъ черезъ государьской наказъ то учинити. И нынѣ Государь посылаетъ къ брату своему къ Максимьяну со мною вмѣстѣ своего человѣка, и какъ язъ буду у Короля, и язъ буду Королю говорити, чтобъ похотѣлъ перемирья на годъ, или на два, или на три; а въ тѣ бы поры Максимьянъ посылалъ къ Великому Государю своихъ пословъ, наводя ихъ на миръ. И будетъ на то Государьскаа воля, да и Король похочетъ перемирья, и тотъ бы человѣкъ Великого Государя могъ заключити перемирье, а язъ тогды ко Государю пошлю своего человѣка; а не будетъ на то воли Государьскіе, ино то на его волѣ.

И Шигона тѣ рѣчи сказалъ Великому Князю; и Князь Великій, поговоря съ братьею своего и съ бояры, что ему пригоже Жигимонту о томъ, отвѣтъ учинити, да послалъ къ нему на подворье Шигону жъ, да дьаковъ Меншего, да Трифана; а велѣлъ ему молвити отъ себя рѣчь: говорилъ еси намъ, что еси пыталъ королевыхъ пословъ много о томъ, есть ли за ними иной наказъ о миру или о перемирьѣ; и они тебѣ отвѣчали, что за ними иного наказу нѣтъ никотораго, и о перемирьѣ имъ не наказано. И ты отъ себя говорилъ: будетъ ли на то Государьская воля, чтобъ перемирью быти; а ты, ѣхавъ, учнешь говорити Жигимонту Королю, чтобы онъ также похотѣлъ перемирья; и похочетъ Жигимонтъ Король перемирья, и тотъ бы человѣкъ, котораго Государь нашъ посылаетъ къ брату своему Максимьяну, и онъ бы то могъ заключити, а ты съ тѣмъ пошлешъ своего человѣка къ нашему Государю.

Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: ино, Жигимонте, слышелъ еси самъ, говорили наши бояре съ Жигимонтовыми Королевыми послы, и бояре Государя нашего говорили о миру, и ты то слышелъ; а какъ Жигимонтовы королевы послы говорили, ино такъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти непригоже. И похочетъ и нынѣ Жигимонтъ Король съ нами миру, и онъ бы къ намъ прислалъ своихъ пословъ, и мы съ нимъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже. А не състанется межъ

насъ съ нимъ миръ, а учнутъ говорити по пригожу и о перемирьѣ, и мы съ нимъ и перемирья хотимъ, какъ будетъ пригожъ.

И Жигимонтъ говорилъ: дастъ Богъ, буду у Жигимонта, и язъ буду о томъ говорити Королю. Да говорили межи себя розговорные рѣчи о томъ, что не могъ миръ състатись. И Жигимонтъ говорилъ: ко мнѣ Король писалъ еще съ племенникомъ моимъ, что безъ Смоленска миръ статись не можетъ, и язъ тогды Государю не сказалъ, ни вамъ бояромъ того дѣля, чтобъ послы здѣсе были и нѣчто бы того спустили. И послы, прiѣхавъ, говорили велико, а вы велико же, и того дѣля не могло то състатись, чтобы въ мѣсто пришли и на доброй конецъ выговорили о Кiевѣ, и о сестриныхъ городѣхъ и о казнѣ, а они также говорили много. Да говорилъ рѣчей разговорныхъ много, да молвилъ: писалъ есми ко Государю подлугъ своего обычая въ списку, и то писанiе Государю незгоже, и вы, пожалуйте, Государю о мнѣ печалуйтесь, чтобъ Государь пожаловалъ, на меня гнѣву не держалъ и опалы бы мнѣ отдалъ; а писалъ былъ есми съ своего обычая, и нѣчто, будутъ, толмачи не узнали перевести, въ нашемъ обычаѣ, которое слово добро напишется, а переводчики, которой не знаетъ силы, и онъ супротивно поставитъ, и Государь бы мнѣ гневу отдалъ.

И Ноября 19, велѣлъ Князь Великiй Максимьянову послу Жигимонту быти на дворѣ, а посылка по него и встрѣча была по тому же, какъ было на передъ того. И какъ пришелъ къ Великому Князю, и Князь Великiй звалъ къ руцѣ, да велѣлъ ему сѣсти. Да посидѣвъ мало, велѣлъ ему итти въ набережную полату, да высылалъ къ нему боаръ Григорiа Өедоровича, Юрiа Малого, Шигону Пожогина, да дiаковъ Меншего Путятина да Трифана Ильина съ отвѣтомъ.

А се отвѣтъ Жигимонту послу на отпускѣ въ четвергъ, и списокъ ему данъ.

Отвѣтъ Великого Государя Василья, Божiею милостiю Царя и Государя всеа Русiи и Великого Князя, Максимилiана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, послу Жигимонту, на отпускѣ, какъ его Великiй Государь отпустилъ.

Григорей Өедоровичь говорилъ: Великiй Государь Василей, Божiею милостiю Царь и Государь всеа Русiи и Великiй Князь, велѣлъ тебѣ говорити: прислалъ къ намъ тебя братъ нашь дражайшiй, Максимьянъ, избранный Цесарь Римскiй и навышшiй Король; и говорилъ еси намъ отъ брата нашего дражайшего, Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, что которые христiанскiе Государи были межъ себя не въ согласьѣ, и братъ нашъ дражайшiй Максимьянъ тѣхъ христiанскихъ Государей въ миръ и въ согласье ввелъ того дѣля, чтобы рука бесерменская не высилась и Государства бы бесерменскiе не ширились, а христiанскихъ бы Государей надъ бесерменствомъ рука высилась и Государьства христiанскiе ширились.

Юрьи Малой говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и ты намъ говорилъ, чтобы намъ для брата своего дражайшаго Максимьяна съ Жигимонтомъ, Королемъ Полскимъ, помиритись; и Жигимонтъ Король прислалъ къ намъ своихъ пословъ Щита и Богуша. И которые рѣчи наши боаре съ Жигимонтовыми королевы послы о миру говорили,

и ты тѣ рѣчи слышелъ; а которые рѣчи Жигимонтовы королевы послы о миру говорили, ино такъ межъ насъ съ Жигимнтомъ, Королемъ Полскимъ, миру быти непригожъ. И мы для брата своего дражайшаго Максиміана съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотѣли, да нынѣ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ не състался. А не състался межъ насъ миръ не нашею стороною, не състался миръ королевою стороною того дѣля, что какъ говорили Жигимонтовы королевы послы, ино такъ межъ пасъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти не пригожъ.

Григорей говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: а и нынѣ Жигимонтъ, Король Полскій, похочетъ съ нами миру, и мы для брата своего дражайшаго Максимьяна и для того, чтобъ межъ насъ кровь христіанская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригоже.

Шигона говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: молви отъ насъ брату нашему дражайшему, Максимьяну, что напередъ того присылалъ къ намъ посла своего Юріа Сницпамера, и учинился съ нами въ любви и въ единачествѣ и на всякого намъ недруга быти съ нимъ заодинъ; а именно въ нашихъ докончальныхъ грамотахъ написано, что намъ на своего недруга на Жигимонта Короля Полскаго быти съ нимъ заодинъ.

Меншой говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: а опослѣ того братъ нашъ дражайшій Максимьянъ присылалъ къ намъ своихъ пословъ Якова Дохтора и Маврика Бухъстелера, а приказалъ къ намъ съ ними братъ нашъ дражайшій Максимьянъ, что обычей во всѣхъ великихъ Христіанскихъ Государей, каково межъ ихъ дѣло състанется, ино его первое обослати и своа правда ему изъявити, и не узнается онъ въ той неправдѣ, ино тогды съ нимъ бранная воздвигнути и понудить его на то сильнѣ; и не исправится Король Полскій намъ въ тѣхъ дѣлѣхъ, и онъ тогды свое и наше дѣло хотѣлъ съ нимъ дѣлати съ нами заодинъ.

Меншей жъ говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: а опослѣ того писалъ къ намъ братъ нашъ дражайшій Максимьянъ въ своей грамотѣ, что съ Жигимонтомъ Королемъ нашего и своего дѣла не началъ дѣлати того дѣля, что хотятъ къ нему быти Владиславъ Король Угорскій и Жигомонтъ Король Полскій, и братъ нашъ того дѣля подвигся въ свой градъ въ Віену; и тутъ у него были Король Угорскій Владиславъ и Жигимонтъ Король Полскій, и просили брата нашего дражайшаго Максимьяна, чтобы братъ нашъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ помирилъ, и Жигимонтъ Король положился о всѣхъ несогласіахъ на братѣ нашемъ дражайшемъ Максимьянѣ, и намъ бы для брата своего дражайшаго съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись.

Трифанъ говорилъ: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и мы къ брату своему отказывали, что для его брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, и похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы къ намъ прислалъ своихъ пословъ. И Жигимонтъ Король нынѣ прислалъ къ намъ своихъ пословъ Щита и Богуша; и которые рѣчи наши бояре и Жигимонтовы королевы послы о миру говорили, и ты тѣ рѣчи слышелъ, и межъ насъ нынѣ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ не състался.

Григорей жъ говорилъ: Государь

нашъ велѣлъ тебѣ говорити: и ты отъ насъ брату нашему дражайшему Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышему Королю, молви: похочетъ съ нами Жигимонтъ Король нынѣ миру, и мы и нынѣ для брата своего дражайшаго Максимьяна, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, и для того, что бы межъ насъ былъ миръ и покой и кровь хрестіанская болѣ того не лилась и бесерменская бы рука не высилась, и Государи бы бесерменскіе не ширилися, а хрестіанскихъ бы Государей надъ бесерменствомъ рука высилась и Государства бы хрестіанскіе ширилися, съ Жигимонтомъ, Королемъ полскимъ, миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригожъ. А не похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и мы какъ почали съ тѣмъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, такъ и дѣлаемъ, и впередъ съ нимъ хотимъ свое дѣло дѣлати, сколко намъ Богъ поможетъ; и братъ бы нашъ дражайшій Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, по нашей съ нимъ правдѣ и по завѣщалнымъ грамотамъ, на того на нашего недруга на Жигимонта Короля былъ съ нами заодинъ, и дѣло бы наше и свое съ тѣмъ съ нашихъ и съ своимъ недругомъ, съ Жигимонтомъ съ Королемъ Полскимъ, дѣлалъ съ нами вмѣстѣ заодинъ. А мы какъ учинилися съ братомъ своимъ дражайшимъ Максимьяномъ въ любви и въ завѣщаньи, такъ по тому и хотимъ ему и правити и на всѣхъ на его и на своихъ недруговъ, и на того на его и на своего недруга на Жигимонта Короля, хотимъ съ нимъ быти заодинъ и дѣло его хотимъ дѣлати съ нимъ заодинъ, сколко намъ Богъ поможетъ.

И послѣ отвѣта, Жигимонтъ говорилъ: не похочетъ Великій Государь приказати съ мною къ брату къ своему къ Максимьяну, и онъ бы приказалъ съ своими послы, что его Государьская мысль, какъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, что бы то было Государю нашему гораздо вѣдомо, на чемъ хочетъ Государь вашъ миру. И бояре тутъ съ нимъ поговорили, да шедъ, сказали Великому Князю.

И Князь Великій послалъ къ нему боаръ; а велѣлъ его спросити о томъ: спрашиваешь, какова мы миру хотимъ съ Жигимонтомъ Королемъ? и ты онамедни межъ нашихъ бояръ и Жигимонтовыхъ королевыхъ пословъ слышелъ рѣчи, и нынѣ о миру о чемъ пытаешь, какъ межъ насъ миру быти?

И Жигимонтъ говорилъ: пытаю о томъ, чтобы бы мнѣ было что сказати своему Государю, какъ Государь хочетъ миру съ Жигимонтомъ Королемъ; онамедни есми слышелъ у Государскихъ бояръ и у королевыхъ пословъ которые рѣчи, и тѣ рѣчи на доброе согласье не пришли; и нынѣ бы мнѣ было что сказати своему Государю то, какъ съ Литовскимъ Королемъ хочетъ помиритись?

И бояре съ нимъ туто поговорили о томъ много рѣчей, о чемъ пытаешь?

И Жигимонтъ говорилъ: о томъ пытаю, дать ли хочетъ Государь, или что взять хочетъ у Короля, что бы то вѣдалъ язъ?

И бояре сказали то Великому Князю, и Князь Великій послалъ къ нему боярь же. И бояре ему говорили: Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: говорилъ еси нашимъ бояромъ, а просилъ еси насъ, чтобы намъ къ брату къ своему, къ избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю

Максимьяну, съ тобою приказати, которымъ бы обычеемъ могло быти, какъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ пригоже миру быти. Ино, Жигимонте, наши бояре съ королевыми послы говорили о миру, а ты то слышелъ. А тебѣ есмя своимъ бояромъ велѣли говорити и неодинова, что для брата своего Максимьяна съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже, и ты тѣ наши рѣчи слышелъ. Ино и нынѣ похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, а пришлетъ къ намъ своихъ пословъ и прикажетъ къ намъ по пригожу, какъ пригоже межъ насъ съ нимъ миру быти, и мы для брата своего Максимьяна и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой, и кровь бы христіанская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригожъ. А что есмя съ Божіею волею достали своей отчины города Смоленска, и намъ своей отчины города Смоленска и со всѣми повѣты и пригороды никакъ не отдати. А пришлетъ къ намъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ, а прикажетъ къ намъ о миру по пригожу, и о сестрѣ нашей къ намъ направитъ, и тогды о сестрѣ нашей городѣхъ и объ иныхъ городѣхъ о Рускихъ, которые нынѣ за Жигимонтомъ Королемъ, могутъ рѣчи быти. А опослѣ того бояре сказали ему Володимера; да говорили ему о Володимерѣ, что бы ему, ѣдучи съ нимъ по Литовской землѣ, и нечти никоторые не было.

И Жигимонтъ говорилъ: язъ Государьскаго человѣка емлю на свои руки, и ему, ѣдучи по Литовской землѣ, силы и нечти никоторые не будетъ. Да говорилъ Жигимонтъ: конечная ли то мнѣ рѣчь отъ Государя, и будетъ конечная, ино у меня есть ко Государю грамота, да и рѣчи за мною есть ко Государю. И бояре то, шедъ, сказали Великому Князю. И Князь Великій велѣлъ ему къ себѣ итти. И какъ пришелъ къ Великому Князю, да подалъ Великому Князю грамоту о Глинскомъ, да рѣчь говорилъ.

А се грамота: «Максимьянъ, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегда августъ, и Германскій, Угорскій, Далматскій, Кроатскій и иныхъ Король, Дука Астрійскій, Бургунскій, Брабанскій и иныхъ, Комитъ Палатинскій, Наияснѣйшему Начальнику, брату дражайшему. Приказали есмя честнороднымъ, вѣрнымъ, намъ любимымъ Жидимонту Герберстеню и Петру Мараскому, совѣтникомъ и посломъ нашимъ нѣчто о Михаилѣ о Глинскомъ Наиясности Вашей, нашимъ именемъ, говорити. И нашею братскою любовію и хотѣніемъ къ тебѣ опять и опять поминаючи, изволилъ бы еси имъ несумнѣнну, аки намъ самимъ, вѣру показати; и такова себя о томъ показати, каково межъ нами дружба и братство есть, не сумнимся. То дѣло намъ приятно учинишь, а мы противу вамъ гдѣ прилучится возможемъ что учинити не будемъ безпамятны. Данъ въ нашей веси Ериганси, въ 4 день Ноября, лѣта Господня 1517, кралевствъ нашихъ Римскаго 31, а Угорского 21. По повелѣнью Цесарского Величеству сущему».

А се рѣчь далъ Максимьяновъ посолъ Жигимонтъ на отпускѣ о Глинскомъ: Наияснѣйшій Начальниче! свещеннѣйшее Цесарское Величество, межъ иныхъ, приказалъ мнѣ и моему товарищу господину Петру Мараскому, которой по волѣ Божіей отъ сего свѣта отъиде, чтобы намъ прежъ своего отъѣзда отселѣ Твоей Наиясности сіа грамота подати и по-

томъ говорити, что Его Цесарскому Величеству въ уши пришло, какъ Твоа Напасность не безвинно некако подвигся, что князя Михаила Глинскаго поимана держишь, коего занежъ одъ младыхъ лѣтъ въ своемъ дворѣ Цесарскомъ воспиталъ; также онъ у свѣтлѣйшаго Алберта, Князя Саксонскаго, Начальника и сродника Его Величества дражайшаго, на его службахъ всегда себя бодрена показалъ. Того для Цесарскаа Милость о немъ зъжалитися не безлѣпа помыслилъ. И нѣчто тотъ князь Михайло Глинской нѣкогда спротивно Твоей Напясности учинилъ, и онъ уже такимъ поиманьемъ полно казни пострадалъ, мнитъ Его Цесарское Величество; и занежъ великихъ Начальниковъ то есть нарочито уставлено, чтобы сверпъство оставя и кроткою милостію и благостію къ повиннымъ себя имѣли, того для, Твою Напясность учинилъ поискати, чтобы еси изволилъ для Его Величества и для межъ васъ особные двужбы и братства, того Глинского ослободити и въ наши руки Его Величества совѣтникомъ дати, и чтобы Его Величеству служити болши моглъ; а съ нимъ Его Величество такъ хочетъ учинити и толь тяжкою его присягою связати, что противу Твоее Напясности или твоихъ послѣ того николи смѣетъ что учинити. Дѣло въ томъ любезнѣйше Его Цесарскому Величеству учинишь, противу коего, гдѣ прилучится Твоей Напясности учинити, хочетъ Его Величество памятовати.

И Князь Великій велѣлъ ему итти въ полату; да того дни и ѣлъ у Великого Князя. И опослѣ стола Князь Великій его и отпустилъ. А подчивать его посылалъ на подворье князя Михаила Кубенского, дя Трифона.

И Ноября 21, приказалъ Жигимонтъ съ Тимошкою съ Хлуденевымъ: говорилъ еси бояромъ Великого Государя: нѣчто похочетъ Государь съ Жигимонтомъ Королемъ перемирьа, и онъ на колко лѣтъ хочетъ перемирьа, и какъ хочетъ перемирьа?

И Князь Великій послалъ къ нему на подворіе Шигону, да діаковъ Меншово, да Трифона.

И Шигона ему говорилъ: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: приказывалъ еси къ нашимъ бояромъ съ нашимъ сыномъ боярскимъ съ Тимофѣемъ, что еси говорилъ нашимъ бояромъ: не състался межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ, ино бы намъ перемирья хотѣти. Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: и мы къ тебѣ приказывали съ своими бояры, что для брата своего Максимьяна съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и онъ бы къ намъ прислалъ своихъ пословъ; и пришлетъ къ намъ своихъ пословъ, а прикажетъ къ намъ о миру по пригожу, какъ межъ насъ съ нимъ миру пригоже быти, и мы для брата своего Максимьяна съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже. Ино и нынѣ, похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, а пришлетъ къ намъ своихъ пословъ, а прикажетъ къ намъ о миру попригожу, какъ пригожъ межъ насъ съ нимъ миру быти, и мы и нынѣ для брата своего Максимьяна съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже. А не състанется межъ насъ миръ съ Жигимонтомъ Королемъ, и мы съ нимъ перемирьа хотимъ, какъ будетъ пригоже.

И Жигимонтъ говорилъ: коли Государь не скажетъ, на колко лѣтъ хо-

четъ перемирья и того не скажетъ, какъ хочетъ перемирья, и Жыгимонту Королю какъ посылать своихъ пословъ?

И Шигона ему говорилъ: напередъ того Короли Полскіе присылали пословъ ко Государемъ къ нашимъ, да уговоривъ о которомъ дѣлѣ, и придетъ на доброе согласье, и они толды и заключатъ и перемирные грамоты напишутъ. А не придетъ на миръ, и они уговоря перемирье, да и срокъ учинятъ, да также заключатъ.

И Жигимонтъ говорилъ: коли Государь того не скажетъ, на колко ему лѣтъ съ Жигимонтомъ Королемъ перемирье взять и на чемъ ему перемирье взяти, и Жигимонту Королю какъ своихъ пословъ послати къ Великому Государю?

И Шигона ему говорилъ о Глинскомъ: Великій Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: подалъ еси намъ грамоту отъ нашего брата, отъ избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля Максимьяна, а писалъ къ намъ братъ нашъ, чтобъ намъ слугу своего Глинского къ нему отпустити, а ты намъ отъ брата нашего тожъ говорилъ. Ино тотъ Глинской еще былъ у Жигимонта Короля, и мы его и тамъ жаловали и берегли; и о послѣ того пріѣхалъ къ намъ служити, и мы его жаловали, во чти у себя въ великой учинили и межи великихъ людей у насъ былъ; и какъ есмя почали съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, и мы его у себя въ воеводствѣ учинили, и люди съ нимъ наши многіе ходили. И какъ есмя взяли свою отчину, городъ Смоленескъ, а его есмя послали въ недруга своего въ Литовскую землю, а съ нимъ своихъ людей; и онъ, позабывъ своей правды и нашего къ себѣ жалованья, учалъ ссылатись съ нашимъ недругомъ, съ Жигимонтомъ Королемъ, а учалъ наводити Жигимонтовыхъ королевыхъ людей на наши люди, да и навелъ. И наши воеводы, его изымавъ, къ намъ прислали; и онъ былъ по своимъ дѣломъ дошелъ великіе казни, и велѣли были есмя его казнити, и онъ, попаметовавъ роженье отца своего и матери, отецъ и матъ у него были Греческого закону, а онъ данъ былъ на училище въ Италійскіе страны, и онъ молодостію отсталъ отъ Греческого закону, а присталъ къ Римскому закону, и похотѣлъ къ своей вѣрѣ къ Греческому закону, да билъ челомъ отцу нашему Варламу, митрополиту всеа Русіи, чтобы ему опять быти въ Греческомъ законѣ. И отецъ нашъ Варламъ, митрополитъ всеа Русіи, у насъ его отъ казни взялъ, да его пытаетъ, чтобы онъ не неволею приступилъ къ вѣрѣ, пообшолбыся гораздо мыслью. И братъ бы нашъ на насъ о томъ мнѣніа никоторого не подержалъ, чтобы намъ ему за что постоати, ни за что ему брату своему не стоимъ, а Глинскаго намъ къ нему отпустити нелзѣ.

И Жигимонъ говорилъ: Государь мой приказывалъ о немъ того дѣля, что онъ былъ въ его землѣ въ науцѣ, и нынѣ на него таково пришло, ино ему у Государя быти непригожъ, а и у Короля ему у Полскаго быти не пригоже жъ; и Государь мой его просилъ того дѣля, что его хотѣлъ отдати внуку своему Карлу. А коли Государьскіе на то воли нѣтъ, что его нашему Государю отдати, и Государь бы ему свободу учинилъ, а язъ бы то видѣлъ.

И Ноября 22, послалъ Князь Великій къ Жигимонту на подворіе

Шигону, да Меншово, да Трифона, а велѣлъ ему говорити о Володимерѣ, чтобы ему, ѣдучи съ нимъ чрезъ Литовскую землю, силы и нечти никоторые не было, и ставитись бы ему возлѣ его.

И Жигимонтъ говорилъ: коли язъ государьскаго человѣка взялъ на свои руки, толды ему силы и нечти никоторые не будетъ.

А болшее Князь Великій посылалъ того дѣля, чтобъ ся отродило о перемирьѣ.

И Жигимонтъ не говорилъ ничего ни о которомъ дѣлѣ. Да и поѣхалъ съ Москвы въ понедѣльникъ Ноября 22; а приставъ поѣхалъ съ нимъ Борисъ Головастовъ подводы и кормъ ему давати.

А Литовскіе послы поѣхали напередъ его въ четвергъ Ноября 18, а съ ними поѣхалъ сестричичь Жигимонтовъ Янъ. А приставъ поѣхалъ съ ними Рахманинъ Тилилинъ, да Микита Моклоковъ.

И Князь Великій, приговоря съ братьею и съ бояры, что ему пригоже послати къ Максимьяну къ избранному Цесарю своего посла. И Ноября 24, во вторникъ послалъ Князь Великій къ Максимьяну, къ избранному Цесарю Римскому, посла своего, діака Володимера Семенова сына Племянникова, а съ нимъ послалъ толмача Истому Малого.

А се посолство съ Володимеромъ: говорити отъ Великого Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, діаку Володимру Семенову:

Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, Володимерскій, Московскій, Новгородцкій, Псковскій,

Смоленскій, Тферскій и иныхъ, тебѣ, брату своему дражайшему, Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, велѣлъ свое здоровье сказати. Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь Володимерскій, Московскій, Новгородцкій, Псковскій, Смоленскій, Тферскій и иныхъ, тебя брата своего дражайшаго Максимиліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, велѣлъ о здоровьѣ спросить, какъ тебя Богъ милуетъ?

А послѣ того грамота подати. А се грамота:» Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Великій Князь Володимерскій, Московскій Новгородцкій, Псковскій, Смоленскій, Тферскій Югорскій, Пермьскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, и Государь всеа Русіи и Великій Князь Новгорода, Низовской земли и Черниговскій, и Резанскій, и Волотцкій, и Ржевскій, и Бѣлскій и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій и иныхъ, Наияснѣйшему и велеможнѣйшему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, Угорскому и Далматцкому и иныхъ, брату и завѣщателю нашему дражайшему, здравіе и нашей братской дружбѣ непрестанна любовь. Любимый брате и дражайшій друже! приказывалъ еси къ намъ напередъ сего съ своими послы и съ посланники, и съ нашими послы и съ посланники, и въ грамотахъ въ своихъ писалъ къ намъ и неодинова, чтобы намъ для тебя, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись. А нынѣ присылалъ еси къ намъ посла своего и совѣтника Жигимонта Герберстеня; и говорилъ намъ отъ тебя, отъ брата нашего

дражайшего, что которые христіанскіе Государи были межъ себя не въ согласіѣ, и ты, братъ нашъ, тѣхъ христіанскихъ Государей въ миръ и въ согласіе ввелъ того дѣля, что бы рука бесерменская не высилася и Государи бы бесерменскіе не ширились, а Хрестіанскихъ бы Государей надъ бесерменствомъ рука высилася и Государьства бы христіанскіе ширилися. И посолъ твой Жигимонтъ намъ отъ тебя говорилъ, чтобы намъ для тебя, брата своего дражайшаго, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися и мы къ тебѣ, къ брату своему дражайшему, напередъ сего отказывали съ твоими послы и съ посланники, и съ своими послы и съ посланники, и въ грамотахъ въ своихъ къ тебѣ писали и неодинова, что для тебя, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ, а прислалъ бы къ намъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ. И Жигимонтъ Король нынѣ присылалъ къ намъ своихъ пословъ Щита и Богуша, и которые рѣчи о миру Жигимонтовы королевы послы говорили, ино такъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти не пригоже. А которые рѣчи наши бояре о миру говорили съ Жигимонтовыми королевыми послы, и тѣ рѣчи слышелъ посолъ твой Жигимонтъ Герберстенъ. И нынѣ съ нами Жигимонтъ Король не помирился и напередъ того ты, братъ нашъ, присылалъ къ намъ своего посла Юрья Снипцамера и учинился еси съ нами въ любви и въ единочьствѣ, и на всякого намъ не друга быти съ тобою заодинъ; а именно въ докончалныхъ нашихъ грамотахъ писано, что намъ на своего недруга на Жигимонта Короля быти съ тобою заодинъ. А опослѣ того присылалъ еси къ намъ своихъ пословъ доктора Якова Ослера и Мавреца Бурхстеллера. А приказалъ еси къ намъ, братъ нашъ дражайшій, что обычаи во всѣхъ великихъ хрестіанскихъ Государей, каково межъ ихъ дѣло състанется, ино его первое обослати и своя правда ему изъявити, и не узнается онъ въ той неправдѣ, ино тогды съ нимъ бранная воздвигнути и понудить его на то силнѣ; и не исправится намъ Король Полскій въ тѣхъ дѣлѣхъ, и ты тогды свое и наше дѣло хотѣлъ съ нимъ дѣлати, съ нами за одинъ. А опослѣ того писалъ еси къ намъ, братъ нашъ дражайшій, въ своей грамотѣ, что еси съ Жигимонтомъ Королемъ нашего и своего дѣла не почалъ дѣлати того дѣля, что хотятъ къ тебѣ быти Владиславъ Король Угорскій и Жигимонтъ Король Полскій, и ты, братъ нашъ дражайшій, того дѣля подвигся въ свой градъ въ Віену, и тутъ у тебя были Король Угорскій Владиславъ и Жигимонтъ Король Полскій; и просили тебя, брата нашего дражайшего, чтобъ ты, братъ нашъ, насъ съ Жигимонтомъ Королемъ помирилъ, а Жигимонтъ Король положился о всѣхъ несогласьяхъ на тебѣ, брате нашемъ: намъ бы для тебя, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись. И Жигимонтъ Король нынѣ присылалъ къ намъ своихъ пословъ, и межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ нынѣ миръ не състался, а не състался миръ не нашею стороною, не състался миръ Королевою стороною; какъ говорили его послы, ино такъ межъ насъ миру быти непригоже. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король и нынѣ миру, и мы и нынѣ для тебя, брата своего дражайшего, Максиміліана и для того, чтобы межъ насъ

былъ миръ и покой и кровь бы хрестіанская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригоже. А не похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и мы какъ почали съ тѣмъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, такъ и дѣлаемъ и впередъ съ нимъ хотимъ свое дѣло дѣлати, сколко намъ Богъ поможетъ. А ты бъ, братъ нашъ дражайшій, Максиміліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышій Король, по нашей съ тобою правдѣ и по завѣщалнымъ грамотамъ, на того на нашего недруга на Жигимонта Короля былъ съ нами заодинъ, и дѣло бы еси наше и свое съ тѣмъ съ нашимъ и съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ, Королемъ Полскимъ, дѣлалъ съ нами вмѣстѣ заодинъ. А мы, какъ учинились съ тобою, съ своимъ братомъ дражайшимъ Максимиліаномъ, въ любви и въ завещаньи, такъ потому хотимъ тебѣ и правити, и на всѣхъ твоихъ и на своихъ недруговъ хотимъ быти съ тобою, съ братомъ своимъ, заодинъ, и дѣла твои и свои хотимъ съ тобою, съ братомъ своимъ дражайшимъ, всѣ дѣлати заодинъ, какъ намъ Богъ поможетъ. Да послали есмя къ тебѣ, къ брату своему дражайшему, діака своего Володимера Семенова, да толмача своего Истому; и что отъ насъ учнутъ тебѣ говорити, и ты бы имъ вѣрилъ, то есть наши рѣчи. Да чтобъ еси діака нашего Володимера и толмача нашего Истому не издержавъ, на борзѣ къ намъ отпустилъ. А о своемъ бы еси и о нашемъ дѣлѣ намъ вѣдомо учинилъ, какъ у тебя твое и наше дѣло дѣлается. Писанъ въ нашемъ Государьствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7026 мѣсяца Ноября 25 д.».

А опослѣ грамоты рѣчь говорити. А се рѣчь: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Псковскій, Смоленскій, Тферскій и иныхъ, Государь всеа Русіи, велѣлъ тебѣ говорити: присылалъ еси къ намъ своего посла, совѣтника Жигимонта Герберстеня, и говорилъ намъ отъ тебя, брата нашего дражайжаго Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, что которые Хрестіанскіе Государи были межъ себя не въ согласьѣ, и тѣмъ несогласьемъ отъ бесерменскихъ Государей много хрестіанскіе крови пролилося и многіе Государства хрестіанскіе за себя превратили. И ты, братъ нашь дражайшій, многихъ хрестіанскихъ Государей въ миръ и въ согласье ввелъ, того дѣля, чтобъ рука бесерменская не высилась, и Государи бы бесерменскіе не ширилися, а хрестіанскихъ бы Государей надъ бесерменствомъ рука высилася и Государства хрестіанскіе ширилися. Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: И ты къ намъ, братъ нашъ дражайшій, и напередъ того приказывалъ съ своими послы и съ посланники, и съ нашими послы и съ посланники, и въ грамотахъ еси въ своихъ къ намъ писалъ и неодинова; и посолъ твой Жигимонтъ Герберстенъ намъ отъ тебя говорилъ, чтобы намъ для тебя, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися. Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ тебѣ говорити: и Жигимонтъ Король нынѣ присылалъ къ намъ своихъ пословъ Щита

Богуша, и говорили намъ отъ него, чтобъ намъ съ нимъ помиритись. И мы велѣли съ Жигимонтовыми королевы послы говорити своимъ боаромъ; и которые рѣчи наши боаре съ Жигимонтовыми королевыми послы о миру говорили, и тѣ рѣчи слышелъ посолъ твой Жигимонтъ, а которые рѣчи Жигимонтовы королевы послы говори(ли) съ нашими боары о миру, ино такъ межъ насъ съ Жигимонтомъ, Королемъ Полскимъ, миру быти не пригоже. Великіі Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь велѣлъ тебѣ говорити: и мы были для тебя, брата своего дражайшаго Максимьяна, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотѣли, да нынѣ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ не състался. А не състался межъ насъ миръ не нашею стороною, не състался миръ королевою стороною того дѣля, что какъ говорили намъ о миру Жигимонтовы королевы послы, ино такъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти не пригоже. Великіі Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь велѣлъ тебѣ говорити: а и нынѣ Жигимонтъ Король похочетъ съ нами миру и пришлетъ къ намъ своихъ пословъ, а прикажетъ къ намъ о миру по пригожу, какъ пригожъ межъ насъ съ нимъ миру быти, и мы для тебя, брата своего дражайшаго Максимьяна, и для того, чтобъ межъ насъ кровь христіанская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригоже. Великіі Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь, велѣлъ тебѣ говорити: а не похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру, и мы какъ почали съ тѣмъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, такъ и дѣлаемъ, и впередъ съ нимъ хотимъ свое дѣло дѣлати, сколко намъ Богъ поможетъ. Великіі Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь велѣлъ тебѣ говорити: и ты бы, братъ нашъ дражайшіі Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскіі и навышшіі Король, по нашей съ тобою правдѣ и по завѣщалнымъ грамотамъ, на того на нашего и на своего недруга на Жигимонта Короля былъ съ нами заодинъ, и дѣло бы еси наше и свое съ тѣмъ съ нашимъ и съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ съ Полскимъ, дѣлалъ съ нами вмѣстѣ заодинъ. А мы какъ учинилисъ съ тобою, съ братомъ съ своимъ дражайшимъ, въ любви и въ завѣщаньѣ, такъ по тому и хотимъ тебѣ правити, и на всѣхъ твоихъ и на своихъ недуговъ хотимъ быти съ тобою, съ братомъ съ своимъ, заодинъ и дѣла твои и свои хотимъ съ тобою, съ братомъ своимъ дражайшимъ, вcѣ дѣлати заодинъ, какъ намъ Богъ поможетъ.

А ся рѣчь Володимеру молвити того жъ дни послѣ посолства, помотчавъ немного: Великіі Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь велѣлъ тебѣ, брату своему дражайшему Максимиліану, сказати: нашъ недругъ Жигимонтъ, Король Полскіі, пославъ къ намъ своихъ пословъ Щита и Богуша, а самъ съ обѣма своими государствы, съ Лятцкимъ и съ Литовскимъ, и изъ иныхъ земель добывъ многихъ людей, пришелъ въ свой украинной городъ въ Полтескъ, да тутъ самъ остался съ малыми людми; а умысливъ своими неправыми умышлевіи,

что межъ Государей не живетъ, въ которую пору послы ходятъ, и въ тѣ поры рать не живетъ, болшего своего гетмана Костянтина Острожскаго со всѣми съ тѣми людми послалъ къ нашіе отчины ко Псковскому украинному пригородку къ Опокѣ. Да въ тужъ пору посылалъ пана своего Олбрехта Мартинова съ великою казною бесерменскимъ государемъ, къ Миналгирѣевымъ царевымъ дѣтемъ, а велѣлъ ихъ наводити на хрестьянство, на наши Украйны, да и навелъ, и приходили на наши Украины, которые отъ поля. И надъ тѣми надъ обоими людми милосердый Богъ, нелицемѣрный судья, правымъ своимъ судомъ какъ хотѣлъ, такъ учинилъ: наши люди королевыхъ воеводъ и людей многихъ побили, а иныхъ многихъ переимали и къ намъ прислали, и пушки и пищали у Литовскихъ людей, поимали. А наши воеводы пошли были прямо на болшего его гетмана Острожскаго, и хотѣли съ нимъ съ самимъ наше дѣло дѣлати, сколко имъ Богъ поможетъ; и Костянтинъ Острожской, видевъ то что наши люди Литовскихъ людей многихъ побили, а иныхъ переимали, а воеводы наши идутъ прямо на него и хотятъ съ нимъ наше дѣло дѣлати, и онъ, пометавъ многое свое оружіе и скарбъ, да побѣжалъ въ свою землю. А Татаръ наши люди также многихъ побили, а иныхъ многихъ переимали. А какъ то дѣло дѣлалось, и твоему то послу Жигимонту Герберьстеню гораздо вѣдомо; и тебѣ бы то, брату нашему дражайшему, вѣдомо было.

А се память дана Володимеру, да Истомѣ.

Память діаку Володимеру Семенову, да толмачю Истомѣ Малому. Послалъ ихъ Князь Великій къ Максимьяну вмѣстѣ съ его послломъ съ Жигимонтомъ, а здѣсе на Москвѣ велѣлъ Князь Великій говорити Максимьянову послу Жигимонту своимъ боаромъ, чтобы ихъ въ Литовской землѣ берегъ и отъ себя бы ихъ не отпущалъ, ѣхали бы съ нимъ вмѣстѣ и ставили бы ихъ на дворѣхъ возлѣ его, а далече бы ихъ отъ него не ставили. И Володимеру и Истомѣ ѣхати съ Жигимонтомъ вмѣстѣ; а беречи имъ того накрѣпко, какъ въѣдутъ въ Литовскую землю, и имъ бы отъ Жигимонта не отставати, ѣхати бы имъ вмѣстѣ съ Жигимонтомъ, а ставитися бы имъ возлѣ Жигимонта. А нѣчто учнутъ ихъ отъ Жигимонта отдаляти, или ихъ учнутъ ставити не возлѣ Жигимонта, или надъ ними учнутъ какову силу и нужу чинити въ Литовской землѣ, и Володимеру и Истомѣ говорити Жигимонту: Жигимонте! говорили тебѣ отъ Великого Государя бояре и діаки, что Государь нашъ послалъ насъ вмѣстѣ съ тобою къ брату къ своему къ Максимьяну, а ѣхати тебѣ черезъ Литовскую землю, ино бы намъ въ Литовской землѣ нечти, и силы и нужи никоторые не было, и ѣхати бы намъ съ тобою вмѣстѣ, и ставитися бы намъ возлѣ тебя. И ты Государя нашего боаромъ говорилъ, что надъ нами нечти никоторые не будетъ, и ѣхати намъ съ тобою вмѣстѣ и ставитися близко тебя; и нынѣ насъ ставятъ опричь тебя и отъ тебя насъ отводятъ. И ты бы, Жигимонтъ, памятовалъ приказъ Государя нашего, королевымъ бы еси людемъ говорилъ, чтобъ насъ съ тобою не розводили, а ѣхали бы мы съ тобою вмѣстѣ и ставились возлѣ тебя. Да того Володимеру и Истомѣ одноличио беречи накрѣпко, и Жигимонту говорити, чтобъ имъ черезъ

Литовскую землю ѣхати, черезъ Нѣмецкую вмѣстѣ съ Жигимонтомъ и до Максимьана, и ставитись бы имъ возлѣ его. А нѣчто ужъ велика нужа будетъ, что имъ съ нимъ вмѣстѣ нелзѣ быти, и имъ говорити Жигимонту: коли ужъ намъ съ тобою быти нелзѣ въ одномъ мѣстѣ, и ты съ нами остави своего племенника Яна, занже взялъ еси насъ у нашего Государя на свои руки, и намъ безъ твоего племенника нелзѣ быти; да однолично имъ говорити о томъ накрѣпко, чтобъ имъ быти съ нимъ вмѣстѣ, а немочно будетъ имъ съ нимъ быти, ино бы съ ними племенникъ его былъ. А вспросятъ Володимера и Истому въ Литовской землѣ, есть ли за вами рѣчи, или грамоты или какой наказъ отъ вашего Государя къ нашему Государю Жигимонту Королю? и Володимеру и Истомѣ говорити: насъ Государь нашъ послалъ къ своему брату къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, съ его посломъ съ Жигимонтомъ съ своимъ наказомъ; а къ Жигимонту Королю отъ нашего Государя нѣтъ ни рѣчей, ни грамотъ, ни дѣла намъ до Жигимонта Короля нѣтъ никоторого. А нѣчто учнетъ Максимьяновъ посолъ Жигимонтъ говорити: Жигимонтъ Король хочетъ послати къ Великому Государю своего человѣка о своихъ дѣлѣхъ, а язъ съ нимъ посылаю къ Великому Государю своего человѣка, и вы изымаетелись мнѣ въ томъ, что Жигимонтову королеву человѣку до Государя вашего доброволно доѣхати и назадъ отъѣхати безо всякіе зацѣпки? И Володимеру и Истомѣ и въ томъ иматись, а молвити: имъ кого, господине, пошлетъ Жигимонтъ Король своего человѣка къ нашему Государю, да и ты своего человѣка, и Жигимонтову, господине, королеву человѣку къ нашему Государю пріѣхати и отъѣхати доброволно, безо всякіе зацѣпки. Да въ томъ иматись Володимеру и Истомѣ накрѣпко, что королеву человѣку пріѣхати и отъѣхати доброволно. А учнетъ Жигимонтъ говорити: Жигимонтъ Король хочетъ послати къ Великому Государю своего доброго человѣка, а язъ къ Великому Государю хочу послати съ его человѣкомъ своего сестричича Яна или человѣка, а самъ хочю того ждати здѣсь, какъ они съѣздятъ отъ Великого Князя, и вамъ одному пригоже ѣхати къ Великому Князю вмѣстѣ съ Жигимонтовымъ королевымъ человѣкомъ и съ моимъ сестричичемъ или съ человѣкомъ. И Володимеру и Истомѣ молвити: похочетъ Жигимонтъ Король послати къ нашему Государю своего доброго человѣка, а ты съ нимъ хочешь послати своего сестричича или человѣка, и дастъ намъ Король подводы отселѣ, ино одинъ насъ ѣдетъ съ Жигимонтовымъ королевымъ человѣкомъ и съ твоимъ сестричичемъ къ нашему Государю, а другой ся останетъ съ тобою. Да учнетъ отпущати къ Великому Князю Жигимонтъ Король своего доброго человѣка, а Жигимонтъ учнетъ отпущати къ Великому Князю своего сестричича или человѣка, и подводы Король велитъ дати; и толды ѣхати къ Великому Князю Истомѣ Малому, а Володимеру ся остати съ Жигимонтомъ. А нѣчто учнетъ говорити Жигимонтъ: Жигимонтъ Король посылаетъ къ Великому Государю своего человѣка, а язъ съ нимъ посылаю своего человѣка, а самъ хочю ихъ ждати здѣсь, а вы похотите и вы поѣдте къ моему Государю къ Максимьяну. И Володимеру и Истомѣ безъ Жигимонта къ Максимьяну

не ѣхати, а говорити имъ: насъ послалъ Государь съ тобою вмѣстѣ и намъ безъ тебя какъ ѣхати? Да безъ Жигимонта имъ не ѣхати, а ѣхати имъ вмѣстѣ съ Жигимонтомъ. А учнетъ говорити: поѣдь ты одинъ васъ къ Великому Князю, а другой поѣдь къ моему Государю; и имъ на розни никакъ не ѣхати. Велитъ ждати съ собою въ Литвѣ, ино ждати съ нимъ, а другому ѣхати къ Москвѣ; а одному не ѣхати къ Максимьяну, ни съ нимъ, ни безъ него. А какъ, ожъ дастъ Богъ, Володимеръ и Истома пріѣдутъ къ Максимьяну, и Володимеру отъ Великого Князя Максимьяну поздравленье правити, и грамота подати, и рѣчь говорити по записи. И учнетъ Максимьянъ Володимера и Истому у себя держати Великого Князя для дѣла, и имъ тогды у Максимьяна не проситись, а быти имъ у Максимьана, доколѣ ихъ отпуститъ. А узнаютъ то Володимеръ и Истома, что ихъ Максимьянъ у себя держитъ, а не Великого Князя для дѣла, или Великого Князя дѣла не учнетъ дѣлати, а учнетъ мотчати, и имъ тогды проситись у Максимьяна. А говорити имъ Максимьяну: что, господине, которые рѣчи Государь нашъ съ нами къ тебѣ наказалъ, и мы то до тебя донесли; и ты бъ, господине, насъ къ нашему Государю отпустилъ, а Государю бы еси нашему о томъ вѣдомо учинилъ. И учнетъ ихъ Максимьянъ отпущати къ Великому Князю, а похочетъ ихъ отпустити на Литовскую землю, а съ ними пошлетъ къ Великому Князю своего человѣка на Литовскую землю или ихъ проводити на Литовскую землю, и Володимеру и Истомѣ на Литовскую землю ѣхати съ Максимьяновымъ человѣкомъ. А учнетъ ихъ Максимьянъ отпущати на Литовскую землю, а своего съ ними человѣка слати не похочетъ, а давати имъ учнетъ грамоту, что имъ ѣхати на Литовскую землю безъ зацѣпки, и Володимеру и Истомѣ грамоты у Максимьяна не имати, а черезъ Литовскую землю однолично не ѣхати безъ Максимьянова человѣка; а отговариватись имъ о томъ по Великого Князя наказу. А нѣчто Максимьяновъ посолъ Жигимонтъ, нынѣ ѣдучи возметъ грамоту у Жигимонта Короля на Володимера и на Истому, что Володимеру и Истомѣ отъ Максимьяна черезъ Литовскую землю доброволно ѣхати безъ зацѣпки, да дастъ ту грамоту Максимьянъ Володимеру и Истомѣ, и Володимеру и Истомѣ съ королевою грамотою черезъ Литовскую землю ѣхати; а безъ корол вы грамоты и безъ Максимьянова человѣка черезъ Литовскую землю не ѣхати. А говорити имъ Максимьяну, чтобы ихъ отпустилъ на иное на которое мѣсто; и на которое ихъ мѣсто Максимьянъ ни отпуститъ и имъ говорити, чтобы съ ними Максимьянъ посылалъ своего человѣка проводити ихъ. А похочетъ съ ними Максимьянъ послати къ Великому Князю своего человѣка, да учнетъ его наряжати, а Володимеру и Истомѣ велитъ того человѣка подождати, доколѣ онъ нарядится, и Володимеру и Истомѣ того его человѣка подождати, а ѣхати имъ вмѣстѣ съ Максимьяновымъ человѣкомъ. А нѣчто учнутъ Володимеру и Истомѣ говорити Максимьянъ, или кто отъ Максиміана: Жигимонтъ Король посылалъ къ Великому Государю своихъ пословъ, и какъ пріѣхали къ нему Королевы послы, и онъ имъ чего дѣля не велѣлъ у себя долго быти? И Володимеру молвити: Жигимонтъ Король пославъ къ

нашему Государю своихъ пословъ, да умысливъ своими неправыми умышленьи, что межы Государсй то не живетъ, что пославъ пословъ, да въ ту пору рать послати, и онъ, пославъ своихъ пословъ къ Государю нашему, да въ тѣ поры болшего своего гетмана Костянтина Острожского съ обѣма своими государствы съ Лятцкимъ и съ Литовскимъ, и изъ иныхъ земель добывъ многихъ людей, послалъ ко Государя нашего отчины ко Псковскому украинному пригородку къ Опочкѣ. И Государя нашего воеводы, вземъ Бога на помощь, пошли противъ ихъ, и доколѣ Государя нашего воеводы съ Литовскими людьми перевѣдалися, и Государь нашъ того дѣля Литовскимъ посломъ у себя быти не велѣлъ. А какъ Государя нашего воеводы съ Литовскими людьми перевѣдалися, какъ милосердый Богъ похотѣлъ, такъ и учинилъ, и Государь нашъ тогды Литовскимъ посломъ велѣлъ у себя быти. А нѣчто вспросять Володимера: а какъ Великого Князя воеводамъ съ Литовскими людми дѣло дѣлалось? и Володимеру дана тому запись, и говорити ему по той записи. А и опричь Максимьяна кто учнетъ Володимера и Истомы вспрашивати про то дѣло и про Татарское, и Володимеру говорити по той записи. А учнутъ Володимеру говорити: были Жигимонтовы королевы послы у Великого Князя, и Великій Государь которого для дѣла съ Жигимонтомъ Королемъ на миръ и на доброе согласье не пришелъ? и Володимеру и Истомѣ молвити: которые рѣчи о миру говорили боаря Государя нашего съ Жигимонтовыми королевыми послы, какъ пригожъ межъ ихъ миру быти, и тѣ рѣчи, Государя нашего боаръ, твой посолъ Жигимонтъ слышелъ; а которые рѣчи говорили Жигимонтовы королевы послы о миру, и они говорили не по пригожу; ино такъ межъ нашего Государя и Жигимонта Короля миру быти не пригоже. А и нынѣ похочетъ Жигимонтъ Король миру съ Государемъ съ нашимъ, а пришлетъ Государю нашему своихъ пословъ, а прикажетъ Государю нашему о миру по пригожу, какъ пригожъ межъ ихъ миру быти, и Государь нашъ и нынѣ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хочетъ, какъ будетъ пригоже. А учнутъ о которыхъ о обидныхъ дѣлѣхъ Володимеру говорити, какъ ся дѣло дѣлало съ Литовскими послы, и Володимеру подаваны списки съ тѣхъ рѣчей, которые говорены Максимьянову послу Жигимонту. И говорити Володимеру и Истомѣ: которые, господине, дѣла Государя нашего дѣлались съ Жигимонтовыми королевыми послы, а тутъ, господине, былъ посолъ твой Жигимонтъ Герберстеньи твой, господине, посолъ Жигимонтъ тѣ рѣчи, межъ Государя нашего боаръ и Жигимонтовыхъ королевыхъ пословъ, все слышелъ; да и списки, господине, Государь нашъ твоему послу Жигимонту тѣхъ рѣчей велѣно подавати. И будетъ, господине, тебѣ Жигимонтъ тѣхъ рѣчей не сказывалъ, ино, господине, тѣхъ рѣчей есть списки; и велишь, господине, себѣ сказати, и мы тебѣ скажемъ. Да учнутъ про то говорити, и Володимеру и Истомѣ говорити о томъ тѣми списки, которые ему подаваны, каковы списки даваны отвѣтные Жигимонту. А Истомѣ говорить: язъ, господине, въ томъ дѣлѣ былъ, коли говорили Государя нашего боаря съ Литовскими послы и толмачилъ есми, и мнѣ, господине, то дѣло гораздо внятно; и то, господине,

дѣло твоему послу гораздо вѣдомо. А нѣчто учнутъ говорити о неисправленьѣ Короля Полскаго, и Володимеру и Истомѣ и о не исправленьѣ даны списки, и имъ говорити о не исправленьяхъ по тому списку. А о всемъ говорити Володимеру и Истомѣ по тѣмъ спискамъ, которые имъ подаваны; а болшее имъ говорити по Великого Князя наказу. Да говорити Володимеру и Истомѣ болшее то: которые, господине, рѣчи Государь нашъ наказалъ съ нами къ тебѣ, къ брату своему, и мы то до тебя донесли; а которые, господине, рѣчи ты съ нами накажешь къ нашему Государю, и мы господине, тѣ твои рѣчи донесемъ до своего Государя. Да говорити по списки и по Великого Князя наказу. А болшее тѣмъ говорити: что приказано донесли, а что прикажешъ, и мы донесемъ. А нѣчто учнетъ Максимьянъ говорити Володимеру и Истомѣ, или кто отъ Максимьяна: приказываетъ ко мнѣ Князь Великій, что язъ къ нему приказывалъ съ Юріемъ Снипцамеромъ и съ Яковомъ дохторомъ, чтобы намъ на Жигимонта Короля быти съ нимъ заодинъ; ино язъ къ нему толды приказывалъ и въ докончаніе писалъ того дѣля, что мнѣ толды Жигимонтъ Король былъ недругъ, а нынѣ Жигимнтъ Король сомною помирился. А братъ нашъ таки къ намъ приказываетъ, чтобъ намъ съ нимъ быти на Жигимонта Короля заодинъ. И Володимеру и Истомѣ говорити: Государь нашъ, господине, приказалъ къ тебѣ того для, что, господине, ты къ нему приказывалъ съ Яковомъ и съ Маврецомъ, что обычай во всѣхъ великихъ хрестіанскихъ Государехъ, каково межъ ихъ дѣло състанется, ино его первое обослати и своа правда ему изъявити; и не узнается онъ въ той неправдѣ, ино тогды съ нимъ бранная воздвигнути. И ты, господине, посылалъ къ Жигимонту Королю, чтобъ онъ Государю нашему направилъ. И Жигимонтъ Король присылалъ нынѣ къ нашему Государю своихъ пословъ, да Государю, господине, нашему ни въ чемъ не направилъ и на миръ, и на доброе согласье съ нимъ не пришелъ. И Государь нашъ, господине, къ тебѣ нынѣ приказалъ того дѣля, что Государю нашему Жигимонтъ Король недругъ, и ты бъ съ нимъ по своей правдѣ былъ на Жигимонта Короля заодинъ. А и нынѣ похочетъ Жигимонтъ Король со Государемъ нашемъ миру, а пришлетъ своихъ пословъ ко Государю нашему, а прикажетъ попригожу ко Государю нашему о миру, какъ пригоже межъ ихъ миру быти, и Государь нашъ, господине, съ Жигимонтомъ Королемъ и нынѣ миру и добрые смолвы хочетъ, какъ будетъ пригоже. А вспроситъ Максимьянъ, или кто отъ Максимьяна, Володимера: какъ Князь Великій хочетъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру, и перемирья съ нимъ хочетъ ли? и Володимеру и Истомѣ говорити: Государь нашъ, господине, твоему послу Жигимонту въ отвѣтѣ и не одинова велѣлъ говорити своимъ боаромъ, что для тебя, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ; да и со мною, господине, Государь нашъ о томъ приказывалъ, что съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, а прислалъ бы Король Жигимонтъ къ нему своихъ пословъ. И пришлетъ къ нашему Государю Жигимонтъ Король своихъ пословъ, а прикажетъ къ нему о миру по пригожу, какъ пригожъ межъ ихъ миру быти, и Государь нашь съ Жиги-

монтомъ Королемъ миру хочетъ, какъ будетъ пригожъ. А не състанется межъ нашего Государя и Жигимонта Короля миръ, а прикажетъ къ нему и о перемирьѣ по пригожу, какъ пригожъ и перемирью межъ ихъ быти, и Государь нашъ съ нимъ и перемирья хочетъ, какъ будетъ пригожъ. И учнетъ ему Максимьянъ говорити, что то пригожство, какъ межъ ихъ миру и перемирью быти? И Володимеру и Истомѣ говорити: мы, господине, у Государя своего люди молодые, почему намъ вѣдати, какъ пригоже межъ Государя нашего и Жигимонта Короля миру быти? то вѣдаетъ Государь нашъ, какъ ему пригоже съ Жигимонтомъ Королемъ миритись; а о миру, господине, и о перемирьѣ межъ Государя нашего и Жигимонта Короля вѣдомы всѣ рѣчи твоему послу Жигимонту. Да говорити имъ о томъ по Великого Князя наказу. А нѣчто учнутъ говорити: помиритлися Князь Великій съ Королемъ на томъ и на томъ? А учнутъ имъ говорити, что бы они Максимьяну въ томъ поималися, что Великому Князю съ Королемъ на томъ и на томъ помиритись; и Володимеру и Истомѣ въ томъ не иматися, а говорити имъ: пошлетъ, господине, Жигимонтъ Король къ нашему Государю своихъ пословъ о миру, и Государь нашъ, господине, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже. А то, господине, вѣдаетъ Государь нашъ, какъ ему пригоже съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись; а намъ, господине, въ томъ какъ иматись? Да въ томъ Володимеру и Истомѣ никакъ не иматись. А нѣчто учнутъ говорити: пошлетъ пакъ Жигимонтъ Король къ вашему Государю своихъ великихъ пословъ, ино доброволно ли имъ пріѣхати къ Великому Государю, также и отъѣхати безъ зацѣпки? И Володимеру и Истомѣ въ томъ иматись: пошлетъ, господине, къ нашему Государю Жигимонтъ Король своихъ великихъ пословъ, и мы, господине, въ томъ имемся, что Жигимонтовымъ королевымъ посломъ пріѣхати къ нашему Государю и отъѣхати доброволно безо всякіе зацѣпки. А учнутъ говорити: дайте жъ вы на томъ правду, что Жигимонтовымъ королевымъ посломъ къ вашему Государю пріѣхати и отъѣхати доброволно, безо всякіе зацѣпки, и Володимеру и Истомѣ на томъ и правда дати. Да въ послѣхъ Володимеру иматись, да и въ томъ, что Князь Великіи съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, какъ пригоже. А въ томъ ему никакъ не иматись, что учнутъ говорити, на чемъ Князь Великіи съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ помиритись? А говорити ему: то вѣдаетъ Государь мой, на чемъ съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ помиритися. А нѣчто учнутъ говорити: приказывалъ язъ, къ брату своему, къ Великому Князю, чтобы послалъ своихъ пословъ къ которому государю, къ Королю или ко князю, или въ украйный въ которой городъ о миру съ Жигимонтомъ Королемъ, и онъ и нынѣ пошлетъ ли куды своихъ пословъ? И Володимеру и Истомѣ молвити: какъ, господине, Государь нашь напередъ того къ тебѣ приказывалъ и неодинова, что ему своихъ пословъ о миру съ Жигимонтомъ Королемъ никуды никакъ не слати, такъ и нынѣ нашему Государю своихъ пословъ никуды не посылывати о миру съ Жигимонтомъ Королемъ; а пришлетъ ко Государю нашему Жигимонтъ Король своихъ пословъ, и Государь нашь съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, какъ будетъ

пригоже. Да о всемъ говорити Володимеру и Истомѣ по Великого Князя наказу. Да попросятъ у Володимера списка съ посолства рѣчей его, и Володимеру списокъ съ посолства дати; а съ памяти списка одноличпо не давати. А вспросятъ Володимера и Истомы: какъ нынѣ Князь Великiй съ Жигимонтомъ Королемъ? И Володимеру и Истомѣ говорити: присылалъ, господине, Жигимонтъ Король къ Государю нашему своихъ пословъ, и межъ ихъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ не състался; и Государь нашъ, господине, приказалъ къ тебѣ о всемъ о томъ съ твоимъ посломъ съ Жигимонтомъ; да и съ нами, къ тебѣ Государь нашъ приказалъ. А мы, господине, поѣхали, а воеводы и люди всѣ при Государѣ нашемъ. А вспросятъ: а нынѣ пакъ Государь вашъ воеводъ своихъ посылаетъ ли на Литовскую землю? и Володимеру и Истомѣ молвити: мы, господине, того не вѣдаемъ; воеводы, господине, Государя нашего были всѣ при Государѣ нашемъ, да и люди всѣ были при немъ же. Да пытати Володимеру и Истомѣ, какъ нынѣ Максимьянъ съ Жигимонтомъ Королемъ, таки ли въ пошломъ миру? И будетъ Максимьянъ съ Королемъ въ пошломъ миру, и Максимьянъ ему помочь казною или людми хочетъ ли дати или не хочетъ? И у Короля у Полского нынѣ прибылые люди откуды есть ли или нѣтъ? И толко есть, ино отколѣ есть люди, а не будетъ нынѣ людей, ино впередъ къ нему прибылыхъ людей чаютъ ли, и будетъ чаютъ, ино отколи чаютъ? и послалъ ли нынѣ Жигимонтъ Король добывати людей? И будетъ послалъ, и онъ въ которые земли послалъ добывати прибылыхъ людей? И съ Максимиліяномъ нынѣ кто валчитъ ли, и какъ нынѣ Максимиліанъ со Францовскимъ Королемъ и съ Венецеяны и съ инымъ съ кѣмъ Максимьянъ не валчитъ ли? И Пруской Магистръ нынѣ съ Королемъ Полскимъ почалъ ли валчити? и будетъ почалъ, и онъ о которую пору почалъ валчити? и бывали ли гдѣ магистровы люди въ Королевѣ землѣ, и будетъ были, и они въ которомъ мѣстѣ были? и есть ли отъ котораго государя Магистру на Короля пособъ; или откуды наемные люди нынѣ есть ли у Магистра, и впередъ съ Королемъ хочетъ ли валчити? Да и о всемъ имъ о тамошнемъ дѣлѣ пытати подлинно: да чего о тамошнемъ дѣлѣ довѣдаются, и имъ, ожъ дастъ Богъ, прiѣхавъ, то сказати Великому Князю. А нѣчто учнутъ говорити: говоритъ Князь Великiй, что посылалъ Король воеводу своего болшего Костянтина Острожского съ людми въ его землю, а его люди и неодинова ходили въ королеву землю и колко убытковъ учинили королевымъ людемъ? и Володимеру говорити, чтобы Король не послалъ пословъ своихъ къ нашему Государю, а послалъ бы воеводъ своихъ съ людми въ его землю, ино бы о томъ и слова не было. А то, пославъ пословъ своихъ къ нашему государю, а въ ту пору въ Государя нашего землю послалъ воеводъ своихъ съ людми; а напередъ того, какъ Государь нашъ почалъ съ нимъ свое дѣло дѣлати, ино тогды Государя нашего люди въ его землю ходили, а его люди во Государя нашего землю ходили, на обѣ стороны безпрестанно ходили люди. А похотите, и мы вамъ скажемъ, гдѣ были Государя нашего люди въ его землѣ, и гдѣ были его люди въ Государя нашего землѣ. И данъ Володимеру и Истомѣ тому спи-

сокъ, и похотятъ они того слушати, и Володимеру и Истомъ имъ то говорити по списку, каковъ ему данъ о томъ списокъ: тутъ были Государя нашего люди въ его землѣ, а тутъ были его люди въ Государя нашего землѣ.

А се дана Володимеру запись, какъ дѣло дѣлалось Великого Князя съ Литовскими людми: Какъ Жигимонтъ Король послалъ къ Великому Князю своихъ пословъ Щита и Богуша, а самъ съ обѣма своими государствы съ Лятцкимъ и съ Литовскимъ и изъ иныхъ земель добывъ многихъ людей, пришелъ въ украинной городъ въ Полтескъ, да тутъ самъ остался съ малыми людми. А умысливъ своими не правыми умышленіи, что межъ Государей не живетъ, въ которую пору послы ходятъ, а въ тѣ поры рать не живетъ, болшего своего гетмана Костянтина Острожскаго со всѣми съ тѣми людми послалъ ко Государя нашего отчинѣ ко Псковскому пригородку къ украйному къ Опочкѣ. И Государя нашего воеводы послышевъ то, что Жигимонтовы королевы люди идутъ ко Государя нашего къ украиному пригородку къ Опочкѣ, и они, announce взем Бога на (по)мочъ, пошли на нихъ, и хотѣли съ ними государьское дѣло дѣлати, сколко имъ Богъ поможетъ; а передъ собою послали Государя нашего дѣтей боярскихъ князя Өеодора Васильевича Оболенского и Ивана Васильевича Ляцкого и иныхъ Государя нашего дѣтей боярскихъ. И Государя нашего дѣти боярскіе, князь Өедоръ Васильевичъ Оболенской дошелъ Литовскихъ людеi: стояла застава пять тысячь, и онъ тѣхъ людей побилъ всѣхъ и многихъ переималъ. А въ другомъ мѣстѣ дошелъ заставу жъ Государя нашего сынъ боярскоi Иванъ Колычевъ три тысячи, и тотъ тѣхъ людей тутъ побилъ, да также многихъ людеi переималъ. А Иванъ Васильевичь Ляцковъ пришелъ на заставу: отъ болшихъ людей за пять верстъ стоала застава шесть тысячь, и Иванъ тѣхъ людей побилъ всѣхъ и многихъ людей переималъ. Да какъ тѣхъ людеi побилъ, и ему сказали, что стоитъ иная застава, многіе люди отъ Государя нашего отъ украинного пригородка, отъ Краснаго городка. И Иванъ Ляцковъ шедъ, тѣхъ людей многихъ побилъ и воеводъ у нихъ переималъ, Черка Хрептова, брата его Мисюря и Ивана Зелепугу, и иныхъ воеводъ переималъ; и людей многихъ переимали и ко Государю нашему прислали. А подъ городкомъ подъ Опочкою, воеводы и люди многіе къ городку приступати хотѣли, и нарядясь пошли были къ городку; изъ городка Государя нашего люди тѣхъ людеi побили, шесть тысячь убили, да и во(ево)ду у нихъ Ляцково большово Сокола убили и знамя его взяли и иныхъ воеводъ побили. А воеводы Государя нашего, бояринъ и воевода князь Александръ Володимеровичь Ростовской и иные Государя нашего воеводы со многими людьми пошли были прямо на Острожского и хотѣли съ нимъ съ самимъ дѣло дѣлати; и Острожской, видя то, что Литовскихъ людей Государя нашего дѣти боярскіе многихъ побили, а иныхъ переимали и воеводъ у нихъ переимали, а воеводы Государя нашего идутъ прямо на него, и хотятъ съ нимъ съ самимъ дѣло дѣлати: и онъ, пометавъ многіе свои оружья и скарбъ, побѣжалъ впрочь въ свою землю. А въ тѣ жъ поры Король посылалъ пана

своего Олбрехта Мартинова съ великою казною къ бесерменскимъ Государямъ, къ Миилигирѣевымъ царевымъ, а велѣлъ ихъ наводити на Хрестьянство, на Государя нашего Украины, да и навелъ. И приходили на Государя нашего Украины, которые отъ поля; и милосердый Богъ, нелицемѣрный Судья, правымъ своимъ судомъ, какъ хотѣлъ, такъ учинилъ: Государя нашего люди тѣхъ Татаръ многихъ побили, а многихъ переимали, и ко Государю къ нашему привели.

И Іюля въ 4 день, писалъ къ Великому Князю изъ Смоленска бояринъ и намѣстникъ Смоленской, князь Борисъ Ивановичь Горбатой: что прислали къ нему грамоту изъ Орши князь Ѳедоръ Жеславской, да Янъ Щитъ, а писали въ грамотѣ, что идутъ отъ Максимьяна къ Великому Князю послы, да и посланникъ Великого Князя Володимеръ Племянниковъ и Истома Малой съ ними ѣдутъ; и князь бы Борисъ послалъ къ нимъ встрѣчю людей, а велѣлъ ихъ взяти у королевыхъ людей, у Пречистой на Взрубѣ. И князь Борисъ писалъ, что послалъ противу пословъ князя Александра Стригина, а съ нимъ триста головъ дѣтей боярскихъ. А пристава къ посломъ послалъ Андреа Кулешина.

И Іюля 12, писалъ князь Борисъ съ Истомою съ Карсаковымъ, что послы пришли въ Смоленскъ, во вторникъ по Петровѣ дни. А сказывали князю Борису Володимеръ и Истома, что Максимьяновы послы взяли въ Литовской землѣ девять человѣкъ Литвиновъ себѣ въ службу, и того дѣля князь Борисъ велѣлъ у нихъ быти другому приставу Борису Голохвастову, чтобы Литовскихъ людей берегли, не говорили бы ни съ кѣмъ; да того дѣля, посломъ и подворья дали за городомъ на посадѣ, а обвели ихъ около города по заваломъ; а въ городѣ ихъ не поставили того дѣля, что съ ними Литовскіе люди.

И Іюля же 8, пріѣхалъ отъ Володимера отъ Племянникова подъячей его Демешка Племянниковъ съ грамотами; а отпустилъ его Володя напередъ себя отъ Пречистые со Взруба.

А се грамоты съ Демешкою съ подъячимъ отъ Володи отъ Племянникова: «Государю Великому Князю Василью Ивановичю всеа Русіи холопи твои, Володица Семеново сынишко Племянникова, да Истомица Малой челомъ бьютъ! Милостію, Государь, Божіею и Твоимъ Государьскимъ здоровіемъ, дошли есмя до Максимьяна, избранного Цесаря Римского, по здорову. А наѣхали есмя его, Государь, въ Иньспрукѣ на вербной недѣлѣ во вторникъ. А принялъ насъ, Государь, съ великою честью и держалъ во чти. А отпустилъ насъ, Государь, къ тебѣ, ко Государю, во вторникъ на третьей недѣлѣ по велицѣ дни. А къ тебѣ, ко Государю, послалъ своихъ пословъ Фрязовъ: Фрянчюшка де Колла изъ Коніяна, да Антоніа Комита изъ Падвы, да Яна, Жигимонтова племянника; а всѣхъ ихъ, Государь, и съ людми дватцать и шесть человѣкъ, а коней съ ними дватцать и пять. А отпустилъ насъ, Государь, Цесарь изъ Гали. А ѣхали есмя, Государь, до Веоны въ судѣхъ рѣкою Инію. А изъ Веоны, Государь, ѣхали есмя Муравскою и Залескою землею, и по Полской землѣ и по Литовской. А на Зарубъ есмя, Государь, пріѣхали Іюль 3 число. А мы тебѣ, своему Государю, холопи твои, челомъ бьемъ.»

И Князь Великій послалъ противъ Максимьяновыхь пословъ Сотницу Клобукова; а велѣлъ ему посломъ сказатись, что его послалъ къ нимъ въ приставы изъ Дорогобужа намѣстникъ, а велѣлъ ему ѣхати вмѣстѣ съ послы, и кормъ ему ѣлучи давати посломъ и подводы съ Ондрѣемъ съ Кулешинымъ и до Москвы.

И Іюля 16, Володимеръ Племенниковъ и Истома Малоіі къ Великому Князю пріѣхали; а сказали Великому Князю, что послалъ къ нему Максимьянъ своихъ людей добрыхъ Френчюшка де Колла, да Антоніа отъ Комитъ, да Жигимонтова сестричича Яна, а того не вѣдаютъ, болши ли Жигимонта, или менши? Да подали отъ Максимьяна Великому Князю грамоту, да дали списокъ, какъ къ Максимьяну пріѣхали, и что имъ были встрѣчи и рѣчи отъ Максимьяна и отъ его совѣтниковъ, и какъ ихъ Максимьянъ отпустилъ.

А се грамота отъ Максимьяна съ Володимеромъ и съ Истомою:

«Максимьянъ, Божіею милостію избранный Цесарь Римскій, всегда августъ, и Германскій, Угорскій, Далматцкій, Кроатцкій и иныхъ Краль, Архидука Аустрьскій, Дука Бургунскій, Брабанскій и иныхъ, Комитъ и Полатынъ и иныхъ, Наияснѣйшему. Начальнику, Господину Василью, Владимерскому и Московскому Великому Князю, и Великому Рускому начальнику и Государю, брату нашему дражайшему, братственные любви непрестанное прибавленіе! Наияснѣйшій начальниче, брате нашъ дражайшій! пріѣхали къ намъ честные, намъ любимые Володимеръ Племянмянниковъ діакъ, да Истома толмачь Наиясности Вашіе послы, коихъ мы въ правду, и по установленному завѣщанью и дружбѣ радостно видѣли есмя; и ихъ выслушавъ, уразумѣли есмя все, что Наиясность Ваша своимъ именемъ намъ изъявити приказалъ; наипаче хотимъ, якоже намъ глаголати лѣпо, намъ все прилучилося любезно. Едино токмо насъ велми подвигло, что о миру и согласіи, межи Наиясности Вашіе и Короля Полскаго совѣтуемомъ, ничего еще удѣлатися могло, познали есмя; но до сего времени все, что спротивствовалось, то не погладилося, не сумнимся, что про нашу межсобную волю и доброхотѣніе и еще състатись можетъ. И того ради, иныхъ пословъ нашихъ, мужей пригожихъ и добраго разсуженіа, нынѣ послали есмя вмѣстѣ съ послы Наиясности Вашіе. А иныхъ пословъ отрядили есмя къ Королю Полскому, коего Короля несумнимся, будетъ онъ во всѣхъ дѣлѣхъ насъ слушати и на всю правду сходити, а Ваша Наиясность воспоминаема намъ есть братцкіи, да себя легка, а не противоборна, да наше, и его, и всего христіанского общества дѣло въ семъ мирѣ согласити подати изволилъ бы еси. И предложилъ бы еси себѣ предъ очима, колико отъ человѣкъ со обою страну убійство и колико пролитіе крови христіанскіе будущіе есть, толко гнѣва не оставити, а миръ наиблъшій смертнымъ добрый отъ васъ отрините; чтобы да былъ, не боимся, въ велицей надежѣ есмя отъ себя догадываемся, и ничто есть въ вашей власти, чего Ваша Наиясность похочетъ, отвержемъ; тако же и мы отъ васъ пристойно прося, получити надѣемся. Коя надежа, дабы насъ не грешила, Наиясность Вашу общимъ христіанскимъ угодіемъ взыскуемъ и засвидѣтельствуемъ, коа добрѣ да возмагаетъ, кою Богъ нарочитый и великій долго въ здравіи и благочестіи да

сохранитъ. Данъ (въ) замкѣ нашемъ Галѣ дня 16 мѣсяца Апрѣля, лѣта Господня 1518, кралевствъ нашихъ Римского 33-го, а Угорского 28.» А на подписи: Наияснѣйшему Начальнику, Господу Василью, Володимерскому и Московскому Великому Князю, Великому Русскому Началнику и Государю, брату нашему дражайшему.

А се списокъ, что подали Володимеръ и Истома Великому Князю своего прiѣзда и отпуску.

Марта 23, во вторникъ на вербной недѣлѣ, въѣхали Володимеръ да Истома въ Избрукъ; и за городомъ за полверсты до города въстрѣтилъ ихъ маршалокъ дверноіі цесаревъ Леонардъ Раубертъ, да Жигимонтъ Гербеньстень, да докторъ Павелъ, а съ ними многіе люди.

И докторъ Павелъ говорилъ: Священнѣйшее Цесарское Величество, Государь нашъ уразумѣлъ ваше пришествіе отъ своего посла и совѣтника, господина Жигимонта Гербеньстеня. Послалъ васъ встрѣтити двора своего наиболшаго моршалку, величайшаго господина Леонарда Рауберта, да совѣтника своего господина Жигимонта Гербеньстеня, да меня; и велѣлъ, васъ воспріати, яко лѣпо честнѣ пословъ Великого Начальника и Государя всеа Русіи, Господа Василіа, брата своего дражайшаго, и велѣлъ васъ въспросити про его здоровье, какъ его Государя вашего Богъ милуетъ; и велѣлъ васъ вспросити про ваше путное благочестное шествіе; и велѣлъ васъ благоизволною мыслію въспріяти, и не была ли вамъ какова пкота на пути.

И Володимеръ говорилъ: Государю вашему, его Цесарскому Величеству, на его жалованіе челомъ бьемъ. А что вамъ велѣлъ Цесарское Величество вспросити насъ про своего брата, а про нашего Государя здоровіе, ино панъ Жигимонтъ, посолъ Государя нашего, видѣлъ здоровье Государя нашего. А мы, какъ будемъ у вашего Государя, и мы ему Государю вашему, своего Государя здоровье скажемъ. А посолъ Государя вашего, панъ Жигимонтъ, какъ насъ у Государя нашего взялъ на свои руки, такъ и учинилъ, до вашего Государя допровадилъ здоровыхъ. И моршалокъ ѣхалъ у Володимера съ правую сторону, а докторъ Павелъ съ лѣвую, а Истома ѣхалъ за Володимеромъ, а съ нимъ ѣхалъ Жигимонтъ; и проводили Володимера до подворія. И на Благовѣщеньевъ день, послѣ полдень на 4 часу, прислалъ по Володимера Максиміанъ совѣтника своего Яна Ваншхауберга, да Жигимонта, да Гертьмана Голдекаря; и ѣхали на дворъ, Янъ у Володимера съ правую сторону, а Голдекарь съ лѣвую, а Истома ѣхалъ за Володимеромъ, а съ Истомою ѣхалъ Жигимонтъ у Истомы съ лѣвую сторону; и въѣхали на цесаревъ дворъ, и у лѣсницы съ коней сошли. И какъ взошли вверхъ, ино ихъ стрѣтилъ моршалокъ цесаревъ Леонаръ Раубертъ. И какъ вошли въ комору къ Максимиліану, и Максимьянъ позвалъ Володимера и Истому къ руцѣ. И Володимеръ Цесарю Великого Государя здоровье сказалъ, и Цесаря о его здоровьѣ спросилъ, и Цесарь къ Великого Князя имени шапку снималъ; и Володимеръ грамоту подалъ, и Цесарь самъ сѣлъ, а Володимеру да Истомѣ велѣлъ сѣсти же. И грамоту розпечатали и смотрѣли; и призвалъ къ себѣ Максимьянъ Гардина Лакруценскаго, да бискупа Торгинсескаго, да Жигимонта

и иныхъ своихъ совѣтниковъ, и съ ними поговорилъ. И говорилъ отъ Максимьяна бискупъ Тергинсескій Петръ: священнѣйшее Цесарское Величество, Государь нашъ Наияснѣйшаго Начальника и Великого Государя всеа Русіи, брата своего дражайшаго, вамъ, величайшимъ посломъ, велѣлъ говорити: слышевъ здравіе брата своего дражайшаго, Наияснѣйшаго Началника, Господа Василіа, Государя всеа Русіи, благодарнымъ и свѣтлымъ разумомъ воспріалъ и грамоту его съ любовію пріемлетъ. И велѣлъ Максимьянъ Володимеру и Истомѣ сѣсти; и велѣлъ Володимеру сидя и въ колпакѣ рѣчь говорити.

И Володимеръ отъ Великаго Государя Цесарю рѣчь говорилъ сидя, а Истомѣ Цесарь велѣлъ былъ сидя же толмачити, и Истома не сѣлъ, а толмачилъ стоя.

И Цесарь, выслушавъ рѣчи, велѣлъ и Истомѣ сѣсти. И велѣлъ избранный Цесарь тому же Петру бискупу говорити.

И бискупъ говорилъ: священнѣйшее Цесарское Величество слышалъ тѣ рѣчи, которые есте ему отъ своего Государя, отъ Великаго Началника и Государя всеа Русіи, брата его дражайшаго, говорили. И тѣ рѣчи Его Цесарское Величество гораздо уразумѣлъ. И тѣ же рѣчи всѣ потому же и тѣмъ же обычаемъ Цесарскому Величеству сказывалъ посолъ его, господинъ Жигомонтъ Гербеньстенъ. Но Цесарское Величество много тщался съ великимъ прилежаніемъ съ своими послы и посланники и съ брата своего послы и съ посланники, и въ грамотахъ своихъ писалъ съ прошеньемъ, воспоминая брату своему, чтобы онъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ, Королемъ Полскимъ, помирился; и межи вашего Государя и Короля Полского миръ не състался, и священнѣйшее Цесарское Величество о томъ много болѣзнуетъ и скорбитъ. Но и еще хощетъ со тщаніемъ тружатися и искати того, чтобы межи брата его дражайшаго, великого Началника и Государя всеа Русіи, и межи Короля Полского, какъ бы мощно межи ихъ миру и согласію състатись, чтобы межи ихъ и кровь христіаньская не проливался, а невѣрные бы тому нерадовалися.

И Володимеръ училъ давати списокъ рѣчей своихъ, что онъ говорилъ. И списокъ у Володимера не взяли, а говорили: Цесарское Величество напередъ хочеть уразумѣти грамоту брата своего дражайшаго, что въ ней содержится, и потомъ велитъ взяти списокъ рѣчей вашихъ.

И Максимьянъ избранный Цесарь, въставъ и съ мѣста сступилъ, и призвалъ къ себѣ Володимера и Истому, говорилъ самъ по Латински, снявъ шапку: брата нашего дражайшаго, Господа Василья, всеа Русіи Началника и Государя, какъ Богъ милуетъ, поздорову ли?—

И Володимеръ отвѣчалъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Руси и Великій Князь, братъ твой, добръ здоровъ; а видѣлъ его здоровье твоего Цесарского Величества посолъ Жигимонтъ Гербенстень.

И Максимиліанъ самъ же говорилъ: братъ нашъ дражайшій, Началникъ и Государь всеа Руси, ѣздилъ на свою потѣху на поле, а нашего посла Жигимонта на ту на свою потѣху съ собою ималъ и въ великой чти държалъ; и пожаловавъ, отпустилъ: и мы Господу Василью, Началнику и Государю всеа Русіи, брату нашему дражайшему, на

томъ дякуемъ. А хотимъ брату своему подобная учинити: васъ, его пословъ, на нашу потѣху съ собою имати, и что будетъ отъ нашіе потѣхи брату нашему угодно, отъ соколовъ нашихъ, или отъ собакъ, или отъ иные нашіе потѣхи, и мы то хотимъ къ брату своему посылати. А и вамъ будетъ что угодно отъ нашіе потѣхи, и мы и вамъ за то не стоимъ. И Цесарь самъ сѣлъ, а Володимиру и Истомѣ велѣлъ сѣсти жъ; и отпустилъ ихъ на подворье. А до подворіа Володимера проводили тѣ жъ, которые по него пріѣзжали. И въ пятницу, на завтрее Благовѣщеньева дни, пришолъ къ Володимеру на подворіе Жигимонтъ и взялъ унего списокъ рѣчей его.

И Марта 30, на страстной недѣлѣ во вторникъ, пріѣзжали отъ Цесаря къ Володимеру на подворье Янъ Ваншхоунбергъ, да Жигимонтъ, да докторъ Павелъ. И докторъ Павелъ говорилъ: Священнѣйшее Цесарское Величество, Государь нашъ милостивѣйшій, прислалъ къ вамъ своихъ величайшихъ совѣтниковъ, господина Яна Ваншхаунберга, да господина Жигимонта, да меня Павла, а велѣлъ вамъ, брата своего дражайшаго, Господа Василья, Началника и Государя всеа Русіи, посломъ, говорити: что которые есте рѣчи ему говорили отъ своего Государя, и тѣ рѣчи Цесарское Величество брата своего дражайшаго, Началника и Государя всеа Руси, отъ васъ гораздо уразумѣлъ; а тѣ же рѣчи Государю нашему и потому жъ сказывалъ посолъ его господинъ Жигимонтъ Гербеньстень. И Цесарское Величество Государь нашъ къ брату къ своему дражайшему, къ вашему Государю, съ своими послы и съ посланники наказывалъ, и въ грамотахъ своихъ къ нему писалъ, да и съ брата своего послы и съ посланника къ своему брату наказывалъ, да и нынѣ съ своимъ посломъ съ господиномъ Жигимонтомъ къ брату къ своему дражайшему къ вашему Государю, чтобы братъ его дражайшій, Государь вашъ, на миръ и на доброе согласіе съ Королемъ Польскимъ пришолъ; и Государь вашъ съ Королемъ Полскимъ не помирился. И Цесарское Величество, Государь нашъ милостивѣйшій, велѣлъ васъ вспросити, есть ли за вами иные рѣчи, опричѣ тѣхъ рѣчей, которые есте рѣчи отъ своего Государя ему говорили? И Володимеръ отвѣчалъ: которые рѣчи Великій Государь Василей, Божіею милостіею Царь и Государь всеа Руси и Великій Князь, Государь нашъ, къ брату своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, съ ними наказалъ, и мы тѣ рѣчи до вашего Государя донесли; а что вашъ Государь Максимиліянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, къ Великому Государю, а къ своему брату съ нами накажетъ, и мы то до своего Государя донесемъ; а что, панове говорите о миру, что миръ межи Великого Государя нашего и недруга его Жигимонта, Короля Полскаго, не състался, ино миръ не състался не Государя нашего стороною, не състался миръ королевою стороною Полского: пославъ къ Великому Государю нашему Король Полскій своихъ пословъ Щита и Богуша, да въ ту пору послалъ болшаго своего воеводу Костянтина Острожского ко Псковскому украинному городку къ Опочкамъ.— И говорилъ имъ Володимеръ по списку приходъ Острожскаго къ Опочкамъ, и прочетъ списокъ, говорилъ: и какъ

Великій Государь нашъ посломъ королевымъ велѣлъ у себя быти, и велѣлъ бояромъ своимъ съ ними говорити; и которые рѣчи Государя нашего бояре съ Литовскими послы говорили, и тѣ рѣчи всѣ посолъ Государя вашего цесаревъ Жигимонтъ слышелъ, и дѣло ему все вѣдомо, и неисправленія Короля Полского ему всѣ вѣдомы, да и списки Великій Государь нашъ тѣхъ рѣчей велѣлъ послу Государя вашего Жигимонту подавати; и будетъ посолъ Государя вашего Жигимонтъ Государю вашему Цесарю того не сказывалъ, и тѣмъ спискомъ у насъ есть противни, и похотите слушати, и мы ихъ вамъ прочтемъ. А Истома говорилъ: язъ, господине, въ томъ дѣлѣ былъ и толмачилъ есми, и мнѣ, господине, то дѣло гораздо внятно; и то, господине, дѣло послу Государя вашего Жигимонту гораздо вѣдомо; и будетъ, господине, посолъ Государя вашего Жигимонтъ Государю вашему Цесарю того не сказывалъ.

И докторъ Павелъ говорилъ: посолъ цесарскаго Величества, Государя нашего, господинъ Жигимонтъ то все сказывалъ Государю нашему.

И Володимеръ челъ по списку опять Острожского приходъ, и колко Великого Князя дѣти боярскіе Литвы побили и поимали, и какъ Король посылалъ къ Менлигирѣевымъ царевымъ дѣтемъ Олбрехта съ великою казною, и наводилъ ихъ на Великого Князя Украйну, и сколко Татаръ побили и поимали.

И Жигимонтъ говорилъ: даіте вы тѣ списки совѣтникомъ Государя нашего господину Яну Ваншхаунбергу, да доктору Павлу, и они до Государя нашего донесутъ, и Государь нашъ Цесарь велитъ ихъ прочести передъ собою. Часте, нѣчто язъ инако сказывалъ Государю своему, что язъ слышелъ, и какъ дѣло дѣлалося, и какъ боаре Государя Вашего съ Литовскими послы говорили, и которые рѣчи мнѣ бояре Государя вашего говорили, то язъ все своему Государю Цесарскому Величеству переказалъ.

И докторъ Павелъ говорилъ: не треба намъ списковъ слушати ни имати; посолъ Государя нашего, господинъ Жигимонтъ все подлинно переказалъ Цесарскому Величеству.

И Володимеръ молвилъ: а и Государь вашъ Цесарь самъ намъ сказывалъ, что посолъ его Жигимонтъ ему тожъ сказывалъ, какъ мы ему отъ своего Государя говорили.

И докторъ говорилъ: Цесарское Величество велѣлъ васъ вспросити, естли съ вами Государя вашего къ нему о томъ наказъ, на чемъ пригожъ миру межи Великого Государя Вашего и Короля Полского състатися?

И Володимеръ отвѣчалъ: то намъ, господине, не вѣдомо, какъ пригожъ миру межи Великого Государя нашего и Короля Полского быти: мы господине, у своего Государя люди молодые, по чему намъ вѣдати мысль Государя своего? А пришлетъ къ Великому Государю нашему Жигимонтъ, Король Полскіі своихъ пословъ о миру, и Великій Государь нашъ Василій, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, для брата своего Максиміана, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, вашего Государя, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хочетъ, какъ будетъ пригожъ; а и о перемирьѣ ко Государю нашему пришлетъ Король Полскій своихъ

пословъ, и Государь нашъ вашего для Государя, и перемирья съ нимъ хочетъ, какъ будетъ пригоже.

И Жигимонтъ говорилъ: язъ того пригожства и на Москвѣ у бояръ Государя вашего пыталъ, и мнѣ того не изъявили, а изъявили мнѣ нѣчто не велико опослѣ всего, и того мнѣ въ писаніѣ не дали.

И докторъ Павелъ говорилъ: Цесарское Величество велми о томъ скорбитъ и мало надеженъ есть о миру.

И Володимеръ говорилъ: пріѣзжали Короли къ вашему Государю къ Цесарю Угорской и Полской въ Віену, и просили Цесарскаго Величества, чтобы Цесарь Великаго Государя нашего съ Королемъ Польскимъ помирилъ, и Государь вашъ Цесарь къ Польскому Королю посылалъ, чтобы Государю нашему направилъ, и Король Польскій Великому Государю нашему ни въ чемъ не правилъ; а присылалъ ко Государю нашему нынѣ своихъ пословъ, и которые рѣчи Государя нашего бояре съ Литовскими послы говорили, и то дѣло все вѣдомо и рѣчи всѣ вѣдомы Государя вашего послу Жигимонту Гербенстеню.

И Жигимонтъ говорилъ: Цесарское Величество не имѣетъ власти, что ему взяти у Короля Полского и дати вашему Государю?

Да Жигимонтъ же говорилъ: Цесарское Величество съ папою и со Фрянцовскимъ Королемъ миръ взялъ на пять лѣтъ, и иныхъ Государей многихъ въ миръ ввелъ, а папа помирилъ Фрянцовского Короля съ Англѣйскимъ. И тѣ всѣ Государеве межи собою въ миру, опрочѣ Веницеанъ, а и съ Вьнецеяны Государю нашему не велико дѣло. А хочетъ Государь нашъ, Цесарь, и всѣ христіанскіе Государеве, и Короли и Князи противу Турецкого заодинъ стояти. А и того хотѣлъ Государь нашъ, чтобы Государя вашего съ Королемъ Полскимъ помирити, и Государю бы вашему и Королю съ одного противу невѣрныхъ стояти,

И докторъ Павелъ молвилъ: тѣ ваши рѣчи всѣ скажемъ своему Государю, Цесарскому Величеству; да идучи прочь, докторъ Павелъ вспросилъ Володимера: имѣете ли доволствіе въ ѣствѣ и въ питіѣ? — И Володимеръ молвилъ: въ ѣствѣ и въ питьѣ имѣетъ великое довольсвіе.

И докторъ молвилъ: Цесарского Величества изволеніе, чтобы Вамъ ни въ чемъ скудости не было, имѣли бы есте всего полно; а приказалъ Государь нашъ своему совѣтнику господину Жигимонту Гербеньстеню, того смотрити и то справливати; и что будетъ вамъ надобѣ, и вы бы ему говорили, и то будетъ все по вашему хотѣнію.

И Володимеръ молвилъ: Государю вашему на его жалованье челомъ біемъ.

Апрѣля 19, въ понедѣльникъ на Мироноситцкой недѣлѣ, поѣхали Володимеръ да Истома изъ Брука къ Цесарю въ Галъ, а и ѣхалъ съ ними Жигимонтъ Гербенстенъ.

И во вторникъ Апрѣль 20, пріѣхали отъ Цесаря по Володимера и по Истому докторъ Павелъ да Жигимонтъ; и какъ пришли къ Цесарю, и Цесарь велѣлъ имъ сѣсти. И Цесарь Максиміліанъ съ бискупомъ съ Тергисевскимъ поговорилъ.

И бискупъ Петръ говорилъ: священнѣйшее Цесарское Величество, Максимьянъ, Божіею милостію избранный Цесарь Римскій, присный августъ, брата своего дражайшаго, Господа Василіа, Великаго Начальника

и Государя всеа Русіи, вамъ, величайшимъ посломъ, велѣлъ изъявити, что которые есте ему рѣчи изъявили отъ своего Государя, а отъ его брата дражайшаго, и Цесарское Величество, Государь нашъ, тѣ рѣчи Государя вашего, брата своего дражайшаго, и все вашего Государя изъявленіе благоизволною мыслью и разумомъ воспріялъ, и гораздо уразумѣлъ и много тружался съ тщаніемъ великимъ и подвигомъ воспоминая брату своему дражайшему, Великому Началнику, Господину Василію всеа Русіи, Великому Государю вашему, съ его и съ своими послы, чтобы онъ въсхотѣлъ съ наияснѣйшимъ Королемъ Полскимъ, братомъ и съ сродичемъ Цесарскаго Величества дражайшимъ, въ миръ и въ доброе согласіе пріити, и того не возмоглъ получити. И Священнѣйшее Цесарское Величество наияснѣйшаго Началника и Государя всеа Русіи, брата своего дражайшаго вамъ, его посломъ, являетъ свою мысль, а вы бы то изъявили отъ него Великому Государю своему Цесарского Величества его благоизволеніе на общую ползу всего христіанского добра, что онъ, Государь нашъ, тщался и тщится съ великимъ прилежаніемъ и трудомъ, чтобы ему всѣхъ христіанскихъ Началниковъ, Королей и Князей въ миръ и въ доброе согласіе привести, занеже Священнѣйшее Цесарское Величество, Государь нашъ, глава есть всѣмъ христіанскимъ Государемъ; и святѣйшій папа архіерей Римскій, и Государь нашъ Цесарь многихъ Началниковъ, Королей и Князей въ миръ и въ согласіе привели, да соединовъ вкупѣ всю силу христіанскую, возмогутъ стати противу врага христіанского злочестиваго Турка, занеже онъ злочестивый многіе христіанскіе Государства немилостиве себѣ покорилъ, и еще всегда тщится и укланяется, хочетъ все Христіанство разорити, себѣ немилостиве покорити. И Священнѣйшее Цесарское Величество нынѣ съ Началники, Короли и Князи въ согласіе и миръ пришли, а съ иными перемиріе взялъ; а хотятъ съ Божьею помощью стояти всѣ заодинъ противу злочестиваго Турка, сколко имъ Богъ поможетъ. А воспоминаетъ и молитъ брата своего дражайшаго, Господина Василья, Великого Началника и Государя всеа Русіи, союзомъ братцкіе любви, чтобы онъ, братъ его дражайшій, Государь вашъ, съ наияснѣйшимъ Королемъ Полскимъ помирился, и противу злочестиваго невѣрнаго Турка съ Цесарскимъ Величествомъ, и со всѣми Началники, съ Короли и Князи, былъ съ одного. Но братъ его дражайшій, Государь Василей, Великій Началникъ и Государь всеа Русіи, мудрый и разумный, помыслилъ бы своимъ великимъ разумомъ и предъ очима предложилъ, коликая человѣкомъ отъ обоихъ странъ браней и колико пролитіе христіанскіе крови будетъ, аще брани не утолятся миромъ; и коль благо и благочестно пребываніе и поспѣшеніе, и градомъ умноженіе, и богатство гражанамъ миромъ и соединеніемъ бываетъ; такожъ бранію и несогласіемъ, и ратнымъ нахожденіемъ разореніе и запустѣніе градомъ бываетъ. И Цесарское Величество посылаетъ и еще нынѣ съ вами вмѣстѣ до своего брата дражайшаго своихъ пословъ, людей вѣрныхъ и добрѣ мощныхъ въ настоящихъ дѣлѣхъ, и конечнѣ хочетъ уразумѣти мысль брата своего и уложеніе, и хочетъ ему воспоминати съ моленіемъ своими послы, чтобы братъ его, Наияснѣйшій Началникъ,

съ Королемъ Полскимъ помирился и заодинъ бы былъ противу невѣрного Турка. И аще братъ его дражайшій, Великій Началникъ и Государь всеа Руси, Государь вашъ, отъ совѣта ихъ отстанетъ, можетъ онъ Государь вашъ своимъ великимъ разумомъ и мудростію разумѣти, что злочестивый Турецкій можетъ и ему великую шкоту учинити, хотя и велико разстоаніе есть межи Государя вашего земли и Турецкіе земли. И поѣдите вынѣча здоровы съ поспѣшеніемъ всеа добра; а какъ будете у своего Государя, у Великого Началника и Государя всеа Русіи, и вы скажите отъ Цесарского Величества брату его дражайшему, Наияснѣйшему Началнику, Господу Василью, всеа Руси Великому Государю поздравленіе и счастіе съ поспѣшеніемъ благочестнымъ на многи лѣта. А Цесарское Величество желаетъ его здоровья, брата своего дражайшаго, съ поспѣшеніемъ благочестнымъ, аки самъ себѣ.

И вспросилъ самъ Максимиліанъ Володимера: имѣете ли еще каковы рѣчи?

И Володимеръ ему отвѣчалъ: которыя, Господине, рѣчи братъ твой, Государь нашъ, съ нами къ тебѣ наказалъ, и мы то до тебя донесли; а что, Господине, къ своему брату, а къ нашему Государю съ нами прикажешь, и мы то брату твоему, а своему Государю, скажемъ.

И докторъ Павелъ далъ Володимеру грамоту незапечатану, а даючи грамоту говорилъ: Цесарское Величество, Государь нашъ, посылаетъ къ своему брату, а къ вашему Государю, ту свою грамоту съ вами; а велѣлъ вамъ дати незапечатану того дѣля, чтобы есте ту грамоту себѣ прочли, и какъ прочтете, и вы ее пришлете ко мнѣ къ Павлу, и язъ, ее запечатавъ, опять къ вамъ отошлю; и вы ее довезите до своего Государя.

И Цесарь всталъ и шапку снялъ, говорилъ самъ: скажите отъ насъ брату нашему дражайшему, Наияснѣйшему Началнику, Господину Василью, всеа Руси Великому Государю поздравленіе и счастіе съ поспѣшеньемъ благочестнымъ на многіе лѣта; а желаемъ ему того, аки своей сущей персонѣ. И отпустилъ Володимера и Истому; и проводили ихъ до подворія докторъ же Павелъ да Жигимонтъ.

И Володимеръ просилъ у доктора у Павла списка тѣмъ рѣчемъ, что бискупъ передъ Цесаремъ Володимеру говорилъ, и Павелъ ему отвѣчалъ: не треба вамъ того въ писаніѣ имѣти; послы Государя нашего Цесаревы тѣ всѣ рѣчи будутъ говорити отъ Цесаря Государю вашему.

И въ среду, на третей недѣлѣ по велицѣ дни, Апрѣля 21, поѣхали къ Віенѣ въ суднѣ.

И Князь Великій на Москвѣ велѣлъ быти у пословъ въ приставѣхъ Ѳедору Борисову сыну Бороздина, да съ нимъ дворцовому діаку Володѣ Семенову сыну Племянникову, да дѣтемъ боярскимъ съ ними 50 человѣкъ и конюхомъ 50 человѣкъ; а велѣлъ пословъ поставити на княжъ Васильевскомъ дворѣ Семеновича Стародубского, да на Колупаевѣ дворѣ Приклонского, да на третьемъ на крестіанскомъ возлѣ Колупаева двора.

Да сказывали Великому Князю Володимеръ и Истома, что встрѣтили ихъ за городомъ на вспольѣ моршалокъ Максимьяновъ дворной Леонардъ Раубертъ, да Жигимонтъ Герберстень, да Павелъ докторъ, а съ ними люди многіе, и встрѣтивъ

ихъ, вспросилъ отъ Максимьяна о Великого Князя здоровьѣ моршалокъ Леонардъ. А рѣчь говорилъ Павелъ докторъ, что Максимьянъ послалъ своихъ великихъ людей; а велѣлъ ихъ приняти съ великою честію, да ѣхалъ съ ними моршалокъ Леонардъ и Павелъ до подворіа, да пріѣхавъ къ подворью, Леонардъ и Павелъ поѣхали мимо подворье, а на подворіе въъѣхалъ съ ними Жигимонтъ, да поставилъ ихъ на подворьѣ.

И какъ послы поѣхали съ останочного стану къ Москвѣ, и Князь Великій послалъ встрѣтити пословъ на Поклонную гору князя Ивана Кубенскаго, да Шигону Поджигина, да приставомъ Θедору Борисову, да и Володѣ велѣлъ съ ними жъ ѣхати; а велѣлъ Володѣ напередъ князя Ивана и Шигоны и Θедора ѣхати къ нимъ, сказати князя Ивана и Шигону, что послалъ Великій Государь своихъ великихъ людей.

А съѣхався съ ними, велѣлъ Князь Великій молвити рѣчь Шигонѣ: Государь нашъ, Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, послышевъ отъ брата своего отъ Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, къ себѣ вашъ пріѣздъ, послалъ своего сына боярского князя Ивана Ивановича Ярославского, да сына боярского своего, великого же отца сына Θедора Борисова, да и насъ.

А Князю Ивану велѣлъ молвити: Государь нашъ, Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ васъ вспросити о брата своего Максимьяновѣ, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, здоровьѣ: брата нашего, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшаго Короля Максимиліана, какъ Богъ милуеть, по здорову ли?

А Θедору Борисову молвити: Великій Государь Василеі, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ васъ вспросити, по здорову ли есте дорогою ѣхали?

Θеодору же: Великій Государь Василеі, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ мнѣ у васъ быти и подворье указати, и что будетъ ваша треба, и Государь нашъ, Великій Государь, велѣлъ вамъ то устроити.

А опослѣ того, велѣлъ имъ явити иноходцы Θедору же, а молвити: Великій Государь Василеі, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь жалуетъ тебя, Френчюшка, послалъ къ тебѣ иноходецъ въ сѣдлѣ съ своей конюшни, а Антонію и Яну послалъ Князь Великій по иноходцу же въ сѣдлѣхъ. И молвити имъ Θедору та жъ рѣчь: да велѣлъ Князь Великій Кубенскому и Шигонѣ ѣхати съ послы до подворіа, да на подворіе съ ними не ходя, ѣхати къ себѣ; а Θедору уставити пословъ на подворьѣ, и кормъ имъ приказати дати подъячему, да ѣхати къ Великому Князю.

Іюля 27, велѣлъ Князь Великій Максимьяновымъ посломъ Френчюшку и Антонію и Яну съ ними быти на дворѣ; а послалъ къ нимъ на подворіе то сказати пристава Θедора Борисова. И какъ имъ то Θедоръ сказалъ, что имъ быти на дворѣ, да и то имъ сказалъ, что у нихъ быти людемъ великимъ на подворьѣ, и они бы съѣхалися на одно подворіе; и они межъ себя были тогды бранны, и говорили Θедору Френчюшко и Антоней, что имъ ни одному ни къ одному не ѣхати на подворіе, а быти имъ нарознь.

И Князь Великій послалъ къ нимъ на подворіе Өедора же Борисова, да Володю Племянникова, а велѣлъ Өедору молвити имъ отъ себя: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Руси и Великій Князь, посылаетъ по васъ на посолство своихъ великихъ людей, князя Ивана Ивановича Ярославского, да совѣтника своего Ивана Юрьевича Поджегина; и вы съѣдтеся на подворье, любо Фрянчюжко поѣдь къ Антону на подворье, а любо Антонъ поѣдь ко Фрянчюжку, чтобы пріѣхали Государя нашего великіе люди. А вы бъ на одномъ подворьѣ были, чтобъ и вамъ въ томъ нечти не было; не похотите жъ съѣхатись на одно подворіе, и вы выѣдте на улицу, и Государя нашего великіе люди съѣдутся съ вами на улицѣ.

И Френчюшко говорилъ Өедору: коли у насъ отъ Государя будутъ люди великіе, а Антоней не ѣдетъ ко мнѣ на подворіе, ино язъ ѣду къ Антонію на подворіе, — да и поѣхалъ Френчюшко къ Антонію на подворье.

И Князь Великій послалъ по Фрянчюшка и по Антоніа на посолство князя Ивана Кубенского, да Шигону Поджегина, да Өедора Борисова; а Володѣ Племянникову съ ними же велѣлъ ѣхати, а пріѣхавъ къ нимъ велѣлъ имъ молвити князю Ивану Кубенскому: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Руси и Великій Князь, велѣлъ тебѣ, Фрянчюшку, и тебѣ, Антонію ѣхати къ себѣ на посолство. Да велѣлъ Кубенскому ѣхати съ Френчюшкомъ, а Шигонѣ велѣлъ ѣхати съ Антономъ, а Өедору Борисову велѣлъ ѣхати съ Яномъ.

И какъ пріѣхали послы на дворъ, и Князь Великій велѣлъ ихъ встрѣтити въ паперти у Благовѣщенья у стороннихъ двѣрей Өедору Иванову сыну Карпову, да діаку Сумороку Путятину. А какъ взошли на верхнее крыльцо отъ Благовѣщенья, и тутъ его велѣлъ встрѣтити дворецкому своему Тферскому Михаилу Юріеву сыну Захарьича, да діаку Елизару Цыплетеву, да Меншему Путятину. И шли съ ними вмѣстѣ къ Великому Князю, и явилъ Френчюшка и Антоніа Великому Князю челомъ ударити Михайло Юрьевъ. А опослѣ помотчавъ мало, Михайло же явилъ Яна. И Френчюшко подалъ Великому Князю грамоту вѣрующую. Да говорилъ рѣчь Фрянчюшко, а что говорилъ рѣчью, тому подалъ запись. Да въ той жъ рѣчи правилъ Великому Князю отъ Максимьяна поздравленіе.

И Князь Великій велѣлъ имъ сѣсти близко себя на скамейкѣ, да звалъ ихъ къ столу; и посидѣвъ мало, велѣлъ имъ итти въ набережную полату; и какъ послы пошли въ набережную полату, ино приказалъ Янъ съ Володею съ Племянниковымъ къ Великому Князю, что съ нимъ грамота отъ Максимьяна къ Великому Князю. И Князь Великій велѣлъ Яну у себя быти, и Янъ подалъ Великому Князю отъ Максимьяна грамоту.

А доколѣ еще послы не были у Великого Князя, и послы говорили Өедору Борисову: есть до Великого Государя отъ Максимьяна тайные и явные рѣчи, и Государь какъ велитъ ихъ себѣ говорити?

И Князь Великій велѣлъ имъ молвити Өедору Борисову отъ совѣтниковъ и отъ околничихъ: которые будутъ рѣчи съ вами явные отъ Максимьяна, и вы тѣ рѣчи говорите на посолствѣ самому Государю, а которые съ вами рѣчи тайные, и Госу-

дарь нашъ вышлетъ къ вамъ совѣтниковъ своихъ и околничихъ, и вы тайные рѣчи скажите совѣтникомъ и околничимъ Государскимъ. И какъ были у Великого Князя, и велѣлъ имъ итти въ набережную полату, да выслалъ къ посломъ бояръ своихъ Григорья Ѳедорова, Юріа Малого, Шигону Поджогина, да діаковъ Меншего Путятина, Трифана. А велѣлъ имъ пришедъ сказатись. Григорью велѣлъ сказати Юрья и Шигону и діаковъ, а Юрію велѣлъ сказати Григорья и Шигону и діаковъ.

А рѣчь велѣлъ говорити Григорью: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: говорили есте нашему сыну боярскому Ѳедору Борисову, что отъ брата нашего отъ Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, до насъ рѣчи съ вами наказаны тайные и явные, и вы явные рѣчи намъ говорили; а которые будутъ тайные рѣчи съ вами до насъ наказаны, и вы тайные рѣчи говорите нашимъ бояромъ, и бояре наши ваши рѣчи намъ скажутъ.

И Антоней говорилъ: которые были рѣчи отъ Максимьяна къ Великому Государю нами наказаны, и тѣ рѣчи говорилъ Великому Государю господинъ Френчюшко, и уклонилъ на то Государь свои уши, и тѣ рѣчи выслушаетъ гораздо, и отвѣтъ намъ на тѣ рѣчи велитъ учинити и изъявитъ намъ, что хочетъ съ Королемъ съ Жигимонтомъ миру, или не хочетъ; и похочетъ миру, ино у насъ на то ещо рѣчи есть; а не похочетъ миру, ино что и слова плодити.

И бояре то, шедъ, сказали Великому Князю; и Князь Великій послалъ къ нимъ бояръ же, а велѣлъ имъ молвити: мы васъ велѣли о рѣчѣхъ вспросити потому, что вы говорили нашему сыну боярскому Ѳедору Борисову. А какъ есмя напередъ того къ брату своему приказывали съ его послы, да и съ своими послы, что для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ, и мы и нынѣ, для брага своего, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже.

И говорилъ рѣчь бояромъ Антоней, чтобъ Князь Великій взялъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ по тому, какъ былъ напередъ того съ нимъ въ миру; да подалъ рѣчей своихъ запись.

А се грамота вѣрющая, что подалъ Великому Князю Фрянчюшко: «Максимиліанъ, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегда августъ, и Нѣмецкій, Угорскій, Далматскій, Кроатцкій и иныхъ Король, Архидука Австрьскій, Дука Бургунскій, Брабанскій и иныхъ, Комитъ и Палатинъ и иныхъ, — Наияснѣйшему Началнику, Господу Василью, Володимерскому и Московскому Князю, и Великому Русскому Началнику и Государю, брату нашему дражайшему поздоровленіе и братцкіе любви непрестанное прибавленіе. Наияснѣйшій Началниче, брате дражайшій! Есть всѣхъ Королей и Князей особнѣ на то подвигнутися, чтобы люди, имъ подвластны, мирно пожили и въ покоѣ вѣчномъ пребыли. А къ нашей персонѣ, кою имѣемъ, пристоитъ всего христіанскаго дѣла общего имѣти попеченіе. Ино сколко по насъ, чтобы миръ ввелся и согласіе, и гдѣ будетъ нѣкоторый учиненъ роздоръ, да въздержится отъ убійствъ и пощадитъ христіанской

крови; того ради хотя межъ Наиясности Вашіе и Короля Полскаго времени състатись не возмогло, а мы велми желаемъ того и то дѣлаемъ, и того дѣля, что впервые не състалося, надежи не оставили есмя, но о Наиясности Вашей то себѣ имѣемъ, что межособная наша и братцкая дружба хощетъ. Къ вамъ посылаемъ вмѣстѣ съ вашими послы честныхъ, намъ любезныхъ Ѳрянчюшка де Колла, да Антоніа отъ Комитъ, совѣтниковъ и пословъ нашихъ, дѣлати при Наиясности Вашей о прежъдѣланомъ согласьи и совѣтованіи межъ Васъ и рѣченного Полского Короля, коимъ Наиясность Ваша о всемъ вѣру несумнѣнну имѣти да изволитъ, и себя къ прошенью легка и уклонна подати, какъ есмя себѣ обѣщали. И надѣемся, что подашь себя на то, и будетъ то согласіе любезно и пріятно Богу Вседръжителю, полезно особнѣ людемъ Наиясности Вашіе и угодно всему христіанскому дѣлу; а намъ толь будетъ радостно, что при Наиясности Вашей возмогли есмя получити, и за то намъ благодареніе воздадимъ и вездѣ противу готови есмя учинити. Долго въ благочестіи да возмогаетъ Наиясность Ваша, кую Богъ здраву сохранити да изволитъ. Данъ въ городкѣ нашемъ въ Галѣ, въ день двадесятый мѣсяца Апрѣля, лѣта Господня 1518, кралевствъ нашихъ Римского 33-го, а Угорскаго 29-го.» А на подписи: Наиясньйшему Начальнику, Господу Василью, Володимерскому и Московскому, Великому Князю и Великому Русскому Начальнику и Государю, брату нашему дражайшему.

А се списокъ посолства, что говорилъ Фрянчюшко отъ Максимьяна Великому Князю: Наиясньйшій Началникъ Василей, Володимерскій и Московскій, Великій Князь и Государь всея Русіи! Прежъ сего наивышшимъ прилежаніемъ и наиблъшимъ сердечнымъ хотѣніемъ Максиміліанъ, священнѣйшій христіанскій Цесарь, Государь нашъ милостивѣйшій, миру и согласіа межъ Наиясности Вашіе и наияснѣйшаго Жигомонта, Короля Полского, братьи своей дражайшихъ, ввести и совѣтовати поискалъ, посылая ко обоимъ своихъ пословъ; никакова дѣла не оставилъ, кое дѣло къ навоженью тога мира угодно быти мыслилъ, взирая всегда пользы и угодья особнаго обоихъ странъ, также и общаго христіанского дѣла, кое наипаче отъ христіанскихъ Началникъ прибавливатись подобаетъ, а не межи собя брань имѣти и кровь христіанскую тако проливати, коа лутчи и удобнѣе противу невѣрныхъ проливала бы ся. И до сего времени всѣ подвиги и всѣ труды его Цесарскаго Величества всуе и вотще были, и надежа, кою о навоженіи того мира имѣлъ, въ томъ не състалася, какъ отъ честныхъ и любезныхъ Володимера діака и Истомы толмача, пословъ Наивысости Вашіе, и отъ Жигимонта совѣтника и Его Цесарского Величества посла, кой недавно при Вашей Наиясности дѣлалъ, уразумѣлъ. И хотя отъ такова Жигимонтова его посла изъявленья гораздо, и велми гораздо Величество Его Цесарское уразумѣ, въ коихъ совѣтники наияснѣйшаго Короля Полского вину давали Наиясности Вашеіі о преступленьѣ и порушеньѣ доканчанья межъ благочестные памяти Наияснѣйшаго Василья Васильевича дѣдѣ Наиясности Вашіе и благочестные памяти Наияснѣйшаго Казимира, отца того Наияснѣйшаго Короля; также, и что было межъ

благочестные памяти Наяснѣйшимъ Иваномъ, отцемъ Наясности Вашіе, и благочестные памяти Александромъ, братомъ того Короля; а въ третьемъ мѣстѣ межъ Наясности Вашіе и того Наяснѣйшаго Короля. А противу, въ коихъ совѣтники Высости Вашіе винили того Наяснѣйшаго Короля, но того для, что прежъ не състался тотъ миръ, не усумнѣлся Его Цесарское Величество, но еще чаетъ дѣлу сдѣлатись; занежъ далѣче наиблъшіе дѣла и тягчяйшіе были межъ иныхъ разныхъ наяснѣйшихъ Королей, Началникъ и Властелей христіанскихъ, кои всѣ въ се время укрочены и погашены посредствіемъ, разсуженіемъ и воспоминаніемъ Его Цесарскаго Величества, также совѣтомъ наивышшаго архіерея, кои оба вмѣстѣ со иными наяснѣйшими Короли и Начальники христіанскими, разумѣючи и видячи силу Салтанову Салимъ-Шахову, Царя Турского, толь прибавну, и всегда болѣ сильна, нарядъ общій противу его одноконечно учинити мыслятъ и готовятъ, и наиболшая уложили; также умыслили, чтобы Наясность Ваша и Наяснѣйшій Король Польскій на тожъ пришли. А помышляютъ велику пагубу въ закосненіе быти, занже тотъ Салтанъ Салимъ-Шахъ въ прибавленіи своего чина и въ разореніи Софеа Царя Перского, и въ побѣдахъ не въ давныхъ на двѣма Салтаны Египетцкими возвысился, тщится преновити и пребавити войско свое земное и морское, да счастіе также противу дѣла христіанского хощетъ попытати, ино на его разоренье видится велми угодно уклонити мысль и свое тщаніе; а только противу его въ подобно время не поберегутся и не попротивятся, ино безлѣпъ послѣ противу его и дѣло дѣлати. Того ради, вышерѣченный свящеиннѣйшій Цесарь о братцкомъ Наясности Вашіе добромъ изволеніи многую надежу имѣетъ, надежно и скоро совѣтниковъ и пословъ своихъ къ Высости Вашей послати умыслилъ. Да мы вамъ отъ Его Цесарского Величества изъявимъ братцкое поздравленіе и благочестное прибавленіе и все добро. Также вамъ да скажемъ здравое его желанье, что тотъ миръ Наясности вашей и подвластнымъ твоимъ вельми угоденъ и дѣлу всему христіанскому потребенъ. А тому дѣлу общему христіанскому, какова належитъ пагуба, Наясность ваша отъ своего единственнаго разума и мудрости разсмотрити можетъ, занже имѣетъ въ рукахъ силу и власть не постижну и хитрость особную въ воинствѣ и помощь счастія наивышшую, о его силѣ толко говорити. А то не вѣдаетъ, что отъ трехъ частей, въ коихъ раздѣляется вся вселенная, сирѣчь въ Европу, Азію и Африку, отъ всѣхъ тѣхъ и имѣетъ лутчшую часть, занже нынѣ дръжитъ въ Европѣ, въ первой части, всю Греческу землю и владѣетъ жестокими людми надъ Олинтіяны, Илирики, Кталики, Тебаны, Ласедомоники, Тесали, Боэтики, Афинеаны, Кротонесники, Дарданики, Коринфаны, Арквиняны, Керсонеаны, Платенсеаны, Туспенканы, Локренсіаны, Ортоменіаны и надо всею Полопоменскою страною силнѣйшими людьми, и занже дръжитъ Еубоку, Митиляну, Сталимину, Самію, Зипру, Самондину, Хіонъ, Еносъ, Тенедонъ и иные безчисленые островы; также дръжитъ Епиронъ по старинѣ, а нынѣ зовется Романія, Македонію, Трасію а нынѣ Албанія, Іасигію, Мизію меньшую и Мизію большую, Сербію, Скопію, Босну, Валахію, Болгарію и болшую часть Далмаціи, Сармацію, Сиропію,

въ коей Кафа и безконечные Барбарскіе островы. Также дръжитъ во Азіи, во второй части, Наталію, Караманію, въ коей Понтъ; Виѳанію, Галаціа, Пафлагоніа, Писидидіа и Заура, Кападосіа, Ликаоніа, Лидіа, Лисіа, Панфиліа, Силисіа, Геніа, Дарида, Фригіа, Мизіа, Арменья меншая, Троадесь, всѣ страны силнѣйшіи. А на морѣ Куксенскомъ Колкосъ, Иберію, Албанію, Албу, Арменью болшую, Скиѳы, а нынче зовется Тартаріа; также дръжитъ всю Аземскую землю; а что ново досталъ Сирскую землю, гдѣ Антіохіа, Месопотаміа, Фемеіа, Іюдея, Апамеа, Идумѣа, село Дамасково, поля Алепскіе, Ирихонъ, Аравію и Халдѣю. А во Аѳрикѣ, во третей части, дръжитъ всю Египетскую страну, толь пространну и широку и обилну, запже Меху и всѣ горы Аравскіе за Нилъ рѣку и всю страну и до Ката Батмана Сирского и Сиренского; взялъ Барбарію, гдѣ есть царство Тремезенское, царство Дефенейское, да не како Царя Теменского и иныхъ Царей и Князей, окрестъ живущихъ, да иныхъ себѣ учинитъ. И что много, Начальниче Свѣтлѣйшіі, кто дръжитъ нынѣ четыре церкви патріаршскіе и началные, подъ коихъ правиломъ въ духовныхъ наипаче пасется Высость Ваша со всѣми своими людми, сирѣчь Антіохейскую, Александрійскую, Іерусалимскую и Костянтинопольскую, но толко онъ Салтанъ Салимъ-Шахъ, Царь Турскіі, вѣчной врагъ христіанскіе вѣры, кто сѣдитъ во Алхаирѣ на столѣ Іосифовѣ и дръжитъ на полѣхъ Алепскихъ гробъ Давыдовъ, и что грознѣе и мерзчае, во Іерусалимѣ гробъ Христовъ, Избавителя нашего съ Назареѳомъ, Виѳлеомъ, горою Синайскою и съ иными мѣсты, таинства страстнаго Спаса нашего,

токмо онъ безчеловѣчный Турской Началникъ, кой своего отца и трехъ своихъ братовъ родныхъ не пощадилъ, отъ нихъ кровавую жрътву учинилъ, и хвалится всегда свѣтильники жечи предъ собою отъ туку сердецъ христіанскихъ, и Государя миру и именовати себя творитъ и толико претитъ апостольскому сѣдалищу и всему общему дѣлу христіанскому, въ коихъ по истиннѣ надобѣ добрѣ беречися и въ подобно время противитись, да не въ толику бѣду впадутъ. И того ради, всѣми силами и согласіемъ христіанскихъ Начальникъ надобѣ хранити ту малую часть Европы, въ коей опрочѣ Государства Наиясности Вашіе, осталося толко Германіа, Франсіа, Испаніа со островы ближними, пристоящими, Италіа, Угорская земля, Ческая и Полская, коя часть маленка передъ тѣмъ, коей велми грозитъ безпрестани онъ, вѣры нашіе врагъ и дѣломъ хочетъ свершати, что въ мысли имѣетъ; толко будетъ несогласіе въ Началникѣхъ христіянскихъ и межъ ими особные раздоры, какъ было во время Муратъ-Салтана, прадѣда и Махметъ-Салтана дѣда, а въ третьей Баазитъ-Салтана, отца нынѣшняго Салтана Салимъ-Шаха, кой за несогласіа христіанскихъ Началникъ, Властелей, наступивъ Греческую землю, отъ времяни на время, отъ малаго и тѣснаго статья въ меншой Азіи толико возрасли, да нынѣ настоящему ихъ наслѣднику никоторой Начальникъ смѣетъ, ни можетъ противустати, кои тѣхъ болшихъ своихъ стопамъ послѣдуя, доколѣ христіанскимъ странамъ на взятье не помыслилъ, къ расширенію Государьства всего мира мысль воздвиглъ, противу коего никоторое брежене имѣется, толко будетъ христіанское

несогласіе и раздѣленіе и никто надѣятись можетъ. А наипаче Высость Ваша для растоянія отъ его Государьствъ, отъ толь лютаго врага; занже Татарове, кои межи живутъ, ни во обычаехъ, ни въ вѣрѣ съ нимъ разньствуютъ, но могутъ быти нарядъ бранной, а не много растоаніе имѣютъ. Едина коаждо ближняя побѣда противу иныхъ христіанскихъ Началникъ быти можетъ, послѣдуа наряду противу Наияснсти Вашіе: того ради видится брежно, достоїно и похвално, толко Высость Ваша соединится со иными наияснѣйшими Крали и Началники христіанскими, кои благодатью Всемогущаго Бога и съ поспѣшеніемъ Святаго Духа, и посредствомъ наивышшего архіерѣя и священнѣйшимъ Максимиліаномъ Цесаремъ, Наияснсти Вашіе братомъ, отложивъ оружіе и къ свѣтлому пріити согласью, занже къ единому помышляютъ концу и суть крѣпкіе мысли, не толко дожидаяся того врага прогнати его нахоженье, но и на Царства его и Государства скорѣе наступити; развѣ нѣчто отъ Наияснсти Вашіе помѣшается, коа едина межъ христіанскихъ Началникъ нынѣ валчитъ съ наияснѣйшимъ Королемъ Полскимъ и спротивствуетъ толь святу, хвалиму и потребному наряду, уставленому и устроеному силою Святаго Духа и воздвиженіемъ Христова имени. Сего ради, Начальниче Наияснѣйшій, егда время есть христовѣрныхъ отъ сна воздвигнути и всякому подвигнутись, и занже межъ вѣрныхъ Началниковъ наипачь именуется Наияснность Ваша, и та бы послѣдовала хоругви Христовѣ, и отъ того Избавителя нашего да позовется Священнѣйшій Цесарь Наияснсти Вашіе толь добрый братъ, коему наипаче пристоитъ попеченіе имѣти о христіанскомъ общемъ дѣлѣ всякимъ прилежаніемъ, братцкою любовію, и благоизволеніемъ, Вашу Наияснность проситъ и совѣтуетъ отложити въ сіе время оружіе и гнѣвъ свой, противу христіянъ уготованный, и забыти неисправленьа, которые будутъ, и направити бы мысль свою благую, наивышшую, и обратити свое оружіе противу толь силныхъ и вѣчныхъ враговъ Избавителя нашего Іисуса Христа, иже на крестѣ за насъ неусумнѣлся смерть воспріяти, берегучися всегда, чтобы себѣ и христіанскому общему дѣлу нѣчто не състалобыся, занже послѣ пособити немощно, воспріяти бы миръ себѣ предложимый, который миръ Спасъ нашъ въ разлученіи отъ сего міра намъ наипаче поручилъ; не токмо, чтобы гнѣвъ Спаса нашего не былъ, но и благодать бы получити и славу вѣчную, кою Богъ Вседержитель отъ своея безконечныя милости Наияснсти Вашей подати да изволитъ.

А се грамота, что подалъ Великому Князю Янъ, *Жигимонтовъ* сестричичь, отъ Максимьяна: «Максимиліанъ, Божьею милостію, избранный Римскій Цесарь, всегда августъ, и Германскій, Угорскій, Далматцкій, Кроатцкій и иныхъ Краль, Архидука Авъстрьскій, Дука Бургунскій, Брабанскій и иныхъ, Комитъ Палатынскій и иныхъ, Наияснѣйшему Началнику, Господу Василію, Володимерскому и Московскому, Великому Князю и Великому всеа Руси Началнику и Государю, брату нашему дражайшему, поздравленіе и братцкіе любви непрестанное прибавленіе. Наияснѣйшій Началниче, братъ нашъ дражайшій! вѣрнымъ намъ, любимымъ Иваномъ обыкли есмя въ раз-

ныхъ вещѣхъ и дѣлѣхъ и вѣру его и прилежаніе испытали есмя; того ради восхотѣли есмя дати его спутника и учинити, аки вожа; есть бо искусенъ языку людскому Наяснести Вашіе честнымъ, вѣрнымъ, намъ любимымъ Франсиску де Колла, да Антонію отъ Комитъ совѣтникомъ и къ Наяснести Вашей посломъ нашимъ; и нѣчто прилучится нѣкоторые грамоты, или нѣкое дѣло тайное, и что въ грамотахъ нелзѣ писати, Королю Полскомудонести надобѣ,—онъ скоръ на то будетъ, и ему все безъ боязни и безъ сумнѣніа вѣритись и приказатись могутъ: учинитъ бо, что ему приказано вѣрно и разумно. Того ради, его Наяснести Вашеіі поручаемъ, кого Богъ Вседръжитель въ долгоздраву и благочестну да соблюдетъ. Данъ въ городкѣ нашемъ Галлѣ, въ 20 день Апрѣля, лѣта Господня 1518, кралествъ нашихъ Римского 33, а Угорскаго 29.»

А се запись, что подалъ Антонеіі бояромъ, какъ къ нимъ выходили въ полату: «вѣдомо буди и есть явно, что не будемъ истомны величайшіе и свѣтлые мужи изъявити Вашеіі честности братскую особную любовь, коею Максиміліянъ, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегда августъ, Государь нашъ милостивѣйшіі, Наяснѣйшему и веліможнѣйшему Началнику Вашему пріятье. Сего ради, надежю его братскіе любви не сумнится, что Величеству Его Цесарскому мощно еще межъ Наяснести его и наяснѣйшаго Короля Полского ввести согласіе и миръ, хотя до сего времени всѣ труды и подвиги Величства Его Цесарскаго о соединеніи того мира вотще и всуе были, какъ отъ честныхъ Цесарское Его Величество любимыхъ Володимера Племянникова діака и Истомы толмача, Наяснести Его пословъ, и отъ Жигимонта Ребенстена, Величества Его Цесарскаго совѣтника и посла, въ прошедшіе се дни уразумѣлъ; но единако, какъ выше рѣкли есмя, не усумнимся Величество Его Цесарское насъ о томъ дѣлѣ, да о томъ миру дѣлаемъ, къ Наяснести его послалъ, кой миръ въ сіе время не толко чинитъ добро и ползу обоихъ странъ, сколко также добра и угодіа всего дѣла общаго христіянскаго, коі Турковe, злые хрестьянскаго имени, врази наступити и разорити грозятся. Того ради Величество Его Цесарское, какъ добрый Наяснести Его братъ и Цесарь, всѣхъ хрестьянъ глава, коего дѣло межъ хрестьянскихъ Началникъ несогласныхъ сѣати съединеніе и миръ, занже настоитъ наипаче нынѣ святѣйшая треба, воспоминаетъ Наясность Его того же Хрестьянства жъ, чтобы про защищеніе общаго дѣла христіянскаго и про службу Христову, кой за наше искупленіе не усумнился восприняти человѣчьскую плоть и безчеловѣчную претерпѣти на крестѣ смерть, дабы изволилъ съ наяснѣйшимъ Полскимъ Королемъ учинити миръ, какъ и ины Началники христіянскіе, кои межъ собою брани межсобные и наиболшіе имѣли, учинили и соединились противу тѣхъ злыхъ Турковъ и взяти оружіе умыслили. И уповаетъ Величество Его Цесарское Наяснести его то учинити, а его доброты, веледушства и силы есть наказателнѣйшее Цесарское Его Величество; и хочетъ, чтобы таковъ слухъ добрыіі его Наяснести вездѣ былъ, а наипачь межъ христіянскихъ Началникъ, и чтобы не возмолвилося, что его Наясность и Король Полскоіі, толко тѣ

одны несогласны были отъ всѣхъ иныхъ Началниковъ христіянскихъ въ такомъ святѣйшемъ и нужнѣйшемъ нарядѣ. Хочетъ, того ради, Цесарское его Величество къ чести Наивышшіе и Нераздѣлимые Троицы и славнѣйшіе Дѣвы Маріи и всѣхъ силъ небесныхъ, и для Величества Цесарского его брата дражайшаго, чтобы Наиясность его была изволна утвердити вѣчной миръ съ наияснѣйшимъ Полскимъ Королемъ по чину докончанія, какъ преже межъ его Наиясности и того Короля Полского было учинено; и которые дѣла во прошедшіе времена не могли подвигнути серлца Наиясности Вашіе на миръ тотъ, да подвигнетъ нынѣ нужа общаго дѣла хрестьянского, кое въ такой злѣйшей бѣдѣ лежитъ: учинитъ убо Наиясность Его Богу Вседръжителю приношеніе пріятно, кой зла за зло не воздаетъ, но за преступники молился; и учинитъ всему духовенству христіянскому добро и всяку ползу, а своей Наиясности похвалу, славу и честь, и подвластнымъ своимъ пространнѣйшее мысленое доволство и величайшему Цесарю, Государю нашему милостивѣйшему, вещь любезнѣйшую, и противу во всѣмъ Наиясности его воздаему».

И ѣли того дни послы у Великого Князя; а ѣлъ Князь Великій въ середнѣй полатѣ въ золотой. А опослѣ стола посылалъ Князь Великій подчивати ихъ князя же Ивана Кубенского, да Шигону Поджегина, а Өедору Борисову и Володѣ съ ними жъ велѣлъ ѣхати.

И какъ тѣ списки перевели, и Князь Великій велѣлъ отвѣтъ писати. Да какъ отвѣтъ поспѣлъ, и Августа 1, велѣлъ Князь Великій Максимьяновымъ посломъ быти на дворѣ. А посылка по нихъ на подворіе и встрѣча имъ на дворѣ была по тому жъ, какъ напередъ того въ первые послы были на дворѣ. И какъ послы пришли къ Великому Князю, и Князь Великій имъ велѣлъ сѣсти; да посидѣвъ мало, велѣлъ имъ Князь Великій итти въ набережную полату, да выслалъ къ нимъ съ отвѣтомъ бояръ своихъ Григорья Өедоровича, Өедора Карпова, Шигону Поджегина, да діаковъ Ивана Телешова, да Меньшого Путятина, да Трифана; а Юрьи тогды не домогалъ.

А се отвѣтъ, что говорили бояре посломъ: Отвѣтъ Великого Государя Василья, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи, и Великого Князя, Максиміана, избранного Цесаря Римского и Навышшего Короля, посломъ, Френчюшку де Коллу, да Антонію отъ Комитъ.

Григорей Өедоровичь говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: напередъ сего братъ нашъ, Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій, и Навышшій Король, приказывалъ къ намъ съ своими и съ нашими послы и неодинова, чтобы намъ съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись. А опослѣ того братъ нашъ присылалъ къ намъ своего посла Жигимонта Гербенстени; и говорилъ намъ отъ брата нашего посолъ его Жигимонтъ, просячи насъ, чтобы намъ для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися.

Өедоръ Карповъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: а вы намъ нынѣ отъ брата нашего отъ Максимиліяна, избранного Цесаря

Римского и навышшего Короля, о томъ же говорили, что братъ нашъ и нынѣ сердечнымъ хотѣніемъ межъ насъ и Жигимонта, Короля Полскаго, миру и согласіа поискалъ, и для христіанскаго общего дѣла, что Салтанъ Турской многими растояніи Государей хрестіанскихъ Государства многіе хрестіянскіе за себя превратилъ, и четыре престолы большіе вселенскихъ патріархъ хрестьянскихъ и иные многіе христіанскіе Государства за собою держитъ. Также нынѣ тотъ Салимъ-Шахъ Салтанъ въ разореніи Перского Царя и въ побѣдахъ не въ давныхъ надъ двѣма Салтаны Египетцкими возвысился, и прибавляетъ войско свое земное и морское, и хочетъ оружіе подвигнути на Короли на иные, и на иные Государства хрестьанскіе, и тщится, чтобъ ему тѣхъ Государеіі разрушити и Государства ихъ превратити за себя. И толко нынѣ отъ него не поберечись и противу его не стояти и дѣло не дѣлати, и тогды противъ его не спѣшно дѣло будетъ.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и того дѣля, братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, многихъ Королей и Князей въ миръ и въ согласіе ввелъ, и совѣтовавъ съ ними, и уложилъ на то, что хочетъ стояти противу Салтана Турскаго, не дожидая Турскаго Салтана нахоженіа, но и на Царство его и на Государство хочетъ наступити, но нѣчто не подвигнется того для, что мы съ Жигимонтъ Королемъ нынѣ еще не помирилися.

Телешовъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и уразумѣлъ братъ нашъ Максимиліянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, отъ своего совѣтника и посла Жигимонта Гербенстеня и отъ нашего діака отъ Володимера и отъ толмача отъ нашего отъ Истомы, что межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ не състался.

Меншой говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и то отъ своего посла и отъ нашихъ посланниковъ гораздо уразумѣлъ, что которые неисправленіа и порушеніа докончаніа състались дѣду и отцу нашему, Великому Государю Ивану, Божіею милостію Царю и Государю всеа Русіи и Великому Князю, и намъ отъ Королей Полскихъ; также и то уразумѣлъ гораздо, что которые рѣчи говорили королевы послы и что съ Жигимонтомъ Королемъ межъ насъ миръ не състался, не усумнился братъ нашъ и послалъ къ намъ васъ, своихъ пословъ.

Меншой жъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Руси и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и вы намъ отъ брата нашего, отъ Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, просячи насъ, говорили, чтобъ намъ для брата своего противъ Хрестіянства гнѣвъ свой отложити, а Жигимонтовы бы намъ королевы неисправленіа, въ чемъ намъ не исправилъ, отставити для угоженья обѣихъ странъ и для того, чтобы противу бесерменства за Христіанство стояти, и съ Жигимонтомъ бы намъ Королемъ быти въ вѣчномъ миру по тому жъ, какъ мы съ нимъ были напередъ того въ миру.

Ѳедоръ говорилъ: Великій Госу-

дарь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: ино намъ гораздо вѣдомо, что нѣкоторыми времены дѣдъ его Магаметъ взялъ Царьгородъ и иные многіе Государства хрестіянскіе. А нынѣ внукъ его Салимъ-Шахъ Салтанъ взялъ Египетъ, Іерусалимъ и всю Палестину, и надъ двѣма Салтаны Египетцкими и надъ Перьскимъ Царемъ его побѣда намъ вѣдома жъ. И мы какъ напередъ того у Господа Бога того просили, такъ и нынѣ у Господа Бога того просимъ, чтобъ Господь Богъ намъ, Государемъ христіянскимъ надъ христіанскими враги, надъ бесерменствомъ помощь и крѣпость свою послалъ, и наши бы Государства хрестіанскіе за нами, за христіянскими Государи были. А какъ напередъ того есмя за Хрестьянство стояли, и Хрестьянство есмя отъ безсрменства берегли и боронили, такъ и нынѣ за Хрестьянство отъ бесерменства хотимъ стояти и боронити Хрестіянства отъ бесерменства хотимъ, сколко намъ Господь Богъ поможетъ; и хотимъ то завсе видѣти, чтобы какъ далъ Богъ нами христіянскими Государи Хрестіянство завсе въ тишинѣ и въ сохраненіи нашемъ было.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а что есте намъ отъ брата нашего отъ Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, говорили, чтобы намъ съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись, ино мы какъ напередъ того къ брату своему приказывали съ его и съ своими послы, что для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже. И Жигимонтъ Король присылалъ къ намъ своихъ пословъ, и межъ насъ миръ не състался не нашею стороною, не състался межъ насъ миръ королевою стороною. А коли наши бояре о миру съ Жигимонтовыми королевыми послы говорили, и брата нашего посолъ Жигимонтъ Гербенстень то слышелъ.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а и нынѣ Жигимонтъ Король похочетъ съ нами миру, а пришлетъ къ намъ своихъ пословъ о миру, и мы для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже.

Телешовъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а что есте вамъ говорили, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ быти въ миру по тому же, какъ есмя съ нимъ были въ миру напередъ того, ино гораздо вѣдомо брату нашему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, что которую нашу отчину Русскіе городы Короли Полскіе держатъ за собою неправдою, и напередъ того былъ въ миру со отцомъ нашимъ Великимъ Государемъ Иваномъ, Божіею милостію Царемъ и Государемъ всеа Русіи и Великимъ Княземъ Александръ Король; и отецъ нашъ Великій Государь Иванъ, Божіею милостію, для миру и добраго согласья, и чтобъ кровь хрестіянская межи ихъ не лилася и нежитья бы межъ ихъ не было, тѣхъ городовъ Рускіе земли

своей отчины ему тогды поступился.

Меншей говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а опослѣ того Жигимонтъ Король учинился съ нами въ докончаніѣ, и которые городы Рускіе нашу отчину также держалъ за собою неправдою, и мы ему тѣхъ городовъ своей отчины поступилися того жъ для, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой и болѣ бы того кровь хрестіянская межъ насъ не лилася и нежитья бы межъ насъ въ томъ не было. А нынѣ намъ своей отчины Русскихъ городовъ, которые Жигимонтъ Король и нынѣ держитъ за собою неправдою, про что поступитися?

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а что есте намъ говорили о томъ, чтобъ намъ то отложити, которые намъ неисправленіа отъ Жигимонта Короля състалися, и мы для брата своего Максимиіана, избранного Цесаря Римскаго и навышшаго Короля, прошенья и для того, чтобъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ былъ миръ и покой, и кровъ бы хрестіанская болѣ того не лилась,— которые намъ неисправленіа отъ Жигимонта Короля състалися, и мы то оставливаемъ. А что которые неправые дѣла учинилися сестрѣ нашей Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и Жигимонтъ бы Король о сестрѣ нашей, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ намъ направилъ.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: а для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, прошеніе съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвы хотимъ, какъ будетъ пригоже.

И какъ рѣчи бояре посломъ изговорили, и послы говорили: уразумѣли есмя отъ васъ отъ бояръ, что есте намъ отъ Великого Государя говорили въ отвѣтѣ. А три есмя вещи въ томъ отвѣтѣ гораздо уразумѣли: о послѣхъ, чтобъ Жигимонтъ Король послалъ къ Великому Государю своихъ пословъ; да о городѣхъ; да о неисправленьѣ сестрѣ Великого Госу аря, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ. И о тѣхъ дѣлѣхъ о всѣхъ Государь нашъ Максимьянъ уразумѣлъ гораздо отъ Жигимонта; и прислалъ къ Великому Государю насъ съ Великимъ моленіемъ, просячи его, чтобы ему съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись по тому жъ, какъ межъ ихъ съ Жигимонтомъ Королемъ былъ миръ напередъ того, для того что Салимъ Шахъ, Салтанъ Турецкій, хочетъ наступити и разрушити Государства хрестіанскіе.

И бояре съ ними туто поговорили въ розговоръ, чего для Великому Государю поступитися Жигимонту Королю своей отчины Рускихъ городовъ, которые городы Короли Полскіе держатъ за собою неправдою. Да говорили туто много рѣчей.

И послы Максимьяновы говорили о томъ много, чтобы Князь Великій съ Жигимонтомъ Королемъ взялъ миръ по тому жъ, какъ былъ съ нимъ напередъ того въ миру.

И бояре шедъ, то сказали Великому Князю.

И Князь Великій къ нимъ выслалъ бояръ же; и бояре имъ говорили: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и

Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и напередъ того есмя къ брату къ своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, съ его и съ своими послы приказывали, что для его, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвки хотимъ, какъ будетъ пригожъ; и вы нынѣ говорили нашимъ бояромъ, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ быти въ миру по тому же, какъ мы съ нимъ были въ миру напередъ того. Ино, межъ насъ съ Жигимонтовымъ Королемъ такъ докончанію быти не пригоже, какъ съ нами Жигимонтъ Король былъ въ докончаньѣ напередъ того. А для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвки хотимъ, какъ будетъ пригоже.

И послы говорили: уразумѣлъ то Государь нашъ Максимьянъ, изранный Цесарь Римскій и навышшій Король, ещо отъ своего посла отъ Жигимонта, что Великій Государь хочетъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру, какъ будетъ пригожъ: ино что пригожство? И Великій бы Государь изъявилъ намъ то, какъ межъ ихъ съ Жигимонтомъ Королемъ пригожъ миру быти, что пригожство?

И бояре шедъ, то сказали Великому Князю.

И Князь Великій, по ихъ прошенью, что они того попросили, какъ Великій Государь хочетъ съ Королемъ миру, отказалъ имъ своими бояры, а велѣлъ имъ молвити: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: что есте говорили нашимъ бояромъ, какъ межь насъ съ Жигимонтомъ Королемъ пригоже миру быти, и мы для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и Навышшего Короля, прошенія, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой и кровь бы хрестіянская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвки хотимъ, какъ будетъ пригожъ. А что которые неправые дѣла учинилися сѣстрѣ нашей, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и о нашей отчинѣ о Рускихъ городѣхъ, о Кіевѣ и о иныхъ городѣхъ, которые Жигимонтъ Король и нынѣ дръжитъ за собою неправдою и по се время, и коли у насъ будутъ отъ Жигимонта Короля его послы, и о томъ тогды могутъ рѣчи быти.

И послы противъ сего отвѣта говорили: уразумѣли есмя отвѣтъ Великого Государя вами, его бояры, первой и нынѣшней, и безъ писанья наша мысль тѣхъ рѣчей не обыметъ. И просимъ вашіе напясности, чтобы есте намъ тѣ рѣчи въ писаньѣ дали, мы тѣ рѣчи уразумѣемъ и пространнѣе будемъ съ вами говорити.

И бояре имъ говорили: діякъ Государя нашего къ вамъ списокъ пошлетъ. Да пришедъ, сказали Великому Князю, что они списковъ просятъ.

И Князь Великій велѣлъ имъ ѣхати на подворіе, а списокъ отвѣтной Князь Великій велѣлъ имъ написати, и написали одинъ списокъ Русскимъ письмомъ, а другой по Латынски, да и послали къ нимъ съ толмачемъ съ Истомою съ Малымъ.

И какъ списки Истома привезъ ко Френчюшку, и Френчюшко ихъ прочелъ, да молвилъ: которые рѣчи намъ говорили Великого Государя бояре, то Великого Государя діякъ и въ писаньѣ къ намъ прислалъ; и

что бояре говорили и въ писаньѣ написано,—пришлетъ къ намъ Король своихъ пословъ, и мы съ нимъ миру хотимъ, какъ будетъ пригожъ, и мы о томъ бояромъ говорили, что то пригожство,—чтобъ намъ то изъявили, какъ Великій Государь съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ миру? Да приказали къ Меншому съ Истомою, чтобъ донесъ до Государя, чтобы Великій Государь велѣлъ у себя быти.

И Князь Великій, по ихъ приказу какъ они просилися на дворъ, послалъ къ нимъ на подворіе, вспросити ихъ о томъ, что за ними иные рѣчи есть ли или нѣтъ? А послалъ къ нимъ Ѳеодора Карпова, Шигону Поджегина, Ивана Телешева, Меншого Путятина, Трифана Ильина.

И Ѳедоръ имъ говорилъ: приказали есте съ толмачемъ со Государскимъ съ Истомою съ Малымъ къ діаку къ Государскому къ Григорью, чтобъ онъ донесъ до Государя, чтобъ Великій Государь велѣлъ вамъ быти у себя; и Великій Государь послалъ къ вамъ насъ, да межъ себя сказалися: Ѳеодоръ Шигону сказалъ, а Шигона Ѳедора сказалъ, и которые будутъ у васъ рѣчи, и вы намъ говорите, и мы Великому Государю скажемъ.

И Антоней рѣчь говорилъ по списку, да и запись далъ; и въ записи писано тоже, что рѣчью говорилъ, чтобы Князь Великій покрѣпилъ старого докончанія.

А се запись: величайшіи отцы! именемъ Наияснѣйшаго и Великого Началника вашего рѣчью нашимъ рѣчемъ о миру данъ отвѣтъ, которой также отвѣтъ, по нашему прошенью, имѣли есмя отъ вашего господства въ писаньѣ, и вмѣстѣ имѣли есмя предложеніа та, котораа намъ говорили Величества вашего по хотѣнью и волѣ Наияснѣйшаго Началника, коа вся за малость смысла нашего просмотрили есмя и прочли есмя: и послѣ то, что временемъ дали есмя по приказу нашему, также и нынѣ рѣчью и писаньемъ господству вашему даемъ: что Максимиліанъ, Божіею милостью, избранный Римскій Цесарь всегда августъ, братъ дражайшій Наияснѣшаго Началника вашего, уразумѣвъ истинну и извѣдавъ отъ господина Жигимонта Гербенстеня, Величества Его Цесарского совѣтника и посла, которой дѣлалъ при Наияснѣйшемъ Началникѣ вашемъ въ прошедшіе дни о несогласіи и разньствіи межъ наияснѣйшаго Начальника вашего и Наияснѣйшаго Короля Полскаго; и расмотривъ дѣло общее хрестьянское, кое въ сіе время Турки злые, хрестьанскаго имени врази, наступити и разорити грозятся, надѣася; того ради, братцкою особною любовію, коею Наияснѣйшему Началнику вашему пріестъ, насъ къ его Наиясности послалъ, чтобы намъ съ нимъ миръ дѣлати по обычаю докончаней, которые перъвое были учинены межъ Наиясности твоей и Наияснѣйшаго Короля Полского; и толко нѣчто поновлено будетъ, въ то время прошедшее на перъвое да възвратися; надѣется его Цесарское Величество, что таковъ миръ безъ нѣкоторые тягости Наиясность Его потвердитъ, помысливъ христіанского духовенства бѣды и воспомяновенья и прошенья Цесарсаго Величества, и занеже напередъ сего Его Наиясность таковъ миръ укрѣпилъ. Ино господьство ваше намъ, именемъ Наияснѣйшаго Начальника, говорите: толко Жигимонтъ Король похочетъ миру, и онъ пошлетъ своихъ пословъ, и тогды о миру будутъ рѣчи

отвѣчиваемъ, какъ отвѣчивали есмя: то не наше, что преступити приказъ нашъ, но чтобы намъ тотъ миръ съ Наясностію Его дѣлати; и нѣчто то возмолвится, чтобы правда Наяснѣйшаго Начальника не оставлена была, и мы нынѣ себя подаемъ Наясности Его, коли увѣдаемъ нѣкоторое извѣщеніе о миру, по волѣ Цесарского Величества подадимъ трудъ, что послы того Короля пріѣдутъ къ Наясности Его, просячи мира. А о разрушеніи докончаней не наше есть въ томъ дѣлѣ разсужати, также не наше разсужати о неисправленіяхъ, которые изъявляютъ господьство ваше учиненые Наяснѣйшей Королевѣ, сестрѣ Наясности Его, отъ Наяснѣйшаго Короля Полского, ни пакъ о земляхъ и о мѣстѣхъ, которые дрьжитъ Король Полской, пристоящая Наясности Его; но толко наше есть, величайшіе отцы, предлагати миръ Наяснѣйшему Начальнику вашему, какъ говорили есмя, которой извѣстно дрьжалъ Величество Его Цесарское; что Наясность Его для Бога и общего дѣла христіанского, и для Цесарскаго Величества направити будетъ, занежъ напередъ того Наясность его тотъ миръ направилъ по прошенью того Короля Полского, отъ коего такіе, которые нынѣ приводитъ господство ваше, състалися неисправленья и жалобы. Ино, величайшіе отцы, коли Его Наясность тогды своею добротою и милостію былъ доволенъ, все иное оставя, съ тѣмъ Королемъ похотѣлъ утвердити миръ,-коль напаче нынѣ надобѣ ему на тотъ миръ пріяти въ славу Божію и на плъзу и защищеніе общего дѣла христіанского, и по прошенію Максиміліана Цесаря, обоихъ дражайшаго брата; занеже, что возмолвятъ христіанскіе Начальники, коли уразумѣютъ, что напередъ того Его Наясность учинилъ миръ съ Наяснѣйшимъ Королемъ, оставя такіе неисправленіа и обиды, а нынѣ не хочетъ того самого имѣти миру, належащей толицеіі тяжцей нужѣ христіанского духовенства, кое въ толикой явной бѣдѣ лежитъ? Сія малая да изволитъ величество ваше Наяснѣйшему и Великому Начальнику изъявити, и насъ извѣстныхъ учинити о волѣ Наясности Его; а насъ бы себѣ не въ досаду имѣлъ, занежъ, какъ пригоже, что въ приказѣ имѣемъ, тому и послѣдуемъ.

И Өедоръ съ товарищи то отговаривали: вчера отъ нашего Государя вамъ на тѣ рѣчи отвѣтъ былъ, что Государю нашему съ Жигимонтомъ Королемъ по тому въ докончанiѣ быти не пригоже, какъ былъ съ нимъ въ докончаніѣ напередъ сего. А пришлетъ къ Великому Князю Жигимонтъ Король своихъ пословъ, и которые дѣла състалися сестрѣ Государя нашего, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и о тѣхъ городѣхъ о его отчинѣ, которые Жигимонтъ Король держитъ за собою не правдою, могутъ тогды рѣчи бытп.

И послы говорили: мы болши того отъ своего Государя наказу не имѣемъ, толко съ нами Государь нашъ и наказалъ, что покрѣпити стараго докончаніа, а иного съ нами наказу нѣтъ никоторого. Да говорили о томъ промежъ себя рѣчей много.

И Өедоръ съ товарищи говорили: панове! вы говорите, что вамъ старого докончанія потвердити, а посломъ Литовскимъ здѣсь не быти; ино какъ вамъ промежъ Государей докончаніе заключити безъ Литовскихъ пословъ? А вы обычая не вѣдаете, которые и малые титлы

въ докончаніе пишутся. И послы говорили: вѣдомы намъ Государя вашего докончанія всѣ съ Литовскими Короли, каково было докончанье Великому Государю Василью съ Казимиромъ Королемъ, и Великому Государю Ивану съ Александромъ Королемъ, а Великому Государю Василью съ Жигимонтомъ Королемъ, гораздо вѣдомо. И что будетъ послѣ докончаніа Жигимонтъ Король взялъ у Великаго Государя, и Великій Государь прикажетъ къ брату къ своему къ Максимьяну, и Максимьянъ его наведетъ на то, что то Жигимонтъ Король Великому Государю отдастъ, также бы и обратно.

И Өедоръ съ товарищи спросили ихъ о томъ: что есте намъ, панове, молвити, также и обратно? И послы говорили: а что будетъ Великій Государь взялъ у Жигимонта Короля послѣ того докончанія, и онъ бы то Жигимонту Королю отдалъ.

И Өедоръ съ товарищи говорили: Жигимонтъ Король какъ Государю нашему изъ докончаніа выступилъ, и Государь нашъ на него подвигнулся оружіемъ, и съ Божіею волею своеі отчины иныхъ городовъ досталъ, и тое своей отчины нашему Государю, Королю Жигимонту никакъ не отдати. А и напередъ того отъ Великого Государя, брата Государя нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, послу Жигимонту въ отвѣтѣ говорили, что ему своей отчины, которые онъ съ Божіею волею досталъ, Жигимонту Королю никакъ не отдати; а которые неправые дѣла състалисъ сестрѣ Государя нашего, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и о городѣхъ, которые Жигимонтъ Король держитъ за собою неправдою, и коли будутъ послы у Государя нашего отъ Жигимонта Короля, и о томъ могутъ рѣчи быти.

И послы спросили Өедора съ товарищи: отъ Государя ли намъ то говорите, или отъ себя?

И Өедоръ съ товарищи говорили: то мы вамъ говоримъ отъ себя потому, что мы то отъ Государя своего уразумѣли, да и потому говоримъ, что Государь нашъ Жигимонту Герберстеню велѣлъ въ отвѣтѣ говорити.

И послы говорили: донесите до Государя, чтобы намъ Великій Государь велѣлъ у себя быти; и увидимъ его Государево свѣтлое лице, и мы еще будемъ Государю рѣчи говорити.

И Өедоръ съ товарищи сказали то Великому Князю.

И Августа 3, велѣлъ Князь Великій посломъ быти на дворѣ. Посылка по нихъ на подворіе и встрѣча имъ была по тому же, какъ напередъ того. И какъ вошли въ избу, и Князь Великіі имъ велѣлъ сѣсти, и посидѣвъ мало, послы говорили Великому Князю о перемирьѣ, чтобы Князь Великій съ Жигимонтомъ Королемъ взялъ перемирье на пять лѣтъ. А что говорили, и они тому подали запись.

А се запись: были есмя, Наияснѣйшій Царь, и Государь всеа Русіи Великій Князь, совѣтники Наиясности Вашіе, и всякимъ прилежаніемъ искали есмя обычая о согласіи мира и соединеніа ввести межи Наияности Вашіе и Наияснѣйшимъ Королемъ Полскимъ, о коемъ миру толь долго прошедшимъ временемъ къ ползѣ обоихъ сторонъ тружался Наиясности вашіе братъ добрый Максимьянъ христіанскій Цесарь, Государь нашъ, а нынѣ, аки христіанская глава, коему пристоитъ попеченье имѣти о

общемъ дѣлѣ христіанскомъ, понужается непрестанно. И занже для тягостей, кои бываютъ, скорбны есмя и въ сумнѣніи, что тотъ миръ не мощно ввести, а наипачь въ кратцѣ, какъ пригоже для настоящіе нужи и дѣла, да не долгово для закоснѣнія, въ коемъ нынѣ христіанское общее дѣло прибавливается, и чтобы не безвременно Началники христіанскіе, кои нынѣ отряженіе вселенское противу Турковъ, христіанского имени вѣчныхъ враговъ, уставливаютъ съ нужею и пагубою, въ межъусобныхъ раздорѣхъ будучи, замедляютъ или зацѣпку учинятъ,-умыслили есмя областію Цесарскаго Величества, кою имѣемъ, Наяснѣсти Вашей сказати, что наивышшій архіерей со всѣми своими кардиналы и ссылкою пословъ всѣхъ Королей и Князей христіянскихъ, чтобы отложилися зацѣпки, кои для браней межъ нѣкоихъ христіанскихъ Началниковъ великіе были, уложилъ, и изъявилъ перемирья на пять лѣтъ межъ всѣхъ Королей и Князей христіанскихъ; а толко того для дѣла, чтобы отряженіе то сообщили всего Христіянства уставленными силами согласно воспріяло бы ся, къ коему, занеже аки уды христіанскіе, достойно есть и потребно Наяснѣсти Вашей и Наяснѣйшему Королю Полскому приступити и помощь дати, а не въ межеусобныхъ раздорѣхъ себя дрьжати; и того дѣля къ добру и къ ползѣ всего Хрестіянства вышереченный Римскій Цесарь всѣмъ прилежаніемъ проситъ Наяснѣсть Вашу, аки брата своего дражайшаго, чтобы нынѣ какъ тотъ миръ не сдѣлался, и толь скоро сдѣлатись не можетъ, и чтобы для такихъ межеусобныхъ раздоровъ и зацѣпокъ христіанскому общему дѣлу незгода не състалася, хотя бы нынѣ то перемиріе на пять лѣтъ, какъ отъ наивышшего архіереа ссылкою пословъ иныхъ Королей и Князей христіанскихъ уложено и изъявлено, воспріняти и крѣпко имѣти даизволитъ, коимъ временемъ и промежствомъ угоднѣе укончаются тяжкіе дѣла и миръ вѣчной ввестися возможетъ. А единъ который, иже отъ Наяснѣстей Вашихъ чѣмъ владѣетъ, то будетъ, дрьжати безъ помѣшки своея правды; а уложеніе то противу Турковъ потребное, всякіе зацѣпки отложивъ, отъ всѣхъ хрестьянского имени Королей и Князей воспріяло бы ся, къ коему и Наяснѣсть Ваша толь скорѣе готовитися можетъ, и то Вседержителю Богу будетъ пріятно, христіанскому общему дѣлу будетъ полезно, и Цесарскому Величеству угодно и велми любезно, а такому Началнику, какъ Наяснѣсти Вашей, пригожъ и всякіе хвалы достойно.

И Князь Великій велѣлъ посламъ итти въ набережную полату, да выслалъ къ нимъ бояръ; а велѣлъ имъ молвити:

Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: которые есте намъ рѣчи говорили отъ брата нашего отъ Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, и мы тѣ рѣчи выслушали и уразумѣли имъ гораздо; и отвѣтъ есмя на то вамъ чинили своими бояры, и списокъ есмя вамъ отвѣтной на тѣ рѣчи велѣли дати діаку своему; а нынѣ Государь нашъ велѣлъ вамъ ѣхати къ себѣ на подворіе. И послы поѣхали того дни на подворіе.

И Августа 8, велѣлъ Князь Великій Максимьяновымъ посломъ быти на дворѣ. И какъ ударили челомъ Великому Князю, и Князь Великій имъ

велѣлъ сѣсти. Да посидѣвъ мало, велѣлъ имъ итти въ набережную полату; да высылалъ къ нимъ съ отвѣтомъ бояръ своихъ Григорья Өедорова, Юрія Малого, Өедора Карпова, Шигону, да діаковъ Телешова, Меньшого, Трифана.

А се отвѣтъ, что говорили бояре посломъ.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: говорили есте намъ, что велѣлъ вамъ, намъ изъявити братъ нашъ Максимьянъ избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, что съ Короли и со Князми уложили межъ себя перемирье на пять лѣтъ для общаго дѣла противу хрестіанского врага, сирѣчь Турковъ.

Юрій говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и вы намъ говорили, просячи насъ отъ брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшаго Короля: нѣчто межъ насъ и Жигимонта Короля миръ вѣчной и докончаніе не взможеть състатись, и намъ бы для брата своего Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля съ Жигимонтомъ Королемъ взяти перемирье па пять лѣтъ, чтобы, какъ далъ Богъ общему христіанскому дѣлу незгода не състалася. А въ то время межъ насъ угоднѣ укончаются великіе дѣла и миръ вѣчной можетъ быти. А которой насъ, которые городы и мѣста держитъ, и намъ бы тѣ городы и мѣста по тому и держати.

Өедоръ говорилъ: Великій Государь Василей Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: ино брату нашему Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю то гораздо вѣдомо, что которыя неисправленіа великіе намъ отъ Жигимонта Короля състалися, и которые городы Русскую землю нашу отчину держитъ за собою, и братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, уразумѣлъ то, да къ намъ присылалъ своего посла и совѣтника Юріа Сницъпамера и учинился съ нами въ братствѣ и въ вѣчномъ завѣщаніѣ.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а опослѣ того братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, присылалъ къ намъ своихъ пословъ; да съ своими послы и съ посланники и съ нашими послы и съ посланники къ намъ приказывалъ, и въ грамотахъ въ своихъ писалъ къ намъ и неодинова, что пріѣзжали къ нему Угорской Король Владиславъ и Жигимонтъ Король Полскій въ его городъ въ Віену; и о всѣхъ несогласьяхъ Жигимонтъ Король положился на братѣ нашемъ Максимьянѣ, избранномъ Цесарѣ Римскомъ и навышшемъ Королѣ. А которые къ намъ неисправленьа Жигимонтовы королевы, и Жигимонтъ Король о томъ о всемъ положился на брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля. И братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король къ нимъ приказывалъ, чтобы намъ для его, брата своего, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритись. И мы были съ Жигимонтомъ Королемъ и хотѣли помиритись и

искали есмя того всячески, чтобы намъ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ въ миръ приити; и Жигимонтъ Король съ нами хочетъ миру не попригожу. А какъ межъ насъ пригожъ съ Жигомонтомъ Королемъ миру быти, и онъ такъ съ нами миру не хочетъ. И коли съ нами Жигимонтъ Король миру хочетъ не попригожу, и онъ то не хочетъ съ нами быти въ вѣчномъ миру и въ сердечной любви, и намъ было съ Жигимонтомъ Королемъ перемирья и непригожъ взяти.

Григорей говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а нынѣ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенья, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой и кровь бы хрестьянская болѣ того не лилася и Хрестьянство бы было въ тишинѣ и въ сохраненіѣ нашемъ, съ Жигимонтомъ Королемъ перемирье взяти на пять лѣтъ хотимъ, какъ будетъ пригоже.

И взмолвятъ послы бояромъ: говорили есте намъ отъ Великого Государя, что Великій Государь для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ взяти перемирье, какъ пригоже, ино что пригожство? — И бояромъ говорити:

Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ сказати: какъ перемирью пригожъ Государя нашего и Жигимонта быти: которые городы и волости, отчину свою, Государь нашъ держитъ, и которые городы и волости Жигимонтъ Король по ся мѣста держитъ, и какъ, оже дастъ Богъ, будутъ у Великаго Государя Жигимонтовы королевы послы, ино въ перемирную грамоту написати городы и волости и мѣста отчину Государя нашего, какъ вѣдаютъ по ся мѣста люди Государя нашего, и городы и волости и мѣста Жигимонтовы королевы, какъ вѣдаютъ по ся мѣста его люди; да и о управахъ, какъ управамъ быти на обѣ стороны; плѣнnымъ на обѣ стороны свобода.

А не взмолвятъ послы бояромъ: какъ Князь Великій съ Жигимонтомъ Королемъ перемирья хочетъ?—и бояромъ говорити ся же рѣчь.

И какъ бояре рѣчь изговорили Максимьяновымъ посломъ, и послы говорили: слышели есмя въ отвѣтѣ что есте намъ отъ Великого Государя говорили, что Великій Государь для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенья, которые ему Жигимонтъ Король учинилъ неисправленья, и онъ тому невсупротивствуетъ и для брата своего Максимьяна уклонился на то, что ему съ Жигимонтомъ Королемъ взяти перемиріе; но одну есмя титлу обрѣли въ томъ отвѣтѣ покровенну, что Великій Государь перемирья съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ, какъ пригожъ; ино нѣчто будетъ которая титла покровенна, а мы ее въ наказѣ отъ своего Государя не имѣемъ, а имѣемъ въ наказѣ отъ своего Государя о перемирьѣ, чтобы Великій Государь оружіе отложилъ, а что держитъ, то бы и дрьжалъ за собою, да и пословъ королевыхъ о томъ сюды не имѣемъ; а имѣемъ перемирье заключити аки сущею персоною своего Государя Максимьяна. А что есте говорили о

плѣнникѣхъ, ино того въ обычаѣ ни въ кототорыхъ странахъ нѣтъ, что взяти перемирье, а плѣнникѣмъ бы свобода; мы того въ наказѣ отъ своего Государя не имѣемъ, что намъ такъ перемирье дѣлати.

И бояре имъ говорили многіе рѣчи о послѣхъ, чтобы Король прислалъ къ Великому Государю своихъ пословъ, да и о плѣнникѣхъ говорили, что у Великого Государя королевы люди, а у Короля Великого Государя люди, ино плѣнникомъ свобода на обѣ стороны.

И Френчюшко говорилъ: намъ Государь нашъ наказалъ, чтобы Великій Государь такъ взялъ съ Королемъ перемирье, чтобъ оружіе отложити, да по тому бы перемирье взялъ, какъ мы отъ Государя своего говорили. И бояре шедъ, то сказали Великому Князю.

И Князь Великій послалъ къ нимъ бояръ же, а велѣлъ имъ молвити: какъ есмя напередъ того для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотѣли и искали есмя того всячески, чтобъ намъ съ нимъ въ миръ притти, такъ и нынѣ для брата своего Максиміана избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, и ищемъ того всячески, чтобъ намъ съ нимъ въ миръ притти. Жигимонтъ Король хочетъ съ нами миру не попригожу, какъ намъ съ нимъ въ миру быти пригожъ; и мы нынѣ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшаго Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ и перемирья хотимъ, какъ пригожъ. А какъ межъ насъ пригожъ перемирью быти, и то вамъ сказали бояре наши, а инако межъ насъ перемирью быти нелзѣ. А что говорите о отпускѣ, чтобы намъ васъ отпустити къ брату къ своему къ Максимьяну, и мы васъ къ брату своему хотимъ отпустити.

И говорилъ сидячи Антоней: то молвилъ господинъ Френчушко, чтобы ему отселѣ отъити; а чтобы намъ Великій Государь велѣлъ дати бояръ своихъ отвѣтъ писаніемъ, и мы, уразумѣвъ отвѣтъ, да прочь ли ся учнемъ просити, или инако учнемъ еще дѣлати.

И Френчушко говорилъ: мнѣ здѣсь жити не треба; какъ Великій Государь перемирья хочетъ, ино такъ перемирью състатись нелзѣ.

И Антоней говорилъ: моя мысль, что намъ самимъ отселѣ не отыти, а послати намъ о томъ пригожъ къ своему Государю, то все ему писаньемъ изъявити.

Да о томъ межъ себя порозмолвили. И бояре шедъ, то сказали Великому Князю.

И Князь Великій опять къ нимъ выслалъ бояръ, а велѣлъ имъ сказати, что имъ Князь Великій велѣлъ дати діаку своему Меншому списки отвѣтные. Да велѣлъ имъ Князь Велики ѣхать на подворье, а списки велѣлъ къ нему отвести діаку своему Меншому Путятину.

А велѣлъ ему молвити: говорили есте Великого Государя бояромъ, чтобы Великій Государь велѣлъ вамъ дати списки отвѣтные ихъ рѣчей, что они вамъ отъ Великого Государя говорили, и Великій Государь, велѣлъ вамъ дати списки; ино во се списки! И даны имъ списки тѣ, что говорили бояре Августа 8.

И Френчюшко, вземъ списки, молвилъ: съ товарищемъ съ моимъ съ Антоніемъ межь насъ несогласье.— Да помолчалъ.

И Меншей ему говорилъ: говорилъ еси Великого Государя бояромъ, что

хотите послати къ Максимьяну человѣка, и бояре Государскіе сказали тѣ ваши рѣчи Великому Государю; и похотите послати къ Максимьяну человѣка, и Великій Государь на то вамъ волю дастъ.

И Френчюшко говорилъ: то промежи насъ и несогласье съ Антоніемъ: господинъ Антоней говорилъ, чтобъ послати къ Максимьяну человѣка, а язъ хочю отселѣ самъ отъити; мнѣ ся видитъ, что не треба мнѣ здѣсь жити; а послати къ Максимьяну, а здѣсь дожидатись отъ него вѣсти, ино время кратко, а того ждати здѣсь долго, занже Государь нашъ хочетъ оружье подвигнути противу Турского, а язъ устроенъ въ воеводахъ въ кораблѣхъ итти съ людьми; да посовѣтуемъ о томъ еще съ Антоніемъ.

И Меншеій былъ у Антонья, да о спискѣхъ ему говорилъ и о посылкѣ ту же рѣчь.

И Антонеій говорилъ: несогласіе межъ насъ со Френчюшкомъ. Френчюшко хочетъ отселѣ отъити, а язъ хочю къ Максимьяну послати человѣка, да то ему писаніемъ все изъявити, что здѣсь мы говорили Великому Государю, и что намъ отъ Великого Государя бояре говорили; а нѣсть треба, что намъ, почавъ такое дѣло межъ Великихъ Государей, да отъити прочь. И мы хотимъ еще о томъ посовѣтовати со Френчюшкомъ. Да не похочетъ Френчюшко здѣсь быти, и онъ поѣди, а язъ отселѣ не отъиду, а изъявлю своему Государю Максимьяну писаніемъ. И Августа 10 былъ приставъ Θедоръ Бороздинъ у пословъ, и о томъ же дѣлѣ послы ему говорили. И что ему Френчюшко говорилъ, и Антонеій и Θедоръ далъ тому запись, руку Истомы Малого толмача.

А се запись, какъ пріѣхалъ Θедоръ ко Френчюшку, и Френчюшко говорилъ: привезлъ ко мнѣ списокъ діакъ Государя вашего, а въ спискѣ писано тожъ, что бояре Государя вашего которые рѣчи намъ говорили; и я съ спискомъ ходилъ къ Антонію, и мысль моя то, что толко мнѣ здѣсѣ быти, ино дѣло безъ плода будетъ. И язъ хочю ѣхати къ своему Государю къ Цесарю, и хочю Государю своему изъявляти и дѣлати хочю, что будетъ ко чти и угодью Государя вашего. А что о дву дѣлѣхъ написано, и язъ чаю, что и тѣ два дѣла погладятся. А ѣдучи хочю совѣтовати Королю Полскому ко угодью Государя вашего. А похочетъ Государь вашъ со мною послати къ своему брату къ Цесарю своего человѣка, и язъ его возму на свои руки, и хочю его дрьжати и честовати, такъ какъ самъ себѣ люблю. А какъ, ожъ дастъ Богъ, будетъ тотъ человѣкъ у Государя нашего, и онъ услышитъ и увидитъ трудъ мой и дѣло мое, какъ стану дѣлати ко чти и угодью Государя вашего. А толко намъ послати писанье ко Государю своему отсѣлева, и то писанье пошлютъ къ папѣ и къ инымъ Государемъ, ино учнутъ разно говорити на наибольшой раздоръ, а не на сосласье, и Государь бы пожаловалъ меня, отпустилъ. А Антонеій говорилъ: былъ у меня Френчюшко и говорили есмя; ино Френчюшкова мысль, хочетъ ѣхати, а язъ ему говорилъ, чтобы намъ здѣсе быти, а къ Государю написати. И онъ мнѣ говорилъ: ты хочешь переставити Государской приказъ, а хочешь здѣсѣ остатись для своее немочи. И язъ ему отвѣчалъ: язъ приказу Государева не переставливаю, занже намъ не приказано, чтобы намъ ѣхати или здѣсе жити, не сдѣлавъ дѣла; а занже, во всякихъ дѣлѣхъ встаают

новые рѣчи, ино и совѣтъ надобѣ новой. И нынѣ нѣчто Государь мнѣ молвитъ: поѣди, и язъ ѣду, а собою не хочю ѣхати. А велитъ мнѣ Государь ѣхати, и язъ первое хочю предъ совѣтники государскими говорити Френчюшку, да и Янъ туто жъ будетъ, что язъ не хотѣлъ ѣхати; а Государь бы пожаловалъ, написалъ же къ Цесарю, что язъ не хотѣлъ ѣхати, а хотѣлъ писанье послати.

И Князь Великій послалъ къ посломъ на подворіе того жъ дни Θедора Карпова, Шигону, да діаковъ Телешова, Меншого, Трифана. А говорили нарознь.

Первое Френчюшку говорили: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: говорили есте нашему сыну боярскому Θедору Борисову, толко тебѣ Френчюшку здѣсь быти, ино дѣло безъ плода будетъ; и ты хочешь ѣхати къ своему Государю и хочешь дѣла изъявляти своему Государю. А что о двух дѣлѣхъ написано въ отвѣтѣ, и ты чаешь, что и тѣ дѣла погладятся; да и съ Королемъ, ѣдучи, о томъ хочешь говорити. А въ приказѣ у васъ того нѣтъ отъ вашего Государя, чтобъ вамъ съ нимъ обослатись, или бъ вамъ здѣсь быти, а приказано вамъ, дѣло сдѣлавъ, ѣхати. Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ говорити: и похотите у насъ быти, а къ брату къ нашему похотите послати человѣка, и вы пошлите; а мы васъ съ любовію у себя держимъ. А похочетъ (изъ) васъ которой ѣхати, и онъ поѣди; а другой похочетъ остатись у насъ, и мы также у себя его держимъ, то на вашей волѣ.

И Френчюшко говорилъ: насъ Государь нашъ послалъ, а приказалъ намъ дѣлати о миру межъ Великого Государя и Жигимонта Короля по тому, какъ напередъ того межъ Великого Государя и Жигимонта Короля миръ былъ. А нѣчто миръ не състанется, и онъ велѣлъ говорити о перемирьѣ, чтобы оружье отложити. А что городъ Смоленескъ взялъ Великій Государь, и Великій бы Государь тотъ городъ держалъ за собою. И Великій Государь перемирье хочетъ взяти съ Жигимонтомъ Королемъ, да написалъ двѣ титлы о плѣнникѣхъ, да о послѣхъ. А язъ ѣдучи былъ у Жигимонта Короля, и слышелъ есми то гораздо у него, что безъ отданья Смоленска миръ вѣчной межъ ихъ не можетъ състатись, а въ перемирье плѣннымъ свободы дати не хочетъ, и пословъ своихъ Великому Государю слати не хочетъ, и мнѣ не треба здѣсь жити; а Антоней хочетъ остатись того дѣля, что недомогаетъ, а не дѣла для.

И бояре ему говорили: Государь нашъ далъ то на твоей волѣ: похочешь ѣхати къ своему Государю, и ты поѣди; а не похочешь ѣхати, и ты не ѣзди; то на твоей волѣ.—

И Френчюшко то говорилъ и неодинова, что ему не треба быти здѣсь, и бояре ему давали на его волѣ.

И Френчюшко говорилъ: будетъ пакъ треба въ томъ Великому Государю, что мнѣ здѣсь быти, ино то на Государской волѣ: велитъ мнѣ Государь ѣхати, и язъ ѣду; а не велитъ ѣхати, и язъ не ѣду.

И Θедоръ съ товарищи былъ у Антонія, да Антонію говорили тѣ жъ рѣчи: похотятъ оба остатись, а къ Максимьяну похотятъ послати человѣка, и Государь ихъ съ любовію держитъ у себя; а похочетъ одинъ остатись здѣсь, а другой похочетъ

ѣхати къ Максимьяну, ино то на ихъ волѣ, одинъ поѣди къ Максимьяну, а другой останется здѣсь, и Государь нашъ также держитъ у себя съ любовію;—то на ихъ волѣ.

И Антоней говорилъ: господинъ Френчюшко говорилъ, что ему не треба здѣсь жити, занже въ дѣлѣ плоду не чаетъ; а мнѣ видится, что намъ здѣсь треба быти, а Максимьяну дѣла писаніемъ изъявити,—и онъ намъ науку дастъ; и похочетъ здѣсь быти Френчюшко, ино велми добро, а не похочетъ здѣсь быти Френчюшко, и онъ поѣди къ нашему Государю къ Максимьяну, а язъ останусь здѣсь, а къ своему Государю о всѣхъ дѣлѣхъ писаньемъ изъявлю. А треба, чтобы намъ обѣма здѣсь быти. — Да попыталъ бояръ: были вы у Френчюшка, и Френчюшко вамъ что отвѣчалъ?

И бояре ему сказали, что Френчюшко кладется на Государской волѣ.—

И Антоней * говорилъ: не моя рѣчь, не смѣю говорити, чтобы Великій Государь Френчюшку не давалъ тое воли, что отселѣ отъитти, а дѣлу прибыточнѣе то, чтобы мы были оба вмѣстѣ.—

И Ѳедоръ съ товарищи, пріѣхавъ, то сказали Великому Князю.

И Августа 11, послалъ Князь Великій къ посломъ Ѳедора жъ Карпова съ товарищи, а велѣлъ посломъ соитись въ одно мѣсто, а велѣлъ имъ говорити: Френчюшко! говорилъ еси намъ вчера, что не треба тебѣ здѣсь быти, занже въ дѣлѣ плоду не имѣешь, и ты хочешь отселѣ отъитти; или какъ Государь тебѣ повелитъ, кладешся на государьской волѣ. А ты Антоней говорилъ намъ вчера, что тебѣ не треба отселѣ отъитти, а хочешь быти у нашего Государя,— а о дѣлѣхъ хочешь пространее писаніемъ изъявити къ своему Государю, къ Максимьяну. Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и похочешь Френчюшко, и ты у насъ съ Антоніемъ вмѣстѣ быти, а къ брату нашему Максимьяну послати человѣка,—и мы васъ съ любовію у себя держимъ; а похочешь ѣхати,—ино то на твоей волѣ; а мы тебя, Антоней, здѣсь съ любовію оставливаемъ.

И Антоней говорилъ: пригожъ здѣсь быти и Френчюшку. И Френчюшко молвилъ: не треба мнѣ здѣсь быти того дѣля, что неплодно дѣло.— И Антоней говорилъ: плодно дѣло, и будетъ дѣло. Да бояромъ говорилъ Антоней: остаться Френчюшку здѣсь, а посылаемъ къ своему Государю къ Максимиліяну Яна Фантурна. — И Френчюшко говорилъ прежніе рѣчи, какъ прежъ того говорили, какъ имъ велѣно дѣлати о докончанiѣ и о перемирьѣ. Да говорили о томъ многіе рѣчи.

А бояре ему о томъ отговаривали по первымъ отвѣтомъ и иными рѣчьми, что докончанію такъ быти не пригоже, какъ былъ Жигимонтъ съ Великимъ Государемъ въ докончанiѣ, а перемирью безъ плѣнниковъ и безъословъ быти нелзѣ. Да говорили ему Ѳедоръ съ товарищи: Френчюшко! скажи намъ, что намъ Государю сказати,—ѣхати ли хочешь, или здѣсь хочешь быти?

И Френчушко говорилъ: остануся здѣсь съ Антоніемъ, а посылаемъ къ своему Государю къ Максимьяну Яна Фантурна.—Да учалъ говорити Антоней, вынемши запись: уразумѣли есмя въ болшемъ отвѣтѣ вами бояры Великого Государя нѣкоторые закрытые строки, и Государь бы

* Въ подлинникѣ: «Онтой».

намъ велѣлъ тѣ строки изъявити, чтобы намъ знатно было писати къ своему Государю; а Государю бы нашему то знатно было, на что ему наводити Жигимонта Короля. А строки закрытые, то написано въ отвѣтѣ: какъ будутъ у Великого Государя королевы послы,—ино о городѣхъ и о неисправленіѣ Королевы и Великіе Княгини Олены могутъ рѣчи быти; ино что могутъ рѣчи быти?—

И Өедоръ съ товарищи ему говорили: которые рѣчи въ отвѣтѣ вамъ Государскіе бояре говорили и тѣ вамъ рѣчи гораздо лзѣ разумѣти. Да пріѣхавъ Өедоръ съ товарищи, сказали то Великому Князю. И Августа 12 послалъ Князь Великій къ посломъ Өедора жъ съ товарищи и говорили имъ рѣчь по записи.

А се запись, говорили Великого Государя бояре Максимьяновымъ посломъ: Френчюшко, Антоней! говорили есте намъ вчера, что посылаете къ брату Великого Государя нашего Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, Яна Фантурна пространее ему писанье дѣла изъявити, и намъ бы до Великого Государя донести, чтобъ Великій Государь велѣлъ вамъ изъявити закрытые строки, что вамъ говорили въ болшемъ отвѣтѣ о докончаніѣ Великого Государя Василья, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, бояре: какъ будутъ у Великого Государя Жигимонтовы королевы послы, и что которые неправые дѣла учинилися сестрѣ Государя нашего, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и о отчинѣ Государя нашего о Рускихъ городѣхъ, о Кіевѣ и о иныхъ городѣхъ, которые Жигимонтъ Король и нынѣ держитъ за собою и по се время, и о томъ тогды рѣчи могутъ быти. Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и которые вы намъ рѣчи отъ брата нашего отъ Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, о миру съ Жигимонтомъ Королемъ говорили, и мы тѣ рѣчи у васъ выслушали и уразумѣли ихъ гораздо, и отвѣтъ есмя вамъ противъ тѣхъ рѣчей учинили своими бояры, да и списки есмя тѣмъ отвѣтомъ велѣли вамъ дати діякомъ своимъ; и какъ мы вамъ отказали своими бояры, и вамъ по тому нашему отвѣту лзѣ гораздо разумѣти.

Да бояре же говорили: панове Френчюшко и Антоней! которые иные неисправленіа, опричь сестры Государя нашего, Королевы и Великіе Княгини Олены, Великому Государю Василью, Божіею милостію Царю и Государю и Великому Князю отъ Жигимонта Короля състались, и тѣ неисправленьа брату Государя нашего Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю гораздо вѣдомы. И нынѣ Великій Государь для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля прошенья, тѣ неисправленіа, которыя Великому Государю отъ Жигимонта Короля състались, оставливаетъ; а о тѣхъ строкахъ, что могутъ рѣчи быти, и коли будутъ у Великого Государя Жигимонтовы королевы послы и учнутъ говорити королевы послы съ Великого Государя бояры о миру и о докончаніѣ, какъ межъ Государя нашего и Жигимонта Короля любви и докончанію быти, и которые городы и волости отчина Государя нашего и нынѣ за Государемъ нашимъ, и которую свою отчину съ Божьею волею

городъ Смоленескъ Государь нашъ досталъ, и тѣ городы и волости Государя нашего отчина написати въ докончалную грамоту, во Государя нашего сторону, и отчину Государя нашего городъ Смоленескъ и землю Смоленскую написати во Государя же нашего сторону; а которые городы и волости Жигимонтовы королевы, и тѣ городы и волости написати въ докончалную грамоту въ королеву сторону; а которые городы Государя нашего отчину Русскую землю Жигимонтъ Король и нынѣ дрьжитъ и по се время за собою, и которые неправые дѣла учинились сестрѣ Государя нашего, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и коли будутъ у Государя нашего Жигимонтовы королевы послы, и учнутъ говорити съ Великого Государя бояры о любви и о докончанiѣ, какъ межъ Великого Государя и Жигимонта Короля быти любви и докончанiю, Государь нашъ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля прошенья, и для того, чтобъ межъ ихъ былъ миръ и покой, и кровь бы хрестiанская болѣ того не лилась, какъ будетъ пригоже, Жигимонту Королю поступится; а какъ будетъ пригожъ, ино Жигимонтъ Король Государю нашему попаравитъ. А о плѣнникѣхъ сами есте съ нами говорили, какъ есть межъ Государей и Государствъ обычаи, какъ промежъ Государей миръ състанется, и плѣнникомъ тогды свобода на обѣ стороны.

А что есте говорили о перемирьѣ, и Государь нашъ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля прошенiа, и для того чтобы межъ ихъ былъ миръ и покой, и кровь бы хрестiянская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ перемирья на пять лѣтъ хочетъ. А какъ, ожъ дастъ Богъ, будутъ у Великого Государя Жигимонтовы королевы послы, ино въ перемирную грамоту написати городы и волости и мѣста отчину Государя нашего, какъ вѣдаютъ по ся мѣста люди Государя нашего, и городы и волости и мѣста Жигимонтовы королевы, какъ вѣдаютъ по ся мѣста его люди; да и о управахъ, какъ управамъ быти на обѣ стороны; а плѣннымъ на обѣ стороны свобода.

И послы говорили: мы говорили, чтобъ намъ Государь изъявилъ прямо, какъ хочетъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру, и Государь намъ велѣлъ тожъ сказати, что въ болшемъ отвѣтѣ писано; и то намъ не знатно, какъ Великiи Государь съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ миру, и о сестрѣ о своей, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ; и тому что конецъ, чего Великiй Государь хочетъ, городовъ ли, и за безчестiе—золота ли, или серебра?—чтобъ намъ было, что имянно отписати къ Максимьяну, какъ Великiи Государь хочетъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру?

И бояре посломъ говорили: которые неисправленьа Жигимонтовы королевы Великому Государю състались, и Государь нашъ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, тѣ неисправленiа Жигимонту Королю оставливаетъ; а которую свою отчину городъ Смоленескъ Государь нашъ досталъ, и ту свою отчину Государь нашъ и держитъ за собою; а о иныхъ городѣхъ, которые Рускiе городы держитъ за собою Жигимонтъ Король по се время, и о неисправленьяхъ сестрѣ Государя нашего, и коли будутъ

у Великого Государя королевы послы, и что будетъ по пригожу, и Государь нашъ Жигимонту Королю поступится. А что по пригожу, ино Жигимонтъ Государю нашему понаправитъ.—Да говорили о томъ много спорныхъ рѣчей, и бояре у нихъ отговаривали, и послы говорили, чтобы Великій Государь велѣлъ имъ изъявити, какъ съ Жигимонтомъ Королемъ хочетъ миру? Говоритъ Государь, чтобъ городъ Смоленескъ написати въ его сторону, и мы о томъ и не говоримъ; а о иныхъ Русскихъ городѣхъ и о неисправленіяхъ, какъ Государь миру хочетъ, чтобъ намъ про то вѣдомо было, и мы такъ къ своему Государю напишемъ.—Да поговоривъ о томъ, да попытали: есть ли у васъ тѣмъ рѣчемъ списокъ?

И бояре имъ говорили: безъ записи есмя говорили.—Да пріѣхавъ, то сказали Великому Князю.

И Августа 13, послалъ Князь Великій къ Максимьяновымъ посломъ Шигону Поджегина, да діаковъ Меншика Путятину, да Трифана, а велѣлъ имъ молвити: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: еще вы къ намъ отъ брата отъ нашего не пріѣхали, а мы велѣли итти въ своего недруга Жигимонта Короля въ Литовскую землю княземъ и воеводамъ своимъ многимъ, со многими людми. И нынѣ вы отпущаете къ брату къ нашему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю Яна Фантурна; и нѣчто гдѣ въ Литовской землѣ Янъ съ нашими людми съѣдутся, и Государь нашъ, берегучи брата своего дѣла и своего, даетъ Яну свою грамоту;—нѣчто гдѣ Янъ съѣдется со Государя нашего людми, и они бы ему нечти никоторые не учинили.

И послы говорили: мы о томъ Великому Государю велико благодаренье воздаемъ, что для брата своего Максимьяна насъ жалуетъ. А намъ было Государю о томъ самимъ бити челомъ, чтобы Государь пожаловалъ, Яномъ промыслилъ, какъ ему проѣхати отъ его людей, а коли Государь насъ самъ такъ жалуетъ,—и мы о томъ Государю велико благодаренье воздаемъ.

И Меншоіі имъ говорилъ: которые вамъ рѣчи вчера Великого Государя бояре говорили, и вы у нихъ вчера попытали записи тѣмъ рѣчемъ, ино у нихъ записи не было. А нынѣ во се тѣмъ рѣчемъ запись!—А дана имъ запись, что имъ Ѳедоръ и Шигона говорили, Августа 12.

И Френчюшко и Антоней, прочетши запись, да говорили: велми добро; чего есмя у Государя просили, и онъ намъ то изъявилъ. И мы то къ своему Государю напишемъ.

Да говорили Френчюшко и Антоней: Янъ у нашего Государя дворянинъ, а пріѣхалъ къ Великому Государю съ нами вмѣстѣ. А привезъ къ Великому Государю опришенную грамоту отъ брата Великого Государя отъ Максиміяна; и Государь бы пожаловалъ, велѣлъ Яну очи свои видѣти, да его къ нашему Государю отпустилъ; а что будетъ ему надобѣ и словомъ къ брату своему наказати, и онъ накажетъ.

И Шигона то сказалъ Великому Князю.

И Августа 15, велѣлъ Князь Великій посломъ быти на дворѣ, да и Яну съ ними, и какъ послы пришли къ Великому Князю, и Князь Великій имъ молвилъ: Френчюшко, Антоней! отпущаете къ брату нашему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю Яна

Фантурна, и мы съ Яномъ хотимъ къ брату къ своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, приказати поздравленіе. Да посидѣвъ мало, Князь Великій всталъ съ своего мѣста, да молвилъ: Янъ! брату нашему Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, скажи отъ насъ поздравленіе. Да того дни Князь Великій Яна и отпустилъ. А грамоту ему Князь Великій велѣлъ дати діаку своему Меншику Путятину передъ послы, какъ вышли послы отъ Великаго Князя, ко княземъ и воеводамъ и къ дѣтемъ боярскимъ и ко всѣмъ служилымъ людемъ, чтобъ Яна не замали ничѣмъ. И поѣхалъ Янъ съ Москвы Августа 16, въ понедѣльникъ.

А се грамота къ воеводамъ и ко княземъ: отъ Великаго Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великаго Князя Владимерскаго, Московского, Новгородцкаго, Псковского Смоленского, Тферского, Пермьского, Вятского, Болгарского и иныхъ, и Государя всеа Русіи, и Великого Князя Новагорода Низовской земли, и Черниговского, и Резанскаго, и Волотцкого, и Ржевского, и Бѣлского, и Ростовского, и Ярославского, и Бѣлозерского, и Удорского, и Обдорского, и Кондинского, и иныхъ, княземъ и воеводамъ нашимъ, и нашимъ дѣтемъ боярскимъ и нашихъ князей и воеводъ и дѣтей боярскихъ слугамъ, и всѣмъ нашимъ ратнымъ * людемъ, которые наши люди въ нашего недруга въ Литовской землѣ. Прислалъ къ намъ братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король своихъ пословъ Френчюшка де Колла, да Антоніа отъ Комитъ. И нынѣ просили насъ брата нашего послы, чтобы намъ ослободити имъ отпустити къ брату своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, его человѣка Яна Фантурна; и мы имъ ослободили отпустити Яна, и нѣчто, гдѣ съ вѣдется Янъ съ вами, съ нашими князьми и воеводами и съ дѣтми съ боярскими и со всѣми ратными людми, которые нынѣ въ нашего недруга въ Литовской землѣ, ино бы Яну и его людемъ, и которые люди съ нимъ ни поѣдутъ, отъ васъ нечти и силы ни грабежу никоторого не было, и отпустили бы есте его безо всякіе зацѣпки; а которой лихой человѣкъ Яну и его людемъ и тѣмъ людемъ, которые съ нимъ поѣдутъ, какову силу и нечесть и грабежъ учинятъ, и тому отъ меня быти кажневу конечною казнью. Писанъ въ нашемъ Государствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, Лѣта 7026 Августа 15 день.

А въ приставѣхъ съ нимъ послалъ Князь Великій до Смоленска Елку Сергѣева. А изъ Смоленска велѣлъ его Князь Великій проводити до Дубровны Олешкѣ Ситцкому, а съ нимъ двѣстѣ головъ дѣтей боярскихъ, а въ приставѣхъ велѣлъ съ нимъ ѣхати Князь Великій изъ Смоленска до Дубровны Ивашку Прокудину. А какъ его проводилъ, и Князь Великій велѣлъ Ивашку Прокудину къ себѣ ѣхати.

И Ивашко Прокудинъ пріѣхавъ, сказалъ Великому Князю, что Яна Литовскіе люди взяли у Олешки у Ситцкого, въ Дубровнѣ.

* Въ подлинникѣ: «разнымъ».

7027—1519.

Лѣта 7027, Сентября 21, пріѣхалъ къ Максимиліановымъ посломъ отъ Максимиліана посланникъ Янъ Криштопъ, а Князь Великій поѣхалъ на Волокъ. И велѣлъ его Князь Великій встрѣтити Елкѣ Сергѣеву на Дорогомиловѣ, и подворье велѣлъ дати ему Яново Фантурново Жигимонтова сестричича. И какъ Янъ сталъ на подворьѣ, и послы Максимьяновы прислали къ боаромъ подъячего Гришу Сумарокова, которой имъ кормъ дастъ, а велѣли имъ сказати: пріѣхалъ отъ Максимиліана къ намъ съ великимъ дѣломъ посланникъ его Янъ Криштопъ, и намъ бы говорити о тѣхъ дѣлѣхъ со Государскими совѣтники.

И бояре послали къ посломъ Ѳедора Бороздина, а приказали посломъ говорити: которые есте рѣчи приказывали говорити бояромъ Государя нашего съ подьячимъ, и подьячей тѣ рѣчи сказалъ мнѣ, Ѳедору, и язъ тѣ рѣчи сказалъ Великого Государя бояромъ, и великого Государя боаре приказали вамъ говорити: приказали есте къ намъ, что пріѣхалъ отъ брата Государя нашего Василья, Божьею милостію Царя и Государя всея Русіи и Великого Князя, отъ Максимиліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, посланникъ его Янъ Криштопъ, и къ нашему къ Великому Государю отъ брата отъ его отъ Максимиліана грамоты есть ли, или рѣчь? И будетъ отъ Максимьяна къ нашему къ Великому Государю грамота, и вы бъ тѣ грамоты къ намъ прислали, и мы тѣ грамоты велимъ перевести, да пошлемъ ихъ къ своему Государю; а будутъ каковы рѣчи къ нашему Государю, и мы пошлемъ къ вамъ діаковъ Государскихъ, и вы бы тѣ рѣчи сказали діакомъ Государскимъ, и діаки Государскіе намъ скажутъ, и мы то ко Государю прикажемъ.

И послы говорили, чтобы имъ видѣтися съ самыми совѣтники, и говорити рѣчь самимъ совѣтникомъ; да поговоривъ о томъ, положили на ихъ волѣ, похотятъ совѣтники Государскіе послати діаковъ, ино то на ихъ волѣ.

И бояре велѣли къ нимъ ѣхати, по Великого Князя приказу, дьякомъ Меншему Путятину да Трифану Ильину. И діаки имъ говорили тожъ, что пріѣхалъ отъ Максимиліана человѣкъ его Янъ, и что будетъ съ нимъ грамоты, и они бы тѣ грамоты дали имъ; а будетъ съ нимъ рѣчи, и они бы то сказали имъ же, а мы то скажемъ совѣтникомъ Государскимъ, и совѣтники Государскіе ко Государю пошлютъ.

И послы діакомъ грамотъ не сказали и рѣчей не говорили, а говорили: дѣло великое писалъ къ намъ Государь нашъ, и намъ надобѣ говорити съ самими совѣтники; а не похотятъ съ нами видѣтися совѣтники сами, и они бы дали намъ пристава, и мы пошлемъ къ Великому Государю съ писаньемъ своего человѣка.

И бояре писали о томъ къ Великому Князю грамоту, что послы діакомъ рѣчей не говорили, а хотятъ говорити съ самими совѣтники, а не похотятъ съ ними совѣтники видѣтися, и они хотятъ посылати къ Великому Князю своего человѣка съ писаньемъ.

И Князь Великій писалъ къ бояромъ свою грамоту, а велѣлъ самимъ бояромъ ѣхати къ посломъ на под-

ворье Юрью Малому, Петру Головину, Өедору Карпову, діакомъ Сумороку да Меньшему Путятинымъ да Трифану Ильину.

И бояре ѣздили къ посломъ на подворіе Сентября 24, да говорили посломъ бояре: Френчюшко и Антоней! приказывали есте къ намъ со Государя нашего сыномъ боярскимъ съ Өедоромъ съ Борисовымъ, что пріѣхалъ къ вамъ отъ брата нашего, Великого Государя отъ Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, посланникъ его Янъ Криштопъ, и намъ бы самимъ съ вами видѣтися, или бы намъ діаковъ Государскихъ къ вамъ послати, и что будетъ съ нимъ грамоты, или рѣчи, и вы тѣ грамоты намъ дадите и рѣчи говорите; и мы къ вамъ посылали дьяковъ Государскихъ, которые у него у того дѣла живутъ, и вы діакомъ Государскимъ грамотъ не сказали и рѣчей есте имъ не говорили, а говорили есте, чтобъ вамъ съ нами, совѣтники Государскими, видѣтися и грамоты бъ вамъ намъ подати и рѣчи намъ же говорити, и которые будутъ грамоты или рѣчи съ Яномъ къ нашему къ Великому Государю, и вы тѣ грамоты намъ дайте. А что будетъ рѣчи къ нашему Государю, и вы тѣ рѣчи намъ говорите, и мы тѣ грамоты и рѣчи донесемъ до своего Государя.—

И послы говорили: пожалуйте, на насъ о томъ не помолвите, что есмя діакомъ Государскимъ грамотъ не дали и рѣчей не говорили; занже Государь нашъ писалъ къ намъ, чтобы намъ рѣчи говорити самому Великому Государю, и Великій Государь поѣхалъ на свою потѣху, а приказалъ намъ, каковы будутъ дѣла, и намъ бы говорити съ вами съ его совѣтники; и мы, по Государскому приказу, хотимъ рѣчи вамъ говорити. — Да говорили послы рѣчь бояромъ. А что говорили, и тому дали бояромъ списки Френчюшко и Антоней.

А се списокъ, что далъ Френчюшко, какъ къ нимъ пріѣхалъ Янъ Криштопъ: Величайшій Цесарь, Государь нашъ своими грамотами, въ первыйнадесять день Іюля написаными, съ своимъ посланникомъ намъ приказалъ, чтобъ намъ говорити и дѣлати о дѣлѣ нашего посолства при Наиясвѣйшемъ Великомъ Государѣ, его братѣ Васильѣ, Божьею милостію Царѣ всеа Русіи и Великомъ Князѣ, и поновити бы намъ прошенье и прилежанье на миръ и на доброе согласіе съ наиясвѣйшимъ Королемъ Полскимъ, также его Цесарскаго Величества братомъ и сродникомъ, аще о миру возможно согласитися, а будетъ не возможно, ино о перемирьѣ на пять лѣтъ по тому же, какъ иные христьянскіе Началники учинили; и изъявити Великому Началнику и Господу брату его, что нынѣ сталъ противу Турскому Царь Перскій Соөій съ великимъ войскомъ, и присталa къ нему вся Арабская земля, остатокъ Мамалуковъ, великимъ числомъ, и два Афрікѣйскіе Цари, которыхъ тотъ Турецкій изъ ихъ Царствъ изгналъ, также и всѣ нынѣ Восточные на тѣхъ Турковъ востали и ужъ съступу продолжитися немочно и до сего дни, чаемъ, брань была, на коей брани Соөей, чаютъ, побѣду воспріялъ, то есть надежно; ино какъ бы онъ ни побѣженъ, толко бы его Турская сила умалялася; и будутъ ему зліи врази и велми смѣлѣе, коли познаютъ, также хрестіянъ противу того Турка наступити. А занже нѣкоторые Турскіе князи, мужи області́ю воинскаго дѣла великіе, и межъ коихъ нѣкоторый воевода болшій,

именемъ Барбаруса, о которомъ говорятъ, что Туретцкій много ему вѣритъ и на него велику надежу въ своихъ дѣлѣхъ имѣлъ, тѣ всѣ поиманы, то извѣстно его Цесарское Величество вѣдаетъ, и того ради великая надежа тѣхъ Турковъ побѣжати и ко изгубленію привести возможно. И нынѣ хрестіанскіе Началники не хотятъ себѣ оставити, ни паки учинити имъ того пригожъ, чтобъ для межусобныхъ браней, или для трудовъ то бы отложити; занже послѣ будетъ того вотще искати. И тобы поразсудилъ Наияснѣйшій Началникъ и Великій Государь, особные свои несогласіа и кои имѣетъ спротивствіа съ предрѣченнымъ Королемъ Полскимъ, для всего хрестіанского угодіа и для православные вѣры, изволилъ бы оставити и миръ былъ вѣчной, какъ есмя говорили, аще возможетъ състатися, и аще не возможетъ, ино бъ на пять лѣтъ перемирье, по чину вышерѣченному. И занеже Наиясность вышерѣченнаго Великого Государя вашего нѣсть злѣ, а отъ него намъ приказано, нѣчто намъ прилучится отъ его брата безъ него, то со совѣтники дѣлати, и мы приказу его послѣдуемъ, вамъ господамъ совѣтникомъ, изъявили есмя, молячи васъ, какъ скорѣе можетъ быти такое жаланіе священнѣйшаго Цесаря Наияснѣйшему брату его Великому Князю, изъявили бы есте, и добрѣ о всемъ умыслили, и по умышленію, по желанію священнѣйшаго Цесаря, Государя нашего, которой не токмо ко вселенскому угодью христіянского общего дѣла мыслитъ, но и ко особному его Наиясности угодью и общей славѣ вѣчной. И что къ вамъ отказъ будетъ, скоро намъ изволили бы есте изъявити, чтобъ намъ о всемъ возможно извѣстна учинити предрѣченнаго священнѣйшаго Цесаря, по его желанію и приказу. Также его Цесарское Величество приказалъ: о чемъ намъ напишетъ свѣтлѣйшій господинъ Маркрабей Брандеборскій, сродникъ его о дѣлѣ нѣкоего Магистра Николая Любчанина, которой нѣкогда пріѣхалъ въ сѣ страны съ честнымъ и любимымъ его Величества посломъ съ Юрьемъ съ Делаторомъ, намъ бы о томъ потружатися, занеже уже пришелъ во старость и чтобъ Наияснѣйшій Началникъ изволилъ его отпустити, чтобъ ему кости свои донести до своего родства. И мы, по приказу своего Государя и по прошенію свѣтлѣйшаго Маркрабія, молимъ Наияснѣйшаго Началника, чтобъ въ томъ свою милость и благое изволеніе показати изволилъ.

А се списокъ, что далъ Антоней: величайшіе отцы и господа! хотя имѣемъ въ повелѣніѣ то, что величеству вашему изъявимъ, заньжъ велико есть, то было намъ самимъ говорити Наияснѣйшему Началнику вашему, Великому Князю Володимерскому и Московскому и Великому всеа Русіи Началнику, и Государю, по помнячи приказъ его Наиясности, прежъ его отъѣзда намъ данный, которой былъ таковъ, толко нѣчто отъ Максимиліана Наияснѣйшаго хрестіянского Цесаря, брата его дражайшаго будемъ имѣти, ино то съ величествомъ вашимъ дѣлали бы есмя и его скорѣе извѣстна о всемъ отъ насъ изъявленнымъ учинити: того ради, по его Наиясности изволенію хотимъ дѣлати съ вашимъ величествомъ что имѣемъ; и васъ прилежно молимъ, чтобы есте изволили скоро Его Наиясности возвѣстити, также послати наше писаніе, кое вамъ дадимъ, чтобъ пространнѣе о всемъ Его Наиясность вѣдалъ.

Священнѣйшій Максимиліанъ, Божьею милостію избранный Цесарь Римскій, всегда августъ, Государь нашъ милостивѣйшій, грамотами Его Величества Цесарскаго, кои даны во Августѣ и двадцать вторый Іюля лѣта 1518, Наияснѣйшему Началнику вашему, Господу Василью, Великому Князю Володимерскому и Московскому и всеа Русіи Великому Началнику, братственные любви непрестанное прибавленіе, благочестіе и поздравленіе многое глаголетъ и намъ вѣдомо чинитъ, что нѣкоторый мнихъ въ сіе дни прошедшіе при Его Цесарскомъ Величествѣ былъ, и говорилъ, что будто ему приказано съ Его Цесарскимъ Величествомъ, также и священнѣйшаго Римскаго Цесарства Князьми дѣлати, которымъ обычаемъ вселенское на Турского отряженіе восприятися и свершитися имать, и потомъ приложилъ, какъ наипервое его посолство предъ Его Цесарскимъ Величествомъ скончаетъ, и ему къ Полскому Королю, Его Цесарскаго Величества сроднику и брату дражайшему, и ко инымъ хрестіанскимъ Началникомъ поѣхати, коего убо мниха Цесарское Его Величество отъ извѣстныхъ и вѣры достойныхъ увѣдалъ, не отъ сѣдалища Апостольскаго, какъ онъ лживо умыслилъ, посланъ, но отъ нѣкоторыхъ кардиналовъ въ Римѣ то ухищрено, кои Его Цесарскаго Величества и его дому Аустрьского имени случаю и прибавленію благочестному всегда завидятъ. И занже до сего времени дѣйствомъ его злѣйшимъ Его Цесарскому Величеству отъ его умышленного разума вредити не возможе въ се время, въ кое наипаче хрестіянскому благочестію, Величество Его Цесарское помагати и совѣтовати хочетъ, Королей и Князей хотѣніе отъ Цесарскаго Его Величества отвратити тщатся, болщеся, занже много вѣры и благоизволенія предъ ними Величества Его Цесарское себѣ будетъ имѣти, да не тѣхъ Князей силою и помощью учиненною, а наипаче внука Величества Его Цесарского Карола, Ишпанскаго Короля, кардиналовъ и прочихъ церковныхъ житье слабое накажетъ и на прьвый образъ житія блаженный приведетъ; занежъ тотъ мнихъ ничто ино своею и своихъ помощниковъ прелестію тружается, но токмо чтобъ ему Королей и Князей Цесарства и иныхъ хотѣніе отъ Величества Его Цесарскаго отвести, и тѣмъ бы обычаемъ толь спасеное противу Турковъ пособіе разрушилося и на все бы хрестіанское благочестіе болшую бѣду и навести хрестіанскому имени новое и великое убавленіе. Того дѣля Величество Его Цесарское мнихову тщанію презлѣйшему противустати восхотѣлъ, намъ приказалъ и накрѣпко велѣлъ, да Наияснѣйшаго Началника вашего, Великого Князя Володимерского, и Московского и Великого всеа Русіи Началника и Государя, брата своего дражайшего просити и воспоминати, нѣчто прелесть сія до Наияснности Его дойдетъ, чтобъ прелести его не вѣрилъ; но то дѣло какъ отъ насъ явлено есть, тако бы имѣлъ аще не иными, но сими разсуженіи наипаче познатися можетъ, что вышерѣченный мнихъ, коли въ началѣ къ Величеству Его Цесарскому пришелъ, дѣло прямо и праведно и пригожъ противу Турковъ пособье угодно предложилъ и церковныхъ противу невѣрныхъ Величеству Его Цесарскому въ пособіе быти хотятъ, чтобъ легчаѣ Его Цесарского Величества и Королей и Князей дѣлу противитися моглъ;

потомъ къ Наияснѣйшему Величества Его Цесарева къ любимому сыну и брату, Угорскому Королю, пошелъ; приказъ, которой ему приказанъ говорити, по чину изъявилъ; а на концѣ и въ заключеніи рѣчи нѣкоторые примѣшалъ съ лестію и лукавствомъ, новымъ ухищреніемъ введены, кои и передъ Цесаревымъ Величествомъ говорилъ, и по томъ легко того лукаваго мниха мысль обличити пригоже. И занежъ не сумнится Величество Его Цесарское того жъ мниха, или иного тою жъ мыслію пріити, или ужъ былъ у Наияснѣйшего Началника вашего, и нѣчто къ нему пріидетъ или будетъ былъ, и мы Наияспость Его просимъ со всѣмъ сердечнымъ хотѣніемъ и воспоминаемъ, чтобъ для Максимиліана Наияснѣйшаго Цесаря, брата его дражайшаго, изволилъ наборзѣ Наиясность Его грамотою своею, добрѣ и прилежно запечатаною, Величеству Его Цесарскому извѣстно учинити, каково житье мниха того у Наиясности Его было, что̀ прошеніе его и какову прелесть противу Его Цесарскаго Величества умышлялъ, да наиболши и лутчи Величество Его Цесарское уразумѣетъ, и къ которому концу его ухищренье и сопротивные совѣты идутъ и какъ лутчи Величеству Его Цесарскому и Наиясности Его и всему благочестью хрестьянскому прозрѣти можетъ. И ту грамоту мы съ тѣмъ же посланникомъ и гонцомъ Его Величества, какъ скорѣе, до Цесарскаго Величества пошлемъ.

И бояре списки велѣли перевести; и поѣхали къ Великому Князю съ списки по Великого Князя велѣнію, Петръ Головинъ, да Меншей Путятинъ; и наѣхали Великого Князя въ Стратилатскомъ.

И Князь Великій, выслушавъ списки, что послы говорили, велѣлъ написати отвѣтъ; да послалъ отъ себя изъ Стратилатского къ Москвѣ съ отвѣтомъ діяка своего Меншего Путятина. А велѣлъ ѣхати къ посломъ Ѳеодору Карпову, да діакомъ Меншому да Трифану. И Трифанъ съ Москвы уѣхалъ къ Великому Князю.

И Сентября 30, Ѳеодоръ Карповъ, и діяки Сумирокъ да Меншей къ посломъ ѣздили, и говорили имъ отвѣтъ по Великого Князя наказу.

А се списокъ отвѣтной, что говорилъ Ѳедоръ и діяки посломъ: отвѣтъ Великого Государя Василья, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, Максимиліяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, посломъ Френчушку де Коллу и Антонью отъ Комвтъ.

Ѳедоръ Карповъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: говорили есте казначею нашему и совѣтнику и совѣтникомъ нашимъ и діакомъ, что отъ брата отъ нашего отъ Максимьяна, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля пріѣхалъ къ вамъ посланникъ его Янъ Кригитопъ. А писалъ къ вамъ братъ нашъ, а велѣлъ вамъ намъ самимъ говорити и то изъявити, что противу врага хрестіанского Турского сталъ Перскій Царь съ великимъ войскомъ, и пристала къ нему вся Арабская земля и остатокъ Мамалуковъ великимъ числомъ и два Африканскіе Цари, которыхъ тотъ Турецкой изъ ихъ Царствъ изгналъ, также и всѣ восточные нынѣ на тѣхъ Турковъ стали и уже сступу продолжится не мочно; а воеводу Турецкаго, именемъ

Барбаруса, которому Турецкой много вѣритъ и въ своихъ дѣлѣхъ велику надежду на него имѣлъ, и иные его князи поиманы. И братъ нашъ нынѣ въ тожъ время съ Короли и съ иными съ своими избратели, съ которыми то дѣло уложилъ, не хочетъ того дѣла оставити, чтобъ ему на хрестіанского врага на Турского не подвигнутися или бы трудовъ дѣля то отложити, заньжъ толко его нынѣ не искати, ино будетъ послѣ вотще искати его.

Ѳедоръ же: Великіи Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіи Князь велѣлъ вамъ говорити: и братъ нашъ Максимиліанъ, избранныи Цесарь Римскіи и навышшіи Король писалъ къ вамъ, а велѣлъ вамъ намъ говорити, и поновити прежнее свое къ намъ прошеніе, чтобъ вы насъ отъ брата нашего просили, чтобъ намъ для общего дѣла хрестіанскаго съ Жигимонтомъ Королемъ прити въ вѣчноіи миръ и въ доброе согласіе; а не състанется межъ насъ вѣчной миръ, и намъ бы съ нимъ взяти перемирье по тому жъ, какъ иные Государи учинилися съ нимъ въ перемиріѣ.

Ѳедоръ: Великіи Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіи Князь, велѣлъ вамъ говорити: и что писалъ къ вамъ братъ нашъ, а велѣлъ вамъ намъ говорити, что Царь Перской и съ иными Государи сталъ нынѣ противу врага хрестіянского Турковъ, и о се время, чаетъ, что брань была, и Перской Царь надъ Турскимъ побѣду восприналъ, и воеводу Турецкого и князей поималъ; и мы, слышевъ такую побѣду надъ хрестіянскимъ врагомъ надъ Турскимъ, о томъ велми радуемся, и впередъ

завсе того просимъ у Господа Бога Вседержителя, чтобъ Господь Богъ далъ надъ хрестіянскими враги намъ, хрестіянскимъ Государемъ, побѣду и одолѣніе, и хрестіянскихъ бы Государей надъ враги хрестіянскими рука высилася, и недрузи бы брата нашего Максимиліана, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, и наши, завсе подъ нашими ногами попраны были.

Ѳедоръ: Великіи Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіи Князь велѣлъ вамъ говорити: а что есте намъ говорили, что къ вамъ писалъ братъ нашъ, чтобъ намъ для общего дѣла хрестіанского съ Жигимонтомъ Королемъ быти въ вѣчномъ миру; а не състанется межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ вѣчноіи миръ, и намъ бы съ нимъ взяти перемирье. И мы вамъ и напередъ того въ отвѣтѣ совѣтникомъ своимъ велѣли говорити, что для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покоіи, и кровь бы христіанская болѣ того не лилася, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и доброе смолвы хотимъ, какъ будетъ пригожъ; а похочетъ съ нами Жигимонтъ Король и перемирья, и мы съ нимъ и перемирья хотимъ, какъ будетъ пригожъ; и мы и нынѣ для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирья хотимъ. А какъ пригожъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти, и о томъ съ вами наши совѣтники наши рѣчи говорили, и уложили наши совѣтники съ вами, и послали есте съ тѣми съ нашими рѣчми Яна,

и похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру или перемирья, ино миру и перемирью межъ насъ пригоже быти такъ, какъ уговорили съ вами наши совѣтники; а инако межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти не пригоже.

И какъ имъ Өедоръ рѣчь изговорилъ, и послы говорили: вѣдаемъ и сами, и помнимъ Великого Государя въ отвѣтѣ рѣчи, какъ намъ въ отвѣтѣ Великого Государя совѣтники говорили, и уговоривъ, послали есмя съ тѣмъ къ своему Государю Яна. И Государь нашъ Максимьянъ писалъ къ намъ нынѣ въ своей грамотѣ, а велѣлъ намъ то Великому Государю говорити, покрѣпити свое прошеніе. А того еще Государь нашъ не вѣдалъ, что мы къ нему послали Яна, и что есмя къ нему писали съ Яномъ; и намъ было по Государской грамотѣ, какъ Великому Государю того не говорити. А какъ есмя уговоривъ, послали Яна, и мы Яна и ждемъ, что къ намъ Государь нашъ отпишетъ съ Яномъ, или иного кого къ намъ пришлетъ, и что къ намъ напишетъ? И опослѣ того говорилъ Меншей рѣчь о мнисѣ.

А се рѣчь: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: да говорили есте совѣтникомъ нашимъ, что къ вамъ писалъ братъ нашъ, Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, что нѣкоторый мнихъ въ прошедшіе дни былъ при Его, брата нашего, Величествѣ, да нѣкоторыми своими ухищреніи нѣкоторые великіе соблазные рѣчи говорилъ, и что которое его лестное дѣло было, и братъ нашъ вамъ велѣлъ то намъ изъявити, и вы то совѣтникомъ нашимъ изъявили. А велѣлъ то братъ нашъ намъ изъявити того для, нѣчто будетъ тотъ мнихъ къ намъ пришелъ, и намъ бы ухищренныхъ его рѣчей не слушати. А которые будетъ намъ рѣчи говорилъ и каково его у насъ житье, и намъ бы то къ брату своему отписати; а будетъ еще не пришелъ къ намъ тотъ мнихъ, а нѣчто впередъ къ намъ придетъ, и что намъ учнетъ говорити, и намъ бы тѣмъ его рѣчемъ не вѣрити, а къ брату бъ намъ своему тѣ его рѣчи отписати.

Меншей: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и по се время таковъ мнихъ у насъ не бывалъ; а нѣчто къ намъ впередъ таковъ мнихъ придетъ, и которое его къ намъ лестное дѣло будетъ, и мы о томъ брату своему вѣдомо учинимъ.

И Антоней говорилъ: о томъ отвѣтѣ Великому Государю велико благодареніе воздаемъ.

Да говорили: три статьи есмя говорили, и двѣма статьямъ отвѣтъ есть, а третьей статьѣ отвѣта не слышимъ о Николаѣ.

И Өедоръ говорилъ: то дѣла не великіе; а коли, ажъ дастъ Богъ, будетъ отвѣтъ болшимъ дѣломъ, и толды и тому отвѣтъ будетъ.

И послы о томъ въ писанiѣ отвѣта просили, отпуститъ ли Князь Великій Николая? Да о томъ поговорили не мало, чтобы имъ тому отвѣтъ дали; и Өедоръ имъ то отговорилъ.

Да посидѣвъ мало, попытали ихъ Өедоръ съ товарищи о томъ: какъ Яна хотятъ отпущати къ своему Государю къ Максимиліану?

И послы говорили: отпустили есмя къ своему Государю Яна Фантурна, а учинили есмя ему срокъ два мѣсяца, ино ужъ срока его прошло сорокъ денъ и шесть денъ, и мы еще хотимъ

ждати здѣсь четыренадесятъ денъ, Янъ ли къ намъ отъ нашего Государя будетъ, или иной кто? А намъ дотолѣ Яна Криштопа отселѣ къ своему Государю еще не отпустити. А не будетъ о тѣхъ часѣхъ къ намъ Янъ, и мы тогды учнемъ смышляти, какъ намъ къ своему Государю послати. А Яну было не мотчая ѣхати къ нашему Государю того дѣля, чтобъ тотъ мнихъ былъ у Великого Государя, и Великій бы Государь отписалъ съ нимъ къ брату своему, что̀ того мниха къ нему рѣчи и какъ живетъ у Великого Государя? А хоти тотъ мнихъ завтра пріѣдетъ къ Великому Государю, и мы Яна отпустимъ; а нынѣ Яна еще не отпущаемъ, а чаемъ, что тотъ мнихъ будетъ у Великого Государя часа того, и Яну и того пождати у насъ.

Да съ тѣмъ отъ нихъ Өедоръ и поѣхалъ.

И опослѣ того, писалъ къ Великому Князю казначей его Юрьи Дмитреевичь, что отъ Яна отъ Криштопа много нечти състалося Великого Князя людемъ: самъ Гришу подьячего билъ по уху, а дѣтина его у подключникова дѣтины кордомъ у руки перстъ отсѣкъ, а у Ивана святаго у старца корову отнялъ, да въ тюрму къ (Литвину) Тряпкѣ съ ѣствою посылалъ, да и самъ къ нему къ тюрмѣ ѣздилъ.

И Князь Великій послалъ изъ Можайска къ Юрью съ товарищи діака своего Меншего Путятина, а приказалъ къ Юрью, чтобъ Яну быти на иномъ подворьѣ, да его беречи. А къ посломъ велѣлъ ѣхати Өедору Борисову, да Сумороку Путятину; а велѣлъ имъ говорити: Великого Государя Василья, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя совѣтники, казначей и совѣтникъ Юрьи Дмитреевичь (и) иные совѣтники велѣли вамъ говорити: пріѣхалъ къ вамъ отъ брата Государя нашего Василья, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, отъ Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, посланникъ его Янъ Криштопъ. И отъ того Яна брату Государя нашего Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, много нечти и безимянія състалося, а Государя нашего людемъ много отъ него соромоты състалося. Ино и напередъ того которые бывали послы и посланники у нашего Великого Государя отъ брата его отъ Максимиліяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, ино отъ нихъ брату его Максимьяну нечти и безимянія никотораго не бывало, и Государя нашего людемъ также отъ нихъ соромоты никоторые не было; а какъ тотъ къ вамъ Янъ пріѣхалъ, и брату Великого Государя нашего Максимьяну отъ него много нечти и безимянія състалося и Государя нашего людемъ отъ него много соромоты състалося. Которой подьячей Великого Государя у васъ стряпаетъ, вамъ кормъ даетъ, и онъ того Государского подьячего билъ самъ, а дѣтина его подключникова дѣтину кордомъ сѣкъ, да впервые махнулъ по головѣ, да грѣшилъ, а вдругіе махнулъ, да у руки перстъ оттялъ; а у иного человѣка Государя нашего взялъ корову, да у себя держалъ; а гдѣ Государя нашего недруга королевы люди сидятъ въ тюрмѣ, которые пріѣзжали отъ Литовскихъ пановъ къ намѣнику Государскому Глинскому съ грамотами и съ непо-

добными рѣчьми, и онъ къ нимъ съ ѣствою посылаетъ и самъ къ нимъ къ тюрмѣ ѣздитъ, и много отъ него лиха чинится. И мы къ вамъ посылали толмача Государского Истому, чтобъ есте Яна всчюнули, чтобъ брату Государя нашего Максимьяну отъ него нечти и безчинія не было и Государя бы нашего людемъ отъ него также соромоты не было. И ты, Френчюшко, отказалъ къ намъ съ Истомою, что которые люди Литовскіе у васъ, и намъ бы ихъ у васъ велѣти взяти, да отслати напередъ васъ въ Дубровну, или здѣсь дати имъ иное подворье, да ихъ беречи, занже они васъ не слушаютъ; ино то ты, Френчушко, дѣлаешь гораздо, что чти и имени Государя своего Максимиліянова бережешь. Ино и нынѣ которые люди Литовскіе съ вами пріѣхали, и тѣ люди и Государю нашему вѣдомы, и говорилъ вамъ Государя нашего сынъ боярской Ѳедоръ, что тѣмъ людемъ быти у васъ, и вы бы ихъ сами берегли. А которой человѣкъ къ вамъ пріѣхалъ отъ Максимьяна Янъ Криштопъ, и отъ того Яна Государю вашему Максимьяну много нечти състалось и людемъ Государя нашего соромоты много състалося, и намъ того на своихъ головахъ держати не мочно, чтобы намъ Яну терпѣти. И намъ нынѣ Яну велѣти жити на иномъ подворьѣ, да и его человѣку, да велѣти намъ ихъ беречи, доколѣ будетъ Великій Государь; а какъ будетъ Великій Государь, ино то вѣдаетъ Богъ да Великій Государь.

И Френчюшко Ѳедору и Сумороку отвѣчалъ: давно язъ говорилъ Ѳедору, что отъ тѣхъ Литовскихъ людлей много чинится Великого Государя людемъ нечти; и Ѳедоръ бы сказалъ Великого Государя совѣтникомъ, чтобъ тѣхъ Литовскихъ людей у насъ велѣлъ взяти, занже они насъ не слушаютъ. И нынѣ что примышлятъ Великого Государя совѣтники Яна держати па иномъ подворьѣ, а моя мысль, чтобъ отъ насъ Яна отвести на заднеі посадъ далече да велѣти его беречи, чтобъ ся отъ того всчюнулъ.

А Антонью говорили тѣ жъ рѣчи, и Антонеі посердитовалъ, а говорилъ: тогды жъ мы еще опознали нечесть надъ собою въ Великого Государя землѣ, коли мы еще пріѣхали въ его украінной городъ въ Смоленескъ, и они намъ подворія не дали, и мы стояли на полѣ; да много о томъ сердитовалъ. Да велѣли отъ него Яну итти, да и поставили его на подворье и сторожей къ нему приставили.

И Октября 26, Князь Великіі пріѣхалъ на Москву, и Антоней присылалъ къ Юрью съ товарищи, а говорилъ о томъ, что у нихъ Яна взяли, и съ подворья его не пускаютъ, и въ томъ ему нечесть, а ходити къ нему неволно его людемъ.

И Юрьи ему отвѣчалъ: которые непригожіе дѣла Янъ дѣлалъ, и мы о томъ ко Френчюшку и къ Антонію посылали, и они его отъ того не всчюнули; и мы, не мога того на себѣ держати, да его есмя на его жъ дворѣ велѣли беречи, чтобъ онъ болши того не пригожихъ дѣлъ не дѣлалъ.

И Ноября 1, послалъ былъ Князь Великій къ посломъ па подворье о Янѣ съ рѣчью, то выговорити, что Яново лихо, Шигону Поджегина, да діаковъ Сумᴏрока, да Меншего Путятиныхъ, да Трифана; и послали къ нимъ толмача, чтобъ съѣхалися въ одно мѣсто.

И послы межъ себя розбранили, а въ мѣсто не съѣхалися.

И Князь Великій къ посломъ на подворіе Шигонѣ и діакомъ ѣздити не велѣлъ.

И Ноября 2, велѣлъ Князь Великій посломъ быти на дворѣ, а посылалъ по нихъ на подворье князя Ивана Кубенского да Шигону Поджогина; и пріѣхали къ нимъ, а послы съѣхались на улицѣ. А какъ пріѣхали на дворъ, и встрѣча имъ была по тому же, какъ имъ встрѣча была напередъ того: въ Елизарово мѣсто встрѣчалъ съ Михаиломъ съ Юрьевымъ Иванъ Телешовъ, а Елизаръ былъ въ Казани.

А какъ вошли къ Великому Князю челомъ ударити, и Князь Великій ихъ звалъ къ руцѣ, да спросилъ ихъ о здоровьѣ: здорово ли есте безъ меня здѣсь жили?

И послы отвѣчали милосердіемъ Божіимъ и Твоимъ Государскимъ здоровьемъ, далъ Богъ, здорово есмя здѣсе жили и довольны есмя во всемъ въ Твоемъ жалованьѣ, а нынѣ есмя, Государь, рады, Твои Государскіе свѣтлые очи видѣвъ, и за Твое жалованье Тебѣ Великому Государю велико благодареніе воздаемъ.

И Князь Великій велѣлъ имъ сѣсти, да звалъ ихъ къ себѣ ѣсти; да велѣлъ имъ итти въ середнюю полату посидѣти, да выслалъ къ нимъ Өедора Карпова, да Шигону Поджегина, да и діаковъ Суморока, да Меншего, да Трифана.

И говорилъ имъ Өедоръ: Великій Государь Василей, Божьею милостью Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: были есмя въ своихъ городѣхъ на своей потѣхѣ; и какъ есмя пріѣхали въ свое Государство, и намъ сказывали наши совѣтники, что какъ пріѣхалъ къ вамъ Янъ Криштопъ, а называется брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, человѣкъ; и наши совѣтники, которые здѣсь оставлены и урядъ здѣшней вѣдаютъ, подворье ему велѣли дати и кормъ ему велѣли давати, какъ есть по пригожу брата нашего человѣку; и тотъ Янъ училъ великіи безчинія чинити: которые наши люди приставлены къ вамъ кормъ давати, да и ему кормъ давали, и онъ тѣхъ нашихъ людей билъ,—подьячего нашего билъ самъ по уху, а дѣтина его подключникова человѣка сѣкъ кордомъ, да у руки у него перстъ отсѣкъ, да и много много безчинія нашимъ людемъ чинилъ; недруга нашего люди сидятъ у насъ въ нашей опалѣ въ тюрмахъ, и онъ къ тѣмъ людемъ, Тряпкою зовутъ, Литвинъ, пріѣхалъ съ грамотами и съ неподобными рѣчми къ измѣннику нашему къ Глинскому, своего человѣка съ ѣствою посылалъ и самъ къ нимъ ѣздилъ къ тюрмамъ неодинова, и иныхъ людей желнѣрей и иныхъ людей къ нимъ съ ѣствою посылалъ. И наши совѣтники посылали къ вамъ о томъ нашего сына боярского Өедора Борисова, что Янъ такое безчиніе чинитъ въ нашемъ Государствѣ, и вы бы отъ того Яна всчюнули, чтобъ Янъ впередъ такъ не чинилъ; и вы отвѣчали нашему сыну боярскому Өедору, что Янъ человѣкъ брата нашего Максимьяновъ, и вы надъ нимъ воли никоторые не имѣете и всчюнути вамъ его отъ того не мочно; и Янъ и послѣ того много безчинія учинилъ нашимъ людемъ.

Шигона: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и наши совѣтники, видя то Янобо безчиніе и боясь отъ насъ опалы, что Янъ такое

безчиніе учалъ чинити, да Яну велѣли быти на своемъ подворьѣ; а велѣли его поберечи того дѣля, чтобъ Янъ впередъ не присталъ къ инымъ къ лихимъ людемъ и иного бы лихово дѣла не учинилъ, или гдѣ надъ нимъ что которое лихо учинятъ, ино въ томъ брату нашему, да и намъ нечесть будетъ, и того дѣля, что вы отвѣчали нашимъ совѣтникомъ, что вы надъ нимъ воли не имѣете и всчюнути его отъ того не можете.

Ѳеодоръ же говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: ино отъ нашего брата отъ Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, пришли къ намъ вы, его послы, и въ грамотахъ въ своихъ въ вѣрющихъ братъ нашъ къ намъ писалъ, чтобы намъ съ вами всякое дѣло дѣлати и вамъ во всемъ вѣрити. И мы по тому и дѣлаемъ, васъ, его пословъ, чтимъ и вамъ во всемъ вѣримъ; и того Яна даемъ нынѣ вамъ на руки, и вы бъ Яна берегли, чтобъ Янъ впередъ таково безчинія не чинилъ, брату бы нашему, да и намъ нечти не было, да и вамъ бы брата нашего посломъ въ томъ нечти не было.

Шигона жъ говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Росіи и Великій Князь велѣлъ говорити тебѣ Антонію: учалъ былъ еси намъ бити челомъ, что тебѣ нечесть състалась отъ діака нашего отъ Володи отъ Племянникова, и намъ то дѣло вѣдомо, сказывали намъ наши совѣтники; и мы, аже дасть Богъ, Володѣ отъ того всчюнемъ, и тебѣ отъ него оборонъ учинимъ.

И Антонеій говорилъ о Янѣ, что Янъ того не дѣлывалъ; и бояре о томъ говорили много, что Янъ такъ чинилъ. Да говорили о томъ много спорныхъ рѣчей. А о Володимерѣ говорилъ: язъ Государю на Володимера о томъ не билъ челомъ, что мнѣ которая нечесть и соромота отъ Володимера състалась; язъ Государю билъ челомъ о томъ, что Володимеръ, пришедъ, Великого Государя бояромъ жаловался, что язъ у него, пріѣхавъ, ворота высѣкъ и двери; и Великого Государя совѣтники нѣчто будетъ писали къ Великому Государю, и Великому бы Государю про то на меня мнѣнія никоторого не было, язъ того не дѣлалъ; а будетъ того не писали совѣтники Государскіе къ Великому Государю, и Великій бы Государь про то на Володимера не опалался и пожаловалъ бы его по старому. И бояре шедъ, то сказали Великому Князю.

И ѣли послы того дни у Великого Князя.

А опослѣ стола посылалъ Князь Великій пословъ подчивати на подворье князя Ивана Кубенского, Шигону Поджогина, да діаковъ,—съ Кубенскимъ Ивана Телешова, а съ Шигонoю Меншего Путятина. А напередъ того съ Кубенскимъ и съ Шигонoю діаки на подворье подчивати послѣ стола пословъ не ѣздили. А послалъ тогды Князь Великій діаковъ того дѣля, что промежи пословъ брань была, и они нѣчто вмѣстѣ не станутъ пити на одномъ подворьѣ.

И какъ съ ними поѣхали съ двора Кубенской и Шигона и діаки, и не доѣзжая ихъ двора, говорилъ имъ князь Иванъ Кубенской: Великій Государь нашъ послалъ насъ, васъ пословъ, — тебя Френчюшка, и тебя Антонья, до подворья проводити и чтити Великій Государь намъ васъ

велѣлъ, и вамъ пригоже съѣхатись на одно подворье.

И Фрянчюшко говорилъ: какъ есмя видѣли Государскіе очи, и по та мѣста брань межь насъ улеглась.

А Антонеій говорилъ: которая была межь насъ брань, и язъ господина Фрянчюшка упросилъ, что ту брань утолилъ.—Да и поѣхалъ Антоней ко Френчюшку пити, и подчивали ихъ вмѣстѣ на одномъ подворіѣ.

А какъ встали изъ за стола Великого Князя, и подалъ [имъ Князь Великій послѣ] стола чашу; и Антоней билъ челомъ Великому Князю о Володимерѣ, чтобы Великій Государь Володимеру гнѣвъ съ сердца сложилъ, и опалы ему своеіі отдалъ, а мнѣ Володимеръ никоторые нечти не учинилъ.

И Князь Великій ему говорилъ: для твоего челобитья Володѣ великую свою опалу отдаю, а которое невѣжьство тебѣ учинилъ, и язъ тебѣ оборонъ учиню.

И опослѣ того билъ челомъ Великому Князю Фрянчюшко: присылалъ къ тебѣ къ Великому Государю Маистръ Ливонской бити челомъ о твоемъ человѣцѣ о Угримѣ о Баграковѣ, чтобъ ты, Государь, его пожаловалъ, опалу свою ему отдалъ. И ты бы и нынѣ, Государь, пожаловалъ, для маистрова челобитья и нашего челобитья, Угрима пожаловалъ, опалы ему своеіі отдалъ и продажи, и очи свои велѣлъ ему видѣти.

И Князь Великій Фрянчюшку отвѣчалъ: для маистрова челобитья тому есмя человѣку казнь отдали; а объ иномъ отвѣтъ тебѣ будетъ.

И на завтрее послалъ Князь Великій ко Фрянчюшку Ѳедора Борисова, Сумѡрока Путятина, а велѣлъ ему говорити: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: билъ еси намъ челомъ о нашемъ человѣцѣ о Угримѣ о Баграковѣ, что къ намъ писалъ о немъ Маистръ Ливонской, чтобъ намъ его пожаловати, казнь и опала своя ему отдати; и мы для маистрова челобитья казнь и опалы ему своеіі отдали, и отвѣтъ есмя Маистру чинили своею грамотою; а нынѣ, для твоего челобитья, Угрима пожалуемъ, очи ему свои велимъ видѣти; а съ истци бы онъ съ своими, которымъ онъ виноватъ, съ тѣми бъ ся управливалъ. А Антонью велѣлъ молвити: Великій Государь велѣлъ тебѣ говорити: которое невѣжство учинилъ тебѣ діакъ нашъ Володимеръ, и ты намъ билъ челомъ, чтобъ намъ, для твоего челобитья, опала своя ему отдати, и мы, для твоего челобитья, Володѣ опалу свою отдаемъ; а которое онъ невѣжство тебѣ учинилъ, и онъ въ томъ въ своемъ невѣжствѣ тебѣ головою.

И Антоней говорилъ Ѳедору и Сумороку: язъ Государю билъ челомъ, чтобъ его пожаловалъ, гнѣвъ свой съ сердца сложилъ и опалы ему своей отдалъ, и пожаловалъ бы его по старому; а мнѣ онъ никотораго невѣжства не учинилъ, а буду Государю самъ о томъ бити челомъ. — И опослѣ того прислалъ къ Великому Князю Антоней бить челомъ, чтобъ Князь Великій велѣлъ ему быти у себя; а Френчюшко о томъ не говорилъ; и Ѳедоръ Френчюшку говорилъ: похочешь ѣхати ко Государю, ино и ты поѣди. И Фречюшко не поѣхалъ, а говорилъ: мнѣ нынѣ дѣла нѣтъ.

И Антоней былъ на дворѣ у Великого Князя одинъ; и билъ челомъ Великому Князю на жалованіе, что къ нему Володимера послалъ; да билъ челомъ о томъ Великому Князю,

чтобъ Князь Великій Володимеру Племянникову велѣлъ очи свои видѣти, да и пожаловалъ бы его своимъ жалованьемъ, какъ напередъ того былъ въ его жалованьѣ.

И Князь Великій Антонія пожаловалъ, велѣлъ Володимеру очи свои видѣти.

И опослѣ того, Декабря 12, писалъ къ Великому Князю изъ Смоленска бояринъ и намѣстникъ князь Борисъ Ивановичь Горбатой, что ѣдетъ къ Великому Князю Яновъ человѣкъ Грицко, и пріѣхалъ Грицко на Москву Декабря (въ) четвертый на десять день. А въ приставѣхъ у Грицка былъ изъ Смоленска Смердъ Гришинъ сынъ Скрыпицынъ. И велѣлъ ему Князь Великій ѣхати на подворье къ Максимьяновымъ посломъ. И поѣхалъ Грицко къ Антонью на подворье, а ко Фрянчюшку не поѣхалъ.

И того жъ дни прислалъ Френчюшко къ Θедору Борисову, а говорилъ Θедору: пріѣхалъ къ намъ Яновъ человѣкъ Грицко изъ Литвы, и ты донеси до Государскихъ совѣтниковъ, чтобъ совѣтники донесли до Государя, чтобъ намъ Государь велѣлъ быти у себя.

И Князь Великій послалъ къ нимъ толмача Истому Малого, а велѣлъ молвити отъ Θедора: донеслъ есми ваши рѣчи до Государскихъ совѣтниковъ, чтобъ вамъ Государь велѣлъ быти у себя; и Великій Государь шлетъ къ вамъ своихъ совѣтниковъ, и вы бъ сошлися въ одно мѣсто.—

И они, поговоривъ, чтобъ имъ не сойтися, были въ брани. Да сошлися въ одно мѣсто Антоней ко Френчюшку.

И Князь Великій послалъ къ нимъ на подворье Θеодора Карпова, да Шигону Поджегина, да діяковъ Меншика Путятина, да Трифана Ильина, а велѣлъ имъ молвити: Великій Государь велѣлъ вамъ говорити: приказывали есте къ нашимъ совѣтникомъ, что пріѣхалъ къ вамъ изъ Литвы Яна человѣкъ Грицко, и намъ бы велѣти вамъ быти у себя, и мы къ вамъ послали своихъ совѣтниковъ: да Θедоръ сказалъ Шигону, а Шигона Θедора;—и которые будетъ къ вамъ грамоты или рѣчи, и вы то скажите нашимъ совѣтникомъ, и они то намъ скажутъ.

И Френчюшко говорилъ: прислалъ къ намъ изъ Литвы Государя нашего Максимьяновъ посолъ Юрьи, которой былъ у Жигимонта Короля, грамоту. А писалъ къ намъ въ грамотѣ, что Жигимонтъ Король такъ перемирья не хочетъ, какъ вы намъ въ отвѣтѣ отъ Великаго Государя говорили, чтобъ плѣннымъ свобода на обѣ стороны въ перемирьѣ. А писалъ къ намъ Государя нашего посолъ Юрьи, чтобъ Великій Государь взялъ съ Жигимонтомъ Королемъ перемирье простое на пять лѣтъ, безъ отданія плѣнныхъ, и городовъ бы имены не писати. И мы просимъ и молимъ Великого Государя, чтобъ такъ учинилъ,—взялъ бы перемирье на пять лѣтъ безъ отданія плѣнныхъ и безъ выговора городовъ.—Да дали бояромъ списокъ съ тое грамоты, которую грамоту прислалъ къ нимъ изъ Литвы Максимьяновъ посолъ Юрьи. А другой списокъ дали прошенія своего, какъ Великаго Князя о томъ просили.

А се списокъ съ тое грамоты, что прислалъ къ нимъ изъ Литвы Максимьяновъ посолъ Юрьи, которую привезъ Яновъ человѣкъ Грицко: величайшіи господа, друзи честные! вѣдомо вашему господству, что язъ отъ Цесарскаго Величества, вмѣсто

честнѣйшаго господина бискупа Лабенскаго, посланъ сюда; имѣю въ приказѣ все, что вамъ на Москвѣ сдѣлается, Его Цесарскому Величеству наскорѣ отказати, и вашему господству о всемъ сумнѣніи, кое въ тѣхъ дѣлѣхъ будетъ, по приказу того Цесарского Величества отселѣ къ вамъ приказывати. И язъ здѣсь жилъ, ино пріѣхалъ господинъ Янъ Фантуринъ со извѣщеніемъ и писаніемъ всѣхъ дѣлъ, вашимъ господствомъ дѣланыхъ съ Наиясвѣйшимъ Великимъ Княземъ Московскимъ, или съ его совѣтники; и прочелъ есми вся прилежнѣ, и полюбилася мнѣ вся, занежъ мудро и разумно дѣлалось. Ино дѣлати нынѣ о вѣчномъ миру въ такихъ великихъ дѣлѣхъ и въ краткомъ времени вотще видится; и язъ дѣлалъ съ великимъ прилежаніемъ при Величествѣ Короля Полского, чтобъ на перемирье со отданія плѣнныхъ, какъ Наиясвѣйшій Великій Князь Московскій хочетъ, спелъ бы ся, по желанію Цесарскаго Величества и для ползы общего хрестіянскаго дѣла. Ино его Кралевское Величество по правдѣ себя въ томъ дѣлѣ оправдалъ, сказывалъ, что то не отъ его достоинства състалося, ни паки отъ того обычая; занже всѣхъ иныхъ Начальниковъ и того Наиясвѣйшаго Великаго Князя Московского, какъ его отецъ во время Наиясвѣйшаго Короля Александра, брата Его Величества, изымалъ нѣкоторыхъ Литовскихъ пановъ, а перемирье на нѣкоторые лѣта учинилося, и Наиясвѣйшій Великій Князь Московскій держалъ въ томъ перемирьѣ, въ тяжкомъ поиманьѣ тѣхъ пановъ Литовскихъ, а не отпустилъ, доколѣ миръ състался съ Его Кралевскимъ Величествомъ нынѣшнимъ; а было то не давно.—И язъ не моглъ никоторымъ обычаемъ Его Кралевского Величества на то навести, чтобъ перемирье со отданіемъ плѣнныхъ учинилъ. А наипачь извѣстно вѣдаетъ, что тамо немногіе отъ его изыманы, а которые и есть, и онъ недобрѣ о нихъ пытаетъ. И ваше бы господство и еще дѣлало съ Наиясвѣйшимъ Великимъ Княземъ Московскимъ, чтобъ для Цесарского Величества и для общего отряженія противу Турковъ, о коемъ нынѣ на съѣздѣ во Августѣ и заключено, чтобъ похотѣлъ на такое перемирье, какъ бывало межи иныхъ Началниковъ. И нынѣ бы просто учинилося, безъ отданія поиманыхъ, занежъ и отецъ его такъ учинилъ. Потому, можетъ разсудити господство ваше, что онъ себя по своему обычею хочетъ имѣти. А что о посылкѣ пословъ къ Москвѣ, хотя Его Кралевское Величество и отговаривался того учинити потому, занежъ и напередъ сего, по прошенію Цесарского Величества посылалъ, да безлѣпъ посылалъ; но чаю язъ то получилъ, толко на извѣстное дѣло. И по воспоминанію вашему, съ тѣмъ Наиясвѣйшимъ Великимъ Княземъ Московскимъ уложенному и уготованному, тѣхъ пословъ Кралевское Величество вѣдалъ бы послати такъ, толко наведете того Наиясвѣйшаго Великого Князя на перемирье пятилѣтнее, безъ отданія поиманныхъ и безъ выговора городовъ, мѣстъ и селъ въ томъ перемирьѣ, но просто бы, что которой нынѣ имѣетъ, то бы въ то перемирное время покойно держалъ бы. И какъ пошлетъ Его Кралевское Величество тамо своихъ пословъ на утверженье того перемирья, и Наиясвѣйшій Великій Князь Московскій послалъ бы съ вами вмѣстѣ своихъ пословъ сюды на утверженіе того жъ

перемирья тѣмъ обычаемъ и чиномъ, толко господство ваше на перемирье дѣло привести возможете и такъ укрѣпити, чтобъ отселѣ послы не вотще посланися, и возмите на тѣ послы опасъ. И чаю, Величество Кралевское, для Цесарскаго Величества и для ползы общаго христіянского дѣла, то учинитъ; а инако вотще и безлѣпъ отъ Его Кралевского Величества нѣчто болѣ того просити. А болѣ сего приказу никакова вашему господству отвѣта дати могу, ни паки впередъ возмогу; заньжъ отселѣ ѣду прочь. А дѣло сдѣлатись инако не можетъ, какъ преже рѣчено; а ваше бы господство мудрое тружалося то перемирье такъ сдѣлати, чтобъ просто сдѣлалося безъ отданія поиманныхъ, занже вѣдаютъ таковъ быти обычай перемирью. А нынѣ всѣ хрестіянскіи Началники такіе перемирья просто учинили. А сверхъ того разуму вашего господства оставляю, добрѣ да возмогайте; а язъ вамъ себя поручаю. Данъ въ Краковѣ, (въ) 3 день Ноября лѣта 1518. Георгій Фантуринъ своею рукою.

А се прошенья ихъ списокъ: попеченіе имѣли есмя съ великимъ прилежаніемъ, Великій Государь Василей, Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, чтобъ Высость Ваша въ честь Спаса нашего Іисуса Христа, во службу вѣры его и всего общего хрестіанского дѣла и ко угодію дражайшаго своего брата Максимиліана, хрестіянского Цесаря, Государя нашего, и послѣ ко благодаренію и соединенію всѣхъ Началниковъ, изволилъ перемирье на пять лѣтъ съ наияснѣйшимъ Полскимъ Королемъ; занже миръ въ толь краткое время не можетъ статися. И чтобъ время было скорѣе, отложивъ тѣ зацѣпки на вселенское отряженіе противу безчеловѣчныхъ Турковъ, предрѣченнаго общего хрестіянского дѣла вѣчныхъ враговъ; и чтобъ скорѣе то хрестіянское общее дѣло свободилося отъ належащіе бѣды, для прибавленія и побѣдителства тѣхъ Турковъ, занже велми возвысилися. И уразумѣли есмя мысль Наиясности Вашіе отъ Вашего писанія и отъ совѣтниковъ, и восхотѣли есмя послати къ угодію Вашему своего посланника съ грамотами и прошеніемъ нашимъименемъ Цесарскимъ и посредствомъ посла при Наияснѣйшемъ Королѣ Полскомъ, особнѣ на то посланомъ, чтобъ тотъ Наияснѣйшій Король на то перемирье уклонился, прибавивъ то, что Наиясность Ваша въ своемъ писаніѣ уложилъ. И нынѣ имѣемъ отъ грамотъ предрѣченнаго Цесарского Величества посла мысль и уложеніе того Наияснѣйшаго Короля, что онъ ко угодью Священнѣйшаго Цесарского Величества и про службу вселенскаго хрестіянского общаго дѣла, уклонялся на то перемирье на пять лѣтъ, коли бы ему не говорили о свобоженіѣ поиманыхъ, занеже онъ мнитъ себѣ въ великое безчестіе: занеже нѣкогда межъ благочестивыя памети Наияснѣйшаго Ивана, отца Наиясности Вашіе, и Александромъ, братомъ его Наиясности, было перемирье безъ отданія поиманыхъ, а оставлены были до дѣла и заключенія мирнаго; также бы и нынѣ держаны были, онъ говоритъ. А что о посылкѣ пословъ, въ томъ не велика сила, коли онъ Наияснѣйшій Король увѣдаетъ ихъ послати на дѣло заключеное и извѣстное, и коли послы Наиясности Вашіе на то жъ утверженіе и укрѣпленіе пошлются; а что о писаньѣ городовъ и мѣстъ въ томъ перемирьѣ.

такъ хочетъ наяснѣйшій Король: доколѣ стоитъ перемирье, ино бъ вѣдалъ, которой жъ по своимъ рубежемъ и что имѣетъ, то бы въ покои держалъ. Того ради, Милостивѣйшій Началниче! занже время настоитъ замотчаніе отложити и Христово, Спаса нашего, слово имѣти, и достойно есть, чтобъ братъ Наясности Вашіе, вышерѣченный Священнѣйшій Цесарь, увидѣлъ конецъ настоящего дѣла, и чтобъ моглъ на иные нужные дѣла себя дати, а наипаче, занже заключилъ на съѣздѣ нынѣшнемъ во Августѣ о соединеніяхъ своихъ Началниковъ и Священнѣйшаго Цесарства отряженія противу вышерѣченныхъ Турковъ. И мы, того Цесарского Величества именемъ со всѣмъ прилежаніемъ и дѣломъ, просимъ еще Наясность Вашу о заключеніи и укончаніи того перемирья просто, и по обычею перемирному, и какъ межи иныхъ Наяснѣйшихъ Кралей и Началниковъ уложено и изъявлено есть, чтобъ не едина Ваша Наясность, коя Христове хоругви наипаче послѣдствуетъ, толь святому и нужному отряженію съпротивенъ увидится и зацѣпенъ быти. Занежъ нынѣ предрѣченный наяснѣйшій Король хочетъ себя соединена имѣти тѣмъ наяснѣйшимъ Началникомъ и всегда предъ ними готова себя имѣти. Ино, Наяснѣйшій Началниче, толь доброго брата многіе и непрестаные воспоминанія и моленія, съ такимъ прилежнымъ трудомъ и братцкою любовію учиненые, чтобъ не были вотще и чтобъ послѣ было время и пригодство о докончаніи мира, и межисобное и вѣчное благоизволеніе межъ Наясностей Вашихъ обѣихъ съ покоемъ Вашимъ и подвластныхъ Вашихъ и со всѣмъ благочестнымъ прибавленіемъ и Вседержителя Бога милостію вѣчною.

И Декабря 18, послалъ Князь Великій къ посломъ съ отвѣтомъ на подворіе Ѳедора Карпова, да Шигону Поджегина, да діаковъ Меншего, Трифана.

А се списокъ отвѣтной, что имъ отвѣчали Ѳедоръ и Шигона и діяки; и имъ таковъ списокъ далъ Руской и Латынской. Отвѣтъ Великого Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Руси и Великаго Князя, Максимиліана избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, посломъ Фрянчюшку и Антонію:

Ѳедоръ говорилъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: говорили есте совѣтникомъ нашимъ: писалъ къ вамъ нынѣ брата нашего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и Навышшего Короля посолъ Юрьи, что вы намъ говорили отъ брата нашего, отъ Максимиліана, избранного Цесаря Римского и Навышшего Короля, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ быти въ вѣчномъ миру; а не возможетъ межъ насъ миръ вѣчной състатися, и намъ бы съ нимъ перемирье взяти. И мы вамъ отвѣтъ учинили своими совѣтники, да и въ писаньѣ есмя вамъ то велѣли дати, что съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирья хотимъ. И вы съ тѣмъ посылали къ брату нашему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и Навышшему Королю, брата жъ нашего человѣка Яна Фантурна; да и къ послу есте къ его, которой его посолъ у Жигимонта Короля, то писали же, какъ пригоже межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти. И вы нынѣ говорили

совѣтникомъ нашимъ, что тотъ брата нашего Максимьяновъ, избранного Цесаря Римскаго и Навышшего Короля, посолъ къ вамъ писалъ, что у Короля Полского съ великимъ предлежаніемъ дѣлалъ, чтобъ перемирье межъ насъ състалося со отданіемъ плѣнныхъ, какъ мы вамъ въ отвѣтѣ велѣли говорити; да на то Короля перевести не могъ, чтобъ перемирье со отданіемъ плѣнныхъ. И онъ къ вамъ писалъ, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ Королемъ взяти перемирье на пять лѣтъ безъ отданія плѣнныхъ на обѣ стороны и безъ выговора городовъ и мѣстъ и селъ, которой что держитъ, тотъ то и держи, толко бы оружія отложилися на обѣ стороны. Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: ино мы какъ напередъ того для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенья съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирья хотѣли, какъ пригоже; и мы и нынѣ для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля прошенія, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирья хотимъ. А пригожъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти такъ, какъ есмя вамъ отвѣтъ учинили своими совѣтники, и въ писаніѣ есмя вамъ велѣли дати.

Шигона говорилъ: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: да говорили есте нашимъ совѣтникомъ, что тотъ же брата нашего посолъ къ вамъ писалъ, что на то много наводилъ Короля Полского чтобъ въ перемирье плѣннымъ свободу учинити; и Король и его панове говорили, что то не отъ него състалось ни пакъ отъ обычая, а будто почалося отъ отца нашего, Великого Государя Ивана, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, что въ перемирье плѣннымъ свободы нѣтъ: какъ взялъ перемирье отецъ нашъ Великій Государь Иванъ съ зятемъ своимъ съ Великимъ Княземъ Александромъ съ Литовскимъ, и которые его панове и люди попали въ руки отцу нашему, и онъ тѣмъ его паномъ и людемъ въ перемирье свободы не учинилъ. Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: ино Жигимонтъ Король, какъ напередъ того не хотя съ нами миру и доброго пожитья, такъ и нынѣ съ нами не хочетъ миру и доброго пожитья, и онъ и его панове вставливаютъ такіе неправые рѣчи; а вѣдомо гораздо брату нашему Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, да чаемъ, что и вамъ вѣдомо, каковы неправые дѣла Александръ Король отцу нашему, Великому Государю Ивану, Божіею милостію Царю и Государю всеа Русіи и Великому Князю учинилъ: въ началѣ о дочери отца нашего, а о нашеіі сестрѣ, о Королевѣ и о Великоіі Княгинѣ Оленѣ, многіе неправые дѣла учинилъ; и бесерменство на Христіанство наводилъ, и крови христіянскіе въ томъ много пролилося; также отца нашего и нашу отчину держачи за собою неправдою, и въ иныхъ во многихъ дѣлѣхъ отцу нашему Александръ Король не направилъ. И отецъ нашъ, Великій Государь Иванъ, Божіею мило-

стію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь къ зятю своему къ Александру Королю посылалъ о томъ неодинова, чтобы Александръ Король отцу нашему въ тѣхъ дѣлѣхъ во всѣхъ направилъ. И Александръ Король отцу нашему, Великому Государю, въ тѣхъ дѣлѣхъ во всѣхъ не направилъ. И отецъ нашъ, Великіі Государь Иванъ, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь, не мога того терпѣти, что ему такіе великіе неправые дѣла състалися, и не мога видѣти кровопролитья хрестіанского, почалъ съ Александромъ Королемъ свое дѣло дѣлати, и дѣлалъ, какъ ему Богъ помогъ. И Александръ Король, узнавъ то, что отцу нашему въ тѣхъ во всѣхъ дѣлѣхъ не направилъ, присылалъ ко отцу нашему, къ Великому Государю Ивану, Божіею милостію Царю и Государю всеа Русіи и Великому Князю, своихъ пословъ, просячи отца нашего, чтобъ ему со отцемъ нашимъ, Великимъ Государемъ быти въ вѣчномъ миру; да то межъ ихъ не състалося. И Александръ Король просилъ отца нашего Великого Государя Ивана, Божьею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, чтобъ съ нимъ взялъ перемирье, а ему въ тѣ лѣта ко отцу къ нашему посылати своихъ великихъ пословъ о тѣхъ о своихъ неисправленіихъ, и въ тѣхъ ему во всѣхъ дѣлѣхъ отцу нашему направити. И отецъ нашъ, Великіі Государь Иванъ, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіі Князь, какъ напередъ того не хотѣлъ видѣти кровопролитья христіанскаго, такъ и тогды не хотя видѣти кровопролитья хрестіанскаго, съ Александромъ Королемъ взялъ перемирье на время; а въ тѣ было лѣта Александру Королю посылати о тѣхъ неисправленіяхъ своихъ пословъ, и въ тѣхъ было дѣлѣхъ во всѣхъ Александру Королю отцу нашему Великому Государю направити, а тѣ плѣнные оставлены, доколѣ Александръ Король отцу нашему въ тѣхъ во всѣхъ дѣлѣхъ направитъ. И Александръ Король въ тѣ лѣта ко отцу къ нашему, къ Великому Государю Ивану, Божіею милостію Царю и Государю всеа Русіи и Великому Князю, пословъ своихъ не присылывалъ, и въ тѣхъ во всѣхъ дѣлѣхъ ему не направилъ. И Божія воля състалась, отца нашего, Великого Государя, въ животѣ не стало; и тѣми своими Государствы отецъ нашъ Великіі Государь благоволилъ, и пожаловалъ меня, Великого Государя, сына своего. А Александра Короля также Божія воля състалася, въ животѣ его не стало, и на Полское Королевство и на Великое Княжство Литовское взяли панове того Жигимонта Короля. И Жигимонтъ Король и его панове, умышляя своими неправыми умыслы, также намъ училъ великіе неправые дѣла чинити. А вѣдомо то и брату нашему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, о томъ есмя къ нему писали, и приказывали съ его послы и съ своими послы. А опослѣ того Жигимонтъ Король посылалъ къ намъ своихъ пословъ, чтобъ намъ съ нимъ быти въ любви и въ докончаніи. И мы, для дружбы и братства и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой, и кровь бы хрестьянская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ учинилися въ любви и въ докончанiѣ. А которые панове и княжата и всѣ люди Литовскіе, которые еще до его государства у насъ въ

рукахъ были, и мы тѣмъ паномъ и княжатомъ и всѣмъ людемъ свободу учинили, а у него тогды нашихъ людей никого не было. Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: и мы, были и нынѣ для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирья хотѣли, какъ пригожъ межъ насъ миру и перемирью быти; а которые великіе неисправленія намъ отъ Жигимонта Короля състалися, и мы, были, для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, тѣ неисправленія поставили; и Жигимонтъ Король о которыхъ несогласіяхъ положился на братѣ нашемъ Максимьянѣ, избранномъ Цесарѣ Римскомъ и навышшемъ Королѣ, и онъ въ тѣхъ несогласіяхъ не хотя исправитися, да и съ нами не хотя миру и доброго пожитья, да такіе безлѣпичные рѣчи вставливаетъ, какъ межъ насъ миру и перемирью не пригоже быти. Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а и нынѣ похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру или перемирья, и мы для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ, а и перемирья съ нимъ на пять лѣтъ хотимъ. А пригожъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти, какъ есмя вамъ отвѣтъ учинили своими совѣтники и въ писаніѣ вамъ велѣли дати.

И какъ имъ отвѣчали, и послы говорили: мы такова отвѣта отъ Великого Государя не чаяли, а нынѣ есмя въ велико недоумѣніе впали, и отвѣта вамъ нынѣ дати тому не умѣемъ, занже на насъ велико размышленіе въ мысли пришло; и вы къ намъ пришлете человѣка, и мы вамъ отвѣтъ въ писаньѣ дадимъ. И того жъ дни прислали списокъ съ Истомою съ Малымъ.

А се списокъ, что прислали послы: Наияснѣйшій и Велемощнѣйшій Начальникъ и Государь, Государю нашъ Милостивый! такоа имѣли есмя отъ посла Цесарева, которой былъ при наияснѣйшемъ Королѣ Полскомъ, и то вчера величайшимъ совѣтникомъ Наиясности Вашей изъявили есмя, просяще Наиясность Вашу, по установленному простому обычаю перемирному, учиненому межи всѣхъ иныхъ Началниковъ хрестіянскихъ намъ отвѣтъ учинити, про благоизволеніе и на ползу всего хрестіанскаго общего дѣла и по желанію Цесарского Величества, то перемирье пріяти да изволите, и какъ наияснѣйшій Полскій Король, по уставленію предрѣченому хочетъ; ино нынѣча отъ совѣтниковъ Наиясности Вашіе, по многомъ изъявленіи, намъ заключено, что Наиясность Ваша на то перемирье съпити не хочетъ, развѣе по обычаю, намъ говореному и въ писаніи прежъ даному. И мы о томъ отвѣтѣ смутны, благоугодіе всего Хрестіянства размышляя и братцкую надежу Цесарского Величества на Вашу Наиясность и его честь тако, аки вѣрные Наиясности Вашіе служебники, не возмогохомъ, что намъ прилучилося, молчанію предати. Того ради, молимъ и совѣтуемъ Наиясности Вашей и просимъ, да на то перемирье восхотите пріийти по обычаю и по уложенію всѣхъ иныхъ хрестіанскихъ Началниковъ, кои то просто,

безъ отпущенія поиманыхъ и безъ выговора городовъ и мѣстъ, учинили. И да размыслитъ Напясность Ваша, а при служебникѣхъ Твоихъ поиманыхъ Твое благоизволеніе не оскудѣло, тако аки Милостивѣйшаго Началника. И толко межи Напясности Вашіе и наяснѣйшаго Полского Короля не будетъ перемирья, и Напясность Ваша тѣмъ поиманымъ не лутши во время брани, какъ въ перемирье пособити можетъ, ни паки того дѣля тѣхъ поиманыхъ отъ поиманія свободитъ, ни того дѣля, имѣяй брань извѣстну, побѣду чаетъ имѣти, зане Премудрѣйшая Напясность Ваша добрѣ вѣдаетъ, что сумнителны прилучаи боемъ, а злѣе есть: нѣчто не будетъ перемирья, ото всѣхъ возглаголется Напясность Вашу едину раздорну, и отряженіе противу Турковъ, толь хвалимо, толь полезное, нынѣ межи иныхъ христіянскихъ Началниковъ заключеное и уложеное, оставится; такое умышленіе шкоту и безчестіе христіанскому имени. И какъ Премудрѣйшая Напясность Ваша догадатись можетъ, та намъ пословица нѣкоя Напясности Вашей привести не пригожъ, видится, кою во Италіи по вся дни имѣемъ: «лучши есть со многими блудити, неже единому мнѣтись мудру.» И нѣчто перемирье будетъ, всеблагое дѣло и угодье общему христіянскому дѣлу будетъ, въ коемъ дастъ Богъ безъ сумнѣнія Цесарскимъ Величествомъ межи Напясности Вашей и наяснѣйшаго Полского Короля дѣлатися будетъ добрый миръ и согласіе, обычай убо перемирья ко угодію разума того мира, а не иное. Того ради моленіемъ паки и милость Напясности Вашіе, аки добрые служители, молимъ, да на то перемирье для добра общего христіянского и по желанію и любви Цесарского Величества просто Напясность Ваша восхощетъ пріяти, и нѣчто мы у Напясности Вашей не получимъ, Напясность Вашу молимъ, къ коей наше * злочастное прихожеціе и суетное быти, познаваемъ, да намъ отпущеніе подати изволите; занеже того дѣлати инако не умѣемъ, ни можемъ, и въ томъ намъ свидѣтель Богъ, никое доброе дѣло укончахомъ. Посолъ цесаревъ отъ Короля Полского поѣхалъ, и наше здѣ многое бытье ни во что. И себя всегда со всѣмъ смиреніемъ Напясности Вашей поручаемъ.

И Декабря 23, Князь Великій противъ тое записи, что послы прислали, послалъ къ посломъ на подворье съ отвѣтомъ Өедора Карпова, да Шигону жъ, да діаковъ Меншаго да Трифана. А велѣлъ имъ противъ ихъ записи отвѣтъ учинити. А се списокъ отвѣтной, и въ писаньѣ имъ дали: отвѣтъ Великого Государя Василья, Божьею милостію Царя и Государя всеа Руси и Великого Князя, Максимиліана избранного Цесаря Римского и навышшаго Короля, посломъ Френчюшку и Антонію.

Өедоръ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: дали есте въ писаніѣ совѣтникомъ нашимъ; а писали есте, что имѣли есте отъ посла брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, отъ Юрья, которой былъ у Жигимонта Короля, и вы то нашимъ совѣтникомъ изъявили, просячи насъ о перемирьѣ по простому обычаю, какъ перемирье межъ брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, и иныхъ

* Въ подлинникѣ «ваше».

Королей и Князей; и намъ бы вамъ отвѣтъ учинити про благоизволеніе и на ползу всѣхъ Королей и Князей общаго для дѣла, и по желанію брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, на то бы намъ перемирье преклонитися, какъ и Король Полской хочетъ преклонитися.

Шигона: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и вамъ нынѣ отъ совѣтниковъ нашихъ много о томъ говорено, что будто мы на то перемирье преклонитися не хощемъ, развѣе того, какъ вамъ отъ насъ говорили наши совѣтники и въ писаньѣ вамъ дали; и вы о томъ отвѣтѣ смутны, и благоугодіе всѣхъ Королей и Князей размышляете, и на насъ надежу брата нашего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля.

Меншей: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и вы насъ просите съ великимъ моленіемъ, чтобъ намъ на то перемирье на пять лѣтъ преклонитися, безъ отпущенія плѣнныхъ и безъ выговора городовъ и мѣстъ; а не преклонимся на то, и ото всѣхъ взмолвится на насъ раздоръ и отряженіе противъ Турковъ; а толко мы на то перемирье уклонимся, ино всеблагое и угодное всѣмъ Королемъ и Княземъ общее дѣло будетъ, въ которомъ, дастъ Богъ, безъ сумнѣнія братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, межи насъ и Короля Полского дѣлати будетъ добрый миръ и согласіе, занже обычей перемирья ко угодья миру, а не на иное. И того ради, вы насъ просите съ великимъ моленіемъ, чтобъ намъ на то перемирье преклонитися, для общего добра Королей и Князей и по прошенію брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля.

Ѳедоръ: Великій Государь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и какъ есмя напередъ того брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія не отставливали, и для его, брата своего, прошенія, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой, и кровь бы христіянская болѣ того не лилась, съ Жигимонтомъ Королемъ миру есмя хотѣли, такъ и нынѣ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой, и кровь бы христіянская межъ насъ болѣ того не лилася, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ; а и перемирья съ нимъ на пять лѣтъ хотимъ, какъ пригожъ межъ насъ перемирью быти.

Трифанъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и вы нынѣ говорите, что будто мы на то перемирье пятилѣтнее не хотимъ преклонитися.

Шигона: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: ино, Френчюшко и Антоней, положите на своемъ разумѣ, Жигимонтъ Король правые ли дѣла и рѣчи вставливаетъ, какъ напередъ того не хотя съ нами быти въ миру и въ добромъ согласьѣ, и онъ своими неправыми умышленія умышлялъ неправые дѣла, такъ и

нынѣ, не хотя съ нами миру и доброй смолвки, и онъ своими неправыми умыслы умышляетъ неправые дѣла и вставливаетъ неправые рѣчи? А вѣдомо и брату нашему Цесарю Римскому и навышшему Королю, да и чаемъ, что и вамъ вѣдомо, какіе неправые дѣла Жигимонтъ Король намъ учинилъ. И братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскіі и навышшіі Король, неодинова къ намъ приказывалъ съ своими послы и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писалъ, а опослѣ того присылалъ къ намъ своего посла Жигимонта Гербенстеня, а съ нимъ приказалъ къ намъ братъ нашъ, что о всѣхъ несогласіяхъ Жигимонтъ Король положился на немъ, братѣ нашемъ Максимьянѣ, избранномъ Цесарѣ Римскомъ и навышшемъ Королѣ, и намъ бы для его, брата своего, прошенія Жигимонту Королю его неправые дѣла въ чемъ намъ не исправилъ, пооставити, и съ нимъ бы намъ быти въ миру и въ добромъ согласіѣ; и мы для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покоіі, и кровь бы христіянская болѣ того не лилася, Жигимонту Королю, какіе есмя были великіе дѣла, пооставили, въ чемъ намъ не исправилъ. И Жигимонтъ Король присылалъ къ намъ своихъ пословъ, да какъ напередъ того умышлялъ своими неправыми умыслы неправые дѣла, такъ и тогды умыслилъ неправые дѣла, не хотя съ нами миру а доброго пожитья. И говорили его послы, какіе неправые дѣла и рѣчи, а брата нашего посолъ Жигимонтъ то слышелъ, которые неправые дѣла и рѣчи вставливали Жигимонтовы королевы послы, и мы чаемъ, что то и брату нашему отъ его посла гораздо вѣдомо. Ино межъ насъ и тогды миръ не състался не нашею стороною, не състался межъ насъ миръ Жигимонтовою королевою стороною, что онъ съ своими послы неправые дѣла и рѣчи приказывалъ. И вы нынѣ говорите, что мы на то перемирье на пятилѣтнее не уклонимся, ино мы того перемирья пятилѣтнего не отмѣщемся; и хотимъ съ Жигимонтомъ Королемъ перемирья на пять лѣтъ, какъ пригожъ межъ насъ перемирью быти; а Жигимонтъ Король, какъ напередъ того не хотя съ нами миру и доброго пожитья, такъ и нынѣ, не хотя съ нами миру и доброго пожитья, также неправые дѣла и рѣчи вставливаетъ, какъ межъ насъ съ нимъ миру не пригоже быти. И которые неправые дѣла и рѣчи нынѣ Жигимонтъ Король вставливаетъ, и то вамъ вѣдомо. А что напередъ того, его умышленіи послы его говорили которые неправые дѣла и рѣчи, и мы то вамъ велѣли сказати своимъ совѣтникомъ.

А се запись, что говорилъ Шигона посломъ о неисправленіяхъ Королей Полскихъ: Фрянчюшко и Антоней! которые неправые дѣла и рѣчи Жигимонтовы королевы послы говорили, и Великіі Государь нашъ велѣлъ намъ, то вамъ сказати: Великій Государь нашъ высылалъ съ королевыми послы говорити своихъ бояръ а брата его Максиміановъ, избраннаго Цесаря Римского и навышшего Короля, посолъ Жигимонтъ Герберстень туто же былъ; и Великого Государя бояре говорили королевымъ посломъ о отчинѣ Государя нашего, которые Русскіе городы, отчину Государя нашего, Жигимонтъ Король и нынѣ держитъ за собою неправдою,

а вѣдомо то и брату Государя нашего Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, что отъ прародителей Государей нашихъ Русскіе городы и земли, и вся Русская земля отъ начала, отчина Государей нашихъ; и Жигимонтъ Король, какъ напередъ того умышлялъ своими неправыми умыслы неправые дѣла, такъ и тогды своими неправыми умыслилъ неправые дѣла. И говорили послы его неправые рѣчи, чтобъ Великій Государь нашъ поступился Королю своей отчины, Русскихъ городовъ, которые съ Божьею волею отъ прародителей Государя нашего ихъ отчина, Вязмы, Дорогобужа, Бѣлые, Торопца, Брянска, Новагородка-Сѣверскаго, Путивля и иныхъ городовъ, и всее Сѣверы и иныхъ городовъ, которые городы съ Божьею волею досталъ отецъ Государя нашего, Великій Государь Иванъ, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, и которую свою отчину досталъ Государь нашъ, Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, городъ Смоленескъ; и они о томъ говорили, чтобъ Государь нашъ и тое своей отчины, которую ему Богъ далъ, Жигимонту Королю поступился. Ино, Френчюшко и Антоней, положите на своемъ разумѣ, правые ли то дѣла и рѣчи Жигимонтъ Король вставливаетъ и лзѣ ли такъ промежъ Государей миру състатися, чтобъ Государь нашъ тое своей отчины поступился, которая отчина, съ Божьею волею, отъ прародителей ихъ отчина? И онъ какъ напередъ того вставливалъ неправые рѣчи, такъ и тогды вставливалъ неправые рѣчи, не хотя со Государемъ съ нашимъ миру и согласья. И тогды же Государя нашего бояре передъ Максимьяновымъ, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля посломъ, передъ Жигимонтомъ королевымъ посломъ говорили, что Государю нашему своей отчины, которую съ Божіею волею досталъ, Жигимонту Королю никакъ не поступитися. Ино, Фрянчюшко и Антоней, тогды Жигимонтъ Король, умышляя своими неправыми умыслы, вставливалъ неправые дѣла и рѣчи, и говорили его послы неправые рѣчи о отчинѣ Государей нашихъ, которая отъ прародителей Государя нашего ихъ отчина; да то у нихъ поотговорили. И Жигимонтъ Король также нынѣ вставилъ иные неправые дѣла, какъ межи Государя нашего и Жигимонта Короля не лзѣ миру състатись. А положите, Фрянчюшко и Антоней, на своемъ разумѣ, которого для дѣла Жигимонтъ Король хочетъ держати у себя Государя нашего людей, а у Государя нашего не хочетъ взяти своихъ людей? Государя нашего люди Королю не отчина, а Литовскіе люди Государю нашему не отчина! А Государь нашъ и напередъ сего съ Жигимонтомъ Королемъ учинился въ миру, и онъ ему толды и не его люди отдалъ, еще при братѣ его которые Литовскіе люди попали въ руки Государю нашему, и Государь нашъ, похотя съ нимъ миру и добрые смолвки, да тѣхъ людей ему отдалъ. А нѣчто будетъ Король иного для которого дѣла людей Государя нашего хочетъ у себя держати; ино, какъ Государь нашъ, съ Божіею волею, досталъ своей отчины города Смоленска и земли Смоленскіе, такъ Государь нашъ, съ Божіею волею, и хочетъ ту свою отчину за собою держати; а тое своей отчины Государю нашему никакъ не поступитися. А миру Государь нашъ, для брата своего Мак-

симиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, какъ напередъ того съ Жигимонтомъ Королемъ хотѣлъ, такъ и нынѣ съ вами миру хочетъ. И похочетъ и нынѣ Жигимонтъ Король со Государемъ съ нашимъ миру или перемирья, и Жигимонтъ бы Король со Государемъ съ нашимъ помирился или перемирья взялъ по тому, какъ вамъ отъ Государя нашего его совѣтники въ отвѣтѣ говорили и въ писаньѣ вамъ дали.

И какъ посломъ рѣчь изговорили, отвѣтъ Великого Князя Θедоръ и Шигона, и неисправленія Шигона изговорилъ, и послы говорили: слышели есмя въ отвѣтѣ во Государскомъ, что Государь вашъ перемирья пятилѣтнего не хочетъ по тому, какъ мы его, Государя, просили, а хочетъ перемирья по тому, какъ намъ вы въ отвѣтѣ отъ своего Государя говорили. А о неисправленіяхъ Короля Полского къ Великому Государю, Государю вашему Максимьяну отъ его посла отъ Жигимонта гораздо вѣдомо. И Государь нашъ насъ послалъ къ Великому Государю просити его, чтобъ съ Жигимонтомъ Королемъ для брата своего Максимьяна взялъ перемирье на пять лѣтъ, а не для Жигимонта, Короля Полского, но для общего дѣла христіянского, что иные Короли пришли на перемирье на пятилѣтнее противъ Турковъ. А то есмя гораздо уразумѣли отъ Жигимонта Короля, что ему то велми срамотно и тяжко, что ему въ докончаніѣ написати въ Великого Государя сторону городъ Смоленскъ; а людей въ перемирье не хочетъ отдати того дѣля, какъ отойдутъ тѣ перемирные лѣта, и Великій Государь вашъ похочетъ съ нимъ опять валчити, и тѣ люди тогды будутъ спротивны ему. И коли Великій Государь вашъ на то не преклонится, чтобы ему перемирье пятилѣтнее взять безъ отданія плѣнныхъ, и Великій бы Государь намъ отпускъ учинилъ: намъ уже Великому Государю о томъ докучать не пригоже.

И опослѣ того посломъ Θедоръ говорилъ рѣчь о томъ, что Князь Великій оружіе отлагаетъ на время. А се рѣчь, что Θедоръ говорилъ, о отлаганіѣ оружія.

Θедоръ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а что вы * Франчюшко и Антоней, намъ говорили нынѣ съ великимъ моленіемъ, чтобъ намъ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля прошенія съ Жигимонтомъ Королемъ оружіе отложити; и мы для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія, Жигимонту Королю оружіе отлагаемъ на время, какъ мочно вамъ посломъ сходити межъ насъ съ братомъ нашимъ Максимьяномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ. А Жигимонтъ бы Король въ тѣ времена посылалъ къ намъ своихъ пословъ о миру, а мы съ нимъ миру и добрые смолвки хотимъ. А похочетъ съ нами Жигимонтъ Король и перемирья, и мы съ нимъ и перемирья на пять лѣтъ хотимъ. А какъ пригожъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти, и мы то вамъ въ отвѣтѣ своимъ совѣтникомъ велѣли говорити и въ писаньѣ вамъ велѣли дати; ино межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью такъ пригожъ быти.

* Въ подлинникѣ: « ты ».

И послы, выслушавъ рѣчь, говорили: намъ инако никакъ ни приказано дѣлати, опричь того, чтобъ Великій Государь взялъ перемирье на пять лѣтъ.—Да просили списковъ отвѣтныхъ, что имъ говорили бояря. Да послы жъ говорили того жъ дни: шли съ нами вмѣстѣ Великого Государя послы черезъ Литовскую землю, Володимеръ и Истома, и отъ Литовскихъ людей была имъ нечесть велика. А прислалъ Король въ Віену свою опасную грамоту на тѣ послы, что имъ итти съ нами посполу черезъ Литовскую землю, а нечти имъ и соромоты никоторой никакъ не быти; и изъ Берести намъ велѣли итти на Вилну, а Великого Государя посломъ велѣли итти инымъ путемъ. И мы, не хотя оставити Великого Государя пословъ, да шли есмя съ ними вмѣстѣ, да ихъ есмя для велику нужу приняли, и индѣ есмя стояли по пустымъ мѣстомъ и по болотомъ, а для имени Государского.

И Ѳедоръ имъ съ товарищи говорилъ: ино гораздо ли Король чинилъ, чрезъ опасную грамоту, такую нечесть Великого Государя посломъ чинилъ?

И послы говорили: мы въ томъ Короля не похваляемъ, а дѣлали то болшіе его панове.

И Ѳедоръ съ товарищи, пріѣхавъ, то сказали Великому Князю.

И Декабря 24, послалъ къ нимъ Князь Великій на подворье Шигону, да діаковъ.

И Шигона имъ говорилъ: Великій Государь велѣлъ вамъ говорити: говорили есте нашимъ совѣтникомъ, чтобъ намъ васъ отпустити къ брату своему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю; и мы васъ къ брату своему отпущаемъ, а съ вами посылаемъ къ брату своему своего посланника, и вы нашего посланника возмете ли на свои руки, чтобъ ему черезъ нашего недруга, черезъ королеву Полского землю итти съ вами безо всякія зацѣпки, и нечти бы ему и соромоты никоторые не было?

И послы говорили: по волѣ Государя своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, и по своей службѣ, какъ Великому Государю хотимъ служити, мы бъ Великого Государя пословъ на головѣ имѣли, да Король намъ супротивенъ: не смѣемъ взяти Государскихъ пословъ на свои руки, нѣчто Король надъ ними что учинитъ; и будетъ треба Великому Государю, и мы напередъ себя пошлемъ къ Королю своего человѣка, чтобъ Король прислалъ къ намъ на Государскіе послы свою опасную грамоту; а мы ждемъ Государскихъ пословъ въ Смоленску, и пришлетъ къ намъ Король свою опасную грамоту на Великого Государя пословъ, и мы тогды ѣдемъ къ своему Государю, а Государского посланника емлемъ на свои руки, и хотимъ съ нимъ ѣхати до своего Государя безъ всякого сумнѣнія; а не дастъ Король грамоты опасные, ино Антоней поѣдь черезъ Литовскую землю того дѣля, что неможетъ; а язъ, Фрянчюшко, ѣду съ Государскимъ посланникомъ, на которое мѣсто Государь изволитъ.

И Шигона, пріѣхавъ, то сказалъ * Великому Князю.

И Декабря 25, послалъ Князь Великій къ посломъ Шигону жъ, да діаковъ, а велѣлъ имъ говорити: Великій Государь велѣлъ вамъ говорити: что хотите послати къ Королю къ Полскому о опасной гра-

* Въ подлинникѣ: « сказали ».

мотѣ на нашего посланника, а не треба будетъ то, ино ты, Антонеіі, хощешь ѣхати къ своему Государю черезъ Литовскую землю; а ты, Франчюшко, хочешъ ѣхати съ нашимъ посломъ къ своему Государю на иное мѣсто, куды мы изволимъ. Ино то дѣлаете гораздо, что чти брата нашего и нашіе бережете; а наша мысль, чтобъ вамъ напередъ себя послати къ Королю своего человѣка о опасноі грамотѣ на нашего посланника, а самимъ бы вамъ отъ насъ поѣхати къ брату нашему къ Максимьяну, не мотчая, чтобъ вамъ ранѣе быти у брата у нашего Максимьяна. А здѣсе бы вы оставили у насъ брата жъ нашего человѣка Гануса. И дастъ Король на нашего посланника опасную грамоту, и гдѣ васъ стрѣтитъ тотъ вашъ человѣкъ съ опасною грамотою, и вы грамоту къ намъ пошлите; и какъ вы пришлете къ намъ королеву опасную грамоту на нашего посланника, и мы часа того своего посланника за вами пошлемъ черезъ Литовскую землю, а Гануса съ нимъ вмѣстѣ отпустимъ. А не пошлетъ къ вамъ Жигимонтъ Король на нашего посланника свое опасные грамоты, и вы намъ вѣсть учините, и мы Гануса и своего посланника отпустимъ къ брату къ своему на Датцкого Короля землю; занже намъ Король Датцкій другъ и братъ, а брату нашему Максимьяну зять, и имъ на тѣ мѣста мочно проѣхати.

И послы говорили: велми добро такъ, какъ Великій Государь думаетъ; мы своего человѣка напередъ себя къ Королю пошлемъ, а здѣсе Гануса оставимъ. Да послы жъ говорили: говорили есте намъ, что Великій Государь, для брата своего Максимьяна, Жигимонту Королю оружье отлагаетъ на время, и въ писаньѣ намъ то не дано. Ино что время, на колко Великій Государь оружіе отлагаетъ?

И Шигона имъ говорилъ: говорили вамъ совѣтники Государя нашего, что Государь отлагаетъ оружіе на время, мѣсяца на три, на четыре, или на пять, какъ мочно вамъ, посломъ, межъ Государя нашего и Максимьяна сходити.

И послы говорили: кратко время; чтобъ Великій Государь отложилъ оружіе на годъ или на два, или на три.

И Шигона и діаки то у нихъ отговорили, что тому не мочно състатися, что оружіе Государю нашему на толко отложити, года на два или на три.

И послы говорили: а то время кратко, неколи посломъ сходити.

И Шигона и діаки спросили пословъ: чего дѣля Великому Государю оружіе отложити на долго время, что можетъ быти?

И послы говорили: толко Великій Государь времени продолжитъ, и какъ доѣдемъ мы до Жигимонта Короля, да то ему скажемъ, что Великій Государь оружье отлагаетъ на время, и похочетъ того Жигимонтъ Король, и онъ также оружье отложитъ, и грамоту намъ съ своею печатью дастъ, и мы ту грамоту пошлемъ къ Великому Государю, а Великій Государь противъ ему такову жъ грамоту дастъ: и то вашему Государю требе ли будетъ, скажите то отъ насъ Великому Государю. А не похочетъ на то Жигимонтъ Король уклонитися, и мы о томъ пошлемъ къ Великому Государю отъ себя грамоту, а умолимъ Короля, чтобъ ту грамоту велѣлъ въ Смоле-

пескъ отпровадити, которую мы ко Государю пошлемъ.

И Шигона пріѣхавъ, сказалъ то Великому Князю.

И Декабря 28, послалъ Князь Великій къ посломъ на подворье съ отвѣтомъ Шигону да Меншаго. А се запись, что говорили посломъ Шигона и Меншой, и въ писаньѣ имъ та запись дана о году, что оружье отложити на годъ.

Отвѣтъ Великаго Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя, Максимиліана избранного Цесаря Римскаго и навышшаго Короля, посломъ Франчюшку и Антонью.

Шигона: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: посылали есмя къ вамъ совѣтниковъ своихъ, а велѣли вамъ говорити, что для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римскаго и навышшаго Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ. А похочетъ съ нами Жигимонтъ Король и перемирья на пять лѣтъ, и мы съ нимъ перемирья хотимъ.

Меншой: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: да и то есмя вамъ своимъ совѣтникомъ велѣли говорити, что вы насъ просили, чтобы намъ для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римскаго и навышшаго Короля прошенья, съ Жигимонтомъ Королемъ оружіе отложити на пять лѣтъ; и мы вамъ велѣли говорити своимъ совѣтникомъ, что намъ на пять лѣтъ оружья отложити непригожъ. А для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля прошенья, Жигимонту Королю оружіе отлагаемъ на время, какъ межъ насъ съ братомъ съ нашимъ съ Максимьяномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ, мочно вамъ посломъ сходити, - мѣсяцы на четыре, или на пять. И вы говорили съ нашими совѣтники, что то время кратко, и намъ бы времяни попродолжити.

Шигона: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и мы для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля прошенья, Жигимонту Королю оружье отлагаемъ на годъ отъ Рождества Христова, лѣтъ 7000 двадцать семаго, до Рождества Христова лѣтъ 7000 двадцать осьмаго; а въ ту бъ пору межъ насъ съ братомъ нашимъ Максимьяномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ послы сходили, и межъ бы насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ и доброе согласье състалося; а въ то бы время Жигимонтъ Король посылалъ къ намъ своихъ пословъ о миру. А мы какъ напередъ того для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля прошенія съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотѣли, такъ и нынѣ для брата своего прошенія съ Жигимонтомъ Королемъ миру и добрые смолвки хотимъ. А похочетъ съ нами Жигимонтъ Король и перемирья, и мы съ нимъ и перемирья на пять лѣтъ хотимъ. А какъ пригожъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью быти, и то вамъ наши совѣтники въ отвѣтѣ говорили и въ писаньѣ вамъ дали. Ино межъ насъ съ Жигимонтомъ

Королемъ миру и перемирью такъ пригоже быти.

И какъ посломъ Шигона и Меншей рѣчь изговорили, и послы говорили: мы на годъ перемирья не просили, а молвили есмя къ тому слову, что Великій Государь, для брата своего, миру и перемирья съ Жигимонтомъ Королемъ хотѣлъ, ино Жигимонтъ Король такъ миру и перемирья не хочетъ; и отъ Великого Государя вы, его совѣтники, намъ говорили, что Великіи Государь для брата своего Максимьяна, Жигимонту Королю оружіе отлагаетъ на время, на пять мѣсяцъ, какъ мочно посломъ сходити межъ Великого Государя и Максимьяна; и мы вамъ говорили, что то время кратко; да скажите Великому Государю, чтобъ оружіе отложилъ года на два или на три; и вы говорили, что Великому Государю оружія нелзѣ отложити года на два или на три. И мы говорили, что время кратко, и Великій бы Государь времени продолжилъ, и чтобъ намъ Великій Государь въ писаньѣ велѣлъ дати, что мы говорили о времени, что время кратко, и Государь бы времени продолжилъ. А то намъ супротивно написано, что будто мы году просили, а мы о году не говаривали; и изволилъ бы намъ Государь дати въ писаньѣ по нашему прошенію.

Да послы жъ говорили: говорили есмя, что было намъ послати напередъ себя человѣка. И мы напередъ себя посылаемъ Яна Криштопа; а посылаемъ его къ Максимьяну, и вы бъ намъ ранѣе изволили дати тѣ рѣчи въ писаньѣ; занже хотимъ къ своему Государю къ Максимьяну писати всеподлинно о томъ дѣлѣ и о своемъ отселѣ отпускѣ, того дѣла, что будетъ его мысль, и онъ къ намъ встрѣчю отпишетъ, на что велитъ Жигимонта Короля наводити, или что къ Жигимонту Королю отпишетъ.

И Шигона ихъ спросилъ о томъ: Государь нашъ для брата своего на время оружье отлагаетъ, и скажете вы то Жигимонту Королю, и будетъ то ему любо, и онъ что Государю нашему крѣпость учинитъ?

И послы говорили: уклонится Жигимонтомъ Король на то, такого оружью отложенья похочетъ, и онъ грамоту велитъ написати и печать свою къ грамотѣ велитъ приложити, и ту грамоту пошлетъ къ Великому Государю, и Великій Государь противъ ему пошлетъ такову жъ грамоту.

И Шигона имъ говорилъ: Франчюшко и Антонеіі! нѣчто будетъ вамъ не въ обычей, какъ межъ Государеі тѣ грамоты пишутся и имена Государскіе?

И Френчюшко говорилъ: и вы намъ дайте списокъ, какой пригоже крѣпости межъ Государеі быти.

И Шигона и дiяки прiѣхавъ, то сказали Великому Князю.

И Князь Великій и съ тое рѣчи ихъ прошеніе годъ выставилъ.

А какъ стоитъ въ рѣчи, такъ имъ и въ отвѣтѣ дано.

И Декабря 29, Князь Великіи велѣлъ ѣхати къ посломъ Шигонѣ же и Меншему; а велѣлъ имъ молвити: которые вамъ рѣчи говорили наши совѣтники, и вы въ тѣхъ рѣчѣхъ уразумѣли, что будто вы просили отложенью оружью на годъ, и мы того на васъ не полагаемъ. Вы говорили, что оружье отложити на пять лѣтъ, и мы вамъ велѣли говорити своимъ совѣтникомъ, что намъ оружья отложити на пять лѣтъ не

пригожъ, а для брата своего прошенья и мы оружье отлагаемъ на время, мѣсяца на четыре, или на пять. И вы говорили, что время кратко, и намъ бы времяни продолжити, и мы для брата своего оружье отложили на годъ. А во се списокъ отвѣтной Государь нашъ діаку своему велѣлъ вамъ дати.—И послы, прочетъ списокъ, похвалили. А данъ имъ списокъ таковъ, что писанъ вверху, говорилъ Шигона и Меншей, Декабря 28.

А опослѣ того говорилъ имъ Шигона о Янѣ о Криштопѣ: говорили есте, что посылаете напередъ себя Яна; и Великій Государь велѣлъ вамъ молвити: наша мысль, что Яна напередъ себя послать вамъ непригожъ; занже самимъ вамъ завтра намъ челомъ ударити, а Яну передъ вами чего для ѣхати? послали есте напередъ себя Яна Фантурна, и вы его послали съ дѣломъ, которое есте дѣло уразумѣли отъ насъ о миру и о перемирьѣ съ Жигимонтомъ Королемъ, и вы его съ тѣмъ послали; а нынѣ вамъ Яна не съ чѣмъ послати; а послати бы вамъ къ Жигимонту Королю о опасной грамотѣ на наши послы молодаго паробка.

И Антоней говорилъ: писалъ къ намъ Государь нашъ Максимьянъ, будетъ у насъ Янъ Фантурнъ, и онъ велѣлъ намъ передъ собою послати къ себѣ Яна Фантурна, а не будетъ у насъ Фантурна, и онъ велѣлъ намъ напередъ себя отпустити Яна Криштопа. А Френчюшко говорилъ спорно съ Антоньемъ: Френчюшко хотѣлъ отпустити Янова человѣка Фантурнова. И говорили Шигонѣ: споръ промежъ насъ! Да тогды съ тѣмъ Шигона отъ нихъ и поѣхалъ.

Да говорилъ имъ Шигона и Меншей: нѣчто похочетъ Король оружіе отложити на годъ, ино каковѣ крѣпости королевѣ пригожъ быти у Великаго Государя, и вы просили образца; ино во се та запись, каковѣ грамотѣ пригожъ быти у нашего Государя Жигомонтовѣ королевѣ, да прочли имъ запись.

А се запись: «мы Жигимонтъ, Божіею милостію Король Полскій и Великій Князь Литовскій, а иные которые нынѣ Государства за нимъ, и онъ тѣ Государства пишетъ самъ. Что присылалъ къ Тебѣ къ Василью, Божіею милостью Государю всеа Русіи и Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородцкому, Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Вятцому, Пермскому, Болгарскому и иныхъ, Максимиліянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, своихъ пословъ о томъ, чтобъ межъ насъ съ тобою миръ и любовь състалась, и то межъ насъ нынѣ еще съ тобою не състалось; и послы Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля говорили тебѣ, Василью, Божьею милостію Государю всеа Русіи и Великому Князю, чтобъ ты оружіе отложилъ, а въ ту бъ пору межъ насъ съ тобою миръ и любовь състалась. И ты, Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Великій Князь, оружье отложилъ на годъ отъ Рождества Христова лѣтъ 7000 двадцать семаго, до Рождества Христова лѣтъ 7000 дватцать осмаго; а мы, Жигимонтъ Король, также оружье отложили до того жъ дни. И въ ту пору, до того дни войны и рати намъ не замышляти и нашимъ людемъ твоихъ Василья, Божьею милостію Государя всеа Русіи и Великого Князя людей не воевати и не грабити и въ городы и во всѣ твои земли Василья, Божьею

милостію Государя всеа Русіи и Великого Князя, намъ и нашимъ людемъ не вступатися. А которые городы и земли нынѣ вѣдаютъ и держатъ отъ тебя твои люди, и они тѣ городы и земли твои люди и вѣдаютъ; а мнѣ Жигимонту Королю и моимъ людемъ въ тѣ твои городы и во всѣ твои земли не вступатись и не воевати нашимъ людемъ и не грабити тѣхъ твоихъ городовъ, земель и людей. А тебѣ Василью, Божіею милостію Государю всеа Русіи и Великому Князю, также воины и рати не замышляти и нашихъ городовъ и земель своимъ людемъ воевати не велѣти и въ городы тебѣ и въ земли въ наши не вступатися. А которые городы и земли нынѣ отъ насъ держатъ наши люди, и тѣ городы и земли нашимъ людемъ и вѣдати; а тебѣ Василью, Божіею милостію Государю всеа Русіи и Великому Князю, тѣхъ нашихъ городовъ, земель и людей своимъ людемъ не велѣти воевати, ни грабити. А на болшее утверженіе мы, Жигимонтъ, Король Полскій и Великій Князь Литовскій, на сей записи велѣли есмя паномъ своимъ крестъ цѣловати и печать есмя свою къ сей записи велѣли привѣсити».

И выслушавъ списокъ, говорилъ Френчюшко: велми добро; мы, тотъ списокъ Королю веземъ! И нѣчто Жигимонтъ Король похочетъ уклонитися на то, что оружіе отложити на годъ, ино въ титлахъ писано: «Великій Государь Смоленскій», и нѣчто Король того не похочетъ написати того дѣля, что ему изъ своихъ устъ городъ Смоленескъ дати Великому Государю; и онъ нѣчто тое для титлы не похочетъ оружья отложити на годъ, а Великій Государь похочетъ въ своеи грамотѣ ту титлу написати, которой грамотѣ быти его у Жигимонта Короля,—ино то на его волѣ.

И Шигона ему съ товарищи говорилъ: Френчюшко и Антоней! вѣдаете и сами, что отъ прародителей Государей нашихъ то ихъ отчина; и нынѣ съ Божьею волею Государь нашъ досталъ своей отчины, и нынѣ ее держитъ за собою, и Государю нашему тое своей отчины къ своему имени чего дѣля не писати?

И Френчюшко говорилъ: язъ не для того молвилъ, чтобъ Великому Государю къ своему имени тое своей отчины не писати; говорилъ есмя того для: нѣчто Жигимонтъ Король не похочетъ писати того въ своей грамотѣ, да за тѣмъ дѣло не състанется, и Государь бы намъ о томъ науку далъ, какъ намъ дѣлати?—И запись имъ дана.

И Декабря 30, велѣлъ Князь Великій посломъ быти на дворѣ; а посылалъ по нихъ на подворье князя Ивана Кубенского да Шигону Поджегина. А какъ пріѣхали на дворъ, и встрѣча имъ была по тому жъ, какъ имъ напередъ того была встрѣча.

И какъ пришли къ Великому Князю, и явилъ ихъ Великому Князю челомъ ударити на дворѣхъ, что къ нимъ послалъ Князь Великій платье, Михайло Юрьевъ сынъ Захарьича.

И Князь Великій имъ велѣлъ сѣсти, да звалъ ихъ къ себѣ ѣсти; да велѣлъ имъ итти въ набережную полату. Да высылалъ къ нимъ съ отвѣтомъ бояръ: Григорья Ѳедоровича, Юрія Малого, Ѳедора Карпова, Шигону Поджегина, діаковъ Меншего Путятина, Трифана Ильина, да съ ними жъ послалъ Семена Борисова сына Трофимова, а велѣлъ посломъ молвити напередъ отвѣта: Великій Государь велѣлъ вамъ говорити: васъ

отпущаемъ къ брату своему къ Максимиліану, избранпому Цесарю Римскому и навышшему Королю; а посылаемъ къ брату своему діака своего Семена Борисова, да толмача своего Истому.

И послы говорили: дастъ Богъ, тотъ Великого Государя діакъ дойдетъ до нашего Государя, и Государь нашъ съ великимъ благодареніемъ прииетъ и честнѣ его у себя учнетъ имѣти.

И бояре имъ отвѣтъ говорили по списку. А се списокъ отвѣтной, что на отпускѣ Максимьяновымъ посломъ бояре говорили:

Отвѣтъ Великого Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великого Князя. Максимиліана избранного Цесаря Римского и навышшего Короля посломъ Френчюшку де Коллу и Антонію отъ Коинтъ.

Григорей: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: прислалъ васъ къ намъ братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король; и говорили есте намъ отъ брата нашего, что врагъ хрестіанской Турскій многіе хрестіянскіе Государства за себя превратилъ, и (sic) на(дъ) двѣма Салтаны Египетцкими и надъ Персицкимъ Царемъ возвысился и прибавляетъ войско свое земное и морское, и хочетъ оружіе подвигнути на Короли и на иные Государства, и для того общего дѣла хрестьянского братъ нашъ Максимиліанъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, многихъ Королей и Князей въ миръ и въ доброе согласіе ввелъ, а хочетъ противу врага хрестіанского Турского стояти.

Григорей: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и намъ бы, для брата своего прошенія и общего для дѣла хрестіанского, съ Жигимонтомъ Королемъ въ миръ и въ доброе согласье пріити; а не състанется межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ, и намъ бы съ нимъ перемирье взяти на пять лѣтъ.

Юрьи: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: ино и напередъ того братъ нашъ Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій Король, къ намъ съ своими послы и съ посланники неодинова приказывалъ, да и съ своимъ посломъ съ Жигимонтомъ съ Гербенстенемъ къ намъ приказывалъ, что Жигимонтъ Король о всѣхъ несогласіяхъ, да и о нашемъ неисправленіѣ, въ чемъ намъ Жигимонтъ Король не исправилъ, положился на братѣ нашемъ Максимьянѣ, избранномъ Цесарѣ Римскомъ и навышшемъ Королѣ. И намъ бы для его, брата своего, Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися. И мы и напередъ того, для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотѣли, да межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миръ не състался. А не състался межъ насъ миръ не нашею стороною, не състался межъ насъ миръ Жигимонтовою королевою стороною. А брата нашего посолъ Жигимонтъ то слышелъ. А чаемъ, что и брату нашему отъ его посла отъ Жигимонта то горазло вѣдомо.

Ѳедоръ Карповъ: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: а и нынѣ есмя для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотѣли, а и перемирья есмя съ нимъ для брата своего прошенія на пять лѣтъ хотѣли. А какъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью пригожъ быти, и мы о томъ съ вами велѣли говорити своимъ совѣтникомъ; и наши совѣтники говорили съ вами о томъ многіе рѣчи, и писанье тому вамъ дали, и вы съ тѣмъ послали къ брату нашему къ Максимьяну, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, его человѣка Яна Фантурна, да къ послу есте брата наша Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, Юрію, которой былъ у Жигимонта Короля, то велѣли изъявити.

Шигона: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: и вы говорили нашимъ совѣтникомъ, что къ вамъ пріѣхалъ изъ Литвы Яновъ человѣкъ Фантурновъ. А писалъ къ вамъ брата нашего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, посолъ Юрьи, что Жигимонтъ Король такъ съ нами перемирья не хочетъ, какъ межъ насъ съ нимъ перемирью пригоже быти, а хочетъ съ нами перемирья такъ, какъ межъ насъ перемирью быти не пригожъ.

Шигона: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь велѣлъ вамъ говорити: ино межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ и нынѣ миръ и перемирье не състалось не нашею стороною, не сталея межъ насъ миръ и перемирье Жигимонтовою королевою стороною; а вамъ то дѣло гораздо вѣдомо, и вы бы то дѣло и тѣ рѣчи всѣ брату нашему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю, сказали, чтобъ то брату нашему гораздо вѣдомо было.

Григорей: Великій Государь Василей, Божіею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: а мы и нынѣ для брата своего Максимьяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія, съ Жигимонтомъ Королемъ миру хотимъ. А пригожъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру быти такъ: которые городы нашу отчину Русскую землю Жигимонтъ Король и нынѣ держитъ и по се время за собою, и которые неправые дѣла учинилися сестрѣ нашей, Королевѣ и Великой Княгинѣ Оленѣ, и пришлетъ къ намъ Жигимонтъ Король своихъ пословъ о миру, и мы для брата своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, и для того, чтобъ межъ насъ былъ миръ и покой и кровь бы хрестіянская болѣ того не лилася, какъ будетъ пригожъ, Жигимонту Королю поступимся; а что будетъ пригожъ, ино Жигимонтъ Король намъ поправитъ. А которую есмя съ Божіею волею своей отчины города Смоленска и земли Смоленскіе достали, и та наша отчина за нами и есть; а съ Божьею волею ту свою отчину за собою и хотимъ держати. А плѣннымъ свобода на обѣ стороны. А похочетъ съ нами Жигимонтъ Король и перемирья, и мы для брата

своего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, прошенія съ Жигимонтомъ Королемъ и перемирья на пять лѣтъ хотимъ. А перемирью межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ пригожъ быти такъ: которую есмя съ Божьею волею своей отчины города Смоленска и земли Смоленскіе достали, и та наша отчина за нами и есть, а съ Божьею волею ту свою отчину за собою и хотимъ держати. А плѣннымъ свобода на обѣ стороны. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру или перемирья, и онъ бы къ намъ посылалъ своихъ пословъ о миру.

Григорью послѣдняя: Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, велѣлъ вамъ говорити: и будетъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ (миръ) или перемирье, ино дай Богъ такъ. А нѣчто съ нами Жигимонтъ Король не помирится, и перемирья съ нами не возметъ на пять лѣтъ, и мы какъ почали съ тѣмъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, такъ и впередъ съ нимъ хотимъ свое дѣло дѣлати, какъ намъ милосердый Богъ поможетъ. А братъ бы нашъ дражайшій Максимьянъ, избранный Цесарь Римскій и навышшей Король, по нашей съ нимъ правдѣ и по завѣщалнымъ грамотамъ, какъ межъ насъ въ завѣщалныхъ грамотахъ написано, на того на нашего недруга на Жигомонта Короля былъ съ нами заодинъ, и дѣло бы наше и свое дѣлалъ съ тѣмъ нашимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ съ нами заодинъ; а мы какъ учинилися съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимьяномъ, избраннымъ Цесаремъ Римскимъ и навышшимъ Королемъ, въ любви и въ завѣщаніи, такъ по тому и хотимъ ему правити, и на всѣхъ его и своихъ недруговъ и на того его и своего недруга на Жигимонта Короля хотимъ съ нимъ быти заодинъ, и дѣла его хотимъ дѣлати съ нимъ заодинъ, какъ намъ милосердый Богъ поможетъ.

И послы говорили: насъ былъ Государь нашъ прислалъ о томъ, чтобъ Великій Государь съ Жигимонтомъ Королемъ учинился въ вѣчномъ миру и въ добромъ согласіѣ а не возможетъ межъ ихъ то състатися, и онъ бы съ нимъ перемирье взялъ по тому жъ, какъ иные Государеве учинилися межъ себя въ перемирьѣ, а хотятъ стояти противъ Турковъ. И то, * хрестіянского для грѣха, Великому Государю не требе; а мы скорбны о томъ, что по нашимъ грѣхомъ то не състалося межъ Государей такое дѣло.

И Князь Великій велѣлъ посломъ къ себѣ итти. И какъ пришли къ Великому Князю, и Князь Великій самъ говорилъ, а се запись, что имъ Князь Великій говорилъ. А се Великій Государь Василей, Божьею милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великій Князь, брата своего Максимьяна избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, посломъ Френчюшку и Антонью самъ наказывалъ:

Френчюшко, Антоней! которые есте намъ рѣчи говорили отъ Наияснѣйшаго и дражайшаго брата нашего Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, о миру, чтобъ намъ для брата своего дражайшаго, Максимиліана избранного Цесаря Римского и навышшего

* Въ подлинникѣ: « и тотъ ».

Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ помиритися, и мы и тѣ рѣчи у васъ выслушали и вразумѣли есмя имъ гораздо; и для брата своего дражайшего Максимьяна избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, съ Жигимонтомъ Королемъ миру есмя хотѣли, а и перемирья есмя для брата своего дражайшего, Максимиліана, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, на пять лѣтъ съ нимъ хотѣли. И посылали есмя съ вами говорити о томъ своихъ совѣтниковъ, какъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ миру и перемирью пригожъ быти. И наши совѣтники съ вами о томъ говорили многіе рѣчи да и писанье тому вамъ дали. И что съ вами наши совѣтники говорили, и то есть наши рѣчи. И вы то дѣло и тѣ рѣчи всѣ скажите брату нашему дражайшему Максимьяну, избранному Цеса. . . Римскому и навышшему Королю а для брата своего дражайша Максимиліана, избранного Римского и навышшего Ко. шенья, и нынѣ съ Жигим Королемъ миру хотимъ, а и перемирья съ нимъ для брата своего дражайшего на пять лѣтъ хотимъ, какъ межъ насъ съ Жигимонтомъ Королемъ перемирью пригожъ быти. И похочетъ съ нами Жигимонтъ Король миру или перемирья, и онъ бы къ намъ слалъ своихъ пословъ о миру. И помирится съ нами Жигимонтъ Король или перемирье съ нами возметъ, ино дай Богъ такъ. А не помирится съ нами Жигимонтъ Король и перемирья съ нами не возьметъ, и мы, съ Божіею волею, какъ почали съ тѣмъ съ своимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ свое дѣло дѣлати, такъ и впередъ съ Божіею волею съ тѣмъ съ своимъ недругомъ Жигимонтомъ Королемъ хотимъ свое дѣло дѣлати, какъ намъ милосердый Богъ поможетъ вы отъ насъ молвите брату нашему дра . . . шему Максимиліану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю: какъ съ нами учинился въ любви и въ завѣщаніѣ и правду намъ учинилъ, и какъ межъ насъ съ нимъ въ завѣщалныхъ грамотахъ писано, и онъ бы по своему съ нами завѣщанью и по завѣщалнымъ грамотамъ, на всѣхъ нашихъ недруговъ и на того на нашего недруга на Жигимонта Короля былъ бы съ нами заодинъ, и дѣло бы наше дѣлалъ съ тѣмъ съ нашимъ недругомъ съ Жигимонтомъ Королемъ съ нами заодинъ а . . . какъ учинилися съ братомъ нашимъ йшимъ Максимиліаномъ, ... Цесаремъ Римскимъ и въ любви и въ зав есмя ему ему брат . ина . быти заодинъ, и на того, на своего недруга на Жигимонта Короля хотимъ съ нимъ быти заодинъ, и дѣла его, брата своего дражайшего, вездѣ хотимъ дѣлати съ нимъ заодинъ, какъ намъ милосердый Богъ поможетъ.

Да велѣлъ имъ Князь Великій молвити Шигонѣ, да Меншему о томъ, кого осылаютъ напередъ себя къ Королю о опа грамотѣ на Великого Князя посла овъ. И послы говорили: Яновъ человѣкъ Фантурновъ не можетъ, а иного съ нами таковского а нѣтъ, съ нами наши люди Фрязовс овски и по Полски не знаютъ и Литовскіе люди и . е пригожъ. И мы напишемъ грамоту къ

Королю, а другую въ Оршу къ намѣстнику, чтобъ Оршанской намѣстникъ ту грамоту до Короля допровадилъ часа того. А Великій бы Государь ту грамоту изъ Смоленска велѣлъ послати въ Оршу. Да и присла ти грамоту къ діаку къ Меншему. И тѣ грамоты посланы въ Смо. . . .скъ съ Смагою съ Сатинымъ первый. Ав Борису послати И ѣли . сову, что Великому Государю хочетъ служити, мастеровъ добыти, а какихъ Государь прикажетъ. А Антоней говорилъ Великому Князю о Евгеніѣ, о Кипрскомъ Королевичѣ, да далъ запись.

А се запись: Наияснѣйшій и велемощнѣйш . . Началникъ! на отъѣздъ пословъ Наиясности Вашіе отъ двора Цесарского . брата дражайшего вашіе св господинъ Г. .

Статейный списокъ Цесарскаго Двора, N 2. Писанъ на бумагѣ, на 367 листахъ, въ малую 8-шку, скорописью разныхъ почерковъ. Конца недостаетъ; послѣдніе семь листковъ весьма пострадали отъ сырости, и часть ихъ заклеена. Весь списокъ переплетенъ въ юфть, съ надписью назади Цесарск. Двора, 1517—1518, № 2.

III

СНОШЕНІЯ

Царя

ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА

съ

ИМПЕРАТОРАМИ

МАКСИМИЛІАНОМЪ II И РУДОЛЬФОМЪ II.

1576—1578.

7084—1576.

Лѣта 7084, Ноября въ 29 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю изъ Смоленска воевода князь Юрьи Курлятевъ да дьякъ Гаврило Бунковъ съ Баженкомъ Трубниковымъ, что писалъ къ нему, ко князю Юрью, изъ Орши Филонъ Кмита-Чернобыльской съ Оршанскими земцы, съ Сидоромъ Ивановымъ да съ Васкою съ Полтевымъ, что идутъ ко Государю отъ Максимиліана Цесаря послы изъ рады его, Янъ Кобендзля да дворянинъ его Даніель Принцъ, а съ ними цесаревыхъ дворянъ двѣнадцать человѣкъ, да людей съ послы и съ дворяны одиннадцать человѣкъ, и въ Литовскую землю они пришли и къ рубежнымъ мѣстамъ вборзѣ. А какъ они въ Оршу придутъ, и подстаростеіі его Оршанскоії о томъ имъ впредъ вѣдомо учинитъ; и къ тому бъ дни встрѣчю посломъ, пристава, и подводы, и кормъ на рубежѣ приготовити.

И Ноября жъ въ 30 день, Царь и Великіи Князь съ сыномъ своимъ съ Царевичемъ Княземъ Иваномъ и со всѣми бояры приговорилъ послати къ цесаревымъ посломъ пристава князя Дмитрея Елецкого, а встрѣтя пословъ на рубежѣ, князю Дмитрею велѣти имъ давати кормъ дорогою и ѣхати съ ними къ Дорогобужу, а пріѣхавъ въ Дорогобужъ съ цесаревыми послы, стати, а безъ отписки съ ними къ Москвѣ не ѣздити; а посломъ ему молвити, чтобъ они подождали государева указу въ Дорогобужѣ, а указъ имъ будетъ Царского Величества ближними великими людьми часа того. А ѣдучи князю Дмитрею съ ними, дорогою развѣдати, какіе люди послы у Цесаря и о каковѣ дѣлѣ чаяти ко Государю идутъ, и послы ли, или посланники или гонцы, и отъ самого ли Цесаря или отъ совѣтниковъ идутъ, и съ которого мѣста отъ Цесаря поѣхали? Да что провѣдаетъ, и ему тотъ часъ ко Государю отписать. А кормъ ему посломъ велѣти давати по выписи, какова съ нимъ выпись послана, и ихъ беречи, чтобъ имъ кормъ давали сполна. И будетъ послы цесаревы придутъ, а не посланники и не гонцы, и Царь и Великіи Князь приговорилъ ѣхати въ Дорогобужъ бояромъ Никитѣ Романовичю Юрьеву, князю Василью Андреевичю Сицкому, да дьяку Андрею Щелкалову. А пріѣхавъ въ Дорогобужъ, бо-

яромъ и дьяку Андрею Щелкалову учинити съѣзжей дворъ, чтобъ имъ къ посломъ на подворье не ѣхати, а посломъ бы къ бояромъ на подворье не ѣхати, а прiѣхать вмѣстѣ на съѣзжей дворъ. А съѣхався съ послы цесаревыми, бояромъ и дьяку Андрею пословъ цесаревыхъ выпросити, о каковѣ дѣлѣ они ко Государю пришли; а нынѣ имъ вскорѣ у Государя быть не можно, и Государь для того такихъ своихъ людей великихъ, ближнюю свою думу прислалъ, а велѣлъ ихъ, цесаревыхъ пословъ, роспросити, что ихъ приходъ и что ихъ дѣло? Да имянно о томъ роспросити: о Литовскомъ дѣлѣ, о Корунѣ Польской и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и о цесаревѣ сынѣ на Великое Княжество, и о Нѣмецкомъ, о Ливонскомъ дѣлѣ съ ними дѣло и приказъ есть ли? И будетъ цесеревы послы скажутъ, что они идутъ ко Царю и Великому Князю просить того, чтобъ Государь, Царь и Великiй Князь былъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ или Царевича отпустилъ, или будетъ идутъ о цесаревѣ сынѣ на Великое Княжество, и имъ тотчасъ къ Государю отписати, и посломъ быти у Государя въ Можайску.

А въ Смоленскъ къ воеводѣ ко князю Юрью Курлятеву да къ дьяку къ Гаврилу Бункову писалъ Царь и Великiй Князь того жъ дни, съ Смоленскимъ гонцомъ съ Боженкомъ съ Трубниковымъ; а велѣлъ цесаревымъ посломъ въ приставы послать на рубежъ Игнатья Зубова, и кормъ и подводы изготовити, и отписать отъ себя велѣлъ князю Юрью въ Оршу къ Филону Кмитѣ, что цесаревымъ посломъ, и дворяномъ и ихъ людемъ приставъ и кормъ и подводы на рубежѣ готовы, и цесаревы бы послы

шли на рубежъ, не мѣшкая. А какъ цесаревы послы на рубежъ придутъ, и въ приставѣхъ бы у нихъ велѣли быти Игнатiю Зубову, да съ Игнатьемъ же бъ послали для встрѣчи и для корму съ середнихъ статей добрыхъ дѣтей боярскихъ, которымъ съ Игнатьемъ Зубовымъ ѣхати. Да для встрѣчи велѣно послати лутчихъ дѣтей боярскихъ пятьдесять человѣкъ съ болшихъ статей. А какъ Игнатей Зубовъ съ цесаревыми послы, и съ дворяны и съ ихъ людми въ Смоленскъ придутъ, и пословъ бы цесаревыхъ изъ Смоленска отпустили къ Дорогобужу; а шли бъ они потише. А какъ въ Дорогобужъ придутъ, и Игнатей бъ Зубовъ съ цесаревыми послы сталъ въ Дорогобужѣ, а изъ Дорогобужа безъ государева указу не ходилъ.

А се таковъ наказъ данъ князю Дмитрею Елецкому. «Память князю Дмитрею Петровичю Елецкому. Государь, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи велѣлъ ему ѣхати въ Смоленскъ противъ цесаревыхъ пословъ Яна Кобендзли да Даніеля Прпнца. И князю Дмитрею, прiѣхавъ въ Смоленскъ, молвити воеводѣ князю Юрью Костянтиновичю Курлятеву да дьяку Гаврилу Бункову, чтобъ они на рубежѣ подводы и кормъ цесаревымъ посломъ изготовили, и отписалъ бы князь Юрьи въ Оршу къ Филону Кмитѣ, чтобъ цесаревы послы шли на рубежъ. И какъ изъ Орши Филонъ ко князю Юрью отпишетъ, къ которому дни цесаревы послы на рубежъ будутъ, и князю Дмитрею, да съ нимъ Игнатью Зубову для корму ѣхать на рубежъ; а у воеводы у князя Юрья и у дьяка у Гаврила взять дѣтей боярскихъ, которымъ съ нимъ быти у пословъ, двадцать сыновъ боярскихъ доб-

рыхъ, да для встрѣчи взять князю Дмитрею лутчихъ самыхъ дѣтей боярскихъ семдесять человѣкъ, которые бы наряды и конны, и ѣхати на рубежъ противъ цесарскихъ пословъ. А какъ на рубежѣ съ цесарскими послы съѣдутся, и князю Дмитрею молвити цесарскимъ посломъ: Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи приказные люди велѣли мнѣ васъ встрѣтити, и въ приставѣхъ у васъ быти и кормъ вамъ дорогою давати. Да ѣхати ему съ ними въ Смоленескъ, а изъ Смоленска въ Дорогобужъ; а пріѣхавъ въ Дорогобужъ, стати съ ними въ Дорогобужѣ, да о своемъ пріѣздѣ отписати къ Государю, Царю и Великому Князю тотъ часъ; а безъ обсылки съ ними изъ Дорогобужа къ Москвѣ одноличпо не ѣздити. А посломъ ему молвити, чтобъ они подождали государева указу въ Дорогобужѣ, а указъ имъ будетъ Царского Величества ближними великими людми часа того. А ѣдучи, князю Дмитрею съ ними дорогою розвѣдывати: какіе люди послы у Цесаря, и о каковѣ дѣлѣ чаяти ко Государю идутъ, и послы ли или посланники или гонцы, и отъ самаго ли Цесаря или отъ совѣтниковъ идутъ, и съ которого мѣста отъ Цесаря поѣхали? да что о томъ провѣдаетъ, и ему о томъ отписати къ Государю. А будетъ князь Дмитрей цесарскихъ пословъ встрѣтитъ межъ Смоленска и Дорогобужа, и князю Дмитрею, встрѣтясь съ цесарскими послы, по тому жъ молвити, и ѣхати съ ними въ Дорогобужъ, и стати въ Дорогобужѣ, и быти съ ними въ Дорогобужѣ до государева указу, а безъ государева указу одноличпо изъ Дорогобужа не ѣздити. А въ Дорогобужѣ князю Дмитрею стояти съ ними одаль Крымскихъ гонцовъ. А для кормовъ и для розсылокъ въ Дорогобужѣ имать князю Дмитрею у прикащика у Истомы у Ермолина розсыльщиковъ, сколко ему надобно; и того беречи накрѣпко, чтобъ въ кормѣхъ посломъ во всемъ было доволно, а давать велѣти посломъ кормъ по Московской выписи. А что въ розговорѣ цесаревы послы или цесаревы дворяне поговорятъ, и что у нихъ князь Дмитрей провѣдаетъ, о томъ о всемъ князю Дмитрею отписывати къ Государю часа того, что ни поповится».

И Декабря въ 3 день, писали ко Царю и Великому Князю изъ Смоленска князь Юрьи Курлятевъ да дьякъ Гаврило Бунковъ съ Микулою съ Козловымъ, что писали къ нимъ изъ Орши цесаревы послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ съ Оршанскимъ земцомъ съ Гаври(л)комъ Михайловымъ, что они въ Оршу пришли Ноября въ 25 день въ Пятницу, а подстаростей Ршаньской Юрьи Ивановъ писалъ къ нему, ко князю Юрью, съ тѣмъ же съ Оршанскимъ земцомъ, что цесаревы послы въ Оршу пришли Ноября въ 26 день, а на рубежъ будутъ въ Четвергъ Декабря въ 1 день, и имъ бы встрѣчю къ нимъ пристава, и кормъ, да сорокъ подводъ на тотъ срокъ прислати.

И Декабря же въ 7 день, писали къ Царю и Великому Князю изъ Смоленска воевода князь Юрьи Курлятевъ да дьякъ Гаврило Бунковъ съ Андреемъ Делевшинымъ, что цесаревы послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ на рубежъ пришли Декабря во 2 день въ Пятницу, а дворянъ цесаревыхъ съ послы двѣнадцать человѣкъ, а людей съ послы и съ дворяны одиннадцать человѣкъ, а лошадей пѣтъ. А се имена цеса-

ревымъ дворяномъ, которые пришли съ послы съ Яномъ и съ Даніелемъ: Криштофъ Герберстень, Янъ Волфъ Студенбергатъ, Олбрах.... Панкратъ Схротинбахъ, Михелъ Волцокгенъ, Францъ Гелманъ, Якубъ Рендингенъ, Янъ Бабтыста Северліюсъ, Гендрихъ, Гейкгелъ, Юрьи Утманъ, Адамъ Тымъ.

И Декабря жъ въ 8 день, писали ко Царю и Великому Князю изъ Смоленска воевода князь Юрьи Курлятевъ да дьякъ Гаврило Бунковъ съ розсылщикомъ съ Гришею съ Шатихинымъ, что цесаревы послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ Смоленскъ прошли Декабря въ 4 день въ Субботу; а первой станъ посломъ былъ, проѣхавъ Смоленскъ версты съ три, въ Богдановѣ околицѣ; а князь Дмитрей Елецкой съ дѣтми боярскими встрѣтилъ пословъ за посадомъ версты съ четыре. А какъ Игнатей Зубовъ пословъ на рубежѣ встрѣтилъ, и пріѣхавъ, имъ сказывалъ, что съ нимъ послы, ѣдучи дорогою, въ розговорѣ говорили: что ихъ послалъ Государь ихъ Максимиліянъ Цесарь ко Царю и Великому Князю о великомъ дѣлѣ, и какъ де у Государя будемъ и Государю де вашему то дѣло будетъ добрѣ любо, и насъ де ко Государю нашему, не издержавъ, тотъ часъ отпуститъ; а сказываются оба послы, а не посланники и не гонцы.

Декабря жъ въ 10 день, такову грамоту прислалъ ко Царю и Великому Князю князь Дмитрей Елецкой съ Филипомъ Неѣловымъ: «Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи холопъ твой Митка Елецкой челомъ бьетъ. Пріѣхалъ язъ, холопъ твой, съ цесарскими послы въ Дорогобужъ Декабря въ 6 день, и по твоему государеву наказу стою съ ними въ Дорогобужѣ до твоего государева указу. А какъ, Государь, сказалъ язъ посломъ то, что имъ въ Дорогобужѣ побыть до твоего государева указу, а указъ имъ будетъ твоими государскими думными великими людьми, и они, Государь, въ великое сумнѣнье вошли, а говорятъ мнѣ съ великими гнѣвными словы, а хотятъ ѣхать къ Москвѣ; а говорятъ, Государь, прежде сего въ прежнихъ лѣтѣхъ бывали отъ нашего Государя, отъ Цесаря отъ хрестьянского послы къ вашему Государю и не наша братья, моложе насъ, да и не о такомъ де дѣлѣ о великомъ хаживали, о чемъ мы нынѣ идемъ, и тѣхъ де здѣся не держивали, тотъ часъ ко Государю пущивали; а мы дей живемъ при Государѣ своемъ при Цесарѣ, у Государя дей мы у своего думные люди, а идемъ съ великимъ дѣломъ, да и въ иные де во всѣ Государства отъ нашего Государя послы и посланники и гонцы ходятъ, и вездѣ дей вольны живутъ, а не невольны. Да мнѣ же, Государь, говорятъ: не дашь дей намъ подводъ, и ты дей вели намъ лошадей продать, и мы дей лошади купимъ или дей пѣши идемъ, а Государя своего, Цесаря хрестьянского, повелѣнье исполнимъ; Государь дей нашъ, Цесарь хрестьянской, послалъ ко Государю, Царю и Великому Князю о великомъ дѣлѣ, что дей годно обѣма Государемъ нашимъ; а для дей того великого дѣла Государя нашего, Цесаря хрестьянского, намъ о томъ именной былъ приказъ, а велѣлъ намъ къ Москвѣ итти и назадъ на спѣхъ; а какъ дей увидимъ Государя, Царя и Великого Князя очи и исправимъ отъ Государя своего посольство, тогды де Государь и самъ насъ отпуститъ, чаемъ, наскорѣ для

своего вобчего дѣла. И язъ, холопъ твой, посломъ то отговариваю, чтобъ имъ быти въ твоемъ государскомъ повелѣньѣ, и ждали бъ въ Дорогобужѣ твоего государского указу. Да послы жъ, Государь, со мною въ розговорѣхъ говорили: шли деи мы черезъ Литовскую землю и были дей мы въ Вильнѣ у бискупа да у Паца, а воеводы деи Виленского въ Вильнѣ нѣтъ, поѣхалъ де въ Польшю па раду. Да съ послы жъ, Государь, два толмача Литовскіе люди, а зовутъ одного Счястнымъ, а другаго Кирилкомъ, оба Ляхи; а сказываютъ, Государь, взяли ихъ послы, въ Литвѣ ѣдучи, съ собою для толмачества. И тѣ, Государь, толмачи со мною въ разговорѣхъ говорили: были де съ цесарскими послы отъ Цесаря въ Литву къ воеводамъ и къ большимъ людемъ листы о посольскомъ проѣздѣ черезъ Литовскую землю, и Литовскимъ де людемъ не хотѣлося ихъ пустити чрезъ свою землю, да бояся деи Цесаря, пустили; а слово де объ нихъ въ Литвѣ то: идутъ де тѣ послы отъ Цесаря къ Московскому Государю на совѣтъ, чтобъ де имъ заодинъ промыслить, а Литовская земля межъ себя роздѣлить. Да тотъ же, Государь, толмачь Кирилко говорилъ: сего де лѣта у Цесаря подъ Вѣдною былъ бой съ Турскимъ Салтаномъ, и Турской де у Цесаря многихъ людей побилъ и воеводъ болшихъ многихъ побилъ и поималъ, и Цесарь деи для того пословъ послалъ ко Государю, чтобы деи ему съ Московскимъ Государемъ и съ Литовскою землю содиначиться на Турского Салтана. А впередъ, Государь, что отъ пословъ поновится, и язъ, холопъ твой, тотъ часъ къ тебѣ Государю отпишю».

И Декабря жъ въ 11 день, писалъ Царь и Великій Князь ко князю Дмитрею Елецкому съ Иваномъ Ооопасьевымъ. Писалъ онъ князь Дмитрей, что послы цесаревы изъ Дорогобужа ѣхать хотятъ, а говорятъ, что имъ того николи не бывало, чтобъ на дорогѣ держати; и онъ бы имъ розсужалъ накрѣпко, чтобъ они дѣлали такъ, какъ имъ велятъ: пріѣхали они не указывати. Да сказалъ бы имъ, что ему отъ Государя указъ пришелъ, что Государь къ нимъ въ Дорогобужъ отпустилъ отъ себя съ своимъ указомъ ближнихъ своихъ людей, бояръ, Никиту Романовича Юрьева съ товарищи, а уже они въ дорогѣ, и въ Дорогобужъ будутъ часа того, и они бъ государевыхъ ближнихъ людей со государевымъ указомъ подождали. Да розсужалъ бы имъ накрѣпко, а изъ Дорогобужа бъ ихъ одноличпо не пускалъ; а кормъ бы посломъ давалъ доволенъ, а чего въ запросъ ни попросятъ, и онъ бы имъ . . . , чтобъ имъ одноличпо въ кормѣхъ нужи не было.

А се таковъ наказъ данъ боярину Никитѣ Романовичю съ товарищи Декабря въ 12 день, какъ ихъ отпустилъ Царь и Великій Князь къ цесаревымъ посломъ въ Дорогобужъ. Память боярину и намѣстнику Тверскому Никитѣ Романовичю Юрьеву, да боярину и намѣстнику Можайскому князю Василью Андреевичю Ситцкому-Ярославскому, да дьяку Андрею Яковлеву сыну Щелкалову: ѣхати имъ въ Дорогобужъ, а пріѣхавъ въ Дорогобужъ, велѣти имъ устроити съѣзжей дворъ; да, сослався съ цесаревыми съ Максимиліановыми послы, съ Яномъ съ Кобендзлею да съ Даніелемъ Принцомъ, съѣхатися съ ними на съѣзжей дворъ, а съѣхався съ послы, молвити имъ рѣчь:

«Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и

Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохансків, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всеа Сибирскіе земли и сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинные земли Лифлянскіе и иныхъ, Великого Государя Максимиліяна второго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя, Нѣмецкого, Угорского, Чешского, Долматцкого, Кроатцкого и Шлявонского и иныхъ, Короля и Архикнязя Аустрѣйского, Князя Бургунского, Штырского, Коратынского, Корніолского и Вертемборского, Графа Тирольского и иныхъ, вамъ, посломъ Яну Кобензлѣ да Даніелю Принцу велѣлъ говорити: писалъ къ намъ изъ нашіе отчины изъ Смоленска воевода нашъ князь Юрьи Костянтиновичь Курлятевъ о вашемъ пріѣздѣ, и мы послали въ Дорогобужъ своихъ ближнихъ людей, боярина и намѣстника Тверского Никиту Романовича Юрьева, боярина и намѣстника Можайского князя Василья Андреевича Ситцкого-Ярославского, діака Андрея Яковлева сына Щелкалова; а велѣли есмя бояромъ своимъ, съѣхався на съѣзжей дворъ, переговорити, о каковѣ дѣлѣ присланы есте отъ брата нашего отъ Максимиліяна Цесаря. И какъ бояре наши будутъ съ вами вмѣстѣ, и вы бъ нашимъ бояромъ изъявили, о каковѣ дѣлѣ братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь васъ, своихъ пословъ, къ намъ прислалъ, чтобъ намъ дѣло ваше было объявлено. И будетъ цесаревы послы дѣло объявятъ, и бояромъ Никитѣ Романовичю Юрьеву съ товарищи, рѣчи ихъ записавъ, ѣхать ко Государю, Царю и Великому Князю, не мѣшкая; а посломъ велѣть побыти въ Дорогобужѣ до государева указу, а сказать имъ, что имъ Государь, Царь и Великій Князь велитъ быть вскорѣ у себя, и очи свои видѣти велитъ. А будетъ цесаревы послы дѣла объявить не похотятъ, и бояромъ Никитѣ Романовичю Юрьеву съ товарищи пословъ уговаривать накрѣпко и розсужати имъ и неодинова, съѣхався: будетъ вы, послове, тому удивляетеся, что васъ Государь, Царь и Великій Князь на дорогѣ выпросити велѣлъ, не давъ вамъ своихъ очей видѣти, и вы, послове, тому не удивляйтеся; всякое дѣло живетъ по случаю; то не бывало . . . , что на дорогѣ пословъ спрашивати о дѣлѣ, а и то не бывало же, что столь далеко такимъ ближнимъ людемъ съ вами съ послы о дѣлѣ говорити; для того что отъ Государя вашего отъ Максимиліяна Цесаря пріѣзжали ко Государю нашему, Царю и Великому Князю торговые люди, а сказывалися посланники и гонцы, и Государь нашъ учинилъ имъ почесть по прежнему, какъ пригоже посланникомъ и гонцомъ, а розсмотрятъ ихъ, а они гости, торговые люди; и Государь нашъ для того насъ своихъ ближнихъ людей послалъ, а велѣлъ васъ роспросити: какіе вы люди у Цесаря, и по прежнему ли вы обычаю пріѣхали, какъ прежніе послы бывали? и дѣло бъ ваше Государю нашему было въ вѣдомѣ. И вамъ за то за что стояти, что дѣла Государя своего не объявити? мы ни грамоты, ни рѣчей у васъ не просимъ, только скажите, что за вами дѣло? а и сами

то можете розсудити: хотя вы и у Государя нашего на посольствѣ будете, и въ отвѣтѣ съ вами такимъ же людемъ ближнимъ быти, нашей братьѣ, и о всякихъ дѣлѣхъ говорити съ вами, что межъ Великихъ Государей пастоитъ: и вамъ, послове, за что стояти, что дѣла своего не объявити? А одноличко уговаривати и розсужати накрѣпко, чтобъ послы цесаревы всякое дѣло объявили, съ чѣмъ пришли? И будетъ ихъ отнюдь немочно уговорити и дѣла своего никоторого не объявятъ, и бояромъ Никитѣ Романовичю Юрьева съ товарищи посломъ молвити: коли намъ никоророго дѣла не объявите, ино за вами и дѣла нѣтъ, и вамъ часа того назадъ и отпускъ будетъ изъ Дорогобужа. И ѣхати бояромъ Никитѣ Романовичю съ товарищи ко Государю къ Москвѣ ранѣе, а посломъ цесаревымъ велѣти побыти въ Дорогобужѣ до государева указу, и кормъ имъ велѣти давати по наказу».

И Декабря жъ въ 20 день, таковъ списокъ привезли ко Царю и Великому Князю изъ Дорогобужа бояринъ Никита Романовичь съ товарищи:

«Декабря въ 16 день, были бояре: бояринъ и намѣстникъ Тверской Никита Романовичь Юрьевъ, бояринъ и намѣстникъ Можайской князь Василей Андреевичь Сицкой, да дьякъ Андрей Яковлевъ сынъ Щелкаловъ въ Дорогобужѣ на съѣзжемъ дворѣ съ цесаревыми послы. И рѣчь бояре по наказу изговорили посломъ толмачемъ Нѣмецкимъ, и послы цесаревы, выслушавъ рѣчей, поотошли въ уголъ, да межъ себя долго говорили, да пришедъ, почали говорить, первое: Царскому Величеству бьемъ челомъ на его жалованьѣ, что по его Царскому приказу къ намъ, посломъ Государя Великого Максимиліяна Римского Цесаря, честь въ дорогѣ великая была отъ Его Царского Величества намѣстника и воеводы Смоленского князя Юрья Костянтиновича Курлятева, на границѣ на Смоленской приставомъ (Иг)натье(мъ) Зубовымъ и въ кормѣхъ и въ подводахъ во всякой почтивости; потомъ у мѣста у Смоленского отъ Царского Величества дворяниномъ, княземъ Дмитреемъ Петровичемъ Елецкимъ всякую почтивость великую во всемъ видѣли есмя и нынѣ видимъ; и мы за такое за Царское великое жалованье выславлять будемъ передъ Цесаремъ Государемъ и передо всѣми Государи великими. А нынѣшніе ваши, великихъ пановъ, рѣчи насъ въ великую скорбь довели: мы обрадовалися были, что отъ такого отъ Великого Государя, отъ Царя и Великого Князя, такіе люди великіе пріѣхали и намъ велѣли съ собою съѣхатися, а мы такого обычая и науку отъ своего Государя не имѣемъ, что намъ великое такое дѣло, которое намъ поручено отъ нашего отъ Великого Государя, отъ Максимиліяна Цесаря, рѣчи, и грамота вѣрющая, и многіе великіе дѣла никому иному изъявить намъ невозможно, кромѣ Великого Государя, Царя и Великого Князя, къ кому есмя отъ своего Государя отъ Великого отъ Максимиліяна Цесаря посланы. А которое дѣло мочно намъ вамъ объявить, и мы объявимъ не отъ велика».

И бояре говорили посломъ: мы не хотимъ, что вамъ рѣчи Государя своего Максимиліяна Цесаря нынѣ говорить, которые на посолствѣ вамъ, будучи у Государя нашего, у Царя и Великого Князя,

говорить; мы того вамъ и въ своихъ рѣчѣхъ не говаривали. Мы отъ своего Государя, отъ Царя и Великого Князя одно вамъ говорили, чтобы вы дѣло свое объявили намъ, съ чѣмъ вы присланы ко Государю нашему, Царю и Великому Князю отъ Максимиліяна Царя? Государь нашъ, Царь и Великій Князь насъ послалъ въ Дорогобужъ, а велѣлъ васъ роспросить, о каковѣ дѣлѣ вы отъ своего Государя присланы, и по прежнему ли обычаю посольскимъ обычаемъ присланы есте? чтобъ про то Государю нашему въ вѣдомѣ было; для того что ко Государю нашему многіе изъ цесаревы области пріѣзжали, а скажются на украинахъ посланники и гонцы отъ Цесаря, и грамоты у себя скажютъ, и рѣчи ко Государю отъ Цесаря о великихъ дѣлѣхъ; и Государь нашъ, Царь и Великій Князь, брата своего Максимиліяна Цесаря любячи, тѣхъ Государя вашего людей, которые назовутся гонцы и посланники Государя вашего, велитъ встрѣтити со всякою почтивостью, и приставы и кормы въ дорогѣ имъ даютъ по прежнему обычаю; а какъ ко Государю нашему, гдѣ имъ быть на посольствѣ, пріѣдутъ тѣ люди, и Государь нашъ отъ своего Царского Величества своимъ приказнымъ людемъ велитъ ихъ роспросити, и они объявятся купецкими людьми, и грамоты съ ними отъ Цесаря о купецкомъ дѣлѣ а не о посольскомъ; а иные объявятся купецкими людьми у Государя нашего на посольствѣ. Пріѣзжалъ ко Государю нашему Юрьи Кремеръ, а назывался гонцомъ, а объявился у Государя, пріѣхавъ, купцомъ, и грамоты съ нимъ отъ Цесаря объ одномъ о купечествѣ. А сего лѣта ко Государю нашему пріѣзжалъ въ Старицу Иванъ Глазовъ, а назвался гонцомъ и за собою сказывалъ великое дѣло въ Великомъ Новѣгородѣ, а въ Старицѣ объявился торговымъ же человѣкомъ. И Государь нашъ, Царское Величество, хотѣлъ былъ на нихъ и опалу положить за ихъ воровство, да видя Государь нашъ, Царь и Великій Князь, грамоты брата своего дражайшаго Максимиліяна Цесаря съ ними, и любя брата своего, хоти и не о посольскомъ дѣлѣ, да имя цесарево объявилося въ его грамотѣ и печать цесарева, отпустить ихъ велѣлъ со всѣми ихъ товары и сторговався; а впередъ хотѣлъ о такихъ ворѣхъ ко брату своему Максимиліяну Цесарю приказати. И какъ вы на рубежъ пришли, а объявили изъ Орши про васъ Ршанской и Литовскоіі державецъ Филонъ Кмита, что вы идете великіе послы отъ Максимиліяна Цесаря, а съ вами цесаревыхъ дворянъ шесть человѣкъ, а лошадей сорокъ, и на рубежъ бъ по тому и кормы готовили; а какъ вы пришли на рубежъ, и съ вами лошади ни одное нѣтъ, а дворянъ сказали съ вами двѣнадцать человѣкъ, и первое письмо не по тому объявилося. И Государь нашъ и для того послалъ насъ, своихъ ближнихъ людей, васъ роспросити, послы ли вы или посланники, и будетъ есте послы, и по прежнему ли есте обычаю посольскимъ обычаемъ присланы отъ брата его отъ Максимиліяна Цесаря? чтобъ Государю нашему, Царю и Великому Князю было въ вѣдомѣ.

И послы бояромъ говорили: которые Государя нашего цесаревы купецкіе люди пріѣзжали ко Государю вашему, а назывались гонцы, а они купецкіе люди, того Государь нашъ Цесарь Максимиліянъ не вѣдаетъ

ничего; да и мы, думные его совѣтники, про то не слыхали; а свѣдаетъ про то Цесарь, и тѣмъ всѣмъ быти кажненымъ (за) такіе непригожіе дѣла; а межъ такихъ великихъ Государеіі какъ дѣлать такъ? А мы люди у Государя своего у Максимиліяна Цесаря ближніе: язъ, Янъ, думной человѣкъ у Государя своего и въ вѣрющей грамотѣ описанъ есми отъ своего Государя думнымъ человѣкомъ, а язъ, Даніель Принцъ, цесаревъ дворянинъ ближнеіі, на то на великое дѣло на посолское и учиненъ есми ѣздить по Государствамъ о великихъ дѣлѣхъ межъ Государи, какъ и иные дворяне на то устроены у Цесаря. А идемъ посольскимъ обычаемъ по прежнему обычаю и свыше прежнего обычая, какъ прежъ сего наша братья послы межъ великихъ Государеіі нашихъ и вашихъ хаживали, и дѣла за нами великіе многіе, и наука за нами цесарева о всякихъ дѣлахъ есть сдѣлати и закрѣпити всякое болшое дѣло. А о которыхъ дѣлѣхъ Государь нашъ присылалъ ко Государю вашему Григорья Вестьфалуса и Павлуса Магнуса для покою хрестьянского и братцкіе любви, и Государь вашъ Государя нашего гонца Григорья Вестьфалуса, милостивно приневъ и жаловавъ и чтивъ, отпустилъ ко Государю нашему, а съ нимъ ко Государю нашему къ Максимиліяну Цесарю отпустилъ своего гонца Никона Ушакова. И Государя вашего гонца Никона Ушакова и Государя нашего гонца Григорья Вестьфалуса на морѣ взяли Свѣйскіе Нѣмцы, и Государя нашего гонца Григорья отпустили ко Государю нашему къ Максимиліяну Цесарю, и грамоту Государя вашего, что Государь вашъ послалъ къ брату своему, ко Государю нашему къ Максимиліяну Цесарю съ Никономъ съ Ушаковымъ, Государя нашего гонецъ Григорей Вестьфалусъ до Государя нашего Максимиліяна Цесаря донесъ, за Государевою Царевою печатью запечатана цѣла; а Никона Ушакона въ Свѣйскоіі землѣ задержали. И Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь, выслушевъ Государя вашего грамоту о братцкоіі любви, велми порадовался, видя такую Государя вашего себѣ братцкую любовь и пріятельство; скоро тотъ часъ въ Свѣйскую землю къ Свѣйскому Королю свою грамоту съ великою опалою послалъ, что онъ такъ учинилъ негораздо, и онъ бы тотъ часъ Никона Ушакова со всѣмъ, сыскавъ его животы, отпустилъ къ нашему Государю, а не отпустить его къ Цесарю, и на него за то отъ Государя нашего отъ Цесаря опала будетъ. А приговоря Государь нашъ со всѣми своими совѣтники, насъ ближнихъ своихъ людеіі наряди посольскимъ обычаемъ о великихъ дѣлѣхъ и о братцкоіі любви, о старомъ докончаньѣ межъ Великихъ Государеіі, какъ прежъ сего были докончанья, тѣ дѣла подтвердити, и о всѣхъ о тѣхъ дѣлѣхъ о новыхъ, что въ тоіі грамотѣ писано, о любви и о братствѣ, и о Литовскомъ дѣлѣ и о всякомъ хрестьянскомъ прибыткѣ, съ нами о всемъ отвѣтъ Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь наказалъ и дѣлатъ велѣлъ. А нынѣ намъ подлинно тѣхъ дѣлъ, покамѣста государскіе царскіе очи увидимъ и къ его царскоіі персонѣ отъ своего Государя отъ цесаревы персоны исправимъ поклонъ и поздравленье, и толды всякое дѣло объявится. А вы бъ, панове рада, о томъ на насъ не погнѣвались, а Государю своему, Царю и Великому Князю отъ насъ, отъ подданныхъ Государя на-

шего Максимиліяна Цесаря челобитье донесли, чтобъ Государь, Его Царское Величество, намъ, вѣрнымъ слугамъ Государя нашего Максимиліяна Цесаря, велѣлъ свои царскіе очи видѣти вскорѣ. А отъ Государя нашего Максимиліяна Цесаря намъ имянной приказъ о томъ, чтобъ скоро ѣхати и проситися къ Государю, Царю и Великому Князю наскоро, чтобъ его царскіе очи видѣти ранѣе и дѣло вскорѣ объявити; а какъ наши рѣчи и посолство выслушаетъ Государь вашъ, Царь и Великій Князь, и мы начаемся милосердья Божья, что нашего Государя Максимиліяна Цесаря дѣло, что съ нами наказано Государю вашему, будетъ Государю вашему, Царю и Великому Князю любо, и всѣмъ Государемъ хрестіянскимъ къ покою и къ оборонѣ; и насъ, чаю, Государь вашъ часу не задержитъ. А Государь нашъ, кой часъ выслушевъ грамоту Государя вашего, которая была послана съ Никономъ съ Ушаковымъ, порадовався такой любви, которые при немъ, при Государѣ, были мы, его поддапые, не давъ намъ ни часу мѣшкати, отпустилъ послѣ Покрова на подводахъ, и черезо всѣ чюжіе Государства ѣхали есмя все на подводахъ для поспѣшенья; гдѣ намъ давали и мы ѣхали на подводахъ, а гдѣ не давали, и мы наймовали.

И бояре, вспросили пословъ: отъ которого мѣста Государь вашъ Максимиліянъ Цесарь къ Государю нашему, Царю и Великому Князю васъ отпустилъ, и на которые есте мѣста къ Государю нашему шли, и въ Литвѣ есте у пановъ радъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского были ли, и грамота съ вами отъ Государя вашего отъ Максимиліяна Цесаря въ Литву къ паномъ радамъ была ли, и кормъ вамъ и подводы были ли въ Литвѣ?

И послы бояромъ говорили: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь насъ къ Государю вашему, Царю и Великому Князю отпустилъ изъ Вѣдны, а былъ въ Вѣднѣ на съемѣ: насъ съ сонму, всею землею приговоря, и отпустилъ. А шли есмя черезъ Угорскую и черезъ Чешскую землю на Прусскую землю, а съ Прусской земли шли есмя на Вильну. А въ Литвѣ есмя у пановъ радъ не были и грамоты съ нами отъ Государя нашего отъ Максимиліяна Цесаря къ Литовскимъ и Польскимъ паномъ не было. А кормъ намъ и подводы въ Угорской и въ Чешской землѣ былъ; а на Прусской землѣ Княже Прусской Государю нашему во племяни, и Прусской Княже подводы намъ и приставы и свои лошади и кормъ давалъ доволно, и грамоту отъ себя съ нами послалъ до Виленского бискупа и до пановъ радъ Литовскихъ, о пропускѣ. И пришли есмя въ Вильну, а изъ Вильны шли до границы Государя вашего, наймовали извощиковъ и подводы, а подводъ намъ и корму изъ Вильны не давали. Толко Виленской бискупъ далъ проѣзжюю грамоту до границы. А какъ есмя пришли на Государя вашего границу, и намъ подводы и кормъ на Государя вашего границѣ и до сѣхъ мѣстъ даютъ великой, со всякою почтивостью.

А се такова грамота послана отъ Государя въ Дорогобужъ къ цесаревымъ посломъ съ Григорьемъ съ Ярцовымъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого Царя Казанского, Царя Асторохансково, Государя Псковского и Великого

Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные Страны Повелителя, и Государя отчинного земли Лифляпскіе и иныхъ,—брата нашего дражайшего Максимиліяна второго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя, Нѣмецкого, Угорского, Чешского, Долмацкого, Кроацкого, и Шлявонского, и иныхъ, Короля и Архикнязя Аустрѣйского, Князя Бургунского, Штырского, Каратынского, Карніолского и Вертемборскаго, Графа Тирольского и иныхъ, великимъ посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу. Посылали есмя въ вамъ бояръ, ближнюю свою думу, боярина своего и намѣстника Тверского Никиту Романовича Юрьева, да боярина своего и намѣстика Можайского князя Василья Андреевича Ситцкого-Ярославского, да дьяка своего ближнего Андрея Яковлева сына Щелкалова васъ роспросити, о каковѣ есте дѣлѣ отъ дражайшаго брата нашего отъ Максимиліана Цесаря къ намъ присланы, и по прежнему ли посольскимъ обычаемъ къ намъ присланы есте, чтобъ намъ про то было въ вѣдомѣ? И вы нашимъ бояромъ и дьяку нашему объявили, что вы брата нашего Максимиліана Цесаря Римского послы, а идете къ намъ отъ брата нашего отъ Максимиліана Цесаря о великихъ дѣлѣхъ прежніе пашіе любви и братства подкрѣпить и о новыхъ дѣлѣхъ о всякихъ, что межъ насъ съ дражайшимъ братомъ нашимъ къ покою и къ любви. И вы бъ, брата нашего Максимиліяна Цесаря послы, о томъ не поскорбѣлись, что есмя вамъ нынѣ очей своихъ вскорѣ видѣти не велѣли, занже зашли насъ многіе наши дѣла, были есмя въ отъѣздѣ въ своихъ Государствахъ; а будемъ въ Можайску часа того, и вамъ велимъ быти у себя въ Можайскѣ и свои очи видѣти, и брата своего дражайшаго Максимиліяна Цесаря съ вами приказъ выслушаемъ, и дѣлати съ вами велимъ о всякихъ дѣлѣхъ, что межъ насъ, великихъ Государей, настоитъ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта 7084 Декабря мѣсяца».

А ко князю Дмитрею Елецкому Царь и Великій Князь писалъ съ Григорьемъ же съ Ярцовымъ: какъ Григорей къ цесаревымъ посломъ съ его, государевою, грамотою пріѣдетъ, и онъ бы Григорья посломъ сказалъ, что Государь, Царь и Великій Князь прислалъ къ нимъ съ своею государевою грамотою своего сына боярского; да тое бы грамоту Григорей посломъ отдалъ.

И Генваря въ 7 день, писалъ Царь и Великій Князь въ Дорогобужъ ко князю Дмитрею Елецкому съ Тимохою съ Головачевымъ, а велѣлъ съ цесаревыми послы изъ Дорогобужа итти въ Вязьму въ первой Четвергъ послѣ крещенья Христова; и въ Вязьмѣ съ послы велѣлъ Государь постоять до своего государева указу. А посломъ цесаревымъ велѣно ему сказати, что ему отъ Государя указъ пришолъ: велѣно ему съ ними ѣхати изъ Дорогобужа въ Вязьму, для того, какъ имъ велитъ Государь къ себѣ быти въ Можаескъ, и имъ изъ Вязьмы ѣхати къ Государю въ Можаескъ ближе; а Государь въ Можаескъ будетъ часа того, и очи свои тотчасъ велитъ имъ видѣти и посольство ихъ

выслушаетъ. А какъ Государь въ Можайску будетъ, и приговорилъ Государь цесаревыхъ пословъ встрѣтить и въ приставѣхъ у нихъ быти Михаилу Долматову, да князю Михаилу Борятинскому да дьяку Василью Колударову; а съ ними для встрѣчи послали дворянъ, дѣтей боярскихъ лутчихъ до пяти сотъ человѣкъ. И велѣлъ Государь Михаила Долматова съ товарищи послати въ Можаескъ напередъ, а велѣлъ на цесаревы послы заняти дворы въ Можайску лутчіе, въ селѣ въ Чертановѣ или въ Плотничьѣ слободѣ.

И Генваря жъ въ 15 день, Государь, Царь и Великій Князь, и съ своими дѣтми со Царевичемъ Княземъ Иваномъ и со Царевичемъ Княземъ Ѳедоромъ, поѣхалъ съ Москвы въ Можаескъ. А къ приставу цесаревыхъ пословъ ко князю Дмитрею Елецкому Царь и Великій Князь писалъ съ Дмитреемъ съ Сухотинымъ, а велѣлъ съ цесаревыми послы изъ Вязьмы ѣхати къ Можайску во Вторникъ, Генваря въ 17 день; а на послѣдней ямъ къ Можайску, на Добрѣю, велѣлъ Государь съ послы притти въ Четвергъ Генваря въ 19 день, да тутъ дневати; а напередъ бы себя послалъ дѣтей боярскихъ заняти село или деревню добрую межъ Добрѣи и Можайска, отъ Можайска верстъ за пятнадцать или за двѣнадцать, гдѣ мочно съ послы уставитися; и въ то село или въ деревню велѣлъ Государь съ цесаревыми послы быти въ Субботу Генваря въ 21 день, да въ томъ селѣ или въ деревнѣ стати; а въ Можаескъ безъ своего государева указу, съ послы ходить не велѣлъ; а въ которомъ селу или въ деревнѣ съ послы станетъ и сколь далечѣ отъ Можайска, и князь Дмитрей бы о томъ къ Государю отписалъ.

И Генваря жъ 21 день, въ Субботу, Государь, Царь и Великій Князь въ Можаескъ пріѣхалъ, а цесаревы послы Янъ Кобензля да Даніель Принцъ съ приставомъ со княземъ Дмитреемъ съ Елецкимъ стояли межъ послѣднего яму Добрѣи и Можайска въ деревнѣ въ Шувалинѣ, отъ Можайска пятьнадцать верстъ.

И Генваря жъ въ 22 день, въ Недѣлю, велѣлъ Царь и Великій Князь князю Дмитрею Елецкому съ цесаревыми послы быть въ Можаескъ. А напередъ послалъ Государь къ посломъ на станъ въ деревню съ санники и съ санми свое конюшни съ Михаиломъ съ Темиревымъ; а память Михаилу Темиреву дана такова:

Память Михаилу Андрееву сыну Темирева: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ ему ѣхати на послѣдней станъ, гдѣ стоятъ цесарскіе послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ, въ деревню въ Шувалино, отъ Можайска верстъ съ шестнадцать, къ цесарскимъ посломъ съ государскими санники и съ санми. И Михаилу, пріѣхавъ въ деревню въ Шувалино съ государскими санники и съ санми, молвити цесареву послу Яну Кобендзлю, а молвить ему толмачемъ, которой со княземъ Дмитреемъ: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, послышевъ отъ брата своего отъ Максимиліяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, къ себѣ вашъ пріѣздъ, прислалъ меня къ тебѣ, къ Яну Кобендзлѣ, съ своимъ санникомъ; да велѣти санникъ и съ саньми подвести послу Яну Кобендзлѣ. А другому цесареву послу Даніелю Принцу молвити по тому жъ, да санникъ же съ санми велѣть подвести. А отдавъ Михаилу

санники, цесаревымъ посломъ Яну Кобендзлѣ и Данiелю Принцу, ѣхати въ Можаескъ, а прiѣхавъ, сказати про то въ посольскомъ приказѣ дiяку Андрею Щелкалову».

А ко князю Дмитрею Елецкому Царь и Великiй Князь писалъ съ Михаiломъ же Темиревымъ, что Государь, Царь и Великiй Князь, жалуючи ихъ, Максимилiяна Цесаря пословъ, прислалъ къ нимъ своего дворянина Михайла Темирева съ ними и съ санники съ своее конюшни, въ чомъ имъ къ Государю ѣхати. А какъ Михайло санники отдастъ, и князь Дмитрей бъ съ стану пошолъ съ цесаревыми послы къ Можайску, а не доѣзжая Можайска верстъ за пять или за шесть въ деревнѣ, гдѣ пригоже, съ послы постоялъ, докулы къ нему отъ приставовъ отъ Михайла отъ Долматова съ товарищи съ дороги вѣсть будетъ. А какъ къ нему отъ Михайла вѣсть будетъ, и онъ бы съ послы шелъ къ Можайску. А какъ Михайло Долматовъ съ товарищи пословъ встрѣтятъ, и онъ бы съ послы сталъ и приставовъ, Михайла съ товарищи, посломъ объявилъ. А учнутъ послы вспрашивать про встрѣчниковъ про дворянъ, которые поѣдутъ напередъ Михайла, какiе они люди и нѣтъ ли въ нихъ государскихъ бояръ и приказныхъ людей? и князь Дмитрей бы посломъ про нихъ говорилъ, что то государской Дворъ, дворяне и дѣти боярскiе молодые, а отецкiе дѣти; а то у Государя нашего въ обычаѣ: то вамъ, Великого Государя посломъ, почесть; съ приставы васъ дѣти боярскiе встрѣчаютъ, а бояръ государскихъ и дворянъ болшихъ и приказныхъ людей тутъ нѣтъ. А какъ приставы Михайло съ товарищи, встрѣтя пословъ, рѣчь имъ изговорятъ, и приставомъ Михайлу Долматову да князю Михайлу Борятинскому велѣно ѣхати съ правую руку пословъ, и онъ бы князь Дмитрей да дьякъ Василей Колударовъ ѣхали съ лѣвую руку пословъ, и ѣхали бъ съ послы въ Можаескъ, и ставили ихъ на дворѣхъ, гдѣ съ ними стоять велѣно.

А встрѣтити Государь велѣлъ цесаревыхъ пословъ отъ Можаiска версты за три Михайлу Долматовичю Карпову, да князю Михайлу Өедоровичю Борятинскому, да дьяку Василью Колударову, а съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ 500 человѣкъ.

А Михайлу, и князю Михайлу, и дьяку Василью Колударову велѣлъ Государь, пословъ встрѣтя, и въ приставѣхъ у нихъ быти.

А князю Дмитрею Елецкому велѣно съ ними же у пословъ быть.

А память о встрѣчѣ Михайлу съ товарищи дана такова:

Память Михайлу Долматовичю Карпову, да князю Михайлу Өедоровичю Борятинскому, да князю Дмитрею Петровичю Елецкому, да дьяку Василью Колударову.—Велѣлъ Царь и Великiй Князь Михайлу, да князю Михайлу да дьяку Василью Колударову встрѣтити цесаревыхъ пословъ Яна Кобендзлю да Данiеля Принца отъ Можаiска версты за три; и какъ съ послы съѣдутся, и князю Дмитрею Елецкому Михайла и князя Михайла и дьяка Василья Колударова посломъ сказати, что Великiй Государь и Великiй Князь прислалъ ихъ встрѣтити своихъ великихъ людей. А съѣхався съ послы, Михайлу съ товарищи велѣти молвити толмачю, что до нихъ рѣчь государская, и они бъ изъ саней вышли. И какъ изъ саней поiдутъ послы, и Михайлу съ товарищи изъ саней выйти же вмѣстѣ съ послы, и молвити посломъ рѣчь, Михайлу: «Божiею милостiю Великiй

Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь, послышевъ отъ брата своего Максимиліяна, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, къ себѣ вашъ пріѣздъ, прислалъ насъ, васъ вспросити о брата своего Максимиліяновѣ, избранного Цесаря Римского и навышшего Короля, здоровьѣ: брата нашего избранного Цесаря Римского и навышшего Короля Максимиліяна какъ Богъ милуетъ, здорово ли»? А князю Михайлу молвити: «Государь нашъ, Великій Государь, Божіею милостію Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь, велѣлъ вамъ поклонитися и велѣлъ васъ о здоровьѣ вспросити, здорово ли есте дорогою ѣхали»? А Василью Колударову молвити: «Государь нашъ, Великій Государь, Божіею милостію Царь и Великій Князь велѣлъ Михаилу Долматьевичю Карпову съ товарищи у васъ быть и подворье вамъ велѣлъ указати; и что будетъ ваша треба, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь велѣлъ вамъ то устроити». Да ѣхати Михайлу, съ товарищи, съ послы до подворья, и проводивъ ихъ въ хоромы, Михайлу и князю Михайлу, пріѣхавъ, явитися Государю, Царю и Великому Князю. А на подворьѣ пословъ уставливати остатися князю Дмитрею да дьяку Василью Колударову. И жити у пословъ перемѣняяся по днемъ и почевати князю Михаилу и князю Дмитрею, а жити въ свой день безотступно; а діяку Василью Колударову жити по всякой день; а дѣтемъ боярскимъ жити сту человѣкомъ, перемѣняяся по тридцати человѣкъ на день съ приставы, а росписати всѣхъ, изверставъ отъ всѣхъ приставомъ дѣтеи боярскихъ. А Михайлу ѣздити навѣщати ихъ на всякъ день, а съ нимъ ѣздити дѣтемъ боярскимъ изо встрѣчниковъ лутчимъ двадцатма человѣкомъ: тѣмъ въ росписи по днемъ у пословъ не жити, ѣздити имъ съ Михайломъ съ Долматовымъ; и на дворъ ѣздити на посольство тѣмъ же дѣтемъ боярскимъ, да къ тому и изъ досталныхъ, перебравъ лутчихъ до тридцати человѣкъ, имать на дворъ на посольство. А каковы рѣчи у пословъ услышатъ, и Михайлу съ товарищи тѣ рѣчи сказывати Государю. А кормъ посломъ давати Игнатью Зубову да подьячему Данилу Прокофьеву, а князю Дмитрею и князю Михайлу и дьяку Василью Колударову надъ ними того смотрити, чтобы кормъ сполна отдавали посломъ по росписи. А чего въ запросъ попросятъ послы цесаревы, и приставомъ, Михайлу съ товарищи, давати посломъ въ запросъ, чтобъ во всемъ посломъ въ кормѣхъ было доволно. И беречи Михайлу съ товарищи того накрѣпко, чтобъ къ посломъ на дворъ, опричь приставовъ, дѣти боярскіе и боярскіе люди не ходили никто никакимъ дѣломъ, и не говорилъ бы съ ними никто ничего стороннеі никаковъ человѣкъ. А которые дѣти боярскіе и сторожи со княземъ Дмитреемъ и со княземъ Михайломъ и съ дьякомъ съ Васильемъ съ Колударовымъ у пословъ учнутъ дневати и почевати, и князю Дмитрею и князю Михайлу съ товарищи тѣмъ всѣмъ приказати и надъ ними беречь накрѣпко, чтобъ съ пословыми людми не говорили никто ничего, а и тѣхъ дѣтей боярскихъ, денщиковыхъ людей на дворы на пословы не пускати; да и торговые бъ и всякіе люди къ пословымъ дворомъ не при-

ходилъ никто ни о чемъ: того имъ беречи накрѣпко. А которые рѣчи съ Михайломъ, и со княземъ Михайломъ, и со княземъ Дмитреемъ и съ дьякомъ съ Васильемъ съ Колударовымъ цесаревы послы или дворяне или пословы люди поговорятъ, и Михайлу съ товарищи сказать Царю и Великому Князю. А какъ послы поѣдутъ на дворъ, и по улицамъ бы съ пословыми людми не говорилъ одноличпо никто ничего, отъ того имъ, ѣдучи улицами, беречь накрѣпко; а кто къ посломъ или къ ихъ людемъ учнетъ приходити и что съ ними учнетъ говорити, и Михайлу Долматьевичю съ товарищи того человѣка велѣти поимати и прислати ко Государю. А нѣчто вспросятъ послы про Крымского: какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ? и Михаилу съ товарищи молвити, что Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ нынѣ въ ссылкѣ: * Царя и Великого Князя гонецъ нынѣ у Царя въ Крыму, а царевы гонцы у Государя на Москвѣ. А нѣчто вспросятъ послы про приходъ Крымского Царя къ Москвѣ, и имъ молвити: «что Крымской Девлетъ-Киреі Царь прежъ того присылалъ къ Царю и Великому Князю гонцовъ своихъ о дружбѣ и о любви, и Государя нашего оплоша, къ Москвѣ приходилъ безвѣстно, и посады по грѣхомъ пожогъ; а Государь нашъ, оплошась на него, былъ въ отъѣздѣ, а людей государскихъ отъ Крымскіе украіны никого не было, а люди государевы всѣ были въ войнѣ въ Ливонской землѣ, а иные были въ непослушника государева Свѣйского Короля землѣ; а на другой годъ, Крымской Царь и Царевичи на Государя нашего

* Въ подлинникѣ «зылке».

землю приходили и съ иными прибылными людми, и Государя нашего воеводы Крымскихъ людей многихъ побили и лутчего его князя Дивѣя Ногаіского взяли, и изъ земли Государя нашего Крымской Царь ушелъ съ соромомъ, а землѣ Государя нашего убытка не учинилъ никакого». А нѣчто вспросятъ про Казань, и имъ молвити про Казань: «что и спрашиваете? въ Казани поставилъ Государь церкви и учинилъ архіепископа, да и по Казанскимъ уѣздомъ Государь церкви и городы многіе поставилъ, и многіе Русскіе люди живутъ по городомъ и по селомъ; а куды Государь велитъ Казанскимъ людемъ на свое дѣло итти, и Казанскихъ людей на государеву службу ходитъ, сколко коли велитъ; а всѣхъ людей Казанскіе земли въ сборѣ живетъ до ста тысячъ». А нѣчто спросятъ про Асторохань, и имъ говорити: «что въ Асторохани государевы воеводы живутъ, и церкви въ Асторохани многіе жъ поставлены, и Русскіе люди въ Асторохани многіе жъ живутъ, а Астороханскіе люди Государю послушны и ясаки платятъ и на государеву службу ходятъ, гдѣ имъ Государь велитъ». А нѣчто вспросятъ про Ногаи, и имъ говорити: «что Ногаіской Князь и мурзы Государю послушны, всѣ въ государской волѣ Государю служатъ: куды имъ Государь велитъ на свое дѣло ходить, и они на государеву службу ходятъ; а иные начальники Ногаіскіе, Юсуфовы дѣти княжіе, и многіе мурзы Ногаіскіе у Государя служатъ въ Московскомъ Государствѣ». А нѣчто вспросять про Свѣйского Короля, какъ нынѣ Свѣйской Король со Царемъ и Великимъ Кня-

земъ? И имъ говорити: «Свѣйской Король прислалъ нынѣ къ Государю бити челомъ пословъ своихъ въ Государя нашего отчину, Великого Новагорода въ пригородокъ въ Орѣшокъ, бьючи челомъ, чтобъ Государь пожаловалъ, земли его воевать не велѣлъ, а онъ передъ Государемъ впередъ исправится; и пословъ своихъ прислати хотѣлъ, какъ ему въ государевѣ жалованьѣ быти впередъ, на чомъ Государю добьетъ челомъ». А нѣчто вспросятъ про Турецкого посланника, съ чѣмъ онъ пришелъ? и имъ говорить: «Турецкого купецъ пришелъ къ Москвѣ для купечества, и Государь нашъ велѣлъ ему дати въ торговлѣ поволность во всемъ, какъ прежніе купцы Турского у Государя нашего на Москвѣ бывали». А нѣчто учнутъ говорити которое слово про Ливонскую землю, и имъ молвити: «Ливонская земля отчина искони вѣчная Государя нашего отъ его прародителей, а за иными Государи ни за кѣмъ не бывала, прежнимъ Государямъ нашимъ были данщики искони вѣчные; а мы люди не думные, а захотите про Ливонскую землю вѣдати, и вы вспросите государевыхъ бояръ, ближнихъ людей, они вамъ про Ливонскую землю скажютъ подлинно».

А стояли послы въ Можайску за Москвою рѣкою, въ Плотничьѣ слободѣ.

И Генваря въ 24 день, во Вторникъ, въ Можайскѣ Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи цесаревымъ посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу велѣлъ быти у себя на дворѣ. А посыланы по нихъ звати на дворъ приставы ихъ Михайло Долматовъ съ товарищи. А ѣхали съ ними къ Государю съ подворья приставы ихъ Михайло жъ Долматовъ съ товарищи.

А санники и сани подъ ними были тѣ жъ, которые къ нимъ отъ государя на встрѣчю посланы. А изъ саней вышли послы, пріѣхавъ ко Государеву двору, противъ церкви Успенья Пречистые Богородицы, на площади противъ государевыхъ воротъ. А приставы, позади ихъ, изъ саней вышли. А дворяне цесаревы вышли изъ саней приставовъ позади.

А какъ пошли послы къ Государю на дворъ, и въ первой встрѣчѣ меншой встрѣтили пословъ осереди сѣней, передъ столовою, передъ другою избою околничей князь Иванъ Андреевичь Звенигородцкой да дьякъ Өөонасей Демьяновъ; а въ другой въ большоі встрѣчѣ встрѣтили пословъ, осереди переходовъ отъ брусеные избы, околничей князь Петръ Ивановичь Татевъ да дьяки Андрей Клобуковъ да Иванъ Собакинъ; и шли встрѣчники къ Государю напередъ пословъ, діяки да околничіе да послы, а приставы послѣ пословъ, а дворяне цесаревы послѣ приставовъ.

А Государь, Царь и Великій Князь сидѣлъ въ брусяной въ меншой избѣ, въ Русскомъ саженномъ платьѣ и въ царской шапкѣ и въ діядимѣ, а въ рукахъ былъ скифетръ. А Царевичь Князь Иванъ былъ въ саженной шубѣ. А бояре и дворяне были въ золотномъ платьѣ въ избѣ, и въ сѣнѣхъ, и по крыльцу и въ другихъ сѣнѣхъ.

А какъ послы цесаревы въ избу вошли, и явилъ пословъ Государю, Царю и Великому Князю челомъ ударити околничей князь Петръ Ивановичь Татевъ.

И цесаревы послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ правили Государю, Царю и Великому Князю отъ Максимиліяна Цесаря Римского поздравленье.

И Государь Царь и Великій Князь и сынъ его, Царевичь Князь Иванъ Ивановичь вставъ, молвили: Максимиліанъ Цесарь здорово ли?

И цесаревы послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ говорили: мы поѣхали отъ Государя своего, а Государь нашъ Цесарь Максимиліанъ въ добромъ здоровьѣ. И подали Государю Царю и Великому Князю отъ Максиміляна Цесаря поминки: ланцугу золоту съ каменьемъ, а на ней имя Цесаря Римского и съ его цесарскимъ вѣнцомъ. А явилъ поминки цесаревы околничеі князь Петръ Ивановичь Татевъ. А несъ тое ланцугу въ избу меншой посолъ Даніель; а какъ вошли въ избу, и ланцугу взялъ болшой посолъ Янъ да поднесъ къ Государю Царю и Великому Князю, а говорилъ: «Его Милость Цесарь Римскій Вашеі Пресвѣтлости съ братцкіе любви прислалъ поминокъ, въ которомъ имя его, христьянского Цесаря Максиміляна, слово «мыслете» написано,—Его Цесарскіе Милости имени знамя и съ его цесарскимъ вѣнцомъ, просячи ласковѣ, чтобъ Ваше Пресвѣтлѣйшество принялъ любително и Его Цесарскую Милость добрѣ часто вспоминалъ.»— И Царь и Великій Князь, принявъ, отдалъ діяку Андрею Щелкалову, а велѣлъ отдати казначею Роману Олферьеву. И подали послы вѣрющую грамоту, а принялъ ее діякъ Андреі Щелкаловъ.

И Царь и Великій Князь звалъ пословъ къ руцѣ и велѣлъ имъ сѣсти на скамьѣ, а скамья была близко Царя и Великого Князя, у ковра у болшого.

И Царь и Великіи Князь звалъ къ руцѣ цесаревыхъ дворянъ. А Царевичь Князь Иванъ Ивановичь пословъ цесаревыхъ и дворянъ къ руцѣ звалъ же; да подали цесаревы послы рѣчемъ своимъ посолства писмо.

А послѣ того, поминки отъ пословъ и отъ дворянъ являлъ околничей князь Петръ Ивановичъ Татевъ, а письмо поминкамъ у казначеевъ.

И Царь и Великій Князь посломъ молвилъ и дворяномъ: будте у насъ у стола.

И какъ посидѣли немного, и велѣлъ Царь и Великій Князь приставомъ Михаилу Долматову съ товарищи, съ цесаревыми послы итти стола дожидатися въ середнюю въ столовую избу; а къ столу пословъ звалъ приставъ Михайло Долматовъ.

А какъ послы шли къ столу, и встрѣтили ихъ въ столовыхъ сѣнѣхъ околничей князь Петръ Ивановичь Татевъ, да дьяки Уланъ Айгустовъ да Иванъ Собакинъ. А какъ къ столу ко Государю въ избу вошли, и явилъ ихъ Государю околничеі князь Петръ Ивановичъ Татевъ.

И того же дни, цесаревы послы у Царя и Великого Князя ѣли. А столъ былъ у Государя въ болшой въ брусной избѣ. А сидѣли послы въ кривомъ столѣ близко большого стола; а противъ пословъ сидѣли приставы Михайло Долматовичь Карповъ съ товарищи. А дворяне цесаревы сидѣли, отодвинесь отъ пословъ къ лавкѣ. А противъ ихъ сидѣлъ діякъ Василеі Колударовъ и государевы дворяне. А бояре сидѣли у Государя за столомъ князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславской, князь Ѳедоръ Михайловичь Трубецкой, окольничей князь Петръ Ивановичь Татевъ, а на окольничемъ князь Никита Романовичь Трубецкой; а бояре и дворяне сидѣли въ шубахъ наголныхъ. А стольники и чашники за столомъ были въ золотномъ платьѣ и въ чепяхъ золотыхъ. А подача была отъ

Государя напередъ бояромъ князю Ивану Ѳедоровичю, да князю Ѳедору Михайловичю, да послѣ цесареву болшому послу, а опослѣ околничему князю Петру, да на околничее князю Никитѣ Трубецкому, а послѣ князя Никиты другому послу цесареву. А поставецъ былъ соловецъ и колодезь, судно и писарь, и иные многіе суды золотые и поставцы; и столовые суды всѣ были золотые. А въ столовыхъ сѣнѣхъ были суды многіе, розные поставцы серебряные.

А послѣ стола ѣздилъ пословъ подчиватп Михайло Долматовичь Карповъ.

А се переводъ съ вѣрющей грамоты Максимиліяна Цесаря:« Максимиліянъ вторый, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегды прибавитель, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій и иныхъ, Король, Арцыкнязь Аустрѣйскій, Князь Бургуньскій, Брабанскій, Стырскій, Каратынскій, Карніольскій и иныхъ, Маргрannotationфъ Муравскій и иныхъ, Князь Луцеборскій вышніе и нижніе земли, Шлейскій, Виртемборскій, Князь Швебскій, Грабе Аушпорскій, Тирольскій, Фератцкій, Кибурскій и Горетцкій, Ланкграбя Алсатцкій, Монархи святаго Римского Царствія, Бургунскій, вышніе и нижніе земли Люсатцкіе, Государь Мархинскій, Силавонскій и иныхъ, Напресвѣтлѣйшему и Насилнѣйшему Князю, Государю Ивану Васильевичю, Божіею милостію Государю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Великому Князю Смоленскому, Псковскому, Тверскому и иныхъ, брату и пріятелю нашему любительному здоровье и всегды прибавленье братцкіе любви и всего добра. Напресвѣтлѣйшій и Насилнѣйшій Княже, брате и пріятель любительный! отдана намъ грамота чрезъ Павлуса Магнуса и чрезъ Григорья Вестьфола Вашего Пресвѣтлѣйшества, прошлого мѣсяца Генваря, и къ намъ и къ дѣтемъ нашимъ любителнымъ съ прямого сердца, Ваше Пресвѣтлѣйшество, любовь о многихъ дѣлѣхъ отдавна опознали есмя. И мы того болши начаемся и того забыти не хотѣли есмя, и того для, нынѣшними послы рыцаремъ Яномъ Кобендзлемъ изъ Прошекъ *, думцы нашего, и честного Даніеля Принца двора нашего дворянина, вѣрно нашихъ любимыхъ, такъ, для того, чтобъ нашу добру волю, братцкую любовь Вашему Пресвѣтлѣйшеству и вашимъ дѣтемъ сказали и о иныхъ о многихъ дѣлѣхъ къ вопчимъ дѣломъ Рѣчи Посполитоіі о здоровьѣ извѣстили, къ Вашему Пресвѣтлѣйшеству послали есмя, какъ у тѣхъ нашихъ пословъ широко выразумѣешь. И того для, отъ Вашего Пресвѣтлѣйшества отъ добры воли братцкіе любви жедаемъ, чтобъ тѣмъ нашимъ посломъ, что они нашимъ имянемъ станутъ говорить, коли передъ Вашимъ Пресвѣтлѣйшествомъ станутъ дѣло дѣлати, и Ваше бъ Пресвѣтлѣйшество ихъ выслушели, ка(къ) бы изъ нашихъ устъ, и сполна имъ вѣрили во всемъ. И то бы ся съ доброй воли исполнилось, чтобы къ намъ отъ Пресвѣтлѣйшества Вашего братцкая любовь и свѣтлые Рѣчи Посполито(й) Хрестьянству къ пособству исполнилося; а отъ насъ таково жъ и въ иные времена жди, и впередъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству и дѣтемъ вашимъ и дѣтемъ нашимъ въ братствѣ и въ любви быти. А потомъ Вашему Пресвѣт-

* Въ подлинникѣ: «а Просекъ»:

лѣйшеству на многіе на честные лѣта жити и во всемъ великого счастья съ прямого сердца жедаемъ». Дана въ городѣ въ нашемъ въ королевскомъ въ столномъ въ Прагѣ, дня 26 Сентября, лѣта отъ Рождества Христова 1575; королевства нашего: Римского и Угорского 13, Чесского 27». А внизу у грамоты: «Вашего Пресвѣтлѣйшества добрыйі братъ Максимиліянъ». А на подписи у грамоты пишетъ то жъ Государское титло, что и въ началѣ у грамоты написано.

Переводъ съ грамоты цесарева Максимиліянова брата Каролуса Князя Аустрѣйского: «Напресвѣтлѣйшій и Пресилнѣйшіі Княже, Государю и пріятелю любимый! здоровье и нашю любовь тебѣ извѣщаемъ. Что Напресвѣтлѣйшіі Цесарь, Государь нашъ милостивый, нынча послалъ съ нашіе думы честнаго и вѣрного и любимого Яна Кобендзлю, изъ Прошекъ рыцеря къ Вашему Пресвѣтлѣйшеству, и мы произволили къ Твоему Пресвѣтлѣйшеству съ нимъ грамоту послати, и тою грамотою тебя пріятеля поздравляемъ и добрую волю и любовь нашу, пріятелскую любовь тебѣ извѣщаемъ; а о томъ о всемъ узнаешь отъ того Яна, и ему бъ еси во всемъ вѣрилъ. А впередъ хотимъ здоровье твое слышети». Писана въ Вѣднѣ, 18 дня Октября, лѣта 1575. А внизу у грамоты написано: «Каролусъ, Божіею милостію Арцыкнязь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій и иныхъ, Графъ Тирольскій и иныхъ, рукою властною писалъ». А на подписи у грамоты написано: «Напресвѣтлѣйшему и Насильнѣйшему Князю, Государю Ивану Васильевичю, Божьею милостію Владѣтелю всея Русіи, Володимерскому, Московскому, Новгородцкому, Казанскому, Астроханскому, Великому Князю Смоленскому, Псковскому, Тверскому и иныхъ Государю, и пріятелю нашему любимому.»

А се посольство цесаревыхъ Максимиліяновыхъ пословъ Яна Кобензли да Даніеля Принца:

Напресвѣтлѣйшій и Насильнѣйшій, и Милостивыйі Государю! Коли Его Милость Цесарь Римскій, Государь нашъ милостивый, насъ для великихъ рѣчей до Вашего Пресвѣтлѣйшества, какъ до своего ласковаго и милого и любимого брата, отпустилъ, того для низко челомъ бьемъ, абы тые рѣчи Его Цесарскіе Милости обычаемъ ласковымъ и братцкимъ отъ насъ съ великою милостью своею, какъ прежъ того было у предковъ вашихъ славныхъ Государеі, милостивно выслушалъ и выразумѣлъ. *Первое:* намъ Его Милость Цесарь Римскій милостивѣ приказалъ, чтобъ мы Вашеі Пресвѣтлости извѣстили братство и любовь и все добро, аки вѣрный братъ брату добра хочетъ. Потомъ, Государь нашь Цесарь велѣлъ вспросить Твою Пресвѣтлость о Твоемъ здоровьѣ, бо Его Цесарская Милость съ великою радостью и утѣхою про Твое здоровье радъ слышети. Коли по Божью велѣнью межъ Его Цесарскіе Милости и межъ Вашіе Пресвѣтлости братство и великая любовь всчалася, тогды и Его Цесарская Милость того всего съ прямого сердца Твоему Величеству не менши, но аки самъ себѣ, добра хочетъ. Его Милость Цесарская, Божьею милостью, добръ здоровъ; а всегды ся о томъ печалуетъ съ великимъ печалованьемъ, чтобъ всему Хрестьянству, которое на своихъ плечахъ носитъ, на многіе лѣта въ покоѣ было, и во всѣхъ рѣчѣхъ счастливо водилося, и всякое бъ добро постановити, въ

чомъ Его Цесарская Милость отъ Вашей Пресвѣтлости начается вѣрные братцкіе помочи, что Ваша Пресвѣтлость отъ Бога на то же сотворены намъ пособляти, чтобъ Хрестьянство въ покоѣ было. *Другое:* Милостивый Государю Великій! Его Милость Цесарь Римскій Вашей Пресвѣтлости тотъ поминокъ, въ которомъ имя хрестьянского Максимиліяна слово «мыслете»—Его Цесарскіе Милости знамя и съ цесарскимъ вѣнцемъ, съ братцкіе любви къ тебѣ послалъ, прошачи ласковѣ, чтобъ Твое Пресвѣтлѣйшество съ таковымъ умысломъ принялъ и Его Цесарскую Милость во всемъ добрѣ часто воспоминалъ. Его Цесарская Милость радъ бы былъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству съ прямого сердца, чтобъ лутчее и любителное къ Тебѣ послалъ, толко того не вѣдалъ, что бъ таковское, что тебѣ любо, и онъ бы къ Твоему Пресвѣтлѣйшеству прислалъ. И то положилъ на насъ, чтобъ мы о томъ съ великою пилностью провѣдали, въ чемъ ся Ваше Величество болши тѣшишь и что любишь, и Цесарское Величество, казны своее не жалуючи, съ пилностью великою хочетъ учинити, а Вашей Велможности, для братціе любви, вборзѣ пришлетъ. *Третее:* Напресвѣтлѣйшій Государю! приказалъ намъ Его Цесарская Милость, чтобъ есмя Твоей Милости изговорили, что до сѣхъ мѣстъ его Цесарскіе Милости великіе посольства, по жаданью Вашего Величества и Его Цесарскіе Милости и святые Посполитые Рѣчи Римскіе, къ Вашему Величеству не присылываны, потому что Его Цесарская Милость для упокоенья и усмиренья Короля Датцкого и Свѣйского, которое нынча для Ливонскіе земли промиръ не пришелъ, и того для Его Цесарская Милость пословъ отпустити не могъ. Потомъ, съ Нѣмецкими радами думалъ, какъ бы къ Тебѣ отъ пословъ посолство было, которые того посолства жадали, о томъ Ваша Велеможность гораздо вѣдаешь. И то посольство Его Цесарская Милость тогды поотложилъ, для того что Короля Полского славные памяти Жигимонта Августа не стало, на которого мѣсто нынѣшній Король Францовской былъ выбранъ, а послѣ того, не долго живучи, Королевство покинулъ, прочь поѣхалъ. И того для всего, Его Цесарская Милость такого великого и славного посольства, противъ своей воли и Вашіе Велеможности, до сѣхъ мѣстъ отправити не могъ. А такъ Его Цесарская Милость для братства и пріятельства прямого, которое съ Вашимъ Величествомъ имѣетъ, то все вборзѣ хочетъ учинити, чтобъ Вашему Величеству отъ подданныхъ своихъ и ото всѣхъ Государей сторонниxъ великая слава и честь была. *Четвертое:* послѣднее, Милостивый Великій Государю! Его Цесарская Милость намъ приказалъ, чтобъ есмя Вашему Пресвѣтлѣйшеству сказали, что Его Цесарская Милость не имѣетъ болши того ничего милѣе и любимѣе, что отъ Вашіе Велеможности, брата своего любимѣйшего, всегды писанья и посольства имѣти. То Его Цесарской Милости велми было досадно, что прошлого времени Никонъ Ушаковъ, которого Ваша Велеможность къ Его Цесарской Милости съ Павлусомъ съ Магнусомъ и съ Григорьемъ Вестьфаломъ отпустилъ, отъ Короля Свѣйского изыманъ и до вязенья посаженъ; Его Цесарская Милость имѣетъ отъ Свѣйского болши Вашіе Милости кривду, и про то Его Цесар-

ская Милость свѣдавъ, того же часу до Свѣйского писалъ, съ пилностью его жедаючи, чтобъ преженмевованного Никона къ нему отпустилъ, котораго поимати велѣлъ противъ правды всего народу, и начается, что до сѣхъ мѣстъ, по его и справедливому жаданью, Король Свѣйской посланника Вашего Никона къ Вашему Величеству отпустилъ. А то Ваше писанье, кое Ваша Пресвѣтлость тому посланнику Никону до Его Цесарскіе Милости далъ черезъ предрѣченного Вестьфала, 26 дня Іюля прошлого году, принесено и съ великою честью отдано, съ которые грамоты Его Цесарская Милость вашъ братскій ласковый умыслъ и склонность гораздо выразумѣлъ, что Ваше Пресвѣтлѣйшество Его Цесарской Милости и дѣтемъ его любимымъ и всему славному народу Ракузскому чинишь. И того для, Его Цесарская Милость, кажючи умыслъ свой любительскій и пріятельскій, съ великою охотою того жадаючи, и хотѣлъ, чтобъ тое великое и славное посольство вдругъ до Вашей Велеможности отпустити, и Вашего Величества желанье исполнити; толко для прежрѣченныхъ притчей то дѣло сстатися не могло. И того для, Его Цесарская Милость умыслилъ, что напередъ хочетъ о томъ о всемъ съ своими радами и со всѣми Князи, на нынѣшнемъ сборѣ ихъ милости, достаточнѣ о всѣмъ подлинно подумати и приговорити, а послѣ того тому начало учинити, чтобы Вашей Велеможности болшую славу и честь учинити: и тогось начаемъ, что то дѣло въ короткомъ времяни сдѣлается. И того для, Его Цесарская Милость тѣми времяны до Вашей Велеможности насъ впередъ отпустилъ, чтобъ есмя Вашей Велеможности * особливѣ пріятельство и братство Его Цесарскіе Милости сказали, которое вѣрно и праведливо указуемъ, что Его Милость о нѣкоторыхъ дѣлѣхъ, которые въ Вашіе Велеможности писаньѣ именуются, и Его Цесарское Величество то братцки пріетъ и любитъ; и Твое бъ Пресвѣтлѣйшество Его Цесарскому Величеству особливѣ вѣрилъ, что склонность свою къ Вашей Пресвѣтлости имѣетъ. И ты бъ нынѣ лутчее выразумѣлъ. А какъ Ваша Пресвѣтлость въ писаньѣ своемъ не въ одномъ, но и во многихъ грамотахъ писалъ, а особливѣ на достали, о нынѣшнемъ дѣлѣ о Королевствѣ Полскомъ, такъ еси братцкимъ пособьемъ вспоминалъ и сердечно того жадаешь, чтобъ Его Цесарскіе Милости любимый сынъ Его Милости Архикнязь Эрнестъ, нашъ милостивый государь, Кралевству Польскому и Великому Княжству пришелъ, и о томъ къ навышшимъ паномъ обоихъ панствъ напоминалъ, чтобъ они то дѣло по тому учинили, и то имъ подлинно обѣщалъ, что Ваше Пресвѣтлѣйшество съ Его Кралевскою Милостью доброе сусѣдство и пріятельство держати хочешь, и съ нимъ заодинъ противъ всѣхъ недруговъ стояти хочешь, - и тому всему Ваше Пресвѣтлѣйшество досыти свѣтлость учинилъ столь добро и пріятелно и сердечно къ Цесарскому Величеству и всякую любовь имѣти хочешь. И то все, Его Цесарская Милость такую любовь съ радостью выразумѣлъ, что того Вашей Пресвѣтлости сполна выговорити не можемъ: то Ваше-

* Въ подлинникѣ, здѣсь повторены слова: «насъ впередъ отпустилъ, чтобъ есмя Вашей Велеможости».

му Пресвѣтлѣйшеству справедливо сказываемъ и утвердити можемъ. А Его Цесарская Милость и съ сыномъ своимъ любительнымъ тую вѣрность и великую любовь и съ убыткомъ своихъ Государствъ и здоровьемъ и кровью своею задѣлывать хочетъ; толко бъ на Его Цесарскую Милость и на его сына на Эрнеста какіе причины не было, и Цесарская Милость за то за все покажетъ любовь свою пріятельскую и братцкую. О томъ Вашему Величеству прямо сказываемъ, какъ Его Цесарская Милость то опознанье нѣкоторымъ пріятелемъ своимъ великимъ сказалъ; и тѣ всѣ Вашему Величеству правдивѣ хотятъ, чтобъ Ваше Величество въ братствѣ жилъ съ Цесарскимъ Величествомъ, и отъ тѣхъ часовъ Твое Величество славятъ. А Его Милость Цесарь безпрестани того ищетъ всегды, чтобъ Вашему Величеству своя ласка свѣтла и знатна передо всѣмъ свѣтомъ показать могъ. А по Божью велѣнью, Богъ бо въ рукахъ своихъ всѣ Царства держитъ, и чего жедаетъ Его Цесарская Милость и Твое Величество, то бъ одержали, чтобъ Его Милость Арцыкняжату Эрнеста до предрѣченнаго Королевства Полского пришолъ. Тогдысь Ваше Величество и съ дѣтми своими любителными добраго сусѣдства и прямого пріятельства начайся, а отъ Его Цесарской Милости и отъ Его Милости Арцыкняжаты Эрнеста крѣпкое и вѣчное соединенье прямо, а неоманливо къ себѣ начайся. Также Твое Величество о томъ гораздо вѣдаешь, что то Королевство топерѣ есть безъ Государя, и многіе хотятъ Арцыкняжаты Эрнеста, и многіе на то произволили, какъ было на прошломъ совѣтѣ, которой былъ въ Стежицѣ, и къ тому было пришло, что его на королевство хотѣли взять, толко бъ ему люди упрямые своимъ упрямствомъ не испортили. А коли то не ссталося, а черезъ тотъ часъ много не только пановъ Польскихъ, и отъ Литовскихъ пановъ черезъ писанье и черезъ послы свои Его Цесарская Милость безъ оманки, вѣрно прошенья Твоего Царского Величества, вѣсть дали, что никого иного не хотятъ за Короля себѣ взять, только Арцыкняже Эрнеста съ великою просбою, чтобъ Его Цесарская Милость отъ того дѣла не отставалъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними съ великимъ печалованьемъ то докончалъ, коли они того хотятъ, что Король ихъ выбранный до нихъ опять не пришолъ, и они бъ собѣ иного Короля обрали. А какъ есмя ѣхали черезъ Литву, одва есмя трехъ пановъ въ Литвѣ видѣли, а тѣ всѣ поѣхали въ Польшу на совѣтъ, о которомъ совѣтѣ Его Цесарская Милость, какъ есмя отъ него и поѣхали, не вѣдаемъ того. И Его Цесарская Милость для того печалованья, которое о всемъ Хрестьянствѣ имѣетъ, начается въ томъ великого пожитка, чтобъ выбрали Его Милости Арцыкняже Эрнеста на Королевство Полское. И на томъ уже уговорѣнося, чтобъ Его Милость Арцыкняже Эрнестъ былъ на Королевствѣ Полскомъ для просбы пановъ Полскихъ и Литовскихъ и всего мира прямымъ умысломъ, и начаючися на то, что Ваше Величество съ того вѣрного братства, которое межъ нами есть, пошлешь до пановъ Польскихъ и Литовскихъ, чтобъ Арцыкняже Эрнеста за Короля себѣ обрали мимо иныхъ всѣхъ, сказываючи имъ о покоѣ и о правдивомъ пріятельскомъ сусѣдствѣ и соединеньѣ противъ всѣхъ недруговъ. И только имъ такъ напишешь, чтобъ всѣ его произволи-

ли, и великій пожитокъ и значные Его Милости Арцыкняжаты Эрнеста съ того будетъ, и Его Цесарскіе Милости та жъ Божія воля будетъ. Также Вашему Величеству таково жъ новой пожитокъ и всякое дѣло къ доброму концу привело, чтобъ Ваша Пресвѣтлость и Его Цесарская Милость того, чего они хотятъ, безо всякоіі трудности доступили; а того длябъ, Твое Величество всѣ станы порушилъ, не токмо нашего головного непріятеля Турского Салтана или иныхъ Его Цесарскіе Милости и Вашего Величества недрузеіі, которые бъ недрузи наши, колибъ того доступили, до полнабъ по тому Вашему Величеству вмѣстѣ съ пособщики своими противлялися. А такъ бы Ваше Величество тѣмъ новымъ писаньемъ и прособою Его Цесарскіе Милости и собѣ самому въ великоіі пожитокъ на пришлые часы учинилъ. А того для, Его къ Цесарскоіі Милости недавно прошлыми часы отъ многихъ мѣстъ, а болши отъ Литовскихъ людеіі, та рѣчь дошла, что Ваше Величество, мѣсяца Генваря прошлого году, до повѣту Харіи да кругъ города Колывани, съ великими людьми въѣхавъ, все выпустошилъ и выжегъ, и иные городы, какъ Перновъ, силою взялъ, а иные облегъ, и Его Цесарская Милость вельми тому дивится. Таково жъ дѣло пановъ Польскихъ и Литовскихъ, и Его Цесарскую Милость и Его Милости и Арцыкняже Эрнеста велми закручинило; а того для, Его Цесарская Милость для того братства и пріятельства, въ которомъ и до конца своего за помочью Божьею думаетъ быти. Потомъ Вашему Величеству просимъ помочи, чтобъ Его Милость Арцыкняже Эрнестъ до Королевства Польского пришелъ, а пособилъ бы Ваше Величество братцкимъ и пріятельскимъ сердечною радостью, чтобъ то было потомъ Его Цесарскіе Милости и всему святому міру Римскому ко чти и ко указанью прямого пріятельства своего, и всѣ воинскіе дѣла на сторону откинулъ и свои люди отъ рубежа Ливонского отвелъ, а съ Королевствомъ Польскимъ и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и съ Ливонскою землею въ добромъ сусѣдствѣ и въ покоѣ жилъ; а не только тѣхъ земель обладателемъ, и инымъ всѣмъ бы землямъ то явно показалъ, чтобъ Ваше Величество ничего иного не мыслилъ, толко то, чтобъ Его Милость Арцыкняже Эрнеста до Коруны Полскіе привелъ; а будете не мочно словомъ своимъ, ино бъ и силою, или какъ Твоему Величеству мочно учинити, чтобъ ихъ закручинити; а Ливонскихъ бы еси отставилъ, для того что Ливонскіе люди Его Милости Цесаря Римского и святой землѣ Нѣмецкой по всякъ часъ надъ собою ихъ имѣютъ, а Ты за ихъ грубостью Юрьевъ взялъ; а топерѣ для тое недружбы, которая межъ Вашего Величества и Короля Свѣйского о городѣ Колывани, и Его Цесарская Милость, для Твоего Величества братства, чтобъ еси съ нимъ жилъ, какъ прежъ сего Твои предкове съ Его Цесарскою Милостью жили, въ той рѣчи Ваше Пресвѣтлѣйшество моги намъ милостивѣ вѣрити, что Его Цесарская Милость съ Вашимъ Величествомъ болши того въ прямомъ пріятельствѣ хочетъ быти. И Коруна Польская и Княжество Литовское и Ливонская земля, которая, какъ есмя прежъ сего сказали, къ Его Цесарской Милости прилегла, а для той недружбы, которая межи Вашего Величества съ Королемъ Свѣйскимъ, и въ тѣ трудности Свѣйской не подѣлно ся вступаетъ, для

Его Милости Арцыкняжаты Эрнеста, какъ будетъ выбранъ на Королевство Полское, и тогды будетъ вѣчный покой и пріятелство и сусѣдство и соединенье противъ всѣхъ недруговъ Вашего Величества. Ваше Пресвѣтлѣйшество могъ бы то разумѣти и на то ся надумати, какъ бы то было къ великой шкодѣ Твоему Государству и уменьшенье Вашему Величеству; а мы Вашему Величеству правду розсказуемъ, что Его Цесарская Милость то мыслитъ: естьли же Твое Величество пособите Его Цесарской Милости и Его Милости Арцыкняжатѣ Эрнесту до Коруны Полскіе, и то будетъ Твоему Величеству обновленье вѣчному покою и доброго пріятельского сусѣдства и соединенья противъ всѣхъ недруговъ Его Цесарскіе Милости и Вашего Величества съ Коруною Полскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ; тогды Его Цесарская Милость не оманкою Вашему Величеству самовластное Государство и Княжество и своихъ дѣтей въ вѣчномъ покоѣ утвердити хочетъ, для того: коли Его Милость Арцыкняже Эрнестъ Вашей Пресвѣтлости какъ съ сильнымъ и съ вѣрнымъ братомъ также бы и ближнимъ сусѣдомъ сталъ, и онъ бы съ тобою ежчасъ противъ Вашего Величества недруговъ, гдѣ будетъ надобѣ, всегды былъ готовъ. На то еще Ваше Пресвѣтлѣйшество можешь вѣдати: коли Ваше Величество съ порубежными хрестьяны въ такомъ миломъ покоѣ жити будешь и противъ поганыхъ Турокъ и иныхъ невѣрныхъ можешь ся оборонити и славу свою добрую одержати, которая тебѣ отъ Бога дана, какъ Твоего Величества напресвѣтлѣйшій отецъ славные памяти крестное цѣлованье, которое учинилъ съ Королемъ Полскимъ съ великими ихъ пожитки, а опослѣ того много Княжествъ, которые теперѣ у Вашего Величества на всходъ солнца, подъ свою руку взялъ, чего Ваше Величество болши того начаетъ можетъ: есть ли же Господь Богъ Его Милости Архикнязю Эрнесту Королевство Польское дастъ въ руки, и то будетъ къ великому пожитку Твоему Величеству. А дастъ Богъ, будетъ за Твоею помочью и за помочью Цесарской Милости, и противъ недруга Царское Величество пойдетъ съ своими людми съ своей стороны, а Его Милость Арцыкняже Эрнестъ съ Полскіе и съ Подолскіе границы своими людми, а Его Цесарская изъ Угорскіе да изъ Свендійскіе (sic) земли да изъ Корватцкіе земли, а потомъ Король Ишпанскій, Его Цесарскіе Милости любителный пріятель и сынъ, съ святымъ папою Римскимъ и съ иными Государи хрестьянскими на головного недруга нашего и невѣрного окрутника на морѣ и на землѣ, съ великою силою притти, а у него бы то отняли за милостію Господа Бога въ кроткомъ часу, что онъ черезъ колко сотъ лѣтъ царствовалъ и воевалъ много хрестьянскихъ Государей съ великимъ соромоценьемъ и съ пустошеньемъ хвалы Божіи и нашы вѣры хрестьянскіе. Въ которомъ святомъ соединеньѣ Ваше Пресвѣтлѣйшество можешь начаятися великіе собѣ чти и славы и отъ Господа Бога помочи, какъ ся начаемъ, мочно тому статись за помочью Божьею, чтобъ мы тѣхъ невѣрныхъ людей могли выгнати за Арапы до Азіи, чтобъ Ваша Пресвѣтлость произволеньемъ Его Цесарскіе Милости, и насвятого папы Римского, и Короля Ишпанского, и Его Милости Арцыкняжаты Эрнеста, и святыхъ выбраныхъ Римскихъ Княжатъ, и всѣхъ

становъ чернеческихъ, за справованьемъ Его Цесарскіе Милости, все Цесарство Греческое на всходъ солнца къ Твоему Величеству пришло, ажебъ такъ Ваша Пресвѣтлость за всходного Цесаря отъ Его Цесарскіе Милости и святаго папы Римского, а на досталь ото всего Хрестьянства навѣки былъ честенъ и славенъ, чтобъ съ того за великій пожитокъ не выговорено и по умноженью всякихъ счастливостей, потомъ бесмертная и вѣчная слава и хвала Вашему Величеству и вашимъ дѣтемъ любителнымъ, а послѣ того Его Цесарской Милости къ радости и всему Хрестьянству пришло. А оттолѣ достаточнѣ можемъ вызнати, что прежъ Ваша Пресвѣтлость городки нѣкоторые простые въ Литовской землѣ и въ Ливонской по Божьей волѣ имати могъ, а отъ своего смыслу не унялся, а отъ часу Ваше Величество болши воевалъ. А то еще прямо, что счастье въ таковыхъ дѣлѣхъ дивно премѣняется: много великихъ Княжствъ и Цесарства Греческаго ото всходу солнца со всякимъ достоинствомъ и честми и волностьми и справедливостьми и со всѣми своими присяглыми охоты своеі достанетъ. А послѣ того Хрестьянство все того бы ся часу съ радостью и съ утѣхою и съ великимъ моленьемъ дождало, чтобъ безбожная Магаметева вѣра была выкоренена, а наша Хрестьянская вѣра и прямая служба высилася. На то на все Его Цесарская Милость и Ваша Пресвѣтлость и иные хрестьянскіе Государи того съ правымъ сердцемъ начатся могутъ: что они убогіе и нужные хрестьяне, которые черезъ немалоі часъ великую нужю Магметцкую терпѣли и топерѣ терпятъ, и впередъ съ своими повсяденными просбами у Господа Бога милости упросятъ. А ихъ для такого великого дѣла и выбавленья ихъ со всѣми хрестьяны отъ одного колѣна аже и до другого въ великой славѣ до небесъ подносятъ. И Ваше Пресвѣтлѣйшество о томъ можетъ познати, что нѣтъ того лутчи на свѣтѣ ужиточнѣе и славнѣйшего и умнѣйшего, что такое дѣло сдѣлати можешь. И того для, Вашей Пресвѣтлости съ великою покорностью напоминаемъ, а имянемъ Его Цесарскіе Милости велми просимъ, чтобъ Ваше Пресвѣтлѣйшество съ ихъ милостями съ великого разума своего обмышливалъ и осматривалъ, а Его Цесарскіе Милости такъ пріятелски и братцки учинилъ, какъ Его Цесарская Милость въ томъ къ Вашему Пресвѣтлѣйшеству велику надежю имѣетъ, чтобъ Ваше Пресвѣтлѣйшеству просбу и жеданье Его Цесарскіе Милости предъ себя взялъ, что прежъ сего предъ сѣми часы Ваше Пресвѣтлѣйшество, съ властные своей охоты и ласковости и любви противъ Его Цесарскіе Милости, славно и знакомито чинилъ и всказывалъ: то есть, что Ваше Пресвѣтлѣйшество къ людемъ Полскимъ писалъ и ихъ напоминалъ о Его Цесарскіе Милости сынѣ Архикнязѣ Эрнестѣ, чтобъ ты всѣмъ, которые ся о томъ Королевствѣ стараютъ, отговаривали, а сына бы Его Королевскіе Милости за Короля себѣ обрали и взяли, а въ томъ не только доброго сусѣдства и вѣчного покою и братцкое соединаченье учинити и прямые помочи противъ всѣхъ недруговъ, а всѣхъ болши Турецкому Амуратови, съ Его Милостью Архикняземъ Эрнестомъ вмѣстѣ соединачася, противъ его стояти начати. Такого жъ просимъ пилно имянемъ Его Королевскіе Милости, чтобъ Ваше Пресвѣтлѣйшество къ

Его Цесарской Милости и къ святой Посполитой Рѣчи* Римской отъ своее великіе почтивости и отъ своего воинского дѣла противъ Ливонскіе земли престалъ, которая подъ началомъ была къ Рѣчѣ Посполитой Римской и нынѣча есть, а у Его Цесарскіе Милости и у всее Рѣчи сопча, и порубежныхъ своихъ всегды помочи жедаютъ и просятъ, и къ тому вся Рѣчь много къ тому произволивала и хотѣли были пособь учинити, и Его Цесарская Милость, тое для пріятельскіе згоды и братцкіе надежи съ Вашею Пресвѣтлостью, на то имъ недозволилъ; а имъ вѣчныйі покой отъ давножаданного сусѣдства обѣцовалъ учинити и своимъ тежъ гетманомъ въ Ливонской землѣ приказалъ, чтобъ ся противъ воли Пресвѣтлости Вашіе гораздо ся справовали и никому ничего непріятелского не учинили, чтобъ мы съ грамотами Вашего Пресвѣтлѣйшества поѣхали, въ которыхъ бы обновлено сказованье и обѣтницы, были не мѣшкаючи до Полскіе и до Литовскіе земли. И тѣ бъ грамоты всѣмъ паномъ, какъ вмѣстѣ будутъ, отдали, чтобъ Его Цесарская Милость и Ваша Пресвѣтлость, чего издавна хотите и жедаете, какъ бы мочно вборзѣ, не мѣшкаючи, счастливо и радостно и съ пожитномъ добрымъ имѣти. А тымъ Ваша Пресвѣтлость то все, что мы припоминали, великую славу свою имѣти будешь, а Его Цесарскою Милостью вмѣстѣ съ Его Милостью Архикняземъ Эрнестомъ и со всѣмъ славнымъ родомъ Ракузскимъ, не жалуючи Государствъ и здоровья своего, вовѣки станешь думати, чтобъ тое пріятельство, учиненное къ Вашему Пресвѣтлѣйшеству, отдати; таково же и славнымъ потомкамъ Вашего Пресвѣтлѣйшества дѣлать хочетъ. А мы на достали за ласку Вашей Пресвѣтлости головами своими со всѣмъ пониженьемъ и службами пилно залицаемъ». А то дѣло дѣлалося въ Можайску мѣсяца Генваря, лѣта отъ нароженья Избавителя нашего 1576-го. Янъ Кобензля изъ Прошекъ, рыцерь Даніель Принцъ.

И Генваря же въ 26 день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ цесарскимъ посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу быти на дворѣ; а посыланы по нихъ на дворъ звати приставы ихъ Михайло Долматовъ съ товарищи.

И того дни, цесарскіе послы у Государя Царя и Великого Князя были, а ѣхали съ ними ко Государю на дворъ приставы Михайло Долматовъ съ товарищи. А какъ къ Государеву двору пріѣхали, и изъ саней вышли по тому жъ у Государева двора противъ Церкви Успенья Пречистые, на плошади противъ Государевыхъ воротъ. А встрѣча имъ была по прежнему.

А Государь Царь и Великій Князь и сынъ его Царевичь Князь Иванъ Ивановичь сидѣли въ брусяной въ дубовой избѣ, въ Русскомъ въ саженомъ платьѣ и въ Царской шапкѣ и въ діядимѣ, а въ рукахъ былъ посохъ. А бояре и дворяне были въ золотномъ платьѣ. И какъ послы цесаревы въ избу вошли, и явилъ ихъ Государю Царю и Великому Князю околничеі князь Петръ Ивановичь Татевъ.

* Въ подлинникѣ, вмѣсто «Рѣчь» иногда употребляется:: «рѣшь» и «рѣша».

И послы Государю Царю и Великому Князю били челомъ на Его Государскомъ жалованьѣ.

И Государь Царь и Великій Князь велѣлъ посломъ сѣсти. А какъ послы сѣли и посидѣли немного, и Государь Царь и Великій Князь велѣлъ имъ итти къ отвѣту въ середнюю въ столовую избу. И послалъ къ нимъ съ отвѣтомъ боярина и дворецкаго Московского и намѣстника Тверскаго Никиту Романовича Юрьева, да дворянина и намѣстника Новоторжского Ѳоонасья Ѳедоровича Нагово, да дьяковъ Андрея да Василья Яковлевыхъ дѣтей Щелкалова, да Ивана Дороѳеева; а дворяномъ цесаревымъ велѣлъ Государь Царь и Великій Князь въ тѣ поры быти въ дьячей избѣ у Его Государева двора. И какъ бояринъ и дворецкой и намѣстникъ Тверской Никита Романовичь Юрьевъ, и дворянинъ и намѣстникъ Новоторжской Ѳоонассій Ѳедоровичь Нагой, и дьяки Андреіі да Василей Щелкаловы и Иванъ Дороѳеевъ въ середнюю въ столовую избу вошли; и послы, вставъ изъ своихъ мѣстъ, встрѣтили ихъ середи избы, и давъ руки, сѣли по своимъ мѣстомъ. И дьякъ Василей Щелкаловъ объявилъ боярина Никиту Романовича съ товарищи, и учали отвѣтъ говорити по спискомъ.

И цесаревы послы, выслушавъ отвѣтъ, отшедши, межъ себя говорили, и сѣдши, бояромъ говорили: съ которымъ есмя дѣломъ отъ своего Государя отъ Максимиліяна Цесаря къ Государю Вашему Царю и Великому Князю пришли, и Государь вашъ Царь и Великій Князь, выслушавъ наше посолство, велѣлъ намъ вами своими ближними людми, на то наше посолство отвѣтъ учинити, и мы отъ васъ отвѣтъ выслушали. И что есте намъ въ отвѣтѣ говорили, чтобъ на Корунѣ Полской быти Государя нашего Максимиліянову цесареву сыну, а Великое бы Княжство было ко Государству Московскому, и тому ссгатися не возможно, потому что у Коруны Полскіе со Великимъ Княжствомъ Литовскимъ межъ себя крѣпкое утверженье, что никому ни отъ кого не отстати и быти подъ властною рукою подъ однимъ Государемъ. А паны Полскіе и Литовскіе къ Государю нашему Максимиліяну Цесарю и къ Государю вашему пишютъ оманкою, а умышляютъ быти подъ Турского рукою, а за Короля себѣ обрати хотятъ, по присылкѣ Турского Салтана, Князя Семиградцкого; и Государь бы вашь, хотя съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ братцкіе любви и соединенья, а Государю нашему то наголовнѣйшіе недруги Турецкой Салтанъ, Францовской Король, а Семиградцкой Князь тотъ Турецкого Салтана, и кто изъ тѣхъ ни будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, и то Государю нашему Его Цесарской Милости и Государю Вашему къ великому убытку будетъ. И Государь бы вашъ послалъ до пановъ Полскихъ и Литовскихъ грамоты, чтобъ Государя нашего Максимиліянова цесарева сына Княжату Эрнеста себѣ на Королевство обрали и промышляти бъ Государю вашему и нашему Государю Максимиліяну Цесарю сопча вмѣстѣ о томъ не омѣшкаючи, чтобъ Турского Салтана и Короля Францовского и Семиградцкого Князя на Королевство себѣ не обрали. А какъ Государя нашего Максимиліяновъ цесаревъ сынъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ будетъ, и Го-

сударь нашъ Максимиліянъ Цесарь, и сынъ его Княжата Эрнестъ, и папа Римской, и Король Ишпанской и всѣ Государи хрестьянскіе навѣки въ братствѣ ивъ любви и въ соединеньѣ будутъ противъ всѣхъ недруговъ. И какъ тѣ Государи хрестьянскіе будутъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, и Государемъ хрестьянскимъ будетъ къ повышенью, а Хрестянству къ покою и къ прибытку. А что есте намъ ознаменили въ своемъ отвѣтѣ о Кіевѣ, и Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь, какъ сынъ его учинится на Государство, для братцкіе любви, Кіева и къ тому, которые немногіе мѣстьца, поступится Государю вашему и намѣнитъ; а то и Государю нашему вѣдомо, что Кіевъ искони Государя вашего отчина. А что есте намъ ознаменили, что Свѣйской Король, забывъ докончанье Государя вашего съ Новгородцкими намѣстники, укоризны и великіе слова непригожіе къ Государю вашему пишетъ въ своихъ грамотахъ, укоряючи Государя вашего имя и вступаяся въ Государя вашего отчину въ Ливонскую землю, чего никоторому Государю терпѣти не возможно, и то Государю нашему въ вѣдомѣ, что Свѣйской Король чинитъ то непригоже, стоитъ съ невѣжствомъ противъ Великого Государя; толко къ Государю нашему вашъ Государь прикажетъ, и Государь нашъ Свѣйскаго Короля наклонитъ, учинитъ его передъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ покорна впередъ. А что есте намъ ознаменили о Ливонской землѣ, и Государю нашему Максимиліяну Цесарю били челомъ Ливонскіе Нѣмцы, и Государь нашъ велѣлъ о томъ толко помянуть, а много про Ливонскую землю говорить намъ не велѣно: толко бъ Государь вашъ Ливонскіе земли до тѣхъ мѣстъ воевать не велѣлъ, покамѣста послы цесаревы болшіе будутъ у Государя вашего. А тѣ всѣ дѣла велѣлъ Государь нашъ Государю вашему объявити нами, чтобъ Государю вашему про тѣ про всѣ дѣла вѣдомо было, а закрѣпити тѣхъ дѣлъ Государь нашъ намъ не велѣлъ, а для докончанья Государь нашъ пришлетъ ко Государю вашему своихъ великихъ пословъ, которые и за сто лѣтъ отъ Цесарева Царства таковы послы нигдѣ не бывали: князи удѣлные и великіе люди. А нынѣ бы Государь вашъ меня, Яна Кобендзлю, отпустилъ къ Государю нашему черезъ Литовскую землю, и грамоты, каковы Государь вашъ пошлетъ въ Литву къ панамъ радамъ Полскимъ и Литовскимъ, послалъ со мною, чтобъ мнѣ къ Государю своему вскорѣ пріѣхати и рѣчи ему Государя вашего розсказати; а нынѣ у Государя нашего всѣ окронованные Князи на сьемѣ, и мнѣ бъ у Государя своего тотъ сьемъ застати. А будетъ Государь вашъ къ Государю нашему посылаетъ своихъ пословъ, и Государь бы вашъ ко Государю нашему пословъ своихъ и слалъ съ товарищемъ моимъ съ Даніелемъ Принцомъ на Ливонскую землю и на Прускую землю.

И бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ, да дворянинъ Ѳѳонасей Ѳедоровичь Нагой, да дьяки Андрей да Василей Щелкаловы, да Иванъ Собакинъ посломъ говорили: коли Государю вашему Максимиліяну Цесарю съ Государемъ такое дѣло начинается о соединеньѣ и о вѣчномъ братствѣ и о дружбѣ, и то бъ было межъ Государя нашего и Государя вашего крѣпко и неподвижно. У Государя нашего то въ обычаѣ: кому слово молвитъ о братствѣ и о любви, и то живетъ крѣпко и неподвижно, и инако слово его не живетъ; не такъ бы было, какъ Король Лодвикъ, Владисла-

вовъ сынъ Угорской, сослався съ Цесаремъ и со многими Нѣмецкими Государи, и захотѣли стояти противъ Турского Салтана, и какъ на него пришелъ Турской, а Цесарь и Нѣмецкіе Государи ему не способили и ему помочи не учинили, а его выдали, и Турскіе люди его побили и самого его убили; коли Государь нашъ съ вашимъ Государемъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ докончаньѣ будетъ, и которые недрузи Государя вашего и Государя нашего ни будутъ, и Государю нашему стояти противъ всѣхъ Государя вашего недрузей, а Государю вашему по тому жъ стояти противъ Государя нашего всякихъ недрузей крѣпко. А которые Государи со Государемъ вашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ докончаньѣ: папа Римской, Король Ишпанской, и Король Датцкой, и Архикнязи, и Комиты и всякіе Начальники, и тѣ бы всѣ Государи со Государя вашего послы съ цесаревыми прислали своихъ пословъ ко Государю нашему и утвердили всѣ со Государемъ нашимъ докончанье, кому какъ пригоже на всякихъ недрузей стояти всѣмъ со Государемъ нашимъ заодинъ; а Государю нашему съ ними на ихъ недрузей стояти заодинъ, не отставая никому ни отъ кого.

И послы цесаревы боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву, да дворянину Оѳонасью Ѳедоровичю, да дьякомъ Андрею да Василью Щелкаловымъ, да Ивану Собакину говорили: хотя будетъ Государю нашему на себѣ кровь увидѣти или будетъ Государства своего остати, а кому Государь нашъ молвитъ слово свое о докончаньѣ, и Государя нашего Максимиліяна Цесаря иноко слово не живетъ; а какъ Государя нашего Максимиліяна Цесаря послы будутъ ко Государю вашему, а которые со Государемъ нашимъ въ докончаньѣ: папа Римской, и Король Ишпанской, и Король Датцкой, и иные Государи, и тѣхъ Государей послы со Государя нашего послы ко Государю вашему пойдутъ и докончанье учинятъ, что имъ всѣмъ стоять противъ Государя вашего недрузей заодинъ, а Государю вашему по тому же стоять противъ ихъ недрузей.

И бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ, да дворянинъ Оѳонасей Ѳедоровъ Нагово, да дьяки Андрей да Василей Щелкаловы и Иванъ Собакинъ тѣ рѣчи ихъ сказали Государю Царю и Великому Князю; и Государь Царь и Великій Князь велѣлъ цесарскимъ посломъ ѣхати на подворье.

И того жъ дни, къ Царю и Великому Князю цесарскіе послы Янъ Кобендзля да Даніель Принцъ, съ приставы съ Михайломъ съ Долматовымъ съ товарищи прислали листъ. И Государь Царь и Великій Князь велѣлъ тотъ листъ перевести.

А се переводъ съ листа, что прислали цесарскіе послы съ Михайломъ съ товарищи: «цесаревы послы бьютъ челомъ тѣмъ Государевымъ приказнымъ людемъ, которые сегодни отъ Великого Государя съ нами говорили. Первое: чтобъ Его Пресвѣтлѣйшеству доложили, чтобы Яну Кобендзлѣ тѣ грамоты дали, которые будутъ отъ Государя къ Полскимъ и къ Литовскимъ людемъ, чтобъ онъ ихъ отвезъ; да и списки бъ съ тѣхъ грамотъ дали слово въ слово, чтобы про то Цесарскому Величеству вѣдомо было. Послѣ того, чтобъ промышляли отъ Его Пресвѣтлѣйшества для того, чтобъ Янъ Кобендзля на подводахъ день и ночь шелъ, не мѣшкая, до Литовского рубежа. Да еще, чтобъ вы бояре Государское Вели-

чество доложили и Яну Кобендзлѣ сказали, что Государь Великій или его Государевы дѣти чего изъ Нѣмецкіе земли похотятъ, и о томъ бы ему Цесарю извѣстити, и Его бъ Величество тѣмъ устроили, и Его Пресвѣтлѣйшество съ тѣмъ своимъ великимъ посломъ пришлетъ, кого къ Государю пошлетъ. Также хочетъ Янъ Кобендзля слугу своего послати впередъ себя къ Литовскому рубежу, для того чтобъ подводы ему изготовили, о томъ бьютъ челомъ, чтобъ того слугу ослободили напередъ послати и пристава бы съ нимъ до рубежа послали. Послѣднее: чтобъ его Велможное Величество поволили дати опасную грамоту толмачу Валентину, по чему бъ ему назадъ сюды пріѣхати было и Его Велможнѣйшеству царская коруна привести и иные дорогіе узорочья».

И Генваря въ 27 день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ цесарскимъ посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу быти на дворѣ. А послалъ Государь, Царь и Великій Князь по нихъ приставовъ Михаіла Долматова съ товарищи.

И того дни, цесарскіе послы у Государя Царя и Великого Князя были. А ѣхали съ ними къ Государю на дворъ приставы Михайло Долматовъ съ товарищи. А изъ саней вышли послы и приставы Михайло съ товарищи и цесаревы дворяне по прежнему. И шли послы цесаревы съ приставы на дворъ къ Государю Царю и Великому Князю. А сперва послы пришли въ пзбу въ середнюю въ столовую. А въ избѣ велѣлъ Государь Царь и Великій Князь быти боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву, да дворянину Ѳѳонасью Ѳедоровичю Нагово, да дьякомъ Андрею да Василью Щелкаловымъ, да Ивану Дороѳееву.

И какъ цесаревы послы въ избу вошли, и бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ, вставъ и ступивъ отъ своего мѣста ступеней пять или шесть, а Ѳѳонасей Ѳедоровичь подалѣ того, а дьяки Андрей да Василей Щелкаловы и Иванъ Дороѳеевъ встрѣтили пословъ середи избы, и, давъ бояринъ Никита Романовичь и Ѳѳонасей Ѳедоровичь и дьяки цесарскимъ посломъ руки, сѣли по своимъ мѣстомъ; а послы сѣли въ своихъ мѣстѣхъ.

И посидя не много, бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ, да дворянинъ Ѳѳонасей Ѳедоровичь Нагой и дьяки Андрей да Василей Щелкаловы и Иванъ Дороѳеевъ, посломъ цесаревымъ рѣчь говорили, дворянъ выславъ: прислали есте къ Государю нашему Царю и Великому Князю съ приставы съ Михаиломъ Долматовымъ съ товарищи листъ о нѣкоторыхъ дѣлѣхъ, и что есте съ нами вчерась говорили, и мы тѣ дѣла до Государя своего Царя и Великого Князя доносили; и Государь нашъ Царь и Великій Князь, ваши рѣчи выслушавъ, велѣлъ вамъ сказати: что тебя болшого посла, Яна Кобензлю, велѣлъ Государь нашъ отпустити черезъ Литовскую землю, а грамотъ съ тобою къ паномъ радомъ Полскимъ и Литовскимъ посылати непригоже, да и тебѣ самому грамотъ къ паномъ Полскимъ и къ Литовскимъ везти непригоже, потому что, тѣ грамоты везти тебѣ къ своей братьѣ, и въ нашемъ то обычаѣ безчестно. А велѣлъ Государь нашъ Царь и Великій Князь тѣ грамоты въ Литву къ паномъ Полскимъ и къ Литовскимъ послати изъ Смоленска

въ Оршю къ Филону Кмитѣ; а списковъ съ грамотъ толко не успѣемъ дать вамъ, что въ нихъ будетъ писано отъ Государя къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжству Литовскому, и вамъ то будетъ въ отвѣтѣ описано, что Государь нашъ отпишетъ къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжству Литовскому; а пишетъ Государь къ Корунѣ Полской, чтобъ Коруны Полскіе паны обрали себѣ за Государя на Королевство на Полское цесарева Максимиліянова сына Эрнеста, а иного бы Государя себѣ, опричь Эрнеста Князя, не обирали и отъ бесерменскихъ рукъ бы себѣ за Государя не имали никого и на розлитье кровей хрестьянскихъ не наводили; а Государю нашему будетъ то любо таково жъ, ка(къ) бы Государя нашего сынъ Царевичь Өедоръ на томъ Государствѣ будетъ, что Государя вашего сынъ Эрнестъ будетъ на Корунѣ Полской. А Государь нашъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ его сыномъ Эрнестомъ будетъ въ доконьчаньѣ на всякого недруга заодинъ. А къ Великого Княжства Литовского паномъ Государь нашъ отпишетъ въ своей грамотѣ: будетъ они ко Государю по прежнему своему писму похотятъ быти подъ Государя нашего Государствомъ, опричь Коруны Полскіе, и Государь нашъ будетъ съ Цесаремъ и съ его сыномъ Эрнестомъ Княземъ и съ Коруною Полскою въ доконьчаньѣ на всякого недруга заодинъ; а будетъ Литовскіе паны Великого Княжства Литовского не похотятъ быти подъ Государя нашего Государствомъ и Литовскіе бъ паны похотѣли быти съ Коруною Полскою вмѣстѣ и себѣ за Государя обрали цесарева сына Эрнеста, а иного бъ никого не обирали мимо его, а Государь нашъ будетъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ его Эрнестомъ въ соединеньѣ на всякого недруга заодинъ; а изъ бесерменскихъ бы рукъ Государя себѣ не обирали и розлитья кровей хрестьянскихъ не наводили. А тебя Даніеля Принца Государь нашъ Царь и Великій Князь велѣлъ отпустити въ цесарскую землю, съ Государя нашего послы вмѣстѣ, на Ливонскую землю, да на Ригу, да на Прусскую землю. А что вы, послове, въ своемъ листѣ написали, которой есте къ намъ прислали съ приставы съ Михаиломъ Долматовымъ съ товарищи, что Государю нашему и Государя нашего дѣтемъ изъ Нѣмецкіе земли надобетъ, и Государь бы нашъ къ брату своему дражайшему къ Максимиліяну Цесарю приказалъ, и братъ нашъ дражайшій съ своими великими послы то пришлетъ; и Государь нашъ Царь и Великій Князь велѣлъ приказати къ брату своему Максимиліяну Цесарю съ своими послы о церковныхъ, и о городовыхъ и о полатныхъ мастерѣхъ, которые бы умѣли тѣ дѣла гораздо дѣлать, да о мастерѣхъ, которые дощатые доспѣхи дѣлаютъ таковы жъ, какъ Янъ принесъ въ поминкахъ, о бархатѣхъ съ петлями двоеморхихъ, о латахъ которые бы были латы съ рукавы просторны и хороши пригодилися Государю, о пищалѣхъ о короткихъ о коньскихъ по полуторѣ пяди пищаль, которые бъ были стѣнисты и далеко убивали, и стрѣляти бъ изъ нихъ было безстрашно: то бъ Государь вашъ къ Государю нашему прислалъ.

А изговоря, бояре Никита Романовичь Юрьевъ, да дворянинъ Өөонасей Өедоровичь Нагой, да дьяки Андрей да Василей Щелкаловы, да Иванъ

Доровеевъ, шедъ, про то сказали Государю, Царю и Великому Князю. И Государь, Царь и Великій Князь цесарскимъ посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу велѣлъ итти къ себѣ въ избу, а послалъ по нихъ приставовъ Михаила Долматова съ товарищи.

А какъ послы ко Государю, Царю и Великому Князю пошли, и встрѣчали ихъ по тому жъ: въ первой встрѣчѣ околничей князь Иванъ Звѣнигородцкой, да дьякъ Ѳѳонасей Демьяновъ, а въ другой встрѣчѣ околничей князь Петръ Татевъ, да дьяки Андрей Клобуковъ да Иванъ Доровеевъ. А Государь Царь и Великій Князь сидѣлъ въ брусяной избѣ, въ шубѣ въ саженой, а Царевичь Князь Иванъ Ивановичь сидѣлъ въ шубѣ въ саженой же, а бояре и дворяне были въ золотномъ платьѣ. А какъ послы въ избу вошли, и явилъ ихъ челомъ ударити околничей князь Петръ Татевъ. И Государь Царь и Великій Князь велѣлъ посломъ сѣсти. А какъ послы сѣли и посидѣли немного, и Государь Царь и Великій Князь призвалъ пословъ къ себѣ, да къ себѣ же призвалъ дяка Андрея Щелкалова и велѣлъ толмачити толмачю Ермолѣ Кашпирову.

И говорилъ Государь Царь и Великій Князь цесаревымъ посломъ, толмачомъ: приходили есте къ намъ отъ дражайшего брата нашего Максимиліяна Цесаря о братцкой любви и о соединеньѣ, и мы ваше посолство выслушали и хотимъ съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ братцкіе любви и соединенья по прежнему, какъ отцу нашему, блаженные памяти, Великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичю всеа Русіи и дѣду нашему, блаженные памяти, Великому Государю Царю и Великому (Князю) Ивану Васильевичю всеа Русіи съ брата нашего, блаженные памяти, съ Максимиліяновымъ цесаревымъ отцомъ съ Фрединардомъ и съ дѣдомъ брата нашего, блаженные памяти, съ Максимиліяновымъ цесаревымъ съ Максимиліяномъ же Цесаремъ и съ прадѣдомъ брата нашего, блаженные памяти, съ Ѳредерикусомъ Королемъ братцкая любовь и докончанье, а нынѣ бы съ нами было и свыше прежнего; и велѣли есмя на тѣ, на всѣ дѣла вамъ своими ближними людми бояриномъ и дворецкимъ Московскимъ и намѣстникомъ Тверскимъ Никитою Романовичемъ Юрьева, да ближніе думы дворяниномъ своимъ и намѣстникомъ Новоторжскимъ Ѳѳонасьемъ Ѳедоровичемъ Нагово, да дьяки Андреемъ да Васильемъ Щелкаловыми да Иваномъ Доровеевымъ отвѣтъ учинити, и они вамъ говорили отвѣтъ, и то наши рѣчи, и вы наши рѣчи до брата нашего дражайшего, до своего Государя до Максимиліяна Цесаря донесите; а которые есте рѣчи на посолствѣ намъ изъявили, и о послѣхъ бояромъ нашимъ изъявили, и братъ бы нашъ Максимиліянъ Цесарь къ намъ слалъ своихъ великихъ пословъ, которыхъ вы нашимъ ближнимъ людемъ въ отвѣтѣ изъявили, которые бъ могли то дѣло утвердити и закрѣпити; а которые брата нашего сусѣди папа Римской и Король Ишпанской и Архикнязи и всѣ Начальники хрестьянскіе съ братомъ нашимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ докончаньѣ, и тѣ брата нашего сусѣди слали къ намъ своихъ пословъ съ брата нашего съ Максимиліяновыми цесаревыми послы вмѣстѣ, и мы ихъ выслушевъ посолство, хотимъ съ ними

по ихъ достоинству: а къ брату своему дражайшему къ Максимиліяну Цесарю посылаемъ легкихъ своихъ пословъ дворянина и намѣстника Бѣлозерского князя Захарья Ивановича Сугорского, да дьяка Андрея Арцыбашева дражайшему брату нашему Максимиліяну здоровье свое сказати и о брата нашего дражайшего Максимиліяновѣ цесаревѣ здоровьѣ спросити, и о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ есте къ намъ приходили, напомянути; а васъ есмя, брата нашего пословъ Яна Кобендзлю и Даніеля Принца отпущаемъ къ брату нашему къ Максимиліяну Цесарю: тебя, Яна Кобендзлю, чрезъ Литовскую землю, а тебя, Даніеля Принца, съ своими послы чрезъ (Ливонскую) (*) землю.

И подавалъ Князь Великій на отпускѣ цесаревымъ посломъ изъ своихъ рукъ вишневой медъ въ золотыхъ ковшѣхъ, а медъ малиновой въ золотыхъ чарахъ. И звалъ ихъ Царь и Великій Князь къ руцѣ; и какъ послы у руки были, и Государь Царь и Великій Князь, ставъ, молвилъ Цесаревымъ посломъ: какъ будете у своего Государя у брата нашего Максимиліяна Цесаря, и вы отъ насъ брату нашему поклонитеся. А Царевичь Князь Иванъ Ивановичь, вставъ, посломъ по тому же молвилъ.

И того дни, Царь и Великій Князь цесаревыхъ пословъ и отпустилъ; а къ Максимиліяну Цесарю приговорилъ Государь, Царь и Великій Князь послати легкихъ своихъ пословъ князя Захарья Сугорского, да дьяка Андрея Арцыбашева. А поминки послать велѣлъ Государь къ Максимиліяну Цесарю сорокъ соболей въ семь сотъ рублевъ.

А се таковъ отвѣтъ данъ цесаревымъ Максимиліяновымъ посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу: Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христіяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возлаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скифетръ Россійскаго Царствія, Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Асторохански, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермьскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь, Самодержецъ,—дражайшаго и любезнѣйшего брата нашего Максимиліяна втораго, Божією милостію избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя, Нѣмецкого, Угорского, Чешского, Долмацкого, Кроатцкого, Шлявонского и иныхъ, Короля и Арцыкнязя Аустрѣйского, Князя Бургунского, Брабанского, Стырского, Каратывского, Корніолского и иныхъ, Маргрфа Муравскаго, Князя Луцеборского, вышніе и нижніе земли, Шлейского, Вертемборского, Князя Швебского, Граба Аушпорского, Тирольского, Ферацкого, Кибурского и Горецкого, Ланк-

(*) Въ подлинникѣ повторено: Литовткую.

грабя Алсацкого, Монархи Римского Царствія, Бургунского, вышніе и нижніе земли Люсатцкого, Государя Мархинского, Силавонского и иныхъ,-посломъ его Яну Кобендзлѣ рыцерю съ Просекъ, думцу и честному дворянину цесареву, вѣрному Даніелю Принцу по сему нашему писанью извѣщанье даемъ бояриномъ и дворецкимъ Московскимъ и намѣстникомъ Тверскимъ Никитою Романовичемъ Юрьева, да дворяниномъ ближніе думы и намѣстникомъ Новоторжскимъ Өеонасьемъ Өедоровичемъ Нагово, да дьяки Андреемъ да Васильемъ Яковлевыми дѣтми Щелкалова да Иваномъ Дороөеевымъ.

Боярину Никитѣ Романовичю: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, и многихъ земель Царь и Великій Князь, и многихъ земель Государь, вамъ, посломъ брата своего дража(й)шего и любезнѣйшаго Максимиліяна втораго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, Угорского, Чешского, Долматцкого и иныхъ, Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу велѣлъ говорити: говорили есте намъ отъ брата нашего въ посолствѣ, что приказалъ къ намъ съ вами братъ нашъ, Цесарь Максимиліянъ, чтобъ вы намъ извѣстили, что до сѣхъ мѣстъ Его Цесарева Величества великіе посолства до нашего Величества не присылываны, потому что Датцкому Королю съ Свѣйскимъ Королемъ для Ливонскіе земли промежъ ими миръ не пришелъ, и того для къ намъ пословъ отпустити не могъ, потомъ съ Нѣмецкими радами думалъ, какъ бы къ намъ пословъ послати; и то посолство тогды братъ нашъ Цесарь поотложилъ, для того что Короля Полского, славные памяти Жигимонта Августа не стало, на которого мѣсто Король Францовской обранъ былъ, а послѣ того, недолго живучи, Королевство покинувъ, прочь поѣхалъ, и того для всего братъ нашъ Цесарь Максимиліянъ такого великого и славного посольства противъ своей воли до сѣхъ мѣстъ до насъ отправити не могъ. А такъ братъ нашъ Цесарь для братства и пріятельства прямого, которое съ нами имѣетъ, то все хочетъ вборзѣ учинити, чтобъ нашему Царскому Величеству отъ подданныхъ нашихъ и ото всѣхъ Государей стороннихъ великая слава и честь была къ намъ, а братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь болши того ничего не хочетъ имѣти милѣе и любимѣе, что отъ насъ писанья и посольства; а то ему было велми досадно, что прошлого времени гонца нашего Никона Ушакова, которого есмя къ нему, къ брату своему къ Максимиліяну Цесарю послали съ Павлусомъ съ Магнусомъ да съ Григорьемъ Вестьфаломъ вмѣстѣ, Свѣйской велѣлъ поимати и засадити, и братъ нашъ Цесарь Максимиліянъ отъ Свѣйского болши нашего имѣетъ кривду, и того жъ часу до Свѣйского писалъ, чтобъ того Никона къ намъ отпустилъ, и начается, что Свѣйской того нашего гонца Никона къ намъ отпустилъ; а тое наше писанье, которое мы съ тѣмъ Никономъ къ нему, брату своему, послали черезъ Григорья Вестьфала, до него дошло въ прошломъ году Іюля 26 дня. И съ тое грамоты братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь нашъ братственной и ласковой умыслъ и склонность гораздо выразумѣлъ, что мы къ нему и къ его дѣтемъ любимымъ и ко

всему славному пароду Ракузскому дѣлаемъ, и того для братъ нашъ Цесарь Максимиліянъ, кажючи умыслъ своіі любительской и пріятельской, съ великою охотою того желаючи хотѣлъ, чтобъ великое и славное посолство вдругъ до насъ отпустити и наше желанье исполнити, да толко для предрѣченныхъ притчей то дѣло статись не могло; и того для, братъ нашъ умыслилъ, что напередъ хочетъ о томъ о всемъ съ своими радами и со всѣми Князи на нынѣшнемъ сборѣ достаточнѣ о всемъ подлинно подумати и приговорити, а послѣ того тому начало учинити, чтобъ нашему Величеству болшую славу и честь учинити, и того ся начаете, что то дѣло въ короткомъ времяни сдѣлается; и того для, братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь тѣми времены до насъ васъ напередъ отпустилъ, чтобъ вы нашему Величеству особлнвѣ пріятельство и братство его, брата нашего Максимиліянова цесарево, сказали, которое вѣрно и праведливо розсказуете, что братъ нашъ о нѣкоторыхъ дѣлѣхъ, которые въ вашемъ писаньѣ имепуются, и онъ тѣ дѣла братцки пріяетъ и любитъ; и намъ бы его Цесарскому Величеству въ томъ особливѣ вѣрити, что склонность свою братъ нашъ къ намъ имѣетъ, и намъ бы нынѣ лутчее выразумѣти».

Өөонасью Өедоровичю: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великіі Государь, Царь и Великіі Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: да говорили есте намъ въ посольствѣ: а что мы въ писаньѣ своемъ не въ одномъ, но и во многихъ грамотахъ къ нему, брату своему, писали, а особливѣ на достоли о нынѣшнемъ дѣлѣ о Королевствѣ Полскомъ братцкимъ пособьемъ вспомнили, и сердечно того жадаемъ, чтобъ его, брата нашего, любимой сынъ Архикнязь Эрнестъ былъ на Королевствѣ Полскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; и къ паномъ есмя обоихъ панствъ напомипали, чтобъ опи то дѣло по тому учинили, и то имъ подлинно обѣщали, что мы тогды съ нимъ съ Королемъ доброе сусѣдство и пріятелство держати хотимъ, и съ нимъ заодинъ стояти противъ всѣхъ недруговъ. И тому всему мы всякое добро сполна свѣтло учинили, что столь добро и пріятелно и сердечно къ брату своему всякую любовь имѣти хотимъ, и братъ нашъ такую нашу любовь съ радостью выразумѣлъ, что вы нашему Царскому Величеству того и выговорити не можете, то намъ праведливо сказываете и утвердити можете. А братъ нашъ Цесарское Величество и съ сыномъ своимъ любительнымъ за тую вѣрность и за нашу великую любовь противъ того и съ убыткомъ своихъ Государствъ и здоровьемъ и кровью своею задѣлывати хочетъ, толко бы на него и на его сына на Эрнеста какіе причины не было, и онъ за то за все покажетъ любовь свою пріятельскую и братскую; и нѣкоторымъ своимъ великимъ пріятелемъ наше пріятелство сказалъ, и они всѣ того жадаютъ, чтобъ намъ съ братомъ нашимъ быти въ пріятельствѣ, и нынѣ Величество наше отъ тѣхъ часовъ славятъ. И братъ нашъ Цесарь безпрестанни того ищетъ всегды, чтобъ ему намъ ласка своя свѣтла и знатна передо всѣмъ свѣтомъ показати. А наше Величество о томъ гораздо вѣдаетъ, что то Королевство топерь есть безъ Государя, и многіе хотятъ Арцыкняжаты Эрнеста, и многіе

были на то произволили, какъ были на своемъ совѣтѣ въ Стежицѣ, и къ тому было пришло, что его на королевство взяти хотѣли, толко бъ люди упрямые своимъ упрямствомъ не испортили; а коли то не сталось, а черезъ тотъ часъ много не столко пановъ Полскихъ, и отъ Литовскихъ пановъ черезъ писаніе и черезъ послы свои безъ обманки вѣрно вѣсть дали, что иного никого себѣ за Короля взяти не хотятъ, толко Арцыкняжату Эрнеста, съ великою просбою, чтобъ онъ, братъ нашъ, отъ того дѣла не отставалъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними великимъ печалованьемъ то докончалъ, коли они того хотятъ, что Король ихъ выбраный до нихъ опять не пришелъ, и они бъ себѣ иного Короля обрали. А какъ есте ѣхали черезъ Литву, и одва есте въ Литвѣ трехъ пановъ видѣли, а тѣ всѣ поѣхали въ Полшю на совѣтъ, о чемъ братъ нашъ, какъ вы отъ него и поѣхали, не вѣдалъ, и на томъ ужъ договоренось, чтобъ Арцыкняжата Эрнестъ былъ на Полскомъ Королевствѣ, и намъ бы послати до пановъ Полскихъ и Литовскихъ, чтобъ Арцыкняжату Эрнеста, мимо иныхъ всѣхъ, за Короля себѣ обрали, сказываючи имъ о покоѣ и о правдивомъ пріятельскомъ сусѣдствѣ и соединеньѣ противъ всѣхъ недруговъ. И толко мы имъ такъ напишемъ, и съ того значной и великой пожитокъ брату нашему и сыну его Арцыкняжѣ Эрнесту будетъ, также и намъ новой пожитокъ и всякое дѣло къ доброму концу пришло, чтобъ то безо всякіе хитрости доступити, а тѣмъ бы намъ всѣмъ собча всѣхъ своихъ недрузей станы порушити не токмо вашего головного непріятеля Турского Салтана или иныхъ брата нашего и нашихъ недрузей, а себѣ бъ намъ великой пожитокъ учинити».

Діяку Андрею Шелкалову: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: а что есте намъ говорили въ посолствѣ, да къ брату нашему Цесарскому Величеству недавно прошлыми часы изо многихъ мѣстъ, а болши отъ Ливонскихъ людей та рѣчь дошла, что мы, прошлого году Генваря мѣсяца, до повѣту кругъ города Колывани съ великими людми въѣхавъ, все вынустошилъ и выжегъ, и иные городы Перновъ силою взялъ, а иные облегъ, а братъ нашъ тому велми дивится, также брата нашего и сына его Эрнеста и пановъ Полскихъ и Литовскихъ то дѣло велми закручинило; и намъ бы людей своихъ отъ рубежа Ливонского отвести, а съ Королевствомъ Полскимъ и съ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ и съ Ливонскою землею въ добромъ сусѣдствѣ и въ покоѣ жити, а не толко тѣхъ земель обладателемъ, и инымъ бы всѣмъ землямъ то явно показати, чтобъ мы иного не мыслили, толко бы то, чтобъ Арцыкняже Эрнестъ былъ на Корунѣ Полской; а будетъ не мочно словомъ, ино бъ и силою или какъ ни буди мочно намъ учинити, чтобъ ихъ закручинити, а Ливонскихъ бы намъ людей отставити, для того что Ливонскіе люди брата нашего цесаревы люди, и его землю Нѣмецкую по всякъ часъ надъ собою ихъ имѣютъ, а мы за ихъ грубость Юрьевъ взяли а теперѣ для же того у насъ недружба съ Свѣйскимъ Королемъ о городѣ о Колывани. И намъ бы съ братомъ своимъ съ Цесаремъ жити по тому же, какъ наши предкове съ его

прежними жили; братъ нашъ Максимиліанъ Цесарь съ нами болши того въ прямомъ пріятелствѣ хочетъ быти, и Коруна Полская и Княжство Литовское и Ливонская земля, которая брата нашего къ Максимиліановѣ цесаревѣ землѣ прилегла; а которая межъ нами недружба съ Королемъ съ Свѣйскимъ, и въ тѣ трудности Свѣйской неподѣлно вступается, и какъ будетъ выбранъ на Королевство Полское и на Великое Княжство Литовское брата нашего Максимиліановъ цесаревъ сынъ Эрнестъ, и тогды будетъ вѣчный покой, и пріятелство, и сусѣдство и соединенье противъ всѣхъ недруговъ. И толко брата нашего сынъ Княжата Эрнестъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ будетъ, и тогды братъ нашъ Максимиліанъ Цесарь не оманкою съ нами свое властное Государство и Княжство и своихъ дѣтей въ вѣчномъ покоѣ утвердити хочетъ, для того: коли брата нашего Максимиліановъ цесаревъ сынъ Эрнестъ съ нами, какъ съ сильнымъ и съ вѣрнымъ братомъ, ближнимъ сусѣдомъ станетъ, и онъ съ нами ежечасъ противъ нашихъ недруговъ, гдѣ будетъ надобетъ, всегды будетъ готовъ».

Діяку Василью Щелкалову: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: да говорили есте въ посолствѣ намъ: а коли мы съ порубежными хрестьяны въ такомъ миломъ покоѣ жити будемъ, и противъ поганыхъ и иныхъ невѣрныхъ можемъ ся оборонити и славу свою добрую одержати, которая намъ отъ Бога дана, какъ отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь Василей учинилъ крестное цѣлованье съ Королемъ Полскимъ съ великими ихъ пожитки, и послѣ того много Княжствъ, которые и топерѣ мы подъ свою руку взяли; а толко брата нашего Максимиліанову цесареву сыну Княжатѣ Эрнесту Королевство Полское Богъ въ руки дастъ за нашею помочью и за помочью брата нашего Максимиліана Цесаря, и противъ недруга мы пойдемъ съ своими людми съ своей стороны, а брата нашего Максимиліановъ цесаревъ сынъ Княжата Эрнестъ съ Полскіе и съ Подолскіе границы съ своими людми, а братъ нашъ Максимиліанъ Цесарь съ своими изъ Угорскіе и изъ Свединскіе (sic) земли и съ Корватцкіе земли, а Ишпанскій брата нашего Максимиліановъ цесаревъ любительный и пріятелный сынъ съ папою съ Римскимъ и съ иными Государи хрестьянскими на головного недруга и невѣрного окрутника на морѣ и на землѣ съ великою силою притти, и у него бъ то отняти, за милостью Господа Бога, въ кроткомъ часу, что онъ черезъ колко сотъ лѣтъ царствовалъ и воевалъ многихъ хрестьянскихъ Государей съ великимъ соромоценьемъ и съ пустошеньемъ. А въ томъ святомъ соединеньѣ мы можемъ начаятись великіе себѣ чести и славы и отъ Господа Бога помочи, чтобъ намъ тѣхъ невѣрныхъ людей выгнати за Арапы и до Азіи, чтобъ произволеньемъ брата нашего Максимиліана Цесаря и папы Римского и Короля Ишпанского и брата нашего Максимиліанова цесарева сына Княжаты Эрнеста и выбраныхъ Римскихъ Княжатъ все Царство Греческое на всходъ солнца къ намъ пришло и отъ брата бъ отъ нашего отъ Максимиліана Цесаря и отъ папы Римского и отъ всего Хрестьян-

ства намъ и дѣтемъ нашимъ любительнымъ честно и славно было; а послѣ того, брату нашему Максимиліяну Цесарю къ радости и всему Хрестьянству пришло, и Хрестьяство бъ все съ радостью и съ утѣхою и съ великимъ моленьемъ того ся дождало, чтобъ безбожная Магаметева вѣра была выкоренена, а Хрестьянская вѣра вызнлася, а мы бъ и иные Государи хрестьянскіе того съ прямымъ сердцемъ могли начаятися, которые хрестьяны черезъ немалой часъ великую нужю Магмецкую терпѣли и нынѣ терпятъ, и впередъ своими повсяденными просбами у Господа Бога просятъ о великомъ свобоженьѣ отъ поганыхъ».

Діяку Ивану Дороѳееву: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: да говорили есте намъ: того для вы намъ съ великою покорностью напоминаете имянемъ брата нашего Максимиліяна Цесаря и велми того просите, чтобъ мы съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ съ его Княжатемъ съ Эрнестомъ великимъ разумомъ своимъ обмышливали и осматривали, а братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь такъ пріятелски и братцки учинилъ, какъ братъ нашъ къ намъ велику надежу имѣетъ, чтобъ мы просьбу и жеданье брата своего Максимиліяна Цесаря предъ себя взяли, что прежъ сего предъ сѣми часы, изъ ластные своей охоты и ласковости и любви, противъ брата нашего Максимиліяна Цесаря славно и знакомито учинити, къ людемъ Полскимъ отписати и ихъ напоминати о брата нашего Максимиліянові цесаревѣ сынѣ о Эрнестѣ, чтобъ тѣмъ всѣмъ, которые ся о томъ Королевствѣ старають, отговаривали, а брата бъ нашего Максимиліянова цесарева сына за Короля обрали и взяли, и въ томъ доброе сусѣдство и во вѣки покой и братцкое соединенье учинити и прямые помочи противъ всѣхъ недруговъ. А къ брату бъ намъ своему Максимиліяну Цесарю и ко святой Постолитой Рѣчи Римской отъ своего воинства дѣла противъ Ливонскіе земли престати, которая подъ началомъ была къ Постолитой Рѣчи Римской и нынѣча есть, а у брата нашего Максимиліяна Цесаря и у всее Рѣчи собча и порубежныхъ своихъ всегды помочи жедаютъ и просятъ, и Рѣчь была произволила, и хотѣли были пособъ учинити, и братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь для тое пріятельскіе згоды и братцкіе надежи съ нами имъ на то не дозволилъ, а имъ вѣчный покой отъ давна жеданнаго сусѣдства обѣцовалъ учинити, и своимъ гетманомъ въ Ливонской землѣ приказалъ, чтобъ передъ нами гораздо справовались, и никому ничего непріятельского не учинили. И отъ нашего бы Пресвѣтлѣйшества вамъ ѣхати съ грамотами, не мѣшкаючи, до Полскіе и до Литовскіе земли, и тѣ бъ грамоты всѣмъ паномъ, какъ вмѣстѣ будутъ, отдати, чтобъ намъ къ брату нашему къ Максимиліяну Цесарю, чего издавна хотимъ и жедаемъ, какъ бы мочно вборзѣ, не мѣшкаючи, счастливо и радостно съ пожиткомъ добрымъ всякое добро имѣти».

Боярину Никитѣ Романовичю: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: и мы посол-

ство ваше выслушали и на то посолство извѣщеніе, что есте намъ отъ брата нашего отъ Максимиліяна Цесаря на посолствѣ говорили, что братъ нашъ дражайшій Максимиліянъ Цесарь съ вами къ намъ приказывалъ, чтобъ вамъ насъ извѣстити, что до сѣхъ мѣстъ брата нашего дражайшего великое посолство до насъ не прислано для того, что Свѣйскому Королю съ Датцкимъ Королемъ въ миръ не пришло для Ливонскіе земли, а Короля Полского, славные памяти Жигимонта Августа не стало; а нынѣ братъ нашъ для братства и пріятельства прямого все хочетъ вборзѣ учинить, чтобъ нашему Царскому Величеству ото всѣхъ Государей стороннихъ великая слава и честь была. А братъ нашъ дражайшій болши ничего не хочетъ имѣти милѣе и любимѣе, чтобъ межъ насъ съ нимъ, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ всегды было писанье и посольство о любви, и то братъ нашъ дражайшій и любительный хочетъ себѣ и намъ обоимъ нашимъ Государствомъ прибытокъ, что пріятельство все вборзѣ хочетъ учинить. И братъ бы нашъ своихъ великихъ пословъ со всѣмъ съ полнымъ наказомъ до насъ прислалъ, чтобъ межъ нами болшое дѣло утвердилося, что всему Хрестьянству къ покою. А то братъ нашъ дражайшій дѣлаетъ братцкую любовь, что желаетъ и любити хочетъ съ нами посолства и ссылки и соединенья, а мы по тому же съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ хотимъ ссылки о братцкой любви и о соединеньѣ».

Ѳоонасью Ѳедоровичю: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: а что есте говорили намъ отъ брата нашего дражайшего отъ Максимиліана Цесаря, что гонца нашего Никона Ушакова въ поиманьѣ держитъ Свѣйской Король, а хочетъ намъ, по присылкѣ Максимиліяна Цесаря, Никона отпустити, и то Свѣйской передъ нами и передъ нашимъ дражайшимъ братомъ Максимиліяномъ Цесаремъ дѣлаетъ несправедливо, что такому дѣлу чинитъ помѣшку, что съ братомъ нашимъ начинается о братцкой любви, что всему Хрестьянству къ прибытку. А Свѣйской Король, забывъ докончанье съ Новгородцкими намѣстники, передъ нами во многихъ неисправяся, намъ укоризны великіе и слова непригожіе къ нашему Царскому Величеству въ своихъ грамотахъ пишетъ, укоряючи наше царское имя, а вступаяся въ нашу отчину въ Лифлянскую землю, чего никоторому Государю терпѣть не возможно, да мы терпимъ Свѣйскому. Что межъ насъ съ братомъ нашимъ Максимиліяномъ Цесаремъ ссылка учинилася о братцкой любви, и намъ бы изъявити брату своему дражайшему Максимиліяну Цесарю Свѣйского неправду и укоризна, и передъ братомъ нашимъ Максимиліяномъ Цесаремъ было бъ то явно».

Діяку Андрею Щелкалову: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, и многихъ земель Государь велѣлъ говорити: а что есте говорили намъ отъ брата нашего отъ Максимиліяна Цесаря, что мы къ брату своему къ Максимиліяну Цесарю многижда писали, а въ послѣдней своей грамотѣ, которая была послана съ Никономъ съ Ушаковымъ, писали къ

брату своему Максимиліяну Цесарю, хотя того, чтобь на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ былъ брата нашего дражайшего сынъ Эрнестъ Князь Аустрѣйскій, а нынѣ то Государство порозже, и намъ бы тѣмъ промышляти и брату нашему дражайшему Максимиліяну любовь своя показати, чтобъ брата нашего сынъ Эрнестъ Князь Аустрѣйской былъ Королемъ на Корунѣ Польской; и быть бы намъ съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ его Эрнестомъ въ доконча́ньѣ и въ соединеньѣ и на всякого недруга стоять намъ заодинъ; да и Ливонская земля была бъ къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжеству Литовскому, которая прилегла къ цесаревѣ землѣ».

Діяку Василью Щелкалову: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: и мы, какъ прежъ сего хотѣли есмя, такъ и нынѣ хотимъ съ братомъ своимъ съ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ братства и доконча́нья и соединенья, на всякого недруга быти заодинъ; и того нынѣ хотимъ, какъ прежъ сего для любителного братства и соединенья писали есмя къ брату своему къ Максимиліяну Цесарю, что присылали къ намъ паны Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского до рады присяглого діяка Михаила Гарабурду чтобъ быти у нихъ на Государствѣ или сына своего дати имъ на Государство, и мы къ нимъ приказали съ Михаиломъ съ Гарабурдою, что мы у нихъ Государемъ быти хотимъ и сына своего на Государство дати хотимъ, а будетъ за которымъ случаемъ быть у нихъ намъ Государемъ не вмѣстно, и они бъ никого иного себѣ за Государя не обирали, кромѣ сына Цесарева Эрнеста, а намъ то будетъ любо таково жъ, что будетъ на Корунѣ Полской сынъ Цесаревъ Эрнестъ что и сынъ нашъ Царевичь Ѳедоръ будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ. А будеть похотятъ Литовскіе люди опрочѣ Коруны Полскіе на Великое Княжетво Литовское нашего надъ собою Государства, и мы и на одно Великое Княжство Литовское быти у нихъ хотимъ, то есмя къ радамъ съ Михаиломъ Гарабурдою писали; а нынѣ наше хотѣнье то, чтобъ брата нашего дражайшего сынъ Эрнестъ Князь Аустрѣйскій былъ на Корунѣ Полской, а Литовское бы Великое Княжство и съ Кіевомъ и что къ нему городы, были къ нашему Государству къ Московскому. А Ливонская земля изначала была наша вотчина и нашимъ прародителемъ Ливонскіе Нѣмцы дань давали; да забывъ правды, отъ насъ отступили и дани давати не почели, и многіе грубости и вины и неисправленіе при нашемъ Государствѣ передъ нами показали, и надъ нашими людми многіе насилства и грабежи и обиды чинили; и надъ Ливонскою землю потому отъ насъ и ссталось за ихъ неправды, и Ливонской землѣ и Курской всей быти къ нашему Государству; да и для того Ливонской землѣ быти за нами, что есмя взяли и учинили при себѣ голдовника своего Короля Арцымагнуса на своей вотчинѣ на Лифлянской землѣ, и правду свою къ намъ Король Арцымагнусъ учинилъ, цѣловалъ намъ крестъ, какъ ему въ нашемъ жалованьѣ быти у насъ на Лифлянской землѣ; а которымъ городомъ

болшимъ быти за нами, которые себѣ возмемъ, и тѣмъ городомъ быти за нами; да па томъ и крестнымъ цѣлованьемъ затвержено, и намъ и потому черезъ правду никому иному Лифлянскіе земли поступатись не возможно. А братъ бы нашъ дражайшій Максимиліянъ Цесарь, для нашіе къ себѣ любви и братства и соединенья, въ Ливонскую землю не вступался, тѣмъ бы намъ любовь свою показалъ. А что намъ съ Свѣйскимъ недружба о городѣ о Колывани, и памъ бы людей своихъ отъ рубежа Ливонского отвести, а съ Королевствомъ Полскимъ и Литовскимъ и съ Ливонскою землею въ добромъ сусѣдствѣ и въ покоѣ жити, и мы Ливонской земли, своей отчины, съ Божьею помочью доставаемъ и впередъ хотимъ искати; которые вступилися въ Ливонскую землю не по правдѣ, Король Датцкой и Свѣйской поимали многіе городы въ Ливонской землѣ, какъ мы Ливонскую землю опустошили и розорили за ихъ неправды и за непослушанье; а покамѣста мы своей вотчины не искали и на Ливонскую землю гнѣву своего не положили, и въ Ливонскую землю никто не вступался, и братъ бы нашъ дражайшій въ Ливонскую землю не вступался, и съ нами которое дѣло болшое починается, что всему Хрестьянству къ прибытку и къ оборонѣ, не рушилъ, а намъ бы тѣмъ свою любителную братцкую пріятелную любовь показалъ».

Діяку Ивану Дороѳееву: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: а что есте намъ говорили отъ брата нашего Максимиліяна Цесаря, чтобъ намъ послати до пановъ Полскихъ и Литовскихъ, чтобъ сына его Эрнеста Князя, мимо иныхъ всѣхъ, обрали себѣ за Короля, сказываючи имъ о покоѣ и о правдивомъ нашемъ пріятелскомъ сусѣдствѣ и соединеньѣ противъ всѣхъ недруговъ, и толко мы къ нимъ такъ прикажемъ, и съ того значной и великой пожитокъ брату нашему и сыну его Арцыкняжѣ Эрнесту будетъ, также и намъ новой пожитокъ и всякое доброе дѣло къ добру будетъ. И мы нынѣ, по брата своего дражайшего присылкѣ по вашему посолству, пошлемъ грамоты къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжству Литовскому для братцкіе любви, напоминаючи пановъ Полскихъ, чтобъ они обрали себѣ за Короля брата нашего дражайшего сына Эрнеста Князя на Королевство Полское, а Великого Княжства Литовского пановъ напоминаючи, чтобъ Великое Княжство Литовское было подъ нашимъ Государствомъ ко Государству нашему къ Московскому; а нынѣ къ намъ въ Можаескъ, при вашемъ брата нашего послѣхъ пріѣздѣ, пріѣхалъ нашъ посланникъ изъ Литвы, и многіе паны къ намъ приказывали Полскіе и Литовскіе, просечи насъ, чтобъ мы къ нимъ послали своихъ посланниковъ, а они хотятъ надъ собою нашего Государства на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а иные обрати хотятъ себѣ за Государя, по присылкѣ Турского Салтана, воеводу Семиградцкого; и мы для братцкіе любви брата своего дражайшего Максимиліяна Цесаря, хотячи того, чтобъ взяли себѣ за Короля на Коруну Полскую брата нашего дражайшего сына Эрнеста, Князя Аустрѣйского. А о томъ бы намъ съ братомъ нашимъ дражайшимъ Максимиліяномъ

Цесаремъ тѣмъ промышляти собча, чтобъ Семиградцкого воеводы, по присылкѣ Турского Салтана, то Государство на Коруну Польскую и на Великое Княжство Литовское панове рада неимали, чтобъ имъ самимъ Корунѣ Полской и Великому Княжеству Литовскому и всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ къ убытку не было, а бесерменскимъ Государемъ къ повышенью; а мы о томъ съ братомъ нашимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ учнемъ собча промышляти, чтобъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ нашимъ осмотрѣньемъ межъ насъ въ братцкой любви, мимо насъ и брата нашего дражайшаго сына не былъ никто, а мы, будучи съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ доканчаньѣ и въ братцкой любви и въ соединеньѣ и съ сыномъ его съ Эрнестомъ, какъ будетъ на Королевствѣ Полскомъ, учнемъ стояти на всякого недруга заодинъ».

Никитѣ Романовичю: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ вамъ говорити: а мы брату своему дражайшему хотимъ любовь свою казати и промышляти съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ собча, чтобъ брата нашего дражайшего и любительного сынъ его Эрнестъ Аустрѣйскій Князь былъ на Корунѣ Полской, а Великое бы Княжство Литовское было за нами къ Московскому Государству и Лифлянская земля, а утвердяся бы намъ съ братомъ своимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ съ его съ Эрнестомъ Королемъ Полскимъ, утвердивъ доканчанье о вѣчномъ соединеньѣ и на дѣти, и стояти намъ обще всѣми Государствы, съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и со всѣми Государи Поморскими на всякого недруга заодинъ, а Датцкой и Свѣйской по тому жъ съ нами и съ братомъ съ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ были въ доканчаньѣ по прежнимъ обычаемъ. А въ чемъ Свѣйской передъ нами не исправилъ, и братъ бы нашъ дражайшій Максимиліянъ Цесарь Свѣйскому исправитись передъ нами велѣлъ, и доканчанье бы собѣ Свѣйской учинилъ съ наше(ю) вотчиною съ Великимъ Новымгородомъ, съ нашими намѣстники по прежнимъ обычаемъ, какъ отцу его Хрестерну было доканчанье съ Великимъ Новымгородомъ, и какъ будетъ пригоже, чтобъ всякой былъ съ нами и съ братомъ нашимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ доканчаньѣ на всякихъ нашихъ недруговъ заодинъ. А что есте говорили съ нашими бояры, что вамъ ознаменили отъ насъ о Ливонской землѣ, и братъ нашъ Максимиліянъ велѣлъ вамъ о томъ толко помянути, а много про Ливонскую землю говорити вамъ не велѣно, толко бы мы Ливонскіе земли до тѣхъ мѣстъ воевати не велѣли, покамѣста болшіе послы брата нашего цесаревы у насъ будутъ; а тѣ дѣла всѣ, которые есте намъ на посолствѣ говорили, велѣлъ вамъ братъ нашъ намъ объявити, чтобъ намъ про тѣ про всѣ дѣла было въ вѣдомѣ, а заключити вамъ тѣхъ дѣлъ братъ нашъ не велѣлъ; а для доканчанья о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ братъ нашъ пришлетъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, удѣлныхъ Князей, каковы за долго лѣтъ не бы-

вали. И коли межъ насъ съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ такое дѣло всчинается о соединеньѣ и о вѣчномъ братствѣ и о дружбѣ, и то бы дѣло межъ насъ съ братомъ нашимъ было крѣпко и неподвижно; а мы кому слово свое молвимъ о братствѣ и о любви, и то живетъ крѣпко и неподвижно, и инако слово наше не живетъ; не такъ бы было, какъ прежъ сего Король Лодвикъ Владиславовъ сынъ Угорской, сослався съ Цесаремъ и со многими Нѣмецкими Государи, захотѣлъ стоять противъ Турского, и какъ на него пришелъ Турской, и Цесарь и Нѣмецкіе Государи ему не пособили и помочи ему не учинили, его выдали и Турскіе люди его побили, да и самого убили. И которые Государи съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ докончаньѣ, папа Римской, и Король Ишпанской, и Король Дацкой, и Архикнязи, и Комиты, и всякіе Начальники, и тѣ бъ всѣ Государи съ брата нашего съ Максимиліяновыми цесаревыми съ великими послы прислали къ намъ своихъ пословъ и утвердилися всѣ съ нами въ докончаньѣ, какъ пригоже, на всякихъ недруговъ стоять всѣмъ имъ съ нами заодинъ; а мы на ихъ недрузей учнемъ стояти заодинъ. А что есте говорили, чтобъ вамъ самимъ отъ насъ дати грамоты къ Полскимъ и къ Литовскимъ паномъ радамъ, и что въ грамотахъ писано и намъ бы то вамъ изъявити, чтобъ Государю вашему было то явно,— и вамъ грамотъ къ паномъ къ своей братьѣ самимъ вести непригоже: то въ нашемъ обычаѣ безчестно, что посломъ съ грамотами ѣздити, а велимъ послати тѣ грамоты въ Литву къ паномъ радамъ изъ Смоленска часа того; а въ грамотахъ пишемъ къ Корунѣ Полской паномъ, чтобъ Коруны Полскіе паны взяли себѣ на Коруну Полскую брата нашего дражайшего сына Эрнеста Архикнязя, а съ нами братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь и сынъ его Эрнестъ будутъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякого недруга заодинъ; а къ Великому Княжству паномъ пишемъ, чтобъ они были подъ нашимъ Государствомъ къ Московскому Государству, а мы съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ его съ Эрнестомъ учнемъ быти въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ. А будетъ Великое Княжство не похочетъ быти подъ нашимъ Государствомъ опричѣ Коруны Полскіе, и они бъ были съ Коруною Полскою общи, и взяли себѣ на тѣ обѣ земли брата нашего Максимиліянова сына Эрнеста, только бы въ рубежѣхъ о нѣкоторыхъ дѣлѣхъ договоръ учинили цесаревы послы у насъ будучи; а не похотятъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского паны рады насъ и брата нашего цесарева сына Эрнеста Князя на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ Государемъ, и намъ съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ надъ Коруною Полскою и надъ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ обще промышляти и въ неволю приводити. А что есте намъ говорили отъ брата нашего Максимиліяна Цесаря, чтобъ намъ къ брату своему приказати, что будетъ намъ надобѣ изъ его Государства, что намъ пригодится, и братъ нашъ для любви вамъ пришлетъ,— и братъ бы нашъ для любви прислалъ къ намъ церковныхъ, и городовыхъ, и полатныхъ мастеровъ, да мастеровъ, которые лосчатые доспѣхи дѣлаютъ, да бархатовъ съ петлями

двое мохрихъ (sic), да латъ Нѣмецкихъ съ рукавы, которые бы намъ пригодилися добрые, да пищалей короткихъ конскихъ, по полуторѣ пяди пищаль, которые бы были стѣнисты и убивали бъ далеко, и стрѣляти бы изъ нихъ было безстрашно; а что будетъ брату нашему надобетъ изъ нашего Государства, и мы, противъ, брату своему для любви пришлемъ. А толко Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского паны рады нашего надъ собою Государства и брата нашего Максимиліяна Цесаря и сына его Эрнеста Князя не похотятъ, и намъ бы съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ промышляти и войною ихъ кручинити и того собѣ Государства доступати,—и вамъ посломъ боляре наши говорили: отъ Государя вашего о томъ вамъ наказъ есть ли, и вы говорили, что вамъ отъ брата нашего наказу нѣтъ; а будутъ къ намъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ отъ брата нашего великіе послы, и братъ бы нашъ Максимиліянъ Цесарь пословъ своихъ великихъ, наказавъ имъ о всемъ подлинно, слалъ къ намъ ранѣе, чтобъ нашему общему дѣлу порухи не было».

И отпущены послы изъ Можайска, Генваря въ 29 день, Янъ Кобендзля и дворяне цесаревы, которые съ Яномъ, на Смоленскъ и на Литовскую землю, а проводити ихъ посланъ Игнатей Зубовъ, да съ нимъ дѣтей боярскихъ два человѣка; а Даніель Принцъ и дворяне, которые съ Даніелемъ, отпущены на Юрьевъ на Ливонской, а проводити ихъ посланъ Дмитрей Бртеневъ.

А наказы Игнатью Зубову и Дмитрею Бортеневу, о провожаньѣ, даны таковы:

А се таковъ наказъ данъ Игнатью Зубову: «Память Игнатью Зубову: ѣхати ему съ цесаревымъ посломъ съ Яномъ Кобендзлею да съ цесаревыми дворяны до Смоленска и до Литовского рубежа; а дворянъ съ нимъ съ Яномъ цесаревыхъ восмь человѣкъ, да служебниковъ восмь человѣкъ. И береженье ему къ нимъ въ дорогѣ держати по Государеву наказу, а кормъ цесареву послу и дворяномъ давати въ дорогѣ по росписи, какова ему роспись дана; и того беречи, чтобъ цесареву послу и дворяномъ въ кормѣхъ одноличпо нужи не было. А пріѣхавъ ему въ Смоленескъ, отдати Государева грамота, которая съ нимъ послана, воеводѣ князю Юрью Костянтиновичю Курлятеву и дьяку, и въ Смоленску съ посломъ не измотчати ни часу, а проводя до рубежа, гдѣ встрѣтитъ подводы и встрѣчниковъ; а проводя до рубежа ѣхать назадъ въ Смоленескъ; а проводить отъ Смоленска велѣно до рубежа, послать съ головою до ста человѣкъ дѣтей боярскихъ».

А се такова грамота послана въ Смоленескъ къ воеводамъ съ Игнатьемъ съ Зубовымъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Смоленскъ воеводѣ нашему князю Юрью Костянтиновичу Курлятеву да дьяку нашему Гаврилу Бункову: приходили къ намъ отъ Максимиліяна Цесаря Римского послы Янъ Кобендзля, да Даніель Принцъ, и мы цесарева посла Яна Кобендзлю, да дворянъ цесаревыхъ съ нимъ восмь человѣкъ да служебниковъ восмь человѣкъ отпустили на Смоленскъ, а товарищь его Даніель Принцъ отпущенъ на Юрьевъ. И какъ цесаревъ посолъ Янъ и цесаревы дворяне въ Смоленескъ пріѣдутъ, и вы бъ ихъ тотъ

часъ изъ Смоленска отпустили, и кормъ имъ и подводы до рубежа дали, и проводити ихъ велѣли по прежнему обычаю, съ головою съ Игнатьемъ Зубовымъ человѣкъ до ста; а въ Смоленску бъ есте ихъ не задерживали ни часу». Писанъ въ Можайску, лѣта 7084, Генваря въ 29 день.

А се таковъ наказъ данъ Дмитрею Бортеневу. «Память Дмитрею Бортеневу: ѣхати ему съ цесаревымъ посломъ съ Даніелемъ Принцомъ, да съ цесаревыми дворяны на Ржеву, на Торопецъ, на Луки, на Псковъ, и до Юрьева Ливонского и до рубежа; а дворянъ съ нимъ, съ Даніелемъ, цесаревыхъ четыре человѣки, да служебниковъ четыре человѣки, и береженье къ нимъ въ дорогѣ держати по Государеву наказу; а того беречи ему накрѣпко, чтобъ одноличво ему съ посломъ и съ дворяны на болшую дорогу на Новгородцкую не взъѣхати и на ту, что Государю ѣхать на Волокъ; а кормъ цесареву послу и дворяномъ и служебникомъ Дмитрею давати въ дорогѣ по росписи, какова роспись дана; а на Лукахъ и въ Торопцѣ кормъ имъ имати и въ дорогу у городовыхъ прикащиковъ по росписи; а въ Торпецъ къ воеводѣ къ Ивану Грязному, а на Луки на Великіе къ Поснику къ Ворощину писано; а за кормъ по цѣнѣ денги платити, которые съ нимъ посланы. И того Дмитрею беречи, чтобъ цесареву послу и дворяномъ въ кормѣхъ одноличво нужи не было. А какова съ нимъ грамота въ Юрьевъ къ воеводамъ послана, и Дмитрею та грамота въ Юрьевѣ отдати воеводѣ князю Никитѣ Борисовичю Ростовскому и дьякомъ. А послу и дворяномъ цесаревымъ велѣти побыти въ Юрьевѣ, покамѣстъ Король Арцымагнусъ и воеводы Юрьевскіе провѣдаютъ, на которое мѣсто цесаревымъ и государевымъ посломъ до цесаревы области пройти отъ Нѣмецкихъ людеіі и отъ Литовскихъ безстрашно. А проводя до Юрьева, и какъ изъ походу воеводы придутъ, и къ цесаревымъ посломъ велѣно приставить Юрьевского помѣщика добра; а Дмитрею съ товарищи ѣхати къ себѣ въ помѣстье».

А се такова грамота въ Юрьевъ къ воеводамъ послана съ Дмитреемъ съ Бортеневымъ. «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Юрьевъ Ливовской, воеводѣ нашему князю Никитѣ Борисовичу Ростовскому да дьякомъ нашимъ Арменину Шапилову, да Василью Бундову: отпустили есмя Максимиліяна Цесаря Римского посла Даніеля Принца да съ нимъ цесаревыхъ дворянъ четыре человѣки, да служебниковъ его четыре человѣки; а съ ними отпустили есмя къ Максимиліяну Цесарю своихъ пословъ, дворянина своего князя Захарью Ивановича Сугорского, да дьяка своего Андрея Арцыбашева, а съ цесаревымъ посломъ и съ дворяны велѣли есмя дорогою итти до Юрьева и до рубежа Дмитрею Бортеневу и кормъ велѣли ему давати и береженье держати по нашему наказу; а какъ цесаревъ посолъ и дворяны и наши послы въ Юрьевъ пріѣдутъ, и вы бъ имъ велѣли побыти въ Юрьевѣ, а объ нихъ бы есте сказали Королю Арцымагнусу, что мы отпустили къ Максимиліяну Цесарю пословъ своихъ съ его послы вмѣстѣ, а нынѣ они въ Юрьевѣ. И отъ насъ бы есте Королю Арцымагнусу говорили, чтобъ Король нашимъ дѣломъ промыслилъ и до Риги провѣдавъ, будетъ нашимъ по

сломъ до цесаревы области на Ригу мочно пройти, и они бъ на Ригу шли, а будетъ на Ригу отъ воинскихъ людей пройти не возможно, и Король бы Арцымагнусъ велѣлъ провѣдати, на кое мѣсто нашимъ посломъ до цесаревы области пройти безстрашно, и они бъ на тѣ мѣста и шли съ цесаревымъ посломъ съ Даніеломъ Принцомъ вмѣстѣ, и кормъ бы есте имъ и подводы до рубежа дали, и проводити ихъ велѣли добрымъ многимъ дѣтемъ боярскимъ. А будетъ послать ихъ доведется тайно, и вы бы съ ними провожатыхъ не посылали, тѣмъ бы есте промыслили, по тамошнему смотря обычаю, какъ бы нашимъ посломъ и цесаревымъ посломъ пройти безстрашнѣе; а какъ Дмитрей съ посломъ съ Даніелемъ въ Юрьевъ пріѣдетъ, и вы бъ къ послу къ Даніелю приставили добрѣдобра сына боярского и просужа, а съ нимъ дѣтей боярскихъ человѣкъ трехъ, четырехъ; а о корму бы есте взяли выпись, по колку на день давать, у Дмитрея у Бортенева, да по той выписи кормъ давали, а чего въ запросъ попросятъ, и вы бъ имъ давали, а меды бы обарной и бѣлой ставили нарокомъ добрые покамѣста они побудутъ въ Юрьевѣ; а однолично бы къ посломъ къ цесаревымъ береженье было великое у васъ и честно и бережно; а будетъ цесаревъ посолъ захочетъ у Короля быти да и ѣсти, и вы бъ о томъ Королю отговаривали, чтобъ посолъ цесаревъ у него не былъ и не ѣлъ, чтобъ нашему и его имени не бесчестно было; а будетъ Король упрямится и захочетъ того, чтобъ у него былъ цесаревъ посолъ, да и совѣтники его Хрестьянусъ съ товарищи приговаривать учнутъ, и толко быть цесареву послу, и въ то бъ время было у васъ честно о всемъ по наказу, каковъ наказъ къ вамъ послали есмя съ сею грамотою. А будетъ провѣдаетъ Король Арцымагнусъ и вы провѣдаете, что будетъ къ Ригѣ пройти не возможно посломъ, и вы бъ пословъ нашихъ и цесаревыхъ пословъ отпустили на Перновъ, и проводить ихъ до Пернова велѣли, и къ Перновскимъ воеводамъ отписали бы есте о ихъ отпускѣ, а мы къ воеводамъ въ Перновъ писали объ ихъ отпускѣ; а въ которой день ихъ отпустите и на которое мѣсто, и вы бъ о томъ къ намъ отписали, чтобъ намъ было въ вѣдомѣ, а одноличнo въ кормѣхъ честно держали бъ есте цесареву послу». Писана на Москвѣ лѣта 7084 Генваря въ 29 день.

А се такова грамота послана къ Королю А(р)цымагнусу съ Григорьемъ Еропкинымъ, да съ Матвѣемъ съ Толбугинымъ: «Божіею милостію отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанскаго, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверскаго, Югорскаго, Пермьскаго, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и сѣверные страны Повелителя, и Государя отчиннаго земли Лифлянскіе и иныхъ Голдовнику нашему, Королю Арцымагнусу Лифлянскому и тѣхъ областей Эзель и Вики, Государю Курскіе земли, Отчичю Норвецкому, Олштенъ, Штурмаренъ и тѣхъ Детмарскихъ Графъ, Волденборхъ и

Делмонореть. Присылалъ къ намъ братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь своихъ пословъ Яна Кобендзлю да Даніеля Принца о братцкой любви, и мы цесаревыхъ пословъ Яна Кобендзлю отпустили на Смоленескъ, и черезъ Литовскую землю, а другого цесарева посла Даніеля Принца и нашихъ пословъ дворянина своего князя Захарья Сугорского да дьяка Андрея Арцыбашева отпустили на Юрьевъ. И какъ цесаревъ посолъ Даніель Принцъ и наши послы въ Юрьевъ пріѣдутъ, и ты бъ, Голдовникъ нашъ, розвѣдавъ, куды лутче имъ ѣхать, туды бы они ѣхали; а будетъ дорогою къ Ригѣ, горою проѣхатъ имъ страшно, и мы имъ велѣли ѣхать на Перновъ, а изъ Пернова въ кораблѣ, куды будетъ брата нашего послу Даніелю Принцу и нашимъ посломъ лутче и прямѣе и безстрашнѣе, туды бы имъ ѣхать, тѣмъ бы еси провѣдать промыслилъ. А будетъ цесаревъ посолъ похочетъ итти къ тебѣ, и мы къ тебѣ приказали подлинно съ своимъ посломъ со княземъ Захарьею Сугорскимъ и съ дьякомъ съ Андреемъ Арцыбашевымъ, и ты бъ о всемъ по тому учинилъ, какъ бы нашему имяни и тобѣ при насъ будучи не безсчестно; а къ воеводамъ къ Юрьевскимъ и къ діяку къ Арменину Шапилову о томъ писали есмя, а дѣлать бы тобѣ о всемъ, съ воеводами нашими говоря». Писана въ Можаійску, лѣта 7084 Генваря въ 28 день.

А се грамоты, по договору цесарскихъ пословъ, въ Литву къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского; а посланы они къ воеводамъ въ Смоленескъ съ Васкою съ Шюшеринымъ, а изъ Смоленска велѣно тѣ грамоты отослати въ Оршу, а изъ Орши въ Литву.

А въ Смоленескъ къ воеводамъ грамота послана такова: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Смоленескъ воеводѣ нашему князю Юрью Костянтиновичу Курлятеву, да діяку нашему Гаврилу Бункову: послали есмя къ вамъ съ Васкою Шюшеринымъ двѣ грамоты въ Литву, одну къ радамъ Коруны Полскіе, а другую къ Великому Княжству Литовскому. И какъ Васка Шушеринъ къ вамъ тѣ грамоты привезетъ, и вы бъ тѣ грамоты отослали въ Оршу къ Филону Кмиту съ сыномъ боярскимъ съ молодымъ, толко бы просужъ; и къ нему бъ ты, князь Юрьи, отъ себя отписалъ, чтобъ онъ тѣ грамоты къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжству Литовскому отослалъ; а съ кѣмъ тѣ грамоты Филонъ Кмита изъ Орши къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжству Литовскому пошлетъ и въ которой день, и онъ бы о томъ къ вамъ отписалъ съ нашимъ сыномъ боярскимъ, а вы бъ о томъ о всемъ къ намъ отписали, что Филонъ къ тебѣ отпишетъ, чтобъ намъ о томъ было вѣдомо». Писана въ Можайску, лѣта 7084, Генваря въ 30 день.

А се грамота въ Литву къ паномъ радамъ Коруны Полскіе: «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ, сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и

Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь, Коруны Полскіе панства належачей радѣ, духовнымъ и свѣцкимъ: Якубу Уханьскому, съ ласки Божіей арцибискупу Гнѣзнинскому, першей радѣ Коруны Полскіе; Францышку Красинскому, бискупу Краковскому; Станиславу Корнаковскому, бискупу Куявскому; Адаму Конарскому, бискупу Познаньскому, Петру Мышковскому, бискупу Плотцкому; Войтеху Старожрибскому, бискупу Хелмьскому; Денисью Сецьийгневскому, бискупу Каменецкому; Себастьяну Змелцѣ, каштеляну Краковскому, старостѣ Брицкому; Петру Зборовскому, воеводѣ и енералу Краковскому, старостѣ Команатцкому; Яну Косткѣ, воеводѣ Сендомирскому, старостѣ Малборскому и Пуцкому; Каспиру Жебридовскому, воеводѣ Калишскому; Олбрахту Ласкому, воеводѣ Спратцкому; Яну Сираковскому, воеводѣ Ленчинскому; Яну Служевскому, воеводѣ Брейскому, старостѣ Нинскому и Межирѣцкому; Яну Кротовскому, воеводѣ Иновлоцлавскому; Юрью Язловицкому съ Бучаце, воеводѣ Русскому; Николаю Мицкому, воеводѣ Подолскому, старостѣ Новоицкому и Граденскому; Николаю Матѣевскому, воеводѣ Любелскому, старостѣ Списскому; Станиславу Лавскому Стрейкготинѣ, воеводѣ Мазовецкому; Андьзимусу Кгостомскому, воеводѣ Равскому; Вуйтеху Чернаковскому, каштеляну Познаньскому; Ярониму Мосолинскому, каштеляну Сендомирскому, старостѣ Кричевскому; Яну Стенчинѣ, каштеляну Войницкому, старостѣ Любельскому; Яну Томицкому, каштеляну Гнѣзвинскому; Станиславу Лесоцкому, каштеляну Ленчитцкому; Станиславу Герболту, каштеляну Лвовскому, старостѣ Самбурскому; Ярониму Синявскому, каштеляну Каменецкому, старостѣ Галицкому; Станиславу Слупицкому, каштеляну Любелскому, Жигимонту Волскому съ подъ Гаецъ, каштеляну Чирскому, старостѣ Варшевскому; Яну Дулскому, каштеляну Хелминскому, старостѣ Рокгозинскому и Брянскому: Андрею съ Гурки, каштеляну Медзирѣцкому; Яну Тарлу, каштеляну Радомскому, старостѣ Пелзинѣсскому, и всей радѣ Коруны Полскіе, духовнымъ и совѣтнымъ. Прежъ сего, какъ брата нашего, блаженные памяти Жигимонта Августа, Короля Полского и Великого Князя Литовского, въ животѣ не стало, и рада Великого Княжества Литовского присылали къ намъ посланника своего до рады присяглого Михаила Гарабурду, чтобъ мы на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское отпустили сына своего Царевича Князя Өедора, а не дозволимъ сына своего Царевича Князя Өедора отпустити, и намъ бы самимъ быти на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ Государемъ. А будетъ вы, панове рада Коруны Полскіе, не похотите насъ Государемъ на Корунѣ Полской, и вы бъ себѣ обрали за Короля Цесарева сына; а намъ будетъ то либо таково жъ, что сынъ нашъ, толко цесаревъ сынъ будетъ у васъ Государемъ: такъ есмя приказывали къ вамъ съ Михайломъ Гарабурдою и многижды есмя вамъ о томъ напоминали, и къ намъ отъ васъ о томъ дѣлѣ никоторое дѣ-

ло не объявилося и по ся мѣста. И нынѣ къ намъ братъ нашъ Максимиліанъ Цесарь Римской присылалъ своихъ пословъ Яна Кобендзлю да Даніеля Принца, хотячи съ нами братства и докончанья и соединенья; а сыну бы его Эрнесту Архикнязю Аустрѣйскому быти, по вашему обиранью, на Корунѣ Полскої; а какъ будетъ сынъ его Эрнестъ Архикнязь на Корунѣ Полскої, и намъ бы тогды съ нимъ, съ братомъ своимъ съ Максимиліаномъ Цесаремъ и его сыномъ Эрнестомъ Архикнеземъ быти въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ недруговъ заодинъ. И вы бъ, панове рада, похотѣли себѣ и всему Хрестьянству прибытка и, опричь бы есте цесарева сына Эрнеста Архикнязя, иного никого себѣ за Государя на Коруну Полскую не обирали; занеже намъ всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ и вашей землѣ Корунѣ Полской то будетъ къ прибытку и къ оборонѣ хрестьянского народу отъ бесерменскихъ рукъ къ высвобоженью; а намъ то любительно, что будетъ на Корунѣ Полской брата нашего Максимиліяна Цесаря сынъ Эрнестъ Архикнязь, что и нашъ сынъ будетъ Царевичь Ѳедоръ на томъ Государствѣ. И для того то намъ и вашей землѣ будетъ къ прибытку, что братъ нашъ Максимиліанъ Цесарь со всѣмъ Римскимъ Царствомъ, и наше Государство и Коруна Полская будутъ общи всѣ въ соединеньѣ, на всякихъ своихъ недруговъ стоять будутъ заодинъ, и то всѣмъ нашимъ Государствомъ къ великимъ пожиткомъ. А будетъ, панове рада, мимо тое нашу волю брата нашего Максимиліяна Цесаря, оберете себѣ Государя иного изъ рукъ бесерменскихъ Государей, и которое кроворозлитье хрестьянское взочнется, и тое крови хрестьянскіе на томъ Богъ и поищетъ, кто ее взочнетъ; а мы Государи хрестьянскіе всегды того жадаемъ и того ищемъ, чтобъ нашимъ осмотрѣньемъ во всѣхъ хрестьянскихъ Государѣхъ было согласье и соединенье, и отъ бесерменскихъ Государей Хрестьянству къ высвобоженью. А напоминаемъ васъ, пановъ радъ, и всю землю Полскую для хрестьянского покою и прибытку, чтобъ вы обрали себѣ за Короля брата нашего Максимиліянова цесарева сына Эрнеста Архикнязя, а похотѣли бъ есте себѣ вѣчнаго покою, и согласья и докончанья, что всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ къ покою и къ прибытку. А что ваша о томъ мысль, и вы бъ намъ про то вѣдомо учинили своимъ посланникомъ, чтобъ намъ ваша воля о томъ въ вѣдомѣ было.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7084, Генваря мѣсяца, индикта 3, государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Російскаго 30, Казанскаго 23, Асторохаиьского 21».

А се грамота въ Литву къ паномъ радамъ Великого Княжства Литовского: «милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, воеже направити ноги наша на путь миренъ,—сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Рос-

товскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверныя страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь, паномъ радамъ Великаго Княжства Литовского духовнымъ и совѣтнымъ: князю Юрью Радивилу, бискупу Виленскому; Юрью Пптѣевичю, бискупу Жемоитцкому; Николаю Пацѣ, бискупу Кіевскому; Николаю Юрьевичю Радивилу, воеводѣ Виленскому, канцлеру Великаго Княжства Литовского, старостѣ Литцкому и Мозырскому, державцѣ Борисовскому; Яну Еронимовичю Хоткеевича, грабѣ на Шкловѣ и на Мышѣ, каштеляну Виленскому, старостѣ Жемотцкому, моршалку земскому Великого Княжства Литовского, старостѣ Ковенскому и державцѣ Плотелскому и Телшовскому; Стефану Андреевичю Збаражскому, воеводѣ Тротцкому; Остафью Воловичю, каштеляну Тротцкому, подканцлеру Великаго Княжства Литовского, старостѣ Берестѣйскому и Кобрынскому; Станиславу Николаевичю Пацѣ, воеводѣ Витебскому, державцѣ Сурожскому; князю Богушу Корецкому, воеводѣ земли Волынскіе, старостѣ Лутцкому; Юрью Васильевичю Тишкѣевича Логоііскому, воеводѣ Берестѣйскому, державцѣ Волковыйскому; Яну Николаевичю Талвашу, каштеляну земли Жемотцкіе; Юрью Николаевичю Зиновьевича, державцѣ Лепелскому; Григорью Воловичю, каштеляну Новгорцкому, старостѣ Слонимскому, ловчему Великаго Княжства Литовскаго, старостѣ Миретцкому, Докговскому, Переламскому, Коневскому и Дубитцкому; Павлу Пацѣ, каштеляну Витебскому; князю Андрею Вишневетцкому, воеводѣ Брясловскому; Николаю Талвашю, каштеляну земли Жемотціе, старостѣ Дынеборскому; Павлу Сопѣгѣ, каштеляну Кіевскому, старостѣ Любелскому; Юрью Юрьевичю Остику, воеводѣ Мстиславскому, старостѣ Брясловскому; Яну Яновичю Глѣбовича, каштеляну Менскому; Николаю Нарушевичю, подскарбію земскому Великаго Княжства Литовского, державцѣ Марковскому, Ушполскому, и Пенянскому и Меделскому; Николаю Хриштофу Радивилу, княжѣ на Ольщѣ и Несвижю, маршалку дворному Великого Княжства Литовскаго; Яну Станиславовичю Кишкѣ, крайчему Великаго Княжства Литовскаго; Доменику Пацѣ, подкоморею Берестѣйскому, и всей радѣ Великого Княжства Литовскаго духовнымъ и совѣтнымъ. Присылали есте къ намъ прежъ сего писаря до рады присяглого Михаіла Гарабурду, просячи насъ, чтобъ мы похотѣли дать на Коруну Полскую и Великое Княжство Литовское сына своего Царевича Өедора, или мы сами сдоволимъ быть на то Государство, а особливо и на одно Великое Княжство Литовское наше хотѣнье есть ли? И мы съ Михаиломъ къ вамъ писали и приказывали, что мы на то Государство на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское быти Государемъ хотимъ и правити, переѣзжая по всѣмъ своимъ Государствомъ, можемъ; а особливѣ хотѣнье свое есмя съ Михаіломъ къ вамъ наказали, что мы на Великое Княжство и опричь Коруны Полскіе быти хотимъ; а намъ то и любѣе, что намъ быти на одномъ Государствѣ на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ къ своему Государству Московскому. А арцыбискуповъ и бискуповъ чтити учнемъ по ихъ зако-

ну и обычаю; также у васъ, пановъ радъ и всего рыцерства и всее земли Литовскіе, справъ и поволностей во всякихъ вашихъ поведеньяхъ переставливати и убавливати ни въ чемъ не хотимъ: какъ у васъ прежъ сего велося по вашимъ обычаемъ, также и прибавливати и наддавать вамъ всякихъ чиновъ и чести, со всѣхъ пановъ радъ приговору, по вашему маїстату, по прежнимъ вашимъ обычаемъ; а иноко слово наше не будетъ, и крестнымъ цѣлованьемъ по договору затвердимъ. А опослѣ того, многижда васъ напоминали есмя о томъ дѣлѣ, и отъ васъ никоторое дѣло и по ся мѣста о томъ дѣлѣ къ намъ не объявилося. А нынѣ къ намъ присылалъ братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь, хотя того, чтобъ мы съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ были въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ, а сыну бы его Эрнесту Архикнязю быть на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ; а съ нами бъ быти ему въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякого недруга заодинъ. И вы бъ, панове рада Великого Княжства Литовского со всею Литовскою землею, похотѣли нашего на себѣ Государства, опричь Коруны Полскіе; а мы у васъ Государемъ быти хотимъ и на одномъ Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, опричь Коруны Полскіе; а справъ вашихъ и волности ни въ чемъ рушати не хотимъ, и во всемъ по вашему договору Государемъ у васъ быти хотимъ къ своему Государству Московскому, или своего сына Царевича Өедора вамъ на Государство дать хотимъ; а на Коруну Полскую взяли бы собѣ, панове рада, на Королевство Полское цесарева сына Эрнеста Архикнязя. А съ нами будетъ братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь и сынъ его Эрнестъ Архикнязь, и папа Римской, и Король Ишпанской въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякого недруга заодинъ. И вы бъ, панове рада, духовные и совѣтные и все рыцерство и вся земля Литовская, нашего Государства на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ похотѣли ко Государству Московскому, опричь Коруны Полскіе, или сына нашего Царевича Өедора похотѣли собѣ на Государство; а мы съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ его сыномъ съ Эрнестомъ, какъ его оберутъ панове рада Коруны Полскіе на Королевство Полское, будемъ въ докончаньѣ и стояти будемъ (на) всякихъ недрузей заодинъ по договору, какъ во всѣхъ статьяхъ договоръ учинимъ. И будетъ на то ваше изволенье, ваша пановъ радъ будетъ воля, и вы бъ, панове рада, прислали къ намъ своихъ пословъ, наказавъ ихъ и списавъ подлинно о всякихъ вашихъ поволностяхъ и о справахъ, какъ намъ у васъ быти на Государствѣ или сыну нашему Царевичю Өедору, и какъ у васъ быти справамъ во всякіихъ поволностяхъ по вашему обычаю, и мы велимъ съ вашими послы о всемъ договоръ учинити. А напередъ бы есте пословъ къ намъ о томъ дѣлѣ съ нашимъ посланникомъ съ Лукою Новосилцовымъ отписали и его, не издержавъ, къ намъ отпустили или съ своимъ посланникомъ къ намъ вѣдомо учинили. А будетъ вамъ, паномъ радамъ и всеі землѣ Великому Княжству Литовскому, особно, безъ Коруны Полскіе, дѣлати съ нами не згодится, и нашего Государства и сына нашего Царевича

Өедора надъ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ не похотите особно Коруны Полскіе, и вы бъ, панове рада, съѣхався вмѣстѣ съ Коруною Полскою, обрали себѣ за Короля, мимо всѣхъ, брата нашего Максимиліянова сына Эрнеста Архикнязя Аустрѣйского; а мы будемъ съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ его сыномъ съ Эрнестомъ въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ всякимъ поможеньемъ, а о рубежѣхъ Великому Княжству Литовскому съ нашимъ Государствомъ договоръ учинимъ, какъ будетъ пригоже. И что ваша о томъ будетъ воля, и вы бъ намъ о томъ вѣдомо учинили и къ брату нашему къ Максимиліяну Цесарю о томъ извѣстили; и братъ нашъ Максимиліянъ Цесарь къ намъ пришлетъ своихъ пословъ, и мы съ брата своего съ Максимиліановыми послы о всемъ велимъ договоръ учинить и докончанье о всякихъ дѣлѣхъ, чтобъ тѣ Великіе Государства были въ докончаньѣ и въ соединеньѣ. А напоминаемъ васъ пановъ радъ и всю Литовскую землю Великого Княжства Литовского по звыклому обычаю, какъ пригоже Государемъ хрестьянскимъ, хотя прибытка Хрестьянству, не токмо своему Государству, и всѣмъ Государствамъ хрестьянскимъ, что къ пожиткомъ и къ покою хрестьянскому всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ. А вы бъ, панове рада, мимо насъ и цесарева Максимиліянова сына Эрнеста, никого иного на то Государство изъ бесерменскихъ рукъ не имали и пролитья кровей хрестьянскихъ не всчинали. А кто похочетъ всчинати розлитье кровей хрестьянскихъ, и такое соединенье многихъ Государей хрестьянскихъ отложити на сторону, и намъ, и брату нашему Максимиліяну Цесарю и многимъ Государемъ хрестьянскимъ, прося у Бога милости, всѣмъ надъ тѣми искати, а мимо всѣхъ надъ вашею землею кто такое розлитье кровеі хрестьянскихъ взочнетъ, а покоі Хрестьянству многихъ Государеі и своей землѣ покоі и пожитокъ на сторону отложитъ, и надъ тѣмъ Богъ того поищетъ; а мы, какъ есть Государи хрестьянскіе всегды, того ищемъ и желаемъ, чтобъ учинити и удѣлати не токмо въ своемъ Государствѣ, и въ чюжихъ Государствахъ хрестьянскихъ къ хрестьянскому пожитку и къ покою; а наше вамъ, паномъ радамъ и всему рыцерству и всеі Литовскоіі землѣ Великого Княжства Литовского о всякомъ хрестьянскомъ покоѣ послѣднее напоминанье вашей землѣ къ покою и къ оборонѣ и къ прибытку. А что будетъ ваша о томъ мысль и уложенье, и вы бъ къ намъ прислали своихъ пословъ о тѣхъ дѣлѣхъ, а напередъ съ нашимъ посланникомъ съ Лукою съ Новосилцовымъ или съ своимъ посланникомъ намъ въ вѣдомѣ учинили, чтобъ намъ про то было вѣдомо вскорѣ.—Писана въ Государствія нашего дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7084, Генваря мѣсяца въ » » день, индикта 3, государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Російского 30, Казанского 23, Астроханского 21 ».

А се отпускъ отъ Государя къ къ Максимиліяну Цесарю пословъ князя Захарьи Ивановича Сугорского да дьяка Андрея Арцыбашева.

Вѣрющая грамота: «Троице Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомыіі и Пресвѣтлыій Крайніі Верхъ! направи насъ на истинну Твою и настави насъ на по-

велѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію и хотѣньемъ удрьжахомъ скипетръ Російскаго Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермьскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь (от)чинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь, дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Максимиліяну второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Архикнязю Аустрійскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцеборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бургунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ. Послали есмя до тебя, брата своего, своихъ пословъ легкихъ дворянина своего и намѣстника Бѣлоозерского князя Захарью Ивановича Бѣлоозерского, да дьяка своего Андрея Арцыбашева; и что тебѣ отъ насъ наши послы учнутъ говорить, и ты бъ имъ вѣрилъ: то есть наши рѣчи.—Писана въ Можайску лѣта отъ созданія міру 7084, Генваря мѣсяца, индикта 3, Государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Российского 30, Казанского 23, Асторохапского 21».

А се посолство отъ Государя къ Максимиліяну Цесарю съ послы со княземъ Захарьею Сугорскимъ да съ дьякомъ съ Андреемъ Арцыбашевымъ. Говорити отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи брату его Максимиліяну, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, князю Захарьѣ Ивановичю Бѣлозерскому, да дьяку Андрею Арцыбашеву:

Князю Захарьѣ: «Бога, въ Троицы славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермьскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всее Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ, тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему Максимиліяну второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Архикнязю Аустрійскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцеборскому, вышніе

и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому, и Горецкому. Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ,—велѣлъ свое здоровье сказати, и тебя, дражайшего и любимѣйшего брата своего Максимиліяна, Божіею милостію Цесаря Римского, всегда прибавителя, велѣлъ о здоровьѣ вспросити: какъ тебя Богъ милуетъ?». Да поминки отъ Государя Цесарю князю Захарьѣ подати; а нести поминки къ Цесарю дворяномъ за посломъ за княземъ Захарьею; а молвити князю Захарьѣ: «Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, брату своему дражайшему, Максимиліяну Цесарю поминается, сорокъ соболей, для скорого отпуску, что вскорѣ насъ отпустилъ». Да грамота вѣрющая подати князю Захарьѣ, а нести ее діяку Андрею. А опослѣ грамоты рѣчь говорити:

Князю Захарью: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему Максимиліяну, Цесарю Римскому, велѣлъ говорити: присылалъ еси къ намъ пословъ своихъ рыцеря и думцу Яна Кобендзлю съ Прошекъ да дворянина своего вѣрного Даніеля Принца. И говорили намъ послы твои, чтобъ намъ съ тобою, братомъ нашимъ быти въ братствѣ и въ любви и въ завѣщаньѣ, и мы съ тобою, съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ братомъ нашимъ братства и любви и соединенья хотимъ».

Андрею: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему Максимиліяну, Цесарю Римскому, велѣлъ говорити: да говорили намъ отъ тебя, брата нашего дражайшего, послы твои, что мы къ тебѣ брату своему прежъ сего писали, хотячи того, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ былъ твоій дражайшего брата нашего, сынъ Эрнестъ, а намъ бы тѣмъ нынѣ промышляти и тебѣ, дражайшему брату нашему, любовь своя показати: что то Государство нынѣ порожжо, и на томъ бы Государствѣ на Корунѣ Полской былъ твоій, брата нашего, сынъ Эрнестъ; а намъ бы съ тобою съ братомъ нашимъ и съ сыномъ твоимъ быти въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, и на всякого недруга стояти заодинъ; да и Ливонская бъ земля была приворнена къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжству Литовскому, которая прилегла къ твоей брата нашего цесаревѣ землѣ, и воевати бъ ихъ намъ не велѣти, до коихъ мѣстъ твои, брата нашего, послы будутъ у насъ».

Князю Захарьѣ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, дражайшему брату своему Максимиліяну, Божіею милостію Цесарю Римскому, велѣлъ говорити: и мы какъ преже сего хотѣли есмя, такъ и нынѣ хотимъ съ тобою съ братомъ своимъ братства, и любви, и докончанья и соединенья стояти на всякого недруга заодинъ. Какъ есмя прежъ того для любителього братства и соединенья писали къ тебѣ брату своему, что присылали къ намъ паны рады Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского писаря

Михаила Гарабурду, чтобъ намъ или сыну нашему быти у нихъ на Государствѣ, и мы къ нимъ съ тѣмъ же посланникомъ съ ихъ приказали, что мы у нихъ Государемъ быти или сына своего на Государство дати хотимъ; а будетъ за которымъ случаемъ быти намъ у нихъ Государемъ невмѣстно, и они бъ никого иного себѣ за Государя не обирали, кромѣ твоего, брата нашего цесарева, сына; а намъ то будетъ любо: сынъ твоiй будетъ на Корунѣ Полскоiй, и намъ то таковожъ любо, ка(къ) бы нашъ сынъ на томъ Государствѣ будетъ. А похотятъ, будетъ, Литовскiе люди—Великое Княженье Литовское нашего надъ собою Государства и опричь Коруны Полскiе, и мы и на одно Великое Княжство Литовское быти у нихъ хотимъ,—такъ есмя къ нимъ съ ихъ посланникомъ приказывали. А нынѣ наше хотѣнье то, чтобъ твоiй, брата нашего дражайшего сынъ, Аустрѣйскiй Князь Эрнестъ былъ на Корунѣ Полской, а Литовское бъ Великое Княжство и съ Кiевомъ и что къ нему городы, были къ нашему Государству къ Московскому. А Ливонская земля изначала наша отъ прародителей нашихъ, а подлинно есмя о Ливонской землѣ къ тебѣ приказали съ твоими брата нашего послы, и ты бъ, дражайшiй братъ нашъ, въ Ливонскую землю не вступался, а намъ бы еси свою любовь показалъ».

Андрею: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостiю Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи тебѣ, дражайшему брату своему Максимилiяну, Цесарю Римскому, велѣлъ говорити: да говорили намъ отъ тебя, брата нашего послы твои, чтобъ намъ послати до пановъ Полскихъ и Литовскихъ, чтобъ мимо всѣхъ обрали себѣ за Короля сына твоего князя Эрнеста; и толко мы къ нимъ такъ прикажемъ, и съ того намъ великой пожитокъ и всякое добро будетъ; и мы нынѣ по твоей, брата нашего, присылкѣ къ паномъ радамъ Коруны Полскiе и Великого Княжства Литовского, для братцкiе любви писали, напоминаючи, чтобъ они обрали себѣ на Коруну Полскую Короля, твоего, брата нашего, сына Эрнеста Князя; а Великого Княжства Литовского пановъ напоминаючи, чтобъ Великое Княжство было подъ нашимъ Государствомъ къ нашему Государству Московскому, а хотячи того, чтобъ на томъ Государствѣ мимо насъ и сына твоего на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ не былъ никто; а будетъ Литовскiе панове рада и все рыцерство Великого Княжства Литовского не похотятъ, опричь Коруны Полскiе, нашего надъ собою Государства, и паны бы рада Великого Княжства Литовского съ Коруною съ Польскою вмѣстѣ обрали собѣ за Государя на то Государство сына твоего Эрнеста, толко бы о рубежѣхъ договоръ учинити. А слухъ насъ нынѣ дошелъ, что промежъ Коруны Полскiе и шляхтою и всѣмъ рыцерствомъ рознь учинилась: иные обрати хотятъ себѣ за Государя насъ и нашего сына, а иные обрати себѣ хотятъ, по присылкѣ Турскаго Салтана, воеводу Семиградцкого. И толко паны, мимо наше слово, оберутъ себѣ на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, по присылкѣ Турскаго, воеводу Семиградцкого мимо насъ и сына нашего и мимо твоего, брата нашего дражайшего, сына Эрнеста Архикнязя, и намъ то обоимъ и всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ будетъ къ великому убытку, а бессерменскимъ Государемъ къ повышенью,

И о томъ бы намъ съ тобою, съ братомъ нашимъ дражайшимъ промышлять собча, чтобъ мимо насъ и сына твоего Эрнеста Князя, Семиградцкого воеводу, по присылкѣ Турского, на то Государство, па Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, папове не имали, чтобъ намъ всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ къ великому убытку не было, а бесерменскимъ Государемъ къ повышенью; а мы о томъ съ тобою, съ братомъ своимъ съ дражайшимъ, учнемъ собча промышляти, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, мимо насъ и твоего сына, не былъ никто».

Князю Захарьѣ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, дражайшему брату своему Максимиліяну, Цесарю Римскому велѣлъ говорити: а мы, будучи съ тобою, съ братомъ своимъ дражайшимъ въ докончаньѣ и въ братцкой любви и въ соединеньѣ, и съ сыномъ твоимъ Эрнестомъ, какъ будетъ на Королевствѣ Полскомъ, учнемъ стояти на всякого недруга заодинъ».

Андрею: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, дражайшему брату своему Максимиліяну Цесарю Римскому велѣлъ говорити: а о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ отъ насъ бояринъ нашъ и дворецкой и намѣстникъ Тверской Никита Романовичь Юрьевича Захарьинъ съ товарищи твоимъ посломъ говорили, чтобъ тѣ дѣла закрѣпить, и о томъ бы намъ договоръ межъ собя учинить: не похотятъ Коруна Полская и Великое Княжство Литовское нашего надъ собою Государства, и твоего брата нашего сына Эрнеста, Князя Аустрѣйского, и намъ бы и войною промышлять, какъ бы собѣ тѣхъ Государствъ доступать и ихъ наклонить и досада учинить. А какимъ обычаемъ намъ доступать ихъ, и послы твои, брата нашего, нашимъ бояромъ сказали, что съ ними о томъ наказу нѣтъ что закрѣпить, и о томъ договоръ учинить; а будутъ на такіе дѣла великіе отъ тебя, брата нашего, великіе послы дѣлати и закрѣпити и договорити, которые могутъ такіе великіе дѣла межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ договорити и закрѣпити и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ утвердити, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, своихъ великихъ пословъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ къ намъ слалъ ранѣе, и съ ними къ намъ о всемъ подлинно приказалъ о всякихъ дѣлѣхъ, и пословъ нашихъ выслушавъ, и съ ними своимъ совѣтникомъ о тѣхъ дѣлѣхъ велѣлъ переговорити, и ихъ вмѣстѣ съ своими послы къ намъ не мѣшкая отпустилъ».

Князю Захарью: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, дражайшему брату своему Максимиліяну Цесарю Римскому, велѣлъ говорити: а какъ у насъ твои, брата нашего дражайшего, послы будутъ, и мы съ ними о всемъ велимъ договоръ и докончанье учинити; и которые будутъ Государи съ тобою, братомъ нашимъ, въ докончаньѣ, а съ нами имъ быти на всякого недруга заодинъ, и тѣ бъ Государи, папа Римской, и Король Ишпанской, и Король Дацкой и иные Государи съ твоими, брата нашего, послы къ намъ прислали своихъ пословъ, и мы съ ними о докончаньѣ по тому жъ договоръ

учинити велимъ и закрѣпити на всякихъ нашихъ недруговъ стояти намъ съ тобою, братомъ нашимъ, и съ тѣми со всѣми Государи заодинъ, какъ бы намъ всѣмъ Государемъ ото всѣхъ своихъ недрузей своихъ Государствъ уберечи и надъ ними промышляти».

А се такова наказная память дана князю Захарьѣ и Андрею:

Память дворянину и намѣстнику Бѣлозерскому князю Захарью Ивановичу Сугорскому, да дьяку Андрею Арцыбашеву: «послалъ ихъ Государь Царь и Великiй Князь для своего дѣла и земского къ Максимилiану Цесарю Римскому, а съ нами отпустилъ вмѣстѣ цесарева посла Данiеля Принца и цесаревыхъ дворянъ, и князю Захарью и дьяку Андрею Арцыбашеву ѣхати вь Юрьевъ, а Данило Принцъ и цесаревы дворяне въ Юрьевѣ. А прiѣхавъ въ Юрьевъ, сказати имъ въ Юрьевѣ Королю Арцымагнусу; а будетъ Короля Арцымагнуса вь Юрьевѣ не будетъ, и князю Захарьѣ, говоря съ воеводою со княземъ Никитою и съ дьяки, сына боярского послать, которые съ ними посланы, Королю извѣстить, что они посланы въ послѣхъ къ Максимилiяну Цесарю, и Король бы прислалъ въ Юрьевъ совѣтника своего къ нимъ Хрестьянуса Шафра, а того бы Король велѣлъ провѣдать, куда лутче итти имъ и цесареву послу Данiелю Принцу: на Влодимерецъ ли да на Ригу, или на Перновъ да на Ригу, да съ Риги на Прускую землю, или изъ Пернова, и Риги не заимуя, на Любокъ или на Прускую землю? куда чаятъ безстрашнѣе пройти, туды и ѣхать съ цесаревымъ посломъ. Да и съ воеводами, со княземъ Никитою Ростовскимъ, о томъ говорить, чтобъ промышлялъ о томъ, совѣтуя съ королевымъ совѣтникомъ съ Хрестьянусомъ, и съ Королемъ ссылаяся, и сами про дорогу провѣдывая, куда лутче и безстрашнѣе, туда съ цесаревымъ посломъ съ Данiелемъ Принцомъ и поити. А къ Королю Арцымагнусу и въ Юрьевъ къ воеводѣ ко князю Никитѣ Ростовскому писано, а велѣно Королю и князю Никитѣ въ Володимерецъ ко князю Александру Полубенскому и въ Ригу къ буймистромъ и къ ратманомъ отъ себя о опасныхъ грамотахъ отписати, чтобъ на нихъ и на цесарева посла, на Данiеля Принца, изъ Володимерца князь Александръ и изъ Риги буймистры и ратманы прислали опасные грамоты, что имъ и цесареву послу на Володимерецъ и на Ригу итти безъ опасу, потому что изъ Володимерца князь Александръ Полубенской пишетъ ко Государю въ грамотахъ, а именуетъ себѣ Государя Максимилiяна Цесаря, а они посланы посолствомъ къ Максимилiяну Цесарю съ цесаревымъ посломъ вмѣстѣ; и князь Александръ бы и изъ Риги буймистры и ратманы прислали на нихъ и на цесарева посла опасные грамоты, что имъ на Ригу и на Володимерецъ итти безстрашно. Да какъ князь Александръ изъ Володимерца и изъ Риги буймистры и ратманы опасные грамоты къ Королю или ко князю Никитѣ пришлютъ, и имъ, совѣтуя съ воеводою со княземъ Никитою и съ дьяки и съ цесаревымъ посломъ съ Данiелемъ, и тѣ грамоты опасные Данiелю показати. И будетъ грамоты крѣпки, вѣрить будетъ имъ и итти по нихъ на Володимерецъ и на Ригу мочно; и имъ тотъ часъ изъ Юрьева итти на Володимерецъ и на Ригу. А провожатыхъ съ собою дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ взяти изъ Юрьева сколко

пригожь до рубежа, а за рубежъ съ собою провожатыхъ никакого человѣка одноличпо не имати. А будетъ и подводъ не дадутъ съ рубежа, и имъ подводы нанять, а провожатыхъ и подводъ съ собою одноличпо не имати, а о провожатыхъ и о подводахъ въ Юрьевъ къ воеводѣ и къ дьякомъ писано. А будетъ изъ Володимерца князь Александръ Полубенской и изъ Риги буймистры и ратманы опасные грамоты пришлютъ некрѣпки, вѣрить будетъ имъ и ѣхати по нимъ на Володимерецъ и на Ригу нельзя, или будетъ и опасныхъ грамотъ не пришлютъ, и имъ ѣхати въ Перновъ, а изъ Пернова итти имъ въ судѣхъ Любскихъ гостей; а о тѣхъ судѣхъ въ Перновъ къ воеводамъ и къ дьяку писано, а велѣно имъ тѣ суды изготовити; а на Дацкаго Короля землю по нынѣшнимъ вѣстѣмъ одноличпо не ходити; а нѣчто которыхъ изнеможеньемъ, занесетъ ихъ вѣтромъ на Дацкаго Короля землю, и князю Захарью и дьяку Андрею, пришедъ къ Дацкому Фредерику Королю, говорити рѣчь по наказу и подати грамота, которая съ ними послана, а опослѣ грамоты проситись, чтобы ихъ Датцкой Фредерикъ Король отпустилъ черезъ свое Государство къ Цесарю и проводити бы ихъ велѣлъ до цесаревы области. А какъ князь Захарья и дьякъ Андрей въ цесареву область придутъ, и князю Захарью и Андрею велѣти про себя цесареву послу Даніелю Принцу отписать къ Максимиліяну Цесарю: какъ имъ Цесарь у себя велитъ быти? Да какъ Цесарь князю Захарью и Андрею у себя быть велитъ, и князю Захарью и Андрею, пришедъ къ Максимиліяну Цесарю, отъ Государя, Царя и Великого Князя грамота подати и рѣчь говорити по наказу. А нѣчто князя Захарью и дьяка Андрея къ Цесарю пустити не похотятъ. А учнутъ имъ говорити, чтобъ они шли къ совѣтникомъ цесаревымъ, и князю Захарью и дьяку Андрею къ совѣтникомъ одноличпо не ходити и грамоты не давати, и рѣчи не говорити мимо Цесаря никоторыми обычаи. А нѣчто Цесарь позоветъ князя Захарья и Андрея къ себѣ ѣсть, и князю Захарью и Андрею къ Цесарю за столъ итти и того имъ провѣдывать: не будетъ ли у Цесаря Турскаго, или Литовскихъ, или иного которого Государя пословъ или посланниковъ? И будетъ у Цесаря иныхъ Государей посланники будутъ, и имъ за столъ одноличпо не итти, а о томъ имъ говорити: посадитъ насъ Цесарь выше иныхъ Государей пословъ и посланниковъ, и мы за столъ идемъ, а не посадитъ насъ выше иныхъ пословъ и посланниковъ, и намъ за столъ не итти; и учнутъ о томъ князю Захарью и Андрею говорити, что имъ сидѣти выше иныхъ пословъ и посланниковъ, и имъ за столъ итти, и посадятъ ихъ выше иныхъ пословъ и посланниковъ, и имъ за столомъ сидѣти; а нѣчто князя Захарью и Андрея ниже иныхъ пословъ и посланниковъ посадятъ, и имъ за столомъ не сидѣти, а ѣхать къ себѣ на подворье. А будетъ Турецкого посолъ или посланникъ, или Литовскихъ пановъ, или Францовской, и имъ съ ними вмѣстѣ никакъ не ходити; а хоти, будетъ, и введутъ ихъ, а будутъ послы или посланники Турецкого, или Литовскіе, или Францовского тутъ, или иные которые послы и посланники, и имъ ѣхать на подворье. А какъ послѣ посолства велятъ князю Захарью и Андрею быти у Цесаря и учнутъ ихъ вспрашивать, пришедъ съ отвѣтомъ отъ Це-

саря, цесаревы совѣтники, о которыхъ они дѣлѣхъ на посолствѣ объявили, и о тѣхъ дѣлѣхъ имъ утвердити отъ Государя наказано ли?—и князю Захарью и Андрею говорити, что имъ о тѣхъ дѣлѣхъ велѣно объявити и о всемъ договорити, и отъ Цесаря на то отвѣтъ взяти, а утвердити имъ о тѣхъ дѣлѣхъ не наказано, а утвердятъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ промежъ Государей впередъ великіе послы цесаревы, которыхъ Цесарь пошлетъ. А нѣчто съ ними цесаревы совѣтники учнутъ говорити о докончаньѣ и о соединеньѣ, стояти заодинъ противъ всѣхъ недруговъ,—и имъ говорити, что Государь, Царь и Великій Князь съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ докончанья и соединенья хочетъ, а имъ нынѣ того утвердити не наказано, о тѣхъ бы о всѣхъ дѣлѣхъ Цесарь слалъ ко Государю нашему своихъ великихъ пословъ, и съ ними о тѣхъ дѣлѣхъ наказалъ и утвердити велѣлъ; а какъ цесаревы послы у Государя нашего Царя и Великого Князя будутъ, и Государь Царь и Великій Князь о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ велитъ договоръ учинити и своихъ великихъ пословъ о тѣхъ дѣлѣхъ докончанье сдѣлать и укрѣпити къ Цесарю пришлетъ противъ тѣхъ цесаревыхъ пословъ, и будетъ Государь нашъ Царь и Великій Князь съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ и стояти учнетъ за одинъ противъ всѣхъ недруговъ. А нѣчто въ отвѣтѣ учнутъ говорити о Корунѣ Полской, что Государь, Царь и Великій Князь посломъ Яну Кобендзлѣ да Даніелю Принцу въ отвѣтѣ написалъ, чтобъ на Корунѣ Полской былъ цесаревъ сынъ Арцыкнязь Эрнестъ, а Великое бъ Княжство Литовское было за Царемъ и Великимъ Княземъ, и то въ отвѣтѣ написано не по прежнему Государеву письму: что Литовское Великое Княжство хочетъ взять за себя, а прежъ того писалъ Царь и Великій Князь Цесарю, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, на обѣихъ Государствахъ, былъ цесаревъ сынъ, Князь Эрнестъ,—и посломъ говорить, что Государь, Царь и Великій Князь посломъ Яну и Даніелю въ отвѣтѣ о томъ велѣлъ написати, потому что паны рада Великого Княжства Литовского присылали прежъ того посланника своего, писаря Михаила Гарабурду, просити того: толко паны рада Коруны Полскіе съ ними, съ паны съ радою Великаго Княжства Литовского вмѣстѣ за Государемъ Царемъ и Великимъ княземъ быти не похотятъ, и они и одни Великое Княжство, и опричь Коруны Полскіе, за Государемъ быть хотятъ. И то слово въ отвѣтѣ для того написано противъ Литовскихъ пановъ присылки ко Государю нашему, да то слово, покрыто послѣднимъ словомъ и въ отвѣтѣ Яну и Данилу описано же. А будетъ Великое Княжство Литовское, отъ Коруны Полскіе опричь, нарознь быть не похотятъ подъ Государя нашего Государствомъ, и Великое бъ Княжство Литовское было вмѣстѣ съ Коруною Полскою за цесаревымъ сыномъ, Эрнестомъ Княземъ: такъ Государь нашъ, описавъ въ отвѣтѣ посломъ цесаревымъ, да и къ Литовскимъ паномъ, ко всеи Литовской землѣ, о томъ писалъ. А нынѣ при Государя вашего послѣ, при Даніелѣ Принцѣ, приходили ко Государю нашему Царю и Великому Князю отъ пановъ радъ Коруны Полскіе

и Великого Княжства Литовского пославники Мартынъ Страдомскій, да Матушъ Нарбутъ, хоружеі Бряславской; а писали ко Царю и Великому Князю обѣ рады Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского, что Государь ихъ обраный Генрихъ Король изъ Франціи къ нимъ, на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, не бывалъ, ни отвѣту своего о томъ къ нимъ ни которого не прислалъ, и они, жедавъ его много, обрали себѣ нынѣ за Государя Государя вашего Максиліяна Цесаря, не по Государя нашего къ нимъ присылкѣ; а Государь нашъ прежъ сего, да и нынѣ, о томъ къ паномъ радамъ не писывалъ, чтобъ на тѣхъ Государствахъ быти брату Государя нашего Максимиліяну Цесарю по ссылкѣ съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ. Государь нашъ, Царь и Великій Князь къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского прежъ того и нынѣ писалъ, чтобъ на Коруну Полскую взяли себѣ на Королевство цесарева сына Эрнеста, а Великое бы Княжство Литовское было подъ нашимъ Государствомъ и сына нашего Царевича Князя Ѳедора; а будетъ Великое Княжство Литовское къ Государю нашему отъ Коруны Полскіе отстать не похотятъ, и они бъ обои вмѣстѣ, Коруна Полская и Великое Княжество, Литовское, обрали себѣ за Государя цесарева сына Эрнеста Князя Аустрѣйского; а Государь бы нашъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ его съ Эрнестомъ Княземъ были въ докончаньѣ и въ соединеньѣ и нашимъ дѣтемъ на всякихъ нашихъ недруговъ заодинъ,—такъ Государь нашъ къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского писалъ о томъ. А нынѣ Государь нашъ по тому жъ къ паномъ къ обѣма радамъ съ ихъ посланники съ Мартыномъ и съ Матушомъ писалъ, чтобъ они, по прежней своей присылкѣ и по Государя нашего прежнимъ грамотамъ, обрали себѣ за Государя на Коруну Полскую цесарева Максимиліянова сына Эрнеста Князя, а Великое бъ Княжство Литовское похотѣли надъ собою Государя нашего Государства и сына Государя нашего Царевича Князя Ѳедора; а Государь бы нашъ съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ, и дѣти ихъ, будучи на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, были въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ своихъ недрузей заодинъ; а будетъ Великое Княжство Литовское отъ Коруны Полскіе отстати не похотятъ, и Великое бы Княжство Литовское вмѣстѣ съ Коруною Полскою обрали себѣ за Государя цесарева жъ Максимиліянова сына Эрнеста Архикнязя Аустрѣйскаго, а не Государя вашего Максимиліяна Цесаря самого; а Государь нашъ по тому жъ съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ съ его Эрнестомъ Княземъ, какъ будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, и дѣти Государя нашего будутъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всѣхъ своихъ недруговъ заодинъ. Потому у Государя нашего Государя вашего посолъ Даніель Принцъ въ его Государствѣ помѣшкалъ для тѣхъ ихъ пановъ радъ посланниковъ присылки, чтобъ Государю вашему Максимиліяну Цесарю тѣхъ Литовскихъ посланниковъ присылка была въ вѣдомѣ, съ чѣмъ пришли, чтобъ Государю вашему отъ

Государя нашего черезъ нихъ было извѣстно; потому мы вамъ совѣтникомъ о томъ и извѣщаемъ: донесите до Государя своего также во всякихъ ссылкахъ о всякихъ дѣлѣхъ ото всѣхъ Государствъ присылки, какъ Государю нашему, такъ и Государю вашему были всякіе дѣла межъ ихъ Великихъ Государей вѣдомы, чтобъ ихъ дѣломъ Государскимъ межъ ихъ, Великихъ Государеіі, ко всякому прибытку было ихъ ссылками межъ собою и ихъ, Государ(е)ii, осмотрѣньемъ къ своимъ прибыткамъ. А будетъ учнутъ совѣтники цесаревы противъ тѣхъ дѣлъ говорить, и князю Захарьѣ и Андрею говорить о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ: что намъ ни объявите про государскіе дѣла, и мы тѣ дѣла донесемъ до своего Государя, а Государь нашъ, выслушавъ отъ Государя вашего пословъ, о тѣхъ дѣлѣхъ о всѣхъ отвѣтъ учинить велѣлъ. Да и цесареву послу Данилу, пріѣхавъ въ Юрьевъ, князю Захарью и Андрею извѣстить о Литовскомъ дѣлѣ, за чѣмъ они замѣшкали; а пріѣхалъ бы Даніель къ нимъ на подворье для Государского дѣла, а иногды бъ они ѣхали къ нему на подворье, то въ ровенствѣ дѣлать: и къ нимъ бы ѣздилъ, и они бъ ѣздили. А нѣчто учнутъ говорити о Лифлянской землѣ, чтобъ Царь и Великій Князь Лифлянскіе земли поступился Цесарю, — и имъ говорити, что Государю Царю и Великому Князю ни за что такъ не стояти, какъ ему, Государю, стояти за свою вотчину за Лифлянскую землю, потому что, Лифлянская земля искони вѣчная вотчина Государева, холопи и данщики Лифлянскіе Нѣмцы Государевы отъ его Государевыхъ прародителей, да подуровали: въ Государевѣ волѣ быть не похотѣли, дани давать. И покамѣста на нихъ Государь гнѣву своего не положилъ и меча своего на нихъ не послалъ, и въ Лифлянскую землю никто не вступался; а какъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь на Лифлянскую землю за ихъ вины гнѣвъ свой положилъ и воевати ихъ велѣлъ и ихъ разорилъ по ихъ передъ Государемъ неисправленью, и въ Лифлянскую землю вступились Литовской Король, и Датской, и Свѣйской, и многіе городы въ Лифлянской землѣ себѣ поимали. И для того Государь нашъ за Лифлянскую землю у Литовского лутчей его городъ Полтескъ взялъ, а надъ Свѣйскимъ по тому жъ такъ ссталося, а у Дацкаго иные городы Государь нашъ назадъ поималъ. А и впередъ Государю нашему за Лифлянскую землю стояти и тѣхъ городовъ своей вотчины доступати; и Максимиліанъ бы Цесарь для Государя нашего, Царя и Великаго Князя любви о Лифлянской землѣ припоминати не велѣлъ. Государь нашъ Царь и Великій Князь, любячи брата своего Максимиліяна Цесаря, покамѣста ещо ни вѣдома, ни писма, ни приказу отъ Цесаря ко Государю не было, а Государь нашъ къ Полскимъ и къ Литовскимъ къ паномъ радамъ писалъ: будетъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского паны быть подъ Государемъ нашимъ не похотятъ, и они бъ взяли себѣ за Государя на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское цесарева сына; да и нынѣ того Государь нашъ хочетъ и къ паномъ радамъ къ обѣма о томъ писалъ, чтобъ себѣ обрали Государя на тѣ на оба Государства цесарева сына Князя Эрнеста, а съ Цесаремъ и съ сыномъ его съ Эрнестомъ, какъ будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княж-

ствѣ Литовскомъ, хочетъ Государь нашъ быти въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти противъ всѣхъ недруговъ. И Максимиліянъ бы Цесарь, видячи къ себѣ Государя нашего Царя и Великаго Князя такую любовь братцкую, о Лифляпской землѣ говорити и вступатись за нее не велѣлъ, занже то къ доброму дѣлу не пристоитъ. А говорить о томъ совѣтникомъ, чтобъ Цесарь ранѣе слалъ своихъ великихъ пословъ, о всѣхъ о тѣхъ дѣлѣхъ договоръ учинить и закрѣпить, и ихъ бы съ ними отпустилъ, не мѣшкая; да которые съ Цесаремъ сусѣди его въ докончаньѣ, папа Римской, и Король Ишпанской, и иные Государи, и тѣ бъ Государи съ цесаревыми послы слали своихъ пословъ, а имъ дорога чиста и пріѣхать и отъѣхать ко Государю нашему доброволно безо всякіе зацѣпки. И будетъ цесаревы совѣтники учнутъ говорити, что папѣ Римскому, и Королю Ишпанскому, и инымъ Государемъ пословъ своихъ ко Государю, Царю и Великому Князю слати не возможно, потому что нѣтъ съ вами на тѣхъ пословъ опасныхъ грамотъ, и князю Захарью и дьяку Андрею цесаревымъ совѣтникомъ говорити: Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь на тѣхъ пословъ опасныхъ грамотъ не прислалъ, потому что Государя вашего послы Янъ Кобендзля и Даніель Принцъ Государя нашего бояромъ и дьякомъ, которые въ отвѣтѣ были, опасныхъ грамотъ не припомянули; а въ отвѣтѣ посломъ Государя вашего Яну и Даніелю написано, чтобъ съ цесаревыми послы папа Римской, и Король Ишпанской и иные Государи своихъ пословъ съ цесаревыми послы вмѣстѣ слали ко Государю нашему, и папа бы Римскій и Король Ишпанской и иные Государи своихъ пословъ къ Государю Царю и Великому Князю слали; а мы о томъ и записи попишемъ: язъ князь Захарья печать свою привѣшю, а язъ дьякъ Андрей руку свою приложю на томъ, какъ папы Римского и Короля Ишпанского и иныхъ Государей послы у Государя нашего Царя и Великаго Князя будутъ, и Государь нашъ, выслушавъ ихъ посолства, учинитъ съ ними договоръ по пригожю, какъ чему мочно статися и отпуститъ ихъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь съ цесаревыми же послы вмѣстѣ, со всякою почтивостью, безо всякого задержанья. И будетъ цесаревы совѣтники учнутъ говорить о томъ, чтобъ договорные записи написать, и князю Захарьѣ и дьяку Андрею въ томъ велѣти записи пописати, да къ тѣмъ записемъ князю Захарью печать свою привѣсити, а дьяку Андрею руку свою приложити, а каковымъ записемъ быть пригожъ, и таковы записи со княземъ Захарьемъ посланы».

Да память князю Захарью Ивановичю, да дьяку Андрею Арцыбашеву, какъ будутъ у Цесаря, и нѣчто имъ цесаревы совѣтники учнутъ давати отвѣтъ отъ Цесаря безъ царскаго имяни, и князю Захарью и Андрею цесаревымъ совѣтникомъ говорити: «что Государя, Царя и Великого Князя отцу, блаженные памяти Великому Государю Царю Василью ссылки и докончанья были съ прежними Цесари, и въ тѣхъ ссылкахъ и въ докончалныхъ грамотахъ отецъ Государя нашего писанъ Царемъ и Государемъ; а нынѣ и свыше того многіе великіе особные Царства Государю нашему, Царю и Великому Князю Богъ поручилъ, и Государю нашему

какъ своего имяни отступиться?—и Цесарь бы Максимиліянъ имяни Государя нашего Царскаго Величества тѣмъ не безчестилъ, а велѣлъ писать съ Царскимъ имянемъ по прежнему обычаю, какъ въ прежнемъ докончаньѣ было дѣду Государя вашего Максимиліяну Цесарю со Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, отцомъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, Царемъ Васильемъ Ивановичемъ, и вы того посмотрите въ Государя своего въ прежнюю, въ докончалную грамоту, и вамъ про то будетъ извѣстно; а Государь нашъ, Царь и Великій Князь цесарева имени ни чѣмъ не уменшиваетъ, пишетъ къ нему о всемъ по его маистату. Да о томъ князю Захарью и Андрею стояти накрѣпко, чтобъ имъ отвѣтъ дали съ царскимъ имянемъ; а будетъ по конечной неволѣ, и они бъ отвѣтъ взяли, а молвить: каковъ отвѣтъ дадите, и мы таковъ довеземъ, а то вамъ извѣщаетъ, какъ чему быть пригоже межъ Государей по прежнимъ ссылкамъ, а подлинно вашего Государя посломъ о томъ Государя нашего бояре розскажютъ про то, а отвѣтъ взять, выговоря о томъ, каковъ дадутъ. А нѣчто учнутъ спрашивать, гдѣ нынѣ Царь и Великій Князь?—и князю Захарью и Андрею сказати: Государь нашъ, Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи нынѣ своего Государства въ своей отчинѣ, на Москвѣ. А нѣчто спросятъ князя Захарью и Андрея, коимъ обычаемъ недругъ Государевъ Крымской, пришедъ къ Москвѣ, и посады пожегъ?—и князю Захарью и Андрею говорити: Крымской Царь Государя окралъ, прислалъ ко Государю нашему, Царю и Великому Князю тое весны о перемирьѣ гонцовъ своихъ, и Государь, оплошась на то, рать свою послалъ на непослушника своего, на Свѣйскаго Короля, а самъ Государь нашъ для земскихъ справъ отъѣзжалъ по селомъ своимъ, оплошась на присылку Крымскаго Царя; и Царь, черезъ свою правду, пришелъ съ Турскими и съ Крымскими со многими людми на Московскіе мѣста и посады у Москвы пожегъ, а на Москвѣ были люди немногіе, а жили житейскимъ дѣломъ и осады не было, что царева приходу не чаяли, что Царю были со Государемъ нашимъ ссылки; а которые не многіе люди были на берегу, и онъ тѣхъ потопталъ. А опослѣ того, на другое лѣто пришелъ Крымской Царь, собрався со многими людми съ прибылными, и Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи воеводы съ Царемъ и съ Цесаревичи и со всѣми людми билися, спедшися, четыре дни, и многихъ людей у Царя побили и Ногаііского Дивѣя Князя жива взяли, и многихъ иныхъ великихъ людей поимали и побили. А нѣчто вспросятъ князя Захарью и Андрея: отъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского послы и посланники у Царя и Великого Князя бывали ли? и Царь и Великій Князь въ Литву къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского пословъ и посланниковъ посылывалъ ли? — и князю Захарью и Андрею говорити: Литовскіе паны рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского присылали ко Государю нашему, Царю и Великому Князю писаря до рады, присяглого державца Свислочского Михаила Гарабурду отъ всеі земли, просили себѣ у Государя на Государство сына Государя наше-

го, да и самому Государю, Царю и Великому Князю били челомъ, просили Государя самого на Государство; а послѣ того иные посланники Государя нашего бывали, а Государя у нашего посланики у пановъ радъ бывали, а никоторое дѣло ещо въ соединенье не учинилося, и выше сего вамъ изъявили есмя. А нынѣ въ Можаескъ ко Государю нашему при вашихъ послѣхъ пріѣхалъ Государевъ посланникъ изъ Литвы, и многіе паны ко Государю нашему приказывали Полскіе и Литовскіе, просечи у Государя нашего, чтобъ Государь нашъ послалъ къ нимъ своихъ посланниковъ, а они хотятъ надъ собою Государя нашего Государства на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, а иные хотятъ себѣ за Государя, по присылкѣ Турского Салтана, воеводу Семиградцкаго. И Государь нашъ, для братцкіе любви брата своего дражайшего Максимиліяна Цесаря, хотячи того, чтобъ взяли себѣ за Короля на Коруну По(л)скую Государя вашего, сына Цесарева, Эрнеста Князя Аустрѣйскаго, и хочетъ Государь нашъ съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ собча промышляти, чтобъ паны Полскіе и Литовскіе, по присылкѣ Турскаго Салтана, на то Государство, на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, не имали, чтобъ имъ и самимъ, Корунѣ Полской и Великому Княжству Литовскому и всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ къ убытку не было, а бесерменскимъ Государемъ къ повышенью; и въ Литву о томъ Государь нашъ къ паномъ Полскимъ и Литовскимъ свои грамоты послалъ, о чемъ нашему Государю вашего Государя послы говорили. А нѣчто вспросятъ про Свѣйскаго Короля, какъ нынѣ Свѣйской Король со Царемъ и Великимъ Княземъ? — и имъ говорити: Свѣйскій Король прислалъ нынѣ къ Государю бити челомъ пословъ своихъ во Государя нашего вотчину Великаго Новагорода въ пригородокъ въ Орѣшокъ, бьючи челомъ, чтобъ Государь пожаловалъ, земли его воевати не велѣлъ; а онъ передъ Государемъ исправится впередъ, и своихъ пословъ прислати хотѣлъ, какъ ему впередъ въ Государевѣ жалованьѣ быти по Государеву жалованью, на чемъ Государю добьетъ челомъ. А нѣчто учнутъ говорити которое слово про Ливонскую землю, и князю Захарью и Андрею молвити: Ливонская земля вотчина искони вѣчная Государя нашего отъ его прародителей, а за иными Государи ни за кѣмъ не бывала; прежнимъ Государемъ нашимъ былиданщики искони вѣчные, а нынѣ передъ Государемъ нашимъ не исправилися, и потому надъ ними многое кроворозлитье сталося, и выше сего вамъ изъявили есмя. А нѣчто вспросятъ про Казань и про Асторохань, какъ нынѣ Казань и Асторохань Государю вашему служатъ, и какимъ обычаемъ взялъ ихъ Государь? — и князю Захарью и Андрею говорити: Казанское Царство великое изначала было; садились Цари на Царство на Казанское изъ рукъ Государей нашихъ: которого Царя Казанской землѣ Государь Московской посадитъ, тѣ и бывали на Государствѣ; а опослѣ того, Казанское Царство почало ширитися, и всякими обильи исполнилось, и люди многихъ ордъ въ немъ учинилися Государскихъ сродичевъ, и Казанскіе люди, забывъ правду и Государей нашихъ искони вѣчныхъ, почали отъ Государей отъ нашихъ, отъ Царства Русского отставати. А

отца Государя нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи не стало, а Государь нашъ, Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи въ тѣ поры еще былъ не въ совершенныхъ лѣтѣхъ; и Казанскіе люди взяли себѣ Царя изъ Ногай, Асторохансквхъ Царей, а изъ Крыму взяли себѣ многихъ болшихъ людей, и отъ Государя нашего отступивъ, учали воевать Государя нашего землю; а какъ Государь нашъ возрасту своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи на Казанское Царство ходилъ самъ двожды со всѣми своими землями, и, съ Божьею помочью, Государь нашъ Царь и Великій Князь, почении своею Царскою персоною и всего христолюбиваго воинства побѣдоносные хоругви, Царство Казанское взялъ и Царя свелъ, и многихъ Казанскихъ людей болши трехъ сотъ тысячь побилъ въ приступъ Казанскаго взятья, и въ городѣ Царства Казанскаго поставилъ многіе церкви, и архіепископа, и архимаритовъ, и игуменовъ и весь освященный соборъ устроилъ, и по Волгѣ по рѣкѣ и по Камѣ по рѣкѣ многіе городы поставилъ и многихъ князей, и дѣтеіі боярскихъ въ Казани и по городомъ Казанскихъ пригородовъ устроилъ, и нынѣ Казань во Государя нашего, Великаго Цари и Великаго Князя волѣ. А которые ясачные люди въ Казанскомъ уѣздѣ живутъ, и тѣ Государевымъ Казанскимъ воеводамъ ясаки платятъ и на Государевы службы ходятъ, куды имъ Государь на котораго недруга велитъ итти и колкимъ людемъ велитъ итти: а всѣхъ людей Казанскіе земли живетъ въ сборѣ до ста тысячь. А Асторохань Государство было великое жъ. Изначала Болшіе Орды Государство началное во всѣхъ бесерменскихъ Государствахъ. А какъ Государю нашему, Великому Царю и Великому Князю, Ивану Васильевичю всеа Русіи Богъ поручилъ, Казанское Царство взялъ, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи послалъ рать великую Волгою къ Асторохани, чтобъ очистить Волга и до Хвалимскаго моря; а то Царство Асторохаиьское стоитъ близко устья морскаго; и Государя нашего, Великаго Царя и Великаго Князя, Ивана Васильевича всеа Русіи, воеводы Асторохавское Царство взяли и Царя свели. И устроилъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь въ Асторохани по тому жъ блачочестіе, многіе церкви поставилъ и соборы, и весь причетъ церковный устроилъ. А которые Асторохапскіе люди живутъ въ Асторохани по морскимъ мочакомъ и по Волжскимъ устьямъ, и тѣ Государю служатъ. А нѣчто вспросятъ, какія устья Волжскіе и что за мочаки? и князю Захарью и Андрею говорити: Волга рѣка великая, а впала въ Хвалимское море семьюдесять устьи и двѣма, и по тѣмъ устьямъ сидять Асторохапскіе кочевные люди. А нѣчто вспросятъ про Ногаи, и князю Захарью и Андрею говорить: Ногайская орда, Князь Тинехматъ и мирзы всее орды кочюютъ у Государя нашего, Великаго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, по Волгѣ возлѣ моря и по Яику, а Государю нашему служатъ: куды Государь ни пошлетъ на свое дѣло, и они ходятъ тысячь до двадцати и до тридцати;

и о колкихъ Государь нашъ прикажетъ къ нимъ, сколко послати велитъ Ногайскихъ людей, — и Князь Тинехматъ и мирзы Ногайские столко людей Ногайскихъ и пришлютъ; а иные началники Ногайские, Юсофовы дѣти княжіе, и многіе мурзы Нагайскіе у Государя служатъ въ Московскомъ Государствѣ. А нѣчто вспросятъ про Турецкаго посланника, съ чѣмъ онъ пришолъ? и имъ говорить: Турецкого купецъ пришелъ къ Москвѣ для купечества, и Государь нашъ велѣлъ ему дати въ торговлѣ поволность во всемъ, какъ прежніе купцы Турского у Государя нашего на Москвѣ бывали. Да провѣдати князю Захарьѣ и Андрею себѣ тайно: Литовскіе паны къ Цесарю о каковѣ дѣлѣ пословъ или посланниковъ присылывали ли?—и будетъ присылывали, и кого имянемъ и о каковѣ дѣлѣ? и цесаревы послы и посланники въ Литвѣ бывали ли и о чемъ были, и впередъ у Цесаря и у всѣхъ Нѣмецкихъ Государей что умышлевье: хотятъ ли того, чтобъ на Корунѣ Полской былъ Цесаревъ сынъ Эрнестъ, а Великое бъ Княжство было ко Государству Московскому, или хотятъ того, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ быти Цесареву сыну? И толко Цесаревъ сынъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ будетъ,—и Кіева и иныхъ земель къ Московскому Государю поступится ли и въ Лівонскую землю не учнетъ ли вступатьса? И съ чѣмъ Цесарь ко Государю Царю и Великому Князю пословъ своихъ пошлетъ, на что уложа, и кого имянемъ пословъ пошлетъ и какихъ людей? о томъ о всемъ имъ подлинно провѣдати. Да и того князю Захарьѣ и Андрею провѣдати: какова Цесарева область воинскими людми издоволена и казною, и много ли съ Цесаремъ воинскихъ людей живетъ въ походѣ?—и съ папою съ Римскимъ, и съ Венецѣяны, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Англейскою Королевою, и съ Чешскимъ, и съ Шкотцкимъ Королемъ, и со всѣми своими сусѣды въ докончаньѣ ли? И будетъ въ докончаньѣ, и съ которымъ Государемъ въ докончаньѣ, и съ которымъ въ недокончаньѣ? и Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали ли?—и будетъ бывали, и о каковѣ дѣлѣ Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали? и Угорской Король, сынъ Цесаревъ, нынѣ Турскому дань даетъ ли?—и будетъ даетъ, и что даетъ? и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его, сложася съ нимъ, стоять ли на Турского и чаять ли его на Турского походу и сколь борзо? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаетъ, и князю Захарью и Андрею тѣ дѣла всѣ записать и привезти ко Государю, Царю и Великому Князю».

Да память князю Захарью Ивановичю Сугорскому, да дьяку Андрею Арцыбашеву: «будетъ захочетъ Король Арцымагнусъ говорити о Датцкомъ дѣлѣ, что Датцкой Король боленъ, и Датцкіе бы люди взяли себѣ за Короля старого прироженнаго Государя на отцово и на братне Королевство на Датцкое Арцымагнуса Короля, и Король бы прислалъ совѣтника своего Хрестьянуса, а Хрестьянусъ бы, съ вами поговоря, и послу цесареву Даніелю поговорилъ отъ Короля отъ Магнуса передъ вами, чтобъ Даніель донесъ то до своего Государя до Цесаря, чтобы Цесарь прислалъ свою грамоту къ Датцкимъ людемъ; будетъ у нихъ Арцымагнусовъ братъ Король Фредерикусъ боленъ и быть будетъ ему

не возможно, и они бъ никого иного, мимо своего Государя прироженного, не имали, мимо короля Арцымагнуса, а взяли бъ Короля Арцымагнуса собѣ за Государя; а Король Арцымагнусъ будетъ на Королевствѣ на Датцкомъ въ волѣ и въ докончаньѣ Государя, Царя и Великого Князя и брата его Максимиліяна Цесаря и на всякого ихъ недруга стоять учнетъ заодинъ. А то бы есте тайно говорили съ Хрестьянусомъ, а опричь Хрестьянуса ни съ кѣмъ не говорити того; да и то Хрестьянусу молвить, что вамъ наказано, и у Цесаря о томъ словѣ велѣно вамъ говорити Цесарю, какъ у нихъ въ отвѣтѣ будутъ цесаревы совѣтники. А какъ будете у Цесаря, и вы тогды совѣтникомъ его въ розговорѣ молвите, что Датцкоі нынѣ боленъ, и къ Дацкимъ бы людемъ Цесарь послалъ грамоту свою, чтобъ Арцымагнуса взяли на Датцкое Королевство: и то обѣма Государемъ, Государю Царю и Великому Князю и брату его Максимиліяну Цесарю будетъ къ прибытку, что изъ ихъ рукъ на томъ Государствѣ на Датцкомъ Король Арцымагнусъ утвердится; а нарокомъ, а не въ розговорѣ, о томъ не много говорить. А будетъ Король Арцымагнусъ и совѣтникъ его Хрестьянусъ о томъ князю Захарью и дьяку Андрею не учнутъ говорити, и князю Захарью и дьяку Андрею самимъ того говорити не всчинати».

А се такова грамота послана со княземъ Захарьею и съ дьякомъ съ Андреемъ Арцыбашевымъ къ цесареву Максимиліянову брату къ Каролусу, Князю Аустрѣйскому: «Троице Пресущественая, и Пребожественая, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестіяномъ, Дателю премудрости, Препевѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скипетръ Россійскаго Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Асторохaнскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверныс страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь Самодръжецъ,—брата нашего дражайшего Максимиліяна Цесаря Римского брату Каролусу, Божьею милостью Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Графу Тиролскому и иныхъ. Писалъ еси къ намъ съ брата своего съ цесаревыми Максимиліяновыми послы, съ Яномъ Кобендзлею да съ Даніелемъ Приицомъ въ своей грамотѣ, что насъ тою грамотою поздравляешь и добрую любовь свою пріятелскую извѣщаешь, а впередъ хочешь наше здоровье слышеть. И мы нынѣ къ дражайшему и любимѣйшему брату своему къ Максимиліяну, избранному Цесарю, послали о любви и о братствѣ и о вѣчномъ пріятельствѣ своихъ пословъ; и ты бъ, дражайшего и любимѣйшего брата нашего избранного Максимиліяновъ Цесаревъ

братъ, Каролусе, Аустрѣйской Княже, былъ съ нами въ прiятелствѣ и въ любви вмѣстѣ съ братомъ своимъ съ Максимилiяномъ Цесаремъ, какъ есмя къ нему писали въ своемъ посолствѣ съ своими послы.—Писапа въ Можайскѣ, лѣта отъ созданiя мiру 7084, Генваря въ день, индикта 3, Государствiя нашего 43, а Царствъ нашихъ: Россiйского 30, Казанского 23, Асторохапского 21.»

А се такова рѣчь дана князю Захарью и Андрею, нечто будутъ у Датцкого Фредерика Короля: говорити отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русiи Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохапского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новгорода Низовскiе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлозерского, Удорского, Облорского, Кондинского, и всеа Сибирскiе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя отчинного земли Лифлянскiе и иныхъ, прiятелю его Фредерику, Королю Датцкому и Норветцкому, Олштенскому, Штормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делманорскому,—дворянину и намѣстнику Бѣлоозерскому князю Захарью Ивановичю Сугорскому да дьяку Андрею Арцыбашеву: «Божiею милостiю Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи велѣлъ тебѣ, прiятелю своему, поклонитися. Божiею милостiю, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи велѣлъ тебя, прiятеля своего, о здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ?» Да опослѣ того, подати отъ Царя и Великого Князя Фредерику Королю грамоту, которая съ нимъ послана. А опослѣ грамоты говорити Фредерику Королю отъ Царя и Великого Князя: «Божiею милостiю Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи велѣлъ тебѣ, прiятелю своему и сусѣду Фредерику Королю, говорити: присылалъ къ намъ дражайшiй братъ нашъ Максимилiянъ Цесарь своихъ пословъ Яна Кобензлю да Данiеля Принца для братцкiе любви и соединенья противъ всѣхъ нашихъ недруговъ; и мы брата своего дражайшего Максимилiяновыхъ цесаревыхъ пословъ отпустили къ дражайшему брату нашему, къ Максимилiяну Цесарю: Яна Кобендзлю на Литовскую землю, а Данiеля Принца черезъ твою, прiятеля нашего и сусѣда Датцкого Фредерика Короля, землю; а съ нимъ послали есмя къ брату своему къ Максимилiяну цесарю своихъ пословъ, дворянина и намѣстника Бѣлозерскаго князя Захарью Ивановича Сугорского да дьяка Андрея Арцыбашева. И ты бъ, прiятель нашъ и сусѣдъ, Датцкой Фредерикъ Король, брата нашего дражайшего, Максимилiянова цесарева посла Данiеля Принца и нашихъ пословъ, дворянина и намѣстника Бѣлоозерского князя Захарью Ивановича Сугорского да дьяка Андрея Арцыбашева черезъ свое Государство къ брату нашему, къ Максимилiяну Цесарю, пропустилъ, не замѣшкавъ, чтобъ имъ до брата нашего Максимилiяна Цесаря дойти не мѣшкая». А послѣ того, князю Захарью и дьяку Андрею Датцкому Фредерику Королю подати отъ себя поминки.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Датцкому Фредерику Королю со княземъ Захарьею и съ Андреемъ: «милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, воеже направити ноги наша на путь миренъ, сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всее Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифляпскіе и иныхъ, пріятелю нашему и сусѣду Фредерику второму, Королю Датцкому, и Норвецкому, и Вендійскому, Гоцкому, Арцоку Слезвитцкому, Олстенскому, Стормарскому, Детмарскому, Графу Волденборскому и Делманорсту. Присылалъ къ намъ братъ нашъ дражайшій Максимиліанъ, Цесарь Римской, посла своего, вѣрного своего дворянина Даніеля Принца о братствѣ и о любви и о завѣщаньѣ; и мы брата своего Максимиліянова цесарева посла Даніеля къ нему, брату своему, отпустили, а своихъ есмя пословъ къ нему послали, дворянина своего князя Захарью Ивановича Бѣлозерского да дьяка своего Андрея Арцыбашева; и гдѣ будетъ лучится нашимъ посломъ и брата нашего Максимиліянову цесареву послу ѣхати черезъ твою, пріятеля нашего, землю, и ты бъ нашихъ пословъ и брата нашего Максимиліянова цесарева посла черезъ свое Государство велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ не мѣшкая, чтобъ имъ черезъ твою землю, пріятеля нашего, пройти безстрашно. А какъ наши послы назадъ поідутъ къ намъ отъ брата нашего отъ Максимиліяна Цесаря, и ты бъ ихъ по тому жъ черезъ свою землю велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ имъ пройти безстрашно. — Писана въ Можайскѣ, лѣта отъ созданія міру 7084, Генваря мѣсяца, индикта 3, Государствія нашего 43, а Царствъ нашихъ: Россійского 30, Казанского 23, Асторохапского 21.

А се такова грамота послана въ Юрьевъ къ воеводамъ съ Иваномъ Широносовымъ Марта въ 4 день: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Юрьевъ Ливонской, воеводѣ нашему князю Никитѣ Борисовичю Ростовскому, да дьякомъ нашимъ Арменину Шапилову да Васелью Бундову. Писали есте къ намъ: какъ Король Арцымагнусъ въ Юрьевъ пріѣдетъ, и вамъ велѣно ему о томъ говорити, чтобъ у него цесарскому послу не быть, да и о дорогѣ, чтобъ Король провѣдалъ дорогу, куды нашимъ посломъ и цесарскому послу итти. И мы нынѣ отпустили въ Юрьевъ пословъ князя Захарья Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева, а съ ними о всемъ къ вамъ подлинно наказали о ихъ отпускѣ. И какъ они въ Юрьевъ пріѣдутъ, и о которыхъ дѣлѣхъ учнутъ съ вами говорить, и вы бы по тому нашимъ дѣломъ и промышляли, какъ съ ними наказано. Да писалъ къ намъ Голдовникъ нашъ Король Арцымагнусъ: писалъ къ нему изъ Володимерца князь Александръ

Полубенской, что Римской Цесарь учинился нынѣ Королемъ Полскимъ, и наши бы воеводы и головы, которые сидятъ по рубежнымъ городомъ, съ Литовскими людми рати и войны не всчинали на время; и Король бы по тому жъ рати и войны не всчиналъ, и своихъ людей унялъ и задору по тому жъ не всчиналъ; а мы къ Королю о томъ писали жъ, а вы бы Королю о томъ извѣстили. А будетъ изъ которыхъ изъ Нѣмецкихъ городовъ гдѣ задираться учнутъ, и вы бъ изъ тѣхъ городовъ изъ нашихъ въ тѣ городы къ Литовскимъ людемъ отписать велѣли, что вы по нашему Царскому указу рати и войны не всчинаете, а они бы по тому жъ не всчинали рати и малыми задоры розлитья крови хрестьянскіе не всчинали. Да Голдовникъ же нашъ Король Арцымагнусъ къ намъ писалъ, что есмя къ нему писали, а велѣли ему провѣдати о дорогѣ, куды нашимъ посломъ и цесареву послу пройти безстрашно; и Голдовникъ де нашъ, Король Арцымагнусъ о дорогѣ съ вами говорилъ, чтобъ отписать вамъ въ Володимерецъ ко князю Александру Полубенскому, да и въ Ригу о опасныхъ грамотахъ, чтобъ они нашихъ пословъ, князя Захарью Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева и цесарева посла Даніеля Принца на Володимерецъ и на Ригу пропустили безо всякіе зацѣпки. И ты бъ, воевода нашъ князь Никита, отписалъ отъ себя въ Володимерецъ ко князю Александру Полубенскому, что намѣстникъ и воевода князь Ѳеонасей Шейдяковичь, поѣхавъ до насъ для справъ, а тебѣ отъ насъ указъ пришолъ въ Юрьевъ: въ которыхъ городѣхъ сидятъ Литовскіе люди, Володимерецъ и иные городы и Рига, и мы тѣхъ городовъ воевать на время не велѣли, до коихъ мѣстъ обошлемся съ братомъ своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ послы; а они бъ по тому жъ накрѣпко заказали, войны и рати всчинать не велѣли. А мы нынѣ, по присылкѣ брата своего дражайшего Максимиліяна Цесаря, послали есмя къ брату своему къ Максимиліяну Цесарю съ его посломъ съ Даніелемъ Принцомъ своихъ легкихъ пословъ, дворянина и намѣстника Бѣлоозерского князя Захарью Ивановича Сугорского да дьяка Андрея Арцыбашева; и они бы, изъ Риги буймистры и полатники, и изъ Володимерца князь Александръ Полубенской, къ вамъ на тѣ наши послы и на брата нашего цесарева посла, на Даніеля, прислали къ тебѣ свои опасныя грамоты, чтобъ имъ ѣхать на Ригу безъ опасу со всѣми своими людми. Да какъ изъ Володимерца князь Александръ Полубенской и изъ Риги на пословъ, на князя Захарью на Сугорского, и на дьяка на Андрея Арцыбашева и на цесарева посла Даніеля Принца опасные грамоты пришлютъ, и вы бъ князя Захарью Сугорского, и дьяка Андрея Арцыбашева и цесарева посла Даніеля Принца на Володимерецъ и на Ригу отпустили. А будетъ изъ Володимерца князь Александръ Полубенской и изъ Риги на нашихъ пословъ и на цесарева посла опасныхъ грамотъ не пришлютъ, и вы бъ пословъ князя Захарью и Андрея, и цесарева посла Даніеля Принца отпустили на Перновъ, а изъ Пернова имъ ѣхать въ судѣхъ; а въ Перновъ есмя писали, а подлинно обо всемъ приказали есмя со княземъ Захарьемъ и съ Андреемъ; да послали есмя къ Голдовнику нашему къ Королю Арцымагнусу грамоту, и вы бъ

тое грамоту къ Королю Арцымагнусу отослали тотъ часъ; а промышляли бы есте о всемъ нашими дѣлы по нашимъ наказомъ. А будетъ наши послы пойдутъ на Володимерецъ и на Ригу, и вы бы послали ихъ до рубежа проводити дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ, сколко пригоже, и подводы имъ до рубежа по ихъ подорожнымъ дали, а за рубежъ бы они съ собою провожатыхъ и стрѣлцовъ одноличнo не имали; да послали есмя грамоту въ Перновъ къ воеводамъ о нашихъ же послѣхъ отпускѣ, и вы бъ тое грамоту въ Перновъ отослали съ нарочнымъ гончикомъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7084, Марта въ 4 день.»

А се такова грамота послана въ Юрьевъ къ воеводамъ съ Иваномъ Широносовымъ, а изъ Юрьева велѣно ее часа того къ Королю отослати: «Божiею милостiю отъ Царя, и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русiи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохаиского, Государя Псковского и Великаго Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскiе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскiе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя отчинного земли Лифлянскiе и иныхъ,— Голдовнику нашему, Королю Арцымагнусу Лифлянскому и тѣхъ областей, Эзель и Вики, Государю Курскiе земли, Отчичю въ Норветцкому, Олштенъ, Штурмаренъ и тѣхъ Детмарскихъ Графъ Волденборхъ и Делмонорстъ. Писалъ еси къ нашему Царскому Величеству, что дошла тебя грамота отъ князя Александра Полубенского, въ которой грамотѣ онъ къ тебѣ пишетъ и бьетъ челомъ о мирномъ стояньѣ на время; и ты ему, Голдовникъ нашъ, отвѣтъ отказалъ, что писалъ еси о томъ къ нашему Царскому Величеству, и будетъ наше Царское Величество велитъ съ ними по тѣмъ Литовскимъ по рубежнымъ мѣстомъ мирное стоянье держати, и ты, Голдовникъ нашъ, ко князю Александру Полубенскому о томъ впередъ вѣдомо учинишь тогды, коли нашего Царского Величества тебѣ о томъ указъ будетъ; а потому еси нашему Царскому Величеству извѣстилъ, что князь Александръ Полубенской, къ тебѣ, къ Голдовнику нашему, писалъ, что Цесарь Римской нынѣ учинился Королемъ Полскимъ. И ты, Голдовникъ нашъ, то чинишь гораздо, что къ намъ о томъ пишешь; и ты бы, Голдовникъ нашъ, ко князю Александру Полубенскому отписалъ отъ себя, что нашего Царского Величества къ тебѣ, къ Голдовнику нашему, указъ таковъ пришелъ, чтобъ ты во всѣхъ своихъ земляхъ и воеводы наши по всѣмъ пограничнымъ мѣстомъ заказали, чтобъ рати и войны не всчинали и обидъ никоторыхъ Литовскимъ людемъ не чинили, покамѣста мы съ братомъ нашимъ съ Цесаремъ Римскимъ обошлемся. А что еси, Голдовникъ нашъ, писалъ къ нашему Царскому Величеству, чтобъ тебѣ отписать въ Володимерецъ ко князю Александру Полубенскому да въ Ригу о опасныхъ грамотахъ, чтобъ нашего Царского Величества посломъ, дворянину и намѣстнику князю Захарьѣ Ивановичю Сугорскому и дьяку Андрею Арцыбашеву и цесареву послу Данiелю Принцу

прислали опасные грамоты, чтоб имъ пройти до цесаревы области, до Риги и черезъ Ригу безстрашно; и наше Царское Величество въ Юрьевъ къ воеводѣ, ко князю Никитѣ Борисовичю Ростовскому писали, а велѣли ему въ Володимерецъ ко князю Александру Полубенскому и въ Ригу о опасныхъ грамотахъ отъ себя отписати. Да и ты бъ, Голдовникъ нашъ, въ Володимерецъ ко князю Александру Полубенскому и въ Ригу о опасныхъ грамотахъ отъ себя отписалъ же, чтобъ изъ Володимерца князь Александръ Полубенской и изъ Риги буймистры и ратманы нашего Царского Величества послы на дворянина и намѣстника Бѣлозозерскаго, на князя Захарью Ивановича Сугорскаго, да на дьяка на Андрея на Арцыбашева, и на Максимиліянова цесарева посла на Даніеля на Принца прислали въ Юрьевъ нашего Царского Величества къ воеводѣ ко князю Никитѣ Борисовичю Ростовскому опасные грамоты. И будетъ они опасные грамоты пришлютъ изъ Риги и изъ Володимерца, и мы своимъ посломъ и цесареву послу велѣли итти на Ригу; а будетъ не крѣпки грамоты и ѣхать имъ на Володимерецъ къ Ригѣ будетъ пристрашно, и мы велѣли ѣхать своимъ посломъ и цесареву послу на Перновъ, а изъ Пернова въ судѣхъ; а въ Перновѣ суды приготовлены, а о всѣмъ писали есмя въ Юрьевъ къ воеводѣ ко князю Никитѣ и къ дьякомъ.— Писана на Москвѣ, лѣта 7084, Марта въ 4 день».

А се такова грамота послана въ Юрьевъ къ воеводамъ съ Иваномъ съ Широносовымъ, а изъ Юрьева велѣно ее часа того отослать въ Перновъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Перновъ, воеводѣ нашему князю Андрею Васильевичу Репнину съ товарищи да дьяку нашему Василью Алексѣеву. Писали естя къ намъ, что велѣли есмя вамъ отпустити къ Максимиліяну Цесарю посла его Даніеля Принца, да своихъ пословъ князя Захарья Сугорского, да Андрея Арцыбашева, и дворянъ и ихъ людей изъ Пернова на кораблѣ, или на каковѣ суднѣ пригоже; и въ Перновѣ нашихъ поморскихъ судовъ нѣтъ, а есть въ Перновѣ Любскихъ гостей, которые пришли съ торгомъ, три пѣнки, а садится на пѣнку человѣкъ по сороку и до пятидесятъ человѣкъ. И тѣ Любскіе гости бьютъ челомъ, а сказываютъ, что тѣ у нихъ суды наемные; и вы бы тѣхъ пѣнокъ Любскихъ имъ гостемъ не отдавали, и ихъ неотпущали, а ихъ не цѣнили, а молвили бы есте имъ отъ насъ, что мы послали своихъ пословъ къ Цесарю съ цесаревымъ посломъ вмѣстѣ съ Даніелемъ, и они бы нашихъ пословъ, и цесарева посла Даніеля въ которомъ въ своемъ суднѣ отпровадили въ Ригу, или до которого мѣста пригоже, гдѣ будетъ нашимъ посломъ и цесареву послу надобно, а тѣмъ бы намъ свою службу показали; а мы ихъ пожалуемъ, велимъ имъ для того польготити въ нашихъ пошлинахъ. И на веснѣ бы есте, ожъ дастъ Богъ, цесарева посла Даніеля и нашихъ пословъ князя Захарью и Андрея Арцыбашева и дворянъ и ихъ людей, какъ они въ Перновъ пріѣдутъ, изъ Пернова моремъ отпустили на которое мѣсто пригоже, гдѣ будетъ имъ надобно; а будетъ наши послы съ цесаревымъ посломъ пойдутъ сухимъ путемъ, не на Перновъ, въ Ригу, и вы бъ тѣ суды тогды поотдавали назадъ Любскимъ гостемъ.—

Писана на Москвѣ, лѣта 7084, Марта въ 4 день».

А съ Москвы поѣхали князь Захарья Сугорской и дьякъ Андрей Арцыбашевъ Марта въ 5 день. И Марта въ 6 день писали къ Царю и Великому Князю изъ Смоленска воевода князь Юрьи Курлятевъ да дьякъ Гаврила Бунковъ съ Третьячкомъ Яндоуровымъ, что прислалъ къ нимъ изъ Орши Филонъ Кмита Чернобылской, и грамоту ко Государю отъ пановъ радъ Великого Княжства Литовского съ своимъ гонцомъ съ Богданкомъ съ Дедеркою, и тое грамоту князь Юрьи прислалъ ко Государю, а гонца его Богдана Дедерку отпустилъ къ нему въ Оршу.

А се грамота отъ пановъ радъ Великаго Княжства Литовского. «Великому Государю, Божіею милостію Ивану Васильевичю, Государю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Казанскому, Асторохапскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иныхъ,—Великого Княжства Литовского рады: Валеріянъ, съ ласки Божьей бискупъ Виленскій; Николай Юрьевичь Радивилъ, Княже на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода Виленскій, канцлеръ Великого Княжства Литовского, староста Лвицкій, Мозырскій и Борисовскій; Янъ Еронимовичь Ходкевича, Грабя на Шкловѣ и на Мыши, панъ Виленскій, староста Жемоцкій, маршалокъ земскій Великого Княжства Литовского, администраторъ и гетманъ земли Лифляпскіе, староста Ковенскій, державца Плотелскій и Телшовскій; Янъ Яновичь Глѣбовича, каштелянъ Менскій, державца Оникштенскій; Николай Криштофъ Радивилъ, Княже на Ольцѣ и Несвижю, маршалокъ дворный Великого Княжства Литовского; Криштофъ Николаевичь Радивилъ, подчашій и гетманъ дворный Великого Княжства Литовского; Николай Дорогостайскій, столникъ Великого Княжства Литовского, староста Волковыскій, Шерешовскій и Бойсакгонскій, тивунъ въ землѣ Жомоцкой, Кгондинскій. Што Ваша Милость, Великій Государь писалъ до насъ и до иныхъ пановъ радъ, ихъ милости, Великого Княжства Литовского, братьи нашей, припоминаючи, съ чимъ отъ нѣкоторыхъ насъ радъ писарь его Королевскіе Милости, Великого Княжства Литовского, панъ Михаіло Богдановичь Гарабурда перво сего до Вашіе Милости приходилъ и съ чимъ его Ваша Милость къ намъ отпустилъ и топере Ваша Милость тоежъ, что и черезъ пана Михаіла Гарабурду указывалъ, до насъ писалъ же Ваша Милость: самъ на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ намъ Государемъ быти и сына Вашіе Милости, Его Милость Князя Ѳедора на Великое Княжство Литовское намъ за Государя дать хочешь, обѣцуючи намъ свободы, права и волности наши по звыклому обычаю держати и иныхъ надавати и прибавляти, и арцыбискуповъ и бискуповъ почтивость мѣти по ихъ закону и обычею, и намъ подлугъ постановенья и договору Государемъ быти, а панове Поляцы жебы на Коруну Полскую сына его Цесарскіе Милости, Арцыкняже Аустрѣйского, Эрнеста себѣ Государемъ взяли. А есть ли бы ся намъ безъ Коруны Полскіе того учинити и на одно Великое Княжство Литовское безъ пановъ Поляковъ Вашіе Милости самого, або сына Вашіе Милости, Его Милости Князя Ѳеодора Государемъ брати не годило, тогды же быхмо съ

паны радами и со всѣмъ рыцерствомъ Коруны Полскіе взяли за Государя на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, сына его Цесарскіе Милости, Арцыкняже Аустрѣйского Эрнеста; а Ваша Милость съ Цесаремъ Его Милости и съ сыномъ Его Цесарскіе Милости, и съ отцемъ папежомъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ, хочешь докончанье и соединенье учинити и на когождого непріятеля заодинъ быти. А особливѣ напоминаешь Ваша Милость насъ, же быхмо мимо Вашу Милость и сына Его Цесарскіе Милости никого съ бесерменскихъ рукъ за Государя не брали, и на што будетъ воля наша, а быхмо на томъ пословъ нашихъ до Вашей Милости прислали; а первѣй нижли бысмо пословъ послали, а быхмо черезъ посланца Вашіе Милости Луку Новосилцова, або черезъ нашего посланца около того Вашей Милости ознаменили; чему всему изъ листу Вашіе Милости достаточнее есмо выразумѣли, и съ чимъ панъ Михайло Гарабурда писарь отъ Вашіе Милости былъ отправленъ, то онъ все достаточне перво сего ознаменилъ. А иже Ваша Милость вборзѣ отъ насъ потребуешь вѣдомости около обранья Вашіе Милости самого, або сына Вашіе Милости, Его Милости Князя Ѳеодора, Государемъ на одно тое панство Великое Княжство Литовское,—и надѣваемся, же то вже вѣдомо Вашей Милости, ижъ ачъ колве будучи на недавно минулоі елекціи у Варшевенѣ которые отъ насъ оторвались, вѣдь: же мы, рады и шляхта рыцерство Великого Княжства Литовского, съ паны радами, ихъ милостью, и рыцерствомъ шляхтою Коруны Полскіе, самого Цесаря, Его Милость, на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское Государемъ обрали, о чомъ, мамы, за то жъ Ваша Милость и отъ пословъ цесарскихъ, которые тыхъ часовъ у Вашіе Милости были, вѣдомость взяти рачилъ. А иже Великое Княжство Литовское съ Коруною Полскою содначилось,—за чѣмъ и обиранье Государя сполное съ Коруною Полскою маемъ, про то, не порозумѣвшися со всѣми паны радами братьею нашею и съ шляхтою рыцерствомъ Великого Княжства Литовского, также съ паны радами и рыцерствомъ шляхтою Короны Полскіе, не могли есмо на тотъ листъ Вашіе Милости на сесь часъ ничего певнаго отписати; але скоро поразумѣвшися съ паны радами и рыцерствомъ шляхтою Коруны Полскіе и съ паны радами и рыцерствомъ шляхтою Великаго Княжства Литовскаго, о томъ черезъ посланца Вашіе Милости Луки Новосилцова, або черезъ нашего посланца до Вашіе Милости отпишемъ, и вѣдати о томъ Вашей Милости дамо и, съ Божьею помочью, хочемъ и будемъ около того старатися и обмышляти, чтобъ было съ добрымъ, славнымъ и пожиточнымъ всего Хрестіянства. О томъ те же Вашей Милости вѣдати даемъ, ижъ посланецъ Вашей Милости Лука Новосилцовъ, вже у насъ былъ и именемъ Вашіе Милости Государскимъ намъ мовилъ, а быхмо листъ нашъ кглейтовный, называемый опасный, на посланники Вашіе Милости болшіе, або на послы меншіе послали; а Ваша Милость по всѣмъ граничнымъ замкомъ и мѣстамъ Вашіе Милости заказалъ рати и войны не всчинати и пограничнымъ людемъ обидъ и зацѣпокъ не чинити, поколь Вашіе Милости болшие посланники, або меншіе послы у насъ, а наши послы у

Вашіе Милости будутъ и дѣло доброе постановятъ. А мы абыхмо также по всѣмъ граничнымъ замкамъ и мѣстомъ розсказали рати и войны невсчинати и порубежнымъ людемъ обидъ и зацѣпокъ никоторыхъ не чинити; ино мы листъ нашъ кглетовный на посланники Вашіе Милости, або на послы меншіе, вже посланцу Вашіе Милости Луцѣ Новосилцову дали и, ни чимъ не задерживаючи, его до Полски отпустили; и до пановъ радъ Полскихъ есмо писали, жебы ихъ милость листъ кглетовный на посланцы Вашіе Милости болшіе послы дали, и воеводамъ, старостамъ, и державцамъ и всѣмъ людемъ пограничнымъ Великого Княжства Литовского и въ земли Лифлянской, и розсказали есмо, рати и войны не всчинати и порубежнымъ людемъ обидъ никоторыхъ ни чинити. А Ваша бъ Милость также по всѣмъ городомъ и мѣстомъ Вашіе Милости граничнымъ бояромъ, намѣстникомъ, воеводамъ и всѣмъ людемъ Вашіе Милости пограничнымъ розсказалъ, также рати и войны не всчинати, и никоторыхъ зацѣпокъ не чинити и спокойнѣ ся при всѣхъ границахъ Великого Княжства Литовского и въ землѣ Лифлянской заховати до того часу, поки посланцы Вашіе Милости болшіе, або послы меншіе у насъ, а наши послы у Вашіе Милости будутъ и дѣло доброе на покой хрестьянскій постановятъ. Писана у Вилни, лѣта Божьего нароженья 1576, мѣсяца Февраля 20 дня.»

И Маія въ 17 день, писали ко Царю и Великому Князю изъ Юрьева Ливонскаго воевода князь Никита Ростовской да дьяки, Арменинъ Шапиловъ да Василей Бундовъ съ новокрещенымъ съ Бурнашомъ: что Государевымъ посломъ князю Захарьѣ Сугорскому, да дьяку Андрею Арцыбашеву, да цесареву послу Даніелю Принцу изъ Володимерца князь Александръ Полубенской и изъ Риги буймистры и ратманы и полатники опасные грамоты прислали, что имъ на Володимерецъ и на Ригу ѣхать безъ опасу; и князь Захарья и дьякъ Андрей Арцыбышевъ и цесаревъ посолъ Даніель Принцъ изъ Юрьева пошли на рубежъ Апрѣля въ 3 день; а провожати ихъ послали изъ Юрьева до рубежа Семейку Лодыгина съ дѣтми боярскими и съ новокрещены.

И Мая жъ въ 27 день, такову грамоту прислали ко Царю и Великому Князю изъ Володимерца князь Захарья Сугорской да дьякъ Андрей Арцыбашевъ съ Семейкою съ Монастыревымъ: «Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи холопи твои Захарецъ Сугорской да Андреецъ Арцыбашевъ челомъ бьютъ. По Твоему Государеву наказу велѣно намъ итти изъ Юрьева на Володимерецъ да на Ригу по опаснымъ грамотамъ, а провожатыхъ съ собою дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ велѣно взяти изъ Юрьева сколко пригоже; а будетъ подводъ не дадутъ съ рубежа, и намъ подводы наняти, а провожатыхъ и подводъ съ собою за рубежъ имати не велѣно. И мы, холопи твои, по опаснымъ грамотамъ пошли изъ Юрьева Мая въ 3 день, а напередъ себя послали изъ Юрьева въ Володимерецъ, по княжъ Александровѣ по опасной грамотѣ, къ старостѣ къ Касперу къ Молодавскому Семейку Монастырева; а съ нимъ къ Касперу писали, чтобъ онъ къ намъ на ру-

бежъ на Черную рѣчку прислалъ пристава, кому съ нами отъ рубежа до Володимерца итти для береженья въ третье Воскресенье по Велицѣ дни, да и подводы съ тѣлегами подъ насъ и подъ цесарева посла, на чемъ итти отъ рубежа до Володимерца, прислалъ съ тѣмъ же приставомъ вмѣстѣ, чтобъ намъ за тѣмъ на рубежѣ мотчанья не было. И Семейка Монастыревъ насъ, холопей твоихъ, встрѣтилъ въ Валкахъ, Мая въ 5 день, а отъ Каспера отъ Молодовскаго привезъ къ намъ грамоту, а писано къ намъ: послалъ онъ противъ насъ пристава Ѳедора Плетеня, а намъ бы ѣхати и съ подводами въ Володимерецъ, а подводы намъ будутъ изъ Володимерца. А Семейка Монастыревъ намъ, холопемъ твоимъ, сказывалъ, что изъ Володимерца выѣхавъ, отъ рубежа верстъ за двадцать, ждутъ насъ для встрѣчи Дохторъ съ рохмистры, а съ ними конныхъ людей человѣкъ съ двѣстѣ. И мы, холопи твои, съ Валокъ къ Каспиру къ Молодавскому писали съ Юрьевскимъ помѣщикомъ съ Иваномъ съ Быковымъ, Мая въ 6 день, чтобъ онъ прислалъ на рубежъ подводы съ тѣлегами, а намъ за рубежъ на твоихъ Государевыхъ подводахъ ѣхати не велѣно; а будетъ ему подводъ противъ насъ на рубежъ выслати для котораго случая нелзѣ, и онъ бы къ намъ и подъ цесарева посла выслалъ подводы въ наемъ; а мы и цесаревъ посолъ, пріѣхавъ на рубежъ, отъ него подводъ съ тѣлегами дожидаемся, и онъ бы къ намъ съ подводами прислалъ на рубежъ не мотчая ни часу, чтобъ намъ за подводами держанья не было. А сами есмя, холопи твои, и цесаревъ посолъ пошли на рубежъ того же дни и стали въ деревнѣ, не доѣхавъ рубежа за версту. И Иванъ Быковъ, пріѣхавъ къ намъ на станъ, сказалъ, что онъ и цесаревъ дворянинъ за рубежъ переѣхавъ, и тутъ его встрѣтили Нѣмцы конные человѣкъ съ двѣстѣ, и взявъ у него и у цесарева дворянина грамоты, послали въ Володимерецъ, а имъ велѣли ѣхати къ намъ на станъ, а приказали съ нимъ, чтобъ мы ѣхали на рубежъ, а они насъ со всѣмъ ждутъ на рубежѣ; и мы, холопи твои, и цесаревъ посолъ на рубежъ пріѣхали того же дни въ вечерню. А Нѣмецъ стоитъ у рубежа конныхъ человѣкъ съ двѣстѣ, и прислали къ намъ, холопемъ твоимъ, за рубежъ за мостъ Поляка; а говорилъ намъ, чтобъ мы и цесаревъ посолъ и съ своими людми шли за рубежъ; а которые насъ провожаютъ, и тѣ бъ за рубежъ не ходили. И мы къ нимъ приказали: которые будетъ у нихъ головы, и они бъ, пришедъ къ намъ за рубежъ, и съ нами видѣлися. И пришли къ намъ за мостъ Дохторъ Римбертъ Гиземгемъ, да рохмистры Фредрикъ Крындеръ, да Германъ Шмиль, да Юрьи, да Формъ Янъ Розины, да державецъ Бебескій Иванъ Гроль, да державецъ Буртниковской Венедикъ Іеденъ, и намъ, холопемъ твоимъ, говорили: пріѣхали они насъ и цесарева посла у рубежа встрѣчать для почести, и намъ бы и цесареву послу ѣхати за рубежъ на тѣхъ же подводахъ до Володимерца; а они подъ насъ и подъ цесарева посла подводъ собрати не могли, что мѣста военые и все пусто. И мы, холопи твои, имъ говорили, что намъ за рубежъ на твоихъ Государевыхъ подводахъ итти не велѣно, и они бъ какъ нибуди подво-

дами промыслили пли намъ подводы дали до Володимерца въ наемъ. И Дохторъ съ товарищи намъ говорилъ:колибъ имъ мочно подводы собрати, и они бы подъ насъ и безъ найму, подводы собравъ, привели на рубежъ, за то было имъ и стоять незачто, и намъ бы того не учинити, что на своихъ подводахъ до Володимерца не ѣхати; а изъ Володимерца намъ и цесареву послу до Риги подводы будутъ готовы, толко бъ нынѣ намъ и цесареву послу ѣхати не мотчая. И мы имъ говорили: будетъ у нихъ нынѣ подводы не готовы, и они бъ послали въ Володимерецъ, а велѣли, подводы собравъ, привести на рубежъ, а мы ихъ и цесаревъ посолъ дожидаемся у рубежа. И Дохторъ съ товарищи намъ говорили: подводъ имъ на рубежъ никакихъ собрати немочно, а изъ Володимерца имъ подводами до Риги ѣхати тѣми лошадми, на которыхъ они лошадѣхъ къ намъ на встрѣчю прiѣхали. И пришелъ къ намъ цесаревъ посолъ Данiель, и съ ними говоря, училъ намъ говорити, чтобъ намъ на твоихъ, Государевыхъ, подводахъ итти за рубежъ до Володимерца, а Нѣмцы ему сказывали, что имъ подводъ подъ насъ и подъ него для великiе нужи собрать не мочно. И мы Данiелю говорили, что намъ на твоихъ, Государевыхъ, подводахъ за рубежъ итти не велѣно, и онъ бы Нѣмцемъ о подводахъ говорилъ, чтобъ они подводами, какъ нибуди промыслили. И Данiель, съ ними говоря, намъ сказалъ, что ему Нѣмцы говорили: подводъ имъ на рубежѣ собрати никакъ не мочно, и намъ бы ѣхати на твоихъ, Государевыхъ, подводахъ до Володимерца. И мы Данiелю говорили: которые съ Нѣмцы ихъ служебники, и они бъ изъ подъ нихъ поимавъ лошади, дали подъ насъ, а имъ велѣли итти пѣшимъ за собою. И Данiель, съ ними говоря, намъ сказалъ, чтобъ мы на твоихъ Государевыхъ подводахъ шли за рубежъ до деревни Брагины корчмы, верстъ съ пятнадцать, и они, изъ подъ своихъ служебниковъ лошади поимавъ, дадутъ подъ насъ, а служебниковъ своихъ оставятъ въ той деревнѣ; а будетъ мы такъ не учинимъ, и онъ съ Нѣмцы идетъ за рубежъ одинъ и безъ насъ. И подводы ему Нѣмцы учали давати, и за мостъ былъ къ нимъ совсѣмъ пошолъ. И мы Данiелю говорили, чтобъ онъ за рубежъ безъ насъ не ходилъ, а велѣлъ бы подводы подъ насъ и подъ себя Нѣмцомъ привести на рубежъ, а дожидался бы подводъ съ нами вмѣстѣ у рубежа, и Данiель намъ отказалъ: не пойдемъ мы за рубежъ съ нимъ на твоихъ, Государевыхъ, подводахъ до деревни до Брагины корчмы, и ему у рубежа съ нами не стаивати, а итти съ Нѣмцы вмѣстѣ. И мы, холопи твои, Данiеля остати не смѣли, и шли на твоихъ, Государевыхъ, подводахъ до деревни до Брагины, верстъ съ пятнадцать; а въ деревнѣ въ Брагинѣ Нѣмцы, поимавъ изъ подъ своихъ служебниковъ лошади, дали намъ и цесареву послу; а Юрьевскiе есмя, Государь, подводы изъ деревни изъ Брагины отпустили всѣ съ Юрьевскимъ пушкаремъ съ Лачиникомъ да съ проводники, которые насъ провожали изъ Юрьева».

И Мая жъ въ 31 день, писали ко Царю и Великому Князю изъ Полотцка воеводы князь Иванъ Курлятевъ съ товарищи, да дьяки Петръ Пестовъ, да Грибанъ Дмитреевъ съ Өедоромъ съ Деденевымъ, что писалъ къ нимъ съ Дисны Барколабъ Корсакъ

Мая въ 24 день: что прислали къ нему къ Боркалабу паны радные Великого Княжства Литовского грамоту ко Государю, Царю и Великому Князю Максимиліяна Цесаря Римского; а велѣно ему тое грамоту послать въ Государеву отчину въ Полтескъ къ воеводѣ, къ нему ко князю Ивану, и онъ тое грамоту послалъ къ нему ко князю Ивану съ писаремъ съ Дисенскимъ съ Михайломъ съ Керсновскимъ; и ему бъ князю Ивану тое грамоту отослати, не издержавъ, ко Царю и Великому Князю. И Дисенской писарь Михайло Керсновской тое грамоту привезъ къ нимъ въ Полтескъ, Мая въ 29 день, и они тое цесареву грамоту послали ко Государю.

А се переводъ съ грамоты отъ Максимиліяна Цесаря, которую прислали съ Дисны паны рады Великого Княжства Литовского: «Максимиліянъ вторый, Божіею милостію избранный Цесарь Римскій, всегды прибавитель, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій и Шилявонскій, и иныхъ земель Король, Архидуксъ Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Брабанскій, Штырскій, Коратынскій и Карніолскій, Луцемборскій и Витемборскій, вышніе и нижніе земли Шлейскій и иныхъ, Князь Швабскій, Монарха святого Римского Царствія, Владѣтель Бургунскій, Муравскій, вышніе и нижніе земли Лусатцкій, Графъ Аушпорскій, Тиролскій, Фаретцкій, Кибурскій, и Горетцкій и иныхъ, Ланграфъ Алсятцкій, Государь Монарха Шлявонскій, и Окрѣпленикъ моря Наонского и Салинарскаго и избранный Король Полскій, и Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій Мозовецкій, Жемоцкій, Кіевскій, Волынскій, Подляшскій, Ливонскій и иныхъ Государь, Напресвѣтлѣйшему и Насилнѣйшему Князю и Государю Ивану Васильевичю, Божіею милостію Владѣтелю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Новогородцкому, Казанскому, Астороханскому, Великому Князю Смоленскому, Псковскому, Тверскому, и нижніе земли и иныхъ, брату и пріятелю нашему любителному, здравство съ братства нашего непремѣнного и съ прямого сердца доброхотящего во вѣки. Напресвѣтлѣйшій и Насилнѣйшій Князь, братъ и пріятель любителный! Пріѣхалъ къ намъ въ прошлыхъ дняхъ нашъ думца, рыцерь нашъ вѣрный Янъ Кобендзля съ Прошекъ и иныхъ съ того посланья, которой у Твоего Пресвѣтлѣйшества вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ съ Даніелемъ Принцемъ нашимъ имянемъ дѣлалъ, и Ваше Пресвѣтлѣйшество на то наше посланье дали отвѣтъ; и все, что Ваше Пресвѣтлѣйшество изустнѣ намъ, о томъ все сказалъ;—и тѣмъ же обычаемъ Вашему Престѣтлѣйшеству мы и сынъ нашъ напресвѣтлѣйшій Архикнязь Эрнестъ братцкую любовь и добрую волю хотимъ держати. А промежь нами издавна были ссылки съ великою любовью, и мы противъ вашего посланья всегды готовы были; а намъ то великая честь и слава, что промежъ нами дума закрѣпленая, а сверхъ того въ томъ же посланьѣ стояти намъ вмѣстѣ за все Хрестьянство съ великимъ пріятелскимъ братствомъ. А опрочѣ тебя, любителного брата, не могли себѣ мы такова любителна пріискати, кто бъ за вѣру хрестьянскую такъ могъ стояти: а мы по тому жъ съ своей стороны станемъ промышляти, чтобъ непремѣнная наша братская любовь и пріятельство было крѣпко укрѣплено. Вашему бъ Пресвѣтлѣйшеству въ

томъ сумнѣнья не было, что мы мало пишемъ, потому что отъ Вашего Пресвѣтлѣйшества посланниковъ ожидаемъ, и мы до нихъ отложили: А о всѣхъ дѣлѣхъ хотимъ учинити соборъ перваго дня Мая съ Графы, и Князми, и съ воеводами, и съ избранными, и совершимъ. А о избраньѣ Королевства Полского начаемся, что Ваше Пресвѣтлѣйшество о томъ давно вѣдаешь, что мы прошлого мѣсяца Декабря, съ Божьего произволенья, на Королевство Полское и на Великое Княжство Литовское, съ великою славою и съ великою честью, мы выбраны. И мы того начаемся, что Вашему Пресвѣтлѣйшеству то не въ кручину будетъ, потому что того Королевства Полского рада и съ иными шляхтами была промежъ ими дума, что они напресвѣтлѣйшую сиротину и сестру нашу кровную, любителную хотѣли Королевою учинити, а хотѣли ее дать за Степана за Батору за воеводу; и мы, то свѣдавъ, своихъ пословъ посылали съ великими нашими просбами того для выбранья Королевства Полского и Великого Княжства Литовского черезъ послы на обѣ стороны, съ Бога вышняго милости взяли есмя Королевство Полское и Великое Княжство Литовское; и мы того забыть не хотимъ, что Вашему Пресвѣтлѣйшеству о томъ вѣдома не учинити. А мы того крѣпко начаемся, что Вашему Пресвѣтлѣйшеству съ братцкіе великіе (sic) съ нашего посланья великая радость будетъ, и нынѣ съ Королевствомъ Полскимъ и съ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ и Ливонскимъ и инымъ землямъ, которыми мы владѣемъ, миръ бы держали, какъ нашему братству пригодится, чтобъ во всемъ задору не чинили и брани бы никоторые не было, и явно бы межъ себя любовь держали. А толко бы то совершилося, толко бы сестра наша была за Степаномъ, ино бъ и сыну нашему мѣста не было; а нынѣ мы о томъ станемъ думати, какъ бы наше Королевство оборонити своимъ пришлымъ способленьемъ. И о томъ Ваше Пресвѣтлѣйшество болши самъ вѣдаешь, что тотъ воевода Семиградцкій Баторій на всѣ паши Турскіе начается, и изволеньемъ ихъ, черезъ Полскую и Литовскую землю, къ Вашего Пресвѣтлѣйшества землѣ хочетъ войною итти; а намъ въ сусѣдствѣ живучи, надъ собою то видячи, великая кручина. А то начало: Семиградцкой воевода хочетъ силою правъ быти, Татаръ, и Турковъ и иныхъ многихъ своихъ товарищей на великую силу надѣется; а мы противъ силы Турского, какъ надобѣ быти, начаемся, что имъ не стерпимъ. А то все Вашему Пресвѣтлѣйшеству, по нашей братцкой вѣрѣ коротко, писали, а въ достали непремѣнная любовь и братцкая и доброе сусѣдство вскорѣ Твоему Пресвѣтлѣйшеству сказываемъ, и Вашему Пресвѣтлѣйшеству безкручинное здравье и во всемъ счастья жадаемъ.—Писана въ городѣ въ Вѣднѣ, дня 8 мѣсяца Апрѣля, лѣта отъ Рождества Христова 1576, нашего Царства Римского 14, а Полского Королевства 1».

И Царь и Великій Князь, Цесареву грамоту выслушавъ, приговорилъ послати къ Цесарю противъ его грамоты отъ себя грамоту; а приговорилъ послати грамоту съ королевскимъ съ Нѣметцкимъ толмачомъ съ Касперомъ Ивановымъ, а отпустить его Государь велѣлъ на Ливонскую землю, чтобъ ему съ тою грамотою безъ задержанья къ Цесарю дойти.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Максимиліяну Цесарю съ толмачомъ съ Касперомъ Іюля въ 11 день: « Троице Пресущественная и Пребожественная и Преблагая, правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь, дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Максимиліяну второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрійскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Луцеборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горецкому, Ланкрабѣ Авситцкому, Монархѣ Римского Царства, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ, избранному Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, Русскому, Прускому, Жемоитцкому, Мазоветцкому и иныхъ. Прислали къ намъ твою, брата нашего дражайшего, грамоту изъ пограничного города Великого Княжства Литовского въ нашъ городъ Полотцкъ паны Великого Княжства Литовского; а въ той еси грамотѣ своей писалъ къ намъ, братъ нашъ, что въ прошлыхъ днехъ къ вамъ пріѣхалъ вашъ думца рыцерь Янъ Кобендзля, которой у насъ былъ отъ тебя, брата нашего, посолствомъ съ товарищемъ своимъ съ Даніелемъ Принцомъ, и мы на то ваше посланье имъ отвѣтъ дали, и все то, что мы къ тебѣ, брату своему, изустнѣ приказали, Янъ тебѣ розсказалъ. И ты, братъ нашъ, и сынъ твой Арцыкнязь Эрнестъ хотите съ нами братцкую любовь и добрую смолву держати, какъ промежъ нами издавна ссылки съ великою любовью были; а вамъ то великая слава и честь будетъ, толко межъ насъ съ вами будетъ докончанье о братствѣ и о любви, и стояти бы намъ съ вами вмѣстѣ за все Хрестьянство съ великимъ пріятельскимъ братствомъ, а опричь насъ, любителного брата, не могли себѣ вы такого пріискати, кто бы за вѣру хрестьянскую могъ такъ стояти; а вы потому съ своей стороны хотите такъ дѣлати, чтобъ непремѣнная наша братцкая любовь и пріятельство было крѣпко утвержено; а нынѣ къ намъ пишете коротко, что ожидаете отъ насъ па-

нихъ посланниковъ, и вы до нихъ о всѣхъ дѣлѣхъ отложили, а о всѣхъ дѣлѣхъ хотите учинити соборъ съ своими думцами Мая съ 1 дня. А о избиранье Королевства Полского намъ вѣдомо даешь, что есте, съ Божьего произволенья, прошлого мѣсяца Декабря на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское съ великою честью выбраны, и вы того начаетеся, что намъ то будетъ некручинно, что васъ на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское выбрали, потому что у пановъ радъ Коруны Полскіе и съ иными шляхтами была дума, а хотѣли обрати на Коруну Полскую Степана Батору воеводу Семиградцкого, а вашу скровную и любителную Полского Жигимонта Августа Короля сестру хотѣли за него выдати; и вы, то свѣдавъ, и для того выбранья на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское посылали своихъ пословъ съ великими просбами, чтобъ на тѣхъ Государствахъ Батора воевода не былъ; и, Бога вышнего милостію, черезъ послы на обѣ стороны, Королевство Полское и Великое Княжство Литовское взяли есте и начаешься, что намъ про то радостно будетъ; и намъ бы нынѣ съ Королевствомъ Полскимъ и съ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ и съ иными землями, которыми владѣете вы, миръ велѣти держати, чтобъ брани и задоровъ, и обидъ никакихъ нигдѣ не было. И мы грамоту твою, брата своего дражайшего, съ любовью принявъ, выслушали, и что еси братъ нашъ дражайшій къ намъ писалъ, что еси съ Божьего произволенья выбранъ на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, и намъ то велми за честь, что ты, братъ нашъ дражайшій, или сынъ твоій Арцыкнязь Эрнестъ будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, а съ нами будете въ братствѣ и въ доконъчаньѣ и во единачествѣ стояти на всѣхъ своихъ недрузей заодинъ, толко намъ надобно межъ собою договоръ учинити и совершить въ доконъчаньѣ и закрѣпить, какъ намъ межъ себя и нашимъ дѣтемъ быть впередъ въ братствѣ и въ доконъчаньѣ. А и прежъ того есмя къ тебѣ, къ брату своему дражайшему, и неодинова писали, и съ твоими послы подлинно приказывали, хотячи того, чтобъ мимо тебя и сына твоего, Архикнязя Аустрѣйского, на томъ Государствѣ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ никто не былъ. А то еси, братъ нашъ къ намъ писалъ, что у пановъ радъ Коруны Полскіе и съ иными шляхтами была дума, а хотѣли обрати на корону Полскую Степана Батору воеводу Семиградцкого, а вашу скровную Полского Короля сестру хотѣли за него выдать, и ты то, братъ нашъ дражайшій Максимиліанъ Цесарь, свѣдавъ, пословъ посылалъ съ просбами, чтобъ то не сталося, и съ Божьею помочью взяли есте Королевство Полское и Великое Княжство Литовское, и мы тому порадовались, что съ Божьею помочью взяли есте Королевство Полское и Великое Княжство Литовское. А нынѣ къ намъ изъ Литовскіе земли вѣсти учинились послѣ твоей, брата нашего дражайшего, грамоты, что панове рада, мимо свою правду и свое обиранье, что тебя, брата нашего дражайшего обрали на тѣ Государства на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское,—обрали, мимо тебя, на Королевство Полское Степана Батору воеводу Семи-

градцкого, а въ Краковѣ де онъ на Королевство пріѣхалъ до Велика дни, и въ Краковѣ де его на Королевствѣ коруновали послѣ Велика дни въ таковъ же день, и Королеву де за себя взялъ, а нынѣ де Король въ Варшавѣ *; а паны де Полскіе и Литва всѣ поѣхали къ Королю въ Варшаву; а толко де къ Королю не поѣхалъ Виленской воевода, да къ Королю же де не поѣхали два пана Олбрехтъ Ласскій да Цеховской, а поѣхали де къ тебѣ, брату нашему любительному; а арцыбискупъ де Уханской въ замку своемъ въ Ловицѣ заперся съ своими людми. И толко такъ панове рада учинили, и мы тому нестоятелному разуму ихъ, пановъ радъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского, удивляемся: чему вѣрить, коли слову и душѣ не вѣрить? къ намъ многижда панове рада присылали, чтобъ мы имъ на тѣ Государства дали сына своего Царевича Князя Ѳедора, и мы къ нимъ писали, чтобъ онѣ себѣ обрали на тѣ Государства сына твоего Эрнеста, Архикнязя Аустрѣйского, а намъ бы съ тобою, съ братомъ нашимъ съ Максимиліаномъ Цесаремъ и съ сыномъ съ твоимъ съ Эрнестомъ Архикнявемъ утвердитися въ дружбѣ, и въ братствѣ, и въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ; а о Семиградцкомъ воеводѣ о Степанѣ о Баторѣ имянно писали есмя къ паномъ радамъ, чтобъ они изъ бусурманскихъ рукъ Государя себѣ на тѣ Государства, Степана Баторы, мимо насъ и нашего сына Царевича Князя Ѳедора и мимо тебя, брата нашего дражайшаго, Максимиліяна Цесаря и сына твоего, Архикнязя Аустрѣйскаго, не имали. И панове рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовскаго къ намъ писали и неодинова, что всею землею на тѣ Государства обрали тебя, брата нашего дражайшего, и къ тебѣ есмя, къ брату своему дражайшему, къ Максимиліяну Цесарю о томъ о всемъ прежъ сего писали, и своихъ легкихъ пословъ о томъ дѣлѣ къ тебѣ, къ брату своему отпустили есмя, дворянина своего и намѣстника Бѣлоозерского князя Захарья Ивановича Сугорского да дьяка своего Андрея Арцыбашева вмѣстѣ съ твоимъ посломъ съ Даніелемъ съ Принцомъ; а поизмѣшкалъ твой посолъ Даніель, да и наши послы въ нашей землѣ Ливонской, для того что имъ долго черезъ Ригу дороги не было. И мы нынѣ, свѣдавъ тѣ вѣсти, отпустили есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему, съ сею своею грамотою толмача Нѣмецкого Каспера наскоро черезъ Ливонскую землю, чтобъ ему проѣхати къ тебѣ вскорѣ, не заимуя Великого Княжства Литовского, чтобъ ему въ Литовской землѣ мѣшканья не было; потому есмя и сына боярского къ тебѣ не послали, чтобъ ему безъ задержанья вскорѣ проѣхать. И какъ у тебя, брата нашего дражайшего, будетъ толмачь Касперъ съ сею нашею грамотою; и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, къ намъ о томъ наскоро отписалъ съ тѣмъ же толмачомъ съ Касперомъ: какъ ся то дѣло у тебя, брата нашего дражайшего, о Корунѣ Полской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ учнетъ дѣлатись, и промышлялъ бы еси, братъ нашъ дражайшій, о томъ дѣлѣ наскоро, покамѣста Степанъ Батора, воевода Семиградцкой, на тѣхъ Государствахъ, на Корунѣ Пол-

* Въ подлинникѣ «Аршеве».

скоіі и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ крѣпко не утвердился. И къ намъ бы еси, братъ нашъ дражайшіій, отписалъ съ своимъ съ скорымъ гончикомъ съ легкимъ съ нашимъ съ толмачемъ вмѣстѣ, какъ намъ своимъ дѣломъ и твоимъ, брата нашего, надъ Коруною Полскою и надъ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ промышляти, чтобъ тебѣ, брату нашему дражайшему, къ прибытку, чтобъ тѣ Государства мимо насъ не прошли, и Степанъ Батура на тѣхъ Государствахъ не утвердился. А то тебѣ, брату нашему дражайшему, самому гораздо извѣстно: толко на тѣхъ Государствахъ утвердится Семиградцкоії воевода Степанъ Батура изъ рукъ мусулманскихъ, и намъ, Государемъ всѣмъ хрестьянскимъ, къ великому будетъ убытку. И пословъ бы еси нашихъ, выслушавъ у нихъ наше посольство, не издержавъ ихъ, къ намъ отпустилъ, и съ ними вмѣстѣ своихъ великихъ пословъ къ намъ прислалъ ранѣе, наказавъ имъ о всемъ подлинно укрѣпити межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, докончанье, какъ намъ съ тобою, братомъ нашимъ, быти въ докончаньѣ, и въ соединеньѣ, и въ братцкоіі любви и нашимъ дѣтемъ, и какъ намъ стояти на всякого недруга заодинъ и своихъ земель отъ нашихъ недруговъ оберегати и себѣ прибытковъ искати. А какъ у насъ твои, брата нашего, великіе послы будутъ, и мы съ ними договоръ учинимъ и утвердимъ, какъ намъ съ тобою, братомъ нашимъ дражаіішимъ, и дѣтемъ нашимъ межъ собою и на вѣки быти въ братствѣ, и въ любви въ крѣпкой и въ завѣщаньѣ, и какъ намъ свои Государства оберегати ото всѣхъ своихъ недрузей и стояти противъ всѣхъ своихъ недрузей заодинъ, чтобъ нашимъ осмотрѣньемъ Хрестьянство въ тишинѣ и въ покоѣ было и высвобоженьѣ отъ рукъ мусульманскихъ; и своихъ великихъ пословъ тогды къ тебѣ, брату своему, вмѣстѣ съ твоими великими послы, то докончанье затвердити пришлемъ, не измѣшкавъ. А что еси къ намъ братъ нашъ въ своей грамотѣ писалъ, чтобъ намъ въ порубежныхъ мѣстѣхъ съ Коруною Полскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ рати и войны всчинати не велѣти, и какъ послѣ брата нашего Жигимонта Августа Короля смерти присылали къ намъ бити челомъ паны рада Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, чтобъ намъ на ихъ незгоду не стояти, въ ту пору рати и войны на нихъ не учинити; и мы, какъ есть Государи хрестьянскіе, не смотря на ихъ незгоду, и тогды имъ слово свое молвили* что мы на незгоду ихъ стояти не хотимъ, рати и войны на нихъ не пошлемъ, и задоровъ и обидъ никакихъ дѣлати не велимъ; и мы на томъ своемъ словѣ и по ся мѣста стоимъ, а инако слово наше не живетъ, рати и войны на нихъ не учинили есмя; а нынѣ по твоей, брата нашего дражайшаго, присылкѣ и наипаче не хотимъ никоторого розлитья крови въ Хрестьянствѣ видѣти, токмо хотимъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, любви и братства межъ себя видѣти; а съ Коруною Полскою и съ Великимъ Княжестомъ Литовскимъ въ порубежныхъ мѣстахъ въ своихъ Государствахъ за-

* Въ подлинникѣ «молвити».

казати велѣли есмя накрѣпко, зацѣпки и задоровъ воинскимъ обычаемъ вчинати не велѣли, до коихъ мѣстъ твои, брата нашего дражайщего и либительного, великіе послы у насъ будутъ и договоръ о всемъ прибыткѣ въ Хрестьянствѣ учинятъ.—Писанъ въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7084, Іюля мѣсяца, индикта 3, Государствія нашего 43, а Царствъ нашихъ: Російского 30, Казанского 23, Астроханского 21».

Такова грамота послана отъ Государя къ Арцымагнусу Кололю съ толмачемъ его съ Касперомъ: «Божіею милостію отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Астроханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя отчинного земли Лифлянскіе и иныхъ,—Голдовнику нашему Королю Арцымагнусу Лифлянскому и тѣхъ областей Эзель и Вики, Государю Курскіе земли, отчичю Норветцкому, Олштенъ, Штурмаренъ, и тѣхъ Детмарскихъ Графъ Волденборхъ и Делмонорстъ. Отпустили есмя къ брату своему къ Максимиліяну Цесарю для своего дѣла съ грамотою толмача твоего Каспера Иванова. И какъ къ тебѣ Касперъ пріѣдетъ, и ты бъ его тотъ часъ къ Цесарю отпустилъ тайно и проводить его велѣлъ на которое мѣсто пригожъ, чтобъ никто того не вѣдалъ, что онъ ѣдетъ къ Цесарю.—Писана на Москвѣ, лѣта 7084-го Іюля въ 11 день».

А се такова грамота послана въ Юрьевъ къ діякомъ съ Томиломъ съ Селяниновымъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Юрьевъ Ливонской діякомъ нашимъ Армениму Шапилову да Василью Бундову. Какъ къ вамъ королевъ толмачь Касперъ пріѣдетъ, и вы бъ ему велѣли купить ефимковъ для нашего дѣла на его деньги, сколко будетъ ему надобѣ. А отпустили есмя его къ брату своему къ Максимиліяну Цесарю, и вы бы, провѣдавъ себѣ тайно, тотъ часъ отписали къ намъ, сколь борзо Касперъ поѣдетъ отъ Короля, не учнетъ ли жить у Короля долго. А помѣстьемъ бы есте по грамотѣ помѣстные избы тотъ часъ Каспера отдѣлали, чтобъ за помѣстьемъ не жилъ въ Юрьевѣ ни часу; а людей бы его послѣ его берегли есте накрѣпко и вѣдали, чтобъ корчемъ они не держали; а имъ бы ни отъ кого ни въ чемъ обиды не было; а выпись давайте па помѣстье, и что доведется будетъ, Касперу дать съ нашимъ Царскимъ имянемъ.—Писана на Москвѣ, лѣта 7084-го, Іюля въ 11 день».

7085—1577

И лѣта 7085 Октября въ 19 день, писалъ ко Царю и Великому Князю изъ Перколи Василей Квашнинъ съ Васкою съ Добрынинымъ, что принесъ къ нему королевъ Арцымагнусовъ Нѣмчинъ Юрьи Веценцовъ грамоту Нѣмецкимъ писмомъ, а сказалъ, что ему тое грамоту далъ въ

Ригѣ Любской Нѣмчинъ Ганцъ, а съ нимъ де съ Ганцомъ послалъ тое грамоту королевъ Арцымагнусовъ толмачь Касперъ, которой посланъ отъ Государя съ грамотою къ Цесарю. А писалъ ко Государю Касперъ въ той грамотѣ, что онъ въ Ригу пришелъ въ прошломъ въ 84 году, Іюля въ 31 день, а изъ Риги въ Любокъ пришелъ въ нынѣшнемъ во 80 пятомъ году, Сентября въ 12 день.

И Ноября въ 10 день, писали ко Царю и Великому Князю изъ Ругодива князь Семенъ Черкасской да дьякъ Иванъ Андреевъ съ Гавриломъ съ Пущинымъ, что пріѣхалъ въ Ругодивъ Любской Нѣмчинъ Данило Келлеръ, а привезъ ко Государю отъ Цесаря грамоту, и они, у него тое грамоту взявъ, прислали ко Государю съ Гавриломъ же съ Пущинымъ, а Нѣмчину Данилу велѣли побыти въ Ругодивѣ до Государева указу.

А се грамота ко Государю отъ Максимиліана Цесаря съ Нѣмчиномъ съ Даниломъ съ Келлеромъ: « Мы, Максимліянъ вторый, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, по всякому времяни прибавитель Царству, Нѣмецкій, Угорскій, Чесскій, Долматцкій, Кроатцкій, и Шлявонскій и иныхъ Король, и Архикнязь Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Штырскій, Каратынскій, Краинскій, Луцемборскій, Вертемборскій, вышніе и нижніе Шлейскіе земли, Князь Швабскій, Маргрaфъ святого Римского Царства, Бургунскій, Муравскій, вышніе и нижніе Ляужнитцкіе земли, Княжвой Графъ Аушпорскій, Тиролскій, Фератцкій, Кибурскій, и Горетцкій, Ланграфъ Елсасскій, Государь Виндѣйскій, Марка въ Портововѣ и въ Санику и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велможнѣйшему Князю, Государю Ивану Васильевичю, Владѣтелю Русскихъ земель, Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Царю Казанскому и Астороханскому, нашему опричениому любителному пріятелю и брату наше пріятелство, любовь и все добро. Пресвѣтлѣйшій и Велможнѣйшій Князь, опричено всѣхъ любителной и пріятелной братъ! Потому какъ Ваші Любви чиновные послы, которые съ нашимъ съ вѣрнымъ слугою съ Даніелемъ Принцомъ къ намъ пришли и къ намъ на нашъ Римской соборной день счастливо пришли, и Вашей Любви грамоту подали и приказъ и посолство извѣстили; и мы имъ нашъ на то писменой отвѣтъ являли, что хотимъ со всѣмъ прилежаньемъ, туды смышляти, чтобы наше прежнее начати посолство послы, нынѣча впередъ въ докончаньѣ и въ совершеньѣ быти. И нашего Римского Цесарства послы хоти съ вашими послы и не вмѣстѣ пойдутъ, а велѣли у Вашей Любви просити: доколѣ наши послы будутъ, чтобъ никоторой войны убогой Ливонской землѣ не чинили. А намъ изъ иныхъ мѣстъ извѣстно учинилося, что Ваша Любовь хочетъ надъ Ливонскою землею промышлять, и къ Колывани и къ инымъ городомъ съ силою приступати и подъ себя подвести; и мы того не чаемся, по вашему прежнему надежному слову, противости и тому пріятелству, и сусѣдству, и братству, которые Ваші Любви съ нами и святымъ Римскимъ Царствомъ хотитъ уставити и укрѣпити, потому не пригодится; и то мы Ваші Любви посломъ милостивно дали поразумѣть. И мы, того для что именованные послы для далніе дороги

помѣшкаютъ, и того для сю нашю грамоту къ Вашей Любви отпустили и опричепно пріятелно просимъ, чтобъ Ваша Любовь по прежнему, и впередъ прибыло укрѣпленье и уставленье, наше початое пріятелство и братство: чтобъ вы гнѣвъ свой покинули тѣмъ убогимъ людемъ, и войны не учинили и пождали нашихъ великихъ пословъ, а съ тѣми весь сполна приказъ будетъ, какъ мочно межъ насъ любви быти, то по Вашей Любви прежнему слову будетъ, и хотимъ противъ Вашей Любви пріятелно, братственно подвижно учинити.– Дана въ нашего Цесарства городѣ въ Рейншпоркѣ, мѣсяца Августа въ 12 день, лѣта отъ нароженья Божья 1576, нашего Римского Цесарства 14, Угорского 13, Чешского 28. Вашіе Любви радѣнной братъ Максимиліянъ руку свою приписалъ».

И Царь и Великій Князь, выслушавъ цесареву грамоту, велѣлъ написати грамоту къ Цесарю противъ его грамоты, и послати Государь велѣлъ тое грамоту изъ Ругодива съ тѣмъ же съ Любскимъ Нѣмчиномъ съ Даниломъ съ Келлеромъ, которой отъ Цесаря ко Государю грамоту привезъ.

А се такова грамота къ Цесарю, послана въ Ругодивъ къ воеводѣ, ко князю Ивану Лобанову-Ростовскому да къ дьяку къ Ивану Андрееву съ Иваномъ съ Чертовымъ, Ноября въ 27 день, а велѣно ее тотъ часъ послати къ Цесарю съ тѣмъ же съ Любскимъ Нѣмчиномъ съ Даниломъ, и его велѣно изъ Ругодива отпустити не издержавъ:

«Троице Пресущественая и Пребожественая и Преблагая, правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ Дателю премудрости, Пренеъѣдомый, и Пресвѣтлый, и Крайній Верхъ, направи насъ на истину Твою и научи насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостью и хотѣніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовские земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь, — дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, Максиміяну второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Авситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Сплавонскому и иныхъ. Привезъ къ намъ твою, брата нашего дражайшего, грамоту Любской человѣкъ Данило Келлеръ. А въ той своей грамотѣ къ намъ, братъ нашъ

любительный, писалъ еси, что наши послы, дворянинъ нашъ и намѣстникъ Бѣлозерскіій князь Захарья Ивановичь Бѣлозерской, да дьякъ Андрей Арцыбашевъ и твоіі посолъ вѣрной Даніель Принцъ на вашъ Римскоіі соборной день до тебя счастливо пришли, и нашу грамоту тебѣ, брату нашему любительному, подали, и нашъ приказъ и посолство тебѣ, брату нашему, извѣстили. И ты, братъ нашъ любителный, на тотъ писменной отвѣтъ являлъ и хочешь, братъ нашъ, тѣхъ нашихъ пословъ къ намъ отпустити и своихъ великихъ пословъ къ намъ слати. А хоти твои послы, брата нашего дражайшего, и не вмѣстѣ поійдутъ съ нашими послы, а просить велѣлъ еси у насъ того, чтобъ намъ нынѣ надъ убогою Ливонскою землею войны никоторые не учинити. А тебѣ, брату нашему дражайшему, извѣстно учинилося, что мы надъ Ливонскою землею хотимъ промышляти, и къ Колывани хотимъ съ силою приступати и подъ себя подвести, и намъ бы надъ Ливонскою землею не промышлять, покамѣстъ твои великіе послы у насъ будутъ; а съ тѣми съ твоими послы отъ тебя, брата нашего, весь сполна приказъ будетъ, какъ намъ съ тобою мочно быть въ братствѣ, и въ любви. И мы прежь сего къ тебѣ, брату своему, въ своихъ грамотахъ писали многижда, хотячи съ тобою братства и любви, и докончанья на всякого недруга стояти заодинъ, и то тебѣ, брату своему дражайшему, имянно объявляли, что присылали къ намъ прежь сего паны рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского посланника своего, присяглого до рады писаря Михаіла Гарабурду, чтобъ намъ у нихъ быти Государемъ на Корунѣ Полскоіі и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ или бы имъ на тѣ Государства дати намъ сына своего. И мы паномъ радамъ съ ихъ же посланникомъ съ Михаіломъ же Гарабурдою, и не видя къ себѣ отъ тебя, брата своего, любителного о любви никакіе присылки, приказали, чтобъ панове рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского обрали себѣ за Государя на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское сына твоего, Архикнязя Аустрѣйского Эрнеста, а намъ то будетъ любо таково жъ, что будетъ на Корунѣ Полской сынъ твоіі Эрнестъ, что и сынъ же нашъ на тѣхъ Государствахъ будетъ; а намъ съ тобою, съ братомъ своимъ дражайшимъ, и съ сыномъ съ твоимъ съ Эрнестомъ, какъ будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, утвердяся, быти въ братствѣ и въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ; а посылали есмя къ тебѣ, брату своему, съ тѣмъ, съ своею грамотою, своего сына боярского Костянтина Скобелцына. И ты, братъ нашъ, къ намъ прислалъ своихъ людей Павлуса Магнуса да Григорья Вестьфалуса съ грамотою; а въ грамотѣ своей къ намъ писалъ еси любително, хотячи съ нами быти въ братствѣ, и любви, и въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ; а хотѣлъ еси, братъ нашъ дражайшіій, къ намъ прислати своихъ великихъ пословъ межъ нами докончанье и соединенье утвердити, какъ намъ, межъ себя утвердясь, въ докончаньѣ быти и въ братцкоіі любви, и стоять на всякого недруга заодинъ. А послѣ того прислалъ еси къ намъ, братъ нашъ дражайшіій, своихъ пословъ Яна Кобендзлю съ Прошекъ, думцу, дворянина вѣрного Даніеля Принца, а съ ними

еси прислалъ свою вѣрющую грамоту: что учнутъ говорити, и намъ бы тому вѣрити и посолства ихъ выслушати. И мы, выслушавъ пословъ твоихъ посолство, выслали къ посломъ къ твоимъ съ отвѣтомъ ближнюю свою думу, боярина и намѣстника Тверскаго Никиту Романовича Захарьина съ товарищи, а велѣли, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ договорясь, затвердити въ докончаньѣ, какъ намъ быть въ докончаньѣ на всякого недруга заодинъ. А о Ливонской землѣ что намъ послы твои на посолствѣ говорили, чтобы намъ ихъ не воевати, и мы въ отвѣтѣ бояриномъ своимъ и намѣстникомъ Тверскимъ Никитою Романовичемъ Юрьевича Захарьина съ товарищи, твоимъ посломъ именно отвѣтъ учинити велѣли, что Ливонская земля искони вѣчная отчина нашихъ прародителей, и отъ нашихъ прародителей отставъ, дани намъ давать непохотѣли, и мы ихъ многижда напоминали, чтобъ они, познавъ свои вины передъ нами, исправились и дань намъ по прежнему давали; и они передъ нами, ни въ чемъ не исправилися, еще и прибавили всякого неисправленья и грубости; и мы на нихъ рати свои многижда посылали, и потому надъ ними такъ и сссталось. И какъ мы Ливонскую землю разорили и многіе городы своей вотчины Ливонскіе земли поимали, и въ досталные городы вступилися Августъ Король Польской и Великій Князь Литовской, почалъ Ливонской землѣ помагати и многіе городы себѣ поималъ въ прикладъ; также Датцкой Король и Свѣйской по тому же почали въ Ливонскую землю вступатися и многіе городы завладали; а покамѣста мы съ Божьею помочью, на свою вотчину на Ливонскую землю, за ихъ передъ нами неисправленье, не наступили, и до Ливонской земли никому дѣла не было. И мы, прося у Бога милости, за то на Литовского Короля сами ходили и великой городъ Полтескъ съ пригороды взяли есмя у Литовского Короля за тое Ливонскую землю, что Жигимонтъ Августъ Король Литовской за ту Ливонскую землю вступился не по правдѣ. А за Датцкимъ и Свѣйскимъ и по ся мѣста нашимъ вотчинамъ великому Новугороду и Ливонской землѣ многое кроворозлитье во многихъ мѣстѣхъ. А Свѣйской Король Яганъ, забывъ отца своего, Густавуса Короля, докончанье съ нашею вотчиною, съ Великого Новагорода намѣстники, взявъ на себя безмѣрье, хотячи съ нами быть въ ссылкѣ, мимо намѣстниковъ нашихъ Новгородцкихъ, и вступаючися по тому жъ въ нашу отчину въ Ливонскую землю; и мы, прося у Бога милости, Свѣйского людей изъ своей отчины изъ Ливонскіе земли изо многихъ городовъ выгнали, и многіе городы въ Ливонской землѣ поимали, а въ одномъ въ городѣ въ Колывани и по ся мѣста живутъ Свѣйского Короля люди, и, наймуя многихъ заморскихъ Нѣмецкихъ людей, многіе крови хрестьянскіе нашимъ отчинамъ, Великому Новугороду и Ливонской землѣ, починили. А подлинно о Ливонской землѣ и о Свѣйскомъ Королѣ, о многомъ, о безмѣрномъ о его непригожствѣ передъ нами и о многихъ укоризнахъ къ нашему царскому имени подлинно по нашему приказу бояре наши извѣстили твоимъ, брата нашего дражайшего посломъ Яну Кобендзлѣ и Даніелю Принцу, чтобъ тебѣ, брату нашему дражайшему, о Ливонской землѣ и о Свѣйскомъ Королѣ, о его неправдѣ передъ нами было извѣстно. А тебѣ

бы, брату нашему дражайшему и любителному, въ нашу отчину въ Ливонскую землю не вступатися, тѣмъ бы намъ тебѣ, брату нашему дражайшему, своя любителная братцкая любовь показати. И твои, брата нашего дражайшего, послы бояромъ говорили, что ты, братъ нашъ дражайшій, имъ болшого дѣла затвердити о докончаньѣ не показалъ, а будутъ отъ тебя, брата нашего впередъ къ намъ великіе послы тѣ дѣла затвердить. А о Ливонской землѣ послы твои нашимъ бояромъ сказали, что ты, братъ нашъ дражайшій, о Ливонской землѣ велѣлъ помянути намъ по ихъ челобитью, а крѣпко стоять не велѣлъ. И мы твоихъ пословъ къ тебѣ, брату нашему, и отпустили и своихъ легкихъ пословъ къ тебѣ, брату своему дражайшему, дворянина и намѣстника Бѣлозерского, князя Захарья Ивановича Сугорского, да дьяка Андрея Арцыбашева послали о томъ же дѣлѣ, чтобъ межъ насъ болшое дѣло всему Хрестьянству къ прибытку утвердилося, — на всякого недруга стоять намъ собча заодинъ; а о своей отчинѣ о Ливонской землѣ и съ своими послы тоже къ тебѣ, брату своему дражайшему, приказывали. И послѣ того, учинилася намъ вѣсть, что на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ учинился Королемъ изъ рукъ Салтана Турского Степанъ Батура, Семиградцкой воевода, и Королеву за себя взялъ; а панове рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского, забывъ свою правду и къ намъ и къ тебѣ, брату нашему дражайшему, присылку, мимо насъ и нашихъ дѣтей, сложася съ бесерменскимъ Государемъ на Хрестьянство, съодного обрали себѣ за Государя Степана Батуру, по присылкѣ Салтана Турского. И мы, свѣдавъ то, тотъ часъ къ тебѣ, брату своему дражайшему, съ своею грамотою послали вскорѣ толмача Нѣмецкого Каспера, чтобъ вскорѣ до тебя отъ насъ наша грамота до рукъ дошла, чтобъ намъ съ тобою, братомъ своимъ дражайшимъ, вскорѣ докончанье утвердити о болшомъ дѣлѣ, чтобъ намъ на всякихъ своихъ недруговъ стоять заодинъ, занже то дѣло межъ насъ почалося великое о Корунѣ Полской и о Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, и въ которомъ дѣлѣ всему Хрестьянству настоитъ и прибытокъ и убытокъ, и намъ бы такое великое дѣло затвердить и совершить вскорѣ. А Ливонская земля, то дѣло обычное, не противъ такого великого дѣла, которое межъ насъ почалося, толко намъ ее никому отступитися не возможно. И отъ тебя, отъ брата нашего дражайшего, пословъ и посланниковъ о болшомъ дѣлѣ не бывало; толко къ намъ твоя грамота съ Любскимъ человѣкомъ съ торговымъ о Ливонской землѣ прислана. А нынѣ къ намъ Батура Стефанъ, Король Полской и Великій Князь Литовской, присылаетъ своихъ посланниковъ и гонцовъ, чтобъ намъ съ нимъ похотѣть любви и братства, и своихъ пословъ къ намъ слать хочетъ. А наше слово инако не живетъ: кому молвимъ, на томъ и стояти хотимъ; и ты бы, братъ нашъ дражайшій, не омѣшкаючи, слалъ къ намъ своихъ пословъ великихъ о болшомъ дѣлѣ, которое дѣло почалося межъ насъ, что всему Хрестьянству къ прибытку, и то бъ дѣло великое, не опускаючи, вскорѣ затвердить велѣлъ, какъ намъ быть съ тобою, братомъ своимъ любителнымъ, во братствѣ и въ любви и стоять на всякого недруга заодинъ. А въ Ливонскую бы еси въ нашу от-

чину, братъ нашъ дражайшій, не вступался, тѣмъ бы еси намъ свою любовь и пріятелство братцкое показалъ, чтобъ такимъ невеликимъ дѣломъ нашему болшому дѣлу, что межъ насъ почалося, о докончаньѣ на всякого недруга заодинъ, и о Корунѣ Полской и о Великомъ Княествѣ Литовскомъ, порухи небыло, а нашимъ бы недруземъ, всѣмъ бесерменскимъ Государемъ, в Корунѣ Полской и Великому Княжству Литовскому наша съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, ссылка о таковомъ великомъ дѣлѣ въ позоръ и въ посмѣхъ не была И ты бъ, братъ нашъ дражайшій, къ намъ своихъ великихъ пословъ слалъ ранѣе, чтобъ мусулманская рука надъ хрестьяны не высилася. И то бъ еси собѣ, братъ нашъ, со всѣми своими совѣтники и съ Поморскими Князми розсудилъ: Турской Салтанъ и Крымской Царь тобѣ и намъ и всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ недрузи; а Король Полской и Князь Великіи Литовской Стефанъ Батура толко на томъ Государствѣ утвердится, а посаженикъ Турского Салтана; а разсудя по тому, нашимъ дѣломъ и своимъ и промышлялъ не омѣшкаючи. А мы нынѣ, по присылкѣ къ намъ Короля Полского и Великого Князя Литовского Стефана Батуры, къ нему ни о чемъ не пишемъ и съ нимъ не ссылаемся, а ожидаемъ къ себѣ твоихъ великихъ пословъ; и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, своихъ пословъ великихъ къ намъ вскорѣ слалъ, о всемъ наказавъ ихъ какъ имъ съ нами затвердить докончанье.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7085 Ноября мѣсяца, индикта 5, Государствія нашего а Царствъ нашихъ: Россійского . . . Казанского . . . Асторохавского . . »

Такова грамота послана въ Ругодивъ, къ воеводѣ и къ дьяку съ Иваномъ съ Чертовымъ: « Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Ругодивъ, воеводѣ нашему, князю Ивану Семеновичю Лобанову - Ростовскому да дьяку нашему Ивану Андрееву. Писали есте къ намъ о Любскомъ Нѣмчинѣ о Данилѣ о Келлерѣ, * что онъ привезъ къ намъ отъ Цесаря грамоту, и вы тое грамоту, у того Нѣмчина у Данила взявъ, прислали къ намъ на Москву, а тому Нѣмчину Данилу велѣли есте побыти въ Ругодивѣ до нашего указу. И мы, къ Цесарю написавъ грамоту, послали къ вамъ въ Ругодивъ съ Иваномъ съ Чертовымъ. И какъ къ вамъ, въ Ругодивъ съ тою грамотою Иванъ пріѣдетъ, и вы бъ, у Ивана ту грамоту взявъ, отдали тому Нѣмчину Данилу Келлеру, и отпустили его съ тою грамотою къ Цесарю, не задержавъ. А будетъ ему нелзя моремъ ѣхать, и онъ бы на Ригу поѣхалъ и куды ему лутче.— Писана на Москвѣ лѣта 7085 Ноября въ . . . день.»

И того жъ лѣта Генваря въ 3 день, Государевы послы князь Захарья Сугорской да дьякъ Андрей Арцыбашевъ отъ Максимиліяна Цесаря къ Москвѣ пришли, а привезли ко Государю отъ Цесаря грамоту и на свое посолство отвѣтной списокъ; а какъ Государево дѣло дѣлалось у Цесаря и въ дорогѣ, и тому подали Государю списокъ.

А се переводъ съ Максимиліяновы цесаревы грамоты: «Мы, Максимиліянъ второй, Божіею милостію из-

* Въ подлинникѣ, «Келдере».

бранный Цесарь Римскій, по вся времена прибавитель Царствомъ, Нѣмецкіи, Угорскій, Чесскій, Долматцкій, Кроатцкіи и Шлевонскій, Король и Архикнязь Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Штырскій, Коратынскій, Крайневскіи, Луцемборскіи и Вертемборскіи, вышніе и нижніе Шлейскіе земли, Князь Швабскій, Маркграфъ святаго Римского Царства, Бургравскій, Муравскій, вышніе и нижніе Лаужницкіе земли, Княжата и Графъ Апсбурскій, Тиролской, Фератцкій, Кибурскій и Горетцкій, Лянтграфъ Элсасскій, Государь Виндейскій, Марка Портуна и Салисъ и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему, Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи, Великому Князю Володимерскому, Московскому, и Новгородцкому, Государю Псковскому, и Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохансkому и иныхъ, нашему опричепному пріятелю и брату нашему пріятелство въ любви и во всемъ добрѣ. Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Князь и любителный и пріятелный братъ! Которымъ обычаемъ Вашіе Любви послы, дворянинъ и намѣстникъ Бѣлоозерскій, князь Захарья Ивановичь Сугорскій, да дьякъ Андрей Арцыбашевъ и съ товарищи здѣсе къ намъ счастливо пришли, и намъ Вашіе Любви братственое писмо подали и посолство правили, и мы на то къ Вашей Любви писали. И какъ тѣ именованные послы вашъ приказъ у насъ гораздо сдѣлали и опять къ себѣ просилися, и мы не могли ихъ оставити для ихъ доброго дѣла, чтобъ Вашей Любви то вѣдомо было, отпускъ ихъ, сее грамоту къ Вашей Любви послали съ ними и именованныхъ пословъ съ почтивостью отпустили, какъ мы своимъ думцамъ и дворяномъ приказали, чтобъ имъ всякую любовь и доброхотѣнье учинили. А что есть на ихъ приказные дѣла, на то мы нашъ имъ отвѣтъ дали; потому жъ наши великіе послы, которыхъ мы изъ святого Римского Царства къ Вашей Любви послать хотимъ, то все будутъ Вашей Любви именованные послы подлинно сказати. И о Ливонской убогой землѣ, чтобъ на нихъ войны не было и тѣсноты, чтобъ Вашей Любви о томъ любителное хотѣнье было, чтобъ мы и святое Царство Вашіе Любви любителное сусѣдство увидѣли и также будущее братственное соединенье межъ насъ устоятелно утвердити,—того мы къ Вашей Любви отвѣту не могли задержати и Вашей Любви со всѣмъ любителнымъ братственымъ хотѣньемъ велми подвиженъ. — Дана въ нашемъ и святого Римского Царства городѣ въ Рейншпоркѣ, Сентября мѣсяца въ 3 день, послѣ Рожества Христова Спаса нашего 1576, нашего Римского Цесарства 14, Угорского 13, Чесского 28.—Вашіе Любви доброхотѣнной братъ Максимиліянъ». А на подписи у грамоты: «тому Пресвѣтлѣйшему, Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохански и иныхъ, нашему опричепному любителному пріятелю и брату».

А се переводъ съ отвѣтного списка: « Его Римское Цесарское, Угорское и Чесское Королевское Величество, нашъ Милостивый Государь, черезъ свои тайные думные люди выразумѣлъ, что его особливого лю-

бовного друга и брата, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и иныхъ, посланныхъ пословъ на прошлой его Величества отдавой, и другой писаной отвѣтъ, сперва ихъ Государя Великого Князя титулъ, а потомъ о Лифлянской землѣ рѣчми извѣстили и просили: что прежъ сего поминать титла ведется, и то Его Цесарское Величество къ Любви Его пріятелски и братцки всякимъ доброхотѣньемъ хочетъ имѣти, что Его Цесарское Величество къ Его Величеству имѣетъ на тое посольское поминанье, — то дѣло для титла исправити велѣли, и Его Цесарское Величество начается, потому что и Великій Князь самъ и послы съ тѣмъ титломъ сполна справлены. А что ся доведетъ о Лифлянской землѣ, какъ отъ прежнихъ Государей, прародителей Русского приближенья намъ извѣстили, и Его Цесарское Величество думаетъ, по тому жъ начается какъ впередъ, что о томъ не надобетъ говорити и дѣлати, и то будетъ послѣ съ Его Цесарского Величества и святого Римского Царства послы подобно сстатися будетъ мочно, того для что подобнѣе пріятелскому смиренію и укрѣпленью подлинно сстатися мочно, какъ бы тому дѣлу иноко никоторого иного дѣла супротивного не было. И потомъ Его Цесарское Величество начается, что Высокопоминанный его пріятель и братъ, что до споминанного смиренія ничего недружливого не будетъ дѣлати противъ убогіе Лифлянскіе земли города Колывани, какъ Его Величество и святого Царства подданнымъ членомъ доброволно на нынѣшнее время отставилъ; а что послы то дѣло у своего Государя, какъ случно, ради будутъ припоминати. А что ся доведетъ о отпускѣ пословъ, и то дѣло такъ ся ведетъ, что съѣздъ всего святого Царства можетъ вскорѣ докончано быти; того для Его Цесарское Величество нынѣ своихъ великихъ пословъ, не вѣдаетъ, мочно ли будетъ вмѣстѣ съ ними послати. И Его Цесарское Величество хочетъ подлинно то дѣло дѣлати и совершити, что Его Цесарское Величество и святого Римского Царства послы въ короткихъ часѣхъ послѣ ихъ отпущены будутъ; а государевы послы нынѣ до своеѣ земли Чесской, а отъ Чесской земли до Поморской, а потомъ до Русской земли свободнѣ провожены будутъ, и всякихъ тѣхъ сторонъ, и которой земли доѣдутъ, ото всякихъ Государей приказныхъ людей со всякими потребными опасными грамотами отправлены будутъ, и Его Цесарское Величество часто вспоминаннымъ посломъ хочетъ свою Цесарскую ласку показати. — Данъ въ городѣ въ Рейншпорку, 2 дня Сентября году 1576».

А се списокъ, которой Государю подали князь Захарья Сугорской да дьякъ Андрей Арцыбашевъ, какъ ся у нихъ Государево дѣло дѣлало: «Лѣта 7084, Мая въ 7 день, Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи послы, князь Захарей Ивановичь Сугорской да дьякъ Андрей Арцыбашевъ изъ Юрьева, перешедъ за рубежъ, пошли изъ деревни изъ Брагины-Корчмы къ Володимерцу съ цесаревымъ посломъ съ Даніелемъ Принцемъ; а Володимерскіе Нѣмцы, которые у рубежа встрѣчали, Дохторъ Римбертъ Гиземгемъ съ товарищи, ѣхали съ ними жъ вмѣстѣ. А въ сторонѣ верстъ съ восемь отъ дороги влѣвѣ отъ Володимерца, верстъ за десять, городъ

Трекатъ. А не доѣхавъ Володимерца версты за двѣ, пріѣхалъ изъ Володимерца Полякъ Бернатъ Ситницкой, а съ нимъ Поляковъ человѣкъ съ десять, и, говоря съ цесаревымъ посломъ, говорилъ Государевымъ посломъ: слыша васъ Государевыхъ пословъ, Касперъ Молодавской послалъ меня къ вамъ на встрѣчю, и дорогу вамъ мимо Володимерецъ на Ригу велѣлъ указати и пристава дати; и вы бъ ѣхали за приставомъ, а онъ вамъ станъ укажетъ и кормъ на тотъ станъ изготовитъ, что вамъ надобетъ. И велѣлъ съ послы ѣхати приставу Ѳедору Плетневу, да съ нимъ послалъ четырехъ Поляковъ; и вели пословъ, съѣхавъ съ дороги по праву, отъ города за версту; а цесаревъ посолъ съ Нѣмцы поѣхалъ въ городъ, а съ города въ тѣ поры стрѣляли изъ наряду. А проѣхавъ городъ, поставили пословъ въ мызѣ Володимерскаго Нѣмчина, въ Бартоломеевѣ отъ города три версты, и кормъ на станъ присылали, а цесаревъ посолъ Даніель стоялъ въ городѣ. А въ Ригу пришли, Мая въ 13 день; а не доѣхавъ Риги версты за три, встрѣтили пословъ Рижской буймистръ Иванъ Тумбергъ съ товарищи, а съ нимъ было на встрѣчѣ конныхъ человѣкъ съ двѣстѣ; и, бывъ у цесарева посла, пришелъ ко государевымъ посломъ къ колымагѣ пѣшь. И князь Захарья и Андрей вышли изъ колымаги, и буймистръ говорилъ: слышели есмя, что идете отъ Великого Государя къ Цесарю съ посломъ его вмѣстѣ, и мы васъ для почтивости выѣхали встрѣчати и со всякою любовью приняти, и вы бъ пожаловали, ѣхали въ городъ; а мы вамъ подворье укажемъ и почтивость вамъ чинить ради. А говоря, поѣхали къ городу, а за полверсты отъ посаду стояли по обѣ стороны дороги стрѣлцы пѣшіе съ ручницами и съ копьи, по смѣтѣ тысячи съ полторы; а какъ взъѣхали къ городу на мостъ, и стрѣлба была изъ города, изо всего болшого наряду. А въ городъ въѣхавъ, поставили пословъ на подворьѣ торгового человѣка у Михайла, и пришли къ посломъ Рижскіе буймистры, и ратманы и полатники, и говорили посломъ: слышели есмя, что идете отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи къ Максимиліяну Цесарю для доброго дѣла, и мы къ вамъ пришли для почтивости челомъ ударити, и васъ пріимаемъ съ радостью и со всякою любовною пріятелскою почтивостью и кормъ къ вамъ пришлемъ; а вы бъ пожаловали, за любовь и за добро приняли, а мы вамъ челомъ бьемъ; а въ приставѣхъ есмя у васъ велѣли быть Роману, и что будетъ вамъ надобетъ, и вы бъ о всемъ ему приказывали. И послы имъ на ихъ почтивости челомъ били и ихъ подчивали; и буймистры, посидѣвъ, пошли къ себѣ; а съ кормомъ и съ вины отъ себя прислали трехъ Нѣмчиновъ Ивана, да Юрья да Христофора. И стояли въ Ригѣ пять денъ, а изъ Риги пошли въ Пятницу Мая въ 18 день. А шли къ Двинѣ рѣкѣ въ суды пѣши; а какъ въ суды сѣли, изъ города стрѣлба была изо всего болшого наряду; а переѣхавъ рѣку, посломъ и дворяномъ подавали колымаги съ жеребцы, а подъ люди и въ тѣлеги подавали лошади пашенные. А провожалъ пословъ изъ Риги буймистръ Иванъ же Тумбергъ, а съ нимъ Нѣмецъ конныхъ человѣкъ съ тридцать до рѣки до Болдыревы, отъ Риги десять верстъ; а отъ рѣки поѣхали назадъ; а та рѣка, сказывали,

Рижской землѣ съ Курляпскою землею рубежъ. И того дни переѣхавъ рѣку Болдыревъ, стояли у тое рѣки у перевозу въ мызѣ Курлянского Князя Нѣмчина и кормъ давали. Да въ тое жъ мызу пріѣхалъ изъ Риги Курлянского Князя Нѣмчинъ Гертнолей князь; а пріѣзжалъ въ Ригу отъ Курлянского Князя для пословъ нарокомъ, а съ нимъ Нѣмецъ конныхъ человѣкъ съ двадцать, и стоялъ съ цесаревымъ посломъ вмѣстѣ. И шли послы Курляпскою и Жомотцкою землею и до Прусского рубежа, а кормъ и подводы по становъ вездѣ давали; а на Прусскомъ рубежѣ, не доѣхавъ города Мемля за 15 верстъ, встрѣтили Государевыхъ пословъ съ подводами и съ тѣлегами Мемльской державецъ Партель Партугелевъ, а съ нимъ 5 человѣкъ Нѣмецъ конныхъ и подъ городомъ подъ Мемлемъ возилися проливу морскую; а въ тѣ поры съ города стрѣляли изъ наряду; а переѣхавъ проливу, подавали иные подводы и тѣлеги. И ѣхали отъ Мемля до стану подлѣ моря 10 верстъ и стояли того дни переѣхавъ отъ моря къ той жъ проливѣ, которую подъ Мемлемъ возилися въ деревни въ Найгили. И пришелъ къ посломъ Мемльской державецъ, а съ нимъ Прусского Князя Нѣмчинъ Анцъ и говорилъ посломъ: Государь нашъ Прусской Князь Олбрехъ велѣлъ у васъ быти въ приставѣхъ дворянину своему Анцѣ, и велѣлъ ему съ вами ѣхати, и подводы и кормъ велѣлъ вамъ давати. А отъ Прусского рубежа шли поповскою землею вскво.зь городъ Рапзборхъ до города до Франборха 10 верстъ, а владѣютъ тѣми городы Франборхомъ и Рапзборхомъ попы папы Римского; и стояли того дни въ городѣ въ Франборхѣ. А отъ Франборха шли къ Гданску, а во Гданскъ послы пришли Іюня въ 4 день, а поставили пословъ во Гданску на болшой улицѣ на торгового человѣка дворѣ на Касперовѣ Индрикова; а приставъ былъ у пословъ онъ же, а цесаревъ посолъ стоялъ на той жъ улицѣ. А изъ Гданска шли на Брандоборского Ягонуса Князя землю и до цесаревы области, и кормъ и подводы посломъ вездѣ давали. А въ Прагу къ Римскому, и Угорскому и къ Чешскому Королю къ Рудельфу, къ Максимиліянову Цесареву сыну послы пришли Іюня въ 27 день. А на встрѣчѣ привезли посломъ и дворяномъ двѣ колымаги крыты бархатомъ чернымъ, да три колымаги обычныхъ, а въ нихъ по четыре жеребцы; и послы ѣхали въ одной колымагѣ, а въ другой дворяне, а въ обычныхъ ѣхали люди ихъ. А не доѣхавъ города встрѣтилъ пословъ Чесского Короля удѣлной Князь Systemаролусъ Мурграфской, да съ нимъ королевскіе думные люди и дворяне графъ Ишлякъ Шклитцкій, да намѣстникъ Шамборской Никласъ Изарскій, да Христофоръ Фартемборкъ а по Чески Зденгъ, да графъ Деулисъ, да Каролусъ Ишеневгъ, да Иванъ Шанборхъ, да Янъ Хинскій; а на встрѣчѣ было съ ними Нѣмецъ конныхъ человѣкъ съ двѣстѣ, сшедъ съ лошадей, шли къ посломъ къ колымагѣ пѣши, а послы, вышедъ изъ колымаги, отошли немного. И пришедъ къ посломъ, говорили по Чески Фартемборкъ Зденгъ: Наяснѣйшій, Намилостивѣйшій панъ, панъ нашъ Максимиліянъ Цесарь Римскій и многихъ земель Король навышшій писалъ къ своему сыну, къ нашему пану къ Рудельфу, Королю Римскому, Угорскому, Чесскому, а повѣдалъ, что вы, Великого Государя и

Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи послы идете къ Максимиліяну Цесарю о добромъ дѣлѣ, и велѣлъ сыну своему Рудельфу Королю, васъ приняти со всякою почтивостью. И наяснѣйшій панъ Рудельфъ Король, по отца своего грамотѣ, послалъ васъ, Великого Государя пословъ, встрѣтити удѣлного своего Князя Каролуса, да меня Зденга Фартемборка и своихъ дворянъ, и велѣлъ васъ принять со всякою любовью и почтивостью и подворье вамъ велѣлъ указати, и вы бъ ѣхали за нами въ городъ. И послы на королевѣ почтивости челомъ били и за встрѣчники ѣхали въ городъ; а какъ въѣхали въ городъ, и по улицѣ стояли по обѣ стороны стрѣлцы съ пищалми и съ рогатинами, человѣкъ съ тысячю, и переѣхавъ рѣку, и поставили пословъ у Вышегорода на каморниковѣ дворѣ Николаевѣ Рындова. И стояли въ Прагѣ шесть день, а ѣли въ сѣнѣхъ; за столъ приходили: Зденгъ, да Янъ Хинской и иные многіе дворяне; а приставъ былъ Иванъ Шанборкъ. А Іюля во 2 день, въ Понедѣлникъ, пришедъ, Данило посломъ говорилъ: Государь нашъ Цесарь Максимиліянъ прислалъ къ вамъ на встрѣчю дворянина своего, а ѣхати вамъ нынѣ изъ Праги, и вамъ бы то было вѣдомо; а какъ ѣхать, и по васъ заѣдетъ Государя нашего дворянинъ, а нынѣ онъ у Короля. И пришелъ къ посломъ Касперъ Шимбиркъ, и говорилъ Данило Принцъ: писалъ язъ до Государя своего, что вы, Великого Государя послы, идете къ нему, ко Государю, и Государь нашъ прислалъ того дворянина своего; а велѣлъ васъ встрѣтити и съ вами велѣлъ ѣхати до города до Рейншпорка, гдѣ нынѣ Государь нашъ Цесарь, и вы бъ ѣхали за нимъ. И того дни послы изъ Праги поѣхали къ Цесарю въ Рейншпоркъ.

А Іюля въ 7 день, пришли въ Рейншпоркъ. А недоѣхавъ до города версты за двѣ, встрѣтилъ пословъ цесаревъ дворовой моршалокъ Копногавъ Аузберхъ, а съ нимъ цесарскихъ дворянъ и всякихъ Нѣмецъ было человѣкъ съ пять сотъ конныхъ, да панъ Христонъ Зборовскій, а съ нимъ его и Ласского служебниковъ человѣкъ съ десять, и моршалокъ Копногавъ и иные паны, недоѣхавъ до колымагъ и сшедъ съ лошадей, шли къ посломъ къ колымагѣ пѣши; а послы, вышедъ изъ колымагъ, отошли немного. И моршалокъ Копногавъ, пришедъ къ посломъ, говорилъ: Божіею милостью Максимиліянъ Цесарь Римскій, нашъ Милостивый Государь, и иныхъ многихъ земель Король навышшій послалъ меня, а велѣлъ васъ, брата своего дражайшего и любимѣйшего, Великого Государя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и многихъ земель Обладателя, пословъ встрѣтити и о здоровьѣ спросити, какъ васъ Богъ милуетъ, и здорово ли есте дорогою ѣхали? и велѣлъ вамъ ѣхати къ собѣ въ городъ со мною вмѣстѣ и подворье вамъ, гдѣ стояти, велѣлъ указати, и вы бъ ѣхали въ городъ. И послы, на цесарево жалованье челомъ ударя, сѣли въ колымаги и ѣхали въ городъ за Копногавомъ; а встрѣчниковъ конныхъ, людей половина ѣхали напередъ съ Копногавомъ, а другая половина ѣхали позади пословъ и шли черезъ Рейнъ рѣку мостомъ въ посадъ. А въ посадѣ на поворотѣ держатъ колымагу крыту бархатомъ чернымъ; и пришедъ къ посломъ, Даніель Принцъ гово-

рилъ: Государь нашъ, Намилостивѣйшій Цесарь Максимиліянъ, и многихъ земель Король навышшій прислалъ подъ васъ для почтивости свою кольмагу съ кобылицами, и вы бъ сѣли въ Государя нашего кольмагу, а въ своихъ кольмагахъ велѣли сѣсти своимъ служебникомъ. И послы, вышедъ изъ кольмагъ, сѣли въ цесареву кольмагу и ѣхали въ городъ черезъ Дунай рѣку мостомъ каменнымъ, а въ городъ въѣхавъ, вели мимо цесаревъ дворъ, а отъ цесарева двора торговою площедью и улицами; а отъ городовыхъ воротъ и до посолного двора стояло драбовъ съ самопалами и съ бердыши человѣкъ съ двѣ тысячи, всѣ въ латахъ. И поставили пословъ на съѣзжемъ дворѣ. А какъ взъѣхали послы на посолной дворъ и изъ кольмагъ вышли, и пришли къ посломъ Иванъ Штенборкъ да Индрикъ Графъ Чахи и говорили, а толмачилъ Даніель: Божіею милостію нашъ Намилостивѣйшій Государь, Максимиліянъ, Цесарь Римскій и иныхъ многихъ земель Король навышшій велѣлъ намъ у васъ, Великого Государя пословъ, быти въ приставѣ(хъ), и велѣлъ васъ подчивати и всѣмъ покоити и почтивость чинити, и вы бъ шли за нами, а мы вамъ укажемъ каморы. И послы шли съ приставы въ каморы; а Копногавъ и иные Нѣмцы, проводя пословъ въ каморы, поѣхали съ двора; а приставы, указавъ посломъ и дворяномъ каморы, говорили: доколѣ вы поустроитесь, а мы побываемъ на Государевѣ дворѣ, и у васъ будемъ сесь часъ къ столу. И поѣхали съ двора, а каморы посломъ указали на первомъ всходѣ, а дворяномъ подавали каморы на другомъ всходѣ. А мимо посолной дворъ ходили прапорщики съ набаты, статьями человѣкъ по двѣстѣ или по полутретьяста; а передъ ними набатчики били по набатомъ, и вышедъ изъ улицы на площадь противъ посолного двора, стрѣляли изъ самопаловъ. И послѣ того пріѣхали къ посломъ на дворъ моршалокъ Копногавъ Аурзбехъ да приставы, да Касперъ Шимбиркъ, да панъ Зборовскій и иные съ ними цесаревы дворяне, а Даніель Принцъ съ ними же. И вшедъ къ посломъ въ камору, говорилъ моршалокъ, а толмачилъ Даніель: Государь нашъ Намилостивѣйшій Максимиліянъ Цесарь прислалъ насъ васъ подчивати, и вы бы шли за столъ. А столъ учиненъ въ болшихъ сѣнѣхъ круглой, а около его поставлены стулцы обиты сукны червчетыми Аглинскими. И послы, вшедъ въ сѣни, сѣли за столомъ; а моршалокъ Копногавъ сѣлъ у пословъ съ правой руки, а подъ нимъ сѣли приставы; а съ лѣвую руку пословъ сѣли Государевы дворяне, а подъ ними Зборовской; а межъ приставовъ и Зборовского сидѣло цесарскихъ дворянъ восмь человѣкъ, и въ столѣ сидя пословъ подчивали; а у ѣствы и у питья приставленъ былъ, дворянинъ цесарской Иванъ Ларишь. А какъ ѣству въ столъ понесутъ стряпчіе, и онъ ходилъ напередъ ихъ передъ ѣствою. А послѣ стола пошли послы къ собѣ въ каморы, а моршалокъ и иные Нѣмцы, проводивъ пословъ въ камору, поѣхали съ двора. А приставы посломъ говорили: Государь нашъ приказалъ намъ, а велѣлъ васъ подчивати, чего похотите; и мы вамъ нынѣ для вашего покою не докучаемъ, а чего похотите, и вы бы то велѣли къ себѣ приносити Ивану Ларишу; а сами поѣхали съ двора.

И на завтрее, Іюля въ 8 день, въ

Недѣлю съ утра, пришедъ къ посломъ, приставы Иванъ Штенборкъ, да Индрикъ Графъ, да съ ними Даніель Принцъ, и говорилъ посломъ: Государь Намилостивѣйшій Максиміліянъ Цесарь велѣлъ нынѣ къ вамъ быти за столъ и ѣсти съ вами вмѣстѣ пану Ласскому и инымъ своимъ дворяномъ; а какъ будетъ время, и мы къ вамъ съ паномъ съ Ласскимъ и съ цесаревыми дворяны за столъ придемъ, а нынѣ идемъ ко Государю своему въ костелъ. И передъ столомъ пришли къ посломъ на дворъ и вошли въ камору ко князю Захарью панъ Ласской, да панъ Зборовской, да приставы, да Иванъ Заяцъ, Графъ и иные цесаревы дворяне, и шли съ послы за столъ. А столъ учиненъ круглой же въ тѣхъ же сѣнѣхъ, а въ сѣнѣхъ стоятъ Рейншпорскіе буймистры и ратманы, а за ними стоятъ съ вины въ оловяныхъ судѣхъ. И пришедъ къ посломъ, говорили, а толмачилъ Даніель: пришли есте ко Государю нашему отъ своего Государя посолствомъ и въ нашемъ обычьѣ, какъ у Государя нашего бываютъ Курфистры и вѣнчалные Князи, и мы къ нимъ приходимъ и почесть къ нимъ чинимъ такову, какою есмя нынѣ по Государя своего приказу къ вамъ пришли; и вы бъ пожаловали, велѣли у насъ приняти, а мы вамъ челомъ бьемъ. И послы имъ на почтивости челомъ били, а вина у нихъ велѣли приняти и сѣли за столъ; а съ правой руки сѣлъ у князя Захарья панъ Ласской, а подъ нимъ сѣли приставы, а съ другіе стороны сидѣли у Государевыхъ дворянъ Иванъ Заяцъ, да панъ Зборовскій, да дворяне цесаревы и Даніель Принцъ съ нимъ жъ и пословъ подчивали, а послѣ стола пошли въ каморы, а Ласской и приставы и всѣ цесаревы дворяне, вшедъ въ камору, у князя Захарья посидѣвъ немного, пошли къ себѣ.

А на завтрее, и во всѣ мясные дни ѣли послы въ тѣхъ же сѣнѣхъ съ приставы, а съ ними приходили за столъ цесарскіе многіе дворяне; а въ посные дни ѣли въ каморахъ; а ѣсть варили ихъ люди въ другой поварнѣ; а у стола у нихъ были Иванъ Ларишь, да Деславъ Каписъ, да стряпчихъ, которые у ѣствы и у питья стряпали, восмь человѣкъ; а для береженья у пословъ были на дворѣ съ прапорщики по десяти человѣкъ дробантовъ по перемѣнамъ.

И Іюля въ 13 день, въ Пятницу, пришедъ къ посломъ на дворъ, приставы Иванъ Штенборкъ, да Индрикъ Графъ, да съ ними Даніель Принцъ, и говорили посломъ: Государь нашъ Максиміліянъ, Цесарь Римскій, велѣлъ вамъ сказати, быти вамъ у него на дворѣ въ Недѣлю съ утра; а пришлетъ по васъ дворянина своего доброго до насъ, и вамъ бы было вѣдомо. И послы приставомъ говорили: какъ намъ Максиміліянъ Цесарь у себя велитъ быти, и мы всегды готовы.

И на завтрее, Іюля въ 14 день, въ Субботу, пришелъ къ посломъ Даніель Принцъ и говорилъ: велѣлъ былъ Государь нашъ Цесарь сказати вамъ, что быти вамъ у него завтра въ Недѣлю съ утра; и вамъ у Государя нашего завтра быти не вмѣстно, потому что день празничной; а быти вамъ у Государя нашего въ Понедѣлникъ съ утра рано.

И Іюля въ 16 день, въ Понедѣлникъ, пріѣхали къ посломъ на дворъ Иванъ Заяцъ, да приставы Иванъ Штенборкъ, да Индрикъ Графъ, и иные дворяне да Даніель Принцъ; а

за ними привезли четыре колымаги, а въ колымагахъ кобылицы Ишпанскіе. И пришедъ къ посломъ, говорили: Божьею милостью Государь нашъ Максимиліянъ, Цесарь Римскій и многихъ земель Король навышшій, велѣлъ вамъ ѣхати къ себѣ на дворъ, а намъ велѣлъ ѣхати съ вами, и вы бъ ко Государю нашему на дворъ ѣхали.

И послы князь Захарей и Андрей и дворяне ѣхали въ колымагахъ тѣми же улицами и площадью, которыми ѣхали въ городъ, и, пріѣхавъ на цесаревъ дворъ, вышли изъ колымагъ у лѣсницы, и шли на лѣсницу и въ цесаревы хоромы Иванъ Заицъ да приставы по обѣ стороны пословъ; а дворяне шли позади пословъ, а на крыльцѣ и въ сѣняхъ посломъ не было встрѣчи. А какъ вошли въ переднюю полату, и, вышедъ изъ середніе полаты, у дверей встрѣтилъ пословъ моршалокъ Копногавъ, а рѣчи никоторые не говорилъ. И шли изъ передніе полаты въ середнюю, а изъ тое въ заднюю и вошли къ Цесарю въ малую полатку. А на немъ дылѣя долгая камка черна, полы и подолъ чернымъ бархатомъ пушенъ; а пуговицы шелкъ черпъ до долу, а чепочка на немъ золота невелика, а шляпа бархатъ черпъ свираная, а надъ нимъ и позади его на стѣнѣ запоны олтобасъ золотной, а стулъ подъ нимъ обитъ бархатомъ червчатымъ, поставленъ на коврѣ. А какъ вошли послы въ полату, и пословъ Цесарю не явилъ никто, а Цесарь противъ пословъ всталъ, шляпы приподывъ, и велѣлъ посломъ къ себѣ подступитися. И какъ послы вступили на коверъ, и Цесарь сѣлъ; а по лѣвой сторонѣ поодаль Цесаря сидѣлъ Курфистръ Каленской Салентіюсъ, а подъ нимъ цесаревъ сынъ Матѣюсъ, а подъ Матѣюсомъ сидѣлъ Боворской Князь Вилгемъ Олбреховъ сынъ, а подъ нимъ сидѣлъ другой цесаревъ сынъ Максимиліянусъ, а панъ Ласской да Нѣмецъ человѣкъ съ десять стояли. И какъ князь Захарей говорилъ Цесарю Государское титло, и Цесарь Курфистру Каленскому, и дѣтемъ и Боворскому Князю велѣлъ встати; и стояли, снявъ шляпы; а какъ князь Захарей изговорилъ Государское титло, и Цесарь велѣлъ имъ сѣсти. А изговоря князь Захарей титло, явилъ поминокъ, и грамоту Цесарю подалъ, а послѣ грамоты говорили рѣчь. А какъ рѣчь изговорили, и Цесарь, не звавъ пословъ къ рукѣ, велѣлъ сѣсти противъ себя на скомейкѣ; а скомейку поставили на коврѣ, обиту бархатомъ червчатымъ. И послы, призвавъ къ себѣ Даніеля Принца, молвили: для чего Максимиліянъ Цесарь насъ къ себѣ къ рукѣ не звалъ? И Даніель молвилъ: Государь нашъ то пропамятовалъ; и подступясь, сказалъ то Цесарю, и Цесарь, снявъ съ себя шляпу и вставъ, звалъ пословъ къ рукѣ; и послы, бывъ у руки, несли отъ себя дары Цесарю и его дѣтемъ Матѣюсу и Максимиліянусу. А дѣти цесаревы съ послы, какъ къ нимъ пришли съ дары, вставъ, обнимались; а какъ послы сѣли, и Цесарь говорилъ, а толмачилъ Даніель Принцъ: прислалъ къ намъ братъ нашъ надражайшій и любимѣйшій, Великій Государь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Обладатель, поминокъ сорокъ соболей, и язъ тотъ, брата своего надражайшего и любимѣйшего поминокъ пріимаю со всякою радостною любовью и на поминкѣ брату своему челомъ бьемъ; да, снявъ шляпу, приподылся немного; а

о которыхъ дѣлѣхъ говорили есте намъ отъ брата нашего надражайшего и любимѣйшего, и мы тѣ ваши рѣчи выслушали и выразумѣли, и мы съ братомъ своимъ надражайшимъ и любимѣйшимъ дружбы и братцкіе любви и сусѣдства доброго хотимъ и желаемъ, и тому добрѣ ради, чтобъ намъ пословъ своихъ съ вами послати вскорѣ, не мѣшкая; и намъ вамъ, посломъ, на ваши рѣчи отвѣту вскорѣ дати не вмѣстно; а какъ выразумѣвъ ваши рѣчи гораздо и изготовя отвѣтъ, велю вамъ тотъ часъ дати, и мочно ли будетъ съ вами вмѣстѣ толь скоро пословъ отпустити, и мы вамъ о томъ велимъ извѣстити, а нынѣ бы есте ѣхали на подворье. А ѣсти пословъ не звалъ.

И послы, Цесарю челомъ ударя, поѣхали на подворье, а въ колымаги сѣли у лѣсницы жъ; а приставы и дворяне ѣхали передъ ними до посолного двора тѣ жъ, которые съ ними и къ Цесарю на дворъ ѣхали; а, проводивъ пословъ, поѣхали на цесаревъ дворъ. А какъ учели къ посломъ на дворъ сходиться къ столу цесаревы дворяне, Чахи и Влохи, и иные многіе Нѣмцы, и приставы на дворъ пришли; и пришли къ посолному двору цесаревыхъ десять человѣкъ трубниковъ, да накрачеіі съ накры, и, ставъ на площеди противъ оконъ, трубники трубили, а накрачей въ накры билъ. А Даніель Принцъ, вшедъ къ посломъ съ приставы, говорилъ розговоромъ: коли въ празникъ Государь нашъ пойдетъ за столъ, и тѣ трубники толды такъ играютъ, а и вамъ за столъ итти время; а подождати немного моршалка, которой васъ встрѣчалъ, приказалъ ему Государь нашъ васъ въ столѣ подчивати; и тѣхъ трубниковъ Государь нашъ прислалъ къ вамъ для почтивости. И послѣ того моршалокъ Копногавъ пріѣхалъ на дворъ и, вшедъ къ посломъ, говорилъ: Государь нашъ Намилостивѣйшій Максимиліянъ Цесарь прислалъ меня васъ, Государевыхъ пословъ, подчивати, и вы бъ пожаловали, шли за столъ. И послы съ Копногавомъ пошли за столъ въ сѣни. А столъ учиненъ долгой, и послы сѣли по конецъ стола, а съ правой руки въ скамьѣ посадилъ Копногавъ дву поповъ, а самъ сѣлъ подъ ними, а подъ нимъ сѣли во весь столъ цесаревы дворяне; а съ лѣвую руку пословъ у Государевыхъ дворянъ сѣли приставъ Иванъ Штенборкъ да Иванъ Заицъ; а подъ ними во весь столъ сидѣли цесаревы дворяне; а по конецъ стола противъ пословъ приставъ Индрикъ Графъ, да панъ Зборовской да панъ Станиславъ Воршевитцкіі. А за столомъ пословъ Копногавъ, и приставы и иные многіе дворяне подчивали; а изъ за стола вставъ, пошли съ послы въ столовую полату и пословъ подчивали; а, подчивавъ пословъ, Копногавъ и приставы и всѣ дворяне пошли по своимъ подворьямъ.

И Іюля въ 17 день, во Вторникъ съ утра, пришли къ посломъ приставы, Даніель Принцъ. И послы имъ говорили: Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи послалъ съ нами къ брату Максимиліяна Цесаря: къ Каролусу Князю грамоту, и вы бъ доложили Максимиліяна Цесаря, съ кѣмъ намъ та грамота къ брату его къ Каролусу Князю послати? И приставы поѣхали къ Цесарю, а рклись о томъ доложити Цесаря. И послѣ того съ полчеса, пріѣхавъ отъ Цесаря, Иванъ Штенборкъ да Даніель Принцъ посломъ говорили:

сказывали есте отъ Великого своего Государя, нашего брата къ Каролусу Князю грамоту, и о той бы грамотѣ намъ доложити Государя своего Максимиліяна Цесаря, съ кѣмъ вамъ та грамота къ Каролусу Князю послати; и мы ваши рѣчи Государю своему сказывали, и Государь нашъ тое грамоту у васъ велѣлъ взяти и принести къ себѣ и послати хочетъ къ брату своему къ Каролусу Князю въ Вѣдну. Да велѣли вамъ Государя нашего думники говорити: которые есте рѣчи говорили Государю нашему на посольствѣ, и Государь нашъ думникомъ своимъ тѣмъ вашимъ рѣчемъ велѣлъ у васъ взяти письмо, и вы бъ тѣмъ своимъ рѣчемъ дали намъ письмо, а мы то письмо отдадимъ Государя своего думникомъ. И послы приставамъ тѣмъ рѣчемъ писмо изготовя, дали того же дни.

И Іюля въ 20 день, въ Пятницу, пришедъ къ посломъ, Даніель Принцъ говорилъ: пріѣхалъ ко Государю нашему братъ его Фрединандъ, и вы къ нему хотите ли пріѣхати на дворъ для почтивости, челомъ ударити? а онъ и колымаги подъ васъ пришлетъ, есть-ли какъ хотите, то на вашей волѣ. И послы Даніелю говорили: нѣчто, ожъ дастъ Богъ, будемъ у Максимиліяна Цесаря, а братъ его Фрединандъ будетъ при немъ же, и мы его тогды видя, челомъ ударимъ.

Іюля въ 22 день, въ Недѣлю, съ утра пришли къ посломъ приставы Иванъ Штенборкъ да Индрикъ Графъ да съ ними Даніель Принцъ, и говорили посломъ: отпустите съ нами Государевыхъ дворянъ Третьяка и Мамлѣя до костела погуляти, а Государь нашъ нынѣ при костелѣ. И послы Мамлѣю и Третьяку съ приставы велѣли итти, и дворяне съ приставы въ костелъ ходили. И пришедъ къ посломъ, Третьякъ и Мамлѣй сказывали: какъ они вошли въ костелъ, и ихъ взвели на переходы и поставили на переходѣхъ мало не надъ Цесаремъ, надъ самымъ престоломъ; а Цесарь сидѣлъ по правой сторонѣ вшедъ въ костелъ близко дверей олтарныхъ, на своемъ мѣстѣ; а надъ нимъ покрыто камкою червчатою, а мѣсто прикрыто ковры, да положены подушки камчатые, а по лѣвой сторонѣ поодаль сидѣлъ на другомъ мѣстѣ Курфистръ Каленскій Салинтіюсъ; а противъ Цесаря другое мѣсто порожно по другой сторонѣ олтарныхъ дверей покрыто камкою, и на томъ мѣстѣ садится посолъ папы Римского кардиналъ, а пониже кардиналова мѣста сидѣли противъ Цесаря братъ его Фрединандъ. А подъ нимъ сынъ цесаревъ Матѣюсъ, да Боворской Князь, да другой цесаревъ сынъ Максимиліянусъ. А посторонь тѣхъ переходовъ, вшедъ въ костелъ по лѣвой сторонѣ, другіе переходы близко тѣхъ переходовъ: на тѣ переходы взошла Цесарева Королева съ трема дочерми, одна дочь вдова, что была за Француским Королемъ, а двѣ невелики, а за ними взошли Нѣмки и дѣвки многіе,—а шла изъ хоромъ своихъ переходами, а передъ нею шли четыре человѣки стары и стояли поодоль на тѣхъ же переходѣхъ, гдѣ Цесарева; а на переходы вшедъ сѣла, а мѣсто покрыто и позадь ее обито бархатъ червчетъ, а дочь цесарева, вдова и малые дочери стояли въ перилцѣхъ и на стулѣхъ присиживали. Да взошли къ нимъ на переходы, гдѣ они съ цесаревыми дворяне стояли, дьяки, да цымбалники да трубники съ трубами, да по цымбаломъ и по трубамъ

дьяки пѣли, а съ ними стояли приставы да панъ Зборовскій да Касперъ Шимбиркъ и иные многіе дворяне. А близко Цесаря по правой рукѣ стояли панъ Ласской да цесаревы жъ ближніе люди думные: дворетцкой Иванъ Трауцерь, да Лентъ Гарахъ, да діакъ Иванъ Бабтистъ Беберъ да Сигмантъ Вигайзапръ. А какъ Цесарева взошла на переходы, и они, постоявъ немного, пошли съ костела къ себѣ на подворья; а съ ними шли до подворья приставъ Индрикъ Графъ, да Вецлавъ Гришанъ да Даніель Принцъ.

Іюля въ 31 день, во Вторникъ, пришли къ посломъ на дворъ приставы Иванъ Штенборкъ, да Индрикъ Графъ да Даніель Принцъ, и говорили посломъ: нашъ Милостивый Государь Максимиліянъ Цесарь велѣлъ вамъ сказати, быть вамъ у него на дворѣ завтра, на пятомъ часу дни, и вамъ бы было вѣдомо.

И Августа въ 1 день, въ Середу, пріѣхали къ посломъ на дворъ Иванъ Заицъ, да Даніель Принцъ да Иванъ Ларишь, а за ними привезли четыре колымаги. И пришедъ къ посломъ, говорили: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь велѣлъ вамъ быти нынѣ у себя на дворѣ, и вы бъ ѣхали ко Государю съ нами вмѣстѣ.

И послы ѣхали на дворъ къ Цесарю по прежнему; и шли послы къ Цесарю сквозь переднюю полату и середнюю, и вошли къ Цесарю въ заднюю полату. А Цесарь сидитъ на стулѣ, а по лѣвой рукѣ по лавкѣ близко его сидѣлъ Курфистръ Каленскій Салинтіюсъ, а подъ нимъ братъ цесаревъ Фрединандъ, а подъ нимъ цесаревы дѣти. И послы, вшедъ, Цесарю челомъ ударили, и Цесарь всталъ и шляпы приподывъ, велѣлъ посломъ сѣсти противъ себя на скомейкѣ, а скомейка стояла на коврѣ. И какъ послы сѣли, и Цесарь говорилъ: о которыхъ есте дѣлѣхъ вамъ отъ нашего брата надражайшего и любимѣйшего на посольствѣ объявили, и мы брата своего грамоту и ваши рѣчи выразумѣли, и съ братомъ своимъ надражайшимъ и любимѣйшимъ въ братствѣ, и въ любви, и въ покоѣ хрестьянскомъ, и въ докончаньѣ быти хотимъ,-тому есмя ради; а вамъ на ваши рѣчи думникомъ своимъ велѣли есмя изготовити отвѣтъ, и вы тотъ отвѣтъ вычтите, и которыхъ будетъ дѣлъ надобетъ вамъ въ томъ отвѣтѣ посправити, и вы бъ, о томъ намъ извѣстя, о тѣхъ дѣлѣхъ переговорили съ нашими думники, и мы думникомъ своимъ о тѣхъ дѣлѣхъ съ вами говорити прикажемъ; а о которыхъ дѣлѣхъ переговорите, и думники наши о тѣхъ дѣлѣхъ намъ извѣстятъ, и мы тѣ дѣла велимъ имъ поисправити. Да далъ посломъ отвѣтъ, и послы, челомъ ударя, пошли изъ полаты и въ колымаги сѣли у лѣсницы, и пріѣхавъ на посольной дворъ, отвѣтъ велѣли перевести толмачю Петру.

И въ отвѣтѣ писано государское имя безъ царскаго имени, да о Лифлянской землѣ, чтобъ Государь не воевалъ.

И послы приговорили: пріѣхавъ къ Цесарю на дворъ и у Цесаря бывъ, говорити съ думниками о государевѣ царскомъ имени, да о Лифлянской землѣ.

И Августа въ 4 день, говорили послы приставомъ: далъ намъ Цесарь отвѣтъ; а велѣлъ, вычетчи, себѣ извѣстити, которыхъ будетъ дѣлъ надобно посправити, и онъ о тѣхъ дѣлѣхъ съ нами велитъ думникомъ

своимъ переговорити; и вы бъ Цесарю извѣстили: какъ намъ велитъ у себя на дворѣ быти и съ нами о тѣхъ дѣлѣхъ по отвѣту съ думники своими переговорити? И приставы посломъ говорили: мы тѣ ваши рѣчи скажемъ Государю и вамъ вѣстно учинимъ, какъ вамъ Государь нашъ велитъ у себя быти.

И Августа въ 6 день, пришли къ посломъ на дворъ приставы да Даніель Принцъ, и говорилъ: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь велѣлъ вамъ сказати: быти вамъ у него на дворѣ и о дѣлѣхъ съ думники говорити завтра съ утра, и вамъ бы было вѣдомо.

И Августа въ 7 день, пріѣхали къ посломъ на дворъ Иванъ Заицъ и приставы съ дворяны и съ колымагами, и пришедъ къ посломъ, приставы говорили: Государь нашъ Намилостивѣйшіи велѣлъ вамъ ѣхати къ себѣ на дворъ. И послы ѣхали къ Цесарю на дворъ по прежнему. А пріѣхавъ на дворъ, вошли въ переднюю полату, и встрѣтили пословъ въ передней полатѣ середи полаты цесаревы думники дворетцкой Иванъ Трауцеръ, да Лентъ Гарахъ, да діякъ Иванъ Бабтиста Беберъ да Сигмантъ Вигайзаиръ, и шли съ послы вмѣстѣ и вошли къ Цесарю въ тое жъ полатку, въ которой у него первое были на посольствѣ. А Цесарь сидитъ одинъ, а передъ нимъ столчикъ покрытъ бархатомъ червчетымъ, а на немъ двои часы. А какъ послы, вшедъ, Цесарю челомъ ударили, и Цесарь всталъ и, шляпу снявъ, призвалъ пословъ къ себѣ къ столу и вспрашивалъ пословъ о здоровьѣ, говорилъ: нѣтъ ли вамъ какіе скудости въ ѣствѣ и въ питьѣ?-и вы о томъ мнѣ извѣстите, а язъ васъ приказываю всѣмъ покоити. И послы Цесарю на его жалованьѣ челомъ били, а говорили: Божіею милостію и твоимъ Государевымъ великимъ жалованьемъ, ѣствою и питьемъ и всякимъ покоемъ издоволены. И Цесарь посломъ говорилъ: о которыхъ вамъ дѣлѣхъ по отвѣту съ нашими думники говорити, и мы о тѣхъ дѣлѣхъ съ вами думникомъ своимъ говорити приказали; а думники наши о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ переговорите, намъ извѣстятъ, и мы вамъ о тѣхъ дѣлѣхъ велимъ отвѣтъ учинити.

И послы, Цесарю челомъ ударя, вошли съ думники вмѣстѣ въ середнюю полату, и вшедъ, сѣли на скамейкѣ; а думники сѣли противъ ихъ на скамейкѣ же; а приставомъ и всѣмъ цесаревымъ дворяномъ велѣли выйти въ переднюю полату; а Государевы дворяне вышли съ приставы жъ; а остатись у себя послы велѣли толмачю, а у думниковъ остался Даніель Принцъ. И послы думникомъ говорили: Государь вашъ Максимиліянъ Цесарь далъ намъ отвѣтъ, а велѣлъ намъ вычести и которыхъ будетъ дѣлъ въ томъ отвѣтѣ надобно поисправити, и Максимиліянъ Цесарь о томъ велѣлъ извѣстити себѣ, и онъ о тѣхъ дѣлѣхъ прикажетъ съ нами переговорити вамъ, думникомъ своимъ. И мы тотъ отвѣтъ вычли, и въ томъ отвѣтѣ Великого Государя нашего царское имя не написано, и намъ такова отвѣту безъ царскаго имени взяти не вмѣстно, и Максимиліянъ бы Цесарь Великого Государя нашего велѣлъ писати въ отвѣтѣ съ царскимъ именемъ. А о Лифлянской землѣ въ томъ отвѣтѣ писано: доколѣ посолство будетъ, и въ смиреньѣ и въ соединеніѣ учинится и пріятельски станетъ, и противъ бы подданными, и убогими и скудными

людми Лифляпскіе земли ничего недружливаго не дѣлати, любо будетъ и въ иныхъ мѣстѣхъ, и впередъ не зацѣпляти, какъ Его Цесарское Величество того черезъ послы у нашего Государя желало. И Государю нашему, Царю и Великому Князю ни за что такъ не стояти, какъ Государю стояти за Лифляпскую землю, потому что Лифляпская земля искони вѣчная отчина Государева: холопи и данщики Лифляпскіе Нѣмцы Государевы отъ его Государевыхъ прародителей; да подуровали, въ Государевѣ волѣ быти не похотѣли, и дани давати. И покамѣста на нихъ Государь гнѣву своего не положилъ и меча своего на нихъ не послалъ, и въ Лифляпскую землю никто не вступался; а какъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь на Лифляпскую землю за ихъ вины гнѣвъ свой положилъ и воевати ихъ велѣлъ и ихъ розорилъ по ихъ передъ Государемъ неисправленію, и въ Лифляпскую землю вступились Литовской Король, и Датцкой, и Свѣйской, и многіе городы въ Лифляпской землѣ себѣ поимали; и для того Государь нашъ за Лифляпскую землю у Литовского лутчей его городъ Полотескъ взялъ, а надъ Свѣйскимъ по тому жъ такъ сталось, а у Датцкого иные городы Государь нашъ назадъ поималъ. А и впередъ Государю нашему за Лифляпскую землю стояти и тѣхъ городовъ своей отчины доступати, и Максимиліянъ бы Цесарь для Государя нашего, Царя и Великого Князя любви о Лифляпской землѣ припомипати не велѣлъ. Государь нашъ Царь и Великій Князь, любячи брата своего Максимиліяна Цесаря, покамѣста еще и вѣдома, ни писма, ни приказу отъ Цесаря ко Государю не было, а Государь нашъ къ Полскимъ и къ Литовскимъ къ паномъ радамъ писалъ: будетъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского паны быти подъ Государемъ нашимъ не похотятъ, и они бъ на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское взяли себѣ за Государя Цесарева сына; да и нынѣ того Государь нашъ хочетъ, и къ паномъ радамъ къ обѣема о томъ писалъ, чтобъ себѣ обрали Государя на тѣ на оба Государства Цесарева сына Князя Эрнеста; а съ Цесаремъ и съ сыномъ его съ Эрнестомъ, какъ будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, хочетъ Государь нашъ быти въ братствѣ, и въ любви, и въ докончанiѣ и въ соединенiѣ стояти противъ всѣхъ недруговъ. И Максимиліянъ бы Цесарь, видѣчи къ себѣ Государя нашего, Царя и Великого Князя такую любовь братцкую, о Лифляпской землѣ говорить и вступатись за нее не велѣлъ, занже то къ доброму дѣлу не пристоитъ; и ко Государю бы нашему Цесарь ранѣя слалъ своихъ великихъ пословъ о всѣхъ о тѣхъ дѣлѣхъ договоръ учинити и закрѣпити, и насъ бы съ ними вмѣстѣ отпустилъ, не мѣшкая. Да которые съ Цесаремъ сусѣди его въ докончанiѣ папа Римской, и Король Ишпанской, и иные Государи, и тѣ бъ Государи съ цесаревыми послы слали своихъ пословъ, а имъ дорога чиста и пріѣхати и отъѣхати ко Государю нашему доброволно безо всякіе зацѣпки. А тотъ отвѣтъ, которой намъ Максимиліянъ Цесарь далъ, у насъ взяли, а извѣстя бы есте наши рѣчи Максимиліяну Цесарю, велѣли отвѣтъ написати и дали намъ со Государя нашего царскимъ имепемъ.

И думники говорили: какъ ваши рѣчи Государю извѣстимъ, и что

намъ о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ есте намъ говорили, Государь нашъ укажетъ, и мы вамъ толды о томъ извѣстимъ и отвѣтъ у васъ возмемъ.

И послы, говоря съ думники, пошли изъ полаты, а думники ихъ проводили до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣтили. А послы, вышедъ изъ хоромъ, сѣли въ колымаги у лѣсницы же и ѣхали на посолской дворъ другою улицею; а до двора провожали приставы и дворяне тѣ жъ, которые съ ними на дворъ къ Цесарю ѣхали.

Августа въ 11 день, въ Субботу, пришелъ къ посломъ Даніель Принцъ и говорилъ посломъ: будетъ къ вамъ сего дни Государя нашего моршалокъ, которой васъ встрѣчалъ, для Государева дѣла, а язъ его подожду. И какъ моршалокъ на дворъ взъѣхалъ, и послы его дворяномъ велѣли встрѣтити, вышедъ изъ полаты, въ сѣнѣхъ, а въ каморѣ у дверей встрѣтилъ его дьякъ Андрей; а князь Захарей встрѣтилъ середь полаты .И Копногавъ говорилъ, а толмачилъ Даніель: Божіею милостію Государь нашъ Максимиліянъ, Цесарь Римскій, и многихъ земель Король навышшій, прислалъ меня, моршалка своего, къ вамъ Великого Государя посломъ, а велѣлъ говорити: прислалъ съ вами Государь вашъ ко Государя нашего брату къ Каролусу Князю грамоту; и Цесарское Величество, Государь нашъ Намилостивѣйшій, тое грамоту велѣлъ у васъ взяти и отослалъ къ брату своему къ Каролусу Князю до Вѣдны; и по той грамотѣ Каролусъ Князь для любви прислалъ грамоту къ Великому Государю вашему, и вы бъ тое грамоту до Государя своего донесли. И послы ва грамотѣ толмачю Петру велѣли прочести подпись, какъ подписано? и Петръ толмачь, посмотря на грамотѣ подписи, сказалъ: подписано ко Государю на грамотѣ безъ царскаго имени. И послы моршалку говорили: таковы грамоты намъ безъ Государя своего царского имени взяти немочно. И моршалокъ говорилъ: Государя нашего Великого братъ Каролусъ Князь пишетъ ко Государю вашему грамоту для любви по своему обычаю, какъ здѣ въ обычьѣ ведется, а не по вашему обычью. И послы говорили: какъ Великого Государя нашего царское имя писано въ его Государевѣ грамотѣ къ Каролусу Князю, и такъ бы и Каролусъ Князь въ своей грамотѣ ко Государю нашему Царю и Великому Князю писалъ противъ его Великого Государя нашего Царского Величества грамоты, а такіе грамоты намъ не имывати. И Копногавъ, говоря съ послы и грамоту взявъ, поѣхалъ съ двора.

Августа въ 13 день, пришедъ къ посломъ, Даніель Принцъ говорилъ: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь хотѣлъ васъ отпустити ко Государю вборзѣ и съ вами своихъ великихъ пословъ вмѣстѣ, да ещо о томъ нынѣ думаетъ: естли васъ вскорѣ мочно отпустити и съ вами своихъ пословъ, что ещо того дѣла со всею землею не уложилъ? А нынѣ Государь нашъ ко Государю вашему посылаетъ гонца съ грамотою для нѣкоторого тайного дѣла, а которому Князю ко Государю вашему итти въ великихъ послѣхъ и грамоту по него Государь нашъ послалъ, и тотъ Князь еще не бывалъ. А будетъ Государь нашъ съ вами вмѣстѣ великихъ своихъ пословъ не отпуститъ, и Цесарь нынѣ велѣлъ провѣдывати, куды вамъ бу-

детъ лутче пройти; а какъ къ нему о томъ вѣдомо будетъ, и онъ васъ туды и отпуститъ, а своихъ великихъ пословъ за вами вскорѣ отпуститъ.

И послы говорили: будетъ Цесарю, отпустя насъ, своихъ пословъ ко Государю нашему послати вскорѣ, и Максимиліянъ бы Цесарь тѣхъ своихъ пословъ отпустилъ съ нами вмѣстѣ, а мы ихъ, будетъ вмѣстно, дожидаемся; а будетъ для которого случея отпустити ихъ съ нами вмѣстѣ нелзѣ, и Максимиліянъ бы Цесарь отпустилъ насъ ранѣя, чтобъ Государю нашему то дѣло, съ чѣмъ насъ отпуститъ, вскорѣ вѣдомо было.

И Даніель говорилъ: чаю столь скоро Государю нашему пословъ своихъ послати, не уложивъ со всею землею, отпустити немочно, и о томъ Государь нашъ нынѣ думаетъ и писалъ по всѣмъ мѣстомъ къ Курфистромъ и ко Княземъ; да ещо о томъ ко Государю отъ нихъ письмо не бывало.

И послы говорили Даніелю: которого гонца Максимиліянъ Цесарь ко Государю нашему посылаетъ съ грамотою, и тому гонцу ужъ ли сказано, и отпускъ его вскорѣ ли будетъ и мочно ли ему съ нами видѣтися, какъ его отпустятъ? И Даніель говорилъ: тому гонцу отпускъ вскорѣ, а есть ли ему съ вами видѣтись мочно, и язъ вамъ о томъ вѣдомо учиню. Да о томъ вѣдома не учинилъ, отпущенъ ли тотъ гонецъ ко Государю или не отпущенъ.

И Августа въ 22 день, пришедъ къ посломъ, Даніель жъ Принцъ говорилъ: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь пришлетъ къ вамъ завтра съ отвѣтомъ дворянина своего да діяка, и язъ о томъ пришелъ къ вамъ извѣстити, чтобъ вамъ вѣдомо было.

И Августа въ 23 день, пришли къ посломъ на дворъ цесаревъ думной дворянинъ Карень Швендикъ, да діякъ Андрей Естерибергенъ да съ ними Даніель Принцъ; а встрѣча имъ была какъ и Копногаву. А въ комору вшедъ, посламъ говорилъ: Божіею милостію Государь нашъ Намилостивѣйшій Максимиліянъ, Цесарь Римскій и многихъ земель Король навышшій, прислалъ насъ къ вамъ, Великого Государя посломъ, а велѣлъ говорити: о которыхъ есте дѣлѣхъ Государя нашего думникомъ говорили, и тѣ дѣла думники Государю нашему извѣстили; и Государь нашъ о тѣхъ дѣлѣхъ на ваши рѣчи велѣлъ имъ отвѣтъ изготовити, и думники о тѣхъ дѣлѣхъ отвѣтъ изготовили, и Государь нашъ, тотъ отвѣтъ, запечатавъ своею печатью, прислалъ къ вамъ, и вы бъ тотъ отвѣтъ вычли, а вычетчи, извѣстили Государю нашему, о которыхъ будетъ дѣлѣхъ для справки вамъ со Государя нашего думники доведется говорити? Да дали отвѣтъ за цесаревою печатью, а давъ отвѣтъ, пошли съ двора.

И послы тотъ отвѣтъ велѣли перевести толмачю Петру; а какъ толмачь тотъ отвѣтъ перевелъ, и діякъ Андрей тотъ переводъ съ отвѣтомъ справливалъ для прописи съ Даніелемъ Принцемъ вмѣстѣ, и въ переводѣ писано государское имя въ началѣ безъ царскаго же имени, а писано: «Царь Казанскій и Асторохонскій», а о Лифлянской землѣ по тому жъ, чтобъ на нихъ Государь не наступалъ.

И послы, вычетчи отвѣтъ, говорили приставомъ: которой отвѣтъ принесъ къ намъ цесаревъ дворянинъ

Карень да діякъ Андрей, и мы тотъ отвѣтъ вычли, и вы бъ извѣстили Цесарю, какъ намъ велитъ у себя быти и о тѣхъ дѣлѣхъ себѣ извѣстити и съ нами думникомъ своимъ переговорити? И приставы рклись то Максиміліяну Цесарю извѣстити.

И Августа въ 25 день, пришедъ къ посломъ на подворье, приставы да съ ними Даніель Принцъ, и говорили посломъ: говорили есте намъ, чтобъ намъ Государю своему извѣстити, какъ вамъ велитъ у себя быти; и Государь нашъ Максиміліянъ Цесарь велѣлъ вамъ сказати: быти вамъ у него на дворѣ въ Понедѣлникъ, Августа въ 27 день.

И Августа въ 27 день, въ Понедѣлникъ, пріѣхали къ посломъ на дворъ приставы Иванъ да Индрикъ, да съ ними Даніель Принцъ, а за ними привезли четыре колымаги; и, вшедъ къ посломъ, говорили: Государь нашъ Максиміліянъ Цесарь велѣлъ вамъ ѣхати къ себѣ на дворъ, и вы бъ ко Государю на дворъ ѣхали.

И послы къ Цесарю на дворъ ѣхали по прежнему, а встрѣчи имъ нигдѣ не было; а вошли къ Цесарю въ заднюю полату, въ которой у него были въ другой приходъ. А Цесарь сидитъ на стулѣ, а съ лѣвую руку на лавкѣ сидитъ близко его арцыбискупъ Салпорскій.

И послы, вшедъ къ Цесарю, челомъ ударили, и Цесарь всталъ, приподывъ шляпу по прежнему. И послы говорили Цесарю: о которыхъ есмя дѣлѣхъ отъ Великого своего Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи тебѣ, брату его, Максиміліяну Цесарю на посолствѣ объявили, и ты намъ на тѣ дѣла далъ отвѣтъ, и, вычетчи тотъ отвѣтъ, тебѣ извѣстили и думникомъ твоимъ о Великого своего Государя царскомъ имени и о Лифлянской землѣ говорили; и на тѣ наши рѣчи принесли къ намъ отвѣтъ за твоею, Максиміліяна Цесаря, печатью дворянинъ твой Карень Швендикъ да діякъ Андрей Естернбергенъ, и говорили, чтобъ намъ, тотъ отвѣтъ вычетчи, извѣстити тебѣ, Государю. И въ томъ отвѣтѣ Великого Государя нашего царское имя въ началѣ не написано же, а писанъ: «Царь Казанской и Асторохансвой»; и намъ такихъ отвѣтовъ взяти не вмѣстно, а велѣлъ бы еси, Государь, у насъ тѣ отвѣты взяти, а къ намъ выслалъ своихъ думниковъ, и о которыхъ дѣлѣхъ съ ними переговоримъ, и они о тѣхъ дѣлѣхъ тебѣ извѣстятъ. Да подали Цесарю отвѣты, и Цесарь, принявъ у пословъ отвѣты, говорилъ: язъ съ братомъ своимъ надражайшимъ и любимѣйшимъ хочю братства и любви и во всемъ ему хочю почесть чинити, а имени его ничѣмъ безчестити не хочю; а о которыхъ будетъ вамъ дѣлѣхъ говорити съ нашими думники, и язъ думниковъ своихъ пришлю къ вамъ завтра. И послы, Цесарю челомъ ударя, поѣхали къ себѣ на подворье.

И того жъ дни, о вечернѣ, приставъ Иванъ Штенборкъ да Даніель Принцъ, пришедъ къ посломъ, говорили: о которыхъ есте дѣлѣхъ Государю извѣщали, а хотѣли говорити со Государя нашего думники, и Государь нашъ велѣлъ вамъ быти у себя, да и съ думники о тѣхъ дѣлѣхъ говорити завтра. Да завтра же къ вамъ будутъ папы Римского посла, кардиналовы, попы для нѣкоторыхъ государевыхъ дѣлъ.

И на завтрея, Августа въ 28 день,

во Вторникъ, пріѣхали къ посломъ на дворъ приставы съ колымагами и говорили посломъ: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь велѣлъ вамъ ѣхати къ себѣ на дворъ, да и съ думники о дѣлѣхъ говорити.

И послы къ Цесарю ѣхали на дворъ по прежнему; а какъ вошли въ переднюю полату, и встрѣтили пословъ середи полаты думники, дворецкой Иванъ Трауцеръ съ товарищи и шли съ послы къ Цесарю. И Цесарь сидѣлъ въ малой полаткѣ, въ которой у него первое на посолствѣ были, а при немъ не было никого. А какъ вошли послы и челомъ ударили, и Цесарь вставалъ, снявъ шляпу по прежнему и говорилъ: о которыхъ есте дѣлѣхъ хотѣли говорити съ нашими думники, и вы бъ о тѣхъ дѣлѣхъ съ нашими думники переговорили, а наши ду́мники о тѣхъ дѣлѣхъ намъ извѣстятъ, и мы вамъ о тѣхъ дѣлѣхъ велимъ отвѣтъ учинити. И послы, Цесарю челомъ ударя, вошли въ середнюю полату, а цесаревы думники съ ними же.

И послы говорили думникомъ: которой отвѣтъ далъ намъ Государь вашъ Максимиліянъ Цесарь, а Великого Государя нашего царского имяни въ томъ отвѣтѣ не написано; а другой отвѣтъ прислалъ къ намъ съ думнымъ своимъ дворяниномъ съ Каренемъ да съ дьякомъ съ Андреемъ, и въ томъ отвѣтѣ Великого Государя нашего царское имя въ началѣ не написано же, а писанъ: «Царь Казанской и Асторохапской». И Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана отцу, блаженные памяти Великому Государю, Царю Василью и Великого Государя, Царя и Великого Князя Василья отцу, Великому Государю Ивану ссылки и докончанья были съ прежними Цесари, и въ тѣхъ ссылкахъ и въ докончалныхъ грамотахъ отецъ Государя нашего писанъ Царемъ и Великимъ Княземъ; а нынѣ и свыше того многіе великіе особные Царства Государю нашему, Царю и Великому Князю Богъ поручилъ, и Государю нашему какъ своего имени отступиться? И Цесарь бы Максимиліянъ имени Государя нашего Царского Величества тѣмъ не бесчестилъ, а велѣлъ писати съ царскимъ имянемъ по прежнему обычаю, какъ въ прежнемъ докончаньѣ было дѣду Государя вашего, Максимиліяну Цесарю со Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи отцемъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, Царемъ Васильемъ Ивановичемъ; и вы того посмотрите въ Государя своего въ прежнюю въ докончалную грамоту, и вамъ про то будетъ извѣстно. А Государь нашъ, Царь и Великій Князь Цесарева имяни ничѣмъ не уменшиваетъ: пишетъ къ нему о всемъ по его маистату. Да въ томъ же отвѣтѣ, что принесли къ намъ Карень же да дьякъ Андрей, писано о Лифлянской землѣ: будетъ впередъ такъ какъ и нынѣ воевано будетъ, и Цесарское Величество съ Курфистры, и съ вѣнчалными и съ иными Князи и со всѣми людми Римского Царства не могутъ разумѣти, чего ся началяти того пріятелства и сусѣдства, или какъ будетъ заодно со Государя нашего дружливомъ братцкимъ сказаніемъ. И Лифлянская земля отчина искони вѣчная Государя нашего отъ его прародителей, а за иными Государи ни за кѣмъ не бывала; прежнимъ Государемъ нашимъ они были данщики искони вѣчные, а нынѣ передъ Государемъ нашимъ не исправились, и потому надъ ними многое кроворазлитье сталося; и напередъ сего

есмя вамъ изъявили; а подлинно Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь къ брату, а къ вашему Государю, о Лифлянской землѣ приказалъ съ послы его съ Япомъ и съ Даніелемъ, и то мочно разумѣти, что Государь нашъ сталъ не за чюже, доступаетъ своей отчины.

И думники посломъ говорили: мы тѣ ваши рѣчи извѣстимъ Государю, и Государь нашъ велитъ вамъ на тѣ ваши рѣчи отвѣтъ учинити. И послы поѣхали къ себѣ на подворье, а думники ихъ проводили до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣтили.

И того жъ дни, пришли къ посломъ на дворъ, передъ вечернею, отъ посла папы Римского, отъ кардинала попы, а съ ними Даніель Принцъ; и послы имъ велѣли сѣсти. И попы говорили посломъ, а толмачилъ Даніель: писалъ къ пресвѣтлѣйшему ко государю нашему къ папѣ Римскому Цесарь Максимиліянъ, что писалъ къ Цесарю Государь вашъ, чтобъ Максимиліяну Цесарю и папѣ Римскому и инымъ Государемъ быти въ любви и въ доканчаньѣ, и на всѣхъ недруговъ своихъ стояти заодинъ. И пресвѣтлѣйшіі государь нашъ, папа Римской, тому радъ, что быти со Государемъ вашимъ въ любви и въ доканчаньѣ и на всѣхъ недруговъ своихъ стояти заодинъ. И нынѣ пресвѣтлѣйшій государь нашъ, папа, Римской, прислалъ къ своему послу къ кардиналу гонца; а съ нимъ грамоту ко Государю вашему; и Государя нашего посолъ, кардиналъ тое грамоту прислалъ къ вамъ, къ Великого Государя посломъ; и вы бы тое грамоту приняли и до Государя своего донесли; а въ той грамотѣ писано ко Государю вашему о любви и о добромъ дѣлѣ.

И послы попомъ говорили: будетъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи папѣ пословъ своихъ съ цесаревыми послы вмѣстѣ послать, и онъ бы то писмо ко Государю нашему съ своими послы и послалъ; а намъ того письма у васъ взяти не вмѣстно: что есмя присланы къ Максимиліяну Цесарю, а не къ папѣ.

И попы говорили: государь нашъ папа нынѣ съ вами то письмо ко Государю вашему посылаетъ о любви для того: любо цесаревы послы съ вами вмѣстѣ ко Государю вашему итти не поспѣютъ, и вы бъ нынѣ то письмо до Государя своего донесли.

И послы кардиналовымъ попомъ говорили: будетъ папа Римской ко Государю нашему пословъ своихъ съ цесаревыми послы вмѣстѣ не пошлетъ, а какъ цесаревы послы ко Государю нашему пойдутъ и какое будетъ письмо ко Государю нашему папѣ посылати, и онъ бы то письмо посылалъ съ цесаревыми послы; и Великій Государь нашъ, то его письмо выслушавъ, велитъ къ нему по тому его письму отписати съ цесаревыми жъ послы. И попы, говоря пошли къ себѣ.

И послѣ того, въ вечеру, пришелъ къ посломъ приставъ Иванъ Штенборкъ и говорилъ розговоромъ, тужа: какъ вы у Государя нашего были, и послѣ того изымала его немочь великая, и лежитъ конечно боленъ, и невѣдомо, какъ его учнетъ Богъ миловать?

И лѣта 7085, Сентября въ 3 день, пришли къ посломъ на дворъ цесаревъ дворянинъ Карень Швендикъ да дьякъ Андреіі Естенбергенъ, и, вшедъ къ посломъ, говорили: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь велѣлъ вамъ говорити: о которыхъ есте дѣлѣхъ съ Его Цесарского Величества съ думники говорили, и думники Его Цесарскому Величеству о тѣхъ дѣлѣхъ извѣщали; и Цесарское Величество велѣлъ имъ отвѣтъ изговорити и написати, какъ вамъ згоже; и они, тотъ отвѣтъ изготовя, принесли къ Его Величеству, и Государь нашъ, тотъ отвѣтъ запечатавъ своею печатью, прислалъ къ вамъ съ нами; а велѣлъ вамъ, тотъ отвѣтъ вычетчи, себѣ извѣстити какъ время будетъ: такъ ли тому отвѣту згоже быти; да дали отвѣтъ за цесаревою печатью.

И послы имъ говорили: мы тотъ отвѣтъ велимъ перевести, и переводъ вычетчи, Максимиліяну Цесарю извѣстимъ, какъ намъ велитъ у себя быти: такъ ли тому отвѣту згожь быти?

А какъ Карень и дьякъ Андрейі отъ пословъ изъ полаты пошли, и послы, ихъ проводя, велѣли отвѣтъ перевести толмачю Петру; а переводъ съ отвѣту справливалъ дьякъ Андрейі съ Даніелемъ же Принцемъ.

И послы, вычетчи отвѣтъ, говорили Даніелю Принцу: принесли къ намъ отвѣтъ дворянинъ цесаревъ Карень да дьякъ Андрейі, а велѣли, вычетчи, извѣстити Максимиліяну Цесарю, такъ ли тому отвѣту згоже быти, какъ нынѣ написанъ; и мы тотъ отвѣтъ вычли, и въ томъ отвѣтѣ надобно посправити немногая пропись; и ты бы сказалъ цесаревымъ думникомъ, чтобъ доложили Максимиліяна Цесаря, какъ намъ для того велитъ у себя быти.

И Даніель говорилъ: Государь нашъ нынѣ конечно боленъ, мало съ кѣмъ можетъ и проговорити для своеі великіе болѣзни: а вышло изъ него пять каменей, и не ходитъ къ нему никто.

И послы Даніелю говорили: и думники бы для того прислали къ намъ дьяка Андрея, котороіі къ намъ принесъ отвѣтъ съ Каренемъ, и мы о той прописи съ нимъ переговоримъ. И Даніель то рекся сказати думникомъ.

И Сентября въ 6 день, пришелъ къ посломъ діякъ Андрей, а съ нимъ Даніель Принцъ. И послы діяку Андрею говорили: принесли есте къ намъ отвѣтъ за печатью Максимиліяна Цесаря, а говорили, чтобъ намъ отвѣтъ вычетчи, извѣстити Максимиліяну Цесарю, такъ ли тому отвѣту згоже быти? И Максимиліянъ Цесарь нынѣ, по грѣхомъ, въ великоіі немочи; а въ томъ отвѣтѣ, котороіі есте къ намъ отъ Максимиліяна Цесаря принесли, Великого Государя нашего царское имя прописано въ дву мѣстѣхъ. И статьи ему въ отвѣтѣ по переводу указывали; и дьякъ Андреіі, смотря тѣхъ статей съ Даніелемъ, говорилъ: и вы намъ скажите, какъ въ тѣхъ статьяхъ Государя вашего имя згоже написати?

И послы говорили: написати въ тѣхъ статьяхъ згоже, въ первой статьѣ сперва ихъ, Великого Государя, Царя и Великого Князя титлу, а въ другоіі статьѣ, что Государь Царь и Великіі Князь самъ.

И дьякъ Андрей, то записавъ, говорилъ: азъ то извѣщу думниковъ, и нѣчто, дастъ Богъ, Государю нашему отъ его болѣзни мало облегченье

будетъ, и думники, о томъ доложа Цесаря, въ томъ отвѣтѣ тѣ статьи поисправятъ. И отвѣтъ взявъ, пошелъ съ двора.

И Сентября въ 13 день, пришелъ къ посломъ на дворъ Графъ Обстъ Исуфъ Турнейскій, да съ нимъ Даніель Принцъ, и говорилъ посломъ: Великого Государя нашего Максимиліяна Цесаря и многихъ земель Короля навышшего братъ, наяснѣйшій и пресвѣтлѣйшій Каролусъ Князь прислалъ ко мнѣ грамоту къ Великому Государю вашему, а велѣлъ мнѣ тое грамоту отдати вамъ, посломъ его; а вы бъ тое грамоту донесли до Государя своего.

И князь Захарей и Андрей велѣли на грамотѣ толмачю Петру прочести подпись, и на грамотѣ подписано: послѣ Великого Княженья: «Царю Казанскому и Асторохапскому». И князь Захарей и Андрей Каролусовы грамоты у Графа у Обстъ Исуфа не взяли, а говорили: таковы намъ грамоты взяти немочно, что Каролусъ Князь пишетъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю не противъ Его Царского Величества грамоты, какъ къ нему въ Государя нашего грамотѣ царское имя писано; и напередъ сего есмя цесареву моршалку Копногаву отказали, что намъ отъ Каролуса Князя такіе грамоты безъ Государя нашего царского имени не имывати; а писати Каролусу пригоже къ Великому Государю нашему противъ Его Царского Величества грамоты. И Обстъ Исуфъ, взявъ грамоту, пошелъ съ двора.

И Сентября въ 14 день, пришли къ посломъ на дворъ приставъ Иванъ Штенборкъ, да Иванъ Заицъ, да съ ними Даніель Принцъ, и говорили: Божіею милостію Государь нашъ Максимиліянъ, Цесарь Римскій и многихъ земель Король навышшій, велѣлъ вамъ сказати, быти вамъ у него на дворѣ завтра, въ Субботу, въ каморѣ при постелѣ, для того что обдержитъ его болѣзнь великая; а какъ ему облегченье будетъ, и вамъ того ждати долго; а отселѣ вамъ ѣхати приспѣло время; а толко вамъ здѣ мало поизмѣшкати, и вамъ будетъ и проѣхать нелзѣ. А какъ будете завтра у Государя нашего, и Государь нашъ велѣлъ вамъ отвѣтъ словомъ сказати въ свое мѣсто думникомъ своимъ, что онъ для болѣзни много говорити не можетъ, а отпускъ вамъ отселѣ будетъ въ Понедѣлникъ.

И на завтрея, Сентября въ 15 день, пріѣхали на дворъ съ колымагами приставъ Иванъ Штенборкъ, да Иванъ Заицъ да Даніель Принцъ, и говорили посломъ: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь велѣлъ вамъ ѣхати къ себѣ на дворъ.

И послы къ Цесарю ѣхали на дворъ съ приставы по прежнему. А какъ вошли въ переднюю полату, и встрѣтили пословъ середь полаты дворецкой Иванъ Трауцеръ съ товарищи, и вшедъ въ середнюю полату, велѣли поставити посломъ скамью; а сами сѣли противъ пословъ на скамьѣ же и говорили посломъ: Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь, по грѣхомъ нашимъ, въ великой немочи, а вамъ у него быти и ему съ вами говорити много немочно *; а на ваши рѣчи велѣлъ вамъ дати отвѣтъ со Государя вашего царскимъ имянемъ какъ згоже, да и грамоту отъ себя къ Великому Государю вашему Царю

*Въ подлинникѣ: «немочи».

и Великому Князю велѣлъ вамъ дати намъ думникомъ своимъ. Да учали давати отвѣтъ и грамоту за цесаревою печатью.

И послы думникомъ говорили: какъ будемъ у Максимиліяна Цесаря, и тогды грамоту и отвѣтъ возмемъ, видя очи его.

И думники грамоту и отвѣтъ дали Даніелю Принцу, а сами съ послы пошли къ Цесарю и шли сквозь заднюю полату и сквозь малую полату, въ которой первое были на посолствѣ, а изъ малые полаты въ сѣни, а изъ сѣней къ Цесарю къ постелѣ. А Цесарь лежитъ на постелѣ на кровати; а на немъ юпа, сукно бурнатно, теплая, да колпакъ пуховъ бурнатенъ, подложенъ бархатомъ чернымъ, а одѣяло камка золотная; а при немъ стоялъ панъ Ласской да два коморника.

А какъ послы, вшедъ къ Цесарю, челомъ ударили, и Цесарь имъ говорилъ, а толмачилъ Даніель: отпущаю васъ къ брату своему надражайшему и любимѣйшему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи; и вамъ бы до брата нашего, а до своего Государя дойти здорово. А что братъ нашъ надражайшій и любимѣйшій приказывалъ съ вами къ намъ о братствѣ, и о любви и о соединеньѣ, и мы съ братомъ своимъ надражайшимъ и любимѣйшимъ, съ Великимъ Государемъ, съ Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи въ братствѣ и въ любви и въ соединеньѣ быти хотимъ, и тому добрѣ ради, чтобъ намъ быти заодно; и грамоту отъ себя къ брату своему посылаемъ. И вы бъ тѣ наши рѣчи и любовь и грамоту до брата нашего донесли, и отвѣтъ на свои рѣчи за нашею печатью взяли. Да велѣлъ Даніелю грамоту и отвѣтъ поднести къ посломъ.

И послы, взявъ грамоту и отвѣтъ и Цесарю челомъ ударя, пошли вонъ и ѣхали отъ Цесаря на посолной дворъ по прежнему; и пріѣхавъ на дворъ, велѣли отвѣтъ толмачу Петру справити съ прежнимъ переводомъ; и Петръ, отвѣтъ съ переводомъ справя, сказалъ: толко въ томъ отвѣтѣ и прописи, что написано въ первой статьѣ: «Великого Государя Царя Ивана Васильевича всеа Русіи,» а «Великій Князь» прописанъ.

И Князь Захарей и Андрей Даніелю Принцу говорили: далъ намъ отвѣтъ Цесарь, и въ томъ отвѣтѣ написано въ первой статьѣ: «Великого Государя Царя Ивана Васильевича всея Русіи», а «Великій Князь» прописанъ.

И Даніель, отвѣту смотривъ, говорилъ: «не вѣдаю, што пишутъ пьяни»! да, взявъ грамоту и отвѣтъ, поѣхалъ къ Цесарю на дворъ. А пріѣхалъ на дворъ къ посломъ къ столу, сказалъ, что у него отвѣтъ взялъ діякъ Иванъ Бабтистъ, а справя пришлетъ къ вамъ сего дни или утре рано.

И того дни, ѣли послы въ столовой въ болшой полатѣ. А столъ былъ поставленъ долгой, а послы сидѣли за столомъ въ лавкѣ по конецъ стола, а съ лѣвую руку сидѣлъ у пословъ панъ Ласской; а приставы и многіе цесарскіе дворяне и Поляки сидѣли по обѣ стороны стола.

А какъ столъ отшелъ, и говорилъ посломъ Даніель Принцъ: Великій Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь пришлетъ къ вамъ сего дни, немного понорови, думного своего человѣка Ивана Штенборка, да

казначея своего Каспера Лимберха, да меня, дворянина своего Даніеля Принца, да и панъ Ласской будетъ тутожъ, — и вамъ бы было вѣдомо.

И послѣ того съ часъ, пришли на дворъ панъ Ласской, да Иванъ Штенборкъ приставъ, да казначей Касперъ Лимберхъ да Даніель Принцъ; а за ними несли дары. А послы сидѣли въ столовой полатѣ. И вшедъ Иванъ Штенборкъ съ товарищи въ полату, говорили, посломъ, а толмачилъ Даніель: Божіею милостію Государь нашъ Максимиліянъ, Цесарь Римскій и многихъ земель Король навышшій, прислалъ къ вамъ меня, думного своего человѣка, да казначея Каспера Лимберха да меня, дворянина своего Даніеля Принца, а велѣлъ вамъ говорити: приходили есте къ намъ отъ нашего брата надражайшего и любимѣйшего, отъ Великого своего Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи о добромъ дѣлѣ. И Государь нашъ васъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, а держали бы есте себѣ то его жалованье на памятку: тебя, князя Захарью, чѣпь золоту, да кубокъ, да триста золотыхъ бѣлыхъ Полскихъ, а тебя, дьяка Андрея, чѣпь золоту, да кубокъ да двѣстѣ золотыхъ бѣлыхъ Полскихъ. А чѣпи на пословъ клалъ панъ Ласской. А васъ, дворянъ Третьяка и Мамлѣя, Государь нашъ Максимиліянъ Цесарь жалуетъ по кубку по двоiчатому, да по тридцати аршинъ камки да по полутороста золотыхъ бѣлыхъ Польскихъ; а тебя, подьячего Аѳонасья, Государь нашъ жалуетъ кубочекъ; а тебя, попа Лаврентья, Государь нашъ жалуетъ поставъ мухояру черного да тридцать золотыхъ бѣлыхъ; а тебя, толмача Петра, Государь нашъ жалуетъ двадцать золотыхъ бѣлыхъ. А дѣти Государя нашего, АрцыкнязьМатѣюсъ и Арцыкнязь Максимиліянусъ васъ, пословъ, жалуютъ по кубку, а васъ, дворянъ Третьяка и Мамлѣя и тебя, Аѳонасья, по кубочку. А людемъ отъ Цесаря жалованья его давали князь Захарьевымъ четыремъ человѣкомъ, да Андреевымъ тремъ человѣкомъ, да Третьяковымъ и Мамлѣевымъ четыремъ человѣкомъ по двадцати золотыхъ бѣлыхъ, да князь Захарьевымъ же тремъ человѣкомъ, да Андреевымъ двумъ человѣкомъ, да Третьякову, и Мамлѣеву и Аѳонасьеву тремъ человѣкомъ по десяти золотыхъ бѣлыхъ.

И князь Захарей и Андрей на цесаревѣ жалованьѣ и его дѣтей и на дарѣхъ челомъ били, и Ивана Штенборка съ товарищи дарили. И панъ Ласской и Иванъ Штенборкъ съ товарищи и иные Нѣмцы, пословъ подчивавъ, пошли съ двора.

И Сентября въ 16 день, въ Недѣлю, въ вечеру, принесъ къ посломъ подьячей грамоту запечатану, а отвѣту не принесъ. И послы его вспросили: принесъ еси къ намъ одну грамоту, а отвѣту для чего не принесъ? И подьячей говорилъ: что къ вамъ со мною послали, и язъ то къ вамъ и принесъ.

И Сентября въ 17 день, въ Понедѣльникъ, пришелъ къ посломъ на дворъ приставъ Иванъ Штенборкъ, и послы ему говорили: далъ намъ на отпускѣ Цесарь Максимиліянъ грамоту и отвѣтъ, и мы тотъ отвѣтъ справливали, и въ немъ была пропись, и тое пропись въ томъ отвѣтѣ казали Даніелю Принцу, и Даніель грамоту, и отвѣтъ у насъ взялъ того

же дни и понесъ къ Цесарю на дворъ тое прописи справливати; и вчера къ намъ принесъ подъячеі одну грамоту запечатану, а отвѣту не принесъ, не вѣдаемъ для чего.

И Иванъ Штенборкъ тотъ часъ поѣхалъ на дворъ къ Цесарю и привезъ къ посломъ отвѣтъ тотъ же, которой отвозилъ Даніель для справки; а «Великій Князь» въ томъ отвѣтѣ написанъ на верху межъ строкъ.

И князь Захарей и Андрей говорили Ивану Штенборку: привезъ еси къ намъ отвѣтъ тотъ же, въ которомъ пропись, а нынѣ въ немъ та пропись приписана «Великій Князь» межъ строкъ наверху; а Государя нашего имени въ чернѣ быти незгоже, и тотъ бы отвѣтъ для тое прописи велѣти переписати.

И Иванъ Штенборкъ послалъ съ отвѣтомъ на дворъ къ Цесарю Даніеля Принца, и Даніель, пріѣхавъ, посломъ сказалъ: ѣздилъ съ тѣмъ отвѣтомъ къ дьяку къ Ивану къ Бабтисту, и дьякъ Иванъ велѣлъ вамъ мнѣ говорити: того ему отвѣту нынѣ для тое прописи переписати неколи: что васъ Цесарь отпустилъ, а ѣхати отселѣ сего дни, и отвѣтъ запечатанъ, а печать у Цесаря, а Цесарь конечно боленъ; а пропись въ томъ отвѣтѣ приписалъ онъ діякъ Иванъ Бабтистъ своею рукою.

И князь Захарей и Андрей говорили: каковъ намъ отвѣтъ дадутъ, и мы таковъ отвѣтъ и возмемъ. И привезли къ посломъ колымаги и телѣги, и того дни пошли послы изъ Рейншпорка послѣ обѣда; а ѣхали съ послы отъ Рейншпорка до Праги: Иванъ Штенборкъ, да Иванъ Заицъ да Павелъ Курка съ Гурокъ, да Даніель Принцъ; а ѣхали тою же дорогою, которою ѣхали изъ Праги къ Рейншпорку. А въ Прагу пріѣхали Сентября въ 22 день, а поставили пословъ въ болшомъ городѣ подъ горою, близко Королевского двора; а дворъ указалъ посломъ Янъ Хипскоіі. И въ Прагѣ послы стояли два дни, а изъ Праги пошли, Сентября въ 24 день, въ Понедѣлникъ послѣ обѣда; а съ ними поѣхалъ изъ Праги Даніель, и кормъ и подводы посломъ давалъ Даніель же. А шли отъ Праги до Франкворта тою жъ дорогою, которою шли отъ Франкворта къ Прагѣ, а въ Франквортъ пришли Сентября въ 29 день, въ Суботу.

И Октября въ 1 день, въ Понедѣлникъ: пошли послы изъ Франкворта Адрою рѣкою, судномъ; а Даніель Принцъ шелъ въ другомъ суднѣ, и шли рѣкою до Штатина четыре дни; а въ Штатинъ пришли Октября въ 4 день, въ Четвергъ. И того дни, пришедъ къ посломъ, Даніель говорилъ: писалъ онъ къ Штатинскому Князю о караблѣ, чтобъ корабль велѣлъ держати на731 готовѣ, въ которомъ вамъ ѣхати до Пернова, и корабля не изготовили, а Князь Штатинской отселева съѣхалъ въ село, а того не вѣдаю, въ которыхъ онъ нынѣ селѣхъ, а послалъ его наскоро съѣзжати гонца, а ждать отъ него вѣсти къ Суботѣ.

И Октября въ 10 день, въ Середу, пришелъ къ посломъ Даніель Принцъ, а съ нимъ карабленикъ Людко Кремпнъ; а говорилъ Даніель: у карабленика корабль готовъ, и вы бъ ему дали наемъ, а запасъ и рухлядь велѣли въ корабль носити завтра; а карабленику Людку отвезти васъ въ Перновъ. И князь Захарей и Андрей дали отъ корабля карабленику Людку передъ Даніелемъ

150 ефимковъ всѣ сполна. И Даніель посломъ говорилъ: Государь нашъ Цесарь велѣлъ вамъ дати для морского проходу къ Датцкому, и къ Свѣйскому, и ко всѣмъ Княземъ и къ приказнымъ людемъ, гдѣ-любо васъ кораблемъ ни принесетъ, свои грамоты. Да далъ двѣ грамоты: къ Датцкому и къ Свѣйскому затворчетую, а ко Княземъ и къ приказнымъ людемъ отворчетую.

И Октября въ 11 день, Даніель поѣхалъ изъ Штатина къ собѣ въ имѣнье, а пословъ приказалъ изъ Штатина отпустити Штатинскому серебреному мастеру Григорью Вестьфалусу.

И послы пошли изъ Штатина рѣкою Адрою, Октября въ 13 день, въ Суботу, а къ морю пришли на завтрее въ Недѣлю; а на море пошли Октября въ 15 день, въ Понедѣлникъ, и шли моремъ шесть денъ. И какъ прошли Курлянской островъ, и съ Суботы на Недѣлю въ ночи пришелъ вѣтръ встрѣчю, и корабль поставилъ на якорѣ и стоялъ тое ночь и на завтрее день весь до вечера; а подъ вечеръ пришла буря великая, и корабль съ якоря сорвало, и якорь изломило, и корабленникъ поворотилъ назадъ, и несло два дни да двѣ ночи, а въ третей день, Октября въ 24 день, принесло къ Хрипцволю на пристань, и стояли на пристани девять денъ; а отъ пристани отъ Хрипцволскіе вышли на Лахту Ноября въ 2 день, и стояли на Лахтѣ у моря одиннадцать день, и учали быть морозы. И корабленикъ посломъ говорилъ: сее осени мнѣ васъ въ Перновъ для зимнего времени отвезти немочно, и корабленой ходъ поминовался, и ледъ подъ Перновымъ о сякову пору толстъ, а нынѣ васъ отвезу язъ въ Зюнтъ, для того что въ Зюнтѣ пристани добры, и зимовати вамъ и дожидатися весны въ Зюнтѣ; а самъ иду въ Штатинъ; а какъ на веснѣ корабленой ходъ поспѣетъ, и язъ васъ въ Перновъ отвезу. И пришелъ къ Зюнту Октября въ 12 день, а отъ Зюнта до Хрипцволя 25 верстъ, а отъ Хрипцволя до Штатина 100 верстъ. И князь Захарей и Андрей посылали въ Зюнтъ къ буймистромъ Третьяка Зубатого просити двора постояти; и буймистры дворъ дали въ городѣ; и князь Захарей и Андрей, вышедъ изъ корабля, вошли въ городъ и рухлядь изъ корабля выносити велѣли на подворье.

И Ноября въ 14 день, пришли ко князю Захарью и къ Андрею Зюнтскіе буймистры Ефимъ Клинковъ съ товарищи, а говорили: приходилъ къ намъ Штатинской корабленикъ Людко, а сказывалъ: наймовался онъ отвезти васъ отъ Штатина въ Перновъ кораблемъ, и наемъ у васъ взялъ сполна и пошелъ былъ съ вами въ Перновъ, и васъ отъ Пернова вѣтромъ воротило назадъ и принесло въ Хрипцволь, и онъ въ Хрипцволѣ и на Лахтѣ съ вами стоялъ три недѣли, а вѣтру погожего не дождался; и онъ васъ привезъ въ Зюнтъ, а самъ нынѣ идетъ въ Штатинъ, а на веснѣ васъ хочетъ отвезти, будетъ ему найму прибавите; а будетъ найму не прибавите и онъ везти не хочетъ. И мы его въ томъ дали на поруку, что ему васъ отвезти въ Перновъ на веснѣ за тѣмъ же наймомъ, а провелъ бы васъ тѣми мѣсты, гдѣ бъ на васъ не чаяти приходу Свѣйского и Датцкого людей, а нѣчто бы, Богъ далъ, погожей вѣтръ былъ, и вы бы до Государя своего земли прошли на сей осени; а на весну васъ Датцкого и Свѣйского люди будутъ беречи по многимъ мѣстомъ, то намъ до

полна вѣдомо, потому что въ здѣшнихъ городѣхъ были купцы многіе Дацкіе и Свѣйскіе, и про васъ вѣдаютъ, что вамъ итти на веснѣ. А нынѣ пришелъ въ Зюнтъ Свѣйского Короля посолъ на двадцати конѣхъ, а ѣдетъ къ Батору денегъ заімовати, а въ денгахъ заставливаетъ городы; а пошло было ихъ посолствомъ къ Батору два кораблемъ, и тому недѣлц съ четыре корабль ихъ розбило, и болшоіі его товарищь, а съ нимъ 18 человѣкъ утопли, и онъ пришелъ сухимъ путемъ; а толко ему Баторъ денегъ не дастъ, и ему велѣно итти денегъ занмовати къ Цесарю, а заставливати въ нихъ городы же; а Свѣйскому сказалъ на тѣ денги наимовати людей и стояти противъ вашего Государя; а про васъ тотъ посолъ вѣдаетъ, что вы здѣ въ Зюнтѣ. А Баторъ нынѣ стоитъ у Гданска, а людей при немъ 8,000 человѣкъ конныхъ, да 8,000 человѣкъ пѣшихъ; а ко Гданску съ обѣ стороны не пропуститъ никакого человѣка. А Цесарю было на него итти вскорѣ, да по грѣхомъ его не стало, а на его мѣсто быти короновану сыну его Руделфу Королю. А какъ его коронуютъ, и ему итти на Батора и на Поляки вскорѣ, и люди въ войну конные и пѣшіе сбираются; а итти ему изъ Вѣдна на Краковъ; а Марграфу Поморскіе земли съ Поморскими Князи и со всѣми людми итти своею громадою прямо на Батора.

И князь Захарей и Андрей буімистромъ говорили: хотимъ о себѣ писати къ Руделфу Королю, для чего здѣ въ Зюнтѣ зимуемъ, а до Великого своего Государя земли не прошли; а какъ тое грамоту напишемъ, и вы бы тое грамоту къ Руделфу Королю послали съ такимъ человѣкомъ, кто бъ до него тое грамоту донесъ.

И буімистры говорили: какъ тое грамоту изготовите, и мы тое вашю грамоту пошлемъ съ такимъ человѣкомъ, которой тое грамоту до Руделфа Короля можетъ донести. И къ Руделфу Королю послана грамота Ноября въ 16 день; а приходилъ по нее отъ буімистровъ дьякъ Брандоборхъ. А грамота послана такова:

«Божіею милостію, Наяснѣйшему и Пресвѣтлѣйшему Руделфу Королю и Арцыкнязю Римскому, Угорскому, Чесскому, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохановского, Государя Псковского, и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкаго, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя отчинного земли Лифлянскіе, и иныхъ многихъ земель Государя послы дворянинъ и намѣстникъ Бѣлоозерскіи князь Захарья Сугорской да дьякъ Андрей Арцыбашевъ челомъ бьютъ. Отпустилъ, Государь, насъ отецъ твой Максимиліанъ Цесарь Римскіи и иныхъ многихъ земель Король Навышшіи къ Великому Государю нашему, къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи; а проводити насъ посылалъ до Штатина и отпустити на Государя нашего отчину на Перновъ Даніеля Принца. А ѣдучи къ Штатину, сказывалъ намъ Даніель, въ которомъ намъ кораблѣ итти изъ Штатина въ Перновъ и тотъ корабль готовъ, и намъ въ Штатинѣ мѣшканья не бу-

детъ ни часу. И въ Штатинъ есмя пріѣхали Октября въ 4 день въ Четвергъ; и сказывалъ намъ Даніель, которой корабль велѣно про насъ держати на готовѣ, и того корабля не изготовили, а наиялъ онъ намъ иной корабль, а найму отъ него уговорился дати намъ шкиперу Людку Кремемю отъ Штатина до Пернова 150 ефимковъ, и шкиперъ тотъ корабль готовитъ и подѣлываетъ; а какъ изготовитъ, и онъ у насъ наемъ возметъ. И жили есмя въ Штатинѣ за кораблемъ девять денъ; а какъ корабленикъ Людко пришелъ, Даніелю сказалъ, что онъ корабль изготовилъ, и Даніель намъ велѣлъ ему и наемъ дати; и мы ему тотъ наемъ дали 150 ефимковъ передъ Даніелемъ, дали весь сполна. И пошли изъ Штатина въ Перновъ, Октября въ 13 день, въ Суботу, и шли моремъ восмь денъ; и какъ прошли Курлянской островъ, и въ ночи съ Суботы на Недѣлю учалъ быти вѣтръ великъ и встрѣчю, и шкиперъ поставилъ корабль на якорѣ и стоялъ ночь и на завтрее въ Недѣлю день весь до вечера; а на ночь пришелъ вѣтръ и буря великая, и корабль съ якоря учало рвати, и шкиперъ, якорь подывъ, поворотилъ назадъ къ Штатину, а за Курлянской островъ заѣхавъ не сталъ, что у якоря рогъ сломило. И несло назадъ два дня да три ночи, а въ третей день, Октября въ 24 день, въ Середу принесло насъ въ Поморскую жъ землю въ Хрипцволь, и въ Хрипцволѣ есмя стояли на пристани девять денъ; а въ десятой день, вышедъ съ пристани, стояли межъ острововъ у Хрипцволя и у Зюнта 11 денъ. И учели быти снѣги и морозы великіе, и шкиперъ пришелъ въ Зюнтъ Ноября въ 12 день, въ Понедѣлникъ, и намъ говорилъ, что ему сее осени насъ до Пернова довезти не мочно и кораблеиой ходъ поминовался, а въ Зюнтъ онъ пришелъ, для того что пристани погожи, а въ Штатинъ и въ Хрипцволь не пошелъ, для того что выходы корабленые недобры; и рухлядь намъ свою изъ корабля велѣлъ выносити, что намъ зимовати въ Зюнтѣ, а корабль онъ свой оставливаетъ въ Зюнтѣ, а самъ идетъ въ Штатинъ; а на веснѣ, какъ кораблеиой ходъ поспѣетъ, и вѣтръ погожеі будетъ и онъ, пришедъ изъ Штатина, отпровадитъ насъ совсѣмъ въ Перновъ. Да и буігмистры ему въ Зюнтѣ Ефимъ Клипковъ съ товарищи о насъ говорили, чтобъ онъ на веснѣ, пришедъ изъ Штатина, отпровадилъ насъ въ Перновъ, не издержавъ; а намъ до весны дали дворъ въ городѣ и рухлядь есмя свою изъ корабля выносили. А отпустя, Государь, насъ отецъ твоі Максимиліянъ Цесарь отъ себя, хотѣлъ къ Великому Государю нашему своихъ великихъ пословъ отпустити послѣ насъ въ короткихъ часѣхъ; а нынѣ насъ слухъ дошелъ, что судомъ Божьимъ Великого Государя отца твоего Максимиліяна Цесаря въ животѣ не стало; а къ Великому Государю нашему нѣчто похочетъ твое Королевское Величество послать отъ себя на сей осени или на зимѣ пословъ своихъ или посланниковъ сухимъ путемъ, — и Вашему бы Королевскому Величеству про насъ было извѣстно, что есмя до Государя своего земли для зимніе поры сее осени не прошли, а зимуемъ въ вашей области въ Зюнтѣ; а съ твоими послы или посланники, которыхъ будетъ ко Государю нашему учнешь посылати, намъ вмѣстѣ сею зимою пройти будетъ не мочно, и Государю бы нашему отъ тѣхъ твоихъ пословъ или посланниковъ про

насъ было вѣдомо, для чего есмя до Государя своего земли не пришли. А въ Штатинъ бы твое Королевское Величество велѣлъ о насъ отписати, чтобъ шкиперъ Людко на веснѣ насъ не издержалъ, отпровадилъ изъ Зюнта до Пернова ранѣе.—Писанъ въ Зюнтѣ, лѣта 7085, Ноября въ 16 день».

И Ноября въ 29 день, пришли ко князю Захарью и къ Андрею Хрипцвольской Нѣмчинъ Маркусъ да Гданской Нѣмчинъ Яковъ, и говорили: пошли были есмя къ Пернову на бусѣ тому недѣль съ шесть, и насъ отъ Пернова воротило за пятьдесять верстъ, и носило по морю четыре недѣли и принесло къ Хрипцволской пристани; и слышели есмя про васъ, что васъ отъ Пернова вѣтромъ воротило толды жъ. И будетъ похотите итти въ Перновъ, и мы, васъ для, идемъ, и васъ въ Перновъ отвеземъ, а Государю вашему тѣмъ послужимъ. А вѣтру начаемся погожего, и до нового мѣсяца изъ бусы, васъ для, товару убавимъ, какъ вамъ мочно вмѣститься; а найму вамъ дати отъ себя отъ провозу сто пятдесять ефимковъ. А какъ придемъ къ Пернову, а за ледомъ пройти будетъ къ Пернову немочно, и вамъ велѣти бусою промыслити Перновскимъ воеводамъ, осѣкая, буса велѣти припровадити къ Пернову въ рѣку, хотя будетъ за колко верстъ ледъ отъ Пернова ни будетъ.

И князь Захарей и Андрей Маркусу и Якову говорили: будетъ вы насъ до Пернова довезете здорово, а буса ихъ за ледомъ до Пернова не дойдетъ за колко верстъ ни будетъ, и мы тое вашю бусу велимъ, осѣкая, припровадити къ Пернову; а какъ, ожъ дастъ Богъ, будемъ у Государя, и мы Государю службу вашю извѣстимъ.

И уговорясь съ ними о найму и пошли изъ Зюнта къ Хрипцволю на пристань Ноября въ 30 день, и стояли на пристани, ждали вѣтру по 7 число Декабря; и, наемъ давъ, пошли съ Хрипцволскіе пристани моремъ Декабря въ 7 день, и пришли въ Перновскую лахту въ пятой день, Декабря въ 11 день, и стали отъ Пернова верстъ за пятнадцать, для того что день былъ мглянъ, а того не чаяли, что пришли въ Перновскую лахту. А на завтрее пришли къ Пернову, и стали отъ Пернова верстъ за пять за ледомъ, а къ Пернову пройти было нелзя, что ледъ шелъ встрѣчю. А въ Перновъ пришли Декабря въ 15 день.

И Генваря въ 20 день, пріѣхалъ ко Государю отъ Цесаря Королевской Нѣмчинъ Касперъ Ивановъ, а привезъ ко Государю отъ Руделфа Цесаря грамоту.

А се переводъ съ Руделфовы Цесаревы грамоты:

«Мы, Руделфъ второй, Божіею милостью избранный Римскій Цесарь, по всѣ времена прибавитель Царствомъ, Нѣмецкій, Угорскій, Чешьскій, Долматцкій, Кроатцкій, и Шляповскій, Король и Архикнязь Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Штырскій, Каратынскій, Краинскій, Луцемборскій, и Вертемборскій, вышніе и нижніе Шлеіскіе земли, Князь Швабскій, Маргрaфъ святого Римского Царства, Бургравскій, Муравскій, вышніе и нижніе Лаужнитцкіе земли, Княжатой Графъ Апсбурскій, Тиролскій, Фератцкій, Кибурскій и Горетцкій, Ляндграфъ Элсаскій, Государь Виндейскій, Марка Портуна и Салисъ и иныхъ, — извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю Владѣтелю вcea

Русіи Великому Князю Володимерскому, Московскому и Новгородскому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохапскому и иныхъ, нашему опричениому любителному пріятелю и брату наше пріятелство, любовь и все добро. Пресвѣтлѣйшей и велеможнѣйшій Князь, опричениой и любителноі другъ и братъ! Мы не отчаемся, что Вашеі Любви давно извѣстно есть и отъ Вашихъ, здѣсе педавно бывшихъ, пословъ извѣстно будетъ, какимъ великимъ болѣзнемъ тѣлеснымъ бывшимъ тотъ Пресвѣтлѣйшій Князь, Государь Максимиліянъ второй Римскій Цесарь, нашъ любителной Государь и отецъ, славные спасителные памяти многіе лѣта, а опричепно нынѣча къ нынѣшнему учиненному соборному дни болѣзнь ему была. И мы всегды въ добромъ уповаиьѣ надежды были непоколебимо, надѣючися полегченья, и Всемогущій Богъ его милостиво отъ немочи взбавилъ, чтобъ Его Величеству впередъ на иные на многіе лѣта Римское Царство оборонять и устроить. И не можемъ Мы Вашей Любви любително и жалостно утаити, что то такъ не сталося, и Его Величество въ короткихъ дняхъ до нашего пріѣзду сюда изъ Праги города, въ Пятницу, мѣсяца Октября въ 12 день, до полудни, отъ сего свѣта преставился и уснулъ. Всемогущеі Вѣчной Богъ, буди души его милосердивъ! А что промежъ Вашеі Любви обѣихъ ссылкахъ, да опричe Вашей Любви бывшихъ пословъ у Его Величества учиненное посолство и дѣло есмя выразумѣли, въ какихъ опричепныхъ любителныхъ и братственныхъ надежей Ваша Пресвѣтлѣйшая Любовь съ его любовію стояли. А какъ Ваша Любовь о нашемъ славномъ дворѣ Аустрѣйскомъ завсе всякому добру быти хотѣли, а мы и не отчаемся Вашіе Любви нынѣшнюю нашу жалость и нашего любителного отца и Вашей Любви правителя и брата для того ранного преставленья съ нами станите хрестьянски и суѣдственно, и жалостно держати. И мы потому не могли отставити Вашіе Любви передъ всякими дѣлы такую намъ учиненную великую жалость надежно и братствено къ тобѣ, брату нашему дражайшему, извѣстили. И надѣемся по тому надежно: а хотя Всемогущій Богъ по его Божественой воли такъ сотворилъ, и нашего любителного Государя и отца спасенного началные дѣла съ Вашею Любовью началъ, и нынѣча отъ сего свѣта преставился, и Ваша Любовь будетъ не менши того вѣрного доброго, прямого, сродичного умышленья и подвиженья, которые вы къ Его Величеству имѣли, и къ намъ того же не убавите, развѣе того опослѣ къ намъ и двору Аустрѣйскому; а мы по тому жъ во всемъ противъ хотимъ учинити и стоятелно то держати. А опослѣ вкратцѣ высокопамятованного Государя отца преставленья Вашеі Любви слуга и Нѣмецкоі толмачь Касперъ Гетчаръ сюда пріѣхалъ, а Вашеі Любви писмо къ нашему именованному Государю и отцу съ собою привезъ; и мы тѣ грамоты, въ Его Величества мѣсто, на началное любителное братство розпечатали и всему тому гораздо выразумѣли. Да съ того мы еще Вашеі Любви сердечное доброе хотѣнье выразумѣли бывшему нашему Государю и отцу и тако жъ къ нашему любителному брату Архіегерцоку Эрнесту и всему нашему двору Аустрѣйскому съ опричениою радостію выразумѣли, и

за то мы Вашей Любви всепріятелно много кланяемся. И что нынѣча есть о Полскихъ дѣлѣхъ, и отъ нынѣшнего преставленья нашего любителного Государя и отца спасенного, какъ Ваша Любовь сами можете поразумѣти, иное дѣло ссталося. И мы любително подвижно для уставленья и довершенья началное межъ нашего Государя и отца и Вашей Любви братства и соединенья, и какъ чему быти нынѣча о прежнемъ дѣлѣ, которымъ Вашей Любви посломъ отецъ нашъ объявилъ своихъ пословъ послати къ Вашей Любви, и Вашей Любви не менши какъ много именованного Государя и отца нашего съ Вашею Любовью хотѣлъ въ любви быти и въ братствѣ; а язъ того и наипаче хочю быти съ тобою въ братствѣ и въ любви. Толко просимъ мы пріятелно того, чтобъ Ваша любовь не досадовалъ о томъ, чтобъ къ тобѣ, къ любителному къ дражайшему брату нашему, послы наши вскорѣ не пришли, а впередъ вскорѣ будутъ: а то ссталося не отъ насъ, отъ Божья посланья. А прося того, чтобы Ваша Любовь была не велѣлъ тѣхъ побѣдныхъ Лифлянскихъ войною обижати, развѣе пощадите ихъ для ихъ слезъ и докуки къ намъ, милость къ нимъ и къ Римскому Царству тѣмъ обычаемъ такъ учините, чтобъ намъ и всѣмъ чиномъ Римского Царства и инымъ хрестьянскимъ Государемъ Вашей Любви надежное и сусѣдственое хотѣнье увидѣти, чтобъ такое началное братственое соединенье покрѣпче уставлено было и стояло; и того всего хотимъ мы Вашей Любви по времеию и нынѣшнюю учиненную жалость на Вашей Любви писанье любително и братствено не затаити. И мы къ Вашей Любви во всемъ добромъ сусѣдственоі любви и братству подвижны.—Писана въ нашего въ Римского Царства градѣ Реінширкѣ, мѣсяца Октября 25 дня, лѣта отъ Рожества Христова 1576, нашего Римского Царства 1-го, Угорского 5-го, а Чешьского 2-го. Вашей Любви доброрадѣнное братство, Руделфъ Цесарь своюруку приложилъ».—А на подпискѣ на грамотѣ: «Тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому Тверскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохапскому и иныхъ, нашему опричненному, любителному и дражайшему пріятелю и брату».

7086—1576.

—

И лѣта 7086-го, Сентября въ 20 день, Государь, Царь и Великій Князь съ сыномъ своимъ со Царевичемъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ, пришедъ съ своего дѣла изъ Ливонскіе земли, и приговорилъ къ Руделфу, Цесарю Римскому, послати отъ себя посланника своего Ждана Квашнина, чтобъ Руделфъ Цесарь похотѣлъ съ нимъ, со Государемъ, быти въ братствѣ и въ любви, и пословъ бы своихъ ко Государю о тѣхъ дѣлѣхъ слалъ, о которыхъ дѣлѣхъ прежъ того была ссылка Государю съ отцомъ его, съ Максимиліяномъ Цесаремъ; да и опасную грамоту велѣлъ Государь на Цесаревы послы со Жданомъ послати.

И отпущенъ Жданъ изъ Новагорода на Перновъ Сентября въ 25 день, а толмачь съ нимъ посланъ Ѳедко Филиповъ.

А се отпускъ къ Цесарю Ждана Квашнина. Говорити отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи брату его Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, Ждану Ивановичю Квашнину:

«Бога, въ Троицѣ славимаго, милостью Великіи Государь, Царь и Великіи Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскіи, Московскіи, Новгородцкіи, Царь Казанскіи, Царь Асторохапскіи, Государь Псковскій и Великіи Князь Смоленскій, Тверскіи, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскіи, Полотцкій, Ростовскіи, Ярославскій, Бѣлоозерскіи, Удорскіи, Обдорскіи, Кондинскій и всеа Сибирскіе земли, и Сѣверные страны Повелитель и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ,—тебѣ, дражаішему и любезнѣйшему брату своему, Руделфу второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ Королю, Архикнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцеборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тирольскому, Фератцкому, Кибурскому и Горецкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю, велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ твое, брата своего дражаішего и любезнѣйшего, здоровье видѣти. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, брату своему дражаішему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю напоминается легкой поминокъ сорокъ соболей». Да грамота подати вѣрющея А послѣ грамоты рѣчь говорити:

«Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю говорити: прежъ сего межь насъ ссылки послѣ прежнего докончанія о братствѣ, и о любви, и о прибыткѣ Хрестьянства ото многихъ лѣтъ не были, и мы съ отцомъ твоимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, вспамятовавъ прежнее докончаніе межъ прежними нашими, сослались есмя о братствѣ, и о любви и о прибыткѣ всего Хрестьянства старое докончаніе подтвердити, а новые братственые любви межъ себя и своимъ Государствомъ всякого прибытка прибавить. И братъ нашъ, дражаішій отецъ твоі, блаженные памяти Максимиліянъ Цесарь съ нами братственые любви хотѣлъ и пословъ своихъ къ намъ прислалъ, рыцеря съ Прошекъ и думца своего Яна Кобендзлю и честного Даніеля Принца дворового своего дворянина. А мы къ брату своему дражайшему къ отцу твоему, блаженные памяти къ Максимиліяну Цесарю своихъ пословъ легкихъ посылали, намѣстника Бѣлоозерскаго князя Захарья Ивановича Сугорского да діяка Андрея Арцыбашева. И братъ нашъ, дражаішій отецъ твоі,

блаженные памяти Максимиліянъ Цесарь хотѣлъ къ намъ слать великихъ своихъ пословъ тѣ дѣла затвердити. А ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, къ намъ писалъ въ своей грамотѣ съ нашимъ съ толмачемъ съ Касперомъ, которого мы посылали съ своею грамотою къ отцу твоему къ Максимиліяну Цесарю: которые межъ насъ съ отцемъ съ твоимъ, блаженные памяти съ Максимиліяномъ Цесаремъ, были ссылки о братствѣ и о любви, и отецъ твой, желателно съ нами того дѣла затвердити, хотѣлъ слать своихъ пословъ великихъ. Да судомъ Божіимъ брата нашего дражайшего, а твоего отца Максимиліяна Цесаря Богъ позвалъ отъ сего свѣта на онъ свѣтъ, а ты, братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, послѣ отца своего на тѣхъ великихъ Государствахъ учинился Государемъ, и тѣ ссылки всѣ межъ насъ съ отцомъ твоимъ выразумѣлъ еси гораздо, и съ нами хочешь братственные любви и доконачанья, и наипаче того, какъ есмя ссылались о братственной любви и о прибыткѣ всего Хрестьянства съ братомъ своимъ дражайшимъ, съ отцемъ съ твоимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ, и пословъ своихъ великихъ хочешь къ намъ слать тѣ дѣла затвердити. Божіею милостію Великіи Государь, Царь и Великіи Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю говорити: и мы, слышавъ то, что брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, отца твоего, блаженные памяти Максимиліяна Цесаря судомъ Божіимъ Богъ позвалъ съ сего свѣта на онъ свѣтъ, о томъ есмя зѣло поскорбѣли; да то дѣло сталось отъ Бога, а не отъ человѣкъ: и тебѣ, брату нашему дражайшему, пригожь скорбь своя положити на Бога, заньже то общедательной долгъ ото Адама и до сего дни.—Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи велѣлъ тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему брату своему Рудельфу Цесарю говорити: а что еси писалъ къ намъ въ своей грамотѣ, что учинился еси на отца своего, блаженные памяти Великого Государя Максимиліяна Цесаря, Государствахъ Государемъ, а съ нами хочешь братства и любви по тому жъ, какъ межъ насъ братство, и любовь и ссылки были съ великимъ Государемъ, блаженные памяти съ отцомъ съ твоимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и на всякого недруга хочешь съ нами стояти заодинъ, — и мы тому велми порадовалися, что еси учинился великимъ Государемъ на отца своего Государствахъ, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, здравствовалъ на своихъ Государствахъ. А мы для поздравленія твоего послали твое здоровье видѣти своего посланника Ждана Ивановича Квашнина, и хотимъ съ тобою, съ братомъ своимъ дражайшимъ, съ Рудельфомъ Цесаремъ быти въ братствѣ, и въ любви и въ доконачаньѣ стояти противъ всѣхъ недрузей заодинъ, какъ есмя были въ ссылкѣ о любви и о братствѣ съ братомъ своимъ дражайшимъ, съ отцомъ твоимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему, Рудельфу Цесарю говорити: и ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій пословъ своихъ вели-

кихъ къ намъ слалъ незамѣшкавъ, тѣ дѣла, что межъ насъ съ отцомъ съ твоимъ съ Максимиляномъ Цесаремъ почались, затвердити, чтобъ межъ насъ братцкая любовь, и соединеніе и докончаніе ранѣе утвердились на всякого недруга заодинъ, что всему Хрестьянству къ покою и къ прибытку, чтобъ пашимъ осмотрѣніемъ межъ насъ, Великихъ Государей, Хрестьянство въ тишинѣ и въ покоѣ было и высвобожено изъ рукъ мусульманскихъ, и впередъ бы мусулманская рука надъ хрестьяны не высилась и кровь хрестьянская не розливалась. И свою есмя опасную грамоту на твои послы къ тебѣ послали, что имъ пріѣхати къ намъ и отъѣхати со всѣми людми и маетностями доброволно безо всякого опасенья. А послали есмя къ тебѣ свою опасную грамоту, для того что прежъ сего послали есмя свою опасную грамоту къ брату нашему дражайшему, къ отцу твоему къ Максимиляну Цесарю на его великіе послы на брата нашего дражайшего, а на твоего отца на Максимиляново Цесарево имя: и по той, будетъ, опасной грамотѣ твоимъ посломъ къ намъ итти съ опасеньемъ, и мы для того къ тебѣ, брату нашему дражайшему, послали на твои послы свою опасную грамоту съ своимъ посланникомъ со Жданомъ Квашнинымъ. И какъ у насъ твои, брата нашего дражайшего, великіе послы будутъ, и мы съ ними доконча(н)ье во всѣхъ въ тѣхъ дѣлѣхъ велимъ утвердити и своихъ пословъ великихъ вмѣстѣ съ твоими послы къ тебѣ, брату нашему дражайшему, отпустимъ тѣ дѣла затвердити. И нашего бы еси посланника Ждана Ивановича Квашнина къ намъ отпустилъ, не издержавъ, и къ намъ о всемъ съ нимъ отписалъ».

А изговоря Ждану рѣчь, подати Цесарю опасная грамота, которая съ нимъ послана на Цесаревы послы. А се вѣрющея грамота со Жданомъ съ Квашни(ны)мъ. «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая, правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ! направи насъ на истину Твою и научи насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царства Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохaнскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ многихъ земель Государь,— дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу второму, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Нѣметцкому, Угорскому, Чешьскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому,

Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ земель Государю. Послали есмя тебя, брата своего (sic), посланника своего Ждана Ивановича Квашнина, и что тебѣ отъ насъ нашъ посланникъ учнетъ говорити, и ты бъ ему вѣрилъ, то есть наши рѣчи.—Писанъ въ Государствія нашего дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7085, индикта 5, Государствія нашего 44, а Царствъ нашихъ: Россійского 31, Казанского 24, Асторохапского 22».

А се опасная грамота на цесаревы послы со Жданомъ съ Квашнинымъ:

«Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ! направи насъ на истинну Твою и научи насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ,-дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу второму, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе, и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ земель Государю. Послали есмя къ тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, для любителные пріязни, и для братцкого твоего поздравленія, и непрестанного прибавленія, и межъ насъ ходатайствующи любви любезно и для дружелюбія, свѣтлую сію нашу опасную грамоту на твои великіе послы. И кого ты, дражайшіи и любезнѣйшіи братъ нашъ, великихъ своихъ пословъ къ нашему Царскому Величеству пошлешь, и твоимъ, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, великимъ посломъ по нашей землѣ и по нашей отчинѣ Лифлянской Нѣметцкой землѣ, и по Псковской, и по Новгородцкой, сухимъ путемъ и воданымъ, и до нашего Царства града Москвы, и назадъ отъ нашего Государства по нашимъ землямъ дорога чиста безо всякого задержанія и зацѣпки. Такъ же твоимъ, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего великимъ посломъ и людемъ, ихъ дорогою идучи, обиды имъ ни отъ кого ни въ чемъ не бу-

детъ: пріѣхати имъ къ намъ до нашего Царства и отъѣхати доброволно безо всякого задержанія со всѣми ихъ животы по сей нашей опасной грамотѣ.—Писанъ въ Государствія нашего дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7085-го, индикта 5-го, Государствія нашего 44-го, а Царствъ нашихъ: Російского 31-го, Казанского 24-го, Асторохапского 22-го».

А се таковъ наказъ данъ Ждану Квашнину:

«Память Ждану Ивановичю Квашнину: Послалъ его Государь, Царь и Великій Князь для своего дѣла и земского къ Руделфу Цесарю Римскому. И Ждану ѣхати на Перновъ; а изъ Пернова ѣхати на которое мѣсто будетъ пригожъ; а корабль или судно въ Перновѣ припасти велѣно, въ чемъ Ждану ѣхати. А которые Нѣмцы цесаревы области Якушъ съ товарищи пріѣхали въ Перновъ со княземъ Захарьемъ, и тотъ Нѣмчинъ Якушъ съ товарищи отпущенъ въ Перновъ,—и будетъ тѣ Нѣмцы со Жданомъ для всякого промыслу пригодятся, и Ждану, говоря съ воеводами со княземъ Михаиломъ съ Юрьевичемъ Лыковымъ съ товарищи, тѣхъ Нѣмецъ взяти съ собою, чтобъ Ждану проѣхати безстрашно; а будетъ съ ними ѣхати пристрашно, и Ждану тѣхъ Нѣмецъ изъ Пернова не имати, а ѣхати одному, какъ бы ѣхати безстрашнѣе; а со Жданомъ ѣхати одному Павлусу Магнусу. А итти Ждану изъ Пернова на цесареву область на Штатинъ, или на Зунтъ, или на которое мѣсто пригоже, чтобъ какъ безстрашнѣе пройти. А будетъ его на морѣ возмутъ Датцкого люди или вѣтромъ принесетъ, и Ждану проситься къ Датцкому Королю, а сказати у себя Государеву грамоту, которая съ нимъ послана и рѣчь. А пришедъ Ждану къ Датцкому Королю, говорити рѣчь по наказу и подати грамота; а опослѣ грамоты проситись ранѣя, чтобъ его отпустилъ черезъ свое Государство къ Цесарю и проводити его велѣлъ, до коихъ мѣстъ пригожь до цесаревы области, и подводы бы ему далъ по своей землѣ. А какъ къ Цесарю придетъ, и Ждану говорити приставу, чтобъ ему велѣлъ у себя быти Руделфъ Цесарь ранѣе, и такъ, дорогою ѣдучи, замѣшкали для Свѣйскихъ людей, что хотѣли помѣшку учинити въ дорогѣ. А какъ Ждану велитъ у себя быти Цесарь, и Ждану, пришедъ, Руделфу Цесарю рѣчь говорити отъ Государя, Царя и Великого Князя по наказу. А нѣчто къ Цесарю пустити его не похотятъ, а учнутъ Ждану говорити, чтобъ шелъ онъ къ цесаревымъ совѣтникомъ съ грамотою, и Ждану къ совѣтникомъ одноличио не ходити и грамоты не давати мимо Цесаря никоторыми обычаи. А нѣчто Цесарь позоветъ къ себѣ Ждана ѣсти, и Ждану къ Цесарю за столъ итти; а того Ждану провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря Турского, или Литовского, или иного которого Государя пословъ и посланниковъ; и будетъ у Цесаря иныхъ Государей посланники будутъ, и Ждану за столъ одноличио не итти, а о томъ ему говорити: посадитъ меня Цесарь выше иныхъ Государей посланниковъ, и язъ за столъ иду, а не посадитъ меня выше иныхъ посланниковъ, и мнѣ за столъ не итти. И учнутъ о томъ Ждану говорити, что ему сидѣти выше иныхъ Государей посланниковъ, и Ждану за столомъ сидѣти, а нѣчто Ждана посадятъ ниже иныхъ посланниковъ, и Ждану за столомъ не сидѣти, а ѣхати къ себѣ на по-

дворье. А будетъ Туретцкой посланникъ, или Литовской, или Францовской, и ему съ ними вмѣстѣ никакъ не ходити; а хоти будетъ и введутъ его, а будутъ посланникъ Туретцкой, Литовской, или Францовского тутъ и иные которые посланники, и ему ѣхати на подворье. А учнутъ Ждана спрашивати: гдѣ нынѣ Царь и Великій Князь? И Ждану сказати: Государь нашъ, Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи отпустилъ меня изъ своего Государства съ Москвы, а нынѣ Государь Царь и Великій Князь въ своей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ; а чаялъ Государь, Царь и Великій Князь отъ брата своего отъ Рудельфа Цесаря пословъ его вскорѣ и промыслу надъ Литовскимъ по прежней ссылкѣ Государевѣ съ Максимиліяномъ Цесаремъ; потому Государь, Царь и Великій Князь въ своей отчинѣ въ Новѣгородѣ, чтобъ быти ближе у дѣла у Литовского, договорясь съ братомъ своимъ съ Руделфомъ Цесаремъ. А нѣчто похочетъ Цесарь послати ко Государю о каковѣ дѣлѣ человѣка, а учнутъ говорити Ждану, чтобъ его съ собою взялъ вмѣстѣ и до Государя своего, Царя и Великого Князя довелъ, а Государь бы, того его человѣка выслушавъ и отвѣтъ учинивъ, отпустилъ его къ Цесарю не издержавъ, — и Ждану говорити: пошлетъ съ нимъ Цесарь ко Государю нашему, Царю и Великому Князю о каковѣ дѣлѣ человѣка своего посла или посланника, и язъ съ нимъ вмѣстѣ ко Государю своему, Царю и Великому Князю ѣду; а у Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи издавна въ обычеѣ ведется: которые послы и посланники изъ которыхъ Государствъ ни придутъ, хотя и не цесаревы, и Государь, рѣчи ихъ выслушавъ и отвѣтъ имъ на тѣ ихъ рѣчи учинивъ, отпускаетъ ихъ къ ихъ Государемъ, не издержавъ; а къ брату своему дражайшему, къ Рудельфу Цесарю Римскому, хотя съ нимъ братцкіе любви и докончанья утвердить мимо всѣхъ Государей, и скорѣе всѣхъ пословъ, его посланниковъ отпуститъ со всѣмъ съ полнымъ отвѣтомъ. А и съ нимъ, со Жданомъ, Государь, Царь и Великій Князь то и приказалъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю, чтобъ ранѣе Руделфъ Цесарь посылалъ къ брату своему ко Государю, Царю и Великому Князю своихъ пословъ, скорѣе братцкіе любви и соединеніе въ докончаніѣ утвердити, которое дѣло почелось межъ Государей. А нѣчто спросятъ Ждана, коимъ обычаемъ недругъ Государевъ Крымской, пришедъ къ Москвѣ, и посады пожегъ? и Ждану говорити: Крымской Царь Государя нашего окралъ: прислалъ ко Государю нашему, Царю и Великому Князю тое весны о перемирьѣ гонцовъ своихъ, и Государь, оплошась на то, рать свою послалъ на непослушника своего на Свѣйского Короля, а самъ Государь нашъ для земскихъ справъ отъѣзжалъ по селомъ своимъ, оплошась на присылку Крымского; и Царь черезъ свою правду пришелъ съ Турскими и съ Крымскими со многими людми на Московскіе мѣста, и посады у Москвы пожегъ; а на Москвѣ были люди немногіе, а жили житейскимъ дѣломъ и осады не было, что Царева приходу и Турского людей съ нимъ не чаяли, что Царю были со Государемъ съ нашимъ ссылки; а которые немногіе люди были на берегу, и онъ тѣхъ по-

топталъ; а опослѣ того на другое лѣто пришелъ Крымской Царь, собрався со многими людми съ прибылными; и Государя нашего, Великого Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи воеводы, собрався, со Царемъ и со Царевичи и со всѣми людми бились, и многихъ людей великихъ у Царя побили, и зятя Царева Елалъ-мирзу убили и Нагайского Дивѣя Князя жива взяли, и многихъ иныхъ великихъ людей поимали и побили. А нѣчто Ждана спросятъ: какъ Польского Жигимонта Августа Короля въ животѣ не стало, и пословъ и посланниковъ своихъ Царь и Великій Князь въ Литву къ паномъ радомъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского о каковѣ дѣлѣ посылывалъ ли и отъ пановъ у Государя послы или посланники бывали ли и что ихъ челобитье ко Государю? И Ждану говорити: Литовскіе паны рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского сперва присылали ко Государю нашему, Царю и Великому Князю писаря до рады, присяглаго державцу Свислотского, Михаила Гарабурду ото всее земли; а слухомъ слышелъ есми, что у Государя нашего просили себѣ Государя на Государство сына Государя нашего, и самому Государю нашему, Царю и Великому Князю били челомъ, просили его къ себѣ Государя на Государство; а прежь сего присылали панове рада Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского, на свои послы просили опасные грамоты. И Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи на ихъ послы опасную грамоту далъ, и они прислали Михаила жъ Гарабурду, а пословъ не прислали; а подлинно про то дѣло слышати мнѣ не лучилось: язъ человѣкъ не думной, всякихъ дѣлъ мнѣ вѣдати не возможно. А нѣчто спросятъ про Ливонскую землю: за что ихъ Государь воюетъ? И Ждану говорити: Ливонская земля Государю нашему Великому во многихъ дѣлѣхъ не исправились пристали къ Литовскому Королю и къ инымъ Государемъ. А та земля Лифлянская изначала Государя нашего вотчина, да не почели Государемъ нашимъ прежнимъ дани давати и, отъ Государя нашего отставъ, похотѣли быти въ своей волѣ; и Государь нашъ на нихъ рать свою послалъ, а потому надъ ними такое многое розлитіе крови и сстало сь; а будетъ болши того кто хочетъ вѣдати, и онъ бы поѣхалъ ко Государю нашему, Царю и Великому Князю, и онъ подлинно все увѣдаетъ про Ливонскую землю. А нѣчто спросятъ про Казань и про Асторохань, какъ нынѣ Казань и Асторохань Государю нашему служатъ и какимъ обычаемъ взялъ ихъ Государь? И Ждану говорити: Казанское Царство великое; изначала садились Цари на Царство на Казанское изъ рукъ Государей нашихъ прежнихъ: которого Царя на Казанской землѣ Государи наши Московскіе Цари и Великіе Князи посадятъ на Казани, тѣ Цари и были на Царствѣ на Казанскомъ. А опослѣ того Казанское Царство почало ширитись, и всякими обильи исполнилось, и люди многихъ ордъ въ немъ учинились Государскихъ сродычевъ; и Казанскіе люди, позабывъ правду и Государей нашихъ искони вѣчныхъ, почали отъ Государя нашего отъ Царства Руского отставать. Отца Государя нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя не стало, а Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи въ

тѣ поры еще былъ не въ совершенныхъ лѣтѣхъ; а какъ Государь нашъ возрасту своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи на Казанское Царство ходилъ самъ дважды со всѣми своими землями, и съ Божіею помочью Государь нашъ, Царь и Великій Князь, почепши своею Царскою персоною и всего христолюбиваго возраста (sic) побѣдоносные хоругви, Царство Казанское взялъ и Царя свелъ, и многихъ Казанскихъ людей болши трехъ сотъ тысячь побилъ въ приступъ Казанского взятья, и въ городѣ Царства Казанскаго поставилъ многіе церкви, и архіепископа, и архимадритовъ, и игуменовъ, и весь освященный соборъ устроилъ; и по Волгѣ по рѣкѣ многіе городы поставилъ, и многихъ князей и дѣтей боярскихъ въ Казани и по городомъ Казанскихъ пригородовъ устроилъ. И нынѣ Казань въ Государя нашего, Великого Царя и Великого Князя волѣ; а которые ясачные люди въ Казанскомъ уѣздѣ живутъ, и тѣ Государевымъ Казанскимъ воеводамъ ясаки платятъ и на Государевы службы ходятъ, куда имъ на которого своего недруга велитъ итти; а сбирается ихъ на службу до пятидесяти тысячь. А Асторохань Государство было великое изначала, Болшіе орды Государство началное; а какъ Государю нашему, Великому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи Богъ поручилъ, Казанское Царство взялъ, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи послалъ рать великую Волгою къ Асторохани, чтобъ очистити Волга и до Хвалимского моря; а то Царство Асторо-ханское стоитъ близко устья морского; и Государя нашего, Великого Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи воеводы Асторохавское Царство взяли и Царя свели, и устроилъ Государь нашъ Царь и Великій Князь въ Асторохани потому жъ благочестіе, многіе церкви поставилъ, и соборы и весь причетъ церковный устроилъ; а которые Асторохавскіе люди живутъ въ Асторохани по морскимъ мочакомъ и по Волжскимъ устьямъ, и тѣ Государю служатъ. А нѣчто спросятъ, какіе устья Волжскіе и что мочаки? И Ждану говорити: Волга рѣка великая, а впала въ Хвалимское море семьюдесять устьи и двѣма, и по тѣмъ устьямъ сидятъ Асторохапскіе кочевные люди. А нѣчто впросятъ про Ногаи, и Ждану говорити: Ногайская орда, Князь Тенехматъ и мирзы всѣ всее орды кочюютъ у Государя нашего, Великого Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи по Волгѣ, возлѣ моря и по Яику; а прибѣгаютъ къ Асторохани, и Государю нашему служатъ: куды Государь ни пошлетъ на свое дѣло, и они ходятъ тысячь до двадцати и до тридцати, и о колкихъ Государь нашъ прикажетъ къ нимъ, сколко послати велитъ Ногайскихъ людей, и Князь Тенехматъ и мирзы Ногайскіе столко людей и пришлютъ. Да провѣдати Ждану себѣ тайно: Литовскіе паны къ Цесарю о каковѣ дѣлѣ вновѣ пословъ или посланниковъ присылывали ли, и будетъ присылали, и кого именемъ и о каковѣ дѣлѣ? И цесаревы послы или посланники въ Литвѣ у пановъ бывали ль? и какова цесарева область воинскими людми издоволена и казною, и много ли съ Цесаремъ живетъ воинскихъ людей въ походѣ?

И каковъ сплепъ людми воинскими и Францовской Король и казною, и нѣтъ ли Францовскому розни межъ своихъ людей, и ссылки съ Цесаремъ Францовскому есть ли, и будетъ есть, и о чемъ? И Цесарь нынѣ какъ съ Литовскимъ, и на каковѣ мѣрѣ у Цесаря въ приговорѣ стало всею Римскою областію противъ Литовского и противъ Турского и какъ имъ стояти? Да и того Ждану провѣдывати: Цесарь съ папою съ Римскимъ и съ Венецѣяны и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Англейскою съ Королевною, и съ Чешкимъ, и съ Шкотцкимъ Королемъ и со всѣми своими сусѣды въ докончаньѣ ли? И будетъ въ докончаньѣ, и съ которымъ Государь въ докончаньѣ и съ которыми не въ докончаньѣ и въ каковѣ съ кѣмъ въ докончаньѣ? И Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали ли, и будетъ бывали, и о каковѣ дѣлѣ Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали? И Угорское Королество нынѣ за Цесаремъ ли, и на Рудельфово Цесарево мѣсто на Королевствѣ Чешскомъ и на половинѣ Угорского изъ братьи его которой посаженъ ли, или его вѣдаютъ къ Цесаревѣ области съодного? И будетъ на Рудельфово Цесарево мѣсто на Ческое Королевство и на Угорское посаженъ братъ его князь Эрнестъ, и кто нынѣ на Эрнестово мѣсто на Аустрѣйскомъ Государствѣ изъ братьи его? И Турскому съ Угорской земли дань даютъ ли, и будетъ даютъ, и что дани даютъ, и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его, сложась съ нимъ, стоять ли противъ Турского и чаятъ ли на на Турского походу и сколь борзо? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаетъ, и Ждану тѣ дѣла всѣ, записавъ, привезти ко Государю, Царю и Великому Князю. И о всемъ Ждану дѣла Государева беречь по Государеву наказу.

Да память Ждану Ивановичю Квашнину: «послана съ нимъ отъ Государя, Царя и Великаго Князя грамомота къ Олбрехту Ласскому, къ воеводѣ Сиратцкому; и Ждану сослатись съ Ласскимъ воеводою съ Олбрехтомъ Ласскимъ толмачемъ, чтобъ Ласской воевода прїѣхалъ къ нему, ко Ждану, для Государева дѣла; да какъ къ нему Ласской воевода прїѣдетъ, и Ждану отъ Государя, Царя и Великого Князя Ласскому воеводѣ молвити: Божїею милостїю Великїй Государь, Царь и Великїй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русїи велѣлъ тебѣ поклонитись. Божїею милостїю Великїй Государь, Царь и Великїй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русїи велѣлъ тебѣ говорити: которые еси рѣчи приказывалъ до насъ съ толмачомъ съ нашимъ съ Касперомъ, и мы твои (рѣчи) милостиво выслушали и хотимъ тебя въ своемъ жалованьѣ держати; а нынѣ бы еси намъ свою прямую службу показалъ: которое дѣло межъ насъ почалось съ братомъ нашимъ, съ Максимилїаномъ Цесаремъ, съ Рудельфовымъ цесаревымъ отцомъ на покой хрестьянской, и Рудельфъ бы Цесарь о тѣхъ дѣлѣхъ пословъ своихъ великихъ слалъ къ намъ, не мѣшкиваючи, ранѣе тѣ дѣла совершити и затвердити, а на Стефана на Батору, Короля Польского послалъ рать свою, съ нами обсылаяся; а какого нашего жалованья похочетъ, и ты бъ съ нашимъ посланникомъ съ Жданомъ о всемъ къ намъ приказалъ, и грамоту свою съ нимъ къ намъ прислалъ, и о всѣхъ дѣлѣхъ подлинно съ нимъ къ намъ приказалъ, и мы по тому свое жалованье къ тебѣ учнемъ

держати и о всемъ къ тебѣ о своемъ жалованьѣ отпишемъ». Да отдати Ласскому воеводѣ государева грамота. А будетъ Ласской воевода ко Ждану ѣхати не похочетъ, а велитъ съ собою видѣтись гдѣ въ тайнѣ, и Ждану съ Ласскимъ видѣтися, и поклонъ правити, и рѣчь говорити и грамота государева Ласскому отдати, по сему государеву наказу. А будетъ Ждану съ Ласскимъ видѣтись не вмѣстно, и Ждану государева грамота къ Ласскому отослати съ толмачемъ съ Ѳедкомъ съ Филиповымъ и приказати къ Ласскому о всемъ, по сему государеву наказу. И будетъ Ласской учнетъ говорити Ждану: приказывалъ онъ ко Государю, Царю и Великому Князю съ толмачемъ съ Касперомъ, чтобъ къ нему Государь прислалъ опасную грамоту,—и Ждану говорити: того мнѣ не лучилось слышать, что Государь мой, Царь и Великій Князь со мною къ тебѣ приказалъ, а хочетъ къ тебѣ свое жалованье держати; а ты бъ со мною подлинно приказалъ, какого государева жалованья похочешь, и Государь таково жалованье и учнетъ къ тебѣ держати; и будетъ тебѣ надобна опасная грамота, и ты бъ со мною, написавъ грамоту, ко Государю, Царю и Великому Князю послалъ, и о опасной грамотѣ въ своей грамотѣ написалъ, и Государь къ тебѣ по твоей грамотѣ о всемъ свое жалованье изъвитъ и грамоту свою къ тебѣ пришлетъ. Да о томъ Ласского Ждану подлинно роспросити и съ нимъ переговорити: какимъ обычаемъ Руделфъ Цесарь со всею Римскою властью уложилъ и съ которыми Государи съ Короли утвердилъ на Стефана, на Короля Полского, какъ стояти и какой рати быти, и какъ противъ Турского стояти и какимъ умышленьемъ, и со Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Руделфъ Цесарь на каковѣ мѣрѣ хочетъ быти въ докончаньѣ, и какъ на Литовского стояти, и какимъ обычаемъ воінѣ быти, и какимъ обычаемъ Коруны Полскіе и Великого Княжства Литовского доступати, и что къ Цесарю и что ко Государству Московскому?—о томъ бы о всемъ Ласской приказалъ словомъ тайно со Ждано̀мъ подлинно, и тѣмъ бы свою правду и службу показалъ ко Государю, Царю и Великому Князю. Да что Ласской прикажетъ, и Ждану то все и записати своею рукою тайно, и привезти ко Государю, Царю и Великому Князю.

А се такова грамота послана со Ждано̀мъ къ Олбрехту Ласскому:

«Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохансвого, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкаго, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя отчинного земли Лифлянскіе и иныхъ,—Олбрехту Ласскому, воеводѣ Сиратцкому. Писалъ еси къ намъ въ своей грамотѣ съ нашимъ толмачемъ съ Касперомъ съ Ивановымъ и о нѣкоторыхъ дѣлѣхъ съ Касперомъ къ намъ словомъ приказалъ еси, и намъ бы тому вѣрити. И толмачь Касперъ словомъ намъ отъ тебя говорилъ, чтобъ намъ тебя жа-

ловати, въ своемъ имени держати, и мы тѣ твои рѣчи всѣ достаточнѣ милостиво выслушали. И ты бъ намъ службу свою показалъ, покамѣста и у брата нашего будешь у Рудельфа Цесаря, и намъ службу свою учнешь казати, и наше жалованье къ тебѣ будетъ, какого нашего жалованья похочешь. А служба твоя нынѣ готова намъ: то которое дѣло межъ насъ почалось съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ, съ Рудельфовымъ цесаревымъ отцомъ, на покой хрестьянской, и Руделфъ бы Цесарь о тѣхъ дѣлѣхъ пословъ своихъ великихъ слалъ, не омѣшкиваючи, къ намъ ранѣе то дѣло совершити и затвердити; а на Стефана бъ на Батуру на Короля Полского послалъ рать свою съ братомъ съ своимъ съ Эрнестомъ Княземъ Аустрѣйскимъ, или съ своими съ удѣлными Князьми и съ Курфистры рать свою отпустилъ, чтобъ Литовского Стефана Короля Батуру съ Королевства согнати, и съ нами о Корунѣ Полской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ собча промышляти, по прежней нашей ссылкѣ съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ; на то бъ ты и совѣтники твои (и) цесаревы Рудельфовы Цесаря наводили, чтобъ межъ насъ то дѣло, котороесь почалось съ братомъ нашимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, ранѣе утвержено было, которое дѣло намъ, Великимъ Государемъ и всему Хрестьянству къ прибытку и къ оборонѣ ото всѣхъ бесерменскихъ Государей. А какъ ся тѣ дѣла промежь насъ съ братомъ нашимъ съ Руделфомъ Цесаремъ учнутъ дѣлати на покой хрестьянской, и ты бъ намъ про тѣ дѣла подлинно отписалъ и приказалъ съ нашимъ посланникомъ со Жданомъ съ Квашнинымъ, и о всемъ дѣлѣ подлинно въ своей грамотѣ къ намъ написалъ, какого жалованья отъ насъ хочешь, и мы къ тебѣ о всемъ по твоей грамотѣ о своемъ жалованьѣ отпишемъ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7085, Индикта 5, Государствія нашего 44, а Царствъ нашихъ: Россійского 31, Казанского 24, Асторохանского 22.»

А се рѣчь говорити Датцкому Фредерику Королю Ждану Квашнину, говорити отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи пріятелю его и сусѣду Фредерику, Королю Датцкому, Ждану Ивановичю Квашнину:

«Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохանскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ,—тебѣ, пріятелю своему и сусѣду Фредерику, Королю Датцкому и Норветцкому, Олштенскому, Штормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делманорскому, велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебя, пріятеля своего и сусѣда Фредерика Короля, о здоровьѣ вспросити, какъ тебя Богъ милуетъ?» Да опослѣ того подати отъ Царя и Великого Князя Фредерику Королю

грамота, которая съ нимъ послана о его пропускѣ. А послѣ грамоты говорити Фредерику Королю отъ Царя и Великого Князя: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ, пріятелю своему и сусѣду, Фредерику Королю говорити: послали есмя къ брату своему къ Руделфу, Цесарю Римскому, посланника своего Ждана Ивановича Квашнина, и гдѣ будетъ лучится нашему посланнику ѣхати черезъ твою, пріятеля нашего, землю, и ты бъ посланника нашего Ждана Квашнина черезъ свое Государство велѣлъ пропустити, и подводы дати, и проводити велѣлъ, не мѣшкая, чтобъ нашему посланнику черезъ твою, пріятеля нашего, землю пройти безстрашно; а какъ нашъ посланникъ пойдетъ къ намъ назадъ отъ брата нашего отъ Руделфа Цесаря, а лучится ему итти черезъ твою землю, и ты бъ, пріятель и сусѣдъ нашъ, по тому жъ велѣлъ его пропустити, и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ нашему посланнику до нашего Государства пройти безстрашно». А послѣ того Ждану Фредерику, Королю Датцкому, подати отъ себя поминки.

А се грамота къ Датцкому Фредерику Королю со Ждраномъ: «милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, воежъ направити ноги наша на путь миренъ, — сего убо, въ Троицѣ славимаго, Бога нашего милостію удержахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохавскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинный земли Лифлянскіе и иныхъ, — пріятелю нашему и сусѣду, Фредерику второму, Королю Датцкому, Норветцкому и Вендійскому, Готцкому, Арцоку Слезвитцкому, Олстенскому, Стормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делманорстъ. Послали есмя къ брату нашему дражайшему, къ Рудельфу Цесарю, посланника своего Ждана Ивановича Квашнина, и гдѣ будетъ лучится нашему посланнику ѣхати черезъ твою, пріятеля нашего, землю, и ты бъ нашего посланника Ждана Квашнина черезъ свою землю велѣлъ пропустити, и подводы дати, и проводити велѣлъ, не мѣшкая, чтобъ нашему посланнику черезъ твою, пріятеля нашего, землю пройти безстрашно; а какъ нашъ посланникъ пойдетъ къ намъ назадъ отъ брата нашего отъ Руделфа Цесаря, и ты бъ, пріятель нашъ и сусѣдъ, посланника нашего по тому же велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ нашему посланнику до нашего Государства пройти было безстрашно. — Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7085, Индикта 5; Государствія нашего 44, а Царствъ нашихъ: Россійского 31, Казанского 24, Асторохонского 22.»

А въ Перновъ о Ждановѣ отпускѣ отъ Государя писано къ воеводамъ князю Михайлу Юрьевичю Лыкову, да ко князю Богдану Васильевичю

Гагарину и къ дьяку: какъ Жданъ и толмачь Ѳедка Филиповъ въ Перновъ пріѣдетъ, и съ нимъ цесаревъ человѣкъ Павлусъ Магнусъ, и воеводы бъ изъ Пернова отпустили ихъ моремъ въ суднѣ часа того, не издержавъ.

И лѣта 7086, Іюня въ 17 день, Жданъ Квашнинъ отъ Руделфа Цесаря ко Царю и Великому Князю къ Москвѣ пріѣхалъ, а привезъ къ Государю, Царю и Великому Князю отъ Руделфа Цесаря грамоту, да отвѣтной списокъ, что данъ Ждану отъ Цесаря противъ его посолства, Нѣмецкимъ писмомъ, да грамоту проѣзжую отъ Цесаря ему, Ждану, къ Свѣйскому Королю, да грамоту проѣзжюю къ Сасскому Князю, да грамоту къ Государю воеводы Угорского Руберта, да списокъ, какъ ся у него Государево дѣло у Цесаря и у Датцкого дѣлалося.

А се переводъ съ цесаревы грамоты къ Государю со Жданомъ Квашнинымъ:

«Мы Руделфъ вторый, Божьею милостію избранный Цесарь Римскій, по всякое время прибавитель Царствія, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій и Шлявонскій и иныхъ, Король и Архикнязь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Каратынскій, Краинскій, Луцемборскій, Виртембурскій, вышніе и нижніе земли Лужницкіе, Княже и Графъ Аушпорскій, Тиролскій, Фератцкій, Кибурскій, и Горетцкій и иныхъ, Ланкграфъ Елцовскій, Государь Виндевскій и Маркъ Портунавскій и Салинскій и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичу, Владѣтелю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Астороханскому и иныхъ, нашему опричениому любителному пріятелю и брату наше пріятелство и любовь и всяко добро. Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Князь, опричениой любителной братъ! Вашей Любви посланникъ Жданъ Ивановичь Квашнинъ нашъ любовной къ нашему цесарскому двору здорово пріѣхалъ, и посолство свое и что съ нимъ отъ Твоего Царского Величества къ намъ приказано, то намъ подлинно все исправилъ; да что Вашей Любви до нашего отца, блаженные памяти, братственую любовь держали есте, а нынѣ и къ нашему цесарскому владѣнью и нашему роду о всякомъ добрѣ радѣете, и Вашей Любви то бъ намъ началное пріятелство и съеднаніе и докончаніе. А что есте съ своимъ посланникомъ съ своею опасною грамотою и для любви прислали къ намъ сорокъ соболей, то мы все вашу любовь поразумѣли и познали, что ваша къ намъ любовь, и за то мы вамъ любителпо челомъ бьемъ. Да что было у вашего посланника посолство, и мы ему на то ваше писмо писменной отвѣтъ дали, и велѣли ему Вашему Царскому Величеству отдати и велѣли его со всѣмъ здорово отпустити. И начаемся, что мы съ вами будемъ въ любви; и до пріѣзду бъ еси нашихъ пословъ, на тое убогую Ливонскую землю меча и огня не посылалъ; о томъ мы къ Вашей Любви вкратцѣ пишемъ и хотимъ съ вами братственную и пріятелную любовь по всякое время держать. — Писана въ нашей отчинѣ въ городѣ въ Вѣднѣ, въ 7 день Февраля мѣсяца, отъ Рождества Спасителя и Бога нашего Іисуса Христа

1578, Цесарства нашего Римского 3-го, Угорского 6-го, Чешского 3-го. Вашеї Любви любителної братъ Руделфъ своею рукою писалъ». А на подписи у грамоты написано: «Тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохапскому, нашему опричепному, любителному пріятелю и брату».

А се переводъ съ отвѣту, каковъ данъ Ждану отъ Цесаря:

«Римского Цесарского, и Угорского, и Чешского Королевское Величество, нашъ Милостивый Государь ту грамоту, которую Пресвѣтлѣйшіі Государь, Царь Иванъ Васильевичь, Владѣтель всеа Русіи и Великій Князь Владимерскій, Московскіі, Новгородцкіі, Государь Псковскіі, Смоленскіі, Тверскіі, Царь Казанскіі и Астараханскій и иныхъ, Его Величества опричеппой любовной другъ и братъ, съ своимъ посланникомъ съ Ждапомъ Ивановичемъ Квашнинымъ Его Величеству отдати велѣлъ, и которые приказные рѣчи у него были, то все взяли и выразумѣли. И Его Величество начално и пріятелно и братствено за такую присылку и за тое жалобу преста Государя и отца любовного блаженные памяти, и за то обрадованье къ Его Величеству, что учинился Цесарскимъ владѣньемъ и за ту прислапую новую опасную грамоту пріятелски и сусѣдски челомъ бьемъ. А опричь того, ничего не желаемъ, чтобы намъ услышати, чтобъ Царь и Великіі Князь и Его Пресвѣтлости любовные дѣти здравы были, и въ упокоѣ владѣли и во всемъ счастливы были, да и впередъ отъ Господа Бога счастье прінмали. А впередъ о болшомъ дѣлѣ сказанье отъ посланника Его Царского Величества, не токмо та грамота, которая невдавнѣ учинена, и потому что по прежней ссылкѣ обновити сусѣдство и пріятелство и братство, и для посланья великихъ пословъ промежю Его Величествомъ любовнымъ Государемъ и отцомъ, блаженные памяти, и промежъ Великимъ Княземъ прежъ сего было, и которые ссылки чинились, подлинно вѣдаемъ, что Его Цесарское Величество хотѣли, чтобъ тѣ добрые дѣла добромъ вершились и доконч ванье бы межъ ихъ сдѣлалось; и что было великихъ пословъ послати, и то не сталось для Его Цесарского Величества любовного Государя и отца смерти, а то приговорено было ото всего Римского Царства. И Его Цесарское Величество, спачала своего владѣнья, 25 дня Октября прошлого 1576 году, изъ Реінпорку, своему любовному пріятелю и брату извѣстили: что тѣ дѣла добрые, для преставленья Его Величества любовного Государя и отца, блаженные памяти, не свершились; и Его Цесарское Величество на то начается, что Царь и Великіі Князь на то не подивитъ; а то время, которое по ся мѣста прошло, и однако Его Цесарское Величество съ своеі стороны не хотѣлъ покинути: какъ сѣлъ на своемъ Цесарскомъ владѣньѣ, промышлялъ прилежно, чтобъ по прежнимъ ссылкамъ пословъ наборзѣ отпустити, и на сьемѣ которой не вдавнѣ былъ, о томъ Его Величество съ Римскими чины говорилъ, которымъ въ томъ посолствѣ быти; и приговорили, какъ просити Царского Величества на нихъ опасные грамоты. И Его Цесарскому Ве-

личеству помѣшка учинилась: первая статья для погребанья и провожанья его любовного Государя и отца, блаженные памяти, его цесарского тѣла, и для его вотчинныхъ земель великихъ дѣлъ и устроенья, и во весь годъ ко всему владѣнью Аустрѣйскихъ земель и для Угорской земли и для надобныхъ дѣлъ порубежныхъ то дѣло по ся мѣста не сталось; да и потому, для Полского и Прусского и Лифлянского ратного времени послы не начались, что имъ пройти, и послы для того не хотѣли ѣхати. И Его Цесарскому Величеству надежа, что Царь и Великій Князь самъ выразумѣетъ: которой Государь учинится вновѣ на Государствѣ, и тому, не утвердяся на Государствѣ, и для ратного времени того было дѣла сдѣлати вскорѣ не возможно. И Его Цесарское Величество нынѣ напоминаетъ, какъ и прежъ сего пріятелно, чтобъ въ томъ на него не подивили, что то дѣло сталось не отъ его промыслу. И у Его Цесарского Величества на умѣ было и промышляти хотѣлъ, чтобъ наборзѣ пословъ изготовити и чтобы послати для опасные грамоты. И Его Величества любовной пріятель и братъ, Царь и Великій Князь Московскій съ своимъ посланникомъ къ Его Величеству проѣзжюю опасную грамоту и безъ присылки прислалъ; и Цесарское Величество пріятелно хочетъ промышляти, чтобъ то дѣло впередъ не протянулось: тѣмъ людемъ, которые къ тому цесарскому посолству выбраны, велѣли сказати, чтобъ наготовѣ были и сего году о середь лѣта одноконечно бы пошли; а что имъ отъ Его Величества приказано будетъ къ пріятелному и любовному брату, то бы сдѣлали. А что Цесарскому Величеству говорилъ посланникъ обновленье съ Его Величествомъ и святымъ Римскимъ Царствомъ о сусѣдствѣ и соединеньѣ съ Царемъ и Великимъ Княземъ и о иныхъ надобныхъ дѣлѣхъ, и мы того посланника, не задерживая, часа того отпустили. А Его Цесарское Величество для своего цесарского владѣнного чину не хочетъ утаити, что въ своей цесарской грамотѣ, которую Цесарское Величество изъ Рейншпорку съ Касперомъ Геперомъ послали, и прежъ сего Его Цесарского Величества Государя и отца, блаженные памяти, послы на Москвѣ были и просили: и коли доброе и пріятельное сусѣдство и докончанье утвердити промежъ Царя и Великого Князя и святымъ Римскимъ Царствомъ произволено, и тѣ бы городы и земли, которые были къ Римскому Царству въ Лифлянской землѣ и которые силою взяты, святому Римскому Царству, опять назадъ отдати доброволно; и до тѣхъ мѣстъ, покамѣста Цесарского Величества великіе послы будутъ, бѣднымъ людемъ рати и войны и никоторые досады не чинили;-а въ нонѣшней грамотѣ о томъ не писано, и посланникъ рѣчью о томъ ничего не говорилъ. А сказано въ правду Цесарскому Величеству, что не въ давномъ времени учинилось надъ Перновомъ и надъ иными тутошними приближенными мѣсты, и прошлого лѣта многіе крѣпкіе городы силою взяты, а иные выграбили, а иные пожгли, а бѣдныхъ людей, которые отъ меча не погибли, въ работу въ трудную розведены. И то Курфистромъ, Княземъ и чину Римского святого Цесарства и къ доброму дѣлу и докончанью и къ соединенью несходно и сумнѣнно, и для бы Цесарского Величества то отставити. И Его Цесарское Величество своему любовному пріятелю и брату,

Царю и Великому Князю Московскому пріятелно и братствено съ прилежаньемъ напоминаетъ, чтобъ Его Пресвѣтлость, по прежнему прошенью пригожному, чтобъ до тѣхъ мѣстъ рать и война унялась, покамѣста Цесарского Величества Римскіе послы будутъ и для сего дѣла впередъ по пригожю договоръ учинятъ, и то учинится Его Величеству отъ Его Пресвѣтлости къ опричиниой и пріятелнойі любви, и Его Величество къ Его Пресвѣтлости противу добромъ отдружать, и всегды Его Величество братственно противу добро станетъ чинити. И то все Цесарское Величество посланнику противъ его посолства отвѣтъ милостивно учинилъ». Писана въ Вѣднѣ, за печатью Цесарскаго Величества 17 дня Февраля лѣта 1578. А (у) отвѣту рука Руделфа Цесаря.

А се переводъ съ цесаревы съ проѣзжіе грамоты къ Свѣйскому Королю со Ждаiномъ Квашнинымъ:

«Мы Руделфъ вторый, Божьею милостью избранный Цесарь, всегда прибавитель Царствія, Нѣмецкіи Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкіи и Шлявонскій и иныхъ, Король и Архикнязь Аустрѣйскіи, Арцогъ Бургунскій, Штырскій, Корнiлскій, Вкроянскіи и Вертемборскій, Графъ Тирольскіи и иныхъ,— извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему Князю и Государю Ягану третьему, Свѣйскому, Гоцкому и Вендиском Королю, нашему опричепному любителному дядѣ и шурину наша любовь и пріятельство и все добро впередъ. Пресвѣтлѣйшеі Князь, опричениой, любителной пріятель, дядя и шуринъ! Вамъ вѣдомо есть, что недавно посланникъ отъ Царя и Великого Князя Жданъ Ивановичь Квашнинъ къ нашему Цесарскому Величеству отпущенъ, и онъ не въ давныхъ днѣхъ у насъ былъ, и мы его назадъ отъ себя отпустили. И мы ему для того дали отъ себя свою проѣзжую грамоту, чтобъ вы его пропущали безо всякого задержанья по хрестьянскому обычаю, чтобъ онъ наше дѣло до своего Государя донесъ. Ожъ будетъ пристанетъ къ твоего Государства землѣ, и мы для того свою цесарскую грамоту къ тебѣ послали любително и сусѣдственно, чтобъ вы того посланника Руского Ждана и съ его людми помогали судномъ и кораблемъ, и всякое береженье къ нему дѣлали по вашеіі землѣ, и волно бъ есте его пропускали безо всякого задержанья: и то учините вы къ намъ великую любовь и великое радѣнье, а мы противъ того хотимъ вамъ отдружити.—Писана въ нашемъ городѣ въ Вѣднѣ, 13 дня Февраля, лѣта 1578, Цесарства нашего Римского 3, Угорского 6, Чешского 3. Руделфъ». А на подписи у грамоты написано: «Тому Пресвѣтлѣйшему Князю и Государю Ягану третьему, Свѣйскому, Гоцкому и Вендіискому Королю, нашему опричепному любителному пріятелю, дядѣ и шурину».

А се переводъ съ цесаревы съ проѣзжіе грамоты къ Сасскому Князю со Ждановъ Квашнинымъ:

«Руделфъ вторый, Божьею милостію избранный Цесарь Римскій, по всякое время прибавитель Царствія, и иныхъ, Высокородному, любителному дядѣ и кронованому Князю. Вашеі Любви извѣстно есть, что къ нашему Величеству отъ Царского Величества не въ давнихъ днѣхъ посланникъ отпущенъ Жданъ Квашнинъ; и онъ нынѣ у насъ былъ и

посолство свое исправилъ, и отпустили есмя его назадъ, и того для дали есмя ему свою цесарскую проѣзжую грамоту. И не отчаемся того, что вы не будете его задержати, и того для мы вамъ любително извѣщаемъ, чтобъ вы того именованного Руского посланника и съ его людми по вашеіі землѣ вездѣ волно велѣли пропущати безо всякого задержанья; и что будетъ ихъ которая нужа, и вы бъ имъ велѣли давати, и то вы учините къ намъ великую любовь. И мы противъ того хотимъ васъ жаловати.—Дана въ нашемъ городѣ въ Вѣдвѣ въ 15 день Февраля мѣсяца, лѣта отъ Рожества Христова 1578, Цесарствія нашего Римского 3, Угорского 6-го, Чешского 3. Руделфъ». А на подписи на грамотѣ написано: «Тому Высокородному Августу, Арцогу Сасскому, Ланкграбѣ Дуренскому и Марграфу Мисенскому, святого Римского Царства Архимаршалку, нашему любителному Князю и крованному Князю».

А се переводъ съ грамоты къ Государю Угорского воеводы Руберта со Жданомъ Квашнинымъ:

«Всѣхъ Пресвѣтлѣйшему, Велеможнѣйшему Царю, Государю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, мое покорное челобитье. Бью челомъ Вашему Царскому Величеству, чтобъ Ваше Царское Величество на меня не подосадовали, что язъ къ таковому, тебѣ, Великому Государю человѣкъ молодой сею грамотою писалъ. Слышалъ есми Вашего Царского Величества о себѣ жаловалное слово, а сказалъ мнѣ Вашего Царского Величества посланникъ, что Ваше Царское Величество меня поминаете добрымъ жаловалнымъ словомъ; и язъ за то Вашему Царскому Величеству покорно челомъ бью. А поразумѣлъ есми, что Вашего Царского Величества посланникъ уменъ и разумной человѣкъ, и язъ съ нимъ говорилъ о вселенномъ міру, и онъ Вашему Царскому Величеству самъ скажетъ. А далъ Богъ, есть многіе ратные умные люди, которые умѣютъ промышляти ратнымъ дѣломъ; а что къ воинскому дѣлу денги и иное надобное пригодится, то есь чѣмъ мошно стояти противъ бусурманъ Божіею помощію, которые не имѣютъ Христова имени и непрестанно находятъ на хрестьянскую кровь, и Богъ ихъ на насъ напустилъ за наше согрѣшенье; и язъ имѣю надежю на Бога, Господь Богъ то уйметъ. Ваше Царское Величество, второй хрестьянской Государь, такъ соединачтеся, что мы впередъ бусурманомъ не будемъ въ посмѣхъ. А моего названого сына Богдана воеводы Воложского въ животѣ не стало, и то Богъ такъ произволилъ; а лѣтами онъ былъ не старъ, и язъ бы тому радъ, чтобъ онъ и нынѣ живъ былъ того для, чтобъ онъ показалъ свою службу. И язъ о томъ обрадовался, что онъ таковому Великому Государю вотчинную свою землю далъ, нѣчто Богъ то время дастъ, что Ваше Царское Величество себѣ хрестьянскому прибытку покинутую землю за ту вотчину вступится, и язъ бы радъ, чтобъ мнѣ того времени дожити. А остался его печатникъ Христофоръ Гаевской, и тотъ человѣкъ убогъ и умомъ не цѣлостенъ; и станетъ бити челомъ Вашему Царскому Величеству объ отпускѣ въ свою землю въ Литву, и язъ бью челомъ Вашему Царскому Величеству, чтобъ его милостивно пожаловали и отпустили для моего челобитья; а язъ Вашему Царскому Величеству покорно челомъ бью. Ва-

шего Царского Величества покорноії слуга Рубертъ».

А се списокъ, какъ ся у Ждана Государево дѣло у Цесаря дѣлалось:

Лѣта 7086, Сентября въ « » день, послалъ Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ Цесарю Ждана Квашнина. И Жданъ нанялъ корабль въ Перновѣ, да поѣхалъ изъ Пернова Октября въ 28 день, въ Понедѣльникъ; да ѣхалъ мимо Датцкого Короля островы, и мимо Курлянскую землю и мимо Свискую землю, да пріѣхалъ въ городъ въ Ростку Мекелборского Князя Улриха; да въ томъ городѣ наняли подводы до Чешскіе земли до цесарева города до Праги. А ѣхалъ мимо Мекелборского земли до Курферста Анца Бранoборского землю, а въ Прагу пріѣхалъ Генваря въ 4 день. И того часу воевода цесаревъ Вратиславусъ Бярнестенъ прислалъ ко Ждану на подворье дворянина цесарева Каспера Вердемана, а говорили отъ воеводы: прислалъ дей насъ Государя нашего, цесаревъ, воевода Вратиславусъ Бярнестенъ, а велѣлъ встрѣтити тебя, государева царева посланника, о здоровьѣ вспросити и приняти велѣлъ честно и дворъ велѣлъ тебѣ указати, гдѣ тебѣ стояти, и кормъ деи тебѣ на томъ дворѣ готовъ; а о томъ бы деи еси на насъ не кручинился, что тебѣ не было встрѣчь: не встрѣчали тебя потому, что про твой пріѣздъ къ нашему Государю ни откуду вѣсти не было, въ тѣ поры есмя и увѣдали про тебя, какъ ты пріѣхалъ въ городъ, да къ намъ прислалъ отъ себя дворника, а велѣлъ про себя сказати; и мы деи къ Государю своему Цесарю сесь часъ про тебя извѣстно учинимъ, гдѣ тебѣ Государь нашъ велитъ у себя быть; а топерво, Государь нашъ въ своемъ Государствѣ въ Вѣднѣ. И пристава Ждану дали дворянина Чешского Государства Михаила Баукхсриверъ. И Генваря въ 7 день, велѣлъ Ждану ѣхати изъ Праги къ Цесарю въ Вѣдню. И Генваря въ 11 день, встрѣтилъ Ждана у города у Мнѣма за пятдесять верстъ отъ Вѣдны цесаревъ дворянинъ Даніель Принцъ на сорокѣ конѣхъ, и спрашивалъ Ждана отъ Цесаря о государскомъ, царскомъ здоровьѣ и говорилъ: «Государь деи нашъ Цесарь Римскій съ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи жалателно хочетъ братства и любви; и тебя деи, государева царева посланника, велѣлъ мнѣ встрѣтить и принять честно, и велѣлъ деи тебя Государь нашъ вспросити, здорово ли еси дорогою ѣхалъ и не было ли тебѣ которые шкоты? А мнѣ деи Государь мой Цесарь велѣлъ у тебя быти въ приставѣхъ, и велѣлъ ѣхати съ тобою къ себѣ, ко Государю, и велѣлъ тебѣ чтити и покоити, какъ тебѣ надобно. И Генваря въ 12 день пріѣхали въ монастырь въ Брукъ, а изъ монастыря поѣхали Генваря въ 16 день. И на Устримскомъ рубежѣ встрѣтили Ждана отъ Цесаря дворянинъ его думной Анцъ Кристопъ Целтинкъ на 50 конѣхъ, отъ Вѣдни за полпятадесять верстъ; и говорилъ Ждану: послалъ деи меня Государь мой, Великій Цесарь Римскій, тобя, государева царева посланника, встрѣтити и чтити; и ѣхати мнѣ велѣлъ Государь мой съ тобою до своего государского стола. И Генваря въ 18 день, перевезлися Дунай подъ монастыремъ Нуберхомъ, да и ночевали въ монастырѣ,

отъ Вѣдни за десять верстъ. Генваря въ 19 день, поѣхалъ въ Вѣдно, и за три версты Рускихъ встрѣтилъ Ждана отъ Цесаря дворянинъ его ближніе ратные думы Анцъ Юрьевъ Геліесъ на дву стѣхъ конѣхъ; и говорилъ, сшедъ съ лошади: «Божіею милостію Государь нашъ, Великій Цесарь Римскій, вѣдая то, что отъ брата его, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, ѣдешь ты, его государевъ посланникъ, къ нему, нашему Государю,—и Государь нашъ, хотя съ вашимъ Государемъ братства и любви, послалъ меня, подданого своего, и велѣлъ тебя встрѣтити честно, и прислалъ подъ тебя Государь мой кольмагу, и подъ люди твои Государь мой кольмаги жъ прислалъ; а мнѣ деи, тебя встрѣтивъ, велѣлъ Государь мой ѣхати съ тобою до твоего двора, гдѣ тебѣ Государь мой велѣлъ устроити дворъ стояти». И пріѣхавъ въ городъ, проводилъ, сшедъ съ коня, до полаты, да поѣхалъ къ себѣ на подворье. А какъ Жданъ вшелъ въ полату, и въ полатѣ столъ изготовленъ, а у стола стоятъ стряпчіе; а за столомъ были на пріѣздѣ у Ждана дворянинъ думной Анцъ Криштопъ да приставъ Даніель Принцъ; а говорили: «потому къ тебѣ дворяне цесаревы не пришли, что еси пришелъ съ дороги, и тебѣ докуки никоторые чинити Государь нашъ не велѣлъ, чтобъ тебѣ было нынѣ покойно, по твоей волѣ». А на завтрее, Генваря въ 20 день, были за столомъ со Ждановъ дворянъ цесаревыхъ Фрягеръ Бряинеръ Саифритъ да Павелъ Трауцерскій, дворецкого сынъ; а говорили: «Божіею милостію Великій Государь нашъ Руделфъ Цесарь велѣлъ тебя, государева посланника, подчивати, а намъ велѣлъ быти Государь нашъ съ тобою за столомъ, и ты бъ шелъ за столъ». И Жданъ пошелъ за столъ; а сѣлъ Жданъ въ болшомъ мѣстѣ, а съ правые руки сѣлъ у Ждана думной человѣкъ Фрягеръ Бряинеръ Саифритъ, а съ лѣвую сторону Павелъ Трауцескій, дворецкого сынъ, да приставъ Даніель Принцъ. И за столомъ, вставъ, говорили Фрягеръ Бряинеръ съ товарищи: «пьемъ деи чашу Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи на томъ, чтобъ ихъ, нашихъ Великихъ Государей, Богъ укрѣпилъ по ихъ хотѣнью въ братствѣ, и въ любви и въ соединеньѣ къ хрестьянскому покою и къ прибытку». Да послѣ того пили чашу про цесарево здоровье, а послѣ цесаревы чаши пили про Государя про Царевича Князя Ивана и про Государя Царевича Князя Ѳедора Ивановича, а потомъ пили чашу про Государя своего про цесаревыхъ братей про Эрнеста Князя, и про Матѣюса и про Максимиліянуса, о здоровьѣ цесаревыхъ Максиміліяновыхъ дѣтей. А послѣ стола пріѣзжалъ на подворье къ Ждану приставъ Даніель Принцъ съ вины, а говорилъ: «Великій Государь нашъ Руделфъ Цесарь велѣлъ тебя покоити всѣмъ, что тебѣ надобно, и ты бъ о томъ приказывалъ съ стряпчими». Генваря въ 21 день, во Вторникъ, пріѣхалъ отъ Цесаря Фригеръ Бряинеръ Саифритъ да дворецкаго сынъ Павелъ Трауцынской, а говорили: «Государь нашъ, Великій Государь Руделфъ Цесарь велѣлъ вамъ быти у себя на дворѣ, и ты бы ѣхалъ къ Государю нашему на дворъ». И Жданъ къ Цесарю ѣхалъ на дворъ. И отъ воротъ стали стрѣлцы до лѣсницы и по лѣсницѣ съ само-

палы и съ бердыши. А какъ вшелъ въ сѣни, и стояли по обѣ стороны дворяне; и пришелъ къ Цесарю въ полату, и встрѣчи ему до Цесаря не было. А какъ пришелъ къ Цесарю, и пришедъ къ Цесарю, отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя титлу и поклонъ исправя, и грамоту вѣрющую подалъ, и рѣчь говорилъ по государеву наказу; и изговоря рѣчь, подалъ опасную грамоту отъ Государя на цесаревы послы. Да послѣ того Жданъ подалъ Цесарю свои поминки. А какъ Жданъ рѣчь говорилъ отъ Государя, и Цесарь въ тѣ поры стоялъ, снявъ шляпу, противъ царскаго имени, и Ждана къ руцѣ звалъ. А говорилъ Цесарь: «братъ нашъ дражайшей и любезнѣйшей, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи прислалъ тебя, посланника своего, видѣти наше здоровье: а мнѣ то добрѣ за честь, что братъ нашь хочетъ наше здоровье слышати; а братъ бы нашъ, Царь и Великій Князь, здоровъ былъ и многолѣтенъ на своихъ Государствахъ; а поминокъ любителный брата своего въ честь пріимаю. А что были ссылки о любви, и о братствѣ и соединеньѣ у Великого Государя отца моего у Максимиліяна Цесаря съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, и въ тѣхъ великихъ дѣлѣхъ докончанье не утвердилось судомъ Божьимъ, что Государя отца моего Максимиліяна Цесаря Богъ позвалъ отъ сего свѣта на онъ свѣтъ, а язъ послѣ отца своего учинился на тѣхъ великихъ Государствахъ Государемъ, и тѣ ссылки всѣ межъ Государя отца моего и Царя и Великого Князя выразумѣлъ семи гораздо. И топерво разумѣю, что братъ нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, памятуя любовь и братство съ отцомъ нашимъ, съ Великимъ Государемъ Цесаремъ Максимиліяномъ, да прислалъ до насъ тебя, посланника своего, а велѣлъ намъ здравствовати на нашихъ Государствахъ, и о тѣхъ любителныхъ дѣлѣхъ, чтобъ намъ быти въ братствѣ и въ любви и въ соединеньѣ; и мнѣ то добрѣ за честь, и хочю быти съ братомъ съ своимъ дражѣйшимъ (sic) и любезнѣйшимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ, противъ всѣхъ недрузей стоять заодинъ, чтобъ всему Хрестьянству къ покою и къ прибытку. И о томъ добрѣ радѣю, чтобы то дѣло Богъ совершилъ ранѣе межъ нами, Великими Государи. А пословъ своихъ къ брату своему дражѣйшему и любезнѣйшему, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, хочю послать вскорѣ, не замѣшкавъ, по сей опасной грамотѣ, чтобъ то дѣло межъ насъ утвердилось вскорѣ».—А говорятъ, что послы къ Государю будутъ Арцогъ Отлюпеборской или Арцогъ Адолфъ Голштенскій или Арцогъ Францъ Леуберскій, да отъ цесарева двора Графъ, да бояринъ да діякъ; а тѣ Арцоги на своихъ Государствахъ, а голдуютъ Цесарю. А при Цесарѣ были дворецкоі его Дирекштанъ, да бояринъ его Анцъ Трауцынской, да канцлеръ Анцъ, да дохторъ Веберъ, да дворянинъ его Анцъ Криштопъ, да графъ Яганъ, да Юрьи Лозоштинъ, а съ ними дворяне человѣкъ съ десять. — А бывъ у Цесаря, поѣхалъ на подворье; а послѣ того пріѣхали ко Ждану на подворье воевода Угорской Анцъ Руберъ, да бискупъ Стефанъ Вестринъ Угорскій, да Фригеръ Иштфанъ Феу-

ринъ, да Юрьи Лозоштинъ, и почтивость чинили отъ Цесаря по прежнему; а говорили: «велѣлъ вамъ Государь нашъ говорити Цесарь: будетъ похочешь гулять, и Государь нашъ велѣлъ съ тобою ѣздити своимъ дворяномъ, куды похочешь». А на отпускѣ пріѣхали ко Ждану дворянинъ цесаревъ Брянперъ Сайфритъ да Павелъ Траунцерскій, а говорилъ, чтобъ онъ ѣхалъ къ Цесарю. И Жданъ къ Цесарю ѣхалъ на дворъ на аргамакѣ до лѣсницы, а встрѣчи ему и до Цесаря не было; а какъ пришелъ къ Цесарю, и Цесарь ему говорилъ: «приходилъ еси отъ Великого своего Государя, отъ нашего брата, Царя и Великого Князя о добромъ дѣлѣ, и мы твои рѣчи подлинно выразумѣли, и на твои рѣчи отвѣтъ къ тебѣ и грамоту къ брату своему къ любезнѣйшему пришлемъ къ тебѣ на подворье за своею печатью и тебя отпускаемъ; а какъ, ожъ дастъ Богъ, будешь у нашего брата надражайшего, Царя и Великого Князя, и ты бъ брату нашему, Царю и Великому Князю, наше здоровье и любовь сказалъ».— Да велѣлъ Ждану ѣхати на подворье, и Ждана звалъ къ руцѣ. И Жданъ къ себѣ ѣхалъ на дворъ; а провожали его тѣ жъ дворяне, которые по него пріѣзжали отъ Цесаря. А на завтрее пріѣхали ко Ждану дворяне тѣ жъ Брянперъ Сайфритъ да Павелъ Трауцерскій; а говорили отъ Цесаря: «Божіею милостію Великій Государь нашъ Руделфъ Цесарь прислалъ къ тебѣ насъ, дворянъ своихъ, а велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ еси отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Царя и Великого Князя, о добромъ дѣлѣ; и Государь нашъ посолство твое выслушалъ и выразумѣлъ гораздо, и на твои рѣчи Государь нашъ Руделфъ Цесарь прислалъ къ тебѣ съ нами, думными людми, писменой отвѣтъ и грамоту за своею цесарскою печатью; и ты бъ тѣ грамоты и отвѣтъ на свои рѣчи къ Государю своему отвезъ. А тебя, Ждана, Государь нашъ Великій, Руделфъ Цесарь, жалуетъ малой поминокъ, чѣпь золоту. И велѣлъ тебѣ Государь нашъ ѣхати до своего Государя, а подводы и кормъ тебѣ по Государя нашего землѣ изготовлены; а проводити Государь нашъ велѣлъ тебя приставу Даніелю Принцу». — И Жданъ на цесарево жалованье челомъ билъ; и отъ Цесаря поѣхалъ того же дни, а провожалъ его Даніель Принцъ. Въ Вѣднѣ съ Цесаремъ два брата его Эрнестъ да Максимиліянъ, а меншіе братья Албертусъ да Венцеслаусъ у Ишпанейскаго Короля у Филипуса въ наукѣ. А Матіясъ, братъ цесаревъ, сѣлъ на Государствѣ въ Недерландѣ; а присылали къ нему изъ тое земли звати на Государство тайно, и онъ поѣхалъ таййно жъ на шти конѣхъ, и тѣхъ деи земель люди приняли его честно и вѣрилися ему вcѣ; а поѣхалъ изъ Вѣдни Октября въ 2 день въ ночи, а въ ту землю пріѣхалъ того жъ мѣсяца въ 29 день, въ городъ въ Андорпъ; а земель за нимъ въ его Государствѣ Брабанская, Владерская, Голанская, Селанская; въ Брабанской землѣ болшой городъ Андорпъ, да Бриссель, да Леввинъ, да Мехленъ, да Лира и иные городы, да Владимерской (sic) земли болшой городъ Енть и иные городы. И нынѣ деи Ишпанской Король сбирается на Матіяса, хочетъ съ нимъ о той землѣ битися; а съ Матіясомъ сталъ противъ Ишпанского Короля Вилимъ Принцъ Граненской,

хочетъ съ нимъ стояти заодинъ. А съ Цесаремъ Ишпанской Король въ миру, и посолъ Ишпанского у Цесаря есть; а въ обычьѣ у нихъ ведется: Ишпанской Посолъ у Цесаря живетъ шесть лѣтъ, на семомъ перемѣняются. А у папы отъ Ишпанского живетъ посланникъ. А Францовской Король Ендрикъ съ Цесаремъ въ миру, а бьется съ своими людьми о вѣрѣ: онъ держитъ Латынскую вѣру, а люди его держатъ Люторскую вѣру; а у Цесаря бываетъ посланникъ, а у папы бываетъ отъ него посолъ. Да Генваря въ 13 день, пригналъ посланникъ къ Цесарю въ Вѣдню отъ Португалского Еммануила Короля. А съ Турскимъ Цесарь въ перемирьѣ, а посолъ отъ Турского у Цесаря былъ, да умеръ въ Прагѣ, а цесаревъ посолъ и топерво у Турсково Царя у Мурата; а въ обычьѣ у нихъ, живутъ по пяти лѣтъ, да перемѣняются; а Турской посолъ бываетъ у Цесаря по своеіі волѣ. А Волоскою землею да Мутьянскою владѣетъ Турской Царь; въ Волоской землѣ воевода Костянтинъ Волошанинъ, не велика роду. А съ папою Цесарь во единствѣ; имя папѣ Григорей. Брунсвитцкой Арцыхъ Ирикъ, Юлюсовъ племянникъ, панялся у Ишпанскего противъ Матіяса. А къ Датскому Королю Жданъ пріѣхалъ въ Копногавъ Апрѣля въ 7 день; а Король въ тѣ поры былъ въ своемъ городѣ въ Кроноборхѣ, а пріѣхалъ Король въ Копногавъ Апрѣля въ 7 день, а у себя Король велѣлъ быти Апрѣля въ 10 день, въ Четвергъ. И какъ Жданъ посланье отъ Государя изговорилъ, и королевъ отвѣтъ: «на томъ деи Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи челомъ бью, что хочетъ про мое здоровье слышати; а язъ деи молю Бога о томъ, чтобъ Великіі Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, пріятель мой, здоровъ былъ и многолѣтенъ на своихъ Государствахъ и съ своими дѣтьми съ Царевичемъ Иваномъ и съ Царевичемъ Ѳедоромъ; а тебѣ деи, его, цареву, посланнику, дорога чиста и кормъ готовъ; а отпущу деи тебя часа того, да и своихъ пословъ отпущу къ своему пріятелю, къ Царю и Великому Князю всеа Русіи, съ тобою жъ вмѣстѣ, чтобъ тебѣ на морѣ безстрашно проѣхати къ своему Государю».—И Король меня Датцкой отпущаетъ къ Государю съ своими послы. Послы отъ него къ Государю идутъ болшіе Петъ Гюленстеръ да Яковъ Улфъ. Да сказывалъ Ждану Датцкого Короля воевода Юрьи Францбекъ да толмачь королевской Индрикъ Еловьевъ, что Свитцкого Короля братъ Арцыкарлусъ топерво въ Датцкого Короля землѣ въ Голстинской, а ждетъ его Датцкой Король къ себѣ. А бьетъ челомъ Арцыкарлусъ Датцкому Королю, чтобъ онъ помогъ ему на брата его, на Свѣйского Короля на Ягана и со Государства его согнати, а на его мѣсто сѣсти бы ему Арцыкарлусу; а и самъ людей на Свѣйского Короля, на брата своего, прибираетъ, и Датцкой ему, Король въ томъ имается, хочетъ ему пособляти. А какъ Датцкой дождется къ себѣ Арцыкарлуса, и Королю Датцкому Карлуса онъ себя не отпустити до тѣхъ мѣстъ, доколева его послы отъ Государя сходятъ. А одноличпо его хочетъ посадити изъ своей руки на Свѣйского Короля мѣсто, чтобъ онъ ему голдовалъ; а и земля деи вся Свѣйская хочетъ на Королевство Арцыкарлуса. Да и полона-

никъ государевъ у Датцкого Θока Шафровъ живетъ въ полону, и Ждану тожъ сказывалъ. Да толмачь же ему сказывалъ, что присылалъ къ Датцкому Королю Литовской Король Батуръ посланника своего съ пенями и съ грозами, что онъ стоялъ противъ Короля и пособлялъ Гданску своими людми; да и о томъ ему говорилъ, чтобъ онъ съ нимъ помирился и стоялъ на Московского Государя съ нимъ заодинъ; и Король деи ему отказалъ: язъ деи тебя не знаю, кто ты, а которые прежніе Короли были на Литовскомъ рствѣ, и язъ деи съ ними съ ними держалъ, а нынѣче деи посылаю къ пріятелю своему къ Московскому Царю пословъ своихъ; а что деи мнѣ откажетъ, и язъ деи по тому съ тобою и знатися буду. Да отпустилъ его отъ себя ни съ чѣмъ.

Сей статейный списокъ, писанный на бумагѣ, скорописью разныхъ почерковъ, на 426 листахъ, въ малую четвертку, весьма ветхъ и во многихъ мѣстахъ истлѣлъ отъ сырости. Весь списокъ переплетенъ въ юфть, съ надписью назади: Цесарск. Двора, 1575—1578, № 3.

IV.

СНОШЕНІЯ ЦАРЯ ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА

съ

ИМПЕРАТОРОМЪ ГЕРМАНСКИМЪ Рудольфомъ II,

съ

Папою Григоріемъ XIII и

съ

ВЕНЕЦІЕЮ.

1580—1582.

7088—1580.

Лѣта 7088 Марта въ 6 день, приговорилъ Государь, Царь и Великій Князь съ сыномъ своимъ со Царевичемъ, Княземъ Иваномъ Ивановичемъ и съ бояры послати къ Руделфу Цесарю съ грамотою въ гонцѣхъ Аѳонасья Резанова.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Руделфу Цесарю съ Аѳонасьемъ Резановымъ: « Троице Пресущественная и Пребож и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголю о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, и хотѣніемъ и благоволеньемъ удержахомъ скифетръ Россійска(го) Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохaнскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, ... цкій, Болгарскій и иныхъ и Великій Князь Новагорода Низовск. . . земли, Черниговскій, Резанскій, Поло. . . ., Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, и Государь отчинный и Обладатель земли Лифлянскіе Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь, — дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луценборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Ферaтцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алсатцкому, Монархѣ Римского Царства, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ земель Государю. Прежъ сего межъ насъ ссылки послѣ прежнего докончанья о братствѣ и о любви ото многихъ лѣтъ не бывало; и мы съ отцомъ твоимъ, блаженные памяти

съ Великимъ Государемъ съ Максимильяномъ Цесаремъ, вспамятовавъ прежнее докончанье межъ прежними нашими о братствѣ и любви, сослалися есмя старое докончанье подтвердити и братственые любви межъ себя и своимъ Государствамъ всякого прибытка прибавити и въ новомъ дѣлѣ приговорити, о которомъ дѣлѣ и тебѣ, брату нашему дражайшему, въ вѣдомѣ. И братъ нашъ дражайшій, отецъ твой Максимиліянъ Цесарь, съ нами братственые любви былъ похотѣлъ и пословъ своихъ къ намъ о тѣхъ дѣлѣхъ присылалъ, рыцеря и думцу своего Яна Кобендзля да дворянина своего Даніеля Принца, а заключить имъ тѣхъ великихъ дѣлъ тогды межъ насъ не наказалъ. И мы къ брату своему дражайшему, къ отцу твоему, блаженные памяти къ Максимиліяну Цесарю съ его послы вмѣстѣ посылали своихъ легкихъ пословъ дворянина своего и намѣстника Бѣлоозерского князя Захарью Ивановича Бѣлоозерского да дьяка Андрея Арцыбашева; и братъ нашъ, дражайшій отецъ твой, блаженные памяти Максимиліянъ Цесарь хотѣлъ къ намъ слати великихъ своихъ пословъ тѣ дѣла заключити. И послѣ того вборзѣ Божіимъ судомъ брата нашего дражайшего, а твоего отца, Максимиліяна Цесаря, въ животѣ не стало, а на отца своего Государствахъ учинился Государемъ ты, братъ нашъ, Руделфъ Цесарь. И мы къ тебѣ посылали для поздравленья на твоихъ Государствахъ тебѣ здоровать посланника своего Ждана Ивановича Квашнина; и велѣли есмя тебѣ, брату своему Руделфу Цесарю, посланнику своему говорити, что тѣ дѣла, о которыхъ есмя ссылались съ отцомъ твоимъ, съ братомъ, своимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ, межъ насъ, для отца твоего смерти, не утвердились, а съ тобою, братомъ своимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ стояти противъ всѣхъ недрузей быти хотимъ по тому жъ, какъ есмя были въ ссылкѣ о братствѣ и о любви съ братомъ своимъ дражайшимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій, пословъ своихъ великихъ къ намъ слалъ, не замѣшкавъ, тѣ дѣла, что межъ насъ съ отцомъ твоимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ почались, заключити, чтобъ межъ насъ братцкая любовь и соединеніе и докончаніе утвердилось на всякого недруга заодинъ, чтобъ нашимъ осмотрѣніемъ Хрестьянство въ тишинѣ и въ покоѣ было и высвобожено изъ рукъ мусулманскихъ, и впередъ бы мусулманская рука не высилась и кровь хрестьянская не розливалась; и опасную есмя свою грамоту къ тебѣ, брату своему къ Руделфу Цесарю, съ своимъ посланникомъ со Жданомъ Квашнинымъ послали, что имъ проѣхати къ намъ и отъ насъ отъѣхати со всѣми ихъ людми и съ животы доброволно, безо всякого опасенья. И ты, братъ нашъ, къ намъ съ нашимъ посланкомъ со Жданомъ съ Квашнинымъ въ своемъ отвѣтѣ къ намъ писалъ, что отецъ твой, братъ нашъ, Максимиліянъ Цесарь, желателно съ нами того дѣла заключити, хотѣлъ слати своихъ пословъ великихъ, да судомъ Божіимъ брата нашего дражайшего, а твоего отца, Максимиліяна Цесаря Богъ позвалъ отъ сего свѣта на онъ свѣтъ, а ты, братъ нашъ Руделфъ Цесарь, послѣ отца своего на своихъ Государствахъ учинился Государемъ, и тѣ ссылки всѣ межъ насъ со отцомъ твоимъ выразумѣлъ

еси гораздо, и съ нами братственные любви и доконченья хочешь, и наипаче того, какъ есмя ссылались о братственной любви и о прибыткѣ всего Хрестьянства съ братомъ своимъ, съ отцомъ твоимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ; и пословъ своихъ великихъ тѣ дѣла заключити по нашей опасной грамотѣ хотѣлъ еси къ намъ слати, и посломъ своимъ велѣлъ еси сказати, чтобы наготовѣ были. И послы твои, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, къ намъ и пося мѣстъ, не вѣдомо для чего, не бывали. И ты бъ, братъ нашъ нашъ дражайшій, къ намъ отписалъ, для чего послы твои позамѣшкались и у насъ по ся мѣста не бывали. А пословъ бы еси своихъ къ намъ слалъ, не омѣшкивая, по нашей опасной грамотѣ, и докончанье бы съ нами утвердить велѣлъ, и стоять бы намъ на всякого недруга заодинъ по прежней нашей съ отцомъ съ твоимъ, съ братомъ нашимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ тобою, съ братомъ нашимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, ссылкѣ и любви, чтобъ межъ насъ братцкая любовь и соединенье и докончаніе ранѣе утверди ся едруга заодинъ, что всему Хрестьянству къ покою и прибытку. А съ сею своею грамотою послали есмя къ тебѣ, брату своему, своего легкого гончика Оѳонасья Резанова, про твое здоровье, брата нашего дражайшего и любителного, отвѣдать. И ты бъ его, не издержавъ, къ намъ отпустилъ, и съ нимъ къ намъ отписалъ: похочешь ли, братъ нашъ, съ нами по тѣмъ нашимъ прежнимъ ссылкамъ съ отцомъ твоимъ, съ братомъ нашимъ, и съ тобою, братомъ нашимъ, братства и любви и доконченья, чтобъ намъ твоя, брата нашего, братцкая пріятельская любовь была въ вѣдомѣ? И опасную грамоту къ тебѣ, брату нашему, на твои послы, кого къ намъ по словъ своихъ пошлешь, съ своимъ гонцомъ съ Оѳонею, нынѣ послали: пріѣхати твоимъ посломъ къ намъ и отъѣхати добровольно со всѣми ихъ людми и съ животы безо всякого задержанья.—Писана въ Государстія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7088, мѣсяца Марта, Индикта 8, Государствія нашего 46, а Царствъ нашихъ: Російского 32, Казанского 28, Асторохапского 25.»

А се опасная грамота послана съ Оѳонасьемъ съ Резановымъ на цесаревы послы: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Преcвѣтлый и Крайній Верхъ! направи насъ на истинну Твою и научи насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголю о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинный и Обладатель земли Лифлянскіе Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій,

Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь, — дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому и Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскоту, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Луцеборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фе . . . цкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ земель Государю. Послали есмя къ тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, для любителные пріязни и межъ насъ съ тобою братцкіе ходатайствующіе любви, свѣтлую сію нашу опасную грамоту на твои великіе послы. И кого ты, дражайшій и любезнѣйшій братъ нашъ, великихъ своихъ пословъ къ нашему Царскому Величеству пошлешь, и твоимъ, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, великимъ посломъ по нашей землѣ и по нашей отчинѣ Лифлянской Нѣметцкой землѣ, и по Псковской и по Новгородцкой землѣ, сухимъ путемъ и водянымъ, и до нашего Царства града Москвы и назадъ отъ нашего Государства по нашимъ землямъ дорога чиста: безо всякого задержанья и безъ зацѣпки пріѣхать имъ къ намъ и отъѣхати отъ насъ доброволно, безо всякого задержанья, со всѣми ихъ людми и съ животы, по сей нашей опасной грамотѣ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7088, мѣсяца Марта Индикта 8-го, Государствія нашего 46-го, а Царствъ нашихъ: Російского 32-го, Казанского 28-го Асторозанского 25-го.»

А се таковъ наказъ данъ Ѳоонасью Резанову: «память Ѳоонасью Дмитрееву сыну Резанову. Послалъ его Государь, Царь и Великій Князь для своего дѣла и земского къ Руделфу, Цесарю Римскому. И Ѳоонасью ѣхати на Перновъ, а изъ Пернова ѣхати на которое будетъ мѣсто пригожъ; а корабль или судно въ Перновѣ припасти велѣно, въ чемъ Ѳоонасью ѣхати; а итти Ѳоонас(ь)ю изъ Пернова на Датцкую землю съ Датцкимъ гонцомъ вмѣстѣ. А пріѣхавъ въ Датцкую землю, говорити Датцкого Короля приказнымъ людемъ, что онъ посланъ отъ Государя своего, Царя и Великого Князя къ Цесарю Руделфу; а итти ему велѣно на Датцкую землю и грамоту ему у себя къ Датцкому Королю отъ Государя сказати. А какъ будетъ Ѳоонасей у Датцкого Короля, и ему говорить Датцкому Королю рѣчь: Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохансkій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и Государь отчинные земли Лифлянскіе и иныхъ,— тебѣ, пріятелю своему и сусѣду

Фредерику, Королю Датцкому и Норветцкому, Олштенскому, Штормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делманорскому велѣлъ поклонитися. Божiею милостiю Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи велѣлъ тебя, прiятеля своего и сусѣда Фредерика Короля, о здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ? Да подати грамота, а опослѣ грамоты проситься ранѣе, чтобъ его отпустилъ чрезъ свое Государство къ Цесарю и проводити его велѣлъ до цесаревы области чрезъ свое Государство, и подводы бы ему далъ по своей землѣ. А нѣчто лучится Оѳонасью ѣхати Саского Князя землею, и какъ будетъ въ Сасской землѣ, и Оѳонасью говорити Саского Князя приказнымъ людемъ, что онъ посланъ отъ Государя своего, Царя и Великого Князя къ Цесарю Руделфу, и грамота ему у себя къ Саскому Князю отъ Государя сказати. А какъ будетъ Оѳонасей у Саского Князя, и ему говорити Саскому Князю рѣчь по тому жъ, что и Датцкому Королю: Божiею милостiю Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи, Владимерскiй, Московскiй, Новгородцкiй, Царь Казанскiй, Царь Асторохапскiй, Государь Псковскiй и Великiй Князь Смоленскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятцкiй, Болгарскiй и иныхъ, Государь и Великiй Князь Новагорода Низовскiе земли, Черниговскiй, Рязанскiй, Полотцкiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлоозерскiй Удорскiй, Обдорскiй, Кондинскiй и всея Сибирскiе земли и Сѣверные страны Повелитель и Государь отчинныя земли Лифлянскiе и иныхъ,—тебѣ, Августу, Божiею милостiю святого Римского Царствiя Архимаршалку, кронованному Князю, Арцуку Сацкому, Ландграфу Дюренскому, Маркграфу Мисинскому и Буркрафу Макдеборскому, велѣлъ поклонитися. Божiею милостiю Царь и Великiй Князь Иванъ Василевичь всеа Русiи велѣлъ тебя о здоровьѣ вспросити, какъ тебя Богъ милуетъ?—Да подати грамота, а послѣ грамоты проситься, чтобъ его ранѣе отпустилъ черезъ свою землю къ Цесарю, и проводити его велѣлъ до цесаревы области черезъ свою землю, и подводы бъ ему велѣлъ дать по своей землѣ. А какъ къ Цесарю придетъ, и Оѳонасью говорити приставу, чтобъ ему велѣлъ у собя быти Руделфъ Цесарь ранѣе. А какъ Оѳонасью велитъ быти у собя Цесарь, и Оѳонасью, пришедъ къ Руделфу Цесарю, говорити отъ Государя, Царя и Великого Князя рѣчь: Бога, въ Троицѣ славимаго, милостiю Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русiи, Владимерскiй, Московскiй, Новгородцкiй, Царь Казанскiй, Царь Асторохапскiй, Государь Псковскiй и Великiй Князь Смоленскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятцкiй, Болгарскiй и иныхъ, Государь и Великiй Князь Новагорода Низовскiе земли, Черниговскiй, Резанскiй, Полотцкiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлозерскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондинскiй, и всея Сибирскiе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь отчинные земли Лифлянскiе и иныхъ,—тебѣ дражайшему и любезнѣйшему брату своему, Руделфу второму, Божiею милостiю Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долмацкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Архикнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стыр-

скому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Марграфу Муравскому, Князю Луцеборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушполскому, Тиролскому, Ферацкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю? велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ твое, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, здоровье видѣти и о здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ? Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, тебѣ, брату своему дражайшему, Руделфу Цесарю, напоминается легкой поминокъ сорокъ соболей. — Да подати грамота. А вспросятъ Ѳѳонасья, есть ли съ нимъ отъ Государя, Царя и Великого Князя къ Руделфу Цесарю, опричь грамоты, какая рѣчь? и Ѳѳонасью молвити, что съ нимъ, опричь грамоты, рѣчи никоторые нѣтъ. А нѣчто къ Цесарю пустити его не похотятъ, а учнутъ Ѳѳонасью говорити, чтобы шелъ онъ къ цесаревымъ совѣтникомъ съ грамотою, и Ѳѳонасью къ совѣтникомъ одноличпо не ходити и грамоты не давати, мимо Цесаря, никоторыми обычаи. А нѣчто Цесарь позоветъ къ себѣ Ѳѳонасья ѣсти, и Ѳѳонасью къ Цесарю за столъ итти, а того Ѳѳонасью провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря Турского, или Литовского или иного которого Государя посолъ и посланникъ; и будетъ у Цесаря иныхъ Государей посланники будутъ, и Ѳѳонасью за столъ одноличпо не итти, а о томъ ему говорити: посадитъ меня Цесарь выше иныхъ Государей посланниковъ, и язъ за столъ иду, а не посадитъ меня выше иныхъ посланниковъ, и мнѣ за столъ не итти. И учнутъ Ѳѳонасью говорити, что ему сидѣти выше иныхъ Государей посланниковъ, и Ѳѳонасью за столомъ сидѣти; а нѣчто Ѳѳонасья посадятъ ниже иныхъ посланниковъ, и Ѳѳонасью за столомъ не сидѣти, а ѣхати къ себѣ на подворье. А будетъ Турецкой посланникъ, или Литовской или Францовской, и ему съ ними вмѣстѣ никакъ не ходити; а хоти будетъ и введутъ его, а будутъ посланники Турецкой, или Литовской, или Францовского тутъ и иные которые посланники, и ему ѣхати на подворье. А учнутъ Ѳѳонасья спрашивати: гдѣ нынѣ Царь и Великій Князь? и Ѳѳонасью сказати: Государь нашъ, Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи отпустилъ меня изъ своего Государства съ Москвы, и нынѣ Государь, Царь и Великій Князь въ своемъ Государствѣ на Москвѣ. А нѣчто похочетъ Цесарь послати ко Государю о каковѣ дѣлѣ человѣка, а учнутъ говорити Ѳѳонасью, чтобъ его съ собою взялъ вмѣстѣ и до Государя своего, Царя и Великого Князя довелъ, а Государь бы, того его человѣка выслушавъ и отвѣтъ учинивъ, отпустилъ его къ Цесарю не издержавъ, и Ѳѳонасью говорити: пошлетъ съ нимъ Цесарь ко Государю нашему, Царю и Великому Князю о каковѣ дѣлѣ человѣка своего, посла или посланника, и язъ съ нимъ вмѣстѣ ко Государю своему, Царю и Великому Князю ѣду и въ Государя своего Государствахъ доведу его до своего Государя здорово, а по цеса-

ревыхъ бы Государствахъ и по Датцкого Короля землѣ до Государя нашего земли доѣхати бъ намъ здорово за приставомъ цесаревымъ и за проѣзжею грамотою; а у Государя нашего Царя и Великого Князя Ивана Василевича всея Русіи издавна въ обычаѣ ведется: которые послы и посланники изъ которыхъ Государствъ ни придутъ, хотя и не цесаревы, и Государь, рѣчь ихъ выслушавъ, и отвѣтъ имъ на тѣ ихъ рѣчи учинивъ, отпускаетъ ихъ къ ихъ Государемъ не издержавъ тотъ часъ, а къ брату своему дражайшему къ Руделфу Цесарю Римскому, хотя съ нимъ братцкіе любви и докончанья утвердить о всѣхъ Государей и скорѣе всѣхъ пословъ его и посланниковъ отпуститъ со всѣмъ съ полнымъ отвѣтомъ; а съ нимъ съ Ѳѳонасьемъ Государь, Царь и Великій Князь то и приказалъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю, чтобъ ранѣе Руделфъ Цесарь посылалъ къ брату своему ко Государю, Царю и Великому Князю своихъ пословъ скорѣе братцкіе любви и соединенье въ докончаньѣ утвердить, которое дѣло почалося межъ ихъ Государей. А нѣчто вспросятъ Ѳѳонасья: какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Литовскимъ Королемъ? и Ѳѳо говорити: язъ поѣхалъ отъ своего Государя, а гонецъ Литовской у Государя нашего былъ, и отпущенъ въ Литву, и Государя нашего гонецъ Елизарей Благово въ Литву къ Стефану Королю отпущенъ; а дѣлъ болшихъ не вѣдаю: паробокъ есми у Государя своего молодой, болшіе дѣла межъ Государей мнѣ какъ вѣдать мочно? А нѣчто вспросятъ про Полотцкъ, коимъ обычаемъ Король Литовской у Государя вашего Полотцкъ взялъ? и Ѳѳонасью говорити: были у Государя нашего послы Литовскіе, панъ Станиславъ Крыйскій и воевода Мазоветцкій, староста Полотцкій, Добринскій съ товарищи, и договоръ учинили со Государя нашего бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ Новгородцкимъ съ Никитою съ Романовичемъ Юрьвича Захарьина съ товарищи на перемирье на три годы и крестнымъ цѣлованьемъ утвердили; и Государь нашъ, на то оплошась, болшихъ прибылныхъ людей въ Полотцкѣ не держалъ; коли цѣлованье не крѣпость, да чему вѣрить? и Король къ Полотцку пришелъ невѣство, черезъ крестное цѣлованье, и взялъ; и кто черезъ правду и черезъ крестное цѣлованье что учинитъ, то коли крѣпко живетъ? А нѣчто спросятъ Ѳѳонасья про Крымского Царя, какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ? и Ѳѳонасью говорити: Государь нашъ, Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ въ миру и въ дружбѣ: Государя нашего посолъ въ Крыму у Царя князь Василей Мосалской, а Крымского Царя посолъ Арасланъ Мирза Сулешевъ, княжой сынъ, у Государя нашего на Москвѣ. А нѣчто вспросятъ про Лифлянскую землю, за что ихъ Государь воюетъ? и Ѳѳонасью говорити: Лифлянская земля изначала Государя нашего вотчина, да не почали Государемъ нашимъ прежнимъ дани давати, и отъ Государя нашего отставъ, похотѣли быти въ своей волѣ, и во многихъ дѣлѣхъ не исправилися и надъ Государя нашего людми многіе насилства чинили черезъ свою правду; и Государь нашъ многажда къ нимъ приказывалъ, чтобъ они, свои вины познавъ, передъ Государемъ исправилися; и они ни въ чемъ не исправилися, и Государь нашъ на нихъ рать свою послалъ, и потому надъ ними такъ и сталося. А болши

того не розговаривати. А нѣчто вспросятъ про Казань и про Асторохань, какъ нынѣ Казань и Асторохань Государю, Царю и Великому Князю служатъ и какимъ обычаемъ взялъ ихъ Государь? и Ѳѳопасью говорити: Казанское Царство великое, изначала садились Цари на Царство на Казанское изъ рукъ Государей нашихъ прежнихъ: которого Царя на Казанской землѣ Государь нашъ, Московскій Царь и Великій Князь посадитъ на Казани, тѣ Цари и были на Царствѣ на Казанскомъ; а опослѣ того Казанское Царство почало ширитися и всякими обильи исполнилося, и людей многихъ ордъ въ немъ учинилося, государскихъ сродичевъ; и Казанскіе люди, позабывъ правду и Государей нашихъ искони вѣчныхъ, почели отъ Государя нашего отъ Царства Русского отставать; въ кое время отца Государя нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи не стало, а Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи о тѣ поры еще былъ не въ совершенныхъ лѣтѣхъ. А какъ Государь нашъ возрасту своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи на Казанское Царство ходилъ самъ двожды со всѣми своими землями и, съ Божьею помочью, Государь нашъ, Царь и Великій Князь, почевши своею Царскою персоною и всего христолюбивого воинства побѣдоносные хоругви, Царство Казанское взялъ и Царя свелъ, и многихъ Казанскихъ людей болши трехъ сотъ тысечь побилъ въ приступъ Казанского взятья; и въ городѣ Царства Казанского поставилъ многіе церкви и архіепископа и архимаритовъ и игуменовъ и весь освященный соборъ устроилъ, и по Волгѣ по рѣкѣ многіе городы поставилъ и многихъ Князей и дѣтей боярскихъ въ Казани и по городомъ Казанскихъ пригородовъ устроилъ. И нынѣ Казань въ Государя нашего, Великого Царя и Великого Князя волѣ. А которые ясачные люди въ Казанскомъ уѣздѣ живутъ, и тѣ государевымъ Казанскимъ воеводамъ ясаки платятъ и на государевы службы ходятъ, куда имъ на которого своего недруга велитъ итти; а сбирается ихъ на службу до пятидесять тысечь. А Асторохань Государство было того болши, изначала болшіе орды Государство началное въ мусулманскихъ Государѣхъ; а какъ Государю нашему, Великому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи Богъ поручилъ, Казанское Царство взялъ, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи послалъ рать великую Волгою къ Асторохани, чтобъ очистити Волга и до Хвалимского моря; а то Царство Асторохонское стоитъ близко устья морского; и Государя нашего, Великого Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи воеводы Асторохонское Царство взяли и Царя свели. И устроилъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь въ Асторохани по тому жъ благочестіе, многіе церкви поставилъ и соборы и весь причетъ церковный устроилъ. А которые Асторохонскіе люди живутъ въ Асторохани по морскимъ мочакомъ и по Волжскимъ устьямъ, и тѣ Государю служатъ. А нѣчто спросятъ: какіе устья Воложскіе и что мочаки? и Ѳѳонасью говорити: Волга рѣка великая, а впала въ въ море въ Хвалимское семьюдесять устьи и двѣма, и по тѣмъ устьямъ

сидятъ Астороханскіе кочевные люди. А нѣчто спросятъ про Нагаи, и Ѳоонасью говорити: Нагайская орда Князь Урусъ и мирзы всѣ всее орды кочуютъ по Волгѣ близко Асторохани, а прибѣгаютъ завсе къ Асторохани, а Государю нашему служатъ: куды Государь нашъ ихъ ни пошлетъ на свое дѣло, и они ходятъ тысечь до двадцати и до тридцати, и колкихъ Государь нашъ прикажетъ къ нимъ, сколко послати велитъ Нагайскихъ людей, и Князь Урусъ и мирзы Нагайскіе столко людей и пришлютъ. Да провѣдати Ѳоонасью себѣ тайно: Литовской Король къ Цесарю о каковѣ дѣлѣ вновѣ пословъ или посланниковъ присылывалъ ли, и будетъ присылалъ и кого именемъ и о каковѣ дѣлѣ, и цесаревы послы или посланники въ Литвѣ у Короля бывали ль? и какова цесарева область воинскими людми издоволена и казною, и много ли съ Цесаремъ живетъ воинскихъ людей въ походѣ и каковъ силенъ людми воинскими? и Францовской Король каковъ силенъ людми и казною, и нѣтъ ли Францовскому розни межъ своихъ людей? и ссылки съ Цесаремъ Францовскому Королю есть ли, и будетъ есть, и о чемъ? и Цесарь нынѣ какъ съ Литовскимъ, и на каковѣ мѣрѣ у Цесаря въ приговорѣ стало всею Римскою областью противъ Литовского и противъ Турского какъ имъ стояти? Да и того Ѳоопасью провѣдывати: Цесарь съ папою съ Римскимъ, и съ Венецѣяны, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Англѣйскою Королевною, и съ Чешскимъ, и съ Шкотцкимъ Королемъ и со всѣми своими сусѣды въ доканчаньѣ ли? и будетъ въ доканчаньѣ, и съ которымъ Государемъ въ доканчаньѣ и съ которыми не въ доканчаньѣ, и въ каковѣ съ кѣмъ въ доканчаньѣ? и Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали ль, и будетъ бывали, и о каковѣ дѣлѣ Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали? и Угорское Королевство нынѣ за Цесаремъ ли, и на Руделфово цесарево мѣсто на Королевствѣ Чешскомъ и на половинѣ Угорского изъ братьи его которой посаженъ ли, или его вѣдаютъ къ цесаревѣ области съ одного? и будетъ на Руделфово цесарево мѣсто на Чешское Королевство и на Угорское посаженъ братъ его Князь Эрнестъ, и кто нынѣ на Эрнестово мѣсто на Аустрѣйскомъ Государствѣ изъ братьи его? и Турскому съ Угорской земли дань даютъ ли, и будетъ даютъ, и что дани даютъ? и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его сложась съ нимъ стоять ли противъ Турского, и чаетъ ли на Турского походу, и о каково время? и Седмиградцкая земля какъ нынѣ съ Литовскимъ Королемъ съ Стефаномъ, и многіе ли люди придутъ къ Королю къ Стефану, коли имъ велитъ, и на найму ли ходятъ, о томъ у Короля у Стефана у Литовского доканчанье съ Седмиградцкою землею есть ли? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаетъ, и Ѳоонасью, тѣ дѣла всѣ записавъ, привезти ко Государю, Царю и Великому Князю. И о всемъ Ѳоонасью дѣла Государева беречи по Государеву наказу».

А съ Москвы Ѳоонасей Резановъ отпущенъ Марта въ 12 день, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ съ Потемкинымъ, которой посланъ отъ Государя къ Датцкому Королю и съ Датцкимъ гонцомъ съ Петромъ съ Андрѣяновымъ вмѣстѣ. А велѣно Ѳоонасью ѣхати изъ Пернова въ одномъ кораблѣ съ Датцкимъ гонцомъ и съ Ѳедоромъ съ Потемкинымъ; а къ Дац-

кому Королю о его пропускѣ послана грамота съ Ѳедоромъ съ Потемкинымъ. А въ Юревъ, и въ Вилянъ и въ Перновъ о его отпускѣ и о провожаньѣ посланы грамоты съ Васильемъ съ Розладинымъ.

А се грамота отъ Государя къ Датцкому Королю о Ѳѳонасьѣ ő Резановѣ, о проѣздѣ къ Цесарю черезъ его Государства. «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, вое же направити ноги наша на путь миренъ! Сего убо, въ Троицѣ славимаго, Бога нашего милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинный и Обладатель земли Лифлянскіе Нѣмецкаго чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—пріятелю нашему и сусѣду Фредерику второму, Королю Датцкому, Норвецкому, Вендійскому, Гоцкому, Арцоку Слезвицкому, Олстинскому, Стормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делмангорскому. Послали есмя къ брату нашему дражайшему, къ Руделфу Цесарю гонца своего Ѳѳонасья Резанова; и гдѣ будетъ лучится нашему гонцу ѣхати черезъ твою, пріятеля нашего, землю, и ты бъ нашего гонца Ѳѳонасья Резанова черезъ свою землю велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, не мѣшкая, чтобъ нашему гонцу черезъ твою, пріятеля нашего, землю пройти безстрашно; а какъ нашъ гонецъ пойдетъ къ намъ назадъ, отъ брата нашего отъ Руделфа Цесаря, и ты бъ, пріятель нашъ и сусѣдъ, гонца нашего по тому жъ велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ нашему гонцу до нашего Государства пройти было безстрашно.— Писана во Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7088, Марта мѣсяца, Индикта 8, Государствія нашего 46-го, а Царствъ нашихъ: Російского 32-го, Казанского 28-го, Астороханского 25-го».

А се такова грамота послана съ Ѳѳонасьемъ же къ Саскому Князю о пропускѣ. «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, вое же направити ноги наша на путь миренъ. Сего убо, въ Троицѣ славимаго, Бога нашего милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, и Государь отчинный и Обладатель земли Лифлянскіе Нѣмецкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,— Божіею милостію Августу, святого Римского Царствія Архиморшалку, кропованному Князю, Арцуку Саскому, Лантграфу Дюренскому, Малграфу Мисинскому и Бургграву Мак-

деборскому.—Послали есмя къ брату нашему дражайшему, къ Руделфу Цесарю, гонца своего Оѳонасья Резанова; и гдѣ лучится нашему гонцу ѣхати черезъ твою землю, и ты бъ нашего гонца Оѳонасья Резанова черезъ свою землю велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, не мѣшкая, чтобъ нашему гонцу черезъ твою землю проитти безстрашно; а какъ нашъ гонецъ поидетъ къ намъ назадъ отъ брата нашего отъ Руделфа Цесаря, и ты бъ нашего гонца по тому жъ велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ гонцу нашему до нашего Государства проити было безстрашно. — Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7088, Марта мѣсяца Индикта 8, Государствія нашего 46, а Царствъ нашихъ: Россійскаго 32, Казанскаго 28, Асторохансксго 25.»

И того жъ лѣта 7088, Августа въ 25 день, по Литовскимъ вѣстѣмъ, какъ Литовской Стефанъ Король, перемирье поруша, и пришелъ ко Государеву городу къ Лукамъ, приговорилъ Государь, Царь и Великій Князь съ сыномъ своимъ со Царевичемъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ и съ бояры послати наскоро къ Руделфу Цесарю и въ Римъ къ папѣ отъ себя съ грамотами въ гонцѣхъ Истому Шевригина. А отпускъ Истоминъ къ папѣ писанъ въ папиныхъ книгахъ.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Руделфу Цесарю, съ Истомою Шевригинымъ: «Тройце Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ! направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣньемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохански, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинный земли Лифлянскіе Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь, — дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешкому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлевонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Ферацкому, Кибурскому и Горецкому, Ланкграбѣ Алсицкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсацкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ земель Государю. Прежъ сего межъ насъ ссылки, послѣ прежнего докончанья о братствѣ и о любви,

ото многихъ лѣтъ не бывали. И мы съ отцомъ твоимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ, вспамятовавъ прежнее докончанье межъ прежними нашими о братствѣ и о любви, сослалися есмя старое докончанье подтвердити, и братственные любви межъ себя и своимъ Государствамъ всякого прибытка прибавити, и о новомъ дѣлѣ приговорити, о которомъ дѣлѣ и тебѣ, брату нашему, въ вѣдомѣ: какъ брата нашего Жигимонта Августа, Короля Полского и Великого Князя Литовского въ животѣ не стало, а потомковъ у него не осталось, и о томъ есмя съ отцомъ твоимъ, блаженые памяти Максимиліяномъ Цесаремъ, съ братомъ своимъ, ссылалися и неодинова, чтобъ на тѣхъ Государствахъ мимо васъ иной никто не былъ Государемъ, и того бы намъ съ отцомъ твоимъ, съ братомъ нашимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, беречи, чтобъ на тѣхъ Государствахъ изъ рукъ мусулманскихъ, по присылкѣ Турского, Государь не былъ, отъ чего всѣмъ намъ Государемъ хрестьянскимъ къ великому убытку, и впредь бы мусулманская рука не высилася и кровь хрестьянская отъ мусулманскіе руки не розливалась; а намъ бы съ отцомъ твоимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, съ братомъ нашимъ, и съ тобою, съ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, утвердяся въ дружбѣ и въ братствѣ и въ докончаньѣ, быти на всякого недруга заодинъ, да и къ паномъ въ Коруну Полскую и Великое Княжство Литовское писали, есмя. , чтобъ они обра ебѣ за Государя брата нашего, Максимиліянова цесарева сына, . . торого, а твоего брата. И братъ нашъ дражайшій, отецъ твоі Максимиліанъ Цесарь, съ нами братственные любви былъ похотѣлъ, и пословъ своихъ къ намъ о тѣхъ дѣлѣхъ присылалъ, рыцеря и думцу своего Яна Кобендзлю да дворянина своего Даніеля Принца, а заключить имъ тѣхъ великихъ дѣлъ тогды межъ насъ не наказалъ. И мы къ брату своему дражайшему, къ отцу твоему, блаженные памяти къ Максимиліяну Цесарю, съ его послы вмѣстѣ, посылали своихъ легкихъ пословъ, дворянина своего и намѣстника Бѣлозерскаго Княз . . ахарью Ива . . . Бѣлоозерского, да дьяка Андрея Арцыбашева. И братъ нашъ дражайшій, отецъ твой, блаженные памяти Максиміянъ Цесарь, хотѣлъ къ намъ слати своихъ великихъ пословъ тѣ дѣла заключити; и послѣ того вборзѣ Божьимъ судомъ брата нашего дражайшего, а твоего отца, Максимиліяна Цесаря въ животѣ не стало, а на отца своего Государствахъ учинился Государемъ ты, братъ нашъ, Руделфъ Цесарь. И мы къ тебѣ посылали для поздравленья на твоихъ Государствахъ тебѣ здоровати посланника своего Ждана Ивановича Квашнина, и о тѣхъ дѣлѣхъ говорити, о которыхъ есми ались съ отцомъ твоимъ, братомъ своимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ. И тѣ дѣла межъ насъ съ отцомъ твоимъ, для отца твоего Максимиліяна Цесаря преставленья, не утвердилисъ. А съ тобою, братомъ своимъ дражайшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ стояти, противъ всѣхъ недрузей быти хотимъ по тому жъ, какъ есмя были въ ссылкѣ о братствѣ и о любви и о докончаньѣ съ братомъ своимъ дражайшимъ, съ отцомъ твоимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ. А ты бъ, братъ нашъ

дражайшій, пословъ своихъ великихъ къ намъ слалъ, не замѣшкавъ, тѣ дѣла, что межъ насъ съ отцомъ твоимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ по , чтобъ межъ насъ братцкая любовь и соединенье и докончанье утвердилось на всякого недруга заодинъ, чтобъ нашимъ осмотрѣньемъ Хрестьянство въ тишинѣ и въ покоѣ было, и высвобожено изъ рукъ мусулманскихъ, и впередъ бы мусулманская рука не высилася и кровь хрестьянская не розливалась. И опасную есмя свою грамоту къ тебѣ, брату своему, къ Руделфу Цесарю, съ своимъ посланникомъ со Жданомъ Квашнинымъ на твои послы послали, что имъ пріѣхати къ намъ и отъѣхати со всѣми ихъ людми и съ животы доброволно безо всякаго опасенья. И ты братъ нашъ с посланникомъ со Жданомъ съ Квашнинымъ въ своемъ отвѣтѣ къ намъ писалъ, что отецъ твоій, братъ нашъ, Максимиліанъ Цесарь, желателно съ нами того дѣла заключити, хотѣлъ слати своихъ великихъ пословъ, да судомъ Божьимъ брата нашего дражайшего, а твоего отца, Максимиліяна Цесаря, въ животѣ не стало; а ты, братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, послѣ отца своего на своихъ Государствахъ учинился Государемъ, и тѣ ссылки всѣ межъ насъ съ отцомъ твоимъ выразумѣлъ еси гораздо, и съ нами братственные любви и докончанія хочешь, и наипаче того, какъ есмя ссылались о братственной любви и о прибыткѣ всего Хрестьянства съ братомъ своимъ, съ отцомъ твоимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ; и пословъ своихъ великихъ тѣ дѣла заключити по нашей опасной грамотѣ хотѣлъ еси къ намъ слати, и посломъ своимъ велѣлъ еси сказати, чтобъ на готовѣ были. И послы твои, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, къ намъ и по ся мѣста, невѣдомо для которого случея, не бывали. А Стефанъ Ботура, воевода Седмиградцкой, нынѣ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ укрѣпился по присылкѣ Салтана Турского, и, сложась съ нимъ и съ иными съ мусулманскими Государи вмѣстѣ, кровь хрестьянскую розливаетъ и впередъ розливати хочетъ. А стоятъ тѣ всѣ мусулманскіе Государи и посаженикъ Салтана Турского Стефанъ Ботура, Король Полской и Князь Великій Литовской, на наше Государство и на насъ за то, что есмя съ братомъ нашимъ, а съ твоимъ отцомъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, и съ тобою, съ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, были въ ссылкѣ, а не хотя того и ищучи всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ прибытка, чтобъ мимо васъ на тѣхъ Государствахъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ изъ салтановы руки Государь не былъ. И послѣ того Стефанъ Ботуръ, Король Польской и Князь Великій Литовской, сѣдчи на Коруну Полскую и на Великое Княжство Литовское, прислалъ къ намъ посланниковъ своихъ Юрья Кгруденского да Лва Буховитцкого, что хочетъ къ намъ слати своихъ великихъ пословъ о доброй смолвѣ, и намъ бы прислать къ нему съ его посланники на его послы, по прежнему обычею, опасная грамота, что имъ пріѣхати къ намъ и отъ насъ отъѣхати доброволно безо всякого задержанья. И мы на его послы опасную свою грамоту, каковѣ пригожъ быти по прежнему обычею, съ его посланники къ нему послали, что посломъ его къ намъ пріѣхати и отъ

насъ отъѣхати добровольно безо всякого задержанья и обиды. И по той нашей опасной грамотѣ присылалъ къ намъ Стефанъ Король своихъ пословъ, воеводу земли Мазовецкіе Станислава Крыйского съ Дробнина, съ товарищи. И послы его, бывъ у насъ, и по его приказу съ нашими бояры договоръ учинили и сдѣлали перемирья на три годы, отъ Благовѣщеньева дни Пречистые Богородицы лѣта 7086 до Благовѣщеньева дни Пречистые Богородицы лѣта 7089 году, что въ тѣ три годы межъ насъ съ нимъ, съ Стефаномъ Королемъ, рати и войнѣ не быти. Да на томъ послы его передъ нами на перемирныхъ грамотахъ за него, Стефана Короля, и крестъ цѣловали, что было ему, Стефану Королю, по тѣмъ перемирнымъ грамотамъ тотъ миръ держати крѣпко; а мы на тѣхъ грамотахъ къ нему, къ Стефану Королю, передъ его послы крестъ цѣловали, и по тому пословъ его договору и за крестнымъ цѣлованьемъ посылали есмя къ нему, къ Стефану Королю, по прежнему обычаю то перемирье довершити своихъ великихъ пословъ, дворецкого своего Тверского и намѣстника Муромского Михаила Долматовича Карпова, да казначея своего и намѣстника Тульского Петра Ивановича Головина да дьяка Курбата Григорьева. И Стефанъ Король пословъ нашихъ обезчестилъ и у себя задержалъ, и то перемирье, на чемъ послы его сдѣлали и крестнымъ цѣлованьемъ его душею утвердили, Стефанъ Король порушилъ, и пословъ нашихъ обезчестилъ, держалъ мало не годъ, а отослалъ безъ дѣла, не по прежнему обычаю, и перемирную грамоту къ намъ назадъ отослалъ. И того ни въ мусулманскихъ Государствахъ нигдѣ

не слыхано: что послы сдѣлаютъ и государскими душами утвердятъ крестнымъ цѣлованьемъ, и то бы порушити и передѣлывати. А порушивъ крестное цѣлованье, Стефанъ Король, пришедъ въ нашу отчину, городъ Полотескъ и съ пригороды взялъ и кровсрозлитье хрестьянское многое учинилъ, сложась съ бесерменскими Государи. И нынѣ кровь хрестьянскую розливаютъ, не преставая. А мы, будучи въ терпѣньѣ и черезъ прежніе обычаи, чего николи не бывало, чтобъ нашимъ посломъ напередъ ходити къ Литовскимъ Королемъ, да для покою хрестьянского, чтобъ кровь хрестьянская не розливалась и ожидая еще отъ Стефана Короля къ себѣ исправленія въ тѣхъ дѣлѣхъ, напередъ Литовскихъ пословъ послали есмя нынѣ къ Стефану Королю по его опасной грамотѣ своихъ великихъ пословъ, столника своего и намѣстника Нижегородцкого князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского съ товарищи. И по всѣмъ границамъ нашихъ Государствъ и въ Лифлянской землѣ во всѣхъ мѣстѣхъ съ Коруною съ Полскою и съ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ въ рубежахъ заказать велѣли есмя, рати и войны всчинати не велѣли, покамѣста наши послы будутъ у Стефана Короля и о добромъ дѣлѣ договоръ учинятъ. И Стефанъ Король, сложася съ бесерменскими Государи, наступая на хрестьянскую кровь и на то наше смиренье и сходительство ко всякому добру, несмотря что есмя послали своихъ великихъ пословъ къ Стефану Королю напередъ его пословъ, а мимо прежніе обычаи, приходя Стефановы королевы люди на наши украйны и къ нашимъ городомъ, и городовъ нашихъ добы-

ваютъ, и съ нарядомъ приступаютъ и многое розлитіе крове хрестьянскіе чипятъ. И того нигдѣ жъ ни въ которыхъ Государствахъ не бывало: наши послы у Стефана Короля отъ насъ посольство правятъ и о добромъ дѣлѣ о мирномъ стояніѣ договоръ чинятъ, а Литовскіе люди подъ нашими городы стоятъ съ нарядомъ и многое кроворозлитіе хрестьянское чинятъ. А Стефанъ Король учинился намъ въ недружбѣ за то, что есмя ссылались съ отцомъ твоимъ, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, о докончаньѣ стояти на всякого недруга заодинъ и хотя того, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ былъ брата нашего, Максимиліяновъ цесаревъ сынъ Эрнестъ, а твой братъ, а изъ Салтановы бъ руки на тѣхъ Государствахъ не былъ. И послѣ того на тѣхъ Государствахъ учинился Государемъ изъ Салтановы руки Стефанъ Ботура; и та наша ссылка съ отцомъ твоимъ, а съ нашимъ съ дражайшимъ братомъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, стала Салтану Турскому и Стефану Королю ненавистно: потому сложась на насъ и стали съ одного. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій, наше съ собою докончанье и братцкую любовь утвердилъ, и намъ противъ ихъ способствовалъ и съ нами стоялъ противъ ихъ заодинъ по прежней нашей съ отцомъ твоимъ, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, и съ тобою братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, ссылкѣ и любви, что межъ насъ братцкая любовь и соединеніе и докончаніе съ папою съ Римскимъ и со всѣми Государи хрестьянскими всее Рѣчи Нѣмецкіе, по прежнимъ нашимъ ссылкамъ съ отцомъ твоимъ, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, утвердилось на вс едруга з . . динъ, чтобы впередъ мусулманская рука надъ хрестьяны не высилась и кровь бы хрестьянская не розливалась. И пословъ бы еси къ намъ слалъ, не мѣшкиваючи, о тѣхъ дѣлѣхъ договорити и въ докончаньѣ утвердити. И къ Стефану бъ еси Королю о его о такомъ безмѣрствѣ и о розлитіѣ крови хрестьянскіе и о складкѣ съ Салтаномъ съ Турскимъ отписалъ, чтобъ Стефанъ Король такихъ дѣлъ впредь не дѣлалъ, и на хрестьянское кроворазлитіе не стоялъ и съ бесерменскими Государи не складывался на Хрестьянство. Съ сею своею грамотою къ тебѣ, къ брату своему дражай . . му и любез му, Руделфу Цесарю, послали есмя легкого своего гончика Истому Шевригина; да и къ папѣ Римскому велѣли есмя тому своему гончику ѣхати съ своею грамотою. И ты бъ, братъ нашъ дражайшей, Руделфъ Цесарь, выслушавъ нашу грамоту, приговоря съ папою Римскимъ и со всѣми Государи хрестьянскими всее Рѣчи Нѣметцкіе Римского Царствія, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ слалъ къ намъ своихъ великихъ пословъ докончати и закрѣпити, а къ намъ о тѣхъ дѣлѣхъ о всѣхъ подлинно вскорѣ отписалъ, а нашего гонца Истому Шевригина, которой съ сею нашею грамотою ѣ, брату нашему дражайшему, пріѣдетъ, пропустить бы еси велѣлъ его къ папѣ Римскому съ нашею грамотою, и проводити его велѣлъ, и назадъ его къ намъ пропустилъ, и проѣзжую ему грамоту по всѣмъ Государствамъ далъ, чтобъ нашему гонцу Истомѣ Шевригину къ намъ пріѣхати безо всякого задержанья вско-

рѣ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7088, Августа мѣсяца, Индикта 8-го, Государствія нашего 46-го, а Царствъ нашихъ: Російского 32-го, Казанского 28-го, Асторохан-ского 26-го.»

А се такова другая грамота послана отъ Государя къ Цесарю съ Истомою Шевригинымъ:

«Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайніи Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣньемъ и благоволеньемъ удержахомъ скифетръ Російского Царст Великій Госуд . . , Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскіи и Царь Астараханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинные земли Лифлянскіе Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель ,—дражай . . му и любез му брату нашему Руделфу, Божією милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Австріійскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, К . . р . . . ому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алсицкому и Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсацкому, Государю Мархинскому, Силавонскому, и иныхъ многихъ земель Государю. Писали къ намъ изъ Любокъ буймистры и ратманы и полатники, что отъ твоего, брата нашего, Цесарского Величества по всему Римскому Царствію заповѣдано, не велѣно въ наше Государство отвозити въ кораблѣхъ всякихъ товаровъ, и мѣди, и свинцу и олова, да и изо всѣхъ Государствъ Нѣмецкіе Рѣчи въ наше Государство съ товары ѣздити не хотятъ, а сказываютъ, что имъ заказъ отъ твоего Цесарского Величества Государство ни изъ которыхъ Государствъ Нѣмецкого чину всякимъ торговымъ людемъ ѣздити не велѣно. И мы тебя, брата своего дражаішего и любезнѣішего, Руделфа Цесаря, сею свою грамотою напоминаемъ, не для ли ссоры межъ насъ изо всѣхъ мѣстъ Нѣмецкихъ Государствъ намъ сказываютъ, пріѣзжая, торговые люди, что ты, братъ нашъ дражаішій, Руделфъ Цесарь, тое имъ заповѣдь учинилъ и кораблей ни съ какими товары пропускать въ наше Государство не велѣлъ, и Дацкому деи Королю Зунтомъ въ наши Государство пропущати не велишь? И мы того не начаемся, что тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, заказъ учинити и нашему Государству какіе убытки чинити, а

кладемъ на то, что тѣ Нѣмцы межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, ссору чинятъ не по твоей брата нашего заповѣди, не хотя межъ насъ видѣти, чтобъ межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, было братство и любовь, какъ межъ насъ была братцкая любовь и ссылка о всякомъ добрѣ и Государствомъ нашимъ къ прибавленью съ братомъ нашимъ дражайшимъ, съ отцомъ твоимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ; а и тебѣ, брату нашему дражайшему, Руделфу Цесарю, та наша ссылка и любовь братцкая въ вѣдомѣ. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, о томъ къ намъ изъявилъ съ нашимъ гонцомъ: для котораго дѣла твоя, брата нашего дражайшего, заповѣдь учинилась въ твоихъ Государствахъ во всѣхъ, въ земляхъ Рѣчи Нѣметцкіе, и Датскому Королю, чтобъ въ наши Государства корабли со всякими товары не ходили, или межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ, въ томъ ссору чинятъ? А передъ бы еси, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, изъ своихъ Государствъ и у Дацкого Короля всякимъ людемъ торговымъ въ наши Государства ѣздити велѣлъ и любовь бы еси съ нами держалъ по прежнему, какъ прежніе наши были межъ себя въ докончаньѣ и въ любви.—Писана въ Государстія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7088, Августа мѣсяца, Индикта 8, Государствія нашего 46, а Царствъ нашихъ: Російскаго 32, Казанскаго 28, Астороханскаго 26.»

А се такова грамота послана къ Датцкому Королю съ Истомою жъ Шевригинымъ о его пропускѣ. «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ! Сего убо, въ Троицѣ славимаго Бога нашего милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій и Царь Астараханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинные земли Лифлянскіе Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны Повелитель и иныхъ, —пріятелю нашему и сусѣду Фредерику второму, Королю Дацкому, Норвецкому, Вендійскому, Гоцкому, Арцуку Слезвитцкому, Олстенскому, Стормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делмангорскому. Послали есмя къ брату нашему дражайшему, къ Руделфу Цесарю, гонца своего Истому Шевригина; и гдѣ лучится нашему гонцу ѣхати черезъ твою, пріятеля нашего, землю, и ты бъ нашего гонца Истому Шевригина черезъ свою землю велѣлъ пропустити, и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ нашему гонцу черезъ твою, пріятеля нашего, землю пройти къ Цесарю безстрашно; а какъ нашъ гонецъ пойдетъ къ намъ назадъ отъ брата нашего, отъ Руделфа Цесаря, и ты бъ, пріятель нашъ и сусѣдъ, гонца нашего по тому жъ велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ нашему гонцу до нашего Государства пройти было безстрашно.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ

созданія міру 7088, Августа мѣсяца, Индикта 8, Государствія нашего 46, а Царствъ нашихъ: Російского 32, Казанского 28, Асторохавского 26.»

А се такова грамота послана отъ Государя къ Саскому Князю съ Истомою жъ Шевригинымъ о его пропускѣ: «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, вое же направити ноги наша на путь миренъ! Сего убо, въ Тройцѣ славимаго, Бога нашего милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій и Царь Асторохавскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинные земли Лифлянскіе Нѣмецкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ, — Божіею милостію, Августу, святого Римского Царствія, Архиморшалку, коронованному Князю, Арцуку Сасскому, Лантграфу Дюренскому, Малграфу Мисинскому и Буркраву Макдеборскому. Послали есмя къ брату нашему дражайшему, къ Руделфу Цесарю, гонца своего Истому Шевригина, и гдѣ лучится нашему гонцу Истомѣ Шевригину ѣхати черезъ твою землю, и ты бъ нашего гонца Истому Шевригина черезъ свою землю велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ нашему гонцу черезъ твою землю пройти безстрашно; а какъ нашъ гонецъ пойдетъ къ намъ назадъ отъ брата нашего отъ Руделфа Цесаря, и ты бъ гонца нашего потому жъ велѣлъ пропустити и подводы дати и проводити велѣлъ, чтобъ гонцу нашему до нашего Государства пройти было безстрашно.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта 7088, Августа мѣсяца, Индикта 8, Государствія нашего 46, а Царствъ нашихъ: Російского 32, Казанского 28, Асторохавского 26.»

А се таковъ наказъ данъ Истомѣ Шевригину: «Память Леонтью Истомѣ Шевригину. Послалъ его Государь, Царь и Великій Князь для своего дѣла и земского къ Руделфу, Цесарю Римскому. И Истомѣ ѣхати на Перновъ, а изъ Пернова ѣхати на которое будетъ мѣсто пригожъ; а корабль или судно въ Перновѣ припасти велѣно, въ чемъ Истомѣ изъ Пернова ѣхати на Датцкую землю. А пріѣхавъ въ Датцкую землю въ Аренборхъ, говорити Датцкого Короля приказнымъ людемъ, что онъ посланъ отъ Государя своего, Царя и Великого Князя къ Цесарю Руделфу и къ Дацкому Королю, и его бы Истому отпровадили въ Датцкую землю къ Фредерику Королю, а ѣдетъ съ великимъ дѣломъ. А какъ будетъ Истома у Датцкого Короля, и ему говорити Датцкому Королю рѣчь: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохавскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинные земли Лифлянскіе

Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—тебѣ, пріятелю своему и сусѣду, Фредерику, Королю Датцкому и Норветцкому, Олштенскому, Штормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Делманорскому, велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебя, пріятеля своего и сусѣда, Федерика Короля, о здоровьѣ спросить, какъ тебя Богъ милуетъ? Да подати грамота, а опослѣ грамоты проситися ранѣе, чтобъ его Король отпустилъ черезъ свое Государство къ Цесарю, и проводити его велѣлъ до цесаревы области черезъ свое Государство, и подводы бы ему далъ по своей землѣ. А нѣчто лучится Истомѣ ѣхати Саского Князя землею, и какъ будетъ въ Саской землѣ, и Истомѣ говорити Саского Князя приказнымъ людемъ, что онъ посланъ отъ Государя своего, Царя и Великого Князя къ Цесарю Руделфу, и грамота ему у себя къ Саскому Князю отъ Государя, Царя и Великого Князя сказати. А какъ будетъ Истома у Саского Князя, и ему говорити Саскому Князю рѣчь, по тому жъ, что и Датцкому Королю: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, и Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій,

Бѣлоозерскій и Государь отчинные земли Лифлянскіе Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ, — тебѣ Августу, Божіею милостію Архимаршалку святого Римского Царствія, и коронованному Князю, и Арцоку Саскому, Ланграфу Дюренскому, Маргрkörper Мисинскому и Буркграву Мандеборскому велѣлъ поклонитись. Божіею милостію Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебя о здоровьѣ вспросити, какъ тебя Богъ милуетъ?» Да подати грамота, а послѣ грамоты проситься, чтобъ его Саскій Августъ Князь ранѣе отпустилъ черезъ свою землю къ Цесарю, и проводити его велѣлъ до цесаревы области черезъ свою землю, и подводы бъ ему велѣлъ дать по своей землѣ. А какъ придетъ въ цесареву землю, и Истомѣ говорить по городомъ приказнымъ людемъ, чтобъ его ранѣе повели къ Цесарю и подводы ему дали, чтобъ ему къ Цесарю притти ранѣе. А какъ къ Цесарю придетъ, и Истомѣ говорити приставу, чтобъ ему велѣлъ у себя быть Руделфъ Цесарь ранѣе. А какъ Истомѣ велитъ быть у себя Цесарь, и Истомѣ, пришедъ, Руделфу Цесарю говорити отъ Государя, Царя и Великого Князя рѣчь: «Бога, въ Троицѣ славимаго милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростов-

скій, Ярославскій, Бѣлоозерскій и Государь отчинные земли Лифляньские Нѣметцкого чину, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему, Руделфу второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долмацкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю, и Архикнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлезскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушполскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю, велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ твое, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, здоровье видѣти и о здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ? Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, напоминается легкой поминокъ сорокъ соболей». Да подати грамота. А впросятъ Истомы, есть ли съ нимъ отъ Государя, Царя и Великого Князя къ Руделфу Цесарю, опричь грамоты, какая рѣчь, и Истомѣ молвити, что съ нимъ, опричь грамоты, рѣчи никоторые нѣтъ. А нѣчто къ Цесарю пустити его не похотятъ, а учнутъ Истомѣ говорити, чтобъ шелъ онъ къ цесаревымъ совѣтникомъ съ грамотою, и Истомѣ къ совѣтникомъ одноличпо не ходити, и грамоты и поминковъ не давати мимо Цесаря никому никоторыми обычаи. А нѣчто Цесарь позоветъ къ себѣ Истому ѣсти, и Истомѣ къ Цесарю за столъ итти; а того Истомѣ провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря Турского или Литовского или иного которого Государя пословъ и посланниковъ и гонцовъ; и будетъ у Цесаря иныхъ Государей посланники или гонцы будутъ, и Истомѣ за столъ одноличь не итти, а о томъ ему говорити: посадитъ меня Цесарь выше иныхъ Государей посланниковъ, и язъ за столъ иду, а не посадитъ меня выше иныхъ посланниковъ, и мнѣ за столъ не итти. И учнутъ Истомѣ говорити, что ему сидѣти выше иныхъ Государей посланниковъ, и Истомѣ за столомъ сидѣти; а нѣчто Истому посадятъ ниже иныхъ посланниковъ, и Истомѣ за столомъ не сидѣти, а ѣхати къ себѣ на подворье. А будетъ Турецкой посланникъ, или Литовской или Францовской, и ему съ ними вмѣстѣ никакъ не ходити; а хоти будетъ и введутъ его, а будутъ посланники Турского, или Литовского или Францовского тутъ и иные которые посланники, и ему ѣхать на подворье. А учнутъ Истомы спрашивати, гдѣ нынѣ Царь и Великій Князь? и Истомѣ сказати: Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи отпустилъ меня изъ своего Государства съ Москвы, и нынѣ

Государь, Царь и Великій Князь въ своемъ Государствѣ на Москвѣ. А нѣчто похочетъ Цесарь послати ко Государю о каковѣ дѣлѣ человѣка, а учнутъ говорити Истомѣ, чтобъ его съ собою взялъ вмѣстѣ и до Государя своего, Царя и Великого Князя довелъ, а Государь бы, того его человѣка выслушавъ и отвѣтъ учинивъ, отпустилъ его къ Цесарю, не издержавъ,—и Истомѣ говорити: пошлетъ съ нимъ Цесарь ко Государю нашему, Царю и Великому Князю о каковѣ дѣлѣ человѣка своего, посла или посланника, и язъ съ нимъ вмѣстѣ ко Государю своему, Царю и Великому Князю ѣду, и въ Государя своего Государствахъ доведу его до своего Государя здорово; а по цесаревыхъ бы Государствахъ и по Датцкого Короля землѣ до Государя нашего земли доѣхать бы намъ здорово за приставомъ цесаревымъ и за проѣзжею грамотою. А у Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи издавна въ обычаѣ ведется: которые послы и посланники и гонцы изъ которыхъ Государствъ ни придутъ, хотя и не цесаревы, и Государь, рѣчи ихъ выслушавъ и отвѣтъ имъ на тѣ ихъ рѣчи учинивъ, отпускаетъ ихъ къ ихъ Государемъ, не издержавъ, тотчасъ; а къ брату своему дражайшему къ Руделфу Цесарю Римскому, хотя съ нимъ братцкіе любви и докончанья утвердить, мимо всѣхъ Государей и скорѣе всѣхъ пословъ его и посланниковъ отпуститъ со всѣмъ съ полнымъ отвѣтомъ. А съ нимъ съ Истомою Государь, Царь и Великій Князь то и приказалъ къ брату своему, къ Руделфу Цесарю, чтобъ ранѣе Руделфъ Цесарь посылалъ къ брату своему къ Государю, Царю и Великому Князю своихъ пословъ скорѣе, братцкіе любви и соединенья въ докончаньѣ утвердити, которое дѣло началося межъ ихъ Государей; а нынѣча бъ Цесарь его Истому напередъ отпустилъ по Государевѣ грамотѣ въ Римъ къ папѣ, и проводити его до папы послалъ, чтобъ ему, бывъ у папы, назадъ быти у Цесаря вскорѣ. А нѣчто вспросятъ Истомы, какъ нынѣ Государь вашъ, Царь и Великій Князь съ Литовскимъ съ Стефаномъ Королемъ, и Истомѣ говорити: Стефанъ Батура, воевода Седмиградцкой, нынѣ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ укрѣпился по присылкѣ Турского Салтана, то и вамъ самимъ вѣдомо; а со Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ въ великой недружбѣ, и, сложась съ Турскимъ и съ иными съ мусулманскими Государи вмѣстѣ, нынѣ кровь хрестьянскую розливаетъ и впередъ розливати хочетъ. А прежъ того какъ сѣлъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, и присылалъ ко Государю нашему пословъ своихъ, воеводу земли Мазовецкіе Станислава Крыйского съ товарищи; и которое перемирье у Государя нашего послы его по его приказу сдѣлали и крестнымъ цѣлованьемъ укрѣпили, что было ему Стефану Королю тотъ миръ держать крѣпко, и Государь нашъ, по пословъ его договору за ихъ крестнымъ цѣлованьемъ, противъ посылалъ къ Стефану Королю то перемирье довершити своихъ великихъ пословъ, дворетцкого своего Тверского и намѣстника Муромского Михаила Долматовича Карпова съ това-

рищи,—и Стефанъ Король то перемирье, на́ чемъ послы его сдѣлали и крестнымъ цѣлованьемъ укрѣпили, порушилъ, и пословъ Государя нашего обезчестилъ, и держалъ ихъ у себя мало не годъ и отослалъ ихъ безъ дѣла не по прежнему обычею, чего ни въ мусулманскихъ Государствахъ, нигдѣ не слыхано. И порушивъ крестное цѣлованье пословъ своихъ, Стефанъ Король, пришедъ во Государя нашего отчину, городъ Полотескъ и съ пригороды взялъ искрадомъ, и кроворозлитье хрестьянское многое учинилъ, и нынѣ кровь хрестьянскую розливаетъ непреставая, сложася заодинъ съ бесерменскими Государи. А Государь нашъ, будучи въ терпѣньѣ и черезъ прежней обычей, чего николи не бывало, что Государя нашего посломъ ходити напередъ къ Литовскимъ Королемъ, да для покою хрестьянского, чтобъ кровь хрестьянская не розливалася и ожидая еще отъ него въ тѣхъ дѣлѣхъ къ себѣ исправленья, послалъ къ нему нынѣ по его опасной грамотѣ своихъ пословъ, столника своего и намѣстника Нижегородцкого, Князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского съ товарищи; и Стефанъ Король и на то на Государя нашего сходителство ко всякому добру и къ покою хрестьянскому не смотря, и нынѣча на розлитіе хрестьянское стоитъ. А болшая недружба Стефану Королю со Государемъ нашимъ за то, что Государь нашъ, Царь и Великій Князь хотѣлъ того и ссылался о томъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ сыномъ съ его съ Руделфомъ Цесаремъ, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ былъ Максиміяновъ цесаревъ сынъ Эрнестъ, а изъ руки Салтана Турского Стефанъ Ботура, Седмиградцкой воевода, на томъ Государствѣ не былъ: и то стало Салтану Турскому и Стефану Ботурѣ и болшая недружба ко Государю нашему, за то и стали, сложась, на Государя нашего. А нѣчто спросятъ про Полотцкъ, коимъ обычаемъ Король Литовской Полотцкъ взялъ? и Истомѣ говорити: были у Государя нашего послы Литовскіе, панъ Станиславъ Крыйскій, воевода Мазоветцкій, староста Плотцкій, Добрынскій съ товарищи, и договоръ учинили со Государя нашего бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ Новгородцкимъ, со Никитою Романовичемъ Юрьевича Захарьина съ товарищи на перемирье на три годы и крестнымъ цѣлованьемъ утвердили; и Государь нашъ, на то оплошась, болшихъ прибылныхъ людей въ Полотцкѣ не держалъ: коли цѣлованье не крѣпость, да чему вѣрить? И Король къ Полотцку пришедъ черезъ крестное цѣлованье, взялъ: и кто черезъ правду и черезъ крестное цѣлованье что учинитъ, и то коли крѣпко живетъ? А нѣчто спросятъ Истомы про Крымского Царя, какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ? и Истомѣ говорити: Государя нашего посолъ въ Крыму у Царя князь Василей Мосалской, а Крымского Царя посолъ Араславъ мирза Сулешовъ, княжой сынъ, у Государя нашего на Москвѣ, и гонцы межъ себя Государь нашъ со Царемъ ссылаются, а о чемъ будетъ ссылаются, и язъ, паробокъ молодой, того не вѣдаю. А нѣчто спросятъ про Лифлянскую землю, за что ихъ Государь воюетъ? и Истомѣ говорити: Лифлянская земля изначала Государя нашего вотчина, да не почели Государемъ нашимъ прежнимъ дани давать, и, отъ

Государя нашего отставъ, похотѣли быти въ своей волѣ, и во многихъ дѣлѣхъ не исправилися и надъ Государя нашего людми многое насилство чинили черезъ свою правду; и Государь нашъ многижды къ нимъ приказывалъ, чтобъ они, своей вины познавъ, передъ Государемъ исправились, и они ни въчемъ не исправились; и Государь нашъ на нихъ рать свою послалъ, и потому надъ ними такъ и сталося. А нѣчто спросятъ про Казань и про Асторохань, какъ нынѣ Казань и Асторохань Государю Царю и Великому Князю служатъ, и какимъ обычаемъ взялъ ихъ Государь? и Истомѣ говорити: Казанское Царство великое; изначала садились Цари на Царство на Казанское изъ рукъ Государей нашихъ прежнихъ: которого Царя на Казанской землѣ Государи наши, Московскіе Цари и Великіе Князи посадятъ на Казани, тѣ Цари и были на Царствѣ на Казанскомъ; а опослѣ того Казанское Царство почало ширитися и всякими обильи исполнилося и люди многихъ ордъ въ немъ учинилися государскихъ сродычевъ; и Казанскіе люди, позабывъ правду, и Государей нашихъ искони вѣчныхъ, почели отъ Государя нашего, отъ Царства Русского отставать. Въ кое время отца Государя нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи не стало, а Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи въ тѣ поры еще былъ не въ совершенныхъ лѣтѣхъ; а какъ Государь нашъ возрасту своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь на Казанское Царство ходилъ самъ дважды со всѣми своими землями. И съ Божьею помочью Государь нашъ, Царь и Великій Князь, почении своею Царскою персоною и всего христолюбивого воинства побѣдоносные хоругви, Царство Казанское взялъ и Царя свелъ, и многихъ Казанскихъ людей побилъ болши трехъ сотъ тысечь, въ приступъ Казанского взятья; и въ городѣ Царства Казанского поставилъ многіе церкви и архіепископа, и архимандритовъ, и игуменовъ и весь священный соборъ устроилъ; и по Волгѣ по рѣкѣ многіе городы поставилъ и многихъ князей и дѣтей боярскихъ въ Казани и по городомъ Казанскихъ пригородовъ устроилъ. И нынѣ Казань во Государя нашего, Царя и Великого Князя волѣ. А которые ясачные люди въ Казанскомъ уѣздѣ живутъ, и тѣ государевымъ Казанскимъ воеводамъ ясаки платятъ и на государевы службы ходятъ, куда имъ на которого своего недруга Государь велитъ итти; а сбирается ихъ на службу до пятидесять тысячь. А Асторохань Государство было того болши, изначала Болшіе орды Государство начальное въ мусулманскихъ Государѣхъ; а какъ Государю нашему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи Богъ поручилъ, Казанское Царство взялъ, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь послалъ рать великую Волгою къ Асторохани, чтобъ очистити Волга и до Хвалимскаго моря, а то Царство Асторохакское стоитъ близко устья морского. И Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи воеводы Асторохакское Царство взяли и Царя свели. И устроилъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь въ Асторохани по тому жъ благочестіе, многіе церк-

ви поставилъ и весь причетъ церковный устроилъ. А которые Асtороханскіе люди живутъ въ Асторохани по морскимъ мочакомъ и по Волжскимъ устьямъ, и тѣ Государю служатъ. А нѣчто спросятъ: какіе устья Волжскіе и что мочаки? и Истомѣ говорити: Волга рѣка великая, а впала въ море Хвалимское семьюдесять устьи и двѣма, и по тѣмъ устьямъ сидятъ Асtороханскіе кочевные люди. А нѣчто спросятъ про Нагаи, и Истомѣ говорити: Нагайская орда Князь Урусъ и мурзы всѣ всее орды кочуютъ по Волгѣ близко Асторохани, а прибѣгаютъ завсе къ Асторохани, а Государю нашему служатъ: куды Государь нашъ ни пошлетъ на свое дѣло, и они ходятъ тысячь до двадцати и до тридцати, и о колкихъ Государь нашъ коли прикажетъ къ нимъ сколко послати велитъ Нагайскихъ людей, и Князь Урусъ и мирзы Нагайскіе толко тогды людей и пришлютъ. Да провѣдати Истомѣ себѣ тайно: Литовскій Король къ Цесарю о каковѣ дѣлѣ вновѣ пословъ или посланниковъ присылывалъ ли, и будетъ присылалъ, и кого имянемъ и о каковѣ дѣлѣ, и цесаревы послы или посланники въ Литвѣ у Короля бывали ль? и какова цесарева область воинскими людми и казною издоволена, и много ли съ Цесаремъ живетъ воинскихъ людей въ походѣ? и каковъ силенъ людми воинскими и казною Французовской Король, и нѣтъ ли Французовскому розни межъ своихъ людей, и ссылки съ Цесаремъ Французовскому Королю есть ли, и будеть есть и о чемъ? и Цесарь нынѣ какъ съ Литовскимъ, и на каковѣ мѣрѣ, у Цесаря въ приговорѣ стало со всею Римскою областью противъ Литовского, и противъ Турского какъ имъ стояти? Да и того Истомѣ провѣдывать: Цесарь съ папою съ Римскимъ, и съ Венецѣяны, и съ Королемъ Ишпанскимъ и съ Агилѣйскою Королевою, и съ Чешскимъ, и Скотцкимъ Королемъ и со всѣми своими съ пограничными сусѣды въ докончаньѣ ли, и будетъ въ докончаньѣ, и съ которымъ Государемъ въ докончаньѣ, и съ которымъ не въ докончаьѣ, и въ каковѣ съ кѣмъ докончаньѣ? и Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали ли, и будетъ бывали, и о каковѣ дѣлѣ Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали? и Угорское Королевство нынѣ за Цесаремъ ли, и на Руделфово цесарево мѣсто на Королевствѣ Чешскомъ и на половинѣ Угорского изъ братьи его которой посаженъ ли, или его вѣдаютъ къ цесаревѣ области съ одного; и будетъ на Руделфово цесарево мѣсто на Чешское Королевство и на Угорское посаженъ братъ его Князь Эрнестъ, и кто нынѣ на Эрнестово мѣсто на Аустрѣйскомъ Государствѣ изъ братьи его? и Турскому съ Угорскіе земли дань даютъ ли, и будетъ даютъ, и что дани даютъ? и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его, сложася съ нимъ, стоять ли противъ Турского, и чаютъ ли на Турского походу и въ каково время? и Седмиградцкая земля какъ нынѣ съ Литовскимъ Королемъ съ Стефаномъ, и многіе ли люди приходятъ къ Королю къ Стефану, коли имъ велитъ, и на найму ли ходятъ, о томъ у Короля у Стефана у Литовского докончанье съ Седмиградцкою землею есть ли? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаетъ, и Истомѣ тѣ дѣла всѣ, записавъ, привезти ко Государю, Царю и Великому Князю».

7089—1581.

—

А се такова грамота о Истоминѣ отпускѣ послана отъ Государя съ Истомою жъ въ Перновъ къ воеводамъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Перновъ, воеводамъ нашимъ, князю Θедору Михайловичу Лобанову-Ростовскому съ товарищи да дьяку нашему Василью Алексѣеву. Послали есмя къ Руделфу Цесарю въ гонцѣхъ Истому Шевригина, а съ нимъ толмача изъ Ругодива Индрика Грима. И какъ къ вамъ въ Перновъ Истома Шевригинъ и толмачь Индрикъ пріѣдутъ, и вы бъ Истому Шевригина и толмача Индрика изъ Пернова отпустили за море, въ Датцкую землю, съ Датцкими съ торговыми людьми на ихъ на кораблѣхъ; а будетъ Истому и толмача Индрика изъ Пернова не похотятъ Нѣмцы даромъ на кораблѣхъ везти до Датцкого Короля земли, а похотятъ найму, и вы бъ и наемъ отъ нихъ дали, что будетъ пригожъ, чтобъ ихъ до Датцкого Короля земли довезли здорово; а не будетъ въ Перновѣ Датцкихъ торговыхъ людей, и отпустить будетъ Истомы въ Датцкую землю не съ кѣмъ, и вы бъ ихъ тотъ часъ отпустили въ Датцкого Короля городъ, за проливу, въ Разборхъ въ легкихъ судѣхъ. А въ Разборхъ бы къ намѣстнику къ Юрью Муку, или кому будетъ нынѣ въ Разборхѣ приказано, отписалъ отъ себя ты, князь Θедоръ, по прежнему нашему указу: что отпущенъ отъ насъ къ Руделфу Цесарю и къ Датцкому Фредерику Королю въ гонцѣхъ Истома Шевригинъ да съ нимъ толмачь Индрикъ Гримъ; и какъ Истома Шевригинъ и толмачь Индрикъ въ Разборхъ пріѣдутъ, и Юрьи бы Истому Шевригина и толмача Индрика изъ Разборха отпустилъ въ Датцкую землю къ Датцкому Королю съ торговыми людми, съ кѣмъ будетъ пригожъ, часа того, не издержавъ ни часу, и проводити ихъ послалъ, чтобъ до Государя его, до Датцкого Короля, земли пройти имъ здорово. А ѣдетъ Истома отъ насъ съ великимъ дѣломъ съ добрымъ, и Юрьи бы то учинилъ намъ въ службу: нашего гонца наскоро отпустилъ въ Датцкую землю. А въ которой день Истома и толмачь Индрикъ въ Перновъ пріѣдетъ и въ которой день ихъ изъ Пернова отпустите, и вы бъ о томъ къ намъ отписали тотъ часъ съ нарочнымъ гонцомъ. А будетъ изъ Ругодива толмача Индрика не пришлютъ, для Свѣйскихъ людей приходу, и вы бъ по неволѣ толмача изъ Пернова, которой лутче и кому вѣрить мочно, отпустили съ Истомою, а для подмоги дали бы есте двадцать рублевъ ему нашего жалованья, чтобъ за тѣмъ наше дѣло не стало и гонцу бъ нашему за тѣмъ не стати; а отпустили бъ бъ есте толмача тайно». Писана на Москвѣ лѣта 7089, Сентября въ 5 день.

А се такова грамота послана отъ Государя въ Ругодивъ о толмачѣ съ Парфеньемъ Елагинымъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Ругодивъ, воеводѣ нашему, Дмитрею Андреевичю Елизарову съ товарищи да дьяку нашему Петру Пестову. Послали есмя къ Руделфу Цесарю въ гонцѣхъ Истому Шевригина, а въ толмачѣхъ велѣли есмя съ Истомою быть изъ Ругодива Индрику Гриму. И какъ къ вамъ

ся наша грамота придетъ, и вы бъ толмачю Индрику дали нашего жалованья и на подмогу тридцать рублевъ денегъ изъ Ругодивскихъ доходовъ, изъ какихъ доходовъ ни буди; а давъ ему денги, отпустили бъ есте его изъ Ругодива въ Перновъ часа того съ сыномъ боярскимъ съ добрымъ, не издержавъ ни часу, вмѣстѣ съ Парфеньемъ съ Елагинымъ, и подводы ему отъ Ругодива до Пернова дали, и проводити его послали, чтобъ ему безстрашно до Пернова проѣхати. Да съ толмачемъ же съ Индрикомъ послали бы есте въ Перновъ къ Истомѣ Шевригину платье Нѣметцкое одно доброе, да на два человѣка рядового для проѣзду изъ запасного платья изъ казны; а не будетъ платья въ нашей казнѣ, и вы бъ взяли платье у Нѣмецъ въ цѣну, да послали въ Перновъ часа того и наказали ему ѣхати наскоро, чтобъ за толмачемъ Истомѣ Шевригину въ Перновѣ мотчанья не было ни часу; да и толмачю бъ есте платье Нѣмецкое велѣли съ собою жъ взяти; а одноличчно пошлите тотъ часъ. А пошлите толмача и платье тайно, чтобъ никто не вѣдалъ, куды толмача изъ Ругодива отпущаете, и толмачю бъ есте наказали накрѣпко, чтобъ у него того платья и его поѣзду не вѣдалъ никто. А того не учините, что толмача тотъ часъ не послать изъ Ругодива». Писана на Москвѣ лѣта 7089, Сентября въ 5 день.

А съ Москвы Истома отпущенъ Сентября въ 6 день.

А се такова грамота послана отъ Государя съ Истомою жъ въ Юрьевъ къ воеводамъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Юрьевъ Ливонской, воеводамъ нашимъ Ивану Дмитреевичу Плещееву съ товарищи, да дьякомъ нашимъ Семену Косткиву да Нечаю Перфирьеву. Послали есмя къ Цесарю въ гонцѣхъ Истому Шевригина; и какъ Истома въ Юрьевъ пріѣдетъ, и вы бъ его изъ Юрьева отпустили тотъ часъ, и проводити его послали дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ до Вильяна, сколко пригоже, чтобъ ему до Вильяна, проѣхати безстрашно». Писана на Москвѣ лѣта 7089, Сентября въ 5 день.

А въ Вильянъ къ воеводамъ о провожаньѣ до Пернова грамота послана отъ Государя съ Истомою такова жъ, какова и въ Юрьевъ.

И Октября жъ въ 24 день, такову грамоту прислали ко Государю изъ Пернова воеводы и дьякъ съ Парфеньемъ Елагинымъ: «Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи холопи твои Өедка Лобановъ-Ростовской да Никитка Боро . . . да Васко Алексѣевъ челомъ бьютъ. Писалъ еси, Государь, къ намъ, холопѣмъ своимъ, съ Истомою Шевригинымъ Октября въ 1-й день: посланъ отъ тебя, отъ Государя, къ Руделфу Цесарю въ гонцѣхъ Истома Шевригинъ, а съ нимъ толмачь изъ Ругодива Индрикъ Гримъ; и какъ въ Перновъ Истома Шевригинъ и толмачь Индрикъ пріѣдутъ, и намъ бы, холопѣмъ твоимъ, Истому Шевригина и толмача Индрика изъ Пернова отпустити за море въ Датцкую землю съ Датцкими торговыми людми на ихъ кораблѣхъ, и въ Розборхъ бы къ намѣстнику къ Юрью мнѣ, холопу твоему Өедку, отписати по прежнему твоему государеву указу, что отпущенъ отъ тебя, отъ Государя, къ Руделфу Цесарю и къ Датцкому Ко-

ролю Фредерику въ гонцѣхъ Истома Шевригинъ, да съ нимъ толмачь Индрикъ Гримъ. И мы, холопи твои, Истому Шевригина, а съ нимъ толмача Индрика Грима отпустили изъ Перновa въ Разборхъ Октября въ 13 день; а судно подъ нихъ наняли у Разборского у торгового человѣка у Дирика, а найму до Разборха отъ судна дали рубль денегъ, и платье Нѣметцкое, которое прислано изъ Руголива, Истомѣ дали. И въ Разборхъ, по твоему государеву указу, я, холопъ твой Өедко, къ воеводамъ къ Юрью Фитингафу, да къ Лаврецу Мартову писалъ: посланъ Твоего Царского Величества къ Руделфу Цесарю и ко Государю ихъ къ Датцкому Фредерику Королю въ гонцѣхъ Истома Шевригинъ, а съ нимъ толмачь Индрикъ Гримъ съ великимъ дѣломъ съ добрымъ; и какъ Истома Шевригинъ, а съ нимъ толмачь Индрикъ въ Разборхѣ будутъ, и они бъ ихъ отпустили къ Королю Датцкому, не задержавъ, часа того, а тебѣ Государю то учинили въ службу, и къ намъ отписали, какъ Истома и толмачь въ Разборхъ пріѣдутъ и въ кой день ихъ за море къ Королю Датцкому отпустятъ, по чему бы намъ отписати къ тебѣ, ко Государю. И какъ, Государь, изъ Разборха воеводки къ намъ отпишутъ, и мы, холопи твои, тотъ часъ отпишемъ къ тебѣ ко Государю».

И лѣта 7089-го Іюня въ 26 день, Өөонасей Резановъ къ Москвѣ ко Государю отъ Цесаря пріѣхалъ, а привезъ ко Государю, Царю и Великому Князю отъ Цесаря двѣ грамоты, да грамоту третью проѣзжую, какова ему дана отъ Цесаря, да списокъ, какъ ся у него, у Цесаря, государево дѣло дѣлало.

А се переводъ съ цесаревы грамоты ко Государю, какову привезъ Өөонасей Резановъ: «Мы Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, по всяко время прибавитель Царствамъ, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, и Шлявонскій и иныхъ, Король и Арцыкнязь Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Штырскій, Каратынскій, Кроатцкій, Луцемборскій, Вертенборскій, вышніе и нижніе Шлейскіе земли, Князь Швабскій, Маркграфъ святого Римского Царствія и Буркграфъ Маерскій, вышніе и нижніе Лаузницкіе земли Княже, Графъ Гапспорскій, Тиролскій, Фератцкій, Кибурскій, и Горетцкій и иныхъ, Ланкграфъ Елсотцкій, Государь Виндейскій, Маркъ въ Портиналѣ и въ Саліюсѣ и иныхъ. Извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохaнскому и иныхъ, нашему опричeнному любителному пріятелю и брату, наше пріятелство и любовь и всякая доброта. Пресвѣтлѣйшей и Велможнѣйшей Князь, опричeнной любителной пріятель и братъ! То писмо, которое Вашей Любви къ намъ писано прошлого Марта мѣсяца осмаго дня, что намъ вашъ слуга Вашей Любви и пріятелного хотѣнья подалъ, и гораздо извѣстилъ, что Ваша Любовь прежъ сего съ нашего бывшего милого Государя отца, спасителные памяти, учиненного пріятелства и братства, и которое нынѣ съ нами укрѣпити хо-

тите, и какъ отца нашего Величество смышлялъ къ вамъ пословъ своихъ послати, также и мы съ кронованными Князми и съ иными чиновными святого Римского Царствія, къ прибавленью доброго пріятелства и сусѣдства опричинно думаемъ, и по ся мѣста есмя о томъ велми думали, къ добротѣ Ливонской земли и къ Вашей Любви хотѣли отпустити пословъ своихъ, а вы на нашихъ пословъ и опасную свою грамоту прислали. И мы отъ Вашей Любви всепріятелно и сусѣдственно выразумѣли, и мы на томъ Вашей Любви во всѣмъ добрѣ подвижны, по тому жъ какъ нашъ Государь отецъ былъ на то съ Вашею Любовью подвиженъ, началного пріятелства прибавити. Да что Ваша Любовь велѣли пословъ нашихъ къ вамъ послати, и о томъ мы Вашей Любви пріятелно не можемъ задержати, что мы того пріятелства, о которомъ нашъ спасенной отецъ, такъ и мы сами послѣ отца нашего преставленья къ Вашей Любви писали. И о томъ все памятуемъ и по ся мѣста о томъ со всѣмъ прилежаньемъ промышляти, чтобъ отъ насъ такіе послы къ вамъ послати, для тѣхъ убогихъ Лифлянтъ; и которые были у насъ на то посолство устроены, и тѣ у насъ иные померли, а иные болны, что имъ немочно было къ вамъ ѣхати. А по ся мѣста у насъ совѣтованья и соборованья со всѣми Римскими Царствами не бывало, что было намъ о тѣхъ дѣлѣхъ говорити и иныхъ пословъ къ вамъ послати; а Ливонская земля прислушна къ Римскому святому Царству. И мы на то надѣемся, что Вашей Любви про то не будетъ досадно, что мы пословъ своихъ по ся мѣста къ вамъ не отпустили. И мы вамъ пріятелно извѣщаемъ, что въ нынѣшнемъ Вашей Любви писанъѣ о Ливонской землѣ ничего не помянено; и мы хотимъ наборзѣ Вашей Любви писанье и хотѣнье къ кронов(анн)ымъ Княземъ и ко всѣмъ чиномъ извѣстити, и по ихъ думѣ къ Вашей Любви, какъ пригоже, впередъ извѣстимъ. То мы нынѣ на Вашей Любви писанье пріятелно не могли задержать, и всегды пріятелно и братственно съ хотѣньемъ подвижны. — Дана въ нашемъ королевскомъ городѣ въ Прагѣ, мѣсяца Октября 6 дня, лѣта 1580; Римского Царства 5, Угорского 9, Чешского 6. Вашей Любви доброхотѣнной братъ Руделфъ своею рукою приписалъ».

А се переводъ съ цесаревы другіе грамоты: « Мы Руделфъ второй, Божьею милостію избранный Цесарь, по всяко время прибавитель Царства, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій, и иныхъ, Король и Арцыкнязь Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Стырскій, Коротынскій, Краинскій, и Вертенборскій, Графъ Тиролскій, и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велможному Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Царю Казанскому и Астороханскому и иныхъ, опричинно любителному нашему пріятелю и брату, нашего пріятелства любовь и все добро. Пресвѣтлѣйшій и Велможнѣйшей Князь, опричинной любителной пріятель и братъ! Вѣдомо далъ намъ въ покорности нашего Царства вѣрный слуга Еронимосъ Ремеръ: которымъ обычаемъ Вашей Любви въ прошломъ времени былъ походъ, какъ ималъ городъ Кесь, и онъ для

своихъ дѣлъ исправити тамъ былъ поѣхалъ въ Кесь, и съ иными полоненики онъ и весь животъ его взятъ въ Кеси, а съ нимъ былъ приказъ нашего милого Государя и отца Цесаря Максимиліяна, высокославныя памяти; и для того намъ, въ покорности бьетъ челомъ о отпущеньѣ и о простаньѣ и о животѣхъ своихъ. И потому, что тотъ Еронимосъ Ремеръ, нашъ слуга, у высокоименованного Государя отца нашего по всякіе времяна въ подкорности служилъ, для того объ немъ печалуемся; и мы того отставити не хотѣли, и къ Вашей Любви его для писати и доложити съ тѣмъ пріятелнымъ и братцкимъ хотѣньемъ, чтобъ Ваша Любовь похотѣли для нашіе пріятелные любви и сусѣдственного хотѣнья и приказали, чтобъ того именованного Ремера отъ его долгого терпѣнья ослободити, и волно его къ себѣ, къ женѣ его и къ дѣтемъ отпустить велѣли и съ его животы, которые у него поиманы: то учинитъ Ваша Любовь намъ въ томъ великую любовь. И мы къ вамъ со всѣмъ добрымъ сусѣдствомъ и пріятелствомъ подвижны.— Дана въ нашемъ городѣ въ Прагѣ, въ седмый день Октября, лѣта 1580; нашего Римского Царства 5, Угорского 9, Чешского 6. Вашей Любви доброхотѣнной братъ Руделфъ своею рукою приписалъ».

А се переводъ съ цесаревы съ проѣзжіе грамоты, что дана Оѳонасью Резанову: « Мы Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Римской Цесарь, по всяко время прибавитель Царствамъ, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, и Шлявонскій и иныхъ, Король, и Арцыарцукъ Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Штырскій, Крантцкій, Крайнскій, и Вертенборскій и иныхъ, Графъ Тиролскій и иныхъ, извѣщаю всѣмъ и всякимъ коронованнымъ Княземъ и Княземъ духовнымъ и мірскимъ, Государемъ и Графомъ, волнымъ господиномъ, рыцаремъ и слугамъ, земскимъ гетманомъ, земскимъ моршалкомъ, приказщикомъ, гетманомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ, бурмистромъ и судьямъ, ратманомъ, полатникомъ и всѣмъ обчее нашего Царствія и иныхъ нашихъ Королевствъ вотчиннымъ, и княженнымъ, и подданнымъ, и вѣрнымъ, въ которомъ чину они нибуди, и тѣмъ стороннымъ по морю, которое близко къ Ливонской землѣ, Королемъ, Государемъ, и Владѣтелѣмъ чиновнымъ и городомъ, къ которымъ ся наша цесарская проѣзжая грамота придетъ, наше пріятелство, и любовь, и милость и всего доброго. И учинимъ Вашей Любви и вамъ тѣмъ пріятелно и милостивно вѣдомо, что Великого Князя Московского посланникъ къ нашему Цесарскому Величеству отпущенъ тотъ драгой и нашъ любителной Оѳонасей Резановъ, и сдѣлавъ своего Государя приказъ, и опять назадъ отпущенъ. И чтобъ ему волно было проѣхати, и скоро мы того для извѣщаемъ Вашимъ Любви и вамъ пріятелно и сусѣдственно и милостивно повелѣваемъ и приказываемъ грозно, чтобъ вы того именованного Руского посланника и со всѣми людми, которые съ нимъ ѣдутъ, вездѣ, по водѣ и по землѣ со всѣмъ волно, безъ мѣшканья и безъ задержанья, пропустили, и корабль и всяко потребство ему давали: то намъ учините любовь и послушанье.—Дана въ нашемъ королевскомъ градѣ въ Прагѣ, мѣсяца Октября въ 8-й день, лѣта 1580; нашего Римского Царствія 5-го,

Угорского 9-го, Чешского 6-го. Руделфъ Цесарь руку свою приписалъ».

А се таковъ списокъ подалъ Государю, Царю и Великому Князю Оѳонасей Резановъ, какъ ся у него у Цесаря государево дѣло дѣлало: «(лѣта) 88-го Августа въ 8 день, ѣздилъ Оѳонасей Резановъ къ Королю къ Датцкому Фредерику, и отъ Государя титлу говорилъ, и грамоту отъ Государя Королю отдалъ, и о здоровьѣ Короля отъ Государя спрашивалъ, и просился у Короля, чтобъ его Король отпустилъ, не издержавъ, къ Цесарю Римскому; и Король отказалъ: велю тебя отпустити тотъ часъ. А при Королѣ были королевскихъ бояръ Христофоръ Валкинторпъ, Капнагаевской воевода, да бояринъ Аррублу да дьякъ Нилсковъ. А по Оѳонасья приходили королевскіе дворяня корабленой болшой воевода Амралью Редовъ да подвоеводичь Кристанмунъ; а отъ Короля проводили тѣ жъ дворяне на подворье; а былъ у Короля Августа въ 9 день въ городѣ въ Шалшенерѣ, а прозвалъ его Король Крунборъ, а на другой сторонѣ городъ Елзборъ противъ, а течетъ пролива четыре версты изъ Свѣйского моря въ Восское море. И Король Датцкой велѣлъ меня отпустити къ Цесарю Римскому, и пристава и кормъ и подводы велѣлъ ему дати по своей землѣ. И приставъ былъ Янъ Анцынъ, проводилъ до пристани до Естряди и судно далъ до города до Роски, и пріѣхалъ въ Роску Августа въ 23 день, и въ Роскѣ жилъ 8 дней. А посылалъ къ Маклиборскому Князю, чтобъ меня пропустити изъ Роски, (и) велѣлъ Князь Маклиборской ѣхати въ городъ свой Островъ, и въ Островѣ держалъ 10 дней и проѣзжую грамоту далъ по своей землѣ. И пріѣхалъ въ городъ въ Прагу Сентября въ 24 день; а Цесарь былъ въ потѣшномъ городѣ въ Рандежѣ, и пріѣхавъ въ городъ въ Прагу Сентября въ 25 день, а въ Недѣлю Цесарь не выходилъ. И я, холопъ твой, посылалъ толмача къ цесаревымъ приказнымъ людемъ, и приказные люди отказали: теперѣ деи Цесарь боленъ, ни до чего ему. А въ Понедѣлникъ приходилъ цесаревъ казначей Контороль и говорилъ: Цесарю деи про тебя извѣстили, и Цесарь тебя велѣлъ всѣмъ устроити. И велѣлъ быти Цесарь Оѳонасью у себя Сентября въ 28 день. А пріѣзжалъ по него компатной дворянинъ Юрьи Усперсторъ, и лошади подъ Оѳанасья цесаревы привели. И Оѳонасей у Цесаря былъ и Государское титло говорилъ, и отъ Государя поклонъ правилъ, и о здоровьѣ отъ Государя спрашивалъ, и грамоты государевы Цесарю отъ Государя отдалъ и дары отъ Государя Цесарю сказалъ. И Цесарь велѣлъ дохтору говорити: мнѣ деи, здоровье брата своего слышавъ и присланье, за честь, что деи Цесарь отъ Государя ваши рѣчи выслушалъ, и выразумѣлъ и ласково принялъ; и бояринъ цесаревъ и моршалокъ Дидриштинъ Оѳонасью говорилъ отъ Цесаря, что деи ты о себѣ вѣсти не далъ, какъ ѣхалъ въ Прагу, потому тебѣ отъ Цесаря и встрѣчи не было, а нынѣча тебя Цесарь велѣлъ устроити всѣмъ. И Оѳонасей такъ сказалъ: мнѣ деи было послати некого, одинъ со мною толмачь: посланъ деи язъ отъ своего Государя къ Руделфу Цесарю наскоро и измѣшкалъ на морѣ девять недѣль, задержало погодье, а Датцкой Король держалъ пять недѣль, а Маклиборской Князь Олдрихъ держалъ 20 дней у себя, не пропустилъ. И Сентября въ 26 день, прислалъ Цесарь

своего казначея Контороля, а съ нимъ прислалъ пристава пана Яна Вявсю и велѣлъ мнѣ кормъ устроити, какъ было у прежнихъ пословъ и посланниковъ, и поваровъ и столниковъ и стряпчихъ прислалъ, и всякого корму; и велѣлъ Цесарь давати доволно, сколко надобетъ. И Октября въ 3 день, прислалъ Цесарь своего казначея Контороля и велѣлъ мнѣ говорити, чтобъ язъ Өөонасей ѣхалъ въ его въ потѣшные дворы цесаревы, и лошади и колымаги Цесарь прислалъ. И Өөонасей ѣздилъ въ цесаревы въ потѣшные дворы, а съ Өөонасьемъ ѣздилъ цесаревъ казначей Каптароль да панъ Янъ Вянся. И Октября въ 1 день, присылали постелные думные бояря Троуценскій, да бояринъ Бярняштинъ да Гамъ; и Өөонасей у нихъ былъ и говорили Өөонасью: есть ли отъ Государя вашего о каковѣ дѣлѣ къ Цесарю рѣчи? И Өөонасей говорилъ: нѣчто похочетъ Цесарь ко Государю нашему, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи послати о каковѣ дѣлѣ человѣка, посла или посланника, и я съ нимъ вмѣстѣ ѣду до Государя своего, Царя и Великого Князя, и въ Государя своего Государствахъ доведу его до своего Государя здорово; а по цесаревымъ бы Государствамъ и по Датцкого Короля землѣ до Государя нашего земли доѣхати бы намъ здорово за приставомъ за цесаревымъ и за проѣзжею грамотою. А у Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи издавна въ обычаѣ ведется: которые послы или посланники изъ которыхъ Государствъ нибуди пріѣдутъ, хотя и не цесаревы, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, рѣчи ихъ выслушавъ и отвѣтъ имъ учинивъ на тѣ ихъ рѣчи, и отпущаетъ ихъ къ своимъ Государемъ, не издержавъ, тотъ часъ; а къ брату своему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу, Цесарю Римскому, хотя съ нимъ братцкіе любви въ докончаньѣ утвердити, мимо всѣхъ Государей, и скорѣе всѣхъ, его пословъ или посланниковъ, выслушавъ ихъ рѣчи, и отпустить ихъ со всѣмъ полнымъ отвѣтомъ. А со мною Государь, Царь и Великій Князь то приказывалъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю, чтобъ ранѣе Руделфъ Цесарь послалъ къ брату своему ко Государю, Царю и Великому Князю пословъ своихъ скорѣе, братцкіе любви и соединенья въ докончаньѣ утвердити, которое дѣло зачалось межъ ихъ, Государей. И бояря цесаревы Троуценскій съ товарищи отказали Өөонасью: о чемъ ты говорилъ, и мы то борзо разумѣемъ и донесемъ до своего Государя, до Руделфа Цесаря; а какъ Цесарь выразумѣетъ, о чемъ ты отъ своего Государя присланъ, и потомъ тебѣ Цесарь ласковъ отвѣтъ учинитъ. И пріѣзжали къ Өөонасью за столъ многіе цесаревы дворяня, столники и чашники и кравчеі былъ столникъ Ганца Нѣмецъ, братъ его Юрьи чашникъ, Карлъ Хравтрилицкій кравчеі, Карлъ Губерхъ столникъ, Фредерикъ Гамбекъ удѣлной Князь, кравчей Фердинандъ, Емельянъ чашникъ, Саиръ Волстеинъ столникъ, Албертъ Ласкій воевода Сиратцкій, Андрей Естенберхъ дьякъ, Карстеійнъ Фангопенъ, Князь Федернанъ, то посолъ цесарева дяди, Хинскій цесарскій воевода Ческій, панъ Гонскій Полякъ дворянинъ, Влохшкоди дворянинъ, графъ Михайло Влоскій, Контороль цесар-

скій казначей, да дьякъ Михайло Бекъ, панъ Стеренъ Берекъ дворянинъ да иные многіе дворяня пріѣзжали за столъ. Октября въ 3 день, былъ у Ѳонасья за столомъ: Карлъ графъ кравчей, Карлъ Губерхъ столникъ, Хинскій цесарскій воевода, Ческій дворянинъ Влохшкодъ, графъ Михайло Влоскій, Конторль цесарскій казначей. И спрашивали Ѳонасья, коимъ обычаемъ Король Литовской Стефанъ Батуръ Полотескъ взялъ у Государя вашего? И Ѳонасей говорилъ: были у Государя нашего послы Литовскіе панъ Станиславъ Крыйскій, воевода Мазоветцкой и староста Плотцкій, и Добрынскій съ товарищи, и договоръ учинили со Государя нашего бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ Новгородцкимъ съ Никитою съ Романовичемъ Юрьевича Захарьина съ товарищи на перемирье на три годы и крестнымъ цѣлованьемъ утвердились; и Государь нашъ, на то оплошась, болшихъ и прибылныхъ людей въ Полотцкѣ не держалъ: коли цѣлованье не крѣпость, чему вѣрити? И Король Полотцкъ, пришедъ безвѣстно, взялъ черезъ крестное цѣлованье; и кто черезъ правду и черезъ крестное цѣлованье что учинитъ, то ль крѣпко живетъ? И говорилъ Хинскій, воевода Чешскій: коли деи Стефанъ Король денги свои истеряетъ, наймуючи людей, а вѣдаемъ, что у него денегъ нѣтъ въ землѣ, а займуючи денги, немного съ Московскимъ Государемъ воеваться; а коли на него Московской Государь пойдетъ, тогды Полотцкъ свой возметъ, да и королевскому задеретъ, тогды будетъ Стефану Королю нечѣмъ платити наемнымъ людемъ: Угорскими вшами не заплатити ему найму. И Октября въ 6 день, присылалъ Цесарь Руделфъ по Ѳонасья вдругія своего столника Карла Губерха, и лошадь подъ Ѳонасья привели. А какъ Ѳонасей пріѣхалъ къ Цесарю Руделфу, и Цесарь сказалъ Ѳонасью: которые грамоты ты привезъ отъ своего Государя ко мнѣ, и я тѣ грамоты выразумѣлъ, и по тѣмъ грамотамъ своему дражайшему и любезнѣйшему брату посылаю съ тобою пріятелной отвѣтъ; и ты бъ тѣ грамоты довезъ до своего Государя. А съ братомъ своимъ хочю впередъ братолюбіе держати, какъ зачалось межи отцемъ моимъ. А ты поѣди къ своему Государю здорово; а грамоты тебѣ отдастъ мой діякъ Андрей Естеберхъ. И въ той жъ день діякъ Андрей грамоты отъ Цесаря къ Ѳонасью принесъ и отдалъ. И Октября въ 16 день, пріѣзжалъ отъ Цесаря съ дары къ Ѳонасью Кар(лъ) Губерхъ столникъ, и принесъ отъ Цесаря чѣпь золотую Ѳонасью, а толмачю полтораста ефимковъ, да шестьма человѣкомъ по семинадцати ефимковъ. И велѣлъ Цесарь приставу своему проводити Ѳонасья до Любки пану Яну Вя(и)сю Ляху, и кормъ и подводы цесаревы до Любки; и грамоту Цесарь далъ къ Датцкому Королю, чтобъ Ѳонасья велѣлъ Король отпровадити на украйну Государя нашего, а другую Цесарь далъ грамоту къ Любскимъ буймистромъ и ратманомъ, чтобъ меня отпровадили на украйну Государя нашего. И поѣхалъ Ѳонасей отъ Цесаря изъ Праги Октября въ 17 день. И провѣдывалъ Ѳонасей, въ каковѣ мѣрѣ Король Полской съ Цесаремъ?—и пріѣзжалъ отъ Короля гонецъ къ Цесарю панъ Клябанъ Подойскій, а писалъ Король къ Цесарю, чтобъ отдалъ городъ Зекмаръ, въ Угрѣхъ: то деи вотчина

отца моего, чтобъ тотъ городъ отдалъ Королю, да и сослатися бъ болшими послы и утвердити мирное постановленье. И Цесарь его отпустилъ ни съ чѣмъ изъ Праги Сентября въ 3 день; а Цесарь къ Королю пословъ своихъ и посланниковъ не посылывалъ. А цесарева область воинскими людми и казною силна: будетъ пособятъ Кухверсты и семьдесять городовъ, и Цесарь Турскому и Литовскому силенъ. А при нынѣшнемъ Цесарѣ воинскимъ людемъ собранье не бывало, и быти было Цесарю на съѣздѣ въ Нерберхѣ Ноября въ 24 день, на болшомъ съемѣ о болшихъ всѣхъ дѣлѣхъ, и всѣмъ Кухверстомъ и Графомъ; и съѣздъ не сстался, за то что явилось повѣтрее во многихъ мѣстѣхъ и розболѣлся Кухверстъ Сацкой. А сказываютъ деи, нынѣча будетъ у Цесаря съѣздъ на Иванъ день Рожества Предтечева, о всѣхъ дѣлѣхъ и о всей землѣ въ томъ же въ Норенберхѣ. А Францовской Король казною и людми силенъ; а рознь у него была въ землѣ за то, что онъ взялъ оманомъ городъ свой Маиденъ, а въ томъ городѣ была казна изъ Недерляитъ отъ Шпанского Короля; а нынѣча у Францовского Короля розни въ землѣ нѣтъ. А у Цесаря Францовскіе послы есть; а Цесарь пословъ своихъ часто посылаетъ къ Францовскому Королю о совѣтѣ и о любви. А къ папѣ Цесарь пословъ своихъ часто жъ посылаетъ, а папины послы у Цесаря бываютъ; а съ папою Цесарь и съ Венецѣяны въ миру. А съ Шпанскимъ Королемъ Цесарь въ миру, и послы Шпанскіе у Цесаря, а цесаревы у Шпанского Короля о совѣтѣ и о любви. Да отъ Шпанского Короля пригонилъ гонецъ къ Цесарю Сентября въ 28 день, съ тѣмъ, что взялъ Ишпанской Король Португалское Королевство и сталъ Государемъ въ Португалскомъ Королевствѣ, и Цесарю въ томъ великая радость. А говорятъ, что Цесарь женится у Ишпанѣйского Короля, а понять дочерь его. А съ Ангелѣйскою Королевою у Цесаря послы бывали. И Щкотского Короля послы бывали у Руделфа Цесаря. А цесаревы послы у Турского Царя живутъ безъ съѣзду. Да пригонилъ къ Цесарю гонецъ изъ Вѣдна Октября въ 10 день, съ тѣмъ что пришелъ въ Вѣдну Турецкого Царя посолъ, а сказываютъ, ихъ пятнадцать человѣкъ; а Цесарь Турскому Царю посылаетъ поминки для Угорскіе земли. А на половинѣ Угорской и на Чешскомъ Королевствѣ, на чемъ былъ Королемъ Руделфъ, не посаженъ братъ цесаревъ ни одинъ Королемъ, а вѣдаютъ къ цесаревѣ области съ одного; а два брата цесаревы Эрнестъ да Максимиліянъ живутъ въ Вѣднѣ Арцыкняжатами Раковскими; а которые были цесаревы два брата Албертъ да Венцеславъ у Ишпанѣйского Короля, и одного цесарева брата Венцеслава въ животѣ не стало тому годъ, а Албертъ живетъ у Ишпанѣйского Короля; а цесаревъ братъ Матіяшъ живетъ въ городѣ въ Андерти въ Недерлянской землѣ. А Седмиградціе земли люди ходятъ къ Королю къ Полскому наймоваться, и платитъ имъ наемъ Король Полской, а выходъ даютъ съ Семиградцкіе земли Турскому Царю. А которые были Нѣмцы Ливонскіе земли Датцкого Короля, и Король имъ поволилъ итти служити къ Полскому Королю. Въ лѣтѣ 7088, мѣсяца Іюня въ 9 день, пошолъ изъ Разборха Юрьи Франзбекъ къ Полскому

Королю наймоваться, а съ нимъ пошло конныхъ пятдесять человѣкъ да пѣшихъ сто человѣкъ. Да какъ Оѳонасей ѣхалъ отъ Цесаря, и Оѳонасей наѣхалъ въ городѣ въ Лю(б)ки Анницу Булмана Литовского купца Данченина, а онъ на Короля на Полского денги займуетъ. Да Любской полатникъ Томасъ Фрейсъ сказывалъ мнѣ, холопу твоему, что деи у насъ цесаревъ заказъ, что намъ не велѣлъ Цесарь Королю Полскому въ займы денегъ давати. Да пріѣзжалъ отъ Короля отъ Полского мѣсяца Августа въ 29 день, въ Роску и въ Любку королевской купецъ Кузма Мамоничь къ Роскимъ и къ Любскимъ буймистромъ и ратманомъ на Короля денги займовати; и буймистры и ратманы денегъ не дали въ займы. Да пріѣзжалъ въ Любку отъ Полского Короля государевъ измѣнникъ князь Иванъ Тувъ въ мѣсяцѣ въ Іюлѣ въ 25 числѣ, денегъ займовати и говорити Любскимъ буймистромъ и ратманомъ и полатникомъ, чтобы посылали людей своихъ къ Королю со всякимъ торгомъ торговати за Королемъ, и людей бы своихъ посылали къ Королю наймоваться; и буймистры и ратманы людей своихъ не посылали наймоваться, и съ торгомъ людей своихъ не посылали за Королемъ, и денегъ Королю не дали въ займы. И лѣта 7089 мѣсяца Ноября въ 9 день, пріѣхалъ изъ Колывани Любской Нѣмчинъ Тиманъ Бекъ, а сказалъ твоему государеву толмачю, что деи пошли изъ Колывани всѣ Нѣмцы въ Выборъ, а итти имъ на твою государеву украину въ Новгородцкіе мѣста, а сказываютъ, всѣхъ ихъ въ собраньѣ будетъ и съ Латыши тысячи съ три или съ четыре, да въ Выборѣ три корабли Свицкого воеводы Делигарда накладены товару соли да селдеи, а итти имъ на весну рано къ Ругодиву, а на нихъ будутъ Нѣмецкіе купцы. Мѣсяца Генваря въ 23 день, пріѣзжалъ въ Любку къ буймистромъ и къ ратманомъ изъ Данска ратманъ Борхромъ Ефалдинъ Королю Полскому денегъ займовати, и Любскіе буймистры и ратманы денегъ Королю въ займы не дали; да тотъ же ратманъ Борхромъ Ефалдинъ ѣздилъ къ Олшинскому Князю на Полкого Короля денегъ займовати, и Олшинскій Князь ему денегъ не далъ въ займы, а встрѣтилъ его твой государевъ толмачь въ Олшинской землѣ; а онъ ѣдетъ отъ Лелзборха во Анборхъ Полскому Королю денегъ займовати, и во Анборхѣ ему денегъ не дали въ займы. Мѣсяца Апрѣля въ 11 день, пріѣхалъ въ городъ въ Любку Юрьи Франзбекъ отъ Датцкого Короля, а наймовати ему люди въ Любкахъ и въ Поморскихъ городѣхъ къ Полскому Королю тысяча конныхъ человѣкъ, а двѣ тысячи пѣшихъ; и въ Любкахъ ему людей при мнѣ не дали наняти Апрѣля по 19 число. Да сказывалъ Оѳонасью Еремѣй Картушь, да Любской Нѣмчинъ Анца, что деи Юрья Франзбека изъ Лю(б)ки выслали и людей ему на Короля на Полского не дали наняти. Пріѣхалъ Оѳонасей подъ Островъ подъ Готлянъ Маія въ 19 день, и сказывалъ толмачю Индрику Гриму Датцкого Короля прикащикъ Юрьи Прусъ, что Юрьи Франзбекъ нанялъ людей четыреста человѣкъ пѣшихъ, а тѣ люди ѣхали отъ Юрья Франзбека въ Ригу изъ Поморскихъ городовъ, а давалъ тѣмъ людемъ задатка по ефимку и по два; а давалъ тѣмъ людемъ наемъ въ Ригѣ; а Юрью деи ѣхати изъ Поморскихъ городовъ въ Разборкъ, а изъ Разборка ѣхати въ Ригу тотъ часъ. И

мѣсяца Марта въ 3 день, посылалъ язъ, холопъ твоі, твоего государева толмача Индрика Грима къ Датцкому Королю съ цесаревыми грамотами, чтобъ меня велѣлъ Король отпровадити на украйну Государя нашего, или бъ велѣлъ меня пропустить своимъ людемъ на море; и Датцкоі Король у толмача цесаревы грамоты взялъ, а ему ничего не отказалъ, толко дали толмачю память, что цесаревы грамоты дошли до Короля. А Индрикъ пріѣхалъ отъ Короля Марта въ 14 день, а грамоты проѣзжіе Король не далъ. И послѣ того, мѣсяца Апрѣля въ 9 день, писалъ къ Өѳонасью грамоту Христофоръ Валкинторпъ, Капнагаевской воевода: велѣлъ деи мнѣ Король къ тебѣ, Өѳонасью, писати, чтобъ ты ѣхалъ въ Капнагаевъ, и велѣлъ тебя Король отпровадити на украйну Государя вашего и пристава прислалъ для береженья; и какъ деи поѣдешь королевскою землею, и Король велѣлъ подводы дати по своеі землѣ до Капнагаева. И поѣхалъ язъ, Өѳонасеі, изъ Любки въ Капнагаевъ Апрѣля въ 19 день, и стоялъ на пристани за вѣтромъ, Апрѣля по 25 число. И поѣхалъ съ Трумента въ Капнагаевъ Апрѣля въ 25 день, а толмача Индрика Грима съ грамотою съ проѣзжею да людей отпустилъ моремъ Апрѣля въ 29 день. И на морѣ деи изымалъ толмача и людей Каптейнъ Александръ Деренъ по Христофоровой грамотѣ Валкинторпа, а привелъ толмача Индрика и людей въ Капнагаевъ, и отдали ихъ мнѣ, Өѳонасью, совсѣмъ Апрѣля въ 30 день. И пріѣхалъ язъ, Өѳонасеі, въ Капнагаевъ; и посылалъ язъ, Өѳонасеі, Христофору Валкинторпу толмача Индрика, и велѣлъ ему говорити, чтобъ ранѣе Король велѣлъ отпровадити на украйну Государя нашего. И Христофоръ отказалъ: язъ деи пошлю къ Королю, куды тебя велитъ отпустити на украйну Государя вашего. Да сказывалъ Өѳонасью Каптейнъ Деренъ, что деи велѣлъ Король съ моря галеі и корабли свести, а велѣлъ имъ итти на Стюденое море для розбойниковъ; да поволилъ деи Король итти въ Ругодивъ своимъ купцомъ торговати, да и Поморскимъ городомъ, чтобъ ѣхали торговати въ Ругодивъ и въ Перновъ со всякимъ товаромъ торговати на украйну Государя нашего. Да сказывалъ Өѳонасію Датцкого Короля толмачь Индрикъ въ Капнагаевѣ: какъ деи отъ Государя вашего пригонитъ королевской гонецъ Петръ Андреевъ ко Государю нашему Королю, и Король деи хочетъ ко Государю вашему пословъ своихъ послати съ Бурма острова воеводу, да Фитенскіе земли да Ютлянской земли воевода, какъ ихъ зовутъ, того не сказалъ. И присылалъ къ Өѳонасью Христофоръ Валкинторпъ: велѣлъ деи тебя Король отпустити со всѣмъ на украйну Государя вашего къ Пернову, и корабль тебѣ велѣлъ дати, и нарядъ на корабль и кормъ тебѣ Король велѣлъ дати на корабль, чѣмъ тебѣ доѣхати до украйны Государя вашего; а велѣлъ тебя Король на корабль отпровадити въ Разборкъ, а изъ Разборка велѣлъ тебя отпровадити въ малыхъ судкахъ до Пернова. И отпустилъ Христофоръ Өѳонасья изъ Капнагаева мѣсяца Маія въ 24 день, а подъ Разборкъ пріѣхалъ Маія въ 30 день, а въ Перновъ пріѣхалъ Іюня въ 4 день.

И того жъ лѣта 7089 Іюля въ 17 день, ко Государю, Царю и Великому Князю въ Старицу пріѣхалъ Истома Шевригинъ, которой посыланъ къ Цесарю и въ Римъ къ папѣ; а привезъ ко Государю, Царю и Великому Князю отъ Руделфа Цесаря двѣ грамоты Нѣмецкимъ писмомъ, а пріѣздъ его писанъ подлинно въ папиныхъ книгахъ.

А се переводъ съ Руделфовы цесаревы грамоты ко Государю съ Истомою Шевригинымъ: «Мы Руделфъ вторый, Божіею милостію избранно(й) Римской Цесарь, по вся времяна прибавитель Царствамъ, Нѣметцкихъ, Угорскихъ, Чешскихъ, Долматцкихъ, Кроатцкихъ и Шлявонскихъ и иныхъ, Король, Архигерцогъ Аустерѣйской, Герцогъ Бургунскій, Брабанскій, Стирскій, Кернскій и Краинскій, Люценборскій, Виртенбурскій, вышніе и нижніе Шлезскіе земли, Князь Швабскій, Маркграфъ святого Римского Царства, Вбургафъ и Моравскій, вышніе и нижніе Лаужницкіе земли, Княженной Графъ въ Хабшпурску, Тиролскій, Фирскій, Кибурскій и Горскій, Лантграфъ Элсаскій, Государь Виндинскій, Марки Портуналскій и въ Салиси и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему, Велможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохaнскому, нашему опричeнному любителному пріятелю и брату, наше пріятелство и всякое добро, и впредь. Пресвѣтлѣйшей Велеможнѣйшей Князь, опричeнной любителной пріятель и братъ! Извѣстилъ намъ Вашей Любви посланной служебникъ Истома Шевригинъ вашими двѣма розными грамотами, а писаны прошлого году Августа въ 8 день. И тѣ грамоты насъ дошли, и мы ихъ поразумѣли гораздо. И первоначално введено, что Ваша Любовь намъ напоминаете, что было прежъ сего къ утвержeнью доброго пріятелства и братства и инымъ дѣламъ; а именно введено, что было прежъ сего къ Вашей Любви послати блаженные памяти Государю отцу нашему святого Римского Царства великихъ пословъ къ Москвѣ; и послѣ преставленья Его Величества Государя отца нашего, и любви съ нами Ваша Любовь о томъ же ссылались, и тутъ же и иные дѣла напоминали, и впередъ умышленье, чтобъ безъ мѣшканья пословъ прислати. И мы съ Вашей Любви съ посланникомъ съ Өѳонасьемъ съ Резановымъ,зачѣмъ тому дѣлу помѣшка учинилась и зачѣмъ пословъ нашихъ есмя не послали, вѣдомо учинили; а подлинно извѣстили есмя, что то дѣло наше не одно, а есть къ тому дѣлу Римского святого Царства Корфишты и Князи и чиновные святого Римского Царства; и за тѣмъ стало, что Ливонская земля именно святого Римского Царства и имъ надежна и ко обороненью: того для о томъ есмя и въ грамотѣ писали, что то дѣло сначала почалось съ ихъ вѣдома и скончати его съ ихъ же вѣдома. И мы то чиновнымъ Римского Царства поизвѣстимъ, да приговоръ, на чемъ слово будетъ, Вашей Любви извѣстимъ. А съ Вашей Любви посланникомъ о томъ есмя въ грамотѣ писали и послали, а къ нынѣшнему Вашей Любви прошенью есмя подвижны. И того также не хотимъ отставити тѣмъ святого Римского Царства Курфиштомъ и Княземъ и чиновнымъ къ прежнему дѣлу имъ извѣстимъ и умышленье ихъ отвѣдаемъ; развѣ

надобетъ, чтобъ Ваша Любовь о прежнемъ напоминаньѣ о Ливонской землицѣ, что отлучено отъ святого Римского Царства и взято, въ томъ познались, о чемъ есмя прежъ сего писали. А надежно намъ, что Ваша Любовь въ досталные мѣста тое землицы не вступитесь, чтобъ Курфиштты и Князи и иные чиновные святого Римского Царства вашу любовь увидѣли и познали для впередъ доброго сусѣдства. А Вашей Любви посланнику и служебнику дали есмя нашу цесарскую волную проѣзжую грамоту, чтобъ ему проѣхати безо всякіе зацѣпки туда и назадъ. А въ другой своей грамотѣ Ваша Любовь напоминаете о пропуску кораблеломъ и о торговлѣ на Русское Государство. И наша заповѣдь о томъ не бывала и того не вѣдаемъ, а не токмо чтобъ наша о томъ заповѣдь была, чтобъ не велѣти кораблей пропущати; мы о томъ къ дядѣ нашему любителному и пріятелю, Датцкому Королю, не писывали и не заказывали, сколко бъ ему морского ходу на морѣ или на его проливахъ кораблей и товару пропущати или не пропущати, какъ Ваша Любовь о томъ къ намъ пишете. А прежъ того за многіе лѣта, при животѣ блаженные памяти у дѣда моего брата у Цесаря Карлуса и у дѣда моего Цесаря Фердинандуса, ихъ обоихъ блаженные памяти, по ихъ Цесарского Величества любви и Курфистовъ и Князей и иныхъ чиновныхъ святого Римского Царства, по ихъ приговору, было, что не вывозити того, которое къ воинскому дѣлу пригодится и надобно, и указъ тому учинили и тѣмъ заморскимъ городомъ по морю и заказали, чтобъ изъ Римского Царства не вывозили; и тотъ указъ и заповѣдь отецъ нашъ, Государь Цесарь Максимиліянъ второй опять обновилъ и утвердилъ всѣмъ людемъ, которые по Поморскимъ городамъ и торгуютъ на морѣ, вѣдомо учинити велѣли, и онѣ по тому указу такъ ходятъ и по ся мѣста. И Ваша бъ Любовь себѣ то поразумѣли, а меня въ томъ любително очистили, въ томъ на меня не подивили. А опричь того вывѣту именованного, что къ ратному дѣлу пригожается и Вашей Любви Государствамъ торговати волно и не заповѣдано ничѣмъ. И мы то все Вашей Любви на тѣ обѣ ваши грамоты къ отвѣту противъ пріятелно извѣщаемъ. А мы къ вамъ во всякой пріятелной и сусѣдственной любви подвижни. — Писана въ нашемъ королевскомъ градѣ въ Прагѣ, лѣта 1581, мѣсяца Генваря въ 11 день; нашего Царства Римского 6-го, Угорского 9-го, а Чесского 6-го году. Вашей Любви радѣнной братъ Руделфъ своею рукою подписалъ».

А се переводъ съ другіе съ цесаревы съ проѣзжіе грамоты, что дана о проѣздѣ Истомѣ Шевригину: « Мы, Руделфъ второй, Божіею милостію избранной Римской Цесарь, по всяко время прибавитель Царствомъ, Нѣметцкій, Угорскій, Чесскій, Долматцкій, Кроатцкій и Славенскій и иныхъ, Король и Архіарцыкъ Остръскій, Арцыкъ Бургунскій, Штирскій, Картинскій, Краинскій и Вертенборскій и иныхъ, Графъ Тиролскій и иныхъ,—извѣщаю всѣмъ и всякимъ Курфистамъ и Княземъ, духовнымъ и мирскимъ чиновнымъ Государемъ, графамъ и волнымъ господиномъ, рыцаремъ и служебникомъ, и землянымъ атаманомъ, и земскимъ моршалкомъ, и землянымъ приказщикомъ и головамъ, приказнымъ людемъ и землянымъ судьямъ, и бурмистромъ, и всѣмъ посполитымъ людемъ и всѣмъ инымъ людемъ нашего Цар-

ства и иныхъ нашихъ Царствъ, вотчиннымъ нашимъ Государствамъ и землямъ, подданнымъ и вѣрнымъ, въ которомъ чину ни будутъ, а опричешно тѣмъ заморскимъ, которые живутъ по Ливонской землѣ возлѣ моря, Королемъ и Государемъ и Владѣтелемъ чиновнымъ и городомъ: и кто сію нашу цесарскую опасную и проѣзжую грамоту увидитъ или усмотритъ, и смотритъ наше пріятелство любви и милости и всякое добротство. И учинимъ Вашей Любви и вамъ пріятелно и милостиво вѣдомо, что наше любително Царское Величество и Великого Князя Московского посланникъ Истома Шевригинъ къ намъ посланенъ былъ и приказъ свой намъ справилъ и назадъ отпущенъ: да чтобъ ему зацѣпки, ни задержанья нигдѣ не было, чтобъ ему поранѣе назадъ пріѣхати, и мы того для Вашей Любви извѣщаемъ, и вамъ пріятелно, сусѣдственно и милостивно вамъ подвижни. А нашъ грозной приказъ нашимъ приказнымъ людемъ, чтобъ именованно(го) Русского посланника, и что и кто съ нимъ есть, по водамъ и по землямъ вездѣ волно пропущали безъ зацѣпки и безъ задержанія, и ему пособляти судномъ и кораблями и всякіе потребства, что будетъ ему надобѣ, чтобъ ему поспѣти вскорѣ къ своему Государю, и всякіе бъ ему оброненья учинити. То учините Вашей Любви, и вы намъ послужително хотѣніе и доброту чините, и нашъ учините намъ прямой указъ по нашей заповѣди.—Писана въ нашемъ королевскомъ городѣ въ Прагѣ, третьинадесять день мѣсяца Маія, лѣта 1581; нашего Римского Цесарства въ 6, Угорского въ 9, а Чешского въ 6.» У грамоты приписалъ свою руку Руделфъ Цесарь самъ.

И того лѣта 7089, Августа въ 20 день, такову грамоту подалъ Государю отъ Руделфа Цесаря на посолствѣ папинъ посолъ Антоней Поссевинусъ, а посолство его писано подлинно въ папиныхъ книгахъ:

« Руделфъ второй, Божіею милостію избранный Цесарь Римскій, всегда прибавитель, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій и иныхъ Король, Арцыкнязь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Каратынскій, Карніолскій и иныхъ, Монарха Муравскій и иныхъ, Князь Луцемборскій, вышніе и нижніе земли Шлямскій, Виитемборскій, Итетцкій, Князь Свиветцкій, Апшпурскій, Тиролскій, Кибурскій и Горитейскій, Ланкгравскій, Алсатцкій, Монарха святого Римского Царства, Бурговинскій, вышніе и нижніе земли Люсатцкій, Государь и Монарха Шклавонскій и иныхъ,—Напресвѣтлѣйшему и Насилнѣйшему Государю, Царю Ивану Василевичю всеа Русіи, Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохапскому, брату и пріятелю нашему возлюбленному. Напресвѣтлѣйшій и Насилнѣйшій Царь, пріятель и брате возлюбленный! Какъ напресвѣтлѣйшего господина и навышшего епископа ко мнѣ грамоты прямые дошли, которые грамоты писалъ съ великою любовью, какову любовь держитъ къ намъ къ вѣрнымъ хрестьяномъ, а тѣ грамоты ко мнѣ прислалъ съ посланникомъ своимъ, съ богомолнымъ и съ любимымъ Антоньемъ Поссевинусомъ, съ ученымъ попомъ, которого къ тебѣ, Государю, послалъ, чтобъ тебѣ, Государю, и всему

Хрестьянству послужилъ, чтобъ было къ чести и къ славѣ Господа Бога и Вашему Царскому Величеству и всему міру, о чемъ мы всѣ Бога молимъ, и начаемся, что его радѣньемъ то станется. И мы къ Вашему Величеству объ немъ пишемъ, о его просужствѣ, что онъ многожды у насъ бывалъ отъ навышшего папы и дѣлалъ дѣла по приказу вѣрою и правдою; и для того Вашего Царского Величества прошу и напоминаю, чтобъ еси того Поссевинуса и его всѣхъ, которые съ нимъ придутъ къ тебѣ, своею милостію жаловалъ для любви нашей братцкіе; а у насъ таково жъ, чего Ваше Пресвѣтлѣйшество похочетъ, и мы Вашему Пресвѣтлѣйшеству въ томъ любви не отставимъ. А дай Боже Вашему Пресвѣтлѣйшеству здоровье и счасливо царствованье въ Вашемъ Царствѣ!—Писана во градѣ нашемъ въ Прагѣ, дня 19 мѣсяца Маія, лѣта Божьего нароженья 1581; Царства нашего Римского 6, Угорского 9, а Чешского 6. Пресвѣтлѣйшеству Вашему добрый братъ Руделфъ». А на подписи написано: «Напресвѣтлѣйшему и Насилнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю всеа Русіи, Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохайскому, брату и пріятелю нашему возлюбленному».

7090—1582.

И лѣта 7090 Марта въ 10 день, Государь, Царь и Великій Князь приговорилъ къ Цесарю и въ Римъ къ папѣ послати посланника своего Якова Молвянинова да подьячего Тишину Васильева, вмѣстѣ съ папинымъ посломъ съ Антоніемъ съ Поссевинусомъ; а итти имъ велѣлъ на Литовскую землю; а о пропускѣ ихъ писано въ папиныхъ книгахъ.

А се отпускъ отъ Государя къ Цесарю Якова Молвянинова да подьячего Тишины Васильева. А къ папѣ посолство съ Яковомъ и съ Тишиною писано въ папиныхъ книгахъ.

Такова грамота послана отъ Государя къ Руделфу Цесарю съ Яковомъ и съ Тишиною: « Троице Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истинымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ! направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоеі! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій и Царь Асторохайскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божьею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому

Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Маркграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Ферацкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Писали есмя къ тебѣ, къ брату своему дражайшему, преже сего съ Григорья, папы Римского, съ человѣкомъ его съ Павломъ, что есь прислалъ къ намъ съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ Поссевинусомъ свою грамоту, а въ той въ своей грамотѣ къ намъ писалъ еси, что Григорей папа послалъ къ намъ того своего посла Антонья къ нашему Царскому Величеству о добромъ дѣлѣ, чтобъ онъ намъ и всему Хрестьянству послужилъ; а ты, братъ нашъ дражайшій, объ немъ къ намъ пишешь, чтобъ намъ, для твоей братцкіе любви, того Антонья Поссевинуса и всѣхъ его людей, которые съ нимъ придутъ, жаловати. А Григорей папа третейнадесять того своего посла Антонья прислалъ къ намъ съ своею грамотою, а въ грамотѣ своей къ намъ писалъ, да и рѣчью съ нимъ къ намъ приказывалъ, чтобъ намъ съ нимъ, съ Григорьемъ съ папою, и съ тобою, братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ и съ иными со всѣми хрестьянскими Государи быти въ братствѣ, и въ любви, и въ завѣщаньѣ, и въ соединеньѣ и въ добромъ согласьѣ, стояти противъ всѣхъ своихъ недрузей, мусулманскихъ Государей заодинъ. И на то есмя на папино писмо, и на посла его Антоньевы рѣчи, что къ намъ отъ папы говорилъ, велѣли есмя своимъ ближнимъ людемъ подлинно отвѣтъ учинити, что мы съ нимъ, съ Григорьемъ съ папою, и съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ иными со всѣми хрестьянскими Государи хотимъ быти въ братствѣ и въ любви и въ завѣщаньѣ и въ добромъ согласьѣ, стояти противъ всѣхъ недрузей, бесерменскихъ Государей заодинъ, какъ есмя писали прежъ сего къ Григорью къ папѣ и къ тебѣ, брату своему Руделфу Цесарю, съ своимъ человѣкомъ съ Истомою съ Шевригинымъ. А въ кою пору къ намъ посолъ Антоней пришелъ, и въ ту пору межъ насъ съ Литовскимъ съ Стефаномъ Королемъ была война и кроворозлитье въ Хрестьянствѣ. И посолъ папинъ Антоней, по его папину приказу, межъ насъ ѣздилъ къ Стефану Королю, чтобъ межъ насъ съ Стефаномъ Королемъ кроворозлитье въ Хрестьянствѣ уняти; и нынѣ къ намъ отъ Стефана Короля папинъ посолъ пріѣхалъ и по договору наши послы съ Стефановыми королевыми послы межъ насъ мирное постановенье сдѣлали, на обѣ стороны покой учинили. А мы папина посла Антонья приняли съ великою любовью и его въ своемъ жалованьѣ держали по его достоинству. А нынѣ есмя его, папина посла Антонья Поссевинуса, отпустили къ Григорью папѣ; и съ нимъ вмѣстѣ послали есмя къ нему, къ Григорью папѣ, да и къ тебѣ, къ дражайшему брату своему къ Руделфу Цесарю, о поздравленьѣ и о любви и о соединеньѣ посланника своего Якова Молвянинова. А что писалъ къ намъ навышшей Григорей папа третейнадесять, пастырь и учи-

тель Римскіе Церкви, о соединеньѣ, ино то нынѣ сстатися не могло, потому что безъ твоего, дражайшего брата нашего, совѣта такому великому дѣлу дѣлатись не возможно. И какъ у тебя, брата нашего, папинъ посолъ Антонеій и нашъ посланникъ съ сею нашею грамотою будутъ, и ты бъ, дражайшей братъ нашъ Руделфъ Цесарь, о томъ себѣ помыслилъ крѣпко, какъ тому дѣлу пригожъ быти и обослался съ Григорьемъ съ папою и со Францовскимъ и съ Ишпанскимъ Короли и съ иными со всѣми хрестьянскими Государи; и договорясь, какъ намъ всѣмъ быти въ соединеньѣ и въ любви и стояти противъ всѣхъ недрузей, мусулманскихъ Государей, заодинъ, а сослався и укрѣпясь съ ними, прислали бы есте къ намъ пословъ своихъ. А какъ у насъ ваши послы будутъ отъ всѣхъ Государей хрестьянскихъ, и мы съ ними велимъ о томъ договоръ учинити, какъ намъ съ Григорьемъ папою и съ тобою, братомъ своимъ дражайшимъ, Руделфомъ Цесаремъ, и со всѣми хрестьянскими Княжаты быти въ соединеньѣ и въ завѣщаньѣ, какъ будетъ пригожъ, и въ любви стояти противъ всѣхъ недрузей, мусулманскихъ Государей, заодинъ, чтобъ межъ насъ Хрестьянство въ тишинѣ и въ покоѣ было, и впередъ бы мусулманская рука надъ хрестьяны не высилася и кровь хрестьянская не розливалася. А договоряся и укрѣпяся, тогды къ Григорью папѣ и къ тебѣ, брату своему Руделфу Цесарю, и ко всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ, которые съ нами въ томъ соединеньѣ на всякого недруга будутъ, и пословъ своихъ болшихъ того соединенья заключити пришлемъ къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему. А которого посланника своего послали есмя къ Григорью къ папѣ и къ тебѣ, брату нашему къ Руделфу Цесарю, Якова Молвянинова, и ты бъ, братъ нашъ Руделфъ Цесарь, велѣлъ нашего посланника по своимъ Государствамъ къ папѣ въ Римъ и назадъ въ наше Государство пропущати безъ задержанья и проводити по своимъ Государствамъ велѣлъ. А что преже сего писали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему Руделфу Цесарю, съ паробкомъ своимъ съ Истомою Шевригинымъ, что къ намъ въ наши Государства изъ твоего Государства не пропущаютъ съ мѣдью и со всякимъ ратнымъ оружьемъ, а ты, братъ нашъ дражаіішій Руделфъ Цесарь, къ намъ писалъ въ своей грамотѣ, что ратного оружья не пропущали изъ Римского Цесарства въ наше Государство и еще по заказу при животѣ блаженные памяти дѣда твоего братѣ, при Цесарѣ Карлусѣ, и при дѣдѣ твоемъ, при Цесарѣ Фердинандѣ, и по тому заказу и отецъ твой, Максимиліянъ Цесарь, обновилъ, что ратного оружія изъ Римского Царства вывозити не велѣлъ, и по тому указу и ходятъ и по ся мѣста,—и нынѣ межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, ссылки учинилися о братствѣ и о любви и о соединеньѣ, чтобъ намъ всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ быть на всѣхъ своихъ недрузей заодинъ, а о такомъ о невеликомъ дѣлѣ у тебя, брата нашего, заповѣдь, что къ ратному оружію пригодится, и того пропускати въ наше Государство не велѣлъ еси: и ты бъ, братъ нашъ Руделфъ Цесарь, велѣлъ въ наше Государство со всякими товары, безъ вывѣта, и съ ратнымъ оружіемъ пропущати; а мы по тому жъ въ твое Государство со всякими товары велимъ пропускати,

безъ вывѣта. То бъ еси братъ нашъ учинилъ для насъ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7090 Марта мѣсяца, Индикта 10; Государствія нашего 48, а Царствъ нашихъ: Росіиского 36, Казанского 30, Асторохапского 28.»

А се таковъ наказъ данъ Якову и Тишинѣ, какъ имъ, будучи у Цесаря, государево дѣло дѣлати:

Память Якову Семеновичю Молвянинову, да подьячему Тишинѣ Васильеву. Послалъ ихъ Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ Руделфу Цесарю Римскому и къ папѣ Григорью третьемунадесять, вмѣстѣ съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ Поссевинусомъ. И Якову и Тишинѣ итти къ Цесарю къ Руделфу и къ папѣ Григорью, съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ Поссевинусомъ вмѣстѣ, черезъ Литовскую землю; а пришедъ въ Литовскую землю быти у Стефана Короля съ Антоньемъ вмѣстѣ, съ Антоньемъ говоря. А будетъ Стефанъ Король будетъ въ Ригѣ или индѣ гдѣ, а Антоней за нимъ поѣхать захочетъ, а Якову быти велитъ въ Вилнѣ,—и Якову, договоряся съ Антоньемъ, быти въ Вилнѣ; а будетъ велитъ съ собою Антоней Якову ѣхати къ Стефану Королю, гдѣ Стефанъ Король ни будетъ, — и Якову съ Антоньемъ вмѣстѣ ѣхати къ Стефану Королю, гдѣ Стефанъ Король будетъ. А пришедъ Якову и Тишинѣ къ Стефану Королю, Якову говорити отъ Царя и Великого Князя рѣчь: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій и Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—тебѣ, Стефану, Божіею милостію Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, Рускому, Прускому Жемотцкому, Мазовецкому, Княжѣ Седмиградцкому и иныхъ, велѣлъ поклонитися». Да подати грамота Королю. А опослѣ грамоты молвити: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, велѣлъ тебѣ, Стефану, Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, говорити: отпустили есмя посланника своего, меня, Якова Молвянинова, да подьячего Тишину Васильева въ Римъ къ Григорью папѣ и къ брату своему къ Руделфу Цесарю, съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ вмѣстѣ; и ты бъ, Стефанъ Король, черезъ свою землю ихъ пропустилъ въ Римъ къ папѣ и къ Цесарю, съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ вмѣстѣ, и назадъ отъ папы черезъ свою землю къ намъ ихъ пропустилъ». А будетъ спросять, есть ли за нимъ иные рѣчи?— и Якову и подъячему отказати, что съ ними иныхъ рѣчей болши того нѣтъ. А будетъ лучится имъ черезъ Датцкого Короля землю итти, и грамота отъ Государя къ Датцкому Королю съ ними послана жъ. А какъ Яковъ будетъ у Датцкого Короля, и Якову и Тишинѣ говорить Датцкому Королю рѣчь: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгород-

цкій, Царь Казанскій и Царь Асторохансκій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій Болгарскій и иныхъ, Государь, и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ, —тебѣ, пріятелю своему и сусѣду Фредерику, Королю Датцкому и Норветцкому, Олштенскому, Штормарскому и Детмарскому, Графу Волденборскому и Детманорскому велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ тебя, пріятеля своего и сусѣда Фредерика Короля, о здоровѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ?» Да подати грамота; а опослѣ грамоты проситься ранѣе, чтобъ ихъ Король через свое Государство къ Цесарю отпустилъ, и проводити ихъ велѣлъ до цесаревы области черезъ свое Государство и подводы бы имъ дати велѣлъ по своей землѣ. А нѣчто Якову и Тишинѣ лучится ѣхати Саского Князя землею, и какъ будетъ въ Саской землѣ,—и имъ говорити Саского Князя приказнымъ людемъ, что они посланы отъ Государя, Царя и Великого Князя къ Цесарю Руделфу и къ папѣ Григорью третьемунадесять съ посломъ его съ Антоньемъ Поссевинусомъ; и грамота Якову у себя къ Саскому Князю отъ Государя, Царя и Великого Князя сказати. А какъ будетъ Яковъ у Саского Князя, а ему говорити Саскому Князю рѣчь по тому жъ, что и Датцкому Королю: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій и Царь Асторохансκій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій Кондинскій и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—тебѣ, Августу, Божіею милостію Архиморшалку святого Римского Царствія и кронованному Князю и Арцоку Саскому, Лантграфу Дюренскому, Маргграфу Мисинскому и Буркграфу Мандеборскому велѣлъ поклонитися». Да подати грамота; а опослѣ грамоты проситься, чтобъ Саскій Августъ Князь ранѣе отпустилъ ихъ черезъ свою землю къ Цесарю, и проводити ихъ велѣлъ во цесаревы области черезъ свою землю, и подводы бъ имъ велѣлъ дати по своей землѣ. А нѣчто лучится Якову и Тишинѣ быти у Руделфова цесарева дяди, у Короля Арцыкнязя Аустрѣйского и Княжати Бургунского и иныхъ, и у цесарева Руделфова брата у Эрнеста, Князя Аустрѣйского и Князя Бургунского, Стырского, Каратынского, Карніолского и Витемборскаго, Грабя Тиролского и иныхъ, и у Венецѣйского Князя Николая Зимонта, и ѣхати лучится имъ черезъ ихъ земли,—и Якову, пришедъ къ Королю Арцыкнязю, и къ Эрнесту Князю Аустрѣйскимъ, и Венецѣйскому Князю Николаю, отъ Государя рѣчь говорити, и поклонъ правити и грамоты подати по тому жъ, какъ и Датцкому Королю. А какъ придутъ въ цесаву область, и Якову и Тишинѣ говорити по городомъ приказнымъ лю-

демъ цесаревы области: послалъ ихъ Государь, Царь и Великій Князь къ Цесарю и къ папѣ къ Римскому, и имъ бы дали подводы, и повели ихъ, не мѣшкая, къ Руделфу Цесарю, чтобъ имъ къ Цесарю притти ранѣе. А какъ къ Цесарю придутъ, и Якову и Тишинѣ говорити приставу, чтобъ имъ Руделфъ Цесарь у себя велѣлъ быти ранѣе. А какъ имъ велитъ Цесарь у себя быти, и имъ, пришедъ Руделфу Цесарю, Якову говорити отъ Государя Царя и Великого Князя рѣчь: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій и Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ, – тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему, Руделфу второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешкому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Архикнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушполскому, Тиролскому, Ферaтцкому, Кибурскому, Ланграбѣ Алсітцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи велѣлъ твое, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, здоровье видѣти и о здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ? Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, напоминается легкой поминокъ сорокъ соболей». Да подати грамота; а грамота за Яковомъ нести подьячему Тишинѣ, и пришедъ къ Цесарю, грамота взяти Якову у Тишины, да Цесарю подати. А послѣ грамоты рѣчь говорити Якову: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и многихъ земель Государь, тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, велѣлъ говорить: присылалъ еси къ намъ съ папинымъ посломъ съ Антоніемъ Поссевинусомъ свою грамоту, а въ той своей грамотѣ къ намъ писалъ еси, что Григорей папа послалъ къ намъ того своего посла Антонья къ нашему Царскому Величеству о добромъ дѣлѣ, и онъ бы намъ и всему Хрестьянству послужилъ. И о которыхъ дѣлѣхъ къ намъ писалъ въ своей грамотѣ Григорей папа, навышшій пастырь и учитель Римскіе церкви, и что намъ рѣчью его Антоней Поссевинусъ говорилъ, чтобъ намъ съ нимъ, съ Григорьемъ съ папою, и съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ иными со всѣми хрестьянскими Государи быти въ братствѣ, и любви, и въ завѣщаньѣ

и въ добромъ согласьѣ, стояти противъ всѣхъ своихъ недрузей, — и мы на то папино писмо и на посла его Антоньевы рѣчи, что намъ отъ папы говорилъ, велѣли есмя своимъ ближнемъ людемъ папину послу Антонью подлинной отвѣтъ учинити. И съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ иными со всѣми хрестьянскими Государи хотимъ быти въ братствѣ, и въ любви, и въ завѣщаньѣ и въ добромъ согласьѣ, стояти противъ всѣхъ недрузей заодинъ. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, выслушавъ нашу грамоту, которую къ тебѣ послали есмя съ своимъ посланникомъ съ Яковомъ съ Молвяниновымъ и отвѣтные рѣчи, что есмя въ отвѣтѣ папину послу Антонію своими бояры объявили, къ намъ нашего посланника Якова отпустилъ и съ нимъ къ намъ о всемъ отписалъ, и того нашего посланника по своимъ Государствамъ къ папѣ въ Римъ и назадъ въ наше Государство пропущать велѣлъ безъ задержанья, и проводити по своимъ Государствамъ велѣлъ. А нѣчто къ Цесарю пустити ихъ не похотятъ, а почнутъ говорити, чтобъ шли они къ цесаревымъ совѣтникомъ съ грамотою, и Якову и Тишинѣ къ совѣтникомъ одноличио не ходити, и грамоты и поминковъ не давати мимо Цесаря никому никоторыми обычаи, а говорити, чтобъ ихъ Цесарь ранѣе пропустити велѣлъ къ папѣ въ Римъ. А нѣчто Цесарь позоветъ къ себѣ Якова и Тишину ѣсти, и имъ къ Цесарю за столъ итти. А того имъ провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря Турского и Литовского или иного котораго Государя пословъ и посланниковъ и гонцовъ? и будетъ у Цесаря иныхъ Государей посланники и гонцы будутъ, и имъ за столъ одноличио не итти, а о томъ говорити: посадитъ ихъ Цесарь выше иныхъ Государей посланниковъ, и они за столъ идутъ, а не посадитъ ихъ выше иныхъ посланниковъ, и имъ за столъ нейти. И учнутъ имъ говорити, что имъ сидѣти выше иныхъ Государей посланниковъ, и Якову и Тишинѣ за столомъ сидѣти; а нѣчто ихъ посадятъ ниже иныхъ посланниковъ, и имъ за столомъ ниже иныхъ посланниковъ не сидѣти, а ѣхати къ себѣ на подворье. А будетъ Турецкой посланникъ или Литовской или Францовской, и имъ съ ними ни какъ не ходити вмѣстѣ; а хоти * будетъ и введутъ ихъ, а будутъ посланники Турецкого или Литовского или Францовского тутъ, или иные которые посланники, и имъ ѣхати на подворье, а съ ними вмѣстѣ не ѣсти. А учнутъ Якова и Тишину спрашивати: гдѣ нынѣ Царь и Великій Князь? и имъ сказати: Государь нашъ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи отпустилъ насъ изъ своего Государства съ Москвы, и нынѣ Государь, Царь и Великій Князь въ своемъ Государствѣ на Москвѣ. А нѣчто вспросятъ Якова и Тишину: почему они въ смирномъ, въ черномъ платьѣ? и имъ сказати: за грѣхъ всѣхъ земель Государя нашего всего Государства, у Государя нашего, у Царя и Великого Князя, сына его, Государя нашего, Царевича Князя Ивана не стало, и намъ, въ такой скорби будучи, какъ ходить въ платьѣ въ цвѣтномъ? А нѣчто похочетъ Цесарь послать ко Государю о каковѣ дѣлѣ человѣка, а

* Въ подлинникѣ: «ходи».

учнутъ Якову и Тишинѣ говорить, чтобъ его съ собою взяли вмѣстѣ и до Государя своего, Царя и Великого Князя довезли,—и Якову и Тишинѣ говорити: пошлетъ съ ними Цесарь ко Государю, Царю и Великому Князю о каковѣ дѣлѣ человѣка своего, посла или посланника, и они съ нимъ вмѣстѣ ко Государю своему, Царю и Великому Князю ѣдутъ и доведутъ его до Государя своего здорово; а по цесаревыхъ бы Государствахъ, и по Литовского Стефана де королевѣ землѣ и по Датцкого Короля землѣ до Государя нашего земли доѣхати намъ здорово за приставомъ цесаревымъ и за проѣзджею грамотою. А у Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи издавна въ обычаѣ ведется: которые послы и посланники и гонцы изъ которыхъ Государствъ придутъ, хотя и не цесаревы, и Государь, рѣчи ихъ выслушавъ и отвѣтъ имъ на тѣ ихъ рѣчи учинивъ, отпускаетъ ихъ къ ихъ Государемъ, не издержавъ, тотъ часъ; а къ брату своему дражайшему къ Руделфу, Цесарю Римскому, хотя съ нимъ братцкіе любви и докончанья утвердити, мимо всѣхъ Государей и скорѣе всѣхъ, пословъ его и посланниковъ отпуститъ со всѣмъ съ полнымъ отвѣтомъ. А нынѣча бъ Цесарь ихъ напередъ отпустилъ по государевѣ грамотѣ въ Римъ къ папѣ съ папинымъ посломъ вмѣстѣ съ Антоньемъ съ Поссевинусомъ, чтобъ имъ, бывъ у папы, назадъ быти у Цесаря вскорѣ, а отъ Цесаря ко Государю ѣхати, не мѣшкая. А нѣчто вспросятъ Якова и Тишины, какъ нынѣ Государь вашъ, Царь и Великій Князь съ Литовскимъ съ Стефаномъ Королемъ? и имъ говорити: Литовской Стефанъ Король со Государемъ съ нашимъ съ Царемъ и Великимъ Княземъ былъ въ недружбѣ, а нынѣ Стефанъ Король, сослався со Государемъ нашимъ, съ Царемъ и Великимъ Княземъ послы своими, въ перемирьѣ учинилися. А нѣчто спросятъ Якова и Тишину про Крымского Царя, какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ? и имъ говорити: Государя нашего посолъ въ Крыму у Царя князь Василей Мосалской, а Крымского Царя посолъ Арасланъ мирза Сулешовъ, княжой сынъ, у Государя нашего на Москвѣ; а ссылка межъ Государя нашего и Крымского Царя гонцы есть, а ждалъ Государь нашъ къ сей къ веснѣ посла своего князя Василья Мосалского. А нѣчто вспросятъ про Казань и про Асторохань, какъ нынѣ Казань и Асторохань Государю, Царю и Великому Князю служатъ, и какимъ обычаемъ взялъ ихъ Государь? и имъ говорити: Казанское Царство великое, изначала садились Цари на Царство на Казанское изъ рукъ Государей нашихъ прежнихъ: которого Царя на Казанской землѣ Государи наши Московскіе Цари и Великіе Князи посадятъ на Казани, тѣ Цари и были на Царствѣ на Казанскомъ. А опослѣ того на Казанское Царство почали имать Царей изъ ордъ мимо Государей нашихъ, и, позабывъ правду и Государей нашихъ искони вѣчныхъ, и почали отъ Государя нашего отъ Царства Руского отставати, въ кое время отца Государя нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи въ животѣ не стало, а Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи въ тѣ поры еще былъ не въ совершенныхъ лѣтѣхъ; а какъ Государь

нашъ возрасту своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь на Казанское Царство ходилъ самъ двожды со всѣми своими землями. И съ Божьею помочью Государь, Царь и Великій Князь, поченши своею Царскою персоною и всего христолюбиваго воинства побѣдоносные хоругви, Царство Казанское взялъ, и Царя свелъ и многихъ Казанскихъ людей болши трехъ сотъ тысячь побилъ въ приступъ Казанского взятья; и въ городѣ Царства Казанского поставилъ многіе церкви, и архіепискупа, и архимандритовъ и игуменовъ, и весь священный соборъ устроилъ; и въ Казанской землѣ многіе городы поставилъ, и многихъ князей и дѣтей боярскихъ въ Казанской землѣ устроилъ. И нынѣ Казанская земля въ Государя нашего, Царя и Великого Князя волѣ: ратные люди на службу ходятъ, а которые ясачные люди въ Казанскомъ уѣздѣ живутъ, и тѣ государевымъ Казанскимъ воеводамъ ясаки платятъ и на государевы службы ходятъ, куды имъ на которого своего недруга Государь велитъ итти. А Асторохань Государство было того болши, изначала Болшіе орды Государство началное въ мусулманскихъ Государствахъ; а какъ Государю нашему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи Богъ поручилъ, Казанское Царство взялъ, и Государь нашъ, Царь и Великій Князь послалъ рать великую Волгою къ Асторохани, чтобъ очистити Волга и до Хвалимского моря; а то Царство Асторохапское стоитъ близко устья морского. И Великого Государя нашего и Великого Князя Ивана Василевича всеа Русіи воеводы Асторохапское Царство взяли и Царя свели. И устроилъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь въ Асторохани по тому жъ благочестіе, многіе церкви поставилъ и весь причетъ церковный устроилъ. А которые Астороханскіе люди живутъ въ Асторохани по морскимъ мочакомъ и по Волжскимъ устьемъ, и тѣ Государю служатъ. А нѣчто вспросятъ: какіе устья и что мочаки? и имъ говорити: Волга рѣка великая, а впала въ море въ Хвалимское семьюдесять устьи и двѣма, и по тѣмъ устьямъ сидятъ Астороханскіе кочевные люди и Государю служатъ. А нѣчто вспросятъ про Ногаи, и Якову и Тишинѣ говорити: Ногайская орда Князь Урусъ и мирзы всѣ всее орды кочюютъ по Волгѣ близко Асторохани, а прибѣгаютъ завсе къ Асторохани; а Государю нашему служатъ: куды Государь нашъ ихъ ни пошлетъ на свое дѣло, и они ходятъ тысячь до двадцати и до тридцати, и о колкихъ Государь нашъ коли прикажетъ къ нимъ, сколко послать велитъ Ногаiскихъ людей, и Князь Ногайской и мурзы Ногайскіе столко толды людей и пришлютъ. Да провѣдати Якову и Тишинѣ себѣ тайно: Литовской Король къ Цесарю о каковѣ дѣлѣ вновѣ пословъ или посланниковъ присылывалъ ли, и будетъ присылалъ, и кого именемъ и о каковѣ дѣлѣ, и цесаревы послы и посланники въ Литвѣ у Короля бывали ль? и какова цесарева область воинскими людми и казною изловолена, и много ли съ Цесаремъ живетъ воинскихъ людей въ походѣ? и каковъ силенъ людми воинскими и казною Францовской Король, и нѣтъ ли Францовскому розни межъ свои(хъ) людей, и ссылки съ Цесаремъ Францовскому есть ли, и будетъ есть, и о чемъ? и Цесарь нынѣ какъ съ Ли-

товскимъ, и Литовской къ Цесарю съ Антоньемъ нынѣ о соединеньѣ что прикажетъ, и на каковѣ мѣрѣ у Цесаря въ приговорѣ впередъ станетъ со всею Римскою областью, и съ папою, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Королемъ Францовскимъ и со всѣми Княжаты о соединеньѣ; и какимъ обычаемъ противъ Турского стояти захотятъ заодинъ? и нынѣ Турской Салтанъ къ Цесарю присылывалъ ли о чемъ, и Цесарь къ Салтану о чемъ посылывалъ ли, и о чемъ ссылка межъ ихъ? Да и того имъ провѣдывати: Цесарь съ папою съ Римскимъ, и съ Венецѣйскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, и со Францовскимъ, и съ Англѣйскою Королевою, и съ Чешскимъ Королемъ и со всѣми своими съ порапичными сусѣды въ докончаньѣ ли, и будетъ въ докончаньѣ, и съ которымъ Государемъ въ докончаньѣ и о чемъ, и съ которымъ не въ докончаньѣ? И Угорское все Королевство нынѣ за Цесаремъ ли, и на Руделфово цесарево мѣсто на Королевствѣ Чешскомъ и на половинѣ Угорского изъ братьи его которой посаженъ, или его вѣдаютъ къ цесаревѣ области съ одного? и будетъ на Руделфово на цесарево мѣсто на Чешское Королество и на Угорское посаженъ братъ его князь Эрнестъ, и Турскому съ Угорской земли дань даютъ ли, и будетъ даютъ, и что дани даютъ, и сколко даютъ, и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его, сложася съ нимъ, стоять ли противъ Турского, и чаютъ ли на Турскаго походъ и въ каково время? и Седмиградцкая земля какъ нынѣ съ Литовскимъ Королемъ съ Стефаномъ, и многіе ли люди приходятъ къ Королю къ Стефану, коли имъ велитъ, и на найму ли ходятъ, о томъ у Короля у Стефана у Литовского докончанье съ Семиградцкою землею есть ли? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаютъ, и имъ тѣ дѣла всѣ, записавъ, привезти ко Государю, Царю и Великому Князю».

А съ Москвы пошли Яковъ и Тишина Марта жъ въ 15 день, вмѣстѣ съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ. А объ отпускѣ ихъ писано въ Смоленескъ въ папиныхъ книгахъ. А толмачь съ Яковомъ съ Молвяниновымъ посланъ Яковъ Заборовской.

7091—1583.

И лѣта 7091 Генваря въ 8 день, пріѣхали ко Государю, Царю и Великому Князю Яковъ Молвяниновъ да подьячей Тишина Васильевъ, а посыланы они отъ Государя къ Цесарю и въ Римъ къ папѣ; а какъ ся у нихъ дѣлалось въ Римѣ и у Цесаря, и они Государю, Царю и Великому Князю подали списокъ. А се списокъ, какъ ся у нихъ государево дѣло дѣлалось:

Лѣта 7090, Марта въ 26 день, по Государеву, Цареву и Великого Князя наказу, Яковъ Молвяниновъ да подьячей Тишина Васильевъ изъ Смоленска пошли въ Римъ черезъ Литовскую землю съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ съ Поссевинусемъ вмѣстѣ, а на Литовской рубежъ пришли Марта въ 28 день. И встрѣтилъ папина посла Антонья изъ Орши на рубежѣ Литвинъ Павликъ Ильинъ сынъ Полтевъ, а корму ни подводъ къ нему не прислали, а къ Якову и къ Тишинѣ пристава и подводъ не прислали жъ. А за тридцать верстъ отъ Орши къ Ан-

тонью прислали Филоновъ урядникъ Андрей Шевердинъ пять мериновъ отъ себя, а не королевскихъ; а Филона въ Оршѣ не было, сказали его въ Вилнѣ. А за десять верстъ отъ Орши, встрѣтилъ изъ Орши отъ Филонова урядника отъ Андрея Шевердина Антонья и Якова Филоновъ коморникъ Захаръ Корачюнъ; а за двѣ версты отъ Орши встрѣтили Антонья Филоновъ урядникъ Андрей Шевердинъ, да писарь Филоновъ Дмитряшъ Бороховъ да ротмистръ стрѣлетцкой Богужъ Селецкой, и ѣхали и до города. А поставилъ Антонья на подворьѣ за Днѣпромъ близко города; а Якова и Тишину поставили опрочѣ по конецъ посаду на той же сторонѣ; а приставъ у Якова и у Тишины былъ Захаръ же Корачюнъ; а корму Якову и Тишинѣ не дали. А про Короля сказали, что онъ въ Ригѣ. А изъ Орши Антоней пошелъ на Витебскъ въ Ригу да на Полотескъ, на своихъ конѣхъ и на подводахъ; а Якову и Тишинѣ подводъ не дали. А провожали Антонья и Якова Литвинъ Митка Бороховской съ товарищи четыре человѣки.

Апрѣля въ 2 день, Антоней въ Витебскъ пришелъ и стоялъ въ городѣ; а воевода въ Витебску Станиславъ Паца. А Яковъ и Тишина въ Витебскъ пришли Апрѣля въ 3 день, а поставили ихъ на посадѣ съ городцкую сторону; а встрѣчи имъ не было; а приставъ у Якова и у Тишины былъ Станиславовъ служебникъ Николай Мамчинъ; а держали ихъ за сторожи, съ двора не спущали. А изъ Витебска Антоней и Яковъ пошли Апрѣля въ 5 день, а шли на Улу; а въ Улѣ живутъ ротмистръ казачей Микитка Улениновъ съ казаки съ волными. А провожали Антонья и Якова изъ Витебска Станиславовы служебники Гриша Олехновъ съ товарищи четыре человѣки.

Апрѣля въ 8 день, Антоней и Яковъ пришли въ Полотескъ; а въ Полотцку воеводы нѣтъ, а приказанъ городъ подстаростѣ Николаю Щиту да уряднику Войтеху Юнчевскому. И поставили Антонья въ городѣ, а Якова поставили на верхнемъ посадѣ; а приставъ у Якова былъ Өедоръ Висковскій, Николаевъ Щитовъ служебникъ; а корму и подводъ Якову и Тишинѣ не дали жъ. А городъ Полотескъ стоитъ не дѣланъ. А провожалъ Якова до Дисны подстаростинъ служебникъ Войтехъ Григорьевъ, а на Диснѣ подстаростей Петръ Островской; а провожалниковъ Антонью и Якову не дали. А отъ Дисны шли къ Дрысѣ, а въ Дрысѣ намѣстникъ Янъ Лопотъ; а отъ Дрысы шли къ Друѣ, а Друя городъ пустъ; а отъ Друи шли къ Невгину, а въ Невгинѣ живетъ голова казачей Жаба съ казаки; а отъ Невгина шли Курлянскою землею мызничими помѣстьи къ Куконосу, а въ Куконосѣ староста королевской Станиславъ Бѣлявской; а стоялъ Антоней въ городѣ, а Яковъ и Тишина ночевали на полѣ за Двиною рѣкою. А отъ Куконоса шли къ городку къ Скровному, а приказанъ тотъ городокъ старостѣ Круповскому, а тутъ его нѣтъ, живутъ люди его; а приставовъ Якову и Тишинѣ не давали и до Риги, а подводъ и корму не давали по всей дорогѣ. А въ городкѣ въ Скровномъ встрѣчалъ Антонья отъ Стефана Короля королевской дворянинъ Янъ Замойскій, да и Якова отъ Короля о здоровьѣ вспросилъ, а говорилъ: Король тебя велѣлъ поздоровати. А привезъ къ Антонью три телѣги, а къ Якову телѣгу да и кормъ.

Апрѣля въ 23 день, Антоней и Яковъ въ Ригу пришли; а встрѣчалъ Антонья и Якова отъ Короля, отъ посаду съ полверсты Василей Гарабурда, да за посадомъ же Антонья встрѣтилъ королевской дворянинъ Ватславъ Вашлевитцкій; а послѣ его, ближе отъ посаду встрѣтили Антонья отъ Короля королевскіе дворяне Янъ Жебридовскій да Станиславъ Мелетцкій. И ѣхали съ Антоньемъ въ городъ, и поставили его въ городѣ; а Якова повели около валу, и поставили Якова и Тишину въ городѣ жъ. А городъ Рига каменъ, а кругъ его валъ земляной съ бои, а стрѣлни каменые, а кругъ валу приведена вода изъ озера и обведена кругомъ и до Двины рѣки. А приставъ у Якова былъ тотъ же Василей Гарабурда, которой встрѣчалъ; и кормъ Якову и Тишинѣ въ Ригѣ давали людцкой и конской, а отдавали кормы другой приставъ Литвинъ Василей Пронковъ. И Апрѣля въ 27 день, велѣлъ Стефанъ Король Якову и Тишинѣ быти у себя на дворѣ. А прiѣзжали по Якова королевской дворянинъ Визгитъ, судья земской, да приставъ Василей Гарабурда; а съ коней сошли у лѣсницы. И вшедъ Яковъ къ Королю, началъ по государеву наказу рѣчь говорити; и Король рѣчи говорити не велѣлъ, а велѣлъ Якова уняти моршалку Астафью Воловичю, а велѣлъ напередъ къ рукѣ итти, а послѣ руки велѣлъ рѣчь говорити. И изговоря Яковъ рѣчь, да подалъ государеву грамоту. И грамоту Король у Якова велѣлъ приняти Тротцкому воеводѣ Хриштопу Радивилу; а противъ государева поклона Король не всталъ, толко принялся за шапку. Да говорилъ Яковъ рѣчь о пропускѣ; и какъ рѣчь изговорилъ, и Король, приподывся вспросилъ Якова про государево здоровье, а молвилъ: Государь вашъ, Князь Великій здорово ли? и Яковъ говорилъ: мы пошли отъ своего Государя, Царя и Великого Князя съ Москвы за четыре недѣли до Велика дни, а Государь нашъ, Царь и Великій Князь, далъ Богъ, здорово. И Король спросилъ Якова о здоровьѣ, здорово ли есте дорогою ѣхали? Да звалъ Король къ рукѣ подьячего Тишину. А послѣ того Якову говорилъ передъ Королемъ Хриштопъ Радивилъ, что Король дорогу черезъ свои Государства въ Римъ къ папѣ и къ Цесарю дати вамъ велѣлъ и назадъ вамъ дорога чиста безо всякіе зацѣпки, да и листъ вамъ о томъ королевской и приставъ будетъ. А послѣ того, отъ Якова и отъ Тишины Королю явили поминки; а являлъ поминки Астафей Воловичь. А Король Степанъ былъ въ черномъ платьѣ; сказывали про него, что онъ въ кручинѣ: не стало у него брата Яна, которой былъ на Семиградцкой землѣ. А стояли передъ Королемъ Хриштопъ Радивилъ да Астафей Воловичь; а сидѣлъ при Королѣ съ правую сторону Курлянскіе земли Князецъ Готартъ, а возлѣ его Нѣмцы стояли; а съ лѣвую сторону сидѣли бискупъ Виленской Радивилъ, да племянникъ королевъ, Седмиградцкого Князя сынъ Баторъ, да каштелянъ Бетцкій, а возлѣ ихъ стояли королевскіе дворяне шляхтичи; а Антоней Поссевинусъ у Короля въ то время не былъ. Маія въ 2 день, привезъ отъ Короля къ Якову приставъ Василей Гарабурда листъ проѣзжей за королевою печатью, да подорожную; а велѣлъ Король давати Якову изъ найму восмь подводъ; а пристава прислалъ къ Яко-

ву каморника своего Хриштопа Пшонку, а велѣлъ Якова и Тишину проводити до цесарскіе земли. А изъ Риги Король пошелъ того жъ дни въ Куконосъ. А Антоней послѣ Короля стоялъ въ Ригѣ два дни, а изъ Риги пошелъ въ Вилну Маія въ 4 день, а Яковъ и Тишина пошли съ Антоньемъ вмѣстѣ. Маія въ 10 день, Антоней и Яковъ въ Вилну пришли, а встрѣчи имъ не было. А стояли Антоней и Яковъ въ городѣ, а приставъ у Якова былъ тотъ же Хриштопъ Пшонка. А Король пришелъ въ Вилну Маія въ 12 день, а изъ Вилны Антоней и Яковъ пошли Маія въ 16 день, и шли Литовскою Мазовецкою землею на Городню, да на Кнышинъ, да на Тыкотинъ, да на Варшевъ; а отъ Варшева шли на Скверневичи, а отъ Скверневичь на мѣсто Частоховъ, а межъ Скверневичь и Частохова прошли городъ Петроковъ, а отъ Частохова до границы цесарскіе. А на границу цесарскую въ Шлейскую землю пришли Іюня 3 дня, въ городокъ въ Люблинецъ, а въ томъ городкѣ староста Варкогъ. И Яковъ посылалъ къ нему Якова толмача о приставѣ и о подводахъ, чтобъ ихъ повели къ Цесарю, не мѣшкая, и пристава имъ и подводы по цесаревѣ области велѣлъ давати. И Якову пристава и подводъ не дали, а сказали, что у нихъ того не ведется, что посланникомъ пристава и подводы давати. А отъ того городка шли къ монастырю Еменицкому, а отъ монастыря шли къ городку къ Стрелицѣ да къ городку къ Козлеву; а о приставѣ и о подводахъ Яковъ въ тѣхъ городѣхъ къ приказнымъ людемъ посылалъ же, и Якову пристава и подводъ не дали жъ. А оттолѣ шли до Муравскіе земли, а въ Муравскую землю пришли въ городокъ въ Дворца, и отъ Дворецъ пришли въ Муравской городокъ въ Оломонецъ; а встрѣчи Якову не было; а въ томъ городѣ живутъ цесаревы урядники думные люди, а про Цесаря сказали, что онъ былъ въ Вѣднѣ, а изъ города изъ Вѣдны пошелъ въ городъ въ Аушпорокъ въ Августѣ. А пристава въ Оломонцѣ тѣ думные люди Якову и Тишинѣ не дали, а дали двѣ телѣги подъ рухлядь до города до Праги. А отъ Оломонца шли къ городку къ Мирову и до Чешскіе земли, а въ Чешскую землю пришли Маія въ 9 день въ городокъ, на Литомышль, цесарева канцлера Вратислава Перстеня; а отъ Литомышля шли Чешскою землею къ городку къ Мету, а отъ городка Мета къ городку Пардовицамъ, а отъ Пардовицъ къ Чешскому столному городу къ Прагѣ. А въ Прагу пришли Іюня 12 дня, а встрѣчи въ томъ городѣ Антонью и Якову не было жъ. И стоялъ Антоней и Яковъ въ Прагѣ девять дней, а корму Якову и Тишинѣ не давали семь денъ; а въ осмой день прислалъ къ Якову, по Антоньеву приказу, Боркрабъ воевода Вилимъ Розберкъ да канцлеръ Вратиславъ Перстень трехъ Нѣмчиновъ: Рентмостеръ Томана, да Тиля Яша Шмитръ Корба, да Кенге Хантлера, и за кормы за люцкіе и за конскіе, что имали въ Оломонцѣ у подворника Яковъ и Тишина, и толмачь заплатили ефимки, да въ дорогу принесли къ Якову и къ Тишинѣ и съ толмачемъ 90 ефимковъ, и Яковъ и Тишина ихъ не взяли, и они дали ефимки приставомъ. А дали дву человѣкъ приставовъ одного конного, а другого пѣшего; да въ Прагѣ жъ дали Якову и Тишинѣ двѣ телѣги, а въ нихъ осмеро лошадей, подъ рухлядь, до границы

Баварскіе, покамѣста Чешская земля. А изъ Праги шли до городка до Пелзена къ монастырю Шонтолѣ, а отъ Шонтоля до городка до Валмениха, отъ Валмениха до Баварскіе земли Филгелма Князя. И пришли въ Баварской городъ въ Миховъ, а отъ Михова до мѣста Пухова, отъ Пухова до столного Баварского города до Рейнзборка, а по Чешски Резнъ; а подъ тѣмъ городомъ рѣка Дунай течетъ. А отъ Рейнзборка къ городу къ Ингелщеню, отъ Ингелщеня до Нѣмецкіе земли, до мѣста Франберка, а отъ Франберка въ Нѣмецкой столной городъ въ Аушпоркъ. А недоѣхавъ Аушпорка, поставилъ Антоней Якова и Тишину въ мѣстѣ Бранберкѣ, а самъ поѣхалъ въ городъ въ Аушпоркъ Іюня въ 25 день. И Іюня въ 28 день, прислалъ Антоней подъ Якова и подъ Тишину, выпросивъ у Трыдентского бискупа, двѣ телѣги, а въ нихъ осмеро лошадей, а велѣлъ ѣхати въ городъ въ Аушпоркъ. И Яковъ и Тишина въ городъ въ Аушпоркъ пріѣхали, а встрѣчи Якову и Тишинѣ никоторые не было; а поставилъ Антоней Якова и Тишину на корчемномъ дворѣ, а пристава и корму цесарева не было. А Іюня въ 27 день, Цесарь Руделфъ въ городъ въ Аушпоркъ пріѣхалъ, а съ нимъ Саской Князь Августъ передъ Цесаремъ на правомъ плечѣ везъ мечь наголо, а надъ Цесаремъ несутъ дробанты шесть человѣкъ солночникъ, камка желта уголчата, въ длину болыши дву сажень, а поперегъ съ двѣ сажени, а называютъ его небомъ. Да съ Цесаремъ же Саского Князя сынъ Крестьянусъ, да Брандоборской Князь Ехомъ Фредерехъ, да Баварскіе Князи Вилгелмъ да Фердинандъ, да Аустрѣйской Князь, цесаревъ дядя Карлусъ, да Вертемборской Князь Ульэлсъ, да Мелхеборской Князь Оллеръ, да болшіе жъ люди съ Цесаремъ Курфестры арцыбискупы, которые выбираютъ Цесарей на Государство: Могульской Волфканкъ садится возлѣ Цесаря съ правую сторону, другой Колонской садится у Цесаря съ лѣвую сторону, третей Треверской садится противъ Цесаря, а Князи сидятъ съ правую сторону; подъ ними Саской Князь Августъ и иные болшіе Князи, а съ лѣвую сторону садятся другая статья болшихъ Князей и всѣ Князи его области. А съ Саскимъ Княземъ людей 1500 человѣкъ, а съ Брандоборскимъ Княземъ 800 человѣкъ, а всѣхъ людей съ Цесаремъ пришло тысечи съ три. А вѣры Цесарь Римскіе, а Саской Князь и Брандоборской вѣры Люторскіе, и многіе Князи Люторскіе вѣры. А двора и пристава и корму Якову и Тишинѣ до Цесаря, да и при Цесарѣ, не дали десять дней.

И Іюля въ 5 день, прислалъ Руделфъ Цесарь къ Якову дворянъ своихъ Ивана Яковлева, да Даніеля Принца, которой у Государя, Царя и Великого Князя былъ отъ Цесаря въ послѣхъ; а привезли съ собою отъ Цесаря три телѣги. И съ того корчемного двора Якова и Тишину перевели на посадцкой дворъ, и кормъ людцкой и конской цесаревъ давали, а поворы были цесаревы; а приставъ у Якова и у Тишины былъ Даніель Принцъ, и за столъ къ Якову Даніель пріѣзжалъ по вся дни, и дворянъ цесарскихъ съ собою за столъ имаяъ; да и за тѣ кормы, что имали Яковъ и Тишина у подворника на корчемномъ дворѣ, ефимки цесаревы заплатили.

И Іюля въ 7 день, о вечернѣ, велѣлъ Руделфъ Цесарь Якову и Тишинѣ быти у себя на дворѣ; а пріѣз-

жалъ по Якова приставъ Даніель Принцъ; а привезли подъ Якова и подъ Тишину три колымаги: въ дву колымагахъ по шти лошадей, а въ третьей четверо лошадей. И ѣхали въ колымагахъ до цесарева двора, до воротъ; а изъ колымагъ вышли въ самыхъ воротѣхъ. И какъ вошли въ цесаревы полаты, и встрѣтилъ Якова отъ Цесаря околничей, а въ другой полатѣ встрѣтили цесарскіе дворяне думные, человѣкъ съ двадцать и болши; и встрѣтя Якова, пошли къ Цесарю напередъ. А сказалъ про Якова Цесарю приставъ Даниліель Принцъ. И какъ Яковъ и Тишина вошли къ Цесарю въ полату, и Цесарь противъ Якова всталъ, да поклонился по своему обычаю, сѣлъ. А на Цесарѣ платье Нѣмецкое обычное, а передъ нимъ стоятъ дворянъ человѣкъ съ тридцать, а болшихъ Князей при Цесарѣ не было. И правилъ Яковъ отъ Государя, Царя и Великого Князя Руделфу Цесарю поклонъ и поздравленье, и рѣчь говорилъ, и поминокъ явилъ, и грамоту подалъ, по Государеву, Цареву и Великого Князя наказу. И Цесарь государеву грамоту у Якова принялъ самъ, а противъ государева поклона и поздравленья не всталъ и шапки не снялъ. А какъ Яковъ рѣчь изговорилъ, и отъ Руделфа Цесаря говорилъ Якову приставъ Даніель Принцъ: «Божьею милостью Напресвѣтлѣйшій Государь Руделфъ Цесарь Римскій, Чешскій, Угорскій и многихъ земель Государь, Король и Самодержецъ, слышелъ, что Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, братъ его дражайшій и любезнѣйшій, тебя, Якова Семеновича Молвянинова, посланника своего къ Его Цесарскому Величеству послалъ съ добрымъ дѣломъ, и что Великій Царь о здоровьѣ Его Цесарского Величества спрашиваетъ, и ему то добрѣ за честь: и велѣлъ тебѣ говорити, что, далъ Богъ, добръ здоровъ, и поминокъ брата своего принялъ любително. Да слышелъ твое дѣло отъ Великого Князя и Царя, что онъ хочетъ съ нимъ и съ иными Государи хрестьянскими быти въ братствѣ и въ завѣщаньѣ и въ добромъ согласьѣ, стояти противъ всѣхъ недрузей заодинъ: и велѣлъ тебѣ Цесарь говорити, что онъ хочетъ съ братомъ своимъ любезнѣйшимъ, съ Царемъ и Великимъ Княземъ, соединеніе совершити и закрѣпити и стояти противъ всѣхъ недрузей заодинъ; а о иномъ дѣлѣ хочетъ Его Цесарское Величество съ своими* ближними людми говорити, и будетъ тебѣ отвѣтъ вскорѣ. А что ты съ папинымъ посломъ до Риму ѣдешь, хочетъ тебѣ пропускную грамоту дати и отпустити хочетъ, не задержавъ, и пожалуетъ васъ, что вамъ надобно». Да послѣ того звалъ Якова и подьячего Тишину и толмача къ рукѣ; и какъ Яковъ къ Цесарю къ рукѣ пришелъ, и онъ подавъ Якову руку, и приподылся и за руку Якова подержалъ, а въ руку себя цѣловати не далъ; а у подьячего у Тишины и у толмача по тому жъ руку относилъ, а цѣловати въ руку не далъ. И Яковъ и Тишина Цесарю явилъ отъ себя поминки; и Цесарь велѣлъ взяти приставу Даніелю Принцу. И говорилъ Якову и Тишинѣ отъ Цесаря Даніель Принцъ: «поминки ваши Цесарь взяти велѣлъ и васъ хочетъ пожаловати». А сѣсти Якову Цесарь не велѣлъ и ѣсти не звалъ. А какъ Яковъ пошелъ отъ

* Въ подлинникѣ: «твоими».

Цесаря, и провожалъ Якова до подворья приставъ Даніель Принцъ, а сидѣлъ Даніель съ Яковомъ въ колымагѣ противъ Якова. А про то, что въ руку цѣловати себя Якову Цесарь не далъ, Даніелю Яковъ говорилъ: для чего Цесарь въ руку цѣловати себя не далъ? — и Даніель Якову говорилъ, что они, Государи, тѣмъ уничижаются.

А о отпускѣ, по государеву наказу, Яковъ и Тишина приставу Даніелю Принцу часто говорили, чтобъ ихъ Руделфъ Цесарь въ Римъ къ папѣ отпустилъ ранѣя, и проводити ихъ по своимъ Государствамъ велѣлъ, чтобъ имъ, бывъ у папы, къ Цесарю придти, не мѣшкая.

И Іюля въ 10 день, послѣ стола, велѣлъ Князь Карлусъ, цесаревъ дядя, Якову и Тишинѣ быти у себя на дворѣ; а пріѣзжалъ по нихъ цесаревъ приставъ Даніель Принцъ по тому жъ съ трема колымагами, какъ отъ Цесаря колымаги были. И какъ къ Карлусу пришли, и Карлусъ Якова встрѣтилъ въ полатѣ во дверѣхъ и принялъ за руку. И Яковъ Карлусу Князю отъ Государя, Царя и Великого Князя правилъ поклонъ, и о здоровѣ вспрашивалъ, и грамоту подалъ, по государеву наказу. А Карлусъ все стоялъ безъ шапки середь полаты; а грамоту, принявъ, цѣловалъ, а самъ не сѣлъ и Якова не посадилъ. И Яковъ явилъ ему отъ себя поминокъ, и Карлусъ поминокъ приняти велѣлъ, да проводилъ Якова до дверей жъ. А о здоровьѣ про Государя не вспрашивалъ, а на государевѣ жалованьѣ, что къ нему прислалъ поклонъ и грамоту и о здоровьѣ велѣлъ его спросити, билъ челомъ. А отъ Карлуса проводилъ Якова до подворья Даніель жъ Принцъ.

И Іюля въ 15 день, приказалъ къ Якову папинъ посолъ Антоней Поссевинусъ съ Яковомъ съ толмачемъ, что ихъ Цесарь отпускаетъ съ нимъ вмѣстѣ, а ему ѣхати часа того, и Яковъ бы былъ готовъ; а у Цесаря имъ на отпускѣ не быти и приставу у нихъ не быти; а грамоту государеву и проѣзжую грамоту Цесарь пришлетъ за Яковомъ въ дорогѣ, потому что, Цесаря зашли дѣла многіе. И Яковъ посылалъ Якова толмача къ приставу къ Даніелю Принцу на подворье съ тѣмъ, что къ нему Антонеіі приказалъ, и Даніель бы доложилъ Цесаря, чтобы Цесарь отпустилъ его по прежнему обычаю, какъ цесаревъ отецъ Руделфовъ Максимиліянъ Цесарь отпустилъ къ брату своему, ко Царю и Великому Князю пословъ его и посланниковъ отъ своего лица, и грамоты ко Государю посылалъ, а давалъ изъ своихъ рукъ; а ему, не бывъ у Цесаря, безъ государевы грамоты да и безъ проѣзжихъ грамотъ и безъ пристава, ѣхати не мочно. И Даніель Принцъ приказалъ къ Якову тожъ, что и Антоней приказалъ.

И Іюля въ 16 день, прислалъ Руделфъ Цесарь къ Якову и къ Тишинѣ пристава Даніеля Принца съ своимъ жалованьемъ противъ Яковлевыхъ и Тишининыхъ поминковъ. А говорилъ Даніель отъ Цесаря Якову: «Великій Государь Руделфъ, Цесарь Римскій, Чешскій, Угорскій, и многихъ земель Государь, велѣлъ тебѣ сказати, что еси Цесарскому Величеству рѣчь говорилъ отъ брата его, Царя и Великого Князя Ивана Василевича всея Русіи, и здоровье Его Цесарскому Величеству сказалъ, что онъ здорово, и Цесарское Величество здоровье брата своего слышевъ, радъ; а нынѣ тебя отпускаетъ

въ Римъ къ Григорью папѣ, а грамоту къ брату своему ко Царю и Великому Князю посылаетъ съ тобою, а пришлетъ къ тебѣ Государя твоего грамоту и проѣзжіе грамоты въ дорогѣ; а ѣхати вамъ съ Антоньемъ вмѣстѣ: съ Антоньемъ есте пріѣхали, съ Антоньемъ и пріѣдте, и пристава вамъ не будетъ».—А привезъ Якову отъ Цесаря два кубка серебрены золочены двойчаты, да двѣстѣ золотыхъ Полскихъ, по десяти алтынъ золотой; а подьячему Тишинѣ кубокъ серебрянъ золоченъ двойчатъ же, да сто золотыхъ Полскихъ; а толмачю Якову... да стоканъ серебренъ, да пятьдесять золотыхъ Полскихъ. И Яковъ и Тишина на цесаревѣ жалованьѣ били челомъ, а говорили Даніелю Принцу, что отпускаетъ ихъ Цесарь къ брату своему ко Царю и Великому Князю не по прежнимъ обычаемъ не отъ своего лица, а грамоты хочетъ въ дорогѣ прислати; и Цесарь бы государеву грамоту здѣсь далъ, а не въ дорогѣ, а въ дорогѣ грамота государева дати не пригожъ. И Даніель говорилъ Якову: положилъ васъ Цесарь во всемъ на Антоньѣ, и то учинилъ такъ Антоней, и вы посылайте о томъ къ Антонью. И Яковъ посылалъ къ Антонью подьячего Тишину Васильева да Якова толмача, чтобъ Антоней попамятовалъ къ себѣ государево жалованье, и государевымъ дѣломъ промышлялъ, чтобъ Цесарь Якова отпустилъ по прежнимъ обычаемъ отъ своего лица, и грамоту бъ государеву и проѣзжіе грамоты велѣлъ дати у себя, а не въ дорогѣ, да и проводити бъ по своимъ Государствамъ велѣлъ. И Антоней къ Якову съ Тишиною приказалъ: что даны есте въ руки мнѣ, и вы со мною и поѣдте, а грамоты за вами Цесарь пришлетъ часа того.

И Іюля въ 18 день, пріѣхалъ къ Якову приставъ Даніель Принцъ, а привезъ съ собою колымагу, а въ ней шестеро лошадей. И говорилъ Якову и Тишинѣ: пріѣхали есте къ Цесарскому Величеству съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ съ Поссевинусомъ, и Антоней изъ Аушпорка ѣдетъ, и вамъ Цесарское Величество велѣлъ ѣхати съ Антоньемъ вмѣстѣ. И проводилъ Даніель Якова и Тишину отъ города съ полверсты, а пристава и подводъ въ дорогу не далъ, а сказалъ Якову Даніель Принцъ, что дано Антонью Поссевинусу цесарева жалованье до Венидѣи полтораста тарѣлей, да и васъ Цесарь велѣлъ кормити. И Антоней Якову и Тишинѣ давалъ кормецъ всего на восмь дней цесарскою землею. И шли Нѣмецкою землею цесарскою областью, да Боварскихъ Князей землею, да дяди Руделфова Фердинандовою землею и до Венидѣйскіе земли.

И Іюля въ 28 день, Антоней и Яковъ пришли въ Венецѣйского Князя область, въ городъ въ Веронъ; а не доѣзжая того города за полверсты, выслали намѣстники, которые въ томъ городѣ живутъ, Марко Антоньевъ да Путинъ Барбариха, Якуба Дохтора встрѣчати, а съ нимъ Нѣмецъ четыре человѣки, да трубники, и набатчики и стрѣлцы; а говорилъ Якову Якубъ Дохторъ: «намѣстники града Верона велѣли тебя встрѣтити и подворье указати». И ѣхали съ Антоньемъ и съ Яковомъ до подворья, а на подворье пришли къ Якову челомъ ударити намѣстники, и говорили Якову, что они его пріѣзду добрѣ ради, а пришли къ нему челомъ ударити и навѣстити его, и всѣмъ ему челомъ бьютъ, чтобъ всѣмъ былъ доволенъ. И кормъ людцкой и конской былъ доволенъ. А отъ Верона шли

къ городу къ Виценту, а намѣстники въ Виценту Мари Петръ да Лесій Драгадинъ; а встрѣчи и всякіе почести и кормъ въ Виценту были по тому жъ, какъ и въ Веронѣ. А отъ Вицента шли къ городу къ Падвѣ, а пришли въ Падву Іюля въ 30 день; а намѣстникъ въ Падвѣ Сила; а встрѣчали Антонья и Якова отъ города за версту гетманъ Марковъ съ товарищи, всѣхъ двадцат человѣкъ, по тому жъ съ трубники и съ набатчики и съ стрѣлцы; а кормы были по тому жъ, какъ и въ Виценту.

Августа во 2 день, Антоней и Яковъ пришли въ городъ въ Венецѣю; а шли отъ Падвы въ суднѣ рѣкою Броною, а моремъ къ Венецѣи шли верстъ съ пять въ малыхъ стружкѣхъ отъ переволоки. А не доходя Венецѣи, отъ города за двѣ версты, въ монастырѣ въ Георгіевѣ, Антонья и Якова встрѣтили отъ Венецѣйского Князя Николая думные люди Лавринъ Пріолюсъ съ товарищи, всѣхъ одиннадцат человѣкъ, и говорили Якову: «прислалъ насъ Пресвѣтлѣйшій Князь Венецѣйскій тебя встрѣтити и здоровье твое видѣти и до подворья тебя проводити, и всѣмъ тебя велѣлъ покоити, чтобъ ты всѣмъ доволенъ былъ; и пріѣзду есмя твоему добрѣ ради, а того будемъ радостнѣе, какъ отъ тебя услышимъ про Великого Государя, Царя и Великого Князя Московского здоровье». И Яковъ на Княжь Николаевѣ жалованьѣ, на ихъ встрѣчѣ, билъ челомъ. И шли съ Антоньемъ и Яковомъ до подворья; а поставили Якова и Тишину въ монастырѣ Ивана и Павла; а приставъ у Якова и у Тишины Алвизъ Лореданъ. И кормы Якову и Тишинѣ были доволны, а поворы были Княжь Николаевы. А лошади стояли въ городѣ въ Падвѣ на Венецѣйского жъ Князя корму. А городъ Венецѣя стоитъ не на морѣ, на заливѣ морскомъ, на мели, на островѣхъ въ розныхъ мѣстѣхъ, а до болшого моря отъ города Венецѣи до берегу версты съ двѣ; а взливается подъ городъ морская вода и отливается назадъ въ море, въ день и въ ночь по шти часовъ: шесть часовъ воды убываетъ, а шесть часовъ прибываетъ; а какъ вода сольетъ, и кругъ города живетъ сухо сажень за пять и за шесть, а индѣ и за десять; а винограды и сады всякіе по монастыремъ и по городу во многихъ мѣстѣхъ; а межъ домовъ улицы рѣчки, а иные воды перекопные; а рѣка болшая скрозь посаду прошла и пала въ море въ томъ устьѣ, гдѣ къ Венецѣи ворота морскіе, и корабли тою рѣкою подъ Венецѣю приходятъ.

Августа въ 4 день, прислалъ Венецѣйской Князь Николай по Якова своихъ ближнихъ людей, тѣхъ же, которые Якова встрѣчали, Лаврина Пріолюса съ товарищи, одиннадцат человѣкъ, а Антоней съ ними жъ пришелъ; а велѣли Якову и Тишинѣ идти ко Князю Николаю на дворъ. И сѣли въ стружкѣхъ въ малыхъ, а Антоней, попроводя Якова, воротился. И какъ, вышедъ изъ судовъ, пришли на дворъ, и встрѣчи Якову не было; а какъ ко Князю Николаю въ полату вошли, и Князь Николай и всѣ Венецѣйскіе люди лучшіе встали. И Яковъ отъ Государя, Царя и Великого Князя Николаю Князю правилъ поклонъ, и грамоту подалъ, и рѣчь говорилъ по государеву наказу; а Князь Николай въ то время стоялъ, а грамоту принявъ, цѣловалъ. А какъ Яковъ грамоту подалъ и рѣчь изговорилъ, и Князь Николай, взявъ

Якова за руку, посадилъ возлѣ себя съ правую сторону, и говорилъ Якову:« на государевѣ жалованьѣ челомъ бью, что меня Государь навѣстити прислалъ въ такой моей въ великой старости, и твоему есми пріѣзду добрѣ радъ. Прежъ сего межъ насъ со Государемъ любовь и дружба была, а впередъ бы нынѣ далъ Богъ больши прежнего межъ насъ любовь и дружба была, того у Бога просимъ, и гости бъ межъ насъ ходили. Да и то намъ добрѣ за честь, что Государь съ Полскимъ Королемъ помирился». А послѣ того, Яковъ, вставъ, явилъ отъ себя Николаю Князю поминки; и Князь Николай поминки приняти велѣлъ, а молвилъ:« поминки мнѣ добрѣ за честь». И отпустилъ Якова и Тишину на подворье; а провожали ихъ до подворья тѣ жъ люди, которые по Якова и по Тишину пріѣзжали. А платье на Князѣ Николаѣ обьярь черлена; а сидѣли отъ него съ правую сторону въ черленомъ платьѣ Венецѣйскихъ большихъ людей три человѣки: Бернадинъ Липомано, да Антопей Брагадено, да Андрей Бернардо, а шесть человѣкъ въ черномъ платьѣ; а съ лѣвую сторону въ черленомъ платьѣ три жъ человѣки Янъ Супаранцы, да Захарья Саламоно, да Юрьи Корниліосъ, да шесть человѣкъ въ черномъ платьѣ. А на подворьѣ у Якова и у Тишины надъ приставы приказано было надзирати во всемъ дьяку Бартоломею Петрову сыну Франтистису.

Августа въ 11 день, прислалъ Венецѣйской Князь Николай діяка своего Бартломея, а велѣлъ Якову и Тишинѣ быти у себя на дворѣ. И какъ Яковъ и Тишина вошли ко Князю Николаю въ полату, и Князь Николай и всѣ Венецѣйскіе болшіе люди встали. И велѣлъ Князь Николай Якову сѣсти подлѣ себя съ правую сторону, и говорилъ Якову, сидя: «отпускаю васъ въ городъ въ Падву, и тамъ погостите, а язъ за вами грамоту и поминки противъ твоихъ поминковъ часа того пришлю». И Яковъ говорилъ: намъ, Государь, переѣзжати въ Падву непочто, чтобъ еси насъ отпустилъ поранѣя къ папѣ въ Римъ, чтобъ намъ, бывъ у папы, назадъ быти ранѣе у Цесаря. И того дни, Князь Николай Якова и Тишину отпустилъ; а то и отпускъ, какъ Яковъ челомъ ударилъ, и Князь Николай, вставъ, поклонился, а молвилъ: «поѣдте здорово». Да того дни Якова изъ Венецѣи не отпустили, и держали послѣ того въ Венецѣ тринадцать денъ.

И Августа въ 23 день, прислалъ Венецѣйской Князь по Якова и по Тишину того жъ дьяка своего Бартломея, а съ нимъ дву человѣкъ Венецѣнъ, а велѣлъ Якову и Тишинѣ быти у себя на дворѣ. И какъ Яковъ и Тишина пришли на дворъ и вошли въ полату, и діякъ Бартломей отъ Князя Николая вынесъ чѣпь золоту и положилъ на Якова, а подьячему Тишинѣ да толмачю Якову далъ ото Князя по чѣпочкѣ. А встрѣчи Якову не было жъ. И какъ Яковъ и Тишина ко Князю Николаю вошли, и Князь Николай и всѣ Венецѣйскіе болшіе люди встали; и Яковъ и Тишина били челомъ Князю Николаю на его жалованьѣ. И Князь Николай Якову велѣлъ сѣсти, и говорилъ Якову, чтобъ ся онъ не покручинилъ, что его поиздержалъ, не вскорѣ отпустилъ, что его зашли иные дѣла; да далъ Якову грамоту, а молвилъ:« посылаю съ тобою ко Государю грамоту, и ты ее до Государя своего довези; а какъ будешь у Государя своего, и отъ меня Государю, Царю и Великому Князю

челомъ біете»; да говорилъ Якову: «нѣчто учнутъ приходити ко Государю вашему наши гости и купцы, и Государь бы ихъ жаловалъ и велѣлъ ихъ беречи и чтити». Да звалъ Якова и Тишину и толмача къ рукѣ, и отпустилъ. А изъ Венецѣи Яковъ и Тишина съ Антоньемъ вмѣстѣ пошли въ городъ въ Падву назавтрее, Августа въ 24 день.

И Августа въ 26 день, Антоней и Яковъ пришли въ городъ въ Ферарію Ферарского Князя Алфонсуса Эстенсьса; а его въ томъ городѣ нѣтъ: сказали его въ отъѣздѣ въ иныхъ городѣхъ. И встрѣчи Антонью и Якову въ томъ городѣ не было, и подводъ и корму не было жъ.

Августа въ 27 день, Антоней и Яковъ пришли въ папину область, въ городъ въ Бононью, а въ Бононьѣ кардиналъ Петръ Донатусъ. А встрѣчалъ отъ кардинала Якова за три версты отъ города Нарнинской бискупъ Эрлусъ, а съ нимъ пятдесять человѣкъ конныхъ съ копьи, да трубники, да набатчики да стрѣлцы. А какъ Яковъ въѣхалъ въ городъ, и въ городѣ стрѣляли изъ наряду, а кардиналъ Якова встрѣтилъ у лѣстницы и проводилъ до полаты; и кормъ давали людцкой и конской доволенъ, и Якова и Тишину чтилъ. А отъ Бононьи шли до города до Имолы, а въ томъ городѣ кардиналъ Гвидо Фереріусъ; а встрѣчи и всякая почесть и кормы были доволны по тому жъ, какъ и въ Бононьѣ; а подводъ Якову и Тишинѣ во всей папиной области не давали и до Риму. А отъ Имолы шли до города до Фавенца, а въ немъ бискупъ Анибалъ Грасисъ; а встрѣчи были по тому жъ, какъ и въ Бононьѣ. А отъ Фавенца къ городу Фрулину, а въ немъ бискупъ Францишекъ Конобѣй, а намѣстникъ Николай Шкадиналъ. Отъ Фрулина къ городу Фолемвору, а отъ Фолемвора къ городу къ (Це)зену, а въ немъ намѣстникъ Францишекъ Долепортъ, а встрѣчалъ Якова отъ города за двѣ версты. Отъ Цезена къ городу Ариминуму, а въ немъ намѣстникъ Юліусъ Цезарь, а встрѣчалъ Якова за четыре версты отъ города; а стоитъ тотъ городъ Ариминумъ у моря на берегу. И ѣхали отъ того города возлѣ моря къ городу Пизауруму, а отъ того города къ городу Фаену, а въ немъ намѣстникъ Францишекъ Цыцѣра. Отъ города Фаена къ городу Сеногаю, отъ города Сеногая къ городу Онкону, а намѣстникъ въ Онконѣ Лодвикъ; а подъ тѣмъ городомъ корабленая пристань изо многихъ Государствъ, и изо Царягорода и изъ Ерусалима. А отъ города отъ Конона (sic) къ городу къ Лаврету, а тотъ городокъ отъ моря съ версту; а отъ города отъ Лаврета къ городу Рыконату; а отъ города Рыконата шли къ Риму прямо горами къ городку Мацературу, да къ городку Толентину; а намѣстниковъ въ тѣхъ городкѣхъ нѣтъ; встрѣчали люди ихъ. А отъ Толентина къ городку къ Америну, да къ городку Фулину, да къ городку Сполету, да къ городку къ Терну, да къ городку Нару, да къ городку Трикулу, да къ городку Бургиту; а во всѣхъ въ тѣхъ городкѣхъ намѣстники; а встрѣчали Якова отъ города индѣ версты за двѣ и за три, а индѣ болши, по тому жъ, съ трубники и съ набатчики и съ стрѣлцы, и кормы были въ всѣхъ городѣхъ. Да въ томъ городкѣ въ Бургитѣ встрѣтилъ Якова отъ папы папинъ коморникъ Янъ Бахтиста Мамоновъ, а о здоровьѣ Якова отъ папы не вспра-

шивалъ, а молвилъ Якову: «папа тебя велѣлъ приняти своимъ». А отъ Бургита шли къ городку къ Новому, а въ немъ намѣстника нѣтъ, и встрѣчи не было; а отъ Нового городка шли къ городу къ Риму.

А Сентября въ 13 день, Антоней и Яковъ пришли въ Римъ; а папы Григорья въ то время въ Риму не было: сказали его въ городѣ въТушкуналумѣ, отъ Риму восмь верстъ. А недоѣзжая Рима за пять верстъ, встрѣтили Якова отъ папина сына отъ Якуба, дворетцкой его Іюль Графъ съ товарищи, всѣхъ пятнадцать человѣкъ, съ колымагами, а съ ними восмь колымагъ. А за посадомъ Якова встрѣтилъ отъ папина жъ сына Марграфъ Павелъ Цезисъ, а съ нимъ человѣкъ съ шестьдесятъ конныхъ; а кланялись съ Яковомъ межъ себя на конѣхъ, а съ коней не сошли. А говорилъ Якову Марграфъ: «навышшего папы сынъ Якубъ и кардиналы велѣли мнѣ тебя встрѣтити и подворье тебѣ указати». А о здоровьѣ Якова не вспрашивалъ же, и ѣхалъ съ Яковомъ до подворья, и проводилъ до полаты. А приставъ у Якова былъ Антоней Поссевинусъ и стоялъ съ Яковомъ на одномъ дворѣ, а подъ нимъ были папины коморники, попы: Филипко Котинъ съ товарищи, десять человѣкъ; да и повары были папины. А съ двора Якова и Тишину и толмача, по Антоньеву приказу, не пускали никуды.

И Сентября въ 15 день, папа Григорей въ Римъ пріѣхалъ. И того жъ дни пришелъ къ Якову на подворье цесарской Нѣмчинъ Янъ Бахтиста Раболіо, а принесъ къ Якову отъ Руделфа Цесаря грамоту, а сказалъ что онъ живетъ въ Римѣ, а къ нему та грамота прислана отъ Цесаря, а велѣно ее отдати тебѣ, Цареву и Великого Князя посланнику; а проѣзжіе грамоты Цесарь съ нимъ не прислалъ. И Яковъ у него цесареву грамоту взялъ, а тому Нѣмчину говорилъ: хотѣлъ Цесарь прислати ко мнѣ проѣзжую грамоту, по которой мнѣ грамотѣ ѣхати назадъ по его Государствамъ, и къ тебѣ та проѣзжая грамота прислана ли?—и Нѣмчинъ сказалъ: которая къ нему грамота прислана, и онъ тое и принесъ, а иныхъ грамотъ никакихъ, сказалъ, къ нему не прислано.

И Сентября въ 16 день, на первомъ часу дни, пришелъ къ Якову Антоней Поссевинусъ, а говорилъ Якову и Тишинѣ: «присылалъ ко мнѣ навышшій папа Григорей коморника своего Яна Бахтисту, а велѣлъ вамъ говорити: сего дни, о вечернѣ, быти вамъ у папы; и будетъ вамъ папѣ кланятися и въ ногу его цѣловати по здѣшнему обычею, и вамъ у папы быти; а будетъ вамъ папы въ ногу не цѣловати, и вамъ идти назадъ, отколѣ есте пришли, туды и пойдете, а у папы вамъ не быти; а папу въ ногу цѣлуютъ Цесари и Короли, не токмо ихъ послы или посланники; и вамъ о томъ Государь какъ наказалъ, и вы мнѣ скажите». И Яковъ и Тишина говорили Антонью, чтобъ папа учинилъ такъ, какъ бы годно было межъ Государя нашего, Царя и Великого Князя съ нимъ къ любовному союзу; а не бывъ намъ у папы, съ чѣмъ идти къ Государю своему, Царю и Великому Князю?

И того жъ дни, о вечернѣ, пріѣхали къ Якову тотъ же Марграфъ Павелъ Цезисъ, которой Якова въ пріѣздѣ встрѣчалъ, да Антоней Поссевинусъ съ колымагами, а велѣли Якову и Тишинѣ ѣхати къ папѣ на дворъ; а пріѣхавъ на папинъ дворъ, велѣли

выйти изъ колымагъ у лѣстницы; а встрѣчи Якову не было. А какъ вошли Яковъ и Тишина къ папѣ въ полату, а папа Григорей сидитъ на стулѣ, а на немъ поверхъ платья риза Римская полотняная съ рукавы, да поверхъ ризы оплечье обьярь черлена, а шапка на немъ отласъ черленъ съ наушками; а сидитъ кругъ папы съ правую сторону шесть кардиналовъ, а съ лѣвую сторону девять кардиналовъ, всѣ въ черленомъ платьѣ, а бороды и усы у всѣхъ подстрижены; а кругомъ стоятъ попы и всякіе люди, Италіяне и стрѣлцы. И какъ Яковъ и Тишина папѣ челомъ ударили, и Якову велѣли къ папѣ идти цѣловати папу въ правую ногу, а на ногѣ у папы на правой нашито накрестъ кружевцо золотное за крыжа мѣсто; и Яковъ, пришедъ къ папѣ, поклонился близко ноги, а въ ногу не цѣловалъ, а папа въ то время, какъ поклонился Яковъ, долонью бла(го)словилъ; а подьячей Тишина по тому же папѣ поклонился близко ноги, а въ ногу не цѣловалъ же. А послѣ того, Яковъ папѣ рѣчь говорилъ, и поминокъ и грамоты подалъ, по государеву наказу. И папа поминокъ и грамоты принялъ самъ; а противъ государевы рѣчи папа не всталъ и о здоровьѣ про Государя не вспросилъ, а говорилъ Якову: «тому есми добрѣ радъ, что тебя Великій Государь, Князь Великій Московскій, прислалъ ко мнѣ мое здоровье видѣти, а свое сказати, и радъ есми за него Бога молити до своей смерти, чтобъ его государева рука высока была надо всѣми недрузи его и всѣ бы хрестьянскіе Государи впередъ были въ союзѣ любовномъ». А провожали Якова до подворья Марграфъ Павелъ да Антоней же Поссевинусъ.

Октября въ 1 день, принесъ къ Якову и къ Тишинѣ Антоней Поссевинусъ отъ папы жалованье и платье противъ Яковлевыхъ и Тишининыхъ поминковъ: Якову чѣпу золоту, да ферези бархатъ червчатъ гладкой да кафтанъ отласъ золотной; а подьячему Тишинѣ сто золотыхъ Италіянскихъ, да ферези бархатъ темносинь гладкой да кафтанецъ обьяриненъ; а толмачю Якову сто жъ золотыхъ Италіянскихъ, да охабенекъ обьяриненъ черленъ да кафтанъ бархатъ зеленъ, рытъ; да людемъ всѣмъ по однорядкѣ да по кафтану.

Того же дни, о вечернѣ, прислалъ папа къ Якову Марграфа Павла Цезиса да Антонья Поссевинуса; а велѣли Якову и Тишинѣ ѣхати къ папѣ на дворъ, а сказали Якову, что будетъ имъ отпускъ. А пріѣздъ былъ на дворъ по тому жъ, какъ напередъ того у папы были. А какъ Яковъ и Тишина къ папѣ въ полату вошли, а при папѣ кардиналовъ ни бискуповъ не было. И говорилъ папа Якову, сидя: «присылалъ тебя Великій Государь моего здравья видѣти, а свое сказати, и язъ за него за Государя радъ Бога молити; и какъ будешь у своего Государя, и ты Государю бей челомъ, чтобъ Государь пожаловалъ, присылалъ ко мнѣ посланниковъ своихъ чаще того». И Яковъ папѣ говорилъ: какъ язъ буду у своего Государя, Царя и Великого Князя, и язъ твои рѣчи Государю своему, Царю и Великому Князю извѣщу, а нынѣ ты пошли со мною о всѣхъ дѣлѣхъ ко Государю нашему, Царю и Великому Князю грамоту. И папа говорилъ: «грамоту ко Государю вашему съ тобою посылаю, и отпишу о всемъ подлинно, да еще грамота не поспѣла». Да велѣлъ папа Якову и Тишинѣ цѣловати себя

въ ногу; и Яковъ и Тишина по тому жъ папѣ кланелись близко ноги, а въ ногу не цѣловали. Да того дни Якова и Тишину папа отпустилъ, а до подворья ихъ проводили Маргрифъ же Павелъ да Антоней Поссевинусъ.

Октября въ 6 день, прислалъ Антоней Поссевинусъ съ Степаномъ съ попомъ папину грамоту ко Государю, Царю и Великому Князю. И того жъ дни, Яковъ и Тишина изъ Риму пошли, а не провожалъ Якова изъ города никто. А Антонья Поссевинуса папа отпустилъ къ Полскому Стефану Королю, того же дни.

А послалъ былъ папа съ Якомомъ приставовъ дву поповъ, Юлья Томосова да Стефана Венедиктова; да и деньги имъ на кормъ далъ да шеснадцать мулъ, а велѣлъ кормъ давати Якову и Тишинѣ по всей своей землѣ. И Антоней Якова съѣхалъ отъ Риму шестьдесять верстъ, и приставовъ и мулы воротилъ безъ папина вѣдома; а кормовые деньги поималъ къ себѣ, и корму и приставовъ Якову и Тишинѣ не давалъ по всей папинѣ области, и шелъ дорогою опричь Якова до цесарева города до Вѣдна. А шли Яковъ и Тишина отъ Рима папиною землею, да Флоренциского Францишка землею, да Мантуманского Князя Гилiеля землею на городъ на Мантовъ, да на городъ на Сеной, да Венецѣйского Князя землею, да прежнею дорогою, горами, Фердинандовою областью до городка Ишпрука, а отъ Ишпрука къ городку къ Халимилю; и въ томъ городкѣ купя суды, шли рѣкою Нонею, Фердинандовою жъ землею, да Баварскихъ Князей землею до цесарева городка до Поса, а подъ тѣмъ городкомъ рѣка Нона впала въ рѣку въ Дунай; а рѣкою Дунаемъ шли цесаревою областью до города Кремза, а отъ Кремза до города до Вѣдна. А пришли Яковъ и Тишина въ Вѣдну Ноября въ 5 день, и стояли вскупясь на корчемномъ дворѣ. И посылалъ Яковъ толмача Якова къ цесаревымъ думнымъ людемъ, чтобъ Цесарь пожаловалъ, велѣлъ дати имъ дворъ да и пристава, доколѣ въ Вѣднѣ стоятъ, да и о грамотѣ бъ о Эрнестовѣ, которую Государь прислалъ къ брату его къ Эрнесту съ Якомомъ, Цесарь приказалъ, какъ ему Эрнестъ у себя быти велитъ; да и проводити бъ Цесарь пожаловалъ ихъ по своей области велѣлъ до Полскiе земли. И цесаревъ думной человѣкъ Маистръ Курiе говорилъ толмачю Якову: Цесаря есмя объ васъ докладывали, и Цесарь вамъ велѣлъ отказати, что по его Государствамъ ѣхати имъ волно; а того здѣсь въ обычаѣ нѣтъ, что посланникомъ приставы давати, и двора не дали; а къ Эрнесту вамъ ѣхати непочто: къ Эрнесту грамоту привезъ Антоней Поссевинусъ, а сказалъ, что въ той грамотѣ то жъ писано, и та грамота Эрнесту вѣдома. И шли Яковъ и Тишина до Полскiе земли одни, и постояное и на рѣкахъ перевозы на Яковѣ и на Тишинѣ по цесаревѣ области имали. А шли отъ Вѣдна къ городу къ Берну, да къ городу къ Оломонцу, да къ городу Козлеву прежнею дорогою, черезъ Шлейскую землю къ Полской границѣ къ мѣсту къ Частохову, а отъ Частохова къ городу къ Варшеву.

А въ городъ въ Варшевъ Яковъ и Тишина пришли Ноября въ 24 день, а Стефанъ Король въ Варшевѣ. И стояли въ Варшевѣ недѣлю; а кормъ Якову и Тишинѣ давали королевской, а приставъ былъ Христопъ Пшонка, а въ дорогѣ былъ приставъ

отъ Варшева и до Орши Николай Бурба, которой ко Государю шелъ съ грамотою; а шли отъ Варшева къ Вилнѣ, и стояли въ Вилнѣ шесть дней; а отъ Вилны къ Минску, отъ Минску къ Борисову, а отъ Борисова къ Оршѣ; а въ Оршу пришли Декабря въ 28 день. А въ Смоленескъ пришли Генваря въ 5 день.

По Государеву, Цареву и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи наказу, велѣно Якову Молвянинову да подьячему Тишинѣ Васильеву провѣдати себѣ тайно про Литовского Короля, и про Цесаря, и про папу, и про Францовского Короля, и про Шпанского Короля и про всѣхъ Нѣмецкихъ Государей, какъ которые межъ себя живутъ: которые межъ себя въ миру и въ докончаньѣ, и которые не въ миру, и межъ которыхъ Государей валка, и межъ которыхъ валки нѣтъ, и которые межъ себя ссылаются, и о чемъ межъ которыхъ Государей ссылки, и каковъ которой силенъ воинскими людми и казною, и что Стефанъ Король приказалъ нынѣ къ папѣ и къ Цесарю съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ о соединеньѣ?—Да про всѣ про тѣ дѣла провѣдавъ, сказати имъ Государю, Царю и Великому Князю.

И Яковъ и Тишина и толмачь провѣдали: Полской Король Стефанъ съ папою съ Григорьемъ въ вѣчномъ миру и чтитъ папу добрѣ для вѣры, что вѣрѣ ихъ начало. А къ Цесарю къ Руделфу приказалъ Полской Король съ папинымъ посломъ съ Антоньемъ съ Поссевинусомъ просити у Цесаря Шлейскіе земли, что, сказываютъ, та Шлейская земля изстари была за прежними Полскими Короли: города Врацлава, города Глогова, города Лигенеца, города Война, города Шпрота, города Гарлица, города Попслета, города Козлева, всѣхъ пятнадцати городовъ и съ уѣзды; а отъ Полскіе границы, отъ нынѣшніе тое Шлейскіе земли, покамѣста та Шлейская земля была за Полскими Короли, сто двадцать верстъ. Да у Цесаря жъ проситъ Стефанъ Король въ Угорской землѣ дву городовъ: города Сакваря да города Сагасара, которые взялъ у отца его Руделфовъ отецъ Максимиліянъ Цесарь; да и посла своего Стефанъ Король, бискупа Куявского, къ Цесарю о томъ послалъ, и нынѣ тотъ его посолъ у Цесаря. И папинъ посолъ Антоней о той Шлейской землѣ и о Угорскихъ городѣхъ Цесарю Руделфу говорилъ, и Цесарь положился въ томъ на папу, а приказалъ къ папѣ съ Антоньемъ: что межъ ихъ съ Полскимъ Королемъ папа приговоритъ, и онъ по тому и учинитъ; и папа къ Полскому Королю послалъ посла своего Антонья жъ Поссевинуса, и нынѣ Антоней у Полскаго Короля. А сказывалъ Антоней Якову, ѣдучи изъ Вѣдна, въ розговорѣ, что приговорилъ папа: не отступится Полской Король Цесарю Шлейскіе земли и тѣхъ Угорскихъ городовъ, и Цесарю съ тѣхъ земель Полскому Королю дань давати; а что дани давати приговорилъ, и того Антоней Якову не сказалъ. А Угорскіе земли за Цесаремъ треть, а два жеребья Угорскіе земли за Турскимъ Салтаномъ; а съ трети Угорскіе и со всее цесаревы области и съ Чешскіе земли Руделфъ Цесарь Турскому Салтану дань даетъ по триста тысячь ефимковъ на всякой годъ, а держитъ треть Угорскіе земли и Чешское Королевство Цесарь за собою къ своимъ Государствамъ; а посылаетъ тое дань Цесарь къ Турскому Салтану съ свои-

ми послы до сроку, чтобъ Салтана Турского не розгнѣвити; и потому нынѣ Цесарь съ Турскимъ въ миру. А въ закладѣ у Турского живутъ цесаревы послы, болшіе люди, по три годы по перемѣнамъ. А на которой годъ Цесарь не похочетъ Турскому дани давати, и Турской тотчасъ учнетъ его воевати. А блюдется Цесарь Турского, потому что Угорская его треть и цесарева область сошлась съ Турского землею: отъ цесарева города отъ Вѣдна до Турскіе границы двѣнадца(ть) миль, а до Угорскія земли отъ Вѣдна десять миль до города до Пришпорка; а стоитъ тотъ городъ на Дунаѣ рѣкѣ. А Цесарю съединачась съ папою, и со Шпанскимъ Королемъ, и съ Венецѣйскимъ Княземъ и со всѣми пограничными сусѣды, и мочно противъ Турского стоять, да совѣту межъ ихъ на Турского нѣтъ: всѣ отъ него блюдутся, и въ мысли у нихъ того нѣтъ, что имъ единачиться на Турского; одинъ Шпанской Король противъ Турского стоитъ, что Государство его отъ Турского отдалѣло. А Руделфъ Цесарь нынѣ двадцати осми лѣтъ; а у него четыре браты родныхъ: Эрнестъ двадцати шти лѣтъ, Матіяшъ двадцати четырехъ лѣтъ, Максимиліянъ двадцати дву лѣтъ, Венцлавъ девятинадцати лѣтъ; а всѣ не на удѣлѣхъ: живутъ съ братомъ своимъ съ Руделфомъ Цесаремъ. А казною Руделфъ Цесарь, сказываютъ, не силенъ, потому что отцу его Максимиліяну съ пограничными сусѣди часто войны были, и онъ казну поистощилъ; а силнѣе Цесаря казною его удѣлной Саской Князь Августъ. А въ собраньѣ у Цесаря живетъ воинскихъ людей его области шестьдесять тысячь, опричь наемныхъ людей; а коли живетъ болшое собранье, и тогды ему на пособь даютъ дяди его, удѣлные Князи его области, Саской Князь да Боравскіе (sic) Князи; а сбирается всѣхъ воинскихъ людей и съ наемными людьми до ста тысячь и больши. А пословъ у Цесаря: толко Шпанского Короля, да Полского Короля посолъ бискупъ Куявской да папинъ посолъ кардиналъ. А папа Григорей съ Цесаремъ въ вѣчномъ миру; а Турскому Салтану папа съ своей Римскіе земли дани не даетъ; а даетъ дань Шпанскому Королю Филипу по двѣстѣ тысячь золотыхъ черленыхъ на годъ, для того, чтобъ его отъ Турского оборонялъ. А послы нынѣ у папы живутъ, для вѣры, Шпанского Короля, да Францовского Короля, да цесаревъ Руделфовъ; а жити имъ у папы три годы до перемѣны. А Шпанской Король Филипъ и Венецѣйской Князь Николай съ Цесаремъ съ Руделфомъ въ вѣчномъ миру, и послы и гости межъ ихъ безпрестани ходятъ. А Цесарю Шпанской Король дядя: мати Руделфова Шпанскому Королю родная сестра. А Датцкой Король Фредерикъ и Свѣйской Король съ Цесаремъ въ миру жъ. А Францовской Король съ Цесаремъ не въ миру по Шпанскомъ Королѣ, что Шпанской Король со Францовскимъ Королемъ въ недружбѣ о Идерлянской землѣ, и ссылки Францовскому съ Цесаремъ нѣтъ. Что была за Шпанскимъ Королемъ земля Идерлянская, а въ ней живутъ лютори, а давали Шпанскому Королю дань; и взялъ былъ Шпанской Король къ тѣмъ люторемъ на Государство племянника своего, Руделфова цесарева брата, Матіяша, и вѣру люторскую велѣлъ у нихъ отставити, а вѣровати велѣлъ Римскую вѣру; и для того лютори отъ Иш-

панского Короля отставали, и того Матіяша поймали и держали его въ неволѣ годъ; а не полюбили его за тѣмъ, что ихъ, по дяди своего приказу, хотѣлъ отъ люторскіе вѣры отвести. И Матіяшъ отъ нихъ ушелъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю, тому три годы. И тѣ Идерлянскіе люторп взяли себѣ на Государство Французовского Короля, Индрикова королева брата родного Аланцола. А тое Идерлянскіе земли, сказываютъ, сбирается воинскихъ людей тридцать тысячь. А съ Аглинскою Королевою съ Елисаветемъ Цесарь не въ миру жъ, для вѣры, что она люторка, да и потому что она стоитъ противъ Шпанского Короля за Идерлянскую землю, за люторей, которые отъ Шпанского Короля отстали. А Шпанской Король люторей не любитъ, многихъ люторей извелъ. И ссылки Аглинской Королевѣ съ Цесаремъ нѣтъ же. А казною Шпанской Король, сказываютъ, силенъ; а воинскихъ людей Шпанскихъ сбирается, опричь наемныхъ людей, сто тысечь, а съ наемными людьми сбирается до полутораста тысячь. Да за Шпанскимъ же Королемъ было Португалское Государство; давали ему дань, потому что Государя ихъ, Португалского Короля убили Турки и Арапы въ Индѣйской землѣ; а онъ былъ молодъ, ходилъ къ нимъ битись въ Индѣйскую землю; а Филипу Шпанскому Королю былъ сродичь, и тою было Португалскою землею, опричь Шпанского Короля, владѣти некому: и нынѣ была та Португалская земля отъ Шпанского Короля отстала жъ и дани ему не почали давати, а обирали себѣ на Королевство Государя, а еще не обрали; и Шпанской Король посылалъ на нихъ моремъ рать свою.

И въ 90 году Сентября въ 19 день, въ Римъ къ Шпанскому послу пришла отъ Шпанского Короля вѣсть, что Шпанскіе люди на морѣ Португалскихъ людей побили сто десять каторгъ, и Португалскою землею Шпанской Король учалъ владѣти по старому. Да за Шпанскимъ жъ Королемъ въ Римской области Неопалитанская земля, отъ Риму сто пятьдесять верстъ, да на морѣ островъ Сицылѣя; а взялъ тѣ земли у прежнихъ у Римскихъ папъ Францовской Король, а у Францовского Короля поималъ ихъ Шпанской Король; и дань даютъ съ тѣхъ земель Шпанскому Королю. Да за Шпанскимъ же Королемъ въ Римской области городъ Медіалянъ отъ Риму двѣсти верстъ. А у Францовского Короля, сказываютъ, сбирается воинскихъ людей съ восмьдесять тысячь; а казною, сказываютъ, Францовской Король силенъ же, потому что ему войны съ пограничными сусѣди мало бывали, и дани не даетъ никому; а съ своею землею Францовскому Королю съ люторп розни нынѣ нѣтъ никоторые: люторп со всемъ его слушаютъ, а въ одной его не слушаютъ вѣрѣ, и Король Индрикъ ихъ не задираетъ, что люторей умножило, а живетъ съ ними въ миру; а съ Турскимъ Францовской Король, сказываютъ, въ вѣчномъ миру. А Венецѣйской Князь Николай съ папою съ Григорьемъ и съ Цесаремъ съ Рудельфомъ въ вѣчномъ миру, и со Шпанскимъ Королемъ въ миру жъ, а со Францовскимъ Королемъ въ докончаньѣ; а воинскихъ людей Венецѣйскихъ сбирается тысячь съ двадцать; а казною Венецѣйской Князь Цесаря и папы силнѣя, и наряду вогненного въ Венецѣи много, а Турскому Салтану дань даетъ по три-

ста тысячь ефимокъ на годъ, тожъ, что и Цесарь даетъ.

А въ прошломъ въ 90 году, присылалъ къ Венецѣйскому Князю къ Николаю Турской Салтанъ посла своего, а имени ему тѣ люди, которые про то сказывали, не вѣдаютъ, звати Князя Николая, что родился у него сынъ, и Князь Николай бы къ нему ѣхалъ, по ихъ мусулманскому закону, къ сыну его на обрѣзанье; и Венецѣйской Князь Николай послалъ къ Турскому Салтану посла своего Сорацiуса, думного человѣка лутчего, а съ нимъ послалъ Турскому Салтану поминка на обрѣзанье сына его, пятьдесять тысячь золотыхъ Угорскихъ. И Турской Салтанъ тѣхъ золотыхъ у посла его не принялъ, а велѣлъ ему, отдати сыну своему, а говорилъ Салтанъ Венецѣйскому послу: «язъ чаялъ, что Венецѣйской Князь и всѣ Венецѣйскiе люди посполито дадутъ мнѣ поминка, на обрѣзанье сына моего, городъ Карцыру, Корфунъ или землю Кретинскую Кандiю». А та земля Кандiя стоитъ на острову на морскомъ, а въ ней три городы болшихъ, опричь мѣстъ и селъ, а сошлась съ Турскимъ рубежемъ; а отъ Венецѣи до того острова пять сотъ верстъ; а городъ Корфунъ отъ Турского рубежа шестьдесять верстъ, а отъ Венецѣи четыреста верстъ: и того для Турской Салтанъ Венецѣйского посла засадилъ, чтобъ ему Венецѣйской Князь далъ городъ Корфунъ или островъ Кандiю. Да и нынѣ Венецѣйского Князя * посолъ у Турского засаженъ, и Венецѣйской Князь Николай нынѣ посылаетъ посла своего къ Турскому Салтану выкупати прежнего своего посла съ золотыми; а землями Турского дарити не хотятъ.

А Седмиградцкая земля за Турскимъ Салтаномъ, и дань съ нее даютъ Турскому; а былъ на Седмиградцкой землѣ Полского Короля Стефановъ братъ родной, Баторъ, и его не стало; а послѣ его остались два сына: Жигимонтъ Баторъ, нынѣ на Седмиградцкой землѣ, и на войну къ Полскому Королю Седмиградцкихъ людей посылаетъ тысячь по пяти и по шти на королевскiе пенези, а другой Иштванъ Баторъ, и того Иштвана Стефанъ Король хотѣлъ посадити на Лифляньской землѣ; и паны радные посадити его на Лифлянскую землю не дали, а отказали: «знай де ты то, на чемъ еси намъ присягалъ, а мы тебѣ (на чемъ) присягали, на томъ и живи, а болше того не поступимся тебѣ ничего.»

Да прислалъ нынѣ къ Полскому Королю Турецкой Салтанъ гонца своего Чауша, да у Короля жъ у Стефана Волошской гонецъ. А присылали Турской Салтанъ и Волошской къ Полскому Королю, гонцовъ для того, что былъ на Волошской землѣ воевода Петръ, а взятъ былъ изъ Черныхъ Волохъ, Бирчъ воеводы племянникъ; и посылалъ деи Полской Король къ Турскому Салтану грамоты, и тотъ Волошской воевода Петръ королевы грамоты, роспечатывая, вычиталъ, и Король на него посылалъ жаловаться о томъ Турскому Салтану; и Салтанъ по того воеводу по Петра посылалъ, а велѣлъ ему быти къ себѣ, и онъ къ Турскому не поѣхалъ. И въ нынѣшнемъ году тотъ Волошской воевода Петръ, устрашась Турского, побѣжалъ былъ къ Цесарю къ Руделфу со всею своею

* Въ подлинникѣ: «Веницѣйской Князь»,

казною и съ нарядомъ, а съ нимъ двѣстѣ человѣкъ; а пошелъ, былъ, черезъ Полскую землю. И Полского Короля воевода Виселецкій его поималъ, черезъ Полскую землю не пропустилъ, а отписалъ къ Королю; и Король Полской велѣлъ того Волошского воеводу убити и казну его всю розграбилъ и нарядъ взялъ; а на Волосѣхъ Турской посадилъ воеводу отъ себя, а имени ему невѣдомо. И нынѣ Турской пишетъ къ Королю о той Волошской казнѣ, чтобъ ее Король отдати велѣлъ, а казну, сказываетъ, взялъ великую. Да Турской Салтанъ писалъ къ Стефану Королю, что казаки его Черкасы городъ его Очаковъ выграбили и уѣздъ Очаковской вывоевали, и онъ бы ему на казаковъ оборону чинилъ и убытки его заплатилъ. И Волошского гонца Король еще не отправилъ, и нынѣ у Короля; а велѣлъ имъ Король итти за собою изъ Варшева въ Краковъ.

Да Яковъ же и Тишина слышели отъ Полского Короля приставовъ, что Турскіе люди поставили городъ на Булыклеѣ, и казаковъ деи съ Днѣпра сбили. И Король отъ Турского блюдется, и приговоря съ паны, послалъ на ту украину воинскихъ людей четырнадцать тысячь для болшихъ Турскихъ людей приходу.

Да былъ у Полского Короля въ Варшевѣ, для Государевыхъ, Царевыхъ и Великого Князя пословъ и для думы, съѣздъ всѣмъ паномъ посполито Полскимъ и Литовскимъ; и которые радные паны съѣхались, и на думѣ съ Королемъ говорили о всякихъ дѣлѣхъ, которой справѣ впередъ быти: первое, о выбиранье Короля, кому у нихъ послѣ Стефана Короля на Королевствѣ быти, что у Короля съ Королевою дѣтей нѣтъ,-и гетманъ канцлеръ о томъ говорилъ, что онъ про то хочетъ много говорити, да въ то не вступается, и всѣ паны Королю то жъ отказали; другое, что духовнымъ людемъ десятины даютъ, и паны то отговариваютъ, что непригоже давати. А воевода Русской Сенявскій говорилъ: «духовные люди старыхъ Королей уставы кажютъ, и тѣ уставы хотя бъ и годны были, и то не добро, чтобъ мы могли папу въ Римѣ богатити, а сами убогими быти; а еще папа не по волѣ нашей насъ учинитъ: именуетъ себя хрестьяниномъ, *вѣрую во единого Бога*, и *Отче нашъ* тожъ говорятъ, а есть межъ ихъ розные рѣчи,—и Король бы имъ велѣлъ передъ собою говорити и розсудилъ ихъ въ правду; а толко о томъ до Риму ѣздити, ино инымъ и на проѣздъ не станетъ; а сверхъ того, чтобъ надъ тѣми, которые поѣдутъ въ Римъ, того не сдѣлали, что надъ прежними сдѣлали: иного сожгли, а иного на колъ посадили». Да паны жъ говорили про Свѣйского Короля, что Свѣйской Король съ Полскимъ Королемъ для Лифлянскихъ городовъ въ недружбѣ учинился: Стефанъ Король проситъ у Свѣйского Короля тѣхъ всѣхъ городовъ, которые за нимъ въ Лівонской землѣ, и Свѣйской Король Полскому Королю отказалъ, а проситъ у Полского Короля приданого и подъемовъ всѣхъ, что ему въ тѣхъ городѣхъ подъемовъ всѣхъ учинилось; и нынѣ въ томъ межъ ихъ недружба великая; и Королю бъ Стефану съ Свѣйскимъ Королемъ не воеватись, для того что онъ Королю близокъ, а зарядить бы съ нимъ третьихъ. А о Лифлянской землѣ паны Полскіе говорили, чтобъ ей быти подъ Полскою справою; а панъ Виленской

Астафеі̆ Воловичь говорилъ, чтобъ Лифлянты тамъ вѣдати тому, которому болши убытка стало; да всѣ паны говорили посполито, чтобъ съ Лифлянскіе земли съ мытовъ желныремъ заплатити грощи, которымъ не даны; а воевода Бѣлскоі̆ говорилъ: не токмо мытъ, чтобъ и сверхъ того дани на нихъ прибавити, поколѣ Лифлянты въ покоѣ будутъ. Да Бѣлскоі̆ жъ воевода Королю говорилъ, чтобъ у духовныхъ людеі̆ закладные земли поимати, которые у нихъ Король закладывалъ, что они владѣютъ ими лишніе годы, а не знаютъ никакихъ податеі̆, а на лишніе бъ годы денги на нихъ поимати въ королевскую казну; такъ же бы и у пановъ закладные земли поимати, и доходы лишніе на нихъ по розчету поимати. А тѣмъ всѣмъ дѣломъ Король утверженья никоторого не учинилъ, потому что паны радные Полскіе и Литовскіе многіе не съѣхались, а будетъ у Короля о всѣхъ дѣлѣхъ большеі̆ съѣздъ и дума на веснѣ.

А се переводъ съ папины съ Григорьевы грамоты ко Государю съ Яковомъ съ Молвяниновымъ: «Григореі̆ бискупъ, слуга слугъ Божіихъ, Ивану Васильевичю Государю Рускому, Великому Князю Московскому, Новгородцкому, Смоленскому, Володимерскому, Государю Казанскому и Астараханскому и иныхъ многихъ земель Князю Великому и любезнѣі̆шему здравье и всякіе милости, счастья. Пріѣхалъ къ намъ назадъ любителный сынъ нашъ Антонеі̆ Поссевинусъ, которого есмя къ тебѣ посылали вмѣстѣ съ твоимъ посланникомъ съ Яковомъ съ Молвяниновымъ; и мы грамоты твои вычли, которые еси къ намъ прислалъ съ Антоньемъ Поссевинусомъ и съ своимъ посланникомъ съ Яковымъ съ Молвяниновымъ, и любовь твою вразумѣли. Да Антонеі̆ жъ намъ сказывалъ про Твое Величество и великое жалованье, и то намъ велми за честь; и сколько онъ у Твоего Величества жилъ и къ тебѣ приходилъ, и всегды отъ Твоего Величества великое жалованье прімалъ; и намъ то велми за честь. А о миру съ Королемъ Полскимъ по тому жъ намъ добрѣ за честь, что межъ такихъ двоихъ силныхъ Великихъ Государеі̆ мирное постановенье учинилось и кровопролитье межъ хрестьяны на обѣ стороны унялося; которые убіі̆ства и кровопролитье многое межъ васъ было, и то есте обратили на невѣрныхъ недруговъ Христовыхъ; и того нѣтъ лутче и здравѣе, что есте межъ себя посполито учинили. И я чаю, что и вамъ будетъ то за честь, что есмя промежъ васъ такъ сдѣлали; а намъ то добрѣ за честь: иного ничего такъ не радъ дѣлати, чтобъ было къ почтивости и къ славѣ Господнѣ, и за то ожидаю отъ Господа Бога возмездія; а къ тѣмъ добрымъ дѣломъ твоя любителная память намъ добрѣ за честь. А письма тѣ, которого еси прошалъ, о Божествѣ и о вѣрѣ, и которое тебѣ Антонеі̆ Поссевинусъ писмо далъ, пріятелно челъ еси; и то есмя вразумѣли въ твоихъ грамотахъ, которые еси въ прошломъ году до Стефана Короля Полского писалъ, что ты вѣру вѣруешь костела Римского, что отъ Святыхъ Апостолъ узаконено, и всегды крѣпко держано и николи мочно развращенноі̆ быти. И мы велми тому порадовалися, и въ нынѣшнемъ часу того же отъ тебя начаемся, и такое есмя писмо отъ тебя за великую мудрость приняли. Исидора, Руского митрополита, котороі̆ былъ во Фло-

ренціи, на соборѣ явно выславилъ хрестьянскую Римскую вѣру, и отъ того часу соединачилась Руская съ Римскою вѣрою; и въ великоіі есмя надежи, что еси обѣцалъ тѣхъ для дѣлъ уставленыхъ, которые придутъ, и въ иныхъ дѣлѣхъ болшихъ, пріятелнѣе ся покажешь, потому, какъ узнаемъ, что надобно и Богу пріятно злученья людцкіе милости. А ижъ ненавидишь того кровопіііцы Турского и готовъ еси на его погибель, и ты такъ дѣлаешь, какъ подобаетъ хрестьянскому Великому Княжати и Государю. И Господу Богу то мочно сдѣлати въ велицѣ и въ малѣ, такъ ся добрѣ всѣ добрые люди начаютъ, что ты того дѣла не отставишь, не токмо съ болшимъ воііскомъ съ посполитымъ хрестьянскимъ, по и своею силою промышлять, чтобъ ту бѣшеную собаку отъ хрестьянскіе главы отогнати твоею силою; а мы того не отставимъ, что еси къ намъ пріятелно хрестьянски милостивно писалъ, и съ иными хрестьянскими Княжаты о томъ учину говорити, и ихъ противъ нашего недруга призывати: а о томъ Твоему Величеству послѣ извѣстимъ. А того у тебя жадаемъ, чтобъ ты тѣ книги и грамоты, которые къ тебѣ пошлетъ сынъ нашъ любителныіі Антоней Поссевинусъ, такъ бы еси принялъ, кабы отъ насъ посланы: а промежъ тѣхъ, которыхъ у себя имѣемъ мудрыхъ и богомолныхъ, тотъ одинъ изъ нихъ есть, и для его богомолья и правды у себя въ велицѣіі чти держимъ. И приказали есмя ему, какъ есмя его въ Нѣмцы и въ Полскую избу отпускали, чтобъ тебѣ во всякихъ дѣлѣхъ былъ готовъ, которые пригодятся къ славѣ Господнеіі и къ твоему достоинству; а будетъ что тебѣ до него писати и посланца своего до него посылать, и ты бъ до него посылалъ, какъ до своего вѣрного, и о томъ бы себѣ досады не держалъ, что далняя дорога. А что еси къ намъ писалъ многіе опасные грамоты, что позволилъ гостемъ нашимъ съ попы нашими къ себѣ пріѣзжати, и волно имъ жити, и назадъ до насъ отъѣхати, и, коли будетъ имъ надобетъ, до Персидцкіе земли ѣхати, чего мы и не начаялись,—и намъ то добрѣ за честь; а мы тебѣ таково жъ обѣцуемъ: сколко будетъ похочешь къ намъ посылать, и имъ таково жъ къ намъ волно пріѣхати и назадъ отъѣзжати, какъ себѣ захотятъ, и вся наша любовь и добродѣтель къ нимъ будетъ. А которые еси шубы и соболи съ Павломъ и съ Яковомъ съ Молвяниновымъ прислалъ къ намъ, и мы то любително приняли, а къ тебѣ есмя послали святыіі образъ Господа нашего Іисуса Христа, и ты тотъ образъ держи на память нашу и на память святаго столца нашего. А посланника твоего отъ начестнѣіішіе Венецѣіскіе Рѣчи Посполитые съ великою честью приняли, и промеже васъ великая любовь учинилася, и съ обѣихъ сторонъ торговые люди учнутъ ходити; а то сдѣлалъ все Антоней по приказу нашему, и намъ то добрѣ за честь. А потомъ учнемъ молитись Богу, чтобъ Господь Богъ милостію Своею и со всѣми твоими благословилъ и всякимъ счастьемъ осмотрилъ.—Писана въ Риму, святого Марка, лѣта отъ Божьего нароженья 1582, мѣсяца Октября; епископства нашего 11. Антоней Бука Патулисъ».

А се переводъ съ цесаревы грамоты ко Государю съ Яковомъ Молвяниновымъ: «Мы, Рудельфъ второй, Божіею милостію избранной Римской

Цесарь, прибавитель Царствамъ по всякіе времена, Нѣметцкій, Угорскій, Чешскій, Далматцкій, Кроатцкій и Шлявонскій и иныхъ, Король и Арцыкнязь Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Каратынскій, Карвіолскій, Луцемборскій, Вертемборскій, вышніе и нижніе Шлеіскіе земли, Князь Швебскій, Марграфъ святого Римского Царствія, Бургграфъ Муравскій, вышніе и нижніе Люсатцкіе земли, Княжатой Графъ Апсбурскій, Тиролскій, Фирскій, Кибурскій и Горнскій и иныхъ, Лантграфъ Елсаскій, Государь Вендійскій, Марка Портонаусскій и Салисъ и иныхъ,- извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему, Велможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Астороханскому и иныхъ, нашему опричонному любителному пріятелю и брату наше пріятелство, любовь и всего добра. Пресвѣтлѣйшій и Велможнѣйшій Князь, опричонной любителной пріятель и братъ! Вашіе Любви писаніе, писаное мѣсяца Марта, Вашіе Любви посланники Яковъ Молвяниновъ да Тишина Васильевъ намъ подали, и что отъ Вашей Любви приказъ былъ имъ, намъ извѣстили. И въ началѣ радостно слушали, что Вашіе Любви по ся мѣста въ бывшей войнѣ, въ добромъ дѣлѣ помирились и въ покоѣ стали; да и тому ради есте подвижно, и являете съ нами и съ иными хрестьянскими Государи и Князи въ добромъ пріятелномъ сусѣдствѣ быти, и мы къ тому велми подвижны и ради. И мы нынча въ нынѣшнемъ соборномъ дѣлѣ по прежнему дѣлати для Ливонскіе земли и съ Вашіе Любви впередъ дѣлати, то нынѣча опять съ Курфисты и Князми и чиновными о томъ поговорили, какъ тому пригоже быти. А что Вашей Любви посланники просили опасной грамоты и провожатыхъ къ Риму, и мы имъ опасную грамоту и проводити ихъ до Риму велѣли по нашему приказу сполна. Да что Ваша Любовь пишете впередъ для волного ѣзду о торговлѣ со всякимъ товаромъ и съ воинскимъ оружіемъ и съ мѣдью, и то отъ нашихъ прародителей воинское оружіе и мѣдь везть заповѣдано,—и то дѣло не едино наше, но и Курфистовъ и Князевъ и чиновныхъ всѣхъ святого Римского Царства, и съ тѣми со всѣми вмѣстѣ наши прародители такову заповѣдь учинили; и мы того нынѣча не хотимъ отставити, Вашей Любви хотѣнье въ нынѣшнѣмъ соборѣ о томъ дѣлѣ и о иныхъ поговорить и извѣстити, и ихъ мысли о томъ послушаемъ, и Вашей Любви впередъ извѣстимъ. То мы Вашей Любви на Ваше писанье нынѣча пріятельно отвѣтъ дали. И мы по всякіе времяна Вашіе любително братственной любви хотимъ и добрѣ подвижно.—Дана въ нашихъ Царствахъ града въ Аушпоркѣ, Іюля мѣсяца въ 21 день 1582-го (года); нашего Римского Цесарства 7-го, Угорского 10-го, Чешского 7-го. Вашіе Любви доброхотѣнный братъ Руделфъ свою руку подписалъ.» А на подписи у грамоты написано: «Тому Пресвѣтлѣйшему, Велможнѣйшему Государю, Царю Ивану Васильевичю, Владѣтелю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Астороханскому, нашему опричонному любителному пріятелю и брату».

А се переводъ съ Руделфовы цесаревы съ другіе грамоты, къ Государю съ Яковомъ же съ Молвяниновымъ: «Руделфъ вторыіі, Божьею милостію избранныій Цесарь Римскій, всегда прибавитель Царствамъ, Нѣметцкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій Шлявонскій и иныхъ, Король и Архикнязь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Стырскій, Каратынскій, Карніолскій и Витенборскій и иныхъ, Грабя Тиролскій и иныхъ, Пресвѣтлѣйшему и Незвитеженому Государю, Царю Ивану Василвевичю, Овладѣтелю всеа Русіи, Великому Князю Володимерскому, Московекому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Царю Казанскому и Асторохапскому и иныхъ, брату и пріятелю нашему возлюбленному поздравленье, и пріятелство наше и все доброе похотѣнье. Пресвѣтлѣйшій и Незвитежоный Государь, пріятель и братъ нашъ возлюбленныій! Слышели есмя, что въ твоемъ Государствѣ нашъ возлюбленный сынъ боярской Николаій Биберецъ въ прошлыхъ лѣтѣхъ пріѣхалъ до Твоего Величества служити противъ Татаръ, а наимовался онъ толко на три лѣта; и нынѣ то добро, чтобъ ты, Государь, его пожаловалъ, къ своей вотчинѣ его отпустилъ, потому что ужъ онъ въ твоемъ Государствѣ восмь лѣтъ служитъ; и онъ бы, пріѣхавъ въ свою отчину, осмотрилъ свое житье и свои пріятели и своихъ подданыхъ. А мы того не хотѣли забыть, чтобы намъ о томъ нашемъ подданомъ о Николаѣ Биберцѣ къ Твоему Величеству не писать; а такъ любително у тебя просимъ, чтобъ Твое Величество на него возрилъ и его не забылъ, намъ того нашего подданого Николая Биберца велѣлъ отпустить и со всею его рухлядью; а какъ Твое Величество его велишь отпустить до своихъ прародителей, и мы по тому жъ братцкую любовь и волю тебѣ противъ ради дѣлати, а то сдѣлаешь заемную брацкую любовь съ прямого серца. А сверхъ того, Твоему Величеству хотимъ счастливого здравья и всего добра по вся часы.— Писана въ Государствѣ нашемъ цесарскомъ, въ городѣ Августѣ Винделитцкомъ, мѣсяца Августа 21 дня, лѣта отъ Божьего нароженья 1582; Цесарства нашего Римского 7, Угорского 10, Чешского 7». А у грамоты припись, цесарева рука: «Руделфъ, братъ возлюбленныій».

Переводъ съ грамоты Венецѣйского Князя Николая Депонта съ Яковомъ же Молвяниновымъ. «Пресвѣтлѣйшему Государю Ивану Васильевичю, Божьею милостію Великому Князю Русскому, Владимерскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Смоленскому, Тверскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохапскому и Многомогущему, Николай Депонтъ, таково жъ Божьею милостію Княжата Венецѣйского и иныхъ,—извѣщаемъ здравье и нашу службу имѣемъ съ великою радостью нашею. Какъ есмя увидѣли грамоты отъ Вашего Манстату, что къ намъ пришли съ честнымъ отцемъ Поссевинусомъ, съ посломъ Римскимъ, отъ навышшего отца и учителя посла нашего манстату, которую радость мы отъ тебя Государя, и доброхотѣнье ради прінмуемъ, не токмо мы, и наши подданые люди и торговые, которые бы ради, и тѣ Государства видали. И слышачи о твоемъ великомъ Государствѣ, и мы то узнали твое великое достоинство Манстату Твоего. И о томъ любително

просимъ, о нашихъ подданыхъ и о-купцѣхъ, которые бы захотѣли побывати въ тамошнихъ Государствахъ, какъ мы начаемся и надежу великую держимъ, и хотимъ отслуживать съ нашимъ великимъ съ добрымъ радѣньемъ, которое ся само покажетъ. И просимъ безпрестанно о томъ и печалуемся о нихъ, какъ и мы станемъ дѣлати по всякъ часъ надъ тѣми всѣми, которые произволятъ къ намъ пріѣхати или къ намъ послать, или ваши всѣ подданые, которые полоненые въ нашей державѣ, которые у насъ будутъ, и тѣ у насъ будутъ въ чести и въ добромъ береженьѣ, и что имъ будетъ надобно, всякимъ нужа будетъ исполнена; и о томъ есмя наказали нашимъ морскимъ корабленымъ воеводамъ, которые на морѣ, и о томъ есмя писали насвятшему отцу нашему, который дѣлаетъ мудро и все знаетъ, такъ какъ отецъ и пастырь, съ которымъ имѣемъ великую любовь. Вдостали, челомъ бьемъ: дай Господи Твоему Величеству на многіе на счасливые лѣта многое счасливое здравье и чего себѣ отъ Бога похочешь!—Писана въ нашей Княжачей полатѣ, 14 дня Августа, отъ роженья Христова 1582 (года). Діякъ Францезъ Вьянсль».

Сей статейный списокъ, весьма ветхій, писанъ на бумагѣ, современною скорописью разныхъ почерковъ, на 194 листахъ, въ 8-ю долю листа. Многіе листы весьма пострадали отъ сырости, и потому мѣстами заклеены, а находившееся на нихъ приписано позднѣйшимъ почеркомъ. Въ началѣ листы перемѣшаны переплетчикомъ: послѣ перваго листа слѣдуютъ 17 и 18, далѣе же порядокъ страницъ правильный. Помѣта страницъ современная, Славянскими буквами, вмѣсто цифръ. Списокъ переплетенъ въ юфть, съ надписью назади: Цесарк. Двора, 1580—1583, N 4.

V.

СНОШЕНІЯ

Царя

ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА

и

БОЯРИНА БОРИСА ѲЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА

съ

ИМПЕРАТОРОМЪ

Германскимъ Рудольфомъ II

и

братомъ его

Эрцгерцогомъ Австрійскимъ

МАКСИМИЛІАНОМЪ.

1585—1594.

7093—1585.

Лѣта 7092, Марта въ 18 день, Божьимъ судомъ, Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ животѣ не стало, а на Государствѣ Московскомъ и на всѣхъ Росіііскихъ Государствахъ учинился сынъ его Царевичь, Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи.

И 93 году Ноября въ 25 день, Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи приговорилъ съ бояры послати къ Цесарю, свое Государство обѣстити, въ посланникѣхъ Луку Новосилцова, а съ нимъ толмача Якова Заборовского; а итти имъ велѣлъ черезъ Литовскую землю, а въ Литовскую землю итти ему вмѣстѣ со государевыми послы, съ бояриномъ со княземъ Өедоромъ Михайловичемъ Троекуровымъ съ товарищи, и объявити его Королю въ Литвѣ, посломъ.

А се отпускъ къ Цесарю посланника Лукьяна Новосилцева. «И ему говорить отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи брату его Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, посланнику Лукьяну Новосилцову: Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и иныхъ,— тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему Руделфу второму, Божіею милостію Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія Нѣмецкого, Угорскому, Чешскому, Долмацкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Малграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебкому, Грабѣ Аушболскому, Тирольскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Лю-

сатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ твое, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, здоровье видѣти. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи тебѣ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, напоминается легкой поминокъ сорокъ соболей.—Да подати грамота; а послѣ того рѣчь говорити: Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ, брату своему, Руделфу Цесарю говорити: Божьимъ судомъ отца нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ животѣ не стало, а Государствомъ Московскимъ и всѣми Государствы благословилъ насъ; и Божьею помочью, Мы, по благословенію отца нашего, на Государствѣ на Московскомъ и на всѣхъ Государствахъ учинилися есми Государемъ; и, хотя съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ Руделфомъ Цесаремъ, быти въ братственной любви, и въ завѣщаньѣ и въ добромъ согласьѣ, потому жъ, какъ отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь, и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ отцомъ твоимъ, съ Великимъ Государемъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ тобою братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, въ братственной любви и въ завѣщаньѣ, послали есмя къ тебѣ, брату нашему, свое Государство обѣстити в твое, брата нашего, здоровье видѣти, посланника своего Лукьяна Новосилцова. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, похотѣлъ съ нами братственной любви и соединенья, по тому какъ были въ братственной любви и въ соединеньѣ, отецъ твой Максимиліянъ Цесарь и ты, братъ нашъ, Руделфъ Цесарь съ отцемъ нашимъ, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, и слалъ бы еси, братъ нашъ, къ намъ своихъ пословъ, или посланниковъ, добрыхъ своихъ людей, о братственной любви и о доканчаньѣ, которые бы могли межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ, старое доканчанье подтвердити, а новые братственные любви прибавити. А мы съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, хотимъ быти въ братственной любви, и въ соединеньѣ и въ доканчаньѣ, потому жъ какъ отецъ нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, были въ любви, и въ братствѣ и въ соединеньѣ съ отцемъ твоимъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ тобою, братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ».

А се такова грамота послана къ Цесарю съ посланникомъ съ Лукою Новосильцовымъ: «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь Царь и Великій

Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швабскому, Грабѣ Аушборскому, Тирольскому, Фератцому, Кибурскому и Горетцкому, Лангрaбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Лусатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю.—Изъ давныхъ лѣтъ прежнимъ нашимъ прародителемъ ссылки и докончанья бывали, и послы и посланники и гонцы межъ ихъ, Государей, ходили о братственной любви и о прибыткѣ всего Хрестьянства, всякого прибытка искали межъ себя; и отцу нашему, блаженные памяти Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи съ отцомъ твоимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, ссылки о братственной любви были. И нынѣ судомъ Божьимъ отца нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ животѣ не стало, а Государствомъ Московскимъ и всѣми Государствы благословилъ насъ; и Божьею помочью, по благословенью отца нашего, на Государствѣ на Московскомъ и на всѣхъ Государствахъ учинился есмя Государемъ. И Мы, вспаметовавъ прежніе ссылки и докончанья, какъ было межъ предки нашими, хотя съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ Руделфомъ Цесаремъ, быть въ братственной любви и въ завѣщаньѣ и въ добромъ согласьѣ, по тому жъ какъ отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, былъ съ отцомъ твоимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, въ братственной любви и въ завѣщаньѣ, послали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнейшему Руделфу Цесарю, посланника своего Лукьяна Новосилцова свое Государство обѣстити и твое, брата нашего, здоровье видѣти. И ты бъ, дражайшій братъ нашъ Руделфъ Цесарь, по тому жъ съ нами похотѣлъ любительного братства и соединенья, какъ еси съ отцомъ нашимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ былъ въ братствѣ и въ любви, и ссылки бъ межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, были, и слалъ бы еси къ намъ, братъ нашъ,

своихъ пословъ или посланниковъ, добрыхъ людей своихъ о братственной любви и о докончаньѣ, которые бы могли старое докончанье подтвердити, а новые братскіе любви межъ насъ прибавити, по тому жъ, какъ тебѣ съ отцомъ нашимъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ Иваномъ, ссылки были, чтобъ межъ насъ любовь братственая была на вѣки неподвижно, да и торговые бы люди наши съ обѣ стороны межъ насъ ходили я торговали повольною торговлею и прибытковъ себѣ искали; а мы твоимъ, брата нашего, торговымъ людемъ въ своихъ Государствахъ велимъ дати торгъ повольной, по прежнему обычаю, торговать всякимъ товаромъ повольно, и хотимъ съ тобою братомъ нашимъ быти въ любви, и въ братствѣ и въ соединеньѣ неподвижно. И нашего бы еси посланника къ намъ отпустилъ, не издержавъ, и съ нимъ къ намъ слалъ своего посла или посланника, наказавъ съ нимъ о всемъ, какъ намъ съ тобою, братомъ нашимъ быть въ братственой любви и въ соединеньѣ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7093, Декабря мѣсяца.»

А се такова грамота послана съ Лукьяномъ къ Руделфову цесареву брату, къ Эрнесту, Князю Аустрѣйскому: «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовские земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря Римского брату Эрнесту, Божьею милостію Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и Витемборскому, Грабѣ Тирольскому, и иныхъ. Послалъ есмя къ брату вашему дражайшему къ Руделфу Цесарю посланника своего Лукьяна Новосилцова да толмача Якова Заборовского, и гдѣ имъ лучится ѣхати черезъ твою землю, и ты бъ посланника нашего Лукьяна и толмача Якова черезъ свою землю велѣлъ пропустити, и подводы дати и проводити ихъ велѣлъ, чтобъ нашему посланнику черезъ твою землю пройти безстрашно. А какъ отъ брата нашего Руделфа Цесаря нашъ посланникъ Лукьянъ и толмачъ Яковъ поѣдутъ къ намъ назадъ, и ты бъ ихъ по тому жъ черезъ свою землю велѣлъ пропустити, и подводы имъ дати и проводити ихъ велѣлъ.—Писана Государствія нашего въ Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7093, Декабря мѣсяца.»

А се таковъ наказъ данъ Лукьяну Новосилцову: «Память Лукьяну Захарьину сыну Новосилцову. Послалъ его Государь, Царь и Великій Князь

Θеодоръ Ивановичь всеа Русіи къ Руделфу Цесарю Римскому. А итти ему черезъ Литовскую землю на цесареву область и быти у Стефана Короля, вмѣстѣ съ государевыми послы: съ бояриномъ и намѣстникомъ Коломенскимъ со княземъ Θедоромъ Михайловичемъ Троекуровымъ, да съ дворяниномъ думнымъ и намѣстникомъ Можайскимъ съ Михайломъ съ Андреевичемъ Безнинымъ да съ діякомъ съ Дружиною съ Петелинымъ. И Лукьяну, пришедъ въ Смоленескъ, итти изъ Смоленеска къ Королю, и у Короля быти съ послы вмѣстѣ; а посломъ велѣно отъ Государя Королю говорить, чтобъ его Король къ Руделфу Цесарю черезъ свою землю велѣлъ пропустить, и пристава, и кормъ и подводы велѣлъ по своей землѣ давать, и назадъ какъ отъ Цесаря пойдетъ ко Государю, велѣлъ бы его Король пропустить черезъ свою землю; и какъ его Король къ Цесарю отпустить велитъ, и ему итти черезъ Литовскую землю на цесареву область, на которое мѣсто пригоже. А нѣчто лучится Лукьяну ѣхати Саского Князя землею, и какъ будетъ въ Саской землѣ, и Лукьяну говорити Саского Князя приказнымъ людемъ, что онъ посланъ отъ Государя, Царя и Великого Князя Θеодора Ивановича всеа Русіи къ Руделфу Цесарю въ посланникѣхъ, и грамота Лукьяну о себѣ Саскому Князю отъ Государя Царя и Великого Князя сказати. Да какъ будетъ у Саского Князя, и ему говорити Саскому Князю отъ Государя рѣчь: Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—тебѣ Августу, Божьею милостію, Архиморшалку святого Римского Царствія, и кронованному Князю, и Арцоку Саскому, Ландграфу Дюренскому, Марграфу Мисинскому и Буркграву Мандеборскому велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ говорити: Божьимъ судомъ отца нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало; и по благословенью отца нашего на Государствѣ Московскомъ и на всѣхъ своихъ Государствахъ Государемъ мы учинились; и мы послали къ брату нашему къ дражайшему къ Руделфу Цесарю посланника своего Лукьяна Новосилцова свое Государство обѣстити, а брата своего Руделфа Цесаря здоровье видѣть; и ты бъ, Августъ Князь, посланника нашего черезъ свою землю пропустилъ къ Цесарю и назадъ отъ Цесаря черезъ свою землю къ намъ пропустилъ. Да подати грамота; а послѣ грамоты проситися, чтобъ Августъ Князь ранѣе отпустилъ его черезъ свою землю къ Цесарю, и проводити ихъ велѣлъ до цесаревой области черезъ свою землю, и подводы бъ имъ велѣлъ дати по своей землѣ. А нѣчто лучится Лукьяну быти у Арцыкнязя Аустрѣйского и Княжати Бургунского и иныхъ, или у цесарева брата у Эрнеста, Князя Аустрѣйского и Князя Бургунского, Стыр-

ского, Каратынского, Карніольского и Витемборского, Грабя Тирольского, и иныхъ, — и Лукьяну, пришедъ къ нимъ, отъ Государя рѣчь говорити, и поклонъ правити и грамота подати, по тому жъ какъ и Саскому Князю. А какъ придетъ въ цесареву область, и Лукьяну говорити по городамъ приказнымъ людемъ цесаревой области, что послалъ его Государь, Царь и Великій Князь къ Руделфу Цесарю, и приказные бъ люди дали ему подводы и повели его къ Цесарю, не мѣшкая, чтобъ ему къ Цесарю притти ранѣе. А какъ къ Цесарю придетъ, и Лукьяну говорити приставу, чтобъ ему Руделфъ Цесарь велѣлъ быти у себя; да какъ ему велитъ Цесарь быти у себя, и Лукьяну, пришедъ Руделфу Цесарю, говорити рѣчь отъ Царя и Великого Князя по записи. А нѣчто къ Цесарю его пустити не похотятъ, а почнутъ говорити, чтобъ шелъ къ цесаревымъ совѣтникомъ съ грамотою, и Лукьяну къ совѣтникомъ одноличио не ходити и грамоты и поминковъ не давати мимо Цесаря никому ни которыми обычаи, а говорити, что того николи не бывало, чтобъ государевымъ посланникомъ къ цесаревымъ совѣтникомъ ходити, и мимо ему Цесаря къ совѣтникомъ не хаживати, да одноличио къ совѣтникомъ королевымъ не ходити. А нѣчто Цесарь позоветъ Лукьяна ѣсти, и ему къ Цесарю за столъ итти; а того ему провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря Турского, или Литовского, или иного которого Государя пословъ или посланиковъ и гонцовъ; и будетъ у Цесаря иныхъ Государей послы и посланики и гонцы будутъ, и Лукьяну за столъ одноличио не итти, а о томъ говорити: будетъ посадитъ меня за столъ Цесарь выше иныхъ посланниковъ, и онъ за столъ идетъ, а не посадитъ его за столъ выше иныхъ посланниковъ, и ему за столъ не итти. И учнетъ имъ говорити, что имъ сидѣти выше иныхъ посланниковъ, и Лукьяну за столъ итти; а будетъ ихъ посадятъ за столомъ ниже иныхъ посланниковъ, и Лукьяну ниже иныхъ посланниковъ за столъ не садитися, а ѣхати къ себѣ на подворье. А будетъ у Цесаря Турецкого посланникъ, или Литовской, или Францовской, и имъ съ тѣми посланники никакъ вмѣстѣ къ Цесарю не ходити; а хоти будетъ и введутъ ихъ къ Цесарю или за столъ, а тутъ будутъ посланники Турецкого, или Литовского, или Францовского или иные которые посланники,—и имъ ѣхати на подворье, а съ ними вмѣстѣ не ѣсти. А учнутъ Лукьяну говорити: гдѣ нынѣ Царь и Великій Князь? и Лукьяну сказати: Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи отпустилъ меня изъ своего Государства, съ Москвы, и нынѣ Государь нашъ Царь и Великій Князь въ своемъ Государствѣ на Москвѣ. А нѣчто вспросятъ Лукьяна, какъ нынѣ Государь вашъ съ Литовскимъ съ Стефаномъ Королемъ? и Лукьяну говорить: какъ Государя нашего отца, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало, а на Государствѣ Московскомъ Государемъ учинился Государь нашъ, сынъ его, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, и Стефанъ Король присылалъ ко Государю нашему посла своего Льва Сапѣгу о братствѣ и о любви и мирномъ поставленьѣ; и Государь нашъ, Царь и Великій Князь противъ того къ Стефану Королю послалъ о любви жъ и мирное постановленье под-

крѣпити своихъ пословъ, и (съ) Стефаномъ Королемъ въ перемирьѣ учинился. А нѣчто вспросятъ Лукьяна про Крымского Царя, какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ? и Лукьяну говорити: Государя нашего отцу, блаженные памяти Великому Государю, Царю и Великому Князю, съ прежнимъ съ Крымскимъ Царемъ съ Магметъ-Гиреемъ учинилось было перемирье на три годы; а какъ по Турского присылкѣ учинился на Крымѣ новой Исламъ-Гирей Царь, а брата своего Магметъ-Гирея Царя убилъ, и ко Государю нашему, Царю и Великому Князю Өеодору Ивановичю всеа Русіи Исламъ-Гирей Царь присылалъ гонцовъ своихъ Сефершаха съ товарищи о дружбѣ и о братствѣ и о любви; и Государь нашъ къ Исламъ-Гирею Царю послалъ своего человѣка, а царевъ посолъ Сулешовъ, княжой сынъ Янша мирза и нынѣ у Государя нашего на Москвѣ. А нѣчто вспросятъ про Казань и про Астарахань, какъ нынѣ Казань и Астарахань Государю Царю и Великому Князю служитъ? и Лукьяну говорити: Казань и Астарахань во всемъ въ Государя нашего волѣ, и ратные люди на службу ходятъ; а которые ясачные люди живутъ въ Казанскомъ уѣздѣ, и тѣ государевымъ Казанскимъ воеводамъ ясаки платятъ и на государевы службы ходятъ, куды имъ на которого своего недруга Государь велитъ итти; а которые далные волости луговые стороны поддались къ Сибири и учали были воровать, и Государь нашъ посылалъ воеводъ своихъ, и Государя нашего воеводы въ тѣхъ волостяхъ всѣхъ измѣнниковъ, сыскавъ, казнили и городы поставили для укрѣпленья, и Казанская земля во всемъ въ Государя нашего волѣ утвердилась. А нѣчто вспросятъ про Сибирь, и Лукьяну говорить: прежъ сего на Сибирскомъ Царствѣ Цари бывали изъ рукъ Государей нашихъ и дань давали Государемъ нашимъ; и нынѣшней Кучюмъ Царь посаженикъ былъ отца Государя нашего, да училъ быть непослушенъ, и которые государевы данщики къ нему по дань ходили, по соболи, и тѣхъ высылалъ, ограбя. И Государя нашего отецъ за это непослушанье велѣлъ на него итти изъ Перми казакомъ своимъ Волжскимъ и Казанскимъ и Астороханскимъ съ вогненымъ боемъ. И тѣ казаки, пришедъ, Царство Сибирское взяли, людей многихъ побили, а Царь побѣжалъ въ Казатцкую орду. И нынѣ Государь нашъ послалъ въ Сибирь воеводу своего, и сидятъ въ Сибири государевы люди, и Сибирская земля вся, и Югра, и Кондинской Князь, и Пелымской Князь, Вогуличи, и Остяки, и по Оби по великой рѣкѣ всѣ люди Государю добили челомъ и дань давать почали. И нынѣ тѣ всѣ земли съ Сибирью Государю послушны въ службѣ учинились и дань даютъ Государю нашему соболи и черные лисицы. А нѣчто спросятъ, сколь велика Обь рѣка и сколько по ней городовъ? и Лукьяну говорить: Обь рѣка, ширина ей верстъ съ пятдесять, а городовъ по ней съ семдесятъ. А нѣчто вспросятъ про Ногаи, и Лукьяну говорити: Ногайской Урусъ Князь и всѣ мирзы Ногайскіе Государю нашему послушны по прежнему; а сего лѣта у Государя нашего изъ Ногаи, отъ Уруса Князя и отъ мирзъ, послы ихъ и Ардабазарцы были съ жеребяты, а жеребятъ съ ними было тридцать тысячь; и Государю нашему служатъ: куды Государь нашъ ихъ ни пошлетъ на

свое дѣло, и они ходятъ тысячь до двадцати и до тридцати, и о сколькихъ Государь нашъ коли прикажетъ къ нимъ, сколько послати велитъ Ногайскихъ людей, и Князь Ногайской и мурзы Ногайскіе столько толды людей и пришлютъ. А нѣчто вспросятъ про Кизылбашкаго, тожъ и Персидского: какъ онъ нынѣ со Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, и какъ съ Турецкимъ? и Лукьяну говорити: Кизылбашской съ Турецкимъ въ великой недружбѣ, бои межъ ими великіе, и одолѣнье Кизылбашскому надъ Турецкимъ, зачастые людей у него Кизылбашской побиваетъ и побилъ многихъ, и которые городы Турецкой у Кизылбашского поималъ былъ, и тѣ городы Кизылбашской мало не всѣ у Турецкого назадъ поималъ; а со Государемъ нашимъ, съ Царемъ и Великимъ Княземъ, Кизылбашской въ дружбѣ, и пословъ и посланниковъ своихъ къ Государю нашему присылаетъ съ великими поминки и съ почестливостью. А которые Государи живутъ межъ Государя нашего Царства, Царства Асторахани и межъ Кизылбашского земли, Царь Бухарской, и Турхестанской Царь, и Казацкой Царь, и Юргенской Царь, и Грузинской, и Изюрской, и Калмацкой, и Шамахейской и Шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ Кизылбашскимъ и межъ себя мирны, съ докладу и совѣту Государя нашего; и во всякихъ въ большихъ дѣлѣхъ, съ кѣмъ кому дружба ли, или недружба станется пишутъ о томъ и докладываютъ Государя нашего; а о чемъ къ нимъ Государь нашъ отпишетъ или прикажетъ, и они въ томъ передъ Государемъ нашимъ во всемъ послушны бываютъ, и пословъ частыхъ ко Государю нашему присылаютъ съ великими поминки и почестливостью. А нѣчто вспросятъ про цесарскихъ Нѣмецъ, про Ермиса, да про Павла Магнуса и про сына его Лукаша, для чего ихъ держатъ на Москвѣ, а къ Цесарю не отпустятъ? и Лукьяну говорити: язъ того не вѣдаю, для чего они въ Государя нашего Государствѣ задержаны, а лучилось мнѣ про то немного слышети, что задержаны они были для нѣкоторого слова: взошло было на нихъ слово о лазучествѣ; да нынѣ Государь нашъ, Царь и Великіи Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, для брата своего цесаревой любви, велѣлъ ихъ, да и иныхъ цесаревыхъ людей всѣхъ, собравъ, въ своемъ Государствѣ сыскавъ, отпустити къ брату своему къ Руделфу Цесарю; и къ веснѣ ихъ отпустятъ, а живутъ они нынѣ въ Государя нашего Государствѣ безъ всякіе нужи, и кормы имъ и платье даютъ довольно. Да провѣдывать Лукьяну себѣ тайно: Литовской Король къ Цесарю о каковѣ дѣлѣ вновѣ пословъ или посланниковъ присылалъ ли, и будетъ присылывалъ, и кого именемъ, и о каковѣ дѣлѣ, и цесаревы послы или посланники въ Литвѣ у Короля бывали ль? и папа съ цесаремъ о чемъ ссылывался ли, и о чемъ ссылались? и какова цесарева область воинскими людьми и казною издоволена, и много ли съ Цесаремъ живетъ воинскихъ людей въ походѣ? и каковъ силенъ воинскими людьми и казною Францовской Король, и нѣтъ ли Францовскому розни межъ своихъ людей, и ссылки съ цесаремъ Францовскому есть ли, и будетъ есть, и о чемъ? и Цесарь нынѣ какъ съ Литовскимъ, и Литовской къ Цесарю съ Антоньемъ Поссевинусомъ, и послѣ того съ

нымъ съ кѣмъ, о соединеньѣ что приказывалъ, и на каковѣ мѣрѣ у Цесаря въ приговореньѣ стоитъ о соединеньѣ на Турского и на всѣ бусурманы, или впередъ что будетъ со всею Римскою областью, и съ папою, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Королемъ Францовскимъ и со всѣми Княжаты о соединеньѣ, и какимъ обычаемъ противъ Турского захотятъ стояти заодинъ? и нынѣ Турской Салтанъ къ Цесарю присылывалъ ли о чемъ, и Цесарь къ Салтану о чемъ посылывалъ ли, и о чемъ межъ ихъ ссылка? А провѣдавъ о тѣхъ дѣлѣхъ, о всемъ подлинно записать. Да и того ему провѣдывать: Цесарь съ папою съ Римскимъ, и съ Венецѣйскимъ Княземъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и со Францовскимъ, и съ Англѣйскою Королевою, и съ Чешскимъ Королемъ и со всѣми своими пограничными сусѣды въ докончаньѣ ль, и будетъ въ докончаньѣ, и съ которымъ Государемъ въ докончаньѣ и о чемъ, и съ которыми не въ докончаньѣ? и Угорское Королевство нынѣ все ли за Цесаремъ, и на Руделфово на цесарево мѣсто на Королевствѣ на Чешскомъ и на Угорскомъ, что за Цесаремъ, изъ братьи его которой посаженъ, или его вѣдаютъ къ цесаревѣ области съодного; и будетъ на Руделфово на цесарево мѣсто на Чешское Королевство и на Угорское посаженъ братъ его Князь Эрнестъ, и Турскому съ Угорской земли дань даютъ ли, и будетъ даютъ и что дани даютъ и сколько даютъ? и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его, сложась съ нимъ, стоять ли противъ Турского, и чаятъ ли на Турского походу и въ каково время? и Семиградцкая земля какъ нынѣ съ Литовскимъ Стефаномъ Королемъ, и многіе ли люди приходятъ къ Королю Стефану, коли имъ велитъ, и на найму ли ходятъ, о томъ у Стефана Короля у Литовского докончанье съ Седмиградцкою землею есть ли? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаютъ, и имъ тѣ дѣла всѣ, записавъ, привезти къ Государю, Царю и Великому Князю. А нѣчто Цесарь похочетъ послати ко Государю, Царю и Великому Князю о каковѣ дѣлѣ человѣка своего, и учнутъ Лукьяну говорить, чтобъ его взялъ съ собою вмѣстѣ и до Государя своего, Царя и Великого Князя довезъ,—и Лукьяну говорити: пошлетъ со мною Цесарь ко Государю, Царю и Великому Князю о каковѣ дѣлѣ человѣка своего, посла или посланника, и онъ съ нимъ ко Государю, Царю и Великому Князю ѣдетъ и доведетъ его до Государя своего здорово; а по цесаревыхъ Государствахъ ѣхати имъ за приставомъ цесаревымъ и проѣзжею грамотою. А у Государя нашего, Царя и Великого Князя издавна въ обычаѣ ведется: которые послы и посланники и гонцы изъ которыхъ Государствъ придутъ, хотя и не цесаревы, и Государь нашъ, рѣчи ихъ выслушавъ и и отвѣтъ имъ на тѣ рѣчи учинивъ, отпускаетъ ихъ къ ихъ Государемъ, не издержавъ, тотчасъ; а къ брату своему дражайшему къ Рудельфу Цесарю Римскому, хотя съ нимъ братцкіе любви и докончанья утвердити, мимо всѣхъ Государей, посла цесарева или посланника, приметъ съ любовію и скорѣе всѣхъ пословъ его и посланниковъ отпуститъ со всѣмъ полнымъ отвѣтомъ».

А се такова память наказная дана посломъ, боярину князю Өедору Михайловичю Троекурову съ товарищи, о Лукьянѣ Новосильцовѣ. «Память посломъ, боярину и намѣстнику Коло-

менскому князю Өедору Михаiловичю Троекурову, да дворянину думному и намѣстнику Можайскому Михайлу Андреевичу Безнину да дьяку Дружинѣ Петелину. Отпустилъ Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русiи къ брату своему къ Руделфу Цесарю въ посланникѣхъ Лукьяна Новосилцова да съ нимъ толмача Якова Заборовского, а велѣлъ ему Государь до Литовского до Стефана Короля итти и у Короля быти съ вами вмѣстѣ. И какъ къ вамъ Лукьянъ и толмачь Яковъ прiѣдутъ, и вы бъ имъ изъ Смоленска велѣли ѣхати съ собою вмѣстѣ въ дворянѣхъ, и написали бы есте его съ собою въ дворянѣхъ, ты, бояринъ князь Өедоръ, съ собою. И какъ, ожь дастъ Богъ, будете у Короля, и вы, послѣ посолства и послѣ того какъ поминки государевы явите, Королю говорили отъ Государя рѣчь, ты, князь Өедоръ: «Божьею милостiю Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өеодоръ Ивановичь всеа Русiи и многихъ земель Государь, велѣлъ тебѣ, брату своему, Великому Государю Стефану Королю говорити: отпустили есмя къ брату своему къ Руделфу Цесарю посланника своего Лукьяна Новосилцова, да съ нимъ толмача Якова Заборовского; и ты бъ, братъ нашъ Стефанъ Король, посланника нашего Лукьяна черезъ свою землю къ брату нашему къ Руделфу къ Цесарю пропустити велѣлъ, и пристава и кормъ и подводы по своеi землѣ ему давати велѣлъ, и назадъ бы еси его, какъ онъ къ намъ отъ брата нашего отъ Руделфа Цесаря поiдетъ, черезъ свою землю по тому жъ пропустити велѣлъ, и пристава, и кормъ и подводы ему по своеi землѣ давати велѣлъ: а то бъ еси, братъ нашъ, учинилъ намъ . . . ля». А изговоря бъ есте рѣчь, Королю Лукьяна и толмача Якова объявили; а молвити: «то Государя нашего посланникъ къ брату его къ Руделфу Цесарю». А стоялъ бы Лукьянъ Новосильцовъ съ дворяны, выше всѣхъ дворянъ. А какъ Король позоветъ къ руцѣ, послѣ васъ, дворянъ, и вы бъ велѣли итти къ руцѣ сперва Лукьяну, да послѣ того дворяномъ, Родивону Беркину съ товарищи, которые съ вами посланы, а послѣ того толмачю. А какъ къ вамъ вышлетъ Король съ отвѣтомъ пановъ радъ, и вы бъ паномъ радомъ говорили, чтобъ Король Лукьяна велѣлъ отпустити, не издержавъ, и пристава бъ ему, и кормъ и подводы велѣлъ дати. Да какъ ему дадутъ пристава, и вы бъ Лукьяна отпустили къ Цесарю; а въ которое число поiдетъ, и вы бъ то себѣ записали, чтобъ Государю про то было вѣдомо. А будетъ къ Цесарю Стефанъ Король Лукьяна не пропуститъ, и вы бъ паномъ радамъ говорили накрѣпко, чтобъ Лукьяна пропустилъ Стефанъ Король къ Руделфу Цесарю; а будетъ не пропуститъ Король Лукьяна, и вы бъ Лукьяна съ собою назадъ взяли».

И того лѣта 7093, Iюня въ 15 день, государевъ посланникъ Лука Новосилцовъ отъ Руделфа Цесаря прiѣхалъ; а привезъ ко Государю, Царю и Великому Князю отъ Руделфа Цесаря грамоту. А какъ ся у него государево дѣло дѣлалось, и онъ тому привезъ ко Государю списокъ.

А се переводъ съ цесарскiе грамоты ко Государю съ посланникомъ съ Лукою Новосилцовымъ: «Мы, Руделфъ вторыiй, Божьею милостiю

избранный Римскій Цесарь, по вся времена прибавитель Царства, Германскій, Гергинскій, Чешскій, Долмацкій, Кроатцкій и Шлявонскій Король, Арцыарцукъ Уштерикскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Каратынскій, Крайнскій, Луцемборгскій, Вертемборскій, вышніе и нижніе земли Шлейскій, Князь Свобенскій, Марграфъ святого Римского Царствія, Бурговскій, Меренскій, вышніе и нижніе земли Лаушницкій, Княжества Графъ Апсбургскій, Тирольскій, Фиратцкій, Кибургскій, Горецкій, Ландграфъ Велзяйскій, Государь Вендійской земли, Портенаускій и Саленскій,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велможнѣйшему Государю, Царю Ѳедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородскому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохански, нашему пріятельному любезнѣйшему другу и брату нашіе дружбы любовь и все добро. Пресвѣтлѣйшій и Велможнѣйшій Князь, пріятельной и любезнѣйшій другъ и братъ! Которое писмо Вашіе Любви прислали есмя къ намъ съ вашимъ слугою съ Лукьяномъ съ Новосилцовымъ, и онъ то писмо до нашихъ рукъ донесъ гораздо, и тутъ же намъ извѣстилъ о томъ, что Вашіе Любви съ нимъ приказъ есть изустно, и рѣчи отъ Вашіе Любви изустно исправилъ подлинно. И какъ есмя услышели о Вашіе Любви отцѣ съ сего свѣта отшествіе, и мы о томъ зѣлно поскорбѣли; а какъ есмя услышали, изъ писма Вашіе Любви выразумѣли, что на его мѣсто учинился Государемъ и обладалъ тѣми всѣми землями и людми вы, братъ нашъ, и мы о томъ возрадовались, и хотимъ того, чтобы Всемогущій Богъ далъ вамъ многолѣтное и счасливое пребыванье и въ Божьей благодати, и ради есмя дружбы и братства по томужъ, какъ напередъ сего во многіе лѣта межъ предки нашими, блаженные памяти славными Государи, любовь и братство. А мы по томужъ хотимъ съ Вашію Любви укрѣпить и, какъ намъ возможно, Вашіе Любви дружнѣ хотѣнье учинить, то отъ насъ никоторымъ обычаемъ не отстанетъ. И хотѣли есмя и Вашей Любви по вашему дружню хотѣнью послати пословъ своихъ съ Вашей Любви слугою вмѣстѣ, и того человѣка, которого было пригоже къ тому дѣлу отредити, здѣсь въ то время не лучилось; а мы хотимъ себѣ въ память взяти и такого Вашей Любви хотѣнья впередъ въ забвеньѣ не ставити. А что Вашей Любви посланникъ говорилъ о волной торговлѣ, чтобъ Вашимъ подданнымъ и нашимъ на обѣ стороны волно было ѣздити, и въ томъ мы, вспаметовавъ отца Вашего, блаженные памяти, черезъ его посланника съ сѣхъ мѣстъ за четыре годы, которой былъ здѣсь у насъ, приказъ его къ намъ, что о томъ же къ намъ приказывалъ, и мы ему тогды отвѣтъ учинили таковъ: что намъ никоторыхъ заповѣдныхъ дѣлъ порушити не возможно мимо тѣхъ, коли ужъ предки и отцы наши съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста, отъ Цесаря Карла пятого и Цесаря Фердинанда, обѣихъ блаженные памяти, по прошенью и совѣту Кирфирстровъ и Князей и стоятельныхъ Римского Государства, заповѣдные товары, что годно къ воинскому дѣлу, уставили, что ихъ изъ Римского Государства, не вывозити; и намъ безъ совѣту тѣхъ именованныхъ стоятельныхъ вѣдомые воли перемѣнить непригоже. Также мы ближніе Го-

сударп пхъ подданнымъ тѣмъ воротамъ (sic), и для того мы тое мѣры имъ уставити не могли; и того мы дружнѣ надѣемся въ Вашей Любви, что вы можете насъ въ томъ очистить; а и такъ мы повольные торговли никому не запрещаемъ и задержать никого не думаемъ. А то есми не вдавнѣ слышели изо многихъ мѣстъ и съ жалобою намъ извѣщали, что деи многіе нашего Римского Государства слугъ и подданныхъ мызниковъ и немызниковъ въ прежнее воинское время Вашіе Любви въ землѣ въ полону задержаны, и въ тѣхъ есть нашихъ именныхъ слугъ Еремѣй Ремеръ, да Магнусъ Павлусъ, также и нашего Государства вѣрной Николай Биберецъ и иные многіе на долгое время задержаны: для того мы просимъ и хотимъ дружнѣ и сусѣдственно, чтобъ Ваша Любовь похотѣлъ того въ первоначальное Ваше ступенье владѣтели (sic), и въ меншомъ въ томъ къ намъ дружбу и братственную любовь показалъ, тѣхъ и иныхъ полонениковъ Нѣмецъ ихъ плѣнное житье освободилъ и повольно ихъ отпустилъ въ ихъ землю; а въ томъ Ваша Любовь учините Всемилостивому Богу великую славу и похвальное дѣло; а мы за то и за такіе дѣла ради противо того любовь воздати, и по Вашему письму и по Вашего посланого рѣчамъ и дѣламъ отвѣту дружнѣ и братственно задержати не хотимъ; но во всемъ въ дружнемъ и въ братственномъ впередъ извѣщенье воздадимъ.—Дана въ нашемъ королевскомъ городѣ въ Прагѣ, мѣсяца Апрѣля 6 дня, лѣта 85; нашего Государства Римского 10, Венгерского 13, Чешского 10». А приписъ у грамоты рука цесарева: «Вашіе Любви добродѣтельной братъ Руделфусъ».

А се таковъ списокъ привезъ Лука Новосилцовъ, какъ ся у него государево дѣло дѣлалось:

«Лѣта 7093 Февраля въ 10 день, были государевы послы въ Литвѣ у Стефана Короля и посолство правили, и, исправя посолство, говорили Стефану Королю, чтобъ Стефанъ Король меня, Луку, велѣлъ пропустить чрезъ свою землю къ Руделфу Цесарю и пристава, и подводы и кормъ по своей землѣ велѣлъ бы дать до рубежа и назадъ. И на завтрее посольской приставъ Николай Фаnило посломъ и мнѣ, Лукѣ, сказалъ, что Стефанъ Король и его паны радные меня, Лукьяна, черезъ свою землю до рубежа пропустить велѣлъ; и взялъ у меня письмо, сколько у меня людей и лошадей и сколько мнѣ подводъ надобетъ. И на тредень мнѣ тотъ же приставъ отказалъ, что Король и паны радные велѣли тебѣ сказать, что тебѣ Король пристава далъ жилца своего Михайла Ловейку, а подводъ и корму тебѣ нѣтъ. И Февраля въ 18 день пошелъ язъ изъ Варшева, а приставъ былъ у меня жилецъ королевской Михайло Ловейко. И на другой день наѣхалъ на меня на дорогѣ арцыбискупъ Станиславъ Карнковскій, и слуги его многіе меня познали и ему про меня росказали, какъ язъ былъ у прежнего арцыбискупа у Уханскаго и какъ меня чтилъ; и онъ меня звалъ къ себѣ на перепутье до мѣста Скверневицъ, и приставу говорилъ, чтобъ со мною заѣхалъ; и язъ у него отпрашивался, чтобъ меня отпустилъ, потому что иду отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Θеодора Ивановича всеа Русіи къ Великому Государю къ Руделфу Цесарю, и мнѣ бъ поспѣшить. И за милю отъ Скверневицъ выслалъ ко мнѣ встрѣ-

чу дворянъ своихъ Андрея Косин-ского съ товарищи, и приставу Ловейкѣ велѣлъ говорить, чтобъ со мною заѣхалъ; и приставъ мнѣ говорилъ, чтобъ язъ къ нему заѣхалъ, а его тѣмъ не розгнѣвилъ, потому что тотъ арцыбискупъ у насъ въ Полшѣ другоі Король; и язъ къ нему поѣхалъ. И ѣсти къ себѣ меня звалъ, и язъ у арцыбискупа хлѣба ѣлъ. И на пиру мнѣ арцыбискупъ тихонько говорилъ: «Король нашъ Стефанъ съ вашимъ Государемъ мирится не хотѣлъ, а вѣрилъ словамъ Михайловымъ Головина; и язъ деи, арцыбискупъ, слышалъ отъ полонениковъ Литовскихъ, что Государь вашъ побожный и милостивый и Государыня разумна и милостива не токмо до своихъ людеі, и до полонениковъ милостива, и вязнеі всѣхъ освободилъ и отпустилъ даромъ; и мы и послы со всѣхъ уѣздовъ Королю отказали, что изъ земель своихъ поборовъ не дадимъ, чѣмъ рать наімовать, а похошь будетъ со Государемъ съ Московскимъ воеватися итти, наімуі ратныхъ людеі своимъ скарбомъ, и уговорили Короля мирится на два года; и о томъ Королю говорили, чтобъ полонениковъ отпустилъ по тому жъ, какъ и Государь Московской отпустилъ вязнеі; а полоненики многіе на панскихъ имянѣхъ, и паны для своеі корысти Короля не слушаютъ; а впередъ мы съ вашимъ Государемъ хотимъ быти въ миру, чтобъ кровь хрестьянская неливалась, а бусурманская рука не высилась; а Король нашъ намъ непроченъ, а впередъ чаемъ быти съ вами въ единачествѣ подъ Государя вашего рукою, потому что Государь побожный, хрестьянскіі». Да арцыбискупъ мнѣ жъ говорилъ: «сказывали намъ вязни наши, есть на Москвѣ шуринъ Государской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, правитель земли и милостивецъ великоі, и нашимъ вязнемъ милость казалъ, и на отпускѣ ихъ у себя кормилъ и поилъ, и пожаловалъ всѣхъ сукны и денгами, и какъ были въ тюрмахъ, и онъ имъ великіе милостины присылалъ; и намъ то добрѣ за честь, что у такого Великого Государя таковъ ближнеі человѣкъ разуменъ и милостивъ; а прежь сего былъ у прежнего Государя Алексѣй Адашевъ, и онъ Государство Московское тако-во жъ правилъ, а нынѣ на Москвѣ Богъ вамъ далъ такого жъ человѣка просужего». И язъ ему говорилъ: «Алексѣй былъ разуменъ, а тотъ не Алексѣева верста: то великоі человѣкъ, бояринъ и конюшеі; а се Государю нашему шуринъ, а Государынѣ нашей братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ всѣмъ, и о землѣ великоі печальникъ». И отпустилъ меня, Лукьяна, арцыбискупъ съ великою честью и говорилъ мнѣ, чтобъ язъ къ нему назадъ заѣхалъ. А приставъ Михаіло Ловеіко сказалъ, что Король намъ непроченъ, и не любятъ его всею землею, а тѣхъ мало, которые его любятъ; и съ Королевою не ласково живутъ: прежнихъ лѣтъ бывалъ съ нею двожды на году, а нынѣ съ нею не живетъ, изъ Варшева никуда не емлетъ; а самъ Король нынѣ неможетъ, нога у него больна, потому, коли онъ служилъ желнырскую службу, и у него въ тѣ поры нога изъ рушницы перестрѣлена, и нынѣче у него раны отворились, а дохторы живить не смѣютъ, потому, какъ заживятъ, ино ему будетъ смерть.—И Февраля въ 28 день, пріѣхалъ до Крепицъ, а въ тѣ поры тутъ же пріѣхалъ коморникъ королевской Андрей Хотковской, а ѣхалъ изъ Вроцлавля отъ бискупа въ Роц-

славъ, а посылалъ его Король съ вѣстьми до бискупа, чтобъ бискупъ далъ вѣсть Цесарю Руделфу, что Лука Новосилцовъ ѣдетъ отъ Государя. А прежъ того слышелъ есми о томъ Андреѣ Хотковскомъ въ мѣстѣ королевскомъ въ радѣ, что тотъ Андрей пріѣхалъ до бискупа Вроцславского и листъ привезъ приставу моему Ловейкѣ, чтобъ со мною ѣхалъ тихо, покамѣстъ о мнѣ вѣсть подастъ бискубу, и приставъ королевской Михайло Ловейко, допровадивъ меня до рубежа, воротился, и язъ ѣхалъ до Вроцславля безъ пристава. И Марта въ 5 день, падъѣзжая города Вроцславля, послалъ есми прежъ себя толмачя Якова Заборовского про себя извѣстить бискупу и думнымъ людѣмъ. И прислали ко мнѣ встрѣчю Гануса Шпорала, и о здоровьѣ меня спрашивалъ и дворъ указалъ; и какъ язъ на подворье пріѣхалъ, и ко мнѣ на подворье тотъ часъ прислали о здоровьѣ спрашивать и съ вины того жъ гонца Ганyса. И язъ съ нимъ къ бискупу съ нимъ (sic) приказывалъ и до радныхъ пановъ и толмача о томъ посылалъ, что иду отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановичя всеа Русіи къ Великому Государю къ Руделфу Цесарю съ великимъ дѣломъ, и меня бъ не задержали и отпустили ранѣе, и пристава бъ, и подводы и кормъ мнѣ дали. И мнѣ отказали, что у насъ отъ Цесаря науку нѣтъ и тебѣ пристава, и подводъ и корму нѣтъ; а будетъ здѣся захочешь подождати, покамѣста мы дадимъ вѣсть о тебѣ Цесарю, а мы часа того пошлемъ къ Цесарю о тебѣ вѣсть. И язъ жилъ въ Вроцславлѣ два дни въ прости въ великой, и поѣхалъ въ Прагу, и пришолъ недоѣзжая Праги Марта 15 день за 5 верстъ, и сталъ въ селѣ Высачипповѣ, и послалъ до Праги толмача Якова Заборовского себя обѣстить. И Яковъ въ Прагу пріѣхалъ на подворье къ Данилу Принцу, сказалъ про меня, что язъ пріѣхалъ отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өеодора Ивановича всеа Русіи до Великого Государя Руделфа Цесаря. И Данило Принцъ тотчасъ до Цесаря пошолъ, а Якову толмачю велѣлъ съ собою итти и велѣлъ ему ждать въ полатѣ, а самъ пошолъ до Цесаря; и, пришедъ отъ Цесаря, толмачю Якову сказалъ: Великій Государь Руделфъ Цесарь Государя вашего здоровью добрѣ радъ, и то ему добрѣ за честь, что Государь вашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи прислалъ посланника своего къ нему; да велѣлъ Руделфъ Цесарь ему, Данилу да Григорью Бендель, по Лукьяна ѣздить и въ приставѣхъ быти, а встрѣчати послалъ его Цесарь діака своего Ивана Вайса и дворянъ многихъ. И Данило Принцъ говорилъ, что деи Лукьянъ пріѣхалъ ты близко города Праги, а только бы деи передъ собою прислалъ вѣсть, подалѣ не доѣхавъ, и Цесарь бы послалъ его встрѣтить верстъ за пятдесять. И толмачь Яковъ ему говорилъ, что Лукьяну столь далече вѣсть послать было ему некого, потому что во Вроцславлѣ бискупъ и думные паны пристава и подводы, ни корму не дали; и Данило то слово сказалъ Цесарю. Того жъ дни, пріѣхалъ Данило Принцъ съ колымагами въ село Высочипо, и встрѣчники съ нимъ; и, пришедъ ко мнѣ, къ Лукьянцу, на подворье, спрашивалъ отъ Цесаря о государскомъ здоровьѣ. И язъ сказалъ: «какъ есми поѣхалъ отъ Государя своего, Великого Государя, Царя и Великого Кня-

зя Өедора Ивановича всеа Русіи, отъ Его Царского свѣтлого лица, и Государь на своемъ Государствѣ на Москвѣ, далъ Богъ, въ добромъ здоровьѣ». И Данило спрашивалъ о здоровьѣ отъ Цесаря меня, Лукьянца, здорово ли язъ дорогою ѣхалъ? А послѣ того говорилъ Данило: Цесарское Величество велѣлъ тебѣ говорити: пріѣхалъ еси близко, а вѣсти о себѣ не прислалъ; а только бъ про тебя вѣсть была, и язъ бы, любя брата своего, послалъ тебя встрѣчать съ колымагами за пятдесять верстъ отъ Праги. И язъ на цесаревѣ жалованьѣ билъ челомъ, да Данилу Принцу говорилъ: у меня въ государевѣ наказѣ написано, что, пріѣхавъ на рубежъ на цесарской, говорити въ городѣ приказнымъ людемъ, чтобъ меня не задержали, а отпускали бъ меня ранѣя къ Цесарю, и пристава и кормъ мнѣ дали; и какъ есми пріѣхалъ до Вроцславля, и язъ до бискупа и до пановъ радныхъ посылалъ, чтобъ мнѣ пристава, и подводы и кормъ дали и меня не задержали; и они, державъ меня два дни, и отказали, что имъ, безъ приказу безъ цесарского, тебѣ пристава и подводъ и корму давать не смѣемъ; и язъ пошолъ безъ пристава, и мнѣ было потому передъ собою вѣсти послать не съ кѣмъ. И Данило Принцъ говорилъ: язъ то слово слышелъ отъ Якова отъ толмача, и язъ то Цесарю извѣстилъ, и на бискупа и на паны радные Цесарь добрѣ кручиноватъ. Данило жъ говорилъ: прислалъ къ тебѣ Государь нашъ съ столомъ. А послѣ стола поѣхали къ Прагѣ, а какъ пріѣхали въ Прагу и поставили на подворьѣ, и кормъ всякой давали доволнѣ. И Данило, пришедъ отъ Цесаря, говорилъ: Великій Государь Руделфъ Цесарь велѣлъ тебѣ говорити, что тебѣ надобеть, и ты бъ мнѣ извѣщалъ, а мнѣ тебя Цесарь велѣлъ покоити во всемъ. И Лука на цесаревѣ жалованьѣ челомъ билъ, да говорилъ Данило, чтобъ Великій Государь Руделфъ Цесарь далъ мнѣ очи свои видѣти. И Данило говорилъ: язъ то извѣщу приказнымъ людемъ, и тебѣ о томъ извѣщу, что мнѣ приказные люди скажутъ. Да спрашивалъ Данило Принцъ про Казань и Астарахань: таки ли въ послушаньѣ у Государя вашего люди Казанскіе и Астараханскіе? И Лука говорилъ, что Казань и Астарахань во всемъ въ Государя нашего волѣ, и ратные люди на государеву службу ходятъ; а которые ясачные люди живутъ въ Казанскомъ уѣздѣ, и тѣ государевымъ воеводамъ Казанскимъ ясаки платятъ и на государевы службы ходятъ, куды имъ на которого недруга Государь велитъ итти. А которые далней волости луговые стороны поддались къ Сибири, и учали были воровать, и Государь нашъ посылалъ на нихъ своихъ воеводъ, и воеводы Государя нашего въ тѣхъ волостяхъ всѣхъ измѣнниковъ, сыскавъ, казнили, и городы поставили для укрѣпленья; и Казанская земля во всемъ въ Государя нашего волѣ утвердилась.—Да приходилъ къ Лукьяну Иванъ Вацлавъ съ Лобковицъ, жилецъ Арцыкнязя Аустрѣйского Эрнеста, и Лукьяна спрашивалъ про Ногаи; и Лукьянъ говорилъ, что Ногайской Урусъ Князь и всѣ мурзы Ногайскіе Государю нашему послушны по прежнему; а сего лѣта у Государя нашего изъ Ногаи отъ Уруса Князя и отъ мурзъ послы ихъ и Ардобазарцы были съ жеребяты, а жеребятъ съ ними было тридцать тысячь; и Государю нашему служатъ: куды ихъ Государь

нашъ ни пошлетъ на свою службу, и они ходятъ тысячь до двадцати и до тридцати; и о колькихъ коли Государь нашъ прикажетъ къ нимъ, сколько прислати велитъ ратныхъ людей, и Урусъ Князь и всѣ Ногайскіе мурзы столько толды людей ратныхъ и пришлютъ.— Да дьякъ цесаревъ Янъ Вайсъ спрашивалъ Лукьяна про Сибирь; и Лукьянъ говорилъ: прежъ сего на Сибирскомъ Государствѣ Цари бывали изъ рукъ Государей нашихъ и дань давали Государемъ нашимъ, а нынѣшней Кучюмъ Царь, посаженикъ отца Государя нашего, учалъ быти въ непослушаньѣ, а которые данщики государевы къ нему по дань ходили по соболи, и тѣхъ высылалъ, ограбя; и Государя нашего отецъ за это непослушанье велѣлъ на него итти съ Перми казакомъ своимъ Волскимъ и Казанскимъ и Астараханскимъ съ вогненымъ боемъ, и тѣ казаки, пришедъ, Сибирское Царство взяли и людей многихъ побили, а Царь побѣжалъ въ Козацкую орду. И нынѣ Государь нашъ послалъ въ Сибирь воеводу своего, и сидятъ въ Сибири государевы люди, и Сибирская земля вся, и Югра, и Кондинской Князь, и Пелымской Князь, и Вогуличи, и Остяки, и по Оби великой рѣкѣ всѣ люди Государю добили челомъ и дань давать почали; и нынѣ тѣ всѣ земли съ Сибирью Государю нашему добили челомъ и учинились послушны въ службѣ. Да Иванъ же Вайсъ спрашивалъ про рѣку про Обь: сколь велика Обь рѣка и сколько по ней городовъ? и Лука говорилъ: Обь рѣка великая, въ ширину есть верстъ на пятдесять, а городы по ней Государь нашъ велѣлъ поставити, а нынѣ поставлено городовъ съ семдесятъ. — Да Данило жъ Принцъ Лукьяна спрашивалъ про Крымского Царя: какъ нынѣ Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи съ Крымскимъ Царемъ? и Лукьянъ говорилъ: Государя нашенашего отцу, блаженные памяти Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи съ прежнимъ Крымскимъ съ Магметъ-Кирѣемъ Царемъ учинилось было перемирье на три годы; а какъ по Турского присылкѣ учинился нэ Крымѣ, послѣ Магметъ-Кирѣя Царя, Исламъ-Гирѣй Царь и прислалъ ко Государю нашему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи гонцовъ своихъ лутчихъ людей Сефершиха съ товарищи о дружбѣ и о братствѣ и о любви, и Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи послалъ къ брату своему къ Крымскому къ Исламъ-Гирѣю Царю посланника своего Ивана Григорьева сына Судокова; а у Государя нашего на Москвѣ Крымскіе послы, и послѣ того ко Государю нашему отъ Крымского Исламъ-Гирѣя Царя посланники и гонцы прихаживали многіе.—Да Данило жъ Принцъ говорилъ Лукьяну: слышели есмя, что Государя вашего великіе послы были у Стефана Короля у Литовского, и тебѣ то вѣдомо ли, на колько лѣтъ Государя вашего послы съ Литовскимъ Стефаномъ Королемъ перемирья учинили? и Лукьянъ говорилъ: какъ блаженные памяти Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ животѣ не стало, а на Государствѣ учинился Государемъ, по благословенію отца своего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Василь-

евича всеа Русіи, Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өеодоръ Ивановичь всеа Русіи, и Стефанъ Король присылалъ ко Государю нашему посла своего Лва Сопѣгу о братственной любви и о мирномъ постановеньѣ; и Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өеодоръ Ивановичь всеа Русіи противъ того къ Стефану Королю послалъ пословъ своихъ великихъ о любви и о мирномъ постановеньѣ; и по ссылкѣ Государя нашего съ Стефаномъ Королемъ, учинилось перемирья на два года. — Да Данило жъ Принцъ говорилъ про Персітское Государство, про Кизылбаши: какъ живутъ со Государемъ вашимъ и съ Турскимъ Царемъ? и Лукьянъ говорилъ: Кизылбашской съ Турскимъ нынѣ въ великой недружбѣ и промежъ ихъ нынѣ война великая; а слухомъ есми слышелъ, что Кизылбашкой Турскому учинился въ великой силѣ и воинскимъ людемъ Турского отъ Кизылбашского шкота чинится великая; а которые городы поималъ былъ Турской у Кизылбашского, и Кизылбашской тѣ городы у Турского поималъ назадъ всѣ. А въ лѣтѣ 7085 году, пріѣзжалъ ко Государю нашему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи изъ Пятигорскихъ Черкасъ со всею Кобординскою землею Черкасской Князь Канбулатъ съ товарищи бити челомъ Государю въ службу; и Государь ихъ пожаловалъ, взялъ ихъ къ себѣ въ службу, а Канбулатова княжого сына, Князя Бориса и племянника его Князя Василья у себя оставилъ; и Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь, по ихъ челобитью и по прошенью, велѣлъ ихъ крестить по хрестьянскому закону, и учинилъ ихъ Государь нашъ у своего царского приближенья, по ихъ достоинству. А Канбулатъ Князь, какъ былъ у Государя нашего отца, блаженные памяти у Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, билъ челомъ Государю, чтобъ Государь нашъ пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ городъ поставить въ Пятигорскихъ Черкасѣхъ на Теркѣ рѣкѣ, на устьѣ Сунчи рѣки, и плотниковъ бы пожаловалъ, далъ, кому городъ дѣлати, и воеводу бы своего пожаловалъ, послалъ съ вогненнымъ боемъ, которой бы ихъ оборонялъ отъ Крымского Царя и отъ иныхъ недруговъ ихъ. И Государь нашъ, Царь и Великій Князь пожаловалъ ихъ, послалъ меня, Лукьяна, воеводою въ Черкасы со многими людми и съ вогненымъ боемъ, и плотниковъ для городового дѣла. И язъ, пришедъ въ Черкасы въ Пятигорскіе, и на рѣкѣ на Теркѣ на устьѣ Сунчи рѣки городъ поставилъ. И въ тѣ поры приходили многіе Турскіе люди съ нарядомъ къ Кизылбашского городомъ, и городъ Шамаху и Темирхану, желѣзные ворота взяли были, и, оставя въ тѣхъ городѣхъ Турскіе люди Санчаковъ, своихъ воеводъ, сами опять за море пошли. И Кизылбашской Шахъ, собрався, подъ свои городы пришодъ, и тѣ свои городы облегъ многою силою. И Турской Салтанъ писалъ къ Крымскому къ Магметъ-Кирѣю Царю, чтобъ Магметъ-Кирѣй Царь шелъ на помочь въ Кизылбаши, къ Турскимъ людемъ на помощь, со всею Крымскою ордою; и Крымской Магметъ-Кирѣй Царь самъ въ Кизылбаши не пошолъ, а послалъ брата своего, Калгу Алды-Гирѣя Царевича со многою ратью; а какъ Крымской Царевичь, Калга Алды-Гирѣй Царевичь шолъ своею

ратью мимо Государя нашего городъ Терку и лѣзъ Сунчю рѣку, у горячего колодезя, а съ нимъ было ратныхъ людей съ полтретьядцать тысечь, и прислалъ ко мнѣ, государеву воеводѣ, въ Терку прошати у меня дороги, и казаковъ бы мнѣ государевыхъ въ то время велѣти унятп, чтобъ имъ Сунчю рѣку отъ Терскихъ казаковъ перелѣзти здорово. И какъ Крымской Алды-Гирѣй Царевичь, перелѣзши Терку рѣку, и сшелся съ Кизылбашскимъ, и Кизылбашскіе люди его побили, а Калгу Алды-Гирѣя Царевича взяли жива; и которые люди Крымского съ того дѣла утекли и пошли назадъ и перелѣзли Сунчю рѣку далече отъ Терского города, и намъ про нихъ лучилась вѣсть, что они черезъ Терку перелѣзли безвѣстно, а съ ними было тысечь съ десять. И азъ, ихъ дошодъ, съ Божьею помочью и государевымъ счастьемъ, тѣхъ людей побилъ на голову и лошади ихъ отогналъ. А со Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Кизылбашской живетъ дружно, и пословъ своихъ и посланниковъ ко Государю нашему присылаетъ съ великими поминки и съ почестливостью. А которые Государи живутъ промежъ Государя нашего Царства Асторохани и межъ Кизылбашского земли: Царь Бухарскій и Юргенской Царь, и Тюркменской Царь, и Грузинской Царь, и Зюрской Царь, и Колматцкой, и Шамахѣйской и Шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ Кизылбашскимъ промежъ себя мирны съ докладу и совѣту Государя нашего, и во всякихъ болшихъ въ дѣлѣхъ, съ кѣмъ кому дружба или недружба станется, пишутъ о томъ и докладываютъ Государя нашего; а о чемъ къ нимъ Государь нашъ отпишетъ или прикажетъ, и они въ томъ во всемъ передъ Государемъ послушны бываютъ, и пословъ частыхъ ко Государю нашему присылаютъ съ великими поминки, съ почестливостью.— Марта въ 19 день, пришелъ приставъ Данило Принцъ ко мнѣ на подворье и сказалъ мнѣ, что быти у Цесаря у Руделфа на заутрее.—Марта 20 день, приставъ Данило Принцъ и Григорій пріѣхали по меня съ колымагами, и азъ къ Цесарю съ ними поѣхалъ. И какъ есми вшелъ въ сѣни, встрѣтилъ меня въ сѣнѣхъ моршалокъ цесаревъ Павелъ Сыксъ съ Драуценъ, и руку мнѣ далъ и о здравіи спрашивалъ. И какъ азъ пришолъ къ Цесарю и учалъ титло говорити, и Цесарь всталъ и мнѣ поклонился; и покамѣста азъ титло къ рѣчи по записи говорилъ и поминки отъ тебя, *Государя*, Цесарю явилъ и грамоту твою государеву Цесарю подалъ, и Цесарь грамоту самъ принялъ, и азъ, холопъ твой государевъ, отъ себя поминки явилъ. И выслушавъ Цесарь посольство, учалъ говорить, стоя, съ Даниломъ Принцомъ великое голомя, и Данило Принцъ мнѣ учалъ сказывать цесарское слово по Руски: «Православный Великій Государь Руделфъ, Божьею милостію Цесарь Римскій, Угорскій, Чешскій и иныхъ многихъ земель навышшій Король и Монархъ, всегда прибавитель святаго Царства Римского, слышалъ посолство твое, что ты отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи говорилъ, и велѣлъ тебѣ тотъ отвѣтъ явити, что Его Православному Цесарскому Величеству добрѣ въ досаду было, какъ вѣсть пришла, что Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, брата моего любительного, въ животѣ

не стало; и слышалъ Его Цесарское Величество твое посолство, что Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, за помочью Божіею, на Государствѣ Московскомъ и на иныхъ Государствахъ учинился Государемъ, и молю Бога, чтобы онъ на тѣхъ Государствахъ къ прибыли всему Хрестьянству на многіе лѣта щастливъ былъ. И того Цесарское Величество хочетъ: съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи быти въ любителной дружбѣ и въ братствѣ и въ соединеньѣ, по тому жъ, какъ отецъ его Великій Государь Максимиліанъ Цесарь, блаженные памяти, былъ въ любви, и въ братствѣ и въ завѣщаніѣ съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, и хочетъ съ братомъ своимъ любительнымъ о томъ промышляти, чтобы кровь хрестьянская не лилась, а рука бы бесерменская не высилась; и о томъ промышляти хочетъ, чтобы свои послы и посланники, добрыхъ людей, до Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, брата своего любительного, послалъ вскорѣ, которые бы старое соединенье и братцкую любовь, которая промежъ прародителей была, утвердили и братственной любви прибавили. И Цесарское Величество отъ брата своего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи поминки любително пріимаетъ, да и твои поминки, Лукьяновы, Цесарь велѣлъ принять; а тебя вскорѣ отпуститъ». И выговоря то Данило Принцъ, и Цесарь меня, холопа твоего, къ рукѣ звалъ и о здоровьѣ меня спрашивалъ, здорово ли есь дорогою ѣхалъ? И язъ на его государевѣ жалованьѣ челомъ билъ. И толмача къ рукѣ звалъ же. Да Цесарь же мнѣ, Лукьяну, говорилъ: «приказалъ есми Данилу Принцу тебя всѣмъ покоити, чтобы ты былъ всѣмъ доволенъ и нужи бы тебѣ ни въ чемъ не было». И язъ на его государевѣ жалованьѣ челомъ билъ; и велѣлъ мнѣ ѣхати на подворье. И Данило Принцъ, пріѣхавъ ко мнѣ на подворье, принесъ ко мнѣ рѣчи отвѣтные цесарскіе, а у меня взялъ титло и рѣчи.— Марта въ 26 день, говорилъ есми Данило Принцу: какъ меня Великій Государь Руделфъ Цесарь отселѣ отпуститъ, и пословъ или посланниковъ своихъ, добрыхъ людей, со мною отпускаетъ ли брату своему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, и кого именемъ посла своего или посланника отпускаетъ? и чтобы меня не задержалъ, чтобы меня ранѣе отпустилъ къ нашему Государю. И Данило Принцъ мнѣ сказалъ: язъ то слово извѣщу приказнымъ людемъ; что мнѣ скажютъ, и язъ тебѣ скажю. И Марта въ 28 день, Даніель Принцъ мнѣ сказалъ: язъ твое слово приказнымъ людемъ извѣщалъ, и приказные люди къ тебѣ приказали: пришолъ еси отъ Великого Государя къ Великому Государю, а шолъ еси далнею дорогою, и ты истоменъ и лошади твои истомны, и тебѣ бы и конемъ твоимъ опочинуть. А Цесарское Величество велѣлъ тебѣ сказать, чтобы тебѣ великъ день здѣся взяти, и приказнымъ людемъ приказалъ, чтобы тебя звали къ себѣ и чтили, чтобы тебѣ въ его Государствѣ не кручиновато было. Да приказные жъ люди къ тебѣ приказали: кого Государь приберетъ къ брату своему быти въ послѣхъ или въ посланникахъ, и мы тебѣ извѣстимъ.

Апрѣля въ 14 день, сказалъ Данило Принцъ: пришла изъ Риму вѣсть, что папы въ Римѣ не стало Апрѣля въ 10 день. Да Апрѣля въ 15 день, пріѣхалъ ко мнѣ приставъ Данило Принцъ, да сказалъ мнѣ, что Цесарское Величество велѣлъ тебѣ у себя быть. И язъ къ Цесарю поѣхалъ, и какъ къ Цесарю пріѣхалъ на дворъ, и пришодчи къ Цесарю въ полату, и Цесарь всталъ и мнѣ поклонился, да учалъ говорити съ Даниломъ Принцомъ. И Данило Принцъ мнѣ учалъ говорити цесарское слово: «Божіею милостію Великій Государь, Руделфъ Цесарь Римскій, Король многихъ земель велѣлъ тебѣ говорити: пришолъ еси къ намъ отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи и посолство есь намъ правилъ; и язъ, выслушавъ твое посольство, и вычелъ грамоту брата своего любителного, что Божьею помочью Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, по благословенію отца своего, на Государствѣ на Московскомъ и на всѣхъ Государствахъ учинился Государемъ,—и язъ Бога молю, чтобы братъ нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи былъ многолѣтенъ и счастливъ и къ прибыли всему Хрестьянству на Московскомъ Государствѣ и на всѣхъ своихъ Государствахъ; и приговорилъ есми съ своими думными людми, чтобы мнѣ быти съ братомъ своимъ, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ всеа Русіи въ братственной любви и въ соединеньѣ, по тому же какъ были межъ собою отецъ нашъ, блаженные памяти Великій Государь Максимиліянъ Цесарь, со отцомъ брата нашего любителного, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, и прародители наши были межъ собою въ братственной любви и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ. И теперѣ тебя отпускаю къ брату своему любителному, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичю всеа Русіи, а грамоту съ тобою къ брату своему посылаю». И велѣлъ мнѣ грамоту подать, «а тебя есми своимъ жалованьемъ велѣлъ пожаловать, а пристава и подводы и кормъ велѣлъ до рубежа дать; а посла своего послѣ тебя къ брату своему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи вскорѣ отпускаю». И меня звалъ къ къ рукѣ; а до отпуску моего, какъ меня Цесарь отъ себя отпустилъ, все стоялъ. И язъ, выслушавъ цесареву рѣчь, да на его жалованьѣ челомъ билъ, и говорилъ язъ Цесарю: «просимъ у Бога милости всѣ хрестьяне, чтобы Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи былъ съ тобою, Великимъ Государемъ Руделфомъ Цесаремъ, въ братственной любви, и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ, чтобъ хрестьяне были въ покоѣ, и хрестьянская бы кровь не лилась, а бусурманская бы рука не высилася». И Апрѣля въ 16 день, пошелъ язъ изъ Праги; а приставъ со мною у меня Григорей Бендель, и подводы и кормъ мнѣ до рубежа давалъ Полского до Пражки. И въ Пражкѣ язъ у подстаросты его пристава до Варшева прошелъ, и подстароста мнѣ отказалъ: какъ деи еси шелъ изъ Варшева отъ Короля, и Король де тебѣ пропускную грамоту черезъ свою землю далъ, и приставъ Михаійло Ловейка тебя до рубежа прово-

жалъ; и тебѣ топерво волно итти черезъ Лятцкую землю, а пристава тебѣ язъ не дамъ. И язъ пошелъ безъ пристава. И какъ есми пріѣхалъ до мѣста бискупа Кіевского до Волбора, и въ томъ мѣстѣ Волбору съѣхалъ есми Стефанова Короля племянника, его родного брата сына, кардинала Римского, а имя ему Андрей, а былъ въ королевскомъ мѣстѣ въ Мѣховѣ, въ монастырѣ опатомъ, а по нашему архимаритомъ, отъ Кракова полтретьядцать верстъ, а ѣдетъ на бискупство въ Прускую землю. И ѣхалъ есми отъ рубежа Нѣметцкого Польскою землею безъ пристава до Ловича, до арцыбискупа, а въ тѣ поры до арцыбискупа пріѣхалъ племянникъ кролевскій кардиналъ. И, пріѣхавъ до Ловича, велѣлъ есми себя арцыбискупу обвѣстить; и арцыбискупъ ко мнѣ съ почестливостію прислалъ съ кормомъ, а ко мнѣ приказалъ, что тебѣ у меня нельзѣ быти, потому что до меня пріѣхалъ племянникъ королевскій кардиналъ; а пристава тебѣ до Варшева дамъ и листъ въ Варшевъ о тебѣ пошлю до охмистра Королевой; и пристава мнѣ далъ Станислава Бурца и листъ обо мнѣ послалъ. И язъ съ нимъ поѣхалъ изъ Ловича Мая шестое число, а пріѣхалъ до Варшева Маія девятого число; и въ Варшевѣ меня держали три дни, а отпустили меня изъ Варшева третьенадесять число, и пристава мнѣ дали до мѣстечка до Станиславова, и велѣли давать приставовъ отъ мѣста до мѣста, а подводъ мнѣ ни корму не дали ни туды ни сюды. И давали мнѣ приставовъ до Мѣнска, а отъ Мѣнска мнѣ приставовъ не давали до Орши, и отъ Орши до рубежа приставовъ не давали жъ. А въ Оршѣ есми жилъ полтора дни, а прошалъ пристава у подстаросты его, и съ листомъ королевскимъ къ нему посылалъ; и подстароста листъ вычелъ, пристава мнѣ не далъ; и язъ къ нему приказывалъ: «вы топерѣ мнѣ пристава не дадите, а королевского листа не слушаете, а послы или посланники ваши будутъ у Государя нашего, имъ таково жъ будетъ безчестье, и приставовъ имъ по тому жъ не дадутъ, какъ и вы мнѣ топерѣ не дадите». А въ Варшевѣ есми провѣдалъ, что Король въ Нѣполомицахъ, въ ловѣхъ, отъ Кракова полтретьядцать верстъ, а болшихъ пановъ Литовскихъ при немъ нѣтъ, а живутъ у себя въ Литвѣ по имѣньямъ; а Королю, сказываютъ, выѣхати съ Кракова до Львова по семой Суботѣ. А Государя нашего гонецъ Иванъ Всеволодцкой до Кракова пришолъ и гонецъ Крымской до Кракова пришолъ же, а того было не можно провѣдати, съ чѣмъ пришолъ. А будучи Лука у Цесаря, провѣдалъ вѣстей: Цесарь съ папою Римскимъ, и съ Венецѣйскимъ Княземъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и со Францовскимъ, и съ Аглинскою Королевою и со всѣми пограничными Государи въ миру; а посолъ Короля Ишпанского у Цесаря живетъ всегды на перемѣнахъ по три годы, а противъ того цесарской посолъ таково жъ живетъ у Короля Ишпанского; а папинъ посолъ бискупъ живетъ у Цесаря по три годы, а цесарской посолъ живетъ у папы по три годы, а ѣдятъ свое, а не цесарское. А за Цесаремъ Угорскіе земли треть, а двѣ доли за Турскимъ Салтаномъ; а Ческимъ Королевствомъ владѣетъ самъ Цесарь, а братья цесаревы живутъ въ Вѣднѣ, отъ Праги тридцать шесть миль, Арцыкнязи Аустрѣйскіе Эрнестъ, Максимиліянъ и Матіяшъ, а четвертой, Вацлавъ, живетъ у Короля

Ишпанского и сталъ въ кардиналы. Да тутъ же живетъ въ Вѣднѣ сестра цесарева вдова Марья, что была за Королемъ Францовскимъ, за болшимъ братомъ Индриковымъ, который былъ Королемъ Полскимъ; и какъ Короля, мужа ея, не стало, и она пріѣхала до братій своихъ, а Король Францовскій Индрикъ присылаетъ ей казну впередъ за годъ на росходъ, по уговору. А тотъ Король Индрикъ, сказывали мнѣ, добрѣ боленъ и никакому дохтору нелзѣ его излечить, а сказываютъ, съ него мясо падаетъ; и о его Государствѣ Францовскомъ съ Королемъ Наварскимъ воюется Гвиза Французъ, которой жилъ въ Полшѣ. А Филипъ Король Ишпанскій нареклъ на Королевство Ишпанское, послѣ живота своего, брата цесарского Арцыкнязя Эрнеста, а сына своего не хочетъ на Государство посадить, потому что, хотѣлъ отца своего убити. Да Цесарь ссылается съ Королемъ Ишпанскимъ о женитбѣ, а хочетъ Цесарь у Короля дочерь понять; и Ишпанскій Король писалъ къ Цесарю, и хочетъ за него дочь свою дать. А Цесарь казною небогатъ, а людей онъ наймуетъ: коли болши казны, тогды болѣ и людей; а болшой сборъ сто тысячь. А Турскому Цесарь даетъ выходу на годъ съ своихъ Государствъ по триста тысячь ефимковъ; а взялъ съ Турскимъ миру на четырнадцать лѣтъ, и одиннадцать лѣтъ перемирныхъ отошло, а еще осталось перемирныхъ лѣтъ три годы. А Турского Салтана посолъ въ Вѣднѣ, а цесаревъ посолъ у Турского Салтана живетъ. А въ Семиградцкой землѣ живетъ племянникъ Короля Полского, Стефана родного брата сынъ, а имя ему Жигимунтъ, а даетъ дани Турскому Салтану на годъ по тридцати тысячь ефимковъ; и какъ Королю Стефану надобетъ люди, и Король Стефанъ наймуетъ люди въ Семиградцкой землѣ. А какъ язъ былъ въ Варшевѣ и шолъ къ Цесарю, и Антоней Поссевинусъ въ тѣ поры былъ у Короля (въ) Варшевѣ, а сказывалъ, что взялъ миръ промежъ Цесаря и Короля Стефана на три годы; а Королю Стефану съ Цесаремъ была брань, что Стефанъ Король прошалъ у Цесаря трехъ городовъ въ Угорской землѣ Княжству Семиградцкому, а Шлейскіе земли прошаетъ Королевству Полскому. А отъ тѣхъ мѣстъ Антоней въ Риму у папы не бывалъ, какъ пріѣхалъ изъ Риму въ Литву съ Яковомъ Молвяниновымъ, а ѣздилъ по городамъ, научаючи свой вѣрѣ. Да дворянинъ цесарскій Андрей Фраберъ говорилъ мнѣ Лукьяну, что Король Стефанъ помирился съ вашимъ Государемъ на два года, а съ нашимъ Государемъ Цесаремъ на три годы, и какъ перемирные лѣта выдутъ, и нашъ Государь Руделфъ Цесарь станетъ заодинъ съ вашимъ Государемъ противъ Стефана Короля, чтобъ имъ Короля съ Королевства сгонить и подѣлити бы имъ промежъ себя то Государство. Да приставъ Григорей Бендель сказалъ, что пришла вѣсть изъ Вѣдны, что Турскіе люди въ Угорской землѣ изъ города Валонту приходили воевати подъ городъ цесарской Коморны и въ Угорской же землѣ, а приходило конныхъ пять сотъ, а пѣшихъ четыреста; и цесарскіе люди ихъ побили и восьмьдесять языковъ взяли. И, ѣдучи отъ костела, меня къ себѣ зазвалъ на подворье Адамъ Титерштейнъ, а у Цесаря болшой человѣкъ и охмистръ, и говорилъ мнѣ тайно: «Стефанъ Король неприроженый Государь, а сидитъ на чюжомъ Госу-

дарствѣ, а нѣчто выйдутъ перемирные лѣта, и Государемъ нашимъ межъ собою сослаться, чтобъ надъ Полскою землею и надъ Литовскою имъ, Государемъ, промыслить, чтобы та земля за ними была за прироженными Государи». И язъ ему отказалъ: «какъ пошлетъ Государь вашъ Руделфъ Цесарь къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи пословъ своихъ, и онъ имъ о томъ и науку дастъ». А у Цесаря болшой человѣкъ Адамъ Титерштейнъ охмистръ, а по нашему кабы дядя, и во всемъ его слушаетъ; а дворъ его подлѣ цесарева двора, а полаты подлѣ полатъ его, и владѣетъ онъ всѣмъ Государствомъ. Да ѣздилъ Лука къ костелу цесареву и на конюшни и въ звѣринцы смотрити, какъ ихъ чинъ ведется. И въ костелѣ олтарь великій, по ихъ вѣрѣ святое Вита, а придѣловъ въ костелѣ одиннадцать, а середи костела четыре гробницы, а около ихъ желѣзная ограда, а въ тѣхъ гробахъ лежатъ Цесари: Фредерикъ, Карлусъ четвертой, Фердинардъ, Максимиліянъ. А Цесарь ставится въ костелѣ на правой рукѣ, на полатѣхъ, въ казенкѣ а ближніе люди по обѣ стороны казенки ставятся; а меня ставили у переднихъ дверей на полатѣхъ противъ Цесаря, и мѣсто мнѣ было устроено, укрыто бархаты. Да на конюшнѣ язъ на аргамачьѣ на цесарской былъ въ городѣ близко двора цесарского; и на конюшнѣ аргамаковъ семьдесятъ четыре, да десеть жеребцовъ Нѣметцкихъ. Да былъ есми въ саду его въ звѣринцѣ, отъ посаду съ полверсты дворъ его устроенъ, и около ограда велика камена, и въ саду полаты на подклѣтѣхъ и мѣсто великое, а звѣри въ немъ козы дикіе. Да былъ есми въ городѣ цесарскомъ любимомъ его, гдѣ самъ часто гуляетъ; и въ немъ полаты на подклѣтѣхъ, а подъ палатами погребы, гдѣ на зиму ставятъ розные цвѣты; да въ немъ же колодезей съ пятдесятъ возведены, а разгороженъ на четверо, а въ нихъ устроенье великое и печати розные розныхъ земель; виноградъ и лимоны и гвоздика и всякіе зелья тутъ ростутъ, и переходы по огороду поземные и чердаки, а кругомъ огорода стѣна камена. Да прислалъ ко мнѣ арцыбискупъ Чешской Мартинъ Муглицынъ печатника своего Еремѣя, звати меня хлѣба ѣсть, и язъ на его любви билъ челомъ, а Данилу есми Принцу говорилъ: «Великого Государя своего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи жалованьемъ и брата его, Великого Государя Руделфа Цесаря, всѣмъ доволенъ, чтобы мнѣ до него не ѣхать ѣсть». И Данило говорилъ мнѣ такъ: «Цесарское Величество приказывалъ своимъ болшимъ людемъ, тебя звати и чтити, чтобы ты въ его Государствѣ былъ прохладенъ и кручины бы тебѣ никакой не было». И язъ пріѣхалъ до арцыбискупа, и арцыбискупъ меня встрѣтилъ на крылцѣ, да мнѣ говорилъ: «пришолъ еси отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, къ Великому Государю къ Руделфу Цесарю, и какъ еси посолство правилъ отъ Государя своего Руделфу Цесарю, а мнѣ ся въ тѣ поры лучило туто быть; и какъ тебя Цесарь отъ себя отпустилъ и съ нами говорилъ, посольство твое хвалилъ и говорилъ, что отъ брата моего пріѣхалъ ученой человѣкъ, и посолство мнѣ правилъ добро и рѣчь добру говорилъ; и Цесарю еси не обышно

сподобился, и намъ ся еси всѣмъ полюбился; да Цесарь же намъ говорилъ, велѣлъ намъ тебѣ честь воздать, велѣлъ намъ тебя къ себѣ звати и чтити; и язъ богомолецъ государскій безпрестанно у Бога милости прошу, чтобы хрестьянскіе Великіе Государи были въ братственной любви и въ соединеньѣ, и стали бы заодинъ на Турки, чтобы промежы хрестьянскихъ Государей кровь не лилася, а бусурманская рука не вышилася». Да за столомъ чашу пилъ государскую, а напередъ поменулъ имя Государя нашего, а послѣ чашу пилъ Руделфа Цесаря и меня подчивалъ необышно, и проводилъ съ великою честью до колымаги. Да меня же звалъ арцыбискупъ Угорскій Янъ Драшковичь къ себѣ хлѣба ѣсть, и язъ къ нему пріѣхалъ, и онъ меня встрѣтилъ на крыльцѣ и говорилъ мнѣ: «мы твоему приходу добрѣ ради, что еси пришолъ отъ Великого Государя къ Великому Государю о братственной любви и о соединеньѣ; и мы богомольцы государевы о томъ Бога молимъ, чтобы сердца государскіе вмѣстѣ были и стояли бы на бусурманы заодинъ; а язъ въ тѣ поры тутъ былъ, какъ еси посолство правилъ отъ Великого Государя Великому Государю, и намъ твое посолство необышно полюбилося; и какъ еси пошолъ отъ Цесаря, и Цесарь про тебя говорилъ, что твое посолство ему добрѣ полюбилося, и велѣлъ намъ тебя къ себѣ звати и чтити, чтобы ты у Государя нашего въ Царствѣ честенъ былъ и безъ кручины». И язъ арцыбискупу говорилъ: «Государь Великій, Цесарь Руделфъ, любя брата своего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, и онъ меня вобчего холопа своего жалуетъ». И меня арцыбискупъ великою честью чтилъ и проводилъ меня до колымаги. Да бискупъ, посолъ папинъ Ерманикусъ отъ Аркимолестина прислалъ ко мнѣ попа своего Полегрина Ферп о здоровьѣ спрашивать и хлѣба ѣсти звать; а сказываетъ, что Антоней Поссевинусъ къ нему писалъ, чтобы бискупъ тебя здѣся чтилъ. И приставъ Данило учалъ мнѣ говорити, что тебѣ, Лукьянъ, пригоже ѣхати къ нему, потому что папа Государю вашему другъ. И язъ къ нему ѣсти ѣздилъ, а Данило приставъ со мною же ѣздилъ; и встрѣтилъ меня на нижнемъ крыльцѣ, а сажали меня въ столѣ вездѣ въ болшомъ мѣстѣ, и спрашивалъ меня про Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, колкихъ Государь лѣтъ и женатъ ли? И язъ сказалъ, что Государю нашему, Царю и Великому Князю всеа Русіи двадцать четыре годы, а Государь нашъ, далъ Богъ, женатъ. И учалъ бискупъ говорити, что во всѣхъ Царствахъ такой крѣпкой вѣры нѣтъ, что въ вашемъ Государствѣ: посты великіе держатъ и заповѣди Господни хранятъ. И за столомъ бискупъ пилъ напередъ чашу Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, а послѣ того чашу папину, а потомъ чашу цесарскую. И язъ ему говорилъ: нѣчто бъ далъ Богъ, чтобъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи съ навышшимъ папою и съ Руделфомъ Цесаремъ были здорово на многіе лѣта, и были бъ въ братствѣ, и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ, по тому жъ какъ блаженные памети Великій Государь нашъ, отецъ его, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи былъ съ навышшимъ па-

пою и съ Руделфомъ Цесаремъ въ братственной любви и въ соединеньѣ, а стояли бы заодинъ противъ бусурманъ, чтобъ кровь хрестьянская не лилася, а бусурманская рука не высилась. И бискупъ молвилъ: «мы о томъ Бога молимъ, чтобъ Государи были межъ собою въ братственной любви и въ соединеньѣ». И послѣ стола меня бискупъ отпустилъ съ великою честью и проводилъ меня до колымаги. Да посолъ Короля Филиповъ Ишпанского Вилелмъ присылалъ меня звати хлѣба ѣсть. И язъ Данилу приставу говорилъ, чтобъ мнѣ къ нему не ѣхать; и Данило мнѣ говорилъ, что тотъ посолъ Короля Ишпанского дѣлаетъ съ вѣдома и по приказу Руделфа Цесаря, потому тебя прислалъ звать. И язъ къ нему съ Даниломъ ѣздилъ; и меня чтилъ необышно, а говорилъ мнѣ тѣ жъ слова, чтобъ Государи хрестьянскіе были промежъ себя въ братственной любви и въ соединеньѣ, а стояли бы заодинъ на бусурманы; и честь мнѣ воздали великую. Да Венецѣйской посолъ Матьятъ присылалъ меня звати хлѣба ѣсть, и Данніель приставъ мнѣ говорилъ: зовутъ де они тебя съ цесарева вѣдома; и язъ къ нему ѣсти ѣздилъ и онъ меня подчивалъ и честь мнѣ воздалъ великую. Апрѣля 30 день, пришолъ язъ (въ) Врацлавль. И думной дворенинъ цесаревъ Янъ Хотинцкій пріѣзжалъ ко мнѣ на подворье, и о здоровьѣ меня спрашивалъ и звалъ меня къ себѣ хлѣба есть; и язъ къ нему ѣсти ѣздилъ. И тутъ же у него со мною ѣлъ вмѣстѣ думной дворенинъ цесаревъ Индрикъ Дудичь; да тутъ же со мною ѣлъ Стефана Короля дворенинъ Стефанъ Бѣлявскій, староста Куконовскій, державецъ Городетцкій. И меня посадили въ болшомъ мѣстѣ, и за столомъ чашу пили напередъ Государя нашего, а послѣ цесарскую чашу да королевскую чашу; и говорили мнѣ: «намъ деи то добрѣ за честь всѣмъ хрестьяномъ, что Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи прислалъ къ Великому Государю нашему къ Руделфу Цесарю свое Государство обвѣстить и Великого Государя брата своего здоровье видѣти, тебя, доброго дворенина и ученаго человѣка; и мы тому вѣѣ хрестьяня радуемся, чтобъ Великіе Государи были въ братственной любви и въ соединеньѣ». Да тутъ же говорилъ королевской дворянинъ Стефанъ Бѣлявскій: «Государь вашъ да и нашъ, далъ Богъ, помирились на два года, а просимъ у Бога милости всею землею Полскою и Литовскою, чтобъ далъ Богъ промежъ Государей былъ вѣковой миръ». И язъ имъ говорилъ: «мы хрестьяне вѣѣ тому ради, чтобы Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи съ Великимъ Государемъ съ Руделфомъ Цесаремъ и съ Великимъ Государемъ Стефаномъ Королемъ, серца ихъ вмѣстѣ были, и были бы въ братственной любви и въ соединеньѣ, и стояли бы на Турки и на Крымцы заодинъ, хрестьянская бы кровь не лилася, а бусурманская рука не высилася». И звалъ меня тутъ на ужину Индрикъ Дудичь, а на завтрее меня звалъ панъ Стефанъ Бѣлявскій, державецъ Городетцкій и староста Куконовскій; а говорили мнѣ, что Государи наши нынѣче въ мирномъ постановеньѣ, и намъ таково жъ промежъ себя пригоже любитися; и язъ у нихъ ѣлъ. А вездѣ пили чашу прежъ Государя нашего, а послѣ цесарскую чашу, а потомъ королев-

скую чашу; а меня сажали въ болшомъ мѣстѣ и честь мнѣ воздали великую. Да приходили ко мнѣ нарокомъ на подворье Янъ Конницкій да Индрикъ Дудичь, и говорили со мною наодинѣ, чтобъ Великихъ Государей серца были вмѣстѣ, и какъ выйдутъ премирные лѣта съ Королемъ Стефаномъ, и Великій бы Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи съ братомъ своимъ, съ Великимъ Государемъ съ Руделфомъ Цесаремъ, сослался, и чтобъ стали заодинъ на Короля Стефана, потому что Король Стефанъ сидитъ не на своемъ Государствѣ, а Государь Московскій и нашъ Государь Цесарь прироженые Государи, и довелось было то Государство промежъ себя роздѣлити. И язъ имъ отказалъ: «будетъ того похочетъ Великій Государь Руделфъ Цесарь, и онъ къ Великому Государю, къ брату своему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи съ послы своими или съ посланники о томъ отпишетъ, и тогды Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи къ брату своему къ Руделфу Цесарю о томъ отпишетъ, какъ тому мочно быть».

7095—1587.

Лѣта 7095 году, Апрѣля въ 1 день, писали ко Государю Царю и Великому Князю изъ Смоленеска бояре и воеводы, князь Тимоөей Романовичь Трубетцкой да Богданъ Юрьевичь Сабуровъ съ товарищи и дьяки, что пріѣхалъ въ Смоленескъ цесарской посланникъ Индрикъ Гойгель.

А се объ немъ отписка: «Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи холопи твои Тимошка Трубетцкой, да Богданко Сабуровъ съ товарищи, да Богданко Захаровъ да Смирноецъ Скобѣевъ челомъ бьютъ. Пріѣхалъ, Государь, къ намъ отъ Арханьила съ пристани съ сторожи земецъ Иванко Дерновъ Марта въ 29 день, а сказалъ, Государь, намъ, что пріѣхалъ на пристань человѣкъ, а имяни своего не сказалъ, а сказалъ ему, что идетъ къ тебѣ, ко Государю, цесарской гонецъ, а сталъ на Ясеной, отъ Смоленска четыре версты, лошадей кормить, а его де и прислалъ, велѣлъ про себя сказати. И мы, холопи твои, тотчасъ на пристань послали Смолнянина, сына боярского Ивана Полтева, а велѣли ему того дождатись, какъ пріѣдетъ гонецъ на пристань; и мы велѣли его спросити, кто именемъ, и которой земли, и отъ кого идетъ, и посланникъ ли или гонецъ, и почему онъ себя не обѣстилъ, и изъ Орши къ намъ объ немъ не писали. И того жъ, Государь, дни, пріѣхалъ къ намъ Иванъ Полтевъ, а сказалъ: на пристани онъ дождался гонца, и его, по нашему приказу, спрашивалъ, и онъ де, Государь, сказался посланникъ, а зовутъ его Индрикъ Гойгель, а идетъ деи къ тебѣ, ко Государю, отъ Цесаря отъ Руделфа да отъ брата его отъ Максимиліяна, а людей съ нимъ шесть человѣкъ, а лошадей съ ними нѣту, а шолъ до Смоленска на Литовскихъ подводахъ; и какъ деи онъ поѣхалъ изъ Литовскіе земли, и ѣхалъ твоею, государевою землею безъ отписки и безъ пристава, потому что деи ты, Государь, съ его Государемъ съ Цесаремъ въ любви и въ братствѣ, и онъ деи ѣхалъ твоею, государевою, землею, что и Государя своею цесаревою землею. И мы, холопи твои, велѣли его поста-

вити на пристани до тѣхъ мѣстъ, какъ пришлемъ его встрѣтити пристава. И того жъ, Государь, часу мы, холопи твои, послали къ нему въ приставѣхъ Ѳедора Потемкина съ дѣтми боярскими, а велѣли его везти съ пристани посолскою дорогою, и велѣли его поставити, взшедъ посадъ, на Везовнѣ; а приказали, Государь, Ѳедору, а велѣли его роспросити о всемъ, и нѣтъ ли съ нимъ какихъ Литовскихъ людеи. И того жъ, Государь, дни прїѣхалъ къ намъ Ѳедоръ Потемкинъ, а сказалъ, что онъ цесарского посланника до подворья проводилъ, и на подворье поставилъ и его розспрашивалъ, для чего онъ идетъ и отъ кого идетъ?—и посланникъ деи, Государь, ему сказалъ, что онъ идетъ къ тебѣ, ко Государю, отъ Цесаря отъ Руделфа да отъ брата его отъ Максимилїяна о добромъ дѣлѣ, а отпущенъ деи отъ Цесаря изъ города изъ Прага, тому шестая недѣля. Да Ѳедоръ же, Государь, ему говорилъ: прежнїе деи послы и посланники къ тебѣ, ко Государю, отъ Цесаря хаживали, и объ нихъ изъ Орши въ Смоленскъ писывали. И посланникъ деи, Государь, сказалъ: язъ деи о томъ державцу въ Оршѣ о отпискѣ не говорилъ для поспѣшенья, а шелъ деи язъ на Литовскую землю, а у пановъ деи у радъ не бывалъ; а шелъ деи, Государь, онъ твоею государевою землею, что Государя своего землею; а съ нимъ деи, Государь, Литвинъ Копышенинъ, для того чтобъ людемъ его было кѣмъ съ твоими государевыми приставы говорити, и безъ него де ему итти не мочно. И мы, холопи твои, тому Литвину велѣли у посланника побыти до твоего государева указу. А про твоихъ государевыхъ посланниковъ про Елизарья и про Захарья сказалъ, стоятъ въ Новѣгородкѣ, а ждутъ рады Полскоїі часа того; и какъ деи придетъ рада Полская и будетъ у Полскихъ и у Литовскихъ пановъ рада на Страсной недѣлѣ, и отпускъ деи посланникомъ тотчасъ будетъ; а еще деи, Государь, на Королевство не выбираютъ никакого до болшой рады, а болшая деи у нихъ рада будетъ Петровъ день; а говорятъ деи въ народѣ, что избираютъ Шветцкого, а на радѣ деи то слово не бывало. Да Индрикъ же деи, Государь, Ѳедору сказывалъ, что бьется Турской съ Кизылбашскимъ по три годы, и Кизылбашской деи у Турского побилъ много людей, а послѣдняя деи Государь, у нихъ битва была тому недѣль съ двѣнадцать, а убилъ деи на послѣдней битвѣ много людей, до ста тысячь. И Марта въ 30 день, приставъ Ѳедоръ Потемкинъ убился съ коня и руку вышибъ; и мы холопи, твои, велѣли у посланника быти въ приставѣхъ Дорогобуженину Ивану Елизарову сыну Неѣлову. А посланникъ, Государь, изъ Смоленска поидетъ Апрѣля въ 1 день, въ Субботу; а въ Дорогобужѣ, Государь, посланнику стояти до твоего государева указу».

И Царь и Великіі Князь велѣлъ отписати къ приставу къ Ивану Неѣлову, чтобъ онъ съ цесарскимъ гонцомъ шолъ къ Москвѣ, не мѣшкая, да и о всякихъ бы вѣстѣхъ у него провѣдалъ. И послана къ Ивану память такова:

«Память Ивану Неѣлову. Какъ къ тебѣ ся память придетъ, и ты бъ съ цесарскимъ гонцомъ съ Индрикомъ Гойгелемъ шелъ къ Москвѣ, не мѣшкая; а о томъ бы еси его именно роспросилъ: съ чѣмъ онъ идетъ ко Государю, Царю и Великому Князю отъ

Руделфа Цесаря и отъ его брата отъ Максимиліяна, и грамоты съ нимъ ко Государю есть ли, и опричь грамотъ рѣчь съ нимъ ко Государю есть ли, и какъ онъ ѣхалъ черезъ Литовскую землю, и для чего объ немъ изъ Орши въ Смоленскъ не писали, и у пановъ радъ Полскихъ и у Литовскихъ былъ ли, какъ онъ ѣхалъ черезъ Полскую и Литовскую землю, и грамоты у него проѣзжіе панскіе есть ли, и то онъ сказывалъ ли?—о томъ бы его еси роспрося подлинно, и провѣдавъ у него всякихъ вѣстей, съ чѣмъ онъ идетъ ко Государю отъ Руделфа Цесаря и отъ брата его Максимиліяна, и провѣдавъ у него всякихъ вѣстей, тотчасъ ко Государю отписалъ. А съ нимъ бы еси ѣхалъ ко Государю къ Москвѣ, не мѣшкая нигдѣ, и ѣхалъ съ нимъ бережно, чтобъ къ нему и къ его людемъ никто не приставалъ и не розговаривалъ ни о чемъ. А кормъ бы еси ему съ людми давалъ дорогою по Смоленской росписи; а будетъ чего ему мало корму, и ты бъ ему и сверхъ того прибавилъ корму, чтобъ ему и людемъ его въ корму дорогою нужи не было. А какъ съ нимъ пріѣдешь въ Можаескъ, и ты бъ тотчасъ изъ Можаіска ко Государю отписалъ, въ которой день съ нимъ почаешь быти къ Москвѣ, чтобъ Государю было вѣдомо. А быть бы тебѣ одноличпо къ Москвѣ въ Середу на ночь, и ты бъ одноличпо ѣхалъ съ нимъ къ Москвѣ, не мѣшкая. А Литовскихъ бы еси посланниковъ объѣхалъ ночью, чтобъ Литовскіе посланники его не вѣдали. А одноличпо бы тебѣ съ цесарскимъ гонцомъ быти къ Москвѣ напередъ Литовскихъ посланниковъ, хоти въ ночи, въ Середу къ Москвѣ тебѣ съ нимъ быти».

А се отписка ко Государю отъ пристава Ивана Неѣлова: «Государю, Царю и Великому Князю Θеодору Ивановичю всеа Русіи холопъ твой Иванецъ Неѣловъ челомъ бьетъ. Твои государевы бояре и воеводы князь Тимоθей Романовичь Трубецкой да Богданъ Юрьевичь Сабуровъ велѣли мнѣ, холопу твоему, быти у цесарского посланника у Индрика Гойгеля, и итти съ нимъ вмѣстѣ изъ Смоленска къ тебѣ, ко Государю. И язъ, холопъ твой, цесарского посланника Индрика роспрашивалъ: грамоты съ нимъ къ тебѣ, ко Государю, и опричь грамотъ рѣчи отъ Руделфа Цесаря и отъ брата его отъ Максимиліяна есть ли, и для чего къ тебѣ, ко Государю, идетъ, и для чего объ немъ изъ Орши въ Смоленескъ не писали, и у пановъ радъ Полскихъ и Литовскихъ былъ ли, какъ онъ ѣхалъ черезъ Полскую и Литовскую землю, и грамоты у него проѣзжіе панскіе есть ли? И сказалъ, Государь, мнѣ Индрикъ: грамота съ нимъ къ тебѣ, ко Государю, есть отъ цесарева отъ Руделфова брата Максимиліяна, а отъ Цесаря отъ Руделфа грамоты нѣтъ, а есть съ нимъ отъ Цесаря отъ Руделфа къ тебѣ, ко Государю, рѣчь, и у пановъ радъ Полскихъ и у Литовскихъ не былъ; грамотъ, сказалъ, панскихъ проѣжжихъ нѣтъ, и изъ Орши писма объ немъ не было, потому что деі Государь ихъ съ Литовскими людми въ совѣтѣ, и ѣхалъ деі черезъ Литовскую землю какъ и своею жъ землею, а былъ деі, Государь, онъ Индрикъ (въ) Варшевѣ не посланьемъ, проѣздомъ; а смотрилъ, сказалъ, чину, какъ Королева сѣла за столъ; а съ чѣмъ къ тебѣ, ко Государю, идетъ, того не сказалъ. Да тотъ же, Государь, цесаревъ посланникъ Индрикъ сказывалъ

мнѣ, холопу твоему: присылали къ ихъ Государю къ Цесарю Полскіе и Литовскіе паны рада Христопа Зборовского, да пана Рожновского да Петра Хоинского, а просятъ деи на Королевство Полское и на Литовское цесарева Руделфова брата Максимиліяна; и сказываетъ, Цесарь брата своего Максимиліяна на Литовское Королевство хочетъ пустить; и съ тобою деи, Государемъ, Цесарь и братъ его Максимиліянъ хочетъ братства и миру вѣкового. Да язъ же, Государь, холопъ твой спрашивалъ: Государю его Цесарю то въ вѣдомѣ ль, что отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ радъ къ тебѣ, ко Государю, посланники пошли? И онъ сказалъ: Цесарь и братъ его Максимиліянъ не вѣдаетъ, что мѣста далніе; а пошолъ, сказалъ онъ, къ тебѣ, ко Государю, отъ своего Государя отъ Цесаря въ Четвергъ, тому будетъ семь недѣль, въ Четвергъ на Вербной недѣлѣ. А подлинно, Государь, мнѣ, холопу твоему, того цесарского посланника роспросити не кѣмъ: по Русски онъ мало умѣетъ, а съ нимъ, Государь, толмачь Литовской, и Литовскимъ, Государь, толмачомъ язъ съ нимъ говорити не смѣлъ тебя, Государя; а со мною, Государь, онъ, Индрикъ, Литовскимъ толмачомъ говорити и самъ не хочетъ. И язъ, холопъ твой, съ цесарскимъ посланникомъ съ Индрикомъ пошолъ изъ Дорогобужа Апрѣля въ 4 день, за полчаса до вечера, и къ тебѣ, ко Государю, отпустилъ съ сею грамотою сына боярского Ивана Сакулина тотчасъ».

И Апрѣля въ 7 день, цесарской посланникъ Индрикъ къ Москвѣ пріѣхалъ и поставленъ въ городѣ на дворѣ архіепископа Ростовского, а встрѣтилъ его, по государеву наказу, за посадомъ Григорей Борисовъ сынъ Васильчиковъ, и въ приставѣхъ у него велѣно быти Григорью жъ; а наказъ ему данъ таковъ:

«Память Григорью Борисовичю Васильчикову. Встрѣтити ему цесарского посланника Индрика Гойгеля по Можайской дорогѣ у Дорогомилова, по сю сторону Москвы рѣки. А встрѣтя посланника, молвити рѣчь: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Θеодора Ивановича всеа Русіи и многихъ земель Государя приказные люди велѣли мнѣ тебя встрѣтить, и въ приставѣхъ у тебя быти и дворъ тебѣ указати». Да ѣхати съ цесарскимъ посланникомъ къ Тверской дорогѣ, мимо новой каменной городъ, въ Тверскіе ворота и Тверскою улицею, да въ Китаи городъ въ Неглименскіе ворота, да пожаромъ къ Ильинскому Хресцу, да Ильинскимъ Хресцомъ на Спасской на Суздалской дворъ, а ѣдучи къ посаду полемъ, и въ городъ ѣхати велѣти встрѣчникомъ по обѣ стороны. А пріѣхавъ съ нимъ на подворье, и проводивъ его въ хоромы, и устроя его и давъ кормъ, съ нимъ говоря по приказу, ѣхати Григорью ко Государю, а на дворѣ у посланника оставити пристава Ивана Неѣлова да Θедора Баламутова: тому быти у корму. А быти съ Григорьемъ у цесарского посланника для береженья дѣтѣмъ боярскимъ десяти человѣкомъ, и велѣти имъ по пяти человѣкъ жити по перемѣнамъ, на день да на ночь по пяти человѣкъ, и на дворъ тѣмъ дѣтѣмъ боярскимъ ко Государю съ нимъ ѣздити, и кормъ посланнику и его людѣмъ велѣти давати по росписи. А будучи Григорью у него, беречь велѣти накрѣпко того, чтобъ къ цесарскому посланнику и къ его людемъ никто никаковъ человѣкъ не приходилъ, Нѣмецъ, и Литвы и иныхъ иноземцовъ никаковъ чело-

вѣкъ, и съ посланникомъ и съ его людми ни о чемъ не розговаривали. ни о какихъ дѣлѣхъ; и дѣтѣмъ боярскимъ, которые съ нимъ туто приставлены, и сторожѣмъ заказати накрѣпко, чтобъ ко двору къ посланникову никто не подходилъ и съ посланниковыми людми не говорилъ нихто ни о чемъ; а будетъ кто придетъ къ посланникову двору Руской человѣкъ, или иноземецъ кто, Литвинъ или Нѣмчинъ, или иной какой иноземецъ, и учнетъ съ посланниковыми людми говорити, и имъ велѣти того поймати и прислати его въ посолской приказъ къ дьяку къ Андрею Щелкалову. А Литовского человѣка, которой съ нимъ прiѣхалъ, отвести отъ посланника въ которую избу, а посланнику цесареву говорити: «что съ нимъ, всякого для случея, Литовскому толмачю говорити не пригоже и тому человѣку Литовскому стоять съ тобою не пригоже, и ты со мною говори государевымъ толмачемъ о всякихъ дѣлѣхъ». Да роспросити, грамота съ нимъ отъ Цесаря отъ Руделфа есть ли, и опрочѣ грамоты рѣчи есть ли? да и о томъ роспросить, съ чѣмъ прислалъ его Государь ихъ, и о чемъ прiѣхалъ и о чемъ ему говорить будетъ передъ Государемъ опричь грамоты?-Да что съ нимъ поговоритъ, и Григорью о томъ, прiѣхавъ, сказати Государю, Царю и Великому Князю. А посланниковыхъ людей съ двора спущати не велѣти; а учнетъ посланникъ говорить, чтобъ его людей съ двора гулять пущать велѣть, и Григорью говорити ему, что еще онъ у Государя не бывалъ, и его людей гулять спущать непригоже, а какъ у Государя онъ будетъ, и ему и людемъ его тогды поволность будетъ. И будучи Григорью у цесарского посланника, провѣдывать: какъ нынѣ Цесарь съ Турскимъ Царемъ и какъ съ Королемъ Ишпанскимъ, и со Французовскимъ, и съ Чешкимъ, и съ Дацкимъ и съ Свѣйскимъ Королемъ, и послы къ Цесарю и посланники отъ нихъ приходятъ ли и съ чѣмъ приходятъ, и съ Турскимъ Царемъ нынѣ въ миру ли или не въ миру? и паны рада Полская и Литовская какъ нынѣ съ Цесаремъ, и послы отъ нихъ или посланники къ Цесарю бывали ли, и будетъ бывали, и что ихъ дѣло, и о чемъ къ Цесарю приходили и кого паны рада Полская и Литовская обираютъ себѣ на Королевство?—О томъ о всемъ, провѣдывая у посланника, сказывати Государю, Царю и Великому Князю. А будетъ цесарской посланникъ спроситъ: съ чѣмъ ко Государю, Царю и Великому Князю отъ пановъ радъ Коруны Полскiе и Великого Княжества Литовского посланники? и Григорью молвити: то вѣдаютъ государевы думные люди, а мы люди служилые, намъ того нельзя вѣдати, а еще Литовскiе посланники и у Государя не бывали. А нѣчто цесарской посланникъ спроситъ про Турского Салтана: какъ нынѣ Государь съ Турскимъ? и Григорью говорити: Турской Салтанъ съ Государемъ нашимъ въ ссылкѣ; присылалъ ко Государю нашему посланника своего Ибрагимъ Чауша о томъ, чтобъ Государь нашъ былъ съ нимъ въ миру и въ ссылкѣ; и Государь нашъ посланника его къ нему отпустилъ, а своего съ нимъ человѣка никакого не послалъ, потому что Кизылбашкой Шахъ противъ Турского стоитъ и бьется съ нимъ многое время, а ко Государю нашему Кизылбашкой присылалъ съ великимъ моленьемъ и съ прошеньемъ, чтобъ его Государь нашъ къ себѣ въ любовь принялъ и людей своихъ Астороханского Госу-

дарства съ нимъ противъ Турского стоять велѣлъ заодинъ, а Шахъ Кизылбашской хочетъ быти во всей государской волѣ. А нѣчто посланникъ спроситъ про Крымского, какъ Государь съ Крымскимъ Царемъ и какъ Ногаи съ Государемъ?— и Григорью говорити: Крымской Исламъ-Гирѣй Царь со Государемъ нашимъ, съ Царемъ и Великимъ Княземъ, въ ссылкѣ; и сее осени присылалъ ко Государю нашему Исламъ-Гирѣй Царь въ гонцѣхъ своего ближнего человѣка Исѣя князя о томъ, чтобъ Государь нашъ Магметъ-Кирѣева царева сына Муратъ-Кирѣя Царевича на Крымъ не отпущалъ и его Ислама Царя съ Крыму не согналъ; а онъ со Государемъ хочетъ быти по его государевѣ волѣ, какъ годно Государю нашему, и на государевыхъ недруговъ хочетъ со Государемъ нашимъ стояти заодинъ. А старого Крымского Царя Магметъ-Кирѣвы дѣти: Саадетъ-Кирѣй Царь, что былъ на Крымѣ послѣ отца своего Царемъ, да Муратъ-Кирѣй Царевичь, что былъ Калга, да Сафа-Кирѣй Царевичь прiѣхали ко Государю нашему въ службу, а Царевичь Муратъ-Кирѣй и былъ у Государя нашего на Москвѣ, а поѣхалъ въ Асторохань. А нынѣ они всѣ живутъ въ Государя нашего отчинѣ въ Асторохани, а съ ними Крымскіе Князи и мурзы и улусные многіе люди, да съ ними жъ Ногайскіе мурзы: Арасланъ мирза, Дивѣевъ сынъ, да Ханъ мирза Казыевъ сынъ, да Ибрагимъ мирза Исуповъ, да Баранъ-Газы мирза Шейдяковъ и иные многіе мирзы Ногайскіе съ своими улусы, до сорока тысячь, кочюютъ у Государя нашего отчины, у Асторохани по Крымской сторонѣ, и всѣ Государю нашему служатъ, и въ Асторохань ко государевымъ воеводамъ ѣздятъ, и заклады подавали Государю нашему, своихъ дѣтей мурзы присылали въ Асторахань, жити имъ у Государя нашего на Москвѣ. И сего лѣта, отпустилъ Государь нашъ Муратъ-Кирѣя Царевича въ Асторохань, а съ нимъ воеводъ своихъ и ратныхъ людей многихъ съ вогненымъ боемъ, для того: которые далніе Ногаи, Якши-Саатъ Князь и Черкасы далніе Государю нашему были непослушны, а жили въ Турского въ Салтановѣ имяни подъ Азовомъ, и тѣхъ велѣлъ Государь воевати и въ свою волю привести; а которые орды тое страны приложились къ Асторохани: Царь Шевкалской, и Князь Тюменской, и Кумытцкой, и Черкасы горскіе и Иверская земля, тѣхъ всѣхъ велѣлъ Государь укрѣпити болшимъ укрѣпленьемъ, къ вѣрѣ ихъ привести и заклады у нихъ поимати дѣтей и братью велѣлъ. И нынѣ Муратъ-Кирѣй Царевичь, прiѣхавъ съ Москвы въ Асторохань, всѣхъ тѣхъ укрѣпилъ со государевыми воеводами, и на государеву службу, куды велитъ самимъ ходити и людей своихъ посылати, сколко коли Государь велитъ, и имъ по тому быти во всей государевѣ волѣ. А Ногаи Заволжскіе всѣ, Урусъ Князь и всѣ мурзы въ государевѣ волѣ и свыше прежнего и на государеву службу ходятъ, сколко имъ коли Государь велитъ. А нѣчто спроситъ про Свѣйского, какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Свѣйскимъ?— и Григорью говорити, что Свѣйской Король нынѣ присылалъ ко Государю нашему гонца своего бити челомъ о миру, и Государь нашъ велѣлъ съ нимъ сослатись Новгородцкимъ намѣстникомъ; и Новгородцкіе намѣстники, сослався на рубежъ, взяли перемирье съ Свѣйскою

землею на четыре годы; и то: Свѣйской Яганъ Король, забывъ прежнее докончанье съ Новгородцкими намѣстники, Государю нашему учинился непослушенъ и городы у Государя нашего поималъ въ то время, какъ Государю нашему была война съ Литовскимъ Королемъ. И объ иныхъ дѣлѣхъ говорити Григорью, смотря по дѣлу, какъ будетъ пригоже. И о всемъ Григорью, будучи у цесарскаго посланника, государева дѣла беречи по государеву наказу».

И Апрѣля въ 9 день, Царь и Великій Князь велѣлъ цесарскому посланнику быти въ посолской полатѣ у дьяка Андрея Щелкалова и роспросити его, отъ кого онъ пришолъ и съ чѣмъ, и какимъ обычаемъ шолъ черезъ Литовскую землю, и у пановъ радъ былъ ли?

И того дни, цесарской посланникъ Индрикъ Гоіигель былъ въ посолской палатѣ у дьяка у Андрея Щелкалова, и по государеву приказу Андрей его спрашивалъ, отъ кого онъ пришолъ и къ кому, ко Государю ль, Царю и и Великому Князю, или къ его, государевымъ, бояромъ и къ приказнымъ людемъ? и будетъ пришолъ ко Государю, и грамоты съ нимъ есть ли, и рѣчь ему что говорити приказано ль, и какъ онъ шелъ черезъ Литовскую землю, и у пановъ радъ былъ ли, и грамоты къ паномъ радамъ отъ Цесаря были ль, и будетъ, были, и о чемъ Цесарь къ паномъ радамъ писалъ? и какъ онъ пошолъ въ государеву землю изъ Орши, и для чего объ немъ Оршанской державецъ въ Смоленескъ ко государевымъ воеводамъ не писалъ?

И цесарской посланникъ Индрикъ Гоіигель сказалъ: послалъ его ко Государю, Царю и Великому Князю Государь его Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской, Руделфовъ цесаревъ братъ, съ вѣдома Руделфа Цесаря, братцкою любовью напоминатись и о томъ поизвѣстить, что братъ его Руделфъ Цесарь ко Государю нынѣ пословъ своихъ, а ни посланниковъ не послалъ, что зашли его иные великіе дѣла, и онъ повелилъ послати ко Государю брату своему Максимиліяну Арцыкнязю о любви о братцкой, и Максимиліянъ его съ тѣмъ ко Государю и послалъ. И грамоты, сказалъ, съ нимъ есть отъ Максимиліяна ко Государю, Царю и Великому Князю и ко государевымъ ближнимъ людемъ, и рѣчью съ нимъ приказъ ко Государю отъ Максимиліяна есть же; и Государь бы его пожаловалъ, велѣлъ свои государскіе очи видѣть. Да подалъ Андрею три грамоты: одна, сказалъ, къ боярину къ конюшему къ Борису Ѳедоровичю Годунову, а двѣ грамоты къ Андрею да къ Василью Щелкаловымъ. А отъ Руделфа Цесаря, сказалъ посланникъ, грамоты съ нимъ нѣтъ.

Да цесарской же посланникъ подалъ дьяку Андрею камень, сказалъ: зовутъ его безваръ; послалъ деи тотъ камень ко Государю и Великому Князю Государь его Максимиліянъ, взявъ изъ казны отца своего, какого у Цесаря и у него Максимиліяна въ казнѣ такого не осталося; а имѣетъ силу и лечбу великую отъ порчи.

И дьякъ Андреій Щелкаловъ спросилъ посланника: какъ онъ шелъ черезъ Литовскую землю, и у пановъ радъ былъ ли? И посланникъ сказалъ: шелъ онъ черезъ Литовскую землю по прежнему обычаю и пропускали его вездѣ безъ задержанья, а у пановъ радъ у Полскихъ и у Литовскихъ онъ ни у кого не бывалъ, и

грамотъ съ нимъ отъ Цесаря и отъ Максимиліяна къ нашомъ радамъ не было, и зацѣпки ему въ дорогѣ въ Литовской землѣ нигдѣ не было, шелъ невозбранно; а изъ Орши объ немъ въ Смоленескъ не писали потому, что онъ шелъ прямо дорогою, Орши не займуя.

И дьякъ Андрей Щелкаловъ тѣ его рѣчи сказывалъ съ бояры Государю, а гонца отпустилъ на подворье.

А се переводъ съ Максимиліяновы грамоты Арцыкнязя Аустрѣйского къ боярину и ко конюшему къ Борису Өедоровичу Годунову. «Максимиліянъ, Божіею милостію Архіарцукъ Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Стырскій, Каратынскій, Краинскій и Вертемборскій, Графъ Апзбурскій и Тирольскій. Дражайшій, опричонно любителной! Извѣстно тебѣ будетъ изъ нашего писанія, которое мы послали къ вашему любителному пріятелю, къ Великому Князю, и о которыхъ дѣлѣхъ къ Его Любви пишемъ, и мы въ томъ однолично чаемъ, что опричинно дружбы и къ прибавленью нашего пріятелства ничего не ищешь. И ты бъ съ своей стороны къ лутчему пособствовалъ, и насъ въ томъ не оскорбилъ. А въ томъ ты, началной у Его Любви, также тѣмъ землямъ и людемъ тѣмъ прибыль учинишь. А мы, по нынѣшнему времени, хотимъ противъ васъ милость своею показати». Дана въ королевскомъ городѣ въ Прагѣ Февраля въ 17 день, лѣта 1587. А на подписи у грамоты пишетъ: «тому дражайшему нашему опричинно любителному Борису Өедоровичю, нашего дружного любителного Государя пріятеля Царя и Великого Князя и всеа Русіи началному, тайные думы думцу и властелю, конюшему и намѣстнику Казанскому».

А се переводъ съ Максимиліяновы Арцыкнязя Аустрѣйского грамоты къ дьяку къ Андрею Щелкалову; а къ Василью Щелкалову грамота писана такова жъ: «Максимильянъ, Божьею милостіею Архіарцокъ Аустрѣйскій, Арцокъ Бургунскій, Стырскій, Краинскій и Вентемборскій, Графъ Апсбурскій и и Тиролскій. Избранной, любителной! Извѣстно тебѣ будетъ изъ нашего писанія, которое мы писали къ нашему любителному пріятелю, къ Великому Князю, и о которыхъ дѣлѣхъ мы къ Его Любви пишемъ, и мы въ томъ на него однолично надѣемся, что отъ Его Любви не отречены, развѣе въ любви прибавленья нашего въ соединеньѣ ищемъ. И ты бъ о томъ по своему возможенью къ лутчему пособствовалъ и ни въ чемъ бы еси насъ въ томъ не оскорбилъ, а тѣмъ его землямъ и людѣмъ послужишь. А мы противъ того къ тебѣ впередъ по времени милость свою показати хотимъ». Дана въ королевскомъ городѣ въ Прагѣ Февраля въ 17 день, лѣта 1587. А пропись у грамоты написана: «Максимиліянъ».

И Апрѣля въ 20 день, въ Четвергъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ цесарскому посланнику быти на дворѣ у себя, Государя.

И того дни, цесарской посланникъ у Государя былъ, а посыланъ по него приставъ Григорей Василчиковъ да толмачь Олферъ Сѣверовъ. А какъ посланникъ пріѣхалъ ко Государю на дворъ, и сшелъ съ лошади противъ угла казенные полаты и шелъ мимо Благовѣщенья папертью. А Государь, Царь и Великій Князь въ тѣ

поры сидѣлъ въ подписной въ золотой полатѣ въ царскомъ платьѣ, а при Государѣ были въ полатѣ боярe и дворяне въ золотномъ платьѣ, а въ сѣнѣхъ, въ проходной полатѣ и по крыльцу дворяне, и дѣти боярскіе, и приказные люди и дьяки были въ золотномъ же платьѣ. А стрѣлцы стояли съ ручницами съ крыльца по середней лѣсницѣ и до Фроловскихъ воротъ, и отъ воротъ, Варварскимъ Хрестцомъ до подворья. А какъ цесарской посланникъ вшелъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударити околничей князь Борисъ Петровичь Засѣкинъ. И Царь и Великіі Князь звалъ посланника къ рукѣ. И посланникъ, бывъ у руки, правилъ Государю отъ Руделфа Цесаря поклонъ и поздравленье, а молвилъ: «Пресвѣтлѣйшіі и Велеможнѣйшій, Высокороженныіі Государь, Царь и Великіі Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкіі, Царь Казанскій и Асторохапскіі, Государь Псковскій и Великіі Князь Смоленскіі, Тверскій, Югоркій, Пермскій, Вятцкіі, Болгарскіі, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіі, Сибирскій, Резанскіі, Полотцкій, Бѣлскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскіі, Удорскіі, Обдорскіі, Кондиискіі! Напресвѣтлѣйшій и Велможнѣйшіі и напресилнѣйшіі Руделфъ Цесарь Римскій, Угорскіі, Чешскіі, Долматцкіі, Кроатцкіі, Шлявонскій и иныхъ, мой милостивый Цесарь и Государь извѣщаетъ Вашему Царскому Величеству, аки своему наболшему и многолюбителному пріятелю, брату и великому другу милостивное и пріятелское поклоненіе, съ радѣніемъ, и счастливое владѣнье, и многолѣтное здравье и побѣду на всѣ недруги ваши, и все доброе».

И Царь и Великіі Князь, ставъ, спросилъ о цесаревѣ здоровьѣ, а молвилъ: «братъ нашъ дражайшіі Руделфъ Цесарь, здорово ль»? И посланникъ сказалъ: «язъ поѣхалъ отъ своего Государя, и мой милостивой Государь Цесарь въ добромъ здоровьѣ.» А послѣ того посланникъ правилъ Государю поздравлепье отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, а молвилъ: «по повелѣнью Цесарского Величества, Пресвѣтлѣйшіі и Высокороженный Князь и Государь Максимиліянъ Арцыарцокъ Аустрѣйскіі, Арцокъ Бургунскіі, Стырскіі, Краинскій и Вертемборскій, Администраторъ высокого Маистрства Прускего въ Нѣметцкихъ и въ Италѣйской землѣ, Графъ Абзбурскіі и Тиролскій, мой милостивой Государь, извѣщаетъ Вашему Царскому Величеству, аки своему высоколюбителному пріятелю и брату, Вашему Пресвѣтлѣйшеству любителное братство и радѣтелную службу, елико можетъ, и многолѣтное здравье и счастливое владѣнье и побѣду на всѣ недруги ваши».

И Царь и Великій Князь, приподывся мало, спросилъ о Максимиліяновѣ здоровьѣ, а молвилъ: «Максимиліянъ здорово ль?» И посланникъ сказалъ: какъ онъ поѣхалъ отъ своего Государя, и Государь его Максимиліянъ въ добромъ здоровьѣ. И подалъ Государю посланникъ отъ Максимиліяна Арцыкнязя грамоту. И Царь и Великіі Князь грамоту велѣлъ у него приняти діяку Андрею Щелкалову.

И цесарскіі посланникъ говорилъ Государю отъ Цесаря и отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского рѣчь: «Цесарское Величество велѣлъ тебѣ, Великому Государю, говорити:

съ радостью милостивно поразумѣлъ Вашего Царского Величества государство доброе и счастливое владѣнье, и было наше хотѣнье къ Вашему Царскому Величеству единочиновныхъ великихъ пословъ послати, которые было прежнее пріятелство и союзная любовь и братство Его Цесарского Величества и Вашего Царского Величества высокохвалныхъ родителеіі въ соединеньѣ и въ укрѣпленьѣ укрѣпити и постановити; и нынѣ зашли его Цесарского Величества великіе многіе иные дѣла, и того для то посолство не сталось и не совершилось, и то дѣло нынѣ Его Цесарское Величество отставилъ на иное на невеликое время. А о томъ нынѣ къ высокодостоіінѣіішему, впресвѣтлѣйшему и высокорожденному Князю и Государю, Государю Максимиліяну, Архіарцоку Аустрѣйскому, моему милостивому Государю, Его Цесарское Величество любителной Государь, братъ писалъ и повелѣлъ такое великое дѣло, хвалное поизвѣстити и изъявити, и о томъ Вашему Царскому Величеству, аки своему высоколюбителному пріятелю и брату и великому другу Его Пресвѣтлѣйшеству, Государь моіі Максимиліянъ мнѣ, своему меншему слугѣ, велѣлъ извѣстити, что Его Княжское Пресвѣтлѣйшество уставленъ Администраторомъ и Владѣтелемъ высокохвалного Нѣметцкого чину въ Нѣметцкихъ и въ Италѣйскихъ земляхъ есть. Потому, Его Княжское Пресвѣтлѣйшество, по сему великому соединенью, и союзности, и пріятелству и братству, въ чемъ велеможнѣйшихъ Римскихъ Фредерика, Максимиліяна перваго, Фердинанда и Максимиліяна второго, блаженные памяти ихъ, съ Вашего Царского Величества Государемъ съ отцемъ съ прародителемъ вашимъ всегда были во всяко время и не съ одними Цесари Римскими, и съ иными стояли; и того для, не могли отставити Вашего Царского Величества, къ Вашему Царскому Величеству меня послали вамъ извѣстити, что Его Княжское Пресвѣтлѣйшество и до живота своего по тому жъ хочетъ, какъ при прежнихъ блаженныхъ родителѣхъ было, по тому жъ хочетъ быти и стояти одноличио умысля, и докончати хочетъ и о томъ радѣетъ о Вашемъ Царскомъ Величествѣ, и о землѣ, и о людѣхъ и о всемъ о возможномъ дѣлѣ пріязнь и любовь и доброту показати, пріятелно и братственно и любительно, у Вашего Царского Величества просити, чтобъ Ваше Царское, Величество на Его Княжское Пресвѣтлѣйшество въ такихъ дѣлѣхъ пособлялъ и себя подлинно обьявилъ къ братцкой любви. Что настоятельные земскіе чины Коруны Полскіе, совѣтовавъ, приговорили: будетъ имъ всѣмъ сьемъ Іюля 30 дня нынѣшнего 87 (году), для избранья иного Короля. А Ваше Царское Величество, какъ единъ высоко отъ Бога просвѣтивыіі и благословенныіі Монархъ и Властецъ, можешь наипаче вѣдати, что къ добру и къ прибытку Хрестьянству всему добрѣ было нужно: надобно единовѣрныіі праведныіі, богобоязливый, хрестьянскіі Король въ Полшѣ. Ты Государемъ будешь на Корунѣ Полскоіі и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, — и то нашему Государю Цесарю Пресвѣтлѣйшему и Государя нашего Цесаря брату Князю Аустрѣйскому, Максимиліяну таково жъ любо, что и за ними то Государство будетъ. А то Вашему Царскому Величеству гораздо вѣдомо есть, какъ по пособленью того злодѣя, искони вѣчного недруга всего Хрестьянства, нечестивого

кровопивца, собаки Турского, тотъ бывшей Король Полской Стефанъ, къ потоптанью хрестьянскому и ко много хрестьянскому кроволитію, посаженъ былъ, и по тому его владѣнью было безъ милости и отъ него многимъ сусѣдственнымъ землямъ неподѣлно многіе шкоды и бѣды чинились. А нынѣ многіе чиновные паны Полскіе къ Его Княжати и моему всемилостивому Государю писаньемъ своимъ, а иные посланники своими объявляли, а хотятъ Его Княжати Пресвѣтлѣйшества, мимо всѣхъ иныхъ, ко владѣнью на Королевство, и тѣмъ пристойнымъ землямъ на то имянованное время его позвати. И Вашему Царскому Величеству того въ отчаянье не отставати, на тотъ же именованный срокъ вашихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Полской послати. А о томъ до Вашего Царского Величества, аки къ своему любителному Государю пріятелю, брату и великому другу, Его Княжати Пресвѣтлѣйшество любителное умышленье и прошенье и хотѣнье, чтобы Ваше Царское Величество Его Княжати Пресвѣтлѣйшества къ опричинному любви съ тѣми своими послы наказали и прошати велѣли, чтобъ тѣ чиновные паны Полскіе любо Вашему Царскому Величеству на то Государство призвать похотѣли, или Его Княжати Пресвѣтлѣйшества Архіарцука Максимиліяна Аустрѣйского, моего милостивого Князя и Государя, мимо всѣхъ иныхъ, его призвати на Королевство и держати похотѣли. А Его Княжати Пресвѣтлѣйшество съ Вашего Царского Величества, также и вашимъ землямъ и людемъ дружную и братственную постоятелную любовь вѣчную держати хочетъ, также и тогды съ Вашимъ Царскимъ Величествомъ противъ всѣхъ вашихъ, обѣихъ Государей, недруговъ заодинъ стояти и въ единачествѣ и во укрѣпленьѣ быти хочетъ. Да и братъ Княжати, Цесарское Величество хочетъ съ тобою всякую любовь докончать и утвердить на всякого недруга заодинъ. Да и зять ихъ Филипъ Король Ишпанской будетъ съ твоимъ Царскимъ Величествомъ, вмѣстѣ съ Цесарскимъ Величествомъ, ввобче на всякого недруга заодинъ. А Ваше Царское Величество можетъ на то надеженъ быти отъ Его Княжаты Пресвѣтлѣйшества, чего похотите искати у Коруны Полскіе, и за то не постоитъ. Да бью челомъ именемъ Его Княжати Пресвѣтлѣйшества, моего милостивого Князя и Государя Вашему Царскому Величеству въ покорности, чтобъ Ваше Царское Величество милостивно наскоро велѣли съ добрымъ отвѣтомъ отпустити назадъ, о чемъ къ Твоему Царскому Величеству мой Пресвѣтлѣйшій милостивый Князь и Государь писалъ и словомъ наказалъ».

И какъ посланникъ рѣчь изговорилъ, и послѣ того являлъ Государю отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского поминокъ, камень безваръ, околничей князь Борисъ же Петровичь Засѣкинъ.

И Государь, Царь и Великій Князь принять велѣлъ камень діяку Андрею Щелкалову. И велѣлъ Государь посланнику сѣсти на скамейкѣ противъ себя; а скамейка была какъ и Литовскимъ посланникомъ. Да звалъ Государь къ руцѣ Максимиліяновыхъ дворянъ, которые съ посланникомъ. И посидѣвъ мало, являлъ поминки отъ посланника околничей князь Борисъ же Петровичь Засѣкинъ; а что поминковъ, тому

писмо на казенномъ дворѣ у казначеевъ.

И Царь и Великіій Князь велѣлъ посланнику сказати, въ стола мѣсто кормъ дiяку Андрею Щелкалову. И велѣлъ Государь посланникомъ ѣхати на подворье.

А се переводъ съ грамоты ко Государю цесарева брата Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского:

« Мы Максимиліянъ, Божьею милостію Арцыарцукъ Аустрѣйской, Бургунской, Стырской, Карніолской, Краинской и Вертемборской, Графъ Апзборской и Тиролской обьявл(я)емъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Князю и Государю Ѳеодору Ивановичю, Владѣтелю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Царю Казанскому и Асторохавскому, Государю Псковскому и Великому Князю Смоленскому, Тверскому, нашему опричевно любителному пріятелю и другу наша дружная и пріятелная служба, и что мы возможемъ въ любви добро чинить и впередъ. Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Князь, опричевно любителный Государь и другъ! Потому что мы надѣемся на великое твое пріятелство и дружбу въ чомъ тѣ велеможные Римскіе Цесари, наши отцы и дѣды и прародители, Цесарь Фредерикъ, Максимиліянъ первой, Цесарь Фердинандъ и Максимиліянъ второй, нашъ любителной отецъ блаженные памяти, съ Вашіе Любви Государемъ и отцомъ твоимъ и прежнихъ вашихъ прародителей всегды и по всяко время стояли, и мнѣ то нынѣ въ настоящіе лѣта извѣстно стало, и мы нынѣ, съ Божьею милостію, учинились Администрато(ро)мъ и Властелемъ того хвалного Нѣметцкого чину;— и мы того оставити не могли, нашіе и вашіе любви напоминаючи, хвалныхъ прародителей своихъ пріятелскіе и хвалные дружбы и любви; и по томъ бы Вашей Любви вѣдомо было дополна, что мы съ своей стороны по тому жъ хотимъ въ той же дружбѣ и въ любви стояти по свою смерть. И о томъ мы, съ своимъ великимъ радѣньемъ и хотѣньемъ, къ Вашей Любви хотимъ о томъ дѣлѣ радѣти и тѣмъ землямъ во всякихъ возможныхъ дѣлѣхъ всякіе дружбы сердцемъ своимъ и животомъ по тѣмъ настоящимъ дѣломъ показати, и отъ Вашіе Любви и хотѣнья намъ разумно было, чтобъ Вашей Любви вѣдомо было въ томъ, въ чомъ мы къ Вашей Любви добра хотимъ, и Вашей Любви дружнѣ бьемъ челомъ, чтобъ Вашей Любви о томъ не подосадовалъ и намъ бы о томъ извѣстилъ: что Вашей Любви о томъ хотѣніе отъ насъ? И тогды тебѣ наше хотѣнье во всякомъ добромъ наше объявлено будетъ, и свыше того увѣдаешь, что къ Вашей Любви и къ тѣмъ именованнымъ землямъ и людемъ всякой дружбѣ сердцемъ и животомъ своимъ по всяко время искати у насъ и надежны будутъ. Да Вашей Любви начаюсь, что тебѣ вѣдомо есть, что настоятели земскіе Королевства Полского нового Короля обираютъ, а къ тому безъ отчаянія нынѣшнее Римское Цесарское Величество, нашъ милостивый и любителный Государь и братъ пословъ пошлетъ, и таково Королевство наше высокохвалное насъ, Аустрѣйского Князя, искати учнутъ: и тогды, какъ пригоже, Вашей Любви, и тѣмъ землямъ и людемъ о такомъ дѣлѣ радоватись. А о томъ мы начаемся, что не токмо мы будемъ вѣрны и прямымъ сусѣдомъ, а надежа мнѣ будетъ, что буду язъ тебѣ по всяко время братъ и

всякіе у насъ будуть братственные дѣла въ докончалной любви. Также учини вашу любовь единочесно и собѣ самую великую хвалу, чтобъ къ такому избранному сроку отъ тебя посланы были великіе послы, и съ ними вмѣстѣ таково жъ Цесарского Величества хотѣнья послы будутъ, а опричено того иныхъ не будетъ; что мы отъ тѣхъ настоятелевъ приняты, избраны мы будемъ, и Ваше бы конечно о томъ возможно порадѣли, о чемъ мы Вашеі Любви о томъ радѣемъ и бьемъ челомъ, что то наше истинное княжеское объявленье и сказаніе, что мы хотимъ противъ Вашеі Любви и твоимъ землямъ и людемъ добродѣтель показати для Вашей Любви и радѣнья и пособленья, а толко вамъ въ томъ вѣры не яти будетъ. А вдружнѣ воспоминаю Вамъ, чтобъ еси намъ о томъ съ нашимъ посланникомъ отвѣтъ вскорѣ дати велѣлъ, и его отпустити къ намъ, не задержавъ, велѣлъ, а къ намъ о томъ дружнѣ съ нимъ отписати велѣлъ. Всемогущій Богъ воздержи васъ во всякомъ счасливомъ и спасителномъ пребываніи!» Писана въ королевскомъ городѣ Прагѣ, Февраля мѣсяца, лѣта 1587. А въ исподи у грамоты припись рука его:« Вашеі Любви добродѣтелной пріятель и другъ Максимиліянъ.»

И Апрѣля въ 30 день, Царь и Великіі Князь Θедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ цесарскому посланнику быти на дворѣ у себя Государя на отпускѣ.

И того дни, посланникъ у Государя былъ; а пріѣздъ его на дворъ ко Государю былъ по прежнему, какъ и на пріѣздъ. А какъ посланникъ вшелъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударити околничеі князь Борисъ Петровичь Засѣкинъ. И посланникъ билъ челомъ Государю на его государевѣ жалованьѣ, на корму. И Царь и Великіі Князь велѣлъ цесарскому посланнику сѣсти на скамейкѣ по прежнему, и подавалъ Государь посланнику меды красные въ золотыхъ ковшѣхъ и въ чаркахъ.

А послѣ того, говорилъ отъ Государя посланнику діякъ Андреі Щелкаловъ рѣчь, а молвилъ: «Божіею милостію, Великіі Государь, Царь и Великіі Князь Θедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ еси къ намъ отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего Руделфа Цесаря и отъ брата его Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, и которые рѣчи говорилъ еси намъ отъ брата нашего дражайшего отъ Руделфа Цесаря и отъ брата его Максимиліяна Арцыкнязя, и что къ намъ Максимиліянъ съ тобою въ грамотѣ въ своеі писалъ, и мы то все выслушали. И нынѣ тебя отпускаемъ къ брату нашему къ Руделфу Цесарю и къ Максимиліяну Арцыкнязю; а съ тобою посылаемъ къ брату нашему дражайшему къ Руделфу грамоту, а къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому посылаемъ съ тобою грамоту жъ, и о всѣхъ дѣлѣхъ писали есмя къ нимъ въ своихъ грамотахъ».

И подалъ діякъ Андреі Щелкаловъ посланнику грамоты, а Царь и Великіі Князь приказалъ къ Цесарю поклонъ, вставъ, а молвилъ: «Индрикъ! какъ будешь у брата нашего дражайшего у Руделфа Цесаря, и ты ему отъ насъ поклонися». А къ Максимиліяну Государь приказалъ поклонъ, мало приподывся, а молвилъ: «брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря брату Максимиліяну

Арцыкнязю Аустрѣйскому отъ пасъ поклонися». Да звалъ Государь посланника къ руцѣ; а послѣ посланника, звалъ Государь къ руцѣ дворянъ, которые съ посланникомъ. И велѣлъ Государь діяку Андрею Щелкалову сказати посланнику въ стола мѣсто кормъ. И того дни, посланника Государь и отпустилъ.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Руделфу Цесарю съ посланникомъ ихъ съ Индрикомъ: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлыйі и Крайнііі Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божьею милостію, избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долмацкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Люцемборскому вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланграбѣ Алсицкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсацкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Пріѣзжалъ къ нашему Царскому Величеству посланникъ вашъ Индрикъ Гойгель и говорилъ нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего и любезнѣйшаго Руделфа Цесаря, рѣчью, что было твое хотѣнье къ нашему Царскому Величеству о добромъ дѣлѣ и для нашего поздравленья объявити, и о томъ еси, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, намъ поздравляешь, и о томъ радостенъ еси, что мы, по отца своего благословенью, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, сѣли на своихъ Государствахъ и сидимъ счастливо на своихъ Государствахъ. И то доброе дѣло, которое было прежъ сего при отцѣ нашемъ, блаженные памяти при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при отцѣ твоемъ при Максимиліанѣ Цесарѣ, и межъ прежнихъ нашихъ, межъ дѣдомъ нашимъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ и съ дѣдомъ съ вашимъ съ Фердинандомъ и съ Максимиліаномъ Цесаремъ учинено въ братственной любви и въ докончаньѣ,—и то было дѣло нынѣ пріятелно укрѣпити и по-

становити, какъ бы намъ съ тобою, братомъ нашимъ, быти въ братственной любви и въ соединеньѣ на всякихъ нашихъ недруговъ заодинъ: и тебѣ, брату нашему дражайшему Руделфу Цесарю, своихъ великихъ пословъ послати было нынѣ къ намъ вскорѣ невмѣстно, что тебя брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря зашли многіе дѣла; а хочешь инымъ временемъ къ намъ слати своихъ великихъ пословъ о добромъ дѣлѣ говорити и доброе дѣло постановить. А нынѣ поволилъ еси, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, брату своему Максимиліяну Архіарцуку, Князю Аустрѣйскому къ намъ послати посланника своего Индрика и съ нимъ нашему Царскому Величеству говорити. И въ грамотѣ своей къ намъ братъ твой Максимиліянъ писалъ, изъявляючи нашему Царскому Величеству, что нынѣ онъ, Божьею помочью, Администраторомъ и Властелемъ Нѣмецкого чину учинился. И такіе прежніе дѣла великіе, какъ были при отцѣ нашемъ, блаженные памяти при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, и при отцѣ вашемъ Максимиліянѣ Цесарѣ и при прародителѣхъ нашихъ были всякіе прежніе добрые дѣла, и стояли по всяко время въ крѣпкой и въ братцкой любви и въ докончаньѣ; и ты, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, и братъ твой Максимиліянъ Князь тѣ добрые дѣла, какъ были съ отцомъ нашимъ, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи и съ вашимъ отцомъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, въ ссылкѣ и въ любви; и ты, братъ нашъ дражайшій, и братъ твой Максимиліянъ Князь нынѣ съ нами по тому жъ хотите быти въ любви и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ, и о томъ радѣете. И братъ твой Максимиліянъ Князь Аустрѣйской о томъ къ нашему Царскому Величеству писалъ и посланникъ вашъ намъ отъ брата твоего Максимиліяна говорилъ, чтобъ мы въ такомъ въ великомъ дѣлѣ пособляли братцкою любовью: что нынѣ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Стефана Короля не стало, и Коруны Полскіе паны, совѣтывавъ, приговорили, что будетъ у нихъ сьемъ Іюня 30 дня нынѣшняго 87 (году), для обранья иного Короля; и нашему бъ Царскому Величеству къ тѣмъ землямъ къ такому къ доброму дѣлу и къ прибытку Хрестьянству порадѣти. Будетъ насъ оберутъ за Государя на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское, и тебѣ, брату нашему дражайшему Руделфу Цесарю и брату твоему Максимиліяну Князю Аустрѣйскому то любо будетъ. А многіе чиновные паны Полскіе къ брату твоему къ Максимиліяну Князю писали, а иные посланниковъ своихъ присылали и то объявляли, что хотятъ его на тѣ Государства, на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское, и на то имянованное время хотятъ его позвати. И нашему бъ Царскому Величеству того безъ отчаянія не оставити, и на тотъ бы имянованной срокъ нашему Царскому Величеству послати своихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Полской; и наше бы Царское Величество любително брата твоего Максимиліяна прошати велѣлъ и съ ними бы о томъ наказати, чтобъ паны Полскіе на тѣ Государства нашего Царского Величества похотѣли,

или бъ его, Пресвѣтлѣйшего, брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского похотѣли на тѣ Государства, и его прошали и учинили себѣ за Государя; а мимо нашего Царского Величества, или брата твоего Максимиліяна Князя, иного на тѣ Государства никого не прошали. А ты, братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, и братъ твой Максимиліянъ Князь Аустрѣйской и зять твой Филипъ Король Ишпанской будете съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ и въ докончаньѣ въ крѣпкомъ, и укрѣпитеся на всякого недруга заодинъ, а именно бы намъ стоять всѣмъ на Турского Салтана. И мы тебя, брата своего дражайшего и брата твоего Максимиліяна Князя посланника Индрика Гойгеля приняли съ великою любовью, и рѣчь отъ тебя, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря и отъ брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского рѣчи и грамоту брата твоего выслушали съ великою любовью; и съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, Руделфомъ Цесаремъ и съ братомъ съ твоимъ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ быти въ докончаньѣ хотимъ, да и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ въ братствѣ, и въ дружбѣ, и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на всякихъ недруговъ быти хотимъ, и на Турского, и на Крымского, и на всѣхъ бусурманъ стояти хотимъ. Да и отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ отцу вашему къ Максимиліяну Цесарю о томъ и неоднова писалъ съ послы и съ посланники, чтобъ стояти на Турского, и на Крымского и на всѣхъ бусурманъ заодно всѣмъ намъ, хрестьянскимъ Государемъ, чтобъ надъ бусурманы хрестьянская рука высилась. А для нынѣшнего болшого дѣла, по вашей присылкѣ любителной къ намъ, что намъ отъ тебя, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря и брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского говорилъ посланникъ вашъ Индрикъ, чтобъ намъ для королевского обиранья на срокъ Іюня 30 дня послать великихъ своихъ пословъ, и тѣмъ промышлять, чтобъ, на тѣ великіе Государства на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское любо насъ себѣ обрали за Государя, любо брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского обрали себѣ за Государя на тѣ великіе Государства. И намъ было и посылать пословъ своихъ непригоже: мы ужъ своими посланники Елизарьемъ Ржевскимъ и дьякомъ Захарьемъ Свіязевымъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского пановъ радъ и все рыцерство о обираньѣ кралевскомъ напоминали, по ихъ къ себѣ присылкѣ; да по нынѣшней твоей, брата твоего присылкѣ къ намъ, для своего и вашего для дѣла вобчего, что ко всему хрестьянскому къ покою и къ прибытку вѣчному, посылаемъ своихъ пословъ великихъ къ тому сроку на элекцію *, наказавъ съ ними о всякихъ дѣлѣхъ, что Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского паны радные и все рыцерство обрали за Государя насъ на тѣ Государства, или брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского обрали себѣ за Государя на тѣ Государства.

* Въ подлинникѣ, здѣсь и далѣе: «олекцѣю».

И будетъ насъ оберутъ на тѣ Государства, и мы, будучи на тѣхъ великихъ Государствахъ, съ тобою, братомъ нашимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ Руделфомъ Цесаремъ и съ братомъ твоимъ съ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ будемъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на Турского и на всякого недруга заодинъ; также будемъ и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ въ братствѣ и докончаньѣ, и на Турского и на всякого недруга заодинъ. А будетъ на тѣ на великіе Государства на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское оберутъ за Государя себѣ брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского, и намъ то любо будетъ таково жъ, какъ бы и за нами тѣ Государства будутъ, какъ тѣ Государства будутъ за братомъ твоимъ за Максимиліяномъ Княземъ. А ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, и братъ твой Максимиліянъ Князь и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской былъ съ нами по тому жъ въ братцкой любви и въ соединеньѣ, и на Турского и на всякихъ нашихъ и вашихъ недруговъ стоять учнемъ заодинъ. А Шахъ Кизылбашской Перситцкого Государства и Царь Бухарской и со многими съ иными Государствы, что есть подъ Востокомъ, будутъ съ нами въ докончаньѣ и стояти съ нами будутъ заодинъ на Турского. А многіе Государства: Юргенской Царь, и Хивинской Царевичь, и Шевкалской Князь, и Иверская земля, Царь Александръ Грузинской, и Тюменское Государство, и Опотцкая земля, и Горскіе Князи, и Черкасская земля, Кабардинскіе и Абазинскіе и Ногаїскіе орды за Волгою и межъ Волги великіе и Дону, тѣ всѣ земли приложились къ нашему Государству къ Астороханскому; а Царь бывшеії, что былъ на Крымѣ Царемъ, Царь Саадетъ-Кирѣїі, Магметъ Кирѣевъ царевъ сынъ и Царевичь Муратъ-Кирѣїі, что былъ на Крымѣ Калгою, и братъ ихъ Царевичь Сафа-Кирѣїі, со многими съ Крымскими людми и съ Ногаїскими, съ Дивѣевымъ улусомъ пріѣхали на наше имя намъ служить, а живутъ нынѣ въ нашеії отчинѣ въ нашемъ Государствѣ въ Асторохани, а всѣ утвердились въ нашемъ царскомъ жалованьѣ, и хотятъ всѣ стояти съ нами противъ Турского. И о томъ семя о всемъ послали своихъ великихъ пословъ на элекцію, и съ ними о всемъ подлинно наказали о тѣхъ дѣлѣхъ говорити и становить съ паны радами съ Полскими и съ Литовскими и со всѣмъ рыцерствомъ, и о томъ промышлять хотимъ, чтобъ, далъ Богъ, мимо насъ, или мимо брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского, тѣ великіе Государства Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, никого иного мимо насъ, себѣ Государя на тѣ Государства не обрали, и о томъ семя своимъ великимъ посломъ, которыхъ отпущаемъ на элекцію, наказали; а велѣли о всякихъ о тѣхъ дѣлѣхъ промышляти, ссылаясь съ вашими послы собча заодинъ. А ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, своихъ великихъ пословъ на тотъ же срокъ на элекцію послалъ, и съ ними по тому жъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ наказалъ подлинно о всемъ, и съ нашими послы о всемъ ссылатись велѣлъ, какъ будетъ пригоже, чтобъ нашимъ посломъ было дѣло твоихъ пословъ въ вѣдомѣ, а твоимъ бы посломъ нашихъ пословъ дѣло было въ вѣдомѣ, чтобъ обоимъ, нашимъ и твоимъ

посломъ промышлять собча, нашимъ и твоимъ дѣломъ и брата твоего Максимиліяновымъ Княжимъ Аустрѣйского дѣломъ заодинъ промышлять. А впередъ, ожъ дастъ Богъ, тѣ великіе дѣла межъ насъ, послы твои великіе будутъ у насъ, а наши послы великіе у тебя, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, будутъ, и докончанье старое и новое закрѣпятъ и утвердятъ, и будемъ, всѣ обще на Турского и на всякихъ недруговъ стоять заодно.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7095, Апрѣля мѣсяца».

А се такова грамота другая послана отъ Государя къ Цесарю: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всея Русіи Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторoccханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божіею милостію, избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долмацкому, Кроатцкому, Шлявонскому, и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Маргрaфу Муравскому, Князю Люцембурскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланграбѣ Алсицкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Приходили къ намъ съ Восточные страны хрестьянского Государства, изъ Иверскіе земли отъ Александра Князя Иверского послы, а били челомъ намъ отъ Александра Князя, чтобъ намъ его пожаловати, взяти подъ свою Царскую руку и его землю, и держати его въ оборонѣ отъ Турского и ото всѣхъ недруговъ. И съ тѣми послы Иверскими пришелъ въ наше Государство твоей, брата нашего области, Цесарскіе земли человѣкъ Анца, ратманъ Бреслова города; а былъ, сказалъ, въ полону въ Турской землѣ нѣколко лѣтъ, и тамъ отработался, и вышелъ въ тое Иверскую землю, а изъ Иверской земли съ Иверскими пришолъ въ наше Государство. И нынѣ приходилъ къ намъ отъ тебя, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, посланникъ Индрикъ Гойгель; и мы, напоминаючися тебѣ, брату нашему, своею любовью, того вашего человѣка Анцу послали къ тебѣ, брату нашему дражайшему къ Руделфу Цесарю, съ посланникомъ вашимъ съ Индрикомъ.

Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7095 Маія мѣсяца».

А такова грамота послана отъ Государя къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому съ посланникомъ его съ Индрикомъ:

»Троице Пресуществепная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайніі Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Тровцѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ державомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгороцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ,—брата нашего дражайшего Руделфа, Цесаря Римского, брату Максимиліяну, Божьею милостію Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому, и Виртемборскому, Грабѣ Тиролскому и иныхъ. Пріѣзжалъ къ нашему Царскому Величеству отъ брата твоего Руделфа Цесаря и отъ тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, посланникъ вашъ Индрикъ Гойгель, и говорилъ нашему Царскому Величеству отъ брата твоего Руделфа Цесаря рѣчью, что было его хотѣнье къ нашему Царскому Величеству послати своихъ великихъ пословъ о добромъ дѣлѣ и для нашего поздравленья, обьявити наше поздравленье, что мы, по отца своего благословенью, блаженные памяти Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, сѣли на своихъ Государствахъ и сидимъ счастливо на своихъ Государствахъ; и то доброе дѣло, которое было прежъ сего при отцѣ нашемъ, блаженные памяти при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при отцѣ вашемъ Максимиліянѣ Цесарѣ и межъ прежнихъ нашихъ, межъ дѣдомъ нашимъ, Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи, съ вашимъ дѣдомъ съ Фердинандомъ и съ Максимиліяномъ Цесаремъ учинено въ братственной любви и въ докончаньѣ,—и тѣ бы дѣла закрѣпити и постановити; и его, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, зашли многіе дѣла и своихъ великихъ пословъ слати было ему къ намъ вскорѣ невмѣстно, а хочетъ къ намъ инымъ временемъ слати своихъ великихъ пословъ о томъ о добромъ дѣлѣ говорити и доброе дѣло постановить; а поволилъ тебѣ, брату своему Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, къ нашему Царскому Величеству послати посланника своего Индрика Гойгеля. И нашему Царскому Величеству велѣлъ еси ему говорити и въ грамотѣ своей къ намъ писалъ еси, изъявляючи нашему Царскому Величеству, что нынѣ ты съ Божьею помочью Администраторомъ и Властелемъ Нѣметцкого чину учинился, и о такихъ о прежнихъ великихъ дѣлѣхъ вспоминаешь, какъ были при отцѣ нашемъ, блаженные

памяти при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, и при отцѣ вашемъ Максимиліанѣ Цесарѣ, и при прародителѣхъ нашихъ были всякіе прежніе добрые дѣла, и стояли во всяко время въ крѣпкой братцкой любви. И братъ твой Руделфъ Цесарь и ты, Максимиліанъ Князь Аустрѣйской, тѣ добрые дѣла, какъ были съ отцомъ нашимъ съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи и съ вашимъ отцомъ съ Максимиліяномъ Цесаремъ и съ братомъ твоимъ съ Руделфомъ Цесаремъ въ ссылкѣ, и въ любви, и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ, съ нами быти по тому жъ хотите и о томъ радѣете. И къ нашему Царскому Величеству ты, Максимиліянъ Князь Аустрѣйскій, писалъ, и посланникъ вашъ Индрикъ намъ отъ тебя, Максимиліяна Князя, говорилъ, чтобъ мы въ такомъ въ великомъ дѣлѣ тебѣ пособляли великою своею любовью, что нынѣ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Короля Стефана не стало, а Коруны Полскіе паны, совѣтовавъ, приговорили, что будетъ у нихъ сьемъ Іюня 30 дня нынѣшнего 87 году, для обиранья иного Короля; а нашему бъ Царскому Величеству къ тѣмъ землямъ о добрѣ и къ прибытку хрестьянскому порадѣти. И будетъ насъ оберутъ за Государя на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское, и брату твоему Руделфу Цесарю и тобѣ, Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, то любо будетъ. А многіе чиновные паны Полскіе къ тобѣ писали, а иные посланниковъ своихъ присылали, объявляючи тобѣ, что хотятъ тобя взяти на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское, и на то именованное время хотятъ тобя позвати; а нашему бъ Царскому Величеству того безъ отчаянья (не)оставить и на тотъ бы именованной срокъ нашему Царскому Величеству послати своихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжеству Литовскому, и тебя бъ, Максимиліяна Князя, для брата твоего Руделфа Цесаря, любително прошати велѣли, и съ своими послы о томъ наказати; а братъ твой Руделфъ Цесаръ и ты, Максимиліянъ Князь Аустрѣйской, и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской будете съ нами въ дружбѣ въ братцкой и въ докончаньѣ въ крѣпкомъ, и укрѣпитесь на всякаго недруга заодинъ, а именно бъ намъ стоять всѣмъ на Турского Салтана. И мы посланника вашего Индрика Гойгеля приняли съ великою любовью и рѣчь отъ брата твоего Руделфа Цесаря и отъ тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского рѣчи и грамоту твою выслушали съ великою любовью, и съ братомъ твоимъ Руделфомъ Цесаремъ и съ тобою, Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, быти въ докончаньѣ хотимъ, и съ зятемъ вашимъ Филипомъ Королемъ въ братствѣ, и въ дружбѣ, и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на всякихъ недруговъ быти хотимъ, и на Турского, и на Крымского и на всѣхъ бусурманъ стояти хотимъ. А и отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ отцу вашему къ Максимиліяну Цесарю о томъ и неоднова съ послы и съ посланники писалъ, чтобъ стоять на Турского, и на Крымского и на всѣхъ бусурманъ заодинъ всѣмъ намъ хрестьянскимъ Государемъ, чтобъ надъ бусурманы хрестьянская рука высилась. А для нынѣшнего

большого дѣла, по вашей присылкѣ любителной къ намъ, что намъ отъ брата твоего Руделфа Цесаря и отъ тебя Максимиліяна Князя говорилъ посланникъ вашъ Индрикъ, чтобъ намъ для королевского обиранья на срокъ Іюня 30 дня послать великихъ своихъ пословъ и тѣмъ промышлять, чтобъ на тѣ великіе Государства, на Корону Полскую и на Великое Княжество Литовское, любо насъ себѣ обрали за Государя, а любо тебя Максимиліяна Князя Аустрѣйского обрали себѣ за Государя на тѣ великіе Государства: и намъ было для того и посылать пословъ своихъ непригоже, что мы уже своими посланники Елизарьемъ Ржевскимъ и дьякомъ Захарьемъ Свіязевымъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского пановъ радъ и все рыцерство о обираньѣ кралевскомъ напоминали, по ихъ къ себѣ присылкѣ; да, по нынѣшней къ намъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшаго и твоей присылкѣ, для своего и вашего для дѣла вобчего, что ко всему хрестьянскому къ покою и къ прибытку, вѣчному, посылаемъ великихъ пословъ къ тому сроку въ Коруну Полскую и въ Великое Княжество Литовское на элекцію, наказавъ съ ними о всякихъ дѣлѣхъ, чтобъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского паны радные и все рыцерство обрали за Государя насъ себѣ на тѣ Государства, или бы тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, обрали себѣ за Государя на тѣ Государства. И будетъ насъ оберутъ на тѣ Государства, и мы, будучи на тѣхъ великихъ Государствахъ, съ братомъ съ твоимъ съ Руделфомъ Цесаремъ и съ тобою, съ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, будемъ въ братцкой любви, и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на Турского и на всякого недруга заодинъ; также и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ въ братствѣ и въ докончаньѣ на всякого недруга будемъ заодинъ. А будетъ на тѣ на великіе Государства, на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское, оберутъ за Государя себѣ тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, и намъ то любо будетъ таково жъ, какъ бы и за нами тѣ Государства будутъ, какъ тѣ Государства будутъ за тобою, Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ. И братъ бы твой Руделфъ Цесарь и ты, будучи на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской, были съ нами обще въ братцкой любви и въ докончаньѣ, и на Турского и на всякихъ нашихъ и вашихъ недруговъ стоять учнемъ заодинъ. А Шахъ Кизилбашской Персидцкого Государства и Царь Бухарской и со многими съ иными Государствы, что есть подъ Востокомъ, будутъ съ нами въ докончаньѣ и стоять съ нами будутъ заодинъ на Турского. А многіе Государства: Юргенской Царь, и Хивинской Царевичь, и Шевкалской Князь, и Иверская земля Царь Александръ Грузинской, и Тюменское Государство, и Опотцкая земля, и Горскіе Князи, и Черкаская земля, Кабардинскіе, и Абазинскіе и Нагайскіе орды за Волгою и межъ Волги великіе рѣки и Дону, тѣ всѣ земли приложились къ нашему Государству къ Асторохаискому; а Царь бывшей, что былъ на Крымѣ Царемъ, Царь Саадетъ - Кирей, Магметъ Кирѣевъ царевъ сынъ и Царевичь Муратъ-Кирѣй, что былъ на Крымѣ Калгою, и братъ ихъ Ца-

ревичь Сафа-Кирѣй со многими съ Крымскими людми и съ Ногайскими съ Дивѣевымъ улусомъ пріѣхали на наше имя намъ служити, а живутъ нынѣ въ нашей отчинѣ въ нашемъ Государствѣ въ Асторохани, а всѣ утвердились въ нашемъ царскомъ жалованьѣ и хотятъ всѣ стояти съ нами противъ Турского. А о томъ есмя о болшомъ дѣлѣ о всемъ послали своихъ великихъ пословъ на элекцію, и съ ними о всемъ подлинно наказали о тѣхъ дѣлѣхъ говорити и становити съ паны радами съ Полскими и съ Литовскими и со всѣмъ рыцерствомъ, и о томъ промышлять хотимъ, чтобъ, далъ Богъ, мимо насъ или мимо тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, тѣ великіе Государства, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское не прошли, и никого иного мимо насъ себѣ Государя на тѣ Государства не обрали; и о томъ есмя своимъ великимъ посломъ, корыхъ отпущаемъ на элекцію, наказали; а велѣли о всякихъ о тѣхъ дѣлѣхъ промышлять, ссылаясь, съ вашими послы собча заодинъ. А братъ бы твой Руделфъ Цесарь и ты, Максимиліянъ Князь, своихъ великихъ пословъ на тотъ же срокъ на элекцію послали, и съ ними по тому жъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ наказали подлинно о всемъ, и съ нашими послы о всемъ ссылатись велѣли своимъ посломъ, какъ будетъ пригоже, чтобъ нашимъ посломъ брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря пословъ и твоихъ пословъ въ вѣдомѣ было дѣло, а вашимъ бы посломъ нашихъ пословъ дѣло было въ вѣдомѣ, чтобъ обоимъ нашимъ и вашимъ посломъ промышлять собча заодинъ. А впередъ, ожъ дастъ Богъ, тѣ великіе дѣла межъ насъ, послы великіе брата твоего Руделфа Цесаря и твои будутъ у насъ, а наши послы великіе, будучи у брата твоего Руделфа Цесаря и у тебя, у Максимиліяна Князя, будутъ и докончанье старое и новое закрѣпятъ и утвердятъ, и будемъ всѣ обще на Турского и на всякихъ недруговъ стоять заодно. А посланника есмя вашего Индрика Гойгеля, не задержавъ, вскорѣ къ вамъ отпустили есмя. А что еси къ нашему Царскому Величеству прислалъ свой поминокъ съ своимъ посланникомъ съ Индрикомъ камень безваръ, напоминаючи своею любовью, и нашему Царскому Величеству твоя любовь донесена твоимъ посланникомъ Индрикомъ, и поминокъ твой принели есмя съ любовью. А, оже дастъ Богъ, пошлемъ своего посланника до брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря и до тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, о всемъ наказавъ, и противъ твоей любви наша * любовь напоменется.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7095, Маія мѣсяца».

И Маія въ 4 день, цесарской посланникъ съ Москвы поѣхалъ, а проводить его посланъ до Смоленска и до рубежа Иванъ Неѣловъ; а наказъ ему данъ таковъ:

«Память Ивану Неѣлову. Ѣхати ему съ цесарскимъ посланникомъ съ Индрикомъ Гойгелемъ до Смоленска. А пріѣхавъ въ Дорогобужъ, взяти ему подъ него судно и сѣсти ему съ цесарскимъ посланникомъ въ судно у Благовѣщенья противъ Болдина монастыря, и ѣхати съ посланникомъ водою до Смоленска и мимо Смоленескъ, и выпроводя его за Смо-

* Въ подлинникѣ: «ваша».

лепескъ, отпустити его въ томъ суднѣ къ Оршѣ. А кормъ посланнику давати въ дорогѣ по росписи, имая по городомъ и по станомъ у всякихъ людей. А того беречь накрѣпко, чтобъ цесарскому посланнику и людемъ его ни отъ кого обиды и безчестья небыло ни въ чемъ, и въ дорогѣ бъ къ посланнику и къ его людемъ не приставалъ никто, никаковъ человѣкъ и не розговаривалъ ни о чемъ. А проводя его, ѣхати въ Смоленескъ».

А се грамота въ Смоленескъ о цесарскомъ посланникѣ, о отпускѣ:

«Отъ Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи въ нашу отчину въ Смоленескъ, бояромъ нашимъ и воеводамъ: князю Тимоөею Романовичю Трубецкому, да Богдану Юрьевичю Сабурову съ товарищи, да дьякомъ нашимъ Богдану Захарову да Смирному-Скобѣеву. Отпустили есмя съ Москвы цесарского посланника Индрика Гойгеля, а съ нимъ людеії его шесть человѣкъ, а проводити его послали есмя Ивана Неѣлова; а изъ Дорогобужа велѣли есмя дати цесарскому посланнику судно и до Орши. И какъ Иванъ Неѣловъ съ цесарскимъ посланникомъ съ Индрикомъ въ Смоленескъ пріѣдетъ, и вы бъ Ивану Неѣлову цесарского посланника велѣли, изъ Богдановы околицы выпроводя, въ томъ суднѣ отпустити, въ которомъ онъ суднѣ пріѣдетъ изъ Дорогобужа, и послали бъ естя его проводить, до коихъ мѣстъ пригоже проводить». Писана (въ) Москвѣ, лѣта 7095, Маія въ 4 день.

—

7096—1588.

—

Лѣта 7096, Генваря въ 15 день, Царь и Великії Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи приговорилъ съ бояры, послати къ Руделфу Цесарю Римскому и къ брату его къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому въ гонцѣхъ Оөонасья Резанова о Литовскомъ дѣлѣ съ грамотами, что на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Государя нѣтъ, ино бъ о тѣхъ Государствахъ промышляти собча, чтобъ тѣ государства мимо ихъ, Великихъ Государей, къ иному Государю не прошли. А ѣхати Оөонасью приговорилъ Государь черезъ Литовскую землю; а грамоты о болшомъ дѣлѣ везти тайно, а другіе грамоты съ Оөонасьемъ послати, которые везти явно, о Кизылбашскомъ дѣлѣ, да о торговыхъ людѣхъ и о заповѣдныхъ товарѣхъ.

И Генваря въ 20 день, Оөонасей Резановъ къ Руделфу Цесарю отпущенъ; а съ нимъ посланъ толмачь Юшка Вичентовъ.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Руделфу Цесарю съ Оөонасьемъ Резановымъ о болшомъ дѣлѣ: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомыії, и Пресвѣтлыії и Краіївії Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоеії! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Росіїского Царствія, Мы, Великії Государь, Царь и Великії Князь Өедоръ Ива-

новичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверныя страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу второму, Божьею милостію, избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Корніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Люцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Ператцкому, Кибурскому и Горецкому, Ланграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Прежъ сего межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца твоего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліана Цесаря и межъ тебя, Великого Государя Руделфа Цесаря были ссылки о любви и о докончаньѣ. А какъ Божьимъ судомъ Жигимонта Августа Короля Полского и Великого Князя Литовского не стало, а дѣтей у него не осталось, а тѣ Государства, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, были безгосударны. И присылали къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи паны рада Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, свѣтцкіе и духовные, посланника своего писаря Великого Княжества Литовского Михайла Гарабурду, просячи у отца нашего насъ, Великого Государя, себѣ Государемъ на Коруну Полскую и па Великое Княжество Литовское. И отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского съ посланникомъ ихъ съ писаремъ съ Михайломъ съ Гарабурдою приказывалъ и въ грамотахъ въ своихъ писалъ, чтобъ они обрали себѣ на Государство на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское брата твоего, Эрнеста Князя Аустрѣйского. А къ отцу твоему, брата нашего, блаженные памяти къ Максимиліяну Цесарю отецъ нашъ, блаженные памяти Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи писалъ и приказывалъ и неодинова, хотячи того, чтобъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ сынъ его, а твой, брата нашего дражайшего, братъ Эрнестъ, Князь Аустрѣйскій; а со отцомъ бы нашимъ, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи отецъ твой, блаженные памяти, Великій Государь Максимиліянъ Цесарь и ты, братъ нашъ дражайшій, Великій Государь Руделфъ Цесарь были въ докончаньѣ и въ соединеньѣ

на всякихъ недруговъ, на бусурманскихъ Государей заодинъ. И то дѣло тогды не сталось. А какъ, съ Божьею помочью, мы, послѣ отца своего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, по его благословенью, сѣли есмя на своихъ Государствахъ, и мы посылали къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю посланника своего Лукьяна Новосилцова о своемъ Государствѣ обвѣстити, и про наше здоровье тебѣ, брату нашему, сказати, а про твое здоровье, брата нашего дражайшего, Великого Государя Руделфа Цесаря, спросити; и о томъ тебя, брата нашего, напоминали есмя, чтобъ ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, слалъ къ намъ пословъ своихъ, или посланниковъ добрыхъ, которые бъ межъ насъ могли старое докончанье подтвердити, а новое докончанье укрѣпити. И ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, къ намъ посла, ни посланика своего о о томъ дѣлѣ не прислалъ долгое время. А лѣтось пріѣзжалъ къ намъ отъ тебя брата, нашего отъ Руделфа Цесаря и отъ брата твоего, отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, гонецъ Индрикъ Гойгель; а рѣчью нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего отъ Рудельфа Цесаря и отъ брата твоего отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского говорилъ, что хотѣлъ еси, братъ нашъ, къ намъ слати своихъ великихъ пословъ старое докончанье межъ насъ подкрѣпити, а новое утвердить, да за многими дѣлы то посолство на нынѣшнее время не сталось не на долгое время, а впередъ то исправится. Да говорилъ нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего, и отъ брата твоего отъ Максимиліяна Князя Аустрѣйского гонецъ вашъ Индрикъ о Литовскимъ дѣлѣ, о Корунѣ Полской и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, что Стефана Короля Полского и Великого Князя Литовского не стало, и земскіе чины Коруны Полскіе, совѣтывавъ, приговорили сьемъ Іюня тридцатого дня прошлого 87 году, для избранья иного Короля; и нашему бъ Царскому Величеству и наипаче о томъ вѣдати, что къ добру и къ прибытку всему Хрестьянству надобно единовѣрный, праведный богобоязнивый хрестьянскій Король въ Полшѣ. Будетъ мы, Великій Государь, будемъ Государемъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и то Вашему Пресвѣтлѣ(й)шеству Руделфу Цесарю и брату вашему Максимиліяну Князю Аустрѣйскому таково жъ любо, что и за вами то Государство будетъ. И нашему бъ Царскому Величеству того въ отчаяньѣ не отставити, на тотъ же именованный срокъ нашихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Полской послати. А о томъ у нашего Царского Величества Вашего Пресвѣтлѣйшества любительное прошенье и хотѣніе, чтобъ намъ съ тѣми своими послы наказати и прошати велѣти, чтобъ тѣ чиновные паны Полскіе, любо наше Царское Величество на то Государство призвати похотѣли, или бъ брата Твоего Пресвѣтлѣйшества, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо всѣхъ иныхъ, призвали на Королевство. А Твоего Пресвѣтлѣйшества братъ Максимиліянъ Князь Аустрѣйской нашимъ землямъ и людемъ дружебную и братственую постоятелную любовь вѣчную держати хочетъ; и тогды съ нашимъ Царскимъ Величе-

ствомъ противъ всѣхъ нашихъ недруговъ заодинъ стояти и въ единачествѣ и въ укрѣпленьѣ быти хочетъ. А нашему бъ Царскому Величеству на то надежну быти, отъ брата вашего чего похотимъ искати у Коруны Полскіе, и онъ за то не постоитъ. И мы, выслушавъ у гонца вашего такіе рѣчи любительные о братствѣ и о всякомъ прибыткѣ хрестьянскомъ, и помня прежніе ссылки межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца твоего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліяна Цесаря и тебя, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, для твоей братственой любви, посылали есмя къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжеству Литовскому пословъ своихъ великихъ, боярина своего и намѣстника Велико-Пермского и Костромского Степана Васильевича Годунова съ товарищи. И послы наши великіе, бояринъ и намѣстникъ Велико-Пермской и Костромской Степанъ Васильевичь Годуновъ съ товарищи, будучи на элекціи въ Варшевѣ, говорили паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, чтобъ они обѣма землями, Коруною Полскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обрали себѣ Государемъ насъ, Великого Государя, и были подъ нашею царскою рукою, а намъ бы съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ быти въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на всѣхъ недруговъ, бусурманскихъ Государей заодинъ; а будетъ насъ себѣ Государемъ не оберутъ, и они бъ обрали себѣ Государемъ брата твоего Максимиліяна, Арцыкнязя Аустрѣйского мимо иныхъ всѣхъ Государей, потому что братъ твой Максимиліянъ Великого Государя цесаревъ сынъ и Великого Государя тебя, брата нашего Цесаря Руделфа, братъ, и на тѣхъ Великихъ Государствахъ быти ему пригоже. А какъ онъ будетъ у нихъ на тѣхъ Великихъ Государствахъ, и ты, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, будучи на своемъ Государствѣ, и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской и братъ твой Максимиліянъ, будучи Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, и утвердяся съ нами, съ Великимъ Государемъ, въ докончаньѣ, учнемъ стояти всѣ обще заодинъ на Турского и на всѣхъ недруговъ; и то имъ иныхъ всѣхъ Государей и всему Хрестьянству будетъ прибылнѣе, толко будетъ братъ твой на томъ великомъ Государствѣ; а съ невеликихъ бы становъ Свѣйского сына, или котораго иного Поморского Княжати на тѣ Великіе Государства не обирали, потому, что тѣ Государи непристойные: о Хрестьянствѣ не радѣютъ, толко всегды на кровопролитье хрестьянское желаютъ, а бесерменскимъ Государемъ въ томъ радость чинятъ; а толко будетъ братъ твой Максимиліянъ на Королевствѣ Полскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и намъ то будетъ любо таковожъ, что и мы будемъ на тѣхъ Государствахъ. И какъ послы наши, будучи на элекціи, по нашему приказу о томъ паномъ радамъ говорили, чтобъ они обрали насъ себѣ Государемъ, или бъ брата твоего Максимиліяна, Князя Аустрѣйского, и посламъ вашимъ, твоимъ, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря и брата твоего Максимиліяна, Князя Аустрѣйского, из-

вѣстно о всемъ. И мы нынѣ, помня прежніе ссылки о любви и о докончаньѣ межъ отца нашего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца твоего Максимиліяна Цесаря, и наипаче того хотимъ, чтобъ тѣ великіе Государства, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, мимо насъ и мимо брата твоего Максимиліяна Князя, ни за кѣмъ за инымъ не были: любо бы за нами тѣ Государства были, или бы за братомъ твоимъ за Максимиліяномъ, Княземъ Аустрѣйскимъ. А намъ бы, межъ себя утвердясь въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, противъ всѣхъ недруговъ, бусурманскихъ Государей, стоять заодинъ. И то намъ будетъ таковожъ любо, что и за нами тѣ Государства, толко будетъ братъ твой Максимиліянъ на тѣхъ Государствахъ, толко бы тѣ Государства мимо насъ обѣихъ Великихъ Государей не прошли къ иному Государю; о томъ бы намъ промышляти собча заодинъ съ обѣ стороны, въ такое время, какъ тѣ Государства безгосударны. А нынѣ къ намъ сее зимы въ Декабрѣ мѣсяцѣ прислалъ братъ нашъ Кизылбашской Шахъ своего посланника, прося того у насъ, чтобъ мы съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ утвердились и стояли бъ противъ всякого недруга заодинъ; а намъ бы укрѣпясь съ Кизылбашскимъ Шахомъ въ крѣпкомъ докончаньѣ и сослався съ тобою, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ зятемъ вашимъ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ и съ Королемъ Францовскимъ, и укрѣпясь съ вами въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стоять всѣмъ намъ обще на всякого недруга заодинъ. И мы по тому его прошенью и договоръ съ нимъ хотимъ учинити, и съ его посланникомъ своего посланника къ нему отпустили, и хотимъ съ нимъ быти въ крѣпкомъ докончаньѣ и въ братцкой любви; а на лѣто Кизылбашской Шахъ къ намъ пришлетъ пословъ своихъ великихъ то дѣло закрѣпить. И мы о томъ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу, Цесарю обьявляемъ; и для тѣхъ великихъ дѣлъ, помня прежніе ссылки о братцкой любви и о докончаньѣ межъ нашихъ прежнихъ прародителей, и для нынѣшнего дѣла послали есмя къ тебѣ, къ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, тебя о томъ дѣлѣ напомянути, гонца своего Ѳеонасья Резанова черезъ Литовскую землю. И какъ къ тебѣ, брату нашему дражайшему, нашъ гонецъ съ сею нашею грамотою пріѣдетъ, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, для нынѣшнихъ нашихъ и вашихъ дѣлъ слалъ къ намъ своихъ пословъ или посланниковъ, добрыхъ людей, вскорѣ, не мѣшкавъ, не со многими людми, которою дорогою пригоже, о такомъ о великомъ дѣлѣ о соединеньѣ и о докончаньѣ и о прибыткѣ всего Хрестьянства, о всемъ ихъ наказавъ подлинно. А будетъ черезъ Литовскую землю, и черезъ Лифлянскую землю, и на Ругодивъ черезъ Датцкую и черезъ Свѣйскую землю ѣхати твоимъ посломъ будетъ невмѣстно, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, слалъ къ намъ своихъ пословъ моремъ окіяномъ къ Сѣверной странѣ, къ нашему пристанищу, къ Колмогорскому городу. А какъ послы твои, брата нашего, у насъ будутъ, и мы велимъ съ ними бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинить, какъ которымъ дѣломъ бы-

ти пригоже. И утвердяся бы намъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти на всѣхъ недруговъ и на бесерменъ обще заодинъ, обослався со всѣми Государи хрестьянскими. А торговые бы люди наши съ обѣ стороны межъ насъ ходили, и торговали поволною торговлею, и прибытка себѣ искали съ обѣ стороны.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096, Генваря мѣсяца.»

А се такова грамота послана отъ Государя съ Оѳонасьмъ Резановымъ къ цесареву брату къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому о болшомъ дѣлѣ:« Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Препевѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—брата нашего дражайшего Руделфа, Цесаря Римского, брату Максимиліяну, Божьею милостію, Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и Ветемборскому, Графѣ Тиролскому и иныхъ. Прежъ сего межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца вашего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліяна Цесаря и межъ брата твоего, Великого Государя Руделфа Цесаря были ссылки о любви и о докончаньѣ. А какъ Божіимъ судомъ Жигимонта Августа, Короля Полского и Великого Князя Литовского не стало, а дѣтей у него не осталось, а тѣ Государства, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, были безгосударны. И присылали къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи паны рада Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, свѣтцкіе и духовные, посланника своего писаря Великого Княжества Литовского Михаіла Гарабурду, просячи у отца нашего насъ, Великого Государя, себѣ Государемъ на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское. И отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского съ посланникомъ ихъ съ писаремъ съ Михайломъ Гарабурдою приказывалъ и въ грамотахъ своихъ писалъ, чтобъ они обрали себѣ на Государство на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское брата вашего Эрнеста Князя Аустрѣйского. А къ отцу вашему, блаженные памя-

ти, къ Максимиліяну Цесарю отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи писалъ и приказывалъ и неодинова, хотячи того, чтобы на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ сынъ его, а вашъ братъ, Эрнестъ Князь Аустрѣйскій; а съ отцомъ бы нашимъ, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи отецъ вашъ, блаженные памяти, Великій Государь Максимиліянъ Цесарь и братъ твой Руделфъ Цесарь были въ докочаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ недруговъ заодинъ. И то дѣло тогды не сталось. А какъ съ Божьею помочью, мы, послѣ отца своего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, по его благословенью, сѣли есмя на своихъ Государствахъ; и мы посылали къ брату твоему къ Руделфу Цесарю посланника своего Лукьяна Новосилцова о своемъ Государствѣ обѣстить и про наше здоровье сказать, а про брата нашего Руделфа Цесаря здоровье спросить, и о томъ его напоминали, чтобъ братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь слалъ къ намъ пословъ своихъ или посланниковъ добрыхъ, которые бъ межъ насъ могли старое докончанье подтвердити, а новое докончанье укрѣпить. И братъ твой Руделфъ Цесарь къ намъ посла и посланника своего о томъ дѣлѣ не присылалъ долго время. А лѣтось пріѣзжалъ къ намъ отъ брата твоего Руделфа Цесаря и отъ тебя, Максимиліяна, Арцыкнязя Аустрѣйского, гонецъ Индрикъ Гойгель; а рѣчью нашему Царскому Величеству отъ брата твоего Руделфа Цесаря и отъ тебя Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, говорилъ, что хотѣлъ къ намъ братъ нашъ Руделфъ Цесарь слать своихъ великихъ пословъ старое докончанье межъ насъ подкрѣпить, а новое утвердить, да за многими дѣлы то посолство не сталось не на долгое время, а впередъ то исправится. Да говорилъ нашему Царскому Величеству отъ брата твоего Руделфа Цесаря и отъ тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, гонецъ вашъ Индрикъ о Литовскомъ дѣлѣ, о Корунѣ Полской и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, что Стефана Короля Полского и Великого Князя Литовского не стало, и земскіе чины Коруны Полскіе, совѣтовавъ, приговорили: будетъ имъ всѣмъ сьемъ Іюня тридцатого дня прошлого 87 году, для избранья иного Короля. И нашему бъ Царскому Величеству и наипаче о томъ вѣдати, что къ добру и къ прибытку всему Хрестьянству надобно единовѣрный, праведный, богобоязный хрестьянской Король въ Полшѣ: будетъ, мы, Великій Государь, будемъ Государемъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и то брату твоему Руделфу Цесарю и тебѣ, Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, таково жъ любо, что и за вами то Государство будетъ. И нашему бъ Царскому Величеству того въ отчаянье не отставить, на тотъ же именованный срокъ нашихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Полской послать и паномъ радамъ говорить наказать, чтобъ паны Полскіе любо наше Царское Величество на то Государство призвати похотѣли, или бъ тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо всѣхъ иныхъ, призвали на Королевство; а ты, Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской, нашимъ землямъ

и людемъ дружебную и братственную постоятелную любовь вѣчную держати хочешь, и тогды съ нашимъ Царскимъ Величествомъ противъ всѣхъ нашихъ недруговъ заодинъ стояти, и въ единачествѣ и въ укрѣпленьѣ быти хочешь. И мы, выслушавъ гонца вашего такіе рѣчи любителные о братствѣ и о всякомъ прибыткѣ хрестьянскомъ, и помня прежніе ссылки, посылали есмя къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжеству Литовскому пословъ своихъ великихъ, боярина своего и намѣстника Велико-Пермского и Костромского Степана Васильевича Годунова съ товарищи. И послы наши великіе, бояринъ и намѣстникъ Велико-Пермской и Костромской Степанъ Васильевичь Годуновъ съ товарищи, будучи на элекціи въ Варшевѣ, говорили паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, чтобъ они обѣма землями, Коруною Полскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обрали собѣ Государемъ насъ, Великого Государя, и были подъ нашею царскою рукою; а намъ бы съ братомъ съ твоимъ съ Руделфомъ Цесаремъ и съ тобою съ Максимиліяномъ Княземъ и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ быти въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на всякихъ бусурманскихъ Государей заодинъ; а будетъ насъ себѣ Государемъ не оберутъ, и они бъ обрали себѣ Государемъ тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо иныхъ всѣхъ Государей, потому что ты, Максимиліянъ Князь, Великого Государя царевъ сынъ, и на тѣхъ великихъ Государствахъ быти тобѣ пригоже. А какъ ты будешь у нихъ на тѣхъ великихъ Государствахъ, и братъ твой Руделфъ Цесарь, будучи на своемъ Государствѣ, и зять вашъ Филипъ, Король Ишпанской, и ты, Максимиліянъ Князь Пресвѣтлѣйшій, будучи Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ и утвердясь съ нами, съ Великимъ Государемъ, въ докончаньѣ, будемъ стоять всѣ обще заодинъ на Турского и на всѣхъ недруговъ: и то имъ иныхъ всѣхъ Государей и всему Хрестьянству будетъ прибылнѣе, толко ты будешь на томъ великомъ Государствѣ. А съ невеликихъ бы становъ, Свѣйского сына, или которого иного Поморского Княжати на тѣ великіе Государства не обирали, потому что тѣ Государи непристойные: о Хрестьянствѣ не радѣютъ, толко всегды на кроворозлитье хрестьянское желаютъ, а бесерменскимъ Государемъ въ томъ радость чинитъ. А толко будешь ты, Максимиліянъ Князь, на тѣхъ Государствахъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, и намъ то будетъ любо таково жъ, что мы будемъ на тѣхъ Государствахъ.—И какъ послы наши, будучи на элекціи, по нашему приказу, о томъ паномъ радамъ говорили, чтобъ паны рада обрали насъ себѣ Государемъ, или бъ тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, то и посломъ вашимъ, брата твоего Руделфа Цесаря и твоимъ, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, извѣстно о всемъ. И мы нынѣ, помня прежніе ссылки о докончаньѣ и о любви межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца вашего Максимиліяна Цесаря, и наипаче того хотимъ, чтобъ тѣ великіе Государства, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, мимо насъ и мимо тебя, Максимиліяна Князя, ни за кѣмъ за инымъ не были:

любо бъ за нами тѣ Государства были, или бъ за тобою, за Максимиліяномъ Арцыкняземъ Аустрѣйскимъ; а намъ бы межъ себя утвердяся въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, противъ всѣхъ недруговъ, бусурманскихъ Государей, стояти заодинъ. И то намъ будетъ таково жъ любо, какъ и за нами тѣ Государства, толко ты, Максимиліянъ Князь, будешь на тѣхъ Государствахъ; толко бы тѣ Государства мимо насъ обѣихъ Великихъ Государей не прошли къ иному Государю, о томъ бы намъ промышляти собча заодинъ съ обѣ стороны въ такое время, какъ тѣ Государства безгосударны, и быти бъ намъ (sic). И нынѣ мы для тѣхъ великихъ дѣлъ, помня прежніе ссылки о братцкой любви и докончаньѣ межъ нашихъ прежнихъ прародителей, и для нынѣшнего дѣла послали есмя къ брату твоему къ Руделфу Цесарю и къ тебѣ, къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому, напоминати о томъ дѣлѣ гонца своего Ѳѳонасья Резанова черезъ Литовскую землю. И какъ къ брату твоему и къ тебѣ нашъ гонецъ съ сею нашею грамотою пріѣдетъ, и братъ бы твой Руделфъ Цесарь, и ты, Максимиліянъ Князь, для нынѣшнихъ нашихъ и вашихъ дѣлъ слалъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, или посланниковъ, добрыхъ людей, вскорѣ, не мѣшкавъ, не со многими людми, которою дорогою пригоже, о томъ великомъ дѣлѣ, о соединеньѣ и о докончаньѣ и о прибыткѣ всего Хрестьянства, о всемъ ихъ наказавъ подлинно. А будетъ черезъ Литовскую землю, и черезъ Лифляндскую, и на Ругодивъ черезъ Датцкую и черезъ Свѣйскую землю ѣхати вашимъ посломъ будетъ невмѣстно, и братъ бы твой, дражайшій братъ нашъ, Руделфъ Цесарь и ты, Максимиліянъ Князь Аустрѣйской, слали къ намъ своихъ пословъ моремъ окіяномъ къ Сѣверной странѣ, къ нашему пристанищу, къ Колмогорскому городу. А какъ послы ваши у насъ будутъ, и мы велимъ съ ними бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинить, какъ которымъ дѣломъ быти пригоже. И утвердяся бъ намъ съ братомъ твоимъ Руделфомъ Цесаремъ и съ тобою, Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти на всѣхъ недруговъ на бесерменскихъ Государей обще заодинъ, обослався со всѣми Государи хрестьянскими. А торговые бъ люди наши съ обѣ стороны межъ насъ ходили, и торговали поволною торговлею и прибытка себѣ искали на обѣ стороны.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096 году, Генваря мѣсяца».

А се такова грамота послана съ Ѳѳонасьемъ о приходѣ Кизылбашского посла ко Государю; а везти ее велѣно явно, для Литовского проходу, а Цесарю ее не отдавати: «Тройце Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующѣмъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайніи Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохански, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій,

Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божьею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Люцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горецкому, Ланграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Прислалъ къ намъ братъ нашъ изъ Персидскіе земли, Кизылбашской Шахъ посла своего, просячи у насъ того, чтобъ мы съ нимъ были въ крѣпкой дружбѣ и въ соединеньѣ и стояли противъ всякого недруга заодинъ, и съ тобою бъ, съ братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Королемъ Францовскимъ о томъ обослатися, и укрѣпяся съ вами въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти бъ всѣмъ намъ обще на всякого недруга заодинъ. И мы, по тому прошенью брата нашего Персидцкого Шаха, хотимъ съ нимъ договоръ учинити, и съ его посломъ своего посла къ нему посылаемъ, и хотимъ съ нимъ быти въ братцкой любви и въ крѣпкомъ докончаньѣ. А тобѣ о томъ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, объявляемъ, и для того дѣла съ сею нашею грамотою послали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, о томъ дѣлѣ напомянути, гонца своего Оѳонасья Резанова черезъ Литовскую землю. И какъ къ тебѣ, брату нашему дражайшему, нашъ гонецъ съ сею нашею грамотою пріѣдетъ, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, для такого великого дѣла, что годно намъ, Великимъ Государемъ, къ прибытку всему Хрестьянству, слалъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, о всемъ ихъ наказавъ подлинно, и о Кизылбашскомъ дѣлѣ, о соединеньѣ, и о докончаньѣ и о прибыткѣ всего Хрестьянства. А какъ послы твои, брата нашего, у насъ будутъ, и мы велимъ съ ними бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинити, какъ которымъ дѣломъ быти пригоже. И утвердяся бы намъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти на всѣхъ недруговъ обще заодинъ, обослався со всѣми Государи хрестьянскими. А гонца бъ еси нашего отпустилъ къ намъ, не издержавъ, вскорѣ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ, града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096, Генваря мѣсяца».

А такова другая грамота послана съ Оѳонасьемъ къ Руделфу Цесарю о торговыхъ людѣхъ, и везти ее велѣно явно, а Цесарю ее не отдавати: «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая пра-

вѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Пренсвѣдомый, и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу, Божьею милостью, избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Марграфу Муравскому, Князю Луцемборскому, вышніе нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролцкому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсацкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Изъ давныхъ лѣтъ, при дѣдѣ нашемъ при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи и при отцѣ нашемъ, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, и при вашемъ дѣдѣ Фердинандѣ Цесарѣ и при отцѣ твоемъ Максимиліанѣ Цесарѣ, торговые люди вашего Государства изо всее Нѣметцкіе Рѣчи ваши Государства во Псковъ, и въ Новгородъ и въ Ругодивъ со всякими товары приходили, и что годно намъ къ ратному дѣлу, мѣдь, и олово, и свинецъ, и сѣру, и селитру и всякой товаръ, что къ ратному дѣлу пригожается, привозили, и съ нашими гостьми торговали на всякой товаръ безъ вывѣта, и прибытка себѣ искали съ обѣ стороны. А какъ Божьимъ судомъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало; а мы, по благословенью отца своего, на своихъ Государствахъ Государемъ учинилися, и посылали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, посланника своего Лукьяна Новосилцова отца своего преставленье сказати, а свое Государство объвѣстити и твое, брата нашего, здоровье видѣти. И о томъ есмя тебя, брата нашего, напоминали, чтобъ ты, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, похотѣлъ съ нами быти въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ по тому жъ, какъ дѣдъ твой и отецъ съ нашимъ дѣдомъ и отцомъ были въ любви и въ братствѣ и въ завѣщаньѣ, и торговые бъ люди съ обѣ стороны ходили и торговали повольною торговлею и прибытка себѣ искали на обѣ стороны по прежнему обычаю, и вся-

кой бы товаръ, мѣдь, и доспѣхи и всякое оружье ратное въ наше Государство изъ твоего Государства привозити безъ вывѣта. И ты, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, писалъ къ намъ въ своей грамотѣ съ нашимъ посланникомъ съ Лукою что отъ предковъ вашихъ отъ Цесаря Карла пятого и отъ Цесаря Фердинанда, по прошенью и совѣту Курфистровъ и Князей стоятелныхъ Римского Государства, заповѣданы такіе товары, что годно къ воинскому дѣлу изъ Римского Государства не вывозити, и вамъ безъ совѣту тѣхъ имянованныхъ стоятелныхъ того перемѣнити непригоже. И мы ся тому подивили, что то дѣлается черезъ прежніе обычаи: въ прежніе лѣта торговые люди ходили на обѣ стороны со всякими товары безъ вывѣта, а нынѣ по твоему, брата нашего, закону изъ твоего Государства торговые люди никоторыхъ товаровъ, которые надобны къ ратному дѣлу, въ наше Государство не вывозятъ. И для того нынѣ послали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, съ сею своею грамотою гонца своего Офонасья Резанова, и о томъ тебѣ брата нашего напоминаемъ, чтобъ ты, братъ нашъ дражайшій, похотѣлъ съ нами быти въ братствѣ и любви и въ завѣщаньѣ по тому жъ, какъ дѣдъ твой и отецъ съ нашимъ дѣдомъ и отцомъ были въ братствѣ и въ любви и въ завѣщаньѣ на всякихъ недруговъ заодинъ, и торговымъ бы людемъ дорога отворена была на обѣ стороны, по прежнему вашего бъ Государства торговые люди со всякими товары приходили въ наше Государство, во Псковъ и въ Новгородъ, и къ новой морской пристани на Колмогоры, и съ нашими гостьми торговали и прибытка собѣ искали съ обѣ стороны; а что годно намъ къ ратному дѣлу, мѣдь, и олово, и свинецъ, и сѣру, и селитру, и всякой товаръ, что надобно къ ратному дѣлу, то бъ въ наше Государство вывозили. А мы по тому жъ изъ своего Государства всякіе товары заповѣдные пропущать велимъ безъ вывѣту, чтобъ съ обѣ стороны нашимъ торговымъ людемъ былъ поволной торгъ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096, Генваря мѣсяца».

А се такова грамота послана отъ Государя къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского о Офонасьевѣ пропускѣ, а порознь къ паномъ радамъ къ Полскимъ и къ Литовскимъ грамоты посланы таковы: «Троице Пресущественная и Пребожественная, хрестьяномъ Дателю премудрости, настави насъ на истинну Твою и научи насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ твоихъ миръ и законъ! Сего убо тричисленаго славимаго Божества, Отца и Сына и Святого Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь, милостію и хотѣніемъ и властію держахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные

страны Повелитель и иныхъ многихъ Государствъ Государь,—паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, духовнымъ и свѣтцкимъ, и всей радѣ посполитой. Послали есмя къ брату нашему дражайшему къ Руделфу Цесарю гонца своего Өѳонасья Резанова для великого дѣла о Кизылбашскомъ дѣлѣ, что нынѣ къ намъ пришелъ изъ Персидцкого Государства отъ Кизылбашского Шаха посолъ о великомъ дѣлѣ, которое дѣло всѣмъ нашимъ Государствамъ хрестьянскимъ къ прибытку хрестьянскому. И какъ у васъ нашъ гонецъ Өѳонасей Резановъ будетъ, и вы бъ, панове рады, нашего гонца черезъ Коруну Полскую и Великое Княжество Литовское пропустили къ брату нашему къ Руделфу Цесарю, давъ ему пристава и подводы, и проводити его до рубежа велѣли, чтобъ нашему гонцу черезъ ваши земли пройти безъ задержанія; а какъ гонецъ нашъ отъ Руделфа Цесарю назадъ къ намъ поѣдетъ черезъ ваши земли, и вы бъ его по тому жъ къ намъ пропустить велѣли черезъ свои земли безъ задержанья.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096, Генваря мѣсяца».

А такова грамота послана съ Өѳонасьемъ въ запасъ къ Поморскимъ Государемъ о пропускѣ Өѳонасьевѣ: «Божіею милостію, отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өеодора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя и иныхъ многихъ земель Государя,—Поморскимъ Государемъ, Королемъ, и Арцыкняземъ, и Курфистромъ, и Княземъ, и всякимъ Государемъ Поморскихъ Государствъ, и волныхъ городовъ бурмистромъ и ратманомъ и полатникомъ. Послали есмя къ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему къ Руделфу Цесарю черезъ Литовскую и Полскую землю гонца своего Өѳонасья Резанова о великихъ дѣлѣхъ, что годно намъ всѣмъ Великимъ Государемъ хрестьянскимъ и всему Хрестьянству къ прибытку. И гдѣ лучится нашему гонцу отъ насъ и назадъ къ намъ ѣхати черезъ которого Государя земли, и вы бъ нашего гонца Өѳонасья Резанова черезъ свои земли велѣли пропущать безъ задержанья. А которые люди вашихъ Государствъ также прилучатся въ нашихъ Государствахъ, или гдѣ ѣхати черезъ наши Государства, и мы ихъ по тому жъ велимъ пропускати, безъ задержанья.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096, Генваря мѣсяца».

А се таковъ наказъ данъ Өѳонасью Резанову. Память Өѳонасью Дмитріеву сыну Резанову: « Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ ему итти къ Руделфу Цесарю Римскому въ гонцѣхъ съ грамотами; а итти ему черезъ Литовскую землю, да на цесареву область, и быти въ Литвѣ у пановъ радъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского. И Өѳонасью, пришедъ, въ Смоленескъ, говорити воеводѣ Князю

Михайлу Петровичю Катыреву-Ростовскому, да боярину и воеводѣ князю Ѳедору Дмитреевичю Шестунову съ товарищи, чтобъ князь Михайло по государевѣ грамотѣ отписалъ объ немъ въ Оршу къ Оршанскому старостѣ или къ державцу, кому нынѣ въ Оршѣ приказано, что Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи послалъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю гонца своего, его, Ѳѳонасья Резанова, а у пановъ радъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского ему быти, и грамоты съ нимъ отъ Государя къ паномъ радамъ есть. И Оршанской бы державецъ изготовилъ встрѣчю пристава, и кормъ и подводы; а на рубежъ будетъ Ѳѳонасей къ тому,—да именно тотъ день написати, къ которому на рубежъ быть. А отписавъ въ Оршу, ѣхати Ѳѳонасью къ рубежу; и не будетъ ему встрѣчи у рубежа, и ему ѣхати въ Оршу. А будетъ изъ Орши староста или державецъ въ Смоленескъ отпишетъ, или на рубежъ пришлетъ, а не велитъ Ѳѳонасью итти въ Оршу, что ему невѣдомо отъ пановъ радъ, и Ѳѳонасья пропустити въ Литву не мочно, а какъ будетъ отъ пановъ радъ ему вѣдомо, и онъ впередъ отпишетъ въ Смоленескъ,— и Ѳѳонасью съ рубежа не ходить въ Оршу, а ѣхать въ Смоленескъ, и быть въ Смоленскѣ до государева указу; да о томъ отписати ко Государю. А будетъ изъ Орши въ Смоленескъ отпишутъ, что дорога ему чиста, и приставъ, и кормъ и подводы будутъ готовы, или хоти и не отпишутъ того, что приставъ готовъ, а на рубежѣ того пристава не будетъ, чтобъ Ѳѳонасей съ рубежа въ Оршу не ходилъ, — и Ѳѳонасью на рубежѣ не стоять, итти въ Оршу, не мѣшкая; а объ отпускѣ, его къ воеводамъ отъ Государя писано. И будетъ встрѣтитъ его на рубежѣ приставъ съ кормомъ и съ подводами, и Ѳѳонасью итти за рубежъ къ Оршѣ, не мѣшкая; а будетъ его на рубежѣ приставъ не встрѣтитъ, и Ѳѳонасью послати отъ себя въ Оршу къ Оршанскому старостѣ или къ державцу, кому нынѣ приказано, изъ провожатыхъ сына боярского молодого или земца про себя сказати, что Государь, Царь и Великій Князь послалъ его, Ѳѳонасья, къ брату своему къ Руделфу Цесарю въ гонцѣхъ съ грамотами, и у пановъ радъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского ему быти велѣно жъ, и грамоты отъ Государя къ паномъ радамъ съ нимъ есть, и Оршанской бы державецъ прислалъ къ нему встрѣчю пристава, и кормъ и подводы, а самому итти за рубежъ къ Оршѣ и безъ приставовъ. А будетъ его приставъ и до Орши не встрѣтитъ, и Ѳѳонасью, пришедъ близко Орши, обосдаться опять съ Оршанскимъ державцомъ, чтобъ ему изготовилъ пристава, и кормъ и подводы, и велѣлъ бы ему указати дворъ, гдѣ ему стати. А пришедъ въ Оршу, говорити Оршанскому старостѣ или державцу, чтобъ его отпустили къ паномъ радамъ, не мѣшкая, гдѣ нынѣ паны рада въ съѣздѣ. А того ему въ Оршѣ провѣдати тайно: гдѣ нынѣ паны рада въ съѣздѣ или не въ съѣздѣ, и будетъ въ съѣздѣ, и обѣ ль рады вмѣстѣ, Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского? и кого собѣ Государя обрали ль, или еще не обрали, и кого, чаятъ, хотятъ обрати? и государевы посланники Елизарей Ржевской и дьякъ Захарей Свіязевъ у пановъ радъ были ль, или еще не были, и зачѣмъ ихъ долго держатъ, и

нѣтъ ли какіе розни межъ пановъ радъ Полскихъ и Литовскихъ во обиранье королевскомъ? и сее осени Турскіе, или Крымскіе люди на Литовскіе мѣста войною бывали ль, и будетъ были, и которые мѣста воевали, и бои имъ съ Литовскими людми гдѣ бывали ль? О томъ о всемъ провѣдавъ, отписати ко Государю, Царю и Великому Князю изъ Орши съ провожатыми; а велѣти ему та грамота везти тайно и бережно, чтобъ ее Литовскіе люди не свѣдали и не отнели на дорогѣ; а самому проситись къ паномъ радамъ. А будетъ державецъ Оршанской изъ Орши Ѳеонасья не пропуститъ, а велитъ ему назадъ ѣхати въ Смоленескъ, что ему, безъ пановъ радъ, Ѳеонасья пропустити не возможно, а о томъ онъ писалъ къ паномъ радамъ, и какъ къ нему паны рада отпишутъ про него, и державецъ Оршанской тотчасъ отпишетъ въ Смоленескъ къ воеводамъ,—и Ѳеонасью о томъ накрѣпко уговаривать державца Оршанского, чтобъ его пропустилъ изъ Орши; а не уговорится,—и Ѳеонасью ѣхати въ Смоленескъ и быти въ Смоленскѣ до указу, а о томъ ко Государю отписати. А будетъ Ѳеонасья изъ Орши пропустятъ въ Литовскую землю, и Ѳеонасью итти къ паномъ радамъ, гдѣ они будутъ въ съѣздѣ. И какъ ему паны рада велятъ быти у себя на посолствѣ, и будетъ будутъ онѣ обѣ рады вмѣстѣ, и Ѳеонасью у обѣихъ радъ быти и грамоту дати обѣимъ радамъ; а будетъ Литовскіе будутъ у себя, а Полскіе у себя, а съ ними вмѣстѣ не будутъ, и Ѳеонасью и у обѣихъ быти порознь, и грамота къ Полской опрочѣ и Литовскимъ опрочѣ подати, и быти у нихъ порознь. А пришедъ къ паномъ радамъ, отъ Государя, Царя и Великого Князя поклонъ правити по государеву наказу, а молвити: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—вамъ, паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, духовнымъ и свѣтцкимъ, всей радѣ посполитой, велѣлъ поклонится». Да подати отъ Государя паномъ радамъ грамоту. И будетъ его вспросятъ: опричь грамоты рѣчью приказъ съ нимъ какой есть ли? и Ѳеонасью молвити: «опричь грамоты рѣчей со мною нѣтъ никакихъ, а послалъ меня Государь, Царь и Великій Князь къ брату своему къ Руделфу Цесарю съ грамотами; и вы меня велите пропустити черезъ Корупу Полскую и Великое Княжество Литовское и пристава мнѣ дайте; а и въ грамотѣ въ своей Государь нашъ къ вамъ о томъ же писалъ». А будетъ паны рада Полскіе съ Литовскими не въ съѣздѣ, а велятъ будетъ ему паны рада Великого Княжества Литовского быти у себя у однихъ, и Ѳеонасью итти къ паномъ радамъ Великого Княжества Литовского и къ однимъ, и поклонъ отъ Государя къ паномъ радамъ правити и грамота подати, по сему жъ государеву наказу, Литовскимъ паномъ. А отдавъ

грамота, говорити, чтобъ его паны Литовскіе пропустили въ Полскую землю къ паномъ Полскимъ, и отписали бъ къ паномъ, чтобъ его, Ѳѳонасья, пропустили къ Цесарю. А пришедъ къ Полскимъ паномъ, поклонъ правити по тому жъ, и грамота подати, и о томъ говорить, чтобъ велѣли пропустить къ Цесарю черезъ Коруну Полскую до цесаревы земли. А будетъ Елизарья Ржевскаго и дьяка Захарья Свіязева гдѣ встрѣтитъ на дорогѣ, или тамо гдѣ съ нимъ съѣдется, и Ѳѳонасью съ Елизарьемъ и съ Захарьемъ видѣтися и про свое дѣло имъ сказать, а про тамошнее дѣло ихъ роспросить, и какъ бы ему проѣхати къ Цесарю, о томъ съ ними накрѣпко поговорить. А будетъ они будутъ при панѣхъ въ то время, и Ѳѳонасью говорить, чтобъ они паномъ радамъ говорили объ его пропускѣ, чтобъ его пропустили къ Цесарю; а писалъ Государь съ нимъ о торговыхъ людѣхъ, что приходятъ въ государеву землю въ новое пристанище на Колмогоры окіяномъ моремъ. А будетъ Ѳѳонасей придетъ въ Литву, а въ Литвѣ будетъ учинился новой Король, Свѣйского Короля сынъ, и учнутъ ему говорити, чтобъ онъ шолъ къ Королю и поклонъ правилъ и грамоту далъ Королю,— и Ѳѳонасью говорити: «Государю нашему, Царю и Великому Князю про того Короля вѣдома не было, и потому Государь со мною къ Королю поклона не приказалъ и грамоты не послалъ, а послалъ Государь со мною грамоту къ паномъ радамъ, и мнѣ у Короля быти нельзя и поклона править безъ государева наказу невозможно; а писалъ Государь, Царь и Великій Князь къ паномъ радамъ въ своей грамотѣ о пропускѣ моемъ, чтобъ меня черезъ свою землю пропустили; а нынѣ коли учинился на Государствѣ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Король, и онъ бы, похотя со Государемъ нашимъ быти въ братствѣ и въ любви, меня черезъ свою землю велѣлъ пропустити, не издержавъ, тѣмъ бы ко Государю нашему любовь свою оказалъ; а Государь нашъ того не вѣдалъ, что Короля обрали». А у пановъ радъ Ѳѳонасью быти, хотя и Короля обрали, да то жъ говорити о своемъ пропускѣ, чтобы паны рада объ его пропускѣ говорили Королю, чтобъ его черезъ свою землю велѣлъ пропустити. И будетъ Ѳѳонасья пропустятъ къ Цесарю, и ему итти на цесареву область, на которые мѣста пригоже. А будетъ Ѳѳонасья новой Король, или и паны рада черезъ свою землю къ Цесарю не пропустятъ, и Ѳѳонасью говорити: «то паны рада дѣлаютъ мимо прежніе обычаи, что отъ Государя нашего Великого ко Государю къ Великому къ Руделфу Цесарю не пропустятъ его; а изначала то ведется: коли межъ Государя нашего и Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского перемирье, и съ обѣ стороны гонцы и послы ходятъ черезъ обои Государства, гдѣ которому Государю лучится посылка; а паны рада по Государя нашего грамотѣ меня не пропущаютъ до Цесаря, то паны рада мимо прежней обычей дѣлаютъ и нелюбовь свою передъ Государемъ нашимъ оказуютъ, то вѣдаютъ они; и паны бъ рада меня назадъ отпустили и со мною ко Государю нашему противо его, Государя нашего, грамоты отписали, для чего они меня не пропустятъ». И проситись Ѳѳонасью назадъ. А будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ учинился Госу-

даремъ Максимиліянъ Арцыкнязь АустрЂйской, цесаревъ братъ, и Ѳоонасью поклонъ и рѣчь говорити по записи. А будетъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Короля еще нѣтъ, и паны рада его Ѳоонасья черезъ Литовскую и Полскую землю къ Цесарю пропустятъ, и Ѳоонасью итти къ Цесарю, на которое мѣсто пригоже. А какъ придетъ въ цесареву область, и Ѳоонасью говорити по городомъ приказнымъ людемъ цесаревы области, что послалъ его Государь, Царь и Великій Князь къ брату своему къ Руделфу Цесарю и къ брату его къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому съ грамотами о великихъ дѣлѣхъ, и приказные бы люди давали ему подводы и вели его къ Цесарю, не мѣшкая, чтобъ ему къ Цесарю притти ранѣе. А какъ Ѳоонасей придетъ къ Цесарю и велитъ ему Цесарь быти у себя на посолствѣ, и Ѳоонасью, пришедъ, Руделфу Цесарю отъ Государя, Царя и Великого Князя правити поклонъ, а молвить: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохански, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовские земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,— тебѣ, дражайшему и любезнѣйшему брату своему Руделфу второму, Божьею милостію, Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматскому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Люцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Ператцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланкграбѣ Алсатцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Люсатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю велѣлъ поклонитися. Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ твое, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, здоровье видѣти». Да подати грамота. И будетъ вспроситъ Цесарь про государево здоровье, и Ѳоонасью молвити: язъ поѣхалъ отъ Государя своего, Царя и Великого Князя, и Государь нашъ въ добромъ здоровьѣ». А будетъ вспросятъ Ѳоонасья Цесарь или его совѣтники: опричь грамоты съ нимъ рѣчью приказъ есть ли? и Ѳоонасью молвити: «опричь грамоты со мною рѣчей нѣтъ никоторыхъ, а писалъ Государь нашъ, Царь и Великій Князь о всемъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю въ своей грамотѣ». А будетъ совѣтники цесаревы вспросятъ: почему Государь вашъ къ Руделфу Цесарю поминковъ не прислалъ? и Ѳоонасью молвити: «Государь нашъ послалъ вскорѣ, а и того не чаялъ Государь нашъ, что проѣхать мнѣ черезъ Литовскую землю, чаялъ того, что меня не пропустятъ черезъ Литовскую землю, потому

Государь со мною и поминковъ не послалъ». А бывъ ему у Цесаря, проситися къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому, гдѣ онъ въ то время будетъ; а приказывать къ Цесарю, или къ его совѣтникомъ съ приставы, что есть съ нимъ отъ Государя грамота къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому, и Цесарь бы его отпустилъ къ Максимиліяну и проводити его послалъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ въ то время будетъ. А будетъ Максимиліянъ Князь Аустрѣйской на дорогѣ гдѣ будетъ, и Ооонасью и напередъ Цесаря быти у Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского. А какъ ему Максимиліянъ велитъ быти у себя на посолствѣ, и Ооонасью, пришедъ, правити отъ Государя поклонъ, а молвити: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ земель Государь,—тебѣ, Максимиліяну, Божіею милостію, Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Карніолскому и Ветемборскому, Грабѣ Тиролскому и иныхъ велѣлъ поклонитись и о здоровьѣ спросити».—Да подати грамота. А будетъ вспросятъ Ооонасья Максимиліянъ или его совѣтники: опричь грамоты, рѣчью приказъ съ нимъ есть ли?— и Ооонасью молвити, что опричь грамоты съ нимъ рѣчей нѣтъ никакихъ: писалъ къ нему Государь о всемъ въ своей грамотѣ. А Государь нашъ меня отпустилъ къ брату своему къ Руделфу Цесарю вскорѣ легкимъ дѣломъ. И будетъ вспросятъ его совѣтники Максимиліяновы: почему Государь вашъ поминковъ къ Максимиліяну не прислалъ? и Ооонасью молвить: Государь нашъ вскорѣ его отпустилъ, а и того не чаялъ, что его черезъ Литовскую землю пропустятъ, и грамоту Ооонасей Максимиліянову везъ тайно, и поминковъ Государь нашъ къ Руделфу Цесарю и къ брату его къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому потому и не послалъ. А не вспросятъ его про поминки, и Ооонасью ничего не говорить».

Да память Ооонасью. «Нѣчто его къ Цесарю пустити не похотять, а учнутъ говорити, чтобъ шелъ къ цесаревымъ совѣтникомъ съ грамотою,— и Ооонасью къ совѣтникомъ одноличпо не ходити и грамоты мимо Цесаря никому не давати, а говорити, что прежъ сего того николи не бывало и нынѣ тому быти непригоже; да къ совѣтникомъ мимо Цесаря одноличпо не ходити. А нѣчто Цесарь или Максимиліянъ Арцыкнязь позовутъ Ооонасья ѣсти, и Ооонасью за столъ итти, а того ему провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря въ то время Турского, или Литовского, или иного которого Государя пословъ, или посланниковъ и гонцовъ? а будетъ у Цесаря въ то время будутъ иныхъ Государей послы, или посланники, или гонцы, и Ооонасью къ Цесарю за столъ одноличпо не ходить, а о томъ говорити: «которые посланники и гонцы прежъ сего бывали у отца Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Кня-

зя Ивана Васильевича всеа Русіи, и тѣ посланники и гонцы бывали у Государя нашего за столомъ одни, а мнѣ также съ иныхъ Государеіі послы и посланники и гонцы у Цесаря за столомъ быть непригоже». А будетъ Ооонасью того не скажютъ, и придетъ за столъ, а тутъ будутъ послы, или посланники, или гонцы Турского, или Литовскоіі, или Францовского, или Ишпанского и иные которые посланники, и Ооонасью ѣхати на подворье, а съ ними вмѣстѣ не ѣсти. А будетъ учнутъ Ооонасья спрашивать про Государя, гдѣ нынѣ Государь, Царь и Великіі Князь? и Ооонасью сказати: «Государь нашъ Царь и Великіі Князь Оедоръ Ивановичь всеа Русіи отпустилъ меня изъ своего Государства съ Москвы, и нынѣ Государь нашъ, Царь и Великіі Князь въ своемъ Государствѣ на Москвѣ; а пріѣхалъ ко Государю нашему отъ Персидцкого Государя отъ Кизылбашского Шаха посланникъ о великомъ дѣлѣ, о любви, чтобъ Государь нашъ, Царь и Великіі Князь Оедоръ Ивановичь всеа Русіи былъ съ Кизылбашскимъ Шахомъ въ ссылкѣ, и въ братствѣ, и въ любви и въ докончаньѣ, и стоялъ бы Государь нашъ съ нимъ на всякого недруга заодинъ, и обослался бы Государь нашъ со всѣми Государи съ Великими, съ Цесаремъ, и съ Ишпанскимъ и со Францовскимъ, чтобы они всѣ со Государемъ нашимъ и съ нимъ вмѣстѣ стояли на всякихъ своихъ недруговъ заодинъ; а писалъ Государь нашъ къ Руделфу Цесарю и въ своей грамотѣ о томъ». А нѣчто спросятъ Ооонасья: какъ нынѣ Государь Царь и Великіі Князь съ Коруною Полскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ? и Ооонасью говорити: «какъ Стефана Короля Полского и Великого Князя Литовского не стало, и Государя нашего великіе послы были на съемѣ о обиранье Государя, и паны рада со Государя нашего послы сдѣлали перемирья на пятнадцать лѣтъ; а обиранье Государя ещо на мѣрѣ у нихъ не стало, толко будетъ ещо они Свѣйского, и иного кого не обрали себѣ за Государя». А будетъ обрали и того не говорити. А нѣчто спросятъ Ооонасья про Свѣйского: какъ нынѣ Свѣйской Король съ Царемъ и Великимъ Княземъ? и Ооонасью говорити: «Свѣйской Король присылалъ ко Государю нашему гонца своего бити челомъ о миру, и Государь нашъ велѣлъ съ нимъ сослатись Новгородцкимъ намѣстникомъ, и Новгородцкіе намѣстники, сослався на рубежѣ, взяли перемирья съ Свѣйскою землею на четыре годы». А нѣчто вспросятъ Ооонасья: какъ Государь вашъ съ Турскимъ Салтаномъ? и Ооонасью говорити, что Турской Салтанъ со Государемъ нашимъ въ ссылкѣ, и напередъ сего ко Государю нашему присылалъ посланника своего Ибрагимъ Чауша, чтобъ Государь нашъ былъ съ нимъ въ братцкоіі любви; а нынѣ у Государя нашего отъ Турского посла и посланника нѣтъ. А нѣчто вспросятъ Ооонасья про Крымского Царя: какъ нынѣ Царь и Великіі Князь съ Крымскимъ Царемъ? и Ооонасью говорити: «Крымской Исламъ-Гирѣй Царь со Государемъ нашимъ въ ссылкѣ и въ братствѣ и ко Государю нашему, Царю и Великому Князю Исламъ-Гирѣй Царь присылаетъ гонцовъ своихъ о дружбѣ, и о братствѣ и о любви. И нынѣ Крымской Исламъ-Гирѣй Царь прислалъ ко Государю нашему гонцовъ своихъ, Асанъ мурзу съ товарищи, о томъ, чтобъ Государь нашъ Магметъ-

Кирѣева царева сына, Муратъ-Кирѣя Царевича, на Крымъ не отпущалъ и его, Ислама Царя, съ Крыму не согналъ, а онъ со Государемъ хочетъ быть по его государевѣ волѣ, какъ годно Государю нашему и на государевыхъ недруговъ хочетъ со Государемъ нашимъ стояти заодинъ; а старо-Крымского Царя Магметъ-Кирѣевы царевы дѣти: Саадетъ-Кирѣй Царь, что былъ на Крымѣ послѣ отца своего Царемъ, да Муратъ-Кирѣй Царевичь, что былъ Калга, да Сафа-Кирѣй Царевичь прiѣхали ко Государю нашему въ службу; а Царевичь Муратъ-Кирѣй былъ у Государя нашего на Москвѣ и поѣхалъ въ Асторахань; а нынѣ они всѣ живутъ въ Государя нашего въ отчинѣ въ Асторахани, а съ ними Крымскiе Князи и мурзы и улусные многiе люди; да съ ними жъ Ногайскiе мурзы Араланъ мирза Дивѣевъ сынъ, да Ханъ мирза Казыевъ сынъ, да Ибрагимъ мирза Исуповъ Княжой сынъ, да Баранъ Газы мирза Шайдяковъ и иные многiе мирзы Ногайскiе съ своими улусы, до сорока тысячь, кочуютъ у Государя нашего отчины у Асторохани по Крымской сторонѣ, и всѣ Государю нашему служатъ, и въ Асторохань ко государевымъ воеводамъ ѣздятъ, и заклады подавали Государю нашему, своихъ дѣтей мурзы прислали въ Асторохань, жити имъ у Государя нашего на Москвѣ. А какъ отпустилъ Государь нашъ Муратъ-Кирѣя Царевича въ Асторохань, а съ нимъ воеводъ своихъ и ратныхъ людей многихъ съ вогненнымъ боемъ, для того: которые далнiе Ногаи, и Якшисатъ Князь и Черкасы далнiе Государю нашему были непослушны, а жили въ Турского салтановѣ имени подъ Азовымъ, тѣхъ велѣлъ Государь воевать и въ свою волю привести; а которые орды тое стороны приложились къ Асторохани: Царь Шевкальской, и Князь Тюменской, и Кумыцкоiй, и Черкасы Горскiе, и Иверская земля Царь Александръ, и Князь Левонъ, тѣхъ всѣхъ велѣлъ Государь укрѣпити болшимъ укрѣпленьемъ, къ вѣрѣ ихъ привести и заклады у нихъ поимати дѣтей и братью велѣлъ. И Муратъ-Кирѣй Царевичь, прiѣхавъ съ Москвы въ Асторохань, всѣхъ тѣхъ укрѣпилъ со государевыми воеводами, и на государеву службу, куды Государь велитъ, самимъ имъ ходити и людей своихъ посылати, сколко коли Государь велитъ, и имъ потому и быти во всей въ государевѣ волѣ. А Ногаи Заволжскiе всѣ: Урусъ Князь и всѣ мурзы, есть ихъ до ста тысячь, въ государевѣ волѣ и свыше прежнего, и на государеву службу ходятъ, сколкимъ коли Государь велитъ». А нѣчто вспросятъ Оѳонасья про Сибирь,—и Оѳонасью говорити: «прежъ сего на Сибирскомъ Царствѣ Цари бывали изъ рукъ Государей нашихъ и дань давали Государемъ нашимъ; и посаженикъ Государя нашего отца, Кучюмъ Царь, учалъ быти непослушенъ, и которые данщики государевы къ нему по дань ходили по соболи, и тѣхъ высылали, ограбя; и Государя нашего отецъ за его непослушанье велѣлъ на него итти изъ Перми казакомъ своимъ Волжскимъ и Казанскимъ съ вогненымъ боемъ; и тѣ казаки, пришедъ, Царство Сибирское взяли и людей многихъ побили, а Кучюмъ Царь въ тѣ поры побѣжалъ въ Казатцкую орду на поле. А нынѣ въ Сибири Государь нашъ городы поставилъ и церкви освятилъ и воеводъ по городомъ посажалъ съ своими людми, и Сибирская земля

вся, и Югра, и Кондинскіе Князи Конды болшіе и Конды меншіе, и Пелымской Князь, и всѣ Князи Сибирского Государства, и Вогуличи, и Остяки по Оби по великой рѣкѣ, всѣ Государю нашему служатъ и ясакъ государевымъ воеводамъ платятъ». А нѣчто спросятъ про Казань и про Асторохань: какъ нынѣ Казань и Асторохань Государю, Царю и Великому Князю скужатъ? и Оѳонасью говорити: «Казань и Асторохань во всемъ въ Государя нашего волѣ по прежнему, и ратные люди на службу ходятъ, колкимъ Государь велитъ; и въ Асторохани нынѣ Государю нашему служитъ прежнего Крымского Магметъ Кирѣевы царевы дѣти, Муратъ-Кирѣй да Сафа - Кирѣй Царевичи со многими Князи и мурзами, и иные земли многи ко Государя нашего Государству къ Астороханскому приложилися: Бухарскій Царь, Юргенской Царь, Хивинской Царевичь, Изюрской Царевичь, Казатцкая орда; и къ новому городу къ Терскому, что на Теркѣ рѣкѣ, велѣлъ Государь нашъ городъ ставить; многіе земли приложились ко Государю нашему въ службу Черкаскіе Князи, Кабардинскіе, Абыслѣйскіе, Абазинскіе, Горскіе Князи, Шевкалской Царь, Тюменской Князь, Кумытцкіе Князи». А будетъ Оѳонасья учнутъ спрашивать о иныхъ о которыхъ дѣлѣхъ, и Оѳонасью говорити, «что онъ человѣкъ служивой, а при Государѣ живетъ мало, а былъ въ своемъ имѣньѣ; а какъ онъ пріѣхалъ ко Государю изъ своего имѣнья, и Государь его тотчасъ отпустить велѣлъ, а ему о тѣхъ дѣлѣхъ слышети не лучилося».

Да память Оѳонасью. «Провѣдывати ему себѣ тайно: какъ нынѣ Цесарь съ паны радами съ Коруною Полскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и чего впередъ чаятъ межъ ихъ, и брата его Максимиліяна Князя Аустрѣйского паны рада Полскіе и Литовскіе, на Королевство Полское и Великое Княжество Литовское хотятъ ли его взять, и что нынѣ Максимиліянъ Князь съ паны радами сдѣлалъ, и послы цесаревы у пановъ радъ есть ли нынѣ, и отъ пановъ радъ Полскихъ и Литовскихъ у Цесаря послы или посланники нынѣ бывали ль, и о чемъ приходили, и чего впередъ чаетъ: таки ль Максимиліяна Князя хотятъ на Королевство взять, или иного которого? и толко цесарева брата Максимиліяна Князя Аустрѣйского на Королевство Полское и на Великое Княжество Литовское паны рада не оберутъ, а возмутъ на Королевство Полское и на Великое Княжество Литовское Свѣйского Королевича, или иного которого Князя,—и Цесарю и брату его Максимиліяну Князю съ тѣмъ Королемъ и съ паны радами чаетъ ли миру, или войнѣ межъ ихъ впередъ быти? О томъ провѣдавъ подлинно и записавъ, пріѣхавъ, сказати Государю. Да и того ему провѣдывати: Руделфъ Цесарь съ папою Римскимъ, и съ Венецѣйскимъ Княземъ, и съ Ишпанскимъ съ Филиповъ Королемъ, и со Францовскимъ, и съ Аглинскою Королевою, и съ Чешскимъ Королемъ и со всѣми своими пограничными въ докончаньѣ ли, и будетъ въ докончаньѣ, и съ которымъ Государемъ въ докончаньѣ и съ которыми не въ докончаньѣ? и съ Турскимъ Салтаномъ Ишпанской Филипъ Король и Францовской Король воюется ли, и нынѣ съ Турскимъ Ишпанскому Королю и Францовскому война была ли, и Турскихъ людей побили ль и колкихъ людей побили, и Руделфъ

Цесарь и Папа Римской какъ хотятъ стоять на Турского впередъ, и сложася ль хотятъ стоять вмѣстѣ заодинъ съ Ишпанскимъ, и со Францовскимъ, и съ Венецѣйскимъ Княземъ, и со всѣми ль своими сусѣди заморскими Князи хотятъ стоять на Турского, и на каковѣ мѣрѣ хотятъ стоять, утвердяся, на Турского и на всѣхъ бесерменъ? Да что про всѣ про тѣ дѣла Ѳеонасей провѣдаетъ, и ему то все, записавъ, пріѣхавъ, сказати Государю.»

Да память Ѳеонасью Резанову. «Какъ онъ пріѣдетъ въ Литву, а въ Литвѣ будетъ учинился на Государствѣ цесаревъ братъ Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской, и Ѳеонасью проситись къ Максимиліяну Королю; а приказывати съ приставы къ паномъ радамъ, что послалъ его Государь, Царь и Великій Князь къ брату своему къ Руделфу Цесарю и къ брату его къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому; а о томъ ему государевъ наказъ есть: будетъ Максимиліянъ учинился Государемъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и ему велѣно у Максимиліяна Короля быти и поклонъ правити, и Максимиліянъ бы Король велѣлъ ему у себя быти. И будетъ ему велитъ Максимиліянъ Король у себя быти, и Ѳеонасью, пришедъ къ Королю, правити отъ Государя поклонъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—тебѣ, брату своему Максимиліяну, Божьею милостію, Королю Полскому и Великому Князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитскому, Мазоветцкому и иныхъ велѣлъ поклонитися». Да подати грамота Максимиліяну Королю, а послѣ того говорити: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ говорити: послали есмя къ брату къ нашему дражайшему къ Руделфу Цесарю и къ тебѣ, брату своему, съ грамотами гонца своего Ѳеонасья Резанова, а чаялъ тебя на Княжествѣ Аустрѣйскомъ, и нынѣ учинился еси на Великихъ Государствахъ, на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и намъ то любо таково жъ, какъ бы сами есмя на томъ Государствѣ; и ты бъ, братъ нашъ Максимиліянъ Король Полской и Великій Князь Литовскій, нашего гонца Ѳеонасья Резанова вскорѣ отпустити велѣлъ къ брату нашему и къ своему къ Руделфу Цесарю, чтобъ ему вскорѣ у него быти для нашего и для вашего вобчего дѣла, чтобъ вскорѣ наше дѣло брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю было въ вѣдомѣ». Да ѣхати Ѳеонасью наскоро къ Цесарю по наказу. А будетъ Ѳеонасью учинится вѣсть подлинная въ Смоленску, или на рубежѣ, или встрѣтятъ его гдѣ въ государевѣ землѣ государевы посланники Елизарей Ржевской да дьякъ Захарей Свіязевъ, а скажутъ ему, что въ Литвѣ Король сѣлъ Свѣйского сынъ и укрѣпился на Государствѣ, и Ѳео-

насью въ Литву за рубежъ не ходить; а хоти и за рубежемъ недалеко встрѣтитъ государевыхъ посланниковъ и скажутъ про то, что Король въ Литвѣ сѣлъ Свѣйского сынъ, и Өѳонасью воротиться вмѣстѣ съ посланники въ Смоленескъ, да отписати ко Государю, а самому побыти въ Смоленску до государева указу. А хоти будетъ посланиковъ и не встрѣтитъ до рубежа, а ему на встрѣчѣ вѣсть учинится и изъ Орши отпишутъ, что въ Литвѣ учинился Свѣйского Короля сынъ на Королествѣ, и Өѳонасью въ Литву не ходити, а быти въ Смоленску до государева указу, а о томъ отписати ко Государю».

А се такова грамота послана въ Смоленескъ о Өѳонасьевѣ отпускѣ. «Отъ Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи въ нашу отчину въ Смоленескъ, воеводѣ нашему князю Михаілу Петровичю Катыреву-Ростовскому, да боярину нашему и воеводѣ князю Өедору Дмитреевичю Шестунову съ товарищи, да дьякомъ нашимъ Богдану Захарову да Смирному-Скобѣеву. Отпустили есмя къ Руделфу Цесарю въ гонцѣхъ Өѳонасья Резанова. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и Өѳонасей въ Смоленскъ пріѣдетъ, и ты бъ, воевода нашъ князь Михайло Петровичь, отписалъ отъ себя въ Оршу къ Оршанскому старостѣ, или къ державцу, кому нынѣ въ Оршѣ приказано, что послали есмя къ брату своему къ Руделфу Цесарю гонца своего Өѳонасья Резанова и у пановъ радъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского быти есмя ему велѣли и грамота съ нимъ къ паномъ радамъ есть; и Оршанской бы староста выслалъ на рубежъ встрѣчю къ Өѳонасью пристава, и кормъ и подводы—и именно тотъ день написати велѣли, къ которому дни Өѳонасью на рубежъ быти. И отпустили бы есте Өѳонасья изъ Смоленска по прежнему нашему указу и проводити его до рубежа и до Орши дѣтей боярскихъ послали. А какъ Өѳонасья отпустите изъ Смоленска, и въ которой день и какъ изъ Орши объ немъ отпишутъ, и вы бъ о томъ къ намъ отписали». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7096, Генваря въ 30 день.

И Генваря въ 29 день, писалъ ко Государю, Царю и Великому Князю изъ Смоленска Өѳонасей Резановъ, что въ государевѣ наказѣ у него написано: будетъ встрѣтитъ государевыхъ посланниковъ Елизарья Ржевского да дьяка Захарья Свіязева въ Смоленскѣ, или гдѣ нибудь, и скажутъ ему, что въ Литвѣ Король сѣлъ Свѣйского сынъ, и ему въ Литву за рубежъ не ходить, а быти въ Смоленскѣ до государева указу, да о томъ велѣно отписати ко Государю. И государевы посланники Елизарей Ржевской и дьякъ Захарей Свіязевъ встрѣтили его въ Смоленску и сказывали, что Свѣйского сынъ нынѣ въ Краковѣ, и сажаютъ его на Королевство не многіе паны и со всею землею онъ на Королевство не укрѣпился, а цесаревъ дей братъ Максимиліянъ нынѣ стоитъ въ Полшѣ, а съ нимъ многіе люди. И онъ въ Смоленску дожидается государева указу.

И по Государеву, Цареву и Великого Князя указу, писано отъ Государя въ Смоленескъ къ Өѳонасью Резанову, а велѣно ему изъ Смоленска итти къ Оршѣ и въ Литву, не мѣшкая, по государеву наказу; а къ воеводамъ въ Смоленескъ отъ Государя писано, велѣно отписати въ Оршу къ державцу о Өѳонасьѣ по прежнему государеву указу, и Өѳонасья изъ Смоленска велѣно отпустить тотчасъ.

И Февраля въ 4 день, пріѣхали ко Государю, Царю и Великому Князю изъ Литвы посланники Елизарей Ржевскій, діакъ Захарей Свіязевъ; а сказали, что паны рада Польскіе, канцлеръ Янъ Замойской и иные паны обрали на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское Свѣйского Королевича, и Литовскіе паны многіе на Свѣйского жъ згодилися; а цесаревъ братъ Максимиліянъ стоитъ въ Польской же землѣ съ ратью и городы въ Польской землѣ многіе поималъ, а хочетъ итти къ Кракову за то, что мимо его обрали на Королевство Свѣйского Королевича; а съ нимъ стоятъ Польскіе паны Зборовскіе да воевода Познанской».

И по тѣмъ вѣстемъ приговорилъ Государь, Царь и Великій Князь съ бояры, отпустити къ Рудельфу Цесарю и къ брату его къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому съ грамотами таіно, черезъ Лифляндскую землю на Ригу, цесарскаго Нѣмчина, Лукаша Павлусова сына Магнусова, для того: любо гонца Ѳеонасія Резанова черезъ Литовскую землю не пропустятъ, ино бъ та грамота съ Лукашомъ до Цесаря дошла.

И Февраля въ 8 день, цесарской Нѣмчинъ Лукашъ къ Цесарю отпущенъ, а грамота съ нимъ къ Цесарю послана такова: «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый и Крайній Верхъ, направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо, Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Асторохайскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу второму, Божьею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроацкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Коратынскому, Корніольскому и иныхъ, Маргграфу Муравскому, Князю Люцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлеіскому, Вертиборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тирольскому Ферацкому, Кибурскому и Горецкому, Ланкграбѣ Алсицкому, Монархѣ Римского Царствія, Бургунскому, вышніе и нижніе земли Лусатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Прежъ сего, межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи и межъ отца твоего, блаженные памяти, Великого Государя, Максимиліяна Цесаря и межъ тебя, Великого Государя Руделфа Цесаря, были ссылки о любви и о докончаньѣ. А какъ Божьимъ судомъ Жигимонта Августа Короля Польского и Великого Князя Литовского не

стало, а дѣтей у него не осталось, а тѣ Государства, Коруна Польская и Великое Княжество Литовское, были безгосударны; и присылали къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи паны рады Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, свѣтцкіе и духовные, посланника своего, писаря Великого Княжества Литовского Михайла Гарабурду, просячи у отца нашего насъ, Великого Государя, себѣ Государемъ на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское. И отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи къ панамъ радамъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского съ посланникомъ ихъ, съ писаремъ Михайломъ Гарабурдою, приказывалъ и въ грамотахъ своихъ писалъ, чтобъ они обрали себѣ на Государство, на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское брата твоего Эрнеста, Князя Аустрѣйского; а ко отцу твоему, брата нашего, блаженные памяти, къ Максимиліяну Цесарю, отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи писалъ и приказывалъ и неодиново, хотячи того, чтобъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ сынъ его, а твой, брата нашего дражайшего, братъ Эрнестъ Князь Аустрѣйской; а со отцомъ бы нашимъ, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи, отецъ твой блаженные памяти, Великій Государь Максимиліянъ Цесарь и ты, братъ нашъ дражайшій, Великій Государь Рудельфъ Цесарь, былъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ недруговъ на бусурманскихъ Государей заодинъ; и то дѣло тогды не сталось. А какъ съ Божьею помочью мы, послѣ отца своего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, по его благословенью, сѣли есмя на своихъ Государствахъ, и мы посылали къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю, посланника своего Лукьяна Новосильцова о своемъ Государствѣ обѣстить, и про наше здоровье тебѣ, брату нашему, сказати, а про твое здоровье, брата нашего дражайшего, Великого Государя Руделфа Цесаря, спросити; и о томъ тебя брата нашего напоминали есмя, чтобъ ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, слалъ къ намъ пословъ своихъ или посланниковъ добрыхъ, которые бъ межъ нами могли старое докончанье подтвердити, а новое докончанье укрѣпити. И ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, къ намъ посла, ни посланника своего о томъ дѣлѣ не прислалъ долгое время. А лѣтось пріѣзжалъ къ намъ отъ тебя, брата нашего, отъ Руделфа Цесаря, и отъ брата твоего, отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, гонецъ Индрикъ Гойгель, а рѣчью нашему Царскому Величеству отъ тебя, отъ брата нашего дражайшего, отъ Руделфа Цесаря, и отъ брата твоего, отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, говорилъ, что хотѣлъ еси, братъ нашъ, къ намъ слать великихъ своихъ пословъ, старое докончанье межъ нами подкрѣпити, а новое утвердить, да за многими дѣлы то посольство на нынѣшнее время не сталось не на долгое время, а (в)передъ

то исправится. Да говорилъ нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего, и отъ брата твоего, отъ Максимиліяна Князя Аустрѣйского, гонецъ вашъ Индрикъ о Литовскомъ дѣлѣ, о Корунѣ Польской и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, что Стефана Короля Польского и Великого Князя Литовского не стало, и земскіе чины Коруны Полскіе, совѣтовавъ, приговорили сьемъ Іюня тридцатаго дня прошлаго 87 году, для избранья иного Короля; и нашему Царскому Величеству и наипаче о томъ вѣдати, что къ добру и къ прибытку всему Хрестьянству надобно единовѣрный, праведный, богобоязливый хрестьянскіі Король въ Польшѣ: буде мы, Великій Государь, будемъ Государемъ на Корунѣ Польскоі и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и то Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Руделфу Цесарю и брату вашему Максимиліяну Князю Аустрѣйскому таково жъ любо, что и за вами то Государство будетъ. И нашему бъ Царскому Величеству того въ отчаяньѣ не оставить, на тотъ же имено данноі срокъ нашихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Польскоі послать; а о томъ у нашего Царского Величества Вашего Пресвѣтлѣйшества любительное прошенье и хотѣніе, чтобъ намъ съ тѣми своими послы наказати и прошати велѣти, чтобъ тѣ чиновные паны Польскіе любо наше Царское Величество на то Государство призывати похотѣли, или бъ брата Твоего Пресвѣтлѣйшества, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо всѣхъ иныхъ, призывали на Королевство; а Твоего Пресвѣтлѣйшества братъ Максимиліянъ Князь Аустрѣйской нашимъ землямъ и людемъ дружебную и братственную постоятельную любовь вѣчную держати хочетъ, и тогды съ нашимъ Царскимъ Величествомъ противъ всѣхъ нашихъ недруговъ заодинъ стояти, въ единачествѣ и во укрѣпленьѣ быти хочетъ; и нашему Царскому Величеству надежну быть отъ брата вашего, чего похотить искати у Коруны Полской, и онъ за то не постоитъ. И мы, выслушавъ гонца вашего такіе рѣчи любительные о братствѣ и о всякомъ прибыткѣ хрестьянскомъ, и помня прежніе ссылки межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца твоего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліяна Цесаря, и тебя, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, для твоей братственноі любви, посылали есмя къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжеству Литовскому пословъ своихъ великихъ, боярина своего и намѣстника Великопермского и Костромского Степана Васильевича Годунова, съ товарищи. И послы наши великіе, бояринъ и намѣстникъ Великопермской и Костромскоі Степанъ Васильевичь Годуновъ съ товарищи, будучи на элекціи (въ) Варшевѣ, говорили паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, чтобъ онѣ обѣма землями, Коруною Полскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обрали себѣ Государемъ насъ, Великого Государя, и были подъ нашею царскою рукою, а намъ бы съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ и съ зятемъ вашимъ, съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ, быти въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на всякихъ недруговъ бусурманскихъ Государей заодинъ; и будетъ насъ себѣ Государемъ не оберутъ,

и они бъ обрали себѣ Государемъ брата твоего Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо иныхъ всѣхъ Государей, потому что братъ твой Максимиліянъ Великого Государя цесаревъ сынъ и Великого Государя тебя, брата нашего, Цесаря Рудельфа братъ, и на тѣхъ Великихъ Государствахъ быти ему пригожъ. А какъ онъ будетъ у нихъ на тѣхъ Великихъ Государствахъ, и ты, братъ нашъ дражайшій, будучи на своемъ Государствѣ, и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской, и братъ твой Максимиліянъ, будучи Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, и утвердясь съ нами, съ Великимъ Государемъ, въ докончаньѣ, будемъ стояти всѣ обще заодинъ на Турского и на всѣхъ недруговъ. И то имъ иныхъ всѣхъ Государей и всему Хрестьянству будетъ прибыльнѣе, только братъ твой будетъ на такомъ великомъ Государствѣ. А съ невеликихъ бы становъ, Свѣйского сына или которого иного Поморского Княжати на тѣ великіе Государства не обирали, потому что тѣ Государи непристойны: о Хрестьянствѣ не радѣютъ, только всегды на кровопрозлитье хрестьянское желаютъ, а бесерменскимъ Государемъ въ томъ радость чинятъ; а только будетъ братъ твой Максимиліянъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и намъ то будетъ любо таково жъ, что и мы будемъ на тѣхъ Государствахъ.—И какъ послы наши, будучи на элекціи, по нашему приказу о томъ паномъ радомъ говорили, чтобъ паны рада обрали насъ себѣ Государемъ, или бъ брата твоего, Максимиліяна Князя Аустрѣйского,—то и посломъ вашимъ, твоимъ, брата пашего дражайшего Руделфа Цесаря и брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского, извѣстно о всемъ. А и нынѣ послали есмя къ паномъ радамъ посланниковъ своихъ Елизарья Ржевского да дьяка Захарья Свіязева о томъ же нашемъ вобчемъ дѣлѣ, чтобъ они, згодясь межъ себя, обрали себѣ Государемъ брата твоего, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, на тѣ Государства; а намъ то будетъ таково жъ любо, какъ и за нами тѣ Государства будутъ. И къ намъ пріѣхавъ, наши посланники Елизарей Ржевской да дьякъ Захарей Свіязевъ сказывали, что Литовскіе и Польскіе паны, оторвався ото всее земли, мимо прежніе обычаи, немногіе паны канцлеръ Янъ Замойской съ товарищи, по присылкѣ бесерменского Государя Турского Салтана, прельстясь на Свѣйское золото, хотя видѣти кровopозлитье въ Хрестьянствѣ, посадили на Королевство Польское въ Краковѣ Свѣйского Королевича, а насъ и брата твоего, Максимиліяна Князя оставили. А съ братомъ съ твоимъ, съ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, Польскіе паны Зборовскіе и Познанской воевода стоятъ противъ Свѣйского Королевича и бои межъ ими есть; и наши посланники съ Литовскимъ дворяниномъ, съ Силою Сноискимъ къ брату твоему, къ Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, о томъ приказывали жъ. И то паны Польскіе и Литовскіе, канцлеръ Янъ Замойской съ товарищи дѣлаютъ, хотя розлитія крови хрестьянскіе, что такого Короля, Свѣйского Королевича обрали себѣ Государемъ, по присылкѣ Салтана Турского, а мимо насъ, Великихъ Государей, и мимо прежніе обычаи, не со всею землею приговоря. И мы нынѣ, помня прежніе ссылки о

любви и о докончаньѣ межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, и межъ отца твоего Максимиліяна Цесаря, и наипаче того хотимъ, чтобъ тѣ великіе Государства, Коруна Польская и Великое Княжество Литовское, мимо насъ и мимо брата твоего Максимиліяна Князя, ни за кѣмъ за инымъ не были: любо бъ за нами тѣ Государства были или бы за братомъ твоимъ, за Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ; а намъ бы межъ себя утвердяся въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, противъ всѣхъ недруговъ бусурманскихъ Государей стояти заодинъ; и то намъ будетъ таково жъ любо, какъ и за нами тѣ Государства, только бы тѣ Государства мимо насъ обѣихъ Великихъ Государей не прошли къ иному Государю, о томъ бы намъ промышляти собча заодинъ съ обѣ стороны. А къ намъ нынѣ сее зимы въ Декабрѣ мѣсяцѣ прислалъ братъ нашъ Кизылбашской Шахъ своего посланника, просячи того у насъ, чтобъ мы съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ утвердились и стояли бъ противъ Турского Салтана заодинъ; а намъ бы, укрѣпясь съ Кизылбашскимъ Шахомъ въ крѣпкомъ докончаньѣ и сославсе съ тобою, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, съ Рудельфомъ Цесаремъ и съ зятемъ вашимъ, съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Королемъ Французовскимъ, и укрѣпясь съ вами въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти всѣмъ намъ обще на Турского заодинъ. И мы по тому его прошенью и договоръ съ нимъ хотимъ учинить, и съ его посланникомъ своего посланника къ нему отпустили, и хотимъ съ нимъ быти въ крѣпкомъ докончаньѣ и въ братцкой любви; а на лѣто Кизылбашской Шахъ къ намъ пришлетъ пословъ своихъ великихъ то дѣло закрѣпить. И мы о томъ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Рудельфу Цесарю объявляемъ, что Кизылбашской Шахъ проситъ у насъ того, чтобъ мы его приняли къ себѣ въ дружбу и въ докончанье, и стоять бы намъ, и тобѣ и Кизылбашскому Шаху на Турского заодинъ. И нынѣ мы для тѣхъ великихъ дѣлъ, помня прежніе ссылки о братцкоії любви и о докончаньѣ межъ нашихъ прежнихъ прародителей, и для нынѣшнего дѣла, послали есмя къ тебѣ, къ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, тебя о томъ дѣлѣ напомянути, гонца своего Ѳѳонасья Резанова черезъ Литовскую землю, а другого гонца Ивана Загрязского къ тебѣ отпустили есмя черезъ Лифлянскую землю; а съ сею нашею грамотою тайно отпустили есмя къ тебѣ, брату нашему, человѣка твоего, Лукаша Павлусова сына, для того: любо нашихъ гонцовъ къ тебѣ, брату нашему къ Рудельфу Цесарю не пропустятъ, что Литовскимъ людемъ наша ссылка съ тобою, братомъ нашимъ съ Рудельфомъ Цесаремъ, нелюба, и къ тебѣ бы съ сею нашею грамотою Лукашъ доѣхалъ. А за то намъ пригоже всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ, какъ намъ, такъ и папѣ Римскому, такъ тобѣ, брату нашему дражайшему Рудельфу Цесарю, такъ Ишпанскому Королю, такъ Французовскому Королю, утвердясь и соединясь, стати заодинъ на Турского и на тѣхъ, которые съ бесерменскимъ Государемъ складываются заодно. А что надобно брату твоему на наемъ денги или золотые стоять на Польскую и на Литовскую землю, и мы брату твоему Максими-

ліяну Князю Аустрѣйскому, ни за что не постоимъ; а хотимъ того, чтобъ, далъ Богъ, твой братъ, Максимиліянъ Князь Аустрѣйской, былъ на тѣхъ Государствахъ. И какъ къ тебѣ, брату нашему дражайшему, съ сею нашею грамотою Лукашъ пріѣдетъ, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Рудельфъ Цесарь, для нынѣшнихъ нашихъ и вашихъ дѣлъ, слалъ бы еси къ намъ своихъ великихъ пословъ или посланниковъ, добрыхъ людей, вскорѣ, не мѣшкавъ, не со многими людми, которою дорогою пригоже, о такомъ о великомъ дѣлѣ, о соединеньѣ и о докончаньѣ и о прибыткѣ всего Хрестьянства, о всемъ ихъ наказавъ подлинно, и о Кизылбашскомъ дѣлѣ подлинно наказавъ. А будетъ черезъ Литовскую землю, и черезъ Лифлянскую землю и на Руголивъ черезъ Датцкую и черезъ Свѣйскую землю ѣхати твоимъ посломъ будетъ невмѣстно, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, слалъ къ намъ своихъ пословъ моремъ окіяномъ къ Сѣверной странѣ, къ нашему пристанищу, къ Колмогорскому городу. А какъ послы твои, брата нашего, у насъ будутъ, и мы велимъ съ ними бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинити, какъ которымъ дѣламъ быти пригоже; и утвердяся бы намъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, съ Рудельфомъ Цесаремъ, и съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ и съ Королемъ Францовскимъ въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти на всѣхъ недруговъ, и на бесерменъ, и на Турского обще заодинъ, обослався со всѣми Государи Хрестьянскими и укрѣпясь съ Кизылбашскимъ Шахомъ. А торговые бъ люди наши съ обѣ стороны межъ насъ ходили, и торговали вольною торговлею и прибытка собѣ искали съ обѣ стороны.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096-го, Февраля мѣсяца».

А се такова грамота послана съ Лукашомъ къ цесареву брату, къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому: «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣньемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всея Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохански́й, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверныхъ странъ Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря Римского, брату Максимиліяну, Божьею милостію, Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Карніольскому и Ветемборскому, Грабѣ Тирольскому и иныхъ. Прежъ сего межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи и межъ отца

вашего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліяна Цесаря и межъ брата твоего, Великого Государя Рудельфа Цесаря были ссылки о любви и о докончаньѣ. А какъ, Божьимъ судомъ, Жигимонта Августа Короля Польского и Великого Князя Литовского не стало, а дѣтей у него не осталось, а тѣ Государства Коруна Польская и Великое Княжество Литовское были безгосударны, и присылали къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи паны рады Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, свѣтцкіе и духовные, посланника своего писаря Великого Княжества Литовского Михайла Гарабурду, просячи у отца нашего насъ, Великого Государя, себѣ Государемъ на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское. И отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи къ паномъ радамъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, съ посланникомъ ихъ съ писаремъ, съ Михайломъ Гарабурдою, приказывалъ и въ грамотахъ своихъ писалъ, чтобъ они обрали себѣ на Государство на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское брата вашего Эрнеста, Князя Аустрѣйского; а къ отцу вашему, блаженные памяти къ Максимиліяну Цесарю отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи писалъ и приказывалъ и неоднова, хотячи того, чтобъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ сынъ его, а вашъ братъ Эрнестъ Князь Аустрѣйскій; а съ отцомъ бы нашимъ, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи отецъ вашъ, блаженные памяти, Великій Государь Максимиліянъ Цесарь и братъ твой, Рудельфъ Цесарь, были въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ недруговъ, на бусурманскихъ Государей заодинъ. И то дѣло тогды не сталось. А какъ Божьею помочью, мы послѣ отца своего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, по его благословенью, сѣли есмя на своихъ Государствахъ, и мы посылали къ брату твоему Рудельфу Цесарю посланника своего Лукьяна Новосильцова о своемъ Государствѣ обѣстить и про наше здоровье сказати, а про его, брата нашего Рудельфа Цесаря, здоровье спросити, и о томъ его напоминали, чтобъ братъ нашъ дражайшіи и любезнѣйшій Рудельфъ Цесарь слалъ къ намъ пословъ своихъ или посланниковъ добрыхъ, которые бъ межъ насъ могли старое докончанье подтвердить, а новое докончанье укрѣпить. И братъ твой Руделфъ Цесарь къ намъ посла и посланника своего о томъ дѣлѣ не прислалъ долгое время. А лѣтось пріѣзжалъ къ намъ отъ брата твоего Рудельфа Цесаря и отъ тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, гонецъ Индрикъ Гойгель, а рѣчью нашему Царскому Величеству отъ брата твоего Рудельфа Цесаря и отъ тебя, отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, говорилъ, что хотѣлъ къ намъ братъ нашъ Рудельфъ Цесарь слать великихъ своихъ пословъ старое докончанье межъ насъ подкрѣпить, а новое утвердить, да за многими дѣлы то посольство не сталось не на долгое время, а впередъ то испра-

вится. Да говорилъ нашему Царскому Величеству отъ брата твоего, Рудельфа Цесаря и отъ тебя, отъ Максимиліяна Князя Аустрѣйского, гонецъ вашъ Индрикъ о Литовскомъ дѣлѣ и о Корунѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, что Стефана Короля Польского и Великого Князя Литовского не стало, и земскіе чины Коруны Польскіе, совѣтовавъ, приговорили: будетъ имъ всѣмъ сьемъ Іюня тридцатаго дня прошлаго 87 году для избранья иного Короля; и нашему Царскому Величеству и наипаче о томъ вѣдати, что къ добру и къ прибытку всему Хрестьянству надобно единовѣрный, праведный, богобоязнивый и хрестьянскій Король въ Польщѣ. Буде мы, Великій Государь, будемъ Государемъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и то брату твоему Руделфу Цесарю и тебѣ, Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, таково жъ любо, что и за вами то Государство будетъ; и нашему бъ Царскому Величеству того въ отчаяньѣ не отставити, на тотъ же имянный срокъ нашихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Польской послать, и паномъ радамъ говорити наказати, чтобъ паны Полскіе любо наше Царское Величество на то Государство призвати похотѣли, или бъ тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо всѣхъ иныхъ, призвали на Королевство; а ты, Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйскій, нашимъ землямъ и людемъ дружебную и братственную, постоятельную любовь вѣчную держати хочешь, и тогды съ нашимъ Царскимъ Величествомъ противъ всѣхъ нашихъ недруговъ заодинъ стояти, и въ единачествѣ и во укрѣпленьѣ быти хочешь. И мы, выслушавъ гонца вашего такіе рѣчи любительные о братствѣ и о всякомъ прибыткѣ хрестьянскомъ, и помня прежніе ссылки, къ Корунѣ Полской и къ Великому Княжеству Литовскому посылали есмя пословъ своихъ великихъ, боярина своего и намѣстника Великопермского и Костромского Степана Васильевича Годунова съ товарищи. И послы наши великіе, бояринъ и намѣстникъ Великопермскій и Костромскій Степанъ Васильевичъ Годуновъ съ товарищи, будучи на елекціи (въ) Варшавѣ, говорили паномъ радамъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, чтобъ они обѣма землями, Коруною Полскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обрали себѣ Государемъ насъ, Великого Государя, и были подъ нашею царскою рукою; а намъ бы съ братомъ твоимъ съ Руделфомъ Цесаремъ и съ тобою, съ Максимиліяномъ Княземъ, и зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ быти въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ бусурманскихъ Государей заодинъ; а буде насъ себѣ Государемъ не оберутъ, и они бъ обрали себѣ Государемъ тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо иныхъ всѣхъ Государей, потому что ты, Максимиліянъ Князь, Великого Государя цесаревъ сынъ, и на тѣхъ великихъ Государствахъ быти тобѣ пригоже. А какъ ты будешь у нихъ на тѣхъ великихъ Государствахъ, и братъ твой Руделфъ Цесарь, будучи на своемъ Государствѣ, и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской и ты, Максимиліянъ Князь Пресвѣтлѣйшій, будучи Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, утвердясь съ нами, съ Великимъ Государемъ, въ докончаньѣ, будешь

стоять на всѣхъ обще заодинъ на Турского и навсѣхъ недруговъ. И то имъ иныхъ всѣхъ Государей и всему Хрестьянству будетъ прибыльнѣе, только ты будешь на таком великомъ Государствѣ. А съ невеликихъ бы становъ Свѣйского сына или которого иного Поморского Княжати на тѣ великіе Государства не обирали, потому что тѣ Государи непристоіные: о Хрестьянствѣ не радѣютъ, только всегды на кроворозлитье хрестьянское жедаютъ, а бесерменскимъ Государемъ въ томъ радость чинится. А намъ то любо будетъ таково жъ, что и мы будемъ на тѣхъ великихъ Государствахъ, только будешь ты, Максимиліянъ Князь, на тѣхъ Государствахъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ. И какъ послы наши, будучи на элекціи, по нашему приказу, о томъ паномъ радамъ говорили, чтобъ паны рада обрали насъ себѣ Государемъ или бъ тебя, Максимиліяна Князя Аустрѣйского,— то и посломъ вашимъ, брата твоего Руделфа Цесаря, и твоимъ, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, извѣстно о всемъ. А нынѣ посылали есмя къ паномъ радамъ Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского посланниковъ своихъ Елизарья Ржевского да дьяка Захарья Свіязева о томъ же нашемъ вобчемъ дѣлѣ, чтобъ они, згодяся межъ себя, обрали себѣ Государемъ на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, а намъ то будетъ любо таково жъ, какъ и за нами тѣ Государства будутъ, только будешь ты на тѣхъ Государствахъ. И къ намъ пріѣхавъ, наши посланники Елизарей Ржевской да дьякъ Захареі Свіязевъ, сказывали, что паны рада Литовскіе и Полскіе немногіе, оторвався ото всее земли, мимо прежніе обычаи, канцлеръ Янъ Замоіской съ товарищи, по присылкѣ бесерменского Государя, Турского Салтана, прелстяся на Свѣйское золото, хотя въ Хрестьянствѣ кроворозлитье видѣти, посадили на Королевство Польское Свѣйского сына, хотя съ бесермены, съ Турскимъ, укрѣпиться и стояти на насъ, на хрестьянскихъ Государей; а насъ и тебя, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, отставили. И наши посланники о томъ къ тебѣ, къ Максимиліяну Князю, съ Литовскимъ дворяниномъ съ Силою Снопскимъ * приказывали жъ. И то паны Полскіе и Литовскіе, канцлеръ Янъ Замоіской съ товарищи, дѣлаютъ, хотя видѣти кроворозлитье во Хрестьянствѣ, что такого Короля, Свѣйского Королевича, обрали себѣ на Государство, по присылкѣ Салтана Турского, а мимо насъ, Великихъ Государей, и мимо прежніе обычаи, а не со всею землею приговоря. И мы нынѣ, помня прежніе ссылки о доканчаньѣ и о любви межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи и межъ отца вашего Максимиліяна Цесаря, и наипаче того хотимъ, чтобъ тѣ великіе Государства, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, мимо насъ и мимо брата твоего, Рудельфа Цесаря, и тебя, ни за кѣмъ за инымъ не были: любо бъ за нами тѣ Государства были, или бы за тобою, за Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, а намъ бы, межъ себя утвердяся въ доканчаньѣ и въ соединеньѣ

* Въ подлинникѣ «съ Нопскимъ». Ср. выше стр. 1056.

противъ всѣхъ недруговъ, бусурманскихъ Государей, стояти заодинъ. И то намъ будетъ таково жъ любо, какъ и за нами тѣ Государства, только ты, Максимиліянъ Князь, будешь на тѣхъ Государствахъ; только бы тѣ Государства мимо насъ обѣихъ Великихъ Государей не прошли къ иному Государю, о томъ бы намъ собча промышляти вмѣстѣ заодинъ съ обѣ стороны въ такое время, какъ тѣ Государства безгосударны, и быти бъ намъ съ братомъ твоимъ дражайшимъ, съ Рудельфомъ Цесаремъ, и съ тобою, съ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всѣхъ недруговъ заодинъ. А мы нынѣ для тѣхъ великихъ дѣлъ, помня прежніе ссылки и докончанье о братцкой любви межъ нашихъ прежнихъ прародителей, и для нынѣшнего дѣла, послали есмя къ брату твоему къ дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю, и къ тебѣ, къ Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, напомянути о томъ дѣлѣ гонца своего Оѳонасья Резанова, черезъ Литовскую землю, а другого гонца Ивана Загрязского отпустили есмя къ брату нашему и твоему, къ Руделфу Цесарю, и къ тебѣ черезъ Лифлянскую землю; а съ сею нашею грамотою тайно отпустили есмя къ вамъ человѣка вашего Лукаша Павлусова сына, для того: любо нашихъ гонцовъ къ вамъ не пропустятъ, что Литовскимъ людемъ наша ссылка съ братомъ твоимъ, съ Рудельфомъ Цесаремъ, и съ тобою, съ Максимиліяномъ Княземъ нелюба, и къ вамъ бы съ нашими грамотами Лукашъ доѣхалъ. А за то намъ пригоже, всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ, какъ намъ, такъ папѣ Римскому, такъ брату нашему и твоему Рудельфу Цесарю, такъ Ишпанскому Королю, такъ Францовскому Королю, утвердяся и соединачився, стати заодинъ на Турского и на тѣхъ, которые съ бесерменскимъ Государемъ складываются. А что будетъ тебѣ надобно на паемъ денги или золотые стояти на Польскую и на Литовскую землю, и мы тебѣ (н)и за что не постоимъ; а хотимъ того, чтобы, далъ Богъ, ты, Пресвѣтлѣйшій Князь Максимиліянъ, былъ на тѣхъ Государствахъ. И какъ къ вамъ съ нашими грамотами гонецъ нашъ Оѳонасей и Лукашъ доѣдетъ, и братъ бы нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, и ты бъ, Пресвѣтлѣйшій Максимиліянъ Князь Аустрѣйскій, для нынѣшнихъ нашихъ и вашихъ дѣлъ, слали къ намъ своихъ великихъ пословъ или посланниковъ, добрыхъ людей, вскорѣ, не мѣшкавъ, не со многими людьми и которого дорогою пригоже, о таковомъ о великомъ дѣлѣ, о соединеньѣ, и о докончаньѣ и о прибыткѣ всего Хрестьянства, о всемъ ихъ наказавъ подлинно. А будетъ черезъ Литовскую землю и на Ругодивъ, черезъ Датцкую и черезъ Свѣйскую землю ѣхать вашимъ посломъ будетъ невмѣстно, и братъ бы нашъ дражайшій Рудельфъ Цесарь и ты, Максимиліянъ Князь Аустрѣйской, слали къ намъ своихъ пословъ моремъ окіяномъ къ Сѣверной странѣ, къ нашему пристанищу, къ Колмогорскому городу. А какъ послы ваши у насъ будутъ, и мы велимъ съ ними бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинить, какъ которымъ дѣломъ быти пригоже. И утвердясь бы намъ съ братомъ твоимъ съ Рудельфомъ Цесаремъ и съ тобою, съ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, въ докончаньѣ и въ

соединенье, стояти на всѣхъ недруговъ на бесерменскихъ Государей обще заодинъ, обослався со всѣми Государи хрестьянскими. А торговые бъ люди наши съ обѣ стороны межъ насъ ходили, и торговали повольною торговлею, и прибытка себѣ искали съ обѣ стороны.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096, Генваря мѣсяца».

А для проѣзду Нѣмчину Лукашу грамота о торговлѣ дана такова: «Божіею милостію, отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохановского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя и иныхъ многихъ земель Государя,— въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и на Колмогоры, къ новому Колмогорскому городу, къ морскому пристанищу, бояромъ нашимъ и воеводамъ, дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Пріѣзжалъ къ намъ Анборского города торговой Нѣмчинъ Лукашъ съ товарищи, били челомъ, чтобъ намъ его пожаловати, поволити ему пріѣзжать торговати съ товаромъ въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и къ новому Колмогорскому городу, къ морскому пристанищу, и въ наше Государство къ Москвѣ. И мы его пожаловали, поволили ему съ товаромъ пріѣзжати въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и къ новому Колмогорскому городу, къ морскому пристанищу. И какъ Лукашъ съ товаромъ въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ и во Псковъ, или на Колмогоры пріѣдетъ торговати, и вы бъ ему торговати велѣли, а пошлину бъ есте съ его товару велѣли имати по нашему указу. А будетъ онъ похочетъ ѣхати съ товаромъ въ наше Государство къ Москвѣ, и вы бъ, бояре наши и воеводы, діяки и всякіе наши приказные люди, по всѣмъ нашимъ городомъ, къ намъ, къ Москвѣ, пропущали съ товаромъ его и съ людьми, безо всякого задержанья; а прочитая сее нашу грамоту проѣзжую и списывая съ нее въ книги, отдавали Нѣмчину Лукашу Павлусу назадъ».— Писана на Москвѣ, лѣта 7096 Февраля въ 30 (sic) день.

Да по государеву жъ указу, цесарскіе области Нѣмчинъ Павлусъ Магнусовъ, которой пріѣзжалъ прежъ того отъ Цесаря ко Государю съ грамотами, послалъ съ сыномъ своимъ, съ Лукашомъ, къ Рудельфу Цесарю грамоту.

А се переводъ съ Павлусовы грамоты къ Рудельфу Цесарю: «Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій, Всемилостивый Цесарь и Государь! также и тотъ Велеможнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всея Русіи, что въ нынѣшніе въ пристрашные времена въ здѣшнихъ мѣстѣхъ, и въ сусѣдствахъ, и въ Турскихъ и въ Татарскихъ странахъ объявились, и то извѣстно всѣмъ; а что отецъ Его Царского Величества, многими ссылками съ Вашего Цесарского Величества отцомъ, блаженные памяти, и съ Римскимъ Цесарствомъ, хотѣлъ великого хрестьянского соединенья и докончанья, и то

для ихъ Великихъ Государей смерти по ся мѣсто не свершилось; нынѣ для тѣхъ великихъ дѣлъ умыслилъ Государь, Царь и Великій Князь Ваше Цесарское Величество, своими съ скорыми посланники напомянути: одного послалъ посланника своего черезъ Литовскую землю, а другого черезъ Лифлянскую землю. А буде, для нынѣшнего пристрашнаго времени, черезъ Литовскую землю и черезъ Лифлянскую тѣхъ посланниковъ не пропустятъ, и для того третьею дорогою сынъ мой Лукашъ съ грамотою отпущенъ будетъ: одного не пропустятъ, ино другой или третей къ Вашему Цесарскому Величеству дойдетъ. И что есми своима очима видѣлъ и разумѣлъ, то извѣщаю: что Татарская сила, для ихъ розни и мятежу промежъ собою, розорвались, а Государю, Царю и Великому Князю и его Государствомъ великой прибытокъ учинился, понеже многіе Татарскіе Государства къ Его Царскому Величеству приложились; и многіе разумные люди о томъ розсужаютъ, что такіе дѣла годны ко умноженью всему Хрестьянству, только бы такое первоначальное доброе дѣло, дружелюбство и соединенье совершилось вскорѣ, и въ любви и въ соединеньѣ въ вѣкъ пребыли. А Татаровя многіе розные, иные были подъ Турского рукою, ино начальной отъ Перекопскихъ Татаръ, которыхъ сильными нарекаютъ, именемъ Муратъ Кирѣй Царевичь, Государю, Царю и Великому Князю голову свою приклонили, и въ соединеньѣ съ Государемъ противъ нынѣшнего Татарского Царя, брата своего, и противъ Турского стоитъ; и не въ давномъ времени поѣхалъ въ Восточную страну, въ Татарскіе орды достальныхъ несчотныхъ Татаръ къ Московскому Государству и подъ государеву руку привести; и нынѣ де и ужъ многіе орды Татарскіе и несчотную силу подъ государеву царскую руку привелъ и укрѣпилъ, что есми о томъ подлинно довѣдался, которое Государство — приложились къ нему Государи: Бухарской Царь, а у него воинскихъ людей съ двѣстѣ тысячь; Юрогеньчской Царь, а съ нимъ сто тысячь; Изюрской Царь, а съ нимъ пятдесять тысячь; Хивинское Царство, а съ нимъ тридцать тысячь; Казатцкіе орды съ Царевичи тридцать тысячь; Шевкалской Царь, а съ нимъ пятдесять тысячь; Грузинской Александръ Царь христьянской, тожъ Иверская земля, а съ нимъ пятдесятъ тысячь; Кумыцкой Князь, а съ нимъ тридцать тысячь; Черкасы Пятигорскіе, Джанскіе, Абазинскіе, Абаслейскіе, всѣхъ ихъ съ пятдесятъ тысячь; Нагай Заволжскихъ Урусъ Князь; Сейдахметъ мурза, Урмагметъ мирза и иные многіе мирзы, которые Государю давно служатъ; а нынѣ больши прежнего укрѣпились со сто тысячь другихъ Нагай Казыева улуса, которые кочуютъ по другую сторону Волги, по Крымской сторонѣ; Якшсатъ Князь, Абреимъ мурза, Арасланъ Дивѣевъ сынъ, Ханъ мирза Казыевъ сынъ и многіе мирзы, всѣхъ ихъ со сто тысячь;— тѣ всѣ орды, Муратъ-Кирей Царевичь подъ государеву царскую руку укрѣпилъ болшимъ укрѣпленіемъ, и къ вѣрѣ ихъ привелъ и заклады поималъ: братью ихъ, и дѣтей, и племянниковъ, въ томъ, что имъ быти въ Царского Величества волѣ и отъ него Государя не отстати и на государевы службы ходити, куды Государь, Царь и Великій Князь имъ поволитъ. И ны-

нѣ Государь, Царь и Великій Князь велѣлъ Муратъ-Кирею Царевичу итти на Крымъ, а съ нимъ Татарской рати больши двусотъ тысячь, а своихъ людей Московскаго Государства послалъ Государь съ Царевичемъ тридцать тысячь съ вогненымъ боемъ. И хочетъ Государь Царевича Муратъ-Кирѣя посадить на отца его Юртѣ, на Крымскомъ Царствѣ, изъ своихъ царскихъ рукъ и на Турского Салтана наступить, сослався и укрѣпясь въ докончаньѣ съ вашимъ Цесарскимъ Величествомъ. А Сибирскаго Царя родной братъ взятъ въ полонъ, и нынѣ у Государя, Царя и Великого Князя, а пожаловалъ его Государь, устроилъ въ своемъ Государствѣ; а ихъ землю Сибирскую всю Государь обладалъ, и дань съ нея смлетъ многую, и городы поставляли, а въ городѣхъ церкви поставляли, и многихъ людей въ христьянскую вѣру къ тѣмъ городомъ привели, и жильцовъ многихъ, дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ въ тѣхъ городѣхъ на житье устроили; а ратныхъ людей сбирается въ Сибирскомъ Государствѣ со сто тысячь. А сверхъ того Персидцкой Король прислалъ ко Государю, Царю и Великому Князю посла своего, которой съ великою честью отъ Царского Величества принятъ и на посольствѣ былъ. А слышалъ есми, что его посольство было о томъ: проситъ у Государя, Царя и Великого Князя на Турскаго помочи, ратныхъ людей съ вогненымъ боемъ, и съ тѣми государевыми людьми, и съ своею съ великою силою хочетъ итти на Турского подлѣ моря Хвалимского къ тѣмъ городомъ, которые поималъ у него Турской Салтанъ, къ Шамахѣ, да къ Бакѣ, а оттуда подъ славной городъ Дербенъ, которой стоитъ межъ горъ подлѣ моря Хвалимского; и доставъ тѣ городы, хочетъ ихъ поступиться Государю, Его Царскому Величеству. А у Кизылбашкого дей Шаха ратныхъ людей пятсотъ тысячь, и отъ того чаятъ Турскому къ великому убытку и къ изнищенью. Да Персидцкой жъ дей проситъ и жедаетъ того, чтобъ Государь, Царь и Великой Князь съ Вашимъ Цесарскимъ Величествомъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и съ Королемъ Францовскимъ и съ иными хрестьянскими Государи обослался и о томъ извѣстилъ, и, соединачився бъ всѣмъ вамъ, Великимъ Государемъ христьянскимъ, обще стати на Турского заодинъ, на то, какъ Всемогущій Богъ въ своемъ божественномъ писаньѣ объявилъ, чтобъ тѣ дѣла совершились добрымъ докончаньемъ и соединеньемъ. А о Королевствѣ Полскомъ и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Его Царское Величество добрѣ радѣетъ, что къ тому дѣлу годно, толко бъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ христьянской Государь братъ Вашего Ц(ес)арского Величества, Его Милость Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской; а отъ него начается Его Царское Величество всегда доброго пріятельства и любви, и противъ всякихъ недруговъ хрестьянскихъ стояти бы съ нимъ Государемъ заодно; дай Господи, чтобъ такъ сталось! А язъ, Намилостивѣйшій Государь Цесарь, подлинно вѣдаю о томъ, что Государь Царь и Великій Князь жедаетъ съ великимъ желаньемъ и съ великимъ радѣньемъ и (съ)своимъ многимъ накладомъ, чтобы Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, (sic)любовь Вашему Цесарскому Величеству самому, или

брату Вашей Милости, Максимиліяну Арцыкнязю досталось; и въ надобное время всѣмъ пособствовати хочетъ, чтобъ нынѣ, въ такое благополучное время, такого дѣла не опустить. А о чемъ будетъ Ваша Цесарская Милость похошъ вѣдати о иныхъ дѣлѣхъ, и Вашему Цесарскому Величеству сынъ мой Лукашъ розскажетъ; а для того дѣла послалъ Государь къ Вашему Цесарскому Величеству подданного вашего, сына моего Лукаша, а меня оставилъ въ своемъ Государствѣ. И Ваше бъ Цесарское Величество пожаловалъ, сына моего Лукаша, съ своими послы или посланники опять прислалъ къ Его Царскому Величеству вскорѣ, чтобъ, далъ Богъ, такіе великіе дѣла межъ васъ Великихъ Государей утвердилися».

А се такова грамота послана во Псковъ о Лукашевѣ отпускѣ: «отъ Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи въ нашу отчину во Псковъ, боярину нашему и воеводѣ князю Никитѣ Романовичу Трубецкому, да воеводѣ нашему князю Петру Ивановичу Буйносову-Ростовскому да дьяку нашему Ивану Андреву. Отпустили есмя съ Москвы Анборскіе земли торговово человѣка Нѣмчина * Лукаша Павлусова, а пріѣзжалъ къ намъ съ торгомъ на Колмогоры, а проводити его до Пскова послали есмя Матвѣя Сергѣва. И какъ къ вамъ Матвѣй съ торговымъ Нѣмчиномъ съ Лукашомъ во Псковъ пріѣдетъ, и вы бъ тому торговому человѣку Лукашу велѣли быти у себя тайно, чтобъ одноличио про того торгового человѣка Лукаша во Псковѣ Руские торговые люди Псковичи и Нѣметцкіе торговые люди никто не вѣдалъ про его пріѣздъ. И отпустили бъ естя того торгового человѣка Лукаша изо Пскова таіно, и проводити его до рубежа послали, на которое мѣсто ему лучится ѣхати; о томъ бы вы, поговоря, промыслили, или съ кѣмъ его съ Рижаны съ торговыми людьми или съ Любчаны отпустили, чтобъ ему съ ними до Гданска проѣхать, а ты бы, Иванъ, отъ себя въ розговорѣ съ Нѣмцы, съ кѣмъ пригоже, говоря, отпустили его, чтобъ ему ѣхать не одному; а хоти и со Псковичи до Риги ему ѣхати съ кѣмъ возможно, и вы бъ его со Псковичи отпустили, чтобъ вамъ, пріѣхавъ кто изъ Риги, сказалъ, что онъ изъ Риги поѣдетъ ко Гданску. А какъ его отпустите изо Пскова, и на которое мѣсто онъ поѣдетъ, и кто съ нимъ вмѣстѣ поѣдетъ, и вы бъ о томъ къ намъ отписали, чтобъ намъ было вѣдомо». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7097, Февраля въ 20 день.

Да къ Цесарю жъ отпущенъ тай(но) съ грамотою Московской торговой человѣкъ Тимоха Выходецъ, а велѣно ему ѣхати изо Пскова на Ригу жъ, или на которые мѣста пригоже, куды проѣхати можно; а грамота съ нимъ послана отъ Государя къ Рудельфу Цесарю такова жъ, какова послана съ Нѣмчиномъ съ Лукашомъ съ Павлусовымъ; а къ Максимиліяну Князю съ Тимохою грамота не послана. А для проѣзду послана съ Тимохою грамота въ Любку къ буймистромъ, и къ ратманомъ и къ полатникомъ о торговомъ дѣлѣ.

А се грамота въ Любку: «Божіею милостію отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя

* Въ подлинникѣ: «Немячина».

Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя и иныхъ многихъ земель Государя,— въ Любку, буймистромъ, и ратманомъ и полатникомъ. Билъ намъ челомъ нашего Царского Величества нашего Царства Московского торговой человѣкъ Тимоха Выходцовъ, что взяти ему на Любчанѣхъ, на торговыхъ людѣхъ, въ товарѣхъ, въ своихъ счетѣхъ долги; и для тѣхъ его долговъ отпустили есмя его къ вамъ въ Любокъ; и какъ нашего Царского Величества торговой человѣкъ Тимоха къ вамъ прiѣдетъ, и вы бъ ему на Любчанъ въ долгѣхъ и въ счетѣхъ въ торговомъ дѣлѣ въ недоплатахъ, кто ему долженъ, управу дали и розправу учинили. А которого своего человѣка Захара Мейгера прислали естя къ нашему Царскому Величеству съ своею грамотою, и мы его милостивно приняли и къ вамъ его со всѣмъ съ полнымъ милостивнымъ отвѣтомъ отпустили вскорѣ.— Писана въ Государствiя нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданiя мiру 7096, Февраля мѣсяца».

А память наказная Тимохѣ дана такова: «Какъ, аже дастъ Богъ, придетъ въ цесареву область и грамоту довезетъ здорово, и ему приказати къ цесареву ближнему человѣку допытався, кто нынѣ у Цесаря ближней человѣкъ, что онъ Московского Государства торговой человѣкъ, а есть съ нимъ отъ Государя, Царя и Великого Князя къ Рудельфу Цесарю грамота о великихъ дѣлѣхъ; а велѣно ее отдати цесареву ближнему человѣку. А будетъ, для которые притчи, ѣдучи дорогою до цесаревы области, государевы грамоты избудетъ, любо отоимутъ или истеряетъ, а самъ доѣдетъ до Цесаря,— и ему, прiѣхавъ, по тому жъ проситися къ ближнему человѣку къ цесареву, кому у него будетъ приказано. А пришедъ къ ближнему человѣку, сказати, что послалъ былъ съ нимъ Государь грамоту тайно къ Рудельфу Цесарю о великомъ дѣлѣ, и тое грамоты провезти было ему немочно, и онъ ее въ дорогѣ истерялъ. А писано въ той грамотѣ о Королевствѣ Польскомъ и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, чтобъ въ нынѣшнее время о тѣхъ Государствахъ промышляти собча Государю, Царю и Великому Князю съ Цесаремъ заодинъ, надъ Коруною Польскою и надъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Да въ той же грамотѣ написано было о Кизылбашскомъ дѣлѣ, что нынѣ прислалъ къ Государю, Царю и Великому Князю Кизылбашской Шахъ посла своего и проситъ того у Государя нашего, чтобы ему съ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, и съ Рудельфомъ Цесаремъ, и съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ и съ Королемъ Францовскимъ, укрѣпяся въ крѣпкомъ докончаньѣ, стояти на Турского и на всѣхъ недруговъ заодинъ. Да о послѣхъ писано, чтобы Рудельфъ Цесарь прислалъ къ нему Государю пословъ своихъ вскорѣ о такихъ великихъ дѣлѣхъ: о докончаньѣ и о соединеньѣ всего Христьянства. То съ нимъ имянито наказано, а велѣно сказати ближнимъ людемъ,

толко грамоты не будетъ; да и то сказати ближнимъ людемъ: Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи отпустить его велѣлъ шурину своему, боярину и конюшему Борису Өедоровичу Годунову тайно, чтобы никто того не вѣдалъ, чтобы ему проѣхать тайно съ торгомъ, торговымъ обычаемъ, а тое грамоту довезти до Цесаря. А напередъ его, Государь нашъ послалъ съ такою жъ грамотою до Цесаря съ гонцомъ своимъ съ Иваномъ съ Загрязскимъ черезъ Лифлянскую землю, а другую грамоту съ гонцомъ же своимъ, съ Өөонасьемъ Резановымъ черезъ Литовскую землю; и тѣхъ гонцовъ черезъ Литовскую землю и черезъ Лифлянскую Литовскіе люди не пропустили, что имъ та ссылка Государя нашего съ Цесаремъ нелюба. Да такову жъ грамоту послалъ Государь нашъ тайно черезъ Лифлянскую жъ землю на Ригу съ цесарскимъ Нѣмчиномъ съ Лукашомъ съ Павлусовымъ сыномъ Магнусова; а Павлусъ нынѣ на Москвѣ остался. А со мною былъ Государь грамоту послалъ тайно жъ, чтобы которая нибудь грамота до Цесаря дошла, и мнѣ было тое грамоты довезти не мочно; а меня пропустилъ (sic) для торгового обычею. И Рудельфу бы Цесарю о томъ было вѣдомо, что Государь къ нему разными дорогами столько грамотъ послалъ. А Цесарь бы о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ послалъ своего доброго человѣка, которой бы межъ Государей могъ доброе дѣло о докончаньѣ, о тѣхъ дѣлѣхъ приговорить и затвердить».

А се такова грамота послана тайно жъ: «Троице Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя, (Дателю) премудрости Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайнихъ (sic) Верхъ, направи насъ на истинну Твою, и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ, по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ держахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астораханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земли и Сѣверные страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Рудельфу второму, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долмацкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніольскому и иныхъ, Маргрифу Муравскому, Князю Люцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тиролскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Лангрибѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Бурбунскому, вышніе и нижніе земли Лусатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Прежъ сего межъ нашими прародители были ссылки о любви и

о докончаньѣ, и межъ нами были ссылки о любви: нашъ посланникъ Лука Новосильцовъ у тебя, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, былъ, а отъ тебя, брата нашего дражайшего, и отъ брата отъ твоего отъ Максимиліяна, Князя Аустрѣйского у насъ былъ гонецъ вашъ Индрикъ Гойгель; а говорилъ намъ отъ тебя, брата нашего дражайшего отъ Рудельфа Цесаря и отъ брата твоего отъ Максимиліяна Князя Аустрѣйского о братцкой любви межъ насъ и о Литовскомъ дѣлѣ. И мы, хотя съ тобою, братомъ нашимъ, вѣчного покою и докончанья о братцкой любви, послали есмя въ Литву пословъ своихъ великихъ, боярина и намѣстника Великопермскаго и Костромского Степана Васильевича Годунова съ товарищи; и что наши великіе послы по нашему приказу говорили на элекціи въ Варшавѣ паномъ радамъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовскаго о братѣ о твоемъ о Максимиліянѣ Князѣ Аустрѣйскомъ, чтобы его обрали себѣ Государемъ на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское,—то твоимъ, брата твоего Максимиліяновымъ посломъ въ вѣдомѣ. А нынѣ послали есмя къ тебѣ, къ брату нашему дражайшему къ Рудельфу Цесарю гонцовъ своихъ черезъ Литовскую и Лифляндскую землю Ивана Загрязского да Оѳонасья Резанова; а на Ригу отпустили къ тебѣ твоего человѣка Павлуса Магнусова сына Лукаша съ своими грамотами о великихъ дѣлѣхъ: которой бы гонецъ ни пріѣхалъ къ тебѣ, брату нашему, съ нашею грамотою и которая грамота наша до тебя, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, съ которымъ гонцемъ ни доійдетъ, и ты бы, братъ нашъ дражайшій, выслушавъ нашу грамоту, вскорѣ къ намъ слалъ пословъ своихъ тѣ великіе дѣла приговорить и закрѣпить, которые дѣла всему Хрестьянству къ прибытку и къ розширенію. А про гонца про нашего, про Оѳонасья про Резанова, насъ слухъ дошелъ, что Литовскіе паны, не хотя межъ насъ видѣть братцкіе любви, и къ тебѣ, брату нашему дражайшему Руделфу Цесарю, не пропустили, а держатъ его въ своей землѣ; и тебѣ бы о томъ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, было о томъ вѣдомо.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ градѣ Москвы, лѣта отъ созданія міру 7097 Февраля мѣсяца».

И Февраля въ 15 день, писалъ ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи изъ Смоленска воевода князь Михайло Петровичь Катыревъ, да бояринъ и воевода Князь Ѳедоръ Дмитреевичь Шестуновъ да діакъ Богданъ Захаровъ: что писалъ онъ, князь Михайло, въ Оршу ко князю Юрью Горскому о Оѳонасьевѣ отпускѣ, и какъ ему быти на рубежѣ, чтобы ему встрѣчу прислали пристава, и кормъ и подводы. И князь Юрій де изъ Орши отъѣхалъ, а на его мѣсто въ Оршѣ державецъ Дмитрей Скуминъ, и грамоту его велѣлъ Дмитрей взяти, а противъ ее не отписалъ ничего, а сказалъ, что грамота писана не къ нему. А вѣсти у нихъ учинилися въ Смоленскѣ отъ Литовскихъ торговыхъ людей, и тотъ гонецъ, которого посылали въ Оршу съ грамотою, сказывалъ, что канцлеръ Янъ Замойской цесарева брата Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского побилъ, а на Королевство де сѣлъ въ Краковѣ Свѣйского сынъ. И они

къ Дмитрею Скумину въ Оршу объ Ѳонасьевѣ отпускѣ писали, а для вѣстей срокъ писали, Ѳонасью быти на рубежѣ подалѣ, для государева указу, чтобы вѣстей подлинныхъ провѣдать.

И Царь и Великій Князь велѣлъ отписати въ Смоленескъ къ воеводамъ, чтобы Ѳонасья изъ Смоленска не отпускали до указу, а въ Оршу и въ иные порубежные городы про тѣ вѣсти послали провѣдать подлинно лазучниковъ; а что провѣдаютъ, и они бъ о томъ отписали ко Государю тотъ часъ; и въ Смоленескъ о томъ отъ Государя писано.

И Февраля въ 29 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи изъ Смоленска воевода князь Михайло Петровичь Катыревъ-Ростовской да бояринъ и воевода князь Ѳедоръ Дмитревичь Шестуновъ съ товарищи: писалъ къ нимъ Оршанской державецъ, что у нихъ учинился на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Королемъ Жигимонтъ Король, Свѣйского Ягана Короля сынъ.

И Февраля въ 30 (sic) день, Царь и Великій Князь по тѣмъ вѣстѣмъ Ѳонасью Резанову велѣлъ ѣхати къ Москвѣ; а къ Цесарю ему итти не велѣлъ для Свѣйского, что сынъ его учинился Королемъ Польскимъ.

Іюня въ 12 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳеру Ивановичю всея Русіи изо Пскова бояринъ и воевода князь Никита Романовичь Трубецкой съ товарищи, да діакъ Никита Щелепинъ: пріѣхалъ де изъ Риги Псковитинъ, торговой человѣкъ Андрейко Тимоѳеевъ, и сказывалъ имъ, что торгового человѣка Тимоху Выходца, которой былъ посланъ отъ Государя къ Цесарю съ грамотами, въ Ригѣ поймали и посадили въ тюрьму, и выняли дей у него грамоты. Дай Тимоха Выходецъ къ нимъ писалъ, что его въ Ригѣ поймали и посадили въ тюрьму.

И Царь и Великій Князь велѣлъ отписать о торговомъ человѣкѣ о Тимохѣ Выходцѣ, въ Ригу къ буймистромъ, и къ ратманамъ и къ полатникомъ боярину и воеводѣ князю Никитѣ Романовичу Трубецкому, чтобъ его отпустили назадъ во Псковъ со всѣми его животы, тѣмъ мирного постановенья не нарушивали; и грамота ко князю Никитѣ, какова послать въ Ригу, на образецъ послана.

А се грамота изо Пскова отъ боярина и воеводы отъ князя Никиты Романовича Трубецкого въ Ригу къ буймистромъ, и къ ратманомъ и къ полатникомъ о торговомъ человѣкѣ о Тимохѣ Выходцѣ: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторананского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя и иныхъ многихъ земель Государя, Его Царского Величества отъ боярина и намѣстника Псковского, отъ князя Никиты Романовича Трубецкого въ Ригу буймистромъ, и ратманомъ и полатникомъ. Съ повелѣнья Государя нашего, Вели-

кого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи, прислана къ намъ грамота государская въ Любокъ буймистромъ и ратманомъ и полатникомъ; а писана о государскомъ человѣкѣ о торговомъ о Тимохѣ, что ему взять взимка на Любчанѣхъ на торговыхъ людѣхъ, и ему бы буймистры и ратманы управу дали. А именно тому Тимохѣ писано отъ Государя нашего боярина и конюшего и намѣстника Казанского отъ Бориса отъ Ѳедоровича Годунова, что взялъ Любской Нѣмчинъ Кашпиръ Кронъ у боярина и конюшего и намѣстника Казанского у Бориса Ѳедоровича Годунова многое золото и серебро, а хотѣлъ сдѣлать на четыре сѣдла серебряны обои луки, да конскіе наряды и чѣпи поводные большіе сдѣлать, да амагилъ золоту сдѣлати, да два става блюдъ серебряныхъ сдѣлать; да Кашпиру жъ Крону велѣно купить два косяка бархату чубарого, а денги ему даны жъ; а въ грамотѣ написано глухо про долгъ про Тимохинъ для тое посылки, чтобъ Кронъ съ Тимохою, то сдѣлавъ, прислалъ тотъ долгъ, что Кашпиръ поймалъ у боярина и конюшего у Бориса Ѳедоровича Годунова; а не отдастъ Кашпиръ Кронъ того, и не пришлетъ съ Тимохою, или самъ не привезетъ, и на немъ Тимохѣ просить того велѣно, и у буймистровъ управы на немъ просить. И слухъ до меня дошелъ, что вы, буймистры и ратманы, того государского человѣка торгового Тимоху изымали, и животъ многої у него поимали и въ тюрьму его посадили и съ дѣтиною, а Рижского нѣмчиновѣ Юриновѣ женѣ, невѣдомо за что, доправили на томъ Тимохѣ тридцать ефимковъ. И вы бъ о томъ ко мнѣ описали, за что вы такое безчестье надъ Государя нашего торговымъ человѣкомъ учинили, и ограбя, въ тюрьму всадили: торговымъ людемъ съ обѣ стороны ѣздить и торговать воля, —ваши люди у насъ во Псковѣ, какъ торгуютъ и ѣздятъ повольно, и какое имъ береженье у насъ живетъ! А будетъ нашего Государя человѣкъ торговой Тимоха у васъ посаженъ въ тюрьму, и вы бъ, буймистры и ратманы и полатники, того Государя нашего торгового человѣка Тимоху отпустили назадъ во Псковъ, и животъ его ему отдали. А грамоту государеву въ Любку и приказъ боярина и конюшего Бориса Ѳедоровича Годунова, что у него поималъ Любчанинъ Кашпиръ Кронъ, братья Тимохины торговые люди послали къ Тимохѣ въ Ригу къ нему, а онъ торговалъ въ Ригѣ. И вы государского человѣка торгового Тимоху въ нынѣшнее перемирье напрасно, изымавъ, въ тюрьму всадили. И вы бъ тотчасъ Тимоху выпустили, и въ Любокъ его пропустили со всѣмъ его животомъ. А не отпустите Тимохи въ Любокъ, и язъ о томъ буду писать до Государя своего, до Великого Государя, Царя и Великого Князя, и въ то, въ Тимохино мѣсто, Рижанъ и всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ лутчихъ торговыхъ Нѣмецъ изо Пскова не отпущу, и впередъ торгъ Рижскимъ и всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ во Псковѣ за то не будетъ; а будетъ вы того Государя нашего торгового человѣка Тимоху со всѣмъ его животомъ въ Любокъ отпустите часа того, и вашимъ торговымъ людемъ въ Государя нашего отчинѣ во Псковѣ торгъ будетъ повольной, и по Государя своего указу вашимъ Рижскимъ и иныхъ городовъ Нѣмцомъ береженье учнемъ держати по прежнему.—Писана въ Государя нашего отчинѣ во Псковѣ, лѣта 7096, Іюня въ 25 день».

—

И того жъ лѣта 7096, пріѣзжалъ ко Государю, Царю и Великому Князю изъ Любка города отъ буймистровъ и отъ ратмановъ и отъ полатниковъ съ грамотами торговоіі человѣкъ Захарей Мегеръ о торговомъ дѣлѣ.

И Іюля въ 16 день, Захарей Мегеръ въ Любку отпущенъ на Псковъ да на Ругодивъ, а пріѣздъ его и отпускъ писанъ опрочѣ; да съ Захарьемъ же послана отъ Государя грамота къ Рудельфу Цесарю о большомъ дѣлѣ о Литовскомъ такова жъ, что и съ Лукашомъ послана.

А се такова грамота послана отъ Государя къ Рудельфу Цесарю съ Захарьемъ: «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрущимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомыій и Пресвѣтлыій Краійній Верхъ, направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ, по волѣ Твоеій! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благословеніемъ держахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великіи Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новогородцкіи, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскіи, Удорскій, Обдорскій, Кондинскіи и всея Сибирскіе земли и Сѣверые страны Повелитель и иныхъ многихъ земель Государь,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Рудельфу второму, Божіею милостію, избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому, и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Каратынскому, Карніольскому и иныхъ, Марграфу Муравскому, Князю Люцемборскому, вышніе и нижніе земли Шлейскому, Вертемборскому, Князю Швебскому, Грабѣ Аушпорскому, Тирольскому, Фератцкому, Кибурскому и Горетцкому, Ланграбѣ Алситцкому, Монархѣ Римского Царствія, Брубунскому, вышніе и нижніе земли Лусатцкому, Государю Мархинскому, Силавонскому и иныхъ многихъ земель Государю. Прежъ сего межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи и межъ отца твоего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліяна Цесаря и межъ тебя, Великого Государя Рудельфа Цесаря, были ссылки о любви и о докончаньѣ. А какъ Божьимъ судомъ Жигимонта Августа Короля Польского и Великого Князя Литовского не стало, а дѣтей у него не осталось, а тѣ Государства Коруна Польская и Великое Княжество Литовское были безгосударны; и присылали къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи паны рада Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, свѣтцкіе и духовные, посланника своего, писаря Великого Княжества Литовского Михаійла Гарабурду, просячи у отца нашего насъ, Великого Государя, себѣ Государемъ на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское. И

отецъ нашъ, блаженые памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи къ паномъ радамъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского съ посланникомъ ихъ съ Михайломъ Гарабурдою приказывалъ, и въ грамотахъ своихъ писалъ, чтобъ они обрали на Государство, Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское, брата твоего Эрнеста Князя Аустрѣйского; а къ отцу твоему, брата нашего, блаженные памяти, къ Максимиліяну Цесарю отецъ нашъ, блаженныя памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи писалъ и приказывалъ и неодинова, хотячи того, чтобы на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ сынъ его, а твой, брата нашего дражайшего, братъ Эрнестъ, Князь Аустрѣйской; а съ отцомъ бы нашимъ, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи отецъ твой, блаженные памяти, Великій Государь Максимиліянъ Цесарь и ты, братъ нашъ дражайшій, Великій Государь Рудельфъ Цесарь, были въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ недруговъ, на бусурманскихъ Государей, заодинъ; и то дѣло тогды не сталося. А какъ съ Божьею помочью, мы, послѣ отца своего, блаженные памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, по его благословенью, сѣли есмя на своихъ Государствахъ, и мы посылали къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю, посланника своего Лукьяна Новосильцова о своемъ Государствѣ обѣстити, и про наше здоровье тебѣ, брату нашему, сказать, а про твое здоровье, брата нашего дражайшего Великого Государя Рудельфа Цесаря, спросити. А о томъ тебя, брата нашего, напоминали есмя, чтобъ ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, слалъ къ намъ пословъ своихъ, или посланниковъ добрыхъ, которые бы могли межъ насъ старое докончанье подтвердити, а новое докончанье укрѣпить. И ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Рудельфъ Цесарь, къ намъ посла, ни посланника своего о томъ дѣлѣ не прислалъ долгое время; а лѣтось пріѣзжалъ къ намъ отъ тебя, брата нашего, отъ Руделфа Цесаря и отъ брата твоего отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского гонецъ Индрикъ Гойгель, и рѣчью нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего, отъ Руделфа Цесаря и отъ брата твоего отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, говорилъ, что хотѣлъ еси къ намъ, братъ нашъ, слати своихъ великихъ пословъ, старое докончанье межъ насъ подкрѣпити, а новое утвердити, да за многими дѣлы то посольство на нынѣшнее время не сталося не на долгое время, а впередъ и то справится. Да говорилъ нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего, и отъ брата твоего, Максимиліяна Князя Аустрѣйского, гонецъ вашъ Индрикъ о Литовскомъ дѣлѣ о Корунѣ Польской и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, что Стефана Короля Польского и Великого Князя Литовского не стало, и земскіе чины Коруны Польскіе, совѣтовавъ, приговорили сьемъ Іюня тридцатого дня прошлого 87 году для избранья иного Короля. И нашему бы Царскому Величеству и наипаче о томъ вѣдати, что къ добру и къ прибытку всему Хрестьянству надобно единовѣрный,

праведный, богобоязпивый, хрестьянской Король въ Польшѣ. Будетъ мы, Великій Государь, будемъ Государемъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и то Вашему Пресвѣтлѣйшеству Руделфу Цесарю и брату вашему Максимиліяну Князю Аустрѣйскому таково жъ любо, что и за вами то Государство будетъ. И нашему бы Царскому Величеству того въ отчаяньѣ не отставити, на тотъ же именованный срокъ нашихъ чиновныхъ великихъ пословъ къ Корунѣ Польской прислать. А о томъ нашего Царского Величества Вашего Пресвѣтлѣйшества любительное прошенье и хотѣнье, чтобы намъ съ тѣми своими послы наказати и прошати велѣть, чтобы тѣ чиновные паны Польскіе любо наше Царское Величество на то Государство призвати похотѣли, или бы брата Твоего Пресвѣтлѣйшества, Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, мимо всѣхъ иныхъ, призвали на Королевство; а Твоего Пресвѣтлѣйшества братъ, Максимиліянъ Князь Аустрѣйской, нашимъ землямъ и людемъ дружебную и братственную постоятельную любовь вѣчную держати хочетъ, и тогды съ нашимъ Царскимъ Величествомъ противъ всѣхъ нашихъ недруговъ заодинъ стояти и въ единачествѣ и во укрѣпленьѣ быти хочетъ; а нашему бъ Царскому Величеству на то надежну быти отъ брата вашего, чего похотимъ искати у Коруны Польскіе, и онъ за то не постоитъ. И мы, выслушавъ гонца вашего такіе рѣчи любительные о братствѣ и о всякомъ прибыткѣ христьянскомъ, и помня прежніе ссылки межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и межъ отца твоего, блаженные памяти, Великого Государя Максимиліяна Цесаря, и тебя, брата нашего дражайшаго, Руделфа Цесаря, для твоей братственной любви посылали есмя къ Корунѣ Польской и къ Великому Княжеству Литовскому пословъ своихъ великихъ, боярина своего и намѣстника Великопермского и Костромского Степана Васильевича Годунова съ товарищи. И послы наши великіе, бояринъ и намѣстникъ Великопермской и Костромской Степанъ Васильевичь Годуновъ съ товарищи, будучи на элекціи въ Варшевѣ, говорили панамъ радомъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, чтобъ они обѣма землями, Коруною Польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обрали себѣ Государемъ насъ, Великого Государя, и были подъ нашею царскою рукою, а намъ бы съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ быти въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на всякихъ недруговъ бусурманскихъ Государей заодинъ. А будетъ насъ себѣ Государемъ не оберутъ, и они бы обрали себѣ Государемъ брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского, мимо иныхъ Государей, потому что братъ твой Максимиліянъ Великого Государя цесаревъ сынъ и Великого Государя тебя, брата нашего Цесаря Руделфа, братъ, и на тѣхъ великихъ Государствахъ быти ему пригожъ. А какъ онъ будетъ у нихъ на тѣхъ великихъ Государствахъ, и ты, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, будучи на своемъ Государствѣ, и зять вашъ Филипъ Король Ишпанской, и братъ твой Максимиліянъ, будучи Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, и утвер-

дяся съ нами съ Великимъ Государемъ въ докончаньѣ, будемъ стояти всѣ обще заодинъ на Турского и на всѣхъ недруговъ. И то имъ иныхъ всѣхъ Государей и всему Христьянству будетъ прибыльнѣе, толко братъ твой будетъ на такомъ великомъ Государствѣ. А съ невеликихъ бы становъ, Свѣйского сына, или которого иного Поморского Княжати на тѣ великіе Государства не обирали, потому что тѣ Государи непристойные: о Христьянствѣ не радѣютъ, толко всегды на кроворозлитіе христьянское желаютъ, а бесерменскимъ Государемъ въ томъ радость чинятъ. А толко братъ твой Максимиліянъ будетъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и намъ то будетъ любо таково жъ, что и мы будемъ на тѣхъ Государствахъ.—И какъ послы наши, будучи на элекціи, по нашему приказу о томъ паномъ радамъ говорили, чтобъ паны рада обрали насъ себѣ Государемъ или брата твоего Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского,—то и посломъ вашимъ *, твоимъ, брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря и брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского, извѣстно о всемъ. А послѣ того посылали есмя къ паномъ радамъ посланниковъ своихъ Елизарья Ржевского да дьяка Захарья Свіязева о томъ же о нашемъ вобчемъ дѣлѣ, чтобы они, згодяся межъ собя, обрали себѣ Государемъ брата твоего Максимиліяна Князя Аустрѣйского на тѣ Государства; а намъ то будетъ таково жъ любо, какъ и за нами тѣ Государства будутъ. И къ намъ пріѣхавъ, наши посланники Елизарей Ржевской да дьякъ Захарей Свіязевъ сказывали, что Литовскіе и Польскіе паны, оторвався ото всее земли, мимо прежніе обычеи, немногіе паны, канцлеръ Янъ Замойской съ товарищи, по присылкѣ бесерменского Государя Турского Салтана, и прельстяся на Свѣйское золото, хотя видѣти кроворозлитье во Христьянствѣ, посадили на Королевство Полское въ Краковѣ Свѣйского Королевича; а насъ и брата твоего Максимиліяна отставили. А съ братомъ съ твоимъ съ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ Полскіе паны Зборовскіе и Познанской воевода стоятъ противо Свѣйского Королевича, и бои межъ ими есть. И то паны Полскіе и Литовскіе канцлеръ Янъ Замойской съ товарищи дѣлаютъ, хотя розлитія крови христьянскіе, что такого Королевича Свѣйского обрали себѣ Государемъ, по присылкѣ Салтана Турского, мимо насъ Великихъ Государей, и мимо прежніе обычаи, не всею землею приговоря. И мы нынѣ, помня прежніе ссылки о любви и о докончаньѣ межъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и межъ отца твоего Максимиліяна Цесаря, и наипаче того хотимъ, чтобы тѣ Государства великіе, Коруна Полская и Великое Княжество Литовское, мимо насъ и мимо брата твоего Максимиліяна Князя, ни за кѣмъ за инымъ не были: любо бы за нами тѣ Государства были, или бы за братомъ твоимъ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ; а намъ бы, межъ себя утвердяся въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, противъ всѣхъ недруговъ бусурманскихъ Государей стояти заодинъ; и то намъ будетъ таково жъ любо, какъ

* Въ подлинникѣ: «нашимъ».

и за нами тѣ Государства, толко бы тѣ Государства мимо насъ обѣихъ Государеіі Великихъ не прошли къ иному Государю, о томъ бы намъ помышляти собча заодинъ съ обѣ стороны. А нынѣ къ намъ сее зимы, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, прислалъ къ намъ братъ нашъ Кизылбашской Шахъ своего посланника, просячи того у насъ, чтобы съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ утвердилися, и стояли бы противъ Турского Салтана заодинъ; а намъ бы, укрѣпяся съ Кизылбашскимъ Шахомъ въ крѣпкомъ докончаньѣ, и сослався съ тобою, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ зятемъ вашимъ съ Филипомъ Королемъ Ишпанскимъ и съ Королемъ Францовскимъ, и укрѣпяся съ вами въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти всѣмъ намъ обще на Турского заодинъ. И мы по тому его прошенью и договоръ съ нимъ хотимъ учинити, и съ его посланникомъ своего посланника къ нему отпустили, и хотимъ съ нимъ быти въ крѣпкомъ докончаньѣ и въ братцкоіі любви; а на лѣто Кизылбашской Шахъ къ намъ пришлетъ пословъ своихъ великихъ то дѣло закрѣпити. И мы о томъ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, объявляемъ, что Кизылбашской Шахъ проситъ у насъ того, чтобы мы его приняли къ себѣ въ дружбу и въ докончанье, и стоять бы намъ и тобѣ и Кизылбашскому Шаху на Турского заодинъ. И для тѣхъ великихъ дѣлъ, помня прежніе ссылки о братцкой любви и о докончаньѣ межъ нашихъ прежнихъ прародителей, и для нынѣшнего нашего вобчего дѣла, посылали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему, сее зимы, тебя о томъ дѣлѣ напомянути, гонцовъ своихъ съ грамотами: одного черезъ Литовскую землю, Ѳѳонасья Резанова, а другого гонца Ивана Загрязского черезъ Лифлянскую землю; да къ тебѣ же, брату нашему, отпустили есмя съ такою же грамотою таіно человѣка твоего Лукаша Павлусова сына Магнусова на Ригу, а съ другою грамотою отпустили есмя таіно жъ своего торгового человѣка Тимоху на Гданескъ, для того чтобъ къ тебѣ, брату нашему, къ Руделфу Цесарю, съ которою грамотою кто ни пріѣхалъ, толко бъ наша которая грамота ни буди о тѣхъ дѣлѣхъ до тебя, брата нашего, дошла. И нашихъ гонцовъ Ѳѳонасья Резанова и Ивана Загрязского черезъ Литовскую и черезъ Лифлянскую землю Полскіе и Литовскіе паны рада не пропустили, что имъ наша ссылка съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, нелюба. А нынѣ намъ вѣсть учинилася, что израдою Полскихъ и Литовскихъ людей, надъ твоимъ, брата нашего, братомъ надъ Максимиліяномъ Княземъ Аустрѣйскимъ, по грѣхомъ, въ Полской землѣ незгода учинилася; и мы, то услышевъ, добрѣ поскорбѣли, что по грѣхомъ надъ братомъ твоимъ такъ учинилося. И нынѣ сее нашу грамоту послали есмя къ тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Руделфу Цесарю, съ Любскимъ торговымъ человѣкомъ съ Захаромъ съ Мегеромъ; а хотимъ того, чтобъ, далъ Богъ, твоіі, брата нашего дражайшего, братъ Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской былъ на тѣхъ великихъ Государствахъ, на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а ты, братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь, и братъ твоіі Максимиліянъ Арцыкнязь Аус-

трѣйской, будучи Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, утвердяся съ нами, съ Великимъ Государемъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояли всѣ обще на Турского и на всѣхъ недруговъ заодинъ. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, для нынѣшнихъ нашихъ и вашихъ дѣлъ, слалъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, или посланниковъ, добрыхъ людей, вскорѣ, не мѣшкавъ, не со многими людьми, которою дорогою возможно, о такомъ о великомъ дѣлѣ, о соединеньѣ и о докончаньѣ и о прибыткѣ всего Христьянства, о всемъ ихъ наказавъ подлинно, и о Кизылбашскомъ дѣлѣ наказавъ подлинно. А будетъ черезъ Литовскую и черезъ Лифляпскую землю и на Ругодивъ черезъ Датцкую и черезъ Свѣйскую землю ѣхати твоимъ посломъ будетъ невмѣстно, и ты бъ, братъ нашъ дражайшій, слалъ къ намъ своихъ пословъ моремъ окіяномъ къ Сѣверной странѣ, къ нашему къ Колмогорскому пристанищу. А какъ послы твои, брата нашего, у насъ будутъ, и мы велимъ съ ними боярамъ своимъ о всемъ договоръ учинити, какъ которымъ дѣломъ быти пригоже, какъ намъ съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ, быти въ братцкой любви и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, и стояти на всѣхъ недруговъ и на бесерменъ обще заодинъ, обослався со всѣми Государи хрестьянскими и укрѣпяся съ Кизылбашскимъ Шахомъ, и какъ промышлять о братѣ о твоемъ о Максимиліянѣ Князѣ Аустрѣйскомъ, о Корунѣ Полской и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.— Писана въ Государствіи нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096-го, Іюля мѣсяца».

—

7097—1589.

Лѣта 7097-го, Септября въ 3 день, се переводы присланы изъ походу отъ Государя, какъ Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи ѣздилъ молиться въ Ростовъ да въ Ярославль и къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь.

Переводъ съ цесаревы Руделфовы грамоты: «Мы Руделфъ второй, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь въ Королевствѣ Нѣмецкомъ, Угорскіи, Ческіи, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій, Арцыарцукъ Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Бробанскій, Штырскій, Карнтцкій, Краинскій, Люцемборскій, Виртемборскій, вышней и нижней Шляской земли, Князь Швабскій, Архиграфъ святого Римского Королевства, Бургавскій, Лауенипскій, Князь и Графъ Аузборскій, Тиролскій, Фирцкій, Кибурскій, Горскій, Земскій Графъ Велсосъ, Государь Вендѣйскіе страны, Портонавскій и Салинскій,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему, Велеможнѣйшему Государю, Царю Ѳедору Ивановичю, Обладателю всея Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторахапскому, оприченно любительному пріятелю и брату, наша дружба, любовь и все добро. Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Князь, опричепно любительный и пріятельный братъ! Дошло до насъ отъ Вашей Любви двое писанье прошлого мѣсяца Февраля, Вашей любви отпущеннымъ Лукашомъ съ Павлусомъ, и все семя изъ вашего писанья выразумѣли, что

Ваша Любовь къ намъ и къ нашему къ славному дому Аустрѣйскому и всей хрестьянской землѣ имѣешь любительную пріязнь и хотѣнье къ нашему братству и пріятельскую любовь совершаешь. А нынѣ у насъ сдумано, того Лукаша и Павлуса наскоро опять къ Вашей Любви отпустить и съ нимъ прислати все подлинно къ Вашей Любви, чтобъ вы узнали нашу прямую, истинную любовь и доброхотѣнье, съ Вашею Любовью укрѣпленное пріятельство, и вѣрно держати, всему Хрестьянству со обѣихъ сторонъ радѣти; и Ваша Любовь впередъ отъ насъ свѣдаешь, и мы Вашей Любви къ отвѣту любительно то извѣщаемъ; а мы впередъ братцкое любвительное пріязнь и добро всегды межу нами будетъ.— Писана въ нашемъ въ королевскомъ городѣ въ Прагѣ, лѣта 1588-го, Іюля въ 16 день».

Переводъ съ Лукашовой грамоты Магнусова: «Велеможному Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи, бьетъ челомъ Римского Цесаря человѣкъ и твой государевъ работникъ Лукашъ Магнусовъ, во всемъ покоренной. Прежъ того извѣщалъ есмя Вашему Царскому Величеству писмомъ, какъ меня Богъ пронесъ и съ Вашего Царского Величества дѣломъ къ Цесарскому Величеству въ Прагу, въ Ческую землю, и всякое дѣло у Цесарского Величества исправилъ, и вѣрою служилъ; потому что нынѣ незгода въ Литовской землѣ сталась, и на то не смотря, и вскорѣ къ Вашему Царскому Величеству посылаетъ, какъ Ваше Царское Величество изъ писанья впередъ выразумѣешь. А здѣсе собранье будетъ на думу Іюля въ 20 день всѣмъ Аустрѣйскимъ Государемъ и многимъ хрестьянскимъ Княземъ, а въ томъ собраньѣ хотятъ думати о Полскихъ дѣлѣхъ: любо имъ принять избранного Максимиліяна на Королевство, или любо силы своей къ тому приложить воевать; а къ тому дѣлу приготовленъ со всѣхъ большихъ Князей Аустрѣйскихъ Арцыархіарцукъ (sic) Кардинандъ и, ему за то крѣпко стояти, и показуется дѣло кровопролитью. Сего дни, Іюля шестое, послалъ меня Римской Цесарское Величество къ Королю Максимиліяну Полскому въ Красной Ставъ, и Вашему Царскому Величеству о томъ отпишетъ; а какъ, дѣло сдѣлавши, отпущенъ буду отъ Римского Цесарского Величества къ Вашему Царскому Величеству, и онъ о всемъ подлинно вѣдомо дастъ. Всемогущій Богъ, сохрани Ваше Царское Величество въ здоровьѣ и въ честномъ царскомъ владѣньѣ на многіе лѣта, и покоренно бью челомъ Вашему Царскому Величеству, Ваше бъ Царское Величество имѣлъ милость надъ отцомъ моимъ; а язъ Вашему Царскому Величеству во всемъ прямой службѣ поволенъ». Писанъ въ Прагѣ въ Ческой землѣ, Іюля въ 6 день, лѣта 1588 году.

97 - го жъ (году), Февраля въ 4 день, писали къ Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи изо Пскова воевода князь Василей Ростовской да діакъ Микита Щелепинъ. Прислалъ къ нимъ изъ Риги Тимоха Выходецъ съ Печерскимъ жильцомъ съ Иваномъ съ Устюгою грамоту; а въ грамотѣ Тимоха къ Государю писалъ, что онъ государеву грамоту въ Любкѣ буймистромъ и ратманомъ и полатникамъ отдалъ, и Любчане противъ государевы грамоты дали ему къ Государю грамоту; и поѣхалъ онъ Тимоха изъ Любка на караблѣ; и на морѣ де

его, противъ Датцкого и Свѣйского рубежа, отъ Любки за четыреста верстъ, розбило корабль, и государева грамота, что послали буймистры Любскіе, потонула, и товары и рухлядь его потонула; а нынѣ де пришелъ онъ изо Гданска въ Ригу, и Рижане посадили его въ тюрьму, и хотятъ его отослать въ Литву къ Королю за то, что онъ былъ у Цесаря съ грамоты.

Марта въ 5 день, писали къ Государю, Царю и Великому Князю изо Пскова воевода князь Василей Иванвичь Ростовской да діакъ Микита Щелепинъ, что Февраля въ 22 день, пріѣхалъ во Псковъ изъ цесарскіе земли Нѣмчинъ Лукашъ Павлусовъ сынъ Магнусова, которой посыланъ отъ Государя съ грамотами къ Руделфу Цесарю и къ брату его Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому, а сказалъ имъ, что ѣдетъ къ Государю отъ Рудельфа Цесаря посолъ Миколай Варкачъ, и онъ оставилъ его въ Печерахъ, а самъ пріѣхалъ про него сказать; а тотъ дей посолъ у Цесаря думный дворянинъ; да съ посломъ же деи ѣдетъ Любской Нѣмчинъ Кашпиръ Кронъ, а съѣхался съ ними Кашпиръ Кронъ въ Поморскомъ городѣ въ Статынѣ, въ цесаревѣ области. И они встрѣчу цесарева посла въ Печоры послали въ приставы Псковитина Данила Воронцова, а съ нимъ дву человѣкъ розсылыциковъ; а велѣлъ ему, встрѣтя посла, ѣхати съ нимъ во Псковъ, и подводы и кормъ велѣли имъ давати довольны. И Февраля въ 24 день, цесаревъ посолъ Миколаи Варкачъ и Кашпиръ Кронъ во Псковъ пріѣхали, и онѣ ихъ велѣли поставити въ окольнемъ городѣ, на крестьянскихъ дворѣхъ, и въ приставѣхъ у нихъ велѣли быти Данилу жъ Воронцову. И приказали къ послу съ приставомъ, чтобъ онъ ѣхалъ къ Государю, не мѣшкая; и посолъ имъ отказалъ, что онъ ѣхалъ дорогою тайно, всего самъ третей, украдчись, а людей своихъ въ дорогѣ розметалъ, и вся его рухлядь осталась съ людьми его назади, и ему подождати людей своихъ. Да прислалъ къ нимъ посолъ грамоту Нѣметцкимъ писмомъ, а приказалъ къ нимъ, чтобъ они тое грамоту послали къ Государю; и они тое грамоту къ Государю послали, а послу цесареву, и Кашпиру и Лукашу велѣли кормъ давати до государева указу.

А се переводъ съ Нѣметцкіе грамоты Лукаша Павлусова: «Велеможнѣйшій и Намилостивѣйшій Царь и Государь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Всемогущій Богъ да сохранитъ Ваше Царское Величество на многіе лѣта, тако жъ и Государство Вашего Царского Величества на вѣки! Прошлые дѣла, съ которыми дѣлы язъ отъ Вашего Царского Величества посыланъ къ Римскому Цесарю, и язъ то дѣло сдѣлалъ, что будетъ впередъ Вашему Величеству, землѣ и людемъ къ доброму дѣлу и къ пожитку. А поѣхалъ есми съ великимъ страхованьемъ въ Полшу къ избранному Королю къ Максимиліяну, и Вашего Царского Величества писаніе до рукъ Максимиліяну отдалъ, и Вашего Царского Величества доброе хотѣніе ему извѣстилъ, и всѣ тѣ рѣчи, которые годны ко всему добру межъ васъ, Великихъ Государей, ему истинно извѣстилъ. И писалъ есми къ Ишпанскому Королю и въ иные Государства, гдѣ надобно, чтобъ они вступились Вашего Царского Величества о вашихъ дѣлѣхъ съ пособленіемъ Вашему Величеству; и въ той моей посылкѣ Вашему Цар-

скому Величеству годно будетъ; а о томъ немного подождать для нѣкоторыхъ великихъ дѣлъ, доколѣ совершатся. А Его Римское Цесарское Величество приговорилъ годного и вѣрного своего человѣка, имянемъ Миколай Варкачъ, послати къ Вашему Царскому Величеству; и съ тѣмъ язъ въ третеії день Октября поѣхалъ, и хотѣли ѣхати вскрозь Литву. И какъ мы пріѣхали въ Бреславль, и тутъ намъ сказали, что про насъ заказъ есть, и стерегутъ по всѣмъ дорогамъ; и мы того для опять назадъ къ Римскому Цесарю воротились, и жили Декабря по 20 день, и листы Цесарю назадъ отдали, съ которыми мы были посланы. И Цесарь намъ вдругіе велѣлъ ѣхати на Лифляпскую землю или на Датцкого Короля землю, которыми мѣсты мочно пройти къ Вашему Царскому Величеству, и къ Датцкому о томъ Цесарь писалъ, чтобъ мнѣ черезъ его землю пройти безстрашно и къ Вашему Царскому Величеству насъ отпустилъ, какъ можно. И какъ мы пріѣхали въ Поморскую землю въ городъ въ Статинъ, и мы тутъ наѣхали Любского торгового человѣка Каштира Крона, и съ нимъ есмя о всемъ тайно говорили, что ему насъ провести черезъ ту Нѣметцкую землю. И того дня, и поѣхали есмя врознь того для, чтобъ насъ не познали и про насъ не провѣдали. А поѣхалъ цесарской посолъ съ однимъ человѣкомъ своимъ, въ торговомъ платьѣ, со мною и съ Каштиромъ Кроном вскрозь Прускую землю; а иные пословы люди цесаревы, восмь человѣкъ, остались со всею рухлядью, и съ колымагами, и съ лошадьми, и съ платьемъ, и съ золотыми и съ серебряными суды въ Пруской землѣ; а ѣхати имъ за нами недѣлю спустя, также врознь, будто торговые люди. И какъ мы Вашего Царского Величества отъ рубежа близко пріѣхали Новагородка, и тутъ намъ сказали, что про насъ заказъ есть и стерегутъ по всѣмъ дорогамъ; и насъ няло страхованье великое: не вѣдаемъ, какъ ѣхати?—ни назадъ ни напередъ не смѣемъ. И положа упованіе на Бога, забывъ свой животъ, да пошли на смерть: вооружася съ пищальми, и съ самопалы, и съ корды, и вскрозь заставу подъ Новымгородомъ пробились сильно; и за нами погоня была великая, крикъ и шумъ необычной, и въ городѣ въ колокола звонъ былъ великії, и поімать насъ хотѣли; и насъ Богъ помиловалъ, ушли. А гонялъ за нами державца Новагородка на пятинадцати конѣхъ за три версты до Печоры; и Богъ насъ унесъ великою силою и съ цесаревыми листы въ Вашего Царского Величества въ городъ Псковъ, и дожидаемся во Псковѣ людеії своихъ съ часу на часъ. Милостивыії, Великіі Царь, Государь и Великіі Князь! Послалъ со мною Максимиліянъ Король запечатаное писаніе къ Вашему Царскому Величеству, и то писаніе у меня, и нѣкоторые поминки Вашему Царскому Величеству, и тѣ поминки язъ оставилъ за нужу въ Ригѣ; и какъ будутъ, и мы тотчасъ къ Вашему Царскому Величеству пріѣдемъ, и о иныхъ многихъ великихъ належащихъ дѣлѣхъ Вашему Царскому Величеству о всемъ отвѣтъ учиню. Всемогущіі Богъ, сохрани Ваше Царское Величество на многіе лѣта! Писана Вашего Царского Величества въ городѣ во Псковѣ, въ 24 день Февраля. Лукашъ Павлусовъ, повольныії Вашего Царского Величества слуга».

Марта въ 7 день, писали къ Госу-

дарю, Царю и Великому Князю изо Пскова воевода князь Василей Ивановичь Ростовской да дьякъ Микита Щелепинъ, что Февраля въ 26 день пріѣхалъ къ нимъ во Псковъ Печерского монастыря слуга Исакъ Новокщенъ; а сказалъ Исакъ: посылали его Игуменъ съ братьею, по посольскому приказу, въ Новгородокъ Ливонской провѣдывать про людей его, которые остались назади; и при немъ деи поимали на дорогѣ у Нового городка подстаростей Мартынъ Мерзвинской съ Литовскими людьми цесарева посла людей пяти человѣкъ, и приведчи въ Новгородокъ, посажали по тюрьмамъ, розведчи порознь.

И Царь и Великій Князь велѣлъ послати во Псковъ встрѣчю цесарева посла сына боярского, а велѣлъ съ нимъ ѣхати къ себѣ, Государю. И посланъ встрѣчю цесарева посла Григорей Микитинъ сынъ Ржевской; а наказъ ему данъ таковъ:

Память Григорью Микитичю Ржевскому. «Ѣхати ему во Псковъ встрѣчю цесарского посланника Миколая Варкача; а пріѣхавъ во Псковъ, отдати ему государева грамота воеводѣ князю Василью Ивановичю Ростовскому да діаку Микитѣ Щелепину; а отдавъ грамоту и сказався имъ, да итти къ цесарскому посланнику къ Миколаю Варкачю на дворъ. А пришедъ къ нему, молвити толмачомъ: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, Его Царского Величества, околничіе велѣли мнѣ тебя встрѣтить и съ тобою къ Москвѣ ѣхати, и кормъ тебѣ и подводы дорогою давати». А послѣ того молвити Григорью: «Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи околничіе велѣли тебѣ говорити: писали къ Государю нашему, къ Его Царскому Величеству изо Пскова воевода князь Василей Ивановичь Ростовской да діакъ Микита Щелепинъ, что ты пріѣхалъ во Псковъ легкимъ дѣломъ, а люди твои со всею рухлядью остались въ Лифлянской землѣ, до Пскова ихъ Литовскіе люди не пропустили, и ихъ переймали, и животъ твой поимали; и ты бъ о томъ не оскорблялся: какъ, аже дастъ Богъ, будешь у Государя нашего, Его Царского Величества и очи и жалованье его государское къ себѣ увидишь, и ты того всего забудешь; а нынѣ бъ еси ѣхалъ ко Государю нашему, не мѣшкая.» Да ѣхати Григорью съ цесарскимъ посланникомъ изо Пскова къ Москвѣ на подводахъ, не мѣшкая, и Лукашу Павлусову сыну и Кашпиру Крону велѣти ѣхати съ собою жъ вмѣстѣ; а ѣдучи дорогою, береженье къ нимъ держати, чтобъ имъ нигдѣ ни въ чемъ безчестья не было; да и того беречи, чтобъ къ посломъ и къ его людемъ никто Руских людей, и Нѣметцкихъ и Литвы не приставалъ и не розговаривали съ ними ни о чемъ. А кормъ посланнику, и Кашпиру, и Лукашу, и ихъ людемъ давати по росписи, какова съ нимъ роспись съ Москвы послана; а чего будетъ корму посланникъ и въ запросъ попроситъ, и Григорью въ запросъ посланнику корму давати, чтобъ во всемъ было довольно. А взяти ему кормъ по росписи, счетчи во Псковѣ до Новагорода, въ сколько денъ поспѣть мочно изо Пскова, у воеводы у князя Василья Ивановича Ростовского да у діяка у Микиты Щелепина; а ко князю Василью и ко дьяку къ Микитѣ о томъ отъ Государя писано. А въ Новѣгородѣ взяти ему про цесарского посланника кормъ по росписи, счетчи до Твери, у окольничего

и воеводы у князя Өедора Ивановича Хворостинина, да у воеводы у Григорья Ивановича Мещеринова Морозова и у дьяковъ; а отъ Государя имъ о томъ корму писано. А во Твери ему взяти кормъ по росписи до Москвы у князя Меркурья Щербатова; а о корму къ нему отъ Государя писано. А въ которой день Григорей съ посланникомъ изо Пскова поѣдетъ, и какъ чаетъ быти въ Новгородѣ, и что съ нимъ посолъ въ розговорѣ поговоритъ, о томъ Григорью изо Пскова отписати къ Государю напередъ себя; да и о томъ ему къ Государю отписати, у посла провѣдавъ, и Лукаша росспросити: Миколай посланъ отъ Цесаря въ послѣхъ ли или въ посланникѣхъ, и какой человѣкъ у Цесаря, ближней ли, или рядовой, и наказъ ему какъ данъ отъ Цесаря, грамота съ нимъ вѣрющая есть ли, и дана ль ему наука, и сколько людей ихъ осталось въ Ригѣ или въ Лифлянской землѣ?— о томъ ему отписати къ Государю напередъ себя. А нѣчто посланникъ спроситъ его про Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всея Русіи: гдѣ нынѣ Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи?—и Григорью молвити, что Государь, Царь и Великій Князь въ своемъ Государствѣ, на Москвѣ; а при немъ Царевичь Муратъ-Кирѣй Крымской, который пріѣхалъ Государю служити, и бояря, и служилые князи. А будетъ спроситъ про Кизылбашского, какъ нынѣ Кизылбашской со Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ?— и Григорью говорить: та Восточная страна вся подъ Государя нашего Царскою рукою: Кизилбашской Государю нашему добилъ челомъ и учинился подъ Государя нашего рукою въ вѣчномъ соединеньѣ на всякого недруга заодинъ, и посланникъ Государя нашего нынѣ въ Кизылбашской землѣ; а Бухарской Царь, и Юргенской Царь, и Изюрской Царевичь подъ Государя нашего Царскою рукою; а Иверской Царь Александръ, со всею землею Иверскою, нынѣ Государю нашему добилъ челомъ и дань на себя многую положилъ, что Царю Александру Иверскому, со всѣми дѣтми, и братьею, и съ племянники, быть у Государя нашего въ холопствѣ; а Шевкалской Князь, и Черкаскіе Князи, и Горскіе, и Окутцкіе, и Оварской Царь, и Черной Князь и всѣ тамошніе Государи около Хвалимского моря, всѣ Государю, Царю и Великому Князю добили челомъ, и учинилися всѣ подъ Государя нашего подъ Царскою рукою; и нынѣ ихъ послы изо всѣхъ изъ тѣхъ Государствъ у Государя на Москвѣ. А будетъ Григорья учнетъ спрашивати о иныхъ о которыхъ о великихъ дѣлѣхъ,—и Григорью говорити, что про тѣ ему дѣла слышати не лучилось, что онъ былъ въ государевѣ жалованьѣ, въ имѣньѣ. И о всемъ Григорью провѣдывати у цесарева посланника вѣстей по сему государеву наказу, и ко Государю отписывати». А во Псковъ къ воеводѣ ко князю Василью Ивановичу Ростовскому и ко діаку къ Микитѣ Щелепину писано отъ Государя, чтобъ цесарева посланника Миколая Варкача, и Каспира Кропа и Лукаша Павлусова сына отпустили изо Пскова къ Москвѣ на подводахъ съ Григорьемъ Ржевскимъ, и кормъ бы про посланника съ Григорьемъ отпустили, счетчи до Новагорода, какъ имъ въ Новгородъ поспѣти мочно.

А въ Новгородъ и во Тверь писано отъ Государя къ воеводамъ и къ

дьякомъ, а велѣно про цесарева посланника кормъ по росписи отпустити съ Григорьемъ съ Ржевскимъ изъ Новагорода до Твери, въ колько денъ мочно поспѣти во Тверь, а изо Твери до Москвы.

И Марта въ 13 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю изо Пскова воевода князь Василей Ивановичь Ростовской да діакъ Микита Щелепинъ, что пріѣхалъ изъ Риги Рижской Нѣмчинъ Индрикъ Берицъ, и сказывалъ имъ, что цесарева посла людеії изъ Новогородка повели къ державцу Новгородцкому Матвѣю Ленику, а Матвѣй за Ригою въ городку въ Дюнемендѣ; а цесаревъ посолъ къ нимъ приказывалъ, чтобъ для людей его Литовскихъ торговыхъ людей не отпущали изо Пскова, и они Литовскихъ людей торговыхъ, которые нынѣ во Псковѣ, девяти человѣкъ, изо Пскова отпущать не велѣли до государева указу. Да изъ Риги жъ деи пріѣхалъ Псковитинъ, торговой человѣкъ Иванъ Коросонской и сказывалъ про Тимоху Выходца, что онъ въ Ригѣ за сторожи, и кормъ ему даютъ; а поймали его по заказу Свѣйского Короля, и при немъ дей пріѣзжалъ отъ Литовского Короля въ Ригу посланникъ по Тимоху, и Рижскіе буймистры его Литовскимъ людемъ не дали; а съ нимъ деи Тимоха видѣлся, и приказывалъ къ нимъ, что его буймистры и ратманы изъ Риги въ Литву везти отдавать не хотятъ, для того что у него искали писма, съ чѣмъ онъ ѣхалъ, да не нашли; а Рижскіе торговые люди съ большими товары во Псковъ не ѣдутъ для Тимохи, а пріѣхали во Псковъ Рижскіе два Нѣмчина молодчіе съ невеликими товары. И которая грамота прислана къ нимъ, а велѣно ее послати въ Ригу къ буймистромъ и къ ратманомъ, и они тое грамоты не послали, для того что Рижскихъ торговыхъ людей добрыхъ во Псковѣ нѣтъ.

И Царь и Великій Князь велѣлъ отписати во Псковъ къ воеводѣ и къ діаку, чтобъ тѣхъ Рижскихъ Нѣмецъ дву человѣкъ торговыхъ, какъ они изторгуются, изо Пскова отпустили, не задержавъ, чтобъ впередъ изъ Риги пріѣхали гости съ большими товары. И грамота во Псковъ послана такова: «отъ Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи въ нашу отчину во Псковъ воеводѣ нашему князю Василью Ивановичю Ростовскому да діаку нашему Микитѣ Щелепину. Писали есте къ намъ цесарева посланника о людѣхъ, которыхъ перенмали Литовскіе люди, и о Литовскихъ торговыхъ людѣхъ, которые пріѣхали во Псковъ изъ Вилны, изъ Витебска и изъ Полотцка; а о Рижскихъ Нѣмцѣхъ, которые пріѣхали во Псковъ и о Тимохѣ о Выходцѣ, что пріѣжжали по того Тимоху изъ Литвы Литовскіе люди въ Ригу къ Рижскимъ буймистромъ и къ ратманомъ просити, и буймистры и ратманы того Тимоху Литовскимъ людемъ не дали; и Тимоха Выходецъ со Псковитиномъ съ Иваномъ къ вамъ приказывалъ, что его Рижскіе буймистры и ратманы Литовскимъ людемъ отдати не хотятъ; и намъ то вѣдомо. И какъ къ вамъ ся грамота наша придетъ, и вы бъ торговымъ людемъ Рижскимъ Нѣмцомъ торговати поволили, и какъ исторгуются, и вы бъ ихъ отпустили изо Пскова, и Рижскихъ Нѣмецъ не держали, и ихъ ничѣмъ не ожесточили, и отпустили бъ ихъ назадъ въ Ригу, какъ исторгуются, чтобъ впередъ изъ Риги съ большими товары многіе

Нѣмцы поѣхали во Псковъ, а прежнего бы у васъ нашего указу не вѣдали. А о Тимохѣ о Выходцѣ отписалъ бы отъ себя ты, князь Василей, въ Ригу къ буймистромъ и къ ратманомъ; а какова грамота нынѣ вамъ послати въ Ригу, и мы къ вамъ такову грамоту послали запечатану, и вы бъ тое грамоту послали. А что къ вамъ изъ Риги противъ нынѣшніе грамоты буймистры и ратманы о Тимохѣ отпишутъ, и что вы провѣдаете про Тимоху, и вы бъ о томъ тотчасъ къ намъ отписали. А какъ пріѣдутъ Рижане во Псковъ многіе, а Тимоху будетъ къ вамъ во Псковъ не отпустятъ, и вы бъ тѣмъ Рижскимъ Нѣмцамъ торговати велѣли, а къ намъ объ нихъ тотчасъ наскоро отписали: кто имянемъ пріѣдетъ Рижскихъ Нѣмецъ и сколько съ кѣмъ товару; а ихъ не отпустимъ, а того не объявлялъ, почему ихъ не отпустите, а прежней нашей грамоты въ Ригу ты, князь Василей, не посылалъ безъ нашего указу; а противень съ тое грамоты, которую нынѣ послать въ Ригу, посланъ къ вамъ подъ сею грамотою». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7097, Марта въ 14 день.

А такова грамота послана во Псковъ на образецъ, какова послати въ Ригу: «Божією милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, и Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя и иныхъ многихъ земель Государя, Его Царского Величества отъ Псковского воеводы отъ князя Василья Ивановича Ростовского, буймистромъ и ратманомъ и полатникомъ. Въ 96 году поѣхалъ изъ Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича всеа Русіи отчины, изо Пскова торговой человѣкъ Тимоха Семеновъ въ цесареву область въ Любокъ торговати; и слухъ меня дошелъ, что онъ изъ Любокъ пріѣхалъ въ Ригу, и вы дей того Тимоху Семенова задержали въ Ригѣ, не вѣдаемъ за что, и изъ Риги его во Государя нашего вотчину во Псковъ не отпустите. И вы бы, буймистры и ратманы, того Государя нашего торгового человѣка Тимоху Семенова съ товаромъ его со всѣмъ отпустили во Псковъ. А которые ваши торговые люди Рижане въ Государя нашего Его Царского Величества вотчину во Псковъ пріѣзжаютъ со всякими товары торговати, и тѣмъ вашимъ торговымъ людемъ въ торговлѣ во всемъ повольность, и задержанья имъ никоторого не живетъ. А которой мой гонецъ съ сею моею грамотою пріѣдетъ къ вамъ, и вы бъ его ко мнѣ отпустили, не задержавъ. Писана въ Государя нашего отчинѣ во Псковѣ, лѣта 7097, Марта мѣсяца».

И Марта въ 15 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю изо Пскова воевода князь Василей Ивановичь Ростовской да дьякъ Микита Щелепинъ, что они цесарева посла Николая, и Нѣмчина Лукаша и Любского Нѣмчина Кашпира Крона изо Пскова отпустили ко Государю Марта въ 5 день, на подводахъ съ

сыномъ боярскимъ съ Даниломъ Воронцовымъ, и кормъ имъ въ дорогу дали до Новагорода по росписи; а для береженья послали съ Даниломъ Воронцовымъ дву сыновъ боярскихъ да розсыльщика.

А изъ Новагорода писали къ Государю, Царю и Великому Князю окольничей и воевода князь Өедоръ Ивановичь Хворостининъ, да воевода Григорей Ивановичь Мѣщаниновъ-Морозовъ и дьяки, что Данило Воронцовъ съ цесаревымъ посломъ Миколаемъ и съ Нѣмцы съ Лукашомъ и съ Каширомъ пріѣхалъ въ Новгородъ Марта въ 9 день, а съ посломъ людей его семь человѣкъ; и они цесарева посла отпустили изъ Новагорода къ Москвѣ Марта въ 11 день, и кормъ ему въ Новѣгородѣ и въ дорогу дали до Торжку на шесть день, передъ Псковскою росписью, по запросу, съ прибавкою.

А Марта въ 19 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю цесарева посла приставы Григорей Ржевскій да Данило Воронцовъ, что онъ Григорей по государеву наказу встрѣтилъ цесарского посланника во Твери Марта въ 16 день, и по наказу, цесарскому посланнику Миколаю рѣчь говорилъ; и онъ на государевѣ жалованьѣ челомъ бьетъ; а въ розговорѣ сказывалъ имъ посолъ Миколай, что онъ посланъ отъ Цесаря ко Государю въ посольствѣ, а не посланникомъ, и они съ цесаревымъ посломъ и съ Нѣмцы пошли изо Твери Марта въ 17 день, и къ Москвѣ съ посломъ будутъ Марта въ 20 день. А что имъ въ роспросѣ сказалъ Нѣмчинъ Лукашъ Павлусовъ, и они тому прислали роспросные рѣчи. А въ роспросѣ сказалъ Нѣмчинъ Лукашъ, что Миколай Воркачъ идетъ отъ Цесаря въ посольствѣ, а не посланникъ; а у Цесаря дворянинъ думной, великой человѣкъ, въ ту версту, что былъ у Государя отъ Цесаря посолъ Данило Принцъ, а родомъ онъ Угрениnъ, а Стефану Королю, что былъ въ Литвѣ, племянникъ. А про себя Лукашъ сказалъ, что онъ посланъ отъ цесарева брата, отъ Максимиліяна, ко Государю, и грамота съ Миколаемъ отъ Цесаря ко Государю есть вѣрющая, а съ нимъ съ Лукашомъ, отъ Максимиліяна ко Государю грамоты есть же, а подлинной приказъ отъ Цесаря съ Миколаемъ о всемъ рѣчью. Да Лукашъ же сказалъ въ роспросѣ, что онѣ посланы отъ Цесаря ко Государю о соединеньѣ, чтобы Государю да Цесарю стояти заодинъ на Литовского и на Свѣйского; а Цесарь соединачился съ Ишпанскимъ Королемъ и съ иными со многими землями, и къ лѣту де у Цесаря въ собраньѣ триста тысячъ ратныхъ людей, а итти тѣмъ людемъ, роздѣляся, на Польскую землю. А Нѣмчинъ Кашпиръ Кронъ сказалъ въ роспросѣ, что онъ съѣхался съ цесаревымъ посломъ съ Миколаемъ Варкачомъ да съ Лукашомъ Павлусовымъ въ Поморской землѣ, въ городѣ въ Нешктинѣ.

И Марта въ 20 день, цесарской посолъ Миколай Варкачъ къ Москвѣ пріѣхалъ, а съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского посланникъ Лукашъ Павлусовъ сынъ Магнусовъ, которой посыланъ отъ Государя съ грамотою къ Руделфу Цесарю и къ Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому; да съ посломъ же пріѣхалъ отъ Любскихъ буймистровъ и ратмановъ Нѣмчинъ Кашпиръ Кронъ съ грамотою; и поставленъ посолъ Миколай и Лукашъ на посольскомъ на Литовскомъ дворѣ. А встрѣчалъ посла, по

государеву указу, за посадомъ Өедоръ Писемской, а съ нимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и охотниковъ двѣстѣ человѣкъ, а со государевымъ жалованьемъ, съ мериномъ, посыланъ къ послу встрѣчю за посадъ конюшенной приказщикъ Рюма Рубцовъ.

А наказъ Өедору Писемскому о встрѣчѣ данъ таковъ. Память Өедору Андреевичу Писемскому: «Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ ему ѣхати встрѣчю цесарского посла Миколая Варкача; а встрѣтить ему посла за посадомъ по Тверской дорогѣ за Гонною слободою съ полверсты, и съѣхався Өедору съ посломъ, велѣти про себя сказати приставомъ Григорью Ржевскому да Данилу Воронцову, что Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всея Русіи прислалъ къ нему встрѣчю его дворянина своего Өедора, и есть до него рѣчь государская, и посолъ бы сѣлъ съ лошади; да какъ цесаревъ посолъ Миколай съ лошади ссядетъ, и Өедору съ лошади сѣсти жъ вмѣстѣ съ цесаревымъ посломъ, да цесареву послу Миколаю молвить отъ Государя рѣчь толмачомъ Нѣметцкимъ или Латынскимъ, которымъ языкомъ посолъ говорить учнетъ: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь, послышевъ отъ брата своего дражайшего Руделфа Цесаря Римского тебя, посла его, къ себѣ пріѣздъ, прислалъ меня тебя встрѣтить, и велѣлъ мнѣ тебя спросити о брата своего дражайшего Руделфа Цесаря Римского здоровьѣ: брата нашего дражайшего Цесаря какъ Богъ милуетъ?» А послѣ того молвить: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ тебя спросить о брата Руделфа Цесаря Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского о здоровьѣ, какъ его Богъ милуетъ?» А послѣ того молвити: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ тебѣ поклонитись, и велѣлъ тебя о здоровьѣ спросити: здорово ли еси дорогою ѣхалъ? Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь велѣлъ мнѣ у тебя быти въ приставѣхъ, и подворье тебѣ указати.» Да послѣ того спросить Лукаша Павлусова о здоровьѣ: здорово ли еси дорогою ѣхалъ; да спросить Кашпира Крона: здорово ль дорогою ѣхалъ? Да ѣхати Өедору съ цесарскимъ посломъ на Литовской на посольской дворъ; а Лукашу Павлусову сыну Магнусову и Любскому Нѣмчину Кашпиру Крону велѣти ѣхати на дворъ съ посломъ же вмѣстѣ. А пріѣхавъ на дворъ и проводя посла въ хоромы, ѣхати Өедору ко Государю; а на дворѣ оставити у посла устраивать Ивана Осорьина, тому и дневати, а на завтрее дневати Образцу Вахромѣеву, и жить у посла Ивану и Образцу перемѣняяся по днемъ, дневать и ночевать; а съ ними велѣно быти у посла для береженья охотникомъ и трубникомъ по списку. А Өедору къ послу ѣздити по вся дни навѣщати, надъ ними надзирати; а кормъ цесареву послу Миколаю и его людемъ велѣно давати съ дворца по росписи, а приставленъ къ тому сытникъ да подключникъ, а ѣству бы давалъ добрую: того Ивану и Образцу смотрити по своимъ днемъ накрѣпко. А чего посолъ въ

запросъ попроситъ, и Ѳедору велѣти давати, сказывая бояромъ; а того Ѳедору велѣти беречи накрѣпко, чтобъ къ цесарскому послу и къ его людемъ Нѣмцы, Литва и всякіе иноземцы, и Рускіе люди, опричь тѣхъ дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно у нихъ быти, или кого по приказу пришлютъ, не приходили никто, ни каковъ человѣкъ и не розговаривали съ ними ни о чемъ; а будетъ кто придетъ къ посольскому двору или на дворъ Руской человѣкъ, или Нѣмчинъ, или Литвинъ, и иной какой иноземецъ, и имъ велѣти того поймати и привести въ посольской приказъ. А которые рѣчи посолъ съ нимъ поговоритъ, и Ѳедору сказати про то Государю, Царю и Великому Князю. А посоловыхъ людей безъ докладу съ двора спускать не велѣти. А учнетъ, будетъ, посолъ говорити о томъ, чтобъ людей его съ двора спускали или въ торгъ похочетъ послать, и Ѳедору говорити, что еще онъ у Государя не былъ, а какъ будетъ у Государя, и тогды всякая повольность будетъ его людемъ. И будучи Ѳедору у цесарского посла, провѣдывать, и съ нимъ говорить: о чемъ посолъ приѣхалъ, и какъ нынѣ Цесарь съ Турскимъ Салтаномъ, въ миру ли или не въ миру, и будетъ въ миру, и въ вѣчномъ докончаньѣ, или въ перемирьѣ, и на колько лѣтъ межъ ихъ перемирье? и какъ нынѣ Цесарь съ Королевствомъ Польскимъ и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и на каковѣ у нихъ мѣрѣ стало, и Максимиліанъ Арцыкнязь Аустрѣйскій нынѣ по старому ль въ Польшѣ, и что у Цесаря Руделфа и у Короля Ишпанского, что впередъ о томъ смышлено? паны рада Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского пословъ или посланниковъ о чемъ къ Цесарю вновѣ присылывали ль, и Цесарь къ нимъ пословъ или посланниковъ вновѣ посылывалъ ли, и на чемъ нынѣ у Цесаря стало въ приговорѣ, и чего межъ ихъ впередъ чаетъ? и какъ съ Цесаремъ папа Римской, и Король Ишпанскій, и Францовской, и Чеській и Датцкій, въ докончаньѣ ли, и на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское Цесарю и съ тѣми со всѣми Государи стояти ли за такую досаду, что паны Польскіе сдѣлали какую неправду надъ цесаревымъ братомъ надъ Максимиліяномъ? и которые Государи съ Цесаремъ нынѣ хотятъ стояти на Королевство Польское и па Великое Княжество Литовское, и папа ему спомогать людьми хочетъ ли ? О томъ о всемъ у посла и у его людей провѣдывать; да что провѣдаютъ, и Ѳедору сказывать Государю, Царю и Великому Князю. А будетъ цесарской посолъ спроситъ Ѳедора, какъ нынѣ Государь, Царь и Великій Князь съ Королевствомъ Польскимъ и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ? и Ѳедору говорити: Коруна Польская и Великое Княжество Литовское Государю нашему добили челомъ: упросили у Государя нашего перемирья на пятнатцать лѣтъ, отъ лѣта 7095-го, отъ Госпожина дни до лѣта 7110-го. А будетъ цесарской посолъ спроситъ про Турского Салтана, какъ нынѣ Государь съ Турскимъ?—и Ѳедору говорити: Турской Салтанъ съ Государемъ нашимъ въ ссылкѣ, и прежъ сего присылалъ ко Государю нашему посланника Ибрагимъ Чеуша о томъ, чтобъ Государь нашъ былъ съ нимъ въ миру и въ ссылкѣ; и Государь нашъ посланника его къ нему отпустилъ, а своего съ нимъ

человѣка никакого не послалъ, для того что Кизилбашскій Шахъ противъ Турского стоитъ. А ко Государю нашему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи присылалъ Кизылбашской Шахъ съ великимъ моленіемъ и съ прошеньемъ посланника своего, чтобъ Государь нашъ Шаха въ любовь принялъ, и людемъ своимъ Асторохансного Государства съ нимъ противъ Турского велѣлъ стоять заодинъ; а Шахъ Кизылбашской хочетъ быти во всей государской волѣ. И Государь нашъ, по его прошенью и для укрѣпленья, къ Шаху послалъ посланника своего укрѣпити, что ему быти въ Государя нашего волѣ и стояти на Турского и на всякого недруга заодинъ съ Государя нашего людьми: потому Государь нашъ къ Турскому и не послалъ своего посланника съ его Чеушомъ. А нѣчто спроситъ про Крымского, какъ нынѣ Государь съ Крымскимъ Царемъ, и какъ Ногаи съ Государемъ?—и Ѳедору говорити: преже сего на Крымѣ былъ Исламъ-Гирѣй Царь, которой брата своего Магметъ-Кирѣя Царя убилъ; а того Магметъ-Кирѣевы царевы дѣти, Саадетъ-Кирѣй Царь, что былъ послѣ отца своего на Крымѣ Царемъ, да Муратъ-Кирѣй Царевичь, что былъ на Крымѣ Калга, пріѣхали ко Государю нашему въ службу, а съ ними многіе Крымскіе Князи и мурзы, лутчіе люди, человѣкъ до дву тысячъ; и былъ Саадетъ-Кирѣй Царь въ Государя нашего отчинѣ съ Асторохани, а братъ его Муратъ-Кирѣй Царевичь пріѣзжалъ бити челомъ ко Государю нашему, чтобъ ихъ Государь пожаловалъ: Саадетъ-Кирѣя Царя учинилъ на Крымѣ Царемъ, а онъ, Муратъ-Кирѣй Царевичь, будетъ у Государя въ службѣ изъ Крыма. И Государь нашъ ихъ былъ пожаловалъ, рать свою изъ Асторохани имъ дати былъ велѣлъ, и на Крымѣ Саадетъ-Кирѣя Царя хотѣлъ Государь учинить Царемъ изъ своей царскіе руки. И Божьимъ судомъ Царя Саадетъ-Кирѣя въ (А)сторохани не стало, а остался у него сынъ Кумукъ-Кирѣй Царевичь, тотъ нынѣ у Государя нашего на Москвѣ; а на Крымскомъ Юртѣ учинился новой Казы-Гирей Царь, Саадетъ-Кирѣю Царю и Муратъ-Кирѣю Царевичю дядя. И сее осени прислалъ новой Казы-Гирѣй Царь ко Государю нашему гонца своего, ближнего человѣка Апсаламъ Мола, о томъ, чтобъ Государь нашъ принелъ его къ себѣ въ дружбу, а онъ съ Государемъ нашимъ хочетъ быти въ крѣпкой дружбѣ на вѣки, по его государевѣ царской волѣ, какъ годно Государю нашему, и на государевыхъ недруговъ хочетъ съ Государемъ нашимъ стояти заодинъ; а хочетъ впередъ пословъ своихъ великихъ ко Государю нашему прислать. А Царевича Муратъ-Кирѣя отпускалъ Государь нашъ въ свою отчину въ Асторохань для того: которые орды приложилися ко Государя нашего отчинѣ, къ Асторохани, и учинилися подъ Государя нашего царского рукою: Иверской Царь, Шавкалской Князь, Тюменской Князь, Окутцкой Князь и всѣ Горскіе Князи, Черкасы Кабардинскіе, Абазинскіе, Абыслѣйскіе и Ногайская орда Казыева улусу, которая орда кочуетъ межъ Волги и Дону и межъ Терки рѣки, которые были подъ Турского рукою и алафу имали у Турского, да отставъ отъ Турского, приложились ко Государю нашему,—тѣхъ всѣхъ велѣлъ Государь Муратъ-Кирѣю Ца-

ревичю укрѣпити, къ вѣрѣ ихъ привести и заклады у нихъ, братью, и дѣтей и племянниковъ поимати. И Царевичь Муратъ-Кирѣй вмѣстѣ съ Государя нашего Асторохanskими воеводами подъ Государя нашего царскую руку укрѣпили, и нынѣ служатъ Государю нашему; а для укрѣпленья дѣтей своихъ и братью, и племянниковъ въ Асторохань въ закладъ подавали, а иныхъ ко Государю нашему къ Москвѣ прислали; и самъ Царевичь Муратъ-Кирѣй пріѣхалъ къ Москвѣ. А Ногайская орда Заволжская, Урусъ Князь съ товарищи, которые кочуютъ по Ногайской сторонѣ, и по Яику и по Сомарѣ, тѣ давно у Государя въ холопствѣ укрѣплены. А Иверской Александръ Царь учинился Государю нашему въ прямомъ холопствѣ, и дань на себя положилъ, а прислалъ ко Государю нашему пословъ своихъ, ближнихъ людей, и нынѣ у Государя нашего на Москвѣ. А (со)всѣхъ тѣхъ земель сбирается ратныхъ людей больши двусотъ тысячь, опричь Кизылбашского Шаха. А Государь ихъ пожаловалъ, и жаловальныя грамоты съ золотыми печатьми подавалъ, что имъ быти подъ Государя нашего царскою рукою, и ему Государю служити и на государеву службу, на всякого государева недруга, ходить ратью, куды Государь велитъ. А Тюменскихъ Князей братья, Князь Романъ да Князь Василей Тюменскіе, и Черкаскихъ Кабардинскихъ Князей дѣти Князь Борисъ Канбулатовъ сынъ да Князь Василій Кардануковъ служатъ у Государя нашего на Москвѣ. А Сибирская земля вся, по великой Оби, и по Иртышу, и по Кондѣ и по Турѣ, есть ее вдаль до пяти тысячь верстъ, всѣ тѣ Князи и царевы дѣти добили челомъ Государю нашему и укрѣпилися крѣпко, и Уразъ-Магматъ Царевичь и Сейтякъ Князь пріѣхали ко Государю нашему; и нынѣ у Государя нашего въ Сибирской землѣ государевы воеводы со многими людьми городы многіе поставили, и утвердили накрѣпко и дани многіе положили на всѣ на тѣ земли, на Сибирское Государство. А Бухарской Абдула Царь, и Юргенской Царь и Изюрскій Царевичь, всѣ въ Государя нашего волѣ. И нынѣ отъ Бухарского Абдулы Царя, и отъ Юргенского и отъ Изюрского Царя пріѣхали послы ко Государю нашему съ поминки; и нынѣ они у Государя нашего на Москвѣ. А Муратъ-Кирѣй Царевичь и племянникъ его Кумукъ-Кирей Царевичь, Саадетъ Кирѣевъ царевъ сынъ, нынѣ, по Государя нашего велѣнью, изъ Асторохани пріѣхали къ Москвѣ, а съ ними Крымскіе Князи и мурзы лутчіе и Ногайскіе мурзы многіе; а братъ родной Царевича, Муратъ-Кирѣя, Сафа-Кирѣй Царевичь, нынѣ въ Крымѣ у Казы-Гирѣя Царя въ нурадынѣхъ, и служитъ Государю нашему. А нѣчто цесаревъ посолъ вспроситъ про Свѣйского, какъ нынѣ Государь, Царь и Великій Князь съ Свѣйскимъ Королемъ? и Ѳедору говорити: Свѣйской Король присылалъ ко Государю нашему гонца своего бити челомъ о миру, и Государь нашъ велѣлъ съ нимъ сослатися Новгородцкимъ намѣстникомъ; и Новгородцкіе намѣстники, сослався на рубежъ, взяли перемирье съ Свѣйскою землею на четыре годы, и то ужъ перемирье выходитъ».

А конюшенному приказщику Рюмѣ Рубцову наказъ данъ таковъ:

Память приказщику Рюмѣ Рубцову: «Ѣхати ему въ встрѣчю цесарского посланника Миколая Варкача съ государевымъ жалованьемъ, съ

мериномъ; а встрѣтить ему посла по Тверской дорогѣ, отъ Москвы версты за четыре, въ деревнѣ Поповѣ; и съѣхався съ посломъ, велѣть про себя сказать приставамъ, что Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, любячи брата своего Руделфа Цесаря и жалуючи его посла Миколая, прислалъ къ нему встрѣчю съ своимъ государевымъ жалованьемъ, съ мериномъ. А Рюмъ, пріѣхавъ къ послу и сшедши съ лошади, молвить рѣчь: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь, любячи брата своего дражайшего Руделфа Цесаря, а тобя посла его Миколая жалуючи, прислалъ къ тебѣ съ своей государевы конюшни меринъ». Да велѣлъ подвести меринъ. А Лукашу Павлусову сыну и Каширу Крону и посолскимъ людемъ молвить: «Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи бояринъ и конюшней и намѣстникъ Казанскоіі, Борисъ Өедоровичь Годуновъ, жалуючи васъ, прислалъ къ вамъ по лошади, на чемъ вамъ ѣхати съ посломъ». Да велѣть имъ подвести лошади по приказу. И ѣхати Рюмѣ съ посломъ ко встрѣчѣ, гдѣ стоитъ приставъ Өедоръ Андреевичь Писемской со встрѣчники; а какъ Өедоръ встрѣтитъ и поѣдетъ съ посломъ, и Рюмѣ ѣхать съ приставомъ до двора до посольского, а пріѣхавъ на дворъ на посольской, меринъ совсѣмъ послу отдать людемъ его; опрочѣ одного послова, всѣ лошади взять совсѣмъ, и ѣхать съ двора съ послова».

Марта въ 22 день, Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ цесарскому Нѣмчину Лукашу Павлусову сыну Магнуса быти въ посольской полатѣ у діаковъ у Андрея Щелкалова, да у Посника Дмитреева, распросити его, какъ у него государево дѣло дѣлалось? И по Государеву, Цареву и Великого Князя указу Нѣмчинъ Лукашъ Павлусовъ сынъ Магнусовъ того дни въ посольской полатѣ у дьяковъ у Андрея Щелкалова да у Посника Дмитреева былъ; а, пришедъ въ полату, подалъ діакомъ Андрею Поснику двѣ грамоты: одна ко Государю, Царю и Великому Князю отъ Максимиліянова думца отъ Карла Серитейна, а другая къ боярину и конюшему къ Борису Өедоровичю Годунову отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского. А какъ ся государево дѣло у него дѣлалось, и онъ тому далъ писмо Нѣметцкимъ писмомъ.

А се переводъ съ Нѣметцкіе грамоты ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи отъ Максимиліянова Арцыкнязя Аустрѣйского первосовѣтника, отъ Карла Серитейна, съ Лукашомъ Павлусовымъ: «Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, съ великимъ желаньемъ и радостною службою желаю Вашего Царского здравства и счастливаго царствія! Не могъ есми того учинити, чтобы мнѣ Вашему Царскому Величеству съ покорностью своимъ писмомъ не извѣстити, что есми подлинно слышелъ о вашемъ добромъ дѣлѣ, что ты, Великій Государь христьянской, хочешь быти въ крѣпкомъ соединеньѣ съ Цесарскимъ Величествомъ не только противъ вобчихъ недруговъ, Турского и Татаръ, но своею сердечною любовью и нашему милостивому Государю, избранному Ко-

ролю Польскому Максимиліяну спомогати хочешь, чтобъ ему быти на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, чтобы ся на томъ ссталось, какъ есми разумѣлъ. А мой милостивый Государь вначалѣ съ нѣколькими тысячьми людьми былъ подъ Краковымъ, а хотѣлъ его засѣсти, и въ то время нѣкоторая невзгода учинилась для великаго зимнего времени и моровово повѣтрея, и для того неволею отъѣхали. И какъ Польской канцлеръ то свѣдалъ, и онъ съ своей льстивой мыслью, съ двѣнадцатью тысячьми людьми, въ тотчасъ на насъ наслѣдилъ, и хотя съ нами были немногіе люди, однако мы съ ними бой учинили; и въ то время мой милостивый Государь, по нашему несчастью, въ вязенье впалъ. А нынѣ Цесарское Величество и Велеможнѣйшій Король Ишпанской и Арцыарцокъ Аустрѣйскій, всѣ вмѣстѣ и съ иными Итальянскими и Нѣметцкими Князи сдумали, великую силу тому спомогать, и въ томъ межъ собою укрѣпились, и приговорили день съѣхаться на рубежѣ въ Генварѣ мѣсяцѣ; и сперва ихъ мысль: провѣдать, можно ли безъ кроволитья тому сстаться? а будетъ такъ не сстанется, и тотъ часъ за наше оружье и за кровную войну примемся. А канцлеръ Польской Янъ Замойской моему милостивому Государю, многими статьями искушаючи, думалъ, которые дѣла Вашему Царскому Величеству и вашей землѣ къ великому убытку, чтобы онъ противное для своего королевского обранья такъ учинилъ. А его Максимиліянова мысль и хотѣнье больши о томъ, чтобъ ему наслѣдить отца своего и дѣда и прадѣда, которые съ Вашимъ Царскимъ Величествомъ и съ Вашимъ отцомъ и дѣдомъ и прадѣдомъ были въ любви, и въ соединеньѣ, и въ докончаньѣ, и нынѣ бъ для хрестьянского покою также устроить и постановить; а Ваше бъ Царское Величество на то однолично надеженъ былъ: будетъ станетъ на мѣрѣ о миру Полскомъ съ моимъ милостивымъ Государемъ, и язъ хочю о томъ радѣти, что Вашему Царскому Величеству и Вашей землѣ годно, и къ прибытку то бъ учинить, и во всякихъ дѣлѣхъ ввести, и Вашего Величества отъ того не отставить. И нынѣ стоитъ натомъ, что въ томъ съѣздѣ то дѣло совершится любо къ миру, а любо къ великой воінѣ. И Ваше бъ Царское Величество къ Литовскимъ пограничнымъ горододержавцамъ, которые Свѣйскому по ся мѣсто не цѣловали, послать и ихъ добромъ напомянуть, чтобы они пристали къ моему милостивому Государю, а съ Вашимъ бы Царскимъ Величествомъ были въ вѣчномъ миру и стояли на всѣхъ недруговъ заодинъ. Также мочно Вашему Царскому Величеству ко всему рыцерству Лифлянскіе земли и въ городъ Ригу отписать, чтобы они какъ по ся мѣста еще Свѣйскому не цѣловали, и впередъ бы они не цѣловали жъ; а Ваше Царское Величество имъ въ своемъ Государствѣ торговати поволишь, и грамоты имъ свои жаловальные дати велишь, и о томъ спомогати учнешь, чтобъ вся Лифлянская земля была подъ однимъ Нѣметцкимъ Властелемъ, и съ ними и со всею Лифлянскою землею миръ постановишь; и начаюсь, что все то будетъ не безъ прибыли. Перситцкое дѣло и соединенье ихъ порубежныхъ Татаръ противъ Турского мой милостивый Государь издалека свѣдалъ, что то всему Христьянству год-

но къ великому прибытку, а Цесарское Величество къ Вельможнѣйшему Королю Ишпанскому о томъ вскорѣ извѣстить велѣлъ, и онъ тѣ вѣсти радосно услышелъ; а Ваше Величество о томъ подлинно и впередъ извѣстити велитъ, и они по (то)му жъ, обослався съ Римскимъ Цесаремъ и съ моимъ милостивымъ Государемъ посланники, отъ своего лица пословъ своихъ и Вашему Царскому Величеству пошлютъ, и впередъ въ любви будучи, тѣ дѣла закрѣпятъ. А о иныхъ большихъ дѣлѣхъ Вашему Царскому Величеству нынѣшней цесарской посолъ подлинно объявитъ, и всѣ дѣла Вашему Царскому Величеству вѣдомы будутъ; а язъ, Вашему Царскому Величеству вѣрно служачи, не могъ того учинить, что о тѣхъ дѣлѣхъ не объявить. Всемогущій Богъ, сохрани Ваше Царское Величество во многолѣтномъ здравьѣ и во утверженьѣ! А язъ радѣю о вашихъ государскихъ дѣлѣхъ, какъ своему милостивому Государю служу покорностью и безъ ослушанья». Писана въ Прагѣ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 15 го числа, лѣта 1588-го. Приписъ у грамоты: «Вашего Царского Величества и Велеможнѣйшего во всемъ неослушной и вѣрной слуга Карлъ фонъ-Сератейнъ, избранного Королева Величества Полского, Арцыарцука Максимиліяна Аустрѣйского, ближніе его думы посланникъ къ Римскому Цесарю». А на подписи у грамоты написано: «Пресвѣтлѣйшему и Вельможнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, Владателю всеа Русіи Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Царю Казанскому, Царю Асторохавскому, Государю Псковскому и Великому Князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому, Государю и Великому Князю Новагорода Низовскіе земли, Черниговскому, Резанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и иныхъ, и Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителю, моему милостивому Государю».

А се переводъ съ Максимиліяновы грамоты Арцыкнязя Аустрѣйского къ боярину и конюшему къ Борису Өедоровичу Годунову: «Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, нашего ласкового и любительного Государя и брата, навышшему тайному думному всее Русскіе земли, навышшему моршалку тому свѣтлѣйшему, нашему оприченному любительному Борису Өедоровичю Годунову,--Максимиліянъ, Божіею милостію избранный Король Польскій и Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Архіарцукъ Аустрѣйскіі, Архіарцукъ Бургунскій, Штырскій, Карнскій, Краинскій, Виртемборскій, Администраторъ большой надъ Крыжаки Пруской земли, Графъ Аузборскій, Тирольскій. Высокороженный и опричь любительной! дошло до насъ вѣдомо съ нашимъ подданнымъ съ Лукашомъ Павлусовымъ, которого любительный Государь и братъ Өедоръ Ивановичь, Царь и Великій Князь всеа Русіи посылалъ до Римского Цесарского Величества о нанашей любительной любви брата своего, также и къ намъ; и мы о томъ добрѣ радостно вразумѣли, что намъ и всему дому Аустрѣйскому добра хочетъ, а ваше о томъ жаланье, чтобы то прежнее вѣрное прінтельство промежъ ихъ, Царя и Великого Князя и Цесаря брата нашего, укрѣпити и совершить. А только будетъ

нынѣ такъ останется, ино и мы съ своей стороны на то промышляти будемъ и о томъ радѣти хотимъ всѣмъ, какъ наше возможенье будетъ, чтобъ то братственное соединенье черезъ нашего посла вскорѣ было совершено и докончено. А начаемся того, что всему Хрестьянству и государеву Государству впередъ то будетъ къ прибытку и къ соединенью. А мы того хотимъ и желаемъ добрѣ ласково, чтобы о томъ добромъ дѣлѣ о хрестьянскомъ вѣрно промышлялъ и радѣлъ, а ты бы нашему персону въ нашемъ во всякомъ безвремяньѣ не забывалъ; а мы на нашего ласкового любительного Государя и брата, Царя и Великого Князя, въ томъ во всемъ начаемся и вѣримъ; а мы ему и его Государству и землѣ съ своей страны о томъ всегда добра хотимъ радѣти во всякихъ дѣлѣхъ, и въ писаньѣ своемъ о нашемъ умышленьѣ о всемъ вѣдомо писали есмя ко Государю. И хотимъ впередъ послати, вмѣстѣ съ Цесарскимъ Величества посломъ, своего большого посла къ нашему любительному Государю и брату вскорѣ, съ которымъ мы посломъ хотимъ приказати, которому бы съ вами о всякихъ о великихъ дѣлѣхъ подлинно договоръ учинити, что тому будетъ Великому Государю вашему и всей землѣ годно и вѣчно будетъ. А мы тебя за такіе дѣла хотимъ любити, что слава твоя къ намъ въ добромъ дѣлѣ въ такомъ въ великомъ дошла, что ты такіе великіе дѣла почалъ дѣлати и хочешь совершити, и за то тебя и весь родъ твоій въ великоій любви возвышати хотимъ и во всякіе времена не забывати». Писана въ Красномъ Ставѣ, лѣта 1589-го. А у грамоты припись рука Максимиліянова.

А се переводъ съ Лукашова писма Павлусова, какъ ся у него государево дѣло дѣлалось. «Прошлого 96-го году, отпущенъ онъ, Лукашъ, отъ Государя съ Москвы, въ мѣсяцѣ въ Февралѣ, а къ Цесареву Величеству пріѣхалъ онъ, Лукашъ, второенадесять число Апрѣля; а передъ Цесаремъ былъ Апрѣля въ 15 день, и дѣло Государя, Царя и Великого Князя Цесарю объявилъ, и грамоты подалъ, и братцкую любовь Государя Царя и Великого Князя и доброхотѣнье Римскому Цесарю извѣстилъ. Потомъ его, Лукаша, Цесарь спрашивалъ, Государь ли его, Лукаша, къ нему, къ Цесарю, отпустилъ съ такимъ дѣломъ? И онъ, Лукашъ, Цесарю говорилъ, что меня, Лукаша, Царского Величества навышшій бояринъ и конюшей Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ со всѣми царскими думными бояры къ твоему Пресвѣтлѣйшеству отпустилъ по его царскому приказу. И со мною, Лукашомъ, къ тебѣ Цесарю Борисъ Ѳедоровичь наказывалъ о прежнемъ соединеньѣ, которое прежнее старое соединенье почалося было при старыхъ Государѣхъ Московскихъ и при Цесарѣхъ старыхъ въ прежніе лѣта противъ хрестьянскихъ недруговъ, мусульманскихъ Государей, постановить хотѣли; да Борисъ же Ѳедоровичь говорилъ, что такіе великіе дѣла о соединеньѣ межъ Государей хрестьянскихъ по ся мѣста не совершаются. А Кизылбашской Шахъ присылалъ ко Государю при немъ, Лукашѣ, посла своего,—то онъ и самъ видѣлъ. А пріѣзжалъ о томъ Кизылбашского посолъ, чтобъ Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи принялъ его къ себѣ въ соединенье, и былъ бы Государь съ нимъ вмѣстѣ на вся

кихъ недруговъ своихъ заодинъ, и привести бъ въ то соединенье вмѣстѣ Цесаря хрестьянского, и Короля Ишпанского, и папу Римского, и всѣхъ Государей хрестьянскихъ, чтобъ они съ Государемъ и съ нимъ стояли заодинъ на всѣхъ мусульманскихъ Государей. А сверхъ того твое Цесарево Величество увѣдаетъ, что написано въ его государевѣ грамотѣ. А что доведется Польскіе земли, о которыхъ дѣлѣхъ разсказати твоему Цесареву Величеству, и о тѣхъ дѣлѣхъ съ нимъ, съ Лукашомъ, Борисъ Ѳедоровичь приказалъ говорить, что Государь Царское Величество радѣетъ о томъ и хочетъ видѣть, чтобъ твоего Цесарева Величества братъ Максимиліянъ Князь Аустрѣйскій на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ, и не по тому какъ они обирали Государя на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское при послѣхъ его государевыхъ, какъ были отъ него отъ Государя великіе послы бояринъ и намѣстникъ Великопермской и Костромской Степанъ Васильевичь Годуновъ съ товарищи; и Государь того не похотѣлъ, а хотѣлъ того видѣть, чтобы былъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, его, цесаревъ, братъ Максимиліянъ Арцыкнязь; а Государю, то любо будетъ также, что и онъ Государь будетъ на тѣхъ Государствахъ. А Государь того не хочетъ ни которыми обычаи, чтобъ Свѣйской Король былъ на томъ Государствѣ, а Государю былъ сусѣдъ: хочетъ Государь промышляти, чтобы Максимиліяну Арцыкнязю быти на тѣхъ Государствахъ, на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Государемъ. А тѣми дѣлы у Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи хочетъ промышляти бояринъ его и конюшей Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ.—И Цесарево Величество, выслушавъ брата своего любительного, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, тѣ дѣла любительно и желательно выслушавъ, а боярину государскому великому, Борису Ѳедоровичю Годунову хочетъ показать противъ того любовь свою. И потомъ выслушалъ Цесарево Величество государеву грамоту и его, Лукашовы, рѣчи, и выразумѣвъ государеву грамоту и его рѣчи, да писалъ о тѣхъ дѣлѣхъ о всѣхъ къ Ишпанскому Королю и къ дядьямъ своимъ къ Аустрѣйскимъ Государемъ, и къ себѣ имъ въ Прагу быти велѣлъ. И думы съ ними были великіе о воинскомъ дѣлѣ, какъ бы Максимиліяну Арцыкнязю пособить; а въ то время былъ государевъ человѣкъ Тимоха Выходецъ, и то видѣлъ и слышелъ. А язъ въ тѣ поры съ Янушемъ съ Фредерикомъ съ Фунсерньтейномъ изъ Кракова въ Красной Ставъ поѣхалъ съ государевымъ писмомъ; и съ Максимиліяномъ самъ видѣлся, и государеву, Цареву и Великого Князя добрую любовь ему объявилъ, и Бориса Ѳедоровича радѣнье по тому жъ сказалъ. И онъ того проситъ, чтобъ Государь свою добрую любовь совершилъ и утвердилъ и со всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ вмѣстѣ помогалъ; а только, Всемогущій Богъ дастъ, Коруну Польскую и Великое Княжество Литовское одолѣютъ, и онъ хочетъ самъ на рубежѣ съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, съѣхався, перегоknown рить, и вмѣстѣ со всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ противъ Турка и Татаръ,

заодинъ укрѣпяся, стать, въ чомъ бы онъ увидѣлъ Великого Государя помочь, и онъ бы за Кіевъ и за Полотцкъ не постоялъ. А нынѣ Римской Цесарь о томъ же прежнемъ дѣлѣ, о соединеньѣ, и о Перситцкомъ, и о Турецкомъ и о Татарскомъ дѣлѣ отпустилъ къ Великому Государю посла своего, и о всѣхъ дѣлѣхъ возможно Государю вспаметовать, что Римское Цесарское Величество всѣмъ утверженнымъ разумомъ и вѣрнымъ серцемъ всегда мыслитъ вмѣстѣ съ Великимъ Государемъ противъ всѣхъ вобчихъ недруговъ соединенье учинить и укрѣпить. И пошло было на путь при Максимиліянѣ Цесарѣ, какъ былъ у Цесаря отъ Государя посолъ, князь Захарей Сугорской; и тогда восмьдесятъ тысячь золотыхъ приготовлено было, что и по ся мѣста лежатъ въ городѣ Норенберхѣ, и ещо ожидаютъ. А за тѣмъ то не ссталось, что блаженные памяти Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи рекся съ Ливонскими Нѣмцы перемирье держать, да послѣ того вборзѣ съ великою силою въ Ливонскую землю ходилъ; а не одна та помѣшка, что завоевалъ и всѣхъ людей тое земли, которые во Христово имя крещены и Святые Нераздѣлимые Троицы Отца и Сына и Святого Духа во единомъ Божествѣ почитаютъ и вѣруютъ, и тѣхъ Татаромъ и Туркомъ продавати велѣлъ, и которые пол(он)яники изъ Турокъ вышли, то объявили,— изъ чего было мочно разумѣть, что Его Величество больши съ Турки и Татары пріязнь имѣлъ, а не со христьяны; а только бы Государь пособника имѣлъ Цесаря, и Ливонская бъ земля была за Государемъ. А коли нынѣшней Государь, Царь и Великій Князь совѣтное соединенье по хрестьянской вѣрѣ противъ Турокъ и Татаръ постановитъ и противъ ихъ держать хочетъ, и Перситцкого Шаха Кизылбашского въ то жъ соединенье ввесть, и о томъ Римской Цесарь не одно Римскому Государству о томъ извѣстилъ, и Велеможному Королю Ишпанскому объявилъ; и ему всѣ тѣ дѣла любы стали, и ужъ то постановили, что въ передъидущее лѣто большихъ пословъ къ Великому Государю пошлетъ и тѣ дѣла во всемъ сполна совершитъ и докончать. А хотятъ того, чтобъ тѣ дѣла были тайны, чтобъ о томъ въ Польшѣ и въ иныхъ странахъ не пронеслось; а только Турской и напередъ свѣдаетъ, и онъ учнетъ мириться съ Перситцкимъ Шахомъ, и великое кровопролитье во Хрестьянствѣ учинится. А послу бы то подлинно провѣдать надежно, какъ и которымъ обычаемъ и въ которыхъ странахъ, съ кѣмъ Кизылбашъ въ миру въ Асіи и съ которой страны ему мочно Турка воевать, и которыхъ Татаръ мочно на него посылать и сколь сильны которые Татарове всякой въ свои области, въ тѣхъ странахъ у моря Хвалимского, за Турского примутся, и какъ имяны, и похочетъ ли Государь, Царь и Великій Князь въ миру ихъ держать? И о тѣхъ бы о всѣхъ дѣлѣхъ послу подлинно провѣдать, каковъ Великого Государя, Царя и Великого Князя съ ними совѣтъ? и на то будутъ посланы сюды и въ передъидущее лѣто великіе послы и тѣ дѣла закрѣпятъ тайно. А нынѣ стоятъ тѣ дѣла на томъ, что Цесарь и весь домъ Аустрѣйской никакими обычьи безчестья того и сраму терпѣть не хотятъ, что учинилось ихъ брату, избранному Королю Максимиліяну, а хотятъ вскорѣ то учинить, чтобы его на Ко-

руну Польскую привесть; и такъ было быть въ прошломъ году для того великоії войнѣ, только бы не Турскоії помѣшалъ въ Угорскоії землѣ: а того ся не начаелись, и для того тѣхъ воинскихъ людей въ Угорскую землю послали, и Турского рать подъ однимъ городомъ Сиксомъ, въ 11 числѣ Октября, побили одиннадцать тысячь и три городы у него взяли, а вдругорядь, въ Ноябрѣ, нѣсколько тысячь Турского рати побили. А нынѣ Цесарю зачати двѣ войны: одну съ помочью всего Римского Государства, а другую Арцыарцока Аустрѣйского въ единомъ соединеньѣ противъ Польши. А Король Ишпанскоії къ тому рекся дать двѣ бочки золота, Курфистъ Флоренцъ бочку золота, Арцукъ Фералъ полбочки золота, а съ города съ Мантова три тысячи конныхъ людей, (съ) Свабскіе земли двѣ тысячи человѣкъ конныхъ, Арцукъ Фамбегеръ полбочки золота; а Арцукскіе дядья и братья скопили вмѣстѣ двадцать четыре бочки золота, кои семи видѣлъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, что въ цесарскую казну понесли; а Угорской Держатель хочетъ къ тому дати тысячю человѣхъ конныхъ. И будетъ въ той войнѣ въ началѣ старыхъ дядя Фердинандъ тотъ большой воевода. И приговорили день съѣхаться въ прошломъ въ Генварѣ мѣсяцѣ на Слешскомъ рубежѣ, и канцлеру тутъ объявиться съ своими людьми; и отъ папы Римского кардиналъ отпущенъ на сговоръ съ обѣ стороны, которой учнетъ прошать, чтобы Максимиліяна свободить; и послѣ того за дѣло примутся. А съ Арцыарцока Аустрѣйского стороны горододержавцы и иные великіе Нѣметцкіе Государи посланы. А отъ Ишпанского Короля Флоренскъ и иные многіе княженетцкіе посланники тутъ же будутъ; а со всякимъ будетъ со всѣхъ сторонъ по пяти сотъ человѣкъ и тутъ будетъ у нихъ сговоръ: похотятъ ли они избранного Короля Максимиліяна въ Корунѣ Польской безъ кроворозлитья держать? а будетъ не сстанется, ино за войну приняться; а никакъ того не покинутъ домъ Аустрѣйской, что ему не быть на Корунѣ Польской. И свѣдалъ семи въ дорогѣ въ Пруской землѣ, что канцлеръ на именованный день съ тысячею съ пятисотъ человѣки конными объявился, а въ приговорѣ было съ обѣ стороны быти на съѣздѣ по пяти сотъ человѣкъ; и онъ оправдався тѣмъ, что ему многіе недруги, для того столько съ собою людей и взялъ, и дѣла не сдѣлавъ розъѣхались. И нынѣ идетъ къ великоії войнѣ; а что къ тому надобно, то все готово. А Великого Государя, Царя и Великого Князя его доброрадѣнье, и мысль, и любовь Римскому Цесарю извѣстна; а еще хочетъ подлинно довѣдаться, что будетъ его, Великого Государя, о томъ мысль, и коимъ обычаемъ Максимиліяну спомогати хочетъ, и каковы мѣста пограничные Польскіе и Литовскіе съ сей стороны? А писалъ Государь въ своемъ писмѣ къ Цесарю: что будетъ Максимиліяну надобеть въ помочь, для Коруны Полскіе и Великого Княжества Литовского, золота и серебра, и въ томъ Государь постояти не хотѣлъ и его не оставитъ. Также въ другоії грамотѣ писалъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Захарьемъ Мейгеромъ, чтобъ Цесарь послалъ одного доброго и вѣрнѣйшего человѣка, кому мочно вѣрити, съ немногими людьми, и съ тѣмъ бы поговорити о Кизылбашскихъ, и о Турскихъ, и о Татарскихъ дѣлѣхъ, и о любительномъ братѣ, о Максимилія-

нѣ, и о Корунѣ Польской. И то все Цесарево Величество даетъ на волю Царю и Великому Князю. А будетъ только Государь, Царь и Великій Князь похочетъ съ своей стороны, или инымъ какимъ обычаемъ пособити Максимиліяну Князю Аустрѣйскому, и за тое любовь Аустрѣйскому дому всѣ въ вѣкъ не забудутъ. И мы хотѣли въ прошломъ году соединенья учинити и стояти противъ всякого недруга заодинъ, какъ Государь въ своей грамотѣ писалъ, и будетъ того похочетъ Государь, чтобъ война учинить противъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, въ прошломъ мѣсяцѣ Маѣ; и только начаютъ войнѣ быти, и Цесарево Величество послу своему приказалъ на первомъ пріѣздѣ, какъ будетъ у Царского Величества и Царского Величества умышленье увѣдаетъ о томъ, а провѣдавъ, на скоро о томъ тотчасъ съ двѣма или съ трема велѣлъ отписать; а написать велѣлъ писмомъ мудрою азбукою, которую азбуку отъ себя въ науку далъ, чтобъ опричь Цесарского Величества никто не разумѣлъ, а имъ бы было мочно проѣхати; а того писма опричь Цесарского Величество никому не прочести, и той тайные думы не увѣдаютъ; а тѣхъ посланыхъ, хоти одинъ доѣдетъ, и ко Цесарскому Величеству съ тѣмъ вѣсти будутъ, и оттого отъ Цесарева Величества война зачнется съ Коруною Польскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. А Курфисты Римского Цесарского Величества и тѣ хотятъ всѣ на помочь итти противъ Турского рати. А бывшей Король Датцкой Фредерикъ хотѣлъ былъ дати въ помочь на Литовского своей рати конной три тысячи человѣкъ, и того Датцкой Король Фредерикъ не хотѣлъ, чтобъ Свѣйской Королевичь былъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; а про нынѣшнего сына его Крестьянуса, Короля Датцкого, того не вѣдаетъ, хочетъ ли онъ спомогати Максимиліяну Королю? А Ишпанской Король нынѣ въ великомъ собраньѣ, что такое собранье за много лѣтъ не бывало: многіе корабли на морѣ изготовлены и утаены. А послѣ того Свѣйской, Королевичь изъ Люблина поѣхалъ, а хотѣлъ ѣхати къ Максимиліяну въ Красный Станъ и хотѣлъ съ нимъ поговорить втай, одинъ на одинъ, о сватаньѣ, чтобъ ему дать сестру свою за Максимиліяна, и Максимиліянъ на то не произволилъ, и сестры его за себя взяти не похотѣлъ; и Королевичь Свѣйской, услыша отъ него то, поѣхалъ къ себѣ назадъ въ Любимъ. А нынѣ Коруною Польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ не владѣетъ Королевичь Свѣйской и Максимиліянъ Князь Аустрѣйскій. А у Цесаря паны Польскіе: Станицкій, Хриштопъ Зборовскій, Варшевецкій, Петръ Ковскій, Сименевскій, Нарбатъ. А которые паны радные Польскіе пойманы съ Максимиліяномъ, Арцыкняземъ Аустрѣйскимъ, Андрей Зборовскій рафферендъ Черниговскій, Янъ Зборовскій воевода Познанскій съ Гурки, бискупъ Кіевскій,— и онъ Лукашъ тѣхъ пановъ въ Красномъ Стану ихъ видѣлъ».

А Апрѣля въ 6 день, въ Недѣлю, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, велѣлъ цесарскому послу Миколаю Варкачю, быти на дворѣ у себя, Государя, а Лукашу Павлусову велѣлъ Государь быти съ нимъ же.

И того дни, цесарской посолъ у Государя былъ, а посыланъ по него

приставъ Өедоръ Писемской. А пріѣхавъ на дворъ, сѣлъ съ лошади на мостку противъ угла казенные полаты, и шелъ мимо Благовѣщенья паперьтью. А Царь и Великій Князь въ тѣ поры былъ въ середней въ подписной въ золотной полатѣ; а при Государѣ были бояре и дворяне, и въ сѣнѣхъ въ проходной полатѣ дворяне и дѣти боярскіе и приказные люди въ золотномъ платьѣ; а по крыльцу дворяне и дѣти боярскіе дьяки были въ золотномъ въ чистомъ платьѣ. А стрѣльцы стояли съ ручницами отъ красного крыльца до Фроловскихъ воротъ и отъ Фроловскихъ воротъ до Тверскіе улицы. И какъ вшелъ посолъ на переходы, и встрѣчали его, вышедъ изъ проходные полаты, у дверей противъ середніе лѣстницы казначей Иванъ Васильевичь Траханіотовъ да діакъ Посникъ Дмитреевъ, а объявилъ ихъ послу толмачъ князь Иванъ Оболенской; встрѣчники послу руки дали и шли встрѣчники передъ посломъ. А какъ посолъ вшелъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударить околничей Андрей Петровичь Клешнинъ.

И Царь и Великій Князь звалъ посла къ руцѣ.

И цесарской посолъ Миколай, бывъ у руки, правилъ Государю отъ Руделфа Цесаря поздравленіе, а молвилъ: «Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи! Братъ вашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ, Божіею милостію избранный Цесарь Римскій, всегда прибавитель Царствія, Нѣметцкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій и иныхъ многихъ земель Государь, Вашему Царскому Величеству свое здоровье велѣлъ сказать, а о вашемъ Царского Величества здравьѣ велѣлъ спросити».

И Царь и Великій Князь, вставъ, спросилъ о цесаревѣ здоровьѣ, а молвилъ: братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, здорово ль?

И посолъ молвилъ: какъ есми поѣхалъ отъ Государя своего, Цесарского Величества, и Государь нашъ, далъ Богъ, здорово; да(й Го)споди, ты, Государь, здоровъ былъ! Да подалъ посолъ Государю отъ Руделфа: Цесаря двѣ грамоты.

И Царь и Великій Князь велѣлъ у него грамоты приняти дьяку Андрею Щелкалову.

А послѣ того, говорилъ посолъ: братъ вашъ любезнѣйшій, Его Цесарское Величество велѣлъ вамъ, брату своему, говорити нѣкоторые тайные рѣчи, и Ваше Царское Величество самъ ли тѣ рѣчи выслушати изволишь, или боярамъ своимъ которымъ велишъ выслушати?

И по государеву приказу, говорилъ послу діакъ Андрей Щелкаловъ, что Государь, Царь и Великій Князь тѣ его рѣчи велитъ выслушати бояромъ своимъ.

И велѣлъ государь послу сѣсти на скамейкѣ противъ себя. Да звалъ Государь къ руцѣ Лукаша Павлусова сына, которой пріѣхалъ отъ Максимиліяна.

И Лукашъ, бывъ у руки, правилъ Государю отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского поздравленье; а молвилъ: «Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи! брата вашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря братъ Максимиліянъ, Божіею милостію обранный Король Польскій и Великій Князь Литовскій, Арцыарцокъ Аустрѣйскій и иныхъ, Вашего

Пресвѣтлѣйшества здравье велѣлъ видѣти и про свое здоровье сказати».

И Царь и Великій Князь спросилъ о Максимиліяновѣ здоровьѣ сидя, а молвилъ: Максимиліянъ здорово ль?

И Лукашъ сказалъ: какъ язъ поѣхалъ отъ Его Милости, Максимиліяна, и онъ, далъ Богъ, здорово; да(й Го)поди, ты, Государь, здоровъ былъ! Да подалъ Лукашъ Государю отъ Максимиліяна грамоту, и Государь велѣлъ у него грамоту приняти діаку Андрею жъ Щелкалову.

А послѣ того, окольничей Андрей Петровичь являлъ Государю отъ посла и отъ Лукаша Павлусова сына Магнусова поминки; а что поминковъ пословыхъ и Лукашовыхъ, и тому писмо на казенномъ дворѣ у казначеевъ. А отъ Цесаря ко Государю поминковъ не было, а сказалъ посолъ: послалъ былъ Цесарь ко Государю въ поминкахъ четыре кони, два Индѣйскіе, а два Асполитанскіе, и тѣ поминки воротилъ онъ назадъ для тѣсные дороги отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей, что было ихъ провести не мочно.

И Царь и Великій Князь велѣлъ діаку Андрею Щелкалову сказати послу, чтобъ онъ шелъ въ отвѣтную полату, а Государь вышлетъ къ нему бояръ своихъ выслушати его рѣчей.

И по государеву приказу Андрей послу молвилъ: «Божіею милостію Великій государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь, велѣлъ тебѣ говорити: которые рѣчи приказаны съ тобою къ намъ отъ брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря, и ты бъ всѣ тѣ дѣла объявилъ боярамъ нашимъ; а посылаемъ въ отвѣтную полату бояръ своихъ: боярина и намѣстника Резанского Ивана Васильевича Годунова, да боярина и намѣстника Ржевскаго князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діаковъ Андрея да Василья Щелкаловыхъ да Елизарья Вылузгина». Да явилъ отъ Государя въ стола мѣсто кормъ, а молвилъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, жалуетъ тебя, отъ своего Царского Величества посылаетъ съ столомъ».

И велѣлъ Государь съ посломъ приставу итти въ отвѣтную полату; и высылалъ къ нему Государь въ полату бояръ своихъ: Ивана Васильевича Годунова, да князя Ивана Васильевича Ситцкого, да діаковъ Андрея да Василья Щелкаловыхъ да Елизарья Вылузгина.

А какъ бояря вошли въ отвѣтную полату, и посолъ бояръ встрѣтилъ середи полаты; и объявилъ послу бояръ діакъ Андрей Щелкаловъ. И бояря, послу руки давъ, сѣли по мѣстамъ, а послу велѣли сѣсти на скамейкѣ противъ себя. И, посидѣвъ мало, вставъ, говорилъ послу рѣчь бояринъ Иванъ Васильевичь Годуновъ: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ Государствъ Государь велѣлъ намъ твои рѣчи выслушать, и что съ тобою къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству отъ брата его дражайшаго, Цесарского Величества, приказъ, и ты намъ объяви; и мы, выслушавъ твои рѣчи, донесемъ до Царского Величества».

И посолъ говорилъ бояромъ рѣчи, и далъ рѣчемъ своимъ писмо. Да посолъ же цесаревъ подалъ бояромъ грамоту отъ Руделфа Цесаря къ боярину и конюшему, и намѣстнику

Казанскому и Асторохапскому къ Борису Өедоровичю Годунову, и тое грамоту принялъ у него діакъ Андрей Щелкаловъ. И сказывали про то бояре Государю; а съ посломъ приставу велѣли ѣхати на подворье. А съ столомъ посыланъ отъ Государя къ послу на подворье стольникъ Иванъ Өедоровъ сынъ Басмановъ; а съ нимъ съ дворца ключники, и стряпчіе и подключники.

А се переводъ съ грамоты отъ Руделфа Цесаря Римского ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, съ посломъ его, съ Миколаемъ Варкачомъ: «Мы, Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегда прибавитель Римского Царствія, Нѣметцкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій, Король и Арцыкнязь Аустрѣйскій, Арцокъ Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Карнскій, Краинскій, Люцемборскій, Витенборскій, вышніе и нижніе земли Шляскій, Князь Швабскій, Маргрaфъ святого Римского Царствія, Бургавскій, Государь вышніе и нижніе земли Ляузнитцкій, Князь и Графъ Аузбурскій, Тирольскій, Фиратцкій, Кибурскій, Хортцкій, Лантграфъ Элсаскій, Государь Виндинскіе страны, Портонавскій, и Саленитцкій и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю, Өедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Царю Казанскому и Асторохапскому, нашему опричениому, любительному пріятелю и брату наша пріязнь и любовь. Всегды Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Князь, опричепно любителный пріятель и братъ! Писали мы къ Вашей Любви, Сентября мѣсяца 19 числа, съ тѣмъ торговымъ человѣкомъ, которой былъ къ намъ посланъ, съ Тимохою Семеновымъ сыномъ, съ Новгородцемъ, и отпустили его; да и Лукаша Павлусова, больше того держати не похотѣли есмя, отпустили его къ Вашей Любви; а съ нимъ вмѣстѣ послали есмя нашего любительного, вѣрного Миколая Варкача съ Нопшицъ изъ Вилмедорфа, и приказали есмя ему наши тайные дѣла вамъ объявити; и что тотъ Варкачъ отъ насъ Вашей Любви учнетъ говорити и дѣлати, и вы бъ ему въ томъ во всемъ вѣрили: сколько онъ нынѣча вѣдаетъ, и онъ то все объявитъ, какъ Ваша Любовь отъ него все подлинно выразумѣетъ. И начаемся въ томъ отъ Вашей Любви, что Ваша Любовь, для любви и братства, тому имянованному Миколаю Варкачю подлинно вѣры поймете въ его рѣчѣхъ отъ насъ и по его великимъ отвѣтомъ во всѣхъ дѣлѣхъ, какъ мы въ томъ одноличпо начаемся; и намъ то будетъ отъ Вашей Любви къ великому утѣшенью, и учнемъ впередъ быти въ пріятельствѣ, и въ братствѣ, и въ любви, и на всякой часъ всегда межъ себя добро творить неподвижно.—Писана въ нашемъ королевскомъ городѣ въ Прагѣ 9 дня Декабря, лѣта 1588 году: Государства нашего 13, Угорского 17, Чешского 14.» А припись у грамоты: «Вашіе Любви доброповольный братъ». А на подписи грамоты государево титло написано, по тому жъ, что и въ грамотѣ.

А се переводъ съ цесарскіе съ другіе грамоты ко Государю: «Мы Руделфъ второй, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегда прибавитель Римского Цесарства

Нѣметцкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій, Король, Арцыарцукъ Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунской, Брабанской, Стырской, Карнскій, Крайнскій, Люцемборскій, Виртемборскій, вышніе и нижніе земли Шлязскіе, Князь Швабской, Маргрофъ святого Римского Царствія, Бургавскій, Государь вышніе и нижніе земли Ляузнитцкій, Князь и Графъ Аузбурскій, Тирольскій, Фиртцкій, Кибурскій, Хортцкій, Ланграбъ Элсатцкій, Государь Виндѣйскіе страны, Портонавскій, и Саленитцкій и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему, Государю, Царю Өедору Ивановичу, Обладателю всеа Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Царю Казанскому и Астороханскому, нашему опричenно любительному пріятелю и брату. Вашей Любви добрѣ пріятельно и извѣстно, какъ мы прежъ сего многижда о нашемъ слугѣ и о подданномъ Павлѣ Магнусѣ писали, которого мы отъ нѣкоторыхъ въ давныхъ лѣтѣхъ, къ Вашей Любви съ Жданомъ Квашнинымъ, съ нашею цесарскою опасною грамотою, отпустили, и другого нашего подданного, Еремѣя Ремера, которой въ Ливонской землѣ служилъ въ нашихъ дѣлѣхъ, Вашіе Любви воинскіе люди изымали,— и тѣ оба въ вашей землѣ по ся мѣста задержаны. И мы ласково и братолюбно просимъ, чтобъ Ваша Любовь тѣхъ нашихъ слугъ и подданныхъ, которые столь долго напрасно (за)сажены, были бъ изъ засаженья высвобожены, и имъ бы убытки и проторь были нагорожены. А мы то по ся мѣста выразумѣли, что такое наше писмо ни къ которому концу не пришло, что и по ся мѣсто Павлусъ Магнусъ и Еремѣй Ремеръ въ великихъ ихъ нужахъ и убыткахъ задержаны; а начаемся, что не чего для иного то долгое ихъ задержанье, то отъ чюжихъ людей, которые къ нимъ не ласковы и на нихъ наносятъ. И Ваша Любовь, не такъ какъ чюжему, за тѣхъ дву человѣковъ любительно объ нихъ жалѣлъ. Да и еще прошаемъ Вашей Любви объ нихъ любительно о томъ Павлусѣ и о Еремѣѣ, для братцкіе любви ихъ бы больши не задержать, а имъ бы великую повольность учинилъ, и ихъ бы, что у нихъ великимъ насильствомъ отнято, было отдано, и черезъ Вашеі Любви землю и волости къ ихъ домомъ, не задержавъ, съ доброю повольностью отпущены были. И того именованнаго Павлуса Магнуса и сына его Лукаша, который есть нашимъ и вашимъ слугою собча, послушливъ и доброхотливъ, какъ мы иного по немъ не начаемся, что служилъ онъ съ великими страхованными посылками, и за то его подобаетъ въ великой милости держать, въ чемъ мы у Вашей Любви о томъ начаемся и отъ Вашей Любви намъ то будетъ пріятно и пріятельно, и о всемъ въ томъ противъ воздано будетъ добродѣтелью.—Писана въ нашемъ королевскомъ городѣ Прагѣ, мѣсяца Октября 20, въ году 88, нашего Государства державья 13, Угорского 17, Чешского 14. Вашей Любви доброповольный братъ».

А се переводъ съ Максимиліяновы грамоты ко Государю, Царю и Великому Князю съ гонцомъ его, съ Лукашомъ: « Мы, Максимиліянъ, Божьею милостію избранный Король Полскій и Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій и Мазоветцкій, Арцы-

князь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Стырскій, Коратынскій, Крайнскій и Витемборскій, Администраторъ надъ Крыжаки Прускіе земли, Маистръ Нѣметцкихъ ордъ въ Нѣмецкихъ земляхъ, Абспурскій и Тирольскій,— извѣщаемъ вамъ, Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Царю Казанскому и Асторохански, Государю Псковскому и Великому Князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иныхъ, Государю Низовскіе земли, Черниговскому, Ростовскому, Резанскому, Ярославскому, Бѣлоозерскому и иныхъ земель наше челобитье и дружная любовь. Писали къ намъ Ваша Любовь мѣсяца Февраля, въ нынѣшнемъ 88 году отъ Христова Рождества, съ нашимъ любимымъ слугою, съ Лукашомъ Павлусовымъ, и то писанье до насъ дошло; и мы то все съ радостію приняли, и что Ваша Любовь жедаете прямого отвѣту, какъ было преже сего межъ нашими дѣды и отцы соединенье, и то бы постановити, чтобы въ томъ народу хрестьянскому къ прибытку, и ото всѣхъ бы недрузей оборонены были. Также Ваша Любовь противъ нашего лица любительно объявились, что были со всѣмъ готовы и дѣломъ объявились, какъ мы посылали пословъ своихъ отъ своего лица въ Коруну Польскую и въ Великое Княжество Литовское, и они говорили, что они мимо насъ никого Королемъ обрати не хотѣли. И такъ сталось: иные насъ изобрали, а иные Свѣйского Князя изобрали, и въ томъ въ землѣ сталась великая розь и страхованье, только будетъ Вашей Любви то неизвѣстно. А послѣ того, мы, по челобитью и по докукѣ народу и по волѣ Цесарского Величества, нашего любительного Государя и брата, и иныхъ Государей, нашихъ пріятелей, въ Коруну Польскую въѣхали, и иные городы насъ съ любовью приняли. А какъ мы послѣ того, для великіе зимніе стужи, воротились въ высокопомянитую Цесарева Величества Римскую землю, и Польскіе люди пришли на насъ безвѣсно и не по дѣлу; а въ то время тутъ готовы были святѣйшего папы Римского послы, и учинили есмя перемирье на время, на мѣсяцъ, по сговору; а для того учинили, что съ нами было воинскихъ людей немного, и съ тѣми немногими воинскими людьми отъ кровопролитья хотя себе уберечи, дался съ ними въ сговоръ; и отъ тое причти держатъ насъ и тепере въ Полшѣ. Однако мы въ томъ не отчаемся, что Римской, Цесарское Величество, нашъ любительный, милый Государь и братъ, и Король Ишпанскій, и иные Государи и пріятели наши учнутъ о томъ вскорѣ промышляти, и за дѣло примутся, чтобы мы къ нашей чести вскорѣ освобождены были. И какъ мы доступимъ по прямому пути Коруны Польскіе, по первому обранью въ Варшевѣ, и всѣ соединимся, и намъ промышляти съ помочью и съ вѣдома нашего милого брата и пріятеля, и доставати Великого Княжества Литовского подъ нашу власть. А какъ прежъ сего Вашіе Любви дѣды противъ нашего славного дому Аустрѣйского всегда всякимъ радѣньемъ объявились, и Ваше бъ Величество по тому жъ объ насъ радѣлъ. И не могли мы того учинити для великіе и пріятельные любви. Съ великимъ упованьемъ Вашей Любви извѣщаемъ про наше здравье и прошаемъ,

по нашему любительному челобитью, чтобъ Ваше Величество намъ надежную помочь учинили, чтобы намъ то, за что принялись, совершити. Въ тѣхъ городѣхъ въ Литвѣ, которые насъ сперва изобрали, и мы надежу великую на нихъ держали, и послѣ того они намъ измѣнили: Свѣйского Князя изобрали Королемъ; и начаюсь, какъ будутъ наши обѣ области заодинъ, и наше любительное братство и соединенье свѣдаютъ, и они станутъ думать на прямой путь, чтобъ тому Свѣйскому Князю съѣхать опять въ свою вотчину въ Свѣю, а владѣть бы намъ, потому что мы избранные, и къ намъ бы пристали. А что есть въ соединеньѣ межъ Вашего Царского Величества съ Римскимъ съ Цесарскимъ Величествомъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и съ иными хрестьянскими Государи противъ бусурманъ стояти, и то годно и пригоже; и для того укрѣпленья къ Вашему Царскому Величеству Цесарское Величество и Его Любовь пословъ своихъ отпустилъ, и приказали есмя имъ съ Вашимъ Царскимъ Величествомъ о тѣхъ и о иныхъ о тайныхъ дѣлѣхъ извѣстити, какъ бы къ лутчему могло сстатись; и надѣюсь того, что такіе дѣла Вашему Величеству годны будутъ. И гдѣ намъ мочно противъ Вашей Любви и вашей земли всякую любовь учинити, и Ваше бы Величество одноличио на насъ въ томъ надѣялись, что мы всѣмъ радѣньемъ безо всякой хитрости сдѣлать хотимъ. Потомъ Вашей Любви братцкое пріятельство вѣрно завѣщеваемъ. Писанъ въ Красномъ Ставѣ Августа въ 15 числѣ, лѣта отъ Рожества Христова 1588 году». Приписъ у грамоты: «доброрадѣтельной другъ и вѣрной братъ Максимиліянъ». А на подписи пишетъ: «Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Князю, Государю Өедору Ивановичю, Царю и Великому Князю Московскихъ земель, Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Царю Казанскому и Астороханскому, Государю Псковскому и Великому Князю Смоленскому и иныхъ земель, нашему дружнолюбительному Государю и брату».

А се переводъ съ Руделфовы цесаревы грамоты къ бояриму и конюшему, къ Борису Өеровичу Годунову, съ посломъ его съ Миколаемъ съ Варкачомъ. На подписи у грамоты пишетъ: «Благородному, нашему любительному опричениому, Борису Өедоровичю Годунову, Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Царя, Өедора Ивановича, Обладателя всеа Русіи и Великого Князя Владимерского, Московского, Новгородцкого и иныхъ, нашего опричениого милого, любительнаго брата тайному думцѣ и большому бояриму». А въ грамотѣ пишетъ: «Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Римскіи Цесарь, всегда прибавитель Царствія. Благородный нашъ опричениo любительный! Какъ къ намъ въ нынѣшнее время Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Великій Государь, Царь Өедоръ Ивановичь, Обладатель всеа Русіи и Великій Князь Владимерскій, Московскій и Новгородцкій и иныхъ, нашъ опричено любезнѣйшій другъ и братъ, въ прошломъ мѣсяцѣ до насъ грамоту свою, съ посланникомъ съ Лукашомъ съ Павлусовымъ, съ нашимъ вѣрнымъ слугою, прислалъ; и мы того Лукаша, а съ нимъ вмѣстѣ посла своего Миколая Варкача съ Нопшицъ изъ Велемзлорфа отпустили съ нашими великими дѣлы, какъ о тѣхъ великихъ дѣлѣхъ будетъ из-

вѣстно твоей опричениой Любви. А намъ Лукашъ про твое Благородіе и о добромъ радѣньѣ о нашемъ славномъ дому Аустрѣйскомъ подлинно розсказалъ, что ты о славномъ дому Аустрѣйскомъ вседушно радѣешь; и начаюся и впередъ на твою любовь надежно, что и тому нашему послу Миколаю Воркачю, въ тѣхъ нашихъ великихъ дѣлѣхъ, что ему мы приказали, любовь свою покажешь и радѣти учнешь. А приказали есмя съ посломъ своимъ, съ Миколаемъ, опричению съ тобою о всѣхъ таиныхъ и вѣрныхъ дѣлѣхъ посовѣтовать, и по твоей бы мысли намъ тѣ дѣла начати дѣлати, о томъ есми тебѣ любительно извѣстилъ; и начаемся, что ты по тому жъ, тому нашему Варкачю любовь свою объявишь, какъ мы любительно на тебя надѣемся. А мы всею сердечною любовью на тебя въ томъ положилися, и противъ того мы всякими дѣлы и челобитьемъ ради отплатить.— Дана въ нашемъ королевскомъ градѣ въ Прагѣ, мѣсяца Декабря въ 19 день, лѣта 1588, Государства нашего Римского 14, Угорского 17, Чешского 14». А у грамоты припись цесарева, написано: «Руделфъ».

А се переводъ съ писма цесарского посла, Миколая Варкача, съ его посольства, что подалъ бояромъ: «Римское Цесарское Величество, а мой всемилостивый Цесарь и Государь, приказалъ со мною, велѣлъ говорити вамъ, Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, своему дражайшему и любительному другу и брату, братцкую любовь и дружелюбную добродѣтель о всемъ о добромъ дѣлѣ извѣстити и о вашемъ Царского Величества здравьѣ спросити, радѣючи во всемъ не меньши того, какъ о себѣ. А къ тому Его Цесарское Величество велѣлъ Вашему Царскому Величеству извѣстити о братствѣ, какъ къ Его Цесарскому Величеству Лукашъ Павлусовъ, пріѣхавъ, рѣчью и писмомъ извѣстилъ, что Ваше Царское Величество хотѣлъ до Его Цесарскаго Величества послати своихъ великихъ пословъ, и тому сстатись было въ то время не возможно, для того что Максимиліянъ въ Польшѣ учинился въ вязенью. И Цесарское Величество выразумѣлъ изъ трехъ писаней отъ Вашего Царского Величества о братцкой вседушной любви и о соединеньѣ къ Его Цесарскому Величеству и ко всему Аустрѣйскому дому, что хочешь видѣти Его Цесарского Величества брата, Максимиліяна, Королемъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и стояти бы ему съ тобою, съ Великимъ Государемъ, и со всѣми хрестьянскими Государи на всѣхъ бесерменъ заодинъ. И въ которомъ писмѣ Ваше Царское Величество пишешь и прошаешь, чтобъ Цесарскому Величеству напередъ прислати своихъ великихъ пословъ или вѣрныхъ людей не со многими людьми; а Ваше Царское Величество съ тѣми вѣрными великими послы своимъ бояромъ велишь договоръ учинить о всякихъ великихъ дѣлѣхъ для хрестьянского покою; и каково соединенье межъ Вашего Царского Величества и Кизылбашьского Шаха и иныхъ хрестьянскихъ Государей, чтобы съ тѣми Государи надежное соединенье укрѣпить; и какъ бы мочно Римского Цесарского Величества брата, Арцыкнязя Аустрѣйского Максимиліяна, из-

браннош Короля на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, учинить, о томъ бы Ваше Царское Величество помыслилъ, которыми обычаи тому дѣлу статись мочно? И въ нынѣшнее время для нѣкоторыхъ причинъ Его Цесарского Величества великимъ посломъ проѣхати было не мочно, и Его Цесарское Величество повелѣлъ мнѣ, подданному и вѣрному, послушному слугѣ своему, о всякихъ таінныхъ дѣлѣхъ отъ Вашего Царского Величества извѣдать, и противъ того Вашему Царскому Величеству Цесарского Величества и всего дому Аустрѣйского мысль открыть. И повелѣлъ мнѣ Цесарское Величество, съ своимъ подданымъ и вѣрнымъ съ Лукашомъ Павлусовымъ, къ Вашему Царскому Величеству ѣхати, и извѣстить Его Цесарского Величества Вашему Царскому Величеству дружную и братцкую любовь, и о всякихъ вашихъ вобчихъ великихъ дѣлѣхъ, что годно всему Хрестьянству, къ Цесарскому Величеству Ваше бъ Царское Величество со мною приказалъ, чтобъ мнѣ назадъ у его Цесарского Величества быть къ сьему въ Іюлѣ мѣсецѣ; и ему бъ Цесарскому Величеству отъ Вашего Царского Величества надежно и подлинно отвѣтъ отправить; а нашъ милостивый Цесарь, посовѣтовавъ съ Ишпанскимъ Королемъ, какъ мы назадъ къ Его Цесарскому Величеству пріѣдемъ, и къ Вашему Царскому Величеству со всѣмъ совершеннымъ съ полнымъ дѣломъ пословъ своихъ великихъ пошлетъ. И наказалъ мнѣ Его Цесарское Величество со всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ Вашему Царскому Величеству много бити челомъ за Ваше Царского Величества сердечное радѣнье о обиранѣ Королевскомъ, и что ваше Царское Величество и впередъ помогать хочешь; а Цесарское Величество противъ того Вашему Царскому Величеству со всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ и со всею надежею до скончанья вѣка сердечнымъ укрѣпленьемъ съ крѣпкою устоятельною любовью потому жъ отплатити всегда хочетъ. А что о нынѣшнемъ о великомъ дѣлѣ, о соединенье противъ Турского, и Его Цесарское Величество того хочетъ, чтобъ то тайно держати. А Его Цесарское Величество о томъ никому, опричь Ишпанского Короля и Арцыарцука Аустрѣйского да трехъ своихъ ближнихъ думцовъ, никому не объявилъ, для того что то дѣло не на одного на него, и на всѣхъ соединачныхъ Государей христьянскихъ, не мало приналежитъ, и Турскому бы о томъ вскорѣ не вѣдомо было. Также не мыслитъ Цесарское Величество о томъ соединенье объявляти Францовскому Королю и Аглинской Королевѣ и инымъ, которые себѣ помочи и обороны ищутъ у Турского; и тѣ бы таіные дѣла отъ нихъ не пронеслись, потому что они тѣмъ себѣ ласку хотятъ учинити у Турского; и то бы не было ни къ которой помѣшкѣ, а было бъ къ прибыли, и не пронеслося бъ. А полно бъ и того, чтобы тѣхъ, которые живутъ въ Европѣ, привести въ одно соединенье: Короля Ишпанского, папу святѣйшаго, домъ Аустрѣйской и всѣ Князи и Архикнязи Нѣметцкія и Италіянскія земли, которые въ подданьѣ подъ Цесарскимъ Величествомъ, опричь Венецѣй. А Его Цесарское Величество въ передъидущемъ Іюлѣ мѣсяцѣ на сьемѣ о томъ выслушать хочетъ и съ тѣхъ земель всѣхъ Князей и Архикнязей, и имъ объявитъ по Лукашо-

вѣ Павлусова сына сказкѣ о соединеньѣ Перситцкого Шаха и иныхъ Государей, которые живутъ по Азіи, чтобъ намъ и тѣхъ ввести съ собою собча въ соединенье. И какъ вы, Вельможнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь хрестьянскій, достохвалный и славный Государь, о томъ радѣешь, а Его Цесарское Величество по тому жъ вельми о томъ радѣетъ, и Вельможнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю, Цесарское Величество братцкую и вѣрную любовь объявитъ впередъ своими великими послы, сполномочно отпущеными, и докончанье совершитъ. И жедаетъ Его Цесарское Величество и впередъ ещо братцкіе любви и дружбы по извѣщенью, какъ вѣдомо учинилось Его Цесарскому Величеству, что было посланникамъ Ѳеопасью Резанову да Ивану Грязному, то было дѣло нужное вѣдать надобно: какъ Ваше Царское Величество укрѣпился съ Перситцкимъ Шахомъ, и которымъ обычаемъ, и съ которой стороны и которою силою на Турского зачати войну, сколко у которого силы, кто въ той думѣ есть, и которые еще иные Азійскіе Государи въ той думѣ въ соединеньѣ быти хотятъ, и какимъ обычаемъ и помочь чинити, чѣмъ бы такого вобчего хрестьянского недруга утамить и искоренить, и мыслите ль вы, Вельможнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь, Крымского въ тожъ соединенье къ себѣ призвать? О тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ Ваше бъ Царское Величество велѣлъ мнѣ дати отвѣтъ, какъ Вашему Царскому Величеству съ тѣми землями соединенье будетъ, чтобъ мнѣ Цесарскому Величеству о тѣхъ о всѣхъ было надобныхъ дѣлѣхъ что извѣстить, и что Ваше Царское Величество о тѣхъ дѣлѣхъ мыслитъ, какъ бы тѣ великіе дѣла всего Христьянства совершить. А Цесарское Величество мыслитъ Вашему Царскому Величеству, чтобъ Ваше Царское Величество велѣлъ отписати втай къ Кизылбашскому Шаху, чтобъ онъ съ Турскимъ не мирился, а Ишпанской Король о томъ же радѣетъ; а Его Цесарскому Величеству вѣдомо подлинно, что Свѣйской старой Король и канцлеръ Польской, и Королевичь Свѣйской Турскаго на то приводятъ, чтобъ онъ съ Кизылбашскимъ миръ учинилъ и съ своею силою былъ ему въ помочь. И Цесарское Величество то хочетъ втай держать, развѣ то папѣ извѣстить, обослався, съ папою и съ иными въ своей сторонѣ по тому жъ крѣпкое соединенье учинить. А о Польскомъ дѣлѣ Цесарское Величество на Поляковъ по ихъ досадѣ, что они ему и всему Аустрѣйскому дому досаду учинили многими дѣлы, хочетъ имъ отомстить: какъ бы Его Цесарского Величества брата Максимиліяна освободити, и искалъ того, какъ бы его на Корунѣ Польской Королемъ учинить, и за то Цесарское Величество хочетъ на Поляковъ послать большую свою рать вскорѣ. И нынѣ до Цесарского Величества слухъ дошелъ, что Поляки хотятъ ему добивать челомъ и къ нему приклонитись, и Цесарь имъ въ томъ не вѣритъ для ихъ розни; а приговорили о томъ обослатись на рубежъ съ обѣ стороны своими послы по совѣту дяди своего и братьи и Ишпанского Вельможнѣйшего Короля Филиппа: будетъ то посольство станется, Поляки похотятъ обрать себѣ за Государя Максимиліяна на Королевство безо всякіе зацѣпки и безъ кровопролитья по его достоинству, ино то добро, и кровопролитья во Хрестьян-

ствѣ не будетъ, какъ и Ваше Царское Величество миролюбитель того не хочетъ. А будетъ то не станется, Поляки Максимиліяна на Королевство не похотятъ, и Максимиліянъ отъ своего прямого Королевства отстати не хочетъ никоторыми обычеи, и отлучити себя отъ того не дастъ; а думаетъ Его Цесарское Величество со всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ, хоти что ни учинится въ томъ, а нельзя того учинить, что не отмстить; и Его Цесарское Величество одноличною съ войною поидетъ; Цесарской области и въ Нѣметцкой и въ Анатольской землѣ собрано войско готово. А какъ Цесарское Величество начнетъ войну на Польшу, и также отъ Турского надобетъ беречись и въ тѣхъ войнахъ надобѣ многою силою ратными людьми приготовиться, на которую его украйну Цесарского Величества Турская рать придетъ, и ему противитись, какъ и прежъ сего бывало. А и въ прошломъ Октябрѣ мѣсяцѣ, Его Цесарского Величества люди въ Угорской землѣ Турскихъ лутчихъ воинскихъ людей многіе тысячи побили, и три городы у Турского взяли. А того не учинитъ, что ему своей части не отвѣдать; и къ тому надобеть Его Цескому Величеству многая рать припасти, что не одно противъ Турского стоять, и противъ Польщи съ великою надежею и силою итти мочно, чтобъ они не токмо устрашились, и безъ кровопролитья сдались; а только они будутъ добрѣ упрямы и за оружье учнутъ приматься, ино бъ не долго съ ними биться, вдругъ бы ихъ стѣснить. И надѣется Его Цесарское Величество въ томъ на Ваше Царское Величество, на своего дражайшего и любительного друга и брата, за Ваше доброс радѣнье, что Ваше Величество Максимиліяну хочешь помочь учинить. А мнѣ отъ Цесарского Величества о тѣхъ Польскихъ дѣлѣхъ велѣно воспоминать и всю ихъ мысль Вашему Царскому Величеству открыть; а Ваше бъ Царское Величество мнѣ, слугѣ Цесарского Величества посланному, по тому жъ разумѣть далъ, въ чомъ Цесарскому Величеству помочи себѣ отъ Вашего Царского Величества начаятись; и за то Цесарское Величество и Король Максимиліянъ и иные ихъ любительные братья и весь домъ Аустрѣйскій за Ваше Царского Величества такую великую любовь во вѣки хвалятъ и не забудетъ, и противъ того Его Цесарское Величество со всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ, въ чемъ можетъ радѣти и отслужить, во вѣки вседушно радъ. И впередъ Вашему Царскому Величеству то будетъ любо и надежно, что Вашему Величеству такой вѣрной и любительной другъ и съ такого Цесарского Величества великого роду, которой учнетъ съ Вами стояти заодинъ, противъ всѣхъ своихъ недруговъ заодинъ; и Ваше бъ Царское Величество на него надѣялся всѣмъ серцемъ, какъ на своего на вѣрного друга, и соседомъ себѣ имѣлъ. И Вашему Царскому Величеству впередъ въ томъ будетъ великая хвала, что Ваше Царское Величество въ тѣхъ во всѣхъ великихъ дѣлѣхъ доброе радѣнье учинишь, и тѣмъ землямъ будетъ къ великому прибытку; а не одно то, и Турки и Татаровя отъ того всѣ въ страхованьѣ будутъ, и легко будетъ у нихъ взять съ такою великою силою всю Греческую землю и всѣ иныя земли, которыя прилегли къ тѣмъ Государствамъ и ихъ искоренить. И приказалъ мнѣ Цесарское Величество исправя посольство межъ васъ, Вели-

кихъ Государей, о вашихъ великихъ дѣлѣхъ, которые належатъ къ доброму дѣлу всего Хрестьянства, и совершати дѣла, велѣно мнѣ прошатись у Вашего Царского Величества къ Его Цесарскому Величеству; да мнѣ жъ дана наука отъ Его Цесарского Величества о дву статьяхъ именемъ Римского Его Цесарскаго Величества Вашему Царскому Величеству извѣстить. И я тѣ дѣла послѣ того Вашему Царскому Величеству извѣстити буду; а Ваше бъ Царское Величество велѣлъ тѣ статьи выслушать и отвѣтъ мнѣ на то дать».

Да посолъ же Миколаї далъ бояромъ писмо о Максимиліяновѣ дѣлѣ, какъ ся у него дѣялось Литовское дѣло.

А се съ того писма переводъ. «Чтобъ Царскому Величеству извѣстно о Максимиліянѣ, Арцыкнязѣ Аустрѣйскомъ, а мочно было Его Царского Величества болшимъ посломъ, которые были въ Варшевѣ на элекціи, Его Цесарскому Величеству извѣстить, потому что у Поляковъ обычей таковъ: выѣхавъ въ поле, всѣ Поляки и Литва и арцыбискупы и бискупы для обиранья нового Короля, и они займутъ мѣсто великое и огородятъ его, и архибискупъ то мѣсто святитъ, и возглашаетъ гласомъ великимъ съ великими клятвами всѣхъ пановъ радныхъ и весь народъ, чтобъ паны рада и вся земля мимо того мѣста, въ иномъ мѣстѣ Короля не обирали, и о обираньѣ Короля въ иномъ мѣстѣ нигдѣ не думали; а кто учнетъ въ иномъ мѣстѣ о Королѣ думати, и тотъ будетъ анаѳема; и паны рада и весь народъ шляхецкаго стану и то арцыбискупу откажутъ: «буди по твоему слову»! И на томъ уготованномъ мѣстѣ многіе паны рада и многіе шляхта обрали на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское Максимиліяна, явно не безъ народа, и не такъ какъ канцлеръ съ Королевою съ Анною обрали подъ лѣсомъ Королевича Свѣйского на Королевство безъ народа; а сдѣлалъ то канцлеръ и Королева не по судебнику, наровя Королевѣ, и то стало Великой Рѣчѣ Посполитой не къ добру, что они себѣ Короля обрали иного. И какъ Максимиліяна обрали, и Цесарское Величество по тому догадался, что канцлеръ съ Королевою обрали себѣ Свѣйского Королевича, и у канцлера Коруна и вся казна у одного въ рукахъ. И Цесарское Величество за то хотѣлъ надъ ними учинити недобро противъ ихъ зла, и для того Цесарское Величество послалъ до своихъ земель до Шлейскіе и до Моравскіе земли, чтобъ съ тѣхъ земель рать на Польшу собрати, велѣлъ нарядить ратныхъ людей со всей земли отъ девятинатцати человѣкъ дватцатого, и собралось тѣхъ людей восемьдесять тысячь. А послы Польскіе, которые пріѣхали по Максимиліяна, и они ему почали думать, чтобъ онъ никаковыхъ людей Нѣметцкихъ, ни иноземцовъ наемныхъ въ Польшу не ималъ; а говорили паны Польскіе Максимиліяну: какъ ты пріѣдешь въ Польшу съ великими людьми съ Нѣметцкими, и наша братья Поляки начаятся станутъ отъ тебя того, что ты наши повольности и правы велишь порушать, и тѣмъ отъ себя Поляковъ отгонишь, и къ канцлеру они пристанутъ, а Нѣмцамъ ся съ Поляки не ужити, и для того ихъ отъ себя отгонишь; а мы Вашему Королевскому Величеству такъ думаемъ, что въ Польшѣ есть много убогихъ

шляхтичевъ, и только ты захочешь и велишь имъ служить съ пенезеі, и ты въ Польшѣ такихъ добудешь тьму, и нужю они великую подымутъ, и Нѣмецъ дешевлѣ ся наймутъ; и ты оставь Нѣметцкихъ людей у себя, а съ нихъ возми гроши на Поляки; а мы тебѣ даемъ свои головы въ томъ, что мы тебя на Королевство посадимъ, потому что ужъ у тебя много будетъ Поляковъ и станутъ тебѣ служити правдою. И Максимиліанъ учелъ о томъ съ Цесарскимъ Величествомъ думать наскорѣ, и повѣрили тѣмъ посламъ Польскимъ, а войско, которое собрано было, и Цесарское Величество то войско роспустить велѣлъ, а въ Польшу съ Максимиліяномъ пошло Нѣметцкихъ людей только четыре тысячи, для того что паны Польскіе больши того имати ему съ собою Нѣметцкихъ людей не велѣли; и съ Максимиліяномъ тѣ Нѣметцкіе люди въ Краковъ поѣхали, и какъ они съ Максимиліяномъ доѣхали отъ Кракова за четыре версты до монастыря, до могилы, и говорили Нѣмцы Максимиліяну: кой часъ канцлеръ тебя увидитъ, что ты ѣдешь, и онъ тебѣ учнетъ часа того челомъ добивать. И Максимиліянъ, пріѣхавъ близко Кракова, тотчасъ догадался, что канцлеръ противъ его учелъ накрѣпко стоять; и Максимиліянъ тотчасъ тѣмъ своимъ Полякомъ, которые съ нимъ были, учелъ давать гроши наймовать людей: иному Поляку далъ (на) пятьсотъ человѣкъ, а иному на три тысячи человѣкъ, а инымъ больши, а инымъ меньши; и роздалъ имъ всѣхъ грошей на пятдесятъ тысячь человѣкъ желныреи, и велѣлъ имъ къ себѣ пріѣхати наскорѣ съ тѣми наемными людьми, потому что тѣ Поляки велѣли ему взяти съ собою немногихъ Нѣметцкихъ людей. И паны Польскіе, взявъ гроши, долго ему манили; а которому было пану привести къ Максимиліяну наемныхъ людеі три тысячи человѣкъ, и тотъ одва съ трема сты пріѣхалъ, а иные ни съ грошами, ни съ людьми къ нему не бывали; да къ тому жъ на Максимиліяновыхъ Нѣметцкихъ людей пришло повѣтрее. А паны Польскіе, которые были съ Максиміліяномъ, тѣ всѣ межъ себя бранились: всегды всякой въ нихъ хотѣлъ быти большимъ, и слушати никто никого не хотѣлъ, а Нѣмцомъ воли ни въ чемъ промышляти не дали. И Поляки Максимиліяну почали измѣнять по канцлерову умышленью для того, чтобъ тѣ Поляки, которые съ Максимиліяномъ думавши о всемъ, тѣ всѣ вѣсти сказывали канцлеру. И Максимиліянъ, увидѣвъ то, что Поляки его омановаютъ, учелъ Полякомъ ни въ чемъ не вѣрити, и придумалъ съ своими Нѣмцы ѣхати назадъ къ своему рубежю, и собрався съ людьми съ Нѣметцкими и съ Ишпанскими и съ Угорскими людьми, поѣхалъ къ рубежю. И какъ пріѣхалъ Максимиліянъ близко Кракова, и послалъ къ Кракову людей своихъ воевать, и тѣхъ его людей подъ Краковымъ побили; а самъ въ тѣ поры почелъ спѣшить къ рубежю, и передъ собою къ Цесарю послалъ отъ себя гонца, извѣщаючи, что его Поляки омanули, и Цесарь бы прислалъ встрѣчю къ нему на помочь ратныхъ людей вскорѣ. И Цесарское Величество тотчасъ послалъ встрѣчю къ нему трехъ гетмановъ: Нѣмецкого, Итальянского и Угорского, а съ ними послалъ

тридцать тысячь ратныхъ людей; и та рать вскорѣ къ Максимиліяну пріѣхать не успѣла, для того что измѣнники Максимиліяновы къ канцлеру писали грамоты: чтобъ канцлеръ за Максимиліяномъ наскоро къ рубежю спѣшилъ, а тепере твоя пора, и будетъ вскорѣ одною недѣлею не поспѣшишь, и къ Максимиліяну прибудетъ войска отъ Цесаря тридцать тысячь, а въ мѣсяцъ не поспѣшишь, и у него будетъ рати до ста тысячь, и намъ да и тебѣ быти у него въ вязнѣхъ. И канцлеръ по той грамотѣ догадался, что пора его пришла, и собралъ канцлеръ съ собою желнырей семнадцать тысячь, и за Максимиліяномъ поѣхалъ къ городу къ Зелиню. И какъ Максимиліяну вѣсть пала, что канцлеръ отъ него за двадцать верстъ, а все то умышляли съ канцлеромъ о Максимиліянѣ Поляки тѣ, которые были съ Максимиліаномъ, а не знали они ничего опричь того умышленья и опричь питья и бляднп; и какъ Максимиліянъ поѣхалъ до мѣста до Бычины, а канцлеръ за нимъ, а Максимиліяну мочно было отъ Канцлера уйти до крѣпкого города до Намьслова отъ Бычины двадцать верстъ, и туто ему мочно было дождатися войска своего;—и Поляки Максимиліяну учели говорити, чтобъ недруга своего канцлера ждалъ въ Бычинѣ и съ нимъ бился, а Нѣмцы тожъ Максимиліяну говорили; и они то все Максимиліяну думали не гораздо, оманывая его. И Максимиліянъ, осмѣляся, сталъ на то что ему съ канцлеромъ битись въ Недѣлю; а только бы Максимиліянъ подождалъ до Понедѣльника, и къ нему бъ прибыло ратныхъ людей пять тысячь, а съ нимъ въ Бычинѣ были только полпяты тысячи Польши и Нѣмецъ; и тѣ Поляки, которые измѣнили Максимиліяну и передалися къ канцлеру, канцлера учели наговаривать, и велѣли ему битись съ Максимиліяномъ вскорѣ, не дожидаяся рати Максимиліяновы. И Максимиліянъ отъ того мѣста отъ Бычи(ны) отъѣхалъ противъ канцлера, непріятеля своего, мимо, и велѣлъ поставити три знамени Нѣмецкихъ, а подъ ними поставилъ Поляка Станислава Ставницкого и Ротмистра Желудя, а съ нимъ восмь сотъ Угрянъ. И тѣ люди почели битись съ канцлеромъ напередъ иныхъ Максимиліяновыхъ людей, и почели были канцлеровыхъ людей осиливать, что было канцлеровы люди почели отступати назадъ, и которые съ Максимиліяномъ были наемные Польскіе и Маравскіе люди, и тѣ всѣ измѣнили, отъ Максимиліяна побѣжали прочь, и съ канцлеромъ не бились; и Максимиліянъ за нимъ гонялъ, чтобъ они не бѣгали, и они его не послушали, и тѣхъ Максимиліяновыхъ людей, которые почели битись напередъ, канцлеръ и побилъ. А Максимиліяну мочно было самому въ тѣ поры уйти, да не побѣжалъ для того, что ему почели бить челомъ Поляки, а говорили ему, чтобъ онъ отъ нихъ не ѣздилъ: и поѣдетъ, и имъ безъ него всѣмъ быти кажненымъ; а какъ онъ съ ними будетъ, и ихъ для его канцлеръ не казнитъ. А Андрей Зборовскій и Станиславъ съ Гурки воевода Познанскій въ тѣ поры были больны, и имъ было уйти не мочно. И Максимиліянъ для ихъ челобитья отъ нихъ не поѣхалъ, а поѣхалъ съ ними вмѣстѣ въ Бычину; и канцлеръ обступя то мѣсто со всѣмъ своимъ войскомъ, и Максимиліянъ отъ неволи канцлеру въ руки дался; и канцлеръ, доступивъ такіе птицы, скоро съ нимъ ѣхалъ въ Красной Станъ. А Цесарское вой-

ско въ тѣ поры изо многихъ мѣстъ почели были съѣзжатись на помочь Максимиліяну, и они Максимиліяна въ томъ мѣстѣ въ Бычинѣ не застали; и то Цесарское войско писали о томъ до Цесарского Величества, гдѣ имъ велитъ быть, а той Цесарской рати мочно было Польскую землю воевать и кровь отомстить, да не воевали Польши безъ цесарева вѣдома для того, чтобъ Поляки съ серца не убили Максимиліяна; и по приказу Цесарского Величества отъ границы Польскіе пошли назадъ для того, чтобъ Поляки не убили Максимиліяна. И въ тѣ поры, какъ Максимиліяна изымалъ канцлеръ, тотчасъ канцлеръ послалъ грамоту свою къ бискупу Вротславскому державцу Шлейскіе земли; а въ грамотѣ въ своей писалъ: «что будтось ему учинилось въ досаду, что онъ Максимиліяна изымалъ, а пишетъ, что Максимиліяну то будетъ не къ безчестью, что онъ его поималъ, а будетъ Максимиліяну то впередъ къ доброму дѣлу, и стану о томъ промышлять, ажъ дастъ Богъ, что весь родъ Аустрѣйскій впередъ будетъ о томъ веселится; а которые рѣчи приказаны мнѣ посполитые, и язъ то для неволи дѣлалъ, а приказано мнѣ то дѣлати не для Максимиліяна, для тѣхъ Поляковъ, которые Максимиліяна завели, и тѣ всѣ рѣчи посполитые измѣнные». И нялся канцлеръ: будетъ Цесарь захочетъ и весь родъ Аустрѣйской о томъ думати съ нимъ, чтобы имъ всѣмъ то не было безчестно, и Цесарь бы въ Польшу не посылалъ людей своихъ воевать; а будетъ Цесарь пошлетъ Польшу воевать, и Поляки за то съ великіе кручины убьютъ брата Максимиліяна, а ему нельзя будетъ унять. А Цесарского люду было въ тѣ поры готово тридцать тысячь, собралися вскорѣ, и просилось то войско у Цесаря, чтобъ ихъ Цесарь пустилъ за канцлеромъ; и Цесарское Величество, блюдясь того, чтобъ Максимиліяна не убили, и тое войну, для здоровья Максимиліянова, не пустилъ; а о томъ есмя гораздо провѣдали, что канцлеръ на томъ крестъ цѣловалъ: кой часъ Цесарскіе люди войдутъ въ Польшу войною, и Максимиліяну быти отъ него убиту; и убивъ Максимиліяна, канцлеръ хотѣлъ бѣжать къ Турскому».

И Маія въ 15 день, цесаревъ посолъ Миколай Варкачь, прислалъ въ посольской приказъ къ діакомъ съ приставы письмо.

А се переводъ съ письма цесарева посла. «О торговыхъ людѣхъ о повольной торговлѣ радѣетъ Цесарское Величество, чтобъ торговымъ людемъ изъ Римского Государства поволно пріѣзжати въ Рускую землю торговати, а Рускіе бъ торговые люди противъ того ѣздили въ Римское Государство для торговли по ихъ хотѣнью; и Цесарское Величество поволилъ имъ ѣздити безо всякого задержанья по всему Римскому Государству. Да извѣстно Государеву Величеству, что Цесарское Величество прислалъ съ нимъ, съ посломъ своимъ, писмо о Павлусѣ Магнусовѣ и о его сынѣ Лукашѣ, чтобъ Государево Величество ихъ освободилъ, и отпустилъ къ Его Цесарскому Величеству; а ему, послу, объ нихъ изустно приказано Царскому Величеству помипати: потому что Павлусъ съ сыномъ, оба ихъ, служили обѣма Государемъ правдою съ великою прітчею и съ убытки въ вобчихъ дѣлѣхъ,—и Царское бъ Величество поволилъ имъ ѣхати къ Цесарскому Величеству въ его землю, для ихъ служ-

бы и для того, что они Цесарского Величества подданные. Третья статья: билъ челомъ Цесарского Величества подданой Анца отъ Бреславъ о грамотѣ къ Царскому Величеству, а сказывалъ, что будто Его Царского Величества подданой Сидоръ Порывкинъ у того Анца Бреславского взялъ на кораблѣ восмьдесять семь каменей дорогихъ; и будетъ такъ, и Царское бъ Величество пожаловалъ, о томъ сыскати велѣлъ; а ему Цесарское Величество о томъ подлинно приказалъ у Царского Величества того прошати, и будетъ ся сыщетъ, ино бы тому бѣдному человѣку Анцу до рукъ доставилъ, какъ пріѣдетъ великій посолъ. Четвертая статья: Курфистръ Бранденбурскій извѣстилъ Цесарскому Величеству, что будтось подданой на Москвѣ переставился именемъ Иванъ Слабердорпъ; а тотъ Иванъ увезъ у иныхъ курфистровыхъ подданыхъ нѣсколько животовъ, и отъ того иные его подданые обнищали; и Курфистръ о томъ билъ челомъ, чтобъ Цесарское Величество Вашему Царскому Величеству о томъ велѣлъ извѣстити, чтобъ имъ такой животъ до рукъ дошелъ, и впередъ бы подданые въ томъ не одолжали».

И Маія въ 20 день, цесаревъ посолъ Миколай Варкачъ приказывалъ съ приставы, что есть съ нимъ отъ Руделфа Цесаря къ конюшему и боярину, къ Борису Өедоровичю, приказъ рѣчью, и Борисъ бы Өедоровичь велѣлъ ему быти у себя и тѣ рѣчи у него выслушалъ.

И діакъ Андрей Щелкаловъ сказывалъ про цесарева посла приказъ конюшему и боярину и намѣстнику Казанскому Борису Өедоровичю Годунову; и конюшей и бояринъ Борисъ Өедоровичь Годуновъ Государю, Царю и Великому Князю про то сказывалъ.

И Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, приговорилъ съ бояры, цесареву послу Миколаю и Нѣмчину Лукашу быти велѣлъ на дворѣ у конюшего и боярина, у Бориса Өедоровича Годунова, и рѣчи отъ посла выслушать конюшему и боярину Борису Өедоровичю.

И по Государеву, Цареву и Великого Князя указу цесаревъ посолъ Миколай Варкачъ и Нѣмчинъ Лукашъ Павлусовъ съ приставомъ былъ на дворѣ у конюшего и боярина и намѣстника Казанского и Астраханского у Бориса Өедоровича Годунова. А сшелъ съ коня посолъ въ воротѣхъ, въѣхавъ въ ворота, а люди были многіе Бориса Өедоровича отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по сѣнѣмъ и въ передней избѣ, а въ комнатѣ у Бориса Өедоровича отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ чепяхъ золотыхъ.

А пришедъ къ Борису Өедоровичю въ комнату, правилъ посолъ Миколай отъ Цесаря поклонъ; а Лукашъ Павлусовъ правилъ поклонъ отъ Максимиліяна, Арцыкнязя Аустрѣйского. И Борисъ Өедоровичь, вставъ, спрашивалъ про Цесаря и про брата его Максимиліяна здоровье; да звалъ цесарева посла Миколая и Нѣмчина Лукаша къ рукѣ, сидя. И цесаревъ посолъ Миколай Варкачъ, бывъ у руки, говорилъ рѣчь толмачемъ одинъ на одинъ, а приставу и Лукашу конюшей и бояринъ Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, быть тутъ не велѣлъ. А говорилъ посолъ рѣчь: «Великій Государь, Руделфъ вторый, Божіею милостью избранный Цесарь Римскій, всегда прибавитель Царствія,

прислалъ къ тебѣ, скровному ближнему Царского Величества доброродному и начальному боярину и совѣтнику Царского Величества, Борису Ѳедоровичю Годунову свою любительную грамоту, и тое грамоту, по твоему приказу, у меня взялъ посольской діакъ Андрей Щелкаловъ; а рѣчью мнѣ Цесарское Величество велѣлъ тебѣ говорити: почалися нынѣ ссылки о великихъ дѣлѣхъ межъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнего Великого Государя, Царя и Великого Князя, Ѳедора Ивановича всеа Русіи, а брата его дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Божіею милостію избранного Цесаря Римского, о доконъчаньѣ и о соединеньѣ, чтобъ Цесарскому Величеству, сослався и укрѣпяся съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и со всѣми Государи хрестьянскими, быти съ Его Пресвѣтлѣйшествомъ въ доконъчаньѣ и стояти па Турского и на всѣхъ недруговъ заодинъ, а Персидцкой Шахъ хочетъ быти въ томъ же соединеньѣ. И о томъ Цесарскому Величеству извѣстно, что ваше Благородіе у Царского Величества скровной его, ближней, таиной начальной думца и большой бояринъ, и о такихъ великихъ добрыхъ дѣлѣхъ хрестьянскихъ межъ Пресвѣтлѣйшего и Великого Государя, Его Царского Величества, и брата его дражайшего, Цесарского Величества, радѣешь и крѣпко промышляешь. И то Цесарскому Величеству учинилось вельми любо и радостно, и за такіе добрые дѣла ваше Благородіе у Цесарского Величества, и у Короля Ишпанского и у всѣхъ Государей хрестьянскихъ въ великой чести и славѣ, что вы о такихъ дѣлѣхъ промышляете. И велѣлъ мнѣ Цесарское Величество васъ напомянути, чтобъ ваше Благородіе, какъ почалъ о томъ радѣти, такъ и совершалъ, и у меня о всемъ выслушалъ, и впередъ о томъ промышлялъ, чтобъ такіе великіе дѣла, которыхъ почались межъ Великихъ Государей: Государя вашего Царского Величества, и Государя нашего Цесарского Величества, совершилися вборзѣ твоимъ радѣньемъ и промысломъ; а Цесарское Величество о томъ вельми радѣетъ, и тебѣ о томъ велѣлъ бити челомъ. А втайнѣ Цесарское Величество о томъ о добромъ дѣлѣ обсылался съ папою Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ и съ Венецѣйскимъ, и со всѣми Курфисты и Князи удѣльными, и онѣ всѣ на то произволили, и въ томъ соединеньѣ быти хотятъ, и пословъ своихъ впередъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, пришлютъ, только бъ Его Пресвѣтлѣйшество съ Цесарскимъ Величествомъ о тѣхъ великихъ дѣлѣхъ укрѣпился и Перситцкого Шаха въ то жъ соединенье привелъ. А о томъ Цесарскому Величеству слухъ учинился, что Перситцкой Шахъ хочетъ съ Турскимъ помириться; и Царское бъ Величество послалъ о томъ къ Перситцкому Шаху нарокомъ гонца наскоро, чтобъ Перситцкой съ Турскимъ не мирился. Да чтобъ Государь пожаловалъ, велѣлъ отпустити Павлуса Магнуса и сына его Лукаша: а ихъ службы межъ Великого Государя вашего и Цесарского Величества много».

А изговоря рѣчь, цесаревъ посолъ, подалъ своимъ рѣчемъ писмо по Польски.

И конюшей и бояринъ, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, выслушавъ рѣчи, и принявъ писмо, говорилъ: «грамоты Цесарского Величества и брата его, Максимиліяна, Арцыкня-

зя Аустрѣйского, до меня донесены, и рѣчи твои всѣ по достатку выслушалъ есми; и о тѣхъ дѣлѣхъ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, Его Царскому Величеству, буду бити челомъ и на то Государя нашего наводити буду, чтобъ, далъ Богъ, тѣ великіе дѣла, зачатые межъ Государя нашего Царского Величества и брата его дражайшего Цесарского Величества, совершились и укрѣпились на вѣки. А и до присылки Цесарского Величества о тѣхъ великихъ дѣлѣхъ, что годны всему Христьянству, па крѣпко промышлялъ есми, и Государя нашего Великого Государя, Его Царскому Величеству билъ челомъ и на то наводилъ есми, чтобъ Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Его Царское Величество, съ братомъ своимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ былъ въ братцкой любви и въ соединеньѣ, и стояти бы всѣмъ обще на бусурманъ заодинъ; а нынѣ по прошенью Великого Государя, Цесарского Величества, и наипаче того промышлять хочю, чтобъ Великіе Государи: Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, и братъ его дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, были въ любви и въ соединеньѣ, со всѣми Государи христьянскими, укрѣпясь въ докончаньѣ, стояли всѣ на Турского и на всѣхъ бусурманъ заодинъ. А подлинно обо всемъ отпишу къ Цесарскому Величеству и къ брату его, къ Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, въ своихъ грамотахъ, какъ Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь, отпуститъ тебя къ брату своему, къ Руделфу Цесарю».

А говоря рѣчь, бояринъ и конюшей, Борисъ Өедоровичъ, велѣлъ цесареву послу сѣсти противъ себя на скамейкѣ, и подавалъ Борисъ Өедоровичъ цесареву послу вина и меды красные и бѣлые въ кубкахъ и въ ковшахъ, да и Лукашу подавалъ вина и меды. И отпустилъ посла на подворье, а за ними посылалъ въ стола мѣсто кормъ съ своими людьми.

А се переводъ съ Польского писма, что далъ рѣчемъ своимъ цесаревъ посолъ Миколаіі Варкачъ: «Его Цесарское Величество, выслушавъ рѣчь Лукаша Павлова, выразумѣлъ, что Великій Государь, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь всеа Русіи и иныхъ, похвальнымъ радѣньемъ своимъ Шаха Кизылбашского и иныхъ Царей во Азіи и Княжатъ укрѣпляетъ и помочь имъ чинитъ, и на то ихъ укрѣпляетъ, чтобъ противъ Турского Царя крѣпко стояли и воевали сильно. А что бояринъ большой и конюшей Государской, Борисъ Өедоровичь Годуновъ, такими дѣлы великими на крѣпко промышляетъ у Великого Государя, Царя и Великого Князя, и та объ немъ слава Его Цесарское Величество, Государя моего милостивого, обрадовала. Также и Лукашъ сказывалъ что, у его милостивого Государя, Царя и Великого Князя, Борисъ Өедоровичь крѣпко промышляетъ, чтобъ промежъ Ихъ Величества и съ иными Государи христьянскими соединенье и сердечная любовь укрѣпилась, чтобъ крѣпко стать противъ Турского Салтана и его помочниковъ, и рука Государей хрестьянскихъ надъ ними высока была; и Его Цесарскому Величеству то добрѣ полюби-

ло, что Борисъ Өедоровичь такъ у Его Цесарского Величества къ прибытку промышляетъ, и похвалилъ, чтобъ Борисъ Өедоровичь Цесарского Величества ласку къ себѣ позналъ, и Его Цесарское Величество его писаніемъ своимъ навѣстилъ. И приказалъ мнѣ Его Цесарское Величество: какъ ся вборзѣ съ его Величествомъ увижю съ Борисомъ Өедоровичемъ, чтобъ мнѣ ему самому за его любовь и за его промыслъ челомъ бити, и о томъ его напомянуть, чтобъ онъ и болши того у Великого Государя своего промышлялъ, чтобъ такіе великіе дѣла были Богу пріятны, а такимъ великимъ обѣимъ Государемъ годны къ прибытку, и вборзѣ бъ се то совершило для того, чтобъ Его Цесарское Величество и Король Ишпанской, любячи прямымъ серцемъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, хотятъ съ нимъ вскорѣ соединенья. А Борисъ Өедоровичь за свои добрые дѣла, какъ въ великой славѣ и въ величествѣ у такого Великого Государя своего, также и у Его Величества и у Короля Ишпанского въ великой славѣ и въ великой чести и въ похвалѣ есть, изъ ласки Ихъ Величества такой человѣкъ у Великого Государя своего ближній и вѣрный и надобный, николи не будетъ забвенъ. Да о томъ Его цесарское Величество у Бориса Өедоровича милостивѣ жедаетъ, чтобъ Великому Государю, Царю и Великому Князю печаловался, чтобъ мой отпускъ вскорѣ учиненъ былъ, чтобъ мнѣ заѣхати Его Цесарского Величества на съемѣ большомъ, а Королю бы Ишпанскому о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ отъ Его Цесарского Величества вскорѣ было вѣдомо, съ тѣмъ меня Государь отпуститъ. Да еще о томъ Его Цесарское Величество у Бориса Өедоровича жедаетъ, чтобъ онъ Государю своему Его Царскому Величеству о томъ печаловался, чтобъ Его Царское Величество Лукаша и съ отцомъ его, по писму Его Цесарского Величества, какъ подданныхъ цесарскихъ, вольно со мною отпустилъ, для того что они здѣсе долго задержаны, и службы ихъ прямые были, и впередъ Цесарскому Величеству пригодятся съ службу промежъ ихъ великими Государи; а Цесарское Величество Его Царскому Величеству также противъ того своею братцкою любовью отдати хочетъ, о чомъ Его Царское Величество прикажетъ, и начается Его Цесарское Величество, что то его прямое желанье Его Царское Величество не отставитъ; а за то великое печалованье и промыслъ Бориса Өедоровича Цесарского Величества ласку Борисъ Өедоровичь узнаетъ То все мнѣ Его Цесарское Величество съ Борисомъ Өедоровичемъ говорити велѣлъ, и язъ все и выговорилъ».

И конюшей и бояринъ, Борисъ Өедоровичь, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ докладывалъ Государя, Царя и Великого Князя, что Цесарь Римской и братъ его Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской пишутъ къ нему въ грамотахъ и рѣчью цесаревъ посолъ Миколай отъ Цесаря говорилъ, чтобъ ему межъ ихъ, Великихъ Государей, радѣти о добромъ дѣлѣ, и о томъ, какъ Государь укажетъ, писать ли къ нимъ противъ ихъ писма грамоты?

И Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, приговорилъ съ бояры, что къ Цесарю Римскому и къ брату его, Максимиліяну Арцыкнязю Аустрѣйскому, отъ

конюшего и боярина, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова, грамоты писати пригоже нынѣ, и впередъ то его Царскому имени къ чести и къ прибавленью, что его государевъ конюшей и бояринъ ближней, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, ссылатись учнетъ съ Великими Государи; да и къ инымъ ко всѣмъ Государемъ, которые учнутъ къ Борису Ѳедоровичю грамоту писать, къ Ишпанскому Королю, и ко Францовскому Королю, и къ Аглинской Елисаветѣ Королевнѣ, и къ Восточнымъ Государемъ къ Кизылбашскому, и къ Бухарскому, и къ Крымскому Казы-Гирѣю Царю, приговорилъ Государь съ бояры противъ ихъ грамотъ отъ конюшего и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова писати грамоты въ посольскомъ приказѣ со всѣми съ тѣми Великими Государи конюшего и боярина, Бориса Ѳедоровича Годунова, ссылки и въ книги писати съ государевыми грамотами.

А се переводъ съ Миколаева писма Варкача, что прислалъ въ посольской приказъ съ приставомъ: «Напресвѣтлѣйшій, Милостивый Царю, Государю всеа Русіи и иныхъ многихъ Государствъ Государь! Ваше Царское Величество помнитъ, что братъ твой, дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ, Цесарь Римскій, по Вашего Царского Величества писанью, для великихъ дѣлъ Вашего Царского Величества и для своего великого дѣла, меня къ Вашему Царскому Величеству прислалъ, и язъ одва съ великою нужею, какъ торговые люди ѣздятъ, къ Вашему Царскому Величеству черезъ земли непріятельскіе проѣхалъ. И тому десять недѣль минуло, какъ язъ у Вашего Царского Величества живу, а черезъ тѣ всѣ дни Вашего Царского Величества очи ваши свѣтлые однинова есми видѣлъ въ тѣ поры, какъ есми Твоему Царскому Величеству правилъ посольство отъ брата твоего дражайшего, а отъ своего Государя Руделфа Цесаря; и отъ тѣхъ мѣстъ отъ Вашего Царского Величества и отъ вашихъ ближнихъ бояръ мнѣ отвѣгу и отпуску не бывало. А Государь мой, Цесарское Величество, мнѣ о томъ накрѣпко наказалъ, чтобъ язъ Вашему Царскому Величеству билъ челомъ, чтобъ Ваше Царское Величество велѣлъ меня вскорѣ отпустить къ Его Цесарскому Величеству для того, чтобъ мнѣ пріѣхати къ Его Величеству на большой съемъ, а большому съему быти въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ 1 день, для всякого хрестьянского покою; а Вашему Царскому Величеству, и Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству надобеть то, чтобъ мнѣ отъ Вашего Величества со всѣмъ съ полнымъ дѣломъ поспѣть на тотъ съемъ. А на томъ съемѣ будутъ послы большіе Короля Ишпанского и иныхъ многихъ Государей сильныхъ, которые Государи соединачилися съ Рѣчью Нѣметцкою и Цесарского Величества присяжники. И тому пора пришла великая, и минуетъ, а се дорога дальняя и путь морской, а его Цесарское Величество меня ждетъ съ великимъ желаньемъ; а язъ отъ Его Цесарского Величества въ томъ Вашему Царскому Величеству припоминаю, а самъ Вашему Царскому Величеству челомъ бью, чтобъ Ваше Царское Величество меня вскорѣ къ брату своему дражайшему къ Руделфу Цесарю съ добрыми дѣлы отпустилъ, чтобы ся часъ не кротилъ къ доброму дѣлу Вашего Царского Величества и брата твоего, Царского, Государя нашего Цесаря, и съ великимъ уничи-

женьемъ Вашему Царскому Величеству челомъ бью, чтобы Ваше Царское Величество, для любительного и вѣрного брата своего, а моего Государя Руделфа Цесаря, меня наскоро отпустилъ». А на подписи пишетъ. «Отъ Цесаря Римского Величества къ Напресвѣтлѣйшему и Насильнѣйшему Государю и Царю всеа Русіи посолъ Миколаї Варкачь».

И Іюня въ 11 день, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ цесареву послу Миколаю Варкачю быти у себя Государя на дворѣ и на его рѣчи отвѣтъ учинити.

И того дни, цесаревъ посолъ Миколаї у Государя былъ; а пріѣздъ его ко Государю на дворъ и встрѣча ему была по прежнему, какъ былъ у Государя на пріѣздѣ. А какъ вшедъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударити окольничей князь Өедоръ Ивановичь Хворостининъ. И посолъ Миколаї билъ челомъ на государевѣ жалованьѣ на корму.

И Царь и Великій Князь велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ по прежнему. А посидѣвъ мало, велѣлъ Государь послу молвити діаку Андрею Щелкалову, чтобъ онъ шолъ въ отвѣтную полату.

И, по государеву приказу, Андреї говорилъ: «Миколаї! Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ молвити: которые рѣчи говорилъ еси на посольствѣ отъ брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, и писмо тѣмъ своимъ рѣчемъ далъ, и мы тѣ всѣ твои рѣчи выслушали; и ты бы шелъ въ полату въ отвѣтную, а мы высылаемъ къ тебѣ съ отвѣтомъ бояръ своихъ: боярина и намѣстника Резанского Ивана Васильевича Годунова, да боярина и намѣстника Ржевского князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діаковъ Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина; велѣли есмя имъ на твои рѣчи отвѣтъ учинити.

Да велѣлъ Государь приставомъ итти съ посломъ въ отвѣтную полату, и высылалъ къ нему съ отвѣтомъ бояръ своихъ и дьяковъ Ивана Васильевича Годунова съ товарищи. И какъ бояря вошли въ отвѣтну полату, и посолъ ихъ встрѣтилъ середи полаты, и бояря, послу руки давъ, сѣли по мѣстамъ, а послу велѣли сѣсти противъ себя. И посидѣвъ мало, говорили бояря послу отвѣтъ на его рѣчи наизусть по статьямъ, сидя; а посолъ сидѣлъ же, только къ государеву имени вставалъ.

А се таковъ отвѣтъ говорили бояря цесарскому послу Миколаю Варкачю.

Бояринъ Иванъ Васильевичь говорилъ: « Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохански, Государя Псковского, и Великого Князя Смоленского Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскіе земли, ли и Сѣверные страны Обладателя, и иныхъ многихъ Государствъ Государя, Его Царского Величества,— дражайшего и любезнѣйшаго брата, Руделфа втораго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя Царствія, Нѣметцкого,

Угорского, Чешского, Долматцкого, Кроатцкого, Шлявонского, Короля и Арцыкнязя Аустрѣйского, Арцука Бургунского, Брабанского, Стырского, Коратынского, Крайнского, Люцемборского, Витемборского, вышніе и нижніе земли Шлезского, Князя Швабского, Малграфа Римского Царствія, Бургавского, Государя вышніе и нижніе земли Лаузницкого, Князя и Графа Аузборского, Тирольского, Фиртцкого, Кибурского, Хортцкого, Лангробя Алситцкого, Государя Вендіiскіе страны, Портоповского и Саленитцкого и иныхъ—тебѣ, послу его Миколаю Воркачю съ Нопшицъ изъ Вильмедорфа, извѣщенье отвѣтное бояриномъ и намѣстникомъ Резанскимъ, Иваномъ Васильевичемъ Годуновымъ, да бояриномъ и намѣстникомъ Ржевскимъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ Ситцкимъ, да дьяки Андреемъ да Васильемъ Щелкаловымъ, да Елизарьемъ Вылузгинымъ. Говорилъ еси на посольствѣ Великому Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи отъ брата его дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, о братцкой любви и о соединеньѣ на Турского и на всѣхъ бесерменъ, что Цесарское Величество о томъ подлинно выразумѣлъ съ писанья Государя нашего; и какъ Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь о томъ радѣетъ, а Цесарское Величество по тому жъ радѣетъ, и для того тебя вѣрного слугу къ Великому Государю нашему прислалъ, о всякихъ тайныхъ дѣлѣхъ вобчихъ мысль свою объявити, что годно всему Христьянству; а про Перситцкого Шаха, и кто съ нимъ будетъ въ соединеньѣ противъ Турского и которые Государства, о томъ бы имянно Государь нашъ велѣлъ объявити, какимъ обычаемъ ему противъ Турского стояти? И какъ былъ еси у Великого Государя нашего, Его Царского Величества шурина, у боярина, и конюшего, и намѣстника Казанского и Асторохапского, у Бориса Өедоровича Годунова, и которые еси рѣчи отъ Государя своего, отъ Цесарского Величества боярину, и конюшему, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Өедоровичю говорилъ, чтобы тѣ твои рѣчи бояринъ и конюшей Борисъ Өедоровичь донесъ до Царского Величества, и велѣлъ бы тебя Царское Величество отпустити къ брату своему, къ Руделфу Цесарю вскорѣ, а Цесарское Величество пришлетъ о тѣхъ великихъ дѣлѣхъ къ Великому Государю нашему своихъ великихъ пословъ. И Великого Государя, Царя и Великого Князя шуринъ, бояринъ, и конюшей, и намѣстникъ Казанской и Асторохапскій, Борисъ Өедоровичь Годуновъ тѣ твои рѣчи до Царского Величества съ радѣньемъ и съ прошеньемъ доносилъ. И Царское Величество на то велѣлъ тебѣ отвѣтъ учинити: Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, какъ преже сего въ томъ брата своего дражайшего и любезнейшего Руделфа Цесаря напоминалъ неодиножды, и съ посланники своими приказывалъ, и въ грамотахъ своихъ писалъ, такъ и нынѣ то дѣло совершити хочетъ, чтобъ братъ его дражайшіі Руделфъ Цесарь, сослався и укрѣпяся съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и со всѣми Поморскими Государи христьянскими, были съ Великимъ Государемъ нашимъ въ соединеньѣ и въ докончаньѣ на Турского. А Перситцкой Шахъ съ Государемъ нашимъ ссылается о любви о

братцкоі, и хочетъ со Государемъ нашимъ стояти на Турского заодинъ. А въ прошломъ лѣтѣ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Перситцкоі Шахъ присылалъ посланниковъ своихъ, и приказывалъ ко Государю нашему Шахъ Персидцкой съ своими посланники, именно, чтобъ Государь нашъ принялъ его къ себѣ въ братство и въ соединеніе на Турского и на Крымского, да и папѣ Римскому и Цесарю Руделфу и Королю Ишпанскому о томъ Государь нашъ писалъ, чтобъ онѣ, со всѣми Поморскими Государи христьянскими сослався и утвердясь, были съ Великимъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, въ соединеньѣ, да и Шаху бъ Персидцкому съ Государемъ нашимъ стояти на Турского заодинъ. А и нынѣ Государя нашего посланники о томъ у Шаха Персидцкого есть, и на семъ лѣтѣ будутъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю, отъ Шаха Персидцкого великіе послы о томъ договорити и закрѣпити. А какъ будутъ шаховы послы у Государя нашего сего лѣта, и договорясь о всемъ и докончанье утвердятъ, и Великіі Государь нашъ о томъ Цесарскому Величеству впередъ подлинно объявитъ. А та вѣсть у Государя нашего есть, что Персидцкой Шахъ у Турского многихъ людей побилъ сее осени и городы свои назадъ поималъ, которые были въ Кизылбашской землѣ за Турскимъ, Тевризъ и иные».

Бояринъ князь Иванъ Васильевичь говорилъ: «а что говорилъ еси и въ писмѣ своемъ далъ о обранномъ Королѣ Польскомъ, о Максимиліанѣ, цесаревѣ братѣ, что Цесарское Величество хочетъ о томъ промыслити, какъ бы ему быти на Корунѣ Польской и на Великимъ Княжествѣ Литовскомъ, а на Государя нашего, Его Царского Величества, Цесарское Величество также надѣется, что Государь нашъ ему въ томъ хочетъ помочь учинити; и Царское Величество велѣлъ тебѣ о томъ объявити свою Царскую любовь къ брату своему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю: преже сего при отцѣ Государя нашего, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, какъ Божьимъ судомъ не стало Жигимонта Августа Короля Польского и Великого Князя Литовского, и паны рада Коруны Польскія и Великого Княжества Литовского присылали ко Государя нашего отцу, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, и неодиножды, чтобъ Государь нашъ далъ имъ на Государство на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское сына своего, Государя нашего».

Діакъ Андреіі говорилъ: «и Государь нашъ, блаженные памяти, Великіі Государь, Царь и Великіі Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, приказывалъ къ паномъ радамъ съ посланниками своими и въ грамотахъ писалъ и неодиножды, чтобъ они обрали себѣ на Государство, на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское, цесарева сына Максиміліанова, Эрнеста, Князя Аустрѣйского; а ему, Государю нашему, то будетъ любо таково жъ, что и сынъ его, Государь нашъ, будетъ на тѣхъ Государствахъ, только будетъ на тѣхъ Государствахъ Максиміліановъ цесаревъ сынъ Эрнестъ, Князь Аустрѣйской. А какъ Божь-

имъ судомъ Стефана, Короля Польского и Великого Князя Литовского, не стало, а тѣ Государства остались безгосударны, и присылали къ Великому Государю нашему паны рада Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского бить челомъ, чтобъ Государь нашъ, Его Царское Величество, на ихъ незгоду не стоялъ, а взялъ бы ихъ подъ свою Царскую руку и былъ у нихъ Государемъ на тѣхъ великихъ Государствахъ; и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, посылалъ на сьемъ въ Варшевъ пословъ своихъ великихъ: боярина своего и намѣстника Великопермского и Костромского Степана Васильевича Годунова, да боярина и намѣстника Коломенского, князя Өедора Михайловича Троекурова-Ярославского, да печатника и дьяка ближнего Василья Щелкалова, да діака думного Дружину Петелина; и съ ними Государь нашъ къ панамъ радамъ приказывалъ, чтобъ они обрали себѣ Государемъ его, Государя нашего, и были подъ его Царскою рукою, или бъ обрали себѣ на тѣ Государства, мимо всѣхъ, цесарева брата Максимиліяна, Арцыкнязя Аустрѣйского; а Великому Государю нашему то будетъ таково жъ любо, что и Государь нашъ самъ будетъ на тѣхъ Государствахъ; а какъ Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйской, будетъ у нихъ на тѣхъ Государствахъ, и Максимиліянъ будетъ съ Государемъ нашимъ въ братствѣ, и въ любви и въ докончаньѣ на всѣхъ недруговъ на бесерменскихъ заодинъ».

Діакъ Василей говорилъ: «а какъ Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя великіе послы, бояринъ и намѣстникъ Великопермской и Костромской Степанъ Васильевичь Годуновъ съ товарищи были на элекціи въВаршевѣ, и со Государя нашего послы паны радные Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского говорили, и просили того, чтобъ сдѣлать вѣчной миръ, и, по Государя нашего приказу, послы Государя нашего вѣчного миру не сдѣлали, и паны рада просили того, чтобъ перемирье сдѣлать на тридцать лѣтъ; и послы Государя нашего и на такое на дальнее перемирье на тридцать лѣтъ съ паны радами не сдѣлали, а сдѣлали перемирье на пятнадцать лѣтъ послы Государя нашего, бояринъ и намѣстникъ Великопермской и Костромской Степанъ Васильевичь Годуновъ, съ товарищи, съ паны радами Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, съ кардиналомъ костела Римского и бискупомъ Виленскимъ, съ Юрьемъ Радивиломъ, да съ воеводою Виленскимъ, съ Христопомъ Радивиломъ, и съ иными со многими паны радами, и записи мировые межъ себя пописавъ, рознесли за своими руками и за печатьми на томъ, что съ обѣ стороны никоторому недругу людей въ помочь не давати. А не сдѣлали Государя нашего великіе послы, по его Царского Величества приказу, съ паны радами вѣчного миру и дальнего перемирья на тридцать лѣтъ для того, чтобъ и впередъ приводить на то пановъ радъ, чтобъ на тѣхъ Государствахъ и впередъ былъ Максимиліянъ, цесаревъ братъ; а и вамъ то въ вѣдомѣ цесаревымъ посломъ, которые въ то время были на элекціи, что Государя нашего великіе послы на элекціи паномъ радамъ говорили о цесаревѣ братѣ о Максимиліянѣ Князѣ. Да и нынѣ Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ

Ивановичъ всеа Русіи, съ великимъ радѣньемъ хочетъ того, чтобъ Максимиліянъ, Князь Аустрѣйской, утвердился и впередъ на томъ Государствѣ, на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ».

Діакъ Елизарей говорилъ: «и что говорилъ еси на посольствѣ, что Цесарское Величество хочетъ вѣдати о томъ, кто съ Персидцкимъ Шахомъ въ соединеньѣ, которые Государи, и сколько у которого силы, и мыслитъ ли Государь нашъ Крымского въ тожъ соединенье призвать?—о томъ бы тебѣ Царское Величество отвѣтъ учинити велѣлъ. И Царское Величество тебѣ велѣлъ объявити: съ Кизылбашскимъ Шахомъ его рати живетъ до дву сотъ тысячь; а съ нимъ въ соединеньѣ будутъ Бухарской Царь, рати его до ста тысячь; Юргенской Царь, рати его до пятидесять тысячь; Изюрской Царевичь, рати его до тридцати тысячь; да которые учинилися подъ Государя нашего его Царскою рукою, а съ Персидцкимъ Шахомъ будутъ стояти заодинъ же: Грузинской Александръ Царь, рати его до пятидесять тысячь; Шевкалской Князь, рати его до тридцати тысячь; Черкаскіе Князи и Князь Тюменской и Князь Окутцкой, у тѣхъ у всѣхъ ратныхъ людей до семидесять тысячь; Ногаи Заволжскіе, Урусъ Князь и съ мурзы, тѣ издавна Государю нашему служатъ, рати ихъ до пятидесятъ тысячь. Другіе Ногаи Казыева улуса Якшисатъ Князь и мурзы, которые вновѣ учинились подъ Государя нашего Царскою рукою и для укрѣпленья заклады подавали въ государеву отчину въ Асторохань братью свою и дѣтей и племянниковъ, а рати ихъ до пятидесятъ тысячь. И тѣ всѣ Государства, по Государя нашего Царского Величества велѣнью, будутъ стоять съ Шахомъ Кизылбашскимъ противъ Турского. А Крымской Казы-Гирѣй Царь присылалъ ко Государю нашему гонцовъ своихъ и неодиножды о томъ, чтобъ ему быти со Государемъ нашимъ въ дружбѣ, и Государь нашъ того на немъ провѣдати послалъ посланниковъ своихъ; а племянникъ его родной Муратъ-Кирѣй Царевичь нынѣ у Государя нашего, а съ нимъ многіе Крымскіе Князи и мурзы лутчіе люди; да только Крымской Царь посаженикъ Турского, и тому нынче какъ мочно вѣрити?—а того Государь нашъ смотрити впередъ надъ нимъ хочетъ».

Бояринъ Иванъ Васильевичь говорилъ: «а что еси отъ Цесарского Величества говорилъ Великого Государя нашего шурину, боярину и конюшему и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Өедоровичю: слухъ до Цесаря дошолъ, что Кизылбашской Шахъ хочетъ съ Турскимъ мирится, и Царское бы Величество приказалъ къ Шаху Кизылбашскому, чтобъ Шахъ съ Турскимъ не мирился и сталъ противъ его крѣпко, и о всемъ бы Царское Величество промышлялъ, какъ стоять на Турскаго крѣпко заодинъ съ Цесаремъ и съ Королемъ Ишпанскимъ—то Государю нашему и всѣмъ христьянскимъ Государемъ къ прибытку и всему Христьянству, и Царское Величество, за прошеньемъ и за челобитьемъ боярина и конюшего и намѣстника Казанского и Асторохапского, Бориса Өедоровича, гонца своего паскоро посылаетъ къ Шаху Кизылбашскому о томъ, чтобъ онъ съ Турскимъ Салтаномъ не мирился, и впередъ хочетъ тѣмъ промышлять съ радѣньемъ, чтобъ ему Государю съ Цесаремъ съ Руделфомъ и съ Королемъ Ишпанскимъ промышлять

и стоятъ заодипъ, что имъ Государемъ христьянскимъ къ прибытку и всему Христьянству; а что впередъ объявится ко Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, отъ Шаха Кизылбашского и послѣ твоего отпуску, и Царское Величество къ Цесарскому Величеству о томъ подлинно объявитъ».

Діакъ Андрей говорилъ: «а что еси писмо своимъ рѣчемъ отъ Цесарского Величества прислалъ съ приставомъ, и написано въ твоемъ писмѣ о повольной торговлѣ, чтобъ торговымъ людемъ Римской и Цесарской области повольно въ Государя нашего Государства, а отъ Государя нашего, Его Царского Величества, людемъ торговымъ ѣздить въ цесареву область,—и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, для любви дражайшего брата своего Руделфа Цесаря, торговымъ людемъ своего Государства въ Римское Государство ѣздити велѣлъ, а Цесарского Величества всей области Римской и Цесарской торговымъ людемъ по тому жъ въ свои Государства ѣздить велѣлъ. А то еси написалъ въ своемъ писмѣ о подданомъ Цесарского Величества, о Анцѣ Бряcловѣ, что у него Царского Величества подданой Сидоръ Порывкинъ взялъ на кораблѣ восмьмдесять семъ каменей дорогихъ,—и Царское Величество про то сыскати велѣлъ, а по сыску впередъ, какъ будутъ у Государя нашего, Царского Величества великіе послы, и тогды посломъ въ вѣдомѣ учинятъ. А что еси написалъ въ своемъ писмѣ о Иванѣ Сландоурѣ, которого на Москвѣ не стало, что тотъ Иванъ у иныхъ курфистровыхъ подданыхъ нѣсколько животовъ, поимавъ, увезъ съ собою,—и про то Царское Величество сыскати велѣлъ, а по сыску впередъ, какъ буду тъу Государя нашего послы Цесарского Величества и тогды посломъ въ вѣдомѣ учинятъ. А что еси говорилъ отъ Цесарского Величества Великого Государя нашего шурину, боярину и конюшему и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Өедоровичю о Павлусѣ о Мангусѣ и сынѣ его о Лукашѣ,—и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, за челобитьемъ и за прошеньемъ боярина и конюшего Бориса Өедоровича, любовь свою Царскую объявляя къ брату своему дражайшему и любезнѣйшему къ Руделфу Цесарю, а Павлуса Магнуса и сына его Лукаша отпущаетъ къ Руделфу Цесарю нынѣ съ тобою».

Бояринъ Иванъ Васильевичь говорилъ: «а что еси говорилъ Царского Величества шурину, боярину и конюшему и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Өедоровичю, чтобъ Государь нашъ велѣлъ тебя отпустить вскорѣ къ Цесарскому Величеству, а время ужъ то приходитъ, и Царское Величество велѣлъ тебѣ на то отвѣтъ учинити: позамѣшкалъ еси за тѣмъ здѣсе, что пришли вѣсти ко Государю нашему изо многихъ украинныхъ городовъ изъ Литовскихъ, что на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ утвердился Свѣйского Короля сынъ Жигимонтъ Король, а Руделфовъ цесаревъ братъ, обраной Король Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйской, съ панами радами, съ Коруною Польскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, сговоряся, помирился, и поѣхалъ съ брату своему къ Руделфу Цесарю. А нынѣ Государь нашъ, Его Царское Величество отпущаетъ тебя къ брату своему дражайшему къ Руделфу Цесарю; и какъ будешь у Цесарского Величества, и о тѣхъ о

всѣхъ дѣлѣхъ Цесарскому Величеству объявишь, и Цесарское Величество о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ прислалъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю своихъ великихъ пословъ и съ ними о всемъ наказалъ, какъ ему съ Великимъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ впередъ быть въ братствѣ, и въ любви, и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякихъ недруговъ заодинъ».

И цесаревъ посолъ Миколай, выслушавъ отвѣтъ, говорилъ: рѣчи есмя ваши всѣ подлинно выразумѣлъ, и о томъ вельми похваляю, и Царскому Величеству много челомъ бью, что Государь вашъ, Его Царское Величество, любячи брата своего, Цесарское Величество, такъ о всѣхъ дѣлѣхъ по достатку, ничего не оставя, отвѣтъ велѣлъ учинити вамъ, великимъ бояромъ своимъ; и, аже дастъ Богъ, какъ буду у Государя своего, у Цесарского Величества, и язъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ Государю своему, Цесарскому Величеству, извѣщу; а Государь нашъ, Его Цесарское Величество, прямымъ серцемъ того желаетъ и у Государя вашего съ великимъ челобитьемъ то проситъ, чтобъ межъ ихъ Государей любовь братцкая о соединеньѣ и докончаньѣ утвердилася на вѣки; а хочетъ Государь нашъ быти съ Государемъ вашимъ, съ Великимъ Государемъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, въ нелицемѣрной любви, Цесарское Величество и дѣти его и весь домъ Аустрѣйской хочетъ съ великимъ радѣньемъ службу и дружбу казать на вѣки неподвижно.

Да посолъ же Миколай говорилъ бояромъ, чтобъ ему тѣмъ своимъ рѣчемъ велѣли дати писмо, для того что рѣчи многіе, и ему всего безъ писма не упаметовать; и бояря ему молвили, что писмо ему тѣмъ рѣчемъ пришлютъ съ приставомъ.

Да посолъ же билъ челомъ бояромъ, чтобъ его челобитье донесли до Государя: есть здѣ Цесарскіе области Нѣмцы, Яхимъ Релоелецъ, да Амбросъ, да Анскокъ да Михель Мшеилъ, и Государь бы пожаловалъ для брата своего, Цесарского Величества, тѣхъ Нѣмецъ, сыскавъ, велѣлъ ему отдати, а Цесарское Величество противъ того Его Царскому Величеству любовь свою покажетъ. И бояря молвили: мы то твое челобитье донесемъ до Царского Величества, а про тѣхъ Нѣмецъ сыскати велимъ. И сказывали о томъ бояря Государю, а посла велѣли отпустить на подворье; и Царь и Великій Князь тѣхъ Нѣмецъ послу велѣлъ отдати.

И Іюня въ 15 день, въ Недѣлю, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ цесарскому послу Миколаю Варкачю, быти у себя Государя на отпускѣ.

И того дни цесаревъ посолъ у Государя былъ, а пріѣздъ его ко Государю на дворъ и встрѣча была по прежнему. А какъ вшелъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударити окольничей князь Ѳедоръ Ивановичь Хворостининъ. И посолъ билъ челомъ на государевѣ жалованьѣ.

И Царь и Великій Князь велѣлъ послу сѣсти. А посидѣвъ мало, подавалъ Государь послу вина и меды красные въ золотыхъ ковшѣхъ. А послѣ того велѣлъ Государь молвити послу рѣчь діаку Андрею Щелкалову.

И по государеву приказу діакъ Андрей Щелкаловъ, говорилъ послу: «Миколай! Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи и многихъ земель Государь и

Самодержецъ велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ еси къ нашему Царскому Величеству отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, и которые рѣчи говорилъ еси намъ на посольствѣ, и то намъ вѣдомо. А что еси говорилъ шурину нашему, боярину и конюшему, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Өедоровичю Годунову, и тѣ твои рѣчи бояринъ и конюшей Борисъ Өедоровичь до нашего Царского Величества доносилъ, а мы тѣ всѣ твои рѣчи, отъ брата нашего приказаные, выслушали любительно; и высылали есмя къ тебѣ съ отвѣтомъ бояръ своихъ: боярина и намѣстника Резанского Ивана Васильевича Годунова, да боярина и намѣстника Ржевского князя Ивана Васильевича Ситцкого, да діаковъ своихъ, Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина; и на тѣ на всѣ дѣла велѣли есмя тебѣ отвѣтъ учинити; а нынѣ тебя отпускаемъ къ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю».

А Царь и Великій Князь, вставъ, приказалъ къ Цесарю поклонъ, а молвилъ: «Миколаіі! Какъ будешь у брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, у Руделфа Цесаря, и ты ему отъ насъ поклонися». А Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, приказалъ Государь поклонъ сидя, а молвилъ: «Максимиліяну, Арцыкнязю, отъ насъ поклонися». Да велѣлъ Государь дати посланнику діаку Андрею Щелкалову грамоты: три грамоты отъ Государя къ Руделфу Цесарю, да грамота къ Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому. А послѣ того велѣлъ Государь діаку Андрею объявити послу столъ, что посылаетъ къ нему съ столомъ.

И, по государеву приказу, діакъ Андреіі молвилъ: «Великііі Государь, Царь и Великіі Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, жалуючи тебя, посылаетъ къ тебѣ съ своимъ государевымъ жалованьемъ, съ столомъ столника своего князя Андрея Андреевича Телятевского». И велѣлъ Государь съ посломъ приставамъ ѣхати на подворье.

А се грамота отъ Государя къ Руделфу Цесарю съ посломъ его, съ Миколаемъ Варкачомъ: «Троица Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Пренедовѣдомыіі и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всеа Сибирскія земли и Сѣверные страны Обладатель, и иныхъ многихъ земель Государь и Самодержецъ,— дражайшему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу второму, Божьею милостью избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому,

Кроатцкому, Шлявопскому, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Карнскому, Крайнскому Люцемборскому, Вертемборскому, вышніе и нижніе земли Шлезскому, Князю Швабскому, Маргграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Ляузницкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Лаcграбѣ Алсптцкому, Государю Вендѣйскіе стороны, Портонавскому и Саленптцкому и иныхъ. Присылалъ еси къ намъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, съ своею грамотою и съ рѣчьми о братствѣ, и о любви, и соединеньѣ и о иныхъ великихъ дѣлѣхъ, что годно всему Христьянству, вѣрного своего человѣка Миколая Варкача. И мы человѣка твоего Миколая приняли милостиво и рѣчи твои отъ него, что съ нимъ къ нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего, приказаны, любительно выслушали. И мы, хотя съ тобою, съ братомъ нашимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, быти въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ, высылали есмя къ послу твоему съ отвѣтомъ бояръ своихъ: боярина своего и намѣстника Резанского Ивана Васильевича Годунова, да боярина и намѣстника Ржевского князя Ивана Васильевича Ситцкого, да діаковъ своихъ, Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина, и на тѣ на всѣ дѣла, о которыхъ говорилъ нашему Царскому Величеству отъ тебя, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, посолъ твой Миколай Варкачь, велѣли есмя бояромъ нашимъ отвѣтъ учинить. И отпустили его къ тебѣ, брату нашему. И съ тобою, братомъ нашимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ быти хотимъ, какъ были межъ собою въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ наши прежніе прародители, и свыше прежнего; а въ нынѣшнихъ въ новыхъ дѣлѣхъ хотимъ ихъ совершити и укрѣпити, что всѣмъ намъ, Великимъ Государемъ, къ прибытку всего Хрестьянства. А ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, утвердяся съ папою Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, слалъ къ намъ, оже дастъ Богъ, на веснѣ рано пословъ своихъ великихъ, о всемъ съ нимъ наказавъ подлинно, какъ тѣ великіе дѣла, которые межъ насъ съ тобою, братомъ нашимъ, къ любви братцкой почались, приговоря, постановить и закрѣпить. А какъ послы твои, брата нашего, у насъ будутъ, и мы съ нимъ велимъ бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинить и докончанье утвердить, какъ намъ съ тобою, братомъ нашимъ, быти въ братствѣ и въ любви и въ докончаньѣ неподвижно на вѣки и стоять на Турского и на всѣхъ своихъ недруговъ, на бесерменскихъ Государей, заодинъ. А которыхъ пословъ своихъ великихъ ты, братъ нашъ дражайшій, пошлешь къ намъ, и мы на тѣ твои послы и опасную грамоту свою послали есмя, что пріѣхати къ нашему Царскому Величеству твоимъ, брата нашего, великимъ посломъ и наши царскіе очи видѣть и назадъ отъѣхати добровольно безо всякого задержанія, и отъѣхати отъ насъ со всякою почестью.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7097-го, Іюня мѣсяца».

А се грамота опасная послана на цесаревы послы: «Троица Пресуще-

ственная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христьянамъ, Дателю премудрости, Преневѣдомыйі, Пресвѣтлыйі, Крайнiй Верхъ, направи на истинну Твою и настави насъ на повелѣнiя Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостiю и хотѣнiемъ и благоволенiемъ держахомъ скифетръ Росiiского Царствiя, Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русiи, Владимерскiй, Московскiй, Новгородскiй, Царь Казанскiй, Царь Астороханскiй, Государь Псковскiй и Великiй Князь Смоленскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятцкiй, Болгарскiй и иныхъ, Государь и Великiй Князь Новагорода Низовскiе земли, Черниговскiй, Резанскiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлоозерскiй, Лифлянскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондинскiй, и всеа Сибирскiе земли и Сѣверные страны Обладатель и иныхъ многихъ земель Государь и Самодержецъ,—дражаiшему и любезнѣiшему брату нашему Руделфу второму, Божьею милостью избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствiя, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Карнскому, Крайнскому, Люцемборскому, Вертемборскому, вышнiе и нижнiе земли Шлезскому, Князю Швабскому, Маркграфу Римского Царствiя, Бургавскому, Государю вышнiе и нижнiе земли Ляузницкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Ланграбѣ Алсицкому, Государю Вендѣйскiя стороны, Портонавскому, и Салентцкому и иныхъ. Кого, братъ нашъ дражайшiй и любезнѣйшiй, Руделфъ Цесарь, пошлешь пословъ своихъ великихъ сухимъ путемъ или водою, и тѣмъ твоимъ великимъ посломъ прiѣхати къ нашему Царскому Величеству, и наши Царскiе очи видѣть, и назадъ къ тебѣ, брату нашему, отъ насъ отъѣхати добровольно безо всякого задержанiя со всякою почтивостью; а ся наша грамота на твоихъ, брата нашего, пословъ и опасная. Писана въ Государствiя нашего Дворѣ града Москвы лѣта отъ созданiя мiру 7097-го, Iюня мѣсяца».

А се грамота послана отъ Государя къ Руделфу Цесарю о Павлусѣ Магнусѣ: «Троица Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христьяномъ, Дателю премудрости Преневѣдомый, и Пресвѣтлый, Крайнiй Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнiя Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостiю и хотѣнiемъ и благоволенiемъ удержахомъ скифетръ Россiйского Царствiя, Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русiи, Владимерскiй, Московскiй, Новгородскiй, Царь Казанскiй, Царь Астороханскiй, Государь Псковскiй, и Великiй Князь Смоленскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятцкiй, Болгарскiй, и иныхъ, Государь и Великiй Князь Новагорода Низовскiе земли, Черниговскiй, Резанскiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлоозерскiй, Лифляндскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондинскiй, и всея Сибирскiе земли и Сѣверные страны Обладатель и иныхъ многихъ земель Государь и Самодержецъ, — дражаiщему и любезнѣйшему брату нашему Руделфу второму, Божьею милостью избранному Цеса-

рю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Карньскому, Краинскому, Люцемборскому, Вертемборскому, вышніе и нижніе земли Шлезскому, Князю Швабскому, Малграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Ляузнитцкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Лэнграбѣ Алситцкому, Государю Вендѣйскіе стороны, Портонавскому, и Салепитцкому и иныхъ. Писалъ еси къ намъ, братъ нашъ дражайшій, въ другой своей грамотѣ съ человѣкомъ своимъ, съ Миколаемъ съ Варкачомъ, о подданыхъ своихъ слугахъ, о Павлусѣ Магнусѣ съ сыномъ съ Лукашомъ, которые ещо къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, отъ тебя, брата нашего, пріѣхали съ посланникомъ нашимъ со Жданомъ съ Квашнинымъ, и о томъ, братъ нашъ дражайшій, у насъ братолюбно просишь, чтобъ намъ тѣхъ твоихъ подданыхъ слугъ освободити. И тѣ люди задержаны были въ нашемъ Государствѣ для воинского времени; а нынѣ, для твоей, брата нашего дражайшего, братцкіе любви, подданыхъ твоихъ, Павлуса Магнуса съ сыномъ съ Лукашомъ, отпустили ихъ къ тебѣ, брату нашему, съ человѣкомъ твоимъ съ Миколаемъ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7097-го, Іюня мѣсяца».

А се грамота отъ Государя къ цесареву брату, къ Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому: «Троица Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю Премудрости, Преневѣдомыйи Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Θедоръ Ивановичь всея Русіи, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астороханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Обладатель, и иныхъ многихъ земель Государь и Самодержецъ,—дражайшего и любезнѣйшего брата нашего Руделфа, Божьею милостью, избранного Цесаря Римского брату, Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Каратынскому, Краинскому и Витемборскому, Администратору надъ Крыжаки Прускими и Маистру Нѣметцкому, Абспурскому и Тирольскому. Присылалъ еси къ нашему Царскому Величеству свою грамоту съ человѣкомъ своимъ съ Лукашомъ, а въ грамотѣ своей къ нашему Царскому Величеству писалъ еси, извѣщаючи намъ свою незгоду, что по грѣхомъ по твоимъ Польскіе паны рада, израдою призвавъ тебя къ Королевству Поль-

скому и взявъ тебя, за присягою держатъ въ Польшѣ; только ты въ томъ начаешься, что братъ нашъ и твоій, Цесарское Величество, и Король Ишпанскій, и иные Государи и пріятели ваши учнутъ о томъ вскорѣ промышлять; а намъ бы, помня прежнихъ нашихъ дѣда и отца любовь къ дому Аустрѣйскому, по тому жъ о васъ радѣти и надежную помочь вамъ учинити. А что есть о соединеньѣ межъ нашего Царского Величества и брата нашего дражайшего Цесарского Величества, и Короля Ишпанского и иныхъ христьянскихъ Государеій противъ бесерменъ стояти, и то годно и пригоже; и для того къ нашему Царскому Величеству Цесарское Величество послалъ посла своего; и приказали естя ему, нашему Царскому Величеству о всѣхъ тайныхъ дѣлѣхъ извѣстить, какъ бы могло статися къ лутчему. И мы услышевъ про твою незгоду о томъ зѣльно поскорбѣли, что по грѣхомъ надъ тобою израдою Польскихъ пановъ радъ такъ ссталось. А хотѣли есмя того съ великимъ радѣньемъ, чтобы тебѣ быти на Корунѣ Польскоіі и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Государемъ, какъ есмя о томъ къ вамъ прежъ сего писали въ своихъ грамотахъ; а и впередъ того хотимъ съ великимъ радѣньемъ, чтобы тебѣ оное свое желанье получити и быть на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. А о которыхъ дѣлѣхъ приходилъ къ нашему Царскому Величеству отъ брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря человѣкъ его Миколаіі Варкачь, и мы на всѣ на тѣ дѣла велѣли ему подлинной отвѣтъ учинити бояромъ своимъ и писмо дати; а подлинно есмя о всѣхъ нашихъ дѣлѣхъ, которые дѣла, намъ Великимъ Государемъ хрестьянскимъ, къ прибытку, писали есмя къ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему къ Руделфу Цесарю въ своеіі грамотѣ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7097, Іюня мѣсяца».

А се грамота къ Руделфу Цесарю отъ боярина и конюшего отъ Бориса Өедоровича Годунова съ посломъ съ Миколаемъ Варкачомъ: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохавского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Обладателя, и иныхъ многихъ Государствъ Государя,— брату его дражайшему и любезнѣйшему Руделфу второму, Божьею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Брабанскому, Стырскому, Карнскому, Краинскому, Люцемборскому, Вертемборскому, вышніе и нижніе земли Шлязскому, Князю Швабскому, Маркграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Ляузницкому, Князю и Графу Аузборскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Ланграбѣ Алситцкому, Государю Вендѣйскіе стороны, Порто-

павскому, и Саленитцкому и иныхъ,— бояринъ и конюшей и намѣстникъ Казанской и Асторохапской Борисъ Годуновъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству челомъ бьетъ. Присылалъ еси, Государь, къ брату своему къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи о братцкой любви и о соединеньѣ и о иныхъ о великихъ дѣлѣхъ, что годно всему Хрестьянству, посла своего Николая Варкача, а съ нимъ Ваше Цесарское Величество прислалъ ко мнѣ свою жаловальную любительную грамоту. А въ грамотѣ своей Ваше Цесарское Величество ко мнѣ писалъ съ великою милостью и ласкою, что извѣщалъ Вашему Цесарскому Величеству Лукашъ, что язъ, будучи у Великого Государя своего, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, о Вашемъ Цесарского Величества о славномъ дому Аустрѣйскомъ вседушно радѣю, и Ваше Цесарское Величество и впередъ на насъ начаеться надежно, что мы въ тѣхъ дѣлѣхъ, которые приказаны съ посломъ вашимъ, радѣти учнемъ; а Ваше Цесарское Величество приказалъ послу своему о всѣхъ тайныхъ и вѣрныхъ дѣлѣхъ мнѣ говорити и совѣтывати, какъ бы вамъ, Великимъ Государемъ, тѣ дѣла начати дѣлати и укрѣпить; а о которыхъ дѣлѣхъ отъ тебя, отъ Государя отъ Великого, отъ твоего Цесарского Величества посолъ твой Миколай мнѣ учнетъ говорити, и мнѣ бы тѣ всѣ рѣчи донести до Государя своего, до Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи. И язъ тѣ всѣ рѣчи, которые отъ твоего Цесарского Величества посолъ твой мнѣ говорилъ, доносилъ до своего Государя, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи съ великимъ радѣньемъ. И о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, которые межъ васъ, Великихъ Государей, Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца и тебя, Великого Государя Руделфа Цесаря настоитъ, какъ есми почалъ сперва радѣть, а нынѣ и наипаче старого хочю радѣть и промышлять, и Государю своему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, бити челомъ, и на то Государя своего наводить, чтобъ Государь нашъ, Его Царское Величество, съ Вашимъ Цесарскимъ Величествомъ укрѣпился въ братствѣ, и въ любви, и въ соединеньѣ и въ докончаньѣ, и стояти бы вамъ, Великимъ Государемъ, на бусурманскихъ Государей, и на Турского и на всякихъ недруговъ заодинъ. И Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Его Царское Величество, всѣ твои рѣчи отъ посла твоего выслушалъ любительно, и похотѣлъ съ Вашимъ Цесарскимъ Величествомъ быти въ братствѣ, и въ любви и въ докончаньѣ; и высылалъ къ послу твоему съ отвѣтомъ бояръ своихъ: боярина и намѣстника Резанского Ивана Васильевича Годунова съ товарищи, и на тѣ дѣла, о которыхъ дѣлѣхъ Государю нашему, Его Царскому Величеству посолъ твой говорилъ отъ Вашего Цесарского Величества, отвѣтъ учинити велѣлъ, и отпустить посла твоего Государь нашъ, Его Царское Величество, велѣлъ со всѣмъ любовнымъ съ полнымъ отвѣтомъ къ Вашему Цесарскому Величеству. А которую грамоту посолъ твой отъ тебя, Цесарского Величества, мнѣ подалъ, и язъ, принявъ твою государеву, Великого

Государя, Цесарского Величества, грамоту жаловальную и съ великою покорностью выслушавъ, выславлялъ тебя, Великого Государя, Цесарского Величества, при своемъ Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Өедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, и при многихъ государевыхъ Царѣхъ и Царевичѣхъ и государскихъ дѣтѣхъ розныхъ Государствъ, которые подъ Государя нашего Царскою рукою, и при боярѣхъ, и при князѣхъ и при всякихъ служилыхъ людѣхъ, что еси Великій Государь, Ваше Цесарское Величество, своею великою милостью и ласкою меня навѣстилъ своею государскою грамотою; а и впередъ тебя, Великого Государя Руделфа Цесаря, хочю выславляти. А которые твои рѣчи посолъ твой Миколаій, отъ Твоего Цесарского Величества говорилъ мнѣ, и я тѣ рѣчи всѣ доносилъ до Государя своего, Великого Государя, Его Царского Величества, и Государь нашъ, Великій Государь, на тѣ рѣчи отвѣтъ послу твоему учинить велѣлъ. Да посолъ же твой Миколай отъ тебя, Государя Великого, говорилъ мнѣ, что тебя, Государя Великого Руделфа Цесаря, слухъ дошелъ, что съ Турскимъ Салтаномъ Шахъ Персидцкой хочетъ миритися, и мнѣ то донести до Государя своего, до Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, и Государя своего на то наводить, чтобъ Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, отписалъ и приказалъ къ Шаху Персидцкому накрѣпко, чтобъ Шахъ съ Турскимъ Салтаномъ не мирился и стоялъ бы противъ Турского заодинъ. И язъ о томъ до Государя своего, до Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи доносилъ и билъ челомъ Государю своему; и Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь, послалъ тотчасъ наскоро гонца своего къ Шаху Персидцкому, и о томъ къ нему накрѣпко писалъ, чтобъ онъ никоторыми дѣлы съ Турскимъ Салтаномъ не мирился и стоялъ бы противъ Турского накрѣпко; а Ваше бы Цесарское Величество, сослався и укрѣпясь съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и съ иными Поморскими Государи, слалъ ко Государю нашему, къ Его Царскому * Величеству, пословъ своихъ великихъ о всемъ съ ними наказавъ подлинно, какъ тѣ великіе дѣла, которые межъ васъ, Великихъ Государей, къ любви братцкой и къ докончанью и къ соединенью почелися, приговоря, постановити и закрѣпити. Да посолъ же твой, Миколаіі мнѣ говорилъ отъ Твоего Цесарского Величества, чтобъ Государю нашему, Великому Государю, Его Царскому Величеству, помогать тебѣ, Великому Государю, Руделфу Цесарю, о братѣ твоемъ, о Максиміляне Арцыкнязѣ Аустрѣйскомъ; и язъ о томъ съ посломъ твоимъ съ Миколаемъ что говорилъ, и то инако не будетъ, по тому Государь нашъ, Его Царское Величество, и учинитъ, какъ послы твои будутъ у Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя. Да посолъ же твой отъ Твоего Цесарского Величества говорилъ мнѣ про Ишпанского Короля, что съ Твоимъ Цесарскимъ Величествомъ Король Ишпанской въ крѣпкомъ докончаньѣ и въ соединеньѣ, и стоять оба хотятъ вмѣстѣ на Турского Салтана со Государемъ

* Въ рукописи «Цесарскому».

нашимъ, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Өедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, заодинъ; и язъ тѣ посла твоего рѣчи о Ишпанскомъ Королѣ до Государя своего, Великого Государя, Царя и Великого Князя доносилъ; и Государю нашему, Великому Государю, то стало любо, что съ тобою, съ братомъ Государя нашего дражайшимъ и любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, такой Великоіі Государь, Ишпанской Король, въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ; а хотите, утвердяся, стоять со Государемъ нашимъ, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, на Турского и на всѣхъ вашихъ недруговъ заодинъ. И будетъ Ишпанской Король похочетъ съ твоими, Великого Государя, послы вмѣстѣ послати своихъ по-словъ о томъ соединеньѣ и о докончаньѣ ко Государю нашему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю,—и посломъ Ишпанского Короля ко Государю нашему, къ Великому Государю, съ твоими Великого Государя, Цесарского Величества, послы о такомъ великомъ дѣлѣ пріѣхать и отъѣхать въ государской милости Государя нашего Великого, добровольно. А какъ у Государя нашего, Его Царского Величества, Вашего Цесарского Величества великіе послы и Ишпанского Короля послы будутъ, и Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь, велитъ съ ними боярамъ своимъ о всемъ договоръ учинить и докончанье утвердить, какъ вамъ, Великимъ Государемъ, межъ собою впередъ быти въ братствѣ, и въ любви и въ докончаньѣ неподвижно на вѣки, и стояти на всѣхъ своихъ недруговъ заодинъ. А язъ, Государя своего, Великого Государя, Его Царского Величества холопъ, и Вашему Цесарскому Величеству во всей службѣ покорной нынѣ и впередъ служить хочю, и Государя своего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, молить и наводить хочю на то, чтобы межъ васъ, Великихъ Государей, Великого Государя нашего, Его Царского Величества, и межъ Твоего Цесарского Величества была дружба крѣпкая и докончанье, какого николи и въ прежнихъ лѣтѣхъ не бывало. И о томъ всегда у Всемогущаго Бога милости прошю, и о томъ сердечнымъ радѣньемъ радѣю, чтобъ мнѣ велѣлъ Богъ то видѣть межъ васъ, Великихъ Государей, Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, и тебя, Великого Государя Руделфа Цесаря, совершенная любовь и докончанье укрѣпить и затвердить; а искать бы вамъ, Великимъ Государемъ, себѣ съ обѣ стороны прибытка, что годно всему Христьянству.—Писана въ Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7097, Іюля мѣсяца».

А се грамота отъ боярина и конюшаго, отъ Бориса Өедоровича къ Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому съ посломъ, съ Миколаемъ Варкачомъ: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохапского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского,

Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Обладателя, и иныхъ многихъ Государствъ Великого Государя,—Руделфа, Божіею милостію избранного Цесаря Римского брату, Максимиліяну, Божьею милостью Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Карнскому, Краинскому, Вертемберскому, Администратору надъ Крыжаки Прускими, Графу Аузбурскому и Тиролскому, бояринъ и конюшей, и намѣстникъ Казанской и Асторахапской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ челомъ бьетъ. Прислалъ еси, Государь, ко мнѣ съ Лукашо́мъ любительную свою грамоту, а въ грамотѣ въ своей Ваше Величество ко мнѣ писалъ: что дошло тебѣ вѣдомо, съ вашимъ подданымъ, съ Лукашомъ Павлусовымъ, которого Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всея Русіи, посылалъ къ брату своему дражайшему, къ Цесарскому Величеству, что мы вамъ и всему дому Аустрѣйскому доброхотаемъ: и ваше о томъ желанье, чтобы то прежнее вѣрное пріятельство промежъ Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, и брата его дражайшего, Цесарского Величества, укрѣпить и совершить; и только ся такъ сстанетъ, и вы съ своей стороны о томъ радѣти и промышлять будете какъ возможно, чтобъ то братствепое соединенье, вскорѣ было совершено и докончано къ прибытку всему Хрестьянству. И того хотите, чтобъ язъ о томъ о добромъ дѣлѣ о хрестьянскомъ вѣрно съ радѣньемъ промышлялъ, и вашу бъ персону, во всяко время не забывалъ; а вы на Государя нашего, Его Царское Величество, во всемъ вѣрно надѣетесь, и противъ того также съ своей стороны, о всякомъ добрѣ хотите радѣти, и впередъ хотите послати къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, вмѣстѣ съ Цесарского Величества посломъ, своего большого посла и съ тѣмъ посломъ хотите приказати, со мною о всякихъ великихъ дѣлѣхъ, подлинно договоръ учинити, что будетъ годно Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству и его Государству, и брату Государя нашего Руделфу Цесарю и всему дому Аустрѣйскому къ прибытку; а меня за такіе дѣла хотите любити и во всякое время не забывать. И язъ, Государь, твое жалованье, грамоту принявъ съ покорностью, любительно выслушалъ, и тебя, Великого Государя, выславлялъ есми, передъ Государемъ нашимъ, Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, за твое къ себѣ жалованье. А какъ, Государь, почалъ есми, прежъ сего о тѣхъ дѣлѣхъ, которые межъ Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, Его Царского Величества, и брата его дражайшего, Цесарского Величества, настоять радѣти, а нынѣ и наипаче того о томъ радѣю, и впередъ радѣти и промышляти хочю, чтобъ межъ Великихъ Государей, Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, и брата Государя нашего, Руделфа Цесаря, брацкая любовь и соединенье и докончанье утвердилось на вѣки. А которые рѣчи говорилъ мнѣ отъ брата твоего, Великого Государя отъ Руделфа Цесаря, Его Цесарского Величества, посолъ Миколай

Варкачь, и язъ тѣ всѣ рѣчи до Государя своего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, съ великимъ раденьемъ доносилъ, и Его Царскому Величеству билъ челомъ, и на то Государя своего наводилъ, чтобъ Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Его Царское Величество, съ братомъ своимъ дражайшимъ, съ Цесарскимъ Величествомъ, мимо всѣхъ Государеій, похотѣлъ быти въ крѣпкомъ братствѣ, и въ любви, и въ доконченьѣ, и стояти бы имъ съ Великимъ Государемъ на бусурманскихъ Государеій, на Турского и на всякихъ недруговъ заодинъ. И про твою, Великого Государя, незгоду, Государю нашему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, Его Царскому Величеству о всемъ подлинно извѣстилъ есми, какъ надъ тобою, надъ Великого Государя сыномъ и надъ Великого Государя братомъ, Великимъ Государемъ, сталось черезъ крестное цѣлованье, на чемъ тебѣ, Великому Государю, душу дали, да на всемъ на томъ не устояли, и такую укоризну дому Аустрѣйскому учинили, чего николи издавна не бывало. И Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Его Царское Величество отъ брата своего дражайшего отъ Руделфа Цесаря, отъ посла его всѣ рѣчи выслушавъ, похотѣлъ, съ братомъ своимъ съ Цесарскимъ Величествомъ быти въ великоій любви братцкоій и въ доконченьѣ. А о твоей незгодѣ Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Его Царское Величество зѣльно поскорбѣлъ, что надъ тобою, надъ Великимъ Государемъ, такъ сталось. И посла брата своего дражайшего Руделфа Цесаря отпустилъ со всѣмъ съ любовнымъ отвѣтомъ. А что Ваше Величество писалъ ко мнѣ, чтобъ мнѣ вашу любовь во всяко время не забывати, а ты, Великій Государь, на Государя нашего, Великого Государя, Его Царское Величество, надѣешься, да и посолъ брата твоего, Цесарского Величества, мнѣ о томъ говорилъ, чтобъ Государю нашему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, Его Царскому Величеству, брату своему, Руделфу Цесарю, о тобѣ вспоминати; и язъ о томъ сердечно радѣю и Государю нашему, Великому Государю, о томъ бити челомъ и впередъ хочю о всякомъ твоемъ вспоможеньѣ; а и тебѣ то, Великому Государю, и самому извѣстно, какою любовью и ласкою Государь нашъ, Великій Государь, Его Царское Величество, поискалъ брата своего дражайшего, Руделфа Цесаря, и тебя, Великого Государя Максимиліяна, Арцыкнязя Аустрѣйского, такимъ своимъ любовнымъ письмомъ. А что язъ нынѣ съ посломъ Цесарского Величества, съ Миколаемъ, говорилъ о твоемъ вспоможеньѣ и о безчестьѣ дому Аустрѣйскому, и то, Государь, инако не будетъ: по тому Государь нашъ, Его Царское Величество, и учинитъ о всемъ, какъ послы Цесарского Величества и ваши послы будутъ у Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя, Его Царского Величества. А что Ваше Величество прислалъ ко мнѣ отъ своего любовного жалованья поминки съ Лукашомъ, часы, и язъ то отъ вашего жалованья принялъ въ покорности, съ великою любовью, и за то Вашему Величеству челомъ бью, и впередъ

тебя, Великого Государя, буду выславлять; и Вашему Пресвѣтлѣйшеству много челомъ бью свой легкой поминокъ, сорокъ соболей.—Писана въ Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7097, Іюля мѣсяца».

А отпустить цесарева посла велѣлъ Государь на Вологду да на Колмогоры, а съ Колмогоръ моремъ окіяномъ къ цесареву городу, къ Амборху. А съ Москвы цесаревъ посолъ Миколай Варкачь отпущенъ Іюля въ 23 день. А провожати его, по государеву указу, посланъ до новаго Колмогорского города Иванъ Осорьинъ, а наказъ ему о провожаньѣ данъ таковъ:

Память Ивану Ивановичю Осорьину: «Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ ему ѣхати въ приставѣхъ съ цесарскимъ посломъ съ Миколаемъ Варкачомъ до новаго Колмогорского города до корабельной пристани; а для провожанья и кормъ сбирать послано съ нимъ до Вологды дѣтей боярскихъ, Вологжанъ, Василей Лихаревъ съ товарищи, семь человѣкъ, да толмачь Юшко Юрьевъ, да съ атаманомъ съ Богданомъ Матовымъ послано казаковъ десять человѣкъ. И Ивану съ цесарскимъ человѣкомъ съ Миколаемъ Варкачемъ, и съ цесаревыми, и со Французскими Нѣмцы и съ Любчаны ѣхати до Колмогорского города бережно. А кормъ про цесаревы люди, про Миколая, и про Кашпира Крона, и про Павлуса, и про ихъ люди, кормъ велѣть покупати по росписи; а деньги за кормъ велѣти платити по прямой цѣнѣ по тамошней. А на кормъ съ нимъ денегъ послано, на мѣсяцъ двадцать два рубли съ полтиною да запасъ на приказные расходы, чего въ запросъ попросятъ, послано семь рублевъ съ полтиною, и обоего послано тридцать рублевъ; а медъ бѣлой, и пиво и вино въ дорогу послано съ нимъ съ Москвы до Вологды. А къ Троицѣ пріѣхавъ, поденного корму про цесарева человѣка про Миколая, и про Кашпира, и про Павлуса Магнуса, и про ихъ люди на тотъ день ѣствы не купити и меду не давати: тотъ день впередъ поступитъ; а взяти у Троицы про цесаревыхъ людей три ведра меду обарнаго—то имъ къ дорожному въ прибавку будетъ, да пять ведръ меду паточного, да семь ведръ меду доброго, да пять ведеръ пива, да на двадцать на пять блюдъ ѣствы, рыбы всякой, а колачей противъ поденного взять, да въ дорогу взяти у Троицы жъ пять ведръ уксусу. А въ Ростовъ пріѣхавъ, взяти ему у митрополита Ростовского меду обарнаго, и паточного, и цѣжоного доброго, и пива, и ѣствы рыбные, и колачей противъ того жъ взяти, что и у Троицы. А въ Ярославлѣ, въ Спаскомъ монастырѣ, медъ и кормъ взяти по росписи, и на тѣ дни въ станѣхъ поденного корму не давать: тѣ дни поступятъ впередъ. А на Вологду, пріѣхавъ вечере, стати ему съ цесарскимъ посломъ и со всѣми Нѣмцы, не шумко занявъ дворъ, чтобъ Аглинскій посолъ про нихъ не добрѣ вѣдалъ; да на тотъ день, на которой день перестоитъ на Вологдѣ, взяти у князя Ивана и у діака Ѳедора кормъ по росписи, медъ и ѣствы безденежно по росписи. А послать напередъ себя сказать, чтобъ ихъ пріѣздъ князю Ивану и Ѳедору въ вѣдомѣ былъ; да взять ему у князя Ивана и у діака у Ѳедора подъ цесарева человѣка, подъ Миколая съ товарищи и съ людьми, судно съ чердакомъ, да подъ себя съ дѣтьми

боярскими и съ толмачемъ судно, а подъ казаки ему взяти стружокъ; а въ суды кормщиковъ и гребцовъ взяти, посмотря по дѣлу, говоря со княземъ Иваномъ и съ Ѳедоромъ; а отъ Государя къ нимъ писано. А про цесарева человѣка, про Миколая съ товарищи и про люди взяти у князя Ивана и у діака у Ѳедора десять ведръ меду обарнаго, десять ведръ меду паточного, двадцать ведръ меду цѣжоного, сорокъ ведръ пива доброго, десять ведръ вина горячего. А взявъ суды, и кормщиковъ, и гребцовъ, и медъ, и вино, и пиво, и вся кіе запасы въ судно поставя, и взяти съ собою Вологжанъ дѣтей боярскихъ трехъ человѣкъ, Василья Лихарева, Суету Крюкова, Ларіона Трусова, итти съ Вологды къ Колмогорскому городу одноличчно на спѣхъ, не мѣшкая. А ѣдучи ему къ цесаревымъ людемъ, къ Миколаю Варкачю съ товарищи и къ его людемъ, береженье держати, чтобъ имъ и ихъ людемъ отъ Рускихъ людеи безчестья никакого не было, и кормъ имъ по росписи велѣть давать сполна и въ запросъ давать, чего въ запросъ попросятъ. И казаковъ Богдана Матова съ товарищи отъ воровства одноличчно унимать накрѣпко, чтобъ одноличчно дорогою не воровали, не грабили и корму себѣ даромъ не имали; а учнутъ воровати, и Ивану ихъ бити батоги нещадно и въ тюрьму сажати; а что у кого даромъ возмутъ, и Ивану за то, у кого что возмутъ, вдвое на нихъ доправливати и отдавати тѣмъ людемъ. А Ивану Бѣлобороду велѣти ѣхати съ ними жъ вмѣстѣ съ Вологды, и хоти и послѣ немного остався, да того жъ бы дни Иванъ ѣхалъ за нимъ на спѣхъ, чтобъ Ивану Бѣлобороду одноличчно съ нимъ, съ Иваномъ, къ Колмогорамъ пріѣхать вмѣстѣ. А пріѣхавъ въ новой Колмогорской городъ, отпустити ему вмѣстѣ съ воеводою, со княземъ Ѳѳонасьемъ Вяземскимъ, цесарева человѣка Миколая, и Павлуса Магнуса, и Кашпира Крона, и Нѣмецъ, которые съ нимъ отпущены, и съ людьми ихъ въ кораблѣхъ Ивана Бѣлоборода, въ одномъ кораблѣ или въ дву кораблѣхъ, какъ Иванъ промыслитъ; и отпустилъ бы тѣ корабли Иванъ на цесареву область, на Амборхъ. А отпустити на Ивановѣ кораблѣ одноличчно дни въ три, въ четыре, чтобъ одноличчно Аглинскіе гости, которые поѣдутъ съ Вологды, цесаревыхъ людей не застали на Колмогорахъ у города, и напередъ бы Аглинскихъ кораблей отпустити ихъ одноличчно, чтобъ на Колмогорахъ не жити имъ больши четырехъ денъ. А будетъ придутъ къ Колмогорамъ Аглинскіе корабли напередъ Ивановыхъ кораблеи, а Ивановы корабли будетъ ещо до нихъ не бывали, и Ивану стояти съ ними во дворѣ таііно, на Ивановѣ дворѣ Бѣлоборода. Да какъ придутъ Ивановы корабли Бѣлоборода, и Ивану со княземъ Ѳѳонасьемъ вмѣстѣ тѣмъ промышляти: говорити Ивану Бѣлобороду, чтобъ онъ тотчасъ одинъ корабль свой велѣлъ изъ него товары выкласти, и въ томъ бы кораблѣ тотчасъ отпустити Миколая Варкача съ товарищи; а Аглинскіе бъ гости и тѣ корабли Аглинскіе не вѣдали, чтобы его тайно ночью или съ утра рано въ томъ кораблѣ отпустити. А отпустя цесаревыхъ людей, Миколая Варкача и съ людьми, ѣхати Ивану ко Государю къ Москвѣ, и тѣмъ дѣтѣмъ боярскимъ Вологжаномъ назадъ велѣти ѣхати къ себѣ на Вологду; а толмачю Юшку и казакомъ, атаману Богдану съ казаки, велѣти

остатись на Колмогорахъ, и велѣти имъ быти съ воеводою со княземъ Өөонасьемъ Вяземскимъ у корабельные пристани. А будетъ Ивановыхъ кораблей придетъ корабль напередъ изъ Ишпанской земли или изъ цесаревы области изъ Андробка,— которому мочно вѣрить кораблепику, которому Иванъ Бѣлобородъ повѣритъ, и имъ въ томъ караблѣ отпустить цесаревыхъ Нѣмецъ тотчасъ, не мѣшкая; а подлинно о томъ писано къ воеводѣ, ко князю Өөонасью; а какъ поѣдетъ съ Вологды и въ которой день Иванъ съ Нѣмцы, и что съ нимъ Миколай поговоритъ, и Ивану о томъ съ Вологды отписать ко Государю; и о всемъ промышлять Ивану государевымъ дѣломъ по сему наказу. А что питья медовъ возметъ, и вина, и пива на Вологдѣ, и то все отдати питье Миколаю Варкачю съ товарищи вдругъ, и они бъ держали про себя, и впередъ на корабль блюли; только про нихъ по росписи ѣству велѣть покупать».

А на Вологду о цесаревѣ посла отпускѣ грамота отъ Государя послана такова. «Отъ Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи на Вологду князю Ивану Михайловичю Вадбольскому, да діяку нашему Өедору Олександрову. Отпустили есмя съ Москвы на Колмогоры къ кораблевой пристани цесарскихъ торговыхъ людей, и Францовскихъ и Любчанъ, Миколая Варкача съ товарищи, съ приставомъ съ Иваномъ Осорьинымъ. А съ Иваномъ послано до Вологды Вологжанъ, дѣтей боярскихъ семь человѣкъ— Василей Лихоревъ съ товарищи, да толмачь, да казаковъ съ атаманомъ, съ Богданомъ Матовымъ десять человѣкъ. И какъ къ нимъ ся наша грамота придетъ, и Иванъ съ цесаревыми торговыми людьми, съ Миколаемъ съ Варкачемъ съ товарищи, на Вологду пріѣдутъ, и вы бъ про Миколая съ людьми дали судно, на которомъ слѣланъ чердакъ, и кормщика, и гребцовъ сколько пригоже въ то судно дали, какъ мочно грести наскоро; а другое судно дали бы есте приставу Ивану Осорьину съ дѣтьми боярскими, и дѣтей боярскихъ Вологжанъ отпустили съ нимъ трехъ человѣкъ въ томъ суднѣ: Василья Лихорева, да Суету Крюкова да Ларіона Трусова, и кормщики и гребцовъ въ то судно дали по тому жъ, какъ наскоро мочно въ томъ суднѣ грести; а казакомъ дали бы есте стружекъ да кормщика, а гребцовъ бы есте имъ дали до осми человѣкъ, а къ тому бъ сами гребли подъ собою перемѣняяся. Да дали бы есте про цесаревыхъ людей, про Миколая Варкача съ товарищи, въ дорогу до Колмогоръ десять ведръ меду обарного, десять ведръ меду паточного, двадцать ведръ меду цѣжоного, сорокъ вѣдръ пива доброго, десять ведръ вина, пять ведръ уксусу; а пиво бы есте добыли у кого нибудь въ манастырѣхъ или у посадцкихъ людей, чтобъ съ Нѣметцкого обычая пиво было доброе, и тонко и красно. И отпустили бъ есте съ Вологды Ивана Осорьина съ цесаревыми людьми не шумко, вскорѣ, чтобъ Аглинскому послу про него вѣдома не было. А какъ цесарскіе люди пріѣдутъ на Вологду, и вы бъ на тотъ день имъ дали корму, меду и ѣствы дали по росписи, какова роспись у Ивана Осорина. А какъ цесарскихъ людей отпустите, и вы бъ о томъ тотчасъ къ намъ наскоро съ нарочнымъ съ рѣзвымъ гонцомъ отписали о всемъ подлинно, что отпусти-

те, какого запасу и меду, и въ которой день отпустите ихъ».

А въ новой Колмогорской городъ къ воеводѣ ко князю Ѳоонасью Вяземскому, о Миколаевѣ отпускѣ грамота послана такова. «Отъ Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, въ новой Колмогорской городъ воеводѣ нашему, князю Ѳоонасью Ивановичю Вяземскому. Отпустили есмя съ Москвы съ приставомъ съ Иваномъ Осоринымъ цесарева человѣка Миколая Варкача, а съ нимъ людей его пять человѣкъ; да съ нимъ же отпустили есмя Павлуса Магнуса, а съ нимъ малой, да Кашпира Крона, а съ нимъ два человѣка; да съ Миколаемъ же отпустили есмя съ Москвы за море цесарскихъ Нѣмецъ: Ехима Ромеля, да Амброжія, да Михеля Шмеля, да Анца Скока съ женою и съ дѣтьми самого сема. А итти имъ къ цесаревѣ области моремъ на Амборхъ на Ивановѣ кораблѣ Бѣлоборода, и для того Иванъ Бѣлобородъ съ Москвы на Колмогоры отпущенъ, и о томъ ему наказано о его кораблѣ, а велѣно ему по твоему приказу, совѣтовавъ съ тобою, въ своемъ кораблѣ отпустить, чтобъ ему всего жить дни два три у нового города Колмогорского. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Иванъ Осоринъ съ цесаревымъ человѣкомъ съ Миколаемъ, и съ Павлусомъ, и съ Кашпиромъ и съ Нѣмцы на Колмогоры пріѣдетъ, а корабли будетъ Ивана Бѣлоборода на Колмогоры пришли, и ты бъ, поговоря о томъ съ Иваномъ съ Бѣлобородомъ, Миколая Варкача съ людьми его, и Павлуса Магнуса и Кашпира съ людьми ихъ, и тѣхъ Нѣмецъ, тотчасъ отпустили за море на Ивановѣ кораблѣ Бѣлоборода, выбравъ лутчеи. А отпустилъ бы еси тайно, чтобъ про нихъ Аглинскіе Нѣмцы и иные некоторые иноземцы не свѣдали, и цесарева бы человѣка Миколая держалъ еси честно, а поставилъ бы еси его на Ивановѣ дворѣ Бѣлоборода. И что будетъ прошенье Миколая Варкача, и ты бъ тѣмъ всѣмъ промышлялъ, и отпустилъ бы еси его со всѣмъ честно, не издержавъ, только бы еси таіно его отпущалъ безъ Аглинскихъ Нѣмецъ. А Аглинскіе бъ корабли, которые придутъ изъ Аглинскіе земли, и тѣ бы всѣ корабли одноличио приведены были подъ городъ, подъ гостинъ дворъ, чтобъ одноличио не стояли у двора у своего у Аглинского, а стояли бы корабли всѣхъ земель и Аглинскіе корабли у города подъ гостинымъ дворомъ. А будетъ корабли Ивановы Бѣлоборода не поспѣютъ, какъ пріѣдетъ Иванъ Осоринъ съ цесаревыми Нѣмцы къ городу къ Колмогорскому, а придетъ будетъ которой корабль изъ Андробка изъ цесаревы области или Ишпанского Королевства со Францовскими гостьми, а мочно будетъ Ивану Бѣлобороду которому корабельщику вѣрить цесаревымъ Нѣмцамъ, и ты бъ, говоря съ цесаревымъ человѣкомъ съ Миколаемъ, и съ Любчаниномъ съ Кашпиромъ съ Крономъ, и съ иными, на томъ кораблѣ и отпустить Миколая Варкача съ товарищи, которому корабельщику вѣрить мочно, чтобъ въ цесареву область въ Анборхъ или въ иной городъ въ цесареву область отпустить ихъ, только бы имъ отъ Аглинскихъ Нѣмецъ проѣхать безстрашно. И ѣхать бы имъ одноличио отъ Колмогорского города до пріѣзду Аглинскихъ Нѣмецъ и посла Аглинского, чтобъ одноличио ихъ Аглинскіе Нѣмцы и Аглинской посолъ не засталъ на Колмогорахъ

и ихъ отпуску не вѣдали, какъ ихъ отпустите съ Колмогоръ. А до тѣхъ мѣстъ, покамѣста отпустите Миколая Варкача съ товарищи съ Колмогоръ, и Миколай бы Варкачь съ товарищи стояли на Ивановѣ дворѣ Бѣлоборода. А какъ ихъ отпустите, и ты бъ далъ Миколаю Варкачю съ товарищи на корабль десять ведръ меду съ кабака, да пива доброго двадцать ведръ, да вина пять ведръ, да съ другого съ Двинского съ большого кабака десять ведръ меду, двадцать ведръ пива доброго, всего двадцать ведръ меду, да сорокъ ведръ пива, давъ почестной кормъ, взявъ съ посаду, велѣлъ бы ему дати яловицу, пять барановъ, десятеро куровъ. Да посланъ съ цесаревыми Нѣмцы Иванъ Бѣлобородъ къ морскому пристанищу для кораблей, въ которыхъ отпустить за море цесаревыхъ Нѣмецъ; и будетъ Ивану понадобятся деньги для того отпуску, и ты бъ Ивану далъ въ заемъ денегъ изъ Колмогорскихъ изъ таможенныхъ денегъ и изъ кабатцкихъ до четырехъ сотъ рублевъ. А отпись на него возьми за Ивановою рукою, что ему, пріѣхавъ отдать тѣ деньги діаку нашему Андрею Щелкалову. А что съ Иванова товару Бѣлоборода доведется пошлины таможенные и проѣжжіе, и ты бъ Степану Котову велѣлъ, смѣтя, взять на него писмо, что ему, пріѣхавъ, на Москвѣ заплатить». Писана на Москвѣ, лѣта 7097-го, Іюня въ 24 день.

Августа во 2 день, билъ челомъ Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, Тимохинъ племянникъ Выходца Назарко Семеновъ, чтобъ Государь пожаловалъ, велѣлъ о дядѣ его Тимохѣ отписати въ Ригу къ буймистрамъ и ратманамъ, чтобъ Тимоху изъ Риги выпустили; и Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, въ Ригу къ буймистрамъ, и къ ратманамъ и къ полатникамъ велѣлъ отписать изо Пскова воеводѣ Дмитрею Ивановичю Вельяминову, чтобъ его изъ Риги отпустили со всѣмъ; а покамѣста Тимохи изъ Риги не отпустятъ, и въ его мѣсто Литовскихъ и Нѣметцкихъ людей изо Пскова отпускать не велѣно

А се грамота въ Ригу къ буймистромъ, и ратманомъ и къ полатникомъ отъ воеводы отъ Дмитрія Вельяминова о Тимохѣ о Выходцѣ.—«Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Обладателя и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кобардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ земель Государя, Его Царского Величества, отъ Псковского воеводы, отъ Дмитрея Ивановича Вельяминова, Рижскіе области Вышегородцкому державцу Томосу Фанъ-Эмдену. Прежъ сего, въ прошломъ въ 96 мъ году, поѣхалъ изъ Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи отчины, изо Пскова торговой человѣкъ Тимоха Семеновъ въ Любокъ; и какъ онъ пріѣхалъ въ Ригу, и въ Ригѣ его держали многое время въ

тюрьмѣ, невѣдомо за что, и, державъ въ тюрьмѣ, пропустили его въ Любокъ; и какъ Тимоха поѣхалъ изъ Любокъ назадъ, и въ Ригѣ буймистры и ратманы, не вѣдомо за что, поимали, и въ нынѣшнее перемирное время его задержали, въ Государя нашего Государство не пропустили, и посадили его въ тюрьму. А которые Рижскіе торговые люди въ Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича всеа Русіи, Его Царского Величества, въ вотчину, во Псковъ торговати пріѣзжають, и тѣмъ ихъ торговымъ людемъ Рижаномъ обиды и задержанья никакого не бываетъ, и торгъ имъ во всемъ повольной живетъ. И нынѣ слухъ насъ дошолъ, что того Государя нашего торгового человѣка Тимоху Рижскіе буймистры отдали тебѣ Томосу въ Вышегородъ, а ты его держишь у себя; и ты бъ, Томасъ фанъ-Эмденъ, того Государя нашего торгового человѣка Тимоху въ Государя нашего отчину во Псковъ отпустилъ, а тѣмъ мирного постановенья межъ Государей не нарушивалъ, и торговлѣ бъ въ томъ порухи не чинилъ, чтобъ торговымъ людѣмъ съ обѣ стороны повольно было ѣздить и торговать повольною торговлею. А какъ ты того Государя нашего торгового человѣка къ намъ отпустишь, и мы противъ того вашихъ торговыхъ людей ради во всемъ беречи. А который мой гонецъ съ сею моею грамотою пріѣдетъ къ тебѣ, и ты бъ его ко мнѣ отпустилъ, не издержавъ, и противъ моей грамоты ко мнѣ отписалъ. Писана въ Государя нашего отчинѣ градѣ во Псковѣ, лѣта отъ созданія міру 7097-го, Августа мѣсяца».

Августа въ 29 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Θедору Ивановичю всеа Русіи, съ Колмогоръ воевода князь Оѳонасей Вяземскій да цесарева посла приставъ Иванъ Осоринъ, что цесаревъ посолъ Миколай Варкачь съ Колмогоръ на море отпущенъ Августа въ 3 день.

7098—1590.

—

(Лѣта) 98, Іюня 8 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Θедору Ивановичю всеа Русіи изо Пскова бояринъ и воевода князь Григорей Андреевичь Куракинъ, да князь Василей Ростовской да діакъ Микита Щелепинъ, что пріѣхалъ во Псковъ съ торгомъ Любской Нѣмчинъ Ансъ Вербесъ; а привезъ ко Государю, Царю и Великому Князю Θедору Ивановичю всеа Русіи отъ цесарѣва брата, отъ Максимиліяна, грамоту, да къ слугѣ ихъ, конюшему, боярину, къ Борису Θедоровичю, привезъ отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского грамоту, да отъ цесарского посла, отъ Миколая Варкача грамоту: а дали ден ему тѣ грамоты въ Любкахъ Кашпиръ Кронъ.

А се переводъ съ грамоты Максимиліяновы, Арцыкнязя Аустрѣйского, брата цесарева ко Государю, Царю и Великому Князю Θедору Ивановичю всеа Русіи: «Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Князю и Государю, Царю Θедору Ивановичю всея Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Великому Князю Смоленскому, Тверскому и иныхъ многихъ земель, Царю Казанскому и Асторохаискому, нашему опричненому другу любительному и Государю, брату, Мы, Максимиліянъ,

Божіею милостію избранный Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Арцыарцукъ Аустрѣйскій, Арцукъ Бургундійскій, Стырскій, Карпскій, Краинскій, Вертемборскій, Администраторъ Прускіе земли, Маистръ Нѣметцкіе и Влоскіе земли, Графъ Авузбурскій, Фляиберскій, Тирольскій, извѣщаемъ вамъ, Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Царю и Государю, нашу * повольную службу и пріятельскую дружбу во всяко время. Пресвѣтлѣйшій, и Велеможнѣйшій Царь и Государь! выслушалъ есми отъ Его Цесарского Величества, нашего милостивого, любительного брата, и Государя и пріятеля: отъ нашея Любви, которой былъ посланъ къ Вашей Любви въ прошломъ году нашъ вѣрный Николай Варкачь и исправилъ намъ посольство отъ Вашея Любви къ его Цесарскому Величеству. И мы, то слышевъ отъ него, вельми всемъ серцемъ радуемся, и впередъ мы въ той въ доброй въ укрѣпленной надежѣ стоимъ, и за истинную правду держимъ тотъ вѣрный отвѣтъ и пріятельство, что Ваша Любовь по нашему жаданію такъ произволяешь и укрѣпляешь. И то съ вобчіе стороны намъ, и нашимъ землямъ, и подданымъ нашимъ, и всему Хрестьянству собча къ великому утѣшенію и къ доброму пожитку впередъ будетъ; и за то Вашей Любви доброхотѣнье, и за правду впередъ всегда намъ пригодится тебѣ бити челомъ съ истинною правдою и докончати бы намъ тѣ великіе дѣла. А мы съ нашей стороны того въ забвеньѣ не положимъ, какъ есмя съ Его Цесаркого Величества Любви сполна о всемъ приговорили, чтобъ сее весны, аще Богъ благоволитъ, нашихъ пословъ къ Вашей Любви послати. Какъ есмя Вашіе Любви и писанія отъ цесарского посла, отъ Варкача, съ великимъ утѣшеніемъ выразумѣли, какимъ обычаемъ Ваша Любовь о нашемъ несчастьѣ, что надъ нами въ Польшѣ учинилось, тужили и добрѣ скорбѣли, и послу нашему то объявляли, что есте хотѣли тое нашу незгоду мстити и на Корунѣ Полской насъ видѣти, и что Ваша Любовь насъ во всемъ къ нашему пожитку ни въ чемъ не хотите отставити, не токмо денгами и казною, и всякою способою и всякимъ доброхотѣньемъ спомогати хочешь,—и за такое Вашіе Великіе Любви за обѣщаніе съ нашіе стороны мы Вашіе опричинные пріятельскіе великіе Любви много челомъ бьемъ, и то съ любовію принимаемъ и жедаемъ мы отъ Всемогущаго Бога впередъ, чтобъ намъ за такое доброхотѣнье, и за правду и за пріятельство противу Вашіе Любви, какимъ обычаемъ ни буди, всякою дружбою и любовію воздати, и въ томъ Ваша Любовь одноличпо намъ вѣрилъ и надѣялся на то; а Ваша бъ Любовь отъ насъ ни въ чемъ не отчаялся. И что въ Польшѣ въ нашемъ Государствѣ дѣялось, какъ они надъ нами хитрость дѣлали, и то Вамъ подлинно вѣдомо будетъ отъ Цесарского Величества пословъ, и о томъ сердечьная скорбь, да ждемъ того до времени. А наше изъ Полши освобоженье гораздо удалось, что Его Римское Цесарское Величество, Его Любовь, собрався съ силою, хотѣлъ былъ итти на Польшу, и меня силою высвободити въ то время, какъ они меня у себя въ тѣснотѣ держали, и за тое соромоту, которая намъ учинена и нашему великому дому Аустрѣйскому, хотѣли надъ Поляки мстити. И Поля-

* Въ рукописи: «нашему».

ки, услышевъ про то, какъ есмя у нихъ въ рукахъ былъ, и на томъ положили, что съѣхався въ Краковъ всею радою, и умыслили о мнѣ накрѣпко, любо мою кровь пролити, любо Турскому Салтану меня въ руки выдати. И язъ отъ своей парсоны самъ просилъ и молилъ Его Цесарское Величество, чтобъ для меня войну унять велѣлъ и крови пролити не похотѣлъ, и рать свою распустити велѣлъ; да и для намилостивѣйшіе Римскіе Цесаревы, которая прежъ того, жалѣючи объ насъ, въ великой скорби была, чтобъ ей впередъ о мнѣ великіе и неистерпимые кручины не было, а отъ кручины бы ей себя скорой смерти не предати; и мы всѣ тѣ дѣла впередъ до времяни отложили. А положился Его Цесарское Величество на Поляки во всемъ на ихъ повольность: обсылаясь черезъ посланники съ обѣихъ сторонъ, безъ нашего вѣдома и воли, и, приговоря, то дѣло закрѣпили и совершили, чтобъ намъ отъ Королества Польского и отъ титлы отступити, а насъ было послѣ того поставити Его Цесарского Величества на границѣ доброволно на срокъ, которой они приговорили; а того ихъ приговору язъ не вѣдалъ, и умышленье ихъ о мнѣ намъ не объявилось, какъ прежъ сего о томъ объявлено. И того всего, на чомъ было постановлено и укрѣплено прежъ сего, Янъ Замойской канцлеръ съ своими совѣтники не сдержалъ, и на томъ не устоялъ, и противу тѣхъ дѣлъ все противно дѣлалъ, не по прежнему своему договору, и новые дѣла вчиналъ, которые дѣла, не токмо въ приговорѣ не были, и чего и въ мысли не бывало, и онъ то насильствомъ вчиналъ, и впередь еще хотѣлъ вчинати, и насъ на урочной срокъ, которой приговорили, на рубежѣ не поставилъ, и послѣ сроку шесть недѣль держалъ насъ, къ нашему великому убытку. А послѣ того, какъ насъ на рубежѣ поставилъ, и онъ намъ тѣ дѣла объявилъ не такъ, какъ было прежъ того приговорено и закрѣплено, а сталъ вмѣщати иные новые дѣла, чего въ приговорѣ и не бывало, а прежнихъ всѣхъ дѣлъ заперся, на чомъ было приговорено, а просилъ у насъ иные новые присяги. И мы, у него то выслушавъ, выразумѣли, что того въ приговорѣ не было, и тотъ часъ мы на то не произволили, и на томъ же присягали и всему тому отвѣтъ есмя противу ему учинили. А начался язъ на то, что у насъ тайные люди были подъ бокомъ, и Полякомъ мы сильны были; и доброволно и безъ зацѣпки отъѣхали есмя. И для того, что намъ достойно было быти на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и они у насъ въ томъ повольность отняли; и мы о томъ подлинно умыслили, и, аще Богъ намъ помощи подастъ, о томъ надъ ними промышляти, и за то стояти, и навести на нихъ нашъ великій гнѣвъ и ярость хотимъ за ихъ прежнее злое умышленье къ намъ, что прежъ того злое умышленье Янъ Замойской съ товарищи умышляли на насъ, и многіе неправды къ намъ показали, и нынѣ на насъ непрестанно умышляютъ зло, и не токмо на насъ, и надо всѣми христьяны хочетъ то зло учинити къ конечному разоренью по своему злодѣйскому умышленію. А и прежнее канцлерово умышленье Вашей Любви объявилось есмя, на которое прежъ того къ Вашей Любви съ Лукашомъ съ Павлусовымъ писмомъ извѣстили васъ, и про то его умышленье Вашей Любви вѣдомо. А къ такому великому ратному дѣлу надо-

бсть собрать воинскихъ людей полтораста тысячь; и Ваша Любовь о томъ сами своимъ разумомъ можете разсудити, что къ тому воинскому дѣлу подъемъ надобѣ великой, чтобъ канцлеръ Янъ Замойской и съ своими совѣтники того отъ насъ ждалъ на себя, что хотимъ свое безчестье и срамоту и его многіе къ намъ неправды мстити. А хоти онъ умышляетъ и помочи себѣ ищетъ у Турокъ и у Татаръ; и вы любовь свою всегда сердечною правдою къ намъ оказуете, и во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ намъ спомогати хотите, и о томъ мы на Вашу Любовь держимъ великую надежу; и надѣяся на Вашу Любовь, тѣ дѣла Вашей Любви всѣ объявили и открыли, и о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, которые Мы Вашей Любви объявили, просимъ у Вашей Любви добрые думы и радѣнья и помочи, чтобъ надъ нашими вобчими недруги намъ ранѣе промыслить и тѣсноту имъ учинить и ихъ умышленье и желанье на кровь уняти, которое умышленье и желанье противъ насъ вообче умышляютъ; а желанье ихъ то, чтобъ имъ надъ нашими землями и надъ людьми умышля зло, и совершить по своему хотѣнью. И Ваша бъ Любовь себѣ о томъ разсудили и противъ ихъ злого умышленья, которое они намъ хотятъ учинить, Ваша Любовь намъ помочь учинили, чтобъ наша рать сильнѣе была; да для такія великія рати Нѣметцкимъ и Итальянскимъ и Угорскимъ воинскимъ людемъ надобѣ на наемъ денегъ много; а что будетъ Ваша Любовь изволитъ намъ къ тому воинскому дѣлу на подмогу дати, и о томъ бы Ваша Любовь намъ наскорѣ отвѣтъ учинили, и что будетъ у Вашіе Любви о томъ дѣлѣ доброе умышленье и о вспоможеньѣ отвѣтъ, и намъ бы отъ Вашей Любви о всемъ вѣдомость наскорѣ была, и мы по тому станемъ и промышляти. А какъ на веснѣ наши будутъ послы у Вашей Любви, и о всѣхъ о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ наказъ съ полнымъ наукомъ съ ними пошлемъ, какъ имъ, будучи у Вашіе Любви, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, приговоря, дѣлати и становити и закрѣпити; и что будетъ о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ Вашей Любви мысль и доброхотѣнье, и та бъ мысль Вашей Любви намъ наскорѣ была вѣдома; а мы таково жъ съ нашіе стороны и со всѣми нашими кровными станемъ промышляти собча всѣ вмѣстѣ, безъ мѣшканья, всею силою, надъ Поляки, и, уповая на Божью помочь, начаемся нашихъ недруговъ побѣдить, и сами на то мѣсто сѣсть. А послѣ того съ Вашею Любовью противъ всѣхъ тѣхъ нашихъ недруговъ вобче заодинъ будемъ стояти, и хотимъ впередъ быть въ великой дружбѣ, и въ братцкой любви и въ соединеньѣ, какъ подобаетъ братцкой совершенной любви быти неподвижно, и до живота нашего противъ тѣхъ недруговъ стояти. А канцлеръ Польской съ Свійскимъ Королемъ съ старымъ о томъ умышляютъ, чтобъ межъ насъ имъ недружба учинить и любовь нашу межъ насъ розлучить; и мы о томъ Вашу Любовь напоминаемъ, и ихъ умышленье Вашей Любви объявляемъ, чтобъ Ваша Любовь ихъ лживымъ и неправеднымъ рѣчемъ ни въ чемъ вѣры не поняли, потому что, ихъ то ложное умышленье намъ подлинно вѣдомо, что тотъ канцлеръ противъ Вашей Любви также и вашимъ землямъ зло умышляетъ съ душевнымъ недругомъ всего Христьянства, съ Турскимъ и съ Перекопскимъ и съ Свѣйскимъ; а то его и дѣло, тѣмъ онъ и промыш-

ляетъ. И мы за тѣмъ Вашу Любовь, какъ подобаетъ дражайшего брата, въ братцкой любви и въ пріятельской дружбѣ, поручаемъ Богу, а отъ Вашей Любви наскорѣ любительного отвѣту ждемъ.—Писана въ нашемъ градѣ Агертхеймѣ, 22-го мѣсяца Декабря, Рожества Христова Создателя нашего 1589 (года)». Припись у грамоты: «Вашей Любви добровольный, во всякое время вѣрный пріятель и братъ Максимиліанъ».

А се переводъ съ грамоты Максимиліана Арцыкнязя Аустрѣйского, къ конюшему и боярину, къ Борису Ѳедоровичю Годунову: «Того Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, нашего дружелюбного брата и Государя навышнему думному всее Рускіе земли и навышнему моршалку, тому пресвѣтлому нашему опричнолюбительному другу, Борису Ѳедоровичю Годунову,— Мы, Максимиліанъ, Божією милостію избранный Король Польскій и Великій Князь Литовскій, Арцыкнязь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Стырскій, Карнскій, Крапискій, Вертемборскій и иныхъ, Администраторъ Прускіе земли, Маистръ Нѣмецкихъ и Итальянскихъ земель, Графъ Аузбурскій, Фляндорскій и Тирольскій. Пресвѣтлый, опричнолюбительный! Какъ есми прежъ сего, такъ и нынѣча отъ Его Царского Величества посла нашіе любви, что укрѣпленного нашего вѣрного Миколая Варкача посольства, нашего дружелюбительного Государя и брата и Великого Князя самого, и изъ вашего писанья выразумѣли, и видимъ мы къ себѣ Государя и Великого Князя любовь, и радѣнье и доброхотѣнье, которое доброхотѣнье къ братцкому соединаченью межъ вами и нась, Его Римского Цесарского Величества, нашего опричнолюбительного пріятеля, Государя и брата, и нашему великому дому великое утѣшенье; и за то доброхотное серце и за доброй начатокъ, которую вы противу насъ, какъ вѣрный братъ, показуешь, и мы то все съ любовью выразумѣли, и крѣпко въ томъ начаемся, что то все сстаeтся за вашимъ великимъ прошеньемъ и печалованьемъ. А не хотѣли есмя того впередъ отставить Его Любви Величества, Великого Князя, и васъ сѣмъ нашимъ писаньемъ понавѣстить, и за великое ваше любительное вѣрное печалованье и сердечное къ намъ доброхотѣнье мы нынѣ и впередъ за то въ великую любовь пріимуемъ, да и впередъ напоминаемъ, для того что такое и великое дѣло зачалось: не токмо Его Великого Князя Любви, и его землямъ и людѣмъ, и нашихъ странъ и земель таково жъ недруги доставаютъ,—и вы бъ похотѣли, какъ подобаетъ вѣрному и любительному заступнику, вотчичу своему, впередъ за такое дѣло стояти, и печалованье не оставливати по сему нашему писанью, въ которомъ любительномъ мы пишемъ; и какъ мы съ Его Любви Великого Князя писанья вразумляемъ всегда и начаемся, что вы къ намъ всегда въ томъ добродѣтеленъ будеши, какъ еси самъ къ намъ добродѣтель свою и любовь наказывалъ, и наша вѣра и надежа всегда на васъ лежитъ. А то все пренадлежитъ намъ собча, и нашему великому дому, и всему Христьянству, и Рѣчи Посполитой къ великому утѣшенью и ко всему добру. А вы на насъ въ томъ крѣпко во всемъ надѣйтесь, что мы хотимъ вамъ впередъ отъ насъ вашему всему роду во всякой любви радѣти и доброхотати и то всякое время доброхотно исполняти.—

Писанъ въ нашемъ городѣ, въ Баргатгеймѣ, 20 го дня Декабря лѣта 1590-го.» А припись у грамоты:«Максимиліянъ».

А се переводъ съ грамоты Нѣметцкіе къ конюшему и къ боярину къ Борису Өедоровичю Годунову отъ цесарева посла Миколая Варкача. «Пресвѣтлому и великородному государю Борису Өедоровичю, Велеможного Государя, Царя всеа Русіи, шурину и навышпему содержателю Царствъ и намѣстнику Казанскому и Астороханскому. Боже Всемогущій, дай тому Велеможному Государю, Царю Өедору Ивановичю всеа Русіи и твоему величеству здравье на многіе лѣта и счастливое владѣнье! Язъ къ твоему величеству прежъ сего дважды писалъ, и для того язъ нынѣ къ тебѣ, къ вашему величеству пишу и въ третее, что проѣздъ страшенъ: подлинно того не вѣдаю, тѣ грамоты прежніе до твоего величества рукъ дошли ли? и мнѣ того нельзя отставити, что мнѣ твоему пресвѣтлѣйшеству не писать того дѣла, что въ прежнихъ грамотахъ писано. А еще тебѣ, вашему величеству, извѣщаю: какъ мы отъ Велеможного Государя и отъ его воеводы съ великою честью отъ морского пристанища, а отъ Архангела отпущены, и язъ, далъ Богъ, черезъ окіянъ море до Нѣметцкіе земли пріѣхалъ, и послѣ того въ мѣсяцѣ Ноябрѣ къ Римскому Цесарскому Величеству, къ моему милостивому Государю ко двору пріѣхалъ есми, и о Велеможного Государя Царя, его братцкой любви, и о доброхотѣньѣ, и о вашего величества доброрадѣньѣ Римскому Цесарю, Его Величеству, моему милостивому Государю извѣстилъ, о которомъ добрѣ радовался. И онъ, Цесарское Величество, на то положилъ, и Король Ишпанской и иные вельможныя Короли и удѣльные Князи хотятъ съ Вельможнымъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ быти въ вѣкъ въ крѣпкой и неподвижной дружбѣ, и о той дружбѣ Государь нашъ нарежаетъ пословъ своихъ, и тѣ дѣла вашему Велеможному Государю, Царю и Великому Князю будутъ извѣстны. А послѣ того, въ мѣсяцѣ Генварѣ былъ язъ у обраного Короля Польского и Арцыкнязя у Максимиліяна, и онъ къ Велеможнѣйшему Государю Царю и къ вашему величеству извѣстилъ въ двоихъ грамотахъ, какимъ обычаемъ онъ оттолѣ поѣхалъ, и вашему величеству все въ тѣхъ грамотахъ извѣстно будетъ. А что прежъ сего обранный Король Максимиліянъ послалъ грамоту въ Февралѣ мѣсяцѣ горою, а писана та грамота числами, и начаюся, что та грамота до Москвы дошла, а тѣ двѣ нынѣшніе грамоты на дорогѣ были; а сквозь Польши проѣхать было имъ нельзя, и они тѣ грамоты назадъ привезли и отдали ихъ Кашпиру Крону, чтобъ онъ ими промыслилъ: и въ томъ бы ваше величество не подивили, что въ грамотѣ число остарѣло. И извѣщаю вашему величеству правдою, чтобы ваше величество Велеможному Государю, Царю извѣстилъ и беречися велѣлъ, чтобъ тѣмъ, Свѣйскому и Польскому канцлеру, ихъ умышленью и ихъ ложнымъ вѣстѣмъ не вѣрилъ: мы о томъ подлинно вѣдаемъ, что они омапомъ умышляютъ, а хотятъ Сарматцкую землю подъ Туретцкую область подвести. А о томъ бы Вельможный Государь, Царь всеа Русіи не подивовалъ, что въ Польшѣ съ нашіе стороны дѣло не сдѣлалось по нашему хотѣнью, и что послы зимою не были, и нынѣ Его Царское Величес-

ство вскорѣ извѣстно увидитъ и услышитъ, что Римское Цесарское Величество и всѣ Короли и Арцыкнязи великого дому Аустрѣйского хотятъ въ соединеньѣ быти съ Вельможнымъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, отъ чего не токмо два тѣ Вельможные Государи, и всѣ хрестьяня учнутъ радоваться; а того мнѣ вашему величеству нельзя было не объявити. Бью челомъ вашему величеству, чтобъ ты се мое смѣлое навѣщанье въ добродѣтель учинилъ, да ещо бью челомъ вашему величеству, чтобъ ты Кашпира Крона, которої Великому Государю, Царю правдою служитъ и о всемъ съ радѣньемъ промышляетъ, ты бъ его своимъ великимъ жалованьемъ жаловалъ. Да ждали Его Римское Цесарское Величество да Король Максимиліянъ того Лукаша Павлусова съ послѣдними вѣстьми, да и по ся мѣста его ждутъ, и ваше бъ величество то учинили, чтобъ Его Царское Величество, по прежнему своему писму къ Римскому Цесарскому Величеству, послалъ. И буди ваше величество Богомъ хранимъ, и буди здравъ на многіе лѣта! Писана отъ Рождества Христова 1590 (года), Апрѣля мѣсяца 1-го дня.» А припись у грамоты: «твоему пресвѣтлому величеству вѣрный и доброхотный, и повольный Миколай Варкачь, Римского Цесарского Величества слуга». А на подписи грамоты писано: «того Пресвѣтлѣйшего и Велеможного Государя Ѳеодора Ивановича, Обладателя, Царя всеа Русіи, шурину, навышнему содержателю всего Царства, и намѣстнику Казанскому и Асторохanскому, Борису Ѳедоровичю Годунову, моему ласковому государю».

7099—1591

—

(Лѣта) 99, Іюня въ 5 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, изо Пскова бояринъ и воеводы, князь Григорей Андреевичь Куракинъ съ товарищи: пріѣхалъ деи во Псковъ Нѣмчинъ цесарскіе области Андреясъ Гартрофтъ, сказался отъ цесарского посла, отъ Миколая Варкача, съ грамотами; а везетъ ко Государю три грамоты, да къ конюшему, бояриpу, къ Борису Ѳедоровичю Годунову три грамоты жъ; и они того Нѣмчина съ грамотами отпустили ко Государю съ Павломъ съ Сеславинымъ. И, по Государеву, Цареву и Великого Князя Ѳедора Ивановича указу, на Москвѣ у цесарского Нѣмчина велѣно быти въ приставѣхъ сотнику Стрѣлетцкому Василью Малого. А поставленъ Нѣмчинъ въ Китаѣ городѣ на Лукинѣ дворѣ Креялова.

Іюня въ 7 день, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, велѣлъ цесарскому Нѣмчину Андреясу быти въ посольской полатѣ у діака у Андрея Щелкалова, и роспросити его, отъ кого пріѣхалъ и къ кому? и грамоты у него поимати.

И того дни, цесарской Нѣмчинъ въ посольской полатѣ у діака у Андрея былъ, и по государеву указу Андрей его спрашивалъ, отъ кого онъ пріѣхалъ, и къ кому, и грамоты съ нимъ какіе есть ли? и онъ бы тѣ грамоты ему далъ.

И Нѣмчинъ Андреясъ сказался цесарева слуги Миколаевъ человѣкъ Варкача, которой былъ прежъ сего у Государя отъ Цесаря въ посольствѣ; а послалъ деи его Миколай ко

Государю, Царю и Великому Князю съ грамотами. Да подалъ шесть грамотъ: три грамоты ко Государю, Царю и Великому Князю, двѣ отъ Миколая Варкача, а третья отъ Графа Италѣйскіе земли отъ Еронима Шкота, да три грамоты къ конюшему, боярину, къ Борису Θедоровичю отъ Миколая жъ и отъ Еронима. А рѣчью Нѣмчинъ сказалъ, что тотъ Графъ Еронимъ былъ въ Италѣйской землѣ удѣльной Князь, а нынѣ живетъ при Дворѣ цесарскомъ, а вотчины у него въ цесарской землѣ нѣтъ, и онъ хочетъ ѣхати ко Государю на его государево имя.

А се переводъ съ Нѣметцкіе грамоты, что писалъ ко Государю, Царю и Великому Князю, Миколай Варкачь.

На подписи грамоты написано: «Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Князю и Государю Θедору Ивановичю, Государю, Царю всея Русіи и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородскому и иныхъ, Царю Казанскому и Асторохапскому, и иныхъ многихъ Государствъ сильному Обладателю, моему намилостившему Государю». А въ грамотѣ писано: «Пресвѣтлѣйшій и Вельможнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь Θедоръ Ивановичь всеа Русіи, мой намилостившій Государь, Вашему Царскому Величеству моя поволная служба во вся время, и жедаю Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству отъ Господа Бога доброго здравья на многіе лѣта, и побѣдити бъ вамъ всѣхъ своимъ недруговъ и счасливо Государство свое держать! Какъ есми въ прошломъ году отъ Его Римского Цесарского Величества, моего намилостивѣйшего Государя, къ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества Двору посланъ былъ, и язъ, будучи у Вашего Пресвѣтлѣйшества Двора, отъ нѣкоторыхъ людей слышелъ, что Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества любительный отецъ, блаженные памяти, Государь, Царь Иванъ Васильевичь, великимъ хотѣньемъ жедалъ и хотѣлъ, чтобъ то пресвѣтлый и великородный Графъ Еронимъ Шкотусъ родомъ Италіянскіе земли при Его Царского Величества Дворѣ былъ; и то есми выразумѣлъ что Ваше Пресвѣтлѣйшее Величество не меньши того хотите, какъ Вашего Величества отецъ, и съ своими большими думцы жедаете, чтобъ тотъ Графъ у Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества у великого Двора могъ быть. И язъ, то себѣ помысливъ, какъ скоро того Графа увидѣвъ въ здѣшнихъ странахъ, чтобъ мнѣ ему Вашего Царского Величества жеданье извѣстить, и хотя мнѣ отъ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества о томъ приказу не было, да язъ за Ваше Пресвѣтлѣйшего Величества жалованье, которое въ Вашего Величества Дворѣ и въ Государствѣ слишкомъ ко мнѣ учинено, въ томъ объявился. А къ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества дѣлу, въ чомъ язъ всегда радѣю по своей силѣ, до исхода души моей радѣти, и Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству навѣрнѣйшую службу свою всегда готовъ показывать, и нынѣ Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству въ покорности извѣщаю, что отъ мѣсяца Августа до того числа, какъ ся грамота писана, тотъ Графъ Шкотусъ по ся мѣста здѣсь въ Прагѣ при Его Цесарского Величества Дворѣ живетъ, и отъ него въ великой чести и въ любви держанъ есть. И язъ ему то объявилъ, что онъ у Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества будетъ принятъ въ великой ласкѣ и во чти, только онъ въ тѣ страны удастся, а здѣсе онъ у Государей хрестьян-

скихъ, у Королей, и Арцыарцуковъ и иныхъ великихъ Княжатъ въ любви, всякъ за него дерется, и всякой его хочетъ у себя имѣть, и отъ того ему великая тѣснота, что онъ всѣмъ не можетъ услужить. И язъ то у него выразумѣлъ, только бъ онъ отъ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества былъ достовѣрно примолвленъ, какъ подобаетъ такому вольному Графу, и будетъ позванъ къ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества славному Двору, и онъ хочетъ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества Дворъ понавѣстить. А только будетъ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества хотѣнье его у себя имѣти, и Ваше бъ Пресвѣтлѣйшее Величество съ тѣмъ, съ посланцомъ, съ Андреемъ съ Гартрамъ, въ томъ, который отъ насъ къ Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству только для того дѣла отпущенъ Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству тото (sic) извѣстить отъ Графа и отъ меня, и будетъ Вашему Величеству то годно, и Ваша воля на то будетъ, и Ваше бъ Величество извѣстити велѣлъ, коли и въ которое время ему туды удатись, и язъ то отъ Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества тому Шкоту извѣщу, и о томъ радѣти учну, чтобъ ранѣе къ Вашему Величеству ѣхалъ. А въ чомъ мнѣ здѣсе мочно будетъ Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству свою покорную службу показать, и язъ въ томъ хочю не пощадить ни тѣла своего, ни крови. А прошаю Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества въ покорности, чтобъ то мое глупое писаніе не было въ зазоръ; а язъ Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству радѣю вѣрою и правдою, и гдѣ бъ моя мочь была, радъ служити. А тотъ посланецъ Андрей про того Графа во всякихъ дѣлѣхъ Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству подлинно объ немъ извѣститъ; Ваше бъ Пресвѣтлѣйшее Величество ему во всемъ вѣрили. За тѣмъ предаюсь въ Вашу Пресвѣтлѣшего Царского Величества милость.— Писана въ Прагѣ, мѣсяца Марта, лѣта отъ Рождества Христова 1591. Вашего Пресвѣтлѣйшего Величества униженный слуга Миколай Варкачь».

А се переводъ съ другіе грамоты Миколаевы Варкача ко Государю, Царю и Великому Князю: «Пресвѣтлѣйшій и Вельможнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, мой Намилостивѣйшій Государь! Вашему Царскому Величеству повольная служба во вся время, и жедаю Вашему Пресвѣтлѣйшему Величеству отъ Господа Бога доброго здравья на многіе лѣта, и побѣдити бъ вамъ всѣхъ своихъ недруговъ и Государство свое счастливо держать. Велеможнѣйшій Государь, Царь, Ваше Величество и Вельможность! не позазри, что язъ въ покорности противъ Вашей Вельможности такъ дерзнулъ написати къ такому Великому Государю и Великой Монархѣ, заньже у насъ во обычеѣ ведется, вамъ, Великому Государю, честь воздати, какъ ведется у Его Цесарского Величества и при его велиславномъ Дворѣ, и по се время до нынѣшнего дни то есть обычей: которые его вѣрные слуги бываютъ при Его Цесарскомъ Величествѣ, и хотятъ браку сочтатись, или своихъ дѣтей выдати, и они тѣмъ Его Цесарскому Величеству почесть воздаютъ, бьютъ чоломъ и зовутъ на радость; и Его Цесарское Величество тѣхъ новобрачныхъ жалуетъ, свое жалованье къ нимъ посылаетъ. И нынѣ язъ Вашему Царскому Величеству того не хочю утаить, что, по волѣ Всемогущего Бога, язъ прямую свою

дочь Анну выдаю за шляхетного дворянина, слугу Его Цесарского Величества, моего намилостивѣйшего Государя, именемъ за Богуслава, а той радости быти въ пришломъ мѣсяцѣ Августѣ. И по здѣшнему обычею, язъ своего Намилостивѣйшего Государя, Его Цесарское Величесто на ту милость звалъ, и Его Цесарское Величество на то произволилъ. А какъ есми былъ въ вашихъ странахъ и земляхъ, и мнѣ отъ Вашего Царского Величества многая милость и ласка учинена, и язъ, покамѣста живъ буду, Вашему Царскому Величеству за такое жалованье повиненъ служить и съ радѣньемъ, и во всѣхъ странахъ Вашего Царского Величества имя выславлять и во всемъ радѣть, и въ чомъ язъ явственно хочю службу свою показать. И нынѣ язъ Вашего Царского Величества покорный слуга не меньши того, также какъ моего намилостившего Государя Цесаря, Вашему Величеству также бью челомъ, и съ униженьемъ въ покорности прошу, чтобъ Ваше Царское Величество на меня въ такой дерзости не опалился и гнѣву своего не подержалъ, а то отъ меня милостиво принялъ, также какъ Его Цесарское Величество учинилъ, и по Его Цесарского Величества милости такъ ему годно учинилося. И нынѣ у Вашего Царского Величества и Пресвѣтлѣйшества мое покорное прошенье съ челобитьемъ, дабы Ваше Царское Величество на мнѣ милость свою показалъ, и свое жалованье съ тѣмъ посланцомъ, которой съ сѣми грамотами посланъ, къ чести двѣмъ новобрачнымъ и къ славѣ прислалъ. А мы за то Ваше Царское Величество жалованье и за свѣтлое имя учнемъ выславлять честно и паметовать, и язъ со всѣми своими хочю вѣрными послугами отслужить, не щадя живота своего и крови, и за ваше, Царского Величества, многолѣтное здравье, и Государства вашего счастливое держанье хочю безпрестанно Бога молить. А нынѣ предаюсь Вашего Царского Величества милости.—Писана въ Прагѣ, въ мѣсяцѣ Мартѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1591. Вашего Царского Пресвѣтлѣйшего Величества покорный, во всемъ радѣтельной слуга, Миколай Babкачь».

А Еронима Шкотэ грамоты не переведены.

А се переводъ, съ грамоты Миколая Варкача къ конюшему, боярину, къ Борису Федоровичю Годунову, съ человѣкомъ его съ Андреясомъ. «Пресвѣтлому и многомужному милостивому пану, Борису Федоровичю, насильнѣйшего Великого Государя, Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русіи, и иныхъ многихъ Царствъ и Государствъ, шурину и навышнему справцѣ всѣхъ великихъ Государствъ. Отъ Господа Бога и Святые Троицы твоему свѣтлому величеству хочю доброго здоровья и всякого счастливого прибыванья и службы моей охотные! Извѣщаю, какъ есми былъ отъ моего милостивого Государя, насильнѣйшего Цесаря Руделфа посломъ у Великого Государя вашего, и въ тѣ поры есми слышелъ отъ торгового человѣка изъ Любка, отъ Кашпира Крона и отъ иныхъ, что блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, того жедалъ, чтобъ Еронимъ Шкотъ, Графъ великого роду славнаго изъ Италіянскіе земли, которой навыченъ великими разными науками свыше иныхъ всякихъ людей, хотѣлъ на время при своемъ Дворѣ видѣти, также есми больши выразу-

мѣлъ, чтобъ и нынѣ тотъ честный, добрый панъ Графъ Шкотъ можетъ быть достоенъ при Дворѣ славномъ Великого Государя вашего. И помнячи язъ великое жалованье и великую честь, которая мнѣ была у славнаго Двора и во всѣхъ Царствахъ государскихъ, для Государя моего Цесаря, умыслилъ есми до смерти моей о томъ промышлять, чтобъ мнѣ послужити во всякихъ дѣлѣхъ прямо Великому Царю, Государю, хотя мнѣ того приказу не было отъ вашего величества, однако язъ у пана Графа Шкота такъ много сдѣлалъ, будетъ Его Царское * Величество имѣть при своемъ славномъ Дворѣ умыслилъ, и онъ то все учинить хочетъ по приказу его государскому, о чомъ язъ Великому Государю, Царю и вашей свѣтлости утаити не хочю, и для того есми того своего гонца до вашей свѣтлости извѣстити послалъ; и будетъ годно Его Царскому Величеству также и твоей свѣтлости, и ко мнѣ о томъ мочно объявити съ тѣмъ же моимъ гонцомъ. А язъ о томъ радъ промышлять, чтобъ онъ вскорѣ былъ въ государской землѣ при Дворѣ вашемъ честномъ, и въ чомъ бы мнѣ мочно вашему величеству и въ иномъ послужити, и язъ радъ то учинить, только ваша свѣтлость прикажи. А тотъ честный Графъ Шкотъ есть человѣкъ годный у Его Цесарского Величества и въ великомъ жалованьѣ, также и у иныхъ Королевъ и у Княжатъ христьянскихъ въ добромъ береженьѣ; а онъ таковъ человѣкъ, кто его о чомъ спроситъ, и онъ всю правду угадаетъ, и такіе мастерства и дѣла умѣетъ, что во всѣхъ земляхъ Нѣметцкихъ и въ Италіянскихъ никто того не умѣетъ, ни показать не можетъ, что онъ человѣкъ мудрой, таковъ, что всякими языки, что есть подъ солнцемъ, знаетъ всѣхъ больши и всякихъ мудростей научонъ; а начаюся, какъ его учнете держать при своемъ славномъ Дворѣ, и вамъ то не въ досаду будетъ. А что есми дерзнулъ сѣмъ своимъ писаньемъ съ гонцомъ къ такому Великому, Православному Государю, Царю, также и къ твоей свѣтлости извѣщаючи о томъ дѣлѣ, и о томъ челомъ бью, что бы ваша свѣтлость мнѣ въ глупость не поставилъ; а надѣйся, что есми то учинилъ съ великого сердечнаго радѣнья Его Царскому Величеству, также и твоей свѣтлости, и впередъ хочю и радъ служити. А за тѣмъ твою свѣтлость и со всѣмъ твоимъ родомъ предаю въ милость Святое Троицѣ, а себя язъ до твоего милостивого жалованья и свѣтлости твоей предаюсь.— Писанъ въ Прагѣ, канунъ Рожества Христова, лѣта 1590-го. Твоей свѣтлости велеможный прямый слуга Миколай Варкачь съ Нопшицъ, слуга цесарской». А на подписи у грамоты титло писалъ также, что и въ началѣ.

А се переводъ съ другіе грамоты Миколаевы къ конюшему, боярину къ Борису Ѳедоровичю. «Тому пресвѣтлому и высокородному государю, Борису Ѳедоровичю Годунову, Вельможнѣйшего Государя, Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи шурину и навышнему здержателю и намѣстнику Царствъ Казанского и Астороханского, моему милостивому Государю. Пресвѣтлый и высокородный государь, Борисъ Ѳедоровичь! Ваше бъ пресвѣтлость на насъ въ томъ не подивилъ, что язъ

* Въ рукописи «Цесарское».

...НАРОД... БИБЛИОТЕКА ... О СЕВЕРНОГО РАЙОНА

такъ дерзнулъ смѣло Царскому Величеству и тебѣ бити челомъ на радость, на выдаванье своей дочери, потому что у Его Цесарскаго Величества, моего намилостившего Государя, при Его Дворѣ, и въ иныхъ земляхъ здѣшнихъ такъ въ обычеѣ ведется: какъ его Цесарского Величества вѣрные слуги дѣтей своихъ выдаваютъ, и они на ту радость Его Цесарскому Величеству бьютъ челомъ. И язъ, помня къ себѣ великое жалованье, которое мнѣ учинено у Его Царского Величества при его славномъ Дворѣ, и за такое великое жалованье хочю до исхода души своей работати и прямую свою службу показать. И нынѣ есми не могъ того задержать, что тое части Его Царскому Величеству не воздать, также какъ есми Его Римского Цесарскому Величеству честь воздалъ, и у Его Царского Величество милости и жалованья поискалъ. И ваше бъ пресвѣтлое величество у Его Царского Величества въ томъ пособствовалъ, а мы здѣсь Его Царского Величества имя будемъ выславлять, и у нашихъ у всѣхъ пріятелей въ великой то чти и славѣ будетъ. А такимъ же обычаемъ и вашей свѣтлости бью челомъ, потому что ваше пресвѣтлѣйшество есть человѣкъ многоможный и у Великого Государя, Его Царского Величества шуринъ и навышшій содержатель; и ваше бъ пресвѣтлѣйшество пожаловалъ, что по своей милости съ тѣмъ моимъ посланцомъ моей дочери къ славѣ и къ чести, и такое мое прошенье и писанье, которое къ твоему пресвѣтлѣйшему имени къ чести послано, въ досаду не поставилъ. А язъ за то вашей пресвѣтлости всякою вѣрною службою, гдѣ мнѣ мочно, отслужити готовъ. А за тѣмъ ваше пресвѣтлѣйшество Господу Богу поручаю и желаю вамъ многолѣтного здравья отъ Всемогущаго Бога: буди хранимъ въ милости Всемогущаго Бога! Писанъ въ Прагѣ, мѣсяца Марта, лѣта 1591. Вашего пресвѣтлѣйшества во всемъ повольной Миколай Варкачь».

И того жъ лѣта 7099, Іюня въ 25 день, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, Миколаева человѣка велѣлъ отпустить; а съ нимъ, по государеву указу, конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ къ Ерониму Шкоту послалъ отъ себя грамоту, да къ Миколаю Варкачю грамоту жъ.

А се грамота отъ конюшего, боярина, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова къ Ерониму Шкоту съ Миколаевымъ человѣкомъ, съ Андреясомъ: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества ближніе думы отъ конюшего, боярина и намѣстника Казанского и Асторохавского, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова, — Италѣйскихъ странъ честному Графу Ерониму

Шкоту. Извѣстилъ мнѣ своимъ писмомъ Римскіе области Цесарского Величества слуга Миколай Варкачь, которой былъ у Великого Государя нашего, Его Царского Величества, отъ Руделфа Цесаря, не въ давнихъ лѣтѣхъ посольствомъ, что ты, честный Графъ, нынѣ живешь при Дворѣ Цесарского Величества; а то ему извѣстно, что и прежъ сего при отцѣ Государя нашего, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, твоя мысль и хотѣнье было ѣхати къ отцу Государя нашего и быти при Его Царского Величества Дворѣ; да то тогды не сталось; а нынѣ только Государь нашъ, Великіі Государь, Царь и Великіі Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, похочетъ тебя имѣти при своемъ славномъ Дворѣ, и ты то все учинити хочешь, и будетъ годно Его Царскому Величеству, и мнѣ о томъ ему объявить съ его человѣкомъ. И язъ, выслушавъ писмо Миколая Варкача, въ томъ тебя похваляю, что ты, такоі рыцарскіі и мудрыі и ученыі человѣкъ всякихъ хитростеі, умыслилъ быти у такого Великого Государя, и Его Царского Величества очи хочешь видѣти. А Государь нашъ, Его Царское Величество, всякихъ иноземцовъ, кто къ нему, ко Государю, пріѣдетъ, милостивно пріимаетъ и своимъ жалованьемъ великимъ ихъ жалуетъ, а тебѣ, рыцерскому человѣку мудрому, начаюсь у Великого Государя будетъ честь и жалованье и свыше иныхъ. Только нынѣ вскорѣ мнѣ о томъ твоемъ дѣлѣ Царскому Величеству извѣстити было не возможно, что Государя нашего Царского Величества зашли свои дѣла многіе земскіе; а впередъ, аже дастъ Богъ, временемъ Царскому Величеству твою мысль и хотѣнье извѣщу, и тебѣ о томъ вѣдомо учиню впередъ своимъ писмомъ, и грамоту къ тебѣ опасную отъ Государя нашего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца пришлю, какъ тебѣ ѣхати къ Его Царскому Величеству, и учиню тебѣ въ вѣдомѣ другимъ своимъ писмомъ. А для любви послалъ есми къ тебѣ нынѣ съ Миколаевымъ человѣкомъ, съ Андреясомъ сорокъ соболеі, ты бъ то отъ меня принялъ въ любовь.—Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7099-го, Іюня въ 24 день».

А се грамота отъ конюшего, боярина, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова къ Миколаю Варкачю съ человѣкомъ его, съ Андреясомъ: «Божіею милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Асторохапского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Цареі, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князеі, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества ближніе думы отъ конюшего, боярина и намѣстника Казанского и Асторохапского, отъ Бориса Ѳедоро-

вича Годунова,—Напресвѣтлѣйшего Государя Руделфа второго, избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя Царствія Нѣметцкого, Угорского, Чешкого, Долматцкого, Кроатцкого, Шлявонского, и иныхъ многихъ Государствъ Государя, Его Цеского Величества вѣрнѣйшему слугѣ Миколаю Варкачю. Писалъ еси ко мнѣ въ своей грамотѣ съ человѣкомъ своимъ съ Андреясомъ, что есть нынѣ при Дворѣ Государя вашего, Цесарского Величества, Италѣйскіе страны Графъ имянемъ Еронимъ Шкотъ, который навыченъ разнымъ наукамъ свыше иныхъ людей; а то тебѣ вѣдомо, что тотъ Еронимъ єщо при отцѣ Государя нашего, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, о томъ мыслилъ, къ отцу Государя нашего ѣхати хотѣлъ и при Его Царскомъ Дворѣ быти. И какъ еси увидѣлъ того Графа Еронима при Дворѣ Цесарского Величества, и ты о томъ поразумѣлъ, что тотъ честный Графъ Еронимъ Шкотъ годенъ быти при Дворѣ славномъ Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи; и помня къ себѣ Государя нашего, Его Царского Величества жалованье, о томъ еси промышлялъ, того Графа Еронима на то привелъ, будетъ Государь нашъ Его Царское Величество похочетъ его имѣти при своемъ Царскомъ Дворѣ, и онъ то все учинити хочетъ, къ Великому Государю нашему ѣхати и при Его Царского Величества Дворѣ быти. И язъ грамоту выслушалъ; и пишешь ко мнѣ о такомъ невеликомъ дѣлѣ, а о большомъ дѣлѣ, которое почалось межъ Великимъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, и Государемъ вашимъ, Руделфомъ Цесаремъ, о чемъ еси приходилъ ко Государю нашему, къ Его Царскому Величеству отъ Цесарского Величества, нынѣ ко мнѣ ты въ своей грамотѣ ничего не писалъ. А памятно тебѣ самому, какъ еси былъ у Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, отъ Государя своего, Руделфа Цесаря, въ посольствѣ, и у меня еси былъ , и со мною говорилъ на отпускѣ о которыхъ дѣлѣхъ, о докончаньѣ и о соединеньѣ, которое почалось межъ ихъ, Государей, то ты самъ вѣдаешь; а язъ тѣ твои рѣчи извѣстилъ Царскому Величеству. И Государь нашъ, Его Царское Величество, хотя всего лутчего во Христьянствѣ, а съ братомъ своимъ дражайшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ хотя быти въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, мимо всѣхъ Государей, по тѣмъ твоимъ рѣчемъ и по се время отъ брата своего дражайшего, Руделфа Цесаря, того ожидалъ, и для того Государь нашъ съ Турецкимъ Салтаномъ и съ Крымскимъ Царемъ ни о чемъ не ссылался, и противъ ихъ стоялъ, и съ ними въ остудѣ учинился, а съ Литовскимъ Жигимонтомъ Королемъ Государь нашъ также докончанье учинити не велѣлъ для того жъ. А нынѣ Государя нашего слухъ дошелъ, что Госу дарьвашъ, Руделфъ Цесарь, съ Турскимъ Салтаномъ ссылается о перемирьѣ, а съ Литовскимъ ссылается о докончаньѣ и о сватовствѣ; и язъ тому вельми подивился, что такое великое дѣло, что годно всему Христьянству, зачавъ, да покинуть. А ты, зачавъ такіе великіе дѣла, ко мнѣ о томъ про тѣ большіе дѣла ничего не писалъ; а пишешь о невеликихъ дѣлѣхъ, да то есми

на время отложилъ, нѣчтобъ, далъ Богъ, то исправилось межъ великими Государи впередъ. А что писалъ еси ко мнѣ о Еронимѣ Шкотѣ, и такой рыцерскій и навычной человѣкъ, Еронимъ Шкотъ, достоенъ быти при Государѣ нашемъ, Его Царского Величества, Дворѣ, только нынѣ ѣхати ему ко Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, не время; а какъ время будетъ, и азъ о томъ къ тебѣ извѣщу къ веснѣ впередъ другимъ писмомъ. И человѣка твоего Андреяса отпустилъ есми къ тебѣ, не издержавъ; а для любви, на свадьбу дочери твоей послалъ есми къ тебѣ съ твоимъ человѣкомъ поминокъ сорокъ соболей; а къ Ерониму Графу послалъ есми съ твоимъ же человѣкомъ грамоту отъ себя да поминка сорокъ соболей, и ты бъ ему то отдалъ.—Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7099-го, Іюня въ 24 день».

7101—1593.

Лѣта 7101-го, Августа въ 24 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи изъ Смоленска воеводы, князь Михайло Петровичь Ростовской-Катыревъ съ товарищи: Августа въ 20 день, прислалъ изъ Орши староста Оршанской Андрей Сапѣга листъ, а въ листу своемъ писалъ, что идетъ ко Государю отъ Руделфа Цесаря посолъ Миколай Варкачь; и цесаревъ посолъ Миколай, изъ Орши напередъ себя прислалъ въ Смоленескъ своихъ трехъ человѣкъ; а въ розпросѣ сказали цесарева посла люди, что идетъ ко Государю отъ Цесаря посолъ Миколай Варкачь, да сынъ его Иванъ, да писарь Гарманъ; а съ нимъ цесарскихъ дворянъ и людей ихъ тридцать человѣкъ да десять лошадей; а прислалъ деи ихъ цесаревъ посолъ себя обѣстить, какъ ему велятъ быти на рубежъ. И они къ цесареву послу отпустили съ пристани его двў человѣкъ; а съ ними къ цесареву послу писалъ князь Михайло отъ себя, а велѣлъ ему на рубежъ быти Сентября во 2 день сто втораго году.

А се листъ старосты Оршанского Андрея Сопѣги въ Смоленескъ къ воеводѣ ко князю Михайлу Катыреву - Ростовскому о цесарскомъ послѣ. «Наяснѣйшего, Великого Государя, Жигимонта третьяго, Божіею милостію, Короля Польского, Великого Князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого Мазовецкого, Ифлянского, Королевства Шведцкого наблизшего дѣдича и пришлого Короля, и иныхъ многихъ панствъ Государя нашего милостивого, отъ Андрея Ивановича Сопѣги, старосты Оршанского, державца Оранского, въ Смоленескъ, намѣстнику Смоленскому, князю Михайлу Петровичю Ростовскому - Котыреву. Вѣдомо тебѣ чиню, что жъ отъ Наяснѣйшего Цесаря христьянского посолъ до Государя вашего, Князя Великого Московского, панъ Миколай Варкачь, въ посольствѣ идетъ, и самъ, ничего не мѣшкаючи здѣсе, на Оршѣ будетъ. А теперь тотъ посолъ Цесаря христьянского впередъ собѣ, водлугъ звычаю посольского, слугъ своихъ: Гануса Кремра, Малхера Цыпсера и Михаила, даючи тобѣ особъ вѣдати, въ Смоленескъ посылаетъ, которые съ посланникомъ моимъ здѣшнимъ къ тобѣ ѣхали. И ты бы о томъ вѣдалъ, а посланника моего, не задерживаючи здѣсе, назадъ

пускалъ». — Писана въ Оршѣ, лѣта Божіего нароженія 1593-го мѣсяца Августа 28-го дня.

А се листъ цесарева посла Миколая Варкача въ Смоленескъ къ воеводамъ. «Наяснѣйшаго Цесаря Рудолфа христьянского до Великого Государя, Царя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, посолъ, я Миколай Варкачь, даю знать вамъ, воеводамъ на Смоленску и на пограничныхъ замкахъ, ижъ ѣду тою дорогою на Оршу и на Дубровну ко святому Клименту на границу Великого Государя вашего и потомъ до Его Царской Ѳелеможности у справахъ обудвухъ Государей пилныхъ; для того послалъ впредъ то вамъ ознаимить слуги свои три особь, Степана Гусъ, а Ивана Амельера, которымъ приказалъ, абы они мнѣ о васъ повѣдали и дали бы Государю своему православному о мнѣ вѣдомость. А такъ жадаемъ васъ, ведле обычаю пріимованья пословъ цесарскихъ, мене на границѣ у святого Климента приставы ваши ждали и до Великого Государя, Царя, проводили, а тые три слуги мои заразомъ до мене до Орши пустили, абыхъ вѣдалъ, что справовати, а въ которой день до границы пріѣхати велѣли. Писанъ на Начѣ, лѣта сыну Божьего нароженья 1593-го, мѣсяца Августа 22-го дня».

И Царь и Великій Князь велѣлъ отписати въ Смоленескъ къ воеводамъ чтобъ они послали встрѣчю на рубежъ къ цесареву послу въ приставы Смольнянъ: Елизарья Бартенева, или Казарина Бѣгичева, да Ивана Зубова; а съ ними для береженья десяти человѣкъ дѣтей боярскихъ, и кормъ и подводы велѣти давати по росписи.

А се грамота отъ Государя въ Смоленескъ къ воеводамъ о цесаревѣ послѣ. «Отъ Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи въ нашу отчину въ Смоленескъ воеводамъ нашимъ, князю Михайлу Петровичу Катыреву - Ростовскому съ товарищи. Писали есте къ намъ и листъ о цесарскомъ послѣ, о Миколаѣ о Варкачѣ къ намъ прислали, и намъ то вѣдомо. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тотчасъ послали по Смольнянъ, по дѣтей боярскихъ, которые живутъ по домамъ, и велѣли имъ быти въ Смоленескъ тотчасъ, чтобъ имъ всѣмъ поспѣти къ посольскому пріѣзду; а были бъ людны, конны и нарядны: быти имъ на встрѣчѣ. А противъ цесарского посла послали бы есте и въ приставѣхъ вѣлѣли быти у него головѣ Елизарью Бартеневу, или Казарину Бѣгичеву да Ивану Зубову; а съ ними для береженья и для кормовъ послали десять человѣкъ дѣтей боярскихъ, которые бы были добреньки и нарядны, а ѣхали на своихъ конѣхъ, а два изъ нихъ на подводахъ. А кормъ бы есте послу, и писарю, и дворяномъ и людемъ ихъ велѣли давати по росписи, какова къ вамъ нынѣ послана; а медъ и пива велѣли бы есте доброй поставить, взявъ у владыки и въ монастырѣхъ въ Троицкомъ, и въ Спаскомъ и въ Духовскомъ, до Доргобужа на тѣ станы. А подводъ бы есте подъ посла и подъ людей его велѣли давати по сороку подводъ; а будетъ меньши дать мочно, на чемъ ему подняться, и вы бъ меньши дали; а будетъ меньши того подняться не мочно, и вы бъ дали сполна сорокъ подводъ. и на рубежъ послали сполна сорокъ подводъ: съ телѣгами десять или пятнадцать, а досталь простыхъ. А какъ посолъ къ Смоленску придетъ, и ты бъ, воевода нашъ Игнатей, встрѣтилъ его по тому жъ, какъ и Литовскихъ пословъ, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ вое-

воды наши встрѣчали; а съ тобою бъ были дѣти боярскіе Смолняне всѣ, городомъ, которые живутъ по домомъ, и головы стрѣлецкіе, и сотники съ стрѣльцы и съ казаки, и посадцкіе люди, а были бъ всѣ конны и нарядны. А въ тѣ бы поры, какъ поіідетъ посолъ, было у васъ на встрѣчѣ и у посаду людно и урядно; во всемъ бы естя ему учинили встрѣчю противъ Литовскихъ большихъ пословъ чесно. А кормъ послу, и дворянамъ и людемъ ихъ давали по нынѣшней росписи вдругъ, а не нарозно. А сколько съ посломъ царскихъ дворянъ по имянамъ и сколько людеіі ихъ, и въ которой день посолъ придетъ на рубежъ, и какъ пройдетъ Смоленескъ, и кого пошлете къ нему въ приставы, и что корму учнете давати, о томъ бы есте наскоро къ намъ отписали. А въ Дорогобужъ и Вязьму росписи послали есмя; а велѣли въ Дорогобужѣ и по станамъ и въ Вязьмѣ, и отъ Вязьмы по станомъ до Можайска тотъ часъ кормы по росписи готовить. А кому у посла велите въ приставѣхъ быти, и вы бъ ему именно наказали, чтобъ онъ въ розговорѣ розпросилъ: о какихъ дѣлѣхъ къ намъ идетъ, отъ Цесаря ль, или отъ брата его отъ Максимиліяна, и гдѣ нынѣ Максимиліянъ, и нѣтъ ли у Цесаря съ кѣмъ воііны, и съ кѣмъ онъ въ миру и съ кѣмъ не въ миру, и съ Жигимонтомъ Королемъ, и Коруною Польскою, и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ у Цесаря на каковѣ мѣрѣ стало, и гдѣ нынѣ Король, и впередъ на Польское Королевство Жигимонта Короля чаятъ ли? и о всякихъ вѣстѣхъ наказали ему провѣдывать себѣ таііно у него, и у дворянъ и у людеіі ихъ. А что какихъ вѣстѣй провѣдаютъ, и вы бъ о томъ къ намъ отписали». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7101-го, Августа въ 25 день.

А въ Дорогобужъ о цесаревѣ послѣ грамота послана такова. «Отъ Царя и Великого Князя, Ѳедора Ивановича всеа Русіи въ Дорогобужъ Борису Беклемишеву. Писали къ намъ изъ Смоленска воеводы наши, князь Михаіло Петровичь Катыревъ-Ростовской съ товарищи, что идетъ къ намъ отъ Цесаря Руделфа посолъ Миколай Варкачь, а будутъ на рубежъ Сентября во 2 день сто втораго году. И мы писали въ Смоленескъ, а велѣли цесареву послу давати кормъ по росписи; а что учнутъ корму давати, и мы велѣли послати къ тебѣ роспись; а подводъ велѣли послу давати сорокъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и роспись изъ Смоленска воеводы пришлютъ, и ты бъ по тоіі росписи людцкоіі и конскоіі кормъ бралъ въ Дорогобужѣ и на Колпицкоіі ямъ кормы всякіе изготовилъ, аималъ со всякихъ людей, а по цѣнѣ денги платить по нашей указной цѣнѣ изъ намѣстнича доходу; а меду бъ есте поставили про посла нарозно пуды два, и пива велѣлъ сварити четверти съ двѣ доброго, а подводъ бы есте велѣлъ изготовити сорокъ. А какъ посолъ пойдетъ мимо Дорогобужа, и въ тѣ поры у васъ было людно и урядно въ посадѣ, и люди бъ были многіе по улицамъ и по посаду ходили, какъ онъ поѣдетъ». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7101-го, Августа въ 25 день.

А въ Вязьму, къ Аргуну Захарьину и къ губному старостѣ, къ Андрею Извѣкову, послана грамота о кормѣхъ такова жъ.

7102—1594.

А въ Можаескъ о цесаревѣ послѣ и о корму грамота послана такова. «Отъ Царя и Великого Князя, Өедора Ивановича всеа Русіи, въ Можаескъ губнымъ старостамъ Ивану Путятину да Богдану Коноплеву. Писали къ намъ изъ Смоленска воеводы, князь Михайло Петровичь Катыревъ съ товарищи, что идетъ къ намъ отъ Цесаря Руделфа посолъ Миколай Варкачь, а на рубежъ будетъ Сентября въ 2 день; а что ему давати поденного корму, и мы тому послали къ вамъ роспись съ сею нашею грамотою вмѣстѣ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ людцкой кормъ и конской изготовили на дву станѣхъ, въ Можайскѣ да въ Кубенскомъ, и медъ бѣлой и паточной поставили, и пиво сварили поранѣе тотчасъ, а деньги бы есте за тотъ за весь кормъ платили изъ намѣстнича доходу, изъ кабацкихъ денегъ; а что тѣхъ денегъ у васъ на кормъ выдетъ, и вы бъ то все велѣли писати въ книги, да тѣ книги за своими руками прислати къ намъ къ Москвѣ, въ посольской приказъ. И мы тотъ намѣстничь доходъ велимъ замѣнити, а обарной медъ велимъ къ вамъ на оба стана послати съ Москвы». Писанъ на Москвѣ, лѣта 7102-го Сентября въ 6 день.

И Сентября въ 8 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, изъ Смоленска воеводы, князь Михайло Петровичь Катыревъ-Ростовской съ товарищи, что они послали на рубежъ встрѣчю цесарева посла приставовъ; голову стрѣлетцкого Казарина Бѣгичева да Ивана Зубова, а съ нимя десяти человѣкъ дѣтей боярскихъ для береженья, да для кормовъ дву человѣкъ; а на рубежъ посолъ пришолъ Сентября въ 2 день, а въ Смоленескъ пришолъ Сентября въ 4 день во Вторникъ; и воевода Игнатей Вельяминовъ, по Государеву указу, цесарева посла встрѣтилъ на Боровой, десять верстъ отъ Смоленска, гдѣ Литовскихъ большихъ пословъ встрѣчаютъ; и головы стрѣлецкіе, и съ сотники, и съ стрѣльцы и съ казаки, и посадцкіе люди стояли по прежнимъ мѣстамъ у посаду и въ посадѣ. А приставы Казаринъ Бѣгичевъ да Иванъ Зубовъ писали, что они цесарева посла встрѣтили и рѣчь ему отъ Смоленского воеводы говорили; а съ посломъ деи дворянъ пять человѣкъ, а писаря съ нимъ нѣтъ, а людей съ посломъ и съ дворяны двадцать восмь человѣкъ да десять лошадей. А ѣдучи деи съ ними дорогою въ розговорѣ говорилъ, что онъ идетъ отъ Руделфа Цесаря въ послѣхъ, а у Цесаря деи онъ ближней человѣкъ, рать строитъ, а идетъ ко Государю съ добрымъ дѣломъ; а начаюсь деи, что сядетъ на Польскомъ Королевствѣ цесаревъ братъ Максимиліянъ; а шелъ деи онъ черезъ Литву и былъ у Короля у Литовского (въ) Варшевѣ, и листъ деи съ нимъ къ Королю о томъ былъ, чтобы его пропустилъ ко Государю, а грамотъ деи у него къ Польской радѣ и къ Литовской не было, а Король деи при немъ былъ въ Варшевѣ два дни, и пошолъ рѣкою Вислою въ Свію, а приказалъ деи паномъ ждати себя изъ Свѣй годъ. А про Цесаря сказалъ: война деи у Цесаря съ Турскимъ и по ся мѣста; приходили деи Турскіе люди на цесареву границу

и мостъ дѣлали на рѣкѣ на Кулпѣ, и цесаревы деи люди на нихъ пришли, и мостъ у нихъ отняли, и ихъ побили, и, за ними перешедчи, городъ у Турского взяли, а имя городу Новая Петрина. А въ томъ деи городѣ убили пашу Баснинскаго. А нынѣ деи въ томъ городѣ сидятъ цесаревы люди.

И Сентября въ 13 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи, цесарева посла приставы, Казаринъ Бѣгичевъ да Иванъ Зубовъ, что они съ цесаревымъ посломъ въ Можаескъ будутъ Сентября въ 13 день. И писано къ нимъ отъ Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, а велѣно имъ съ цесаревымъ посломъ быти къ Москвѣ въ Понедѣльникъ, Сентября въ 17 день. И Сентября въ 17 день, въ Понедѣльникъ, цесаревъ посолъ Миколаіі Варкачъ къ Москвѣ пріѣхалъ, и поставленъ въ Новомъ царевѣ городѣ у Пречистые Гребневскіе, на дворѣ владыки Резанскаго; а встрѣчали его по государеву указу на Дорогомиловѣ, и въ приставѣхъ были князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинфовъ, а съ ними дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, и приказные люди подьячіе, и дворовые люди, и конюхи, и охотники, и псари, и кречетники, и сокольники, и ястребники; а дворяне большіе, и стольники, и стряпчіе и жильцы были на встрѣчѣ безъ списка; а уставливали ихъ розрядные діаки Сапунъ Аврамовъ да Захаріи Свіязевъ.

А наказъ князю Семену и Андрею о встрѣчѣ данъ таковъ. «Лѣта 7102-го Сентября въ 17 день, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи, велѣлъ князю Семену Григорьевичю Звенигородцкому да Андрею Михайловичу Окинфову встрѣтити цесарева посла Миколая Варкача, за Новымъ за деревянымъ городомъ у Москвы рѣки на Дорогомиловѣ, гдѣ встрѣчаютъ Литовскихъ пословъ; а недоѣзжая до того мѣста съ полперестрѣла, послати имъ къ приставомъ (къ) Казарину Бѣгичеву да къ Ивану Зубову сына боярского; а велѣти про собя сказати, что Великій Государь, Царь Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, прислалъ цесареву послу встрѣчю дворянъ своихъ: его, князя Семена Григорьевича, да Андрея, и до него есть рѣчь государская, и посолъ бы Миколай ссѣлъ съ лошеди. Да какъ цесаревъ посолъ Миколай съ ними съѣдется и съ лошади ссядетъ, и князю Семену и Андрею по тому же съ лошади сойти вмѣстѣ съ цесаревымъ посломъ; а сшедъ съ лошади, цесареву послу Миколаю молвити отъ Государя рѣчь князю Семену толмачемъ Латынскимъ: Божіею милостію, Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего, Руделфа Цесаря Римского, тебя посла вѣдая къ себѣ пріѣздъ, прислалъ насъ, дворянъ своихъ, меня, князя Семена Григорьевича, да Андрея Михайловича тебя встрѣтити, и велѣлъ намъ тебя спросити о брата своего дражайшего, Руделфа Цесаря Римского здоровьѣ: брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря, какъ Богъ милуетъ? А послѣ того молвити: Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, велѣлъ тобя спросити о братѣ Руделфа Цесаря, о Максимиліанѣ, Арцыкнязя Аустрѣйского здоровьѣ

какъ его Богъ милуетъ? А послѣ того молвити: Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, велѣлъ тебѣ поклонитися, и велѣлъ тебя о здоровьѣ спросити, здорово ль еси дорогою ѣхалъ? Великій Государь, Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, велѣлъ намъ у тобя быти въ приставѣхъ и подворье тебѣ указати.—Да ѣхати князю Семену и Андрею съ цесаревымъ посломъ съ Миколаемъ Тверскою улицею да мимо пушечной дворъ, на дворъ архіепископа Резанскаго; а пріѣхавъ на дворъ и проводя посла въ хоромы, ѣхати князю Семену ко Государю, а на дворѣ остатись посла устраивати Андрею Окинфову, и жити у посла безотступно. А князю Семену пріѣзжати къ послу по вся дни и надъ ними надзирать, чтобъ у посла во всемъ было бережно. А съ ними велѣно быти у посла для береженья охотникамъ и кречетникамъ по списку. А кормъ цесареву послу Миколаю, и дворянамъ и ихъ людѣмъ велѣно давати съ дворца по росписи; а приставлены къ тому корму сытникъ, да подключникъ, да подьячей; и князю Семену и Андрею того надъ ними смотрити, чтобы ѣству давали добрую. А чего цесаревъ посолъ Миколай въ запросъ попроситъ, и князю Семену и Андрею то велѣти давати, сказывая бояромъ. А того князю Семену и Андрею велѣти беречи накрѣпко, чтобы къ цесареву послу и къ его людѣмъ Нѣмцы, и Литва, и всякіе иноземцы и Руские люди, опричь тѣхъ дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно у нихъ быти, или кого по приказу пришлютъ, не приходилъ никто, никаковъ человѣкъ, и не розговарили съ нимъ ни о чемъ; а будетъ кто придетъ къ посольскому двору на дворъ Руской человѣкъ, или Нѣмчинъ, или Литвинъ, или иной какой иноземецъ, и имъ велѣти того поимати и привести въ посольской приказъ. А которые рѣчи посолъ съ ними поговоритъ, и князю Семену сказати про то Государю, Царю и Великому Князю. А пословыхъ людей безъ докладу съ двора пускати не велѣти. А учнетъ будетъ посолъ говорити о томъ, чтобъ людей его съ двора пускали, или въ торгъ похочетъ послати, и князю Семену говорити, что онъ еще у Государя не былъ, а какъ будетъ у Государя, и тогды всякая повольность будетъ его людемъ. И будучи князю Семену у цесарева посла, провѣдывати и съ нимъ говорити: гдѣ нынѣ Цесарь и братъ его Максимиліянъ, и грамота и рѣчью приказъ ко Государю отъ Максимиліяна о какихъ дѣлѣхъ съ нимъ есть ли, и сколь давно онъ пошолъ отъ Цесаря? и съ кѣмъ нынѣ у Цесаря война, и съ кѣмъ въ миру? и на каковѣ мѣрѣ у Цесаря, и у брата его Максимиліяна съ Жигимонтомъ Королемъ Польскимъ и съ Великимъ Княземъ Литовскимъ, и съ Коруною Польскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и коимъ обычаемъ Цесарь далъ за Жигимонта Короля племянницу свою, и что про Жигимонта Короля у нихъ слуху: быти ли ему назадъ на Польское Королевство, или быти ему впередъ на Свѣйкомъ Королевствѣ, и будетъ не быти ему на Польскомъ Королевствѣ, и впередъ кого, чаятъ, учнутъ обирати на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское? и какъ нынѣ у Цесаря съ Турскимъ дѣло было ль, и какимъ обычаемъ у Турского людей съ цесаревыми людьми

бой былъ, и много ль у Турского людей побили, и чего впередъ Цесарю съ Турскимъ чаяти, и поминки большіе Цесарь къ Турскому посылаетъ ли по прежнему? и какъ нынѣ онъ, Миколай, шолъ черезъ Литву, и дѣло его въ Литвѣ вѣдомо ли, о чомъ онъ ко Государю идетъ, и съ Литовскими паны радными о чомъ о Государьскихъ дѣлѣхъ говаривалъ ли, и какимъ обычаемъ его черезъ Литовскую землю пропустили? Да и того провѣдывати: какъ съ Цесаремъ папа Римской, и Король Ишпанской, и Францовской, и Чешской, и Дацкой, въ докончаньѣ ли, и людьми его кто изъ нихъ спомогаетъ ли? и только станетъ Цесарь и братъ его Максимиліянъ на Турского, или на Коруну Польскую и на Великое Княжество Литовское, и папа Римской ему спомогати людьми хочетъ ли? О томъ о всемъ имъ у посла, и у дворянъ, и у людей ихъ провѣдывати; а что провѣдаетъ, и князю Семену сказывати про то Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи. А будетъ цесарской посолъ спроситъ князя Семена и Андрея: какъ нынѣ Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи съ Жигимонтомъ Королемъ Польскимъ, и съ Коруною Польскою и съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ? и князю Семену и Андрею говорити: Жигимонтъ Король, и Коруна Полькая и Великое Княжество Литовское съ Великимъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи въ перемирьѣ, то тебѣ и самому вѣдомо, какъ еси пріѣзжалъ къ Великому Государю нашему отъ Цесаря Руделфа въ прошломъ въ девяносто седьмомъ году. А будетъ цесаревъ посолъ спроситъ про Турского Салтана, какъ нынѣ Государь съ Турскимъ? и князю Семену и Андрею говорити: Турской Муратъ Салтанъ съ отцомъ Государя нашего, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, былъ въ ссылкѣ и въ любви, а нынѣ Турской Салтанъ съ Великимъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи Самодержцомъ, по тому жъ въ ссылкѣ, и посланники отъ Турского у Великого Государя нашего бываютъ, а нынѣ ко Государю идетъ отъ Турского Муратъ Салтана посланникъ Резванъ Чеушъ. А будетъ посолъ не учнетъ о той статьѣ спрашивати, и ему самому о томъ не говорити. А нѣчто спроситъ про Крымского Царя приходъ, и какъ нынѣ Крымской Казы-Гирѣй Царь съ Государемъ? и князю Семену и Андрею говорити: Крымской Казы-Гирѣй Царь присылалъ ко Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу послов своихъ, Исѣя князя Перекопского да Алла-Бердѣя мурзу Сеферева съ товарищи, просячи того, чтобъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, былъ съ нимъ, съ Казы-Гирѣемъ Царемъ, въ братствѣ и въ любви на вѣки, и правду Государю на томъ далъ, и шерть учинилъ; и въ девяносто девятомъ году, ту свою правду и шерть поруша, приходилъ во Государя нашего землю, собрався со многими людьми съ Крымскими, и съ Ногайскими Казыева улуса, и съ Бѣлогородцы, и съ Азовцы, и съ Очаковцы, и съ Добричи, и нарядъ и Янычене съ нимъ Турского были съ вогненымъ боемъ; а шелъ Царь прямо къ Москвѣ, полки воины не розпу-

щая, съ нимъ было всякихъ людей больши полутораста тысячь. И Великіі Государь нашъ, Его Царское Величество, посылалъ встрѣчю противъ Царя шурина своего, слугу, конюшего, боярина, и воеводу дворового, и намѣстника Казанского и Асторохански Бориса Өедоровича Годунова, и многихъ бояръ и воеводъ со многими людьми съ своимъ царскимъ Дворомъ и съ вогненымъ боемъ; а большіе рати Государя нашего въ то время не было въ собраньѣ, потому что Великій Государь нашъ царева безвѣстного приходу не чаялъ. И Царского Величества шуринъ, слуга, конюшеі, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохански Борисъ Өедоровичь Годуновъ, сшедчися съ береговыми бояры и воеводы, съ бояриномъ и воеводою и съ намѣстникомъ Володимерскимъ, со княземъ Өедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ съ товарищи, съ Царемъ полки съ полки бились день весь, и многихъ людей у Царя побили, и въ языцѣхъ многихъ именитыхъ людей поимали, и самого Царя ранили. И Царь, розведчи люди въ ночи, сталъ отшедчи полки. И Царского Величества шуринъ, слуга, конюшеі, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохански Борисъ Өедоровичь Годуновъ и всѣ бояре и воеводы пошли за Царемъ. И Царь, увидѣвъ походъ за собою государева шурина, слуги, и конюшего, боярина, и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Астороханского Бориса Өедоровича и многихъ бояръ и воеводъ, въ ночи до свѣта побѣжалъ со всѣми людьми съ великимъ страхованьемъ, и прибѣжавъ къ рѣкѣ, почалъ многими людьми метатися въ воду, и возки свои Царь, въ которыхъ самъ ѣхалъ, и многую рухлядь и лошеди потопилъ и пометалъ; а однимъ днемъ верстъ до осмидесять до Оки рѣки бѣжалъ, а въ ночи и рѣку перелѣзъ; а на другой день столько жъ бѣжалъ. И Царского Величества шуринъ, слуга и конюшеі, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Астороханской Борисъ Өедоровичь Годуновъ изъ своего полку посылалъ за Царемъ легкихъ воеводъ съ рѣзвыми людьми, съ вогненымъ боемъ; и они Крымскихъ людей, которые за Царемъ шли съ лутчими людьми, въ отводѣ, сшедчи ихъ за Тулою на полѣ, побили многихъ людей, и потоптали ихъ, и гоняли до царевыхъ полковъ, и языки у нихъ многіе поимали; а взяли въ языцѣхъ до тычячи человѣкъ. И пошолъ Царь изъ государевы земли съ великимъ страхомъ и съ убыткомъ. И какъ Казы-Гирѣй Царь пришолъ изъ Государя нашего земли, и онъ тотчасъ прислалъ къ Великому Государу нашему пословъ своихъ Ибраимъ-Азѣя да Ямгурчѣя-Аталыка съ великимъ прошеньемъ, чтобы Государь, отставя всѣ его досады, былъ съ нимъ въ ссылкѣ по прежнему; а онъ съ Государемъ нашимъ и по смерть по свою будетъ въ дружбѣ. И нынѣ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ Казы-Гирѣемъ Царемъ въ ссылкѣ, и гонцы Казы-Гирѣевы царевы на Москвѣ Алла-Бердей мурза Сеферовъ да Ямгурчѣй-Аталыкъ. А нѣчто учнетъ цесаревъ посолъ спрашивать о Свѣскомъ, какъ нынѣ Государь, Царь и Великій Князь съ Свѣйскимъ Королемъ? и князю Семену и Андрею говорити: Свѣйской Яганъ Король присылалъ къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величе-

ству бити челомъ, чтобы Государь нашъ велѣлъ съ нимъ перемирья учинити, хоти на малое время, да и Жигимонтъ Король Польскій и Великій Князь Литовскіи о томъ съ великимъ прошеньемъ ко Государю нашему присылалъ; и Великій Государь нашъ за прошеньемъ Жигимонта Короля, велѣлъ (съ) Свѣйскимъ Яганомъ Королемъ перемирье учинити на два года. А нѣчто посолъ учнетъ спрашивать про новоприбыльные Государства, которые учинилися подъ государевою рукою, и какъ которое Государство зовутъ, и какая съ нихъ Государю дань идетъ, и Заволская орда, большіе Нагаи, во государевѣ ли волѣ?—и князю Семену и Андрею говорити: новоприбылые Государства учинилися подъ государевою рукою: Бухарской Абдула Царь, Иверской Александръ Царь съ братьею своею, съ Грузинскими Цари, Юргенской Азимъ Царь, Изюрской Абдилъ-Аминь Царевичь, Черкаская, Кобардинская земля, Кумыки, Окуки, Барагуни, Абазаерпели, Иминъ-Кизы и Тюмени, и Чорной Князь, и Оварской; а дань съ тѣхъ Государствъ даютъ: какіе узорочья въ которомъ Государствѣ у нихъ есть, тѣ и присылаютъ ко Государю нашему, а куды Государь велитъ имъ на своего недруга итти самимъ, или братью свою и дѣтей съ ратными людьми послати, и они во всей государевѣ волѣ послушны. А Ногаійская орда Заволская во всей государевѣ волѣ подъ его государевою рукою учинилися на вѣки не отступны, и многіе Ногайскіе мурзы у Государя служатъ на Москвѣ, во всемъ, какъ его государевы прироженные холопи; а на которого своего недруга велитъ Государь итти, и они готовы и ходятъ, сколькимъ, имъ Государь велитъ итти».

А лошади посыланы подъ посла и подъ цесаревыхъ дворянъ къ перевозу съ государевы конюшни во всемъ нарядѣ, съ стременнымъ конюхомъ, съ Шихманомъ Косаткинымъ, а являлъ ему и сыну его аргамаки, а дворяномъ мерины отъ слуги и конюшего бояриназ отъ Бориса Ѳедоровича Годунова.

И Сентября въ 20 день, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, цесареву послу Миколаю Варкачю велѣлъ быти у себя, у Государя, на дворѣ. А посыланы по него приставы его, князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинфовъ. А пріѣхавъ посолъ ко Государю на дворъ, ссѣлъ съ лошеди у мостковъ, противъ другого окна казенные полаты, и шелъ посолъ Благовѣщенскою папертью. А Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи въ тѣ поры былъ въ середней подписной въ золотой полатѣ, въ царскомъ платьѣ; при государѣ были рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чѣпяхъ; а у Государева мѣста выше рындъ съ правую сторону стоялъ слуга и конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, а по лѣвую сторону бояринъ и дворетцкой Григорей Васильевичь Годуновъ. А бояре сидѣли по мѣстомъ въ золотномъ платьѣ, въ большой лавкѣ: бояринъ князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, князь Василей Ивановичь Шуйской и иные бояре, и окольничіе и дворяне думные. А по другую сторону въ лавкѣ: бояринъ Дмитрей Ивановичь Годуновъ, бояринъ Степанъ Васильевичь Годуновъ, и иные бояре, и окольничіе и дворяне. А на

окольничемъ мѣстѣ сидѣли дворяне большіе и въ сѣнѣхъ въ проходной полатѣ. А дворяне, и приказные люди и діаки сидѣли въ золотномъ платьѣ; а по крыльцу, и у Благовѣщенья въ паперти и на середней лѣсницѣ по обѣ стороны стояли выборные дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе и польячіе, въ золотномъ и въ чистомъ платьѣ. А стрѣльцы стояли съ ручницами отъ Благовѣщенскіе паперти и отъ середніе лѣсницы по обѣ стороны до Фроловскихъ воротъ и по Ильинскому Крестцу до Ильинскихъ воротъ. А какъ посолъ вшелъ на переходы, и встрѣча была послу, вышедъ изъ сѣней изъ проходные полаты на рундукъ: князь Меркурей Щербатой да діакъ Ѳонасей Демьяновъ. А какъ посолъ вшелъ къ Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударить околничей князь Иванъ Великого-Гагинъ, а молвилъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ! брата твоего Руделфа Цесаря посолъ Миколай Варкачь тебѣ, Великому Государю, челомъ ударилъ».

И Царь и Великій Князь звалъ посла къ руцѣ, и посолъ, бывъ у руки, правилъ Государю отъ Руделфа Цесаря поздравленье, а молвилъ: «Вашей Пресвѣтлости братъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Цесарь Римской, всегда прибавитель Царствію, Нѣмецкій, Угорскій, Чешькій, Далматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій и иныхъ,—Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Царю Казанскому и Асторохайскому и иныхъ, Ваше Пресвѣтлѣйшество поздравляетъ, и здоровье велѣлъ видѣть, а про свое сказати, и велѣлъ поклонитися».

И Царь и Великій Князь, приподывся, спросилъ о цесаревѣ здоровьѣ: братъ нашъ дражайшій Руделфъ Цесарь по здорову ль? И посолъ говорилъ: «дай Господи, ты, Государь, здоровъ былъ на многіе лѣта, а какъ язъ поѣхалъ отъ Государя своего, отъ Цесарского Величества, и онъ, далъ Богъ, въ добромъ здоровьѣ». Да подалъ посолъ грамоту вѣрющюю.

И Царь и Великій Князь велѣлъ грамоту приняти дьяку Андрею Щелкалову.

А подавъ грамоту, посолъ Миколай Варкачь говорилъ: «Вашему Пресвѣтлѣйшеству Государь нашъ, Цесарское Величество, поздравляетъ съ Богомъ дарованною вамъ Царевною Ѳеодосьею на многіе лѣта, и желаетъ того, чтобъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству впередъ Богъ далъ ча(до)родіе, и во многолѣтномъ бы есте здоровьѣ счастны были на своихъ Государствахъ».

И Царь и Великій Князь велѣлъ діаку Андрею Шелкалову спросить посла: опричь грамоты, рѣчью съ нимъ приказъ о какихъ дѣлѣхъ есть ли?

И посолъ сказалъ, что рѣчью съ нимъ приказъ отъ Цесарского Величества о многихъ о великихъ дѣлѣхъ, а пришлетъ всѣмъ тѣмъ рѣчемъ писмо; и Государь бы тѣ рѣчи велѣлъ выслушать, и милостивной свой отвѣтъ велѣлъ учинить; а нынѣ написати ихъ не успѣлъ.

И Царь и Великій Князь велѣлъ діаку Андрею Щелкалову сказать послу, что грамоту вычетчи и рѣчи, которые будутъ за нимъ, выслушавъ, отвѣтъ велитъ учинить инымъ временемъ.

И, по государеву приказу, Андрей говорилъ: Миколай! Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, велѣлъ тебѣ говорити: «подалъ еси нашему Царскому Величеству отъ брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря грамоту, и мы грамоту твою вычтемъ; и которые будутъ рѣчи за тобою, и мы ихъ выслушать велимъ, и отвѣтъ тебѣ учинити велимъ инымъ временемъ». Да велѣлъ послу сѣсти на скамейкѣ, а скамейка была послу по тому жъ, какъ и Литовскимъ большимъ посломъ. Да звалъ Государь къ руцѣ дворянъ цесаревыхъ.

А послѣ того, являлъ околничей князь Иванъ Гагинъ отъ Цесаря поминки, и посольскіе и дворянскіе поминки. А что поминковъ, и то писано ниже сего. И какъ поминки явилъ, и Царь и Великій Князь велѣлъ послу сказать въ стола мѣсто кормъ. И по государеву приказу Андрей говорилъ: «Миколай! Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего Руделфа Цесаря тебя посла жалуетъ, посылаетъ къ тебѣ съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ стольника своего». И отпустилъ посла на подворье. А съ столомъ посыланъ стольникъ князь Андрей Андреевичь Телятевской, а съ нимъ ключники и стряпчіе. А столъ посыланъ полной на серебряныхъ блюдахъ; а вина красные въ кубкѣхъ, а меды красные и бѣлые въ бочкахъ, а что посылано ѣствы и питья, тому писмо на Большомъ Дворцѣ.

А се переводъ съ цесаревы Руделфовы грамоты къ Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, съ посломъ его съ Миколаемъ Babкачемъ, (лѣта) 102, Сентября въ 20 день: «Мы, Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, всегда прибавитель Царствію Нѣметцкому, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлевонскій Король, Арцыарцукъ Аустрѣйскій, Арцукъ Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Карнскій, Крайнскій, Лицемборскій, Витемборскій, вышніе и нижніе Слязскіе земли, Князь Швабскій, Малграфъ святого Римского Царствія, Бургавскій, Мерскій, вышніе и нижніе Ляузницкіе земли, Князь и Графъ Аузбурскій, Тирольскій Фиртцкій, Кибурскій, Хортцкій, Графъ Элсетцкій, Государь Вендѣйскіе страны, Портонавскій, Соленитцкій,— извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Өедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Царю Казанскому и Асторохапскому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому и иныхъ, нашему опричеппо любительному брату и пріятелю. Посылаемъ къ Вашей Любви, чти укрѣпленного нашего вѣрного и любительного Миколая Варкача съ Нопчицъ изъ Вилемздорфу, а съ нимъ наказали есмя о всякихъ о обчихъ о великихъ дѣлѣхъ дѣлати и становить, которые намъ обоимъ Великимъ Государемъ и всему Хрестьянству къ покою належатъ; и вашу любовь братьскую и пріятельскую тѣмъ своимъ писаньемъ воспоминаемъ; и что учнетъ онъ говорити, и Ваша бъ Любовь его милостивно выслушали, какъ насъ самихъ, и во всемъ ему вѣрили, и на

его на всѣ рѣчи милостивной и любительной пріятельской отвѣтъ учинили. А мы надежны на Вашу Любовь, и то намъ будетъ отъ Вашіе Любви въ великую братцкую любовь и пріятельство, и всему Хрестьянству будетъ къ прибытку, и противъ того всегда есмя готовы всѣмъ добромъ и братцкою любовью отдавать. Писанъ нашего Королевства въ городѣ Прагѣ, 9-го дня Апрѣля мѣсяца, въ году 1593-го; нашего Государства Римского 18-го, Угорского 21-го, Чешского 18-го.» А внизу написана цесарева рука: «Вашей Любви любительный, доброхотный братъ Руделфъ». А подъ тѣмъ писаны дьячьи руки: «Якубъ Курцъ, Яганъ Борвицусъ» .А на подписи у грамоты написано: «Тому Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ѳедору Ивановичу, Обладателю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Царю Казанскому и Асторохавскому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому и иныхъ, нашему опричено любительному пріятелю и брату».

И Сентября въ 22 день, цесаревъ посолъ Миколаій Варкачь съ приставы, со князем Семеномъ Звенигородцкимъ да съ Андреемъ съ Окинфовымъ прислалъ посольству своему писмо.

А се переводъ съ писма цесарева посла Миколая Варкача на его посольство. «Изначала при прадѣдѣхъ Великихъ Государей нашихъ была дружба и любовь, и въ великой правдѣ межъ собою были; а при нынѣшнихъ при Великихъ и при славныхъ Государѣхъ наипаче братцкая любовь и соединенье. А къ тому Цесарское Величество отъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего брата своего дражайшего и любительного, Государя Царя, ожидаетъ крѣпкой любви и соединенья. Нынѣ они Государи сильные, Великіе, всему Хрестьянству надежа, и вся вселенная на нихъ зритъ; а невѣрные Турки, такъ и иныя Татарове всѣми своими лихими умыслы на нихъ Великихъ Государей противустоятъ, и Хрестьянство потопити хотятъ, и гнѣвъ свой на Хрестьянство напустили хотятъ. Въ прошлыхъ лѣтѣхъ, тому больши ста лѣтъ, гонитель хрестьянской Салтанъ Турской многіе сильные Государства хрестьянскіе поималъ и запустошилъ, и привелъ ихъ подъ свою гонительную, проклятую, беззаконственную руку, и церкви хрестьянскіе въ разореніѣ учинилъ своимъ гонительствомъ. И нынѣ онъ гонитель таковъ же силенъ, потому что межъ хрестьянскихъ Государей была розвь и несоединенье; а то все было на его гонительскую руку и по счастскомъ, а Хрестьянству въ то время непокой былъ. И нынѣ Цесарское Величество то велѣлъ извѣстити всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ и Королемъ, чтобъ они такого гонителя на себя не наводили, и не ожидали такой притчи, которая сегодни надъ тѣмъ Государемъ учинилася, а завтра надъ инымъ мочно учинити. А нынѣ время великое, чтобы всѣ хрестьянскіе Государи на то призрили, и руки свои разпространили для братцкіе любви, межъ собя въ дружбѣ и въ соединеньѣ были, и стояли бъ заодно противъ гонителя хрестьянского; въ томъ бы межъ собя укрѣпилися, чтобы въ тѣ поры гонителю хрестьянскому, которой находитъ съ великою силою на Цесарское Величество, и хрестьянскіе бъ Государи всѣ въ соединеньѣ и въ любви были, и помочь свою учинили Цесарскому Величеству на недруга и

гонителя хрестьянского. А Цесарское Величество, по братцкой вѣрной любви, съ великою надежею извѣщаетъ Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, какъ Его Пресвѣтлѣйшество въ прежніе лѣта въ розныхъ своихъ листѣхъ противъ недруга хрестьянского подвигъ свой объявилъ, что Его Пресвѣтлѣйшество съ великою своею силою хотѣлъ супротивитися, а свыше того радѣетъ о Цесарскомъ Величествѣ Римскомъ, и хотѣлъ всѣхъ хрестьянскихъ Государей на то наводити, чтобъ были въ любви и въ соединеньѣ; и нынѣ бъ Его Пресвѣтлѣйшество свой православной хрестьянской подвигъ объявилъ, и показалъ во всякихъ дѣлѣхъ Римскому Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству, чтобъ не одному Цесарскому Величеству о томъ радоватись, и всему Хрестьянству о томъ радоватися, и Его Царскому Величеству бити челомъ, и хвалити и славити. А коли Его Пресвѣтлѣйшество въ воіінѣ пребывалъ съ бывшимъ съ Свѣйскимъ Королемъ Яганомъ, и въ тѣ поры кровопролитіе было много, да и по ся мѣсто не замирено; а нынѣ Римское Цесарское Величество подвиженъ межъ Пресвѣтлѣйшего Велеможнѣйшего Государя Царя и межъ нынѣшнего Короля Жигимонта Полского и Свитцкого, и хочетъ ихъ замирити, и во всемъ Царскому Величеству радѣти и доброхотати, чтобъ Его Пресвѣтлѣйшество съ нынѣшнимъ Королемъ съ Жигимонтомъ Свійскимъ и съ Свійскимъ Королевствомъ велѣлъ вѣковой миръ и покой учинити. А Цесарское Величество Римское, Его Пресвѣтлѣйшество и Велеможество, по великой братцкой пріятельской любви, проситъ, чтобъ Его Пресвѣтлѣйшество покой постановити велѣлъ, и къ брату своему къ Цесарскому Величеству Его Царское Величество извѣстити велѣлъ, чтобъ Его Цесарскому Величеству вѣдомо было, на чемъ съ Свѣйскимъ замирятъ, а съ Божіею помочью, по повелѣнію обѣихъ Государеі, къ доброму докончанью будетъ и совершится. И потомъ будетъ путь свободенъ ссылатись межъ собя на всѣ стороны, и съѣзжатися повольно, въ кою пору надобно, и для такого соединенья тѣ дороги будутъ отперты и изготовлены. А Цесарское Величество, не хотя видѣти непокою во Хрестьянствѣ, только бъ съ Турскимъ протянулося до трехъ лѣтъ перемирье, и въ тѣ бы поры всему Хрестьянству соединачитись и утвердитися. А корабли крѣпкіе, въ которыхъ ходить на морѣ воинскою силою и воевати розные многіе мѣста, Цесарь велѣлъ въ розныхъ мѣстѣхъ дѣлати. А какъ будетъ все на готовѣ, и въ то время хочетъ Цесарь послати къ Салтану съ тѣмъ, что(бъ) отдалъ земли его, которые поималъ, и вспоменути его измѣну, что онъ свою шерть и обѣщаніе рушитъ; а въ тѣ три годы Его Цесарское Величество хочетъ перемѣшкать. А въ нынѣшнемъ году Іюня въ 22 день, Римского Цесарского Величества люди побили пашу со всѣми людьми. А Іюня въ 27 день, Цесарского Величества люди взяли у Турского новопост(ав)леной городъ, словетъ Новая Петрина, а въ немъ было три тысячи Турскихъ людей. А Іюля въ 5 день, побили Цесарского Величества люди Турскихъ людей восмь тысячь человѣкъ да трехъ бекешовъ убили, и для того не чаяти, что имъ перемирье держати. А въ Іюлѣ мѣсяцѣ пришолъ изъ Греческой земли въ Бѣлгородъ Беклер-

бекъ, а съ нимъ шестьдесять тысячь человѣкъ, да съ собою жъ ему взяти пашу изъ Овны, да пашу Темшиварского, да пашу Сигитцкого, и иныхъ со всею ихъ силою, а итти имъ съ тою силою въ Угорскую землю воевать. А Цесарское Величество противъ ихъ рать послалъ же, и что будетъ учинилося, того не вѣдомо. И нынѣ Цесарское Величество проситъ у Его Царского Величества, по братцкой любви, чтобы Его Пресвѣтлѣйшество свою братцкую помочь учинилъ, руку свою распространилъ къ оборонѣ Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству, и свою царскую мысль и доброхотѣніе объявилъ, какъ Его Пресвѣтлѣйшеству покажется, которымъ обычаемъ промышляти надъ бесерменскимъ, то бы Его Царское Величество для Цесарского Величества мнѣ послу прямо объявити велѣлъ; а Римское Цесарское Величество мысль свою и радѣніе Вашего Царского Величества боярамъ объявити мнѣ наказалъ, будетъ послушаютъ. А Цесарское Величество на то ожидаетъ отъ Вашего Царского Величества такіе великіе любви и радѣнія ко всему Хрестьянству, и того до вѣка въ забвеньѣ не поставитъ, и Его Пресвѣтлѣйшеству и Велеможству во всемъ поклоняется, и противъ радѣти и доброхотати всегда подвиженъ».

И Октября въ 2 день, цесаревъ посолъ Миколай говорилъ приставомъ, князю Семену Звенигородцкому да Андрею Окинфову, что есть съ нимъ къ слугѣ, къ конюшему, боярину къ Борису Федоровичю Годунову отъ Цесаря грамота и рѣчью приказалъ о великихъ дѣлѣхъ, и Борисъ бы Федоровичь велѣлъ ему быти у себя; и діакъ Андрей Щелкаловъ сказывалъ про то слугѣ, конюшему, боярину Борису Федоровичю, а Борисъ Федоровичь докладывалъ Государя: какъ Государь указъ свой учинитъ, велитъ ли быти цесареву послу у него на дворѣ?

И Государь, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичь всеа Русіи цесареву послу Миколаю велѣлъ быти у слуги и конюшего, боярина, у Бориса Федоровича на дворѣ и выслушати, что съ нимъ отъ Цесаря приказъ?

И Октября въ 7 день, въ Недѣлю, по Государеву, Цареву и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русіи указу, цесаревъ посолъ Миколай Варкачь у слуги и конюшего боярина Бориса Федоровича Годунова былъ. А посыланы по него приставы его, князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинфовъ. И ѣхалъ цесаревъ посолъ Миколай къ Борису Федоровичю на дворъ мимо посольскіе палаты да мимо Пречистой, позади алтаря; а пріѣхавъ посолъ на дворъ, ссѣлъ съ лошеди, отъѣхавъ съ полсажени отъ воротъ, а дворяне сошли съ лошадей за вороты, и шли на дворъ пѣши. И середи двора встрѣтили цесарева посла Миколая Бориса Федоровича люди, Петръ Юреневъ съ товарищи десять человѣкъ; а другая встрѣча послу была на верхнемъ крыльцѣ Иванъ Волковъ, а съ нимъ десять же человѣкъ. А Борисъ Федоровичь сидѣлъ въ комнатѣ, а въ передней, и въ сѣнѣхъ и по крыльцу стояли Бориса Федоровича дворяне въ чистомъ платьѣ. А какъ посолъ вшелъ въ комнату, и явилъ его Борису Федоровичю челомъ ударити приставъ большой князь Семенъ Звенигородцкой, а молвилъ: «Великого Государя, Царя и Великого Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, любезнѣйше-

го брата Руделфа Цесаря Римского посолъ Миколай Варкачь тебѣ, слугѣ, конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Θедоровичю Годунову челомъ ударилъ».

И посолъ Миколай Варкачь Борису Θедоровичю отъ Цесаря правилъ поклонъ, а молвилъ: «Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Великого Государя, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, Обладателя всеа Русіи, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского и иныхъ многихъ земель Государя, Его Пресвѣтлѣйшества дражайшій и любезнѣйшій братъ Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Цесарь Римской, всегда Царствію прибавитель, и многихъ земель Государь, тебѣ, Царского Величества ближнему пріятелю, шурину, слугѣ и конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Θедоровичю Годунову велѣлъ поклонитися, и поздравляетъ тебя на многіе лѣта». Да подалъ посолъ Борису Θедоровичю отъ Цесаря грамоту.

И Борисъ Θедоровичь, принявъ грамоту, молвилъ: «Великого Государя, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Его Царского Величества, дражайшего и любезнѣйшего брата, Великого Государя Руделфа Цесаря Римского, на жалованьѣ челомъ бью, и грамоту его любительно пріимаю». Да спрашивалъ Борисъ Θедоровичь о цесаревѣ здоровьѣ: «Великого Государя, Царя и Великого князя Θедора Ивановича всеа Русіи Самодержца, Его Царского Величества дражайшій и любезнѣйшій братъ Руделфъ Цесарь здорово ль»?

И посолъ молвилъ: «какъ есми поѣхалъ отъ Его Пресвѣтлѣйшества, и Цесарское Величество, далъ Богъ, здорово».

А послѣ того, цесаревъ посолъ Миколай правилъ поклонъ Борису Θедоровичю отъ Максимиліяна Арцыкнязя Аустрѣйского, а молвилъ: «Великого Государя нашего, Руделфа Цесаря Римского, Его Пресвѣтлѣйшества любезнѣйшій братъ Максимиліянъ Арцыкнязь Аустрѣйской тебѣ, Царского Величества ближнему пріятелю, шурину, слугѣ, и конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астроханскому Борису Θедоровичю Годунову велѣлъ поклонитися».

И Борисъ Θедоровичь спрашивалъ о Максимиліяновѣ здоровьѣ, а молвилъ: «Великого Государя Руделфа Цесаря любезнѣйшій братъ Максимиліянъ здорово ли»? И посолъ молвилъ: «язъ поѣхалъ, и Его Пресвѣтлѣйшество, далъ Богъ, здорово». Да явилъ посолъ Борису Θедоровичю отъ Максимиліяна поминки: лохань да рукомойникъ серебряны, золочены.

А послѣ того, Борисъ Θедоровичь спрашивалъ о здоровьѣ посла Миколая, и сына его, и дворянъ цесаревыхъ, и велѣлъ имъ сѣсти въ лавкѣ по правую сторону себя.

И, посидѣвъ немного, говорилъ Борисъ Θедоровичь послу: опричь грамоты, съ тобою отъ Руделфа Цесаря рѣчью приказъ есть ли?

И посолъ Миколай говорилъ: «рѣчи со мною отъ Цесарского Величества и отъ брата его Максимиліяна тайные о великихъ дѣлѣхъ, и вамебѣ велеможство велѣлъ мнѣ извѣстити себѣ наединѣ». И Борисъ Θедоровичь велѣлъ приставомъ князю Семену и Андрею, и цесаревымъ дво-

ряномъ и своимъ людемъ, которые при немъ были, вытти вонъ въ переднюю избу; а остался у Бориса Θедоровича одинъ посолъ да переводчикъ Яковъ Заборовской.

И посолъ говорилъ Борису Θедоровичю отъ Цесаря рѣчь, и писмо на тѣ свои рѣчи прислалъ: «Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, Обладателя всеа Русіи, ближнему пріятелю, шурину, слугѣ, и конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому Борису Θедоровичю Годунову Цесарское Величество велѣлъ извѣстити: первое, о соединеньѣ, чтобъ учинити соединенье на Турского, и приговоря, закрѣпити; а что Его Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя, Царя, Обладателя всеа Русіи и иныхъ многихъ земель Государя, тщательной подвигъ, и радѣніе, и мысль къ тому доброму дѣлу, чѣмъ такое великое дѣло начати, и чтобъ съ Божією помочью счастливо совершити,— а Римское Цесарское Величество во всемъ о такомъ о великомъ дѣлѣ надежю держитъ, чтобъ Пресвѣтлѣйшій Государь Царь многихъ земель Государь, слышевъ такую великую неправду отъ Турского, что онъ шерть рушитъ, и Угорское Королевство моего милостивого Государя Цесарского Величества воюетъ, и Государь бы Царь въ томъ руку подалъ по братцкому обычаю, и помочь учинилъ, чтобъ противъ такого гонителя христьянского скоро противу его стати; въ томъ бы Государь Царь любовь свою показалъ. О томъ Римское Цесарское Величество, мой милостивый Государь тебѣ, велеможнѣйшему государю Борису Θедоровичю, мнѣ велѣлъ извѣстити, чтобы ты, какъ есть хрестьянской велеразумной ближней пріятель Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя Царя, многихъ земель Государя, Его Царскому Величеству печаловался, и во всемъ порадѣлъ, чтобъ Цесарскому Величеству отъ Государя Царя братцкая помочь и радѣніе было, потому что Его Пресвѣтлѣйшеству и Велеможству Государю, Царю и многихъ земель Государю то легко и возможно учинити, что Его Пресвѣтлѣйшество отъ Бога дарованъ такой Великой Государь во Хрестьянствѣ крѣпостію и силою и имѣніемъ передъ иными Государи. А Цесарское Величество, мой милостивый Государь, Государю Царю, любительному и дражайшему брату своему того во вѣки не забудетъ, да и не оставитъ въ предъидущіе времена, гдѣ будетъ годно и мочно по братцкой по пріятельской любви отплатити, да и твоему величеству, государю Борису Θедоровичю Цесарское Величество всегда подвиженъ хвалити и и славити безъ забвенья. Да Государь же мой, Цесарское Величество мыслитъ по хрестьянской и братцкой любви, чтобъ вѣковой миръ былъ межъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя Царя и Короля Свѣйского, о томъ добрѣ радѣетъ и промышляти хочетъ, для того чтобъ во Хрестьянствѣ покой былъ, а поруха и помѣшка бы не была; и въ которое время соединенье будетъ во Хрестьянствѣ, чтобъ всѣмъ заодно стоять на Турского, а впередъ бы розни не было межъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя Царя и межъ Свѣйского Короля, что къ инымъ добрымъ дѣломъ годно обѣма Государемъ, въ томъ во всемъ радѣетъ Цесарское Величество, и промышляти о всемъ подвиженъ; и будетъ Пресвѣтлѣйшему Велеmож-

нѣйшему Государю Царю такое дѣло годно, и подвиженъ къ тому, и Цесарское Величество хочетъ въ томъ начало доброму дѣлу замыслить; а Свѣйского бы хотѣнье также было. И будетъ Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Государь Царь Цесарскому Величеству въ такомъ дѣлѣ повѣритъ по братцкой любви, и въ томъ на него положится, чтобъ Цесарское Величество Государя Царя замирити съ Свѣйскимъ,—и Цесарское Величество въ томъ не учнетъ платитись, и за то дѣло тотчасъ пріиметсся, свѣдомо й изволеніемъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя Царя, также и Свѣйского Короля. А срокъ бы и мѣсто учинить, гдѣ Пресвѣтлѣйшего, Велеможнѣйшего Государя Царя вѣрнымъ посломъ съѣхаться съ Свѣйскими послы, и тутъ бы выразумѣти Государя Царя мысль, на чомъ вѣковоі миръ хочетъ съ Свѣйскимъ учинити, про межъ ими всякіе дѣла сдѣлати въ то время, какъ будетъ мочно, и, Божіею милостію, обѣихъ Государеі во хрестьянской покоі привести. А Цесарское Величество въ томъ мирномъ постановленьѣ хочетъ привести, и Свѣйского Короля на то утвердить, что ему во вѣки съ Турскимъ и съ Крымскимъ ни въ какой дружбѣ не быти, и не надѣеться на нихъ, и не знаться съ ними; а обсылки, которые будутъ отъ Пресвѣтлѣйшихъ и Велеможнѣйшихъ Государей въ которые страны, и онъ бы въ томъ ни въ чемъ не мѣшалъ, а прочилъ бы и радѣлъ объ нихъ. Потомъ милостивыі Государь мой, Цесарское Величество брату своему любезнѣйшему, Его Пресвѣтлѣйшеству, Велеможеству, Государю Царю, и многихъ земель Государю и Обладателю веса Русіи велѣлъ извѣстити, чтобъ Государь Царь Крымскихъ Татаръ отводилъ, и помѣшку бы имъ учинилъ, и унялъ ихъ, чтобъ они съ Турскимъ заодно не приходили на Римского Цесарского Величества въ Угорскую землю; также бы Его Пресвѣтлѣйшество Персидцкого Шаха наводилъ на то, чтобъ онъ николи съ Турскимъ не помирился. Да Цесарскому жъ Величеству моему милостивому Государю казаки Низовскіе били челомъ, которые, въ понизовьѣ пребываютъ, а хотятъ быти въ Угорскую землю и служити противу Турского; о томъ Цесарское Величество наказали мнѣ вашему велеможеству, государю Борису Өедоровичю Годунову спросити: тѣ казаки Государю Царю вѣрою и правдою служатъ ли, и въ его государевѣ землѣ по границамъ смирно ли пребываютъ? И будетъ они Государя Царя ни въ чемъ не розгнѣваютъ, а служатъ правдою, и межъ царскихъ людей и межи ими никоторое лихо не живетъ, и Римское Цесарское Величество ихъ мыслитъ пріимати и послати ихъ противу Турского. Да вашему велеможству высоты, государю Борису Өедоровичю вѣдомо, что есмя по приказу Цесарского Величества, моего милостивого Государя, о Лукашѣ о Павлусовѣ извѣщалъ, потому что Римское Цесарское Величество хочетъ его видѣти при своемъ Дворѣ: для Руского языку надобенъ онъ; и промышляетъ того любительно, чтобъ его отпустили со мною вмѣстѣ. Да въ недавные лѣта извѣщано Римскому Цесарскому Величеству про торгового человѣка про Индрика про Крамера, что деи онъ присыланъ съ торгомъ къ Пресвѣтлѣйшему Велеможному Государю, блаженные памяти, къ Ивану Васильевичю веса Русіи, а одинъ изъ нихъ назывался цеса-

ревымъ посломъ, а Крамера княземъ слылъ, тому осмнадцать лѣтъ. И будетъ такое дѣло учинилося Цесарского Величества имянемъ, и ему за то быти кажнену; а Цесарское Величество, мой милостивой Государь, мнѣ наказали твоему велеможству высоты, Борису Θедоровичю про то извѣстить, чтобы твое велеможство приказалъ канцлеру про то сыскати, будетъ такая омана ссталася, про то бы мнѣ подлинно Цесарскому Величеству донести умѣти, что въ томъ дѣлѣ сила?

И слуга и конюшеій бояринъ Борисъ Θедоровичь, выслушавъ рѣчей у цесарева посла, говорилъ: «Миколаій! Которые еси рѣчи говорилъ мнѣ Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Его Царского Величества отъ дражайшего и любезнѣйшего брата отъ Руделфа Цесаря, и язъ тѣ твои рѣчи всѣ до Великого Государя нашего, Его Царского Величества, донесу, и о томъ Его Царскому Величеству учну бити челомъ и молити, чтобы съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ братомъ своимъ съ Руделфомъ Цесаремъ противъ непріятелей вѣры христьянскіе сталъ заодно, и помочь во всемъ брату своему Руделфу Цесарю учинилъ». А послѣ того Борисъ Θедоровичь говорилъ: «Миколаій! Пригоже было мнѣ тебя, для Цесарского Величества жалованья, у себя подчивати, да зашли васъ нынѣ многіе великіе дѣла Царского Величества, и язъ посылаю къ тебѣ съ столомъ». И отпустилъ посла на подворье; а встрѣчники провожали посла до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали. А какъ посолъ отшолъ отъ лѣсницы, и Борисъ Θедоровичь велѣлъ его почтити, лошедь подвести середи двора; а дворяне цесаревы сѣли на лошеди по прежнему, за вороты. А съ столомъ посыланъ Бориса Θедоровича приказной человѣкъ Курбатъ Хвостовъ, а столъ посыланъ на серебреныхъ блюдахъ, а вина и меды красные въ кубкахъ и въ оловянникѣхъ.

А се переводъ съ цесаревы Руделфовы грамоты къ слугѣ и конюшему боярину къ Борису Θедоровичю Годунову съ посломъ его съ Миколаемъ, лѣта 102-го, Октября въ 7 день: «Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, по вся времена прибавитель Царствію. Благородный и опричеянолюбительной Борисъ Θедоровичь! Послалъ есмя нынѣ къ Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Θедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцому и иныхъ многихъ земель Государю, нашему опричеянолюбительному пріятелю и брату къ его Любви, чти укрѣпленнаго нашего и вѣрнаго любимаго Миколая Варкача съ Нопчицъ изъ Вилемдорфа, о великихъ дѣлѣхъ, которые не одно намъ годно, и всему Христьянству, какъ будетъ отъ него выразумѣете, къ благоугодью. А прежъ сего намъ вѣдомо учинилося твой тщательный подвигъ и о Христьянствѣ радѣніе, и множествомъ хвалятъ твою любовь къ намъ. А мы больши того начаемся отъ васъ такого подвига и радѣнія въ нынѣшнихъ дѣлѣхъ, объявите нашему посланному Варкачю въ тѣхъ дѣлѣхъ, которые есмя ему велѣли исправить. А того есмя не могли утаити, что васъ тѣмъ письмомъ не извѣстить, и свыше того есмя ему наукъ дали, чтобъ онъ тебѣ все открылъ, а вашу бъ мысль и науку во всемъ слушалъ и внималъ, что съ нимъ прикажешь. А наше хотѣнье отъ васъ, чтобъ естя тому нашему

посланному вѣрили, какъ намъ самимъ на лицо, да и во всемъ свою мысль, и доброхотѣніе и помочь ему объявили, какъ есмя надежю отъ васъ въ томъ во всемъ ожидаемъ и тое вашу тщательную любовь пріимаемъ отъ васъ любительно. А мы тебѣ таково жъ подвижны во всѣхъ дѣлѣхъ доброхотати.—Писана въ нашемъ королевскомъ градѣ въ Прагѣ, мѣсяца Апрѣля въ 9 день, лѣта 1593-го; Государства нашего Римского 18-го, Угорского 21-го, Чешского 18-го». На низу у грамоты рука цесарева «Руделфъ». А на подписи у грамоты написано:« Благородному нашему оприченнолюбительному Борису Θедоровичю Годунову, Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Царя Θедора Ивановича, Обладателя всеа Русіи, Великого Князя Владимерского, Московского, Новгородцкого и иныхъ многихъ земель Государя, нашего оприченного любительного пріятеля и брата, таиному думцѣ и начальному боярину».

Октября въ 8 день, сказывали бояромъ цесарева посла приставы князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинфовъ, что приказывалъ съ ними цесаревъ посолъ Миколай Варкачь, а велѣлъ извѣстить слугѣ, конюшему, боярину Борису Θедоровичу: приказалъ де съ нимъ, Миколаемъ, Руделфъ Цесарь, какъ будетъ онъ у Государя, а въ то дни время любо будутъ у Государя Кизылбашскіе послы, и ему бъ о томъ извѣстити ближнему государеву пріятелю Борису Θедоровичю, чтобъ Борисъ Θедоровичь, доложа Государя, велѣлъ ему съ Казылбашскимъ посломъ сослатися. И нынѣ у Государя Персидцкого Шаха послы есть, и Царского Величества ближней пріятель Борисъ Θедоровичь, доложа Государя, велѣлъ ему съ Кизылбашскимъ посломъ обослатися дворяниномъ поговорити о Турскомъ дѣлѣ, потому что Персидцкой Шахъ стоитъ противъ Турского также что и Цесарь, а оба они вспоможенья просятъ у Государя.

И слуга, конюшей, бояринъ Борисъ Θедоровичь про то сказывалъ Государю, какъ о томъ Государь указъ свой учинитъ, велитъ ли съ шаховымъ посломъ обослатися?

И Государь, Царь и Великій Князь Θедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ велѣлъ цесареву послу съ Кизылбашскимъ посломъ обослатися дворяны, и того надъ ними провѣдати, что они учнутъ межъ собя о соединеньѣ на Турского говорити.

И Октября въ 12 день, по Государеву, Цареву и Великого Князя Θедора Ивановича всеа Русіи указу, цесаревъ посолъ Миколай Варкачь посылалъ къ Кизылбашскому послу цесарева дворянина Христофора Унрута. И цесаревъ дворянинъ Христофоръ, пріѣхавъ на дворъ къ Кизылбашскому послу, сѣлъ съ лошеди у лѣсницы на нижнемъ приступѣ; и встрѣтили его на нижнемъ крыльцѣ люди Кизылбашского посла, а на верхнемъ крыльцѣ встрѣтили шаховы дворяне, а въ сѣнѣхъ встрѣтилъ шаховъ кречятникъ. А какъ цесаревъ дворянинъ вшелъ въ компату, и Кизылбашской посолъ Ази Хосровъ и приставы Образецъ Вахромѣевъ, да переводчикъ Татарской Вельяминъ Степановъ встрѣтили цесарева дворянина середи компаты. И Христофоръ, вшедъ, отъ цесарева посла отъ Миколая шахову послу Ази Хосрову правилъ поклонъ, а молвилъ: «Наяснѣйшего и Велеможнѣйшего Государя нашего Руделфа втораго, Божіею милостію Цесаря Римского, всегда прибавителя Царствія, Нѣмецкого, Угорско-

го, Чешского, Долмацткого, Кроатцкого, Шлявонского и иныхъ, Его Цесарского Величества посолъ Миколай Варкачь Напясвѣйшего и Велеможнѣйшего Государя, Персидского Шаха Аббасова Величества послу, тебѣ, Ази Хосрову, велѣлъ поклонится, и велѣлъ о твоемъ здоровьѣ спросити».

И Ази Хосровъ молвилъ: «Великого Государя Цесарева Величества посла Миколая Варкача, какъ Богъ милуетъ»? Да съ Христофоромъ карашевался, и спрашивалъ его о здоровьѣ.

А послѣ того цесаревъ дворянинъ Христофоръ говорилъ рѣчь по писму: «Всѣхъ Пресвѣтлѣйшій и Велеможнѣйшій Государь Руделфъ, Цесарь Римскій, всегда прибавитель Царствію, ко Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Өедору Ивановичю всеа Русіи, Обладателю многихъ Государствъ, прислалъ меня, посла своего Миколая Варкача, о многихъ о великихъ дѣлѣхъ; и язъ Миколай билъ челомъ Царского Величества ближнему пріятелю Борису Өедоровичю, чтобъ, доложа Государя, велѣлъ мнѣ съ тобою, съ шаховымъ посломъ, обослатися. И Борисъ Өедоровичь о томъ печаловался Великому Государю; и Царское Величество, по печалованью и по прошенью ближнего своего пріятеля, шурина, слуги, и конюшего, боярина, и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохавского, Бориса Өедоровича Годунова, мнѣ, Цесарского Величества послу, пожаловалъ, велѣлъ съ тобою, Персидцкого Шаха съ посломъ съ Ази Хосровомъ, обослаться. И язъ извѣщаю Государя моего цесарево здоровье твоему Государю Персидцкому Шаху, также желаю отъ тебя твое Государя здоровье слышети; а мой милостивый Государь Цесарь объ шаховѣ добромъ пребываньѣ и о здоровьѣ радуется. И потомъ тебѣ извѣщаю, что Цесарево Величество со Пресвѣтлѣйшимъ и Велеможнѣйшимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Өедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, живутъ въ великоі дружбѣ и въ пріятельской любви; также Его Пресвѣтлѣйшество, Великій Государь, Царь, и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, съ Великимъ Государемъ Персидцкимъ Шахъ Аббасомъ живетъ въ дружбѣ и въ соединеньѣ; а Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, Великій православный Государь, Римскому Цесарскому Величеству другъ и пріятель: и Римское Цесарское Величество того жадаетъ, чтобы ему съ Шахомъ Персидцкимъ также въ дружбѣ и въ соединеньѣ быти. А о тѣхъ о обоихъ о Велеможныхъ Государѣхъ радѣетъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, шуринъ, слуга, и конюшеі, бояринъ, и воевода дворовоі, и намѣстникъ Казанской и Асторохавской Борисъ Өедоровичь Годуновъ, и всякіе дѣла до Царского Величества доноситъ. И Персидцкой бы Шахъ похотѣлъ съ Государемъ нашимъ, съ Цесарскимъ Величествомъ, ссылки и соединенья, и слалъ бы къ Цесареву Величеству черезъ Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя, Царя и Великого Князя землю пословъ своихъ; а Римское Цесарское Величество учнетъ также, по изволенію Царского Величества, черезъ его государеву землю къ Персидцкому Шаху пословъ своихъ посылати, о томъ чтобъ имъ, Государемъ, быти въ дружбѣ и въ любви и въ соединеньѣ, и стояти за-

олно на грозного Салтана Цареградцкого».

И Кизылбашской посолъ говорилъ: «изначала межъ Московскихъ и Персидцкихъ Государей ссылки бывали о братствѣ и о дружбѣ; а нынѣ Великій Государь нашъ, Шахъ Аббасово Величество, по прежнимъ ссылкамъ, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, прислалъ меня, посла своего Ази Хосрова, съ великимъ молепіемъ просити того, чтобъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Шахъ Аббасово Величество принялъ къ себѣ въ любовь, и велѣлъ бы ему съ собою быти въ братствѣ и въ любви, и стояти на своихъ и на его недруговъ заодинъ. А положилъ всю надежю Государь нашъ, Шахово Величество, Его Царского Величества на шюрина, слугу, и конюшего, боярина, и воеводу дворового, и намѣстника Казанского и Асторохапского на Бориса Ѳедоровича Годунова, что онъ много разуменъ и справедливъ, и радѣетъ межъ Государей обо всякомъ добромъ дѣлѣ, и имя его и слава во всей Восточной и Полуденной странѣ сіяетъ, и для того положился на всю его волю. И Царского Величества шуринъ, слуга, конюшей, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохапской Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ о Государя нашего, Шахова Величества, дѣлѣ душею и мыслью радѣетъ, и прошенье Государя нашего до Царского Величества доноситъ съ радѣніемъ. И нынѣ его промысломъ Государя нашего, Шахъ Аббасово Величество, желательное все получилося. А къ тому жъ въ нынѣшнее время при мнѣ пришелъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, отъ Великого Государя отъ Руделфа Цесаря посолъ его Миколай Варкачь, и приказывалъ ко мнѣ, чтобъ мнѣ съ нимъ обослатись дворяны, о государскихъ дѣлѣхъ поговорить. И язъ о томъ приказывалъ Царского Величества къ шурину, къ слугѣ и конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Ѳедоровичю Годунову; и Борисъ Ѳедоровичь, радѣя о вобчемъ дѣлѣ Шахова Величества и Цесарева Величества, и хотя межъ ими учинити братство и любовь, доложа Царского Величества, о добромъ дѣлѣ поговорити сослаться поволилъ. И что Цесарева Величества посолъ Миколай Варкачь приказалъ съ тобою, съ Христофоромъ, ко мнѣ, чтобъ межъ Государей нашихъ, Шахова Величества и Цесарева Величества, братство, и любовь и соединенье учинилося, и стояти бъ имъ на недруговъ своихъ заодинъ: и Государю нашему, Шахъ Аббасову Величеству, недругъ Турской, у Государя нашего городы поималъ, и нынѣ Государь нашъ, Шахъ Аббасово Величество, съ Божіею помощью многіе городы назадь у него поималъ, ставится Турскому силенъ: а Цесареву Величеству Турской недругъ же. И Цесарево бъ Величество со Государемъ нашимъ, Шаховымъ Величествомъ былъ въ соединеньѣ, и въ братствѣ и въ любви, и стоялъ бы на Турского со Государемъ нашимъ заодинъ. А Богъ учнетъ миловать, только здорово доѣду до Шахова Величества, и то все Государю своему все розкажю, и Государь нашъ тому добрѣ обрадуется; и какъ къ Великому Государю, Царю и Великому

Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи пошлетъ пословъ своихъ, и язъ начаюся того, что и къ Цесареву Величеству пошлетъ пословъ черезъ государеву землю, и тогды большая любовь и братство межъ Государей нашихъ совершится. И какъ, оже Богъ дастъ, Государи наши, Шахово Величество съ Цесаревымъ Величествомъ, межъ собя сослався послы, и братство и любовь межъ собя укрѣпятъ, а Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи Самодержецъ, что отецъ чадолюбивый, межъ ихъ любовь состављетъ. И только тѣ три Великіе Государи будутъ въ соединеньѣ и станутъ съ одного на Турского, и Турского житье съ часъ не будетъ. И что ты, Христофоръ, у меня слышелъ, что язъ тебѣ говорилъ, и ты, то все извѣсти Цесарева Величества послу Миколаю, а Миколай бы донесъ до своего Государя, Цесарева Величества; а что слышелъ у тебя, то донесу до своего Государя, до Шахова Величества». Да велѣлъ Кизылбашской посолъ цесареву дворянину Христофору сѣсти; и Христофоръ, посидя немного, являлъ отъ посла поминки, а говорилъ; «Великого Государя нашего Руделфа Цесаря Римского посолъ Миколай Варкачь, для любви и вспоминанья, прислалъ къ тебѣ, Шахова Величества послу, Ази Хосрову, поминки свои: часы, да два самопала съѣзжихъ».

И Шаховъ посолъ, Ази Хосровъ, поминки принявъ, подчивалъ Христофора меды красными и велѣлъ ему сѣсти. А посидѣвъ не много, говорилъ Христофору шаховъ посолъ Ази Хосровъ: «Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца жалованьемъ, а Его Царского Величества шурина и слуги, конюшего, боярина, и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохапского, Бориса Өедоровича Годунова радѣніемъ о добромъ дѣлѣ къ соединенью у Великихъ Государей нашихъ, сослався, доброе дѣло говорили есмя; и съ тѣми своими рѣчьми посылаю Цесарева Величества къ послу, къ Миколаю Варкачю, Шахова Величества дворянина, Булатъ-Бега; и Миколай бы, у него выслушавъ тѣ рѣчи, донесъ до Государя своего Цесарева Величества, да и Государя нашего, Шахъ Аббасова Величества, здоровье ему извѣстилъ и поклонъ до него донесъ. А тебѣ, Христофору, даю любовные свои дары». Да положилъ Кизылбашской посолъ на Христофора платно Кизылбашское и отпустилъ его отъ собя; а проводилъ его до полу жъ комнаты.

И того жъ дни, Кизылбашской посолъ Ази Хосровъ, посылалъ къ цесареву послу, къ Миколаю Варкачю, шахова двореница и кречатника Булатъ-Бега. А пріѣхавъ шаховъ двореннинъ на дворъ къ цесареву послу, ссѣлъ съ лошеди у нижнего крыльца; и тутъ встрѣтили его посольскіе люди. А въ сѣнѣхъ встрѣтили его посла Миколая сынъ и цесаревы дворяне; а какъ въ избу вшелъ, и цесаревъ посолъ Миколай встрѣтилъ его середи избы. И шаховъ дворянинъ цесареву послу Миколаю, отъ шахова посла правилъ поклонъ, а говорилъ: «Великого Государя, Шахъ Аббасова Величества, посолъ Ази Хосровъ Великого Государя, Руделфа Цесаря Римского, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ поклонитись, и велѣлъ тебя о здоровьѣ спросити». А послѣ того говорилъ: «Шахъ Аббасова Величества посолъ, Ази Хосровъ Цесарского Величе-

ства тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: присылалъ еси ко мнѣ Великого Государя, Цесарского Величества, дворянина Христофора о великихъ дѣлѣхъ, чтобы Государь нашъ, Шахово Величество, съ Государемъ вашимъ, съ Цесарскимъ Величествомъ, былъ въ любви, и въ дружбѣ, и въ соединеньѣ на Турского заодно, и чтобъ имъ, Великимъ Государемъ нашимъ, послы и посланники ссылатись межъ себя черезъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца землю, и стояти бъ имъ съ Государемъ всѣмъ на Турского единомысленно заодинъ. И язъ, то все слыша отъ тебя, Цесарского Величества, посла Миколая, все до Государя своего, Шахъ Аббасова Величества, безъ забвенья донесу; а ты, Миколаіі, по тому жъ до Государя своего Руделфа Цесаря, безъ забвенья донеси. А нѣчто бъ Богъ велѣлъ намъ видѣти, чтобъ межь Государи нашими была ссылка, и братцкая любовь и соединенье. А Государя нашего, Шахъ Аббасова Величества, надежа во всемъ на Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и на его государева ближнего пріятеля, на шурина, слугу, и конюшего, боярина, и воеводу двороваго, и намѣстника Казанского и Астороханского, на Бориса на Өедоровича Годунова. И которые рѣчи язъ съ дворяниномъ съ цесаревымъ, съ Христофоромъ, къ тебѣ Миколаю приказывалъ, и ты бъ тѣ всѣ рѣчи до Государя своего Руделфа Цесаря донесъ; а которые рѣчи ты ко мнѣ съ цесаревымъ дворяниномъ приказывалъ, и и язъ тѣ твои рѣчи до Государя своего, Аббасъ Шахова Величества, донесу». А изговоря рѣчь, явилъ цесареву послу отъ Шахова посла поминки, а молвилъ: «Великого Государя, Шахъ Аббасова Величества. посолъ Ази Хосровъ для любви прислалъ къ тебѣ поминки: платно Кизилбашское, розные шолки съ золотомъ, двѣ камки Кизылбашскіе, розные шолки съ золотомъ».

И цесаревъ посолъ, поминки принявъ, велѣлъ шахову дворянину сѣсти, и подчивалъ меды красными, и дарилъ его самопаломъ долгимъ, наведенъ золотомъ. А посидѣвъ мало, цесаревъ посолъ говорилъ дворянину: «Булатъ-Бекъ! изговори отъ меня Шахова Величества послу, Ази Хосрову, какъ будетъ онъ у Государя своего, Шахъ Аббасова Величества, и онъ бы отъ Государя нашего, Руделфа Цесаря, Государю своему, Шахъ Аббасову Величеству, поклонъ исправилъ». И отпустилъ шахова дворянина на подворье. А встрѣчники провожали его до тѣхъ же мѣстъ гдѣ встрѣчали.

Октября въ 14 день, Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, велѣлъ цесареву послу Миколаю Варкачю, быти у собя Государя на дворѣ, и отвѣтъ ему учинити на его рѣчи, что онъ говорилъ на посольствѣ и въ писмѣ своемъ написалъ, и что говорилъ слугѣ, и конюшему, боярину, Борису Өедоровичю, будучи у него на дворѣ. А въ отвѣтѣ Государь велѣлъ быти бояромъ: боярину Өедору Никитичю Романову, да боярину, князю Ивану Васильевичю Ситцкому, да діакомъ Андрею да Василью Щелкаловымъ, да Елизарю Вылузгину. А писанъ бояринъ Өедоръ Никитичь намѣстникомъ Псковскимъ, а князь Иванъ Васильевичь намѣстникомъ Нижегородцкимъ.

И того дни, цесаревъ посолъ Ми-

колаій Воркачь у Государя на дворѣ былъ. А посыланы по него приставы, князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинфовъ. А пріѣздъ его ко Государю на дворъ и встрѣчи ему были по прежнему. А какъ вшелъ посолъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударить окольничей князь Иванъ Васильевичь Гагинъ.

И посолъ Миколаій билъ челомъ на государевѣ жалованьѣ, а говорилъ: «Вашему Пресвѣтлѣйшеству Цесаркого Величества язъ посолъ, Миколай, Вашего Царского Величества на жалованьѣ, что еси Государь пожаловалъ, присылалъ съ столомъ, униженно челомъ бью; Вашему Царскому Величеству, на ваши милости, что пожаловалъ,(съ)своей царской тѣши присылалъ съ неищетною своею милостію съ лоси, съ покорностію челомъ бью». А послѣ того говорилъ: «Великіі Государь, Царь и Великіі Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Вашей Пресвѣтлости на неизрѣченной милости, что еси, Государь, пожаловалъ, за печалованьемъ и за челобитьемъ ближнего своего пріятеля, шурина, слуги конюшего, боярина, и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Астороханского, Бориса Ѳеодоровича, велѣлъ мнѣ сослатися Персидцкого Шаха съ посломъ, и язъ, по твоему государеву жалованью, посылалъ Персидского Шаха къ послу цесарева дворянина, а Персидцкаго Шаха посолъ присылалъ ко мнѣ шахова дворянина; и, сослався, говорили о соединеньѣ противъ гонителя христьянского, Турского Салтана; а Ваше Пресвѣтлѣйшество, ты, Великіі Государь, какъ Государю нашему Цесарю, такъ и Шаху Персидчкому, обоимъ Государемъ спомогатель».

И какъ посолъ изговорилъ, и Государь, Царь и Великій Князь велѣлъ послу сѣсти на скамейкѣ. А посидѣвъ мало, Царь и Великій Князь велѣлъ діаку Андрею Щелкалову цесареву послу молвити рѣчь.

И по государеву указу, діакъ Андрей говорилъ: «Миколаі! Великій Государь, Царь и Великіі Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: приходилъ еси къ нашему Царскому, Величеству отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего отъ Руделфа Цесаря, и которые еси рѣчи говорилъ нашему Царскому Величеству на посольствѣ и въ писмѣ своемъ написалъ, и что говорилъ еси нашего Царского Величества шурину, слугѣ, конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому, Борису Ѳеодоровичу Годунову, будучи у него на дворѣ, и Борисъ Ѳеодоровичь до нашего Царского Величества о томъ съ прошеньемъ доносилъ, и мы, Великіі Государь, Царь и Великіі Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, выслушавъ посольство твое, велѣли тебѣ отвѣтъ учинити; а посылаемъ съ отвѣтомъ бояръ своихъ: боярина и намѣстника Псковского, Ѳедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діаковъ своихъ ближнихъ: Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина. И велѣлъ Государь приставамъ итти съ посломъ въ отвѣтную полату, а съ отвѣтомъ высылалъ Государь бояръ своихъ и діаковъ, Ѳедора Никитича съ товарищи. И

какъ бояре вошли въ отвѣтную полату, и посолъ встрѣтилъ ихъ середи полаты; и бояре и діаки, давъ послу руки, сѣли по мѣстомъ, а послу велѣли сѣсти противъ себя на скамейкѣ. И посидѣвъ мало, говорили бояре отвѣтъ по писму, по ст(ат)ьямъ, сидя; а посолъ сидѣлъ же, только ко государеву имени вставали:

«Троица Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Пренедовѣдомый, Пресвѣтлый, Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и натави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людяхъ Твоихъ, по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, и хотѣніемъ, и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохански, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Угорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовские земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь Иверскіе земли Грузинскихъ Царей и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель,— дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа втораго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя Царствію, Нѣмецкого, Угорского, Чешского, Долматцкого, Кроатцкого, Шлевонского, Короля и Арцыкнязя Аустрѣйского, Арцука Бургунского, Брабанского, Стырьского, Карньского, Краинского, Люцемборского, Витемборского, вышніе и нижніе земли Сляшскіе, Князя Швабского, Малграфа Римского Царствія, Бургавского, вышніе и нижніе земли Лаузницкіе, Князя и Графа Аузбурского, Тирольского, Фиртцкого, Кибурского, Хортцкого, Графа Элсецкого, Государя Вендѣйскіе стороны, Портоновского, Соленицкого и иныхъ,—тебѣ послу, Миколаю Варкачю съ Нопчицъ изъ Вилемдорфу, извѣщенье отвѣтное даемъ бояры своими: бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ, Өедоромъ Никитичемъ Романова, да бояриномъ и намѣстникомъ Нижегородцкимъ князем Иваномъ Васильевичемъ Ситцкимъ - Ярославскимъ, да діаки своими ближними: Андреемъ да Васильемъ Щелкаловыми, да Елизарьемъ Вылузгинымъ».

Бояринъ и намѣстникъ Псковской Өедоръ Никитичь Романовъ говорилъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю Варкачю, велѣлъ говорити: писалъ къ нашему Царскому Величеству дражайшій и любезнѣйшій братъ нашъ, Руделфъ, избранный Цесарь Римскій, что послалъ къ нашему Царскому Величеству тебя, посла своего Миколая Варкача, а съ тобою наказалъ о нашихъ о вобчихъ о великихъ дѣлѣхъ дѣлати и становити, которые дѣла намъ обоимъ Великимъ Государемъ и всему Хрестьянству къ покою належатъ; и что ты учнешь говорити, и наше-

му бъ Царскому Величеству во всемъ тебѣ вѣрити, и на твои рѣчи милостивной, и любительной и пріятельской отвѣтъ учинити».

Бояринъ и намѣстникъ Нижегородцкой, князь Иванъ Васильевичь Ситцкой говорилъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу Миколаю, велѣлъ говорити: а ты, посолъ Миколай, на посольствѣ говорилъ и въ писмѣ своемъ написалъ, что братъ нашъ Руделфъ Цесарь намъ, Великому Государю, съ великою надежею извѣщаетъ, и того у нашего Царского Величества проситъ, чтобъ намъ, Великому Государю, братцкую помочь учинити и руку свою распространити ко обороне Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству; и то бы нашему Царскому Величеству тебѣ, послу его, велѣти объявити, которымъ обычаемъ промышляти надъ бесермены. Да и всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ Руделфъ Цесарь велѣлъ извѣстити, чтобы всѣ хрестьянскіе Великіе Государи, для братцкіе любви, были межъ себя въ дружбѣ и въ соединеньѣ, и стояли бы заодно противъ гонителя хрестьянского».

Діакъ Андрей Щелкаловъ говорилъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ, послу, Миколаю Варкачю, велѣлъ говорити: да говорилъ еси нашего Царского Величества шурину, слугѣ, и конюшему, бояриму, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохaнскому Борису Өедоровичю Годунову, будучи у него на дворѣ, отъ брата нашего, отъ Руделфа Цесаря о томъ же дѣлѣ, чтобъ нашему Царскому Величеству брату нашему, Руделфу Цесарю, по братцкой любви помочь учинити и любовь свою показати противъ таковаго гонителя хрестьянского стати, и всѣмъ бы Великимъ Государемъ учинити соединенье на Турского, и, приговоря, закрѣпить. А что нашего Царского Величества о томъ раденіе и мысль, чѣмъ такое великое дѣло почати и съ Божіею помочью совершити, тѣмъ бы намъ, Великому Государю, брату нашему любезнѣйшему помочь учинить; а нашему Царскому Величеству то возможно учинить, что намъ отъ Бога крѣпостію, и силою, и имѣніемъ свыше всѣхъ Государей даровано».

Діакъ Василей Щелкаловъ говорилъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: да говорилъ еси нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, бояриму и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохaнскому Борису Өедоровичю Годунову, чтобы намъ Борисъ Өедоровичь извѣстилъ, чтобъ мы, Великій Государь, Крымского Царя уняли и помѣшку бъ ему учинили, чтобъ Царь не приходилъ Цесарского Величества въ Угорскую землю; а къ Персидцкому бы Шаху нашему Царскому Величеству приказати и его утвердити, чтобъ и Шахъ Персидцкой

николи съ Турскимъ не мирился, и впередъ на Турского бъ стоялъ».

Діакъ Елизарей Вылузгинъ говорилъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Рудельфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: да говорилъ еси нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, бояриму и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохан-скому, Борису Ѳедоровичю Годунову, отъ брата нашего, отъ Руделфа Цесаря, о Свѣйскомъ Королѣ, чтобъ мы, Великій Государь, для брата нашего Руделфа Цесаря, съ нынѣшнимъ Жигимонтомъ Королемъ велѣли миръ и покой учинить; а братъ нашъ Руделфъ Цесарь на то подвиженъ, что межъ нашего Царского Величества и межъ нынѣшнего Жигимонта, Короля Польского и Свѣйского, миръ для хрестьянского покою постановить. А въ чемъ передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ Свѣйской Яганъ Король будетъ не исправился, о томъ бы тебѣ объявити и къ Руделфу Цесарю приказати, и въ томъ бы нынѣшней Свѣйской Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправился: наши городы, которые держитъ за собою, Руголивъ и иные, намъ отдалъ. И будетъ мы, Великій Государь, въ такомъ дѣлѣ Цесарскому Величеству повѣримъ и въ томъ на него положимся, и братъ нашъ Руделфъ Цесарь за то дѣло тотчасъ пріимется и тѣмъ дѣломъ почнетъ промышляти».

Бояринъ Ѳедоръ Никитичь говорилъ: «Божіею милостію Великій Годарь, Царь и Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: и что говорилъ еси нашему Царскому Величеству отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, о соединеньѣ на Турского, и которые рѣчи говорилъ еси отъ Руделфа Цесаря нашего Царского Величества шурину, слугѣ, конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Ѳедоровичю Годунову, а Борисъ Ѳедоровичь до насъ доносилъ, чтобы намъ, Великому Государю, брату нашему Руделфу Цесарю помочь учинити и руку свою ко оборонѣ Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству разпространити; и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, издавна о томъ отъ прародителей своихъ, Великихъ Государей, Царей Російскихъ, съ радѣніемъ промышляемъ, чтобы намъ, Великимъ Государемъ, съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, укрѣпяся въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти заодинъ противъ мусулманскихъ Государей, непріятелей хрестьянскихъ, которые христьянскіе Государства разоряютъ, и впередъ на то тщатся; и о хрестьянскомъ бы свобожевьѣ изъ рукъ бесерменскихъ собча радѣти, чтобы нами, Великими Государи хрестьянскими, Хрестьянство изъ рукъ бесерменскихъ высвобожено было; да и всѣ бы Великіе Государи съ нами, съ Великими Государи утвердились въ соединеньѣ, на бесерменскихъ Государей стояти заодно».

Бояринъ князь Иванъ Васильевичь

говорилъ: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего, любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: а и прежъ сего отцу нашему, блаженные памяти, Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю, всеа Русіи Самодержцу, съ отцомъ Государя вашего, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, ссылки, послы и посланники были о томъ же о большомъ дѣлѣ, о соединеньѣ и о докончаньѣ, чтобъ стояти на Турского заодинъ. Да и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, прежъ сего съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, съ Рудельфомъ Цесаремъ, ссылалися о братствѣ, и о любви, и о докончаньѣ, чтобы намъ стояти вмѣстѣ заодинъ на бесерменскихъ Государей. А нынѣ наипаче того хотимъ съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, быти въ соединеньѣ, и докончаньѣ, и стояти противъ бесерменскихъ Государей заодинъ».

Діакъ Андрей говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу Миколаю велѣлъ говорити: только о томъ велѣли есмя бояромъ нашимъ тебя, посла Миколая, роспросити, какимъ обычаемъ братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, противъ Турского хочетъ стояти, и кто съ нимъ въ соединеньѣ на Турского будетъ заодинъ? папа Римской, и Король Ишпанской, и Король Датцкоій, и Князь Венецѣйской, и иные Поморскіе Государи съ Цесаремъ всѣ ли въ соединеньѣ будутъ стояти на Турского заодинъ, и ссылка о томъ межъ ихъ бывала ли, и какимъ обычаемъ имъ Цесарю спомогати? и съ Литовскимъ Королемъ о томъ соединеньѣ и стояньѣ ссылка бывала ли, и что въ Литовскомъ Государствѣ о соединеньѣ съ Цесаремъ умышленье? То намъ надобно вѣдати, и своя мысль утвердить къ соединенью, и по тому смотря, промышляти съ братомъ нашимъ дражайшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ собча заодинъ».

Діакъ Василей говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, дражайшего и любезнѣйшего брата своего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу Миколаю велѣлъ говорити: а что говорилъ еси про Крымского Царя, чтобы мы, Великій Государь, Крымского Царя отъ Турского отводили и уняли его, чтобъ Царь съ Турскимъ заодно не приходили Цесарского Величества въ Угорскую землю, а къ Персидцкому бы Аббасъ Шаху приказати, чтобъ онъ николи съ Турскимъ не мирился, стоялъ бъ на Турского съ нами заодинъ; и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русія Самодержецъ, для дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа Цесаря, и за прошеньемъ и за челобитьемъ шурина нашего, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Астороханского, Бориса Ѳедоровича Годунова, о томъ радѣти и промышляти

всячески хотимъ. А къ Крымскому, къ Казы-Гирѣю Царю, для брата своего Руделфа Цесаря, наскоро пошлемъ пословъ своихъ, и съ ними накрѣпко ко Царю накажемъ, чтобъ онъ съ Турскимъ нынѣ на брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, въ Угорскую землю войною не ходили. А чаемъ того, что Крымской, Казы-Гирѣй Царь мимо нашего Царского повелѣнія не учинитъ: какъ ему съ послы своими накажемъ, по тому и учинитъ самъ Царь, на брата нашего, Руделфа Цесаря, землю не поідетъ. А къ Персидцкому Шахъ Аббасу мы, Великій Государь, для братцкіе любви Руделфа Цесаря, по тому жъ пошлемъ пословъ своихъ и съ ними къ Шаху накрѣпко накажемъ, чтобъ онъ съ Турскимъ не мирился, противъ его стоялъ накрѣпко со всѣми съ Восточными Государи, съ Индѣйскимъ Царемъ и съ иными съ Восточными Государи сослався, чтобъ они противъ Турского стояли съ ними заодинъ; а Шахъ Персидцкой во всемъ по нашему приказу учинитъ, съ Турскимъ въ миру не будетъ. А и нынѣ Шахъ Персидцкой къ нашему Царскому Величеству о томъ и посла своего ближнего человѣка, Ази Хосрова, къ нашему Царскому Величеству прислалъ съ великимъ прошеньемъ и съ челобитьемъ, и хочетъ быти во всемъ въ нашей царской волѣ, и противъ Турского и противъ всѣхъ нашихъ недруговъ съ нами стояти хочетъ заодинъ».

Діакъ Елизарей говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: а что говорилъ еси и въ писмѣ своемъ написалъ о Свѣйскомъ, что братъ нашъ Руделфъ Цесарь, для христьянского покою у нашего Царского Величества проситъ, чтобъ для его братцкія любви, съ нынѣшнимъ съ Жигимонтомъ Королемъ Свѣйскимъ велѣли миръ и покой учинити,—и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, для брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, братцкіе любви, и для того, чтобъ кровь христьянская литися престала, со всѣми христьянскими Государи вѣчного миру и покою хотимъ. А про Свѣйского неправду и про убытки, каковы Ягана Короля предъ отцомъ нашимъ, блаженные памяти, передъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, и передъ нами, Великимъ Государемъ, неправды, и какое кровопролитіе учинилъ нашъ непослушникъ, Яганъ Король Свѣйскій, нынѣшнего Короля Жигимонта отецъ, тебѣ, послу Миколаю велѣли объявити. Изначала Свѣйскіе правители ссылалися и въ перемирьѣ были нашего Царского Величества съ вотчиною, съ Великимъ Новымгородомъ; при дѣдѣ нашемъ, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ, Василье Ивановичѣ всеа Русіи Свѣйскіе правители до Густава Короля, и Густавъ Король, Ягановъ королевъ отецъ, ссылалися и въ перемирьѣ были съ намѣстники съ Новгородцкими: съ бояриномъ и намѣстникомъ Новгородцкимъ, со княземъ Борисомъ Ивановичемъ Горбатымъ, да съ дворецкимъ Великого Новагорода, съ Семеномъ Никитичемъ Бутурлинымъ».

Бояринъ Өедоръ Никитичь говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: а послѣ того ссылался Густавъ Король при отцѣ нашемъ, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, съ бояры и съ намѣстники Новгородцкими, со княземъ Михайломъ Васильевичемъ Глинскимъ да съ Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ. И какъ отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, велъ войну съ Стефаномъ Королемъ, и Жигимонтовъ королевъ отецъ, Яганъ Король Свѣйской, поруша перемирье и крестное цѣлованье до перемирного сроку, сложась съ Стефаномъ Королемъ и со многими съ наемными людьми иныхъ Государствъ, многіе крови пролилъ, и городы отчинные наши Лифлянскіе и Новгородцкіе земли поималъ и убытки многіе починилъ. И какъ Божіимъ судомъ, отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, не стало, и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, по своему царскому милосердому обычаю, не хотя видѣти крововолитія во Хрестьянствѣ, будучи въ терпѣньѣ, а ожидая того, чтобъ Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправился, и наши отчинные городы отдалъ, пословъ своихъ на съѣздъ посылалъ и неодинова. И Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ ни въ чемъ не исправился, нашихъ отчинныхъ городовъ въ Ливонской землѣ: Ругодива и иныхъ городовъ, и въ Новгородцкой землѣ Иваня-города и иныхъ городовъ не отдалъ».

Бояринъ князь Иванъ Васильевичь говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за многіе грубости и неправды Свѣйского Ягана Короля, въ 98 году самъ, своею царскою персоною, съ своими рат(н)ыми ходили къ Ругодиву, и къ Иваню-городу, и къ Ямѣ, и къ Копорьѣ; и городъ Яму, ндучи, передовые полки взяли, а людей Свѣйскихъ ни одного не убили, отпустили всѣхъ безъ кровопролитія, не противъ Яганова кровопролитія. И пришедъ къ Ругодиву, велѣли изъ наряду бити, и розбили Ругодивъ во многихъ мѣстѣхъ такъ, что было ужъ мочно его взяти вскорѣ; и люди многіе побиты въ Ругодивѣ. И Ругодивской воевода Карлъ Индриковъ, видя свое изнеможенье, высылалъ нашего Царского Величества къ шурину, къ слугѣ, къ конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохавскому, Борису Өедоровичю Годунову бити челомъ, чтобъ нашего Царского Величества шуринъ, слуга, конюшей, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохавской, Борисъ Өедоровичь, насъ, Великого Государя,

молилъ и просилъ, и па то наводилъ, чтобъ мы, Великій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, розлитья крови хрестьянскіе видѣти не похотѣли, рати свои уняти велѣлъ, а свою отчину, Ивань-городъ, Копорью городъ велѣли взяти и отъ Ругодива отступити велѣлъ, и перемирье велѣлъ учинити на годъ; а въ то время Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, нашего Царского Величества отчинные городы Ругодивъ и Корѣлу и иные городы отдастъ. И мы, Великій Государь, истинный хрестьянскій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, жалѣя о кроворозлитіѣ хрестьянскомъ, а за челобитьемъ шурина нашего, слуги, конюшего, боярина, и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохапского, Бориса Өедоровича Годунова, и всѣхъ бояръ, городы свои: Ивань-городъ, Яму, Копорью взяли, а отъ Ругодива отступити велѣли ратемъ своимъ; а которые рати пошли были за море къ Новому торговищу, и мы ихъ воротить велѣли, и кровопролитія хрестьянского видѣти не похотѣли, и перемирье на годъ учинити велѣли. А въ то было время Ягану Королю передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправиться, и городы наши отчинные отдати; и Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ не исправился, того крестного цѣлованья не сдержалъ, и кровопролитіе вчалъ».

Діакъ Андреи Щелкаловъ говорилъ: «Божією милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Рудолфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю велѣлъ говорити: и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за Яганово королево неисправленье, въ 99-мъ году, послали было на Свѣйского Ягана Короля землю бояръ своихъ и воеводъ со многими своими ратьми съ Рускими и съ Татарскими въ войну, и къ городомъ съ нарядомъ. И въ то время приходили къ нашему Царскому Величеству отъ Жигимонта, Короля Польского и Великого Князя Литовского, отъ Яганова королева сына, послы, Станиславъ Радиминской, воевода Подляшской, съ товарищи, о многихъ о великихъ дѣлѣхъ; и, будучи въ отвѣтѣ съ бояры нашими приказывали нашего Царского Величества къ шурину, слугѣ, къ конюшему, боярину, и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, къ Борису Өедоровичю Годунову, съ прошеньемъ, чтобы нашего Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохапской, Борисъ Өедоровичь Годуновъ, и всѣ наши бояре наше Царское Величество молили, и намъ билъ челомъ и на то насъ, Великого Государя, наводилъ, чтобы наше Царское Величество, для Государя ихъ Жигимонта, Короля Польского и Великого Князя Литовского, и для Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, рати свои, которые посланы, воротити велѣли, и перемирье на малое время, на годъ, учинити велѣли, а Яганъ Король въ то время передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, сослався послы подъ Иванемъ-городомъ, и нашіе отчины городы, которые держитъ за собою, нашему Царскому Величеству отдастъ. И мы, Великій Государь, Царь

и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за челобитьемъ шурина нашего, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Астороханского, Бориса Өедоровича, и всѣхъ бояръ нашихъ, не хотя видѣти кроворозлитья хрестьянского, велѣли бояромъ своимъ съ послы Жигимонта Короля, о Яганѣ Королѣ договоръ учинити на годъ и рати свои, которые посланы къ Выбору и во всю Финскую землю, поворотить велѣли, и чаяли отъ Ягана Короля исправленья. И Свѣйского Ягана Короля воеводы, увѣдавъ то отъ пословъ Литовскихъ, отъ ихъ посланника, что къ нимъ послы отпустили въ Ругодивъ, что Жигимонтовы королевы послы перемирья на годъ учинили, и рати нашего Царского Величества поворотили, тотчасъ Жигимонтовыхъ королевыхъ пословъ приговоръ порушили, и войну всчали. А мы, Великій Государь, для своего милосердого справедливого обычея, Свѣйского Ягана Короля и на такіе неправды несмотря, того перемирья до сроку ничѣмъ порушити не велѣли; а какъ перемирью срокъ вышелъ, и мы, Великій Государь, за Ягановы королевы неправды, послали къ Выбору и за Выборъ бояръ своихъ и воеводъ, боярина и намѣстника Володимерского, князя Өедора Ивановича Мстиславского и иныхъ многихъ бояръ и воеводъ со многими ратьми и многіе мѣста повоевали; а за Выборъ до Абова полону поимали много безчетно, и городки по Воксѣ многіе со многимъ полономъ поимали. И Яганъ Король къ намъ присылалъ о томъ, чтобъ намъ сослатися послы на рубежъ подъ Ивань-городъ о мирномъ постановеньѣ приговорити и укрѣпити. И мы, Великій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, не смотря на Ягановы грубости, за челобитьемъ бояръ нашихъ, посылали есмя на съѣздъ пословъ своихъ, а чаяли того, что Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, наши отчинные городы отдастъ».

Діакъ Василей Щелкаловъ говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: и Яганъ Король присылалъ нашего Царского Величества къ посломъ своихъ пословъ, Клауса Флямина съ товарищи, и тѣ его послы никоторого доброго дѣла не учинили, нашихъ отчинныхъ городовъ не отдали; и во всемъ Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ и по свою смерть не исправился. И какъ Ягана Короля не стало, и мы, Великій Государь, за челобитьемъ бояръ нашихъ, на Свѣйское Королевство и на Финскую землю, на безгосударныхъ людей, наступати ратемъ своимъ не велѣли; и посломъ своимъ, околничему и намѣстнику Суздальскому, Михайлу Глѣбовичю Салтыкову съ товарищи, съ Свѣйскими послы, съ Клаусомъ Флямпнымъ съ товарищи, перемирье учинити велѣли на два года; а въ тѣ лѣта съѣхатись посломъ на то жъ мѣсто въ нынѣшнемъ 102 году, на Покровъ Святѣй Богородицы, къ нашимъ посломъ Свѣйскимъ посломъ подъ Иванемъ-городомъ въ Тязино. А хотѣли говорить о нашей вотчинѣ, о городѣхъ о Ругодивѣ и объ иныхъ и о Корѣлѣ, что намъ

наши городы отдать и о болшомъ дѣлѣ договоръ учинити; да и крестнымъ цѣлованьемъ послы наши и Свѣйскіе послы закрѣпили межъ собя. И послѣ того, въ прошломъ въ 101 году, сего лѣта присылалъ къ нашему Царскому Величеству Свѣйского Королевства Королевичь, Карлъ, и всѣ думные люди Свѣйского Королества посланника Петра Размысла, чтобъ намъ, Великому Государю, по договору, пословъ нашихъ прислати дѣлати о большомъ дѣлѣ; а что наша царская воля и хотѣніе, на чемъ вѣчному миру статись мочно, и намъ бы о томъ съ посланникомъ, съ Петромъ Размысломъ объявити».

Діакъ Елизарей говорилъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю велѣлъ говорити: и мы, Великій Государь, Царь и Великій князь, Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за челобитьемъ бояръ нашихъ, Свѣйского посланника, Петра Размысла отпустили; а съ нимъ къ Арцыкарлу Королевичю отписали, всѣ мѣры отстава и убытки многіе, что наша воля послѣдпее: будетъ похотятъ впередъ съ нашими Государствы Свѣйское Королество видѣти въ покоѣ и безъ кровопролитія, и они бъ отдали наши вотчинные городы, которые поималъ Яганъ Король неправдою въ Лифляпской землѣ и въ Новгородцкой, за что многое кровопролитье учинилося, и впередъ за что не пеперестанетъ; а пословъ своихъ на съѣздъ по договору пошлемъ. И мы по тому договору пословъ своихъ къ тому сроку, къ Покрову Святей Богородицы, въ Ивань-городъ и послали. И Свѣйской Король и нынѣ, черезъ такіе наши сходительства ко всякому добру, и за такіе наши правды и за наше терпѣніе, и нынѣ никоторые правды не учинилъ, и своихъ пословъ, по договору и черезъ крестное цѣлованье, къ тому сроку, къ Покрову, не прислалъ. И намъ было съ Свѣйскимъ Королевствомъ, и кто на Свѣйскомъ Королевствѣ нынѣ будетъ Королемъ, терпѣти было не возможно; рати было наши сее зимы и въ лѣто большіе послати сухимъ путемъ и моремъ на Свѣйское Королевство. И нынѣ до нашего Царского Величества шюринъ нашъ, слуга и конюшей, бояринъ, Борисъ Өедоровичь, доносилъ, а богомолецъ нашъ, патріархъ Іовъ *, всеа Русіи митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и всѣ бояре наши нашему Царскому Величеству били челомъ и того просили, чтобъ намъ ещо стерпѣти и рати свои уняти, и на Свѣйского не посылать, для брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, о чемъ ты, посолъ Миколай, шюрину нашему, слугѣ и конюшему, бояриву, Борису Өедоровичю Годунову, говорилъ. И мы, для присылки брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, и за челобитьемъ и за прошеньемъ патріарха Іова со всѣмъ соборомъ, и шюрина нашего, слуги и конюшего, бояриа, Бориса Өедоровича Годунова, и всѣхъ бояръ за челобитьемъ, хотимъ и съ Свѣйскимъ Королемъ мирное постановенье учинити; а Свѣйской Жигимонтъ Король от-

* Въ рукописи: «Иевъ».

далъ намъ нашу отчину, Ругодивъ и иные городы, и Корѣлу, что у насъ поималъ отецъ его Яганъ Король».

Бояринъ Өедоръ Никитичь говорилъ: «Божiею милостiю, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русiи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю, велѣлъ говорити: говорилъ еси отъ брата нашего, Руделфа Цесаря, нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, бояриму и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Өедоровичю Годунову тайно брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря, о любезнѣйшемъ братѣ, о Максимилiянѣ, о обранномъ Королѣ Польскомъ: только Жигимонтъ Король останется въ Королевствѣ Свѣйскомъ, а канцлеръ захочетъ взяти на Королевство Польское Стефанова королева брата,— и Максимилiянъ тотчасъ со всею своею ратью придетъ къ Кракову напередъ Оботура, и сшодчися съ Оботурою, учнутъ дѣло дѣлати; а нашему бы Царскому Величеству, для братскiе любви дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа Цесаря, брату его любезнѣйшему, Максимилiяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, вспоможенье учинити, чтобъ нашимъ братскимъ вспоможеньемъ Максимилiянъ былъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. И шуринъ нашего Царского Величества, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохапской, Борисъ Өедоровичь Годуновъ, до нашего Царского Величества доносилъ. И мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русiи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, издавна о томъ радѣемъ и промышляемъ, и хотимъ того, чтобы дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа Цесаря, братъ, Максимилiянъ, Арцыкнязь Аустрѣйской былъ на Корунѣ Полской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, и брату его Максимилiяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, и самимъ вѣдомо о нашемъ радѣнiѣ о Максимилiянѣ, чтобы его видѣть на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. И нынѣ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, напередъ всего надобеть о томъ радѣти и промышляти, чтобъ брату его, Максимилiяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, быти на Королевствѣ Польскомъ Королемъ; а мы, Великiй Государь, какъ преже сего радѣли и промышляли, а нынѣ и свыше того промышляти и радѣти и вспомогати хотимъ всякими обычаи, и къ панамъ радамъ Коруны Польскiе и Великого Княжества Литовского приказывати будемъ, что они, мимо всѣхъ, похотѣли на Королество Польское и на Великое Княжество Литовское, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря брата, Максимилiяна, Арцыкнязя Аустрѣйского. А какъ, ожъ дастъ Богъ, Максимилiянъ будетъ на Королествѣ Польскомъ, и въ тѣ поры брату нашему, Руделфу Цесарю, сослався съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ Датцкимъ, и съ Свѣйскимъ Королемъ, и съ Венецѣйскимъ Княземъ и съ другими Поморскими Государи, и учиняся съ ними въ соединеньѣ, съ Божьею по-

мочью, мочно противъ Турского стати, и о томъ промышляти собча, какъ бы тому дѣлу вскорѣ помочь учинить и совершить».

И Цесаревъ посолъ Миколай Варкачь, выслушавъ отвѣтъ у бояръ, говорилъ: «рѣчи ваши есмя выразумѣлъ, и что есте говорили въ отвѣтѣ, чтобъ мнѣ вамъ о томъ вѣдомо учинити, кто съ Государемъ нашимъ будетъ въ соединеньѣ и въ доканчаньѣ, и обсылка съ которыми Государи Руделфу Цесарю бывала ль, —и язъ вамъ то объявляю: Государь нашъ, Руделфъ Цесарь ссылался о доканчаньѣ и о соединеньѣ съ папою Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, и межъ себя утвердилися; а положили папа и Ишпанской Король все на Руделфѣ Цесарѣ, чтобъ Цесарское Величество о вѣчномъ миру и о соединеньѣ на Турского, сослався съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, и на то его Государя наводилъ, чтобъ Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи и всѣ хрестьянскіе Государи стали на гонителя хрестьянского, на Турского, заодинъ. И Цесарское Величество прислалъ ко Государю меня, посла своего, о томъ извѣстить; а къ инымъ Государемъ Государь нашъ, Цесарское Величество, еще о соединеньѣ не посылывалъ: къ Дацкому Королю не посылаетъ, затѣмъ что онъ еще молодъ, а люди думные на то не произволяютъ, хотятъ жити въ покоѣ; а иные Датцкого Королевства подданые Го(л)штенская земля, а прежъ того бывала за Цесаремъ, и тѣ съ Государемъ нашимъ съ Руделфомъ Цесаремъ стояти на Турского хотятъ за одно, и въ соединеньѣ съ Цесаремъ будутъ; а къ Жигимонту, Королю Полскому, и къ паномъ радамъ Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского Цесарское Величество о вѣчномъ миру и о соединеньѣ не приказываетъ, потому что паны рада Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского съ Жигимонтомъ Королемъ живутъ не согласно и его ни въ чемъ не слушаютъ. А что есми слышелъ отъ папина посла, которой посолъ живетъ отъ папы въ Корунѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а приказывалъ онъ то къ папину жъ послу, которой живетъ у Государя нашего, у Руделфа Цесаря, что слышелъ онъ то отъ самого отъ Жигимонта Короля, что Жигимонтъ Король Польской, сердечнымъ желаніемъ желаетъ и хочетъ то видѣти, чтобъ Цесарь Руделфъ, и Король Ишпанской, и папа Римской, сослався съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, были въ соединеньѣ; а онъ, Жигимонтъ Король, потому жъ хочетъ быти со всѣми Государи въ соединеньѣ, и пановъ радъ на то намолвляетъ, только во всѣ паны вмѣщати опасается, что паны рада не всѣ на то сходятъ, а дружатъ Турскому; а канцлеръ Янъ Замойской, мимо всѣхъ Турскому доброхотаетъ, не по хрестьянскому обычаю, и хочетъ Турскому во всемъ добра, какъ ему годно, а не хрестьяномъ, и о хрестьянскомъ покоѣ не радѣетъ. Да только какъ учинится Государь нашъ, Цесарское Величество, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ, и съ папою Римскимъ въ соединеньѣ, и тогды Литовской въ доканчаньѣ и въ соединеньѣ нехочетъ

быти и не въ жалованьѣ; да и всѣ Поморскіе Государи тогды того похотятъ. А нынѣ Государь нашъ Руделфъ Цесарь не всѣмъ то вмѣщаетъ потому, чтобъ вскорѣ не розславилося, а Венецѣяномъ имянно того не вмѣщаетъ, для того что они Турскому даютъ дань и живутъ нынѣ въ покоѣ; а какъ будетъ тому время, и Государь нашъ, Цесарское Величество, Венецѣяномъ тогды прикажетъ, чтобъ они съ Цесаремъ были заодинъ, и они по цесареву приказу такъ и учинятъ, и будутъ съ Цесаремъ въ соединеньѣ».

И бояре, Ѳедоръ Никитичь съ товарищи, цесареву послу говорили: «написано въ цесаревѣ въ Руделфовѣ въ вѣрюющеі грамотѣ, что послалъ Цесарь Руделфъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, тебя, посла своего Миколая Варкача, а съ тобою наказалъ о великихъ дѣлѣхъ дѣлати и становити; и что Великому Государю нашему учнешь говорити, то его рѣчи, и Великому бъ Государю нашему, Его Царскому Величеству, тебѣ, послу его Миколаю вѣрити, какъ самому Руделфу Цесарю. И ты скажи намъ о томъ имянно, а мы донесемъ до Царского Величества, приговоря: о вѣчномъ миру и о соединеньѣ на Турского закрѣпити тебѣ велѣно ль, и коимъ обычаемъ тебѣ закрѣпити»?

И посолъ Миколай говорилъ: «послалъ меня Пресвѣтлѣйшій Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, къ брату своему, Велеможнѣйшему и Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ, о вѣчномъ миру и о соединеньѣ объявити и припомянуть, что Его Царского Величества о вѣчномъ миру и о соединеньѣ воля будетъ, а дѣлати и закрѣпить мнѣ того не наказано: пришлетъ Государь нашъ, Цесарское Величество, къ Великому Государю вашему о тѣхъ дѣлѣхъ пословъ своихъ великихъ, ближнихъ людей, о всемъ наказавъ, приговоривъ, закрѣпить велитъ».

И бояре, Ѳедоръ Никитичь съ товарищи, говорили: «прежъ сего въ 98 году приходилъ еси къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержецъ, Его Царскому Величеству, отъ Государя своего отъ Руделфа Цесаря, о томъ же, чтобъ Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, съ братомъ своимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, былъ въ докончаньѣ, и на Турского стоялъ заодинъ; а говорилъ ты, что пришлетъ Руделфъ Цесарь о томъ приговорить и закрѣпить пословъ своихъ, великихъ людей. И Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, тебя, Миколая, къ брату своему, къ Руделфу Цесарю, отпустилъ, а наказалъ съ тобою, что съ братомъ своимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ дружбѣ и въ братствѣ, и въ любви, и въ докончаньѣ быти хочетъ по тому жъ, какъ были Великого Государя нашего прародители, Великіе Государи, Цари Росіиские: прадѣдъ Великого Государя нашего, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, и дѣдъ Государя нашего, Великій Государь, Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи, и отецъ Великого Государя нашего, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, Цесаря Руделфа прародители съ Великими Государи: съ Цесаремъ

Фредерикомъ, и съ Цесаремъ Максимиліяномъ, и съ Цесаремъ Фердинандомъ, и съ отцомъ Государя вашего, съ Максимиліяномъ Цесаремъ. И Цесарь бы, сослався о томъ съ папою, и съ Ишпанскимъ Королемъ, и съ иными Государи Поморскими, прислалъ къ Его Царскому Величеству пословъ своихъ великихъ о вѣчномъ миру, приговорить и закрѣпить; да и папины бъ послы и Ишпанского Короля послы съ цесаревыми жъ послы вмѣстѣ шли ко Государю. И ты тѣ слова до Цесаря Руделфа доносилъ ли»?

И посолъ Миколай говорилъ: «которой со мною Царского Величества къ Руделфу Цесарю былъ приказъ, и язъ то все до Цесаря доносилъ, и Цесарю всѣ тѣ дѣла извѣстны, и пословъ своихъ ко Государю, обослався съ папою и съ Ишпанскимъ Королемъ, слати хотѣлъ; да та посылка цесарева замѣшкалася за тѣмъ, что учинилася промежъ Ишпанского Короля и Аглинскіе Королевы и Наварского Короля война о Французовскомъ Королевствѣ: Божіимъ судомъ Французовского Короля Индрика не стало, а осталася наслѣдница Французовскому Королевству Ишпанского Короля Филипа дочь, а Индрику Королю Французовскому внука, а Ишпанской Король Филипъ Цесарю Руделфу дядя. И Цесарь Руделфъ и Ишпанской Король хотятъ того, и промышляютъ, чтобъ Французовскому Королевству быти наслѣдницѣ Филиповой дочери, Ишпанского Короля, а Индриковѣ королевѣ внукѣ; а понять ее хочетъ Государь нашъ, Цесарское Величество, для того что она Цесарю сестра не близко, и Французовскому бъ Королеству быти за ними; или бъ на немъ посадить, выбравъ изъ тутошнихъ изъ Поморскихъ Государей, кто бъ Цесарю и Ишпанскому Королю былъ другъ. А Король Наварской называется наслѣдникомъ Французовского Королевства ложно, и, сложась съ Аглинскою Королевою, хотятъ Французовское Королевство взять подъ себя, и съ Турскимъ хотятъ быть въ соединеньѣ, и приказываютъ къ Турскому, чтобъ онъ съ Ишпанскимъ Королемъ и съ Цесаремъ воевался, для того чтобъ имъ Французовское Королевство взяти подъ себя. И затѣмъ, присылка цесарева ко Государю позамѣшкалася, да и затѣмъ позамѣшкалася, что Королева Аглинская на морѣ велитъ накрѣпко беречи того, чтобъ отъ Цесарского Величества ко Государю никто моремъ не проѣзжалъ, и послы бъ межъ Государя и Цесаря не ходили. И нынѣ Государь нашъ Руделфъ Цесарь прислалъ меня, посла своего, къ брату своему, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, о томъ воспомянути и извѣстить велѣлъ и провѣдать того, что о томъ воля его царская будетъ; а положился Пресвѣтлѣйшій Государь нашъ Руделфъ Цесарь во всемъ, и надежю держитъ на брата своего, Государя вашего, какъ Его Царское Величество изволитъ. И нынѣ бъ Пресвѣтлѣйшій Государь вашъ отпустилъ меня къ Руделфу Цесарю, и со мною волю свою царскую и хотѣніе о вѣчномъ миру и о соединеньѣ къ Руделфу Цесарю отписалъ и приказалъ; и Цесарь, по тому смотря, съ папою и съ Ишпанскимъ Королемъ обошлется послы, и о вѣчномъ миру приговорятъ и укрѣпятъ. А добро бъ то, чтобъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, послалъ со мною ко Государю нашему къ Руделфу Цесарю

пословъ своихъ, и они, будучи у Цесаря, докончанье приговорятъ и закрѣпятъ; а папины и Ишпанского Короля послы туто жъ будутъ, и у Цесаря докончанье вмѣстѣ съ государевыми послы приговорятъ и закрѣпятъ. И пойдутъ цесаревы послы и папины и Ишпанского Короля ко Государю вмѣстѣ съ государевыми послы, и у Государя то докончанье закрѣпятъ».

И бояре, Өедоръ Никитичь съ товарищи, говорили: «то дѣло не статочное, что Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, Его Царскому Величеству, посылать къ Цесарю напередъ пословъ своихъ: изначала у Великихъ Государей нашихъ, Царей Російскихъ, въ обычаѣ ведется, что послы ото всѣхъ Великихъ Государей напередъ приходятъ ко Государю нашему, и докончанье или перемирье приговариваютъ, будучи у Государя; а приговоря и закрѣпя у Государя, а послѣ государевы послы ходятъ ко всѣмъ Государемъ, и у нихъ то перемирье или докончанье закрѣпляютъ. А прежъ сего, при Великомъ Государѣ, Царѣ, и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, и при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, были отъ Максимиліяна Цесаря и отъ брата его, отъ Фердинанда Короля Угорского, послы, и они докончанье приговаривали и закрѣпляли, будучи (у) Государя; а Государь посылалъ къ нимъ пословъ своихъ того докончанье закрѣпить опослѣ. И нынѣ бъ Руделфъ Цесарь по тому жъ учинилъ: сослався съ папою Римскимъ и съ Ишпанскимъ Королемъ, прислалъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, къ Его Царскому Величеству, пословъ своихъ великихъ, ближнихъ людей, о всемъ съ ними наказавъ; а папа и Ишпанской Король, укрѣпяся съ Цесаремъ въ докончаньѣ, слали къ Великому Государю нашему пословъ своихъ вмѣстѣ съ цесаревыми послы; и они, будучи у Государя нашего, Его Царского Величества, о докончаньѣ приговорятъ и закрѣпятъ».

И посолъ Миколаій говорилъ: «въ томъ воля государева; язъ о томъ только припомянулъ, чтобъ Государь послалъ со мною къ Цесарю пословъ своихъ, а много о томъ не говорю; и Государь мой, Руделфъ Цесарь, говорить мнѣ о томъ не велѣлъ, а положился Государь нашъ, Цесарское Величество во всемъ на государеву волю, какъ Его Царское Величество повелитъ, потому и учинитъ, и пословъ своихъ Цесарское Величество ко Государю пришлетъ, и съ папою съ Римскимъ и съ Ишпанскимъ Королемъ о томъ обошлется, и послы ихъ съ цесаревыми послы ко Государю вмѣстѣ будутъ. А что вы мнѣ объявили въ отвѣтѣ о Крымскомъ и о Персидцкомъ, что Царское Величество посылаетъ къ Крымскому Царю и къ Персидцкому Шаху, для братцкіе любви Руделфа Цесаря, пословъ своихъ наскоро; а съ ними къ Крымскому хочетъ приказати накрѣпко, что онъ съ Турскимъ вмѣстѣ на цесареву Руделфову Угорскую землю войною не ходилъ; а къ Персидцкому Шаху хочетъ приказать накрѣпко жъ, чтобъ съ Турскимъ николи не мирился, и стоялъ противъ Турского со всѣми Восточными Государи, съ Индѣйскимъ и съ иными Государи заодинъ,—и язъ Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Великому Государю,

Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, Его Царскому Величеству, покорнѣ и униженнѣ челомъ бью, и тое братцкую любовь радостно до Государя своего, до Цесаря Руделфа, донесу; и Цесарское Величество за тое великую, любительную, братцкую, пріятельскую любовь Его Царскому Величеству во всяко будетъ время противъ отдавать всѣмъ добромъ и бить челомъ, и Его Царского Величества имя и пріятельскую любовь во всѣхъ хрестьянскихъ Государѣхъ выславлять будетъ. Да и о томъ Царскому Величеству братъ его, Государь нашъ Руделфъ Цесарь, будетъ бити челомъ и выславлять, что Государь пріятельскую и братарьскую свою любовь къ нему показалъ, за печалованьемъ ближнего своего пріятеля, слуги и конюшего, боярина, Бориса Өедоровича, пожаловалъ, велѣлъ мнѣ обослатися Персидцкого Шаха съ посломъ. И язъ, по его государеву жалованью и по повелѣнію ближнего Его Царского Величества пріятеля, шурина, слуги и конюшего, боярина, Бориса Өедоровича, Персидцкого Шаха съ посломъ обсылался: язъ посылалъ къ нему Государя своего Руделфа Цесаря дворянина; а Персидцкого Шаха посолъ присылалъ ко мнѣ потому жъ дворянина шахова; и Цесарского Величества есмя приказъ, по государеву жалованью и по повелѣнію ближнего его пріятеля Бориса Өедоровича, исполнилъ и рѣчи цесаревы къ Шаху приказалъ, чтобъ онъ на Турского стоялъ. А Цесарь, посылаючи меня ко Государю, въ запасъ наказалъ мнѣ: будетъ доѣдешь до Государя и будешь у Его Царского Величества, а въ тѣ поры будетъ у Государя Персидцкого Шаха посолъ, и ты бей челомъ ближнему пріятелю Царского Величества Борису Өедоровичю, а онъ бы то донесъ до Государя, чтобъ Государь велѣлъ тебѣ и съ Шаховымъ посломъ обослатися. И нынѣ, Божіею, милостію и государевымъ жалованьемъ, и повелѣніемъ Бориса Өедоровича, Государя моего Руделфа Цесаря хотѣніе и мое радѣніе исполнилося; и Государь нашъ тое пріятельскіе братцкіе любви и дружбы въ вѣки не забудетъ; а язъ, какъ прежъ сего имя Царского Величества во всѣхъ Государствахъ выславлялъ, а нынѣ и свыше того выславляти буду, и на государевѣ жалованьѣ покорнѣ и униженнѣ, подданный Его Царского Величества, челомъ бью. А о томъ язъ, подданный, по приказу Пресвѣтлѣйшего Государя своего Руделфа Цесаря, Царскому Величеству покорнѣ и униженнѣ челомъ бью, какъ, ожъ дастъ Богъ, Цесарское Величество пришлетъ ко Государю пословъ своихъ, а съ нимъ вмѣстѣ пришлетъ и къ Персидцкому Шаху пословъ своихъ, и Государь бы пожаловалъ, Цесарского Величества пословъ черезъ свои Государства къ Персидцскому Шаху пропустити велѣлъ; а шаховыхъ бы пословъ черезъ свою землю по тому жъ къ Цесарскому Величеству пропустити велѣлъ.» А о Свѣйскомъ Жигимонтѣ Королѣ, выслушавъ отвѣтъ, говорилъ: «Государь мой Руделфъ Цесарь напоминаетъ брата своего, Государя вашего, чтобъ Его Царское Величество и съ Свѣйскимъ Королемъ похотѣлъ вѣчного покою: Свѣйской Король передъ Государемъ исправится; и что будетъ воля государева, и Его бъ Царское Величество къ брату своему, къ Руделфу Цесарю, приказалъ о томъ со мною; и Государь нашъ Руделфъ Цесарь по тому и учи-

нитъ, и съ послы своими къ Свѣйскому прикажетъ, и въ государеву волю, его, сослався послы подъ Ивань-городъ, приведетъ. А дѣлати мнѣ нынѣ и приговаривати за Свѣйского не наказано».

И бояре, Ѳедоръ Никитичь съ товарищи, говорили: «мы тебѣ въ отвѣтѣ объявили, что Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, со всѣми христьянскими Государи хочетъ быти въ покоѣ; а Ягана, Короля Свѣйского, и нынѣшнего Жигимонта Короля неправды тебѣ объявляли. И что говорилъ еси, что Цесарь пошлетъ о томъ къ Свѣйскому пословъ своихъ, и на то его приведетъ, чтобъ онъ передъ Государемъ исправился, а Государю бъ послати пословъ своихъ на съѣздъ къ Ивану-городу, — и Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, на съѣздъ пословъ своихъ посылати не пригоже, а Руделфу Цесарю къ Свѣйскому посылати по тому жъ не пригоже; а пригоже посылати ко Государю и къ Цесарю Свѣйскому Королю пословъ своихъ бити челомъ, чтобъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, по своему царскому милосердому обычаю, крови уняти и вѣчной покой постановити велѣлъ. А Цесарь бы Руделфъ Великому Государю нашему объ немъ печаловался и на то наводилъ, чтобъ Царское Величество и съ Свѣйскимъ Королемъ вѣчной покой постановити велѣлъ: а только бъ не для Руделфа Цесаря, и Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству для было чего нынѣ Свѣйскому терпѣть? — съ Божіею помочью рати и Государя нашего сесь часъ готовы, и недруга Царскому Величеству, опричь Свѣйского, нѣтъ никого. Да коли ужъ нынѣ Цесарь Руделфъ по братцкой любви проситъ у Государя нашего того, чтобъ Великій Государь нашъ и съ Свѣйскимъ похотѣлъ вѣчного покою; а онъ Свѣйского на то приведетъ, что онъ передъ Государемъ исправится. И Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, для братцкіе любви Руделфа Цесаря, Свѣйскому ещо потерпитъ и кроворозлитія вскорѣ не похочетъ, а Цесарь бы Руделфъ, коли ужъ за Свѣйского вступился, и онъ бы о томъ именно къ Свѣйскому наказалъ, чтобъ онъ передъ Великимъ Государемъ нашимъ исправился вскорѣ, и вотчинные городы Государя нашего Лифлянскіе и Новгородцкіе земли отдалъ безъ кровопролитія».

И цесаревъ посолъ говорилъ: «Государь бы вашъ, Царское Величество, Свѣйскому потерпѣлъ не много, покамѣста язъ, Миколай, у Цесарского Величества буду; а какъ меня Государь велитъ отпустить, ино мочно поспѣти къ цесареву Двору въ шесть недѣль, а цесаревы послы въ а Свѣю поспѣютъ въ пять недѣль, изъ Свѣи на съѣздъ подъ Ивань-городъ будутъ со всѣмъ полнымъ наказомъ недѣли въ четыре, и совершится то все въ Маѣ мѣсяцѣ или кончѣе въ Іюнѣ. А что вы говорите, что Свѣйскому пригоже посылать къ Цесарю бити челомъ о томъ, чтобъ Цесарь Руделфъ объ немъ печаловался Государю, и Свѣйской присылалъ ко Государю нашему, къ Руделфу Цесарю, о томъ бити челомъ; только то у насъ таіно, подлинно мнѣ слышеть того не лучилось». А о Максимиліанѣ, выслушавъ отвѣтъ, говорилъ: «Государя нашего, Руделфа Це-

саря, любезнѣйшій братъ, Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйскій велѣлъ мнѣ, Миколаю, о томъ Государю извѣстить: только Жигимонтъ Король назадъ изъ Свѣи на Королевство Польское быти не похочетъ, и Максимиліянъ хочетъ промышлять, чтобъ ему быти на Польскомъ Королевствѣ; а Государь бы помочь ему учинилъ. А то Максимиліяну подлинно вѣдомо отъ самого Жигимонта Короля, что онъ на Польское Королевство не хочетъ, а хочетъ быти на Свѣйскомъ Королевствѣ, потому что паны рада Польскіе и Литовскіе самовольные люди и дѣлаютъ по своей волѣ, какъ хотятъ, и ни въ чемъ его не слушаютъ, и за Государя не имѣютъ и повольности ему нѣтъ никоторыя: держатъ его кабы за невольника, а не за Государя. А у канцлера Польского, у Яна у Замойского умышленье то: будетъ Жигимонтъ Король не будетъ назадъ на Польское Королевство, и онъ хочетъ на Коруну Польскую взять Стефана Оботура брата, а привезти его хочетъ въ Краковъ тотъ часъ, какъ вѣсть про Жигимонта Короля будетъ, и Краковъ засѣсти и коруновать его хочетъ безъ всѣхъ пановъ радъ совѣту. А у Максимиліяна умышленье то: какъ поїдетъ Стефановъ братъ Обатуръ къ Кракову, и ему съ нимъ битися и въ Краковъ его не пропустить, а быть на Польскомъ Королевствѣ хочетъ самъ. А нынѣ Максимиліянъ стоитъ на готовѣ, и и люди у него въ собраньѣ многіе, и вѣсти у Максимиліяна про то подлинные частые, и лазучники многіе бываютъ. И какъ будетъ тому время, и Государь бы Максимиліяну вспоможенье учинилъ, смотря по дѣлу; а нынѣ Максимиліянъ ещо у Государя помочи, людей и казны, не проситъ. А что говорили есте мнѣ въ отвѣтѣ, что Государь хочетъ посылать къ паномъ радамъ отъ себя грамоты, чтобъ они, мимо всѣхъ, обрали на Коруну Полскую и на Великое Княжество Литовское Максимиліяна Королемъ, и Государь бы писати къ панамъ радамъ о Максимиліянѣ поспѣшити не велѣлъ для того, чтобъ имъ о томъ вскорѣ вѣдомо не было; а помочь бы Максимиліяну учинилъ въ тѣ поры, какъ время будетъ. А язъ радѣнье государево Руделфу Цесарю о Максимиліянѣ извѣщу, и Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, брату своему, Государю вашему, противъ того всѣмъ добромъ учнетъ отдавать, и имя его Царское и братцкую его любовь къ себѣ будетъ выславлять; и къ Максимиліяну Арцыкнязю заѣхавъ, государево радѣніе объ немъ извѣщу. А какъ нынѣ послалъ меня Руделфъ Цесарь ко Государю, и язъ у Максимиліяна не былъ; а присылалъ ко мнѣ Максимиліянъ съ тѣмъ въ дорогу своего ближнего человѣка, а велѣлъ о тѣхъ дѣлѣхъ Государю извѣстить».

И бояре, Ѳедоръ Никитичь съ товарищи, рѣчи посольскіе сказывали Государю; и Государь, Царь и Великій Князь цесарева посла велѣлъ отпустити на подворье, а на его рѣчи отвѣтъ учинити велѣлъ инымъ временемъ.

Октября въ 23 день, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, велѣлъ цесареву послу Миколаю Варкачю, быти у себя Государя на дворѣ, и отвѣтъ ему учинити противъ его рѣчей, что онъ говорилъ противъ отвѣту.

И того дни, цесаревъ посолъ Миколай Варкачь у Государя на дворѣ былъ. А посыланы по него пристава: князь Семенъ Звенигородцкой

да Андрей Окинфовъ; а пріѣздъ его ко Государю на дворъ и встрѣча была по прежнему; а встрѣчалъ думной дворянинъ Романъ Михайловичь Пивовъ, да розрядной діакъ Сапунъ Аврамовъ. А какъ посолъ вшелъ ко Государю, и явилъ его Государю челомъ ударить окольничей, князь Иванъ Васильевичь Гагинъ. И Государь, Царь и Великій Князь велѣлъ послу сѣсти, а посидѣвъ мало, велѣлъ діаку Андрею Щелкалову молвить, чтобъ посолъ шолъ въ отвѣтную полату. А съ отвѣтомъ высылалъ Государь прежнихъ же бояръ: боярина и намѣстника Псковского Ѳедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, князя Ивана Васильевича Ситцкого, да дьяковъ: Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина. И какъ бояре и діаки вошли въ отвѣтную полату, и цесаревъ посолъ встрѣтилъ ихъ по прежнему, середи полаты, и, давъ межъ собя руки, сѣдчи по мѣстомъ, говорили бояре:

«Миколай! говорилъ еси съ нами о соединеньѣ, что съ Цесаремъ на Турского въ соединеньѣ утвердилися папа Римской и Король Ишпанской, а положились во всемъ на Цесаря, чтобъ Цесарь обослался съ Великимъ Государемъ нашимъ, чтобъ Великій Государь нашъ Цесарю помочь учинилъ. И Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ братомъ своимъ съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, соединенья противъ Турского хочетъ; а велѣлъ тебя спросити, только о томъ: Государь нашъ пошлетъ къ брату своему, къ Руделфу Цесарю, посланника съ тобою вмѣстѣ,— и паны рада Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского Государя нашего посланника съ тобою вмѣстѣ пропустятъ ли, о томъ у тебя договоръ съ паны радами бывалъ ли, и Королю Жигимонту ты о томъ говаривалъ ли? а Государь нашъ, Его Царское Величество, о пропускѣ посланника своего отпишетъ къ Жигимонту Королю».

И цесаревъ посолъ Миколай говорилъ: «о пропускѣ есми государева посланника Жигимонту Королю не говаривалъ, и съ паны радными договоръ у меня о томъ не бывалъ; и чаю, что паны рада Польскіе и Литовскіе государева посланника не пропустятъ, и не хотятъ того видѣти, чтобъ Государь вашъ съ Руделфомъ Цесаремъ ссылался, нѣчто будетъ посланнику государеву проѣхати къ цесарю коимъ обычаемъ тайно».

И бояре, Ѳедоръ Никитичь съ товарищи, цесареву послу Миколаю говорили: «Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, ни къ кому тайно пословъ и посланниковъ не посылаетъ; а къ брату своему къ Руделфу Цесарю Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, посланника своего хотѣлъ послати съ тѣмъ, что Его Царское Величество съ братомъ своимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ соединеньѣ быти и противо Турского стояти и вспоможенье учинити хочетъ. И коли ты, Миколай, говоришь, что Государя нашего посланника паны рада къ Цесарю не пропустятъ и пройти ему черезъ Литву не мочно, и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, о соединеньѣ на Турского съ братомъ своимъ съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, велѣлъ тебѣ, послу его, объявити, что Его

Царское Величество издавна о томъ радѣетъ и промышляетъ, и хочетъ съ братомъ своимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ быти въ братцкой любви и на Турского стояти заодно, только бъ Руделфъ Цесарь напередъ сослался и утвердился въ соединеньѣ съ папою Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, и, утвердяся съ папою и съ Ишпанскимъ Королемъ, слали къ Великому, Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, о докончаньѣ пословъ своихъ; а папины бъ послы и Ишпанского Короля съ цесаревыми послы шли ко Государю вмѣстѣ. А какъ цесаревы послы, и папины и Ишпанского Короля будутъ у Великого Государя нашего, и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, велитъ съ тѣми послы о докончаньѣ и о соединеньѣ на Турского приговорити и закрѣпити, и своихъ пословъ къ Цесарю того докончанья закрѣпити пошлетъ. И ты Цесарскому Величеству Государя нашего волю и хотѣніе и приказъ извести, да и то Руделфу Цесарю извести, чтобы онъ съ тѣми своими послы, которыхъ пошлетъ ко Государю, послалъ пословъ своихъ къ Персидцкому Шаху; а Великій Государь нашъ цесаревыхъ пословъ, которыхъ пошлетъ къ Шаху, черезъ свое Государство пропустити велитъ, и проводити ихъ Государь велитъ черезъ свои Государства; а Шахъ Персидцкой которого своего посла пошлетъ до Цесаря, и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, шахова посла черезъ свои земли по тому жъ къ Цесарю отпустити велитъ. Только ты, Миколай, о томъ намъ, Царского Величества бояромъ, объяви: цесаревымъ, и папы Римского и Короля Ишпанского посломъ, которою дорогою ѣхати къ Великому Государю нашему, черезъ Литовское ль Государство, или окіяномъ моремъ въ кораблѣхъ ко Государя нашего отчинѣ къ Колмогорской пристани, куды и ты, Миколай, прежъ сего ѣзживалъ»?

И цесаревъ посолъ Миколай говорилъ: «Государь нашъ, Цесарское Величество, хотѣлъ того, чтобы Великого Государя, Его Царского Величества, послы были у него, Римского Цесарского Величества, а въ то бъ время также бы были при Его Величествѣ послы папы Римского и Короля Ишпанского и иныхъ Поморскихъ Государей. Да коли на то Его Царское Величество не произволяетъ, и Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, слышечи то, что Царское Величество хочетъ съ нимъ на Турского въ соединеньѣ быти, тотъ часъ пошлетъ къ папѣ Римскому и къ Королю къ Ишпанскому и къ инымъ Поморскимъ Государемъ, чтобъ они слали къ Цесарскому Величеству пословъ своихъ о докончаньѣ и о соединеньѣ. И папа Римской, и Король Ишпанской и иные Поморскіе Государи тотъ часъ къ Цесарскому Величеству пословъ своихъ пришлютъ; и тѣхъ Государей послы, будучи у Цесарского Величества, о докончаньѣ и о соединеньѣ приговорятъ и закрѣпятъ, а приговоривъ и закрѣпивъ у Цесаря, тѣ всѣ послы будутъ у Великого Государя вашего съ цесаревыми послы вмѣстѣ; только тому нынѣ вскорѣ статися не возможно: на лѣто имъ и къ осени не поспѣть, потому что Государю нашему съ папою, и съ Ишпанскимъ Королемъ, и съ иными Государи обсылатися, и тѣми обсылками поизмѣшкается; а быти бъ посломъ ко Государю вашему отъ Цесаря и отъ иныхъ Государей отъ сее предъидущіе весны къ

другой веснѣ; да и къ Персидцкому Шаху Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, пошлетъ пословъ своихъ съ ними жъ вмѣстѣ. А Государь бы вашъ, Царское Величество, на Государя нашего, Цесарского Величества, послы, и па папины и на Ишпанского Короля послы, послалъ со мною свои государевы опасные грамоты; а пойдутъ тѣ всѣ послы черезъ Литву; а не пропустить имъ нельзя, потому что всѣ Государи хотятъ и ищутъ христьянского покою чтобъ стать противъ христьянского гонителя. А будетъ черезъ Литву не пропустятъ, и у насъ дорога ко Государя вашего отчинѣ, къ Иваню - городу, черезъ Дацкую землю; а будетъ и тамъ заказъ будетъ, и у насъ есть, Богомъ дарованная, дорога окіяномъ моремъ ко Государя вашего отчинѣ, къ Колмогорскому пристанищу».

И бояре и діаки говорили цесареву послу о Максимиліянѣ, Арцыкнязѣ Аустрѣйскомъ: «говорилъ еси намъ о цесаревѣ братѣ, о Максимиліянѣ, Арцыкнязѣ Аустрѣйскомъ, чтобъ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, вспоможенье ему учинити о Королевствѣ Польскомъ и о Великимъ Княжествѣ Литовскомъ, какъ будетъ тому время, смотря по дѣлу, а нынѣ бъ къ панамъ радамъ о Максимиліянѣ грамотъ посылать не поспѣшить, чтобъ про Максимиліяна вскорѣ не объявилося, — и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, о Максимиліяновѣ дѣлѣ о всемъ положился на брата своего, на Руделфа Цесаря волю, и помочь во время Максимиліяну учинити хочетъ; а Государь бы вашъ, Руделфъ Цесарь, Великого Государя нашего, Его Царского Величества, о томъ безъ вѣсти не держалъ: какъ почнется дѣлать о Королевствѣ Польскомъ и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, о Руделфовѣ цесаревѣ братѣ, о Максимиліяновѣ дѣлѣ, Арцыкнязя Аустрѣйского, чтобъ Государю нашему было вѣдомо».

И цесаревъ посолъ Миколай Варкачь говорилъ: «Государя нашего, Руделфа Цесаря, любезнѣйшій братъ Максимиліянъ, подлинно то вѣдаетъ отъ самого Жигимонта Короля, что онъ на Королевствѣ Польскомъ быти не хочетъ, а хочетъ быти на Свѣйскомъ Королествѣ; и нынѣ отъ васъ, государевыхъ бояръ, слыша такое великое дѣло, что Царское Величество хочетъ того, чтобы Государя нашего, Руделфа Цесаря, братъ Максимиліянъ былъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; и язъ такое великое государево радѣніе и хотѣнье о Максимиліянѣ Государю своему, Руделфу Цесарю, и брату его любезнѣйшему Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому извѣщю. А Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, брату своему, Великому Государю, Царю и Весикому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, противъ того по тому жъ велѣлъ добромъ отдавать и братцкую его любовь выславляти будетъ».

И бояре и діаки говорили цесареву послу о Крымскомъ и о Кизылбашскомъ: «говорилъ еси намъ о Крымскомъ и о Персидцкомъ, чтобъ Великому Государю нашему къ Крымскому Царю и къ Персидцкому Шаху приказать, чтобъ Крымской Царь съ Турскимъ вмѣстѣ на цесареву Угорскую землю войною не ходилъ, а Персидцкой бы Шахъ съ Турскимъ николи не мирился, — и Государю

нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, Его Царскому Величеству, въ Крымъ ко Царю и не о чомъ было посылать; а нынѣ Великій Государь нашъ, для братцкіе любви дражайшего и любезнѣйшего брата своего, Руделфа Цесаря, въ Крымъ нарокомъ послалъ пословъ своихъ: князя Меркурья Щербатого да діака своего Өөонасья Демьянова для того, чтобы Царь въ Угорскую землю самъ не ходилъ и Царевичей не посылалъ. А чаемъ, что Казы-Гирѣй Царь Великого Государя нашего, Его Царского Величества, не ослушается, на Угорскую землю войною самъ не пойдетъ. А къ Кизылбашскому Шаху Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, для брата своего Руделфа Цесаря, нарокомъ посылаетъ посланника своего съ тѣмъ, чтобъ Кизылбашской Шахъ одноличпо съ Турскимъ николи не мирился, и стоялъ бы на Турского съ Руделфомъ Цесаремъ и съ Королемъ Ишпанскимъ заодно. И Кизылбашскоі Шахъ повелѣнія Великого Государя нашего ни въ чемъ не ослушается, съ Турскимъ безъ государева повелѣнія не помирится, съ Руделфомъ Цесаремъ стояти заодинъ на него будетъ».

И цесаревъ посолъ Миколаі говорилъ: «то Царское Величество учинитъ по братцкой любви, любячи брата своего, Государя нашего, Руделфа Цесаря; а язъ подданный его тѣ братцкіе любительные дѣла Государю своему, Руделфу Цесарю, извѣщу, что Царское Величество для его, брата своего, Руделфа Цесаря, нарокомъ въ Крымъ пословъ своихъ послалъ, а къ Кизылбашскому посланника послати хочетъ; и то Государю нашему, Его Цесарскому Величеству, будетъ въ великую любовь, что Государь такое великое дѣло учинилъ».

А послѣ того бояре, Өедоръ Никитичь съ товарищи, говорили цесареву послу Миколаю о Свѣйскомъ дѣлѣ: «говорилъ еси намъ о Свѣйскомъ Жигимонтѣ Королѣ; и мы тебѣ Жигимонтова королева отца, Свѣйского Ягана Короля, многіе грубости и неправды передъ отцомъ Великого Государя нашего, блаженные памяти, передъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, и передъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Өедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, объявляли, и тебѣ то все самому извѣстно. А нынѣ и сына его, Жигимонта Короля, передъ Великимъ Государемъ нашимъ, Его Царского Величества, объявилася неправда: написано въ договорныхъ записяхъ пословъ Царского Величества, околничего и намѣстника Суздальского, Михаіла Глѣбовича Салтыкова съ товарищи, съ Свѣйскими послы съ Клаусомъ Фляминымъ съ товарищи, что Ягану Королю, или кто иной Король на Свѣйскомъ Королевствѣ будетъ, прислати Царского Величества къ посломъ своихъ пословъ о городѣхъ говорити, что держитъ къ Свѣйскому Королевству Государя нашего отчины Новгородцкого уѣзда и Лифлянскіе земли; а съѣхатся было на срокъ на Покровъ Святоі Богородицы нынѣшнего 102-го году. И Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, по договору пословъ своихъ съ Свѣйскими послы, посылалъ къ тому сроку пословъ своихъ, окольничего и намѣстника Калужского, князя Ивана Самсоновича

Туренина съ товарищи, и они на срокъ въ Ивань-городъ пришли; а Жигимонтъ Король посолской договоръ и крестное цѣлованье порушилъ пословъ своихъ къ тому сроку не прислалъ, и городовъ Государя нашего вотчинныхъ Лифлянскіе и Новгородціе земли не отдалъ. И Великого Государя нашего послы послѣ сроку ждали долгое время, и видя то, что крестное цѣлованье порушено, и послы Свѣйскіе не бывали и послѣ сроку, и Государя нашего послы изъ Иваня-города, пошли къ Москвѣ. И нынѣ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, для дражайшего и любезнѣйшего брата своего Руделфа Цесаря, что ты, посолъ Миколай, о Свѣйскомъ Жигимонтѣ Королѣ съ великимъ прошевьемъ говорилъ, на Свѣйскую землю ратей своихъ не послалъ, и кровоpозлитія хрестьянского видѣти не хочетъ, а посломъ своимъ велѣлъ постояти въ Великомъ Новѣгородѣ. И ты такую любовь Великого Государя нашего, Его Царского Величества, брату его дражайшему, Руделфу Цесарю, извѣсти, что Государь нашъ, Его Царское Величество, Свѣйскому, для его, брата своего, то терпитъ. А ты, Миколай, о томъ пошли человѣка своего на Ругодивъ, чтобы Жигимонтъ Король Великого Государя нашего ратей на себя не дожидался, и кровоpозлитія на Свѣйской землѣ видѣть не похотѣлъ, крестного цѣлованья не рушилъ, пословъ своихъ о городѣхъ, что держитъ къ Свѣйскому Королевству, Государя нашего отчины: Новгородціе земли городъ Корѣлу, и Лифлянскіе земли городъ Ругодивъ и иные, слалъ нынѣ къ Рожеству Христову, и тѣ городы отдалъ».

И цесаревъ посолъ Миколай говорилъ: «хотя нынѣ Свѣйской, по посольскому договору о городѣхъ, на съѣздъ пословъ своихъ на срокъ и не прислалъ,—и онъ впредь въ томъ исправится; а перемирью еще срокъ не вышелъ, останется отъ Крещенія Христова годъ, и въ то время мочно, срокъ учиня съ обѣ стороны, о городѣхъ сослатися и договоръ чинить. А мнѣ нынѣ о томъ человѣка своего къ Свѣйскому послати нелзѣ, и приказывать къ Свѣйскому, мимо цесаревъ приказъ, не пригоже. А что мнѣ Цесарское Величество наказалъ Государю вашему о Свѣйскомъ говорити, и язъ вамъ то говорилъ, чтобъ Государь вашъ, Царское Величество, кровоpозлитія во Христьянствѣ видѣти не похотѣлъ, и съ Свѣйскимъ Королемъ покой учинити велѣлъ. И что вы мнѣ про Свѣйского объявили, и язъ то, ажъ дастъ Богъ, Цесаркому Величеству извѣщу; и Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, къ Свѣйскому къ Жигимонту Королю пошлетъ нарокомъ о томъ посла своего и на тое его учнетъ наводить, чтобы государевы отчинные городы Государю отдалъ и учинилъ съ Государемъ вѣчной миръ, чтобы ужъ впередъ кровоpозлитія межъ хрестьянъ не было. А чаю язъ, что Свѣйскіе послы будутъ на съѣздъ на лѣто».

И бояре цесареву послу Миколаю говорили: «говоришь, что еще перемирью срокъ не вышелъ, и мы то тебѣ сказывали, что Жигимонтъ Король то перемирье и крестное цѣлованье порушилъ, потому что пословъ своихъ по договору на срокъ и послѣ сроку долгое время не прислалъ, и тѣмъ кровоpозлитіе самъ на собя наводитъ, и Государю нашему за такую неправду Жигимонту Королю какъ терпѣти, только бъ не для брата своего, Руделфа Цесаря»?

И цесаревъ посолъ Миколай гово-

рилъ: «какъ, аже дастъ Богъ, буду у Государя своего Цесарского Величества, и язъ про то Цесарскому Величеству извѣщу, и Государь нашъ, Цесарское Величество, тотъ часъ къ Свѣйскому пошлетъ, чтобъ онъ передъ Государемъ исправился и чюжого бъ за собою не держалъ, и отдалъ государевы городы.» Да говорилъ цесаревъ посолъ Миколай: «объявили естя мнѣ, что Великій Государь вашъ, Его Царское Величество, съ братомъ своимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ братствѣ, и въ любви и въ доканчаньѣ быть, и на всякого недруга стояти заодинъ и вспомогати хочетъ. И нынѣ у Государя вашего, у Великого Государя, Царя и Великого Князя Өеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Государя нашего Руделфа Цесаря прошенье то: только гонитель хрестьянской, Турской Салтанъ, перемирье поруша, наступитъ на Государя нашего вскорѣ, и Государь бы вашъ пожаловалъ, брату своему Руделфу Цесарю помочь учинилъ своею государевою казною, рухледью, собольми, и куницами и иною рухледью; и Государь нашъ, Цесарь, тѣмъ найметъ людей и учнетъ противъ Турского стояти, сколько Богъ помочи подастъ, покамѣста всѣ хрестьянскіе Государи соединачатся».

И бояре цесареву послу говорили: «мы тѣ твои рѣчи всѣ донесемъ до Царского Величества». И сказывали посольскіе рѣчи Государю, и Государь, Царь и Великій Князь велѣлъ цесарева посла отпустить на подворье, а противъ его рѣчеі отвѣтъ учинити велѣлъ инымъ временемъ.

Октября въ 28 день, Государь, Царь и Великій Князь Өеодоръ Ивановичь всеа Русіи, велѣлъ цесареву послу Миколаю Варкачю, быти на дворѣ у себя Государя, и на его рѣчи, которые говорилъ отъ Руделфа Цесаря, отвѣтъ ему учинити, по своему государеву указу.

И того дни, цесаревъ посолъ у Государя былъ; а пріѣздъ его былъ на государевъ дворъ и встрѣчи по прежнему. А какъ вшелъ ко Государю въ полату, и явилъ ихъ Государю челомъ ударить окольничей князь Иванъ Васильевичь Гагинъ. И Царь и Великій Князь велѣлъ послу сѣсти на скамейкѣ, по прежнему; а посидѣвъ мало, велѣлъ итти въ отвѣтную полату. А съ отвѣтомъ посылалъ Государь бояръ своихъ и діаковъ: боярина и намѣстника Псковского, Өеодора Никитича Романова съ товарищи, которые въ отвѣтѣ были напередъ того.

И говорили бояре послу Миколаю: «говорилъ еси намъ о томъ: будетъ наступитъ на Государя вашего Турской вскорѣ, и Великій бъ Государь нашъ, Его Царское Величество, брату своему, Руделфу Цесарю, помочь учинилъ своею государевою казною, собольми, и куницами, и лисицами и иною рухлядью, и Цесарь на то наймѣтъ людеі, и учнетъ противъ непріятеля своего, Турского Салтана, стояти, покамѣста со всѣми хрестьянскими Государи, обослався послы, укрѣпится въ доканчаньѣ и въ соединеньѣ. И мы тѣ твои рѣчи извѣстили Великого Государя нашего, Его Царского Величества, шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому, Борису Өеодоровичю Годунову, а Борисъ Өеодоровичь то доносилъ до Великого Государя нашего, Его Царского Величества,—и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, съ братомъ сво-

имъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ съ Руделфомъ Цесаремъ, хочетъ быти въ братцкой любви и въ соединеньѣ свыше иныхъ Государей, и всякими обычаи противъ непріятеля всего Христьянства, Турского Салтана, вспомогати ему хочетъ; и будетъ Салтанъ Турской на Руделфа Цесаря наступитъ вскорѣ, и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, учнетъ спомогати своею казною, собольми и куницами и лисицами и иною рухлядью, и Турскому его подастъ».

И цесаревъ посолъ на томъ билъ челомъ, а говорилъ: «то Царского Величества ко Государю нашему, къ Руделфу Цесарю, великая любовь, что противъ непріятеля цесарского и всего Христьянства, Турского Салтана, хочетъ спомогати своею казною; и какъ, аже дастъ Богъ, буду у Государя своего, и язъ то Государю своему извѣщу. А Государь нашъ, Его Цесарское Величество, во всемъ надежю держитъ на брата своего, Его Царское Величество, видѣчи его къ себѣ любовь, что его не оставляетъ ни въ чемъ».

Да цесаревъ же посолъ Миколай Варкачь, говорилъ бояромъ: «Государь нашъ, Пресвѣтлѣйшій Руделфъ Цесарь, приказалъ мнѣ, а велѣлъ извѣстити брату своему, Государю вашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи тайно, что Цесарское Величество хочетъ доступати Лифлянскіе земли, чтобъ ему Лифлянскую землю привести подъ свою цесарскую руку, а отъ Литвы и отъ Свѣйского отвести; только о томъ Государь нашъ, Его Цесарское Величество, отъ брата своего, Государя вашего, хочетъ вѣдати: похочетъ ли Государь вашъ, Царское Величество, того что Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, Лифлянскіе земли учнетъ доступати, и подъ свою руку приводить»?

И бояре спросили цесарева посла, коимъ обычаемъ Государю вашему, Руделфу Цесарю, доступати Лифлянскіе земли?

И цесаревъ посолъ Миколай Варкачь говорилъ: «прежъ сего извѣщалъ есми вамъ, что Литовской Жигимонтъ Король нынѣ поѣхалъ на отца своего Королевство Свѣйское, а Королевство Полское и Великое Княжество Литовское нынѣ безъ Государя; а то подлинно вѣдомо, что Жигимонту Королю изъ Свѣи назадъ не бывати; а хочетъ на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское прежнего Стефана Короля племянникъ Оботуръ; и Государя нашего братъ Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйской, хочетъ тѣмъ промышлять всякими обычаи, чтобъ ему быть Королемъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а того бъ Батуру не допустить. А въ Корунѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскимъ паны рада Зборовскіе, и воевода Познанской и иные многіе жадаютъ на Королевство Его Милости Максимиліана, цесарева брата, и въ Краковѣ доброхотовъ Максимиліяну много, опричь одного канцлера: тотъ хочетъ Батура. И только Жигимонту Королю на Коруну Польскую не быти, а похотятъ на Королевство Батура, и Государя нашего братъ Максимиліянъ, со всѣми силами, съ цесаревыми и съ своими людьми пойдетъ къ Кракову и къ инымъ городамъ, и учнетъ промышляти, чтобъ Батура на то Королевство не допустить

а моремъ въ то время пошлетъ Государь нашъ, Цесарское Величество, со многою ратью брата своего Матьяша, Арцыкнязя Аустрѣйского, которой нынѣ на Двинѣ, а съ нимъ будетъ воинскихъ людей изъ Любокъ и изъ поморскихъ городовъ пятьдесять кораблей, а изъ Датцкіе земли тридцать кораблей; и велитъ промышляти надъ Лифлянскою землею, чтобъ ее привести подъ свою руку. А изъ Риги и изъ иныхъ Ливонскихъ городовъ съ Государемъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, ссылаются и хотятъ быть подъ цесаревою областью. А коли за Государемъ нашимъ будетъ Рига, и тогды и иные Ливонскіе городы и вся Лифлянская земля будетъ за Государемъ нашимъ, потому что Рига всѣмъ Ливонскимъ городомъ замокъ. Только о томъ Государь нашъ, Цесарское Величество, велѣлъ извѣстити брату своему, Государю вашему, Царьскому Величеству, похочетъ ли того Государь вашъ, что Государь нашъ учнетъ имати Лифлянскую землю подъ свою руку»?

И бояре тѣ посольскіе рѣчи сказывали Государю.

И Государь, Царь и Великій Князь, Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, цесареву послу велѣлъ объявити про Лифлянскую землю, что брату своему, Руделфу Цесарю, для братцкіе любви, Лифлянскіе земли поступается, опричь Юрьева Ливонского съ пригороды да Руголива съ пригороды; а о тѣхъ городѣхъ съ пригороды, которымъ быть за нимъ Государемъ, какъ Цесарь Лифлянскіе земли доступитъ, велѣлъ поговорить.

По Государеву, Цареву и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи указу, бояре, пришедъ въ отвѣтную полату, говорили послу: «говорилъ еси съ нами о Лифлянской землѣ, что Государь вашъ, Руделфъ Цесарь, хочетъ доступати Лифлянскіе земли; а о томъ Цесарское Величество велѣлъ извѣстити брату своему, Государю нашему, Его Царскому Величеству: похочетъ ли Царское Величество того, что Руделфъ Цесарь учнетъ Лифлянскую землю подъ свою руку имати? И мы тѣ рѣчи извѣщали Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому, Борису Өедоровичю Годунову, а Борисъ Өедоровичь и мы съ нимъ доносили до Великого Государя нашего, Его Царского Величества. И Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, Его Царское Величество, тебѣ, Цесарского Величества послу Миколаю, про Лифлянскую землю велѣлъ отвѣтъ учинить, и мысль свою царскую и хотѣніе брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, велѣлъ объявити: вѣдомо Государю вашему, Руделфу Цесарю, и всѣмъ поморскимъ Государемъ, что Лифлянская земля искони вѣчная Государя нашего отчина отъ прародителей Государя нашего, отъ Великого Государя, Ярослава-Георгія, которой дань положилъ на Лифлянскую землю, и городъ въ свое имя Юрьевъ въ Лифлянской землѣ поставилъ; и за кѣмъ Лифлянская земля ни будетъ, за Литовскимъ ли, или за Датцкимъ, или за Свѣйскимъ, или за иными которыми Государи, и Государю нашему, Его Царскому Величеству, впередъ ее доступать, и никому ее не поступиться. А брату своему дра-

жайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Его Царское Величество, для брацкіе любви, за то не постоитъ, Лифлянскіе земли поступится, опричь Юрьева съ пригороды да Ругодива съ пригороды. А Юрьеву и Ругодиву съ пригороды быти за Государемъ нашимъ, и не поступится ихъ Государь нашъ никому, потому что Великого Государя нашего прародитель, Великій Государь Ярославъ тотъ городъ Юрьевъ поставилъ въ свое имя, и храмъ въ Юрьевѣ Ангела своего имя, Страстотерпца Христова Георгія, поставилъ; а Ругодивъ такъ же Государя нашего отчина изъ давныхъ лѣтъ. И Цесарское бъ Величество къ Великому Государю нашему тѣмъ любовь свою показалъ: какъ Лифлянскіе земли доступитъ, и онъ бы тѣ городы, Юрьевъ съ пригороды и Ругодивъ съ пригороды, отдалъ Государю нашему; а опричь тѣхъ городовъ, всѣ городы Лифлянскіе земли Государь нашъ поступается брату своему, Руделфу Цесарю».

И посолъ Миколай говорилъ: «что Государь вашъ, Его Царское Величество, ко Государю нашему, Цесарскому Величеству, большую любовь свою оказуетъ, что Лифлянскіе земли поступается Государю нашему, а про Юрьевъ и про Ругодивъ вѣдомо и намъ, что изъ давныхъ лѣтъ Государя вашего отчина; и коли Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, доступитъ Лифлянскіе земли, и тогды брату своему, Государю вашему, для братцкіе любви, ни за что не постоитъ, хоти и не только городовъ Государю вашему понадобится, и Государь нашъ то дастъ».

И бояре послу говорили: только Жигимонтъ Король, Свѣйского сынъ, будетъ опять на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и тогды Цесарю надъ Лифлянскою землею промышлять ли и ее доступать ли?

И посолъ говорилъ: «Государь нашъ, Цесарское Величество, хочетъ Лифлянскіе земли доступать тогды, только Жигимонтъ Король изъ Свѣйскіе земли назадъ на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское не будетъ, а похочетъ быти съ Батуръ; а только опять будетъ въ Польшѣ и въ Литвѣ Жигимонтъ Король, и онъ съ Государемъ нашимъ будетъ въ любви и въ соединеньѣ».

Да говорилъ посолъ о споможеньѣ: «и объявили естя мнѣ Государя своего, Его Царского Величества, ко Государю нашему любовь о вспоможеньѣ противъ Турского, и мнѣ бъ то подлинно вѣдать, такъ ли вы говорили? только Турской, поруша перемирье, на Государя нашего поступитъ вскорѣ, и Государь вашъ, Его Царское Величество, Государю нашему помочь учинитъ своею царскою казною, рухлядью, собольми и куницами, и иною рухлядью».

И бояре, Өедоръ Никитичь съ товарищи, говорили: «Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Его Царское Величество, какъ слово свое молвилъ, на томъ и стоитъ, съ братомъ своимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, Руделфомъ Цесаремъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ быти хочетъ, и противъ непріятеля христьянского, Турского Салтана, своею казною спомогати учнетъ. А Цесарское бъ

Величество, обослався и укрѣпяся въ соединеньѣ съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и со всѣми поморскими Государи, прислалъ къ Великому Государю нашему пословъ своихъ великихъ вскорѣ; да и папа бъ и Ишпанской Король къ Великому Государю нашему вмѣстѣ съ цесаревыми послы прислали пословъ своихъ, и они, будучи у Государя нашего, докончанье приговорятъ и закрѣпятъ. Да и къ Персидцкому бъ Шаху Государь вашъ пословъ своихъ послалъ съ тѣми жъ послы вмѣстѣ; а Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, тѣхъ цесаревыхъ пословъ, которыхъ къ Персидцкому Шаху пошлетъ, черезъ свое Государство пропустити ихъ велитъ».

И цесаревъ посолъ Миколаій говорилъ: «какъ, аже дастъ Богъ, буду у Государя своего, и язъ ту Государя вашего, Царского Величества, любовь братцкую о споможеньѣ Государю своему, Руделфу Цесарю, извѣщу; а Государю нашему то будетъ отъ Государя вашего въ великую любовь, и противъ непріятеля всего Христьянства, Турского Царя, будетъ стояти надеженъ. А пословъ Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, о докончаньѣ и о соединеньѣ со всѣмъ полнымъ дѣломъ пришлетъ ко Государю вашему впередъ отъ сее предъидущіе весны въ другую весну. А въ то время Государь нашъ, Его Цесарское Величество, о докончаньѣ и о соединеньѣ обошлется и укрѣпится съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и со всѣми поморскими Государи; а папа и Ишпанской Король, укрѣпяся съ Государемъ нашимъ въ докончаньѣ, и ко Государю вашему пословъ своихъ пришлютъ вмѣстѣ съ Государя нашего, Его Цесарского Величества, съ послы; да съ тѣми жъ своими послы вмѣстѣ Государь нашъ Руделфъ Цесарь пошлетъ пословъ своихъ и къ Персидцкому Шаху. А Государь бы вашъ Его Царское Величество, нынѣ къ Персидцкому Шаху съ послы его приказалъ, чтобъ Шахъ къ тому жъ сроку, къ другой веснѣ, прислалъ ко Государю вашему пословъ своихъ; да и ко Государю бъ нашему послалъ пословъ своихъ вмѣстѣ съ тѣми послы; и тогды Государя нашего послы пойдутъ къ Шаху, а шаховы бъ послы пошли ко Государю нашему, чтобъ то великое дѣло вскорѣ утвердить и постановить».

И бояре, Ѳедоръ Никитичь съ товарищи, цесареву послу говорили о Свѣйскомъ: «прежъ сего мы тебѣ объявляли, какіе грубости и неправды передъ Великимъ Государемъ нашимъ, Его Царскимъ Величествомъ, были Свѣйского Ягана Короля, и какъ нынѣ Жигимонтъ Король, по договору Свѣйскихъ пословъ о городѣхъ, которые за нимъ городы Царского Величества отчинные Лифлянскіе и Новгородцкіе земли, на съѣздъ пословъ на срокъ и послѣ сроку не прислалъ. И ты намъ говорилъ, что Государь вашъ къ Свѣйскому о томъ пошлетъ, чтобъ онъ передъ Государемъ нашимъ исправился, и на съѣздъ пословъ своихъ Царского Величества къ посломъ пришлетъ; а Цесарь Руделфъ своихъ пословъ вмѣстѣ съ Свѣйскими послы ко Государя нашего посломъ пришлетъ. И ты намъ объяви: къ которому дни быти на съѣздъ Государя вашего, Руделфа Цесаря, посломъ и Свѣйскимъ посломъ ко Государя нашего посломъ?

И цесаревъ посолъ Миколаіі говорилъ: «коіі часъ язъ пріѣду ко Госу-

дарю своему, и о Свѣйскомъ дѣлѣ Государю своему, Его Цесарскому Величеству, извѣщю, и Государь нашъ тотчасъ пошлетъ къ Свѣйскому посланника своего съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онъ передъ Государемъ вашимъ исправился, и городы Государя вашего, которые за нимъ, отдалъ, и былъ съ Государемъ вашимъ въ докончаньѣ. Да съ тѣмъ же посланникомъ вмѣстѣ пошлетъ Государь нашъ гонца своего для того, какъ Государя нашего посланникъ у Свѣйского постановитъ и приговоритъ, къ которому дни посломъ быть, и тотъ гонецъ съ тою вѣстью, на чомъ Государя нашего посланникъ у Свѣйского постановитъ, и къ которому дни посламъ на съѣздъ быть, поѣдетъ ко Государю вашему на Ругодивъ. А посланникъ Государя нашего поѣдетъ наскоро ко Государю нашему, къ Руделфу Цесарю; и Государь нашъ и пословъ своихъ на тотъ съѣздъ пришлетъ къ тому жъ сроку».

И бояре говорили: «Государь нашъ, для брата своего Руделфа Цесаря, Свѣйскому еще терпитъ; а Государь бы вашъ послалъ къ нему посланника своего вскорѣ, чтобъ Свѣйскіе послы были на съѣздъ въ весну о Николинѣ дни».

И посолъ Миколай говорилъ: «къ тому сроку, къ Николину дни, цесаревымъ посломъ и Свѣйскимъ не изоспѣть, а учинити бъ сроку быти съѣзду въ весну, на Троицынъ день; и Государь нашъ пословъ своихъ къ тому сроку на съѣздъ пришлетъ вмѣстѣ съ Свѣйскими послы, чтобъ на томъ съѣздѣ о городѣхъ договоръ учинить и докончанье укрѣпить».

И бояре посольскіе рѣчи сказывали Государю, а послу велѣли ѣхати на подворье.

И Октября въ 30 день, во Вторникъ, Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, велѣлъ цесареву послу Миколаю Варкачю, быти у собя, Государя, на отпускѣ.

И того дни, цесаревъ посолъ Миколай у Государя на дворѣ былъ; а посыланы по него приставы: князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинѳовъ. А пріѣздъ ко Государю на дворъ былъ по прежнему, а встрѣча послу была по прежнему жъ, вышедъ изъ проходныхъ сѣней, на рундукѣ; а встрѣчалъ Василей Тимоѳеевичь Плещѣевъ да діакъ Сапунъ Аврамовъ.

И какъ посолъ вшелъ ко Государю въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударить окольничей князь Иванъ Гагинъ. И Государь послу велѣлъ сѣсти на скамейкѣ; а посидѣвъ мало, велѣлъ Государь діаку Андрею Щелкалову говорити рѣчь.

И по государеву приказу Андрей говорилъ: «Миколай! Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, велѣлъ тебѣ говорить: приходилъ еси къ нашему Царскому Величеству отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, о многихъ о великихъ дѣлѣхъ, и которые рѣчи говорилъ еси на посольствѣ и въ писмѣ своемъ написалъ, и мы тѣ рѣчи выслушали; а которые еси рѣчи говорилъ отъ брата нашего, Руделфа Цесаря, нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому Борису Ѳедоровичю Годунову,—и шуринъ нашъ, слуга и конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, о тѣхъ дѣлѣхъ до нашего Царского

Величества съ радѣніемъ доносилъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, высылалъ къ тебѣ съ отвѣтомъ бояръ нашихъ: боярина и намѣстника Псковского Ѳедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діаковъ своихъ ближнихъ: Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина; и что тебѣ отъ насъ говорили, то наши рѣчи, и на тѣ рѣчи велѣли есмя тебѣ писменной отвѣтъ дати; а нынѣ тебя отпущаемъ къ брату своему, къ Руделфу Цесарю, а съ тобою посылаемъ свою грамоту». Да подалъ послу Андрей грамоту.

И какъ Андрей рѣчь изговорилъ и грамоту подалъ, и Царь и Великій Князь жаловалъ посла, звалъ ѣсти, а молвилъ: «Миколаі! будь у насъ у стола». И велѣлъ приставомъ итти съ посломъ дожидатись стола въ отвѣтную полату. А за столъ посыланъ звать приставъ, князь Семенъ Звенигородцкоі; а встрѣчалъ посла, вышедъ изъ полаты, князь Андрей Хилковъ. А какъ посолъ вшелъ въ полату, и явилъ его Государю челомъ ударить околничеі, князь Иванъ же Гагинъ. А столъ у Государя былъ въ большой, въ подписной въ грановитой полатѣ; а поставцы были въ полатѣ околъ столба и у дверей надъ трубою, всѣхъ поставцовъ золотые и серебряные суды; а въ сѣнѣхъ передъ полатою, идучи въ полату по правую сторону, стояли суды серебреные всѣхъ поставцовъ. а по лѣвую сторону стояли бочки и ведра и ковши большіе; а на кормовомъ поставцѣ блюда золотые и серебряные. А Государь, Царь и Великій Князь, сидѣлъ въ своемъ царскомъ мѣстѣ; а передъ Государемъ былъ столъ золотъ. А бояре сидѣли у Государя по правую сторону, въ большой лавкѣ: бояринъ, князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, слуга и конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь, бояринъ Ѳедоръ Никитичь Романовъ и иные бояре, и околничіе и дворяне думные, и дворяне большіе въ нагольныхъ шубахъ; а въ другой лавкѣ отъ патріарша двора и па околничемъ, сидѣли дворяне въ нагольныхъ же шубахъ. А посолъ сидѣлъ въ кривомъ столѣ, а подъ нимъ въ лавкѣ сынъ его и дворяне цесаревы. А противъ посла сидѣлъ и подчивалъ цесарева посла князь Андрей Хилковъ, а подъ нимъ приставы, князь Семенъ Звенигородцкой да Андрей Окинфовъ. А чашники и столники при Государѣ были всѣ въ золотѣ. А подача послу была отъ Государя послѣ боярина Ѳедора Никитича.

А послѣ стола жаловалъ Государь посла и сына его и цесарьскихъ дворянъ, подавалъ чашу; а подавъ чаши, приказалъ къ Цесарю поклонъ, а молвилъ: «Миколай, какъ будешь у брата нашего, у Государя своего Руделфа Цесаря, и ты отъ насъ поклонися». Да звалъ посла и сына его и дворянъ цесаревыхъ къ рукѣ, и отпустилъ ихъ на подворье. А послѣ стола, посыланъ на подворье посла подчивать князь Андрей же Хилковъ.

Ноября въ 22 день, говорилъ цесаревъ посолъ Миколаі Варкачь приставомъ, князю Семену Звенигородцкому да Андрею Окинфову, чтобъ они рѣчи его донесли до конюшего, боярина, до Бориса Ѳедоровича, чтобъ Борисъ Ѳедоровичь велѣлъ ему быти у себя на дворѣ; а съ нимъ отъ Руделфа Цесаря при-

казъ о тайныхъ о великихъ дѣлѣхъ.

И слуга и конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь, докладывалъ о томъ Государя, и Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, велѣлъ ѣхати къ цесареву послу на дворъ посольскому діаку Андрею Щелкалову, и о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ его роспросити и съ нимъ поговорить; а про слугу и конюшего, боярина, про Бориса Ѳедоровича, велѣлъ сказати, что зашли его многіе великіе дѣла Царского Величества, и ему, послу, у Бориса Ѳедоровича на дворѣ быти не вмѣстно.

И Ноября въ 23 день, по Государеву, Цареву и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, указу, діакъ Андрей Щелкаловъ у цесарева посла на дворѣ былъ. А пріѣхавъ на дворъ, вышелъ изъ саней у лѣстницы, и у воротъ и середи двора встрѣчали посольскіе люди, а на нижнемъ крыльцѣ встрѣчали цесаревы дворяне, да приставы Андрей Окинфовъ и толмачи. А посолъ Миколай, да съ нимъ большой приставъ князь Семенъ Звенигородцкой, вышедъ изъ хоромъ, встрѣчали, сшедъ съ верхнего крыльца, середи лѣстницы. И діакъ Андрей Щелкаловъ, давъ послу руку, шли въ переднюю избу вмѣстѣ, а приставы и цесаревы дворяне и толмачи шли за ними. А пришедъ въ переднюю и сѣдчи по мѣстомъ, приставомъ и дворяномъ цесаревымъ велѣли вытти вонъ; а остался у нихъ одинъ толмачь Латынской Яковъ Заборовской.

И говорилъ Андрей цесареву послу: «Миколай! приказывалъ еси Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Его Царского Величества, къ шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохканскому, къ Борису Ѳедоровичю Годунову, съ приставы, со княземъ Семеномъ Звенигородцкимъ да съ Андреемъ съ Окинфовымъ, чтобъ слуга и конюшей, бояринъ, Борисъ Ѳедоровичь велѣлъ тебѣ быти у себя на дворѣ, а съ тобою отъ Руделфа Цесаря приказъ о тайныхъ о великихъ дѣлѣхъ. И нынѣ Царского Величества шурина, слугу и конюшего, боярина и воеводу двороваго и намѣстника Казанского и Асторохканского Бориса Ѳедоровича зашли многіе великіе дѣла Царского Величества; и тебѣ быти у него нынѣ на дворѣ не вмѣстно. А доложа Царского Величества, велѣлъ мнѣ діаку ближнему, Андрею Яковлевичю, ѣхати къ тебѣ, Цесарского Величества послу Миколаю, и о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ роспросити, и съ тобою поговорить. И ты, по Царского Величества указу, о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ объяви мнѣ, что съ тобою отъ Руделфа Цесаря приказъ, а язъ о тѣхъ дѣлѣхъ донесу до слуги и конюшего, боярина, до Бориса Ѳедоровича; а Борисъ Ѳедоровичь донесетъ до Царского Величества».

И цесаревъ посолъ Миколай говорилъ: « приказывалъ со мною Государь нашъ Пресвѣтлѣйшій, Цесарское Величество, а велѣлъ извѣстить и мысль свою объявить Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохканскому Борису Ѳедоровичю Годунову а Борисъ бы Ѳедоровичь донесъ до Царского Величества: какъ Божіимъ судомъ отца Государя нашего, блаженные памяти, Пресвѣт-

лѣйшего Максимиліяна Цесаря не стало, а послѣ его осталися дѣти его: Государь нашъ Руделфъ Цесарь, да Эрнестъ, да Максимиліянъ, да Матьяшь, да Венцлавъ, и Эрнеста Арцыкнязя Аустрѣйского, взялъ за сына мѣсто Ишпанской Филипъ Король для сродства, и нынѣ учинилъ его Удѣльнымъ на Португальскомъ Королевствѣ; а впередъ его хочетъ учинить на свое мѣсто на Ишпанскомъ Королевствѣ Королемъ, потому что онъ, Филипъ Король, старъ и бездѣтенъ: одна у него дочь, и послѣ его Королевству Ишпанскому наслѣдника, опрочѣ Эрнеста Арцыкнязя, нѣтъ. Да и Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, брата своего Эрнеста, на Ишпанское Королевство прочитъ, для того и къ себѣ его не емлетъ и на Францовское Королевство имъ не промышляетъ. А про Францовское Королевство намъ объявлялъ же есми, что нынѣ на Францовскомъ Королевствѣ Короля нѣтъ, а хочетъ подъ себя Францовское Королевство взять Наварской Король, сложася съ Аглинскою Королевою; а называется наслѣдникомъ Королевства Францовского ложно; а прямая Францовскому Королевству наслѣдница Филипова королева дочь Ишпанского, а внука Гендрика, Короля Францовского, а Государю нашему Руделфу Цесарю сестра, толко не близко. И Государь нашъ Руделфъ Цесарь, хочетъ ее взяти за себя, и хочетъ промышлять, чтобъ Францовскому Королевству быти за нимъ, или посадити на немъ брата, или племянника своего, или кого изъ поморскихъ Государей, кто бъ Цесарю и Ишпанскому Королю былъ другъ; а Наварскому бъ Королю Францовского Королевства не дати. А чаю, Государь нашъ Пресвѣтлѣйшій, Руделфъ Цесарь, Филипову королеву дочь вскорѣ возметъ за собя: кой часъ язъ отъ Государя къ нему пріѣду, тотчасъ ее и поиметъ; а Эрнестъ Арцыкнязь вскорѣ жъ на Ишпанскомъ Королевствѣ Королемъ учинится потому что ужъ Филипъ Король добрѣ старъ, а опрочѣ Эрнеста Арцыкнязя, на Ишпанскомъ Королествѣ быти некому. И какъ, ожъ дастъ Богъ, Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, Ишпанского и Францовского Королевства наслѣдницу, Филипову королеву дочь, поиметъ, а Эрнестъ Арцыкнязь учинится на Ишпанскомъ Королевствѣ Королемъ, и тѣ оба Государства будутъ заодинъ, и тогды Францовское Королевство будетъ за Государемъ нашимъ, Руделфомъ Цесаремъ. А только похочетъ Наварской Король и Аглинская Королева взять Францовское Королество за себя, и Государь нашъ, Пресвѣтлѣйшій Руделфъ Цесарь, и Ишпанской Король Эрнестъ, тотчасъ собравъ рати тысячь сто, пошлетъ на (Н)аварского Короля и на Аглинскую Королеву войною, и Францовского Королевства имъ не поступятся; а возметъ Цесарское Величество Францовское Королевство за себя, или брата своего или племянника на нѐмъ посадитъ. А державцы большіе Францовского Королевства города Париса съ Государемъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ и съ Ишпанскимъ Королемъ ссылаются и хотятъ быти подъ ихъ рукою, только то дѣло у Цесаря тайно, въ люди его не вмѣщаютъ. А нынѣ, какъ язъ пріѣду ко Государю своему Пресвѣтлѣйшему, Руделфу Цесарю, и Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всея Русіи Самодержца, Его Царского Величества, великую братцкую любовь къ нему и надежное вспомо-

женье извѣщу,— и Государь нашъ, Руделфъ Цесарь, обнадежася на брата своего, на Государя вашего, тотчасъ за то дѣло прiимется, и учнетъ вскорѣ промышлять». А иные рѣчи говорилъ тайно; а записка тому у дiака, у Андрея Щелкалова.

А се грамота отъ Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русiи, къ Руделфу Цесарю съ посломъ его, съ Миколаемъ съ Варкачомъ: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьянамъ, Дателю премудрости, Пренедовѣдомый, Пресвѣтлый, Крайнiй Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнiя Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, къ Троицѣ славимаго, милостiю и хотѣнiемъ и благоволенiемъ удержахомъ скифетръ Россiйского Царствiя, Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русiи Самодержецъ, Владимерскiй, Московскiй, Новгородцкiй, Царь Казанскiй, Царь Асторохансκiй, Государь Псковскiй и Великiй Князь Смоленскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятцкiй, Болгарскiй и иныхъ, Государь и Великiй Князь Новагорода Низовскiе земли, Черниговскiй, Резанскiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлоозерскiй, Лифлянскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондинскiй, и всеа Сибирскiе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь Иверскiе земли Грузинскихъ Царей, и Кобардинскiе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель,— дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, Руделфу второму, Божiею милостiю избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствiя, Нѣмецкому, Угорскому, Чешкому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Барагунскому, Барабонскому, Стырскому, Карнскому, Краинскому, Люцемборскому, Витемборскому, вышнiе и нижнiе земли Шлезскому, Князю Швабскому, Малграфу Римского Царствiя, Бургавскому, Государю вышнiе и нижнiе земли Ляузницкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Ланграбѣ Элситцкому, Государю Вендѣйскiе стороны, Портонавскому, Соленитцкому и иныхъ. Присылалъ еси къ намъ, братъ нашъ дражайшiй и любезнѣйшiй, вѣрнѣйшего своего посла, Миколая Варкача; а съ нимъ прислалъ еси къ намъ свою любительную грамоту. А въ грамотѣ своей писалъ еси, что посылаешь къ нашей Любви того вѣрного своего посла, Миколая Варкача, а съ нимъ наказалъ естя о всякихъ о нашихъ о вобчихъ о великихъ дѣлѣхъ дѣлати и становити, которые намъ обоимъ Великимъ Государемъ и всему Хрестьянству къ покою и къ соединенью. И нашу братцкую и прiятельскую любовь тѣмъ своимъ писаньемъ воспоминаешь, что онъ учнетъ говорити, и намъ бы его милостивно выслушати, какъ васъ самихъ, и во всемъ ему вѣрити и на его на всѣ рѣчи милостивно и любительно прiятельской отвѣтъ учинити. И мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русiи Самодержецъ, посла твоего Миколая милостивно приняли, и твою, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, грамоту любительно выслушали, и которые рѣчи говорилъ нашему Царскому Величеству отъ васъ, брата нашего дражайшего и

любезнѣйшего, Цесарского Величества, посолъ вашъ Миколай, и мы тѣ рѣчи выслушели. И что говорилъ отъ васъ, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, посолъ вашъ Миколай шурину нашего Царского Величества, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Ѳедоровичю Годунову, и слуга нашъ и конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь, тѣ дѣла до нашего Царского Величества съ радѣніемъ доносилъ; и тѣ всѣ дѣла намъ вѣдомы. И мы, похотя съ тобою, братомъ нашимъ любезнѣйшимъ, братцкіе любви, высылали есмя къ послу твоему съ отвѣтомъ бояръ своихъ и дьяковъ ближнихъ: боярина и намѣстника Псковского Ѳедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, Князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діяковъ, Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина. А велѣли есмя имъ съ посломъ твоимъ говорити о всякихъ дѣлѣхъ, которые пристоятъ намъ, Великимъ Государемъ и всему Хрестьянству къ покою, и къ прибытку и къ соединенью; и которые рѣчи посолъ твой говорилъ съ нашими бояры, и мы на тѣ рѣчи велѣли ему писменной отвѣтъ дати. И приговорилъ съ нашими бояры посолъ твой Миколай Варкачь, что тебѣ, брату нашему, о тѣхъ о большихъ дѣлѣхъ о соединеньѣ, обослався съ папою Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ и утвердяся съ ними о докончаньѣ, прислати къ нашему Царскому Величеству о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ своихъ великихъ пословъ приговорить и закрѣпить отъ сее предъидущіе весны впередъ въ другую весну лѣта 7103 году; да и папѣ Римскому и Королю Ишпанскому тогды вмѣстѣ къ тому же сроку съ твоими, брата нашего, послы къ нашему Царскому Величеству пословъ своихъ прислать. И ты бъ, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цасарь, по приговору посла твоего Миколая, съ нашими бояры о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, обослався съ папою съ Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ и утвердяся съ ними въ докончаньѣ и въ соединеньѣ на всякого недруга заодинъ, слалъ къ намъ своихъ великихъ пословъ отъ сее предидущіе весны къ другой веснѣ лѣта 7103 году, которые бы могли о тѣхъ о всѣхъ о великихъ дѣлѣхъ межъ насъ, Великихъ Государей, приговорить и укрѣпить. А съ ними бъ вмѣстѣ шли къ нашему Царскому Величеству папины послы и Ишпанского Короля, и они, будучи у нашего Царского Величества вмѣстѣ съ твоими послы, о тѣхъ о всѣхъ о великихъ дѣлѣхъ приговорятъ и закрѣпятъ. А которыхъ пословъ своихъ ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, пошлешь къ намъ, и которыхъ пословъ пошлютъ къ намъ съ твоими послы вмѣстѣ папа Римской и Король Ишпанской, и тѣмъ вашимъ посломъ, которою дорогою ни буди, черезъ Литовскую землю, или Зунтомъ къ нашей отчинѣ къ Иваню-городу, или моремъ большимъ къ нашей отчинѣ къ Колмогорскому пристанищу, къ нашему Царскому Величеству пріѣхати и отъѣхати добровольно. А ся наша царская грамота безъ всякого опасу твоимъ посломъ и опасная грамота; а къ папѣ Римскому и къ Королю Ишпанскому на ихъ послы опасные наши грамоты особные послали есмя съ твоимъ посломъ, съ Миколаемъ Варкачомъ. Да посолъ же твой Миколай Варкачь говорилъ отъ

тебя, брата нашего, чтобъ нашему Царскому Величеству отпустити къ тебѣ, брату нашему, Лукаша Павлова сына Магнусова съ нимъ, съ посломъ, вмѣстѣ; а ты братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цасарь, жалаешь его видѣти при своемъ Дворѣ для Руского языка. И мы для тебя, дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа Цесаря, Лукаша Павлусова сына Магнусова, пожаловавъ, къ тебѣ съ посломъ твоимъ отпустили вмѣстѣ.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102, Ноября мѣсяца».

А се опасная грамота на цесаревы послы, которыхъ пошлетъ на съѣздъ къ Иваню-городу для Свѣйского дѣла: «Троица Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости Преневѣдомый, Пресвѣтлый, Крайпій Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляпскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель,—дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, Руделфу, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Барабонскому, Стырскому, Карнскому, Краинскому, Люцемборскому, Витемборскому, вышніе и нижніе земли Шлязскому, Князю Швабскому, Малграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Ляузнитцкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Ланграбѣ Олсицкому, Государю Вендѣйскіе стороны, Портонавскому, и Соленитцкому и иныхъ. Которыхъ пословъ своихъ ты, дражайшій и любезнѣйшій братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, пошлешь къ нашей отчинѣ къ Иваню-городу для Свѣйского дѣла, и тѣмъ твоимъ посломъ пріѣхати, и съѣзжатися нашего Царского Величества съ послы, и назадъ отъѣхати со всѣми людьми и съ животы доброволно, безо всякого задержанья и зацѣпки, по сей нашей царской опасной грамотѣ.—Писана въ Государствія нашего Дворѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Ноября мѣсяца».

Такова грамота послана отъ Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, къ Ишпанскому Филиппу Королю съ цесаревымъ посломъ, съ Миколаемъ съ

Варкачомъ: «Троица Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая, правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости Преневѣдомый, Пресвѣтлый, Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохонскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій Ростовскій, Ярославскій Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель,—Филипу, Божіею милостію, Королю Каштильянскому и Легіонскому, Арагонскому, Португальскому, Наварскому, Наополитанскому, Сыцылѣйскому, Ерусалимскому, Гранатцкому, Толетискому, Валентійскому, Галиційскому, большіе и меньшіе Ишпанскіе земли Королю, Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургудійскому, и иныхъ. Присылалъ къ намъ братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, посла своего вѣрнѣйшего, ближнего своего человѣка Миколая Варкача съ Нопчицъ изъ Велемздорфу, о многихъ дѣлѣхъ, которые настоятъ всѣмъ намъ, хрестьянскимъ Государемъ, и всему Хрестьянству къ прибытку, и къ покою и къ тишинѣ. Будучи у нашего Царского Величества, брата нашего, Руделфа Цесаря посолъ Миколай приговорилъ нашего Царского Величества съ бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ съ Өедоромъ Никитичемъ Романова съ товарищи, которыхъ высылали семя къ нему съ отвѣтомъ, что брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, о тѣхъ дѣлѣхъ, обослався съ тобою, съ Ишпанскимъ Королемъ Филипомъ, и съ навышшимъ папою съ Сикстусомъ, и утвердяся съ вами въ докончаньѣ, слати къ нашему Царскому Величеству отъ сее предъидущіе весны къ другой веснѣ пословъ своихъ великихъ о тѣхъ дѣлѣхъ, приговоривъ, закрѣпить; а вамъ бы, Ишпанскому Королю Филипу и навышшему папѣ Сикстусу съ тѣми цесаревыми послы вмѣстѣ къ нашему Царскому Величеству о тѣхъ великихъ дѣлѣхъ прислати пословъ своихъ; а намъ бы, Великому Государю, на тѣ ваши послы послати съ нимъ, съ Миколаемъ, своя царская опасная грамота. И которыхъ пословъ своихъ ты, Ишпанской Король Филипъ, пошлешь къ намъ, къ Великому Государю, и тѣмъ твоимъ посломъ пріѣхать къ нашему Царскому Величеству и отъѣхати отъ насъ добровольно, безо всякого задержанья и зацѣпки, со всѣми ихъ людьми и животы, по сей нашей царской опасной грамотѣ.—Дана въ Государствія нашего Дворѣ, царствующаго града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Ноября мѣсяца».

Такова опасная грамота дана цесареву послу Миколаю Варкачю на папины послы: «Троица Пресуще-

ственная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тлистиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневѣдомоії и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ, по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторожанскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные стороны Повелитель, и Государь Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кобардинскія земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, — Сикстусу седьмому, папѣ навышшему, пастырю и учителю Римскія церкви. Прислалъ къ намъ братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ, Божіею милостію, избранный Цесарь Римскій, посла своего Миколая Варкача съ Нопчицъ изъ Вилемздорфу, о многихъ о великихъ дѣлѣхъ, которые настоятъ всѣмъ намъ, Великимъ христьянскимъ Государемъ, и всему Христьянству къ прибытку, и къ покою и къ тишинѣ. И будучи у нашего Царского Величества, брата нашего Руделфа Цесаря посолъ Миколай Варкачь, приговорилъ нашего Царского Величества съ бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ, съ Өедоромъ Никитичемъ Романовымъ съ товарищи, которыхъ высылали есмя къ нему съ отвѣтомъ, что брату нашему, дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, о тѣхъ дѣлѣхъ, обослався съ тобою, съ навышшимъ папою съ Сикстусомъ и съ Ишпанскимъ Королемъ Филипомъ, и утвердяся съ вами въ доконачаньѣ, слати къ нашему Царскому Величеству отъ сее предъидущіе весны къ другой веснѣ пословъ своихъ великихъ, о тѣхъ дѣлѣхъ, приговоривъ, закрѣпить; а вамъ бы, навышшему папѣ Сикстусу и Ишпанскому Королю Филипу, съ тѣми цесаревыми послы вмѣстѣ къ нашему Царскому Величеству о тѣхъ великихъ дѣлѣхъ прислати пословъ своихъ; а намъ бы, Великому Государю, на ваши послы послати съ нимъ, съ Миколаемъ, своя царская опасная грамота. И которыхъ пословъ своихъ ты, навышшей папа Сикстусъ, пошлешь къ намъ, къ Великому Государю, и тѣмъ твоимъ посломъ пріѣхати къ нашему Царскому Величеству и отъѣхати отъ насъ добровольно, безо всякого задержанья и зацѣпки, со всѣми ихъ людьми и животы, по сеіі нашей царской опасной грамотѣ.— Дана въ Государствія нашего Дворѣ царствующаго града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Ноября мѣсяца».

Да въ цесареву жъ область съ цесаревымъ Нѣмчиномъ, съ Лукашомъ съ Павлусовымъ сыномъ Магнусова, послана отъ Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всеа Русіи, къ Густаву, къ Королевичю, къ Ирикову королеву сыну Свѣйского, грамота такова. «Милосердія ради милости Бога нашего, въ

нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ, сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію, отъ Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Густаву Королевичю, Ирик(ов)у королеву сыну Свѣйского. Вѣдомо тебѣ, какова любовь была отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, къ отцу твоему, къ Ирику Королю. И послѣ того судомъ Божіимъ надъ отцомъ твоимъ, надъ Ирикомъ Королемъ, отъ брата его, отъ Ягана Короля, учинилось, а тебя, Королевича Густава, изгонилъ, и ты и по ся мѣста дѣдичного своего Королевства лишенъ; а Яганъ Король отцу твоему за то мстилъ, что отецъ твой, Ирикъ Король, съ отцемъ нашимъ, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, жилъ въ великой любви. А нынѣ намъ, Великому Государю, вѣдомо про тебя учинилося, что ты пребываешь въ Италѣйскихъ странахъ, во области дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа Цесаря; и мы, Великіі Государь, памятуя отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, и свою любовь къ отцу твоему, Ирику Королю, хотимъ видѣть тобя при себѣ и любовь свою къ тебѣ казать. И ты бъ, Густавъ Королевичь, ѣхалъ къ нашему Царскому Величеству, и наши царскіе очи и жалованье къ себѣ видѣлъ. А какъ будешь у нашего Царского Величества, и мы тебѣ, Густаву Королевичю, на волю дадимъ: будетъ похочешь быти при нашемъ Царскомъ Величествѣ, и мы, Великій Государь, тебя пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ по твоему достоинству, какъ пригоже быть государскимъ дѣтемъ, и многіе городы въ своемъ Государствѣ тебѣ въ отчину дадимъ; а будетъ ты, Густавъ Королевичь, быти у насъ не похочешь, и видѣвъ наши царскіе очи, похочешь ѣхати назадъ, къ брату нашему, Руделфу Цесарю, или въ которое иное Государство, и мы тебѣ дадимъ то на твоей волѣ. А ся наша царская грамота тебѣ и опасная.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ царствующаго града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Ноября мѣсяца».

Да по Государеву, Цареву и Великого Князя, Өедора Ивановича всеа Русіи указу, съ цесаревымъ посломъ, съ Миколаемъ Варкачомъ, слуга и конюшей, бояринъ Борисъ Өедоровичь Годуновъ, послалъ грамоту къ Руделфу Цесарю, да и грамоту къ Максимиліану, Арцыкнязю Аустрѣйскому, да съ Лукашомъ съ

Павлусовымъ грамоту къ Густаву Королевичю, къ Ирикову королеву сыну Свѣйского.

А се грамота къ Руделфу Цесарю отъ слуги и конюшего, боярина Бориса Ѳедоровича, съ посломъ, съ Миколаемъ Варкачомъ. «Безначалного, Всемогущего Бога, неизрѣченнымъ милосердіемъ утвердившего скифетръ держати православія Россійского Царствія, Великого Государя, Царя и Великого Князя, Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Асторохандского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кобардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества дражайшему и любезнѣйшему брату, Руделфу второму, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Барабонскому, Стырскому, Карнскому, Крайнскому, Люцемборскому, Витемборскому, вышніе и нижніе земли Шляскому, Князю Швабскому, Малграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Ляузницкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому Лянграбѣ Олситцкому, Государю Вендѣйскіе стороны, Портонавскому и Соленицкому и иныхъ,—слуга Царского Величества и конюшей, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохандской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, челомъ бьетъ. Присылалъ еси, Государь, къ брату своему, къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, вѣрнѣйшего посла своего Миколая Варкача, о великихъ дѣлѣхъ, которые настоятъ вамъ, Великимъ Государемъ, и всему Хрестьянству къ прибытку, и къ покою и къ тишинѣ. А ко мнѣ Ваше Цесарское Величество съ тѣмъ своимъ посломъ, съ Миколаемъ, прислалъ свою жаловальную любительную грамоту; а въ грамотѣ своей Ваше Цесарское Величество писалъ ко мнѣ, что послалъ еси къ брату своему, къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, посла своего Миколая Варкача, о великихъ дѣлѣхъ, которые годны всему Хрестьянству. И прежъ сего Вашему Цесарскому Величеству намъ тщательной подвигъ и о Хрестьянствѣ радѣнье Вашему Пресвѣтлѣйшеству вѣдомо было; а нынѣ Ваше Цесарское Величество больши того начается отъ насъ подвига и радѣнія въ нынѣшнихъ дѣлѣхъ, о которыхъ дѣлѣхъ велѣли есте послу своему исправить и наукъ дати, чтобъ онъ о тѣхъ о всѣхъ о большихъ дѣлѣхъ открылъ намъ, а нашей мысли и науку во всемъ слушалъ и внималъ, а намъ бы Вашего Пресвѣтлѣйшества послу вѣрити во всемъ, и мысль своя и доброхотѣніе

и помочь ему объявити; а Ваше Величество ту нашу тщательную любовь прімаетъ отъ насъ любительно и подвиженъ во всякихъ дѣлѣхъ намъ доброхотати. И язъ, Вашего Цесарского Величества грамоту отъ посла твоего, Миколая Варкача, съ покорностью принявъ, на твоемъ на Цесарскомъ Пресвѣтлѣйшествѣ жалованьѣ челомъ бью, и твое, Великого Государя, Цесарского Величества, къ себѣ жалованье передъ Государемъ своимъ, Великимъ Государемъ, передъ Его Царскимъ Величествомъ, выславляю, что Ваше Цесарское Пресвѣтлѣйшество пожаловалъ, ко мнѣ свою грамоту прислалъ; а Вашего Цесарского Величества о дѣлѣхъ, какъ есми прежъ сего почалъ радѣть и промышлять, а нынѣ хочю радѣти и промышляти и свыше прежнего. И о томъ всегда у Всемогущего Бога милости прошу и сердечнымъ желаніемъ радѣю, чтобъ межъ васъ, Великихъ Государей, Государя нашего, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и тебя, брата его дражайшего, Великого Государя, Руделфа Цесаря, была совершенная братцкая любовь и соединенье, и утвердяся бъ межъ собя въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стати вамъ противъ непріятелей хрестьянскихъ заодно, чтобъ вами, Великими Государи, Хрестьянство было въ тишинѣ и въ покоѣ, и отъ бусурманскихъ бы рукъ было высвобожено. А которые рѣчи мнѣ отъ Вашего Цесарского Величества послолъ твой Миколай, говорилъ о великихъ дѣлѣхъ, и язъ рѣчи Твоего Пресвѣтлѣйшества, отъ посла твоего выслушавъ, до Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, съ великимъ радѣніемъ доносилъ и ему, Государю, билъ челомъ, и на то Государя своего наводилъ, чтобъ Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи, съ тобою, братомъ своимъ дражайшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, былъ въ крѣпкой дружбѣ, и въ братцкой любви и въ докончаньѣ, и утвердяся бъ съ тобою, братомъ своимъ, съ Великимъ Государемъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, и съ иными съ Великими Государи, которые съ тобою, съ Великимъ Государемъ, въ соединеньѣ будутъ, сталъ противъ непріятелей хрестьянскихъ заодно, и вспоможенье тебѣ, брату своему, Руделфу Цесарю, во всемъ учинилъ. И Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, выслушавъ моего челобитья о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, пріятно учинилъ, и съ тобою, съ братомъ своимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ крѣпкой дружбѣ, и въ братцкой любви, и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ быти хочетъ; и посла твоего, Миколая Варкача, милостивно принялъ, и высылалъ къ нему съ отвѣтомъ бояръ своихъ и діаковъ ближнихъ: боярина и намѣстника Псковского Өедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діаковъ своихъ Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина; а велѣлъ съ посломъ твоимъ говорити о всякихъ дѣлѣхъ, которые пристоятъ вамъ, Великимъ Государемъ, и всему Хрестьянству къ прибытку, и къ покою и къ тишинѣ. И приговорилъ посолъ твой Миколай Варкачь съ Великого Государя нашего, Его Царского Величества, съ бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ

Псковскимъ съ Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ съ товарищи, что Вашему Пресвѣтлѣйшеству, о тѣхъ о большихъ дѣлѣхъ, обослався съ папою съ Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, и утвердясь съ ними въ докончаньѣ, прислати къ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ своихъ великихъ пословъ приговорити и закрѣпити отъ сее предъидущіе весны въ другую весну лѣта 7103-го году; да и папѣ Римскому и Королю Ишпанскому къ тому сроку вмѣстѣ Вашего Цесарского Пресвѣтлѣйшества съ послы къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, пословъ своихъ прислать. И Ваше бы Цесарское Величество, по приговору посла своего Миколая съ Государя нашего бояры, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, обослався съ папою съ Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, и утвердяся съ ними въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, слалъ къ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, пословъ своихъ великихъ, которые бъ могли о тѣхъ о всѣхъ о великихъ дѣлѣхъ межъ васъ, Великихъ Государей, приговорить и закрѣпить; а съ ними бы вмѣстѣ шли къ Великому Государю нашему папины послы и Ишпанского Короля, и, будучи у Великого Государя нашего, Его Царского Величества, вмѣстѣ съ твоими послы о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ докончанье и соединенье приговорятъ и закрѣпятъ. Да посолъ же твой, Миколай Варкачь, говорилъ мнѣ отъ Вашего Цесарского Величества, что Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, къ Персидцкому Аббасъ Шаху приказати велѣлъ, чтобъ онъ николи съ Турскимъ не мирился, и стоялъ бы на Турского съ вами, съ Великими Государи, заодинъ. А въ то время присылалъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, Его Царскому Величеству, Персидцкоіі Аббасъ Шахъ посла своего Ази Хосрова, съ великимъ прошеньемъ и челобитьемъ, чтобъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ нимъ былъ въ дружбѣ и противъ Турского стоялъ заодинъ; а онъ, Аббасъ Шахъ, во всей волѣ Государя нашего быти хочетъ, и противъ Турского и противъ всѣхъ государевыхъ недруговъ стоять съ Великимъ Государемъ нашимъ хочетъ заодинъ. Да и о томъ мнѣ посолъ твой Миколай говорилъ, чтобъ ему съ посломъ шаховымъ сослатися дворяны межъ собя о вашихъ дѣлѣхъ поговорить; и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, для Вашего Пресвѣтлѣйшества братцкіе любви и за челобитьемъ и за прошеньемъ нашимъ, къ Персидцкому Аббасъ Шаху съ посломъ его, съ Ази Хосровомъ, накрѣпко приказалъ, чтобъ онъ съ Турскимъ николи не мирился, и стоялъ бы на Турского съ вами, съ Великими Государи, заодинъ, со всѣми Восточными Государи, съ Индѣйскимъ Царемъ и съ иными Восточными Государи, и посла своего къ Персидцкому Шаху для тебя, брата своего, нарокомъ отпущаетъ и съ нимъ къ Шаху накрѣпко прикажетъ. Да и послу Вашего Пресвѣтлѣйшества Миколаю Варкачю, по Царского Величества указу, повелилъ есми Персидцкого Шаха съ посломъ дворяны сослатись и межъ собою переговорить Вашего Величества о вобчихъ

дѣлѣхъ. И Вашего Пресвѣтлѣйшества посолъ Миколай посылалъ къ шахову послу дворянина вашего, а шаховъ къ вашему послу посылалъ по тому жъ дворянина шахова, и межъ собою о вашихъ о вобчихъ дѣлѣхъ, ссылаяся, говорили, чтобъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству и Персидцкому Аббасъ Шаху о соединеньѣ на Турского сослатися послы своими. И вамъ бы, Великому Государю Руделфу Цесарю, къ Персидцкому Аббасъ Шаху о соединеньѣ на Турского слати пословъ своихъ вмѣстѣ съ тѣми послы, которыхъ пословъ своихъ Ваше Пресвѣтлѣйшество пошлетъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өеодору Ивановичю всеа Русіи. А Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, для Вашего Пресвѣтлѣйшества братцкіе любви, пословъ вашихъ, которыхъ Ваше Цесарское Величество пошлетъ къ Персидцкому Шаху, и которыхъ пословъ своихъ Персидцкой Шахъ Аббасъ пошлетъ къ Вашему Пресвѣтлѣйшеству, пропуститъ обѣихъ, и проводить черезъ свои Великіе Государства велитъ. А подлинно о всякихъ дѣлѣхъ написано въ отвѣтномъ спискѣ, что данъ послу твоему Миколаю Варкачю. Да чоломъ, Государю, бью тобѣ, Великому Государю, Великому Цесарскому Пресвѣтлѣйшеству, наручь булатную, врѣзывано золотомъ съ рознымъ каменьемъ, да щитъ булатенъ, врѣзывано золотомъ съ рознымъ каменьемъ; а мнѣ ту наручь и щитъ прислалъ Персидцкой Государь Аббасъ Шахъ отъ своей любви.—Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102 Ноября мѣсяца».

А се грамота отъ слуги и конюшего, боярина, отъ Бориса Өеодоровича къ Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, съ цесаревымъ посломъ, съ Миколаемъ съ Варкачомъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію, Великого Государя, Царя, и Великого Князя Өеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохanского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества,—дражайшего и любезнѣйшего брата, Великого Государя Руделфа второго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, брату Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, Князю Бургунскому, Стырскому, Карньскому, Крайнскому, Витемборскому, Администратору надъ Крыжаки Прускими, Графу Аузбурскому и Тирольскому; —Царского Величества слуга, конюшей, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохanской, Борисъ Өеодоровичь Годуновъ, Вашему Пресвѣтлѣйшеству челомъ бьетъ! Присылалъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өеодору Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, дражайшій и любезнѣйшій братъ его, Руделфъ Цесарь, вѣр-

нѣйшего посла своего, Миколая Варкача, о великихъ дѣлѣхъ, которые настоятъ вамъ, Великимъ Государемъ, и всему Хрестьянству къ прибытку, и къ покою и къ тишинѣ. А ко мнѣ Его Цесарское Величество съ тѣмъ своимъ посломъ, съ Миколаемъ, прислалъ свою жаловальную любительную грамоту; а въ грамотѣ своей писалъ, что прежъ сего Его Цесарскому Величеству нашъ тщательной подвигъ и о Хрестьянствѣ радѣнье Его Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, вѣдомо; а нынѣ больши того начается отъ насъ подвига и радѣнія въ нынѣшнихъ дѣлѣхъ; а Его Цесарское Величество нашу тщательную любовь пріимаетъ отъ насъ любительно. А Ваше Пресвѣтлѣйшество съ нимъ, съ Миколаемъ, о вашемъ дѣлѣ ко мнѣ рѣчью приказывалъ и прислалъ свое жалованье, любительные поминки. И язъ, выслушавъ о вашихъ дѣлѣхъ отъ Миколая Варкача, и принявъ поминки Вашего Пресвѣтлѣйшества, на любовномъ жалованьѣ челомъ бью, и ваше, Великихъ Государей, къ себѣ любительное жалованье передъ Великимъ Государемъ своимъ, передъ Его Царскимъ Величествомъ, выславляю. А о дѣлѣхъ Вашего Пресвѣтлѣйшества, какъ есми прежъ того почалъ радѣти и промышляти, а нынѣ радѣти и промышляти хочю и свыше прежнего, и всегда о томъ у Всемогущаго Бога милости прошу, и сердечнымъ желаніемъ радѣю, чтобъ межъ васъ, Великихъ Государей, Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и брата его дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, и Вашего Пресвѣтлѣйшества, была совершенная любовь, и докончанье и соединенье, и утвердялся бы вамъ, Великимъ Государемъ, межъ собя въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стати противъ непріятелей хрестьянскихъ заодно; и о томъ о всемъ билъ есми челомъ Государю своему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, и на то его, Государя, наводилъ. И Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, выслушавъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ моего челобитья, пріятно учинилъ, съ братомъ своимъ съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ крѣпкой дружбѣ, и въ братцкой любви, и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ быти хочетъ, и Вашему Пресвѣтлѣйшеству вспоможенье учинити хочетъ на всякихъ вашихъ недрузеїі; и посла Цесарского Величества Миколая Варкача, милостивно принялъ, и высылалъ къ нему съ отвѣтомъ бояръ своихъ и діаковъ ближнихъ: боярина и намѣстника Псковского, Өедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діаковъ своихъ, Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина; а велѣли съ нимъ говорити о всякихъ дѣлѣхъ, которые настоятъ вамъ, Великимъ Государемъ, и всему Хрестьянству къ прибытку, и къ покою и къ тишинѣ. И Цесарского Величества посолъ Миколай Варкачь, съ Великого Государя нашего, Его Цесарского Величества, съ бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ, съ Өедоромъ Никитичемъ Романова съ товарищи приговорили, что Его Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству о тѣхъ о большихъ дѣлѣхъ, обослався съ папою Римскимъ и съ Ко-

ролемъ Ишпанскимъ и утвердяся съ ними въ докончаньѣ, прислати къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ, своихъ великихъ пословъ приговорить и закрѣпить отъ сее предъидущіе весны въ другую весну лѣта 7103-го году, да и папѣ Римскому и Королю Ишпанскому къ тому сроку вмѣстѣ Цесарского Величества съ послы къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи Самодержцу, о тѣхъ дѣлѣхъ пословъ своихъ прислати приговорить и закрѣпить. А Вашему Пресвѣтлѣйшеству челомъ бью свой легкой поминокъ, напалокъ ишмовой, врѣзывано золото съ червчатыми яхонты, да ножъ булатенъ, врѣзывано золото съ каменьемъ; а ко мнѣ тотъ напалокъ и ножъ прислалъ Персидцкой Государь, Аббасъ Шахово Величество, отъ своей любви.— Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Ноября мѣсяца».

Такова грамота послана отъ слуги и конюшего, боярина Бориса Өедоровича Годунова, къ Густаву Королевичю, къ Ирикову королеву сыну Свѣйского, съ Лукашомъ съ Павлусовымъ сыномъ Магнусова: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію Великого Государя, Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохановского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифляндского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества, отъ слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохапского, отъ Бориса Өедоровича Годунова,—Густаву Королевичю, Ирикову королеву сыну Свѣйского. Вѣдомо мнѣ про тебя, Густава Королевича, учинилося отъ цесарева Руделфова посла, отъ Миколая Варкача, да отъ Лукаша отъ Павлусова сына Магнусова, что ты во изгнаніи, а нынѣ пребываешь въ Италѣйскихъ странахъ во области Руделфа Цесаря; и язъ, слыша про тебя, о томъ зѣло поскорбилъ, что ты, государской сынъ, во изгнаньѣ пребываешь, и дѣдичного своего Королевста лишенъ еси. А то тебѣ, Густаву Королевичю, и самому вѣдомо, какова любовь была Государя нашего, блаженые памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, къ отцу твоему, къ Ирику Королю. И послѣ того судомъ Божіимъ надъ отцомъ твоимъ, надъ Ирикомъ Королемъ, отъ брата его, отъ Ягана Короля, какова смерть сталась, и какъ тебя, Густава Королевича, изгонилъ, то тебѣ самому въ вѣдомѣ, да и по ся мѣста дѣдичного своего Королевства лишенъ еси. А Яганъ Король отцу твоему, Ирику Королю, мстилъ за то, что отецъ твоій, Ирикъ Король, съ отцомъ Государя нашего, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ,

Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всеа Русіи Самодержцомъ, былъ въ любви мимо Ягана Короля. И язъ, увѣдавъ о тебѣ въ такоіі нужѣ, до Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя, Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, доносилъ, и ему, Государю, Царю и Великому Князю билъ челомъ, чтобъ онъ, Великій Государь, нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, памятуючи отца твоего, Ирика Короля къ себѣ дружбу, къ тебѣ, къ Густаву Королевичю, держалъ свое жалованье. И Великій Государь нашъ, увѣдавъ отъ меня про твою нужу поскорбѣлъ о тобѣ, что ты во изгнаньѣ пребываешь; и памятуючи отца своего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, и свою любовь къ отцу твоему, къ Ирику Королю, хочетъ тебя видѣти при себѣ, и любовь свою и жалованье къ тебѣ показать, и устроить тебя хочетъ на твоемъ дѣдичномъ Королевствѣ; и послалъ къ тебѣ, къ Густаву Королевичю, съ Лукашомъ съ Павлусовымъ сыномъ Магнусова свою царскую грамоту. И ты бъ, Густавъ Королевичь, ѣхалъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, не мѣшкавъ, и его Царскіе очи и жалованье къ себѣ видѣлъ. А какъ будешь у Великого Государя нашего, Его Царского Величества, и Великій Государь нашъ тебѣ, Густаву Королевичю, на волю дастъ: будетъ похочешь быти при Его Царскомъ Величествѣ, и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, пожалуетъ тобя своимъ великимъ жалованьемъ по твоему достоинству, какъ пригожъ быть государскимъ дѣтемъ, и многіе городы тебѣ въ своемъ Государствѣ въ отчину подастъ. А къ Великому Государю нашему пріѣзжаютъ многіе Цари и Царевичи и государскіе дѣти, и пожалованы многимъ государевымъ жалованьемъ. А будетъ ты, Густавъ Королевичь, быть у Великого Государя нашего, Его Царского Величества, не похочешь, а увидѣвъ Его Царскіе очи, похочешь ѣхати назадъ къ Руделфу Цесарю, или въ которое иное Государство, или похочешь доставать своего дѣдичного Королевства Свѣйского,—и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, дастъ тебѣ то на волю, и во всемъ тобою промышляти будетъ по твоей волѣ. А о всемъ подлинно наказано къ тебѣ съ Лукашемъ съ Павлусовымъ. И послалъ къ тебѣ, Густаву Королевичю, Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, съ Лукашомъ своего жалованья два сорока соболеій, а язъ послалъ къ тебѣ отъ своей любви сорокъ соболей; и ты бъ, Густавъ Королевичь, принялъ то отъ меня въ любовь, и ко Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, ѣхалъ пресвѣтлые Царскіе очи видѣть.— Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Ноября мѣсяца».

А се отвѣтной списокъ, каковъ данъ цесареву послу Миколаю Варкачю: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Преневедовѣдомый, Пресвѣтлый, Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя,

да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимого, милостію, хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россійского Царствія Мы, Великіи Государь, Царь и Великіи Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскіи, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскіи и Великій Князь Смоленскій, Тверскіи, Югорскіи, Пермскіи, Вятскій, Болгарскіи и иныхъ, Государь и Великій, Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскіи, Ярославскіи, Бѣлоозерскіи, Лифляпскій, Удорскіи, Обдорскій, Кондинскіи, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ ГосударствъГосударь и Обладатель,—дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа второго, Божіею милостію избранного Цесаря Римского, всегда прибавителя, Нѣметцкого, Угорского, Чешского, Долматцкого, Кроатцкого, Шлевонского и иныхъ, Короля и Арцыкнязя Аустрѣйского, Арцука Бургупского, Брабонского, Стырского, Карньского, Крайнского, Люцембурского, Витемборского, вышніе и нижніе земли Шлеского, Князя Швабского, Малграфа Римского Царствія, Бургавского, Государя вышніе и нижніе земли Леузнитцкого, Князя и Графа Аузбурского, Тирольского, Фиртского, Кибурского, Хортцкого, Лантграбя Олситцкого, Государя Вендѣйскіе страны, Портонавского, Солевитцкого и иныхъ,—послу Миколаю Варкачю съ Нопчицъ изъ Вилендорфу. Сѣмъ нашимъ писаньемъ извѣщепіе отвѣтное даемъ бояры своими и діаки ближними: бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ Ѳедоромъ Никитичемъ Романова, да бояриномъ и намѣстникомъ Нижегородцкимъ Иваномъ Васильевичемъ Ситцкимъ-Ярославского, да діаки, Андреемъ да Васильемъ Щелкаловыми, да Елизарьемъ Вылузгинымъ. Писалъ къ нашему Царскому Величеству дражайшій и любезнѣйшій братъ нашъ Руделфъ, избраный Цесарь Римскій, что послалъ къ нашему Царскому Величеству тебя, посла Миколая Варкача, а съ тобою наказалъ о вобчихъ о великихъ дѣлѣхъ дѣлати и становити, которые дѣла намъ обоимъ, Великимъ Государемъ, и всему Хрестьянству къ покою належатъ; и что ты учнешь говорити и нашему бъ Царскому Величеству во всемъ тебѣ вѣрити, и на твои рѣчи милостивной, любительной, пріятельской отвѣтъ учинити. А рѣчью нашему Царскому Величеству на посольствѣ говорилъ еси и въ писмѣ своемъ написалъ: что изначала промежъ прародителей нашихъ, Великихъ Государей, и брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря, прародителей была дружба и любовь; а при нашемъ бы времени и наипаче того братцкая любовь и ссылки о соединеньѣ были; а всѣ Государи хрестьянскіе и вся вселенная зрятъ на насъ, на Великихъ Государей, а невѣрные Турки и иные Татаровя всякими умыслы противу стоятъ. И братъ нашъ дражайшіи, Руделфъ Цесарь, нашему Царскому Величеству съ великою надежею извѣщаетъ и того у нашего Царского Величества проситъ, чтобъ намъ, Великому Государю, свой православной хрестьянской подвигъ во всякихъ дѣлѣхъ Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству объявити и братцкую по-

мочь учинити, и руку свою распространить ко оборонѣ Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству; и то бъ нашему Царскому Величеству тебѣ, послу его, велѣти объявить, которымъ обычаемъ промышлять надъ бессермены; да и всѣмъ Государемъ хрестьянскимъ братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, то велѣлъ извѣстити, чтобъ они на то призрили, и для братцкіе любви руку свою распространили, и межъ собя въ дружбѣ и въ соединеньѣ были, и стояти бъ всѣмъ за одно противъ непріятеля хрестьянского, которой находитъ на брата нашего, Цесарское Величество. А братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь умыслилъ: только съ Турскимъ продлится до трехъ лѣтъ перемирье, и въ тѣ бъ поры всему Хрестьянству соединачитися и укрѣпиться; а какъ будетъ время, и тогды онъ съ Турскимъ хочетъ роскинуть. А нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому, и Асторохансному Борису Өедоровичю Годунову, будучи у него на дворѣ, отъ брата нашего, Руделфа Цесаря, говорилъ еси о томъ же дѣлѣ, чтобъ нашему Царскому Величеству быти съ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, на Турского въ соединеньѣ и по братцкой любви помочь ему учинити и любовь свою показать, противъ такого недруга стать, и всѣмъ бы Великимъ Государемъ учинить соединенье и приговоря, закрѣпить. А что нашего Царского Величества радѣніе и мысль, чѣмъ такое великое дѣло начати и съ Божіею помочью совершити, и братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, во всемъ въ томъ надежу держитъ на насъ, Великого Государя: а нашему Царскому Величеству то возможно учинити, что намъ отъ Бога даровано крѣпостію и силою и имѣніемъ свыше всѣхъ Государей. Да ты жъ, Миколаій, говорилъ нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохансному, Борису Өедоровичю Годунову, чтобъ намъ Борисъ Өедоровичь извѣстилъ, чтобъ мы, Великій Государь, Крымского Царя уняли и помѣшку ему учинили, чтобъ Крымской Царь не приходилъ на брата нашего, Цесарского Величества въ Угорскую землю; а къ Персидцкому бъ Шаху нашему Царскому Величеству приказати и его утвердити, чтобъ и Шахъ Персидцкой николи съ Турскимъ не мирился, и впередъ на Турского стоялъ. Да говорилъ еси нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохансному Борису Өедоровичю Годунову, отъ брата нашего, отъ Руделфа Цесаря, о Свѣйскомъ Королѣ, чтобъ мы, Великій Государь, для брата нашего, Руделфа Цесаря, съ нынѣшнимъ Жигимонтомъ Королемъ велѣли миръ и покой учинить; а братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, на то подвиженъ межъ нашего Царского Величества и нынѣшнего Жигимонта Короля Польского и Свѣйского для хрестьянского покою миръ постановить; а въ чемъ будетъ передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ Свѣйской Яганъ Король не исправился, о томъ бы тебѣ объявити и къ Руделфу Цесарю приказати, и въ томъ Свѣйской Король нынѣшней передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, наши городы, которые держитъ за

собою, Ругодивъ и иные, намъ отдастъ; а братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, за то дѣло тотчасъ примется, и тѣмъ дѣломъ промышляти почнетъ. И что говорилъ еси на посольствѣ нашему Царскому Величеству, и мы тѣ твои рѣчи выслушали; а которые рѣчи говорилъ еси нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохавскому Борису Ѳедоровичю Годунову, и тѣ дѣла до нашего Царского Величества шуринъ нашъ, слуга, конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, доносилъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, похотя съ братомъ своимъ съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, быти въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, высылали къ тебѣ съ отвѣтомъ бояръ своихъ и діаковъ ближнихъ: боярина и намѣстника Псковского, Ѳедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, Князя Ивана Васильевича Сицкого - Ярославского, да діаковъ, Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина. А велѣли тебѣ объявити о соединеньѣ, что прежъ сего отцу нашему, блаженные памяти, Великому Государю, Царю и Великому Князю, Ивану Васильевичю, всеа Русіи Самодержцу, съ отцомъ Государя вашего, блаженные памяти, съ Великимъ Государемъ, съ Максимиліяномъ Цесаремъ, ссылки послы и посланники были о томъ же о большомъ дѣлѣ, о соединеньѣ и о докончаньѣ, чтобъ стояти на Турского и на всѣхъ недрузей заодинъ. Да и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, прежъ сего съ братомъ нашимъ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, ссылалися о братствѣ, и о любви и о докончаньѣ, и съ тобою, Миколаемъ, къ брату нашему къ Руделфу Цесарю, какъ еси преже сего былъ у нашего Царского Величества о томъ наказывали, чтобъ намъ стояти на бесерменскихъ Государей заодинъ. А нынѣ мы, Великіи Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, наипаче того хотимъ и съ радѣньемъ промышляемъ, чтобъ намъ, Великимъ Государемъ, съ дражайшимъ и съ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, укрѣпяся въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стояти заодинъ противъ мусульманскихъ Государеи, неприятелей хрестьянскихъ, которые хрестьянскіе Государства разоряютъ и впередъ на то тщатся, и о хрестьянскомъ высвобоженьѣ изъ рукъ бесерменскихъ собча радѣти, чтобъ нами, Великими Государи хрестьянскими, Хрестьянство изъ рукъ бесерменскихъ высвобожено было, да и всѣ бы Великіе Государи съ нами, съ Великими Государи, утвердилися въ соединеньѣ на бесерменскихъ Государей стояти заодинъ. А о томъ велѣли есмя тебя бояромъ своимъ розпросити, какимъ обычаемъ братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, противъ Турского хочетъ стояти, и кто съ нимъ въ соединеньѣ на Турского будетъ заодинъ, папа Римской, и Король Ишпанской и иные Поморскіе Государи съ Цесаремъ всѣ ли въ соединеньѣ будутъ, и ссылка о томъ межъ ихъ бывала ли, какимъ обычаемъ имъ Цесарю помогать? А что послалъ къ нашему Царскому Величеству братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, посла своего Миколая, о

такихъ великихъ дѣлѣхъ, и тебѣ о тѣхъ дѣлѣхъ, о вѣчномъ миру и о соединеньѣ на Турского приговорить и закрѣпить наказано ли? И ты нашего Царского Величества бояромъ объявилъ, что братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, о докончаньѣ и о соединеньѣ ссылался съ папою Римскимъ да съ Королемъ Ишпанскимъ, и межъ собя утвердилися; а положили то, папа и Король Ишпанской, на Цесарскомъ Величествѣ, чтобъ Руделфъ Цесарь сослался съ нами, съ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи Самодержцомъ, и на то бъ васъ, Великого Государя, наводилъ, чтобъ мы, Великій Государь, и всѣ хрестьянскіе Государи стали на Турского заодинъ. А тебя, посла Миколая, Цесарское Величество прислалъ къ намъ, къ Великому Государю, о тѣхъ о великихъ дѣлѣхъ, о вѣчномъ миру и о соединеньѣ, извѣстити, что наша царская воля о вѣчномъ миру будетъ; а приговорить и закрѣпить о тѣхъ дѣлѣхъ пришлетъ братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, къ нашему Царскому Величеству пословъ своихъ великихъ, ближнихъ людей, о всемъ наказавъ, обослався съ папою Римскимъ и съ Ишпанскимъ Королемъ. А пошлетъ Руделфъ Цесарь къ папѣ Римскому и къ Королю Ишпанскому и къ инымъ Поморскимъ Государемъ тотчасъ посланниковъ своихъ о томъ, чтобъ они къ Цесарю слали пословъ своихъ о докончаньѣ и о соединеньѣ; и папа Римской, и Король Ишпанской и иные Поморскіе Государи тотчасъ къ Цесарскому Величеству пословъ своихъ пошлютъ; и тѣхъ Государей послы, будучи у Цесарского Величества, о докончаньѣ приговорятъ и закрѣпятъ; а приговоривъ и закрѣпивъ у Цесаря, тѣ всѣ послы пойдутъ къ намъ, къ Великому Государю, съ цесаревыми послы вмѣстѣ. И приговорилъ еси съ нашими бояры, что нашему Царскому Величеству брату нашему дражайшему, Руделфу Цесарю, сослався съ папою Римскимъ и съ Королемъ Ишпанскимъ, о тѣхъ о большихъ дѣлѣхъ, о докончаньѣ и о соединеньѣ, прислати пословъ своихъ отъ сее предъидущіе весны впередъ къ другой веснѣ, въ лѣтѣ 7103-мъ году; а папинымъ посломъ и Ишпанского Короля посломъ къ нашему Царскому Величеству съ цесаревыми послы итти вмѣстѣ; да и къ Персидцкому Шаху Руделфъ Цесарь пошлетъ пословъ своихъ съ тѣми жъ послы, которыхъ пошлетъ къ нашему Царскому Величеству; а намъ бы, Великому Государю, тѣхъ цесаревыхъ пословъ, которыхъ пошлетъ къ Персидцкому Шаху, велѣти пропустити черезъ свои Государства. Да ты жъ, Миколай, бояромъ нашимъ объявилъ по цесареву приказу: будетъ Турской Салтанъ наступитъ на Руделфа Цесаря вскорѣ и перемирье порушитъ, и намъ бы, Великому Государю, брату своему, Руделфу Цесарю, помочь учинить своею казною — рухлядью, собольми, и куницами и всякого мяхкою рухлядью; и Цесарь тѣмъ найметъ людей прибавочныхъ и учнетъ противъ Турского стоять, сколько Богъ помочи подастъ, покамѣста всѣ хрестьянскіе Государи соединачатся. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, съ братомъ своимъ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, Руделфомъ Цесаремъ, въ братцкой любви, и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ быти хотимъ, и противъ не-

пріятеля всего Хрестьянства, Турского Салтана, во всемъ ему спомогати хотимъ: будетъ Турской Салтанъ наступитъ на него вскорѣ, и мы, Великій Государь, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, спроможенье учинимъ своею казною, рухлядью, соболми и куницами и иною рухлядью. А братъ бы нашъ, Руделфъ Цесарь, сослався и утвердяся въ соединеньѣ съ папою Римскимъ, и съ Королемъ Ишпанскимъ и съ иными Поморскими Государи, слали къ намъ, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, о докончаньѣ пословъ къ тому сроку, какъ ты, Миколай, приговорилъ съ бояры нашими, съ бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ, съ Өедоромъ Никитичемъ Романова съ товарыщи, отъ сее предъидущіе весны къ другой веснѣ лѣта 7103 году. А папины бъ послы и Ишпанского Короля съ цесаревыми послы шли къ нашему Царскому Величеству вмѣстѣ; и опасные есмя грамоты, по твоему Миколаеву прошенью, на папины послы и на Ишпанского Короля послы съ тобою, съ Миколаемъ, послали. А какъ цесаревы послы, и папины и Ишпанского Короля будутъ у нашего Царского Величества, и мы, Великій Государь, съ тѣми послы о докончаньѣ и о соединеньѣ на Турского приговорить и закрѣпити велимъ, и своихъ великихъ пословъ къ брату своему дражайшему и любезнѣйшему, къ Руделфу Цесарю, того докончанья закрѣпити пошлемъ. Да и къ Персидцкому бы Шахъ Аббасу братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, послалъ пословъ своихъ о соединеньѣ на Турского съ тѣми послы вмѣстѣ, которыхъ пошлетъ къ намъ, къ Великому Государю; а мы тѣхъ пословъ, которыхъ пошлетъ братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, къ Персидцкому Шаху, черезъ свои Государства пропустити велимъ съ шаховыми послы вмѣстѣ, и провожати ихъ велимъ черезъ свои Государства. А Шахъ Персидцкой которого своего посла пошлетъ къ брату нашему, къ Руделфу Цесарю, и мы, Великій Государь, того шахова посла по тому же черезъ свои Государства къ Цесарю отпустити велимъ. А что говорилъ еси про Крымского Царя, чтобъ мы, Великій Государь, Крымского Царя отъ Турского отводили и унели его, чтобъ Царь съ Турскимъ заодно не приходили Цесарского Величества въ Угорскую землю, а къ Персидцкому бъ Аббасъ Шаху приказати, чтобъ онъ николи съ Турскимъ не мирился, стоялъ бы на Турского съ нами заодинъ;—и мы, Великій Государь, для брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, къ Крымскому къ Казы-Гирѣю Царю послали пословъ своихъ, князя Меркурья Александровича Щербатого да діака своего Өеонасья Демьянова, и съ ними къ Казы-Гирѣю Царю накрѣпко наказали, чтобъ онъ на брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, въ Угорскую землю самъ не ходилъ и Царевичей не посылалъ; и чаемъ того, что Казы-Гирѣй Царь насъ, Великого Государя, не ослушается, на Угорскую землю войною самъ не пойдетъ. А Персидцкой Шахъ къ нашему Царскому Величеству присылалъ своего ближнего человѣка, Ази Хосрова, съ великимъ прошеньемъ и съ челобитьемъ, чтобъ мы, Великій Государь, вспоможенье ему противъ Турского учинили, а

онъ хочетъ быти во всей нашей царской волѣ и противъ Турского и противъ всѣхъ нашихъ недрузей съ нами стояти заодинъ хочетъ; а съ нимъ съ Шахомъ на Турского учнутъ стояти Индѣйской и иные Восточные Государи. И мы, Великій Государь, для брата нашего, Руделфа Цесаря, шахъ Аббасова посла вскорѣ отпустить велѣли, а съ нимъ накрѣпко наказали, чтобъ Шахъ Аббасъ съ Турскимъ николи не мирился и противъ его стоялъ со всѣми Восточными Государи, съ Индѣйскимъ Царемъ и съ иными Восточными Государи вмѣстѣ, а съ Руделфомъ Цесаремъ и съ Ишпанскимъ Королемъ, сослався, утвердился въ докончаньѣ стоять заодно. И Шахъ Персидцкой нашего Царского Величества повелѣнія ни въ чемъ не ослушается, и на Турского съ братомъ нашимъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, учнетъ стояти заодинъ. Да и посла своего для брата нашего, Руделфа Цесаря, къ Персидцкому Шаху пошлемъ и съ нимъ о томъ накрѣпко накажемъ. А что говорилъ еси и въ писмѣ своемъ написалъ о Свѣйскомъ, что братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, для хрестьянского покою у нашего Царского Величества проситъ, чтобъ для его братцкіе любви съ нынѣшнимъ Жигимонтомъ Королемъ Свѣйскимъ велѣли миръ и покой учинити,— и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, для брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, братцкіе любви, и для того, чтобъ кровь хрестьянская литися престала, со всѣми хрестьянскими Государи вѣчного миру и покою хотимъ. А про Свѣйского неправду и про убытки, каковы Ягана Короля передъ отцомъ нашимъ, блаженные памяти, передъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи Самодержцемъ, и передъ нами, Великимъ Государемъ, неправды, и какое кровопролитіе почынилъ нашъ непослушникъ, Яганъ Король Свѣйской, нынѣшнего Жигимонта Короля отецъ, тебѣ, послу Миколаю, бояромъ своимъ велѣли объявити: что изначала Свѣйскіе правители ссылалися и въ перемирьѣ были нашего Царского Величества съ вотчиною, съ великимъ Новымъгородомъ: а при дѣдѣ нашемъ блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ, Васильѣ Ивановичѣ, всеа Русіи, Свѣйскіе правители до Густава Короля и Густавъ Король, Ягановъ королевъ отецъ, ссылалися и въ перемирьѣ были съ намѣстники съ Новгородцкими, со бояриномъ и намѣстникомъ Новгородцкимъ Княземъ Борисомъ Ивановичемъ Горбатымъ, да съ дворетцкимъ великого Новагорода съ Семеномъ Никитичемъ Бутурлинымъ; а послѣ того ссылался Густавъ Король при отцѣ нашемъ, блаженные памяти, при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ, Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, съ бояры и съ намѣстники Новгородцкими, со Княземъ Михайломъ Васильевичемъ Глинскимъ да съ Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ. И какъ отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, велъ войну съ Стефаномъ Королемъ, и Жигимонтовъ королевъ отецъ, Яганъ Король Свѣйской, порушa перемирье и крестное цѣлованье, до перемирного сроку не допущая, сложася съ Стефаномъ Королемъ и со многими наемными людьми иныхъ

Государствъ, многіе крови пролилъ и городы отчинные наши Лифлянскіе, Ругодивъ и иные, и Новгородцкіе земли поималъ, и убытки многіе починилъ. И какъ Божіимъ судомъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, не стало, и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Θедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, по своему царскому милосердому обычаю, не хотя видѣти кроворозлитія во Хрестьянствѣ, будучи въ терпѣньѣ, а ожидая того, чтобъ Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправился, а наши отчинныя городы отдалъ, пословъ своихъ на съѣздъ посылали и неодинова. И Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ ни въ чемъ не исправился, нашихъ отчинныхъ городовъ въ Ливонскоіі землѣ, Ругодива и иныхъ городовъ, и въ Новгородцкой землѣ, Ивана-города и Корѣлы и иныхъ городовъ не отдалъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Θедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за многіе грубости и неправды Свѣйского Ягана Короля, въ 98-мъ году самъ своею царскою персоною съ своими ратьми ходили къ Ругодиву, и къ Иваню-городу, и къ Ямѣ и къ Копорью, и городъ Яму, идучи, передовые полки взяли, а людей Свѣйскихъ никого побити не велѣли, а отпустили всѣхъ со всѣми животы безъ кровопролитія; и пришедъ къ Ругодиву, велѣли изъ наряду бити, и розбили Ругодивъ во многихъ мѣстѣхъ такъ, что ужъ было его мочно взяти вскорѣ, и люди многіе побиты въ Ругодивѣ. И Ругодивской воевода Карлъ Индриковъ, видя свое неизможенье, высылалъ нашего Царского Величества къ шюрину, къ слугѣ, къ конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Θедоровичю Годунову, бити челомъ, чтобъ нашего Царского Величества шюринъ, слуга, конюшеіі, бояринъ, и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Астрохапской, Борисъ Θедоровичь, насъ, Великого Государя, молилъ и просилъ, и на то наводилъ, чтобъ мы, Великій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, розлитія крови хрестьянскіе видѣти не похотѣли, рати свои уняти велѣли, а свою отчину, Ивань-городъ и Копорью городъ, велѣли взяти, и отъ Ругодива отступити велѣли и перемирье велѣли учинити на годъ, а въ то время Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, нашего Царского Величества отчинные городы, Ругодивъ и Корѣлу и иные городы отдастъ. И мы Великій Государь, истинныіі хрестьянскій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, жалѣя о кровопролитіи хрестьянскомъ, а за челобитьемъ и за печалованьемъ шурина нашего, слуги, конюшего, боярина, и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохапского, Бориса Θедоровича Годунова, и всѣхъ бояръ, городы свои, Ивань-городъ, Яму, Копорью взяли, и отъ Ругодива ратемъ своимъ отступити велѣли; а которые рати пошли были за море къ Новому торговищу, и мы ихъ воротити велѣли, и кровопролитія хрестьянского видѣти не похотѣли и перемирье на годъ учинити велѣли. А въ то было время Ягану Королю передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится,

и городы наши отчинные отдать. И Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ не исправился, и того крестного цѣлованья не сдержалъ и кровопролитіе всчалъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за Яганово королево неисправленье, въ 99-мъ году послали были на Свѣйского Ягана Короля землю бояръ своихъ и воеводъ со многими своими ратьми съ Рускими и съ Татарскими въ войну и къ городомъ съ нарядомъ. И въ то время приходили къ нашему Царскому Величеству отъ Жигимонта, Короля Польского и Великого Князя Литовского, отъ Яганова королева сына, послы, Станиславъ Радиминской, воевода Подляшской, съ товарищи, о многихъ о великихъ дѣлѣхъ; и, будучи въ отвѣтѣ съ бояры нашими, приказывали нашего Царского Величества къ шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, Борису Өедоровичю Годунову, съ прошеньемъ, чтобы нашего Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохапской, Борисъ Өедоровичь Годуновъ, и всѣ наши бояре наше Царское Величество молили, и намъ били челомъ, и на то насъ, Великого Государя, наводили, чтобы мы, Великій Государь, для Государя ихъ Жигимонта, Короля Польского и Великого Князя Литовского, и для Коруны Польскіе и Великого Княжества Литовского, рати свои, которые посланы, воротити велѣли, и перемирье на малое время на годъ учинити велѣли, а Яганъ Король въ то время передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, сослався послы подъ Иванемъ-городомъ, и наши отчинные городы, которые держитъ за собою, нашему Царскому Величеству отдастъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за челобитьемъ шурина нашего, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохапского, Бориса Өедоровича Годунова, и всѣхъ бояръ нашихъ, не хотя видѣти кроволитія хрестьянского, велѣли бояромъ своимъ съ послы Жигимонта Короля о Яганѣ Королѣ договоръ учинити на годъ, и рати свои, которые посланы къ Выбору и во всю Финскую землю, поворотить велѣли; а чаяли отъ Ягана Короля исправленья. И послы Литовскіе съ тою вѣстью, что они сдѣлали за Свѣйского Ягана Короля перемирья на годъ, и въ Ругодивъ и человѣка своего посылали; и Свѣйского Ягана Короля воеводы, увѣдавъ то отъ пословъ Литовскихъ, отъ ихъ посланника, что Жигимонтовы королевы послы перемирья на годъ учинили, и рати нашего Царского Величества поворотили, тотчасъ Жигимонтовыхъ королевыхъ пословъ приговоръ порушили, и войну всчали. А мы, Великій Государь, для своего милосердаго справедливаго обычея, Свѣйского Ягана Короля и на такіе неправды несмотря, того перемирья до сроку ничѣмъ порушити не велѣли; а какъ перемирью срокъ вышелъ, и мы, Великій Государь, за Ягановы королевы неправды, послали къ Выбору и за Выборъ бояръ своихъ и воеводъ, боярина и намѣстника Володимерского, князя Өедора Ивановича Мстиславского, и иныхъ многихъ бояръ и воеводъ со многими ратьми, и мно-

гіе мѣста повоевали за Выборъ и до Абова, и полону попмали много безчестно, и городки по рѣкѣ по Воксѣ многіе со многимъ полономъ поимали. И Яганъ Король къ намъ присылалъ о томъ, чтобъ намъ сослатися послы на рубежъ подъ Ивань-городъ, о мирномъ постановеньѣ приговорить и и закрѣпить. И мы, Великіі Государь, по своему царскому милосердому обычаю, не смотря на Ягановы грубости, за челобитьемъ бояръ нашихъ, посылали есмя на съѣздъ пословъ своихъ: окольничего и намѣстника Суздальского Михайла Глѣбовича Салтыкова съ товарищи, а чаяли того, что Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, наши отчинные городы отдастъ. И Яганъ Король присылалъ нашего Царского Величества къ посломъ своихъ пословъ, Клауса Флямина съ товарищи, и тѣ его послы никоторого доброго дѣла не сдѣлали, нашихъ отчинныхъ городовъ не отдали, и во всемъ Яганъ Король передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ и по свою смерть не исправился. И какъ Ягана Короля не стало, и мы, Великіі Государь, за челобитьемъ бояръ нашихъ, на Свѣйское Королевство и на Финскую землю, на безгосударныхъ людеіі, наступати ратемъ своимъ не велѣли, и посломъ своимъ, окольничему и намѣстнику, Суздальскому Михаіілу Глѣбовичу Салтыкову съ товарищи, съ Свѣйскими послы, съ Клаусомъ со Фляминымъ съ товарищи, перемирье учинити велѣли на два года на томъ, что нашего Царского Величества къ посламъ Свѣйскому Королю прислати своихъ великихъ пословъ на съѣздъ въ того же мѣсто, на Иване-городцкую сторону подъ Тявзино въ нынѣшнемъ въ 102-мъ году, на Покровъ Святѣіі Богородицы? а съѣхався говорити о нашихъ отчинныхъ городѣхъ о Ругодивѣ и о Корѣлѣ и объ иныхъ городѣхъ, что имъ наши городы намъ отдати, и о большомъ дѣлѣ договоръ учинити; да и крестнымъ цѣлованьемъ послы наши и Свѣйскіе послы о томъ закрѣпили межъ себя. И послѣ того, въ прошломъ въ 101-мъ году, сего лѣта присылалъ къ нашему Царскому Величеству Свѣйского Королевства Королевичь, Карло, и всѣ думные люди Свѣйского Королевства посланника Петра Размысла, чтобъ намъ, Великому Государю, по договору, пословъ нашихъ прислати дѣлать о большомъ дѣлѣ, а что наша царская воля и хотѣніе, на чомъ вѣчному миру статися мочно, и намъ бы о томъ съ посланниками, съ Петромъ Размысломъ, объявити. И мы, Великіі Государь, Царь и Великіі Князь, Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, за челобитьемъ бояръ нашихъ, Свѣйского посланника Петра Размысла отпустили, а съ нимъ къ Арцы-Карлу Королевичю отписали, отставя всѣ мѣры и убытки и многіе, что послѣдняя наша царская воля то: будетъ похотятъ впередъ съ нашими Государствы Свѣйское Королевство видѣть въ покоѣ на вѣки безъ кровопролитья, и они бъ отдали наши отчинные городы, которые поималъ Яганъ Король неправдою въ Лифляпской землѣ и въ Новгородцкой, за что многое кровопролитіе учинилося, и впередъ литися не перестанетъ, и пословъ своихъ на съѣздъ по договору пошлемъ. И мы, Великіі Государь, по тому договору пословъ своихъ къ тому сроку, къ Покрову Святѣіі Богородицы, 102-го году, въ Ивань-городъ и послали. И Жиги-

монтъ Король и нынѣ, черезъ такіе наши сходительства ко всякому добру, и за наши правды, и нынѣ по которые правды не учинилъ, и своихъ пословъ по договору за крестнымъ цѣлованьемъ къ тому сроку, къ Покрову Святѣй Богородицы, и по ся мѣста, по Ноябрь мѣсяцъ, не прислалъ, и крестное цѣлованье и перемирье, что было учинено на два года, порушилъ. И намъ было Свѣйскому Королевству, и кто на Свѣйскомъ Королевствѣ нынѣ будетъ Королемъ, терпѣти не возможно, рати было наши сее зимы и въ лѣто большіе послати сухимъ путемъ и моремъ на Свѣйское Королевство; а рати у насъ, Великого Государя, съ Божіею помочью, сесь часъ готовы, и недруга намъ, опричь Свѣйского Короля, нѣтъ никого. И нынѣ до нашего Царского Величества шуринъ нашъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Астороханской Борисъ Өедоровичь, доносилъ, а богомолецъ нашъ, патріархъ Іовъ всеа Русіи съ митрополиты и со архіепископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и всѣ бояре наши нашему Царскому Величеству били челомъ и того просили, чтобъ намъ, для братцкіе любви брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря, на Свѣйского рати своей не посылать; а братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, Свѣйского на то приведетъ, что онъ передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправится, и городы наши отчинные намъ отдастъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всея Русіи Самодержецъ, для братцкіе любви дражайшего и любезнѣйшего брата нашего Руделфа Цесаря, и за челобитьемъ и за прошеньемъ патріарха Іова со всѣмъ соборомъ, и шурина нашего Царского Величества, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Астраханского, Бориса Өедоровича Годунова, и всѣхъ бояръ, и нынѣ на Свѣйского рати свои не послали, и съ Свѣйскимъ Королемъ мирное постановенье учинити хотимъ, и кроворозлитья видѣти не хотимъ; а Свѣйской бы Король отдалъ нашему Царскому Величеству нашу отчину Ругодивъ и иные городы и Корѣлу, что у насъ, Великого Государя, поималъ отецъ его, Яганъ Король. И приговорилъ еси съ нашими бояры, что братъ нашъ дражайшіи Руделфъ Цесарь, пошлетъ къ Свѣйскому Жигимонту Королю о томъ посланника своего; а съ нимъ вмѣстѣ пошлетъ посланника своего съ тѣмъ, какъ посланникъ, приговоря у Свѣйского, пойдетъ съ вѣстью къ Руделфу Цесарю, и тотъ гонецъ пріѣдетъ къ нашему Царскому Величеству съ тою вѣстью, что послы Свѣйскіе ѣдутъ на съѣздъ къ нашей отчинѣ, къ Иваню-городу со всѣмъ полнымъ наказомъ; да и братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, пословъ своихъ на съѣздъ къ нашимъ посломъ, вмѣстѣ съ Свѣйскими послы, пришлетъ. А срокъ посломъ цесаревымъ и Свѣйскимъ, приговорилъ еси съ нашими бояры, пріѣхати на съѣздъ къ нашимъ посломъ къ Иваню-городу на Троицынъ день; и братъ бы нашъ Руделфъ Цесарь пословъ своихъ на съѣздъ нашего Царского Величества къ посломъ подъ Ивань-городъ къ сроку къ Троицыну дни, какъ ты, Миколай, приговорилъ съ бояры нашими, съ бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ, съ Өедо-

ромъ Никитичемъ Романова съ товарищи, слалъ со всѣмъ полнымъ наказомъ, чтобъ городы наши отчинные Жигимонтъ Король намъ отдалъ. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, для брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, и съ Свѣйскимъ Королемъ мирное постановенье учинити велимъ. Да ты жъ, Миколаіі, нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Ѳедоровичю Годунову говорилъ отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, и въ писмѣ написалъ, что извѣщено Римскому Цесарскому Величеству про торгового человѣка, про Индрика про Крамера, что деи онъ присыланъ съ торгомъ къ Пресвѣтлѣйшему, Велеможнѣйшему Государю, отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, а одинъ изъ нихъ назывался цесаревымъ посломъ; и будетъ онъ такую оману учинилъ, и Цесарское Величество шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому Борису Ѳедоровичю Годунову, о томъ донести до нашего Царского Величества, а нашему бъ Царскому Величеству приказать того сыскати и тебѣ, послу, объявити, чтобъ тебѣ про то подлинно Цесарскому Величеству донести. И нашего Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохапской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, до нашего Царского Величества о томъ доносилъ, и мы, Великій Государь, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, тебѣ послу, Миколаю Варкачю, сыскавъ про то, велѣли на то отвѣтъ учинити. Въ лѣтѣ 7082-мъ году, къ отцу нашему, блаженные памяти, къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Ивану Васильевичю, всеа Русіи Самодержцу, пріѣзжалъ отъ Максимиліяна Цесаря въ гонцѣхъ Нѣмчинъ Юрьи Крамеръ съ грамотами; а въ роспросѣ нашимъ приказнымъ людемъ сказывался, что онъ гонецъ, а у Максимиліяна Цесаря купчина, а послалъ деи его Цесарь Максимиліянъ купити про себя потребная по всѣмъ землямъ, а отпустилъ деи его Цесарь отъ себя изъ Вѣдны. И отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, для дражайшего и любезнѣйшего брата своего, Максимиліяна Цесаря, братцкіе любви, того Нѣмчина Юрья Крамера, велѣлъ приняти съ любовью, и почесть ему во всемъ учинилъ, какъ есть достоііно Великихъ Государей посланникомъ, и свои Царскіе очи вскорѣ ему видѣти далъ. И тотъ Нѣмчинъ, Юрьи Крамеръ, пришедъ передъ отца нашего, блаженные памяти, Великого Государя, отъ Цесаря Максимиліяна, ему, Великому Государю, блаженные памяти, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю, всеа Русіи Самодержцу, и брату нашему, Ивану Ивановичю, правилъ поклонъ и поздравленье, и грамоту отъ Цесаря Максимиліяна подалъ за его приписью и за печатью. И отецъ нашъ, блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Иванъ Васильевичь всеа Русіи, для братцкіе любви брата

своего дражайшего и любезнѣйшего, Максимиліяна Цесаря, тому Юрью велѣлъ быти у своего царского стола, и почесть ему воздалъ во всемъ, какъ и инымъ цесаревымъ посланникомъ и гонцомъ; и пожаловавъ его своимъ царскимъ жалованьемъ, къ брату своему, къ Максимиліяну Цесарю, отпустилъ, и грамоту свою царскую къ Максимиліяну Цесарю противъ его грамоты послалъ; а другую ему свою царскую жаловальную грамоту, по его, Юрьеву, челобитью, для Максимиліяна Цесаря, о торговлѣ велѣлъ дать, что ему повольно торговати въ нашихъ Государствахъ, въ Новѣгородѣ, и во Псковѣ, и въ Ругодивѣ, и въ Юрьевѣ и въ иныхъ городѣхъ. А послѣ того сыскано, что тотъ Юрьи Крамеръ торговой человѣкъ, а не гонецъ, и пріѣзжалъ воровствомъ. А какъ пріѣзжалъ въ наше Государство, на Москву, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфовы цесаревы области подданой, купетцкой человѣкъ Анца Крамеръ съ торгомъ, и нашего Царского Величества приказные люди Анцу хотѣли въ Юрьевѣ воровствѣ Крамера позадержати: чаяли того, что онъ тому Юрью племя, тѣхъ же Крамеровыхъ; и какъ увѣдали подлинно о Анцѣ, что онъ Юрью не во племяни и не тѣхъ Крамеровыхъ, и нашего Царского Величества приказные люди по нашему приказу отпустили его совсѣмъ. А какову грамоту тотъ Юрьи Крамеръ отъ Максимиліяна Цесаря привезъ, и какову грамоту отецъ нашъ блаженные памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, къ брату своему, къ Максимиліяну Цесарю, послалъ и какова ему грамота жаловальная о торговлѣ дана, и мы, Великій Государь, съ тѣхъ грамотъ списки велѣли тебѣ, Миколаю, дать.— Отвѣтъ тайной.—Да говорилъ еси отъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, нашего Царского Величества шурину, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому, Борису Ѳедоровичю Годунову, тайно брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря, о любезнѣйшемъ братѣ, о Максимиліянѣ, о обраномъ Королѣ Польскомъ: только Жигимонтъ Король назадъ изъ Свѣи на Королевство Польское быти не похочетъ, а останется въ Королевствѣ Свѣйскомъ, а захотятъ взяти на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское Стефана Королева брата; и Максимиліянъ тотчасъ со всею своею ратью придетъ на Батура на дорогѣ, или пойдетъ прямо къ Кракову напередъ Батура, и сшедчися со Батурою, начнетъ дѣло дѣлати, и промышляти всячески хочетъ, чтобъ ему быть на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. А Максимиліяну то подлинно вѣдомо отъ самого Жигимонта Короля, что онъ на Королевствѣ Польскомъ быти не хочетъ, а хочетъ быти на Свѣйскомъ Королевствѣ; потому что паны рада Польскіе и Литовскіе люди самовольные, ни въ чемъ его не слушаютъ, и за Государя не имѣютъ, и повольности ему нѣтъ никоторые. А у канцлера деи у Яна у Замойского умышленье то: будетъ Жигимонтъ Король не будетъ назадъ на Польское Королевство, и онъ одноличнo хочетъ взять на Королевство Стефана, Обатуры брата, воеводу Седмиградцкого, и привезти его хочетъ тотчасъ въ Краковъ и коруновать безо всѣхъ пановъ радовъ совѣту и Краковъ засѣ-

сти. И нашему бы Царскому Величеству для братцкіе любви дражайшего и любезнѣйшего брата нашего, Руделфа Цесаря, брату его любезнѣйшему, Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, вспоможенье учинити, чтобъ нашимъ братцкимъ вспоможеньемъ Максимиліянъ былъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. И до нашего Царского Величества шуринъ нашъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Астраханской Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ о томъ съ радѣніемъ доносилъ; и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, какъ преже сего о томъ радѣли, и промышляли и хотѣли того, чтобъ дражайшего и любезнѣйшего брата нашего Руделфа Цесаря, братъ Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйской, былъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, и брату его, Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, и самимъ вѣдомо. А нынѣ мы, Великій Государь, и свыше того промышляти, и радѣти и вспомогати хотимъ всякими обычаи, чтобъ на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, братъ Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйской; а братъ бы нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, нашего Царского Величества безъ вѣсти не держалъ, какъ почнется дѣлать о Королевствѣ Польскомъ и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, о брата нашего дражайшего, Руделфа Цесаря братѣ, о Максимиліянѣ Арцыкнязѣ Аустрѣйскомъ, чтобъ нашему Царскому Величеству то было вѣдомо. А о томъ брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, напередъ всего надобеть радѣть и промышлять накрѣпко, чтобъ брату его любезнѣйшему, Максимиліяну, Арцыкнязю Аустрѣйскому, быти на Королевствѣ Польскомъ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. А какъ, оже дастъ Богъ, Максимиліянъ будетъ на Королевствѣ Польскомъ, и въ тѣ поры брату нашему, Руделфу Цесарю, учиняся со всѣми хрестьянскими Государи въ соединеньѣ, съ Божіею помочью, мочно противъ Турского стояти. Да ты жъ, Миколай, приказывалъ тайно нашего Царского Величества шюрину, къ слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохански, Борису Ѳедоровичю Годунову, съ діакомъ съ Андреемъ Щелкаловымъ, а Борису бъ Ѳедоровичю то донести до нашего Царского Величества, что братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, въ то время, какъ пойдетъ Максимиліянъ, Арцыкнязь Аустрѣйскій надъ Оботуромъ промышлять къ Кракову, хочетъ послать къ Ригѣ брата своего, Матьяша Арцыкнязя Аустрѣйского, который нынѣ на Вѣднѣ; а съ нимъ будетъ воинскихъ людей и изъ Любокъ и изъ поморскихъ городовъ пятдесятъ кораблей, а изъ Датцкіе земли тридцать кораблей; и велитъ промышлять надъ Лифлянскою землею, что ее привести подъ свою руку. А изъ Риги и изъ иныхъ Ливонскихъ городовъ съ Цесаремъ о томъ ссылаются, и хотятъ быти подъ цесаревою рукою. А какъ засядетъ брата нашего дражайшего Руделфа Цесаря, братъ Матьяшъ Ригу, а иные Ливонскіе городы и не въ жа-

лованьѣ изъ Риги паемлетъ, потому что Рига всѣмъ Ливонскимъ городамъ замокъ. Только о томъ братъ нашъ, Руделфъ Цесарь, нашему Царскому Величеству извѣстити велѣлъ: похотимъ ли мы того, что братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій Руделфъ Цесарь, Лифлянскую землю подъ свою руку почнетъ имати? и о томъ бы намъ, Великому Государю, брату своему, Руделфу Цесарю, велѣти объявити, что наша царская (воля) о Лифлянской землѣ будетъ. И нашего Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Астороханской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, до нашего Царского Величества доносилъ; и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Руссіи Самодержецъ, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря тебѣ послу, Миколаю, велѣли на то отвѣтъ учинити тайно, особно большого отвѣту. Вѣдомо дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, Руделфу Цесарю, что Лифлянская земля отъ прародителей нашихъ, отъ Великого Государя, Ярослава-Георгія, которой дань положилъ на Лифлянскую землю, и городъ въ свое имя въ Лифлянской землѣ Юрьевъ поставилъ, искони вѣчная вотчина нашего Царского Величества; и за кѣмъ Лифлянская земля ни будетъ, за Литовскимъ, или за Датцкимъ, или за Свѣйскимъ, или за иными которыми Государи, а намъ съ Божіею помочью впередъ ее доступати, и никому ее непоступимся. А брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Рудельфу Цесарю, для братцкіе любви, Лифлянскіе земли поступаемся, опричь Юрьева Ливонского съ пригороды и опричь Ругодива съ пригороды; а Юрьева и Ругодива съ пригороды намъ, Великому Государю, никому не поступоватися и съ Божіею помочью впередъ ихъ доступати, для того что то вотчина искони вѣчная нашего Царского Величества. И братъ бы нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, въ то время, какъ пойдетъ Максимиліянъ на Обатура къ Кракову, промышлялъ, подъ Лифлянскою землею, послалъ къ Ригѣ брата своего Матьяша Арцыкнязя Аустрѣйского, съ воинскими людьми, и велѣлъ Риги и всее Лифлянскіе земли доступать; и съ Рижаны бъ въ то время ссылался, чтобъ они похотѣли быть подъ рукою брата нашего, Руделфа Цесаря; а изъ Лифлянскіе земли городъ Юрьевъ со всѣми пригороды и Ругодивъ съ пригороды, тѣ наши вотчины, нашему Царскому Величеству въ нашу сторону. А опричь тѣхъ городовъ всее Лифлянскіе земли для братцкіе любви брату нашему, Руделфу Цесарю, поступаемся и хотимъ того, чтобъ она была въ подданныхъ у брата нашего, Руделфа Цесаря, мимо всѣхъ Государей, и Рига со всѣми городы, и Колывань и Курлянская земля».

А съ Москвы цесаревъ посолъ отпущенъ Декабря въ 8 день. А въ приставѣхъ посланъ съ нимъ до рубежа Андрей Окинфовъ.

А наказъ ему о провожаньѣ данъ таковъ: «Лѣта 7102-го, Декабря въ 6 день, Государь, Царь и Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, велѣлъ ѣхати Андрею Михайловичю Окинфову съ цесаревымъ посломъ, съ Миколаемъ Воркачомъ, и съ дворяны до Смоленска и до рубежа. И Андрею ѣхати съ цесаревымъ посломъ дорогою и береженье къ нему держати, чтобъ ему и дворяномъ ни отъ кого безчестья не было, и

кормъ ему и дворяномъ и людемъ ихъ дорогою давати по росписи сполна; и за кормъ за всякой деньги платити по городомъ и по станомъ приказнымъ людемъ, и старостамъ и цѣловальникомъ по указной цѣнѣ; а на кормъ съ нимъ денегъ послано двадцать пять рублевъ. А подводы подъ посла и подъ дворянъ и подъ ихъ людей, и подъ Лукаша съ людьми, и подъ Захаріяса велѣти имати подводы по подорожной дѣтемъ боярскимъ, которые съ нимъ посланы для провожанья и для корму и для дворовъ запмать напередъ станутъ посылать дѣтей боярскихъ. И того Андрею дорогую беречи велѣть накрѣпко, чтобъ къ цесареву послу, и къ дворяномъ, и къЛукашу и и къ Захаріясу никто иноземцовъ никаковъ человѣкъ не приставалъ и не розговаривалъ съ ними ни о чомъ, и за рубежъ бы съ ними никаковъ человѣкъ, Нѣмчинъ и Литвинъ, не проѣхалъ съ ними; а пріѣхавъ къ рубежю пересмотрити, чтобъ съ посломъ и съ дворяны, опричь людей, и съ Лукашемъ, и съ Захаріясомъ иныхъ людей, опричь тѣхъ людей, которые съ нимъ съ Москвы отпущены, не было. А проводя цесарева посла до рубежа, отпустя, ѣхати Андрею ко Государю къ Москвѣ; а дѣтей боярскихъ, которые съ нимъ посланы для провожанья, отпустити ихъ по домомъ; а самому, пріѣхавъ къ Москвѣ, явитися въ посольскомъ приказѣ діаку Андрею Щелкалову, и сказати про его отпускъ».

А въ Смоленескъ о цесаревѣ послѣ объ, отпускѣ его къ воеводамъ грамота послана такова. «Отъ Царя и Великого Князя Θеодора Ивановича всеа Русіи въ нашу отчину въ Смоленескъ воеводамъ нашимъ, Князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому съ товарищи. По нашему указу отпущенъ съ Москвы цесаревъ посолъ Миколай Варкачь; и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Князь Михайло, отписалъ отъ себя въ Оршу къ старостѣ Оршанскому, что мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь, всея Русіи Самодержецъ, цесарева посла Миколая Варкача, отпустили, а въ Смоленескъ и на рубежъ будутъ часа того,—и староста бъ Оршанской цесареву послу подводы на рубежъ выслалъ. А отписавъ о томъ въ Оршу, велѣли бы есте про цесарева посла на Пневѣ и въ Смоленску кормъ изготовить по росписи, какова къ вамъ роспись послана съ сею грамотою; а послали бъ есте для корму на Пневъ сына боярского, и дворы велѣли изготовити. Да какъ цесаревъ посолъ на тотъ ямъ придетъ, и онъ бы тотъ кормъ отдалъ приставу Андрею Окинфову, а за тотъ кормъ у него по цѣнѣ, какъ въ росписи написано, деньги взялъ. А какъ цесаревъ посолъ въ Смоленескъ придетъ, и ты бъ, Игнатей цесареву послу, встрѣчю учинилъ по прежнему, какъ онъ шолъ къ намъ къ Москвѣ; а Смолянемъ дѣтемъ боярскимъ велѣлъ на встрѣчѣ быть съ собою всему городу, и было бъ у васъ въ тѣ поры въ посадѣ людно и урядно. И отпустили бъ есте цесарева посла изъ Смоленска честно, и проводити его до рубежа послали съ приставомъ, съ Андреемъ, съ Окинфовымъ, дѣтей боярскихъ Смолнянъ молодыхъ человѣкъ до пятидесять, которые бъ были конны и нарядны, и подводы подъ посла велѣли дати по подорожнымъ. А будетъ изъ Орши цесареву послу подводъ не вышлютъ, и вы бъ посла за рубежъ

велѣли отпустить на Смоленскихъ подводахъ до Орши, а за подводами послали бы есте до Орши дѣтей боярскихъ, человѣкъ трехъ, просужихъ добрыхъ, а наказали имъ, чтобъ они въ Оршѣ вѣстей всякихъ про Короля провѣдали: гдѣ нынѣ Жигимонтъ Король, и впередъ его на Королевство Польское чаятъ ли, и нѣтъ ли межъ пановъ Польскихъ и Литовскихъ въ чемъ розни, кого на Королевство хотятъ обирать, и на каковѣ мѣрѣ съ Турскимъ и съ Крымскимъ нынѣ стало? Да и у цесарева бъ есте посла наказали имъ въ Оршѣ про всякіе вѣсти спрашивать; да послали бы есте къ послу, къ Миколаю, взявъ у архіепископа и въ монастырѣхъ два ведра меду вишневого, то ему въ дорогу».—Писанъ па Москвѣ, лѣта 7102-го.

Приказывалъ съ дороги цесаревъ посолъ Миколай Варкачь къ слугѣ и къ конюшему, болярину, къ Борису Ѳедоровичю Годунову, съ челобитьемъ, чтобъ онъ, доложа Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, пожаловалъ, отпустилъ съ Лукашомъ съ Павлусовымъ къ Цесарю на время Нѣмчина Анцу, которой живетъ у Лукаша жъ.

И слуга и конюшей, бояринъ Борисъ Ѳедоровичь докладывалъ о томъ Государя; и Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, того Нѣмчина Анцу съ цесаревымъ посломъ велѣлъ отпустить; а отписати велѣлъ къ послу Миколаю, діаку Андрею Щелкалову отъ собя, чтобъ того Нѣмчина Анцу, какъ они пріѣдутъ къ Цесарю, отпустити велѣли вскорѣ, съ какимъ дѣломъ пригоже, и съ нимъ отписали обо всякихъ дѣлѣхъ, какъ почнется межъ Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи и Руделфа Цесаря.

И по Государеву, Цареву и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу, Нѣмчинъ Анца къ Лукашу отпущенъ.

А грамота къ цесареву послу, къ Миколаю Варкачю отъ діяка отъ Андрея Щелкалова послана такова: «Божіею милостію, Великого Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Астороханского, Государя Псковского, и Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирскія земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества, отъ ближнего діака отъ Андрея Яковлича Щелкалова, Великого Государя Рудефа второго, Божіею милостію избраннаго Цесаря Римского, всегда прибавителя Царствія, Нѣмецкого, Угорского, Чешского, Долматцкого, Кроатцкого, Шлявонского и иныхъ, Короля и Арцыкнязя Аустрѣйского, Арцука Бургунского, Барабонского, Стырского, Карнского, Крайнского Люцемборского, Витемборского, вышніе и нижніе земли Шляского, Князя Швабского, Малграфа Римского Царствія, Бургавского, Государя вышніе и нижніе земли Леузнитцого, Князя и Графа Аузбурского,

Тирольского, Фиртцкого, Кибурского, Хортцкого, Ландграбя Олситцкого, Государя Вендѣйскіе стороны, Портонавского, Соленицкого и иныхъ, вѣрнѣйшему послу его Миколаю Варкачю съ Нопчицъ изъ Вилемздорфу любительное поздравленье. Присылалъ еси къ Великого Государя, нашего, Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Его Царского Величества, къ шурину, слугѣ и конюшему, боярину, воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, къ Борису Ѳеодоровичю Годунову, съ челобитьемъ, просячи того, чтобъ Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей бояринъ, Борисъ Ѳеодоровичь, доложа Царского Величества, для тебя, Миколая, велѣли отпустити съ Лукашомъ Павлусовымъ на время своего Государства Нѣмчина Анцу, которой прежъ сего съ Лукашомъ былъ. А Лукашъ о томъ билъ челомъ мнѣ то Царского Величества до шурина, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового и намѣстника Казанского и Асторохапского, до Бориса Ѳеодоровича Годунова донести, чтобъ его съ Лукашомъ отпустити велѣлъ; а какъ доѣдете до Цесарского Величества и Цесарскому бы Величеству того Анцу отпустити къ Великому Государю нашему, и о своемъ здоровьѣ отписати и о вашемъ пріѣздѣ. И Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторахапской, Борисъ Ѳеодоровичь, доложа Царского Величества, по твоему прошенью, приказалъ мнѣ, а велѣлъ, того Анцу отпустити за вами и отдати его при тебѣ Лукашу Павлусову сыну Магнусова. И по приказу Царского Величества шурина, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, намѣстника Казанского и Асторохапского, Бориса Ѳеодоровича Годунова, Нѣмчинъ Анца къ вамъ отпущенъ; а велѣно его отдати при тебѣ Лукашу Павлусову сыну Магнусову, и тотъ бы Анца съ Лукашомъ ѣхалъ до Цесарского Величества. А какъ, ажъ дастъ Богъ, будете у Цесарского Величества, и о которыхъ будетъ дѣлѣхъ Цесарю отписати къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, къ Его Царскому Величеству, и къ Его Царского Величества къ шурину, къ слугѣ и конюшему, боярину и къ воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, къ Борису Ѳеодоровичю Годунову, или о которыхъ дѣлѣхъ рѣчью приказать, какъ учнется дѣлать межъ Великихъ Государей нашихъ, Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и межъ Государя вашего, Руделфа Цесаря, и Ишпанского Короля и папы Римского, и какъ почнется дѣлати о Максимиліянѣ, Арцыкнязѣ Аустрѣйскомъ, и о Польскомъ Королевствѣ, и о Свѣйскомъ, и о Лифлянской землѣ и объ иныхъ дѣлѣхъ, —и съ тѣми бъ дѣлы напередъ прислати его, Анцу, давъ ему легкого товарища изъ Любчанъ, которою дорогою проѣхать ему мочно, сухимъ ли путемъ или водянымъ, Царского Величества, къ вотчинѣ къ Иваніогороду или ко Пскову.—Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ въ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102-го Декабря мѣсяца».

И Декабря въ 25 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичю всеа Русіи, изъ

Смоленска воеводы, князь Михайло Петровичь Котыревъ-Ростовской съ товарищи, что цесаревъ посолъ Миколай Варкачь, изъ Смоленска пошолъ Декабря въ 21 день; а по государеву указу воевода Игнатей Вельяминовъ провожалъ цесарева посла отъ посаду за Троецкой монастырь до рѣчки до Есенье; а до рубежа послали съ приставомъ, съ Андреемъ съ Окинфовымъ, пятьдесятъ человѣкъ дѣтей боярскихъ, да за подводы трехъ человѣкъ. Да сказывалъ деи имъ воеводамъ приставъ Андрей Окинфовъ: спрашивалъ у него цесаревъ посолъ, есть ли деи кто Смольнянъ торговыхъ людей въ Вильнѣ, съ кѣмъ бы что приказати? и воеводы для того послали въ Вильну Смольнянъ торговыхъ людей, Михалка Гладильника да Петрушку Матвѣева, а велѣли для вѣстей подъявитися въ Вильнѣ цесареву послу.

Декабря въ 31 день, цесарева посла приставъ Андрей Окинфовъ къ Москвѣ пріѣхалъ, а сказалъ, что онъ посла за рубежъ отпустилъ со всѣмъ Декабря въ 25 день, а съ нимъ цесаревъ посолъ грамоту прислалъ къ слугѣ и къ конюшему, боярину, къ Борису Ѳедоровичю.

А се переводъ цесарева посла съ Миколаевы Варкачовы грамоты къ слугѣ, конюшему, боярину, къ Борису Ѳедоровичю Годунову: «Пресвѣтлѣйшего и Велеможнѣйшего Государя, Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, ближнему пріятелю, шурину, конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Асторохапскому, велеможпому, высокородному государю, Борису Ѳедоровичю Миколай Варкачь челомъ бьетъ; желаю вашему высокородству отъ Бога Всемогущаго многолѣтства и и сщастного пребыванія! А которую, государь, грамоту послалъ еси отъ себя къ Пресвѣтлѣйшему Арцыарцуку Аустрѣйскому Максимиліяну, обранному Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, и та грамота до меня дошла; и язъ тое грамоту съ Божіею помочью къ Пресвѣтлѣйшеству Королевской Достойности съ великимъ радѣніемъ отправлю, и Его Пресвѣтлѣйшества Велеможства, Царского Величества, Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, подвигъ, также и твое радѣніе и подвигъ исправлю, и хвалитися буду. А Велеможной и Богобоязпой Арцыарцукъ Максимиліянъ Аустрѣйской будетъ тебѣ, высокородному величеству, за такую твою сердечную любовь и радѣніе во вѣки хвалится и челомъ бить до конца живота своего. А что мнѣ отвѣтъ данъ на моего милостивого Государя посольство отъ Царя и Великого Князя, Ѳедора Ивановича всеа Русіи, которое дѣло годно общимъ Государемъ и всему Хрестьянству,—и то язъ, съ Божіею помочью, съ великимъ радѣніемъ моему милостивому Государю, Цесарю, отправлю. А вѣдомо будетъ Его Царскому Величеству и тебѣ, велеможному государю, Борису Ѳедоровичю, что мой Государь, Цесарь, и всѣмъ домомъ Аустрѣйскимъ о Государѣ, Его Царскомъ Величествѣ, и о тебѣ, велеможномъ государѣ, Борисѣ Ѳедоровичѣ, радѣютъ и доброхотаютъ со всею правдою въ вѣрности. А что мы, государь, съ тобою говорили о великихъ дѣлѣхъ, и для такихъ великихъ дѣлъ пригоже будетъ, оже дастъ Богъ, пріѣду къ своему Государю къ Цесарю, и мой Государь Цесарь гонца пошлетъ тотчасъ къ Великому Государю, Царю и Великому

Князю Θедору Ивановичю, съ отвѣтомъ, чтобы вашему вельможству было вѣдомо. Также и о другомъ дѣлѣ послати гонца жъ съ моего Государя послы въ Свѣю, и тому гонцу изъ Свѣи ѣхати съ подлиннымъ отвѣтомъ о всякихъ дѣлѣхъ Царскому Величеству. А такое великое радѣніе моего Государя Цесаря извѣстно будетъ въ тѣхъ дѣлѣхъ Его Царскому Величеству, какъ съѣдутся послы Государя моего Цесаря на съѣздъ. А что о соединеньѣ общихъ Государеі на Турского и на его пособщики на Татаръ, которые находятъ на обоихъ Государей земель и на все Хрестьянство, и такое великое дѣло началося отъ Бога Всемогущаго; и ты, государь, о томъ также радѣі, какъ мой милостивой Государь Цесарь о томъ радѣетъ. А что твоего Государя, Его Царского Величества, всеа Русіи Самодержца, братцкая любовь, радѣніе и пособь Римскому Цесарскому Величеству, моему милостивому Государю, на Турского, и моему Государю, Римскому Цесарскому Величеству, то будетъ добрѣ любо и за честь; а поідетъ съ великою силою не въ долгѣ на него, на гонителя, чтобъ ему землю хрестьянскую и хрестьянъ освободити, которыхъ нѣсколько сотъ тысячь взялъ за себя подъ свою руку. А язъ, посолъ Государя своего Цесаря, а работникъ общихъ Государеі великихъ дѣлъ, бью челомъ и извѣщаю тебѣ, высокородному государю, Борису Θедоровичю, чтобъ ты Государю своему, Его Велеможству, билъ челомъ, чтобъ Государь свою братцкую любовь и помочь свою розпространную показалъ вскорѣ, потому что нынѣ Турскоі на моего милостивого Государя Цесаря на лѣто хочетъ рать свою всю и силу послати на моего Государя. А за такую добродѣтель Его Царского Величества, всеа Русіи Самодержца, для братцкіе любви, учнутъ во всемъ Хрестьянствѣ хвалити и славити; да и Его Царскому Величеству то будетъ къ благоугодью, и Его Царского Величества землѣ то будетъ къ великой прибыли. А только, Богъ дастъ, Турского побьютъ и одалятъ въ нашу сторону, и то дѣется такъ же, что коли царская рука побила по его царскому радѣнію. Также и Татарове Крымскіе, которые подданы Турскому, а твоему Государю, Его Царскому Величеству, землями порубежны,—и они услышатъ, что Турской побѣженъ и одолѣнъ, учнутъ бити челомъ и поддатися подъ Его Царского Величества руку, и подданы будутъ, потому что имъ надѣяться на Турского не на кого; то дѣлается общими Государи ихъ, великимъ соединеньемъ и братствомъ; да и къ тому будетъ межъ ими, Государи, великая вѣра и безпрестанная любовь и дружба, и покамѣста вся вселенная стоитъ, по тѣхъ мѣстъ будетъ держано. А тебѣ, велеможному государю, Борису Θедоровичу, извѣстно будетъ, какую великую мзду тебѣ Богъ воздастъ за такое твое великое радѣніе и вѣрность въ такихъ хрестьянскихъ великихъ дѣлѣхъ, а отъ моего милостиваго Государя Цесаря тебѣ великая честь будетъ. И какъ, Богъ дастъ, язъ въ Литвѣ буду въ Вильнѣ, и язъ учну радѣти и провѣдывати о всякихъ дѣлѣхъ, что ся въ Польшѣ, и въ Литвѣ и въ Свѣѣ дѣется, и что у нихъ вѣстей, и что ся дѣется межъ моего милостиваго Государя и Турского, и то язъ провѣдавъ, о всемъ отпишу съ Рускимъ съ торговымъ чело-

вѣкомъ къ тебѣ, велеможному государю, къ твоей высотѣ. А что ваша велеможность пожаловали по моему челобитью, Лукашова Магнусова малого, Анцу, ко мнѣ прислали, на то вашей велеможности много челомъ бью: онъ годенъ къ такому великому дѣлу. Не могу тебѣ велеможству утаити: которого пристава еси мнѣ далъ въ провожанье, Андрея Оки́нфова, и онъ меня берегъ, и хвалюся о немъ, мнѣ во всѣмъ радѣтеленъ былъ; бью челомъ твоей пресвѣтлѣйшей высотѣ, чтобъ еси его жаловалъ. За тѣмъ, твоя велеможность, Всемогущимъ Богомъ буди хранимъ и многолѣтенъ, а язъ твоимъ жалованьемъ хвалюся и много челомъ бью. — Писана въ Смоленскѣ, Декабря въ 30 день лѣта 1593-го. Римского Цесарского Величества посолъ Миколай Варкачь».

И того жъ лѣта 7102-го, Февраля въ 13 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, изъ Пскова воевода, князь Михайло Кашинъ да діакъ Никита Щелепинъ: пріѣхалъ къ нимъ во Псковъ Цесаря Руделфа гонецъ Михайло Шель, а съ нимъ человѣкъ его; а въ роспросѣ сказался: ѣдетъ отъ Цесаря Руделфа ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, съ грамотами, да къ послу къ цесареву, къ Миколаю Варкачю, съ наказомъ и съ грамоты; и они того цесарева гонца послали ко Государю къ Москвѣ со Псковитиномъ, съ Андреемъ Михайловымъ, на подводахъ.

И того жъ дни, цесаревъ гонецъ Михайло Шель къ Москвѣ пріѣхалъ и поставленъ въ Новомъ-Царевѣ въ каменномъ городѣ, на владычнѣ дворѣ Резанского; а въ приставѣхъ по государеву указу велѣно у него быть на Москвѣ Розгильдѣю Любученинову да Псковскому приставу Андрею Михайлову. И того же дни, по Государеву, Цареву и Великого Князя, Өедора Ивановича всеа Русіи, указу посыланъ къ цесареву гонцу на подворье посолского приказу подъячей, Андрей Ивановъ; а велѣно его розпросити: что его пріѣздъ ко Государю, о какихъ дѣлѣхъ отъ Цесаря Руделфа ко Государю пріѣхалъ, и грамоты съ нимъ ко Государю или приказъ какой рѣчью есть ли? да и о вѣстѣхъ его о всякихъ розпросити, чтобъ пріѣздъ его вскорѣ былъ вѣданъ; а о томъ ему объявити, что быти ему у Государя, и у бояръ и у приказныхъ людей вскорѣ невмѣстно, для того что судомъ Божіимъ Государыни, Царевны Өеодосьи не стало.

И того жъ дни, подъячей Андрей Ивановъ, пріѣхавъ, діаку Андрею Щелкалову сказывалъ, что онъ у цесарева гонца былъ и его розпрашивалъ, и цесаревъ деи гонецъ Михайло Шель, съ роспросѣ ему сказывалъ, что Руделфъ Цесарь послалъ его ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, наскоро съ грамотами о великихъ дѣлѣхъ; а писано обо всемъ ко Государю въ грамотахъ, а рѣчью съ нимъ никакого приказу ко Государю нѣтъ. Да съ нимъ же присланы отъ Руделфа Цесаря наказъ и грамоты къ послу его, къ Миколаю Варкачю; а наказано ему отъ Цесаря, велѣно всякіе дѣла отдать послу Миколаю; а будетъ Миколая не заѣдетъ, и ему деи велѣно тѣ дѣла, что присланы къ Миколаю,

отдати государевымъ бояромъ или приказнымъ людемъ, кому Государь велитъ. А поѣхалъ онъ отъ Цесаря послѣ Рожества Христова, недѣлю спустя, а ѣхалъ на Польскую землю, да на Курляндскую, да на Ригу, да на Юрьевъ.

А вѣстей цесаревъ гонецъ, Михайло Шель, сказалъ: сего лѣта и въ осень цесарскимъ людемъ съ Турскими людьми были бои во многихъ мѣстѣхъ, и Турскихъ людей многихъ побили: въ одномъ мѣстѣ подъ монастыремъ Сектусомъ убили Турскихъ людей шестнадцать тысячь лутчихъ людей, а въ иныхъ мѣстѣхъ тысечь по пяти, и по шти и по десяти; да взяли у Турского по его поѣздъ десять городовъ Угорскихъ; а которые городы имяны взяты, и гдѣ сколько людей побито Турскихъ, тому у него есть подлинное писмо. А нынѣ у Цесаря въ собраньѣ людей его Государства семдесятъ тысечь, и послалъ тѣхъ людей подъ Турскаго городы Угорскіе, подъ Грань, да подъ Виземберхъ, тожъ и Бѣлгородъ, и они тѣ городы осадили. И писалъ къ Цесарю большой воевода, что начается Божіи милости, что тѣ городы не отстоятся. А Турского большой Синанъ паша, собрався, стоитъ у города Овна; а съ нимъ многіе люди, только люди не боевые, все зборные съ земли, а лутчихъ людей у нихъ побили, да и царева Турского племянника, сестрина сына, а былъ въ пашахъ, убили, и съ нимъ многихъ пашей и князей.— Нынѣ деи Турскіе люди волнуютъ на Синапъ пашу, что онъ войну всчалъ; и всѣ люди въ ужасѣ въ великомъ, ради бы миру, да Цесарь мириться не хочетъ. А сперва, какъ война зачалась, помыслилъ былъ Цесарь къ Турскому послати о миру, да и послалъ былъ о томъ посланника; и тѣхъ его посланниковъ черезъ Угорскую землю не пропустили, да прислали къ Цесарю о томъ, чтобъ съ Турскимъ не мирился, а они всѣ съ нимъ станутъ заодинъ, да и Курфисты всѣ Цесарю тожъ придумали, чтобъ съ Турскимъ не мирился, а они всѣ учнутъ спомогати людьми и казною,—сколько кому мочно, и Цесарь съ Турскимъ мириться отмыслилъ, и нынѣ съ Божіею помочью всѣ люди идутъ на войну съ радостью, а людей къ Цесарю отъ часу прибываетъ. Ишпанской Король, тотъ съ Цесаремъ заодинъ, и хочетъ промышляти, моремъ послать рать къ Турскимъ городомъ на кораблѣхъ; а папа Цесарю помогаетъ людьми и казною; а Венецѣяне такъ же помогати хотятъ людьми и казною, и послы ихъ у Цесаря были; да и Цесарю жъ присылалъ Лотрянской Князь, а хочетъ быти на помочь съ десятью тысячами людьми, а удѣлъ его межъ Итальянскіе и Францовскіе земли, да изъ Италіянскіе земли и хотятъ быти на (по)мочь три Князи удѣльные жъ со многими людьми; а Максиміліянъ, цесаревъ братъ, такъ же сбирается съ Крабацкими, да съ Краинскими, да съ Тирольскими людьми, а хочетъ итти къ Цесарю жъ на помочь; а Курфисты всѣ Цесарю помогаютъ людьми и казною. А меншого брата Эрнеста отпуститъ Цесарь въ Недерлянскую землю, а быти ему тамъ Губернатаремъ подъ властью Ишпанского. А съ Аглинскою Королевною Ишпанской нынѣ въ миру, а помирилъ ихъ Цесарь для нынѣшнего дѣла. А на Францовскомъ Королевствѣ нынѣ учинился Королемъ Наварской Князь, и съ Цесаремъ въ дружбѣ учинился.

А какъ онъ ѣхалъ Полскою землею, и въ Польшѣ шляхта многіе готовы, хотятъ итти къ Цесарю жъ на помочь. И Андрей его спрашивалъ про Литовского Жигимонта Короля, какъ онъ ѣхалъ Полскою и Литовскою землею, и что ему вѣдомо про Жигимонта Короля, гдѣ нынѣ? и гонецъ сказалъ: слышелъ онъ, ѣдучи въ Лифлянской землѣ, что Жигимонтъ Король въ Свѣѣ, а на Королевство Свѣйское еще не корунованъ, за тѣмъ что межъ Жигимонта Короля и Свѣйскихъ людей о вѣрѣ рознь: Жигимонтъ Король хочетъ, чтобъ всѣ приняли вѣру Римскую, а Свѣйскіе Нѣмцы отъ своей Люторской вѣры не отстанутъ.

И діакъ Андрей Щелкаловъ, цесарева гонца рѣчи сказывалъ бояромъ, и бояре, доложа Государя, Царя и Великого Князя, Өедора Ивановича всеа Русіи, велѣли у цесарева гонца грамоты, которые съ нимъ присланы ко Государю отъ Руделфа Цесаря, и наказъ и грамоты, что присланы къ послу къ Миколаю Варкачю, взять приставу Розгильдѣю Любученинову, а гонцу сказати, что ему у Государя, и у бояръ и у приказныхъ людей быти невмѣстно, для того что Государь, Царь и Великій Князь и бояре нынѣ въ жалобѣ: Божіимъ судомъ Государыни, Царевны Өеодосьи не стало.

И того жъ дни, Розгилдѣй Любученинов, взявъ у цесарева гонца грамоты, принесъ въ посольскую полату къ діаку къ Андрею Щелкалову, а сказалъ, что ему цесаревъ гонецъ, отдаючи грамоты, говорилъ, что ему отъ Руделфа Цесаря наказано, а велѣно грамоты государевы отдати послу цесареву Миколаю Варкачю, и быти у Государя вмѣстѣ съ посломъ съ Миколаемъ; а будетъ Миколая не застанетъ, и быти ему будетъ у Государя невмѣстно, и ему грамоты всѣ и наказъ Миколаевъ, велѣно отдати приказнымъ людемъ, кому Государь велитъ, только бъ вскорѣ, чтобъ ему за тѣмъ мѣшканья и житья не было; и приказные бъ люди донесли о томъ до Государя, чтобъ ему, отвѣтъ противъ грамотъ учиня, вскорѣ отпустили его къ Цесарю.

А се переводъ съ цесаревы Руделфовы грамоты ко Государю, Царю и Великому Князю, Өедору Ивановичю всеа Русіи, съ гонцомъ его съ Михайломъ Шелемъ: «(Лѣта) 102-го, Февраля въ 19 день, Мы, Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный, Цесарь Римскій, всегда прибавитель Царствію, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлявонскій, Арцыкнязь Аустрѣйскій, Князь Бургунскій, Брабанскій, Стырскій, Краінскій, Люцемборскій, Витемборскій, вышніе и нижніе земли Шлескій, Князь Швабскій, Малграфъ Святого Римского Царствія, Бургавскій, Марнерскій, вышніе и нижніе земли Леузницкій, Графъ Аузборскій, Тирольскій, Фиртцкій, Кибурскій, Хортцкій, Ланграбе Элсицкій, Государь Вендѣйскіе земли, Портунальскій, Саленицкій и иныхъ,—извѣщаемъ тому Пресвѣтлѣйшему, Великосильнѣйшему Государю, Царю Өедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Царю Казанскому и Асторohanскому, нашему опричено любительному брату дружба и любовь и всякое добро. Пресвѣтлѣйшій и Великосильнѣйшій Князь, опричено любительный другъ и братъ! Велѣли есмя Вашей Любви прежъ

сего честнѣйшему нашему любовновѣрному Миколаю Варкачю съ Нопчицъ изъ Вилемздорфу, извѣстити, какъ миръ порушился межъ нами и гонителями хрестьянского имяни и вѣры. А нынѣ Ваша Любовь отъ того жъ Варкача, нашего посланника увѣдаете, а будетъ онъ назадъ поѣхалъ, и вы увѣдаете отъ нашего вѣрного любовного Михаила Шеля, которого мы нынѣ съ нашимъ писмомъ къ нему послали, что тѣ дѣла на обѣ стороны къ явной войнѣ всчалося, что впередъ перемирью и миру быти нельзя, для того мы вашу братцкую любовь напоминаемъ, чтобъ еси нашему послу, что онъ отъ насъ учнетъ тебѣ говорити, во всемъ подлинно вѣрилъ и намъ объявилъ, какъ достоитъ вашей братцкой вѣрности и высокославной хрестьянской славѣ достойно, то намъ въ великое и высокое пріятельство, а всему Хрестьянству въ надежю. А мы радѣемъ и хотимъ противъ Вашей Любви братцкою любовью, всею вѣрною правдою и любовью всѣмъ добромъ отдавати и всегда на то подвижны. Дана въ нашемъ королевскомъ вышегородѣ Прагѣ, 15-го Декабря, отъ нарожения Сына Божіего 1593-го: нашего Царства Римского 19-го, Угорского 22-го, Чешского 19-го». А внизу написано: «Вашей Любви доброхотящеі братъ» цесарева рука: «Руделфъ, Якубъ Курцъ, Яганъ Барвищукъ.» А на подписи написано: «тому Пресвѣтлѣйшему и Великосильнѣйшему Государю, Царю, Ѳедору Ивановичю, Обладателю всеа Русій, Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородскому, Государю Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Царю Казанскому и Асторохансному и иныхъ, нашему любительному другу и брату».

А се переводъ съ другіе цесаревы грамоты ко Государю, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, съ гонцомъ Михаиломъ Шелемъ: «Мы, Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный, Цесарь Римскій, по вся времяна прибавитель Государствія, Нѣмецкій Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій, Шлевонскій, Король, Арцыарцукъ Аустрѣйской, Князь Бургунскій, Барабонскій, Стирскій, Карнскій Крайнскій, Люцемборскій, Виртемберскій, верхніе и нижніе Шлейскіе земли, Князь Швабскій, Малграфъ святого Римского Государствія, Бургавскій, Марнерскій, верхніе и нижніе земли Ляузницкій, Князь и Графъ Азберскій, Тирольскій, Фярскій, Кибурскій и Горцкій, Ланграфъ Элсаскій, Государь Вендѣйскій, Партонавскій, Соленицкій и иныхъ,—извѣщаемъ Пресвѣтлѣйшему и Велеможнѣйшему Государю, Царю Ѳедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохансному, нашему опричепному любительному другу и брату нашу пріятельскую любовь и все доброе. Пресвѣтлѣйшій, Велеможнѣйшій Князь, опричепно любительный другъ и братъ! Вашей Любви пріятельское и братцкое писмо, которое есте писмо нашего Государства съ вѣрнымъ человѣкомъ, съ Кашпиромъ съ Крономъ прислали, и то до насъ дошло; и изъ него выразумѣли есмя съ великою радостью, которыми обычаи вы намъ и нашему славному дому Аустрѣйскому всею пріятельскою любовью подвижны и радѣете, и чѣмъ вы намъ хотите помогати, на томъ мы на вашей прія-

тельской братцкой любви любительно челомъ бьемъ; а противъ того во вся времена также хотимъ противъ радѣти, то и сами увѣдаете; а мы во всемъ, что годно къ пріятельской любви наипаче старого, какъ прадѣды наши имѣли пріятельскую любовь, хотимъ прибавити и разширити. А что о нашемъ пріятелѣ, любительномъ братѣ, о Максимиліяновѣ дѣлѣ Ваша Любовь въ своемъ писмѣ пишете, и Вашей Любви про то будетъ вѣдомо отъ нашего посла, отъ Миколая Варкача, и выразумѣли отъ него, которыми обычаи тѣ дѣла исправлены и постановлены. А мы нынѣ всю свою мысль положили и хотимъ вспоможеньемъ всѣхъ Хрестьянскихъ Государей, унявъ межъ Хрестьянства войну, большую войну учинить съ недругомъ, которой имя хрестьянское и вѣру рушитъ; и то Вашей Любви, отъ нашего посла будетъ вѣдомо не одно то, что противъ его стати, и безпрестани съ нимъ хотимъ воеваться и побѣдить какъ мочно. А нынѣ Ваша Любовь съ великимъ имѣніемъ и богатствомъ отъ Бога дарованны; а наша пріятельская и братцкая любовь обнадежилася на васъ, чтобы вы хрестьянское радѣніе учинили по нашему прошенью, нынѣ помочь объявили; а мы на васъ въ томъ надежю великую держимъ, а та будетъ ваша любовь во всемъ Хрестьянствѣ во вѣки славна всему Хрестьянству. А что о сумнѣньѣ, что прежъ сего было межъ васъ и Ягана Короля Свѣйского, и мы начаелися, что то послѣ Ягановы королевы смерти унялося и на мѣрѣ положено; а будетъ то дѣло на мѣрѣ не положено, а намъ будетъ въ томъ которое добро мочно доспѣти, и мы въ томъ и во всякихъ иныхъ дѣлѣхъ, гдѣ наша мочь, имѣть ради по братцкой любви, въ правду дѣлати подвижны и радѣти хотимъ.—Писана въ нашемъ королевскомъ городѣ Прагѣ Генваря мѣсяца въ 6 день, лѣта 1593,— Государства нашего Римского 19-го. Угорского 22-го, Чешского 19-го Внизу грамоты написано: «Вашей Любви радѣтельной братъ Руделфъ» А подъ тѣмъ дьячьи руки: «Курцыюсъ, Яганъ Барвицыусъ». А на подписи написано: «Пресвѣтлѣйшему, Велеможнѣйшему Государю, Царю Ѳедору Ивановичю, Обладателю всеа Русіи, Великому Князю Владимерскому, Московскому и Новгородцкому, Государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, Царю Казанскому и Асторохавскому, нашему любительному другу и брату».

А се переводъ съ отвѣту цесарева противъ государева писма, что послано съ Кашпиромъ Кроиомъ. «Мы Вашей Любви дружное и братцкое писмо, что съ нашимъ вѣрнымъ Кашпиромъ Кроиомъ, посланикомъ въ Любкѣ, прислано, приняли есмя, и потомъ выразумѣли, коимъ дѣломъ еси намъ и нашему славному дому Аустрѣйскому со всякою дружбою подвижны и впередъ быти, и какъ вы намъ впередъ радѣете, и за то мы Вашей Любви и братству челомъ бьемъ, и противъ того по вся времена радѣти всякимъ добрымъ дѣломъ ради, и то въ дѣлѣ явно будетъ. И что ко укрѣпленью старые дружбы, что межъ нашего славнаго двора и Вашей Любви, и какъ прежъ сего межъ предковъ нашихъ бывало, ради есмя со всякою службою и прямымъ умышленьемъ впередъ исполнити. А что о дѣлѣ нашего любовного брата Максимиліяна Вашей любви въ писмѣ объявле-

но, и то Вашей любви отъ нашего посла, Миколая Варкача, вѣдомо будетъ, и на какой мѣрѣ то дѣло стало. А мы свою мысль о томъ положили, чтобъ намъ всякіе войны отложити, да помочь всѣмъ хрестьянскимъ Государемъ противъ недруга хрестьянского имяни и вѣры, что съ нимъ явная война вчалася; и то Вашей Любви отъ нашего посла вѣдомо будетъ, не токмо что противъ его крѣпко станемъ стояти, и великую ему шкоту учинити. А что Ваша Любовь великою казною и силою отъ Бога подарованъ, и наша дружба и братцкая любовь хотѣніе къ вамъ то, чтобъ есте Хрестьянству ко оборонѣ подвижны были, въ чомъ мы помочи у васъ просимъ, и вы бъ намъ въ томъ объявили; а мы въ томъ на васъ надѣемся, и въ томъ Вашей Любви во всемъ Хрестьянствѣ вѣчная слава будетъ. А что дѣялося межъ Вашей Любви и Короля Швецкого Ягана, и мы того начаемся, что послѣ смерти Ягана Короля отложатъ и на мѣрѣ станетъ; а будетъ въ чемъ на мѣрѣ не станетъ, и мы въ чемъ можемъ, въ томъ добро сдѣлаемъ и во всякихъ иныхъ дѣлѣхъ, въ чемъ наша мочь сяжетъ, со всякою братцкою любовью ради радѣти». Писанъ въ Прагѣ, лѣта 1594, Генваря 6 дня.

А се переводъ съ цесарева Руделфова наказу къ послу его, къ Миколаю Варкачю: «Руделфъ вторый, Божіею милостію избранный Цесарь Римскій, всегда прибавитель Царствію. Честнѣйшій, любовновѣрный! Какъ мы послали тебя къ Москвѣ къ Великому Князю, и тебѣ нашъ наказъ про Угорскіе и Кроватцкіе порубежные дѣла, что есми наказывали и что приговорили, тебѣ вѣдомо, и ты бъ по тому дѣла дѣлалъ. И послѣ того тѣ дѣла вчалися къ великой явной войнѣ, и впередъ перемирью и миру быти нельзѣ и не начаятись потому, что недругъ съ новыми воинскими силами послалъ воеводу везиря Синанъ пашу изъ Царягорода съ новою силою въ большихъ воинскихъ воеводахъ въ нашу землю, и онъ великіе шкоды починилъ, взялъ взятьемъ великіе крѣпости: Сисей, Веспринъ да Полату. А мы противъ того, по волѣ Всемогущаго Бога, великую часть обрѣли, въ немногихъ недѣлѣхъ взяли первое Сислокъ, и тутъ шестнадцать тысячь Турокъ конныхъ и пѣшихъ наши побили; а иные на водѣ, на Кулпѣ рѣкѣ, съ пашою съ Босненскимъ потонули; и послѣ того въ другорядъ, городъ Бриштулъ, Висемборхъ взяли, да тридцать двѣ пушки большихъ, а побили двѣнадцать тысячь человѣкъ пѣшихъ и янычанъ; а въ третеи, взяли Заботокъ да Феликъ, которая крѣпость; иные городы подъ Турскимъ многіе лѣта были, Замоскодивинъ, Блавенштейнъ, Шетшинъ, Ганачко, Новый градъ, Галачко отъ нашихъ взяты, а иные ся здали. И нынѣ съ обоихъ сторонъ другъ противъ друга горестію возъярилися, къ предъидущей веснѣ Турки и наши со всею силою готовятся къ явной къ большой войнѣ, и нынѣ зимою мотчать не станемъ; и со дни на день всегды наши воюютъ и засѣдаютъ, и намъ бы противъ того сильного недруга крѣпко стояти; а все у насъ на готовѣ, не токмо что въ наши Королевства и вотчины, и въ иные Государства писали есмя о большомъ сборѣ къ шестому дни Марта, и со всѣми хрестьянскими Князи и Государи о помочи ссылалися есмя писмомъ, и они о томъ добрѣ радѣютъ и подвижны

и добрую волю объявляютъ. И нынѣ есмя спаметовали какимъ хрестьянскимъ радѣніемъ Великій Князь прежъ сего противъ того недруга хрестьянского имяни и вѣры радѣлъ и объявлялъ, и къ намъ въ розныхъ временахъ изъязался; и нынѣ бъ намъ на Его Любовь крѣпко обнадежиться, онъ будетъ въ нынѣшней въ хрестьянской въ великой нужѣ и въ початой явной войнѣ крѣпкая помочь и надежа, какъ мы съ тобою о дружбѣ и о братцкой любви наказывали по нашему прошенью о денежной помочи, чтобъ онъ ту денежную помочь прислалъ вскорѣ; а Государь бы то дѣло въ разумъ себѣ взялъ, что такое дѣло будетъ годно его границамъ и всему Хрестьянству, и въ прибыль ему, Государю, то будетъ, чтобъ недруга воевать и разорить. И Персидцкому бъ также извѣстить ту нашу мысль и дѣло, какъ мы хотимъ промышлять, чтобъ годно было на обѣ стороны, и къ войнѣ бъ его на Турского наводить и уговаривать. А нынѣ къ намъ вѣсти пришли, что Султанъ съ иными многими чюжими землями наряжается, и готовится и призываетъ ихъ на помочь,—и тѣхъ Великому Князю, Его Любви, легко назадъ воротити и удержати, хоти тебѣ о томъ въ другорядъ нашимъ имянемъ докучать какъ тебѣ въ нашемъ наказѣ дано, чтобъ они всякими дѣлы ихъ отворотили отъ насъ. А что о Низовскихъ казакѣхъ, о которыхъ есми наказъ дали, и тебѣ то однолично вѣдомо, что намъ на мысли съ ними, и будетъ Великому Князю, Его Любви, мочно поволить какъ они намъ изъязалися, что противъ Турка ихъ послать, и тобѣ намъ добрѣ годно было. А будетъ тебѣ таковъ отвѣтъ отъ Великого Князя учинится и то сдѣлается, какъ есми на Великого Князя, на Его Любовь, надѣемся, и ты бъ имъ отъ насъ о томъ много челомъ билъ и наше радѣніе извѣщалъ, что Всемогущему Богу то годно, а Его Любви во всемъ Хрестьянствѣ слава великая будетъ, а мы того дѣла во вѣки не забудемъ, да и всѣмъ челобитьемъ ему отдадимъ и прославити хотимъ. А Борису Өедоровичю, которой тебѣ о нашемъ дѣлѣ доброхотаетъ, и ты бъ нашимъ именемъ говорилъ, что мы ему за его радѣнье и доброхотѣніе и правду, которую онъ въ тѣхъ дѣлѣхъ объявилъ, и мы съ ласкою ему подвижны до вѣка памятовать, и того не хотимъ отставити, что ему противъ того не отрадѣть и не отдать. А будетъ то наше писмо тебя встрѣтитъ на дорогѣ и прежніе и нынѣшніе дѣла будетъ еси не совершилъ у Государя, и ты бъ для тѣхъ дѣлъ воротился къ Великому Государю, да изнова бъ еси ту нашу вѣрющую грамоту подалъ, и нашимъ дѣломъ промышлялъ, сколько твоей мочи и радѣнья сяжетъ. А тѣмъ ты дѣломъ все наше хотѣніе исполнишь, а мы тебѣ со всѣмъ своимъ цесарскимъ и королевскимъ жалованьемъ и милостью подвижны и не забудемъ.—Дана въ нашемъ королевскомъ городѣ въ Прагѣ 15-го дня Декабря, лѣта 1593-го; Государствія нашего Римского 19-го, Угорского 22-го, Чешского 19-го». А подъ тѣмъ цесарева рука: «Руделфъ».

А се переводъ съ грамоты, что писалъ Янъ Барнетинунъ къ Миколаю Варкачю: «Честнѣйшій и честнороженный, моя служба передъ тобою всегда! А какъ, государь, ты отселѣ поѣхалъ, и послѣ того въ Турецкой войнѣ многіе дѣла учинилися, какъ тебѣ будетъ вѣдомо

изъ цесарскихъ грамотъ; а какимъ обычаемъ городы тѣ взяты, и язъ тебѣ о томъ извѣщаю своимъ писмомъ; и иные вѣсти скажетъ тебѣ рѣчью тотъ, кто съ сѣми грамотами къ тебѣ пріѣдетъ. А того отъ тебя утаити не могу, что нашему Государю, Цесарскому Величеству, святой папа съ великимъ жалованьемъ хочетъ великую помочь учинить, и для того кардинала Мадрука ко Государю нашему прислалъ; такъ же и всѣ Государи хрестьянскіе спомогаютъ, иные на дѣлѣхъ объявилися, а иные съ яростію и съ желательнымъ сердцемъ ялися быти. А сборъ присроченъ Марта въ 6 день. А Францъ, изъ Любархъ Саскіе земли съ четырма тысячи конными, а изъ Лотрина будутъ полторы тысечи конныхъ, да четыре тысечи пѣшихъ; да и изъ иныхъ мѣстъ много ученыхъ ратныхъ людей будетъ. А о всемъ о томъ дѣлѣ приговоръ будетъ съ нашимъ Государемъ, съ Цесарскимъ Величествомъ, и съ иными Государи въ мѣсяцѣ Мартѣ, какъ имъ противъ того искони вѣчного недруга хрестьянского стоять. За тѣмъ, буди Богомъ хранимъ, чтобъ тебѣ, сдѣлавъ то дѣло, для чего посланъ къ намъ, здорово пріѣхать и къ съѣзжему дни добрые вѣсти привезть». Пцсана въ Прагѣ, лѣта отъ Рожества Христова 1593-го, Декабря въ 23 день.

А се переводъ Ишпанского Короля пословъ съ грамоты къ цесареву послу къ Миколаю Варкачю: «Драгому чти укрѣпленному опричепно и великорадѣтельному господину Миколаю съ моимъ любительнымъ и радѣтельнымъ исповѣданіемъ тебѣ поклонъ, и жадаю тебѣ благосчастливой новой годъ! И не могу тебя обойти, писмомъ своимъ не навѣстя; радъ былъ есми добрѣ видѣти тобя, только бъ лучилося въ то время, что было съ тобою повидаться передъ твоимъ поѣздомъ отсюды, и не-окоторыхъ дѣлѣхъ съ тобою было переговорити; и коли ся то ссталося, мой поѣздъ скорой былъ отселѣ, отъ цесарского Двора на Вѣдну, да и произмѣшкалъ есми тамо. И мы то положимъ на сторону. А въ началѣ, господине, безо всякого чаянья тебѣ вѣдомо, которымъ обычьемъ Ишпанского Королевского Величества мой милостивый Государь по вся времена радѣетъ. А послѣднее обранье Коруны Польскіе, и что они Пресвѣтлѣйшего и высокородного Князя и Государя, Арцыарцука Максимиліяна и коимъ обычьемъ его обрали и какъ его имѣли, а мнѣ будетъ тебѣ всего не мочно извѣстить; и ты бъ, господине, самъ такое дѣло съ доброго прироженного подвигу и по обѣту по взгожимъ мѣстамъ прославилъ. Сверхъ того, не могу тебя утаить, что вскорѣ писмо пришло отъ вышеименованного Королевского Величества, моего милостиваго Государя, до меня, и въ томъ писмѣ Его Величество мнѣ явно объявили, и приказали и на меня положили, чтобъ мнѣ въ его имя вышеименованного обранного Короля Польского Максимиліяна, какъ Его Королевского Величества тое титлу даетъ всегда ему Арцыарцуку Максимиліяну, обранному Королю Польскому. И мы наводимъ и укрѣпляемъ его, чтобъ онъ утверженъ былъ къ тому обранью на Коруну Польскую, и ты бъ, господине, о всякихъ дѣлѣхъ провѣдывалъ про него, и о всякой помочи, которое ему мочно учинити. А мой милостивый Государь, Его Величество, свѣдали,

что будто съ нѣкоторыхъ странъ Его Королевскому Величеству супротивно дѣлаютъ, и мыслятъ ему, чтобъ ему отъ прежъ именованного праведного своего отступитися. А язъ нынѣча промышлялъ да и договорился у него, какъ есми отъ него провѣдалъ, что Его Королевского Величества такое мое дѣло принялъ, и онъ бы по братцкой любви учинилъ, и по дяди своего прошенью подвигъ бы свой далъ, къ тому наипаче ходилъ по его науку, а не отсталъ бы отъ своего прямого имѣнья; а свесть бы то съ Божіею помочью къ счастливому концу, что началося о Корунѣ Польской и о Великомъ Княжесвѣ Литовскомъ. А Государь мой милостивый даетъ Максимиліяну въ помочь пятдесятъ тысячь люду бруйного (sic); а Саской Князь даетъ съ сыномъ тридцать тысячь, а у него будетъ въ собраньѣ до семидесяти тысячь, чтобъ ему, съ Божіею помочью, отстояти такого недруга и губителя Хрестьянству, и ити на обѣщальное мѣсто, по обранью на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское. Такъ же тебѣ, господину, челомъ бью, чтобы ты то выславлялъ изо устъ въ тѣ страны, гдѣ будетъ такое дѣло годно и пригоже; а къ тому прошенье и челобитье до тебя, господинъ, будетъ въ тѣхъ странахъ выше именованныхъ Королевского Величества, мой милостивый Государь, которые дѣла ему годны, и ты бъ объ нихъ радѣлъ по пригожу. А какъ сесь гонецъ поѣдетъ назадъ, и ты бъ любовь учинилъ, съ нимъ ко мнѣ отписалъ, чтобы мнѣ было по чему ходити; а мимо всѣхъ о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ у тебя въ наказѣ писано на посольство, и въ томъ будетъ и въ иныхъ дѣлѣхъ Его Королевскому Величеству вельми любо и милостивно услышить; а тебѣ, господину, противъ того милостивно и съ челобитьемъ исправится, а язъ по тому жъ своимъ радѣньемъ отъ своего лица тебѣ, господину, радъ во всемъ отплатити. Затѣмъ, Всемогущаго Бога молимъ, чтобы тебѣ далъ долговѣчное милосердное здоровье.—Писана въ Прагѣ 9 дня Генваря, лѣта 1594 году. Твой, господине, другъ и радѣтель, Донъ-Вилемъ-де-Кларета». А на подписи у тое грамоты написано: «Драгому и чти укрѣпленному господину, Миколаю Варкачю съ Нопчицъ изъ Вилемздорфу, Римского Цесарского Величества думцу и послу нынѣ въ Московскомъ Государствѣ, моему радѣтельному господину и другу».

Да цесаревъ же гонецъ прислалъ съ приставомъ на листу писмо съ чертежомъ, да тетрать съ знаменьемъ, какъ цесаревымъ людемъ бои были съ Турскими людьми.

А се переводъ съ листу. «Поруша перемирье недруга всего Хрестьянства, Турского Салтана, большой паша Вознитцкой, тому годъ минулъ, ходилъ въ Угорскую землю и по своему гонительскому обычаю, многіе убытки Хрестьянству починилъ, и многіе крѣпкіе мѣста въ Корбатцкой землѣ лестью и оманомъ поималъ; сверхъ того, въ нынѣшнемъ 93 году Іюня въ 13 день, пришелъ подъ городъ подъ Трешинъ и взялъ его, а съ нимъ было пятдесять тысячь войска; а послѣ того въ 14 день пришелъ подъ монастырь подъ Зисекъ, на Кулпу рѣку съ нарядомъ и по монастырю били изъ наряду, и городъ во многихъ мѣстѣхъ розбили и вышку сбили, и осадные люди хотѣли монастырь сдать и не начаялися отсидѣться. Іюня въ девятыйнадесять

день, собралися къ монастырю на помочь воевода Ваграма города Эггенъ Берхъ да воевода города Карластата Коуршпергъ, и иные воеводы и приказные люди, и пошли къ Новому городу. И сказали, что идутъ противъ Борисовичевъ Турскихъ людей триста человѣкъ, и воеводы цесаревы послали отъ себя на Турскихъ людей триста восмдесять гусаровъ конныхъ, и они тѣхъ Турскихъ людей побили и взяли въ языцѣхъ живыхъ сорокъ человѣкъ, а убили сорокъ же человѣкъ, да взяли восмдесять лошадей. И цесаревы воеводы, увѣдавъ отъ тѣхъ языковъ, что имъ недруги сильны, а ихъ только пять тысячь, хотѣли отойти назадъ. И какъ цесаревы воеводы пришли къ Новому городку, и въ тѣ поры учинилася имъ изъ монастыря вѣсть, что къ монастырю тотъ часъ приступъ будетъ, и воеводы бъ имъ пособили; а будетъ не пособятъ, и имъ городъ сдать, а сидѣти больши того не мочно, что городъ розбитъ весь. И воеводы по тѣмъ вѣстѣмъ пошли не мѣшкая, и, отшедчи отъ Нового городка къ рѣкѣ къ Завѣ, межи Завы рѣки и Одры полки уставили: гусары, да Крабатцкіе люди въ передовой полкъ, да съ ними жъ триста человѣкъ Оркабузниковъ, двѣстѣ человѣкъ Крайнскихъ людей, сто человѣкъ Карнскихъ людей, а воевода у нихъ Карластатъ; а послѣ ихъ Римскихъ людей пятсотъ человѣкъ да Мантикульскіе, да Раитенавскіе пѣшіе. А за тѣмъ урядомъ пошли воеводы и увидѣли три великіе полки: въ дву полкѣхъ пѣшіе люди съ ручницами, а третей полкъ, Мехи-бекъ воевода Турской, съ правые руки; и цесаревы воеводы всею ратью пошли на нихъ вдругъ, и Турскіе люди передовыхъ цесаревыхъ людей побили, и потоптали не мало, и въ рѣку въ Одру пѣшихъ людей втоптали. И воевода Карлостатцкой Ауспергъ ударилъ на нихъ съ своими людьми, а людей съ нимъ было шесть сотъ человѣкъ конныхъ, и полки ихъ разорвали розно; и Турской паша и воевода Мехи-князь, всѣми полки пошли на нихъ, и обошли цесаревыхъ людей кругомъ; и воевода Карлостатцкой съ своими людьми, да съ нимъ Краинскихъ людей сто человѣкъ, ударили въ пашинъ полкъ, а Крайнскіе люди ударили въ Мехи-Князя полкъ. И въ тотъ часъ Всемогущій Богъ неизрѣченнымъ своимъ милосердіемъ хрестьяномъ тѣми шти сотъ человѣки помочь даровалъ, недруга побили, и потоптали и въ трехъ рѣкахъ потопили: въ Завѣ рѣкѣ, да въ Кулпѣ рѣкѣ да въ Одрѣ рѣкѣ; а которые люди цесаревы были съ Оркабузы, и они что застали Турскихъ людей, тѣхъ всѣхъ на голову побили. А въ кую пору они дѣло дѣлали, и въ тѣ поры поспѣлъ къ нимъ большой воевода, Эгенберхъ съ Раддримскими (sic) людьми, да съ Оркобубежы, и ударили сзади да съ правые руки, и они и достальныхъ побили; и какъ Турскіе люди увидѣли послѣднихъ людей цесаревыхъ и знамя цесарево, и они тотчасъ побѣжали къ рѣкѣ Кулпѣ. А Асанъ паша, то увидѣвъ, поскочилъ къ мосту, и учалъ своихъ людей ворочать, чтобъ стали и дѣло дѣлали, и они не поворотили; и Асанъ паша со многими князьями, и съ аги, и съ ончаки и со многими Турскими людьми близко монастыря кинулися въ воду и утонули. И такое Божіе милосердіе всякому хрестьянину во всей вселенной мочно славить. А побито и потонуло на томъ дѣлѣ большихъ людей: Асанъ паша Вознитцкой, Ефаръ

Петровицкой, Асанъ пашинъ братъ, Синанъ Князь Ецынской, племянникъ Турского Царя, сестринъ сынъ, Меми-Князь Гранской, Куртъ Князь Фератъ пашинъ сынъ. А наряду взяли: пищаль большую, яцыну Фердинанда Цесаря, да три пищали Фератцкого паши, ядро поштидесять фунтовъ, четыре пищали полковыхъ, да взяли многіе шатры, да двадцать прапоровъ, да двѣ тысячи лошадей».

А се переводъ съ тетради, что прислалъ цесаревъ гонецъ. «Роспись Турскимъ городомъ, которые Цесарскіе воеводы взяли въ нынѣшнемъ 1593 году, въ мѣсяцѣ Ноябрѣ: первоїі городъ Сабатку; другой Филекъ, тожъ и Саянхатъ, а къ тому городу до осмисотъ добрыхъ деревень; третей городъ Серхинь, Асанхіахатъ тожъ; четвертой Дивинъ; пятой Плавенстейнъ, тотъ городъ сами Турки зажгли да и покинули; шестоїі городъ Хайнаскіевъ; семой Холоккеовъ; осмой Сомозкеовъ; девятой Новыйі-градъ тожъ и Саніахатъ; десятоїі городъ Кокернъ противъ рубежа, подъ тѣмъ нынѣ стоятъ. А такъ Всемогущій Милостивый Богъ на бѣдныхъ скорбныхъ хрестьянъ Своимъ неизрѣченнымъ милосердіемъ призрилъ, и надъ недругомъ искони вѣчнымъ, на(дъ) Турскимъ счастливое одолѣніе далъ; въ верхней Угорской землѣ съ воеводою Фредрикомъ Туфенбехомъ было ратныхъ людей до четырнадцати тысячь, и съ тѣми людьми Ноября мѣсяца въ 18 число пришолъ подъ Турской городъ Собатку, и по немъ стрѣляли, и въ 19 число Ноября его взяли. А 20-го числа цесаревъ воевода послалъ рать напередъ собя подъ городъ Феллекъ, осадить его, и Ноября въ 21 число Феллекъ осадили и почали по немъ стрѣляти; а въ то время Синанъ паша вышелъ изъ Темисвара съ Темисварскими людьми, и къ нему Князь изъ Филлека съ нѣсколькими съ ратными людми вышелъ таїно; и Ноября въ 22 день, собравъ нѣсколько сотъ людей изо всѣхъ порубежныхъ Турскихъ городовъ, пришли на помочь къ тому мѣсту, и не дошедъ, стали за двѣ мили отъ города Филлека. И цесаревы люди противъ ихъ послали до пяти тысячь человѣкъ конныхъ людей, и они, съѣхався, Турскихъ людей побили и разорвали, съ шестьсотъ человѣкъ Турокъ побили; а больши того надъ ними тутъ промыслити было не мочно, что мѣсто было тѣсно; да взяли шатровъ добрыхъ, и прапоровъ хорошихъ и накровъ и наряду много, больши двусотъ телѣгъ наклали, и взявъ назадъ, къ Филлеку пришли. И того жъ дни, Миколай Пальфи, а съ нимъ больши шти тысячь людей пришли къ воеводѣ къ Фредрику Темфебаху въ прибавку, и свыше прежнего Ноября въ 23 день цесаревы люди почали по городу Филлеку стрѣлять и приступать; а на другоїі день тотъ городъ большой взяли, и иное пограбили, а иное сожгли. А Ноября же въ 25 день Вышегородъ взяли, а третей городъ Вышегородъ Ноября въ 27 день Турки сдали на томъ, что имъ съ женами и съ дѣтьми, что могутъ съ собою несть, вытти, и ихъ живыхъ отпустити, а въ томъ послѣднемъ городѣ было больши осмисотъ человѣкъ, и тѣхъ всѣхъ отпустили; а въ томъ городѣ нашли много живота и запасу и пушекъ и всякіе ратныя збруи; а къ тому де городу къ Филлеку тянетъ больши осмисотъ селъ, а въ тѣхъ селѣхъ нѣсколько тысячь хрестьянъ отъ Турскіе муки и отъ гонительства избавлены. И

какъ Турки свѣдали про то въ городѣ въ Овнѣ и въ Гансакѣ, и они, отъ великого страха тѣ городы, со всѣмъ покинувъ, выбѣжали, для того чтобъ имъ самимъ живымъ быти; и цесаревы люди безо всякаго бою въ тѣ городы въѣхали и осадою укрѣпили. А Ноября въ 30 день большой воевода, Фредерикъ Туфенбехъ, послалъ рать подъ именной городъ Зекседшинъ, и начаемся, и того не въ долгѣ взяти, также и Блавеншенъ одполично взять. Къ тому Всемогущій Вседержитель Богъ воздай свою Божественную милость»!

И Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, цесаревыхъ Руделфовыхъ грамотъ слушалъ, и приговорилъ съ бояры цесареву гонцу у него, Государя, на пріѣздѣ и на отпускѣ не быти и у бояръ не быти жъ, для того что въ то время судомъ Божіимъ Царевны Ѳеодосьи не стало, и ему быти не пригоже; а велѣлъ гонцу быти и отпустити его велѣлъ діаку Андрею Щелкалову, и грамоту съ нимъ противъ цесаревыхъ грамотъ велѣлъ послати. А объявити гонцу велѣлъ, что о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ Руделфъ Цесарь въ грамотахъ своихъ писалъ, наказано къ Цесарю съ посломъ его, съ Миколаемъ Варкачомъ, и отвѣтъ ему о тѣхъ дѣлѣхъ подлинной учиненъ.

И Марта въ 13 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, указу, цесаревъ гонецъ Михаіло Шель былъ въ посольской полатѣ у діака у Андрея Щелкалова. А посыланъ по него приставъ его, Розгильдѣй Любучениновъ. А пришедъ въ полату, правилъ діаку Андрею Щелкалову, отъ канцлера, отъ Данила Принца, и отъ думныхъ людей отъ Максимиліяновыхъ челобитье, а молвилъ: Государя нашего Руделфа Цесаря, канцлеръ Данило Принцъ велѣлъ тебѣ челобитье исправить, Пресвѣтлѣйшего Максимиліяна, Арцыкнязя Аустрѣйского, обранного Короля Польского думные люди велѣли челомъ ударить.

И діакъ Андрей Щелкаловъ, приподывся спрашивалъ о ихъ здоровьѣ, а молвилъ: канцлеръ Данилъ Принцъ и думные люди Максимиліана, обранного Короля Полского по здорову ль?

И гонецъ сказалъ: какъ онъ поѣхалъ, а они въ добромъ здоровьѣ.

И Андрей спрашивалъ гонца о здоровьѣ: здорово ль дорогою ѣхалъ, и не было ль ему въ дорогѣ и на Москвѣ въ кормѣхъ какіе нужи? Да говорилъ цесареву гонцу рѣчь: Михайло! пріѣхалъ еси къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, отъ дражайшего и любезнѣйшего брата его, отъ Руделфа Цесаря, съ грамотами; и по твоимъ несчастьямъ пріѣхалося тебѣ не во время: судомъ Божіимъ у Великого Государя нашего не стало дочери, нашіе Государыни Царевны Ѳеодосьи, и Царское Величество нынѣ въ великой жалобѣ, и бояре Его Царского Величества и всѣ мы, думные люди, въ великой скорби; и для того тобѣ у Царского Величества и у его государевыхъ бояръ быти невмѣстно. А которые грамоты по Царского Величества указу и по приказу слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Астраханского, Бориса Ѳедоровича, у тебя взяты, и язъ тѣ грамоты доносилъ до Бориса Ѳедоровича, а Борисъ Ѳедоровичь, вычетчи грамоты съ радѣніемъ, о тѣхъ дѣлѣхъ

доносилъ до Царского Величества, и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, брата своего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, о дѣлѣхъ любительно выслушавъ, приказалъ мнѣ, посольскому діаку, о тѣхъ дѣлѣхъ тебѣ объявити: которые еси грамоты привезъ къ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, отъ Государя своего, Руделфа Цесаря, и въ тѣхъ грамотахъ Руделфъ Цесарь къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, писалъ о тѣхъ же дѣлѣхъ, о которыхъ присылалъ посла своего, Миколая Варкача, о доконъчаньѣ и о соединеньѣ на Турского. И о тѣхъ дѣлѣхъ цесаревъ Руделфовъ посолъ, Миколай Варкачь, приговорилъ Царского Величества съ бояры и дьяки съ ближними, которыхъ Царское Величество высылалъ съ отвѣтомъ съ бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ, съ Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ съ товарищи, что Руделфу Цесарю, сослався съ Ишпанскимъ Королемъ Филипомъ, и съ навышшимъ папою Сикстусомъ, прислати пословъ своихъ къ предъидущей веснѣ 103-го году, а Ишпанскому Королю, Филипу, и навышшему папѣ, Сикстусу, по тому жъ своихъ пословъ съ Руделфовыми цесаревыми послы къ Великому Государю нашему прислати. И Руделфъ бы Цесарь, по договору посла своего, Миколая Варкача, сослався съ Ишпанскимъ Королемъ Филипомъ, и съ навышшимъ папою Сикстусомъ, къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, слалъ пословъ своихъ; а Ишпанской бы Филипъ Король и папа Сикстусъ съ цесаревыми послы вмѣстѣ по тому жъ пословъ своихъ прислали; и Великій Государь нашъ, выслушавъ ихъ, велитъ съ ними бояромъ своимъ о всемъ договоръ учинить, и своихъ пословъ къ Руделфу Цесарю и къ Ишпанскому Королю Филипу, и къ папѣ Сикстусу пошлетъ. Да по челобитью и по прошенью Государя вашего, Руделфа Цесаря, посла Миколая Варкача, Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохаиской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, доложа Великого Государя нашего, поволилъ сослатися Персидцкого Аббасъ Шаха съ посломъ, съ Ази Хосровомъ, и говорили о вобчихъ дѣлѣхъ Руделфа Цесаря и Аббасъ Шаховыхъ о соединеньѣ на Турского. И посолъ цесаревъ, Миколай Варкачь, съ Аббасъ Шаховымъ посломъ ссылалися дворяны, и о вобчихъ дѣлѣхъ Руделфа Цесаря и Абасъ Шаховыхъ говорили, и приговорилъ посолъ, Миколай Варкачь, что Руделфу Цесарю послати пословъ своихъ къ Аббасъ-Шаху вмѣстѣ съ тѣми послы, которыхъ къ Великому Государю нашему пошлетъ; а Государю бъ нашему тѣхъ пословъ къ Шаху черезъ свои Государства пропустити велѣть, а Персидцкой Шахъ противъ къ Цесарю своихъ пословъ пошлетъ. И Руделфъ бы Цесарь къ Персидцкому Аббасъ-Шаху слалъ пословъ своихъ вмѣстѣ съ тѣми послы, которыхъ пошлетъ къ Великому Государю нашему; а Государь нашъ, Его Царское Величество, тѣхъ цесаревыхъ пословъ, которыхъ пошлетъ къ Персидцкому Шаху, черезъ свои Государства пропуститъ и проводити велитъ; а которыхъ пословъ Шахъ пошлетъ къ Руделфу Цесарю, и Ве-

ликій Государь нашъ, Его Царское Величество, по тому же ихъ черезъ свои Государства пропустить и проводить велитъ. А что писалъ Руделфъ Цесарь о вспоможеньѣ на Турского,— и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, по прошенью посла, Миколая Варкача, Руделфу Цесарю противъ Турского Салтана вспоможенье учинити хочетъ казною своею, собольми и куницами и лисицами чорными и бѣлкою, и подлинно о томъ о всемъ къ Руделфу Цесарю наказано съ посломъ его, съ Миколаемъ Варкачомъ; и Руделфъ бы Цесарь на то былъ надеженъ; а къ которому сроку то вспоможенье надобеть, и которою дорогою и къ которому мѣсту прислати, и Руделфъ бы Цесарь о томъ имянно къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, отписалъ, и людей своихъ для тое казны прислалъ, кому взяти; а Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, и своего человѣка съ тою казною пришлетъ. А что Руделфъ Цесарь писалъ къ послу своему, къ Миколаю Варкачю, о побѣдѣ, что ему Богъ подаровалъ побѣду надъ непріятелемъ всего Хрестьянства, надъ Турскимъ Салтаномъ,— и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, увѣдавъ отъ насъ о томъ, вельми порадовался, и Всемогущему, въ Троицѣ славимому Богу нашему, и Пречистой Его Матери, нашей хрестьянской Надежѣ и Заступницѣ, о неизрѣченномъ милосердіи, иже творитъ надъ православными хрестьяны по премногу, благодарственную хвалу воздаетъ, что брату его дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, и православному Хрестьянству такую побѣду и одолѣніе надъ непріятелемъ всего Хрестьянства, надъ бесермены, надъ Турскимъ Салтаномъ, подаровалъ. И впередъ Великій Государь нашъ и Его Царского Величества бояре, и мы всѣ, думные люди, и все Хрестьянство того просимъ у Бога, чтобъ и впередъ Богъ даровалъ православному Хрестьянству надъ бесермены такую побѣду, и просимъ отъ Бога и хотимъ то видѣти, чтобъ всѣ хрестьянскіе Государи: Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, и Государь вашъ, Руделфъ Цесарь, и Ишпанской Король Филиппъ, и папа Римской, и всѣ Поморскіе Государи諸 Италѣйскіе страны, утвердяся межъ собя въ докончаньѣ и въ соединеньѣ, стали противъ бусурманъ, непріятелей хрестьянскихъ, которые вѣру хрестьянскую разоряютъ. А подлинно о всемъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, къ брату своему, къ Руделфу Цесарю, наказалъ съ посломъ его, съ Миколаемъ Варкачомъ; а тебя нынѣ велѣлъ отпустити ко Государю твоему, къ Руделфу Цесарю; а съ тобою Государь нашъ посылаетъ къ Руделфу Цесарю свою грамоту, и подлинно о всемъ писалъ въ своей грамотѣ; да съ тобою жъ къ Руделфу Цесарю посылаетъ грамоту Царского Величества шуринъ, слуга и конюшей, бояринъ и воевода дворовой, и намѣстникъ Казанской и Асторохaнской Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ». А изговоря, подалъ гонцу грамоты, да явилъ въ стола мѣсто кормъ, и отпустилъ на подворье.

А се грамота отъ Государя, Царя и Великого Князя, Ѳедора Ивановича всеа Русіи, къ Руделфу Цесарю съ гонцомъ его, съ Михаиломъ Шелемъ: «Троица Пре-

существенная, и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, Дателю премудрости, Пренедовѣдомый, Пресвѣтлый, Крайній Верхъ, направи насъ на истинну Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего убо Бога нашего милостію, хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Російского Царствія, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Θедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Асторохапскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Угорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель, и Государь Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, — дражайшему и любезнѣйшему брату нашему, Руделфу второму, Божіею милостію избранному, Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Барагунскому, Барабонскому, Стырскому, Карпскому, Крайнскому, Люцемборскому, Витемборскому, вышніе и нижніе земли Шлезскому, Князю Швабскому, Малграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Лаузицкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртцкому, Кибурскому, Хортцкому, Ланграбѣ Элситцкому, Государю Вендѣйскіе страны, Портонавскому, Соленитцкому и иныхъ. Присылалъ къ намъ ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, гонца своего, Михаила Шеля, съ грамотами, а въ громотахъ своихъ къ намъ ты, братъ нашъ дражайшій, Руделфъ Цесарь, писалъ о тѣхъ же дѣлѣхъ, о которыхъ дѣлѣхъ присылалъ еси къ намъ посла своего Миколая, объявляючи то, какъ миръ порушился межъ вами и гонителя хрестьянского имени и вѣры Христовы. И нынѣ тѣ дѣла на обѣ стороны къ явной войнѣ всчалися, что впередъ перемирью и миру быти нельзя, для того вы, братъ нашъ дражайшій, насъ напоминаете, чтобъ намъ тебѣ, брату нашему, объявити, какъ достоитъ намъ, Великому Государю, братцкую любовь учинити къ высокославной хрестьянской славѣ и всему Хрестьянству въ надежю. А что мы, Великій Государь, тебѣ, брату нашему, въ своемъ писмѣ объявили съ Каширомъ Крономъ о брата вашего Максимиліановѣ дѣлѣ, которыми обычаи мы вамъ и вашему славному дому Аустрѣйскому пріятельскою любовью подвижны, и чѣмъ спомогати хотимъ вамъ, то въ великую любовь; и противъ того во вся времена такъ же хотите радѣть, что годно къ пріятельской любви свыше прежнего. А вы нынѣ всю свою мысль отложа, вспоможеньемъ всѣхъ хрестьянскихъ Государей, унявъ межъ Хрестьянства войну, хотите большую войну учинити съ недругомъ, который имя хрестьянское и вѣру рушитъ, не одно то, что противъ его стать, и безпрестани съ нимъ воеваться, и побѣдить какъ

мочно. А прежъ сего было межъ насъ, Великого Государя, и Ягана Короля Свѣйского; и вы часте, что то послѣ Ягоновы королевы смерти уплялося и на мѣрѣ положено; а будетъ на мѣрѣ не стало, и вы къ тому по братцкой любви подвижны и радѣти хотите. Да съ тѣмъ же своимъ гонцомъ прислали есте наказъ къ послу своему, къ Миколаю, и гонецъ твой посла Миколая у насъ и въ нашемъ Государствѣ не засталъ, и тотъ наказъ гонецъ твой по нашему приказу отдалъ нашимъ приказнымъ людемъ. А въ наказѣ ты, братъ нашъ дражайшій, объявляешь, что вы, по волѣ Всемогущего Бога, великую часть обрѣли сее зимы: у Турского Салтана многіе городы поимали, и многихъ Турскихъ людей конныхъ и пѣшихъ и Яньічанъ ваши люди побили, и нынѣ съ обѣ стороны со всею силою Турки и ваши готовятся къ явной къ большой войнѣ. А о томъ нашему Царскому Величеству послу своему Миколаю, велѣлъ воспоменуть: какъ мы, Великій Государь, прежъ сего противъ того недруга хрестьянского тебѣ, брату своему, споможенье объявляли, и нынѣ бъ вамъ въ томъ на насъ крѣпко обнадежиться, какъ вы съ посломъ своимъ приказывали о братцкоі любви и помочи, чтобъ прислати вскорѣ и объ иныхъ о всякихъ о многихъ дѣлѣхъ любительныхъ межъ насъ, написали есте къ послу своему, къ Миколаю, а велѣли намъ говорити. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, грамоты твои, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, любительно выслушали, и о которыхъ дѣлѣхъ писалъ ты братъ нашъ, къ послу своему къ Миколаю Варкачю, то нашему Царскому Величеству извѣстно. А о томъ есмя вельми порадовалися и попремногу Всемогущему Богу благодарственную хвалу возсылаемъ, что тебѣ, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему, Руделфу Цесарю, на непріятеля всего Хрестьянства, на Турского, помочь и одолѣнье послалъ, нѣчто бъ Господь Богъ Своимъ милосердіемъ и впередъ тебѣ, брату нашему, на того гонителя вѣры хрестьянскіе побѣду и одолѣніе воздалъ, и рука бъ наша, хрестьянскихъ Государей, надъ бесермены высилася. А о которыхъ дѣлѣхъ ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, присылалъ къ намъ посла своего Миколая Варкача, и мы, Великій Государь Царь и Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, посла твоего Миколая, милостиво принявъ и рѣчи отъ тебя приказныя ему выслушавъ, и которые рѣчи посолъ твой Миколай, отъ тебя, отъ Руделфа Цесаря, говорилъ шурину нашего Царского Величества, слугѣ и конюшему, боярину и воеводѣ дворовому, и намѣстнику Казанскому и Астороханскому, Борису Ѳедоровичю Годунову, и тѣ рѣчи до насъ о всемъ подлинно шуринъ нашъ, слуга и конюшей, бояринъ, Борисъ Ѳедоровичь, доносилъ; и мы вышлушавъ, высылали къ послу твоему съ отвѣтомъ бояръ своихъ и діаковъ ближнихъ: боярина и намѣстника Псковского, Ѳедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да діяковъ Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина; и во всемъ послу твоему отвѣтъ учиня, къ тебѣ, брату нашему, его отпустили есмя, и писменной отвѣтъ

на всѣ дѣла ему дати велѣли есмя. А что ты, братъ нашъ дражайшій и любезнѣйшій, Руделфъ Цесарь, къ нашему Царскому Величеству приказывалъ съ посломъ своимъ, съ Миколаемъ, и нынѣ намъ вспоминаешь о вспоможеньѣ противъ Турскаго; и мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Θедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, о томъ о всемъ объявили послу твоему и о всемъ съ нимъ наказали къ тебѣ. И нынѣ тебѣ, брату нашему, объявляемъ, что мы, Великій Государь, памятуючи прежнюю любовь и докончанье прародителей своихъ, Великихъ Государей, блаженные памяти, съ вашими прародители, славные памяти, и хотя съ тобою, съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ и любезнѣйшимъ, Руделфомъ Цесаремъ, быти въ братцкой любви и въ докончаньѣ и въ соединеньѣ противъ непріятеля всего Хрестьянства, Турского Салтана, быти хотимъ и вспоможенье тебѣ учинимъ, какъ есмя съ твоимъ посломъ, съ Миколаемъ, къ тебѣ, брату нашему дражайшему, наказывали. А что ты, братъ нашъ дражайшій, писалъ къ намъ нынѣ въ своей грамотѣ о Свѣйскомъ дѣлѣ, и прежъ сего къ намъ ты, братъ нашъ дражайшій, о томъ съ посломъ своимъ, съ Миколаемъ, приказывалъ же про нынѣшнего Жигимонта Короля Свѣйского; и мы противъ посла твоего рѣчей о всемъ съ нимъ, съ посломъ Миколаемъ, къ тебѣ, брату нашему, наказали, и всѣ неправды Жигимонта королева отца, Ягана Короля, передъ отцомъ нашимъ, блаженные памяти, передъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, и передъ нами, Великимъ Государемъ, послу твоему объявили есмя, и съ нимъ о всемъ къ тебѣ, къ брату нашему къ дражайшему, наказали есмя. А за такіе было великіе неправды Свѣйского Ягана Короля и нынѣшнего Жигимонта Короля Свѣйскому Королевству терпѣти намъ не возможно; и хотѣли есмя послати на Свѣйскую землю многіе рати въ войну и къ городомъ съ нарядомъ; и рати наши ужъ сбиралися, да для тебя, брата нашего дражайшего и любезнѣйшего, Руделфа Цесаря, о чемъ намъ посолъ твой говорилъ, и за челобитьемъ и прошеньемъ патріарха Іова со всѣмъ соборомъ, и шурина нашего, слуги и конюшего, боярина и воеводы дворового, и намѣстника Казанского и Асторохански̇го, Бориса Θедоровича Годунова, и всѣхъ бояръ, нынѣ на Свѣйского рати своей не послали есмя, ожидая отъ Жигимонта Короля исправленья, чтобъ позналъ свои неправды, передъ нашимъ Царскимъ Величествомъ исправился, и наши отчинные городы Лифлянскіе земли и Новгородцкіе, Руголивъ и Корѣлу и иные городы, что поималъ отецъ его Яганъ Король неправдою, намъ отдалъ. А мы нынѣ твоего гонца къ тебѣ, брату нашему дражайшему, отпустили съ сею нашею грамотою.— Писана въ Государствія нашего Дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Марта мѣсяца».

А се грамота къ Руделфу Цесарю отъ слуги и конюшего, боярина, отъ Бориса Θедоровича, съ гонцомъ съ Михаиломъ Шелемъ: «Безначального Всемогущего Бога неизрѣченнымъ милосердіемъ, утвердившего скифетръ держати православія Російского Царствія, Великого Государя, Царя и Великого Князя, Θедора

Ивановича, всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгороцкого, Царя Казанского, Царя Асторохапского, Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелителя, и Государя Иверскіе земли Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князеіі, и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества,—дражайшему и любезнѣйшему брату, Руделфу второму, Божіею милостію избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю Царствію, Нѣметцкому, Угорскому, Чешскому, Долматцкому, Кроатцкому, Шлявонскому, и иныхъ, Королю и Арцыкнязю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, Барабонскому, Стырскому, Карнскому, Крайнскому, Люцемборскому, Витемборскому, вышніе и нижніе земли Шляскому, Князю Швабскому, Малграфу Римского Царствія, Бургавскому, Государю вышніе и нижніе земли Ляузнитцкому, Князю и Графу Аузбурскому, Тирольскому, Фиртскому, Кибурскому, Хортцкому, Ланграбѣ Олсицкому, Государю Вендѣйскіе страны, Портонавскому и Соленитцкому и иныхъ,—слуга Царскаго Величества и конюшей, бояринъ и воевода дворовоіі, и намѣстникъ Казанскоіі и Асторохаиской, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству челомъ бьетъ. Присылалъ еси, Государь, къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи Самодержцу, гонца своего Михаила Шеля, съ грамотами, а въ грамотахъ своихъ писалъ еси, что Ваше Пресвѣтлѣйшество изъ писма Великого Государя нашего выразумѣли съ великою радостью, что Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, и вашему славному дому Аустрѣйскому всею пріятельскою любовью подвиженъ, и радѣетъ и хочетъ Вашему Цесарскому Величеству помогать. И то вы отъ брата своего, отъ Великого Государя нашего, пріимуете въ великую, пріятельскую, братцкую любовь, и противъ того во вся времена такъ же хотите противъ радѣти во всемъ, что годно къ пріятельской любви, и наипаче старого хотите прибавити и розширити братцкую любовь и дружбу свыше того, какъ прадѣды ваши, блаженные памяти Великіе Государи, межъ собя имѣли пріятельскую любовь. А нынѣ Ваше Пресвѣтлѣйшество всю свою мысль положилъ на то, что хотите вспоможеньемъ хрестьянскихъ Государей большую войну учинити съ недругомъ вашимъ, которой имя хрестьянское и вѣру разрушаетъ, и безпрестани съ нимъ хотите воеваться, и впередъ миру быти межъ васъ нельзя; а Ваше Цесарское Величество на брата своего, Великого Государя нашего, Его Царское Величество великую надежю въ томъ держите, что ему, Великому Государю, отъ Бога великое имѣніе и богатство даровано; а та Великого Государя нашего, Его Царского Величества, къ вамъ, Великому Государю, братцкая любовь во всемъ Хресть-

янствѣ во вѣки славна будетъ; И Вашего Пресвѣтлѣйшества, Царского Величества посолъ, Миколай Варкачь, отъ Великого Государя нашего, Его Царского Величества, къ вамъ, Великому Государю, Руделфу Цесарю, за долгое время до прїѣзду гонца вашего Михаила, отпущенъ; а о дѣлѣхъ вашего Величества, о докончаньѣ и о вспоможеньѣ на Турского и о Максимилїяновѣ дѣлѣ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю, всеа Русїи Самодержцу, посолъ вашъ Миколаїі на посольствѣ объявилъ, и какъ былъ по Царского Величества указу у меня, и онъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ Вашего Пресвѣтлѣйшества, Цесарского Величества имянемъ, мнѣ говорилъ, чтобъ язъ о вашихъ дѣлѣхъ до Великого Государя нашего, Его Царского Величества, доносилъ, и билъ челомъ и на то его, Государя, наводилъ, чтобъ Великїй Государь нашъ, Царь и Великїй Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русїи Самодержецъ, съ тобою, съ Великимъ Государемъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, былъ въ дружбѣ, и въ любви и въ докончаньѣ на вѣки, и вспоможенье бъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству противъ Турского учинилъ. И язъ, Государь, выслушавъ Вашего Пресвѣтлѣйшества о дѣлѣхъ отъ посла вашего, до Великого Государя нашего, Его Царского Величества, съ радѣнїемъ доносилъ, и ему, Великому Государю, билъ челомъ и молилъ; и Великїй Государь нашъ, Царь и Великїй Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русїи Самодержецъ, выслушавъ отъ меня о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ Вашего Цесарского Пресвѣтлѣйшества, съ вами, съ Великимъ Государемъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ докончаньѣ и въ соединеньѣ быти похотѣлъ; и высылалъ къ послу Вашего Величества, къ Миколаю Варкачю, съ отвѣтомъ бояръ своихъ и дїяковъ ближнихъ: боярина и намѣстника Псковского, Өедора Никитича Романова, да боярина и намѣстника Нижегородцкого, князя Ивана Васильевича Ситцкого-Ярославского, да дїаковъ своихъ, Андрея да Василья Щелкаловыхъ, да Елизарья Вылузгина. И Великого Государя нашего, Его Царского Величества, бояре и дїаки, бояринъ и намѣстникъ Псковской, Өедоръ Никитичь Романовъ, съ товарищи, съ посломъ Вашего Величества, съ Миколаемъ съ Варкачемъ, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ приговорили, что Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, и Ишпанскому Королю Филипу, и навышшему папѣ, Сикстусу, о докончаньѣ и о соединеньѣ прислати ко Государю нашему, къ Великому Государю, пословъ своихъ великихъ къ предъидущей веснѣ лѣта 7103-го году, и отвѣтной списокъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ послу твоему дали, и о всемъ подлинно къ вамъ, къ Великому Государю, о тѣхъ вашихъ дѣлѣхъ наказано. И какъ посолъ твой будетъ у Вашего Величества, и вы о тѣхъ о всѣхъ своихъ дѣлѣхъ и о моемъ радѣньѣ, какъ язъ, для васъ, Великого Государя, любительного жалованья, о дѣлѣ Вашего Пресвѣтлѣйшества радѣлъ и промышлялъ, подлинно отъ него увѣдаете. А вспоможенье противъ Турского Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, Великїй Государь нашъ, Его Царское Величество, учинити хочетъ своею царскою казною, по прошенью посла твоего Миколая Варкача, мягкою рухлядью, собольми и куницами и лисицами черными и бѣлкою, какъ бы

прибыльнѣе было Твоему Пресвѣтлѣйшеству, чтобъ Великого Государя нашего, Его Царского Величества, къ вамъ, къ Великому Государю, къ Цесарскому Величеству, братцкимъ любительнымъ вспоможеньемъ Хрестьянство отъ рукъ бесерменскихъ было высвобожено; и послу Вашего Цесарского Величества Миколаю Варкачю, о томъ подлинно объявлено, и къ Вашему Величеству сь нимъ наказано. А о побѣдѣ вашего общаго недруга, Турского Салтана, что Вашему Пресвѣтлѣйшеству нынѣ Богъ подаровалъ, Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, выразумѣвъ изъ писма вашего, что прислали есте къ послу вашему Миколаю Варкачю, и увѣдавъ подлинно отъ гонца Вашего Величества, отъ Михаила Шеля, порадовался, и Всемогущему Богу, въ Троицѣ славимому, и Пречистые Его Матери, нашей хрестьянской Надежѣ и Заступницѣ, хвалу воздаетъ, что такую великую побѣду Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, и всему Хрестьянству вашіе Державы Богъ подаровалъ надъ бесермены, надъ Турскимъ Салтаномъ. И впередъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, по братцкой любви къ Вашему Цесарскому Величеству, сердечнымъ желаніемъ хочетъ слышати и видѣти, чтобъ тебѣ, Великому Государю, Цесарскому Величеству и всему Хрестьянству такую побѣду и одолѣнье надъ бесермены, надъ непріятелемъ хрестьянскимъ, надъ Турскимъ Салтаномъ, впередъ Богъ подаровалъ, и рука бъ ваша, Великихъ Государей, надъ нимъ высилася, чтобъ вами, Великими Государи хрестьянскими, Великимъ Государемъ нашимъ Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи Самодержцемъ, и вами, Великимъ Государемъ, Руделфомъ Цесаремъ, православное Хрестьянство изъ рукъ бесерменскихъ высвобожено было. А что, Государь, писано къ вамъ, къ Великому Государю, Цесарскому Величеству, съ посломъ вашимъ, съ Миколаемъ Варкачемъ, что по прошенью Вашего Преcтвѣтлѣйшества, Цесарского Величества, посла Миколая, доложа Царского Величества, поволилъ есми о вашихъ о вобчихъ дѣлѣхъ, о соединеньѣ на Турского, сослатися, и говорить Персидцкого Аббасъ Шаха съ посломъ, съ Ази Хосровомъ, и что послы ваши о вашихъ о вобчихъ дѣлѣхъ межъ собою говорили и приговорили, о томъ о всемъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству вѣдомо будетъ отъ посла Вашего Величества. А о томъ, по вашему, Великихъ Государей, любительному жалованью, Вашему Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, объявляю, что нынѣ сее зимы послѣ отпуску посла вашего, Миколая Варкача, прислалъ къ Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю, Ѳеодору Ивановичю, всея Русіи Самодержцу, Персидцкіе земли Иранскій и Тиранскій Великій Государь, Аббасъ Шахово Величество, посланника своего Хозя Искиндеря бити челомъ, чтобъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, вспоможенье ему на Турского учинилъ, и велѣлъ бы ему дати изъ своей царской отчины, изъ Асторохани, и изъ Терскихъ городовъ изъ Кабардинскіе земли людей своихъ съ вогненымъ боемъ; и онъ хочетъ итти на Турского Салтана городовъ своихъ отчинныхъ

очищати. Да и ко мнѣ Его Аббасъ Шахово Величество о томъ съ великимъ своимъ жалованьемъ и съ прошеньемъ писалъ, чтобъ мнѣ о его дѣлѣхъ съ радѣньемъ промышляти, и Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, бити челомъ, чтобъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество вспоможенье ему учинилъ, и людеі, своихъ съ вогненнымъ боемъ дати ему велѣлъ. И язъ прошенье Персидцкого Государя, Аббасъ Шахова Величества, до Великого Государя нашего, Его Царского Величества доносилъ и билъ челомъ; и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, прошенье его, для хрестьянскаго покою, пріятно учинили, и вспоможенье ему противъ Турского учинити велѣлъ, и людей своихъ на помочь изъ своей отчины, изъ Асторохани, и изъ Терскихъ городовъ и изъ Кабардинскіе земли дати велѣлъ, и посла и посланника его, Аббасъ Шахова Величества, нынѣшнего со всѣмъ съ полнымъ наказомъ къ нему, къ Великому Государю, отпустилъ. И вашему бъ Пресвѣтлѣйшеству, Цесарскому Величеству, Великого Государя нашего, Его Царского Величества, о Хрестьянствѣ радѣніе и вспоможенье противъ такого непріятеля хрестьянского вѣдомо было, и стояти бы вамъ, Великимъ Государемъ, было надежно. А Государь нашъ, Великій Государь, Его Царское Величество, истинный хрестьянскій Государь все то дѣлаетъ для васъ, Великихъ хрестьянскихъ Государей, и для хрестьянскаго высвобоженья, чтобъ Православное Хрестьянство изъ рукъ бесерменскихъ высвобожено было. А что писалъ еси, Государь, къ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, въ своеі грамотѣ о Свѣйскомъ дѣлѣ, и о томъ Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, велѣлъ наказать съ посломъ твоимъ, съ Миколаемъ Варкачомъ, и въ своей грамотѣ Государь нашъ къ тебѣ, брату своему дражайшему, писалъ. А язъ какъ прежъ сего, такъ и нынѣ того у Бога прошу, и тѣмъ промышляю, и Государя своего, Великого Государя, молю и на то Государя своего навожу, чтобъ Государь нашъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, утвердяся съ тобою, съ братомъ своимъ съ дражайшимъ, съ Великимъ Государемъ, съ Руделфомъ Цесаремъ, въ крѣпкой въ братцкой любви, и со всѣми хрестьянскими Государи стоялъ на бесерменскихъ Государей заодинъ, чтобъ вашимъ, Великихъ Государей хрестьянскихъ, осмотрѣньемъ Хрестьянство изъ рукъ бесерменскихъ высвобожено было.—Писана въ Великого Государя нашего Государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7102-го, Марта мѣсяца».

А съ Москвы цесаревъ гонецъ отпущенъ на Псковъ, а проводити его посланъ до Пскова Борисъ Бекетовъ; а наказная память дана ему такова:

«Лѣта 7102-го Марта въ 15 день. Память Борису Бекетову: ѣхати ему съ цесаревымъ гонцомъ, съ Михаиломъ съ Шелемъ, до Великого Новагорода и Пскова; а ѣдучи ему, дорогою къ цесареву гонцу береженье держати великое, чтобы ему ни отъ кого обиды и безчестья не было. А кормъ ему въ дорогѣ велѣ-

ти покупати, а на кормъ ему даны деньги и до Пскова на Москвѣ; а подводы подъ него имати на ямѣхъ по подорожной. А прiѣхавь ему съ тѣмъ гонцомъ во Псковъ, отдати бъ объ немъ государева грамота воеводѣ, князю Михайлу Өедоровичю Кашину. А какъ того цесарева гонца изо Пскова воеводы отпустятъ, и Борису ѣхати въ Ивань-городъ. А во Псковъ къ воеводѣ ко князю Михаилу Кашину, да дiаку, Никитѣ Щелепину, объ отпускѣ цесарева гонца писано отъ Государя, а велѣно его отпустити изо Пскова за торгового человѣка, на которое мѣсто онъ похочетъ, чтобъ Литовскiе и Нѣмецкiе люди про него во Псковѣ не свѣдали, что онъ гонецъ; и проводити его велѣно послати до рубежа».

И Апрѣля въ 5 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю, Өедору Ивановичю всеа Русiи, изо Пскова воевода князь Михайло Кашинъ да дiакъ Никита Щелепинъ, что они цесарского гонца Михаила Шеля изо Пскова отпустили на Новой городокъ Ливонской, и проѣжжюю грамоту ему дали; а проводити его до рубежа посылали Псковского розсыльщика Өедора Голушина; и розсыльщикъ Өедько, прiѣхавъ, имъ сказывалъ, что цесаревъ гонецъ за рубежъ пошолъ.

Сiя посольская книга писана на бумагѣ современною скорописью разныхъ почерковъ, на 610 листахъ въ четверку; сохранилася довольно хорошо, только начало нѣсколько истлѣло отъ сырости, и потому многiе листки заклеены и переписаны новѣйшимъ почеркомъ. Вся Книга переплетена въ юфть, съ надписью назади: Цесарск. Двора 1584—1594, № 5.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. I пред.

Названіе статейной списокъ употреблялось въ древней Россіи довольно неопредѣленно и въ значеніи обширномъ. Кажется, что оно было вообще присвоеваемо всѣмъ дѣловымъ бумагамъ, которыя раздѣлялись на пункты или статьи. Въ уставной книгѣ разбойнаго приказа сказано, что въ 7136 году бояре въ думѣ «по статейному списку докладывали, и Государь и Патріархъ того статейнаго списка слушали, и что по тому статейному списку о которыхъ статьяхъ ихъ Государевъ указъ за помѣтою думнаго дьяка». Въ слѣдъ за сими словами находится «роспись статейнаго списка»; она въ совокупности съ приведенными словами доказываетъ, что статейными списками назывались представленія приказовъ, по которымъ производился докладъ въ Боярской Думѣ. Сей докладъ составлялся по статьямъ, каждый вопросъ, требовавшій разрѣшенія, былъ писанъ отдѣльно, и потому единственно вся бумага именовалась статейнымъ спискомъ. По заглавіямъ нѣкоторыхъ изъ рукописей отчетовъ посольскихъ можно также заключать, что они назывались статейными списками (Древ. Росс. Вивліоѳика т. IV). Посольство Тяпкина въ Крымъ (изд. 1850 г. въ Одессѣ) названо такимъ образомъ: «списокъ съ статейнаго списка Великаго Государя, Его Царскаго Величества, посланниковъ столника и полковника и намѣстника Переяславскаго Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова; писанъ съ словъ черезъ огнь, въ царевѣ Борисовѣ городкѣ, въ нынѣшнемъ 189 году, Маія въ « » день». Въ концѣ того же списка послѣ подробнаго отчета пословъ, написано: «а которыя Великаго Государя грамоты присланы къ намъ съ подъячими, и тѣхъ Его Государевыхъ грамотъ въ сей статейной списокъ не внесено для того, что противъ тѣхъ всѣхъ Его Государевыхъ грамотъ отъ насъ посланниковъ въ Посолскій приказъ писано.» И такъ самыя царскія грамоты могли быть вносимы въ статейные списки, какъ можно заключать изъ сихъ послѣднихъ словъ. Каташихинъ также говоритъ, что послы, возвратясь изъ посольствъ, подносятъ Царю «посольствъ своихъ грамоты, и записи и статейные списки, какъ что дѣлалось» и на

посольскихъ съѣздахъ «рѣчи, которые говорены, пишутъ въ своихъ статейныхъ спискахъ» (стр. 41, 42). Въ древнихъ описаніяхъ Архива Посольскаго Приказа (1626 году лист. 396 на обор. и др.) отчеты пословъ называются также статейными списками, что подтверждаютъ и дѣла Малороссійскія, хранящіяся въ Архивѣ старыхъ дѣлъ и многія другія рукописи, заключающія въ себѣ отчеты пословъ. Наказы посламъ равно какъ и самые переговоры производились по статьямъ. Въ наказѣ 1594 года, князю Семену Григорьевичу Звенигородскому и Андрею Максимовичу Акинѳову, о встрѣчѣ Имперскаго посла Воркача велѣно спрашивать посла о разныхъ предметахъ и, предполагая съ его стороны вопросы, отвѣчать извѣстнымъ образомъ. «А будетъ посолъ не учнетъ о той *статьѣ* спрашивать», прибавлено далѣе,—«и ему самому о томъ не говорити» (стр. 1262). Тотъ же Имперскій посолъ послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ говорилъ: «да мнѣ жъ дана наука отъ Его Цесарскаго Величества *о дву статьяхъ* Вашему Царскому Величеству извѣстить, а Ваше бъ Царское Величество велѣлъ тѣ статьи выслушать», (ст. 1159). О переговорахъ съ симъ посломъ бояръ говорится «и бояре отвѣтъ говорили по письму, по *статьямъ*, сидя».—Переговоры вообще производились по статьямъ и каждую статью прочитывалъ или говорилъ тотъ или другой изъ негоціаторовъ попеременно. Точно также произносились привѣтствія посламъ при встрѣчахъ, когда имъ на встрѣчу было выслано нѣсколько лицъ, и рѣчи пословъ при аудіенціяхъ съ иностранными Государями. Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ свидѣтельствъ очевидно, что наказы посламъ и самые переговоры и даже встрѣчи, будучи, записаны, могли называться статейными списками. Однако же названіе въ древности приписывалось только отчетамъ пословъ, и то не всегда. Въ издаваемыхъ нынѣ посольскихъ сношеніяхъ, они называются просто списками или отвѣтными списками. Въ древнихъ описаніяхъ Архива Посольскаго Приказа, отчеты пословъ иногда именуются статейными списками, но всѣ дѣла вообще раздѣляются *на посольскія книги, грамоты* и *столпы*. Грамотами называется не только переписка Царей нашихъ съ иностранными Государями, но даже и бумаги принадлежащія къ перепискѣ съ ихъ послами. Въ столпахъ или столбцахъ писались вообще всѣ дѣла. Документы подклеивались одинъ къ другому и составляли столбецъ; по этому сіе названіе относится въ посольскимъ дѣламъ вообще. Въ послѣдствіи сіи дѣла вписывались въ книги, если ветшали столбцы, и вновь писались въ книгахъ. Какъ въ столбцы, такъ и въ книги входили вмѣстѣ съ другими документами и статейные списки. Названіе статейный списокъ относится только къ нѣкоторымъ документамъ, нынѣ издаваемымъ; названія столбецъ и книга, основываясь на признакахъ внѣшнихъ, не выражаютъ ихъ сущности; названіе посольское дѣло слишкомъ обширно, потому что симъ именемъ назывались вообще всѣ дѣла посольскаго приказа, даже хозяйственныя. Къ нимъ относились между прочимъ отчеты пословъ о соболиной казнѣ, которая посылалась съ ними на разныя покупки и подарки. Посему не принято ни одного изъ сихъ названій и издаваемыя

рукописи названы: «*Памятниками Дипломатическихъ Сношеній древней Россіи съ иностранными державами*».

Къ стр. II пред.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось нѣсколько рукописей, заключающихъ описанія дѣлъ Посольскаго Приказа. Древнѣйшая опись, сколько намъ извѣстно, была сдѣлана при дьякѣ Иванѣ Михайловичѣ Висковатомъ (управлявшимъ Посольскимъ Приказомъ съ 1556 г.). Его книга не сохранилась до нашего времени; но на нее находятся ссылки въ описи Царскаго Архива (Акты Арх. Эксп. т. 1, стр. 335). Въ переписной книгѣ, составленноі при дьякахъ Щелкаловыхъ, упоминается о дьякѣ Андреѣ Васильевѣ, которому поручено было снова переписать дѣла Посольскаго Приказа. Одна переписная тетрадь, вмѣстѣ со многими актами Посольскаго Приказа, увезена изъ Москвы Поляками; въ Польшѣ переплетена вмѣстѣ съ Литовскою Метрикою (подъ заглавіемъ: Acta mag. Duc. Litv.), потомъ, по возвращеніи изъ Польши, поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку и напечатана въ Актахъ Арх. Эксп. (ст. 1, N 289). По всей вѣроятности сія опись, которая ссылается на книги дьяка Ивана Михайлова, составлена послѣ его переписи непосредственно, а потому принадлежитъ дьяку Андрею Васильеву. Хотя въ рукописи Публичной Библіотеки на поляхъ и между строкъ есть отмѣтки, что нѣкоторыя грамоты взяты ко Государю дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ; но сіи отмѣтки могли быть сдѣланы въ послѣдствіи, по вступленіи Щелкаловыхъ въ управленіе дѣлами Посольскаго Приказа. При Щелкаловыхъ сдѣлана новая *перепись* дѣлъ Посольскаго Приказа. Переписная книга Андрея Щелкалова долго хранилась въ Посольскомъ Приказѣ, и въ 1626 г. (Арх. Перепис. кн. N 2, л. 336) описана слѣдующимъ образомъ:

« Книга перепись новая *по ящикамъ* посолскимъ старымъ и новымъ дѣламъ, при дьякѣ при Ондреѣ Щелкаловѣ, *по старой переписной тетрати дьяка Ондрея Васильева* и которые ящики съ посолскими жъ и съ приказными дѣлы прибыли при дьякѣ при Ондреѣ Щелкаловѣ; *а которые ящики* съ посолскими жъ и съ приказными дѣлы *по Ондреевской тетрати Васильева взялъ Государь къ себѣ*, и тѣ ящики писаны въ Ондреевской тетради Васильева съ его помѣтою. Книги въ кожѣ въ красной; а котораго году, того не написано».

Неизвѣстно, гдѣ нынѣ находится сія переписная книга. Впрочемъ, какъ опись Андрея Васильева, такъ вѣроятно и опись Щелкалова были составлены безъ системы, по *ящикамъ*, въ которыхъ дѣла хранились.

Гораздо полнѣе и тщательнѣе составлена опись 1614 года, донынѣ хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Переп. Книга N 1, на 342 л. въ м. 4-ку). Ея заглавіе слѣдующее:

«Лѣта 7123 Ноября въ 16 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, околничей князь Данило Ивановичь Мезетцкой да дьякъ Петръ

Даниловъ розбирали и переписывали въ Посолскомъ Приказѣ посолскіе всякіе дѣла; а что розобрали дѣлъ, и тому розспись. А розобравъ, отдали дьякомъ думному Петру Третьякову да Савѣ Романчюкову». По листамъ (внизу) сія переписная книга скрѣплена рукою дьяка: «къ сѣмъ книгамъ діакъ Петръ Даниловъ руку приложилъ».

Въ переписной книгѣ 1614 г. дѣла Посольскаго Приказа описаны въ систематическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ ихъ на *грамоты*, *книги посольскихъ дѣлъ* и *столпы*, и съ подраздѣленіемъ ихъ по государствамъ. Оглавленія не было.

Послѣ пожара 1626 года, окольничему Өедору Левонтьевичу Бутурлину и дьякамъ Ивану Болотникову и Григорью Нечаеву поручено снова переписать дѣла Посольскаго Приказа. Тщательно составленная ими переписная книга тоже хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, подъ N 2; писана на 751 л. въ 4-ку и переплетена книгою въ юфть; по листамъ (на полѣ) скрѣплена: «къ сѣмъ переписнымъ книгамъ діакъ Иванъ Болотниковъ руку приложилъ». Въ началѣ приложено подробное оглавленіе. — «Указные главы книги сея»; всѣ дѣла раздѣлены на *грамоты*, *книги*, *столпы* и *рознь*, и каждый изъ сихъ отдѣловъ подраздѣленъ по Государствамъ. Ея заглавіе слѣдующее:

«Лѣта 7135 Декабря въ 26 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи указу, околничей Өедоръ Левонтьевичь Бутурлинъ да дьяки Иванъ Болотниковъ да Григорей Нечаевъ переписывали въ Посолскомъ Приказѣ всякіе дѣла, что осталися послѣ пожару, какъ горѣло въ Кремлѣ городѣ въ прошломъ во 134 году Мая въ 3 день, прежнихъ Великихъ Князей докончалные и духовные грамоты и разныхъ Государствъ съ прежними Великими Князи и съ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, и съ Царемъ и Великимъ Княземъ Өедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, и съ Царемъ Борисомъ, и съ Царемъ и Великимъ Княземъ Васильемъ, и съ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Өедоровичемъ всеа Русіи, перемирные, и докончалные, и утвержелные грамоты, и записи, и книги, и столпы, и всякіе посолскіе и приказные дѣла, старые и новые, въ коробьяхъ и въ ящикахъ. И росписавъ все по Государствамъ подлинно, отдали Посолскаго Приказу діакомъ думному Ефиму Телепневу да Максиму Матюшкину; а болшіе утвержелные и докончалные грамоты разныхъ Государствъ и перемирные записи положены въ три ящики, въ два бархатные, да въ третей въ долгой, въ окованой въ дубовой; и написано про нихъ подо всякою грамотою имянно, которая грамота въ которой ящикъ положена; а досталные грамоты, и книги, и столпы, и всякіе посолскіе и приказные дѣла кладены по разнымъ ящикомъ и по коробьямъ. А что какихъ дѣлъ, и то писано въ сѣхъ книгахъ подлинно; а у сѣхъ книгъ рука одного діака Ивана Болотникова, а Григорья Нечаева руки нѣтъ, потому что Григорей, не переписавъ дѣлъ, посланъ на Государеву службу въ Астарахань».

Для дополненія переписной книги 1626 г., въ 1632 году, окольничей Левъ Ивановичь Долматовъ-Карповъ да дьякъ Иванъ Переносовъ пересматривали дѣла Посольскаго Приказа и составили дополнительную опись къ описи 1626 года, отмѣтивши, какихъ

дѣлъ при новомъ пересмотрѣ не оказалось, какія сверхъ переписныхъ книгъ 1626 г. сысканы и какія дѣла вновь поступили въ Посольской Приказъ съ 1626 по 1632 годъ. Сія дополнительная переписная книга хранится въ Архивѣ подъ N 3; писана на 347 л. въ 4-ку, со скрѣпою по листамъ (на полѣ): «къ сѣмъ переписнымъ книгамъ діякъ Иванъ Переносовъ руку приложилъ;» въ началѣ оглавленіе («указные главы книги сея»), съ раздѣленіемъ на 3 отдѣла: 1) «противъ прежнихъ переписныхъ книгъ несыскные всякіе дѣла», 2) «сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ сыскано» и 3) «да новые переписки со 135 по 141 годъ»; сіи отдѣлы раздѣлены на *грамоты*, *книги* и *столпы*, подраздѣленные по Государствамъ. Начало описи 1632 года слѣдующее:

«Лѣта 7141-го Октября въ 6 день, Государь, Царь и Великій Князь Михайло Θедоровичь всеа Русіи и отецъ его Государевъ, Великій Государь святѣйшііі патріархъ Филаретъ Никитичь Московской и всея Русіи указали околничему Льву Ивановичю Долматову - Карпову да дьяку Ивану Переносову пересмотрити въ Посолскомъ Приказѣ всякія свои государевы дѣла противъ переписныхъ книгъ прошлаго 135 году, какъ переписывали въ Посолскомъ Приказѣ околничей Θедоръ Левонтьевичь Бутурлинъ да дьякъ Иванъ Болотниковъ, и что сверхъ тѣхъ старыхъ переписныхъ книхъ дѣлъ объявится и что послѣ тѣхъ переписныхъ книхъ со 135-го году по нынѣшней по 141-й годъ Октября по 6 число въ Посолскомъ Приказѣ какихъ дѣлъ вновь прибыло, переписати; а пересмотря и вновь всякіе дѣла описавъ, указали Государь и святѣйшіі Государь патріархъ отдати въ Посолскомъ Приказѣ дьякомъ думному Ивану Грязеву да Максиму Матюшкину. — И по государеву Цареву, и Великаго Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи и отца его государева Великаго, Государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи указу, околничей Левъ Ивановичь Долматовъ-Карповъ да дьякъ Иванъ Переносовъ противъ переписныхъ книгъ околничаго Θедора Левонтевича Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова 135 году въ Посолскомъ Приказѣ всякія дѣла пересматривали и со 135-го по нынѣшней по 141-й годъ Октября по 6 число вновь переписали. И по пересмотру болшіе утвержелные и докончалные грамоты розныхъ государствъ и перемирные записи положены въ прежніе ящики противъ переписныхъ книгъ; а досталные и что вновь переписаны грамоты, и книги и столпы, и всякіе посолскіе и приказные дѣла, кладены по ящикомъ и по коробьямъ; а чего противъ прежнихъ же переписныхъ книгъ не сыскано и что по осмотру околничаго Льва Ивановича Долматова-Карпова да дьяка Ивана Переносова какихъ дѣлъ, сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ околничаго Θедора Левонтьевича Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова, сыскано и что грамотъ и всякихъ посолскихъ и приказныхъ дѣлъ со 135-го году по нынѣшней по 141 годъ Октября по 6 число вновь переписано, и то все писано въ сѣхъ книгахъ подлинно порознь по статьямъ».

Заключеніе описи 1632 г. слѣдующее:

«А что указано было сѣ переписные книги и всякіе дѣла отдать въ Посолскомъ Приказѣ думному дьяку

Ивану Грязеву, и во 142 году Ивана не стало, а сѣ переписные книги и всякіе дѣла не отданы. И что въ сѣхъ же книгахъ написаны несыскные дѣла, что противъ прежнихъ переписныхъ книгъ околничаго Ѳедора Левонтьевича Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова 135 году не сыскано, и о томъ докладывали Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи околничей Левъ Ивановичь Долматовъ . Карповъ да дьякъ Иванъ Переносовъ, и Государь, Царь и Великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи указалъ, тѣ не сысканые всякіе дѣла сыскивать велѣлъ Посолскаго Приказу подьячимъ, а сыскавъ, про тѣ дѣла сказывати; и сѣ переписные книги и всякіе дѣла отдать въ Посолскомъ Приказѣ печатнику и думому дьяку Ивану Тарасьевичю Грамотину да дьяку Максиму Матюшкину».

Въ 1673 году, при околничемъ Матвѣевѣ, сдѣлана новая перепись дѣлъ Посольскаго Приказа; сія переписная книга, хранящаяся въ Архивѣ подъ № 4, писана на 1479 л. въ листъ, безъ скрѣпы по листамъ. Заглавіе ея слѣдующее:

«Книга переписная Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаiловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, чиновнымъ книгамъ вѣнчанію и помазанію благочестивыхъ Великихъ Государей, Цареи и Великихъ Князеи Россійскихъ на Великое Княженіе и Россійское Царствіе Святыми бармами и Царскимъ вѣнцемъ, и радостнымъ ихъ Государскимъ спискомъ, и святѣйшимъ патріархомъ поставленію, и духовнымъ и крѣпостямъ Великихъ Князеи, и отпускомъ на посолскіе съѣзды великихъ и полномочныхъ пословъ и во окрестные Государства пословъ и посланниковъ и гонцовъ, и къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу изъ окрестныхъ государствъ посолскимъ и посланничнымъ и гонецкимъ пріѣздомъ и отпускомъ, въ книгахъ, и въ столпѣхъ, и грамотахъ изъ окрестныхъ государствъ съ послы и посланники и съ гонцы, и инымъ государственнымъ и сыскнымъ и приказнымъ всякимъ дѣламъ, при околничемъ Артемонѣ Сергѣевичѣ Матвѣевѣ съ товарищи, 181 году».

За заглавіемъ слѣдуетъ оглавленіе на семи листахъ.

Изъ сохранившихся описей посольскаго Архива разныхъ временъ мы приведемъ описанія дѣлъ, относящихся къ сношеніямъ съ Римскою Имперіею съ 1488 года по 1593 годъ, уцѣлѣвшіе памятники которыхъ входятъ въ составъ издаваемаго нынѣ перваго тома. Сіи описанія, сличенныя съ нынѣ издаваемыми, могутъ показать, сколько не сохранилось документовъ, къ дипломатическимъ сношеніямъ сеіі эпохи относящихся.

Въ переписноіі книгѣ 1614 года дѣла по сношеніямъ съ Имперіею описаны слѣдующимъ образомъ (№ 1, л. 253 и дал.).

1. Посольскія книги. «Книги Цесарскіе 6997 году, при Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, пріѣздъ отъ Фредерика Цесаря посла Миколая Поплевуса и отпускъ его; да отпускъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи къ Фредерику Цесарю и къ сыну его къ Максимиліяну пословъ Юрья Грека да Ивана Шелепа.

Въ той же книгѣ лѣта 6998 пріѣздъ отъ Цесаря Государева посла Юрья Грека да Цесарева посла Юрья Дѣлатаря, да отпускъ къ Цесарю посла Юрья Грека и Цесарева посла Юрья Дѣлатаря.

Да въ 6999 году пріѣздъ отъ Цесаря посла Юрья Грека.

Да въ 7000 году, пріѣздъ отъ Цесаря къ Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи посла Юрья Дѣлатаря, да отпускъ къ Максимиліяну Цесарю отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи пословъ Юрья Грека да Михайла Клепика, да пріѣздъ Цесарева гонца Михаила Симпса.

Да въ 7015 году пріѣздъ Цесарева гонца Юдака Тигектера.

Въ той же книгѣ приписана тетрать: лѣта 6996 году, пріѣздъ отъ Угорского Короля Матьяша посла Ивана діяка съ Өедоромъ Кузминскимъ, да отпускъ къ Угорскому Королю Государева посла Григорья Загрязскаго.

Тетрати Цесарскіе лѣта 7022 году, при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи, а въ нихъ писанъ пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева посланника Юрья Сницева Памера.

Книги Цесарскіе съ лѣта 7022 по 25 годъ, при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи да при Максимиліянѣ Цесарѣ, пріѣздъ къ Москвѣ Цесарскаго посла Юрья Сницева Памера, да отпускъ отъ Великаго Князя къ Цесарю посла Дмитрея Ласкирева да дьяка Елизарья Сукова да Цесарева посла Юрья Сницева Памера.

Да въ 7023 году пріѣзлъ отъ Цесаря Государева посла Дмитрея Ласкирева да Цесарева посланника Якова, а прозвища не написано. Да отпускъ къ Цесарю гонца Истомы Малого да Цесарскаго посланника Якова; да отпускъ къ Максимиліяну Цесарю Государева посла Олексѣя Григорьева сына Заболотцкаго да дьяка Олексѣя Малого; да отпускъ къ Цесарю посланника Өонасья Курицына; да пріѣздъ къ Москвѣ отъ Цесаря гонца Истомы Малого.

Да въ 7024 году пріѣздъ къ Москвѣ Цесарева гонца Волтасара и отпускъ его къ Цесарю; пріѣздъ къ Москвѣ Государевыхъ пословъ Олексѣя Заболотцкаго да дьяка Олексѣя Малого, да Цесарева посланника Панталѣймона да Государева дьяка Василья Тетерина; да отпускъ къ Цесарю Григорья Загряскаго.

Да въ 7025 году пріѣздъ отъ Максимиліяна Цесаря Государева гонца Елизарья Сергѣева.

Книги лѣта 7026, пріѣздъ отъ Цесаря Государева посла Григорья Загряскаго, да съ нимъ Цесаревыхъ пословъ Жигимонта Гермареца да Анөанэ Турмана, да Литовскихъ пословъ Щита да Богуша. (*)

Книги Цесарскіе 7030 по 39 годъ, при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи да при Карлѣ Цеса-

(*) Въ переписной книгѣ N 2, при описаніи сей посольской книги (стр. 392) прибавлено: и отпускъ ихъ съ Москвы Цесаревыхъ и Литовскихъ пословъ, и отпускъ съ Москвы Государева посланника дьяка Володимера Племянникова къ Цесарю къ Максимиліяну.—И тогожъ году пріѣздъ къ Москвѣ отъ Цесаря Максимиліяна пословъ Өрянчюжнина де-Коллы Сконіянина да Онтонія Комита изъ Падвы, и діякъ Володимеръ пріѣхалъ съ ними жъ; и отпускъ съ Москвы Цесарскихъ пословъ де-Коллы и Антонья.

рѣ, Максимиліяновѣ внукѣ, отпускъ къ Цесарю Великаго Князя подьячего Якуша Полушкина да Цесарскаго Нѣмчина Вартоломея съ грамотами.

Да въ 7032 году, пріѣздъ отъ Цесаря подъячего Якова Полушкина да Цесарева посла Онтона отъ Кмита; да отпускъ къ Цесарю Великаго Князяословъ князя Ивана Засѣкина да дьяка Семена Борисова (*), да Цесарева посланника Онтона отъ Кмита.

Да въ 7034 году, пріѣздъ къ Москвѣ отъ Цесаря посла Леонарда отъ Комита, да Государевыхъ пословъ Князя Ивана Засѣкина да дьяка Семена Борисова.

Да въ 7035 году, отпускъ къ Карлусу къ Цесарю Государевыхъ пословъ Ляпуна Осинина да Ондрея Волосатаго.

Да въ 7036 году, пріѣздъ отъ Цесаря Великаго Князя пословъ Ляпуна Осинина да Андрея Волосатаго, да Угорскаго Фрединанда Короля, а Цесарева брата, посланника, Степана Клинчича, да Великаго Князя пословъ Мѣшка Квашнина да Шелони Булгакова.

Да въ 7039 году, списокъ посолства Великаго Князя пословъ Мѣшка Квашнина да Шелони Булгакова, какъ они у Угорскаго Фрединанда Короля были.

Книги цесарскіе съ лѣта 7079 по 7084 годъ, пріѣздъ въ Олесандрову слободу Цесарева посланника Елиза Елизерберха, а у Государя былъ въ Олександровѣ слободѣ.

Да въ 7081 году, пріѣздъ ко Государю въ Великій Новгородъ отъ Максимиліяна Цесаря Нѣмчина Павлуса Магнусова, да отпускъ его къ Цесарю; да отпускъ жъ къ Цесарю Государева посланника Костентина Скобелцына; да пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева гонца Юрья Крамера.

Да въ 7083 году, пріѣздъ въ Олександрову слободу Цесаревыхъ гонцовъ Григорья Вестовалуса да Павлуса Магнусова, и отпускъ ихъ; да отпускъ съ Москвы къ Цесарю Государева гонца Никона Ушакова; да пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы цесарева гонца Ивана Глазова.

Книги съ 7084-го по 7091-й годъ, пріѣздъ къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи Цесарева посла Яна Кобензлы, а былъ у Государя въ Можайску, и отпускъ его въ томъ же году; да отпускъ къ Цесарю и пріѣздъ отъ Цесаря Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи пословъ князя Захарья Сугорскаго да дьяка Ондрея Арцыбашева.

Да въ 7086 году отпускъ къ Максимиліяну Цесарю и пріѣздъ къ Москвѣ Государева посла Ждана Квашнина.

Да въ 7088 году, отпускъ къ Максимиліяну Цесарю Государева гонца Оѳонасья Резанова; да отпускъ къ Цесарю и въ Римъ къ папѣ Государева гонца Истомы Шевригина.

Да въ 7089 году, пріѣздъ къ Москвѣ отъ Цесаря Государева гонца Оѳонасья Резанова; да пріѣздъ отъ Цесаря ко Государю гонца Истомы Шевригина, посыланъ къ Цесарю и

(*) Въ перепис. кн. № 2, л. 393: «Князя Ивана Ивановича Ярославскаго да дьяка Семена Борисова сына Трофимова.

въ Римъ къ папѣ съ грамотами; да списокъ съ грамоты, какову подалъ папинъ посолъ Онтонъ Посевіюнусъ.

Книги Цесарскіе съ лѣта 7092 по 102 годъ, блаженные памяти при Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всеа Русіи; отпускъ къ Руделфу Цесарю посланника Луки Новосилцова, и пріѣздъ его къ Москвѣ.

Да въ 95 году, пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева посланника Индрика Гоголя.

Да въ 96 году, отпускъ къ Цесарю посланника Ѳеонасья Резанова.

Да въ 97 году, пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева посла Миколая Воркача.

Да въ 7101-мъ году, пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева посла Миколая Воркача.

II. Столпы, (л. 292 и слѣд.). Столпы разныхъ государствъ и чертежи.

Цесарскіе, и папины, и Аглинскіе, и о дохтурѣхъ, и о торговыхъ Нѣмцахъ разныхъ государствъ, а положены всѣ въ одной коробьѣ.

Столпъ 103 году, какъ былъ на Москвѣ Цесаревъ посланникъ Миколай Воркачь.

III. Грамоты, (л. 55 и слѣд.). Сундукъ окованъ, а въ немъ дѣла розныхъ государствъ.

Дѣла цесарскіе (*).

Грамота Максимиліяна Цесаря прежняго къ Царю и Великому Князю зю Ивану Васильевичю всеа Русіи, прислана съ посломъ съ Даниломъ Принцомъ въ 76 году.

Грамота Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Ивану Васильевичю всеа Русіи, прислана съ гонцомъ съ Кашпиромъ въ 85 году.

Двѣ грамоты Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, присланы съ гонцомъ съ Ѳеонасьемъ Резановымъ 89 году.

Двѣнадцать грамотъ вѣстовыхъ отъ Цесаревыхъ пословъ, отъ Павлуса Магнусова да отъ Юрья Франц-

(*) Въ переп. кн. 1626 года такъ описаны древнѣйшія цесарскія грамоты; (л. 224): «Грамоты цесарскіе. Списокъ съ грамоты Максимиліяна Короля Римскаго 99 году, Великимъ Княземъ Иваномъ, что привезъ Юрьи Грекъ Старой Траханіотъ да Василей Кулешинъ, а въ которой тысячѣ 99-го года, того не написано. Тутъ же на одномъ столпцѣ два списка съ докончальныхъ грамотъ, одинъ Максимиліяна Короля Римскаго, а другой Матьяша Угорскаго и Ческаго. Грамота Цесаря Максимиліяна писана на харатьѣ, какъ приходилъ къ Москвѣ посолъ его Юрьи Сницъ Памеръ къ Великому Князю Василью Ивановичю всеа Русіи, о соединеньѣ на Литовскаго Короля, и по той грамотѣ за Цесаря на Москвѣ крестъ цѣловалъ, что быти Цесарю съ Великимъ Княземъ съ Васильемъ Ивановичемъ на Полскаго и Литовскаго Короля въ соединеньѣ и стояти заодинъ. А назади грамоты написано: Великаго Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи и Великаго Князя дьякъ Еліозаръ руку приложилъ къ сему списку. А у грамоты рука и печать посла Юрья Сницъ-Памера привѣшена на красномъ шолку, назади и поплѣла; а котораго году та грамота писана, того не написано. Грамота докончалная Цесаря Максимиліяна съ Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ, всеа Русіи; цѣла, писана на харатьѣ Цесарскимъ письмомъ, лѣта отъ Рожества Христова 1514 году; а у ней печать золотая литая, положена въ бархатной ящикъ. — Списокъ съ грамоты Максимиліяна Цесаря Римскаго съ Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи, что имъ стояти на Полскаго Короля заодинъ. Верху нѣтъ, а въ вершеньѣ грамоты писано: 1514 года».

бекова къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи.

Грамота Руделфа втораго Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, прислана съ посломъ съ Миколаемъ Воркачомъ да съ Өедоромъ Мисковичемъ лѣта по нѣмецкіи 1594. У ней печать большая Цесарева.

Двѣ грамоты Максимиліяна Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, присланы одна съ Юрьемъ съ Крамеромъ, другая съ Ондреемъ съ Крикикоромъ, обѣ 82 году.

Грамота Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, прислана съ Өөонасьемъ Резановымъ въ 89 году.

Грамота Максимиліяна Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, прислана съ Павлусомъ Магнусомъ, Римскимъ посломъ въ 1574 году.

Грамота Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, прислана съ гонцомъ съ Лукою Новосилцовымъ въ 93 году.

Грамота Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, прислана съ Цесаревымъ гонцомъ съ Эрнтомъ Эрцомъ лѣта по Нѣмецки 1575 году.

Грамота Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, прислана съ Яковомъ Молвяниновымъ въ 91 году.

Грамота папы Римскаго Григорья къ Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, привезъ ее изъ Литвы гонецъ Григорей Полтевъ въ 93 году.

Грамота Руделфа Цесаря Римскаго къ Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи, прислана съ цесаревымъ посломъ съ Миколаемъ Воркачомъ во 102 году».

Въ переписной книгѣ 1626 года посольскія книги сношеній съ Имперіею описаны сходно съ описью 1614 года, несходства показаны выше въ примѣчаніяхъ. Въ столбцахъ же показанъ за сію эпоху времени только одинъ: «столпикъ не великъ, ветхъ и роспался, а въ немъ отпускъ къ Цесарю Өөонасья Резанова 88 году» (Переп. кн. № 2, л. 505). Въ той же описи подъ заглавіемъ «Рознь Цесарская» помѣщено описаніе слѣдующихъ дѣлъ той же эпохи: «челобитная Максимиліяна Цесаря Римскаго гонца Магнуса Павлусова, что подалъ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи, на посланника его Государева на Костянтина, а чей Костянтинъ, того не написано, что онъ будучи у Цесаря, говорилъ Цесарю не по пригожу, что было не довелось; и Цесаревы приставы говорили ему, что онъ то говоритъ не по пригожу и про то они извѣстятъ Цесарю; и Констянтинъ де противъ того говорилъ къ Цесареву имени не гораздо, и будучи у Цесаря многое дурно дѣлалъ. А въ которомъ году та челобитная писана, того не написано. Въ пожаръ немного поплѣла.

Выписка, какъ въ прошломъ во 102 году приходилъ ко Государю, Царю и Великому Князю Өедору Ивановичю всеа Русіи отъ Римскаго Руделфа Цесаря гонецъ Станиславъ Хлопицкой и какъ прежъ того въ 92 же году ко Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи пріѣзжалъ отъ Максимиліяна Цесаря Римскаго во гонцѣхъ Нѣмчинъ Юрья Крамеръ съ грамоты (л. 619)».

Въ переписной книгѣ 1673 (№ 4, л. 199) *книги, столпы* и *грамоты* по сношеніямъ съ Имперіею описаны слѣдующимъ образомъ:

I. Книги. Цесарскіе. Книжица ветха 6980 году, а въ ней написано: намѣстники Новгородцкіе Яковъ да Юрье Захаровы и всѣ Новгородцы учинили города Выбора съ послы перемирье на 5 лѣтъ.

Въ той же книжицѣ написано: писалъ къ Великому Князю Ивану Васильевичю Цесарь Римской съ посломъ своимъ съ Николаемъ, чтобъ Великій Князь далъ дочь свою за племянника Цесарскаго за Князя Маргграбія; и отъ Великаго Князя Цесареву послу отвѣтъ учиненъ, что для того его посолства посланъ къ нему Цесарю будетъ посолъ нарочной.

И 6997 году отъ Великаго Князя посыланъ къ Цесарю Римскому посолъ Юрье Грекъ, а наказано ему противъ присылки Цесарева посла говорить, что ему, Великому Князю, за Цесарева племянника за Князя Маргграбія дочери своей, Великіе Княжны дать не доведется.

И съ тѣмъ же Юрьемъ Грекомъ отъ Цесарева сына Максимиліяна, присыланъ къ Великому Князю посолъ Юрье, а говорилъ чтобъ Великій Князь далъ дочь свою Великую Княжну за Государя ихъ за Максимиліяна Цесаря Римскаго. И Цесарскому послу отвѣтъ учиненъ, что Великій Князь дочь свою за Цесаря дать хочетъ и о томъ о всемъ ко Государю ихъ отпишетъ съ своими послы.

И того жъ году Великій Князь посылалъ къ Цесарю Римскому гонцовъ своихъ, а съ ними наказано, что онъ, Великій Князь, дочь свою Великую Княжну, за Цесаря дать хочетъ, только бъ дана ей была благочестивая церьковь, и на томъ бы Цесарское Величество далъ и утверженную грамоту за своею печатью.

И въ 7100 году отъ Максимиліяна Цесаря Римскаго присыланъ посолъ, а говорилъ по Цесарскому приказу: писала де ко Государю его Княгиня Британская о воспріятіи женитвы, и многіе Нѣмецкіе Князи пріѣзжали о томъ же говорили, и Государь де ихъ къ тому дѣлу по наговору Князей склонился.

Книжица 6993 году, а въ ней посылка отъ Великаго Князя Ивана Васильевича Грека Юрья съ грамотами къ Веницейскому Князю къ Ивану Моцегину да къ папѣ Римскому Инокентію. Да ему жъ Греку дана вѣрющая грамота; а велѣно ему по той грамотѣ приговаривать въ Московское Государство лѣкарей да пушечнаго и серебренаго дѣла мастеровъ, да камянщиковъ добрыхъ, чтобъ которые умѣли церкви и полаты строить.

Да присылка къ Великому Князю Фердинандуса Цесаря Римскаго человѣка его съ грамотою, чтобъ Великій Князь поволилъ человѣку его городовъ и земель своихъ посмотрѣть; и посылка къ папѣ, да къ Медіаламскому да къ Веницейскому Княземъ о присылкѣ рудознатцовъ золотой и серебреной рудъ и пушечныхъ мастеровъ; а посыланъ съ грамотами Мануйло Ралуевъ.

Да посылка жъ къ папѣ Римскому Великаго Князя Ивана жъ Васильевича съ грамоты Дмитрея Ралева да Митрофана Карачарова, а писано съ ними въ грамотахъ чтобъ папа поволилъ имъ въ Нѣмецкихъ Государствахъ нанять всякихъ мастеровыхъ людей и пропустить чрезъ

Нѣмецкіе земли до Москвы. И присылка къ Великому Князю Ивану Васильевичю Климента папы Римскаго, чтобъ Великій Князь съ нимъ папою, и съ Короли и съ иными Государи противъ Турскаго Салтана стоялъ заодно и по указу Великаго Князя папину послу сказано, что онъ, Великій Князь съ нимъ папою и съ Короли противъ Турскаго Салтана за Христіанство стоять заодно желаетъ.

Книга 6997 году, а въ ней ссылки Великаго Князя Ивана Васильевича съ Фредерикомъ Цесаремъ Римскимъ и съ сыномъ его съ Максиміляномъ. Тутъ же ссылка и съ Полскимъ Гендрикомъ Королемъ. Въ той же книгѣ въ концѣ написано вѣнчаніе Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи на Царство Московское, а вѣнчаніе было въ 7054 году Генваря въ 16 числѣ.

Книга 7025 году по 7027 годъ, а въ ней пріѣздъ къ Великому Государю Василью Ивановичю всеа Русіи отъ Максимиліяна Цесаря Римскаго посла его Жигимонта Стеррыцеря, чтобъ Великій Князь для его Цесарского Величества изволилъ съ Полскимъ Жигимонтомъ Королемъ учинить миръ; и потому послу, по указу Великаго Князя, отвѣтъ учиненъ, что Великій Князь съ Полскимъ Королемъ миру желаетъ.

Книга 7025 году, а въ ней двѣ присылки къ Великому Князю Василью Ивановичю отъ Магистра Прусскаго, что онъ, Магистръ, съ Полскимъ Королемъ хочетъ войну всчать, и Великій бы Князь далъ на помощь разныхъ конныхъ людей 40,000 или 30,000 человѣкъ на своихъ проторяхъ. И того жъ году отъ Великаго Князя посыланъ къ Магистру Прускому посолъ Дмитрей Загряской, а наказано съ нимъ Магистру говорить: если онъ поідетъ на Полскаго Короля войною, и онъ Великій Князь велитъ ему учинить въ томъ помочь казною на 10,000 пѣшихъ да на 2,000 конныхъ человѣкъ.

Книжица ветха безъ оболочки 7030 году, а въ ней написано: присылалъ къ Великому Князю Василью Ивановичу Цесарь Римской о трехъ человѣкахъ Нѣмцахъ, которые посыланы были для науки въ Полшу, а изъ Полши взяты въ Московскую сторону, и чтобъ ихъ, сыскавъ, отдать. И Великій Князь посылалъ къ Цесарю съ грамотою Новгородцкаго подьячаго Якушка Полушкина, а въ грамотѣ написано: тѣ люди, естли сыщутся, отданы будутъ.

Книга съ лѣта 7079 году, по лѣто 84 года, а въ ней пріѣздъ ко Государю во Александрову слободу Датцкого Короля гонца Еліаза Елизембеха, и отпускъ его тутъ же. И пріѣздъ Максимиліяна Цесаря Римскаго гонцовъ Павлуса Магнусова и отпускъ его. Да отпускъ къ Цесарю Государевыхъ посланниковъ Константина Скобелцына; да пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева гонца Юрья Крамера. Да въ той же книгѣ 7083 года, пріѣздъ во Александрову слободу Цесаревыхъ гонцовъ Григорья Вѣставалуса да Павлуса Магнусова и отпускъ ихъ. Да отпускъ съ Москвы къ Цесарю Государева гонца Никона Ушакова. Тутъ же пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Цесарева гонца Ивана Глазова.

Книга 7084 году, пріѣздъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русіи Максимиліяна Цесаря Римскаго посланниковъ Яна Кобендзли съ товарищи въ Можайскъ и отпускъ ихъ

изъ Можайска на Смоленескъ; и отпускъ Государевыхъ пословъ къ Цесарю дворянина Князя Захарья Сугорскаго да дьяка Андрея Арцыбашева; тутъ же и прiѣздъ ихъ.

Да отпускъ въ посланникѣхъ къ Руделфу Цесарю Римскому Ждана Квашнина и прiѣздъ его тутъ же, и отпускъ къ Цесарю жъ въ гонцѣхъ Оѳонасья Резанова да Истомы Шевригина и прiѣздъ ихъ; да отпускъ къ Цесарю жъ посланниковъ Якова Молвянинова да подьячаго Тишины Васильева.

Книга 7088 по 90 годъ, а въ ней отпускъ съ Москвы къ папѣ Григорью и къ Цесарю Руделфу Римскому Государева гонца Леонтья Истомы Шевригина, и прiѣздъ его изъ Риму ко Государю въ Старицу; тутъ же прiѣздъ папина посла Антонiя Посевенiюса.

Книжица 7092 году, а въ ней списки съ 9-ти докончалныхъ грамотъ Резанскихъ и Тверскихъ князей, а писаны тѣ грамоты съ благословенiя Митрополитовъ Фотiя, Филлиппа, Геронтiя всеа Русiи.

Книга 7093 года, а въ ней посылка отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русiи послѣ смерти, блаженные памяти, отца его, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русiи къ Руделфу Цесарю Римскому государство свое объстити; а посыланъ былъ въ посланникѣхъ Лука Новосилцовъ, а съ нимъ толмачь Яковъ Заборовской; въ той же книгѣ ссылки у Великаго Государя съ Цесаремъ Римскимъ о любви по 7102 годъ.

Книга 7097, а въ ней ссылки у Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русiи съ Рудолфомъ Цесаремъ Римскимъ и съ братомъ его съ Максимилiяномъ; тутъ же конюшаго и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова къ Руделфу жъ и къ Максимилiяну Арцыкнязю Аустрѣйскому грамоты.

Въ той же книгѣ 7094 году ссылка Елисаветъ Королевы Аглинскiе съ конюшимъ и бояриномъ съ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ.

Въ той же книгѣ съ лѣта 7095 до 7101 году ссылки его жъ боярина и конюшего Степана Короля съ паны рады Коруны Полской и Великаго Княжества Литовскаго.

II. Столбцы. Въ числѣ столбцовъ за сiю эпоху нѣтъ ни одного.

III. Грамоты. Грамоты Цесарскiе, положены въ сундукъ съ Полскими грамотами.

Грамота, писалъ къ Государю и Великому Князю Ивану Васильевичю Максимилiянъ Цесарь съ гонцомъ своимъ съ Анцомъ съ Елмусомъ въ 82 году.

Проѣзжая грамота Руделфа Цесаря, какова дана иноземцу Кашпиру Гоперу въ 85 году.

Грамота, писалъ къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русiи Руделфъ Цесарь съ Оѳонасьемъ Резановымъ о послѣхъ, и о ссылкѣ и о Ливонской землѣ въ 89 году, на паргаминѣ.

Грамота, писалъ къ Царю и Великоми Князю Ивану Василевичю всеа Русiи Руделфъ Цесарь съ посломъ съ Яковомъ Молвяниновымъ, о прiѣздѣ его и объ отпускѣ къ папѣ въ Римъ, 91 году.

Опасная грамота Григорiя 13-го, папы Римскаго, писана къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русiи и къ сыну его Государеву къ Царевичю Ѳеодову Ивановичю, на посла его на Антонiя Посевинiу-

са; привезъ изъ Литвы Григорей Полтевъ въ 93 году.

Грамота, писалъ къ Царю и Великому Князю Феодору Ивановичю всеа Русіи Руделфъ Цесарь съ Лукою Новосильцовымъ въ 93 году.

Вѣрющая грамота Цесарева на посла на Михайла Шилема 102 года.

Листъ Руделфа Цесаря, писалъ къ Запорожскимъ казакомъ, привезъ Тимоѳей Маслово во 102 году.

Отвѣтное письмо Цесарева посла Михайла Шилима 102 году.

Двѣ грамоты, писалъ къ Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи Руделфъ Цесарь съ посломъ своимъ съ Николаемъ Воркачемъ въ 163.

Двѣ грамоты, писалъ Руделфъ Цесарь къ Борису Ѳедоровичю Годунову о послѣ своемъ о Николаѣ Воркачѣ, въ томъ же году.

Грамота, писалъ къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю Матьяшъ Цесарь о купцѣ о Филипѣ Голбанѣ.

Вѣрющая грамота Руделфа Цесаря на посла его на Николая Варкача, писана въ 1533 году (л. 223).

Къ стр. 15 и 16.

Грамота Іоанна III къ Фредерику III, Императору Германскому, писанная въ 6997 г. Марта 22, помѣщена въ Исторіи Російской князя Михаила Щербатова т. IV. ч. III стр. 206—207. Годъ написанія сей грамоты означенъ у Щербатова ошибкою 6993. Вслѣдъ за сею грамотою, тамъ же (стр. 207) напечатана, съ исключеніемъ титула, грамота Іоанна III къ Королю Римскому Максимиліану, писанная въ томъ же 6997 году и въ тотъ же день Марта 22. См. въ настоящемъ изданіи стр. 16.

Къ стр. 37 и 38.

Договорная грамота Іоанна III съ Королемъ Римскимъ Максимиліаномъ (стр. 37) и образецъ грамоты, какой требовалъ отъ него Іоаннъ III, (стр. 38—40), были напечатаны въ Ист. Рос. кн. Щербатова т. IV. ч. III стр. 207—211.

Къ стр. 65.

Напечатанная на стр. 65 — 69 грамота Максимиліана Короля Римскаго къ Іоанну III, съ незначительными измѣненіями въ словахъ и сокращеніями въ титулахъ, помѣщена въ Ист. Рос. кн. Щербатова т. IV. ч. III стр. 211—213.

Къ стр. 116 и 119.

Первая изъ сихъ двухъ грамотъ Максимиліана (стр. 116—117) помѣщена въ Ист. Рос. кн. Щербатова Т. IV. ч. III на стр. 255—256. Тутъ же помѣщена у него отвѣтная грамота Іоанна III. См. въ семъ изданіи стр. 119—122.

Къ стр. 127, 128 и 133.

Обѣ сіи грамоты Максимиліана и грамота Филиппа Короля Испанскаго напечатаны въ Ист. Рос. кн. Щербатова Т. IV. ч. III стр. 258—260, непосредственно за тѣмъ (стр. 260—264) помѣщены у него отвѣтныя грамоты Іоанна III къ Максимиліану и Филиппу Королю Испанскому и грамота Великаго Князя Василія Іоанновича къ Филиппу, писанныя въ 1505 г., находящіяся въ семъ изданіи на стр. 133—139.

Къ стр. 159 и 173.

Послѣ описанныхъ на стр. 137—158 сношеній Великаго Князя Василія Іоанновича съ Имперіею, происходившихъ уже по смерти Іоанна III съ 1505 по 1509 г., здѣсь на стр. 159 снова продолжается описаніе сношеній 1488 года, бывшихъ между Іоанномъ III и Матѳеемъ, Королемъ Венгерскимъ: очевидно, порядокъ годовъ въ семъ статейномъ спискѣ и самые документы, изъ которыхъ онъ составленъ, были перепутаны составлявшимъ его подьячимъ.—За симъ на стр. 173-й, въ настоящемъ изданіи, согласно порядку рукописи, помѣщена *тетрать, какъ чтятъ Максимьяновыхъ пословъ*, относящаяся уже къ 1515 году,—а о посольствахъ и сношеніяхъ Василія Іоанновича съ Имперіею въ 1510, 1511, 1512, 1513 и 1514 годахъ въ этомъ спискѣ не сказано. *Тетрать* содержитъ въ себѣ только наставленіе о провожанѣ отпущенныхъ въ 1515 г., изъ Москвы Цесарскихъ пословъ *Ослера*, *Бургштеллера* и *Пантелеймона*; упоминается въ ней также о *Георгіѣ Снипамерѣ* и сынѣ его *Николаѣ*, но подробностей объ ихъ посольствахъ нѣтъ. Въ слѣдствіе такого значительнаго пропуска годовъ (1509—1515) въ семъ спискѣ не осталось замѣчательной грамоты Максимиліана 1514 года, въ которой Великій Князь Василій Іоановичь названъ *Императоромъ* (Kayser) и на которую ссылался Петръ Великій въ доказательство права на этотъ титулъ. Въ первый разъ она напечатана была по повелѣнію Петра I въ 1718 г. въ С.-Петербургѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Въ посолской Канцеляріи въ Москвѣ при разборѣ старинныхъ Архивовъ или дѣлъ и писемъ найдена грамота подлинная

Его Цесарского Величества Римскаго Максимиліана, за его собственною рукою и печатью златою 1514 году, писанная на Нѣмецкомъ старинномъ языкѣ къ Царю и Великому Князю Всероссійскому Василію Ивановичю, къ отцу Царя Іоанна Васильевича, котораго помянутый Цесарь въ той грамотѣ своей титуловалъ Цесаремъ Всероссійскимъ; и понеже оная яко вещь древняя и куріозная и ко утверженію безпрекословному того высокого достоинства, за толко уже лѣтъ Всероссійскимъ Монархомъ надлежитъ, и отъ Цесаря Римского, яко въ свѣтѣ первой градусъ имѣющаго Монарха, воздаванная: того ради указали Его Царское Величество оную урамоту перевесть на Россійской языкъ и для всенароднаго извѣстія въ типографіи своей въ Санктпетербургѣ выдать въ печать на Словенскомъ и самомъ томъ старо-Нѣмецкомъ языкѣ, который въ подлинной грамотѣ употребленъ. 1718 году Маія въ 10 день». [въ листъ 5 стр. Сопиков. библ. ч. II. № 3046. Описаніе старопеч. книгъ Гр. Толстаго, Строева, см. № 42, книгъ гражд. печати]. Сія грамота была напечатана также въ Исторіи Рос. Кн. Щербатова т. IV ч. III. стр. 309 и д. и помѣщается здѣсь вполнѣ:

« По Божіей воли и нашей любви, Мы, Максимиліанъ, Божіею милостію избранный Римскій Цесарь, во вся времена прибавитель Государства, Венгерскій, Долматцкій, Кроатскій и протчихъ, Король, Архіарцухъ Аустрійскій, Арцухъ Бургунскій, Британскій, Лотеринскій, Брабантскій, Стеіерскій, Коринтскій, Краинскій, Лимбурскій, Лизембурскій и Гелдерскій, Графъ Фландерскій, Габспурскій, Тиролскій, Фирдскій, Кибурскій, Артоіскій и Бургундскій, Фалцъ Графъ Генигавскій, Галандскій Зеландскій, Намурскій и Цитфенскій, Маргграфъ Римского Государства, и въ Бургавѣ, Ландхграфъ въ Елзасѣ, Государь въ Фрисляндіи Виндишмарка, Портенава, Салина и Мехелна и протчихъ. Мы приняли любовь, и вѣчный союзъ, и братское пріятство съ нашимъ братомъ Великимъ Государемъ Василіемъ, Божіею милостію Цесаремъ и обладателемъ Всероссійскимъ и Великимъ Княземъ Владимерскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятскимъ, Болгарскимъ и протчихъ, Государемъ и Великимъ Княземъ Новагорода Низовскія и Черниговскія земли, Резанскимъ и Волокскимъ, Сѣвскимъ, Бѣлевскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Бѣлозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ и Кондинскимъ и протчихъ, что мы должни съ нимъ быти въ братствѣ, въ соединеніи и пріятствѣ, доколѣ мы живы, и наши дѣти съ вашими дѣтми въ пріятствѣ и братствѣ и соединеніи толь долго, пока Богъ дастъ. И кто намъ, Максимиліану, Римскому Королю и Венгерскому и нашему Цесарскому Величеству пріятель, тотъ и вамъ, Великому Государю Василію, Божіею милостію Цесарю и Обладателю Всероссійскому и Великому Князю да будетъ пріятелемъ. А кто намъ непріятель, тотъ и вамъ да буди непріятель. А кто вамъ, Великому Государю Василію, Божіею милостію Цесарю и Обладателю Всероссійскому и Великому Князю, будетъ пріятелемъ, тотъ и намъ да будетъ пріятелемъ. А кто вамъ будетъ непріятелемъ, тотъ и намъ будетъ непріятелемъ. И гдѣ вамъ, нашему брату, Великому Государю Василію, Божіею милостію Цесарю и Обладателю

Всероссійскому и Великому Князю, наше вспоможеніе будетъ потребно на вашихъ непріятелей, то мы будемъ вамъ помогать по правдѣ, по сей нашей грамотѣ, такъ какъ намъ Богъ да поможетъ; а гдѣ намъ будетъ ваша помощь потребна на нашихъ непріятелей, то бы вамъ намъ помогать такожъ по правдѣ, по сей нашей грамотѣ, какъ вамъ Богъ да поможетъ. А что вамъ вашъ и нашъ непріятель Зигимундъ, Король Полской и Великій Князь Литовскій, намъ и вамъ великіе неправды учинилъ, и непрестанно стоитъ противъ Нѣмецкихъ чиновъ, или орденовъ, и нѣкоторые иные замки въ Пруссіи держитъ подъ собою неправдою, и мыслитъ уставъ тѣхъ Нѣмецкихъ чиновъ и Прусскіе земли разорити и утѣснити, такожъ и отъ вашего Государства, вашъ замокъ Кіевъ и иные Русскіе крѣпости неправдою за собою держитъ,—и мы имѣемъ быть на нашего непріятеля Зигимунда Короля Полского и Великаго Князя Литовскаго въ соединеніи и будемъ мы употреблять или чинить противъ нашего непріятеля наше дѣло, елико намъ Богъ поможетъ. Мы Максимиліанъ, Римской Король и Венгерскій, и наше Цесарское Величество начнемъ нынѣ съ своей страны съ Зигимундомъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, наши дѣла чинить, елико намъ Богъ поможетъ. И напередъ съ нимъ и наши дѣла употребимъ по истиннѣ безъ лукавства по сей нашей грамотѣ съ вами, и замки Нѣмецкихъ чиновъ Прусскіе земли будемъ искать получить, которые онъ держитъ подъ собою неправдою. И вы, Великій Государь Василій, Божіею милостію Цесарь и Обладатель Всероссійскій и Великій Князь, какъ ты началъ съ своимъ непріятелемъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, ваши дѣла чинить, такъ ты свои дѣла напередъ и чини, колико тебѣ Богъ поможетъ, ваше отечественное наслѣдіе получить. А особливо, который изъ насъ на своего непріятеля пойдетъ, то намъ межъ собою обослаться, и намъ наши дѣла употребить противъ нашего непріятеля сообщась. Мы, Максимиліанъ, Римскій Король и Венгерскій и наше Цесарское Величество на Короля Полскаго и Великаго Князя Литовскаго, или нашихъ князей и началниковъ въ его земли пошлемъ и дадимъ вамъ о томъ вѣдомость, и тогда вы сами на него пойдете или вашихъ князей и начальниковъ съ вашею силою въ его земли пошлете, и имѣете тѣ дѣла чинить обще съ нами. А пойдете вы, нашъ братъ, Великій Государь Василій, Божіею милостію Цесарь и Обладатель Всероссійскій и Великій Князь, на нашего непріятеля, или вашихъ князей и начальниковъ пошлете, и намъ о томъ вѣдомо учините, и намъ должно по нашей истиннѣ,—и по сей нашей грамотѣ съ вами соединитися на сего нашего непріятеля,—и самому намъ итти на него или нашихъ князей и началниковъ съ силою въ его земли послать. А ежели за далнимъ путемъ не возможемъ скоро вамъ нашему брату о томъ вѣдомо учинить, и пойдемъ мы на Короля Полскаго и Великаго Князя Литовскаго, или нашихъ князей и началниковъ съ силою пошлемъ въ его землю, а вамъ брату нашему о томъ вѣдомо учинится,—то вамъ нашему брату, Великому Государю Василію, Божіею милостію Цесарю и Обладателю Всеросійскому и Великому Князю, тако жъ съ нами на него согласитися, и итти, или вашихъ князей и началниковъ въ его

земли послать. А ежели вы пойдете на него, нашъ братъ Великій Государь Цесарь и Обладатель Всероссійскій и Великій Князь, или вашихъ князей и началниковъ въ его землю пошлете, а то дѣло намъ и вамъ за далнимъ путемъ не будетъ вѣдомо, а увѣдаемъ мы о томъ,—то намъ также самимъ на него итти или нашихъ князей и началниковъ съ силою въ его землю послать. И ежели Богъ Господь Свое милосердіе намъ дастъ и дастъ намъ Господь Богъ Свою помощь надъ нашимъ непріятелемъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, наши замки паки получить, которые онъ нынѣ за собою держитъ неправедно, то однакожъ намъ и впредь на него нашего непріятеля, или кто иной Государь Полскіе земли и Великій Князь Литовскій будетъ, и на всѣхъ нашихъ непріятелей купно быть съ вами въ соединеніи. А ежели нынѣ съ нашимъ непріятелемъ не по нашему мнѣнію учинится, то однакожъ намъ и впредь на него, или кто иной Государь надъ Полскою землею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ будетъ, и на всѣхъ нашихъ непріятелей быть въ соединеніи до кончины жизни нашея, и нашимъ посланнымъ и купцамъ чрезъ ваши земли свободной путь безъ всякаго помѣшательства имѣть; такожде и ваши посланные и торговые люди чрезъ наши земли свободной путь безъ всякаго помѣшательства да имѣютъ же. И на всѣ сіи вышеписанныя рѣчи, которые въ сей грамотѣ писаны, мы Максимиліанъ, Божіею милостію Цесарь Римскій и Венгерскій Король, и наше Цесарское Величество, Долматцкій Кроацкій, Архіарцухъ Аустрійскій, Арцухъ Бургунскій, Британскій, Лотерихскій, Брабантскій, Стеіерскій, Корнитскій, Скраинскій, Лимбурскій, Лицембурскій и Гелдерскій, Графъ Фляндерскій, Габспурскій, Тиролскій, Фирдскій, Кибурскій, Артоискій и Бургундскій, Фалцъ-Графъ Генигавскій, Галандскій, Зееландскій, Намурскій и Цитвенскій, Маргрфъ Римскаго Государства и въ Бургавѣ, Ландграфъ въ Елзасѣ, Государь въ Фрисляндіи, Виндишмаркѣ, Портенавѣ, Салинѣ и Мехелнѣ и протчихъ, вамъ, нашему брату Великому Государю Василію, Божіею милостію Цесарю и Обладателю Всеросійскому и Великому Князю Владимерскому, Московскому, Новгородскому Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, и Болгарскому и протчихъ Государю и Великому Князю Новагорода Низовскіе и Черниговскіе земли, Резанскому и Волокскому, Сѣвскому, Бѣлевскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондійскому и протчихъ, къ вящшему утверженію, мы крестъ цѣловали и къ сей нашей подтвержденной грамотѣ нашу печать привѣсить повелѣли.—Дано въ нашемъ градѣ Гунденѣ въ четвертый день мѣсяца Августа, лѣта отъ Рождества Христова, нашего Драгаго Спасителя, тысяча пятьсотъ и четвертомъ надесять; нашихъ государствованій, Римскаго двадцать девятаго, а Венгерскаго двадцать пятаго году».

Внизу подписано Цесарскою рукою:

«Максимиліанъ».

На другой сторонѣ приписано: по имянному указу Цесарскаго Величества: министерское имя узломъ, которое мнится быть:

«Серикернъ».

У той Цесарской грамоты печать золотая, привѣшенная на снурѣ, на

которой изображено на обоихъ сторонахъ слѣдующее:

М. П. М. П.

(На печати изображенъ Имперскій гербъ съ надписью вокругъ: «Bulla Aurea Maximiliani, Dei Gratia Rom: Imperatoris, Semper Augusti, Archiducis Austr: Ducis Burgund: Brabant: Stir: Carint: Carniol: Lucemburg: Sheldr: Principis in Habspurg: Comitis Flandr: Tirol: Palatini Hanon: Hol:»).

А по переводу на Російскій языкъ надписи Латинской, кругъ оной Цесарской печати изображенной, написано:

Булла золотая Максимиліана, Божіею милостію Римскаго Императора, всегда прибавителя, Архидука Аустріи, Дука Бургундіи, Бробантіи, Стиріи, Коринтэ, Карніоли, Люцембурга, Гелдріи, Принца на Гавбспургѣ, Графа Фляндріи, Тироля, Фалцъ Графа Ганонскаго, Голандскаго.

Къ стр. 177 и 184.

Согласно порядку рукописи, здѣсь (стр. 177) помѣщены наказы и памяти по случаю отправленія въ Польшу Іоанна фонъ Турна, посланнаго туда Герберштейномъ изъ Москвы въ 1517 г. Далѣе на стр. 184, помѣщена запись объ отъѣздѣ Герберштейна и племянника его фонъ Турна изъ Москвы по окончаніи посольства въ 1518 г. То и другое по содержанію своему должно относиться къ стр. 215 и 315 втораго раздѣла памятниковъ, въ которыхъ посольство Герберштейна описано въ подробности. Неумѣстная вставка въ первый списокъ отрывковъ изъ описанія посольства Герберштейнова произошла вѣроятно отъ замѣченной уже небрежности въ составленіи сего списка (см. выше предъидущ. примѣч.).

Къ стр. 343.

Сей отчетъ пословъ (стр. 343—356) былъ напечатанъ въ Древней Россской Вивліоѳикѣ Т. I, стр. 1—14, съ незначительными ошибками и пропускомъ отъ словъ: «и Князь Великій . . .» до «. . . Колупаева двора».

Къ стр. 500.

Современныйі Нѣмецкій переводъ съ грамоты Царя Іоанна Васильевича къ посламъ Императора Максимиліяна, Гансу Кобенцелю и Даніелю Принцу фонъ Бухау (стр. 500 — 502) напечатанъ у Аделунга, въ его Kritisch - Literarische Uebersicht der Reisenden in Russland. B. I. S. 292—293.

Къ стр. 785.

Выписка изъ сего Статейнаго списка отъ словъ: «И того жъ лѣта 7088 . . .» съ грамотою Іоанна IV къ Императору Рудольфу (стр. 785—795) помѣщена въ Древ. Рос. Вивл. Т. XII. стр. 221—134.

Къ стр. 765.

Начальныя строки сего Статейнаго Списка съ грамотою Іоанна IV къ Императору Рудольфу (стр. 765—770) помѣщены въ Древ. Росс. Вивл. Т. XII стр. 177—184.

Къ стр. 897.

Сей переводъ съ грамоты папы Григорія XIII (стр. 897—900), до словъ: « . . . Бука Патулисъ», напечатанъ въ Древн. Рос. Вивл. Т. XII. стр. 190—194.

Къ стр. 842.

Сія грамота Царя Іоанна IV къ Императору Рудольфу II (стр. 842—847), въ Латинскомъ переводѣ, въ сокращенномъ видѣ, напечатана въ Допол. къ Акт. Историч. на иностр. яз., изд. Археогр. Ком. N. XIII.

Къ стр. 900.

Переводъ съ сей грамоты Императора Рудольфа (стр. 900—902), до словъ: « . . . руку подписалъ,» напечатанъ въ Древн. Росс. Вивл. Т. XII стр. 177—180.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абазинскія орды стр. 991, 1000.
Абазинскіе Черкасы 1120.
Аbaслѣйскіе Черкасы 1120.
Аббасъ-Шахъ 1287—1290, 1292—1294, 1376. 1377, 1381, 1393—1395, 1448, 1462, 1463.
Абдилъ-Аминъ, Царевичь Изюрской 1265.
Абдула, Царь Бухарской 1122, 1265.
Абдылетифъ (Абдилъ - Летифъ), Царь Казанской 288, 289.
Абовъ (Або) 1311, 1401.
Абрегимъ Мурза 1072.
Августъ, Сасской князь (Курфирстъ Саксонскій 751, 773, 798, 802, 823, 850, 867, 868, 889, 918; Титулъ: 773 — 774, 784 — 785, 799, 802, 850, 918.
Августъ, Король Польскій 655, *см.* Сигизмундъ Августъ.
Августъ Винделицкой, городъ 904.
Аврамовъ Сапунъ, разрядный дьякъ 1257, дьякъ, 1352.
Австрьское княженье 92.
Агертхеймъ городъ, 1229.
Адамъ (праотецъ) 722.
Адамъ Титерштейнъ 952, 953.
Адамъ Тымъ 487.
Адашевъ Алексѣй 934.
Адолфъ, Арцогъ Голштенскій 758.
Адра, *см.* Одеръ.
Аземская земля 367.

А.

Азимъ, Юргенской Царь, 1265.
Ази Хосровъ (Хозревъ), Кизилбашской посолъ, 1286, 1287, 1289, 1291, 1292, 1294, 1305, 1376, 1394, 1462.
Азія 366, 368, 528, 554, 1155, 1172.
Азовъ 970, 1041.
Айгустовъ Уланъ, дьякъ, 514.
Аксентьевъ, *см.* Костя.
Алабышь Өедоръ 69.
Аланцола 891.
Алба 367.
Албанія 366, 367.
Албертусъ (Альбертъ), братъ Императора Рудольфа II, 760, 830.
Албертъ, князь (Курфирстъ) Саксонской, 311.
Албертъ Ласской, воевода Сиратцкой, 826.
Алвизъ, Лореданъ 875.
Алды-Гирей, Царевичь Крымской, 942, 943.
Алегамъ, Царь Казанскій, 288.
Александръ князь, *см.* Стригинъ.
Александръ Володимеричь князь, *см.* Ростовской.
Александръ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, братъ Казимира, 120, 121, 134, 136, 143, 209, 214, 265, 276—279, 365, 378, 387, 437, 440, 444—446.

Александръ, Князь Иверской, Царь Грузинской, 991, 994, 1000, 1042, 1072, 1108, 1121, 1185, 1265.
Александръ князь, *см.* Полубенской.
Александръ Каптейнъ Деренъ 833, 834.
Алексѣевъ Василій, дьякъ въ Перновѣ 624, 813, 816.
Алексѣй, *см.* Щекинъ.
Алексѣй, *см.* Заболотцкій.
Алепскіе поля 367.
Алибертъ, 103,
Алкаиръ 367.
Алла Бердѣй мурза Сеферевъ 1262, 1264.
Алфонсусъ Естенсысъ (Альфонсъ д' Естъ), Феррарской князь, 879.
(Альбертъ), Олебрехъ, Ольбрехъ, Альбрехъ, сынъ Казимира Короля Польскаго, братъ Кор. Чешскаго, 73, 104, 107.
(Альбрехтъ, Маркгр. Баденскій, сынъ сестры Максимиліана I.) Маркрабій 6, Олбрехтъ Маркрабій Падноосскій 17.
Амборхъ, *см.* Гамбургъ.
Амельеръ Иванъ, слуга Варкача, 1251.
Америнъ, (Camerino, городъ въ Италіи) 880.
Амуралью Редовъ, большой воевода Датцкой, 823.
Амуратъ, (Султанъ Турец.), 368, 530, 761, 1262.
Анатольская земля, 1157.
Анборская земля, Анборской городъ, *см.* Гамбургъ.
Анборхъ, *см.* Гамбургъ.
Англовъ Микула 123.
Андерть, *см.* Антверпенъ.
Андорпъ, городъ въ Брабанской землѣ, *см.* Антверпенъ.
Андреевъ Иванъ, дьякъ въ Ругодивѣ, 649, 651, 660, 1075, 1076.
Андреевъ Петръ, гонецъ, 834.
Андрей, *см.* Басаргинъ.
Андрей Ѳедоровичь 28 — 31, бояринъ 33.
Андрей Михайловичь, *см.* Плещеевъ.
Андрей, *см.* Кулешинъ.
Андрей, *см.* Одинецъ.
Андрей, племянникъ Стефана Баторія, Кардиналъ, 949.
Андрей, *см.* Ивановъ.
Андрей, *см.* Арцыбашевъ.
Андрей, *см.* Михаиловъ.
Андрей Петровичь, околничей, 1141.
Андрей съ Гурки, каштелянъ Медзирѣцкій, 576.
Андрей, *см.* Окипѳовъ.
Андрей Гартрамъ, *см.* Андреясъ.
Андрей Естербергень, дьякъ Цес. 690—694, 697, 698.
Андрей, *см.* Щелкаловъ.
Адреясъ Гартрамъ, Гартрофтъ, Гарманъ, 1234, 1237, 1240, 1244, 1246, 1249, 1250.
Андробкъ 1215, *см.* Гамбургъ.
Андреяновъ Петръ, Датц. гонецъ, 782.
Анза, *см.* Ганза.
(Анкона,) Онконъ, Конона, 880.
Анна, Королева (дочь Іоанна III Короля Шведскаго, сестра Сигизмунда, избраннаго на Польскій престолъ) 1160.
Анна, дочь Варкача, 1239.
Анскокъ, *см.* Анцъ Скокъ.
Ансъ Вербесъ, Любской Нѣмчинъ, 1222.
(Антверпенъ) Андорпъ 760, Андерть 830.
Антіохія 367.
Антоней Ласкарь, Грекъ, 63.
Антоній, отъ Комитъ (де Конти) 340, 341, 358—360, 363, 371, 374, 382, 383, 396—398, 400—403 408, 410, 420, 424, 428, 431—435, 450, 452, 454, 456, 458, 460, 461, 463, 466, 470, 471, 476, 480.

Антоней, *см.* Поссевинъ.
Антоней Бука Патулисъ 900.
Антонъ Антоновъ 126, 626.
Анца, Любской Нѣмчинъ, 832.
Анца 1423.
Анца Булманъ, Литовскій купецъ, Дапчениnъ, 831.
Анца, *см.* Крамеръ.
Анца, ратманъ Бреславскій, 994.
Анца отъ Бреславъ, Цесарскій подьячей, Анцъ Брясловъ 1167, 1187.
Анцъ (Гансъ) Скокъ, Анскокъ 1190, 1217.
Анцъ, Курф. Браноборскій, 753.
Анцъ Трауцынской, *см.* Трауцеръ.
Анцъ, Канцлеръ Цесарск., 758.
Анцъ, Прусской дворянинъ, 667.
Анцъ Криштопъ Целтинкъ, дворянинъ Цесарск. 754, 755, 758.
Анцъ Юрьевъ Геліесъ, Цесарск.. дворянинъ, 755.
Анцъ, *см.* Рубертъ.
Анцынъ Янъ, 823.
Апамеа 367.
Апсаламъ Мола, (посолъ отъ Казы-Гирея къ Ѳедору Іоанновичу), 1120.
Арабская земля 414, 420.
Аравія, Арапы 367, 528, 554.
Аравскія горы 367.
Арапы, *см.* Аравія.
Арасланъ Мирза Дивѣевъ сынъ 969, 1041, 1072.
Арасланъ Мирза Сулешовъ, княжой сынъ, 778, 808, 856, 921.
Аргунъ Захарьинъ 1254.
Аренборхъ 800.
Ариминумъ, гор., (Rimini въ Италіи), 880.
Арквиняны 366.
Арменья, меньшая и большая, 367.
Аррублу, бояринъ Датц., 823.
Арменинъ Шапиловъ, дьякъ въ Юрьевѣ, 570, 573, 618, 629, 648.
Арцыбашевъ Андрей, дьякъ, 545, 570, 573, 584—587, 589, 591, 593, 595—597, 601, 603—606, 608, 610—613, 615—620, 622—625, 630, 653, 657, 660, 661, 664, 665, 675, 676, 687, 690, 699, 702—705, 708—710, 713, 720, 767, 788.
Арцыкарлусъ, Арцыкарлъ, *см.* Карлъ.
Арцымагнусъ, *см.* Магнусъ.
Аршевъ, *см.* Варшава.
Асанхіатъ, городъ 1143.
Асанъ (Гассанъ) паша Возницкой, 1440, 1442.
Асанъ (Гассанъ), пашинъ братъ, 1443.
Асторохань, Астороханское государство, Астороханское царство, 510, 608, 610, 732—734, 779—781, 808, 810, 856—858, 921, 938, 943, 961, 970, 991, 1000, 1001, 1040—1043, 1119—1122, 1185, 1462, 1463.
Аустрѣйское государство, княжество, 735, 1046.
Аушпоркъ, (Аусбургъ), 866, 867, 874, 902.
Афрnewика 366, 367.
Аѳинеяны, 366.
Аѳонасей, подьячей, 703, 704.
Аѳрика, *см.* Африка.

Б.

Баазитъ, Салтанъ, 368.
(Баварія) Боварская земля 867.
Баварская граница 867.
Баграковъ Угримъ 433, 434.
(Баденъ) Падnъ 14, 340.
Баженокъ Трубниковъ 481, 483.
Бака (Баку), гор., 1073.
Баламутовъ Ѳедоръ 966.
Балдасаръ 75.
Балорьферышъ городъ 93.

Баранъ Газы Мирза Шейдяковъ 969, 1041.
Барбарія 367.
Барбарскіе острова 367.
Барбаруса, Турецкой воевода, 415, 421.
Барвиціусъ, Барвицыусъ, Барвищукъ, Борвицусъ, Барнетинунъ Яганъ, Янъ 1271, 1429, 1432, 1436.
Баргатгеймъ, городъ 1231.
Барколабъ Корсакъ 634, 635.
Барнетинунъ, *см.* Барвиціусъ.
Бартеневъ Елизарей 1251, 1252.
Бартеневъ, *см.* Бортеневъ.
Бартоломей Любчанинъ, 88.
Бартоломей Володимерцкій (Вольмарскій), Нѣмчинъ, 665.
Басаргинъ Андрей 342.
Басмановъ Алексѣй Даниловичь, бояринъ и намѣстникъ Новгородскій, 1307, 1396.
Басмановъ Иванъ Ѳедоровъ сынъ, столникъ, 1143.
Баторій Андрей 949.
(Баторій) Стефанъ Батуръ, Батура, Ботура, Ботуръ, Оботуръ, Батора, Баторъ Степанъ 636, 637, 638, 642—645, 657 — 659, 709, 736 — 739, 777, 782, 785, 790 — 795, 806 — 808, 812, 827, 844, 847, 848, 855, 859, 862—864, 885 — 888, 895, 896, 898, 917, 920, 921, 925—928, 932, 933, 940, 941, 949, 951, 952, 957 — 959, 979, 988, 996, 1008, 1016, 1039, 1053, 1063, 1114, 1183, 1307, 1315, 1329, 1344, 1348, 1396; 1408. Титулъ: 848.
(Баторій) Баторъ Янъ, братъ Стефана, 864, 894.
(Баторій Сигизмундъ) Жигимонтъ Баторъ, племянникъ Стефана Баторія 894.
(Баторій) Иштванъ Баторъ, племянникъ Стефана Баторія, 894.
(Баторій) Баторъ, племянникъ Стефана Короля Польскаго, 864.
Бауксхриверъ Михаилъ, дворянинъ Чешскій, 754.
Безнинъ Михаилъ Андреевичь, думный дворянинъ, намѣстникъ Можайской, 917, 927.
Беберъ Иванъ Баптистъ 681, 683.
Бебръ, цесарск. городъ (Bieberach) 27.
Беглецъ *см.* Бѣглецъ
Бекетовъ Борисъ 1464, 1465.
Беклемишевъ Борисъ 1254.
Беклешовъ Иванъ, Берсень Никитинъ сынъ Беклешова 26.
Бекъ Михаилъ, дьякъ цесарской, 827.
Бекъ Тиманъ, Любской Нѣмчинъ, 831.
Бендель Григорей 936, 944, 948, 952.
Бенредъевъ, городъ 49.
Бергонія высокая 115.
Бересть 459.
Беркинъ Родивонъ, дворянинъ, 928.
Бернардинъ Липомано 877.
Берндъ Индрикъ 1109.
Бернъ, городъ цесарской 886.
Бертанія, Бертанская земля, 101.
Берсень, *см.* Беклешовъ.
Бетцкій 864.
Бечь, городъ 173.
Биберецъ Николай 903, 904, 931.
Блавеншенъ, Блавенштейнъ, Плавенстеинъ, городъ, 1434, 1443, 1445.
Благово Елизарей 777.
Боатики 366.
Боварская земля, *см.* Баварія.
Богданко Дедерка 625.
Богданова околица 487, 1003.
Богданъ Матовъ, Атаманъ, казакъ, 1211, 1213—1215.
Богданъ, воевода Волошскій, 752.
Богуславъ, Цесарскаго Величества шляхетной дворянинъ, 1239.
Богушъ (посланникъ Польскій къ Великому Князю Василію Іоанно-

вичу), 184, 259, 260, 261, 263, 266, 267, 274, 278, 290—293, 306. 317, 321, 322, 337, 348.
Богушъ Корецкій, князь. 579.
Богушъ Селетцкій, ротмистръ Стрѣлецкій. 861.
Болгарія 366.
Болдинъ монастырь 1002.
Болдыревъ, рѣка отъ Риги 10 верстъ, 666, 667.
Болдырь, *см.* Паюсовъ.
Болтинъ Степанъ 118.
Болшая Орда 733, 810, 857.
Бононья, гор. 879.
Борвицусъ, *см.* Барвиціусъ.
Борисовъ, гор. 887.
Борисъ князь, *см.* Горбатой.
Борисъ, *см.* Голохвастовъ.
Борисъ, *см.* Кутузовъ.
Борисъ, *см.* Еремѣевъ.
Борисъ, *см.* Бекетовъ.
Борисъ, *см.* Беклемишевъ,
Борисъ, *см.* Засѣкинъ.
Борисъ, сынъ Канбулата князь Черкасскаго, 941.
Боровая 1256.
Бороздинъ Өедоръ Борисовъ, сынъ боярской, 356 — 362, 373, 397, 399, 411, 413, 427, 433—435.
Борномиса Янушъ 94.
Бороховскій Митка, Литвинъ, 861.
Бороховъ Дмитряшь, писарь, 861.
Бортеневъ, Русинъ, 179, 182, 183, 215, 218, 242, 243.
Бортеневъ Лобанъ 215, 218.
Бортеневъ Дмитрій 567, 568—571.
Борятинской князь Михаилъ Өедоровичь 503, 506—509.
Борхромъ Ефалдинъ, ратманъ изъ Данска, 832.
Босна 198, 366.
Брабанская земля 760, *см.* Нидерланды.
Брагадено Антоней 877.
Брагина корчма, деревня, 634. 664.
Бранберкъ, мѣсто (Pörnbach.) 867.
Брандоборхъ, дьякъ, 710.
Бреславль, Бреславъ, 994, 1103.
Бригансія, весь 310.
Бриссель, городъ въ Брабанской землѣ 760.
Бриштулъ, гор. 1434.
Брона, рѣрка (Брента въ Италіи) 875.
Брукселтонъ, гор. 129.
Брюксельской городъ 156.
Брукъ, городъ (близъ Аусбурга), 352, 754.
Брюховъ Иванъ Семеновичь 186, 187.
Бряйнеръ Сайфритъ, Фрягеръ, (Freiherr.) дворянинъ цесарской, 755, 756, 759.
Брянскъ 455.
Бугія 130.
Будино, Будинъ, городъ въ Венгр., *см.* Офенъ.
Буйносовъ-Ростовской кн. Петръ Ивановичь, воевода, 1075.
Букстелеръ, *см.* Бургштеллеръ.
Булатъ-бегъ, дворянинъ шаховъ и кречатникъ, 1292, 1294.
Булыклея 895.
Бундовъ Василей, дьякъ въ Юрьевѣ, 570, 618, 629.
Бунковъ Гаврила 484, 486, 487, 568, 574, 625.
Бурба Николай 887.
Бургитъ, городъ въ Италіи 880, 881.
(Бургштеллеръ Морицъ) Маврикъ, Маврецъ, Букстелеръ, Мавренбрукъ Стелеръ, 173, 176, 305, 318, 331.
Бурмъ островъ 834.
Бурнашъ Новокрещеный 630.
Бурхштелеръ, *см.* Бургштеллеръ.
Бутурлинъ Иванъ 186—188, 190.
Бутурлинъ Семенъ Никитичь, дворецкій Новагорода Великаго, 1306, 1396.
Буховитцкой Левъ, (посл. Баторія къ Іоанну IV), 790.
Бухстелеръ, *см.* Бургштеллеръ.

Быковъ Иванъ, Юрьевской помѣщикъ, 631, 632.
Бычина, мѣсто 1163, 1164.
Бѣглецъ Оладьинъ сынъ Шишмарева 82.
Бѣлая 455.
Бѣлгородъ, *см.* Бѣлградъ.
Бѣлградъ, Бѣлый городъ, Бѣлгородъ, 65, 107, 159, 1274, 1425.
Бѣлобородъ Иванъ, купецъ, 1213—1215, 1217—1219.
Бѣлоозерскій князь Захарей Ивановичъ 767, 788, *см.* Сугорской.
Бѣлской, воевода Польской, 897.
Бѣлый городъ, *см.* Бѣлградъ.
Бѣлявскій Станиславъ 862.
Бѣлявскій Стефанъ 957, 958.
Бярнештинъ, бояринъ, 825.

В.

Ваграмъ, гор. 1441.
Вадбольскій князь Иванъ Михайловичъ, въ Вологдѣ, 1212—1215.
Вайсъ Иванъ, Янъ, дьякъ, 936, 939.
Валахія 366.
Валентинъ, толмачь, 539.
Валеріянъ, бискупъ Виленскій, 625.
Валки (Валкъ) 631.
Валкинторпъ Христофоръ, Капнагаевскій воевода, 823, 833, 834.
Валменихъ, гор. (Waldmünchen на границѣ Богеміи) 867.
Валонта, городъ 952.
Ваншхаубергъ, Ваншхоунбергъ Янъ, совѣтникъ Максмиліановъ, 344, 347, 349.
Варкачь, *см.* Варкочъ.
(Варкочъ, Niclas Warkotsch v. Nobschütz u. Wilhelmdorf), Варкачь Николай, Воркачь Миколай, 1101, 1103, 1105, 1107, 1108, 1112—1116, 1122, 1123, 1138, 1139, 1143, 1149—1151, 1159, 1166—1168, 1172, 1174, 1175, 1177—1179, 1189—1193, 1197, 1199—1206, 1208—1219, 1222, 1223, 1231, 1233—1235, 1238, 1240, 1242, 1244—1247, 1249—1252, 1254, 1255, 1258—1261, 1266—1271, 1275—1278, 1283—1287, 1290—1296, 1298—1304, 1306—1309, 1313, 1314, 1317, 1319—1321, 1324, 1328—1334, 1336, 1338—1344, 1346, 1347, 1349—1356, 1359—1362, 1364—1368, 1370, 1372—1380, 1384—1386, 1388, 1390—1393, 1396, 1404—1408, 1410, 1412, 1414—1417, 1419, 1423, 1424, 1427—1429, 1431, 1433, 1436, 1440, 1447—1450, 1452—1455, 1459—1462.
Варкогъ, староста, 865.
Варламъ, Митрополитъ всеа Русіи, 314.
Вартоломѣй, печатникъ Любскій, 104—106.
Варшава, Варшевъ, Варшевена, Аршевъ, 627, 643, 886, 887, 895, 932, 948, 949, 952, 964, 1009, 1017, 1054, 1064, 1092, 1138, 1148, 1183, 1184, 1256.
Василей Васильевичь, Великій Князь (Темный), 364, 387.
Василей Ивановичь Великій Князь, Василей сынъ Іоанна III, 27, 54, 82, 84, 96, 129, 132, 133, 140, 145, 146, 152, 155, 156, 169, 177; II. * 543, 553, 604, 605, 609, 693, 694, 779, 809, 856, 986, 996, 1024, 1306, 1320—1396. Большой титулъ сего Государя: 148, 152, 156,

* Римская цифра означаетъ № Статейнаго Списка въ которомъ чаще встрѣчается слово.

177, 242, 315, 316, 320, 363, 409, 468.
Василій, Васюкъ, *см.* Кулешинъ,
Василей Васильевичь князь, *см.* Шуйской.
Василей, *см.* Тетеринъ.
Василей, *см.* Салтыковъ.
Василей Яковлевичь, Яковль сынъ Захарьича, окольничей, 216, 259, 260.
Василей, *см.* Карамышевъ.
Василей Семеновичь князь, *см.* Стародубскій.
Василей, *см.* Мосальской.
Василей, Тюменской князь, 1121.
Василей князь, *см.* Ростовской.
Василей, *см.* Квашнинъ.
Василей, *см.* Щелкаловъ.
Васильчиковъ Григорей Борисовъ сынъ 965—971, 974.
Васка Шюшеринъ, Шушеринъ, 573, 574.
Васко Добрынинъ 648.
Васюковъ Ивашко 123, 124.
Васюкъ, *см.* Зачесломской.
Васюкъ Олферьевъ сынъ Филипова 186.
Васюкъ, *см.* Вокшеринъ.
Васприме 94.
Вахромѣеевъ Образецъ 1116, 1286.
Вацлавъ, *см.* Венцеславъ.
Вашневитцкій Вацлавъ, дворянинъ Польской, 863.
Веберъ, Докторъ, 758,
Веена, *см.* Вѣна.
Везовна 961.
Великіе Луки 257, 258.
Вельяминовъ Игнатей, воевода въ Смоленскѣ 1252, 1256, 1414, 1419.
Вельяминовъ Дмитрей Ивановичь, Псковской воевода, 1220.
Вельяминъ Степановъ, переводчикъ Татарской, 1286.
Венгрія, *см.* Угорская земля.
Веникъ Іеденъ, державецъ Буртинковскій, 632.
Венеція, Веница, Венецѣя Венецейская земля 144, 874, 875, 879, 892, 893.
Венецѣйская рѣчь посполитая 900.
(Венцеславъ) Венцелаусъ, Венцлавъ, Вацлавъ сынъ Императора Максимиліяна II 760, 830, 889, 950, 1357.
Веона, *см.* Вѣна.
Вердеманъ Касперъ, дворянинъ Цесарской, 753.
Верона, Веронъ, Вирона 217, 221, 280, 283, 287, 874, 875.
Веспінъ, градъ и торгъ, 93.
Веспринъ, крѣпость 1434.
Вестринъ Стефанъ, бискупъ Угорской, 758.
Вестьфалусъ, Вестьфалъ Григорей, посланникъ Максимиліана къ Іоанну IV, 497, 498, 520, 521, 548, 654.
Вестьфалусъ Григорей Штатинской серебреной мастеръ, 707.
Веценцовъ Юрьи, Арцымагнусовъ Нѣмчинъ, 648.
Вецлавъ Гришанъ 681.
Взрубъ, городъ 242.
Византія 17.
Визглитъ, дворянинъ Польск., судья земской, 863.
Визембергъ 1425.
Вилгелмъ, Вилелмъ, Филгелмъ Олбреховъ, князь Боворской, Баварскій, 676, 867.
Вилелмъ, донъ Вилемъ де Кларета, (посланникъ Филипа Короля Испанскаго къ Рудолфу II), 957, 1440.
Вилемъ де Кларета Донъ 1440.
Вилимъ, Принцъ Граненской, 760.
Вилимъ Розберхъ, Борхрабъ, 866.
Вилемсдорфъ, Вилмедорфъ, Велемздорфъ, Вилендорфъ (Wilhelmdorf), 1144, 1149, 1179, 1270, 1284, 1298, 1367, 1372, 1385, 1417, 1429, 1440, *см.* Варкочъ.
Вилна, *см.* Вильно.
Вилхими Пѣтирь 94.

(Вильно) Вилна, Вилянъ, Вильянъ 177, 179, 193, 201, 211, 212, 218, 219, 228, 239, 459, 489, 500, 629, 783, 816, 847, 861, 865, 887, 1419, 1422.
Вильянъ, Вилянъ, *см.* Вильно.
Вирона, Вironъ, *см.* Верона.
Виселецкій, воевода Польской, 895.
Висемборхъ, гор. 1434.
Висковскій Ѳедоръ 862.
Висла, рѣка 1256.
Витастернъ, Витастренъ, Совѣтн. Максимиліановъ 217, 218.
Витебскъ 264, 270, 274, 277, 278, 861, 862.
Вифлянская земля 9, *см.* Ливонія.
Вицентъ, гор. 875.
Вичентовъ Юшка, толмачь, 1004.
Вишневецкій Андрей 579, 580.
Виѳанія 367.
Виѳлеемъ, Виѳлеомъ. 367.
Віена, *см.* Вѣна.
Владимерская земля 760, *см.* Фландрія.
Владимiръ, *см.* Володя Племянниковъ.
Владиславъ, Влаславъ, Лаславъ (Король Венгерскій и Чешскій), 79, 85, 89, 91, 93, 94, 100—103, 107, 151, 234, 249, 306, 318, 392, 536, 537, 565.
Вландерская земля 760, *см.* Фландрія.
Влаславъ, Ласловъ, кнежи отъ Канисъ, 94.
Власъ, толмачь, 131 — 133, 139, 195—197.
Влодимерецъ, *см.* Володимерецъ.
Влоскій Михаилъ, Графъ, 826, 827.
Влохшкоди, дворянинъ, 826, 827.
Войнъ, гор. 887.
Войтѣхъ Григорьевъ 862.
Вокса, рѣка 1311, 1401.
Вокшеринъ Васюкъ Олексѣевъ сынъ 59.
Волборъ, мѣсто бискупа Кіевскаго, 949.
Волга, рѣка 25, 609, 733, 734, 780, 781, 810, 857, 858, 991, 1000, 1120.
Волжскія устья 780, 810, 858.
Волковъ Иванъ, слуга Бориса Годунова, 1276.
Волкъ Иванъ 87, 88.
Воловичь Астафей, панъ Виленскій, моршалокъ Баторія, 579, 863, 864, 897.
Воловичь Григорей 579.
Вологда 1211—1216.
Володимерецъ, гор. (Вольмаръ) 593 —595, 618—623, 630—633, 664, 665.
Володимеровъ Дмитрей, казначей, 65, 82.
Володя, (посланникъ къ В. Кн. Василію отъ Максимиліана), 215, 216, 217, 246.
Володя, Племянниковъ, Володица, Володимеръ Семеновъ сынъ, царской человѣкъ, дворцовой дьякъ, посланникъ, 309, 315, 319, 322—337, 339, 340—348, 350—360, 364, 371, 373, 431—435, 459.
Волохи, *см.* Волошская земля.
Волохъ 569.
Волочокъ 52, 124.
Волошская земля, Волохи, Волоси, Волоская земля, 168, 761, 894, 895.
Волской съ подъ Гаецъ, 576.
Волцкггенъ Михелъ, 487.
Волфканкъ Могульскій, 868.
Волфъ Стубенбергатъ 487.
Волынскій Иванъ 113.
Воркачь, *см.* Варкочь.
Воронцовъ Данила, сынъ боярской, 1101, 1102, 1113, 1115.
Ворощинъ Посникъ, воевода въ Лукахъ, 569.
Восское море 823.

Восточная страна 1107.
Вратиславусъ Бярнестенъ, *см.* Перстень.
Врацлавъ, Вроцславль, Врацславль, 887, 934—936, 957.
Вридахъ Иванъ, Іоаннъ, Маистръ Ливон., *см.* Фридахъ.
Всеволодцкой, гонецъ Ѳеодора Іоанновича въ Польшу, 950.
Вулмъ, гор, *см.* Ульмъ.
Выборъ, городъ 830, 1311, 1400, 1401.
Вылузгинъ Елизарей, дьякъ, 1142, 1178, 1179, 1185, 1191, 1294, 1296, 1298, 1301, 1305, 1313, 1331, 1353, 1361, 1374, 1380, 1386, 1389, 1454, 1460.
Выповскій Ивашко 150.
Высачиново село 936.
Выходецъ Тимоха Семеновъ, Новгородецъ, Московской торговой человѣкъ, 1076, 1077, 1083—1086, 1096, 1109 — 1112, 1144, 1219 — 1221.
Вышегородъ (Праж.) 669.
Вышегородъ (Турец.) 1144.
Вышегородъ (Рижск.) 1220, 1221.
Вьянель Францезъ, дьякъ Венец., 906.
Вѣдна, *см.* Вѣна.
(Вѣна) Вѣдна, Вѣдня, Вѣдно, Віена, Веона, Веена, 140, 230, 234, 249, 306, 318, 340, 356, 392, 459, 489, 500, 517, 638, 679, 687, 709, 744, 749—751, 754, 755, 760, 830, 866, 885, 886, 888, 889, 950—952, 1406, 1410, 1438.
Вяземскій князь Оѳонасей Ивановичь, воевода въ Колмогорахъ, 1214, 1215, 1217, 1222.
Вязьма 212, 265, 455, 502, 503, 1253.
Вяися Янъ 825, 828.

Г.

Гагаринъ князь Богданъ Васильевичь 742, 743.
Гагинъ князь Иванъ Васильевичь, князь Иванъ Великого - Гагинъ, окольничей, 1267, 1269, 1295, 1342, 1352, 1353.
Гаевскій Христофоръ, печатникъ, 752.
Галиція 367.
Галачко, городъ 1434.
Галь, цесарской городъ 340, 343, 363, 371.
Гамбекъ Фредерикъ, удѣлной князь, 826.
(Гамбургъ) Амборхъ, Анборской городъ, Анборхъ, Андробкъ 832, 1069, 1075, 1211, 1214, 1215, 1217, Анборская земля 1075.
Гамъ, Цесарецъ, 825.
Ганачко, городъ 1434.
(Ганза) Анза 155.
Гансака 1445.
Ганусъ, Максимиліановъ человѣкъ, 461.
Ганусъ Кремръ, слуга Сапѣги, 1250.
Ганусъ Шпоралъ 935.
Ганца, Нѣмецъ, столникъ цесарской, 826.
Ганцъ, Любской Нѣмчинъ, 649.
Гарабурда Михаилъ Богдановичь, писарь присяглой, державецъ Свислочскій, 559, 560, 576, 580, 589, 606, 626, 627, 653, 654, 731, 1006, 1014, 1051, 1061, 1088, 1089.
Гарабурда Василей, 863, 864.
Гардинъ Лакруценскій, 344.
Гарлицъ, городъ (Görlitz) 888.
Гарманъ писарь, *см.* Андреясъ.
Гартингеръ, *см.* Кантингеръ.
Гартрамъ, *см.* Андреясъ.
Гартрофтъ, *см.* Андреясъ.

Гвидо Фереріусъ, кардиналъ, 879.
Гвиза, Французъ (Guise), 951.
Гданскъ, Гданескъ, Данскъ, городъ, 74, 76, 100, 668, 709, 763, 832, 1001, 1076, 1096.
Гелманъ Францъ 487.
Гендрикъ Гейкгелъ 487.
Геніа 367.
(Генрихъ) Гендрикъ, Король Францовской, 1357.
Генрихъ, обраной Король Польской (д' Анжу, въ послѣдствіи Король Французскій) 599, 891, 892, 951.
Георгіевъ монастырь 875.
Георгій, *см.* Спицпамеръ, 229.
Георгій, князь Баворскій, 130.
Георгій, *см.* Грекъ.
Гиперъ Касперъ 748.
(Герберштейнъ) Гербенстень, Ербенстенъ, Гербенштенъ панъ, Ермонстеръ, Жигимонтъ, Гермонстеръ рыцарь, 177—179, 180, 182, 184—186, 188, 193—197, 201, 206—214, 216—218, 223, 226—228, 232, 233, 238—243, 247—251, 254—262, 266—278, 281, 282, 289, —291, 293, 294, 298, 301—304, 308—317, 318, 320, 323—329, 330, 333, 335, 343—347, 349, 350—352, 356, 364, 374, 376, 378, 384, 387—388, 411, 453, 454, 472.
(Герберштейнъ) Герберстень Криштофъ 487.
Герболтъ Станиславъ 576.
Германія 368.
Германъ Шмиль, ротмистръ, 632.
Гертнолей, Курляпскаго Князя Нѣмчинъ, 667.
Гертьманъ Голдекарь 344.
Герчекъ 103, *см.* Іоаннъ.
Гетчеръ Касперъ, толмачь, 716.
Гиліель, Мантуманскій князь, 885.
Гладильникъ Михайло, Смольнянинъ, торговой человѣкъ, 1419.
Глазовъ Иванъ 496.
Глинскій князь Михаилъ Львовичь 151—154, 310, 311, 313, 314, 426, 430.
Глинскій князь Михайло Васильевичь, бояринъ и намѣстникъ Новгородскій, 1307, 1396.
Глоговъ (Глогау), городъ 887.
Глѣбовичь Янъ Яновичь 580, 625.
Глѣбовъ Станиславъ, (посолъ Сигизмунда Короля Польскаго къ В. Князю Василію), 214.
Годуновъ Борисъ Ѳедоровичь, бояринъ, конюшеій и намѣстникъ Казанскій и Астороханскій, 934, 972, 973, 1079, 1085, 1123, 1124, 1128, 1130, 1131, 1133, 1149, 1167—1170, 1172—1175, 1180, 1186, 1188, 1191, 1200, 1201, 1206, 1207, 1229, 1231, 1233—1235, 1240, 1242, 1244, 1246, 1247, 1263, 1265, 1275—1280, 1282—1290, 1292—1296, 1300—1302, 1304, 1308, 1309—1311, 1314, 1315, 1325, 1326, 1342, 1346, 1354 — 1356, 1361, 1370—1372, 1381, 1382, 1387—1389, 1398, 1399, 1400, 1403—1405, 1408—1411, 1415, 1417—1422, 1436, 1446, 1448, 1450, 1454—1457.
Годуновъ Григорей Васильевичь, дворецкой, 1266.
Годуновъ Дмитрей Ивановичь, бояринъ, 1266.
Годуновъ Иванъ Васильевичь, намѣстникъ Рязанскій, 1142, 1177—1179, 1181, 1186, 1188, 1191, 1193, 1202.
Годуновъ Степанъ Васильевичь, намѣстникъ Великопермскій и Костромской, 1009, 1017, 1054, 1064, 1081, 1092, 1131, 1183, 1184, 1266.
Гойгель Индрикъ (гонецъ Рудольфа II къ Ѳеодору Ивановичу), 960, 962, 965, 966, 971, 984, 985, 986, 989, 994—999, 1002, 1003, 1007,

1008, 1015, 1052, 1053, 1062, 1081, 1090.
Голанская земля 760.
Головачовъ Тимоха 502.
Головинъ Михайло 933.
Головинъ Петръ Ивановичь 413, 419,—намѣстникъ Тульскій 791.
Голохвастовъ Борисъ 184, 186, 315, 339.
Голохвастовъ Олешка 34.
Голстенская, *см.* Гольштейнъ.
Голушинъ Өедоръ, Өедько, Псковской разсылщикъ, 1466.
(Гольштейнъ) Голстенская, Олштинская земля, 762, 832, 1317.
Гонная слобода, на Тверской дорогѣ, 1115.
Гонскій, панъ, дворянинъ, 826.
Горбатый князь Борисъ Ивановичь, бояринъ и намѣстникъ Смоленскій, намѣстникъ и гетманъ Желнѣрскій, 177, 178, 180, 182—184, 186, 339, 435, намѣстникъ Новгородскій 1306, 1396.
Горнема, Ишпанъ, 94.
Городня, г. [Гродно], 865.
Готартъ, князецъ Курляндскіе земли, 864.
(Готландъ), Готлянъ островъ, 832.
Грань, городъ, 1425.
Грасисъ Анибалъ, 879.
Грекъ, *см.* Антоней Ласкарь.
Грекъ, *см.* Дмитрей.
Грекъ, Юшка Малый, 114.
Грекъ Юрій, Георгій Траханіотъ 14—31, 32, 34—38, 40—62, 64, 65, 69, 80, 82, 85—101, 104, 105, 114, 115.
Греческая земля, Греческое Царство, Цесарство, 198, 366, 368, 529, 554, 1158, 1274.
Грибанъ Дмитреевъ, дьякъ въ Полоцкѣ, 634.
Григорей, папа, третей-на-десять 761, 843—845, 847—849, 852, 873, 881—883, 887, 892, 897.
Григорей, посолъ къ Императору Максиміліану, 194.
Григорей, дьякъ Государской, 383.
Григорей Өоминъ сынъ Ивановъ, Ивановичь, сынъ боярской, 193, 196, 211.
Григорей Васильевъ сынъ Данилова 180, 186.
Григорей Өедоровичь, бояринъ и намѣстникъ Новгородскій, 154, 203, 205, 211, 215, 262—264, 268—270, 273, 290, 304—306, 361, 374, 378, 379, 391, 393, 470—472, 474, 475.
Григорей, *см.* Бендель.
Григорей, *см.* Ржевской.
Григорей, *см.* Васильчиковъ.
Григорей, *см.* Ярцовъ.
Гридя, Заморянинъ, Ругодивской Нѣмецъ, 154, 156, 157.
Гридя Загрязской, *см.* Загрязской.
Гридя Борисовъ сынъ Трофимова 25.
Гридя Өедковъ сынъ Енинъ, 123, 124.
Гримъ Индрикъ, толмачь, 832, 833.
Грицко 435, 436.
Гриша, *см.* Сумороковъ.
Гриша, *см.* Левашевъ.
Гроль Иванъ, державецъ Бебескій, 632.
Грязной Иванъ, воевода въ Торопцѣ, 569, 1155.
Губерхъ Карлъ, стольникъ, 826—828.
Гундоровъ Юшка 177, 178, 181—183, 215.
Гундоръ князь Иванъ 108.
Густавъ Король, отецъ Ягана (Іоанна III) Свѣйскаго (Густавъ-Ваза), 1306, 1307, 1396.
Густавъ, Королевичь, Ириковъ сынъ Свѣйского (сынъ Эрика XIV, внукъ Густава Вазы), 1368—1371, 1381—1384.
Гусъ Степанъ, слуга Варкача, 1251.
Гюленстеръ Петръ 762.

Давидовъ Ивашко, толмачь, 126.
Давидъ Домбай 94.
Далмація 366.
Дамасково село 317.
Дамаскъ 201.
Данила Васильевичь князь, намѣстникъ Новгородскій, 1, 123, 125, 154.
Данило, *см.* Келлеръ.
Даніель Принцъ, Даніелъ, Данило, (Daniel Prinz v. Buchau). 481, 484, 486, 487, 490, 491, 497, 501, 504—506, 511—513, 516—518, 532, 536, 539, 542, 543, 545—547, 567—571, 573, 577, 587, 593—595, 598, 600, 601, 603, 612, 614, 615, 617, 619, 620, 622—624, 630, 633—635, 644, 650, 653, 654, 656, 664, 665, 669 — 674, 676 — 679, 681, 683, 684, 687 — 692, 695, 698 — 707, 711, 720, 754, 755, 788, 760, 767, 868—874, 936—941, 944, 946, 947, 955, 957, 1114, 1445, 1446.
Данескъ, Данскъ, Даньскъ, } *см.* Гданскъ.
(Данія), Датская земля, Датцкое Королевство, 46, 613, 772, 777, 800, 805, 813, 814, 816, 824, 848, 855, 1012, 1019, 1059, 1068, 1097, 1103, 1307, 1335, 1410.
Дарданики 366.
Дарида 367.
Датцкая земля, Датцкое Королевство, *см.* Данія.
Двли Іоаншъ, 94.
Двина, рѣка 666, 862, 863, 1345.
Дворцы, городокъ (Hof въ Моравіи) 866.
Девлетъ Гирей 509.
Делевшинъ Андрей 486.
Деденевъ Өедоръ 634.
Делаторъ Юрій (Георгій фонъ Турнъ) 24, 26, 27, 31, 33—35, 44, 45, 47, 49, 50, 57—65, 69, 70, 73, 78, 82, 83, 85, 86, 89, 91, 97—101, 104—107, 130, 416.
Делигардъ, Свитцкой воевода, 831.
Демешка Племянниковъ, подьячей, 340.
Демьяновъ Өѳонасей, дьякъ, 512, 543, 1267, 1337, 1394.
Дербенъ городъ (Дербентъ), 1073.
Дерновъ Иванко, земецъ, 960.
Деславъ 674.
Деулисъ, Графъ, 668.
Дефенейское царство 367.
Дивинъ, городъ, 1443.
Дивѣевъ улусъ 992, 1001.
Дивѣй, Ногайской князь, 510, 606, 634, 635, 731.
Дирекштанъ, дворецкой Цесарск., 758.
Дирикъ, торговый человѣкъ, 817.
Дисна 862.
Дитриштинъ, бояринъ Цесарск. и маршалокъ, 824.
Дмитрей, (посланникъ Іоанна III къ Максиміліану), 87.
Дмитрей Давидовъ сынъ Загрязскаго 164.
Дмитрей Щербачь (ср. Щербатовъ) 132, 139.
Дмитрей, *см.* Володимеровъ.
Дмитрей Грекъ Старой 34.
Дмитрей, *см.* Ласкиревъ,
Днѣпръ рѣка 895.
Добринскій 778.
Добрынинъ Васко 648.
Добрѣя 503, 504.
Долепортъ Францишекъ 880.
Долматовъ Захаръ 193.
Долматовъ Нѣмецъ, 193.
Долматовъ, *см.* Карповъ.
Домбай Давидъ 94.
Донатусъ Петръ, кардиналъ, 879.
Донъ, рѣка 991, 1120.
Донъ Вилемъ де Кларета 1440.
Дорнъ, гор. 74.
Дорогобужъ, гор. 179, 182, 212, 265, 455, 482, 484—493, 495, 500, 502, 962, 1003, 1252—1254.

Дорогомиловъ, мѣсто 1257, 1258.
Дорогостайскій Николай 626.
Дороѳеевъ Иванъ, дьякъ, 533, 540, 543, 544, 547 555, 561.
Драшковичь Янъ 955.
Дробнинъ, гор. 791.
Дружина Петелинъ, дьякъ, 917, 927, 1183.
Друя, гор. 862.
Дрыса 862.
Дубровна 178, 181—183, 207, 243, 410, 427, 1251.
Дудичь Индрикъ, думной дворянинъ Цесарской 957—959.
Дулской Янъ 576.
Дунай рѣка 671, 754, 867, 885, 889.

Е.

Евгеній, Кипрской Королевичь, 480.
Европа 366.
Египетская страна 367.
Египетъ 377.
Едебро Іоаншъ 94.
Елагинъ Парѳеній 814—816.
Елалъ Мурза 731.
Елецкой князь Дмитрій Петровичь 481, 482, 484—487, 489, 490, 494, 502—509.
Елзборъ 283.
Елзеская земля 115.
Елизарей, (посл. Ѳеодора Іоанновича въ Польшу), 962.
Елизаровъ Дмитрей Андреевичь, воевода въ Ругодивѣ, 814.
Елизаръ, *см.* Циплятевъ.
Елисаветъ, Англѣйская Королева, 891.
Еллен Вайда 94.
Елка, подьячей, 64.
Елка, Елизаръ Сергѣевъ 194, 195, 215, 410.
Елка, *см.* Суковъ.
Еловьевъ Индрикъ, толмачь, 762.
Емельянъ чашникъ, 826.
Еммануилъ, Король Португальскій, 761.
Ендрикъ, *см.* Генрихъ Король Франц.
Енинъ Гридя Ѳедковъ сынъ 123, 124.
Еносъ, 366.
Енть, городъ 760.
Енъдрь-буторгъ 93.
Епиронъ, нынѣ зовется Романія 366.
Еремѣевъ Борисъ 118.
Еремѣйко, Заморянинъ, Ругодивскій Нѣмецъ, 154, 156, 157.
Еремѣй, *см.* Ремеръ.
Еремѣй, печатникъ 954.
Ерманикусъ, бискупъ отъ Акримолестина, 956.
Ермисъ, *см.* Ремеръ.
Ермола Кашпировъ, толмачь, 543.
Ербенстенъ, *см.* Гербершейнъ.
Ермонстеръ, *см.* Герберштейнъ,
Еронимъ Шкотъ, Шкотусъ, Графъ Италѣйскіе земли, 1235—1237, 1240, 1241, 1244, 1245, 1247, 1249.
Еропкинъ Григорей 572.
Ерусалимъ 880.
Есеная рѣка (близь Смоленска) 1419.
Естенберхъ Андрей, дьякъ, 826, 828.
Естрядь, пристань 823.
Ефаръ Петровицкой, 1442, 1443.

Э.

Эггенберхъ, Эггень-Берхъ, воевода, 1441, 1442.
Эрлусъ, Нарнинскій бискупъ, 879.
Эрнестъ, сынъ Императора Максимиліяна II, Гернистъ, 522—528, 530, 531, 534, 535, 541, 542, 550—

555, 559, 560, 562, 563, 566, 567, 577, 578, 581—583, 588—592, 597—600, 602, 607, 611, 626, 627, 636, 640, 641, 643, 654, 686, 716, 735, 739, 756, 760, 782, 793, 807, 812, 830, 850, 859, 886, 889, 915, 916, 918, 925, 938, 950, 951, 1006, 1014, 1015, 1051, 1089, 1182, 1357, 1358, 1426; титулъ: 916, 918—919.

Ж.

Жаба, голова казачей, 862.

Жданъ, *см.* Квашнинъ.

Жебридовскій Янъ 575, 863.

Желтухинъ Андрейко 108.

Желудь, ротмистръ, 1164.

Жеславской князь Θедоръ 339.

Жигимонтъ, *см.* Герберштейнъ.

Жигимонтъ, *см.* Сигизмундъ Августъ.

Жигимонтъ, сынъ Короля Шведскаго, *см.* Сигизмундъ III.

Жидимантъ, *см.* Сигизмундъ, Маркграфъ Бранденбургскій.

Жигимунтъ, *см.* Баторій.

Жомоцкая земля 667.

Жукъ, *см.* Левшинъ.

Жуперъ Иванъ, бургомистръ Колыванскій, 61, 98.

З.

Заболоцкой, Заблотцкой Алексѣй, 176, 223, 233.

Заборовскій Яковъ, толмачь, 909, 916, 927, 928, 935—937.

Заботокъ, городъ, *см.* Сабатка.

Зава р. (Sau или Save) 1441, 1442.

Заволжская Орда 1265.

Загрязской Григорей, Гридя, 193, 246, 259.

Загрязской Дмитрей Давидовъ сынъ 164.

Загрязской Иванъ (гонецъ Θеодора Іоанновича къ Императору Рудольфу) 1058, 1067, 1079, 1081, 1096.

Заицъ Иванъ 673, 674, 678, 681, 683, 699, 700, 705.

Замойской Янъ, дворянинъ, Польскій, канцлеръ, 862, 1049, 1056, 1065, 1082, 1094, 1125, 1225—1227, 1318, 1329, 1408.

Замосковивинъ, городъ 1434.

Замская земля 340.

Замыцкой Константинъ, воевода, 178, 186.

Замятнинъ Юшко 186, 190.

Зарубъ 185, 188, 189, 340.

Заура 367.

Зачесломскій Васюкъ, 243.

Засѣкинъ Борисъ Петровичь, окольничей, 975, 980, 984.

Захарей (посл. Θеодора Іоанновича въ Польшу) 962.

Захаріясъ 1413.

Захаровъ Богданъ, дьякъ, 960, 1003, 1047.

Захаръ, *см.* Долматовъ.

Захарьинъ Никита Романовичь Юрьевича, бояринъ, дворецкой Московской и намѣстникъ Тверской, 482, 490—493, 501, 533, 536—540, 542, 544, 547, 556, 563, 591, 655, 778, 808, 827.

Збаражской Стефанъ Андреевичь, воевода Троцкой, 579.

Зборовскіе паны 1049, 1056, 1094, 1344.

Зборовскій Андрей, рaферендъ Черниговскій, 1138, 1164,

Зборовскій Петръ, воевода, 575.

Зборовскій Хриштопъ 670, 672, 673, 678, 681, 965, 1138.

Зборовскій Янъ, воевода Познанскій съ Гурки, 1132.
Звенецъ Иванъ, окольничеі, 26.
Звенигородцкій князь Иванъ Андреевичь, окольничей, 512, 543.
Звенигородцкій князь Семенъ Григорьевичь, 1257—1262, 1264—1266, 1271, 1275, 1276, 1278, 1285, 1295, 1330, 1352—1356.
Здемчинъ, градъ и торгъ 93, 94.
Звезевитовъ, Зезевидовъ Сенька, 110, 112, 113, 114.
Зекмаръ, гор. 828.
Зелетра Иванъ, воевода Польскіі, 338.
Зелинь городъ 1163.
Землешіігиролъ, городъ 93.
Зизмонъ, *см.* Сигизмундъ.
Змелца Себастьянъ 575.
Змира 366.
Зиновьевичь Юрій Николаевичь, 579.
Зисекъ, монастырь, 1440.
Знулъ Ищвалъ 94.
Зубатый Третьякъ, дворянинъ, 679, 680, 703, 704, 708.
Зубовъ Игнатей 483, 484, 487, 494, 508, 567, 569.
Зубовъ Иванъ 1251, 1252, 1256—1258.
Зунтъ, Зюнтъ, 708, 709, 711—714, 727, 796, 1362.
Зянгышь, городъ и торгъ 93.

И.

Иберія 367.
Ибрагимъ Азѣй (посланникъ Крымскаго Царя) 1264.
Ибрагимъ Мурза Исуповъ 969, 1041.
Ибрагимъ Чаушъ, Чеушъ, (посолъ Турецкой къ Ѳеодору Іоанновичу) 968, 1040, 1118.
Ибреимъ, Царь Казанскіі, 288.
Иванегородцая страна 1401.
Иванецъ Зачесломскій 242.
Ивановичь Григорей Ѳоминъ сынъ (онъ же Ивановъ), *см.* Григореі.
Ивановъ Касперъ, толмачь, 638, 639, 644, 647—649, 658, 714, 730 738, 721.
Ивановъ, *см.* Григорій.
Ивановъ Юрьи, подстаростей Оршанскій, 486.
Ивановъ Андрей, подьячей, 1424.
Ивановъ Сидоръ, Оршанскій земецъ, 481.
Иванъ Берсень Никитинъ сынъ Беклешова 26.
Иванъ, *см.* Брюховъ.
Иванъ, *см.* Бутурлинъ.
Иванъ, *см.* Волынскій.
Иванъ, *см.* Волкъ.
Иванъ, голова, Любчанинъ, 48, 87.
Иванъ Григорьевичь, *см.* Морозовъ.
Иванъ, дьякъ, (посланникъ Венгерскій) 159, 161, 163, 164, 166—169.
Иванъ Звенецъ, окольничеі, 26.
Иванъ Лятцковъ, сынъ боярскій, *см.* Ляцкой.
Иванъ, *см.* Кубенскоі.
Иванъ, *см.* Поджегинъ.
Иванъ, *см.* Поплевинъ.
Иванъ, *см.* Телешовъ.
Иванъ, *см.* Темка.
Иванъ, *см.* Халепа.
Иванъ Юрьевичь, князь, 1.
Иванъ князь Шуйскій 175, 176.
Иванъ Ивановичь Ярославской, князь, 359.
Иванъ III Васильевичь, № I, 209, 225, 237, 276, 277, 365, 378, 387, 440, 444—446, 544, 693, 1320; титулъ его: 15, 16, 20—22, 35, 37—40, 46, 59, 60, 66, 68, 70, 84, 87,

88, 92, 96, 97, 109—111, 141, 116—119, 122, 129, 133, 135, 165, 171.
Иванъ IV Васильевичь, Царевичь NN III и IV; титулъ его: 490, 500, 546, 572, 574, 575, 578, 579, 584—586, 614, 615, 617, 621, 625, 636, 639, 647, 650, 652, 661, 662, 715, 719, 724, 725, 738, 740—742, 744, 745, 765, 766, 770, 773, 774, 783, 784, 786, 795, 798, 799, 801, 802, 818, 820, 835, 842, 847—851, 897, 901—904.
Иванъ, Фряцовской Король, 103.
Иванъ Колычевъ, сынъ боярской, 338.
Иванъ, Сасской князь, 12. (Johann der Beständige, курфирстъ Саксонск., сынъ Эрнста).
Иванъ, Маркесъ Брадебурскій, 75.
Иванъ изъ Свабіи, 102.
Иванъ Чеботъ, окольничей, 26, 27.
Иванъ Васильевичь 171.
Иванъ, *см.* Саедръ.
Иванъ, старецъ, 425.
Иванъ Васильевичь, *см.* Ситцкій-Ярославскій.
Иванъ Баптистъ, дьякъ, 702, 705.
Иванъ, *см.* Бѣлобородъ.
Иванъ Вацлавъ съ Лобковицъ, 938.
Иванъ, сынъ Варкача, 1250.
Иванъ, *см.* Зубовъ.
Иванъ князь, *см.* Курлятевъ.
Иванъ Ивановичь, Царевичь (сынъ Грознаго), 481, 503, 512, 513, 532, 545, 718, 765, 785, 854.
Иванъ Ларишь, Цесарскій дворянинъ, 672, 674, 681.
Иванъ, *см.* Лихаревъ.
Иванъ, Нѣмчинъ Рижскій, 666.
Иванъ, *см.* Осорьинъ.
Иванъ Псковитинъ, *см.* Коросонской.
Иванъ, *см.* Сландоуръ.
Иванъ, *см.* Штенборкъ.
Иванъ Яковлевъ, Цесарской дворянинъ, 868.
Иванъ Ѳедоровичь князь, *см.* Мстиславской.
Ивань-городъ въ Новгородцкой землѣ 123—125, 150, 154, 156, 1308—1314, 1327, 1328, 1335, 1339, 1362, 1363, 1401, 1402, 1404, 1418, 1465.
Ивашко, *см.* Васюковъ.
Ивашко, *см.* Выповскій.
Иверская земля 991, 994, 1042, 1072, 1108.
Игнатей, воевода въ Смоленскѣ, *см.* Вельяминовъ.
Игнатей, *см.* Зубовъ.
Идерлянская земля, *см.* Нидерланды.
Идумѣа 367.
Иевъ, *см.* Іовъ.
Избрукъ, *см.* Иншприкъ.
Извѣковъ Андрей, губной староста въ Вязьмѣ, 1254.
Ильинъ Трифонъ, Труѳанъ, дьякъ, 216, 218, 227, 233, 239, 243, 246, 248, 249, 254—257, 261, 268, 273, 281, 282, 284, 285, 290, 298, 300, 302, 304, 306, 311, 312, 315, 361, 374, 383, 391, 399, 407, 412, 420, 428, 429, 435, 442, 450, 452.
Имбрифія, Амбруси, 94.
Имола, городъ въ Италіи 879.
Имушки 366.
Ингелщень г. (Ingolstadt) 867.
Инія, рѣка 340.
Индрикъ, Францовской Король, *см.* Генрихъ.
Индрикъ, Норберчанинъ, 102.
Индрикъ, толмачь, *см.* Гримъ.
Индрикъ, толмачь короля Датскаго, 834.
Индрикъ, *см.* Гойгель.
Индрикъ, Графъ Чахи, 671, 673, 674, 678, 679, 681, 691.
Иншприкъ, г. 340, 343, 885.
Иньспрукъ, *см.* Иншпрукъ.
Ирикъ, Король Свѣйской (Эрикъ XIV) 1369, 1370, 1382, 1383.

Ирикъ, Арцыхъ Брунсвитцкой (Герцогъ Брауншвегскій), 761.
Ирихонъ 367.
Иртышь рѣка 1121.
Исакъ Новокщенъ 1105.
Исидоръ, Русскій Митрополитъ, 898.
Исламъ Гирей 921, 940, 969, 1040, 1119.
Испанія 368.
Истома Ермолинъ, приказщикъ въ Дорогобужѣ, 486.
Истома Малый, толмачь, 118, 227, 272—274, 278, 281, 282, 294, 315, 318, 323—337, 339—341, 343—347, 349, 352, 356, 364, 372, 382, 383, 397, 427, 435, 448, 459, 471.
Истома Карсаковъ 339.
Истома Шевригинъ Леонтій, гонецъ, 785, 794, 795, 797—799, 801—806, 808, 809, 811—817, 835, 838, 839, 844, 846.
Исѣй, посолъ къ Ѳедору Іоанновичу изъ Крыма, 969.
Исѣй князь Перекопской 1262.
Итальянская земля, Италѣйскія земли, страны, 93, 368, 1153, 1235, 1236, 1240, 1242, 1244, 1247, 1370, 1382, 1426, 1450.
Ишлякъ Шклитцкій, Графъ, 668.
Ишпанская земля 1215.
Ишпрукъ, *см.* Иншпрукъ.

І.

Іасигія 366.
Іерусалимъ 201, 377.
(Іоаннъ III сынъ Густава Вазы, Король Шведскій), *см.* Яганъ.
(Іоаннъ сынъ Матвея, Кор. Венгерскаго) Янушъ, Херчегъ, Герчекъ, 94, 103.
Іоаншъ Ишпанъ 94.
Іоаншъ отъ Канисъ 94.
Іовъ Иевъ, патріархъ 1314, 1403, 1404, 1456.
Іосифъ, лѣкарь, Осифъ Жидовинъ, 124.
Іюдея 367.
Іюль, Графъ, дворецкой папинъ, 881.

К.

Кабардинская земля, Кабардинскія Орды, 941, 991, 1000, 1265, 1462, 1463.
Кадыевъ 59.
Казань, Казанская земля, Казанское царство, Казанской уѣздъ, Казанскіе городы, 287, 288, 429, 510, 608, 609, 621, 732, 733, 779, 780, 809, 810, 856, 857, 921, 938, 1043.
Казимеръ, *см.* Казиміръ.
(Казиміръ) Казимеръ, Король Польскій, 37—40, 42, 43, 50—52, 67, 73, 78—80, 84—86, 89—91, 104, 120, 151, 153, 161—163, 166—171, 276, 364, 387.
Казаринъ Бѣгичевъ, стрѣлецкій голова, 1251, 1252, 1255—1258.
Казатцкая Орда 922, 939, 1042, 1072.
Казы-Гирей 1120, 1122, 1175, 1186, 1262, 1264, 1305, 1337, 1394.
Калабрія 130.
Калга Алды Гирей, *см.* Алды-Гирей.
Кама, р. 609.
Канбулатовъ Борисъ, князь 1121.
Канбулатъ, Черкасской князь, 941, 942.
Кандія 893.
Кандополятино князь 103.

Кантингеръ Юдокъ, Едокъ, Картингорь, Гартинге Юштъ (Justus Kantinger), 115, 117—120, 122—129, 131, 134, 140, 141, 143, 146, 148, 150, 152.
Кантирь, Нѣмчинъ, 139.
Кападосія 367.
Капнагаевъ, *см.* Копенгагенъ.
Караманія 367.
Карамышевъ Василей, посолъ въ Венгрію 165.
Кардинандъ 1099, *см.* Фердинандъ.
Кардануковъ Василей, князь 1121.
Карень Швендикъ, дворянинъ Цесарской, 690, 691, 693, 697, 698.
Карластатъ, городъ 1441.
Карластатъ, воевода, 1441.
Карло, *см.* Карлъ Королевичь.
Карлусъ, *см.* Карлъ.
Карлъ, Карлусъ, Карло, Арцыкарлусъ, Свѣйскаго Королевства Королевичь, 762, 1313, 1402.
Карлъ, Каролусъ, Карлусъ Австрійскій, братъ Максимиліяна II, дядя Императора Рудольфа II, 517, 613—615, 671, 678, 679, 687—689, 867; титулъ: 517, 614.
Карлъ IV, Карлусъ, Цесарь, 953.
Карлъ V, Цес. 314, 418, 837, 846, 930, 1025.
Карлъ Хравтлицкой, кравчей цесарск. 826, 827.
Карлъ Индриковъ, Ругодивскій воевода, 1308, 1397.
Каролусъ, Ишпанъ, 94,
Каролусъ Ишененгъ, 668.
Каролусъ, Мурграфской удѣльный князь, 668, 669.
Каролусъ, *см.* Карлъ.
Каролъ, *см.* Карлъ V.
Карнковскій Станиславъ, *см.* Корнаковскій.
Карповъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ 259, 268, 360, 374, 376, 386—388, 391, 399—403, 413, 420—425, 429, 431, 435, 436, 442, 450—452, 457—459, 470, 473.
Карповъ Микита Ивановъ сынъ 259, 261.
Карповъ Михаилъ Долматовичь, Долматовъ, дворецкой и намѣстникъ Муромской, дворецкой Тверской и воевода Муромскій, 503, 505—509, 511, 514, 515, 532, 538—540, 543, 791, 806.
Карсаковъ Истома 339.
Карцыра 893.
Карстейнъ Фангопенъ 826.
Касперъ, толмачь, *см.* Ивановъ.
Касперъ Индриковъ, торговый человѣкъ въ Гданскѣ, 668.
Касперъ Лимберхъ, казначей Цесарской, 703.
Касперъ Шимбиркъ 669, 672, 681.
Картушь Еремѣй 832.
Катъ, Батманъ Сирскій и Сиренскій, 367.
Катыревъ - Ростовской князь Михайло Петровичь, Котыревъ, воевода и намѣстникъ Смоленской, 1029, 1047, 1082, 1083, 1249, 1250, 1252, 1254, 1255, 1413, 1414, 1419.
Кафа 367.
Кашинъ князь Михайло Ѳедоровичь, воевода во Псковѣ, 1423, 1465.
Кашпиръ Кронъ, (Caspar Krohn) Любчанинъ, 1085, 1086, 1101—1103, 1106, 1108, 1113, 1114, 1116, 1123, 1212, 1214, 1217, 1218, 1222, 1232, 1233, 1240, 1430, 1432, 1452.
Квашнинъ Жданъ Ивановичь 718, 719, 722—725, 727—732, 734—745, 749, 750, 753—761, 763, 767, 768, 788, 789, 1145, 1197.
Квашнинъ Василей 648.
Кгостомскій Андьзимусъ 575.
Келлеръ Данило, Нѣмчинъ Любской, 649, 651, 652.

Кенге Хантлеръ 866.
Керсонеаны 366.
Керсновскій Михаилъ, писарь, 635.
Кесь городъ (Венденъ) 821.
Кизылбаши, Кизылбашъ, Персидцкое государство, Кизылбашская земля, 941, 942, 991, 1027, 1134, 1181.
Кирилко, Ляхъ, толмачь, 489.
Кишка Янъ Станиславовичь, 580.
Кіевъ, городъ 264, 270, 274, 277, 303, 382, 403, 535, 560, 589, 611, 1133.
Клаусъ, Кляусъ Фламинъ, Шведскій посланникъ, 1312, 1338, 1401.
Клешнинъ Андрей Петровичь, окольничей, 1139.
Климентъ, посланникъ Венгерскій, 161, 166.
Климъ, 164.
Клинковъ Ефимъ, Зюнтской буймистръ, 708, 712.
Клинъ, городъ 25.
Клобуковъ Сотница, 341.
Клобуковъ Андрей, дьякъ, 512, 543.
Кляпикъ, *см.* Яропкинъ.
Кнышинъ, городъ 865.
Кобардинская земля, *см.* Кабардинская.
Кобендзля Янъ, *см.* Кобенцель.
Кобенцель Янъ (Hans Kobenzl, посолъ), 481, 484, 490, 491, 497, 501, 504—506, 511—513, 516—518, 532, 536, 538—540, 542, 543, 545, 547, 567, 568, 573, 577, 587, 598, 603, 614, 616, 635, 640, 654, 656, 695, 720, 767, 788.
Ковскій Петръ 1138.
Козлевъ городъ (Козель въ Пруссіи) 865, 888.
Козловъ Микула 486.
Колбергъ, городъ 115.
Колкосъ 367.
Кологривовъ Поводъ 182, 183.
Колодна на Днѣпрѣ 179.
Колонида 118.
Колпицкой Ямъ 1254.
Колупай Приклонскій 356.
Колычевъ Иванъ, сынъ боярской, 338.
Коморны, городъ 952.
Конарскій Адамъ 575.
Конда, рѣка въ Сибири 1121.
Конды, болшіе и меншіе, 1043.
Коніянъ, гор. 340.
Конпицкій Янъ 959.
Коновѣй Францишекъ 879, 880.
Конона, *см.* Анкона.
Коноплевъ, губной староста въ Можайскѣ, 1255.
Консперхъ, (Кенигсбергъ) 78.
Константиполь 198.
Константинъ Ѳедоровичь, *см.* Ушатой.
Константинъ Ярославичь, князь. 12, 13.
Контороль, цесарской казначей, 824—827.
Коньстансія, *см.* Констанція.
(Копенгагенъ) Копногавъ, Капнагаевъ, городъ 761, 833, 834.
Копногавъ Аурзберхъ, Аузберхъ маршалокъ Цесарск. 670, 671, 675, 678, 687, 699.
Копорья, городъ 1308, 1309, 1312, 1397, 1398.
Копышкининъ, Литвинъ, 961.
Корачюнъ Захаръ, коморникъ, 861.
Корбатцкая, Корватцкая земля, 528, 554, 1440.
Коринѳяны 366.
Корнаковскій Станиславъ 575, 932.
Корнилюсъ Юрьи 877.
Коросонской Иванъ, Псковитинъ, торговый человѣкъ 1109, 1110.
Колмогорской городъ, Новой Колмогорской городъ, Колмогоры, Колмогорское пристанище, 1012, 1020, 1025, 1059, 1068 — 1070, 1075, 1097, 1211, 1213 — 1219, 1222, 1334, 1335, 1362.

Колударовъ Василій, дьякъ, 503, 506—509, 514.
Колывань (Ревель) 525, 526, 552, 561, 650, 653, 1412.
Корѳунъ 198, 893.
Корѣла 1309, 1315, 1339, 1397, 1398, 1402, 1456.
Косаткинъ Семенъ, дьякъ, 816.
Косаткинъ Шихманъ, стременной конюхъ, 1256.
Косинскій, дворянинъ Польскій, 933.
Костка Янъ 575.
Костя Оксентьевъ 14, 18, 20, 23, 24.
Костя Сокольникъ 34, 118.
Костя 190.
Костянтинъ Волошанинъ, воевода Волошской, 761.
Котовъ Степанъ 1219.
Котыревъ, *см.* Катыревъ.
Коуршперъ Ауспорхъ, воевода Карлататской, 1441, 1442.
Кошира, городъ 288.
Краковъ 439, 643, 709, 895, 949, 950, 1048, 1049, 1082, 1094, 1125, 1132, 1161, 1162, 1225, 1329, 1344, 1408, 1410.
Крамеръ Анца 1415, 1417, 1418.
Крамеръ Индрикъ 1282, 1283, 1405.
Крамеръ, Кремеръ Юрьи 495, 1406, 1407.
Красинскій Францишекъ 575.
Красной, украинской пригородокъ, 338.
Красной Ставъ, Станъ, 1100, 1129, 1132, 1138, 1149, 1164.
Кремеръ Юрьи, *см.* Крамеръ.
Кремзъ, городъ (на Дунаѣ) 885, 886.
Крепицы 934.
Крестьянусъ, сынъ Фредерика Короля Датскаго, 1138.
Крестьянусъ, сынъ Сасскаго князя, 867.
Кретиская земля, Кандія, 893.
Креяловъ Лука 1234.
Кристапмунъ, подвоеводичь, 823.
Криштопъ Янъ 411—414, 420, 425—431, 465, 467.
Кронборхъ, городъ (на островѣ Зеландіи) 761.
Кротоненики 366.
Крунборхъ или Шалшенеръ, городъ 823.
Круповской, староста, 862.
Крымскія украины 509.
Крымское царство 1073, 1119.
Крымской Юртъ 1120.
Крымъ 669, 778, 807, 856, 969, 991, 1041, 1073, 1119, 1120, 1337.
Кротовской Янъ, воевода, 575.
Крыйскій Станиславъ, воевода Мазовецкій, 778, 791, 806, 808, 827.
Крындеръ Фредерикъ, рохмистръ, 632.
Крюковъ Суета, Вологжанинъ, сынъ боярской, 1213, 1216.
Ксерксъ, Перской Царь, 221.
Ктолики, 366.
Кубенской, князь Михаилъ Ивановичь, 232, 243, 259, 261, 268, 311.
Кубенской князь Иванъ 357—359, 373, 470.
Кубенской 429, 432.
Кубенской Станъ 1255.
Кузминскій Ѳедецъ 159, 160, 162, 165—167.
Куконосъ (Кокенойсъ, Кокенгузенъ) гор. 862, 875.
Куксенское море 367.
Кулешинъ Андрей 339, 341.
Кулешинъ Василей, Васюкъ, дьякъ, 32—38, 40—62, 64, 65, 69, 80, 88, 89.
Кулпа, рѣка (на границѣ Австріи и Турціи), 1257, 1434, 1440, 1442.
Кулпа Оксентьевъ 14, 21—24.
Кумукъ-Кирѣй 1120, 1122.
Куракинъ князь Григорей Андреевичь, Псковской воевода, 1222, 1234.

Курбатъ Григорьевъ, дьякъ, 791.
Курбатъ Хвостовъ, приказной человѣкъ, 1284.
Курбской, князь Семенъ 176.
Курицынъ Ѳедоръ, дьякъ, 8, 10, 11, 26, 56, 80, 159—162, 164—167.
Куріе, Маистръ, Цесаревъ думной человѣкъ, 886.
(Курляндія) Курская, Курляндская земля, 560, 667, 707, 711, 753, 862, 1412, 1425.
Курлятевъ князь Юрій Константиновичь, воевода Смоленскій, 481, 483, 484, 486, 487, 491, 494, 568, 574, 625.
Курлятевъ Иванъ, воевода въ Полоцкѣ, 634, 635.
Курская земля, *см.* Курляндія.
Куртъ Фератъ князь, пашинъ сынъ 1443.
Курцъ Якубъ 1271, 1429.
Кутузовъ Борисъ Васильевичь 28, 30, 31, 33.
Кучецкій Оѳоня, 113, 114.
Кучюмъ Царь, 922, 939, 1042.
Кышмартой, городъ и торгъ 93.

Л.

Лаврентей попъ 703.
Лавретъ, городъ (Loreto въ Италіи) 880.
Лавринъ Пріолюсъ 875, 876.
Лавской Стрекготина 575.
Ларевъ Мануилъ 102.
Ларіонъ, *см.* Трусовъ.
Ласедемоники 366.
Ласкиревъ Дмитрей 176.
Ласловъ, Влаславъ кнежи отъ Канисъ, 94.
Ласловъ, *см.* Владиславъ, Король Венгерскій.
Ласской Олбрехтъ, воевода Сиратцкой, 575, 643, 670, 673, 676, 681, 702—704, 736—738.
Лахта 707, 708.
Лачиновъ, Юрьевскій пушкарь, 634.
Лвовъ, городъ 950.
Левашевъ Гриша 184.
Леввинъ, рѣка въ Брабанской землѣ, 760.
Левшинъ Жукъ, бояринъ, 126—127.
Лелсборхъ, городъ 832.
Леникъ Матвѣй, державецъ Новагородка, 1109.
Лентъ Гарахъ 681, 683.
Лесій Драгадинъ, намѣстникъ, 875.
Лесоцкій Станиславъ 576.
(Ливонія) Ливонская, Вифлянская, Лифляндская земля, землица, Лифляндская отчина, 121, 129, 132, 134, 135, 138, 139, 143, 147, 149, 157, 168, 509, 511, 519, 526, 529, 531, 535, 542, 545, 547, 552, 553, 556, 558—561, 563, 564, 601—603, 608, 611, 629, 637, 638, 644, 650, 653, 655—658, 662, 663, 682, 684—686, 690, 692, 694, 695, 718, 726, 732, 744, 748, 778, 792, 808, 819, 820, 822, 837, 839, 894, 896, 1012, 1019, 1049, 1058, 1059, 1067, 1071, 1079, 1081, 1096, 1097, 1103, 1107, 1126, 1133, 1145, 1307, 1308, 1313, 1328, 1338, 1339, 1343, 1345—1348, 1350, 1397, 1410—1412, 1427, 1456, Ливонское королевство 637, Лифляндская Нѣмецкая земля 771, 778.
Ливонскіе, Лифляндскіе городы, 1343, 1397, 1410, 1411.
Ливонской рубежъ 526, 561.
Лигенецъ городъ (Liegnitz), 887.
Лидія 367.
Ликаонія 367.
Лисія 367.

Лира, городъ въ Брабанской землѣ 760.
Литва, Литовская земля, Литовское Великое Княжество, Литовское Государство, 121, 152, 158, 184, 185, 218, 241, 293, 313, 324, 327, 328, 329, 337, 340, 481, 489, 499, 524, 529 536, 540, 545, 551, 556, 562, 565, 567, 573, 574, 576, 581, 584, 606, 607, 611, 625, 629, 638, 640, 642—644, 734, 752, 764, 777, 781, 811, 842, 847, 855, 909, 950, 953, 958, 961, 963, 964, 971, 972 978, 1004, 1012, 1019, 1022, 1028, 1031, 1035, 1036, 1038, 1045, 1046, 1048, 1049, 1058, 1059, 1068, 1071, 1096, 1097, 1099, 1101, 1106, 1109, 1148, 1149, 1256, 1261, 1332, 1334, 1335, 1343, 1348, 1362, 1422, 1427, *см.* Польская Коруна и Великое Княжество Литовское.
Литовской рубежъ, 538, 539, 860.
Литомышль, гор. (Leutomischl въ Богеміи) 866.
Лихаревъ Иванъ 1211.
Лихаревъ Василій, Вологжанинъ, сынъ боярской, 1211, 1213, 1215, 1216.
Лихоревъ Гридя 182.
Лобановъ - Ростовской князь Иванъ Семеновичь, воевода Ругодивской, 651, 660.
Лобановъ-Ростовской князь Өедоръ Михайловичь, воевода въ Перновѣ, 813, 816.
Лобанъ, *см.* Бортеневъ.
Ловейко Михайло 932—935, 948.
Ловица, замокъ 643.
Ловичь, городъ 949.
Лодвикъ, намѣстникъ, 880.
Лодвикъ Владиславовъ сынъ Угорскаго Короля, 536, 537, 565.
Лодыгинъ Семейко 630.
Лозоштинъ Юрьи 758, 759.
Локренсіаны 366.
Лопотъ Янъ, намѣстникъ въ Дрысѣ, 862.
Лотринъ 1437.
Лугвица, *см.* Прозоровской.
Лукашъ Павлусовъ сынъ Магнуса 1049, 1058, 1067 — 1070, 1075, 1076, 1079, 1096, 1098, 1101, 1102, 1104, 1106, 1108, 1113, 1114, 1116, 1123, 1124, 1128, 1130, 1131, 1132, 1138, 1140, 1141, 1146, 1149 — 1155, 1168, 1170, 1172, 1174, 1188, 1197, 1198, 1201, 1207, 1210, 1226, 1282, 1363, 1368, 1370, 1381, 1383, 1384, 1413, 1417, 1418, 1423.
Луки, городъ 569, 785.
Лутцкой городъ 170.
Лыковъ князь Михайло Юрьевичь 727. 742,
Львовъ, городъ 950.
Лѣнаторгъ, мѣсто 93.
Любимъ, *см.* Люблинъ.
Люблинецъ, городъ 865.
Люблинъ, городъ 1138.
(**Любекъ**) Любокъ, Любка, Любки, 8, 13, 18, 20, 22, 46, 47, 55, 60—65, 69, 86—90, 98—102, 104—106, 115, 155, 168, 593, 649, 796, 828, 830, 832, 833, 949, 1076, 1077, 1085 — 1087, 1100, 1101, 1220, 1221, 1240, 1345, 1410, 1432.
Людко Креминъ, корабленникъ, шкиперъ 711, 713.
Ляцкой, Лятцковъ, Иванъ Васильевичь, сынъ боярской, 256, 337, 338.
Ляцкая земля 949, *см.* Полская земля.
Ляцковъ Иванъ, *см.* Ляцкой.

Мавренбрукъ Стеллеръ, *см.* Бургштеллеръ.
Маврецъ, Маврикъ, *см.* Бургштеллеръ.
Магметъ Аминъ 288.
Магметъ-Кирей 921, 940, 942, 969, 1000, 1040, 1041, 1043, 1119.
Магнусъ Король Ливонскій, Арцымагнусъ, 560, 570—572, 593, 594, 612, 613, 618—622, 647—649; титулъ его: 582—573, 621, 647.
Магнусъ Павелъ, Павлусъ 497, 515, 520, 548, 654, 727, 743, 924, 931, 1049, 1081, 1099, 1145, 1146, 1170, 1188, 1197, 1198, 1211, 1212, 1214, 1217.
Мадругъ, Кардиналъ 1437.
Мазовецкая земля 791, 806, 808, 865.
Маиденъ, городъ 829.
Македонія 366.
Максимиліянъ I, Максимьянъ, (сынъ Фредерика III, Король Римскій, потомъ Императоръ) 14, 16—19, 24—35, 37, 38, 40—43, 50, 58, 59, 61, 63, 64, 68, 70, 72, 78, 79, 82—84, 86, 89—97, 99—107, 111, 115, 119, 123, 127, 131—133, 135, 136, 138—148, 150, 151, 154, 156, 157, 175—177, 187, 544, 767—769, 996, 977, 981, 986, 1321; титулъ его: 26, 37—39, 66, 68—70, 108, 116—118, 140, 143, 152, 154, 217, 316, 341, 362, 370.
Максимиліянъ II, Цесарь, 487, 490—492, 494—502, 504, 505, 507, 512, 513, 515, 517—519, 534—537, 541, 542, 543—549, 553—559, 561, 568, 570, 573, 577, 578, 581—589, 591—595, 599, 600, 602, 603, 605, 607, 613—618, 620, 623, 635, 639, 642, 643, 646, 648, 649, 651, 660, 662, 666, 668—672, 675, 678, 679, 681, 683—701, 703, 704, 712, 715, 720—723, 729, 736, 739, 757, 758, 787—789, 793, 837, 846, 872, 889, 911—914, 945, 947, 953, 977, 981, 986, 987, 989, 996—998, 1005, 1006, 1009, 1011, 1015, 1018, 1024, 1050, 1051, 1054, 1061, 1062, 1066, 1088, 1089, 1092, 1094, 1133, 1182, 1303, 1321, 1323, 1357, 1389, 1406, 1407; титулъ: 491, 501, 515, 546, 585—587, 635, 639—640, 649, 652, 661.
Максимиліянъ, (сынъ Императора Максимиліяна II, братъ Императора Рудольфа), 676, 680, 704, 756, 760, 830, 889, 950, 960, 961, 963—965, 971—974, 976—981, 983—993, 995—1002, 1007—1011, 1013—1020, 1035, 1037—1040, 1044—1046, 1048, 1049, 1052, 1053, 1055—1060, 1062—1068, 1074—1076, 1081, 1082, 1090—1096, 1100, 1102, 1104, 1114, 1116—1118, 1124, 1125, 1128, 1129, 1131, 1132, 1134—1138, 1140, 1141, 1146, 1148, 1152, 1156—1166, 1168, 1170, 1174, 1181, 1183—1185, 1191, 1197, 1198, 1204, 1206, 1207, 1210, 1222, 1229, 1231—1233, 1256, 1258, 1260, 1261, 1278, 1315, 1316, 1328—1330, 1335, 1336, 1344, 1357, 1378, 1408—1410, 1418, 1420, 1426, 1431, 1432, 1438, 1446, 1452, 1459, 1460; титулъ: 974, 976, 981, 995, 1014, 1037, 1046, 1060, 1128, 1140, 1146, 1198, 1207, 1223, 1229, 1378.
Максимовъ Сенька 123, 124.
Максимьянъ, *см.* Максимиліянъ.
Малхеръ Цыпсеръ, слуга Сапѣги, 1250.
Малыій, *см.* Щекинъ.
Малый, *см.* Истома.
Малый Юрьи, казначей, 211, 216, 223, 233, 262, 263, 268, 273, 290, 292, 304, 361, 391, 413, 470, 472.
Малый Юшко 50, 52, 56, 57.
Малый Грекъ 114.
Мамалуки 414, 420.
Мамлѣй, дворянинъ Русской, 679, 680, 703, 704.

Мамоничъ Кузма, Датскій купецъ, 831.
Мамоновъ Янъ Бахтиста, коморникъ папинъ, 880, 882.
Мамчинъ Николай, служебникъ, 861.
Манисъ, князь Мекхелборской, 88.
Мантовъ, городъ (Мантуа) 885, 1135.
Мань князь 75, 88.
Мараской, *см.* Мракси.
Марескои, *см.* Мракси.
Маретской, *см.* Мракси.
Мари Петръ, намѣстникъ, 875.
Марія, сестра Рудольфа II, 951.
Марко Антоньевъ, намѣстникъ, 874.
Марковъ, гетманъ, 875.
Маркрабій 6, *см.* Альбрехтъ.
Маркусъ, Нѣмецъ, 713.
Мартиновъ Олбрехтъ 323, 339.
Мартинъ Муглицынъ 954.
Мартынъ, *см.* Страдомскій.
Марья, *см.* Марія,
Матвѣевъ, Петрушка, Смолнянинъ, торговой человѣкъ, 1419.
Матвѣйко Ляхъ, 164.
Матилина 366.
Матіашъ, (Матѳей Король Венгерскій) 19, 63, 93, 94, 103, 107, 161—165, 169, 171; титулъ: 165, 171.
Матушъ, *см.* Нарбутъ.
Матѣевскій Николай, воевода Любельскій, 575.
Матѣюсъ, Матіясъ, Матіашъ, Матьяшъ сынъ Императора Миксимиліана II, братъ Рудольфа, 676, 704, 756, 760, 761, 830, 889—891, 950, 1345, 1357, 1410, 1412.
Матьятъ, посланникъ 957.
Махметъ, Салтанъ, 368.
Мацература городокъ (Macerata въ Италіи) 880.
Мегеръ, *см.* Мейгеръ.
Медіаланъ, городъ 812.
Мейгеръ, Захарей Мегеръ, 1077, 1087, 1096, 1136.
Мелецкій Станиславъ 863.
Меми-бекъ, князь Турецкой, 1441—1443.
Меми, князь Гранской, 1443.
Мемль, городъ 667.
Менгли Гирей, Царь Крымскій, 159, 166, 170, 323, 339, 349.
Менцъ, бискупъ, 13.
Меншей, Меншикъ Путятинъ, дьякъ, 196, 197, 203, 204, 211 215, 216, 218, 223, 224, 226, 227, 233, 234, 239, 246, 248, 249, 254, 255, 257, 259, 260, 262, 268, 273, 281, 282, 283, 285, 287, 290, 298—300, 302, 304—306, 312, 315, 360, 361, 374, 376, 379, 383, 391, 396, 397, 407—409, 412, 413, 419, 420, 424, 425, 428, 429, 432, 435, 442, 450, 451, 463, 465—467, 470, 478, 479.
Мерзвинской Мартынъ, подстаростей, 1105.
Месопотамія 367.
Метъ, городокъ (въ Баваріи) 866.
Меха 367.
Мехленъ, городъ въ Брабанской землѣ 760.
Мещениновъ, *см.* Мѣщаниновъ.
Мещерская земля 289.
Мизія, меньшая и большая, 366.
Мизія 367.
Микита Ивановъ сынъ Карповъ 259.
Микула 123.
Минскъ 887, 949.
Мировъ, городъ (Mähr въ Моравіи) 866.
Мисюрь, *см.* Мунехинъ.
Мисюря, воевода Польской, 338.
Михайло Ишпанъ Десперели 94.
Михайло Юрьевъ сынъ Захарьича, дворецкой Тверской, 196, 197, 259, 260, 262, 264, 268, 276, 278, 290, 292, 360, 429, 470.
Михайло Снупсъ 105, 108—114.
Михайло, посолъ 82, *см.* Яропкинъ.
Михайло Константиновъ, дворецкой, 124.

Михайло, Тферской Князь Великій, 169.
Михайло, см. Кубенской.
Михайло князь, см. Ростовской.
Михайло Непейцынъ 180.
Михайло Олсимовъ 126.
Михайло, см. Катыревъ.
Михайло, см. Шель.
Михайло, торговый человѣкъ Рижскій, 666.
Михайловъ Гаврилко, Оршанской земецъ, 486.
Михайловъ Андрей, Псковитинъ, 1423,1424, 1427.
Михаилъ, слуга Сапѣги, 1250.
Михель Шмель, Михелъ Мшелъ, Нѣмецъ, 1190, 1217.
Миховъ, см. Мюнхенъ.
Мицкій Николай 575.
Мишка Семеновъ 151.
Мишковскій Петръ 214.
Мниховскій Олбрехтъ 14.
Мнъмъ, городъ 754.
Модонъ 198.
Можаескъ, городъ 212, 425, 483, 502—506, 511, 532, 562, 567, 586, 569, 573, 574, 607, 615, 618, 963, 1255, 1257.
Моклоковъ Микита 184, 315.
Молвяниновъ Яковъ Семеновичь, посланникъ, 841, 842, 844, 846—856, 858, 860—888, 895, 897, 898, 900, 901, 903, 952.
Молодавскій Касперъ 630, 631, 665.
Монастыревъ Семейко 630, 631.
(Моравія), Мурованы, Моравская Муравская земля, 93, 340, 865, 866, 1160.
Моравская земля, см. Моравія.
Морвай, городъ 94.
Морозовъ Иванъ Григорьевичь, окольничей и намѣстникъ Великаго Новгорода 173.
Мосальской князь Василей 778, 808, 856.
Москва. городъ I—V.
Москва, рѣка 511, 1258.
Московскія мѣста 606, 730.
Московская земля, Московское Государство, 23, 610, 560, 562, 563, 566, 580, 581, 611, 738, 1072, 1073, 1077.
Мосолинской Яронимъ 575.
Мракси (Mraxi) Петръ, Мараской, Мареской, Маретскій, Мурачикъ (посланникъ Максиміліана къ Великому Князю Василію) 197, 206, 217, 310.
Мста 25, 124.
Мстиславской князь Иванъ Ѳедоровичь, бояринъ и воевода береговой, намѣстникъ Владимерской, 514, 515, 1263, 1266, 1311, 1354, 1400.
Мукъ Юрій, намѣстникъ, 813, 814.
Мунехинъ Мисюрь, дьякъ, 175, 176, 196, 211.
Муравская земля, см. Моравія.
Муратъ Кирѣй 969, 970, 992, 1000, 1041—1043, 1072, 1073, 1107, 1119—1122, 1186.
Муратъ, Салтанъ Турской, см. Амуратъ.
Мурачикъ Петръ, см. Мракси.
Мутьянская земля 761.
Мушатъ, посланникъ Стефана воеводы, 80, 90, 93, 94.
Мурованы, см. Моравія.
Мышковской Петръ 575.
Мѣщаниновъ-Морозовъ Григорей Ивановичь, воевода, 1107, 1113.
Мяртовъ, Лаврецъ 817.
(Мюнхенъ) Миховъ 867.
Мѣнскъ, см. Минскъ.
Мѣховъ мѣсто 949.

Нагай, *см.* Ромадановскій.
Нагайская Орда, *см.* Ногайская Орда.
Нагово, Нагой Оѳонасей Ѳедоровичь, дворянинъ и намѣстникъ Новоторжскій, 533, 536—540, 542, 544, 547, 549, 557.
Назареѳъ 367.
Назарко Семеновъ 1212.
Намысловъ 1163.
Нарбатъ, Нарбутъ, хорунжій Бряцловской, 599, 1138.
Нарушевичь Николай 580.
Наръ, городокъ (Narni въ Италіи) 880.
Наталіа 367.
Нача, городъ 1251.
Неапольское Королевство, Неопалитанская земля, 130, 892.
Невгинъ, городъ 862.
Недерландъ, *см.* Нидерланды.
Некрасъ Редровъ 126, 127.
Некштинъ, городъ въ Поморской землѣ 1114.
Немпали Пѣтирь 94.
Неопалитанская земля, *см.* Неапольское Королевство.
Непеицынъ Михаль 180.
Нереберхъ, *см.* Нюренберхъ.
Неъловъ 1002, 1003.
Неъловъ Иванъ Елизаровъ сынъ, Дорогобуженинъ, 962, 964, 966.
Неѣловъ Филиппъ 487.
Нибстичь Николай 272.
(Нидерланды) Недерландъ, Недерлянская земля, Идерлянская земля, 760, 829, 830, 890, 891, 1426.
Никита князь, *см.* Ростовской.
Никлоушъ Арманъ 94.
Никлясъ Изарской 668.
Никола Ишпанъ 94.
Николай Любчанинъ 416, 420.
Николай Поплева, Поплевъ, *см.* Поппель.
Николай, сынъ Юрья Сницпамера, 176.
Николай, Никола Зимонтъ, Николай Депонтъ, князь Венецѣйской, 850, 875, 878, 890, 892, 893, 904;—титулъ: 904.
Никонъ, *см.* Ушаковъ.
Нилсковъ, дьякъ Датск., 823.
Нилъ 367.
Ноберькъ, *см.* Нюренберхъ.
Новая Петрина, городъ Турецк. 1257, 1274.
Новгородокъ 962, Ливонской 1004, 1005, 1109, 1466.
Новгородская земля, *см.* Новгородъ Великій.
Новгородская болшая дорога 569, 570.
Новгородскія мѣста 830.
Новгородской уѣздъ 1338.
Новгородъ Великій, Новгородцкая земля, 7, 13, 23—25, 48, 50, 59, 61, 62, 81, 94, 95, 101, 102—114, 120, 123, 124, 131, 132, 134, 135, 138, 139, 143, 147—150, 154, 157, 158, 173, 212, 265, 293, 496, 511, 564, 608, 656, 718, 726, 729, 771, 1024, 1025, 1069, 1070, 1106—1109, 1113, 1306, 1307, 1313, 1328, 1339, 1350, 1396, 1402, 1407, 1456.
Новгородъ Сѣверскій 455.
Новое торговище 1398.
Новосильцовъ Лука, Лукьянъ, посланникъ, 582, 584, 627—629, 909, 911, 912, 914—922, 924, 926—929, 932, 934—942, 945, 946, 952, 955, 1007, 1015, 1024, 1025, 1052, 1062, 1081, 1089.
Новый городокъ въ Италіи 881.
Новый городокъ 1441.
Новый градъ 1434.
Новый рядъ 25.
Ногайская Орда 610, 751, 857, 922; Казыева улуса: 1120;—Заволожская: 1121, 1265; Нагайскія орды: 991, 1000.
Ногайская сторона 1121.
Нона, рѣка (Jnn) 885.
Нопшицъ, Нопчицъ (Nobschütz)

1144, 1149, 1179, 1242, 1270, 1284, 1298, 1367, 1417, 1429, 1440, (*см.*Варкочъ).
Норберкъ, *см.* Нюренбергъ.
Норенберхъ, городъ, *см.* Нюренбергъ.
Нуберхъ, монастырь на Дунаѣ 754.
Нѣмецкая земля 112, 152, 526, 539, 552, 726, 796, 797, 867, 874, 1103, 1154, 1157, 1161, 1231, Нѣмецкія земли 1241.
Нѣмецкая Рѣчь 793, 1024.
Нѣмецкая рѣчь Римскаго Царства 794.
Нѣмецкія Государства, Государства Нѣмецкого чину 796.
Нѣполомицы (близъ Кракова) 950.
(Нюренберхъ) Норберкъ, Норбергъ, Ноберькъ, Нереберхъ, Норенберхъ 1, 3, 4, 14, 54—56, 64, 65, 68, 80, 829, 1133.
Няигиля, городъ 667.

О.

Обатура, Обатуръ, *см.* Баторій.
Оболенской князь Иванъ, толмачь, 1139.
Оболенской Ѳедоръ Васильевичь князь Телепневъ, сынъ боярской, 256, 337.
Оботура, Оботуръ, *см.* Баторій.
Образецъ, *см.* Вахромѣевъ.
Обстъ Исуфъ, Турнейскій Графъ, 699.
Обь, рѣка 110, 111, 922, 939, 1043, 1121.
Оварское царство 1108.
Овенъ, городъ, *см.* Офенъ.
(Одеръ, рѣка) Адра, Одра, 706, 1441, 1442.
Одинецъ Андрей, дьякъ, 26, 161.
Одра *см.* Одеръ.
Ока, рѣка 1264.
Окинѳовъ Андрей Михайловичь, 1257—1259, 1261, 1262, 1264—1266, 1271, 1275, 1276, 1278, 1285, 1295, 1352, 1354—1356, 1412—1414, 1419, 1422.
Олбрехтъ, Полякъ 349.
Олбрехтъ, Прусской князь, 667.
Олебрехтъ, сынъ Казимира, *см.* Альбертъ.
Олбрехтъ, Маркрабій Падноскій, *см.* Альбрехтъ, Маргрфъ Баденскій.
Олбрехтъ Мартиновъ, панъ, 323, 339, 349.
Олбрехтъ Миховскій, 14.
Олдрихъ, Маклиборской князь, 824.
Олександровъ Ѳедоръ, дьякъ въ Вологдѣ, 1212, 1213. 1215.
Олена, Великая Княгиня (сестра Василія Іоанновича за Александромъ Королемъ Польскимъ) 264, 265, 279, 282, 284, 285, 379, 380, 382, 386, 404—407, 444.
Олехновъ Гриша, служебникъ, 862.
Олешка Голохвастовъ 34.
Олешка Ситцкой 410.
Олимпіаны 366.
Оллеръ, Мелхеборскій князь 868.
Олмъ, городъ, *см.* Ульмъ.
Оломонцъ, Оломонецъ, городъ, *см.* Ольмюцъ.
Олферьевъ Романъ, казначей 513.
Олштинская земля, *см.* Гольштейнъ.
Ольбрехтъ, братъ Владислава Короля Чешскаго 107, *см.* Альбертъ.
(Ольмюцъ) Оломонцъ, Оломонецъ, 866, 886.
Онконъ, *см.* Анкона.
Онтонъ, *см.* Антонъ.
Опотской рубежъ 193.
Опотцкая земля 991 1000.
Опочка, Псковской украинской пригородокъ, 193, 250, 256—258, 323, 329, 337, 338, 348.
Ортоменіаны 366.

Орша, городъ 177, 178, 181, 182, 183, 207, 339, 479, 481, 486, 496, 541, 573, 574, 625, 860, 861, 887, 961, 964, 971, 973, 1003, 1029—1031, 1047, 1048, 1082, 1083, 1249—1251, 1414, 1415.
Орѣшокъ, пригородъ, 511, 608.
Осафъ Жидовинъ, *см.* Іосифъ.
Ослеръ Яковъ, Докторъ, 173, 176, 318.
Остана, подьячей, 195.
Осорьинъ Иванъ Ивановичь, 1116, 1211, 1215—1218, 1222.
Остикъ Юрьи Юрьевичь 580.
Островской Петръ, подстаростей, 862.
Островъ, городъ 823.
Острожскій князь Константинъ, воевода и гетманъ, 250, 256, 257, 323, 328, 336, 337, 348, 349.
(Офенъ или Буда) Будино, Budинъ, Овенъ, 64, 65, 91, 1275 1425, 1445.
Очаковъ 895.
Ѳѳонасей Ѳедоровичь, *см.* Нагово.
Ѳѳонасей, *см.* Резановъ.

П.

Павелъ, Докторъ, 344, 347, 349—352, 355—357.
Павелъ, *см.* Курка.
Павелъ, человѣкъ папы Григорія, 843.
Павелъ 900.
Павелъ Сыксъ, съ Драуценъ 944.
Павелъ Трауцынской, Трауцерской, *см.* Трауцеръ.
Павлусъ, *см.* Магнусъ.
Падва, городъ 14, 875, 878, 879.
Падвъ, *см.* Баденъ.
Палеологъ 17.
Палестина 377.
Пальфи Микола 1444.
Пантелеймонъ, посланникъ, 175.
Панфи Якобъ 94.
Панфилія 367.
Пардовицы, городъ (Пардубицъ въ Богеміи) 866.
Парисъ, городъ (Парижъ) 1358.
Партель Партугалевъ, Мемльской державецъ, 667.
Пафлагонія 367.
Паца Доминикъ 580.
Паца Николай 579.
Паца Павелъ 579.
Паца Станиславъ 579, 861.
Паюсовъ Болдырь, дьякъ, 119, 144—146, 150.
Пелзенъ, городокъ (Пильзенъ въ Богеміи) 867.
Перколи, городъ 648.
Пермь, гор. 922, 939, 1042.
Перновская лахта 714.
Перновъ, гор. 525, 552, 572, 573, 595, 620—624, 706—708, 710—714, 718, 727, 743, 748, 753, 772, 782, 783, 800, 813, 814, 815, 817, 834.
Персидское Государство, Кизилбаши, 941, 991, 1027.
Перстень, Бярнестенъ, Бярнештинъ Вратиславъ, воевода, бояринъ, канцлеръ Цесарскій, 753, 825, 866.
Перфирьевъ Нечай, дьякъ, 816.
Пестовъ Петръ, дьякъ, 634, 814.
Петроковъ, гор. (Петрикау въ Ц. Польскомъ) 865.
Петръ князь, *см.* Татевъ.
Петръ, бискупъ Тергисенскій, 344 345, 352.
Петръ Михайловичь, бояринъ и намѣстникъ Новгородскій, 24, 48, 59, 62, 99.
Петръ Великій, намѣстникъ Псковскій, 176.
Петръ Головинъ 413.
Петръ Ряполовскій князь 195.
Петръ, *см.* Мракси.

Петръ, *см.* Мишковскій 214.
Петръ, Волошскій воевода, 894.
•**Петръ**, толмачь, 682, 687, 688, 690, 697, 699, 702, 703, 704.
Петръ Яновичь, посланникъ 214.
Печеры, Печора, 1101, 1104.
Печи, бискупъ, 94.
Пивовъ Романъ Михайловичь, думной дворянинъ, 1331.
Пизаурумъ, гор. (Pesaro въ Италіи) 880.
Пикинъ Васюкъ Михайловъ сынъ 59.
Пиръ, Епиротаньскій Царь, 221.
Писемской Өедоръ Андреевичь 1115—1118, 1122, 1123, 1139.
Писидидія 367.
Питѣевичь Юрій, бискупъ Жемоитской, 579.
Плавенстейнъ, гор. 1443.
Платененсеаны 368.
Племянниковъ, *см.* Володя.
Племянниковъ Демешка, подьячей, 340.
Плетень Өедоръ 631.
Плетневъ Өедоръ 665.
Плещеевъ Андрей Михайловичь, бояринъ, 26.
Плещеевъ Василій Тимоөеевичь, 1352.
Плещеевъ Иванъ Дмитріевичь, воевода въ Юрьевѣ Ливонскомъ, 816.
Плотничья слобода 503, 511.
Пневъ 1414.
Повадинъ Юрья Хозюкъ 25, 26.
Поводъ, *см.* Кологривовъ.
Поджегинъ, *см.* Шигона.
Поджегинъ Иванъ 959.
Подойскій Клибанъ (гонецъ Баторія къ Императору Рудольфу) 828.
Подольская граница 528, 554.
Покай Пѣтирь 94.
Поки Пѣтирь 94.
Поклонная гора 357.
Полата, крѣпость 1434.
Полопоменская страна 366.
Полоцкъ, Полотцкъ, Полтескъ, Полотескъ, украинной городъ, 193, 264, 270, 274, 277, 278, 322, 337, 602, 634, 635, 640, 656, 685, 777, 778, 792, 807, 808, 827, 861, 862, 1133.
Полска 629, *см.* Польша.
Полтевъ Павликъ, Литвинъ, 860.
Полтевъ Иванъ, сынъ боярской, Смолнянинъ, 960.
Полубенской князь Александръ 594, 595, 618—620, 622, 623, 630.
Польская земля, Польское Королевство, Лятцкая земля, Лятцкое Государство, 329, 337, 340, 368, 522 — 526, 551, 556, 578, 638, 641, 825, 886, 949, 953, 958, 964, 1028, 1033, 1035, 1049, 1068, 1096, 1114, 1165, 1166, 1188, 1225, 1232, 1256, 1260, 1329, 1335, 1425, 1427.
Польская Коруна и Великое Княжество Литовское 483, 526, 527, 534, 541, 550, 552, 553, 559, 560, 562, 563, 566, 567, 573, 574, 576, 580—583, 588—591, 597—600, 602, 603, 606, 607, 611, 626—628, 637, 641—646, 653, 654, 657—659, 686, 731, 738, 739, 790, 793, 806, 807, 988—992, 997—1001, 1004, 1006, 1008, 1009, 1011, 1014, 1016—1018, 1026 —1028, 1030, 1032—1035, 1039, 1043—1047, 1049, 1051, 1053 — 1055, 1057, 1061, 1063—1066, 1074, 1078, 1081, 1083, 1088 — 1094, 1096, 1097, 1117, 1118, 1125, 1131, 1132, 1135—1137, 1147, 1148, 1151—1153, 1156, 1160, 1182 — 1185, 1188, 1199, 1223, 1226, 1253, 1260, 1261, 1310, 1316, 1318, 1330, 1331, 1335, 1336, 1344, 1348, 1399, 1408, 1410, 1414, 1418, 1438, 1439.
Польская, Полская граница 528, 554, Полской рубежъ 948.
(**Польская** Рада) 575, 576.
Польша, Польца, Полша, Полска, 524, 551, 629, 781, 978, 1048, 1091,

1134, 1135, 1148, 1151, 1160, 1161, 1199, 1224, 1232, 1422, 1427.
Поморская земля 664, 709, 711, 1103, 1114.
Поморскіе городы 832, 838.
Понтъ 367.
Понслетъ, городъ 888.
Поплева, *см.* Поппель.
Поплевинъ Иванъ, намѣстникъ въ Новѣгородѣ 173, 187.
Попова деревня 1123.
(Поппель, посланникъ) Николай Поплева, Поплевъ, 1, 13, 15, 16 18, 52, 56—58.
Португальское Королевство 830, 891, 892, 1357.
Порывкинъ Сидоръ 1187.
Посникъ Дмитреевъ 1124, 1139.
(Поссевинъ) Поссевинусъ Антоней 840—845, 847, 848, 852, 853, 855, 859—867, 872—876, 879, 881—885, 887, 888, 897—900, 924, 952, 956.
Посъ, городъ (Пассау) 885.
Потемкинъ Ѳедоръ 782, 783, 961, 962.
Прага I—V., *см.* многія грамоты Императоровъ.
Пражка на Польскомъ рубежѣ 946.
Приклонскій Колупай 356.
Прозоровскій Лугвица 182, 183, 185, 186.
Прокофьевъ Данило, подьячей, 508,
Прокудинъ Ивашко 410.
Пронковъ Василій, Литвинъ, 863.
Прошекъ (Prosseg) 516, 517, 547, 636, *см.* Кобенцель.
Прусская земля 500, 536, 542, 593, 949, 1103, 1136.
Прусскіе городы 270.
Прусской рубежь 667.
Прусъ Юрьи, Датцкаго Короля приказщикъ, 832.
Псковъ, Псковская земля, 9, 10, 12, 24, 95, 120, 121, 134—137, 139, 147—149, 157, 158, 175, 213, 215, 265, 293, 569, 726, 771, 1024, 1025, 1069, 1076, 1083, 1084, 1086, 1087, 1100, 1101, 1104—1113, 1220, 1221, 1234, 1418, 1423, 1464—1466.
Путивль 265, 266, 455.
Путинъ Барбариха 874.
Путятинъ, *см.* Меншей.
Путятинъ, *см.* Суморокъ.
Путятинъ Иванъ, губной староста въ Можайскѣ, 1255.
Пуховъ, мѣсто (Pfaffenhofen въ Баваріи) 867.
Пущинъ Гаврило 649.
Пшонка Христопъ, коморникъ Баторія, 865, 886.

Р.

Раболіо Янъ Бахтиста, Цесарской Нѣмчинъ, 881.
Радивилъ Юрій князь, бискупъ Виленскій, 579, 864, 1184.
Радивилъ Николай Христофъ 580, 625.
Радивилъ Николай Юрьевичь 579, 625.
Радивилъ Криштопъ Николаевичь 626.
Радивилъ Христопъ, Троцкій воевода 863, 864, Виленскій воевода 1184.
Радиминской Станиславъ, воевода Подлясскій, 1310, 1399.
Разборкъ 813, 814, 816, 817, 830, 832, 834.
Размыслъ Петръ 1313, 1402.
Ракузской родъ 531, народъ 549.
Рандежь, потѣшной городъ Цесарской, 823.
Ранзборкъ (Braunsberg въ Пруссіи) 667.
Раубертъ Леонартъ, дворной мармалокъ цесарск., 343, 344, 356, 357.

Рахманинъ Тилилинъ, 184, 188, 315.
(Регенсбургъ) Рушперъ Резнъ, Рензборъ, Рейншпоркъ, 409, 651, 662, 664, 669, 670, 705, 706, 718, 746, 748, 867.
Редровъ Некрасъ 126, 127.
Резановъ Оеонасей Дмитреевичь, Оеоня, 765, 769, 770, 772—784, 817, 818, 820—828, 831—834, 836, 1004, 1012, 1013, 1019, 1020, 1022, 1025 — 1040, 1042, 1043, 1045—1049, 1058, 1067, 1068, 1079, 1081—1083, 1096, 1155.
Резванъ Чеушъ, посл. Турецкій, 1262.
Резнъ, *см.* Регенбургъ,
Рензборъ 867, *см.* Регенсбургъ.
Рейншпоркъ, *см.* Регенсбургъ.
(Рейнъ) Ренъ, рѣка 13, 670.
Релоелецъ Якимъ, Нѣмчинъ, 1190.
Ремеръ Еремѣй, Еронимъ, Ермисъ, 820, 821, 924, 931, 1145, 1146.
Рендингеръ Якубъ 487.
Рентмонстеръ Томасъ 866.
Ренъ *см.* Рейнъ.
Репнинъ князь Андрей Васильевичь, воевода въ Перновѣ, 624.
Ржева 569.
Ржевскій Елизарей 990, 999, 1030, 1033, 1046, 1048, 1049, 1056, 1065, 1066, 1093.
Ржевскій Григорей Никитичь, 1105, 1106—1108, 1109, 1113, 1115.
Ржевской городъ 170.
Рига 208, 211, 542, 570—573, 593—595, 619—621, 623, 624, 630, 633, 644, 649, 665—667, 832, 847, 855, 861—863, 865, 1049, 1076, 1079, 1083, 1084, 1096, 1101, 1104, 1107, 1109 — 1111, 1126, 1219, 1220, 1345, 1410—1412, 1425.
Рижская земля 667, Рижская область 1220.
Римбертъ Гиземгемъ 632, 664.
Римъ 755, 806, 835, 846, 848, 860, 870, 873, 878 — 881, 885, 892, 896, 902.
Римская земля 1148; область 735, 925, 1245; Римское Государство 1025, 1134, 1166, 1187; Римское царство, цесарство 662, 771, 781, 794, 796, 819, 846, 1070; Святое Римское цесарство, царство 663, 748, 794, 835; — *см.* грамоты Императоровъ въ титулахъ.
Рожновскій, панъ, 965.
Розгильдѣй Любученинновъ 1424, 1427, 1445.
Розладинъ Василей 783.
Романовъ Өедоръ Никитичь, намѣстникъ Псковскій, 1294, 1296, 1298, 1301, 1307, 1315, 1319, 1320, 1323, 1327, 1330 — 1332, 1338, 1342, 1348, 1351, 1353, 1354, 1361, 1366, 1368, 1374, 1375, 1380, 1386, 1389, 1393, 1405, 1447, 1454, 1460.
Романъ, приставъ, 666.
Романъ, князь Тюменской 1121.
Ромель Яхимъ, Нѣмчинъ, 1217.
Ромодановскій Нагай, Василій княжъ Семеновъ сынъ, 179, 183.
Рославля, гор. въ Слезской землѣ 90.
Роска, гор. *см.* Ростокъ.
(Роспись Турскимъ городамъ, которые Цесарскіе воеводы взяли, 1443 и слѣд.)
Ростка *см.* Ростокъ.
Ростовской князь Александръ Володимеричь, бояринъ и воевода въ Великихъ Лукахъ и намѣстникъ Новгородской, 193, 212, 256, 258, 338.
Ростовской князь Василій Ивановичь, воевода во Псковѣ, 1100, 1101, 1105, 1106, 1108, 1110, 1222.
Ростовской князь Никита Борисовичь, воевода въ Юрьевѣ Ливонскомъ, 569, 618, 623, 629.
Ростовскій, *см.* Катыревъ.
Ростовъ 1098, 1212.

(Ростокъ) Роска, Ростка, городъ 753, 823.
Роцславъ, гор. 934, 935.
Рубертъ, Анцъ Руберъ, Угорской воевода, 743, 751, 753, 758.
Руголивъ (Нарва) 14, 21, 22, 24, 34, 59, 96, 101, 126, 132, 133, 154, 156, 649, 651, 660, 813, 814, 832, 834, 1012, 1019, 1024, 1068, 1087, 1097, 1308, 1309, 1311, 1312, 1315, 1339, 1345, 1347, 1351, 1389, 1397, 1398, 1400, 1402, 1404, 1407, 1411, 1456.
Рудвербъ, гор. Цесарской, 218.
(Рудольфъ II Король Римскій, потомъ Императоръ) Руделфъ Цесарь, Руделфусъ, 668, 669, 709, 710, 714, 718—724, 726—730, 735, 736, 738, 739, 741—743, 749—751, 755, 759, 760; IV и V. Титулъ его: 714, 719, 724—726, 743, 749, 750, 766, 771, 774—775, 786, 795, 796, 803, 818, 820, 821, 835, 838, 840, 842, 843, 851, 900, 901, 903, 910, 911, 913, 928, 929, 983, 994, 1005, 1021, 1023, 1035—1036, 1050, 1080, 1088, 1098, 1139, 1143, 1144, 1178, 1179, 1192, 1195, 1196, 1200, 1247, 1270, 1297, 1359 — 1360, 1364, 1371, 1385, 1416, 1428, 1430, 1451, 1457.
Русинъ, *см.* Бортеневъ.
Русская земля 153, 664; Русское Царство, Государство 779, 809, 837.
Рушпоркъ 109, *см.* Регенсбургъ.
Рындовъ Николай 669.
Рыковатъ городъ (Recanati въ Италіи) 880.
Рѣчь посполитая: Нѣмецкая 516, 796, 797, 1176, 1230; Римская 531, 556; Польская 1160.
Рюма Рубцовъ, конюшенной приказчикъ, 1115, 1122, 1123.
Ряполовскій князь Петръ 195.

С.

Саадетъ Кирей, 969, 992, 1000, 1041, 1119, 1120, 1122.
Сабарія, городъ и торгъ 93.
Сабатка, Собатка, Заботокъ (на р. Завѣ, на границѣ Австріи и Турціи) 1434, 1443.
Сабуровъ Андрей, намѣстникъ Псковскій, 176, 215.
Сабуровъ Богданъ Юрьевичь, бояринъ и воевода Смоленской, 959, 960, 964, 1003.
Сагасаръ, гор. 888.
Саедръ Иванъ, слуга Делатора 54, 55, 58.
Саиръ Волстейнъ 826.
Сакварь, гор. (Szatmar въ Венгріи) 888.
Саксонская земля, Сасская, Сацкая земля, 92, 773, 801, 849, 1437.
Сакулинъ Иванъ, сынъ боярской, 965.
Салентіюсъ, курфирстъ Каленскій, 675, 676, 680, 681.
Салимъ-Шахъ, Салтанъ, 365, 367, 368, 375, 377, 380.
Саломоно Захарей 877.
Салтыковъ Иванъ 182, 183, 185, 188, 190.
Салтыковъ Василій 193.
Салтыковъ Михаилъ, окольничей и намѣстникъ Суздальскій, 1312, 1338, 1401.
Самія 366.
Самондина 366.
Сапунъ Аврамовъ, *см.* Аврамовъ.
Сапѣга Андрей Ивановичь, Оршанскій староста, 1249, 1250.
Сапѣга Левъ (послан. Баторія къ Ѳедору Іоанновичу 920, 941.
Сапѣга Павелъ 580.
Саркай Ласловъ (Влаславъ) 94.

Сарматская земля, Сармація 366, 1232.
Сасская земля, Сацкая земля, *см.* Саксонская земля.
Сатинъ Смага 479.
Сафа-Кирѣй 969, 992, 1001, 1041, 1043, 1122.
Свабская земля 102, 1135.
Свединская, Свендійская земля, 528, 554.
Свіязевъ Захарей, разрядный дьякъ, 990, 999, 1030, 1033, 1046, 1048, 1049, 1056, 1065, 1066, 1257.
Свія, *см.* Швеція.
Свѣйская земля, Свѣйское Королевство, *см.* Швеція.
Свѣйкое море 823.
Свѣя, *см.* Швеція.
Северліюсъ Янъ Бабтыста 487.
Седмиградцкая земля 782, 812, 830, 859, 860, 864, 894, 925, 951, 952.
Сейдахметъ Мурза 1072.
Сейтякъ князь 1122.
Селанская земля 760.
Селиванъ, Селя, толмачь Нѣмецкой, 123—125, 144.
Селя, *см.* Селиванъ.
Селяниновъ Томила 648.
Семенъ Борисовъ сынъ Трофимова, дьякъ, 470, 471.
Семенъ (гонецъ Іоанна III въ Ревель) 23.
Семенъ князь *см.* Звенигородскій.
Семенъ князь *см.* Черкасскій.
Сеногай, Сеной. (Sinigaglia въ Италіи г.) 880.
Сеной, *см.* Сеногай.
Сенька Александровъ сынъ Максимова 123, 124.
Сенявскій, воевода Русской (въ Польшѣ) 896.
Сербія, Сербская земля, страна, 103, 198, 366.
Сергѣевъ Елка *см.* Елка.
Сергѣевъ Матвѣй 1075.
Серитейнъ, Карлъ фонъ-Серитейнъ, Максимиляновъ думецъ, 1124, 1127, 1132.
Серхинь, городъ 1143.
Сеславинъ Павелъ 1234.
Сецыйгнѣвскій Денисій 575.
Сеферших ъ, Сефершахъ, гонецъ Крым. къ Ѳедору Іоанновичу 921, 140.
Сибирь, Сибирская земля, Сибирское царство 921, 922, 938, 939, 1042, 1073, 1121, 1122.
(Сигизмундъ Эрцгерц. Австрійскій) Зизмонтъ князь Австрьскій, 105, 108—112, 114; титулъ: 111, 112, 242.
(Сигизмундъ, Маркгр. Бранденбургскій). Жидимантъ Маркрабій Бранборскій, 12.
(Сигизмундъ Августъ Король Польскій), Жигимонтъ, 153.—II.—520, 547, 557, 576, 641, 646, 656, 731, 787, 1005, 1050, 1061, 1088, 1182.
(Сигизмундъ III.), Жигимонтъ Король Польской, 1083, 1188, 1250, 1253, 1260, 1261, 1265, 1273, 1301, 1306, 1307, 1310, 1311, 1314, 1315, 1317, 1318, 1326, 1329, 1332, 1336, 1338 — 1340. 1344, 1348, 1350, 1388, 1395, 1396, 1399, 1400, 1402 — 1405, 1408, 1415, 1427, 1455; титулъ: 1250.
Сигмантъ Вигайзапръ 681, 683.
Сикстусъ Седьмой, *см.* Сикстъ.
Сикстъ VII, папа, 1366 — 1368, 1447, 1448.
Сиксъ, городъ 1135.
Сименевскій, панъ, 1138.
Сила, намѣстникъ, 875.
Силисія 367.
Синайская гора 367.
Синанъ паша, 1425, 1434, 1444.
Синанъ, князь Ецынской, 1443.
Синявской Еронимъ 576.
Сираковскій Янъ. 575.
Сиропія 366.
Сирская земля 367.

Сисей, крѣпость 1434.
Сислокъ, городъ 1434.
Ситницкій Бернатъ 665.
Ситцкой Олешка 410.
Ситцкой, *см.* Сицкой-Ярославской.
Ситцкой-Ярославской князь Василій Андреевичь, бояринъ и намѣстникъ въ Можайскѣ, 482, 490, 491, 493, 501.
Ситцкой-Ярославской князь Иванъ Васильевичь, стольникъ и намѣстникъ Нижегородскій, 792, 807;—бояринъ и намѣстникъ Ржевской 1142, 1178, 1179, 1191, 1193;—намѣстникъ Нижегородской 1284, 1296, 1298, 1299, 1302, 1308, 1331, 1353, 1361, 1374, 1380, 1386, 1389, 1454, 1460.
Сицылія, островъ 892.
Скверневичи, городъ, Скверневицы (*см.* Скѣрневице въ Ц. Польскомъ) 865, 932.
Скиѳы или Тартарія 367.
Скобелцынъ Константинъ, сынъ боярской, 960.
Скобѣевъ, *см.* Смирной.
Скопіа 366.
Скровной, городокъ 862.
Скрыпицынъ Смердъ Гришинъ сынъ 435.
Скуминъ, державецъ въ Оршѣ, 1082, 1083.
Славонская земля, страна, 198.
Сладердорпъ Иванъ 1167.
Сландоуръ Иванъ 1187.
Слезская земля 90.
Слешской рубежъ 1135.
Служевскій Янъ 575.
Слупицкій Станиславъ 576.
Смага Сатинъ 479.
Смедерево, городъ въ Сербской землѣ 103.
Смердъ, *см.* Скрыпицынъ,
Смирной Скобѣевъ, дьякъ въ Смоленскѣ, 960, 1003, 1047.
Смоленская граница 494.
Смоленскъ, Смоленескъ 177—179, 181—183, 188, 190, 207, 212, 215, 218, 242, 243, 246, 265, 278, 280, 283, 287, 289, 293, 297, 300, 303, 309, 313, 339, 400, 405, 406, 410, 416, 429; украиной городъ 435, 455—457, 460, 463, 469, 474, 475, 479, 481—485, 487 491, 540, 565, 567—569, 573, 574, 625, 860, 887, 917, 927, 959—962, 964, 971, 973, 1002, 1003, 1028, 1029, 1031, 1046—1048, 1082, 1083, 1249—1256, 1413, 1414, 1419.
Сниппамеръ Юрьи, посланникъ, 176, 228, 229, 233, 235, 270, 271, 286, 296, 305, 317, 331.
Снопскій Сила, Литовскій дворянинъ, 1056, 1066.
Собакинъ Иванъ, дьякъ, 512, 514, 537, 538.
Собатка, *см.* Сабатка.
Соколъ, воевода Лядской, 256, 258, 338
Сомара 1121.
Сомозкеовъ, гор. 1443.
Сопѣга, *см.* Сапѣга.
Сорацiусъ (посланникъ Венгерскій къ Султану) 893.
Сотница Клобуковъ 341.
Софей, Царь Перской, 365, 414.
Софья Великая Княгиня 30, 34, 35, 82—84.
Сполетъ (Spoleto г. въ Италіи) 880.
Ставницкій Станиславъ 1164.
Стамина 306.
Станиславъ Глѣбовъ 214.
Станиславъ съ Гурки, воевода Познанской, 1164.
Станицкій, панъ, 1138.
Старица, гор. 495, 496, 835.
Стародубскій князь Василей Семеновичь 356.
Старожрибскій Войтехъ 575.
Статынъ *см.* Штетинъ.
Стежица 523, 551.
Стенстуръ (Стенонъ Стуръ) упра-

витель Свѣйского королевства, 76.
Стенчина Янъ 576.
Степанко Шьряевъ сынъ Левонтьева 125.
Степанъ Болтинъ 118.
Степанъ Васильевъ сынъ Данилова 180, 185, 186.
Стефанъ, воевода Волошскій, 80, 90, 92, 160.
Стеренъ Берекъ, дворянинъ, 827.
Степанъ Венедиктовъ 885.
Степанъ, *см.* Баторій.
Стефанъ воевода Семиградцкой, Оботуры братъ, 1408.
Стефанъ, Король *см.* Баторій.
Страдомскій Мартынъ 599.
Стратилатское 419, 420.
Стрелицъ, Стрѣлица г. 865.
Стригинъ князь Александръ 339.
Стрѣлица *см.* Стрелицъ.
Стюденое море 834.
Сугорской князь Захарей Ивановичь, дворянинъ и намѣстникъ Бѣлозерскій, посланникъ 545, 570, 573, 584, 587, 588, 591—593, 595—597, 601, 603—606, 608, 610—613, 615—620, 622—625, 630, 644, 653, 657, 660, 661, 664, 665, 6̃3—675, 687, 699, 702—706, 708—710, 713, 720, 727, 1133. — Онъ же князь Захарей Ивановичь Бѣлоозерской 585, 586.
Судоковъ Иванъ Григорьевичь 940.
Суковъ Елка 176
Сулешовъ княжой сынъ, *см.* Араслапъ Мурза
Сумороковъ Гриша, подьячей, 411, 425
Сумарокъ Путятинъ, дьякъ, 174, 196, 216, 223, 233, 259, 268, 360, 413, 427—429, 433, 434.
Сундава, городъ 93.
Сунча, рѣка (Сунжа) 942, 943.
Супаранцы Янъ 877.
Сурминъ, *см.* Чирка.
Сухотинъ Дмитрей 503.
Счястный, Ляхъ, толмачь, 489.
Сѣвера 266, 455.
Сѣверная страна 1012, 1020, 1097.
Сѣверовъ Олферъ 974.
Сѣчини Клоушъ 94.

Т.

Талвашъ Янъ Николаевичь 579.
Талвашъ Николай 580.
Тарлъ Янъ 596.
Тартарія 367.
Татарскія страны 1070.
Татарское поле 7.
Татевъ князь Петръ Ивановичь, окольничей, 512—515, 532, 543.
Тверская дорога 966, 1115, 1123.
Тверца 25.
Тверь, гор. 25, 265, 1106—1109, 1113.
Тверская земля 23, 48.
Тевризъ, городъ 1181.
Телепневъ, *см.* Оболенской.
Телешовъ Иванъ, дьякъ, 223, 233, 259, 261, 262, 268, 276, 278, 290, 374, 375, 383, 391, 399, 429, 432.
Телятевскій князь Андрей Андреевичь, стольникъ, 1192, 1269.
Темиревъ Михаилъ Андреевичь 504, 505.
Темирхана, гор. 942.
Темисваръ городъ 1444.
Темистокъ, Аѳинѣйскій князь. 221.
Темка князь Иванъ, намѣстникъ Ивангородской, 154, 156.
Тенедонъ 366.
Тенехматъ, *см.* Тинехматъ.
Терка рѣка (Терекъ) 942, 943, 1043, 1120.
Тернъ, городъ (Terni въ Италіи.) 880.
Терпигоревъ Ѳелька Ѳедоровъ 50.
Терскіе городы 1462, 1463.

Терской городъ 943, 1043.
Тесали (Θесалія) 366.
Тетеринъ Василій, дьякъ (посланникъ къ Максиміліану), 174 196, 206, 232.
Тилилинъ, *см.* Рахманинъ.
Тиль Янъ Шмитръ Корбъ 866.
Тимоха, Тимошка, *см.* Хлуденевъ.
Тимоха, *см.* Выходецъ.
Тимоθеевъ Андрейко, торговый человѣкъ, 1083.
Тимоθей, *см.* Хлуденевъ.
Тинехматъ, Тенехматъ, князь Ногайскій. 610, 752.
Тишина Василій, подьячей, 842, 844, 847—856, 858, 860—879, 882—887, 895, 901.
Тишкѣевичь Логайскій, Юрій Васильевичь 579.
Токай Пѣтирь 94.
Толбугинъ Матвѣй 572.
Толентинъ, городъ въ Италіи 680.
Томила Селянниновъ, дьякъ, 648.
Томицкій Янъ 576.
Томосовъ Юлій, попъ Римской, 885.
Томосъ фонъ Эмденъ, Рижской области Вышегородцкой державецъ, 1220, 1221.
Торжокъ, гор. 23, 48, 113, 1113.
Торопецъ, гор. 455, 569.
Тохай, гор. 94.
Трасія, нынѣ Албанія, 366.
Трауцеръ, Трауцерь, Троуценскій, Трауцынской Иванъ, Анцъ, дворецкой, постельной думной бояринъ цесарской, 681, 683, 693, 700, 755, 756, 758, 825, 826.
Траханіотовъ Иванъ Васильевичь, казначей, 1139.
Траханіотъ, *см.* Грекъ.
Трекатъ, городъ 665.
Тремозенское царство 367.
Третьякъ, *см.* Зубатый.
Третьячокъ Яндоуровъ 625.
Трикулъ, городъ 880.
Трифонъ, Труоанъ, *см.* Ильинъ.
Троадесь 367.
Троекуровъ, *см.* Троекуровъ-Ярославской.
Троекуровъ-Ярославской князь Θедоръ Михайловичь, бояринъ и намѣстникъ Коломенской, 917, 926, 927, 1183.
Троица, мѣсто 1212.
Троуценскій, *см.* Трауцеръ.
Трофимовъ Семенъ Борисовичь, дьякъ, 470, 471.
Трубецкой князь Никита Романовичь, бояринъ, воевода и намѣстн. Псковской, 514, 515, 1075, 1083, 1084.
Трубецкой князь Тимоθей Романовичь, бояринъ, 959, 960, 964.
Трубецкой князь Тимоθей Юрьевичь, бояринъ и воевода, 1003.
Трубецкой князь Θедоръ Михайловичь 514, 515.
Трусовъ Ларіонъ, Вологжанинъ, сынъ боярской, 1213, 1216.
Тряпка Литвинъ 425, 430.
Тувъ князь Иванъ 831.
Тула 1264.
Тумберъ, буймистръ Рижской, 665, 666.
Тура, рѣка въ Сибири. 1121.
Туренинъ Иванъ Самсоновичь, окольничей и намѣстникъ Калужской, 1338, 1339.
Турскія страны 1070.
Турьянъ Георгій 70, *см.* Делаторъ.
Туспеканы 366.
Тушкуналумъ, гор. въ Италіи 881.
Тыкотинъ, городъ 865.
Тѣлегди Амбрушъ 94.
Тюменское государство 991, 1000.
Тявзино, городъ 1401.

Угорская земля, Угорское королевство 8, 64, 65, 67, 73, 79, 80, 85, 86, 89—92, 94, 101, 107, 121, 151, 153, 368, 500, 528, 554, 735, 782, 812, 828, 830, 859, 888, 889, 925, 950, 952, 1135, 1157, 1275, 1279, 1282, 1300, 1305, 1324, 1336, 1337, 1388, 1394, 1426, 1440;—Угорская земля верхняя 1449.

Угримъ, *см.* Баграковъ.

Ула, городъ 861.

Улениновъ Микитка, ротмистръ казачей, 861.

Улмъ, Вулмъ, Олмъ *см.* Ульмъ

Улрихъ, Мекелборской князь, 753.

Улфъ Яковъ 762.

Ульемсъ, Вертемборской князь, 868.

Ульмъ, Улмъ, Вулмъ, Олмъ 1, 102, 109.

Упрута Христофоръ, Цесарскій дворянинъ, 1286, 1287, 1290—1293.

Уразъ Магметъ, Царевичь, 1122.

Урмагметъ Мурза 1072.

Урусъ, князь Нагайской, 781, 811, 858, 922, 938, 939, 970, 1042, 1072, 1121, 1185.

Усперсторъ, Цесарской дворянинъ, 824.

Устримской рубежь 754.

Устюга Иванъ, Печерскій жилецъ, 1100.

Утманъ Юрьи 487.

Уханьскій Якубъ 575.

Ушаковъ Никонъ 498, 499.

Ушакъ Заецовъ 186.

Ушатой князь Иванъ 187.

Ушатой князь Константинъ Өедоровичь, намѣстникъ въ Иванѣ-городѣ, 125, 126, 131, 132.

Ф.

Февенца, гор. (Faenza въ Италіи) 879.

Фаенъ, гор. (Fano въ Италіи) 880.

Фамбергеръ Арцукъ 1135.

Фанило Николай 932.

Фантурно, Фантурнъ *см.* Янъ.

Федернанъ, *см.* Фердинандъ.

Феликъ, Филекъ, крѣпость 1434, 1443, 1444.

Фемея 367.

Фералъ Арцукъ 1135.

(**Фераррa**), Ферарія 879.

Фердинандъ, Фердинандусъ, Фрединардъ, дѣдъ Рудольфа II, 544, 837, 846, 830, 953, 977, 986, 996, 1024, 1321, 1443.

Фердинандъ, Фрединандъ, Кардинандъ, братъ Императора Максимиліана II, дядя Рудольфа II, 679, 680, 681, 874, 885, 1099, 1135, 1323.

Фердинандъ, Баварскій князь, 867.

Фердинандъ, Федернанъ, князь, 826.

Фердинандъ, кравчей цесарской, 826.

Филандра, Филандре, Филандрія, *см.* Фландрія.

Филгелмъ князь, *см.* Вильгельмъ.

Филиповъ Өедко, толмачь, 718, 737, 743.

Филекъ *см.* Феликъ.

Филипъ сынъ Максимиліана 96, 128—133, 135, 137, 146—148; Титулъ: 129, 135, 137.

Филиппъ Король Ишпанской, Филипусъ, 760, 889 951, 957, 980, 989, 991, 998, 1000, 1009, 1010, 1011, 1017, 1018, 1021, 1044, 1054, 1055, 1057, 1059, 1064, 1078, 1092, 1095, 1156, 1321, 1357, 1358, 1364, 1365, 1366, 1368, 1447, 1448, 1450—1460; титулъ его: 1365.

Филипъ Македонскій 221.

Филиппъ, Король Спонгійскій, 130.

Филонъ Кмита Чернобыльской, Ршанской и Литовской державецъ,

481, 483, 484, 496, 541, 574, 625, 861.
Финская земля 1311, 1312, 1400, 1401.
Фитенская земля 834.
(Фитингофъ) Фитингавъ Юрій, 817.
(Фландрія) Филандре, Филандра, Филяндрія, Вландерская, Владимерская земля, 22, 30, 60, 61, 104, 760.
Флоренскъ (посл. Испанской въ Польшу) 1135.
Флоренція 898, 899.
Флорецъ, Курфирстъ, 1135.
Фолемворъ, гор. (Forlimpopoli въ Италіи) 880.
Формъ ЯнъРозины, рохмистръ ,632.
Фраберъ Андрей, Цесарской дворянинъ, 952.
Франберхъ, городъ (Frauenberg въ Пруссіи) 667, 668.
Франберкъ, гор. 867, (Friedberg близъ Аусбурга), 867.
Франзбекъ, Францбекъ Юрьи, 762, 830, 832.
Франквортъ (Франкфуртъ) г. 706.
Франсіа, *см.* Франція.
Франтистисъ Бартоломей Петровъ, сынъ, дьякъ Венец., 877, 878.
Францискъ де Колла, посолъ 340, 341, 358 — 363, 371, 374, 382, 395—403, 408, 410, 414, 420, 427, 432—435, 450, 452, 454, 456, 458, 460, 463, 466, 469—471, 476.
Францишекъ Флоренциской князь, 885.
Франція, Франсіа, Францовское Королевство, 368, 600, 1321, 1357, 1426.
Францъ Любархъ 1437.
Францъ, Арцогъ Леуберскій, 758.
Фредерикъ, Саксонской князь, 92, 93, 96.
Фредерехъ Ехомъ, Брандоборской князь 867.
Фредерикъ, Фредерикусъ, цесарь, прадѣдъ Максимиліана, 13, 14, 22, 52, 57, 58, 544, 953, 977, 981, 1321.
Фредерикъ II, Король Датскій, Фредерикусъ, 595, 612, 615—617, 740 —742, 773, 798, 799, 800, 801, 813, 816, 817, 823, 849, 890, 1137, 1139; Титулъ: 615, 617, 740, 742, 783, 798, 849.
Фрединандъ, Фредипардъ, *см.* Фердинандъ.
Фредригъ, Фредрикъ, братъ Саксонскаго Курфирста, 12, 14.
Фредрикъ Туфенбехъ, Темфебахъ. 1443—1445.
Фрейсъ Томасъ, Любской полатникъ, 831.
Фригеръ (Freiherr) Иштванъ Феуривъ 758, 759.
Фригія 367.
Фридахъ, Вридахъ, Магистръ Ливонскій (Freitag), 13, 114.
Фрулинъ, гор. (Forli въ Италіи.) 879, 880.
Фрѣнци Верисъ 94.
Фрянцоско Фрязъ 164.
Фрянцъ, человѣкъ Максимиліановъ, 215—217.
Фрянчюшко де Колла, Фрязъ, посолъ, *см.* Францискъ де Колла.
Фулинъ, гор. (Foligno) въ Италіи 880.
Фунсерньтейнъ Янушъ Фредерикъ, *см* Серитейнъ.

Θедорецъ Гридинъ сынъ Оθанасьевъ 179, 180, 183.
Θедоръ, *см.* Бороздинъ.
Θедоръ, *см.* Карповъ.
Θедоръ, *см.* Курицынъ.
Θедоръ, дьякъ въ Вологдѣ, *см.* Олександровъ.
Θедоръ, *см.* Потемкинъ.
Θедоръ Никитичь *см.* Романовъ.
Θедоръ Ивановичь, Царевичь (сынъ Іоанна IV), 503, 541, 560, 576, 577, 580—583, 599, 600, 626, 643, 756, 762; Царь, V. Титулъ: 910, 912—913, 916—918, 929, 975, 981, 983, 993, 995, 1004, 1013, 1020, 1023, 1026, 1027, 1032, 1035, 1037, 1045, 1049, 1060, 1069, 1076, 1080. 1084, 1087, 1098, 1111, 1143, 1145, 1147, 1178, 1192, 1195, 1196, 1198, 1200, 1206, 1220, 1222, 1235, 1244, 1246, 1270, 1271, 1297, 1359, 1363, 1365, 1367, 1369, 1371, 1378, 1381, 1384, 1416, 1428, 1430, 1432, 1451, 1456—1457.
Θедосья, Θеодосія, Царевна, дочь Θеодора Іоанновича, 1268, 1424, 1427, 1445.
Θедько Мануиловъ, 102, 104;
Θедько Ларевъ человѣкъ 105, 10.
Θедоръ Іоанновичь, *см.* Θедоръ Ивановичь.

X.

Хайнаскіевъ, городъ 1443.
Халдѣа 367
Халепа Иванъ 14, 18—20, 23, 24, 37, 47.
Халмиль, городъ, 885.
Ханъ Мирза Казыевъ сынъ 969, 1041, 1072.
Харія, повѣтъ въ Ливоніи, 525.
Хвалимское море 610, 733, 734, 780, 810, 811, 857, 1073, 1108, 1134.
Хворостининъ, князь Θедоръ Ивановичь, окольничей, 1107, 1113, 1177, 1190.
Хивинское царство 1072.
Хилковъ князь Андрей 1353, 1354.
Хинскій Янъ, воевода Чешскій, 668, 669, 706, 826, 827.
Хинской, на Тверской дорогѣ, 26.
Хинскъ 194.
Хіонъ 366.
Хлуденевъ Тимоθей Константиновъ, сынъ боярской, 105, 194—196, 216, 218, 227, 259, 312.
Хозюкъ Повадинъ Юрья, *см.* Повадинъ.
Хоинскій Петръ 965.
Хорватинъ Юрко 101, 104.
Хорватцкая земля 102, 107, 198.
Хрептовъ Черко, воевода Польскій, 338.
Хрестернъ, Христренъ, 564.
Хрестьянусъ Шафръ, совѣтникъ Магнуса, 571, 593, 594, 612, 613.
Ходкевичь, *см.* Хоткевичь.
Хозя Искиндерь, посланникъ Шаха Персидскаго, 1462.
Хотинцкій Янъ, дворянинъ Цесарской, 957.
Хоткевичь, Ходкевичь, Хоткеевичь, Янъ Еронимовичь, 579, 629.
Хотковскій Андрей, Коморникъ Королевства Польскаго, 934, 935.
Хрипцволь, городъ 707, 708, 711—714.
Христофоръ Фартемборкъ а по Чешски Зденгъ, 668, 669.
Христофоръ, Нѣмчинъ Рижской 666.

Цакалъ Яковъ 360.
Царь-городъ 880, 1434.
Цезенъ, гор. (Cesena въ Италіи) 880.
Цезисъ, Павелъ Маркграфъ, 881-885.
Цесарская область 1190.
Цеховскій 643.
Цыплятевъ Елизаръ 196, 268, 360.
Цыцъра Францишекъ 880.

Ч.

Частоховъ, гор. (Ченстоховъ въ Царствѣ Польскомъ) 865, 886.
Чаушъ, (гонецъ Султана къ Баторію), 894.
Чеботъ Иванъ, околничей, 26, 27.
Черкасская земля 992, 1265.
Черкасской, князь Семенъ 649.
Черко Хрептовъ, воевода Польск., 338.
Черпаковскій Воитѣхъ 575.
Черная рѣчка 631.
Чертаново село 503.
Чесская земля, *см.* Чешская.
Чеушъ, *см.* Ибрагимъ.
Чешская земля, Чешское королевство, государство, 368, 500, 664, 735, 754, 782, 812, 830, 859, 866. 1099, 1100.
Чирка Өедоръ Семеновъ сынъ Сурмина, сынъ боярской, 34, 59, 61, 62, 86, 96—99.

Ш.

Шамежъ, гор. 94.
Шалшенеръ, гор. 823.
Шамаха, гор. 942, 1073.
Шанборхъ Иванъ 668, 669.
Шатихинъ Гриша, розсыльщикъ, 487.
Шафровъ Михаилъ, въ приставѣхъ, 194.
Шафровъ Фока 762, 763.
(Швеція) Свѣя, Свія, Свѣйская, Свійская, Свиская земля, Свѣйское королевство, государство, 8, 46, 54, 76. 100, 104, 105, 498, 509, 753, 762, 768, 970. 971, 1112, 1119, 1040, 1059, 1068, 1097, 1122. 1149, 1256, 1260, 1273, 1312 — 1316, 1328, 1329, 1336, 1338, 1339, 1345, 1348, 1384, 1401 — 1403, 1408, 1418, 1422, 1427, 1456.
Шевердинъ, Андрей урядникъ,, 861.
Шейдяковичь Өөонасей князь 619
Шель Михайло, гонецъ 1423 —1425, 1428, 1429, 1430, 1445, 1446, 1450, 1452, 1456, 1458, 1461, 1464, 1466.
Шестуновъ князь Өедоръ Дмитреевичь, бояринъ и воевода Смоленскій, 1029, 1047, 1082, 1083.
Шетшинъ, гор. 1434.
Шигона Юрьевъ сынъ Поджегинъ 196, 202, 205, 211, 215, 216, 218, 223, 224, 227, 228, 232, 233, 235, 237, 239, 240, 246, 248, 249, 251, 254, 255, 257, 259, 262, 268, 276, 278, 281—283, 285, 287—290. 293, 299, 302, 305, 312, 313, 315, 357—359, 361, 373, 377, 383, 391, 392, 399, 407, 408, 428—432, 435, 436, 442, 443, 450—452, 454, 457, 459, 460, 462—465, 473, 478.
Широносовъ Иванъ 618, 621, 623·
Шихавліаръ, Царевичь, 289.
Шишмаревъ, *см.* Бѣглецъ.
Шкандиналъ, намѣстникъ, 880.
Шленская земля 865, 886 — 888, 952, 1160.
Шонтоль, монастырь 867.
Шоша, рѣка 25.
Шпоралъ Ганусъ 935.
Шпортъ, городъ 888.
Штатинъ, *см.* Штетинъ.

Штерци, докторъ 69.
(**Штетинъ**) Штатинъ, Статынъ, поморской городъ, 706, 708, 710—713, 727, 1101, 1103.
Штенборкъ Иванъ 671, 673, 674, 678, 679, 681, 691, 692, 696, 699, 700, 702—705.
Штиборъ (посланникъ Іоанна III къ Королю Венгерскому) 165, 169—171.
Шувалино, деревня 504.
Шуйской князь Иванъ, намѣстникъ Псковскій, 175, 176, 215.
Шуйской князь Василій Васильевичь, намѣстникъ Новгородской, 123, 125, 150.
Шуйской князь Василій Ивановичь 1266.
Шьряевъ Степанко сынъ Левонтьева 125.

Щ.

Щекинъ Алексѣй Малый Григорьевъ сынъ, подьячей, 140.
Щелепинъ Никита дьякъ во Псковѣ, 1083, 1100, 1101, 1105, 1106, 1108—1110, 1112.
Щелкаловъ Андрей, дьякъ, 482, 483, 490, 491, 493, 501, 505, 513, 533, 536—538, 540, 542—544, 547, 552, 558, 967, 971—974, 976, 980, 981, 984, 985, 1124, 1141—1143, 1167, 1169, 1177, 1178, 1182, 1187, 1190—1193, 1219, 1234, 1268, 1269, 1275, 1294, 1296, 1298, 1299, 1303, 1309, 1331, 1352, 1353, 1355, 1356, 1359, 1361, 1374, 1380, 1386, 1389, 1410, 1412, 1415, 1416, 1424, 1427, 1445, 1446, 1454, 1460.
Щелкаловъ Василій, печатникъ и дьякъ ближней, 533, 536—538, 540, 542, 544, 547, 553, 559, 972, 974, 1142, 1178, 1179, 1183, 1191, 1193, 1294, 1296, 1298, 1300, 1312, 1331, 1353, 1355, 1361, 1374, 1380, 1386, 1389, 1454, 1460.
Щербатовъ Дмитрій 126.
Щербатовъ, *см.* Щербатой.
Щербатой, Щербатовъ, князь Меркурій Александровичь, 1107, 1267, 1337, 1394.
Щербачь Дмитрій 132, 139.
Щефанъ 94.
Щитъ Николай, подстаростей, 862.
Щитъ Янъ (посолъ Августа къ Василію Іоанновичу Сигизмунда) 184, 259—261, 263, 274, 290, 291, 293, 306, 317, 320, 322, 337, 339, 348.

Ю.

Югра 932, 1043.
Юліусъ цезарь 880.
Юлюсъ 761.
Юнчевскій Войтѣхъ, урядникъ, 862.
Юреневъ Петръ, человѣкъ Бориса Годунова, 1276.
Юрьевъ Никита Романовичь, *см.* Захарьинъ.
Юрьевъ Юшко, толмачь, 1211, 1214.
Юрьевъ-Ливонской, гор. 81, 526, 552, 567, 569—571, 573, 593—595, 601, 618, 619, 621, 623, 629, 630, 648, 783, 815, 816, 1345—1347, 1407, 1411, 1412, 1425.
Юрій князь, сынъ Іоанна III, 27.
Юрій, посл. Максиміліана къ Королю Польскому, 436. 473, *см.* Делаторъ.
Юрій, *см.* Грекъ
Юрій, бояринъ 215.

Юрій Захарьичь, Новгородской намѣстникъ, 24.
Юрій Дмитреевичь, государской казначей и совѣтникъ, 264, 425, 426, 428.
Юрьи, *см.* Крамеръ.
Юрьи, Нѣмчинъ Рижск., 666.
Юрьи, рохмистръ 632.,
Юрьи, князь Горской, 1082.
Юрьи, намѣстникъ, 816.
Юрьи, *см.* Сницпамеръ.
Юрьи, *см.* Делаторъ.
Юрьи, чашникъ цесарской, 826.
Юрья Хозюкъ Повадинъ, *см.* Хозюкъ.
Юсуфъ, Юсофъ, князь Ногайской, 510, 611.
Ютлянская земля 834.
Юшка, *см.* Гундоровъ.
Юшка, подьячей, 34, 46—48.
Юштъ (пос. цес. въ Испан.) 125, 126.

Я.

Яганъ, Король Свѣйской, Швецкой, (Іоаннъ III) 656, 749, 750, 762, 1264, 1265. 1301, 1306—1313, 1327, 1338, 1350, 1369, 1382, 1383, 1388, 1395 — 1402, 1404, 1431, 1433, 1453, 1455, 1456; Титулъ: 749.
Яганъ Борвицусъ, *см.* Борвиціусъ.
Яганъ, Графъ, 758.
Ягонусъ, Брандоборской князь, 668.
Яикъ, рѣка 610, 611, 734, 1121.
Язловицкій Юрій 575.
Яковъ, дохторъ, посланникъ, 215—217, 305, 331.
Яковъ Захарьичь, бояринъ и намѣстникъ въ В. Новгородѣ, 1, 24, 48, 59, 62, 99, 112, 114.
Яковъ, толмачь, 872, 873, 878, 879, 884.
Якубъ, дохторъ, 874.
Якубъ, папинъ сынъ, 881.
Якушъ, Цесарск. Нѣмецъ, 727.
Якша Мирза 921.
Якшисатъ, Якшисаатъ, князь Ногайской, 970, 1041, 1072, 1185.
Яма, городъ 108, 1308, 1397, 1398.
Ямгурчей Аталыкъ, посланникъ Крымскій, 1264.
Янушъ Борномиса 94.
Янушъ, воевода, 94.
Янушъ сынъ Матьяша Угорского, *см.* Іоаннъ.
Янъ, братъ Стефана Баторія, 864, *см.* Баторій.
Янъ Яновичь, посолъ Александра короля Польскаго, 214.
Янъ, *см.* Криштопъ.
Янъ, *см.* Щитъ.
Янъ Фантурнъ (Joh. v. Thurn) 177—181, 185, 193, 195, 215, 218, 224, 228, 238—240, 242, 247, 248, 313, 325, 326, 340, 358—360, 370, 399, 402, 403, 407—411, 423, 424, 435—437, 442, 467, 473, 478.
Янъ, *см.* Кобенцель.
Ярославль, городъ 1098, 1212.
Ярославъ, Ярославъ-Георгій, Великой Князь Русской, 1346, 1347, 1411.
Ярцовъ Григорей 500, 502.
Ясеная 960.
Яропкинъ Кляпикъ Михайло Степановъ сынъ 82—84, 89—101, 104, 105, 114, 115, 123, 359.
Яхонтовъ Григорей 182, 183.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-го ТОМА ПАМЯТНИКОВЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ.

Предисловіе стр. . . . I—XXV.

I.

I. Сношенія Великихъ Князей Іоанна Васильевича и Василія Іоанновича съ Императорами Германскими Фридрихомъ III и Максимиліаномъ I, 1488—1517.

Стр.

Пріѣздъ въ Москву (въ 1488 году) къ Великому Князю Ивану Васильевичу III-му Николая Поппеля, посла Фридриха III-го, Императора Германскаго, переговоры съ нимъ и отправленіе назадъ, ... 1—12.

Грамота Ливонскаго Магистра, Іоанна Фридриха, во Псковъ намѣстнику, князю Константину Ярославичу, о свободномъ проѣздѣ посла Нѣмецкаго Николая Поппеля (въ 1488 году), ... 12—13.

Записка, для памяти, о тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ Германіи, ... 13—14.

Наказъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича III-го посламъ, Юрію Траханіоту съ товарищами, отправленнымъ въ 1489 году къ Германскому Императору Фридриху III-му, . 14—24.

Пріѣздъ, въ 1490 году, въ Москву Юрія Делатора, посла Короля Римскаго Максимиліана, переговоры съ нимъ и отправленіе обратно, . . . 24—34.

Наказъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича III-го посламъ Юрію Траханіоту съ товарищами, отправленнымъ въ 1490 году къ Римскому Королю Максимиліану, . . . 34—52.

Пріѣздъ въ Москву, въ 1490 году, служителя отъ Николая Поппеля съ порученіемъ къ Великому Князю Ивану Васильевичу, ... 52—58.

Дополненіе къ наказу, данного отъ Великаго Князя Ивана Васильевича III-го посламъ Юрію Траханіоту съ товарищами, въ 1490 году, ... 58.

Наказъ, данный въ 1490 году, Θедору Чиркѣ Сурмину, посланному въ Нарву и въ Ревель по дѣлу о проѣздѣ пословъ Юрія Траханіота съ товарищами, ... 59—62.

Донесеніе Великому Князю Ивану Васильевичу III-му по-

Стр.

словъ Юрія Траханіота и Василія Кулешина, писанное въ 1491 году изъ Любека, . . 62—64.

Донесеніе Великому Князю Ивану Васильевичу III-му пословъ Юрія Траханіота и Василія Кулешина объ ихъ посольствѣ, писанное изъ Любека на обратномъ пути изъ Германіи, ... 64—65.

Грамота, 1491 года, о союзѣ между Королемъ Римскимъ Максимиліаномъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ III-мъ, ... 66—69.

Предложенія, сообщенныя Великому Князю Ивану Васильевичу III-му отъ имени Короля Римскаго Максимиліана посломъ его Юріемъ Делаторомъ, и отвѣтъ на нихъ Великаго Князя (въ 1492 году), ... 69—82.

Наказъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича III-го посламъ Юрію Траханіоту и Михаилу Яропкину, отправленнымъ, въ 1492 году, къ Королю Римскому Максимиліану, 82—99.

Донесеніе Великому Князю Ивану Васильевичу III-му пословъ Юрія Траханіота и Михаила Яропкина о состояніи дѣлъ въ Европѣ, писанное изъ Ревеля въ 1492 году, . . 99—101.

Донесенія (три) Великому Князю Ивану Васильевичу III-му пословъ Юрія Траханіота и Михаила Яропкина, о состояніи дѣлъ въ Европѣ, писанныя изъ Любека въ 1492 году, . . 101—108.

Пріѣздъ въ Россію, въ 1492 году, Михаила Снупса съ письмами Короля Римского Максимиліана и Эрцгерцога Австрійскаго Сигизмунда къ Великому Князю Ивану Васильевичу III-му о дозволеніи ему, М. Снупсу, изучить Русскіе обычаи и языкъ, и отправленіе его обратно съ отвѣтомъ, . . . 108—114.

Донесеніе, въ 1493 году, Великому Князю Ивану Васильевичу III-му пословъ Юрія Траханіота и Михаила Яропкина объ ихъ путешествіи, . 114—116.

Пріѣздъ въ Россію, въ 1504 году, Кантингера, посла Императора Максимиліана I, съ предложеніемъ отъ своего Государя помощи противъ общихъ враговъ и съ просьбою прислать бѣлыхъ кречетовъ, — и отправленіе посла обратно, . 116—125.

Сношенія, въ 1505 году, Великаго Князя Ивана Васильевича съ Императоромъ Максимиліяномъ I и сыномъ его Филиппомъ, Королемъ Испанскимъ, о Ливонскихъ плѣнникахъ, черезъ посла Кантингера, . 125—139.

Сношенія, въ 1506 году, Императора Максимиліана I съ Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ, о Ливонскихъ плѣнникахъ, чрезъ посла Кантингера, ... 139—151.

Грамота, 1508 года Августа 28, Великаго Князя Василія Ивановича къ Императору Германскому Максимиліану, съ предложеніемъ дружественнаго союза, ... 151—154.

Грамота, 1509 года 19-го Февраля, Императора Германскаго Максимиліана къ Великому Князю Василію Ивановичу, съ просьбою дозволить торговать Ганзейскимъ купцамъ по прежнему въ Росіи, и отвѣтъ на нее отъ 9 Августа 1509 года, 154—159.

Стр.

Пріѣздъ въ Москву, въ 1488 году Ивана, посла Матѳея Короля Венгерскаго, и переговоры съ нимъ о союзѣ противъ Польши, ... 159—165.

Грамота, 29 Іюля 1488 года, Великаго Князя Ивана Васильевича III-го къ Венгерскому Королю Матѳею о союзѣ противъ Короля Польскаго Казиміра, отправленная къ нему съ посломъ Штиборомъ, ... 165—169.

Наказъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича III-го послу Штибору, отправленному въ 1488 году къ Королю Венгерскому Матѳею, . . . 169—171.

Грамота, 1488 года Декабря 16, Короля Венгерскаго Матѳея къ Великому Князю Ивану Васильевичу III-му, о взаимномъ вспоможеніи противъ Казиміра Короля Польскаго. . . . 171—173.

Наказы, съ 1515 по 1517 годъ, отъ Великаго Князя Василія Ивановича воеводамъ Псковскому и Смоленскому о томъ, какъ принимать и угощать пословъ Императора Германскаго Максимиліана, 173—177.

Отправленіе изъ Москвы Іоанна фонъ Турна, посланнаго оттуда Герберштейномъ въ 1517 году въ Польшу.—Грамоты Смоленскаго намѣстника князя Горбатаго въ Оршу и Дубровну о пропускѣ фонъ Турна, и наказъ Великаго Князя Василія Іоанновича о его провожаньѣ (ср. стр. 215 и слѣд.) 177—183.

Отъѣздъ изъ Москвы Герберштейна въ 1517 году, наказъ Великаго Князя Василія Іоанновича Смоленскому намѣстнику князю Горбатому о встрѣчахъ и о провожаньѣ Герберштейна, (ср. стр. 315 и слѣд.) 184—190.

II.

II. Сношенія Великаго Князя Василія Іоанновича съ Императоромъ Максимиліаномъ I, 1517—1519.

Стр.

Пріѣздъ въ 1517 г. Герберштейна и фонъ Турна, пословъ Императора Максимилліана къ Великому Князю Василію Іоанновичу. — Принятіе Герберштейна В. Княземъ и переговоры о мирѣ съ Сигизмундомъ Августомъ, Королемъ Польскимъ, 21 и 26 Апрѣля 1517 года, ... 193—215.

Отправленіе фонъ Турна изъ Москвы въ Польшу.—Прибытіе въ Россію пословъ цесарскихъ Франца, Іакова и Владиміра съ грамотою Максимиліана къ Великому Князю Василію, . 215—218.

Возвращеніе фонъ Турна.—Новые переговоры Герберштейна съ боярами и вторичное отправленіе фонъ Турна въ Польшу съ опасною грамотою для проѣзда Польскихъ пословъ, ... 218—243.

Прибытіе въ 1518 году Поль-

Стр.

скихъ пословъ Щита и Богуша для заключенія условій о мирѣ. —Рѣчи ихъ и Герберштейна, и отвѣты Великаго Князя черезъ бояръ, ... 246—294.

Запись Герберштейна и отвѣты на нее. Рѣчь его о Глинскомъ и переговоры о перемирьѣ съ Польшею, . . 294—315.

Отъѣздъ Герберштейна, фонъ Турна и Польскихъ пословъ изъ Москвы, ... 315.

Отправленіе Великимъ Княземъ Василіемъ дьяка Владиміра Племянникова къ Максимиліану въ 1518 году.—Грамота Василія Іоанновича къ Императору, рѣчь, наказъ Великого Князя Племянникову и записка, данная ему о посольствѣ Щита и Богуша, ... 315—339.

Донесеніе въ томъ же году намѣстника Смоленскаго князя Горбатаго В. Князю о возвращеніи Племянникова и о пріѣздѣ цесарскихъ пословъ Франциска де-Колла, Антонія де-Конти и фонъ Турна.—Грамота Племянникова къ Великому Князю о томъ же, . . . 339—341.

Грамота Максимиліана къ Василію Іоанновичу съ Племянниковымъ, отчетъ Племянникова о посольствѣ своемъ къ Императору, ... 343—356.

Прибытіе Франциска и Антонія въ Москву. — Вѣрющая грамота Императора Максимиліана. — Рѣчь Франциска и грамота Императора, поданная Великому Князю фонъ Турномъ, ... 356—371.

Рѣчь (письменная) пословъ къ боярамъ, отвѣтъ на нее, запись, поданная Антоніемъ и переговоры о мирѣ съ Польшею, ... 371—388.

Стр.

Запись пословъ къ Великому Князю о перемирьѣ съ Сигизмундомъ Королемъ Польскимъ, отвѣтъ на нее и переговоры пословъ съ боярами, . . . 388—408.

Отправленіе фонъ Турна къ Максимиліану и опасная грамота на проѣздъ, данная Великимъ Княземъ Василіемъ въ 1518 году, ... 409—410.

Пріѣздъ въ 1519 году Христофа, посланнаго Максимиліаномъ въ Россію къ Франциску и Антонію, ... 411.

Новые переговоры пословъ, рѣчи Франциска и Антонія, отвѣтъ и прочія рѣчи бояръ и пословъ, ... 413—425.

Донесеніе Великому Князю о буйствѣ Христофа, *распоряженіе* о немъ Василія Іоанновича и разные переговоры бояръ съ послами, ... 425—435.

Пріѣздъ изъ Литвы Грицка, присланнаго Іоанномъ фонъ Турномъ къ Франциску и Антонію, съ грамотою къ нимъ цесарскаго посла Георгія фонъ Турна, писанною въ Краковѣ 1518 года, ... 435—439.

Письменныя рѣчи Антонія и Франциска къ Великому Князю, отвѣты на нихъ и запись читанная посламъ о несоблюденіи Королемъ Польскимъ мира съ Россіею, . . . 439—457.

Переговоры о прекращеніи, на время, войны между Россіею и Польшею, ... 457—476.

Рѣчь Великаго Князя Василія къ посламъ и уцѣлѣвшіе отрывки изъ рѣчей Антонія и Франциска, ... 476—480.

III.

III. Сношенія Царя Іоанна IV Васильевича съ Императорами Максимиліаномъ II и Рудольфомъ II, 1576—1578.

Стр.

Пріѣздъ въ 1576 году въ Россію Ганса Кобенцеля и Даніеля Принца фонъ Бухау, пословъ Императора Максимиліана II-го къ Царю Іоанну IV Васильевичу.—Распоряженія Царя по сему случаю.—Съѣздъ пословъ съ боярами въ Дорогобужѣ, 481—500.

Грамота Іоанна IV къ посламъ, и наказы его о встрѣчѣ и провожаньѣ, . . . 500—511.

Принятіе Кобенцеля и Принца Царемъ Іоанномъ IV въ Можайскѣ.—Переводы съ привезенныхъ ими грамотъ Императора Максимиліана и Эрцгерцога Карла.—Рѣчи Кобенцеля и Принца, ... 511—532.

Переговоры пословъ съ боярами. — Переводъ съ листа, присланнаго Кобенцелемъ и Принцемъ.—Рѣчь Іоанна IV и отвѣтъ его, данный посламъ чрезъ бояръ, ... 532—567.

Отъѣздъ Кобенцеля и Принца.—Наказъ Царя Іоанна IV Рускимъ воеводамъ о свободномъ проѣздѣ пословъ, и грамота его о томъ же къ Магнусу, ... 567—574.

Грамота Іоанна IV въ Литву съ предложеніемъ, о избраніи на Польскій престолъ Ѳеодора Іоанновича или Эрнеста Австрійскаго, писанная въ 1576 году, 574—586.

Отправленіе въ 1576 изъ Москвы князя Сугорскаго и дьяка Арцыбашева, посланниковъ Іоанна IV, къ Императору Максимиліану.—Грамота Іоанна къ Эрцгерцогу Карлу Австрійскому.—Рѣчь и грамота Іоанна къ Фредерику Королю Датскому, посланныя съ княземъ Сугорскимъ. — Три грамоты Іоанна IV въ Юрьевъ о пропускѣ посланниковъ Сугорскаго и Арцыбашева. — Отъѣздъ ихъ изъ Москвы, ... 586—625.

Грамота Рады Литовской къ Іоанну IV, ... 625—629.

Донесенія воеводъ изъ Юрьева и Володимерца о проѣздѣ князя Сугорскаго за рубежь, ... 629—635.

Переводъ съ грамоты Императора Максимиліана 1576 г., доставленной отъ Литовской Рады.—Грамоты (три) Іоанна IV 1576 г., посланныя съ толмачемъ Каспаромъ къ Императору Максимиліану, къ Магнусу и въ Юрьевъ къ воеводамъ, ... 635—648.

Донесеніе Царю Іоанну въ 1577 г., о присылкѣ къ нему грамоты Максимиліана, переводъ съ нея и отвѣтъ Іоанна, ... 648—660.

Возвращеніе князя Сугорскаго и Арцыбашева въ Россію.—Переводъ съ привезенной ими грамоты Императора Максимиліана къ Іоанну IV и съ отвѣтнаго списка, даннаго Русскимъ посланникамъ въ Рентіи 2 Сентября 1576 году, ... 660—664.

Подробный отчетъ Русскихъ

Стр.

посланниковъ о путешествіи, ... 664—714.

Грамота Императора Рудольфа къ Іоанну IV, присланная съ толмачемъ Каспаромъ, . . 714—718.

Посольство Іоанна IV къ Императору Рудольфу съ Жданомъ Квашнинымъ въ 1578 году. — Рѣчи отъ Іоанна IV къ Рудольфу, опасная грамота для проѣзда цесарскихъ пословъ въ Россію, посланная съ Квашнинымъ. — Наказъ Ждану Квашнину, грамота Іоанна IV, посланныя съ нимъ къ Альберту Ласскому, рѣчь и грамота Іоанна IV, посланныя съ Квашнинымъ къ Фредерику Королю Датскому и грамота Царя въ Перновъ къ воеводамъ о пропускѣ Ждана, ... 718—742.

Возвращеніе Квашнина въ 1578 г.—Переводы съ грамотъ, привезенныхъ имъ: а) Императора Рудольфа къ Іоанну IV, б) съ отвѣта даннаго Квашнину въ Вѣнѣ, в) съ проѣзжихъ грамотъ, данныхъ ему Рудольфомъ II къ Королю Шведскому и Курфирсту Саксонскому, г) съ грамоты Венгерскаго воеводы Роберта къ Іоанну IV, . . 743—753.

Отчетъ Ждана Квашнина о путешествіи, ... 753—764.

IV.

IV. Сношенія Царя Іоанна IV Васильевича съ Императоромъ Германскимъ Рудольфомъ II, съ папою Григоріемъ VIII и съ Венеціею, 1580—1582.

Стр.

Посольство въ 1580 году Іоанна IV къ Императору Рудольфу съ Аѳанасіемъ Резановымъ. — Грамоты Іоанна, посланныя съ нимъ: а) къ Императору Рудольфу съ опасною грамотою на случай отправленія въ Россію цесарскихъ пословъ, б) къ Датскому Королю и къ Саксонскому о пропускѣ Резанова, . 765—785.

Посольства Іоанна IV къ Императору Рудольфу и въ Римъ, въ томъ же 1580 г., съ Истомою Шевригинымъ, двѣ грамоты Іоанна IV къ Императору, грамоты къ Датскому Королю о пропускѣ Шевригина и наказъ Царя Истомѣ, ... 785—812.

Грамоты Іоанна IV 1581 г. къ воеводамъ въ Перновъ, Ругодивъ, Юрьевъ и Вильну.—Грамота воеводъ къ Царю изъ Пернова, ... 813—817.

Возвращеніе Резанова въ 1587 году.—Переводы съ двухъ грамотъ Іоанну IV отъ Императора Рудольфа и съ проѣзжей, данной имъ Резанову въ Прагѣ 1580 года, ... 817—823.

Отчетъ Резанова о путешествіи, ... 823—834.

Возвращеніе въ 1581 г. Истомы Шевригина. — Грамоты Рудольфа II къ Іоанну IV, присланныя съ Истомою.—Грамота Рудольфа къ Іоанну, поданная Поссевиномъ, . . 835—841.

Посольство Іоанна къ Им-

Стр.

ператору Рудольфу и въ Римъ къ папѣ Григорію XIII, въ 1582 г., съ Яковомъ Молвяниновымъ и грамота Іоанна къ Рудольфу.—Наказъ Царя посламъ, ... 841—860.

Возвращеніе Молвянинова и отчетъ его о путешествіи, 860—897.

Переводъ съ грамотъ къ Іоанну IV, присланныхъ съ Молвяниновымъ: а) папы Григорія XIII, б) Императора Рудольфа и в) Венеціанскаго Дожа 897—906.

V.

V. Сношенія Царя Θеодора Іоанновича и боярина Бориса Θедоровича Годунова съ Императоромъ Германскимъ Рудольфомъ II и братомъ его Эрцгерцогомъ Австрійскимъ Максиміліаномъ, 1585—1594.

Стр.

Посольство Θеодора Іоанновича къ Императору Рудольфу II съ Лукою Новосильцовымъ въ 1585 г.—Рѣчь и грамоты, посланныя съ нимъ къ Рудольфу и къ брату его Эрнесту.—Наказъ Новосильцову и наказная память о немъ отъ Царя князю Троекурову, ... 909—928.

Возвращеніе Новосильцова.—Переводъ съ привезенной имъ грамоты отъ Рудольфа къ Θеодору Іоанновичу и отчетъ Новосильцова о путешествіи, . 931—959.

Пріѣздъ въ 1585 г. цесарскаго посланника Генриха Гойгеля къ Царю Θеодору Іоанновичу.—Распоряженія Царя о встрѣчѣ посланника, донесеніе о немъ пристава Неѣлова и наказъ Царя приставу Васильчикову.—Распросы, дѣланные Гойгелю дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ въ посольской палатѣ.—Переводъ съ привезенной посломъ грамоты Эрцгерцога Максиміліана къ Борису Годунову, писанной въ Прагѣ 1587 года, 959—974.

Рѣчи Гойгеля, произнесенныя имъ къ Царю Θеодору отъ Императора Рудольфа и брата его Максиміліана Австрійскаго. — Переводъ съ грамоты Максиміліана къ Царю, присланной съ Гойгелемъ.—Рѣчь Θеодора Іоанновича, произненная отъ него къ послу дьякомъ Андремъ Щелкановымъ.—Двѣ грамоты, посланныя съ Гойгелемъ отъ Θеодора Іоанновича къ Императору Рудольфу и грамота Царя къ Максиміліану Австрійскому.—Отъѣздъ Гойгеля изъ Москвы и наказы Царя о его провожаньѣ приставу Неѣлову и Смоленскимъ воеводамъ, . . 974—1003.

Посольство въ 1588 г. Θеодора Іоанновича къ Императору Рудольфу и брату его Максиміліану съ Аθанасьемъ Резановымъ.—Грамота, посланная съ нимъ къ Рудольфу и Максиміліану о Польскихъ дѣлахъ, двѣ грамоты къ Рудольфу о приходѣ пословъ Шаха въ Москву и о торговлѣ. Грамоты Царскія

Стр.

въ Литву и къ Поморскимъ Государямъ о пропускѣ Резанова. Наказъ и двѣ памяти Резанову и грамота о пропускѣ его, писанная въ Смоленскъ.—Письмо Резанова къ Царю изъ Смоленска и распоряженія въ слѣдствіе сего письма, ... 1004—1049.

Посольство въ томъ же 1588 году Ѳеодора Іоанновича ко Рудольфу съ Лукою Магнусомъ.—Грамоты, данныя ему для доставленія отъ Ѳеодора Іоанновича Рудольфу и Максимиліану о Польскихъ дѣлахъ.—Грамота о торговлѣ и грамота къ Рудольфу, посланныя отъ Павла Магнуса съ сыномъ его Лукою и грамота Царя во Псковъ о пропускѣ Луки, ... 1049—1076.

Посольство Ѳеодора Іоанновича къ Рудольфу съ торговымъ человѣкомъ Тимохою Выходцемъ, Царская грамота о немъ въ Любекъ, наказная память Тимохѣ и грамота, посланныя съ нимъ отъ Ѳеодора Іоанновича къ Императору Рудольфу о Польскихъ дѣлахъ, . . 1076—1082.

Донесеніе Смоленскихъ воеводъ о трудностяхъ проѣзда Аѳанасія Резанова черезъ Литву.—Возвращеніе его изъ Смоленска въ Москву по приказанію Царя.—Донесеніе Псковскихъ воеводъ о Тимохѣ Выходцѣ и грамота о немъ отъ Псковскихъ воеводъ въ Ригу, . . 1083—1086.

Грамота Ѳеодора Іоанновича къ Рудольфу, посланная съ Любскимъ гонцемъ Захаріемъ Мегеромъ.—Переводы съ грамотъ къ Ѳеодору Іоанновичю, присланныхъ имъ въ посольской приказъ: а) Императора Рудольфа б) Луки Магнуса, ... 1087—1101.

Возвращеніе въ Россію Луки Магнуса и переводъ съ грамоты его къ Царю. — Донесеніе о пріѣздѣ цесарскаго посланника Николая Варкоча и распоряженія Царя о встрѣчѣ, . . 1101—1109.

Донесеніе Псковскихъ воеводъ о Тимохѣ Выходцѣ.—Грамоты Царя во Псковъ къ воеводамъ.—Донесеніе приставовъ и воеводъ изъ Новагорода и Пскова о Варкочѣ, . . 1101—1114.

Пріѣздъ Варкоча въ Москву и съ нимъ Луки Магнуса и Крона.—Наказъ Царя о встрѣчѣ Варкоча, ... 1114—1123.

Переводъ съ грамотъ, доставленныхъ Ѳеодору Іоанновичу Лукою Магнусомъ отъ Карла фонъ Сернтейна и къ Борису Годунову отъ Максимиліана Австрійскаго, и переводъ съ отчета Магнуса о посольствѣ, 1123—1138.

Аудіенція Варкоча и Магнуса у Ѳеодора Іоанновича.—Переводъ съ двухъ грамотъ, присланныхъ съ Варкочемъ отъ Рудольфа къ Ѳеодору Іоанновичу, съ Максимиліановой грамоты къ Царю, присланной съ Магнусомъ, съ грамоты Рудольфа къ Борису Годунову.—Переводъ съ рѣчей Варкоча и съ письма, присланнаго имъ въ посольскій приказъ, о торговлѣ, . . 1138—1167.

Аудіенція Варкоча у Бориса Годунова. — Рѣчи, говоренныя посломъ у Бориса.—Дозволеніе, данное Борису Годунову Царемъ, сноситься съ иностранными державами.—Переводъ съ письма Варкоча въ посольскій приказъ, ... 1168—1177.

Стр.

Аудіенція Варкоча у Θеодора Іоанновича, отвѣтъ послу и переговоры его съ боярами, ... 1177—1190.

Аудіенція Варкоча у Θеодора Іоанновича, двѣ грамоты, посланныя съ Варкочемъ отъ Θеодора Іоанновича къ Рудольфу и къ Максимиліану, и двѣ грамоты къ нимъ же отъ Бориса Годунова, ... 1190—1211.

Отъѣздъ Варкоча. — Наказы Царя, о провожаньѣ его, приставу Осорьину и воеводамъ въ Вологду и Холмогоры.—Грамота въ Ригу отъ Псковскаго воеводы Вельяминова о Тимохѣ Выходцѣ.—Донесеніе Царю объ отъѣздѣ Варкоча, ... 1211—1222.

Донесеніе изо Пскова о пріѣздѣ въ 1590 г. Ганса Вербеса изъ Любека съ грамотами отъ Максимиліана Австрійскаго къ Θеодору Іоанновичу и къ Борису Годунову, и отъ Варкоча къ Борису.—Переводы съ сихъ грамотъ, ... 1222—1233.

Пріѣздъ въ 1591 г. въ Москву Андреаса отъ Варкоча съ грамотами къ Θеодору Іоанновичу и къ Борису Годунову.—Переводъ съ сихъ грамотъ.—Отъѣздъ Андреаса и грамоты, посланныя съ нимъ отъ Бориса Годунова къ Графу Іерониму Шкоту и къ Варкочу, . . 1234—1249.

Второй пріѣздъ Варкоча отъ Императора Рудольфа къ Θеодору Іоанновичю въ 1593.—Листы Оршанскаго старосты Сапѣги и Николая Варкоча къ Смоленскому воеводѣ князю Ростовскому.—Грамоты Θеодора Іоанновича о пріѣздѣ Варкоча, писанныя въ Смоленскъ, Дорогобужъ (1593) и въ Можайскъ (1594).—Донесенія Царю о послѣ изъ Смоленска.—Наказъ о встрѣчѣ посла, . . . 1249—1266.

Аудіенція Варкоча у Царя.— Переводъ съ грамоты Рудольфа къ Θеодору Іоанновичу и съ рѣчи Варкоча, . . . 1266—1275.

Аудіенція Варкоча у Бориса Годунова. — Рѣчь и переводъ съ грамоты Рудольфа къ Борису, ... 1276—1285.

Сношеніе Варкоча съАзи-Хозревомъ, посломъ Шаха Персидскаго, бывшимъ въ 1594 въ Москвѣ, о союзѣ Императора съ Шахомъ противъ Турецкаго Султана, . . 1285—1294.

Четыре аудіенція Варкоча у Θеодора Іоанновича, и переговоры съ боярами и рѣчи Варкоча дьяку Андрею Щелкалову, ... 1294—1359.

Грамоты Θеодора Іоанновича, посланныя съ Варкочемъ: а) Императору Рудольфу II, б) къ нему же опасная грамота на случай проѣзда его пословъ, в) грамота къ Королю Испанскому Филиппу и г) опасная для проѣзда пословъ папы.—Грамота Θеодора Іоанновича, посланная съ Лукою Магнусомъ къ Густаву, сыну Короля Шведскаго, ... 1359—1370.

Грамота Бориса Годунова, посланная съ Варкочемъ къ Императору Рудольфу и къ брату его Максимиліану.—Грамота Бориса, посланная съ Лукою Магнусомъ къ Густаву сыну Короля Шведскаго . . 1371—1384.

Отвѣтной списокъ, данный Варкочу, ... 1384—1412.

Отъѣздъ Варкоча.—Наказы

Стр.

Царя о провожаньѣ.—Грамота Андрея Щелкалова къ Варкочу. Донесеніе Смоленскихъ воеводъ о проѣздѣ Варкоча.—Переводъ съ грамоты его къ Борису Годунову, писанной въ Смоленскѣ 1593 года, ... 1412—1423.

Пріѣздъ въ 1594 году Михаила Шеля, посланнаго отъ Императора Рудольфа къ Θеодору Іоанновичу и къ Варкочу, . 1423—1428.

Переводы: а) съ двухъ грамотъ Рудольфа къ Θедору Іоанновичу, присланныхъ съ Шелемъ, б) съ отвѣта Рудольфа на грамоту Θеодора Іоанновича, посланную съ Каспаромъ Кроно мъ, в) съ наказа Императора послу Варкочу, г) съ двухъ грамотъ къ Варкочу и д) съ листа и тетради, привезенныхъ Шелемъ о сраженіяхъ Австрійцевъ съ Турками, . . . 1428—1445.

Рѣчи Михаила Шеля и Андрея Щелкалова въ посольской палатѣ.-Грамоты къ Императору Рудольфу, посланныя съ Шелемъ отъ Θеодора Іоановича и отъ Бориса Годунова.—1445—1464.

Отѣздъ Шеля.—Наказъ Царя приставу Борису Бекетову.-Донесеніе Царю отъ Псковскаго воеводы князя Кашина о проѣздѣ Шеля за рубежъ, 1464—1466.

Примѣчанія къ предисловію 1469—1500.
Къ I отд. 1500—1510.
Къ II отд. 1510.
Къ III отд. 1510.
Къ IV отд. 1513—1600.
Указатель 1513—1600.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

55 g

5703

Государственная Центральная Книжная Палата
БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО КНИГООБМЕНА.

№17

FRITZ GA
BUCHBINDE
MÜNCHE

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Pamjatniki diplomatičeskich snošenij drevej Rossii s deržavami inostrannymi Po vysočajšemu povelěnijn izdannye II-m Otděleniem Sobstvennoj E. J. V. Kanceljarii
Bd.: 1

Sanktpeterburg 1851

4 Russ. 59 r-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10691802-7